This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

Slav 475.65 (10-11)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

1 Slav 475.65
(28)
(10-11)
Bd 20
(10-11)
1901

НАБЛЮДАТЕЛЬ

NABLIUDATEL

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

съ иллюстраціями,

издаваемый подъ редакціею

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ XX. ОКТЯБРЬ. 1901 ГОДЪ.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY JUN 5 1957

СОДЕРЖАНІЕ:

СТРАН.

I. Во что бы то ни стало. (Романъ въ 2-хъ частяхъ). С. Орлицкаго 11
II. Въ отчаяніи. Стихотвореніе К. М. Фофанова 40
III. Американцы въ началѣ новаго столѣтія. В. Макъ-Гаханъ. (*Оконч.*) 41
IV. Въ Грузіи. Стихотвореніе В. Л. Величко 55
V. Милліонщикъ. (Повѣсть изъ космополитическихъ нравовъ). А. П. Плетнева. (*Оконч.*) 62
VI. Изъ забытыхъ пѣсенъ. Стихотвореніе Д. Ратгауза 83
VII. Русскій народный флагъ. В. Е. Бѣлинскаго 84
VIII. Дымъ отечества. Повѣсть Маріи Бернгардтъ. (Съ нѣмецкаго). (*Оконч*) 92
IX. Осень. Стихотвореніе А. Лопатина 110
X. По вопросу объ отношеніи правительства къ внѣшнимъ проявленіемъ религіозной жизни евреевъ. Докладъ члена комисіи по устройству быта евреевъ, 1872 года, дѣйст. стат. совѣтника В. Я. Фукса 111
XI. Призывъ. Стихотвореніе Н. Хлыстова 143
XII. Изъ записокъ сельскаго учителя. Н. И. Реморова 145
XIII. Послѣ многихъ лѣтъ. Стихотвореніе Григорія Арищенко . 184
XIV. Милосердіе. Романъ Перецъ Гальдоса. (Съ испанскаго) . . 185
XV. Радикальное средство. (Страничка изъ семейной жизни). Д. В. Ѳедорова 295

(См. на оборотѣ).

№ 10 „Наблюдателя“ вышелъ 15 октября 1901 года.

...чики, пользующіеся разсрочкою платы, приглашаются внес... ...лнительные взносы, во избѣжаніе задержки въ полученіи журна...

Современное обозрѣніе.

XVI. **Политическая хроника** . . . . . стр.

«Царскіе дни» во Франціи.—Задачи и цѣли франко-русскаго союза.—Какія выгоды извлекла Франція изъ союза съ Россіей?—Смерть президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. — Гнѣздо анархистовъ и анархическая пропаганда.—Требованіе американскаго народа объ изгнаніи изъ Америки анархистовъ.—Новый президентъ Соединенныхъ Штатовъ и его политика.—Происки Англіи и Германіи на берегахъ Персидскаго залива.—Нуженъ ли Россіи портъ въ этомъ заливѣ? — Травля и заигрываніе англійской прессы съ Россіей.—Турецкія звѣрства въ Арменіи и Албаніи.—Не пора ли положить имъ предѣлъ?—Возможная брешь въ тройственномъ союзѣ.—Во что обойдется германскій кризисъ союзницѣ - Австріи? — Изученіе русскаго языка въ Германіи. — Вражда нѣмцевъ къ русскимъ, не брезгающая средствами.

XVII. Новыя книги: 1) *Митрополитъ Антоній.* **Рѣчи, слова и поученія. Изданіе второе.** Спб., 1901 г. 2) *Алексѣй Плещеевъ.* **На чужбинѣ и дома. Повѣсти, разсказы, типы и картинки парижской жизни, статьи, письма издалека.** Спб., 1901 г. 3) *Николай Череповъ.* **Гдѣ выходъ?** Съ предисловіемъ С. Шарапова. **Изданіе второе.** Харьковъ. 3) *І. Т. Муровъ.* **Люди и нравы Дальняго Востока.** Отъ Владивостока до Хабаровска (путевой дневникъ). Томскъ, 1901 г. . . . . .

XVIII. Отголоски. (Корреспонденція «Наблюдателя»): 1) Завоеваніе жидовъ въ Донской области и 2) Еврейская каморра (месть кагала).

XIX. **Наши внутреннія дѣла** . . . . . .

Слухи о реорганизаціи городскаго самоуправленія.—Что дали обывателю гласные - домовладѣльцы? — Новый элементъ городскаго самоуправленія изъ квартиронанимателей.—Гласные въ качествѣ контрагентовъ города.—Домовладѣльческіе контракты и капризы.—Постыдное отношеніе гласныхъ-домовладѣльцевъ къ санитарнымъ нуждамъ города.—Что дѣлаютъ на Западѣ гласные въ интересахъ обывателей?—Къ вопросу о реформѣ средней школы. — Преподаваніе закона божія въ школѣ. — Чѣмъ долженъ быть законоучитель? — Толки по поводу предполагаемыхъ реформъ въ духовно - учебныхъ заведеніяхъ. — О необходимости открытія доступа семинаристамъ въ университетъ.—Отзывъ «Стараго профессора» о семинаристахъ-студентахъ университета.—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ по продовольственному вопросу.—Общественныя работы, какъ наилучшая помощь населенію пострадавшихъ отъ неурожая губерній.—Первый камень организаціи народнаго банка. — Наказанное усердіе не по разуму. — Что такое наше юдофобство.—Какъ воспитываются еврейскія дѣти?—Жидовская «геніальность» въ области гешефтмахерства и доносовъ.

XX. **Фонографъ.** (Фельетонъ «Наблюдателя»). **По бѣлу свѣту.** (Замѣтки и наблюденія). По евангелію и по шулханъ-аруху.—Звѣрства Китченера въ Южной Африкѣ и его откровенное признаніе.—Англійскіе аферисты, учиняющіе человѣческую живодерню во имя «цивилизаціи».—Имѣла ли право Англія, не сообщая другимъ державамъ, присоединять къ своимъ владѣніямъ независимую Оранжевую республику? — Что могла бы сдѣлать для настоящей цивилизаціи гаагская конференція?—Новый Робеспьеръ въ лицѣ губернскаго предводителя дворянства.—Талмудизмъ, невозбранно раскидывающій свои «сѣти» на весь міръ. — Не пора ли христіанской проповѣди вооружиться рѣшительно противъ «религіозно-политической касты»?—Нѣчто о фатальной судьбѣ газеты «Гласность».—Платоническое сочувствіе и суровая дѣйствительность.—Четверть вѣка не пропали даромъ для успѣховъ жидовской пропаганды! — Покровительствуемая фальсификація общественнаго мнѣнія.—Терроръ и подкупъ.—Ложные еврейскіе и дѣйствительные *мартирологи* русской печати.—Уничтоженный de jure, но существующій de facto жидовскій кагалъ въ Ригѣ. **Князя Тенерифскаго.**

2) **Стихотворенія: Стараго Каппала и Фланера** . . . . . .

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

№ 10. ОКТЯБРЬ.

Редакція и Главная Контора помѣщаются въ Ямской улицѣ, № д. 24—9
(близъ Владимірской церкви).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1901.

ТИПОГРАФІЯ ГЛАВНАГО УПРАВЛЕНІЯ УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

Въ главной конторѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ продаются:

1) **«Государство въ государствѣ».** (Къ исторіи еврейскаго вопроса въ Россіи и въ Западной Европѣ). Сборникъ статей **А. П. Пятковскаго.** Изд. Редакціи **«Наблюдателя».** Цѣна **1** р. **50** к., вѣс. **2** ф. Отзывы: въ «Нов. Времени», «Свѣтѣ», «Виленскомъ Вѣстникѣ», «Судебной Газетѣ», «Русскомъ Паломникѣ», «Могилевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ», «Православной Буковинѣ» (въ Австріи) и пр. Выписывающіе изъ Главной Конторы за простую пересылку не платятъ. Заказною бандеролью—1 р. **60** к.; наложеннымъ платежемъ—1 р. **70** к.

2) **«Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ»,** историко-литературныя характеристики *А. П. Пятковскаго,* съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ и писемъ къ автору: *кн. Одоевскаго,* статсъ-секретаря *барона А. Г. Жомини* и статсъ-дамы *княгини М. В. Вяземской.* Изд. 3-е, Редакціи **«Наблюдателя».** Отзывы: въ «Историческ. Вѣстникѣ», въ «Правит. Вѣстникѣ» и пр. Цѣна 1 р. **50** к., перес. за **1** ф. Выписывающіе изъ редакціи а простую пересылку не платятъ.

3) **Указатель статей, напечатанныхъ въ журналѣ за 12 лѣтъ (по фамиліямъ авторовъ) съ 1882 г. по 1894-й годъ.** Цѣна: безъ перес. **25** к.; съ перес. (заказной бандеролью) **35** коп.

4) **Двадцать одинъ годъ существованія журнала: «Народная Школа».** (Историческій очеркъ). Цѣна безъ пересылки **30** к.; съ перес. (заказною бандеролью) **40** коп.

5) Отдѣльные портреты **А. П. Пятковскаго** (на плотной бумагѣ). Цѣна за экз. безъ перес. **50** коп.; съ перес. (заказною бандеролью) **60** к.

6) Отдѣльные портреты **В. П. Безобразова, А. И. Герцена** и князя **В. Ѳ. Одоевскаго** продаются по той же цѣнѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1902 Г., НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XXI „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ XXI ГОДЪ

Выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступая въ **21-й годъ** своего существованія, журналъ будетъ издаваться въ томъ же самомъ направленіи, съ которымъ хорошо знакома наша образованная публика. «**НАБЛЮДАТЕЛЬ**», прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* [1]). Общее же направленіе нашего журнала,—насколько возможно было выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли за *прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни*—въ сторону свѣта, правды, нравственнаго развитія и

[1]) «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ), былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

экономическаго благосостоянія, съ сохраненіемъ, притомъ, коренныхъ основъ нашего національнаго быта и характера. *Безъ внимательнаго изученія этого быта, безъ любви и уваженія къ своему народу немыслимъ никакой устойчивый прогрессъ*, а возможно только легкомысленное заимствованіе изчужа неприложимыхъ къ намъ политическихъ и соціальныхъ доктринъ.

При этомъ мы отходили одинаково далеко, съ одной стороны, отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «охранительной» прессы, охраняющей едва ли не одни плоды татарскаго нашествія, а съ другой — отъ буржуазнаго «либерализма», весьма дружнаго съ еврействомъ и даже находящагося у него въ денежной кабалѣ. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно вычеркнули всякія жидовскія симпатіи, которыя сначала прокрались въ нашу прессу подъ флагомъ «религіозной терпимости» (благодаря нашему полному невѣжеству относительно *антигосударственнаго* и *антисоціальнаго* смысла талмудическаго ученія), а теперь поддерживаются въ ней—либо давленіемъ еврейскаго капитала, либо грубымъ политическимъ шантажемъ и застращиваніемъ. Свой взглядъ на исторію и современное положеніе еврейскаго вопроса въ различныхъ странахъ Европы редакція въ подробности высказала въ изданной ею книгѣ: **«Государство въ государствѣ»**.

Въ журналѣ за 1901 г. напечатаны: I) беллетристическія произведенія: 1) **Въ «чертѣ осѣдлости»**, романъ *В-ва*; 2) **«Въ далекомъ краю»**, повѣсть изъ туркестанской жизни, *Е. Безродной*; 3) **«Въ погонѣ за независимостью»** (изъ столичныхъ нравовъ). *З. Л.*; 4) **«Типы и картинки парижской жизни»**, *А. П. Плетнева*; 5) **«Безъ маски»**, разсказъ *Его же;* 6) **«На сценѣ и въ жизни»**, романъ *А. Мартынова*; 7) **«Вернулся»**! разсказъ *Н. Языкова*; 8) **«Канцелярская тайна»**, повѣсть *В. В. Уманова-Каплуновскаго*; 9) **«Сиротка Даша»** (Изъ записокъ школьнаго учителя) *Н. Реморова*; 10) **«Вольный хлѣбопашецъ»** (очеркъ изъ южно-русской жизни) *Д. В. Ѳедорова;* 11) **«Радикальное средство»** (изъ семейной хроники) *Его же*; 12) **«Въ гостяхъ у кавказскаго горца»**, разсказъ *Н.;* 13) **«Оправданіе»**, разсказъ *В. Юрова*; 14) **«Во что бы то ни стало»**, романъ *С. Орлицкаго*; 15) **«Сіамскіе близнецы»**, повѣсть *С-ва* и пр.

II) Статьи, изслѣдованія и путешествія: 1) **«Идеалисти-**

ческія теоріи искусства и отношеніе ихъ къ творческой практикѣ», *А. Миронова;* 2) «Голосъ жизни о крестьянскомъ неустройствѣ». (По вопросу объ упорядоченіи сельскихъ судовъ), *В. Ш.;* 3) «Во французской колоніи» (изъ путевыхъ замѣтокъ о Сайгонѣ) *П. Алексѣева;* 4) «Якутскъ и его окрестности», *Его же;* 5) «Константинополь», *Его же;* 6) «Трансвааль на Кавказѣ», *А. П. Липранди;* 7) «Въ нефтяной Калифорніи», *Его же;* 8) «Девятнадцатый вѣкъ» (культурно-историческій очеркъ) *Н. Н. Овсянникова;* 9) «Борьба русскаго правительства съ кабакомъ», *Д. П. Райскаго;* 10) «Централизмъ въ современной Франціи и борьба противъ него», *Ц.;* 11) «Наблюденія надъ жизнью казанскихъ татаръ», *Салимъ-Гирея-Султанова;* 12) «Наша политическая задача», *А.;* 13) «Американцы въ началѣ новаго столѣтія», *В. Макъ-Гахана;* 14) «Сибирскіе сектанты». (Этнографическій очеркъ), *М. В.;* 15) «Скитальцы-горемыки». (Изъ воспоминаній о холерномъ годѣ на югѣ), *А.;* 16) «Кабакъ или школа» (мысли стараго школьнаго учителя), *Н. И. Реморова;* 17) «Наполеонъ I въ характеристикѣ англичанина», *А. А. Полотебновой;* 18) «Вольныя работы солдатъ», *И. Б-ева;* 19) «Поѣздка на кумысъ», (путевые наброски) *К. Г.;* 20) «Темныя стороны нашей сѣверной деревни», *В. Скворцова;* 21) «В. А. Манасеинъ», *А. П. Пятковскаго;* 22) «Нелегальная семья» (воспоминанія) *И.;* 23) «По вопросу о мѣстожительствѣ евреевъ», *В. В. Григорьева* и пр.

III) Переводные романы: 1) «Труженикъ», романъ *Поля Бурже* (съ франц.); 2) «У порога счастія», романъ *Беатрисы Гарраденъ* (съ англ.). 3) «Немезида», новелла *Анны Рихтеръ* (съ нѣм.); 4) «Жена фабриканта», повѣсть *П. Моравскаго* (съ чешскаго); 5) «Провинціальный уголокъ», романъ *Анри Гревиля* (съ франц.); 6) «На каторгѣ», повѣсть *Матильды Серао* (съ итал.); 7) «Дитя природы», повѣсть *Уидд* (съ англ.).

IV) Стихотворенія: *Л. Н. Афанасьева, Г. Г. Арищенки, А. Гангелина, П. В. Быкова, В. Л. Величко, А. А. Коринфскаго, А. В. Круглова, А. Лопатина, А. Мельникова, А. Ф. Мейснера, Т. Н. Трефолева, К. М. Фофанова, Н. Хлыстова, В. В. Уманова-Каплуновскаго* и др. Въ «Фонографѣ» печатались юмористическіе стихи: *Невскаго Жителя, Хмураго Барда, Ицки Соломонова, Стараго Капрала* и др.

V) **Провинціальная жизнь.** Подъ этимъ заглавіемъ печатался рядъ статей, посвященныхъ обозрѣнію любопытнѣйшихъ событій нашей внутренней жизни, на основаніи газетнаго матеріала и собственныхъ корреспонденцій. Въ дополненіе къ этому обзору, въ каждой книгѣ журнала печатались сообщенія разныхъ корреспондентовъ подъ рубрикой: «Отголоски».

Въ текстѣ журнала за 1901 г. помѣщены портреты: *И. С. Никитина, В. А. Манасеина, К. П. Яновскаго, Г. Д. Романовскаго* и *Н. Н. Блинова.*

Отдѣльные портреты *В. П. Безобразова, А. И. Герцена, кн. В. Ѳ. Одоевскаго* и *А. П. Пятковскаго* продаются въ Гл. Конторѣ по 50 к. экз., съ перес. 60 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ другія мѣста Россіи.	12 руб.	6 руб.	3 руб.
» пересылкою за границу.	14 »	7 »	4 »

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра журнала (гербовый сборъ не включается въ уступку). *При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается.* Гг. служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка съ разсрочкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **С.-Петербургѣ** — *въ Главной Конторѣ Редакціи* (Ямская ул., № д. 24/9), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 40), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ **Москвѣ**—въ конторѣ Печковской (Петровскія линіи) и въ отдѣленіи конторы «Нов. Времени»; въ **Одессѣ**—въ книжн. магазинахъ Распопова и «Нов. Времени»; въ **Кіевѣ** — въ книжн. магазинахъ Оглоблина, Литова и Идзиковскаго; въ **Харьковѣ и Саратовѣ**—въ книжн. магазинахъ «Нов. Времени»; въ **Казани**—въ книжн. магазинѣ Дубровиной. *Редакція отвѣчаетъ только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала.*

Адресъ для писемъ и телеграммъ: **Петербургъ, Редакція «Наблюдателя». Телефонъ № 2237.**

Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

Ежедневная литературно-политическая газета.

„ГЛАСНОСТЬ“

Программа «ГЛАСНОСТИ» обнимаетъ собой нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Политика внутренняя. Передовыя статьи по вопросамъ общественной жизни, городскаго, земскаго и сельскаго самоуправленія. Дѣятельность частныхъ обществъ. 3) Отдѣлы: литературно-художественный (беллетристика во всѣхъ ея видахъ), критическій, научный (по всѣмъ отраслямъ знанія), судебно-юридическій (съ печатаніемъ процессовъ и обсужденіемъ судебныхъ рѣшеній), военный, церковный, торгово-промышленный, финансовый, экономическій, сельско-хозяйственный, театральный; обозрѣніе искусствъ. 4) Политика внѣшняя. Передовыя статьи. Телеграммы внѣшнія, доставляемыя агентствами, и свои собственныя. 5) Хроника внутренней и заграничной жизни. Событія дня. Русскія и иностранныя корреспонденціи. Внутреннія телеграммы. Письма въ редакцію и сторонніе сообщенія. 6) Фельетоны изъ общественной и литературной жизни. Дневникъ печати и библіографія. 7) Биржа. Курсовая таблица. 8) Смѣсь. Разныя извѣстія. Справочныя свѣдѣнія. 9) Иллюстраціи. 10) Объявленія.

Кромѣ текущихъ извѣстій и передовыхъ статей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики и нашей внутренней жизни, въ газетѣ, въ 1897 и 1898 г.г., печатались постоянно: «Парижскія письма», «Съ береговъ Темзы», «Петербургскіе наброски», «Московскія замѣтки», «Вопросы дня», «Замѣтки кстати», «Отголоски» и пр. Отдѣламъ: «Дневникъ печати» и «Наши внутреннія дѣла» придано было особенное развитіе, такъ что они представляли полный обзоръ всѣхъ выдающихся мнѣній прессы и всѣхъ крупнѣйшихъ событій провинціальной жизни. Въ текстѣ были помѣщены портреты: бывшаго военнаго министра гр. *Д. А. Милютина*, бывшаго министра нар.

просвѣщенія гр. *И. Д. Делянова*, ст.-секретаря *И. Н. Дурново*, и бывшаго редактора «Новороссійскаго Телеграфа» *М. П. Озмидова*.

Пріостанавливая нашу газету въ 1897 г., мы говорили:

«Считаемъ необходимымъ выяснить мотивы этой пріостановки. Отъ первыхъ и до послѣднихъ дней изданія «Гласности», редакція не переставала получать сочувственныя заявленія относительно симпатичнаго всѣмъ русскимъ людямъ направленія газеты; ее привѣтствовали за *смѣлую борьбу* противъ преобладанія у насъ въ жизни инородческаго—преимущественно іудейскаго—элемента, называя эту борьбу даже «гражданскимъ подвигомъ»; за отстаиванье національно-прогрессивныхъ тенденцій въ соціальной и политической сферахъ. Но въ то же самое время выяснилось, что *цѣна изданія высока*, что людей, могущихъ платить за симпатичную имъ газету по 14 р. въ годъ,—немного; что другіе издатели, понизивъ цѣну за свои—тоже ежедневныя—изданія (юдофильскаго характера) до 8 и даже до 4 р. въ годъ, дѣлаютъ немыслимой борьбу съ ними»... («Гласность» 1897 г., № 87).

Въ то же время, разсчитывая на скорое удовлетвореніе нашего ходатайства,—казалось бы, вполнѣ удоборазрѣшимаго,—мы выражали и такую надежду:

«По полученіи соотвѣтствующаго разрѣшенія, наши теперешніе читатели, наши союзники и единомышленники; наконецъ, всѣ русскіе люди, которымъ дорого *національно-прогрессивное* направленіе въ русской жизни,—одинаково чуждое и либеральнаго космополитизма на юдофильской подкладкѣ, и дикаго ретроградства, именующаго себя «консерватизмомъ»,—поддержатъ наше будущее видоизмѣненное изданіе «Гласности». Оставаясь вѣрными своимъ, разъ заявленнымъ принципамъ, относясь съ искреннимъ уваженіемъ къ вѣковымъ устоямъ народной жизни и не утративъ притомъ ни одного изъ тѣхъ солидныхъ качествъ, за которыя мы получали признательныя заявленія нашихъ читателей, — мы надѣемся, что дешевое изданіе «Гласности», если намъ удастся его осуществить, сдѣлается *общедоступнымъ*:—какъ и подобаетъ «гласности», оно должно проникать повсюду, чего теперь, при высокой цѣнѣ изданія, достигнуть было невозможно».

Но ходатайство наше о сбавкѣ подписной цѣны въ первый годъ не получило никакого удовлетворенія и только на *второй годъ* изданія газеты (въ 1898 г.) удовлетворено лишь *отчасти*, подъ тѣмъ предлогомъ, что просимая нами сбавка, въ полномъ ея размѣрѣ, должна будто бы вести за собою и сокращеніе программы газеты, хотя цензурный уставъ вовсе не требуетъ этого и такая же точно цѣна не влекла за собою изъятія нѣкоторыхъ отдѣловъ программы въ другихъ изданіяхъ...

Касаясь всѣхъ этихъ злосчастныхъ судебъ нашей газеты, «Наблюдатель» говорилъ уже въ свое время:

«Гласность», покусившаяся устроить диссонансъ въ этомъ стройномъ жидовскомъ хорѣ, немедленно подверглась на цѣлый мѣсяцъ запрещенію розничной продажи [1]), а эта мѣра для новаго изданія,—

[1]) Въ первый разъ это запрещеніе послѣдовало, якобы, за передовую статью, въ которой предлагалось сдѣлать критикамъ генералъ-губернаторомъ

окруженнаго притомъ ненавистью кагала и нагло «бойкотируемаго» со всѣхъ сторонъ, — равнялась если не убійству, то, по крайней мѣрѣ, серьезному «членовредительству». Въ то время какъ «прокаженные» листки свободно расходились въ Петербургѣ на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ, наполняя кассу «Всемірнаго израильскаго союза» и сотрясая воздухъ гнусными ликованіями надъ изувѣченіемъ русскихъ солдатъ,—редакція «Гласности» должна была нести одинъ нравственныя пытки и крупныя матеріальныя потери, тѣмъ болѣе, что эта мѣра противъ нея оказывалась излюбленною и практиковалась *три* раза въ теченіе *семи* мѣсяцевъ изданія газеты!! Однимъ словомъ, *газета тщательно изолировалась отъ публики*, уже привыкшей въ Петербургѣ знакомиться съ новыми неокрѣпшими изданіями по розничной покупкѣ,—и ее приходилось выпускать, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, для однихъ только подписчиковъ. Съ сокращеніемъ же ежедневнаго тиража газеты, не могло явиться и много платныхъ публикацій, составляющихъ значительный источникъ дохода при непрерывномъ и правильномъ развитіи этого дѣла. Еслибы «Гласность» защищала еврейскія притязанія на какую-то безшабашную гегемонію въ русскомъ царствѣ, то, конечно, ея матеріальные убытки были бы охотно покрыты щедрыми жертвователями или, по крайней мѣрѣ, ей были бы предоставлены самыя легкія условія кредита, - подъ векселя съ «благонадежными надписателями», — какъ это практикуется для всѣхъ изданій, пользующихся покровительствомъ кагала. Но мы говорили уже въ «Наблюдателѣ» (№ I, 1899 г.), какимъ *змѣинымъ кольцомъ* окружена была «Гласность», когда ей приходилось пользоваться кредитомъ даже въ тѣхъ банкахъ, гдѣ на текущемъ счету и «онколѣ» перебывали сотни тысячъ нашихъ вкладовъ... Даже высокая подписная цѣна (14 руб.) была *навязана* «Гласности» помимо ея желанія, такъ какъ въ ея планы вовсе не входила конкурренція съ дорогими и прочно установившимися газетами, а имѣлось въ виду лишь дополнить «Наблюдатель» ежедневной неутомительной бесѣдой съ читателями по всѣмъ выдающимся вопросамъ текущей политики и нашей общественной жизни. Съ великимъ трудомъ удалось редакціи выхлопотать сбавку подписной цѣны до 10 р. (и то уже на второй годъ), а дальнѣйшее пониженіе встрѣтило неодолимыя препятствія,—какъ будто распространеніе идей «Наблюдателя» на газетныхъ листахъ могло вредить кому нибудь, кромѣ жидовской клики! Попавъ въ эти двухсторонніе тиски, лишенный возможности бороться съ врагами *равнымъ оружіемъ*, редакторъ-издатель «Гласности» вынужденъ былъ,—что́ и предсказывали ему жиды въ подметныхъ письмахъ,—свернуть, до перемѣны обстоятельствъ, свое знамя и уступить мѣсто кагальнымъ рептиліямъ, на сторонѣ которыхъ временно очутились неожиданные союзники... Любо-

---

чеческаго королевича,—что́ въ скоромъ времени и осуществилось на дѣлѣ. Въ послѣдній разъ, запрещеніе мотивировалось статьею о минскихъ жидахъ,—вышлихъ военный патруль, — гдѣ доказывалось, что поводомъ къ избіенію служила *племенная и религіозная вражда* евреевъ къ христіанамъ-русскимъ. Существованіе этого повода, въ другомъ однородномъ случаѣ (въ Шклов), признано и уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ сената.

пытно, что въ то время какъ «Гласность» подвергалась всяческимъ преслѣдованіямъ, доводившимъ ее до двукратной *вынужденной* пріостановки, не смотря на увеличивавшееся число подписчиковъ [1]), «Наблюдатель» стоялъ внѣ всякихъ нареканій со стороны надзирающихъ властей,— а вѣдь «Гласность» и въ редакціонномъ отношеніи, и по составу сотрудниковъ составляла только филіальное отдѣленіе того же «Наблюдателя». Но наша газета, имѣвшая возможность дѣйствовать на *тотъ именно слой публики, который находился всецѣло подъ гипнотизирующимъ вліяніемъ жидовской прессы*, возбуждала особенную, жгучую ненависть кагала, а ея пріостановки встрѣчались съ величайшею радостью въ этомъ почтенномъ сонмищѣ,—радостью, прорывавшейся и въ печати, не взирая на строго соблюдаемый обѣтъ «замалчиванія». Наглость жидовъ простиралась до того, что они громили редакцію чуть не ежедневными подметными письмами (одно изъ нихъ, за подписью: «члены Новаго Израиля», было напечатано цѣликомъ въ № 4 «Гласности» за 1898 г.), гдѣ намъ угрожали и разореніемъ редакціи, и вынужденной забастовкой всего дѣла»... («Наблюд.» № 11, 1899 г.).

Только въ концѣ прошлаго года ходатайство редакціи уважено *вполнѣ* новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и подписная цѣна на газету назначена въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ перес. иногороднымъ. . .	7 р. — к.	4 р. — к.	2 р. 50 к.	1 р. — к.
Съ пересылкою за границу. . .	15 » — »	8 » — »	4 » — »	2 » — »

Возобновленіе газеты отложено впредь до особаго объявленія. Право на ея изданіе продолжено. Подписчики удовлетворены: 1) или высылкою журнала «Наблюдатель»; или 2) другою газетою соотвѣтственной цѣны; или 3) возвращеніемъ подписной суммы изъ Главной Конторы.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

---

[1]) Въ первый годъ, число подписчиковъ на газету не успѣло превысить 2000, но во второй уже годъ, со сбавкою цѣны, тиражъ ея превышалъ, вмѣстѣ съ розничною продажею, 6000 экз.

ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО.

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

VII.

На утро Залѣсовъ проснулся поздно. Голова у него болѣла. Во рту было скверно. Онъ вспомнилъ вчерашнюю оргію и поморщился. Зачѣмъ вздумалось ему платить по трактирному счету за этого Кабакевича? Развѣ нельзя было отказаться за неимѣніемъ денегъ? Все этотъ Сахнинъ! Пріятелемъ называется—а подвелъ.

«А, впрочемъ, онъ имѣлъ въ виду сблизить меня съ Кабакевичемъ—первою скрипкою въ газетѣ», утѣшалъ себя Залѣсовъ. «Черезъ него я войду въ редакцію. И—чѣмъ чортъ не шутитъ—тысячи буду получать. Нашему толстомясому губернатору еще какъ насолю»...

Заглянувъ въ бумажникъ, Залѣсовъ нашелъ въ немъ только сто съ небольшимъ рублей отъ своего пятисотеннаго запаса.

«Чортъ»! обозлился онъ и выругалъ за что-то ни въ чемъ неповиннаго слугу. Сахнинъ обѣщалъ поутру зайти — и не пришелъ.

Чай былъ холодный и отдавалъ вѣникомъ, булки черствыя; въ окна глядѣлъ угрюмый сѣрый день. Скверно было на сердцѣ Владиміра Ивановича. Конечно, онъ еще питалъ надежду, что его триста рублей Кабакевичъ вернетъ, но... но лучше было не бросать этихъ денегъ зря?

Съ досадою выбросилъ онъ изъ кармана всѣ листки статей, написанныхъ имъ въ провинціи. Здѣсь, насколько онъ присмотрѣлся къ петербургской жизни, статьи эти пригодиться не могли.

«Совсѣмъ иначе писать надо»! думалъ Залѣсовъ, угрюмо глядя въ окно, сплошь замерзшее. Вдругъ онъ вздрогнулъ. Въ коридорѣ послышался женскій голосъ, какъ будто очень ему знакомый.

«Она! ей богу она говоритъ! Да не можетъ быть. Она въ Москвѣ. Это я навѣрное отъ ея отца узналъ. Но какъ ей попасть въ Петербургъ»?

Хотя и полный сомнѣнія, Залѣсовъ, однако, спѣшно отворилъ дверь и выглянулъ: по коридору шла толстая барыня лѣтъ тридцати и на ходу жевала колбасу.

«Не она».—А кто тутъ сейчасъ говорилъ?—спросилъ онъ у слуги.

— Нѣмецъ, что̀ на скрипкѣ въ театрѣ играетъ, ругался за сапоги.

— Женскій голосъ я слышалъ, дубина ты!

— Что вы, господинъ, все лаетесь. Такъ въ Питерѣ не полагается. Можетъ, и женщина какая говорила. Почемъ мнѣ знать?

Коридорный скрылся, а Залѣсовъ одѣлся и ушелъ со двора, направляясь въ редакцію «Часомъ съ квасомъ». На ходу онъ окончательно рѣшилъ, что ему просто померещилось: Настасья Черноземова не могла очутиться въ Петербургѣ и онъ не могъ слышать въ коридорѣ ея голоса.

«А какъ бы хорошо было, еслибы она была около меня», пришло ему въ голову—и онъ вздохнулъ: Одинокій, преслѣдуемый неудачами въ этомъ суровомъ Петербургѣ, Залѣсовъ начиналъ терять присутствіе духа. Въ редакціи газеты онъ никого изъ знакомыхъ не нашелъ. Оборотневъ укатилъ въ Баку, Сахнинъ совсѣмъ не являлся. Удальцовъ,—съ курчавой волосатой головой и характерной жидовской физіономіей,—получалъ деньги изъ кассы, но Залѣсовъ съ нимъ не былъ знакомъ и вообще этотъ господинъ, отъ котораго даже пахло чѣмъ-то противнымъ, не возбуждалъ въ немъ доброжелательства.

— Марѳа Васильевна!—обратился Залѣсовъ къ кассиршѣ.—Былъ сегодня въ конторѣ Абрамъ Никитичъ?

— Это вы Кабакевича спрашиваете? Нѣтъ, не былъ,—отвѣтила та. Залѣсову хотѣлось спросить: когда Кабакевичъ пріѣдетъ за деньгами, но спрашивать про это ему показалось

неудобнымъ. Онъ вертѣлъ шапку и не зналъ: уходить ему или ждать. Въ головѣ мелькали разныя мысли:

«О, дуракъ я! зачѣмъ послѣднія деньги вчера по ихъ кабацкому счету ухлопалъ. Какъ я ихъ теперь добуду? И добуду ли еще»!

Кассирша посмотрѣла на него и усмѣхнулась.

«Знаетъ, шельма, знаетъ про мою глупость», со злостью подумалъ Залѣсовъ и спросилъ у кассирши адресы Кабакевича и Сахнина.

— А на что вамъ ихъ адреса? Все равно: вы ихъ теперь ужь дома не застанете.

— А вечеромъ?

— Вечерами они дома никогда не сидятъ. Поѣзжайте лучше опять на Крестовскій или въ иной кафе-кабакъ,—скорѣе застанете гдѣ нибудь тамъ.

— А вы знаете, что я вчера съ ними былъ на Крестовскомъ.

Кассирша вторично улыбнулась.

— И знаете, зачѣмъ мнѣ нуженъ Кабакевичъ? Скажите, пожалуйста,—я человѣкъ пріѣзжій, небогатый,—могу я отъ него сегодня получить мои триста рублей? Онъ вчера перехватилъ у меня?

На лицѣ Маремы Васильевны выразилось раздумье.

— Не знаю... Какъ вамъ сказать? Заплатить-то онъ навѣрно вамъ заплатитъ. Надо только застать Абрама Никитича при деньгахъ, а это мудрено... Попытайтесь, впрочемъ.

— Но вѣдь ему слѣдуетъ сегодня получить по чеку?

— Курицынъ давно уже свезъ ему деньги...

Поздно вечеромъ, часу въ десятомъ, вернулся Залѣсовъ въ свой нумеръ, обрыскавъ всѣ петербургскіе кабаки — и понапрасну: ни Кабакевича, ни Сахнина онъ нигдѣ не захватилъ. Въ Акваріумѣ они были и уѣхали. На Крестовскомъ ему отвѣтилъ швейцаръ:

— Сегодня не пожаловали еще, да врядъ ли и будутъ. Д ѣ ночи въ одномъ ресторанѣ не проводятъ-съ никогда.

У Палкина, въ Маломъ Ярославцѣ, у Пивато — нигдѣ не о лалось знаменитаго Кабакевича и его свиты. Уже стемнѣло, к гда Владиміру Ивановичу попался на улицѣ писатель Курицынъ.

— Не знаю, ей богу же, не знаю, куда дѣвался Абрамъ Никитичъ,—забожился тотъ.—Да вы это, господинъ Залѣсовъ, заботитесь о вашихъ трехстахъ рубляхъ, заплаченныхъ по счету?

— Да, признаюсь, эти деньги меня заботятъ. Я здѣсь пріѣзжій и богатствомъ не обладаю.

— А вы не очень приставайте съ требованіемъ вашего долга. Кабакевичъ этого не любитъ, — посовѣтовалъ Курицынъ. — Подождите: онъ самъ вспомнитъ и отдастъ, а то— поссоритесь. Вы же хотите у насъ работать. Какъ же вамъ ссориться съ нимъ?

Вернувшись домой, Залѣсовъ бѣгалъ по своему нумеру, какъ левъ по клѣткѣ. Онъ ругалъ себя, ругалъ Сахнина и сѣлъ уже писать письмо къ Кабакевичу, чтобы безъ всякой церемоніи потребовать своихъ денегъ. Кто-то постучалъ осторожно пальцами въ дверь.

Вошла со скромнымъ видомъ швейцарова Машутка, принесла двѣ вымытыя крахмальныя рубашки и еще какое-то бѣлье. Она была такая хорошенькая, чистенькая, и, мило улыбаясь, не торопилась уходить. Залѣсовъ положилъ перо, отдумавъ писать письмо, и заговорилъ съ Машуткою. Переговоры окончились тѣмъ, что скромная дѣвица, чтобы «ближе познакомиться», уговорилась съ Владиміромъ Ивановичемъ ѣхать въ Самаркандъ, гдѣ, по ея словамъ, всѣ хорошіе господа бываютъ. На вопросъ: знаетъ ли она Кабакевича? Машутка отвѣтила:

— Это Абрама-то Никитича? Вотъ еще... Ну, какъ его не знать? По всей столицѣ баринъ извѣстный. Въ Самаркандѣ этомъ я много разъ ихъ видала.

— А зачѣмъ вы въ Самарканды разные ѣздите, Машенька?—спрашивалъ шутливо Залѣсовъ, усаживая ее на лихача на углу улицы, куда вышла осторожная дѣвушка, чтобы строгій папенька не узналъ о поѣздкѣ.

Машутка вздохнула. Черезъ минуту она посмотрѣла значительно въ глаза своему спутнику и сама задала вопросъ:

— А зачѣмъ вы насъ, бѣдныхъ дѣвушекъ, смущаете и возите по этимъ самымъ Самаркандамъ и Крестовскимъ? То-то! Насъ что винить? Люди мы темные, бѣдные. Вотъ у батюшки насъ сколько! Башмаки мнѣ нужны, платье нужно. А онъ говоритъ: гдѣ хочешь бери. Какъ въ первый разъ жилецъ изъ

нумеровъ, московскій купецъ Сиговъ, повезъ меня гулять,— всю дорогу я проплакала.

— А теперь не плачете больше?

Отвѣта не послѣдовало.

Дорогою Машутка объяснила Залѣсову, что въ Самаркандѣ они непремѣнно найдутъ Кабакевича. Ужь больше ему некуда дѣваться, если его нѣтъ ни на Крестовскомъ, ни въ другихъ мѣстахъ.

— А очинно хорошій господинъ Абрамъ Никитичъ и я съ нимъ давно знакома,—объясняла Машутка. — Только больно привередливъ и на выдумки разныя охочъ. Раздѣнется, бывало, въ нумерѣ самъ до рубашки и дамъ, что̀ съ нимъ бываютъ, тоже раздѣнетъ да такъ и гуляетъ... Напьется инда, такъ что лыка не вяжетъ; да сейчасъ же велитъ подать чернилъ, бумаги и начнетъ что-то строчить. Такъ шибко пишетъ, что не всякому трезвому уписать. А на другой день прочитаешь— животики надорвешь; все смѣшно и по благородному выходитъ. Большой у нихъ талантъ-съ...

Но и въ Самаркандѣ Залѣсовъ не засталъ Кабакевича.

VIII.

Прошло три мѣсяца. Дѣла Залѣсова не только не наладились, но совсѣмъ пошли плохо. Деньги у него давно всѣ вышли и вышли самымъ глупѣйшимъ образомъ: послѣднія повытаскала швейцарова Машутка, отъ которой онъ никакъ не могъ отвязаться послѣ поѣздки въ Самаркандъ. Но когда для развязной дѣвицы стало несомнѣннымъ, что у «ейнаго» Владиміра Ивановича денегъ въ бумажникѣ больше нѣтъ, она ему измѣнила и насмѣялась въ глаза. Часы, цѣпочку, кольца—все это онъ снесъ въ ломбардъ и полученные гроши также прожилъ. Но не въ этомъ было главное горе. Томимый безденьжьемъ, Залѣсовъ какъ-то спросилъ свои триста рублей у Кабакевича, когда тотъ получалъ что-то много у кассирши— больше двухъ тысячъ.

«Геній Геніевичъ Геніевъ», какъ величали его въ редакціи, и же освирѣпѣлъ.

— Ишь что̀ выдумалъ? Какія такія деньги я тебѣ дол-

женъ? — завопилъ онъ, переходя на грубое *ты* и упершись глазами въ дерзкаго «попрошайку».

— Тѣ, которыя я заплатилъ за васъ на Крестовскомъ по трактирному счету.

— Не помню что-то! Случалось, платилъ я; можетъ быть, и ты когда заплатилъ. Мнѣ-то какое дѣло?

— Это было тогда, какъ вы еще съ моихъ словъ и по моимъ даннымъ написали вашу статью о нефтяномъ пожарѣ,— съ отчаяніемъ въ душѣ, но твердо стоялъ на своемъ Залѣсовъ.

Кабакевичъ отступилъ на шагъ и расхохотался.

— Какую вѣдь штуку надумалъ! Я писалъ фельетонъ по его даннымъ... чуть не съ его словъ. Недурно... Господа, послушайте...

Бывшіе въ редакціи Сахнинъ, Курицынъ и еще два мелкотравчатыхъ репортера окружили Кабакевича и смущеннаго Залѣсова.

— Мы вмѣстѣ пили. Онъ, кажись, вздумалъ платить, хорошенько не упомню. Заплатилъ тамъ какихъ-то пятьдесятъ рублей, не больше, а теперь требуетъ съ меня триста. А? Какъ это вамъ понравится? Да вѣдь такъ наживать и Удальцовъ не ухитрится.

Вся компанія отвернулась отъ Владиміра Ивановича въ благородномъ негодованіи и ушла. Смиренный Курицынъ вернулся, однако, спустя минуту, и дружелюбно шепнулъ:

— Вѣдь я же вамъ говорилъ, голубчикъ, чтобы вы ему о деньгахъ не напоминали. Онъ этого не любитъ. Вспомнилъ— самъ бы отдалъ, а теперь ни одна ваша статья у насъ не пройдетъ. Оборотневъ по его дудкѣ пляшетъ.

Ни одна статья Залѣсова, дѣйствительно, «не прошла», а редакторъ, вернувшійся изъ Баку, просто таки пересталъ его принимать.

Съ горя, и чтобы прокормиться, Залѣсовъ написалъ два разсказа для уличнаго листка «Столичная сплетница», получилъ рублей тридцать, а затѣмъ его писанія перестали печатать: они не касались «злобы дня» и подъ программу газетки не подходили. Заглянулъ онъ два раза въ редакцію «народническаго» журнала за справкой объ участи своей капитальной статьи. Въ первый разъ ему отвѣтили, что статья еще не про-

читана. А во второй разъ вернули рукопись съ лаконическимъ отвѣтомъ: «неудобна». Редакторъ, по всей видимости, и не заглядывалъ въ нее. Она не годилась для «народниковъ», это сознавалъ и самъ авторъ статьи, такъ какъ, по своимъ воззрѣніямъ, допускалъ нѣкоторые компромиссы съ ученіемъ неомарксистовъ. Но когда Залѣсовъ отнесъ статью въ журналъ марксистскаго толка, тамъ ее всю размѣтили краснымъ карандашемъ и возвратили, тонко замѣтивъ, что онъ со своимъ трудомъ «не туда попалъ».

Въ одномъ изданіи вся редакція оказалась сплошь состоящею изъ жидовъ, а самъ издатель, хотя и не былъ жидъ, но выказывалъ себя такимъ свирѣпымъ антинародникомъ, космополитомъ и юдофиломъ, что, поговоривъ съ нимъ полчаса, Владиміръ Ивановичъ больше и не рѣшался уже повторять своего визита.

Какъ ни былъ онъ слабъ въ принципахъ и шатокъ въ своихъ убѣжденіяхъ, но не могъ же проповѣдывать, что черта еврейской осѣдлости—вредна; что повсемѣстное разселеніе жидовъ—благо для русскаго народа; не могъ онъ точно также стать на точку зрѣнія, что никакой особой Россіи не должно быть; нѣтъ ни нашего прошлаго, ни нашей народной личности; всякая національность—«сумбуръ», устарѣлая ветошь, и государство — «зло», отъ котораго дальнѣйшее усовершенствованіе культуры несомнѣнно освободитъ насъ...

Принципы Кабакевича и Оборотнева съ К° показались Залѣсову самыми невинными, сравнительно съ тѣмъ, что подъ рукой проповѣдывали эти юдофилы въ своемъ изданіи.

Петербургъ — дорогой городъ. Въ погонѣ за работой недѣля быстро уходила за недѣлей. Надо было чѣмъ нибудь жить. Залѣсовъ заложилъ шубу, теплое пальто, фрачную пару, почти всѣ рубашки и бѣлье, питался въ самыхъ дрянныхъ закусочныхъ—но все же оставался должнымъ хозяйкѣ за нумеръ, и ему категорически было объявлено, чтобы онъ съѣзжалъ. Бѣгая по Петербургу въ легкомъ осеннемъ пальто, Залѣсовъ вернулся какъ-то разъ уже поздно ночью и не по парадной, а по черной лѣстницѣ, чтобы избѣжать грубости швейцара. Онъ весь продрогъ, что называется, до костей. Петербургскій мартъ — опасный мѣсяцъ. Голова у него болѣла. И когда онъ повалился на кровать, у него не хватило силы

даже раздѣться. Точно огонь охватилъ все его тѣло, а зубы выбивали дробь.

«Эдакъ я еще тифъ схвачу», съ трудомъ соображалъ онъ, стараясь закутаться поплотнѣе въ одѣяло. «Вотъ только бы напиться горячаго чаю, все бы сейчасъ и прошло. Но самовара мнѣ не подадутъ... поздно. И утромъ неохотно ужь подавали. Сахару и чаю тоже нѣтъ. Кажется, остался рубль въ портъмонэ... Нѣтъ, я его размѣнялъ, осталась одна мелочь... Какъ же я буду жить»?

IX.

Прошло съ часъ времени. Онъ согрѣлся немного, но заснуть все таки не могъ. Не рядъ мыслей, а цѣлые ряды горячечныхъ видѣній быстро, какъ облака, гонимыя бурей, мелькали въ его мозгу. Вотъ ему кажется, что онъ въ своей усадьбѣ, въ большой залѣ, и окруженъ кланяющимися старшинами и писарями; что-то онъ имъ говоритъ, приказываетъ. Въ толпѣ виднѣется худощавая физіономія Парамона и не такая суровая и озлобленная, какъ онъ видѣлъ при послѣднемъ свиданіи, а привѣтливая и улыбающаяся.

— А какъ здоровье вашей Насти? — спрашиваетъ Залѣсовъ и слышитъ въ отвѣтъ:

— Ничего, Владиміръ Ивановичъ, здорова. Ваши книжки все читаетъ. Когда предполагаете пріѣхать къ намъ? Дѣвочка поручила вамъ кланяться.

Видѣнье на этомъ обрывается. Стѣны залы валятся, какъ театральная декорація. Холодный, пустой мракъ сыраго нумера смѣняетъ уютный деревенскій покой и заволакиваетъ лица знакомыхъ людей. Залѣсовъ съ трудомъ открываетъ отяжелѣвшія вѣки, старается вспомнить, гдѣ онъ, и подымается на постели. Въ вискахъ стучитъ и голова точно разламывается.

«Если я буду все лежать, то заболѣю непремѣнно» — думаетъ онъ и старается привстать.

Мракъ въ комнатѣ начинаетъ рѣдѣть. «Утро, значитъ, наступаетъ», радостно думаетъ больной. Но нѣтъ! Это не утро... Бѣлый, мутный туманъ въ комнатѣ раздвигается, какъ занавѣсъ. На него смотрятъ чьи-то большіе черные глаза. Хорошіе такіе

ласковые, и смотрятъ любовно. Давно, давно никто на него такъ не смотрѣлъ...

Да это же она! она—Настя. Какъ она сюда попала? Гдѣ же, наконецъ, онъ самъ? Куда дѣвался нумеръ постылыхъ шамбръгарни? Низкая большая комната, жарко натопленная печь въ углу. Такъ и пышетъ отъ нея. Онъ такъ радъ этому теплу. Наконецъ-то онъ согрѣется. У окна столикъ, накрытый бѣлою салфеткою, самоваръ, и Настя наливаетъ ему чай въ его любимый большой стаканъ,—чай крѣпкій-прекрѣпкій, какой онъ любилъ.

Залѣсовъ знаетъ, что Настя никому не даетъ пить изъ этого стакана. Онъ радостно узнаётъ обстановку: это волостное правленіе; квартира Черноземовыхъ. Завтра онъ будетъ здѣсь ревизовать, усчитывать и судить, а сегодня, за чаемъ, у него начнутся бесѣды съ умною милою дѣвушкою, и все о матерьяхъ важныхъ. Много у него хорошихъ мыслей и чувствъ. Настя станетъ его слушать, довѣрчиво, сердечно глядѣть въ его лицо. Онъ, увлекшись, пожметъ маленькую горячую руку. Большаго не позволитъ себѣ, да и она не допуститъ. Какъ все это хорошо!..

Видѣнье опять обрывается. Онъ чувствуетъ боль... Ахъ, да это онъ свалился съ кровати и ушибся головою объ острый уголъ стола. Боль привела его въ сознаніе. Какъ ему жалко улетѣвшихъ хорошихъ грезъ! Онъ напрягаетъ волю и, ежеминутно теряя сознаніе, силится встать. Но отъ слабости это ему не удается онъ только приподнимается; дрожащими руками нащупываетъ кнопку въ стѣнѣ и звонитъ долго, усиленно.

Если не дозовется кого нибудь, онъ погибъ. Страхъ необъяснимый, безпричинный поднимаетъ дыбомъ волосы на головѣ несчастливца. И онъ снова надавливаетъ кнопку. Пальцы его скользятъ. Новыя видѣнья одолѣваютъ умъ: что-то страшное, кровавое мерещется; какія-то мутныя волны готовы поглотить его. Но онъ усиливается не потерять сознанія, нащупываетъ кнопку звонка и снова начинаетъ звонить...

Въ ушахъ какой-то гулъ. Тысячи дикихъ голосовъ гдѣ-то кричатъ, но сквозь этотъ грохотъ и визгъ ухо его различаетъ шлепанье босыхъ ногъ по коридору. Идутъ. Онъ спасенъ...

Дверь отворяется, просовывается заспанная фигура коридорнаго со свѣчею.

— Что вы, господинъ, всѣхъ перетревожили въ ночное время? — упрекаетъ коридорный. — Что вамъ надо? Хозяйка проснулась и ругается.

— Мнѣ дурно. Помоги... умираю, — шепчетъ Залѣсовъ и безпомощно опускается на полъ.

Но коридорный не вѣритъ болѣзни.

— Опять, видно, нализался!—безцеремонно говоритъ онъ, приближаясь къ распростертому на полу жильцу.

Лицо Залѣсова блѣдно. Глаза закрыты. Онъ порывисто, тяжело дышетъ. Видѣнья и бредъ начинаются снова. Поминутно задыхаясь, онъ разсказываетъ безсвязную исторію о какомъ-то Пороговѣ, который не только не выслалъ ему денегъ, но подалъ ко взысканью всѣ его векселя. Хочетъ его ограбить, купить съ торговъ его имѣніе. А тутъ еще этотъ Кабакевичъ. Триста рублей... отдай онъ триста рублей, Залѣсовъ сейчасъ же уѣхалъ бы изъ Петербурга домой. Тамъ бы онъ справился... тамъ она... Настя... тамъ хорошо... Связность рѣчи понемногу изчезаетъ. Больной произноситъ только отрывистыя фразы безъ значенія

— Никакъ онъ и взаправду боленъ!—рѣшилъ коридорный, ставитъ свѣчу на столикъ и задумывается.

Послѣ небольшаго колебанія, онъ перетаскиваетъ Залѣсова на кровать, накрываетъ одѣяломъ и задается вопросомъ: что ему дальше дѣлать?

— Оставить что ли до завтра. Пусть лежитъ. Авось не свалится вдругорядь. А завтра хозяйка отправитъ въ больницу.

Коридорный уже собрался уходить, но, подойдя къ двери, оборачивается и впадаетъ въ новое раздумье; мертвенно блѣдное лицо больнаго поражаетъ его.

— Пожалуй, и умретъ до утра. Какъ бы еще въ отвѣтѣ не быть!

Почесавъ пятерней свои космы и помянувъ чорта, коридорный нападаетъ на счастливую мысль:

«Тутъ, въ пятомъ нумерѣ, курсистка-докторша квартируетъ. Не спитъ еще. Огонь виденъ. Толкнуться развѣ къ ней. Авось и поможетъ, полѣчитъ. Все же человѣкъ. Жалко»!

X.

Долго ли пролежалъ въ безпамятствѣ Залѣсовъ, онъ не помнилъ. Ему казалось—очень недолго: часъ, много два-три.

Безпамятство было полное: никакихъ видѣній или сновъ не осталось въ памяти. Но когда онъ открылъ глаза и осмотрѣлся—въ комнатѣ господствовали глубокая, совершенно ночная тишина и полумракъ. Онъ лежалъ на постели удобно и мягко, совсѣмъ не такъ, какъ въ тотъ страшный вечеръ, когда, больной, вернулся и повалился на свою грязную и жосткую подстилку на диванѣ. Боли онъ никакой не чувствовалъ, а только страшную слабость. Мало-по-малу глаза его привыкли къ полумраку. Онъ узналъ нумеръ, мебель, и разглядѣлъ столикъ, придвинутый къ постели. На столѣ стояли баночки и склянки, очевидно, съ лѣкарствомъ; маленькая лампа, закрытая абажуромъ. Дальше—большое кресло и смятая подушка на немъ.

За нимъ кто-то ухаживалъ, присматриваетъ, проводитъ у его постели даже ночи. Но кто это? Сидѣлка, должно быть...

Но сидѣлку надо нанять, заплатить. У него не было денегъ, когда онъ заболѣлъ. Не нумерная же хозяйка ухаживаетъ за нимъ. Эта толстая, грубая нѣмка гнала его вонъ на улицу. Но тогда кто же его призрѣлъ?

На постели свѣжая, чистая простыня и наволочки. И одѣяло не его—не нумерное, грязное и жосткое, а изъ шерстяныхъ и шолковыхъ кусочковъ, стеганое, мягкое. Такъ ему хорошо лежать подъ нимъ, такъ оно акуратно сдѣлано и прикрываетъ его больное тѣло.

Ему очень захотѣлось пить. На столикѣ стоялъ стаканъ съ какою-то красною жидкостью. Залѣсовъ собрался съ силами, досталъ питье и выпилъ. «Кисло... хорошо... это морсъ»,—подумалъ онъ. Руки его затряслись; пальцы не удержали стаканъ и остатокъ морса пролился на одѣяло и на полъ.

Слабость усилилась, глаза закрылись и сознаніе снова оставило больнаго. На этотъ разъ ему что-то грезилось хорошее, радостное. Онъ слышалъ около кровати чьи-то легкіе шаги; осторожныя нѣжныя руки хлопотали около него; кто-то отеръ потъ съ его лба и освѣжилъ лицо полотенцемъ, намоченнымъ въ одеколонѣ. Онъ узналъ рѣзкій, пріятный запахъ двойнаго одеколона, и запахъ этотъ привелъ его въ сознаніе. Онъ опять увидѣлъ знакомую комнату, столикъ съ лѣкарствами, лампу съ абажуромъ и, всмотрѣвшись, замѣтилъ женскую фигуру на креслѣ...

Какое хорошее, кроткое личико. Черные волосы сбились и

упали на высокій, бѣлый лобъ; глаза закрыты; въ рукѣ книга, опущенная на колѣни. Эта женщина или, скорѣе, дѣвочка—такая она маленькая и худенькая—очевидно, задремала.

«Такъ вотъ кто за мною ухаживаетъ, лѣчитъ меня»,—думаетъ Залѣсовъ и старается въ полумракѣ разглядѣть: кто его сидѣлка?

Очень знакомыя черты лица. Еслибы онъ не былъ такъ слабъ, онъ вспомнилъ бы и узналъ. Вотъ она открываетъ глаза... большіе, ласковые. И точно молнія озаряетъ его умъ: «Да это Настя... Настя Черноземова. Откуда она! Здѣсь, въ Петербургѣ, около его постели?! Не можетъ быть. Горячечная греза... черезъ минуту все изчезнетъ. Милая дѣвушка, мягкая, свѣжая постель, даже и этотъ столъ съ лѣкарствами — не болѣе, какъ призракъ больнаго воображенія. Онъ опомнится на гадкомъ диванѣ въ грязи, и развѣ сердобольный коридорный — голубьяный Петръ—окажется около него.

Глубокій вздохъ сожалѣнія и страха вырвался изъ груди Залѣсова. Онъ закрылъ глаза, стараясь связнѣе и яснѣе вспомнить все. Къ нему какъ будто кто подошелъ, наклонился и снова освѣжилъ его лицо полотенцемъ, намоченнымъ въ одеколонѣ.

«Все это мнѣ грезится. Ея тутъ нѣтъ... Она не можетъ быть около меня», думаетъ Залѣсовъ и робко открываетъ глаза.

Надъ нимъ, совсѣмъ близко, наклонилось лицо Настеньки.

— Вы это?—шепчетъ онъ.—Откуда?!

Она улыбается. Личико дѣвушки озаряется теплымъ, хорошимъ чувствомъ не то радости, не то любви.

— Молчите! — слышится ея голосъ. — Вамъ вредно говорить. Постарайтесь уснуть.

Но онъ не можетъ уснуть и только напрасно закрываетъ глаза. Ужасная мысль продолжаетъ наполнять тревогою все его существо: онъ все боится, что это однѣ грезы. Никакой Насти здѣсь нѣтъ. Вотъ когда глаза его откроются, они встрѣтятъ одинъ пустой мракъ.

— Настенька, Настя, ангелъ-хранитель мой! — шепчетъ онъ и поворачиваетъ голову въ ея сторону.

— Что вамъ? Слава богу, очнулись. Не тревожьтесь,—подходя къ постели, говоритъ Настасья Черноземова. Онъ долго

долго всматривается въ ея лицо и со вздохомъ облегченія говоритъ:

— Настенька, уколите меня, ущипните больно.

— Зачѣмъ вамъ это, Владиміръ Ивановичъ?

— Я боюсь, что я брежу... что вы отлетите прочь, разсѣетесь туманомъ, какъ тѣ видѣнья, которыя посѣщали меня и исчезли.

Когда онъ говоритъ эти слова, по лицу его текутъ слезы. Бѣленькая горячая ручка вытираетъ заплаканныя его щоки. Ему кажется, что на глазахъ у Насти тоже слезы.

— Такъ вы рады, что я около васъ?—говоритъ она.

Но онъ не въ силахъ отвѣчать. Его губы только ловятъ ея пальчики и цѣлуютъ ихъ. Вотъ и она наклонилась, поцѣловала его въ лобъ, погрозила ему пальцемъ и приказала успокоиться, заснуть.

Изъ-за лампы Залѣсовъ видитъ, что Настя снова усѣлась въ свое кресло, развернула книгу и читаетъ. Но поминутно глаза дѣвушки взглядываютъ на больнаго и, видя, что онъ не спитъ, а слѣдитъ за нею, она говоритъ ему съ притворною строгостью:

— Если вы не будете спать, не перестанете волноваться, я уйду изъ комнаты и пришлю къ вамъ Петра.

Онъ торопливо закрываетъ глаза и, наконецъ, засыпаетъ. Но и во снѣ чувствуетъ, что Настя тутъ близко, около него; что ему нечего бояться; все теперь устроилось и все будетъ хорошо...

XI.

Залѣсовъ началъ быстро поправляться, и Настя разсказала ему, какъ все случилось къ его пользѣ и спасенью. Она изъ Москвы пріѣхала въ Петербургъ; здѣсь готовилась больше полгода и сдала экзаменъ для поступленія на медицинскіе курсы. Черезъ годъ перешла на второй курсъ и теперь готовится къ экзамену для перехода на третій курсъ. Въ шамбръ-гарни она наняла комнатку, пополамъ со своей товаркой, полькою Пилецкой, теперь уѣхавшей на родину отдохнуть на мѣсяцъ. Когда пріѣхалъ Залѣсовъ и остановился рядомъ съ ея комнаткою, она его узнала, но старалась не встрѣчаться, не возобновлять знакомства.

— Я на васъ была сердита, Владиміръ Ивановичъ,—улыбаясь кротко и ласково, говорила она.

— За что?

— За многое. Въ особенности за то, что вы — человѣкъ, знавшій жизнь, говорили мнѣ совсѣмъ не о томъ, что я должна была встрѣтить въ жизни; учили вѣрить тому, чего и нѣтъ вовсе. Вы рисовали все хорошее, а хорошаго-то и въ помин нѣтъ. Всѣ люди — холодные, злые. И точно фатумъ — судьба древнихъ—давитъ всѣхъ насъ и гонитъ совсѣмъ не туда, куда бы мы, по доброй волѣ и разсудку, идти желали.

— Настенька, другъ мой,—возражаетъ Залѣсовъ, прижимая къ губамъ ея руки.—Я не обманывалъ тебя; мнѣ самому такъ казалось и вѣрилось, и я будилъ въ твоей душѣ все лучшее, хорошее; искренно хотѣлось мнѣ, чтобы ты вышла на просторъ и свѣтъ. Что дѣлать? я ошибался. О, какъ дорого заплатилъ я за эти увлеченія.

И онъ передавалъ ей то, что вытерпѣлъ въ Петербургѣ; какъ разочаровался во всѣхъ своихъ упованіяхъ и убѣдился, что даже въ литературѣ не талантъ и серьезная идея берутъ верхъ и завоевываютъ первыя мѣста, а выскакиваютъ впередъ разные клоуны и «веселонравные» болтуны или шустрые ребята, занятые только добываніемъ денегъ. Честные же люди, въ родѣ застывшаго въ одномъ положеніи народника-редактора, не въ силахъ принести и крупицы добра, потому что увязли въ рутинѣ и ослѣплены самомнѣніемъ...

— Я не о томъ горюю,—говорилъ, одушевляясь, Залѣсовъ,—что столько вытерпѣлъ въ этомъ Петербургѣ; столько вынесъ униженій, нищеты и болѣзней; мнѣ, можетъ быть, и подѣломъ; скорблю о томъ, что обманулся во многомъ: блестящій издали миражъ превратился вблизи въ погоню за ежедневною пустяковиной, въ шумливую и безсодержательную декламацію, которая сочиняется полувытрезвившимся человѣкомъ послѣ оргіи въ кабакѣ... Вотъ что горько! Не вините меня, Настя, и не сердитесь.

— О, я теперь ужь не могу на васъ сердиться. Знайте: вѣдь я много хуже и виноватѣе васъ,—возражаетъ дѣвушка.

— Въ чемъ вы себя обвиняете? Ну, какія могутъ быть ваши вины?

— Этого я не могу вамъ сказать... по крайней мѣрѣ, теперь.

Залѣсовъ скоро замѣтилъ, что его добрую, кроткую Настасью что-то гнететъ и на ея душѣ лежитъ какой-то тяжелый камень. Когда онъ совсѣмъ поправился и могъ вставать съ постели, она рѣже стала заглядывать въ его комнату. Въ своемъ нумеркѣ Настя или усиленно занималась лекціями, или сидѣла по цѣлымъ часамъ въ глубокомъ раздумьѣ. Но, заставая ее погруженной въ думы, онъ напрасно добивался причины, что тревожило и угнетало дѣвушку.

— Этого я не могу вамъ открыть...—былъ всегдашній отвѣтъ Черноземовой.

«Она меня любитъ и сторонится отъ меня, — думалъ Залѣсовъ. — О, еслибы я имѣлъ прежнее положеніе въ жизни. Почему бы мнѣ тогда не жениться на Настѣ? Лучшей женщины не найти. Она будетъ докторомъ... Какая энергія, настойчивость и при этомъ—цѣлое море ласки, простоты и всепрощенія. Вотъ настоящая женщина! Я на ней и женюсь»...

Очень удивляло и даже тревожило Залѣсова, что хозяйка не присылала къ нему за деньгами; мало того: обѣды ему отпускались и даже, какъ больному, улучшенные. Бѣлье, которое онъ заложилъ до болѣзни—онъ хорошо это помнилъ—снова очутилось въ его комодѣ, шуба и пальто — въ шкапу. Даже часы, цѣпочка, кольца и брелоки—все было на мѣстѣ.

— Настенька! это вы выкупили всѣ мои вещи и кормите меня?—спросилъ онъ дѣвушку, когда она, по обыкновенію, явилась въ его нумеръ налить ему чаю.

— Это пустяки! не стоитъ и говорить объ этомъ.

— Вы мой ангелъ-хранитель. Но знаете: я не скоро расплачусь съ вами. Дѣла мои совершенно разстроены. Этотъ Пороговъ подалъ ко взысканію мои векселя; въ Земельномъ банкѣ, гдѣ заложено мое имѣніе, скоро, за неплатежъ процентовъ, продадутъ съ торговъ мое Спасское и едва ли мнѣ что останется послѣ крушенья...

Подпершн голову руками, Настя ничего ему не отвѣтила и сидѣла молча, съ устремленными вдаль, во мракъ, неподвижными взорами.

— Я васъ разоряю, Настя,—продолжалъ Залѣсовъ.—Меня упрекаетъ совѣсть.

— Совѣсть? Въ чемъ же васъ упрекаетъ совѣсть? О, это

ужасно, когда у человѣка есть что либо на совѣсти, — точно очнувшись, заговорила дѣвушка.

— Ну, у васъ-то ничего нѣтъ на совѣсти, Настя.

— Кто знаетъ? Вы, однако, напрасно тревожитесь тѣмъ, что разоряете меня: у меня деньги есть.

— Откуда вы вдругъ стали богачкой?

Она только вздохнула въ отвѣтъ...

XII.

Залѣсова очень тревожила предстоящая продажа его имѣнья съ торговъ, за неплатежъ процентовъ банку и по искамъ Порогова.

«Похлопотать бы о перезалогѣ... Спасти бы какъ нибудь родное Спасское»,—не разъ думалъ онъ и проклиналъ болѣзнь, мѣшавшую сходить въ банкъ справиться и попросить. Съ нимъ случилось нѣчто особенное. Пріѣхавъ въ Петербургъ, насквозь проникнутый жаждою поскорѣе сдѣлать карьеру, нажиться, онъ теперь охладѣлъ—такъ ему, по крайней мѣрѣ, казалось—ко всѣмъ этимъ приманкамъ; въ душѣ его зашевелились иныя чувства. Это Спасское, о которомъ онъ мало заботился, когда жилъ въ немъ, теперь вдругъ сдѣлалось ему очень дорого. Расхаживая по нумеру одинъ, когда Настя бывала на лекціяхъ, онъ начиналъ припоминать до мельчайшихъ подробностей всѣ комнаты стараго деревенскаго дома, въ которомъ онъ родился и выросъ; его тяжелую старомодную мебель, помнившую иной вѣкъ и иныхъ людей; заглохшій садъ, рѣчку, въ которой любилъ купаться еще мальчикомъ, и эти черныя далеко разбѣгающіяся поля, ровныя, однообразныя, въ которыхъ на первый взглядъ нѣтъ никакой красоты, но безъ которыхъ тоскуетъ русская душа. Подавленный вызванными имъ впечатлѣніями, онъ опускался на диванъ, закрывалъ глаза и безъ труда уносился мечтою въ родной уголъ. Галлюцинація наступала: ему мерещилось, что онъ слышитъ, какъ шумятъ старыя липы въ саду; щебечутъ птицы въ кустахъ надъ рѣкою; напряженный слухъ его какъ будто даже улавливалъ дальній благовѣстъ деревенской церкви. Все это было мучительно-пріятно его больной душѣ. Залѣсовъ просиживалъ такъ подолгу, боясь открыть глаза, спугнуть свѣтлое видѣніе и опять очутиться въ

грязномъ нумерѣ; опять сознать, что онъ — нищій, что все потеряно, и онъ теперь сытъ и не выброшенъ на мостовую, благодаря лишь великодушной дѣвушкѣ.

«Откуда у нея эти средства»? — часто задавался онъ вопросомъ—и не могъ прійти ни къ какому опредѣленному заключенію.

«Ахъ, Настя, Настя! какая ты добрая и хорошая,—думалъ онъ.—Зачѣмъ я раньше не оцѣнилъ тебя? Не узналъ лучше, когда еще жилъ въ Спасскомъ? Никогда бы не очутился я въ Петербургѣ и не дошелъ до такого жалкаго положенія. Да неужели же Спасское продадутъ и засядетъ въ немъ пошлый и грязный кулакъ Пореговъ»?

Мысль объ этомъ терзала его сердце. Онъ волновался, припадалъ головою къ столу и начиналъ плакать, сознавая, что для него не было выхода.

Раза два въ такомъ положеніи его заставала Настя и осыпала упреками:

— И вамъ не стыдно плакать? Вамъ, мужчинѣ, борцу, не пристали слезы.

— Ахъ, Настя, вы не понимаете, значитъ, о чемъ я плачу.

— Вы мнѣ говорили: ваше Спасское могутъ продать, вы потеряете много, разоритесь.

— Не то! не матерьяльное Спасское, имѣющее извѣстную стоимость, я оплакиваю; не разореніе меня ужасаетъ. Я, слава богу, выздоровѣлъ и найду работу. То Спасское, о которомъ я не стыжусь плакать — мое родное гнѣздо; въ немъ всѣ мои лучшія воспоминанія и привязанности. Только теряя его, я понялъ, какъ оно мнѣ дорого, какъ я приросъ душой къ этому дому, къ этой мѣстности; понялъ, что, только вернувшись туда, могу я снова стать настоящимъ человѣкомъ. Поймите, Настя! я мучительно хочу домой и, какъ изгнанникъ, оплакиваю родину, которой лишенъ. Развѣ вы не хотѣли бы вернуться домой, Настя?

Она покачала головою.

У нея собственно не было «дома». Волостное управленіе з могло быть ея роднымъ угломъ. Но и ей хотѣлось вертться къ знакомымъ съ дѣтства лицамъ. И когда она воображала бя докторомъ медицины, то всегда думала жить въ Э—скомъ, ли не на постоянномъ жительствѣ, то на отдыхѣ. Ей тоже,

при тяжелой работѣ и нуждѣ въ Петербургѣ, не разъ случалось тосковать по родинѣ, вспоминать бѣдное, въ снѣгахъ потонувшее, село.

Что въ немъ хорошаго? Татьяна увѣряла ее, что тамъ только «грязь и мракъ». Но это не такъ... Отодвинувшись далеко отъ этой грязи и мрака, она чувствовала, что за ними есть нѣчто другое: неуловимое, но родное; невидимое, неосязаемое, но дорогое сердцу. Залѣсовъ плачетъ... Это нервы; она не плачетъ, но и ея сердце усиленно бьется.

— Я понимаю вашу тоску, Владиміръ Ивановичъ!—согласилась Настасья.

Но, не продолжая этого разговора, она молча сѣла въ сторонку, въ глубокомъ раздумьѣ.

Залѣсовъ продолжалъ.

— Я теперь убѣдился, что здѣсь, въ столицѣ, ищущему труда нечего дѣлать. Тутъ царствуетъ обманчивая волшебница Фата-Моргана; вмѣсто жизни—миражъ. Люди бѣгутъ за ослѣпительнымъ призракомъ; здѣшнимъ людямъ только кажется, что они работаютъ, создаютъ нѣчто. Обманъ воображенія—вся эта суета. Я въ нее окунулся и съ отвращеніемъ припоминаю, что̀ нашелъ на днѣ мутнаго потока, называемаго «столичною жизнью»...

— А вы, помнится, бранили когда-то провинціальную тину и увѣряли меня, что здѣсь, въ столицѣ, и свѣтъ, и просторъ, и знаніе, и даже счастье?

Черноземова сдѣлала этотъ вопросъ какъ бы мимоходомъ, и опять погрузилась въ задумчивость. Трудно даже было рѣшить: слушаетъ ли она доводы собесѣдника, или думаетъ о своемъ.

Залѣсовъ усердно принялся ей доказывать, что, конечно, въ центрѣ умственной жизни есть и свѣтъ, и знаніе, но счастья нѣтъ, благотворной дѣятельности тоже нѣтъ; а, главное, здѣсь на первый планъ выдвигаются и доминируютъ люди далеко не лучшіе.

— Я хочу простоты, простыхъ людей, ясныхъ и несложныхъ житейскихъ отношеній и только среди такихъ условій чувствую, что могу возродиться и быть гражданиномъ и человѣкомъ. Никогда не считалъ я себя образцомъ для другихъ, но никогда и не думалъ, чтобы въ образцовые люди попѣвала

такая дрянь. — Эта дрянь, своими мерзостями, пожалуй, заткнетъ за поясъ «добросовѣстный ребяческій развратъ» провинцій,—припомнилъ Залѣсовъ пушкинскій стихъ изъ *Цыганъ*.

Ему казалось, что онъ говоритъ искренно; въ эту минуту онъ самъ вполнѣ вѣрилъ своей проповѣди.

Настасья встала, сочувственно пожала ему руку и ушла въ свою комнату. Но когда онъ заглянулъ къ ней, то нашелъ ее не читающей, надъ раскрытой книгой, а съ глазами, устремленными куда-то вдаль. Залѣсову пришлось коснуться ея плеча, чтобы заставить дѣвушку прійти въ себя. Она вздрогнула и нахмурилась, но, взглянувъ на него, улыбнулась.

— Отчего вы не сходите въ банкъ и не справитесь, когда торги на Спасское?—неожиданно задала она ему вопросъ.

— Какая польза? у меня нѣтъ ни гроша. Если не продастъ банкъ, Пороговъ продастъ за свой долгъ.

— А все таки, Владиміръ Ивановичъ, сходите.

Онъ послушался и на другой день пошелъ за справками.

XIII.

Настасья Черноземова не спала всю ночь. Она долго сидѣла у своего маленькаго столика, заваленнаго книгами и тетрадями, но не открыла ни одного учебника и не коснулась пера. Она думала: что ей теперь дѣлать? Слезы горести любимаго человѣка—Залѣсова она искренно и глубоко любила—падали на ея сердце, какъ капли раскаленнаго свинца. И она понимала и вѣрила, что онъ плачетъ не о матеріальномъ Спасскомъ, не о разореніи, но о томъ, что—теряетъ *родное гнѣздо*, становится изгоемъ, такимъ же, какъ десятки и сотни тысячъ въ Петербургѣ. Всѣ эти люди оторвались отъ той почвы, на которой выросли. «Не оттого ли они такъ черствы и жадны?—думала Настя. — Имъ нечего любить, развѣ физическую красоту женщинъ или денежныя выгоды. Но это—скверный сортъ любви. Любовь къ родинѣ создавала нѣкогда героевъ; любовь къ родному углу и теперь одна можетъ создать хорошихъ земскихъ людей среди нашего хищнаго племени».

Какъ она рада, что ея Владиміръ искренно горюетъ о родномъ гнѣздѣ; что онъ, теряя Спасское, не утѣшаетъ себя возможностью, идя взапуски и на перегонки съ другими хищни-

ками, купить десятки иныхъ лучшихъ имѣній, нажить дома—дворцы въ сравненіи съ старымъ деревенскимъ домикомъ.—Значитъ, у него есть душа; его сердце не очерствѣло, а умъ не погрязъ въ болотѣ пріобрѣтеній и всяческой наживы...

Она всегда любила Залѣсова. И тогда, когда онъ проповѣдывалъ ей народническія доктрины и рисовалъ свѣтлое поле общественной дѣятельности; любила, — хотя не признавалась себѣ въ этомъ,—во все время своихъ бѣдственныхъ скитаній по Москвѣ и ежедневно думала о немъ, попавъ на курсы. Но теперь, открывъ родникъ живаго чувства въ его душѣ, увидавъ его слезы о далекомъ родномъ углѣ, она полюбила его сильнѣе, беззавѣтнѣе, болѣе чистымъ чувствомъ,—если такъ можно выразиться.

Все было прощено, забыто, если когда нибудь и въ чемъ либо она и винила Залѣсова.

До сихъ поръ она не была еще его любовницею. Онъ, вѣроятно, вслѣдствіе перенесенной болѣзни; она, — благодаря чистотѣ своей души и мысли,—не думали о сближеніи. Правда, онъ нѣсколько разъ дѣлалъ слабыя попытки, но Настя всегда останавливала его одною и тою же фразою:

— Не надо этого... Вы потомъ будете жалѣть о вашемъ увлеченіи,—оно васъ свяжетъ. И я пожалѣю. Останемся лучше только друзьями.

— Вы меня мало любите, Настя!—какъ-то лѣниво протестовалъ онъ. Настя ему нравилась; онъ удивлялся ея характеру, уму, добротѣ сердца, но, какъ женщина, она не возбуждала его страстности.

— Я васъ очень люблю,—возражала дѣвушка, отстраняя прочь его руки.—Потому-то и отказываюсь отъ счастія быть вашей, Владиміръ. Боюсь, чтобъ вы не сдѣлали такого шага, послѣ котораго нѣтъ возврата. Вѣдь вы теперь загипнотизированы мною? Вы находитесь въ исключительномъ положеніи и судить хладнокровно не можете. Погодите же: выздоровѣйте, устройте свои дѣла и, если вы все еще будете думать, что любите меня,—я буду вашей на всю жизнь.

Теперь, сидя ночью въ своей комнаткѣ и размышляя, какъ ей помочь Залѣсову, она была рада, что между ними существуютъ только связи дружбы. Помочь было такъ легко: пятнадцать тысячъ,—половина взятыхъ при убійствѣ,—лежали

въ ея чемоданѣ. Татьяна заставила ее взять ихъ. Но она никогда не касалась этихъ проклятыхъ денегъ, замаранныхъ кровью. Въ Петербургѣ ей удалось найти уроки и она работою содержала себя на курсахъ.

Думая о прошломъ—о пожарѣ и убійствѣ,—Настасья всегда утѣшала себя, что вѣдь она не убивала и не поджигала; плодами грабежа не воспользовалась и не воспользуется, придетъ пора она возвратитъ наслѣдникамъ взятыя деньги. Сейчасъ этого сдѣлать нельзя: это значило бы возбудить дѣло, выдать Татьяну и себя. Суда она не боялась. Обвинятъ или оправдаютъ ее, — во всякомъ случаѣ ей тогда не быть уже докторомъ, не жить въ Э—скомъ и не помогать темнымъ, бѣднымъ людямъ окрестныхъ деревень. Но душа ея всегда болѣла; на сердцѣ лежалъ камень. Переходя на третій курсъ, почти увѣренная получить черезъ три года право лѣчить и облегчать людскія страданія, она была бы вполнѣ счастлива, еслибы не это ужасное прошлое, еслибы не эти тысячи, постоянно напоминавшія ей, что какъ ни какъ, а безъ ея содѣйствія убійства и пожара не было бы...

Въ роковую ночь, когда она увидѣла любимаго человѣка умирающимъ, когда коридорный Петръ сообщилъ ей, что вотъ ея сосѣдъ—проживавшій въ конецъ господинъ — боленъ и его на утро хозяйка отправитъ въ больницу: пусть тамъ помираетъ!—она все забыла, на все рѣшилась. Вынула нѣсколько сотенныхъ бумажекъ изъ кипы проклятыхъ денегъ, призвала доктора, послала въ аптеку, заплатила хозяйкѣ, выкупила вещи и ходила за больнымъ, не разсчитывая своихъ тратъ, не думая, какія деньги она расходуетъ.

«Залѣсовъ вернетъ мнѣ ихъ! У него хорошее имѣніе»,—думала Настасья и считала взятыя бумажки только займомъ.

Но вотъ онъ выздоровѣлъ и, какъ ей казалось, полюбилъ ее искреннею, чистою любовью; разсказалъ, что онъ окончательно разоренъ, и плакалъ о своемъ родномъ углѣ, плакалъ, не желая сдѣлаться нищимъ. Имѣла ли она право теперь взять остальной проклятый капиталъ и спасти его? Дѣло казалось ей несложнымъ: Спасское будетъ сохранено, долги заплачены; онъ вернется домой и, умудренный опытомъ, займется дѣломъ, сдѣлается хорошимъ человѣкомъ, а тамъ... Она окончитъ курсъ и выдетъ за него замужъ. Вѣдь онъ много разъ

повторялъ, что любитъ ее, что готовъ жениться на ней? Вѣдь и она любитъ его. Какъ онъ горячо цѣлуетъ ея руки; какъ любовно глядитъ въ ея глаза и какъ восхищается ими... Настя знаетъ, что глаза у нея хороши, и потому вѣритъ восторгамъ Владиміра Ивановича.

Она нѣсколько разъ уже готова была достать деньги изъ чемодана и отдать ему, но всякій разъ останавливалась. Не то особаго рода совѣстливость, — брезгливость прикоснуться къ этимъ украденнымъ тысячамъ,—не то раздумье, какъ поступить и что́ сказать, отдавая ему деньги, мѣшали ей исполнить задуманное.

Прежде всего, вѣдь онъ неизбѣжно спроситъ: откуда у нея такая сумма? Положимъ, это затрудненіе не есть непобѣдимое: она можетъ сказать, что это—чужія деньги, которыми она, однако, властна на время распорядиться. Она дастъ ему только взаймы. Когда же онъ устроитъ дѣла, перезаложитъ имѣнье, займется снова службой по земству—это лучшій путь служить народу, какъ они оба давно рѣшили, — онъ вернетъ ей все взятое. Можетъ ли она въ этомъ сомнѣваться? Это значитъ сомнѣваться въ его честности!

Но за этими сомнѣніями возникли другія, не такія опредѣленныя, а потому съ ними трудно было и справиться: подымались проклятые вопросы, и даже подкупленная любовью логика не могла съ ними справиться.

Она не должна касаться денегъ, добытыхъ воровствомъ и убійствомъ, если не желаетъ еще глубже увязнуть въ той кровавой грязи преступленія, одно воспоминаніе о которомъ заставляетъ трепетать отъ ужаса и отвращенія всѣ фибры ея тѣла.

Она дала себѣ обѣтъ не касаться краденаго — и вотъ, однако, касается...

XIV.

Ночь тянулась безконечно долго. Напрасно Настасья нѣсколько разъ тушила лампу и завертывала голову одѣяломъ:— сонъ не приходилъ. Подъ утро, измученная волненіемъ, она встала, надѣла блузу и рѣшилась идти къ нему, чтобы разсказать все: и убійство, и пожаръ, и свое фактическое участіе

въ злодѣйствѣ. Пусть онъ и рѣшаетъ, какъ ей поступить. Но... у нея не хватало духу.

«А что если онъ съ ужасомъ и отвращеніемъ отвернется отъ меня, оттолкнетъ, какъ злодѣйку? Я не переживу этого».

Въ эту минуту Настасья поняла вполнѣ, какъ глубоко и много его любитъ. Лишиться любви Владиміра, вызвать его презрѣніе—это было бы выше ея силъ.

Станетъ ли она повторять ему тѣ софизмы, которыми нѣкогда Татьяна Кривенко сбивала съ прямаго пути ея саму? Станетъ ли увѣрять, что смерть «одной злой и глупой бабы» ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что онѣ получили, рискнувъ на преступленіе? Деньги убитой могутъ принести, и въ рукахъ Татьяны навѣрно принесли уже, пользу обществу. Вдова отдала бы ихъ навѣрное своему любимцу прикащику, кулаку и стяжателю, и онѣ принесли бы одинъ вредъ. Убитая могла прожить десять, пятнадцать лѣтъ. Но что такое ея жизнь? Какая и кому польза отъ подобнаго существованія? Стоитъ ли трепетать отъ сознанія, что это никому не полезное существованіе прекращено раньше срока,—прекращено веревкою, а не какимъ нибудь тифомъ или разстройствомъ желудка, наконецъ, просто ошибкою врача-невѣжды?

Татьяна увѣряла, и она, Настасья, тогда почти соглашалась съ этимъ, что человѣкъ—животное разумное, но все же животное. Животныхъ вредныхъ убиваютъ изъ предосторожности; убиваютъ цѣлыя стада для потребности общества, но ни одинъ охотникъ, ни одинъ мясникъ не чувствуетъ угрызеній совѣсти, покончивъ волка, вола или барана.

Изъ-за чего же вся эта возня? Откуда всѣ эти ужасы: упреки совѣсти, странные сны, кровавыя галлюцинаціи даже наяву? Изъ-за чего она теперь мучится и не рѣшается деньгами убитой вдовы спасти любимаго человѣка, помочь ему сдѣлаться хорошимъ и работать на пользу общества?

Ей представляется случай употребить «проклятыя деньги» на хорошее дѣло,—а она малодушно колеблется...

Все это было такъ логично и, вмѣстѣ, такъ ужасно и фальшиво, — она это инстиктивно чувствовала, — что несчастная вся ночь промучилась.

Но любовь побѣдила и Настасья рѣшила, что отдастъ свои

деньги Залѣсову, но не откроетъ своей тайны. На это она не рискнетъ, боясь его лишиться.

Остановившись на такомъ рѣшеніи, она снова раздѣлась и легла. Не то сонъ, не то забытье отуманили ея мозгъ, когда въ окна заглянулъ совсѣмъ уже бѣлый день. Но скоро она снова проснулась: въ ея дверь стучались... Въ коридорѣ ходили и разговаривали. Очевидно, было уже не рано.

«Это стучится Владиміръ. Онъ идетъ въ банкъ справляться о своемъ имѣніи», подумала Настасья и не откликнулась на его стукъ, притворившись спящею.

Часу въ пятомъ Залѣсовъ вернулся, но не зашелъ къ ней. Ему подали обѣдъ и приняли прочь нетронутымъ.

«Что нибудь дурное случилось? Онъ боленъ»! — подумала съ тревогою Настасья и бросилась въ его нумеръ.

Владиміръ Ивановичъ лежалъ ничкомъ на диванѣ, уткнувшись головою въ подушку, даже не снявъ пальто, въ которомъ выходилъ.

Она положила руку на его голову — голова горѣла; руки его были холодны; онъ вздрагивалъ и стоналъ. На лицѣ, когда онъ поднялъ голову, виднѣлись слезы.

— Что съ вами? Чѣмъ вы такъ огорчены? — былъ ея любящій, тревожный вопросъ.

— Все, все погибло.

— Спасское продали?

— Нѣтъ еще. Но послѣ завтра назначены торги. Мнѣ отвѣтили въ банкѣ, что они не могутъ отмѣнить продажи: частный мой кредиторъ Пороговъ требуетъ продажи и обвинитъ правленіе банка въ случаѣ отмѣны торговъ, — даже и при частичной уплатѣ недоимки съ моей стороны, — въ обезцѣненіи имѣнья проволочкою. Но не это меня огорчаетъ. Спасское мое погибло — съ этимъ я готовъ былъ бы помириться; но вообразите, Настя: губернатора — моего врага и гонителя—перевели въ другую губернію. Объ этомъ мнѣ сообщилъ мой университетскій товарищъ, служащій въ министерствѣ. Новый губернаторъ нѣсколько ему знакомъ. Товарищъ мой предложилъ поговорить съ нимъ о назначеніи меня снова земскимъ начальникомъ на то же мѣсто.

— Значитъ, все хорошо устраивается?

— Напротивъ, все погибло. Мое имѣніе продадутъ, у меня

не будетъ цензa и мое назначеніе не можетъ состояться. Изгоемъ придется мнѣ быть въ этомъ Петербургѣ, всю жизнь влачить въ свитѣ какого нибудь Кабакевича и умереть, какъ собакѣ.

Настасья стояла нѣсколько минутъ, неподвижная, сосредоточенная, съ серьезнымъ, почти сердитымъ лицомъ—и ушла, не сказавъ ему ни слова.

Слабый человѣкъ снова опустилъ голову и хныкалъ:

«Два-три мѣсяца отсрочки съ продажею Спасскаго, и все бы устроилось»,—думалось ему.—Пороговъ смирился бы; онъ нашелъ бы деньги расплатиться, продалъ бы лѣсъ, а теперь... «Застрѣлиться развѣ»? мелькнула у него мысль.

Озлобленіе смѣнило собой уныніе. Залѣсовъ заскрежеталъ зубами.

Весь свѣтъ былъ противъ него. За что? Развѣ онъ не лучше, не честнѣе многихъ? Тѣмъ не менѣе, негоднымъ людямъ удача во всемъ, а вотъ онъ оборвался...

Онъ вспомнилъ Настю, но и она возбуждала теперь его гнѣвъ: кормитъ, поитъ, выкупила его вещи, ухаживаетъ; совсѣмъ придавила своимъ великодушіемъ. Она, конечно, хорошая дѣвушка, но отъ этого ему не легче: его отношенія къ дочери волостнаго писаря — зависимыя. Онъ у нея на содержаніи. Фи, какая гадость! Точно въ насмѣшку она сказала ему на дняхъ: «вы находитесь у меня подъ гипнозомъ». Проклятіе! И добро бы ихъ отношенія были тѣсныя, близкія, любовныя. Такъ нѣтъ же! Какая-то дружба, какая-то игра въ великодушіе... Униженіе, униженіе и безвыходность—вотъ все, что онъ видитъ вокругъ себя. Застрѣлиться—такъ теперь для него это будетъ въ самую пору...

XV.

— Владиміръ Ивановичъ, встаньте, отрите слезы, ободритесь!—послышался голосъ Насти. Она держала въ рукѣ [illegible] конвертъ, туго чѣмъ-то набитый.

— Все перемѣнится. Стыдитесь унывать и плакать.

— Что вы мнѣ принесли, Настя?

— Деньги принесла. Здѣсь хватитъ заплатить и въ банкъ, [illegible] Порогову. Ваше Спасское не продадутъ; вы снова получите [illegible] это и начнете работать.

Онъ сѣлъ на диванъ, съ лицомъ блѣднымъ и недоумѣвающимъ.

— Это деньги?

— Да, деньги. Посмотрите!

Въ раскрытомъ пакетѣ мелькали кипы крѣпко перевязанныхъ шнуркомъ сотенныхъ кредитныхъ билетовъ.

— И вы отдаете мнѣ эти деньги?

— Отдаю. Поймите: въ долгъ отдаю. Потомъ вы мнѣ ихъ вернете.

— Чьи это деньги? Ваши?

— Нѣтъ, не мои. Но я могу ими распорядиться на извѣстное время. Что же? берете вы ихъ у меня?

Краска радости залила его лицо. Когда онъ ясно и вполнѣ сообразилъ, что эти деньги, такъ кстати явившіяся, спасали его, дѣлали счастливымъ,—онъ пришелъ въ странный ребяческій восторгъ.

— Настя, Настя! вы—мой ангелъ-спаситель! За что? чѣмъ я заслужилъ? Ахъ, какъ я васъ люблю. Настенька! обвѣнчаемтесь и уѣдемъ вмѣстѣ въ Спасское. Тогда только я буду совсѣмъ, совсѣмъ счастливъ.

Она отдала ему пакетъ съ деньгами и сѣла на стулъ, сострадательно качая головою.

Онъ сосчиталъ деньги и вопросительно взглянулъ на дѣвушку:

— Тутъ четырнадцать тысячъ семьсотъ рублей?

— Да. Было пятнадцать. Но триста рублей пошли на вашу болѣзнь и на выкупъ вашихъ вещей. Вы мнѣ должны ровно пятнадцать тысячъ.

Онъ всегда любилъ деньги. Его руки дрожали, когда онъ вкладывалъ пересчитанныя тысячи обратно въ пакетъ и понесъ спрятать въ комодъ. Ящикъ еще не былъ задвинутъ, но, оглянувшись и увидавъ строгое лицо и пристальные глаза Настасьи, онъ смутился.

«Какъ онъ жадно бросился на эти проклятыя деньги»! казалось, говорило нѣсколько пасмурное лицо дѣвушки.

Залѣсовъ подошелъ къ ней, смущенный и робкій, сталъ на колѣни, обнялъ ея станъ и началъ цѣловать сперва руки, потомъ шею, лицо и волосы слабо отталкивавшей его Насти.

— Настя! послѣ всего, что ты для меня сдѣлала, неужели же мы останемся далекими, почти чужими другъ другу?

— Такъ лучше.

— Нѣтъ, такъ нельзя. Ты моя, ты—единственная женщина, которую я искренно люблю всей душею. Отчего ты отказываешься выйти за меня?

— Я не отказываюсь, но думаю, что послѣ будетъ лучше. Обдумай хорошенько. А вдругъ ты потомъ пожалѣешь, что женился на мнѣ, на простой крестьянкѣ. Позволь мнѣ окончить курсъ и сдѣлаться докторомъ.

— Никогда! Я не хочу ждать. Я люблю тебя.

Онъ закрылъ ей ротъ поцѣлуями и не далъ возражать. Она только вздохнула, и ея руки перестали отталкивать его.

— Настя! если ты не хочешь теперь, сейчасъ же отдаться мнѣ, — значитъ, ты не довѣряешь? Думаешь, что я обману тебя. Неужели, въ глазахъ твоихъ, я такой низкій человѣкъ?

— О, нѣтъ! я тебѣ вѣрю.

— Слушай же: я не возьму твоихъ денегъ, пока буду думать, что ты не вѣришь моей чести. Ты должна саму себя довѣрить мнѣ. И, когда ты будешь моею, мнѣ не унизительно уже будетъ взять твои тысячи.

— О, милый, зачѣмъ ты именно этого требуешь? Какой-то страхъ проникаетъ въ мое сердце... Владиміръ! не лучше ли подождать? Я пріѣду лѣтомъ къ тебѣ и мы обвѣнчаемся.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Онъ обнялъ ее и поднялъ съ кресла, какъ ребенка. Тутъ дѣвушка, доселѣ сдержанная, дала волю своей страсти, обхватила его шею руками и принялась осыпать лицо жаркими, почти обжигавшими его, поцѣлуями...

Наступилъ вечеръ. Сумракъ залилъ нумеръ. Залѣсовъ опомнился первый и выпустилъ Настасью. Она встала.

Шатаясь, пошла она къ дверямъ.

— Настя!—окликнулъ онъ ее.

Она остановилась и обратила къ нему лицо.

— Я сейчасъ зажгу лампу и велю подать чай. Посидимъ, поговоримъ.

— Не могу. Я уйду къ себѣ. Не зажигай огня. Мнѣ... мнѣ чудно тебя.

Онъ подошелъ къ ней, обнялъ и отвелъ ее снова къ дивану, смѣясь надъ ея ребячествомъ.

Настасья только вздохнула и покорилась.

Они просидѣли вечеръ вдвоемъ, толковали о будущемъ, строили планы и въ десять часовъ Владиміръ Ивановичъ уговорилъ дѣвушку прокатиться съ нимъ. У нея болѣла голова, но, послѣ небольшаго колебанья, она согласилась. Лицо у него было радостное, улыбающееся,—это она хорошо замѣтила, когда онъ усаживалъ ее въ фаэтонъ и укутывалъ полостью ея ноги.

На Невскомъ ярко горѣло электричество; сіяли магазины и шумная толпа двигалась по широкимъ панелямъ. Рысакъ вынесъ ихъ на Дворцовую площадь и они пролетѣли вдоль Дворцовой набережной, около вскрывшейся уже Невы, тяжело дышавшей въ своей гранитной оградѣ.

— А вѣдь хорошо въ Петербургѣ. Пріятно жить здѣсь!— вдругъ обратился Залѣсовъ къ своей молчаливой спутницѣ.— Хочешь, заѣдемъ къ Фелисьену на Каменномъ островѣ и закусимъ. Признаться, я хочу ѣсть...

— Милый, не надо этого,—прошептала Настасья, сжимая его руку.

— Почему не надо? Вѣдь я сегодня не обѣдалъ.

— Я такъ счастлива... а вдругъ трактиръ и ужинъ. Когда вернемся, пошли за ужиномъ...

— Какіе пустяки! Но, впрочемъ, пусть будетъ по твоему. Да, да! ты права: сегодня вѣдь моя маленькая Настенька вышла замужъ за Владиміра Залѣсова, сдѣлалась madame Залѣсова. Помни же: ты теперь — госпожа Залѣсова. И никакихъ трактировъ намъ не надо.

Эти слова, какъ волшебная музыка, отдались въ ея сердцѣ. Она взяла его руку и поцѣловала.

Возвратясь въ нумеръ, Настасья ушла распорядиться, чтобы имъ подали ужинъ. Когда она вернулась, онъ отодвинулъ диванъ и отворилъ дверь въ ея комнату.

— Владиміръ! зачѣмъ ты это сдѣлалъ?—смущенно спрашивала она.

— Затѣмъ, что мы съ тобою теперь—мужъ и жена.

— Но мнѣ совѣстно. Что скажетъ прислуга?

— Э! пустое. Вѣдь здѣсь—Петербургъ. Никому нѣтъ дѣла

до того, кто и что́ дѣлаетъ. Въ этомъ большая выгода столичной жизни. Я, признаюсь, люблю эту столичную свободу въ поступкахъ.

Ей не понравились эти слова; не понравилось это, внезапно явившееся у него, желаніе хвалить петербургскую жизнь, которую онъ, при иныхъ обстоятельствахъ, самъ же такъ строго осуждалъ. Но спорить было уже поздно...

С. Орлицкій.

(*Окончаніе будетъ*).

Въ отчаяніи.

Мои мечты,
Въ своей печали,
Для красоты
Еще звучали,—
Еще любилъ,
Еще я видѣлъ,
Кому кто милъ,—
И ненавидѣлъ!

Но геній злой,
Мой обольститель,
Приползъ змѣей
Въ мою обитель.
Онъ далъ мнѣ ядъ,
Онъ далъ мнѣ стрѣлы;
Метнулъ мой взглядъ
Въ свои предѣлы.

И я поникъ,
Увидя злобу,
И блѣдный ликъ
Приблизилъ къ гробу...
И все отвергъ
Въ досадѣ грѣшной—
И вдругъ померкъ
Во тьмѣ кромѣшной!

К. Фофановъ.

АМЕРИКАНЦЫ ВЪ НАЧАЛѢ НОВАГО СТОЛѢТІЯ.

V.

Грозная мощь трёстовъ.

Благодушное отношеніе американца къ неравенствамъ состояній отнюдь не распространяется имъ на трёсты: къ этимъ послѣднимъ американецъ пока еще приглядывается, относясь къ нимъ съ тою равнодушною по виду терпимостью, съ какою онъ взираетъ на всякія «новшества». Американецъ видитъ, что съ мощнымъ синдикатомъ отдѣльному человѣку невпору тягаться: — никакое производство, никакой фабрикантъ или торговецъ не можетъ бороться съ трёстами, — этими громадными ассоціаціями капитала; передъ трёстомъ человѣкъ въ отдѣльности чувствуетъ себя не только безпомощнымъ, но и обитымъ съ толку. Онъ видитъ порою, какъ трёстъ подрываетъ его собственное производство, созданное имъ долгими стараніями; но съ другой стороны сознаётъ и то, что, не смотря на всю свою ненавистную алчность, эти корпораціи даютъ обезпеченный хорошій заработокъ многимъ тысячамъ рабочаго люда; видитъ и несомнѣнную выгоду трёстовъ для потребителя, такъ какъ, при усовершенствованныхъ методахъ производства и огромной экономіи по различнымъ отраслямъ веденія дѣла, трёсты несомнѣнно понижаютъ цѣны на продукты, какъ напр., понизилась цѣна на керосинъ со времени возникновенія и расширенія сферы дѣйствія нефтянаго трёста «Standard Oil Co». Американецъ же самъ склоненъ примѣнять всякіе трудосберегательные методы на каждомъ шагу своего обихода—и потому не рѣшается изобличать въ же методы, примѣняемые трёстами въ большихъ размѣрахъ.

Но за послѣдніе годы численность трёстовъ увеличивается неомѣрно; методы производства доводятся ими до максимальнаго береженія, такъ какъ, при сліяніи отдѣльныхъ индустріальныхъ компаній подъ однимъ синдикатнымъ управленіемъ, число рабочихъ и служащихъ сокращается на одну треть, а порою и того болѣе,—

удерживаются лишь самые полезные для дѣла люди, а для остающихся за штатомъ нѣтъ уже и рессурса прежнихъ «дѣвственныхъ земель запада», на которыхъ можно было искать приложенія своихъ силъ. Если же недовольство этимъ процессомъ изъятія слабѣйшихъ и не даетъ пока знать себя въ массахъ, то главнымъ образомъ потому, что теперешняя политика правительственной партіи касательно расширенія иностранныхъ рынковъ для предметовъ американскаго производства обѣщаетъ весьма много выгодъ народу.

Съ другой стороны, однако, начинаетъ подрываться вѣра народныхъ массъ въ то, что сбереженія трѣстовъ въ дѣлѣ производства ведутъ къ сбавкѣ цѣнъ на предметы производства для ихъ потребителей. Въ данное время здѣсь нѣтъ, кажется, такого предмета производства, который не былъ бы уже организованъ въ трѣстъ. За что ни возьмись, все поставляется трѣстами: мебель, перчатки, клей, посуда, сахаръ, керосинъ, табакъ, водка, вина, бумага, чернила, стекло, ледъ, колоніальные товары, кожа, льняное масло, обои, шерстяная пряжа, резина, мѣдь, сталь, уголь, мясо, бисквиты, ковры, орѣхи, лѣкарственныя снадобья, пишущія машины, плуги, удобреніе, фрукты, лампы, минеральныя воды, кирпичъ, устрицы; даже гробы и колыбели числятся въ спискѣ производства различныхъ трѣстовъ, лежащемъ въ настоящее время передъ моими глазами. То и дѣло начинаютъ слышаться жалобы на то, что трѣсты «прижимаютъ потребителей». Такъ напримѣръ, въ бытность мою въ деревнѣ, подрядчикъ и плотники отказывались вступать въ какія бы то ни было соглашенія касательно требуемыхъ къ слѣдующему лѣту построекъ, говоря, что трѣстъ такъ набиваетъ цѣну на гвозди и тесъ, что они сами не знаютъ, какую цѣну придется назначать за постройки, а тѣмъ временемъ, безъ работы, имъ, пожалуй, придется насидѣться голодными... То же самое приходится отъ времени до времени слышать и съ разныхъ другихъ сторонъ — отъ самыхъ добросовѣстныхъ рабочихъ и мелкихъ предпринимателей.

Тѣмъ временемъ, какъ трѣсты набиваютъ цѣны для американскихъ потребителей, они сплошь и рядомъ продаютъ тѣ же предметы своего производства въ Европѣ значительно дешевле, чѣмъ въ Америкѣ; такъ, въ Англіи,—какъ мнѣ точно извѣстно,—можно купить американскую пишущую машину или велосипедъ за двѣ трети здѣшней ихъ стоимости.

Чтобъ составить себѣ сколько нибудь подходящее къ дѣйствительности представленіе о томъ, какую мощь представляютъ собою въ сущности громадные капиталы, сосредоточиваемые въ настоящее время въ рукахъ немногихъ направителей американскихъ

трёстовъ, — можно рекомендовать читателямъ средняго возраста припомнить хотя бы то: какую сенсацію произвело въ свое время требованіе нѣмцами пятимилліардной военной контрибуціи съ побѣжденной ими Франціи; пять же милліардовъ франковъ составляютъ одинъ милліардъ долларовъ на американскія деньги. Между тѣмъ, здѣсь, въ Соединенныхъ Штатахъ, этою весною, безо всякаго чрезвычайнаго сотрясенія финансоваго рынка, организовался и пущенъ въ ходъ «стальной трёстъ» — капитализированный въ 1.254.000,000 долларовъ. Весь міръ дивился въ свое время тому, какъ богатая Франція успѣла въ нѣсколько лѣтъ уплатить Германіи одинъ милліардъ долларовъ, а тутъ дѣло въ одинъ милліардъ съ четвертью долларовъ, т. е. въ 6.270.000,000 франковъ спокойно организовано полдюжиною лицъ въ теченіе какихъ нибудь нѣсколькихъ недѣль...

Удивленіе современниковъ касательно громадности военной контрибуціи, выплаченной въ свое время Франціей, можетъ, однако быть понятно и теперь, если принять во вниманіе, что даже четверть вѣка спустя, а именно въ 1899 году, національный долгъ Франціи равнялся (опять таки въ переводѣ на американскія деньги) 6.200.000,000 долларовъ; національный долгъ Германіи—доходилъ за то же время до 500.000,000 долларовъ, а національный долгъ Великобританіи равнялся всего 250.000,000 — то есть одной четверти милліарда долларовъ, или одной пятой части контрибуціи, потребованной съ Франціи.

Уясняется дѣло и слѣдующимъ сопоставленіемъ: по здѣшней народной переписи 1890 года, весь въ общей сложности капиталъ, помѣщенный въ ту пору въ мануфактурныя и механическія предпріятія на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ, не превышалъ 6.530.000,000 долларовъ. Между тѣмъ, по послѣднимъ опубликованнымъ официальнымъ даннымъ за годъ, закончившійся 28 февраля 1899 года, общій итогъ капиталовъ всѣхъ новыхъ трёстовъ, *организованныхъ за одинъ тотъ годъ* во всѣхъ штатахъ союза, равнялся уже 5.200.000,000 долларовъ: а это было еще до той эры чудовищно-быстраго возрастанія трёстовъ, что проявилась здѣсь за послѣдніе года, по заключеніи войны съ Испаніей, и до твердо намѣченной правительственной политики отысканія внѣшнихъ рынковъ для сбыта американскаго индустріальнаго производства, излишекъ котораго, противъ мѣстнаго потребленія, исчисляется нѣкоторыми изъ здѣшнихъ экономистовъ въ 30%.

Превыше всѣхъ другихъ организаторовъ индустріальныхъ и финансовыхъ комбинацій, царитъ въ настоящее время J. Pierpont Morgan (Д. Пирпонтъ Морганъ), тотъ самый нью-іоркскій банкиръ,

который устроилъ американцамъ національный заемъ за время второй администраціи Кливеленда, съ громадною для своего кармана выгодою. 1-го марта 1899 года имъ была произведена консолидація восьми самыхъ большихъ углекопныхъ и желѣзнодорожныхъ компаній Соединенныхъ Штатовъ въ одинъ большой трѣстъ, при капиталѣ въ 889.108,736 долларовъ. Первые же мѣсяцы 1901 года были ознаменованы имъ еще болѣе крупнымъ предпріятіемъ такого же свойства, завершоннымъ уже съ участіемъ другихъ колоссовъ финансоваго и желѣзнодорожнаго дѣла въ Америкѣ, главными изъ которыхъ, конечно, является нефтяной король Джонъ Рокефеллеръ и сильно за послѣдніе года проявляющій себя Джемсъ Хилль, президентъ большой системы западныхъ желѣзныхъ дорогъ, хотя въ дѣлѣ участвуютъ и нѣсколько другихъ лицъ, какъ напр., *W. H. Moore*, *John W. Gates*, *Isaac Elwood*, *Jacob H. Schiff*, *Elbert*, *Gary*, *H. H. Rogers*, *James Stillman*, *Harryman*, *Henry Frick Charles M. Schwab*, и, понятно, младшій братъ нефтянаго короля—*William Rockefeller* и его старшій сынъ, *John. D. Rockefeller Jr.* Фрикъ и Швабъ были управляющими на заводахъ Карнеги въ Хомстэдѣ, подъ Питсбургомъ, и на этихъ мѣстахъ проявили себя столь геніальными направителями и организаторами дѣла, что въ новомъ «Стальномъ трёстѣ» Фрикъ будетъ предсѣдателемъ совѣта директоровъ, а Швабъ—управляющимъ во главѣ всего трёста, какъ говорятъ, на жалованьѣ въ милліонъ долларовъ на годъ: послѣднее—впрочемъ, непровѣренный слухъ. Оба—Фрикъ и Швабъ — люди около сорока лѣтъ и сами, своими усиліями, съ помощью Карнеги, выбрались изъ бѣдняковъ фермерской среды.

Подъ руководствомъ этой маленькой группы геніальныхъ организаторовъ сперва завершена была консолидація въ одинъ синдикатъ, — подъ наименованіемъ «United States Steel Corporation»,— всѣхъ девяти различныхъ компаній, занимавшихся до того производствомъ стали. Вотъ названія этихъ компаній, дѣйствовавшихъ доселѣ въ отдѣльности, и цифра капитала каждой изъ нихъ:

Carnegie Steel Company	160.000,000	дол.
Federal Steel Company.	99.745,000	»
American Steel and Wire Company.	90.000,000	»
National Tube Company	80.000,000	»
American Bridge Company.	70.000,000	»
National Steel Company	59.000,000	»
American Sheet Steel Company	49.000,000	»
American Tin Plate Company	46.325,000	»
American Steel Hoop Company	33.000,000	»
Капиталъ ихъ въ общей сложности равняется .	687.070,000	дол.

Въ силу этого сліянія главныхъ сталелитейныхъ компаній, все производство стали, желѣза и чугуна, лежащихъ въ основѣ всего остальнаго производства страны, было сосредоточено подъ однимъ управленіемъ; кромѣ того, изъ новаго трёста былъ устраненъ Андрю Карнеги, столь неудобный своими альтруистическими и филантропическими склонностями и прежде вступавшій съ Фрикомъ въ ссоры, доведшія дѣла *Carnegie & Co* до суда въ Питсбургѣ, года два тому назадъ.

Таково было начало; съ той поры новый трёстъ разросся вдвое, такъ какъ стараніями тѣхъ же Моргана и Рокефеллера, Харримана и проч. къ нему привлечено и имъ поглощено нѣсколько желѣзнодорожныхъ линій и озерныхъ пароходныхъ обществъ, присоединившихъ десятки тысячъ акровъ земли съ неистощимыми въ ней залежами угля и желѣза, огромныя дачи строеваго лѣса по великимъ озерамъ, такъ что консолидація всѣхъ этихъ отраслей индустріи,—производство которыхъ потребно въ дѣлѣ выдѣлки стали,—дошла до громадной суммы 850 милліоновъ, а затѣмъ возвысилась до 1.254.000,000 долларовъ; теперь же, наканунѣ полнаго завершенія дѣла, къ нему присоединяется общество «*American Bridge Company*» съ 61.000,000 дол. капитала, подъ контролемъ котораго состоятъ чуть ли не всѣ отрасли американскаго производства, идущія на постройку мостовъ. Поговариваютъ и о томъ, что въ недалекомъ будущемъ къ стальному трёсту будутъ также присоединены и всѣ тѣ крупнѣйшія компаніи, которыя занимаются производствомъ издѣлій изъ стали и желѣза,—и всѣ эти громадные интересы будутъ сосредоточены подъ главенствомъ Пирпонтъ Моргана и Рокефеллеровъ, то есть того же мощнаго «Американскаго Стандарта». Уже и теперь немыслима никакая конкурренція съ «*Unites States Steel Corporation*»: захочетъ трёстъ поднять цѣны на сталь,—слѣдовательно, почти что на все производство въ странѣ,—и подниметъ; захочетъ спустить ихъ—спуститъ. Кого захотятъ сокрушить Морганъ, Рокефеллеръ и К°, сокрушатъ; а кого захотятъ помиловать — помилуютъ. Даже и биржевыя интриги не страшны этому трёсту, какъ показано будетъ ниже. Оба главныхъ направителя гигантскаго новаго трёста—люди въ сущности хорошіе, не порвавшіе своей связи съ народными массами и охотно отдающіе милліоны на дѣла благотворительности и просвѣщенія: Рокефеллеръ положилъ уть ли не десять милліоновъ на университетъ въ Чикаго, а Морганъ строитъ образцовый госпиталь и родильный домъ въ Нью-Іоркѣ. Оба всегда жертвуютъ щедро, и честолюбіемъ пока не держимы; но все же мощь, сосредоточенная въ рукахъ этихъ истныхъ людей, не можетъ не представляться грозною...

Были у насъ здѣсь мощные трѣсты и до сей поры. Но не такіе всеобъемлющіе, какъ этотъ послѣдній. Телеграфный трѣстъ—Western Union Telegraph Company — акціи котораго главнымъ образомъ держатся въ рукахъ семьи Гульдовъ, капитализированъ въ 97.370,000 долларовъ; въ 1899 году этотъ трѣстъ имѣлъ въ своемъ завѣдываніи 189,847 миль телеграфныхъ проволокъ и 22,210 телеграфныхъ станцій, причемъ доходы его доходили до 6.000,000 долларовъ въ годъ, такъ какъ трѣстъ взималъ, среднимъ числомъ, по тридцати сентовъ за каждую телеграмму въ десять словъ.

На годовомъ собраніи акціонеровъ «American Telephone Company», состоявшемся здѣсь 13—26 марта настоящаго года и совпавшимъ съ 25-лѣтнею годовщиною изобрѣтенія телефона профессоромъ Беллемъ, сообщено было весьма много интереснаго касательно громаднаго развитія этого трѣста: оказывается, между прочимъ, что, въ концѣ истекшаго года, въ распоряженіи этой корпораціи имѣлось 808,880 передаточныхъ станцій, снабженныхъ инструментами Белля, и 1.961,801 миля проволокъ. Всего за прошлый годъ передано телефонами этой одной компаніи 1.825.000,000 сообщеній, т. е., приблизительно, средней численностью, по 5.668,986 сообщеній на день, причемъ стоимость каждаго отдѣльнаго разговора по телефону обходилась подписчикамъ отъ одного и до девяти сентовъ [1]) соотвѣтственно тому, въ дешевой или въ дорогой мѣстности устроенъ телефонъ. Капитализированъ былъ телефонный трѣстъ въ 75 милліоновъ долларовъ, но съ той поры эта сумма возвысилась, вслѣдствіе добавочныхъ линій и введенныхъ усовершенствованій. Устройство сообщеній на дальнее пространство обошлось по конецъ прошлаго года въ 16.153,020 дол. За три года, число миль проволокъ умножилось болѣе чѣмъ вдвое, а количество служащихъ, числившееся въ 1897 году въ 17,000 человѣкъ, въ настоящее время должно близко подходить къ 30,000.

Въ рукахъ всѣхъ остальныхъ телефонныхъ компаній страны имѣется, въ общей сложности, не болѣе полумилліона миль телефонныхъ проволокъ.

Крупнѣйшимъ до сей поры американскимъ трѣстомъ явился нефтяной «*Standard Oil Co*», капиталъ котораго исчислялся въ 110.000,000 дол., и который составился изъ поглощенія дѣлъ многихъ отдѣльныхъ нефтяныхъ производителей и разныхъ компаній, занимавшихся побочными производствами продуктовъ, потребныхъ для стандарта въ извлеченіи нефти и доставленіи ея на

[1]) Сентъ равняется двумъ копѣйкамъ.

всесвѣтные рынки. На жалованьѣ у стандарта состоитъ, какъ говорятъ, около 40,000 человѣкъ рабочихъ и служащихъ, а получки его исчисляются въ сорокъ мил. дол. въ годъ.

Но стальной трѣстъ, «United States Steel Corporation», созданный совмѣстными стараніями Пирпонтъ-Моргана и Джона Д. Рокефеллера, по мѣрѣ усовершенствованія своей организаціи, поглощалъ столько побочныхъ дѣлъ и компаній, что въ концѣ марта уже являлся совокупностью десяти большихъ предпріятій, изъ которыхъ каждое, въ свою очередь, было составлено изъ различныхъ болѣе мелкихъ фирмъ, компаній и корпорацій, раскинутыхъ по всему пространству страны, но, главнымъ образомъ, сосредоточенныхъ въ штатахъ Пенсильваніи, Огайо, Иллинойсѣ, Мичиганѣ и Нью-Іоркѣ.

Вотъ списокъ этихъ индустріальныхъ компаній и отдѣльныхъ предпріятій, вошедшихъ въ составъ каждой изъ нихъ:

	Различныхъ фирмъ и компаній.
American Bridge Company составилась изъ	27
American Sheet Steel Company	26
American Steel Hoop Company	11
American Steel and Wire Company	54
American Tin-Plate Company	35
Carnegie Company	12
Federal Steel Company	4
National Steel Company	7
National Tube Company	15
Lake Superior Consolidated Mines	—

Итого, мелкихъ предпріятій уже набралось въ нихъ 191; но, какъ видите, о числѣ составныхъ частей послѣдняго пріобщенія къ трѣсту—точныхъ извѣстій еще не получено, да и стальной синдикатъ невполнѣ еще оформленъ, такъ что капитализація его колеблется между цифрою 110.000.000,000 и 1.254.000,000, долларовъ. Но ничто не мѣшаетъ ему присоединять постороннія компаніи и послѣ конечной своей организаціи.

Какъ бы то ни было, но уже и теперь ясно, что для уплаты 5% по облигаціямъ — bonds—и по простымъ акціямъ—common-stock—и 7% на другихъ бумагахъ,—такъ называемыхъ *preferred stock*,—у стальнаго синдиката для уплаты процентовъ и дивидендовъ должно ежегодно очищаться доходу свыше 71.000,000 долларовъ.

«United States Steel Corporation» будетъ имѣть подъ своимъ началомъ чуть ли не полумилліонную армію рабочаго люда. Еще при его образованіи, когда онъ включалъ въ себѣ не всѣ вошед-

шія въ него теперь компаніи и когда капиталъ его исчислялся въ 850.000,000 долларовъ, здѣшняя печать высчитывала, что общее число рабочихъ, уже поступившихъ подъ начало трѣста, съ присоединеніемъ къ нему различныхъ компаній — доходитъ до 396,000 человѣкъ, состоящихъ на всѣхъ заводахъ, угольныхъ копяхъ и желѣзнодорожныхъ линіяхъ, и отъ заработка этихъ рабочихъ состоитъ такъ или иначе въ зависимости до двухъ милліоновъ человѣческихъ существъ; а съ той поры размѣры трѣста возрасли на цѣлую треть и никто не поручится, что онъ въ будущемъ не разрастется и того болѣе.

Коментируя мощь этого еще только нарождавшагося гиганта индустріи, газета «New Jork Times» замѣчала, между прочимъ 19 февраля, то есть когда капиталъ чудища исчислялся всего въ 800 милліоновъ долларовъ:

«Такая корпорація до того громадна, до такой степени всеобъемлюща, что ей,—равно какъ всякой административной или юридической системѣ, или какой либо династіи, — придется оправдывать свое право на существованіе въ глазахъ народа и общественнаго мнѣнія, дабы не подвергнуться сокрушенію. Подъ покровомъ покровительственнаго тарифа, множество американскихъ мануфактуристовъ быстро разбогатѣло, продавая за границею свое производство дешевле, нежели дома. При теперешнемъ настроеніи народа, для громаднаго трѣста было бы верхомъ безумія держаться такой системы дѣйствій. Въ настоящее время, мы, американцы, выдѣлываемъ сталь и желѣзо дешевле всякой иной націи свѣта. Неужели же всѣ выгоды отъ этого должны достаться иностранцамъ? Если—да, то несомнѣнно американскій народъ дознается: почему это такъ?»...

На этотъ счетъ фритредерская газета можетъ, какъ намъ кажется, почерпнуть нѣкоторое утѣшеніе въ томъ фактѣ, что такіе крупные завѣдыватели трѣстовъ, каковы, напримѣръ, «сахарный король» Хавемейеръ и даже самъ Андрю Карнеги, открыто заявляютъ, что протекціонная система устарѣла и не достигаетъ своей цѣли: Хавемейеръ даже далъ такое именно показаніе на допросѣ слѣдственной комисіи конгресса, наряженной изслѣдовать всѣ трѣсты, въ томъ числѣ и его собственный. Съ полною откровенностью при этомъ случаѣ онъ заявлялъ, что однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ орудій для обузданія произвола трѣстовъ было бы отнятіе у нихъ покровительственнаго тарифа; между тѣмъ, не далѣе какъ этою весною, по настоянію того же Хавемейера, вашингтонскій министръ финансовъ Гэджъ наложилъ добавочный тарифъ на русскій сахаръ.

Далѣе, въ той же цитируемой нами статьѣ, «N. Y. Times» обсуждаетъ будущее воздѣйствіе создаваемаго трёста—какъ будто бы онъ является уже какой-то новой системой правленія, по своему воздѣйствію на народъ. Совершенно справедливо указывая на невѣроятность того, чтобъ трёстъ съ такими широкими развѣтвленіями когда либо могъ дойти до банкротства, газета выражаетъ надежду, что онъ, за время застоя въ дѣлахъ, не станетъ, подобно мелкимъ заводчикамъ, разсчитывать рабочихъ, а «станетъ держать своихъ людей въ полномъ комплектѣ, доставляя имъ работу по исполненію иностранныхъ контрактовъ, такъ какъ тѣ немногія лица, что̀ руководятъ трёстомъ, несомнѣнно сознаютъ ту великую общественную обязанность, которая лежитъ на нихъ по части доставленія насущнаго хлѣба такой большой части населенія страны.

«Когда народъ придетъ въ себя отъ удивленія передъ громадностью новаго синдиката, онъ не преминетъ задаться безпокойнымъ вопросомъ: какъ станетъ «Стальная Корпорація Соединенныхъ Штатовъ» примѣнять свою, повидимому, непреодолимую силу?.. Но если допустить, что колоссъ этотъ пожелаетъ удержать, а не то и возвысить теперешнія тарифныя пошлины, то мыслимо ли, чтобъ какой нибудь конгрессіонный комитетъ любой политической партіи способенъ былъ воспротивиться требованію этаго трёста? Если личный составъ федеральнаго сената Соединенныхъ Штатовъ когда либо представится неудовлетворительнымъ съ точки зрѣнія джентльменовъ, подъ чьимъ контролемъ состоитъ «Стальной трёстъ»,—не станутъ ли они пытаться измѣнить составъ сената путемъ воздѣйствія на выборъ новыхъ сенаторовъ въ тѣхъ законодательныхъ собраніяхъ отдѣльныхъ штатовъ, на которыя представляется возможность воздѣйствіе путемъ подкупа? Когда господа эти пожелаютъ обратить федеральный сенатъ въ свой собственный домашній комитетъ, ничто имъ въ этомъ помѣшать не въ состояніи».

А газета «New York Times», въ которой статья эта появилась—отнюдь не какой нибудь сенсаціонный уличный листокъ «желтой прессы», а крайне консервативный англофильствующій органъ, съ биржевыми вліяніями, издаваемый, за послѣднія пять лѣтъ, на еврейскія деньги и такъ стойко защищающій интересы богачей-гидовъ Новаго Свѣта, что редакцію этой газеты журналисты прозвали себя зовутъ не иначе какъ «*синагогой*». Въ данномъ случаѣ, ревога этой газеты является откликомъ опасеній не только биржевиковъ, серьезно опасающихся трёста, но и того немалочисленнаго класса людей образованныхъ, которые не видятъ въ трёстахъ добраго начала.

Далѣе газета высказываетъ весьма основательныя опасенія насчетъ того, что новый трѣстъ можетъ найти средства пользоваться отъ желѣзныхъ дорогъ воспрещенною законами «тайной обавкой» за перевозку его производства, замѣчая, что «тайная обавка» является чуть ли не самымъ вопіющимъ капиталистическимъ злоупотребленіемъ настоящаго времени. И противъ этого спорить невозможно: въ прошлогоднемъ офиціальномъ отчетѣ комиссіи, командированной отъ конгресса на правительственное слѣдствіе о дѣятельности трѣстовъ и индустріальныхъ союзовъ — прямо сказано, что, по дознанію комиссіи, главный источникъ непомѣрнаго обогащенія нефтянаго трѣста «Standard Oil Co» заключался въ томъ, что не только желѣзныя дороги назначили стандарту *удешевленный провозъ* на нефть и другіе предметы его собственнаго производства, взимая за то же время въ два съ половиною раза дороже за провозъ предметовъ производства конкурентовъ стандарта, но что желѣзныя дороги, вдобавокъ къ тому, вынуждались стандартомъ выдавать ему же противозаконно собранныя желѣзнодорожнымъ управленіемъ излишнія деньги съ его конкурентовъ. Трудно было бы и повѣрить такому организованному разбою желѣзныхъ дорогъ, еслибы это не было пропечатано въ толстомъ томѣ офиціальнаго отчета конгресса!..

Не послѣднимъ курьезомъ того положенія, которое создалось въ Соединенныхъ Штатахъ сліяніемъ отдѣльныхъ трѣстовъ воедино подъ однимъ синдикатнымъ управленіемъ, являются страхъ и трепетъ, поселяемые въ груди мелкой сошки и тѣхъ биржевыхъ воротилъ, которые сами до сего времени являлись «щуками въ морѣ», производя на «карасей» хищническіе набѣги. Вотъ, напримѣръ, что пишетъ одинъ извѣстный ньюйоркскій биржевой дѣятель, Henry Clews, о силѣ воздѣйствія «Standard Oil C°.» на биржевыя сферы:

«На биржѣ установилось новое положеніе вещей въ силу самаго мощнаго давленія. Давленіе это идетъ отъ лицъ, входящихъ въ составъ синдиката *Standard Oil Company*, которыя ввели на биржѣ тѣ самые спокойные, систематичные, но неопреодолимые способы дѣйствія, что́ примѣняются ими въ ихъ собственномъ нефтяномъ дѣлѣ. Крупнѣйшіе биржевые воротилы прежняго времени являются сущими младенцами передъ тѣми дѣльцами, которые руководятъ биржею въ настоящее время. Для этихъ магнатовъ «Standard Oil Co.» биржевые обороты перестали быть спекуляціей. Ресурсы ихъ до того громадны, что имъ стоитъ лишь сосредоточить силы свои на какой бы то ни было намѣченной ими валютѣ, чтобъ дѣлать съ нею все, что́ имъ заблагоразсудится... Эта клика ком-

паньоновъ американскаго «стандарта» является величайшимъ дѣльцомъ, какихъ когда либо производилъ свѣтъ; и нельзя не залюбоваться ихъ методами:—до того они невозмутимы и лишены всякаго тщеславія. Они не разсчитаны на «одобреніе райка», не вызываютъ ошеломляющихъ газетныхъ заголовковъ, не причиняютъ безумныхъ свалокъ биржевиковъ подъ вліяніемъ внезапнаго возбужденія на биржѣ. Стойко, послѣдовательно идутъ они къ цѣли, и всегда достигаютъ ея... Сколько денегъ загребли эти лица — нѣтъ возможности дознаться и приблизительно... Въ оборотахъ ихъ является такое полное отсутствіе слѣпаго случая, chance, что прямо таки ужасъ беретъ, слѣдя за ихъ дѣйствіями! Эта клика — всецѣло завладѣла «*Wall Street*» (биржею). Къ услугамъ ея являются многія изъ самыхъ солидныхъ финансовыхъ учрежденій, доставляя всѣ потребные фонды по первому востребованію... Клика эта, къ счастію, играла на повышеніе, въ унисонъ съ общею волною благосостоянія, объявшей всю страну—и это доставило возможность почти что всѣмъ биржевикамъ заработать деньгу»...

Такова оцѣнка положенія трёстовъ видными биржевиками, издавна выработавшими въ себѣ вящее хладнокровіе и самообладаніе, безъ которыхъ рѣшительно невозможно ожидать побѣды въ биржевыхъ сраженіяхъ; а такихъ побѣдъ въ свое время одержано ими немало...

То, что Генри Клюзъ говоритъ о невозмутимой послѣдовательности методовъ американскаго стандарта, напомнило мнѣ разговоръ, который случилось имѣть на одномъ обѣдѣ, прошлою зимою, съ м-ромъ Самуиломъ Доддомъ, главнымъ солиситоромъ американскаго «стандарта»,—видныимъ юристомъ, который первый въ Америкѣ организовалъ прочный трёстъ, и потому слываетъ подъ кличкою «родоначальника трёстовъ»—«*the father of trusts*». Этотъ давнишній мой пріятель только что возвратился тогда изъ Бухареста, гдѣ стандартъ потерпѣлъ прошлою осенью неудачу по части желательнаго ему пріобрѣтенія румынскихъ государственныхъ нефтяныхъ земель. Я, смѣясь, замѣтила мимоходомъ м-ру Додду, что видъ его отнюдь не выдаетъ понесеннаго имъ грустнаго пораженія въ Румыніи, на что онъ, тоже шутя, отвѣчалъ, что ему къ такимъ передрягамъ не привыкать стать; и, вслѣдъ затѣмъ, мимолетная тѣнь серьезности промелькнула въ его умныхъ и добрыхъ глазахъ, когда онъ добавилъ: «We will get there all the same»! (мы, какъ ни какъ, а все же туда проберемся»!).

VI.

Но кто же таковы эти юпитеры биржи,—что входятъ въ тѣсную [illegible]ику «Стандарта», поселяя такую панику среди биржевиковъ и

спекуляторовъ стараго режима — и силѣ которыхъ предвѣщается здѣсь неограниченный ростъ?

Нѣкоторые изъ нихъ уже перечислены нами выше при перечнѣ лицъ, являющихся организаторами и направителями стальнаго трёста. Къ нимъ можно было бы прибавить имена Арчбольда, Хольдена и немногихъ другихъ: въ сущности, въ кликѣ этой насчитается не болѣе дюжины лицъ, которыя почти всѣ связаны другъ съ другомъ прочными узами давнишней семейной дружбы; всѣ они происходятъ отъ старинныхъ небогатыхъ американскихъ родовъ, отнюдь не порвали связей своихъ съ провинціей, гдѣ провели въ скромныхъ условіяхъ раннюю молодость (Джонъ Рокефеллеръ, напр., школьнымъ учителемъ въ городѣ Кливелэндѣ), знаютъ народъ, какъ свои пять пальцевъ, и отнюдь не могутъ назваться ни жосткими эгоистами, ни людьми, лишенными патріотизма.

Судя по тому, что̀ приходится наблюдать въ сферѣ частной жизни и интересовъ этихъ магнатовъ,—начинающихъ фигурировать въ воображеніи слабыхъ согражданъ чѣмъ-то въ родѣ неумолимаго рока, — это ни болѣе, ни менѣе, какъ чрезвычайно умные американцы, которымъ случай открылъ глаза на ихъ собственныя громадныя способности по части организаціи большихъ предпріятій. Денегъ у нихъ столько, что ихъ уже ничто не прельщаетъ изъ того, что̀ можно купить на деньги: нѣтъ въ нихъ, — насколько можно пока судить,—и политическаго честолюбія. Конечно, сознаніе мощи, связанной съ ихъ непомѣрнымъ богатствомъ, должно быть пріятнымъ для самолюбія; но политическими дѣятелями они пользуются лишь для преслѣдованія цѣлей матеріальныхъ. Немало вниманія здѣсь было привлечено въ мартѣ мѣсяцѣ тѣмъ фактомъ, что направители «Стальнаго трёста» скупили у сенатора Марка Ханна принадлежавшую ему пароходную компанію, которая дѣйствовала на великихъ озерахъ; высказывались опасенія того, какъ бы не произошло сліянія силы политической, — нити которой сосредоточены въ рукахъ Марка Ханна, два раза проведшаго въ президенты Макъ-Кинлея и пробравшагося въ сенаторы, какъ утверждаютъ, путемъ прямаго подкупа членовъ законодательнаго собранія штата Огайо,—съ громадной мощью стандарта. Но тревога оказалась фальшивою: Маркъ Ханна къ трёсту привлеченъ не былъ, по крайней мѣрѣ, открыто.

Что̀ можно засвидѣтельствовать вполнѣ утвердительно—это то, что члены стандарта и другіе крупнѣйшіе организаторы и направители трёстовъ отнюдь не томятся угрызеніями совѣсти насчетъ того, что установляемыя ими условія жизни плохо вяжутся съ первоначальными политическими и соціальными идеалами насадителей

республики. Эти господа совершенно спокойны въ томъ убѣжденіи, что трёсты являются отвѣтомъ на созрѣвшую въ самой жизни настоятельную потребность, вызванную интернаціональною индустріальной конкурренціей; что дѣятельность ихъ совпала съ извѣстнымъ переходнымъ періодомъ развитія ихъ отечества, и что, не примись они за дѣло — оно попало бы въ иныя руки и дало бы, чего добраго, гораздо болѣе опасную власть людямъ, менѣе ихъ преданнымъ республиканской формѣ правленія...

Что прежняя *демократическая форма республики идетъ на упраздненіе*—съ этимъ уже начинаютъ соглашаться всѣ серьезные наблюдатели; воззрѣнія, устанавливающіяся на этотъ счетъ среди американцевъ, были ярко выставлены на видъ въ журнальной статьѣ извѣстнаго публициста, д-ра Woodraw Wilson, профессора политической экономіи, — если не ошибаюсь, — въ университетѣ Принцтона [1]). Но чѣмъ придется замѣнить эту демократическую форму республики — на то имѣется бездна различныхъ мнѣній; перевѣсъ, впрочемъ, склоняется на сторону тѣхъ, которые убѣждены, что сама жизнь выработаетъ и новыя формы, или, — какъ утверждаетъ одинъ изъ самыхъ молодыхъ, видныхъ политико-экономовъ, проф. *Franklin H. Giddings* (профессоръ нью-іоркскаго большаго университета, *Columbia University*) «геній американскаго народа на свой ладъ приступитъ къ рѣшенію соціальнаго вопроса»...

Не далѣе какъ прошлымъ лѣтомъ, за время президентской кампаніи, поднимались громкія требованія «уничтожить трёсты»; но за послѣднее время крики эти постепенно замѣняются требованіями учредить строгій правительственный надзоръ за трёстами и регулировать ихъ дѣятельность: успѣшность этой системы дѣйствій, понятно, будетъ зависѣть отъ того, насколько само правительство находится подъ воздѣйствіемъ трёстовъ, а это представляетъ собою пока «неизвѣстную величину», которую намъ искать не приходится...

Въ связи съ вопросомъ о трёстахъ невозможно не отмѣтить новаго явленія американской жизни въ томъ процессѣ усиленной соціальной нивеллировки, что наблюдается въ Соединенныхъ Штатахъ за послѣднія времена. Состоянія многихъ частныхъ лицъ дошли до такой неимовѣрной величины; грядущій ростъ богатства направителей громадныхъ трёстовъ до того умопомрачителенъ, что передъ этими состояніями стушевываются неравенства остальныхъ гражданъ: люди, имѣющіе какихъ нибудь тридцать или сорокъ тысячъ долларовъ годоваго дохода, и не пытаются жить открыто въ Нью-Іоркѣ, откровенно заявляя, что имъ не подъ силу «тянуться

[1]) *The efficiency of Democracy*. Atlantic Monthly—March 1901.

за богачами»... А, между тѣмъ, настоящіе богачи,—люди, состояніе которыхъ насчитывается многими десятками милліоновъ, — быстро пресыщаются всѣмъ, что могутъ доставлять деньги; тогда какъ другіе изъ нихъ числа, подобно Рокефеллерамъ, и не склонны ни къ какимъ удовольствіямъ, доставляемымъ деньгами. Чѣмъ скажется этотъ процессъ нивеллировки съ одной стороны и «видовой подборъ», происходящій въ средѣ самихъ крупнѣйшихъ богачей Америки съ другой—покажетъ будущее. И то, и другое не можетъ не отразиться своимъ воздѣйствіемъ и на дальнѣйшемъ политическомъ развитіи «величайшей, по индустріальному развитію, страны свѣта».

В. Манъ-Гаханъ.

Нью-Іоркъ, 1901 г.

Въ Грузіи.

Полдень.

Тѣнь отъ облака проходитъ по горѣ.
Въ душномъ воздухѣ несется паръ отъ зною.
Въ даль, повитую туманной пеленою,
Горы тянутся, сверкая въ серебрѣ.

Въ тѣнь упряталась, подъ кленъ широколистый,
Обезсилена дремотой, барантà.
Птица трепетно сверкаетъ, какъ мечта,
Бѣлой искоркой средь синевы лучистой.

Вѣтеръ изрѣдка повѣетъ, сухъ и жгучъ,
Въ листьяхъ дремлющихъ зашелеститъ несмѣло.
У часовенки съ иконой почернѣлой
Слезы тихія струитъ безшумный ключъ.

И молитвенно возносятся къ лазури,
Къ царству властнаго небеснаго огня,
Переливами сребристыми звеня,
Звуки жалобной пастушьей «саламури» [1])...

Князю И. Г. Чавчавадзе [2]).

Старый другъ, собратъ мой славный
Въ пѣснопѣньяхъ и борьбѣ!
Я мечтою своенравной
Часто, часто рвусь къ тебѣ.

[1]) Саламури—грузинская свирѣль.
[2]) Глава современной грузинской поэзіи.

И минувшія невзгоды
Вспоминать отрадно мнѣ,
Пѣсни скорби, мыслей всходы
И мечту о старинѣ!

Насъ томила вражья злоба,
Жгла намъ сердце клеветой,
Много змѣй попрали оба
Мы презрительной пятой.

Много слезъ тайкомъ пролито
И надеждъ погребено;
Думъ высокихъ пережито,
Жгучей вѣры зажжено!..

Но, увы, судьба призвала,
Зовомъ правды вѣковой,
Насъ въ тѣ дни, когда завяло
Все, чѣмъ цвѣлъ твой край родной!

Богатырскій мечъ не нуженъ,
Пѣсенъ жадность не поетъ,
И законъ, съ богатствомъ друженъ,
Трусамъ доблесть придаетъ!

Жизни праведной обычай,
Вѣру дѣтскую въ Христа
Мглой неискреннихъ приличій
Омрачила суета.

Слово правды быстро тонетъ
Средь наемной клеветы;
Рабъ лукавый сильныхъ гонитъ
Къ униженьямъ нищеты...

Хоть и брезжетъ лучъ разсвѣта,—
Знанье, трудъ,—но далеко!
Сердцу витязя-поэта
Ждать въ истомѣ нелегко.

То ли дѣло—дни бывали,
Дни великой старины!
Снять бы дѣдовскую «хмали» [1])
Въ гордой башнѣ со стѣны,

[1]) Хмали—грузинская сабля.

Поскакать летучимъ барсомъ—
И за родину свою
На Чолòкѣ иль подъ Карсомъ
Славно пасть въ честнóмъ бою!..

Королева.

Нефтяная королева
И направо, и налѣво
Всѣмъ киваетъ горделиво,
Развалясь въ ландо лѣниво.

И она, и мужъ—уроды,
А притомъ—игра природы—
Королевичи, ихъ дѣти,
Всѣхъ прекраснѣе на свѣтѣ.

И она, и мужъ—обрубки,
А у дѣтокъ что̀ за губки,
Что̀ за носики и глазки,
Словно ангелы изъ сказки...

Тамъ прочна ли добродѣтель?
Да! Тифлисъ тому свидѣтель:
Къ ней просилось много франтовъ
Въ должность... скажемъ, адьютантовъ,

Но старались безполезно:
Польщена, весьма любезна,—
Но и чарамъ Аполлона
Не сдалась бы та матрона!

Запахъ вкусныхъ милліоновъ
Отперъ двери всѣхъ салоновъ,
Но,—Тифлисъ тому свидѣтель,—
Цѣнятъ въ ней и добродѣтель!

И, пресыщена почтеньемъ,
Съ худо скрытымъ нетерпѣньемъ
Всѣмъ киваетъ королева
И направо, и налѣво,—

И, вытягивая шею,
Смуглолицему лакею
Говоритъ изъ-подъ вуали:
— Гиго-джанъ! Домой нельзя ли? [1])

А лакей-то—заглядѣнье!
Онъ дворянчикъ безъ имѣнья;
Но въ глазахъ-то нѣги, ласки,
Какъ у витязя изъ сказки...

Всколыхнулися подвѣски
На малиновой черкескѣ:
Охорашиваясь томно,
Витязь ей мигнулъ нескромно...

Вслѣдъ умчавшейся матронѣ,
На купеческомъ балконѣ,
Отпуская комплименты,
Говорятъ «интеллигенты»:

«Вотъ, какъ будто, некрасива,
А дѣтишки—просто диво.
И супругъ на видъ прегадокъ...
Вотъ загадка изъ загадокъ»!

И толстякъ, со взоромъ чваннымъ
И дипломомъ иностраннымъ,
Поднялъ жирненькія руки:
«Объясненье есть въ наукѣ!

Въ милліонахъ тутъ все дѣло!
Накопивъ, плодитесь смѣло:
Отъ богатства у народа
Улучшается порода»!

---

[1] Гиго-джанъ—голубчикъ Георгій (ласкательное обращеніе).

Сагурамо [1]).

Тихій вечеръ въ Сагурамо...
Умолкающій просторъ...
Въ отдаленьѣ—панорама
Залитыхъ багрянцемъ горъ.

Тамъ—скалистые отроги,
Тутъ—лѣсистые хребты;
И Казбекъ сверкаетъ, строгій,
Горделивый, съ высоты!..

На скалѣ бѣлѣетъ древній
Храмъ—былаго стражъ святой...
Живописныя деревни
Тонутъ въ зелени густой.

Виноградники рядами,
Кукурузныя поля...
Точно пестрыми коврами
Разукрашена земля!

Вдалекѣ, гдѣ лучъ заката
Не сдается силѣ тьмы,
Дымкой пурпура объяты,
Дремлютъ сизые холмы.

Вотъ Арагва по долинѣ,—
Дочь далекихъ вѣчныхъ льдовъ,—
Вьется змѣйкой свѣтло-синей
Средь посѣвовъ и садовъ;

Дѣти, женщины—толпою
Съ кувшинами у рѣки,
И плетутся къ водопою
Кони, ослики, быки.

Покидая бурой нивы
Плугомъ взрытыя бразды,

---

[1]) Сагурамо, имѣніе князя И. Г. Чавчавадзе, одно изъ красивѣйшихъ въ Грузіи.

Къ саклямъ движутся лѣниво
Черныхъ буйволовъ ряды:

То супряги разомкнули
Звенья общаго труда...
Пѣснь аробщика, «урмули»,
Раздается иногда;

Поднимается высоко,
До мерцающей звѣзды!..
Плеску горнаго потока
Внемлютъ сонные сады...

У балкона—плескъ фонтана:
Въ чашу льются изъ скалы
Струйки влаги неустанно,
Животворны и свѣтлы;

Здѣсь и въ ночь, и въ полдень жаркій,
Подъ орѣхомъ вѣковымъ
Дремлютъ бѣлыя овчарки
Чуткимъ сномъ сторожевымъ.

Въ тучахъ спитъ Казбекъ угрюмый
За грядою темныхъ горъ.
Полнъ величественной думой
Замирающій просторъ.

Изъ ущелья, гдѣ лезгины
Въ годы грозной старины
Шли набѣгомъ,—ширь долины
Золотятъ лучи луны...

И все звонче раздается
Плескъ фонтана въ тишинѣ;
Вторя плеску, плавно льется
Пѣснь о славной старинѣ:

Руставели [1]) стихъ завѣтный—
Простъ, могучъ и величавъ,
Красотою многоцвѣтной
Правду неба увѣнчавъ.

[1]) Руставели—великій грузинскій поэтъ, современникъ царицы Тамары.

И наслѣдникъ тѣхъ созвучій,
Пѣснопѣвецъ новыхъ дней,
Посвящаетъ стихъ пѣвучій
Скорбной родинѣ своей.

Эту тишь и эти звуки,
Какъ небесную росу,
Сердце пьетъ—и въ сладкой мукѣ
Любитъ Грузію-красу...

Василій Величко.

МИЛЛІОНЩИКЪ.

(Повѣсть изъ космополитическихъ нравовъ).

X.

Парижъ отличается отъ всѣхъ прочихъ столицъ тѣмъ, что онъ точно задалъ себѣ цѣль походить на каждую изъ нихъ въ отдѣльности и, вслѣдствіе этого, сдѣлался космополитическимъ городомъ, по преимуществу излюбленнымъ иностранцами, которые притекаютъ въ его стѣны со всѣхъ концовъ свѣта и тотчасъ же чувствуютъ себя здѣсь, какъ дома. И въ дѣйствительности Парижъ представляетъ собой какъ бы всесвѣтный музей, заключающій образчики какъ цивилизаціи, такъ и варварства всѣхъ земныхъ племенъ. По этой причинѣ, парижаниномъ считается не столько тотъ, кто въ немъ родился, сколько тотъ, кто усвоилъ его себѣ, такъ сказать, натурализаціею сердца. Для этого достаточно приноровиться къ извѣстнымъ идеямъ, принципамъ и привычкамъ, о которыхъ можно бы написать цѣлые томы, но которые усвояются уже трехдневнымъ пребываніемъ въ Парижѣ,—тѣмъ простымъ фактомъ, что дышешь одинаковымъ съ парижанами воздухомъ.

Этотъ космополитизмъ Парижа, сдѣлавшій изъ него средоточіе общечеловѣческаго прогресса, вмѣстѣ съ тѣмъ заслужилъ ему кличку «міроваго мозга». И это названіе не есть только метафора: оно оправдывается тѣмъ, что въ Парижѣ вы найдете учениковъ, послѣдователей и фанатиковъ всѣхъ міровыхъ идей, интересовъ, искусствъ и религій. И если далѣе продолжить это сравненіе, можно еще сказать, что мозгъ этотъ заключенъ въ черепѣ, орошенномъ живительною кровью. Новый Галль, который вздумалъ бы изучить этотъ громадный черепъ, именуемый городомъ Парижемъ, могъ бы, по существо-

ванію того или другаго квартала, того или другаго памятника, заключить о возникновеніи и развитіи тѣхъ или другихъ идей и промышленностей, имѣющихъ свое вѣрное отраженіе во внѣшнемъ планѣ и архитектурѣ города. Наука, торговля, трудъ и удовольствіе,—все, что̀ составляетъ, однимъ словомъ, предметъ человѣческой дѣятельности, имѣютъ въ Парижѣ свое опредѣленное мѣстонахожденіе, подобно тому, какъ, по ученію френологіи, душевныя качества отвѣчаютъ тому или другому строенію черепа.

Вотъ почему Елисейскія поля, бульвары, Латинскій кварталъ и т. д. вызываютъ въ умѣ представленіе не только объ извѣстныхъ зданіяхъ, находящихся въ нихъ, но напоминаютъ о принципахъ ихъ существованія, послѣдователи которыхъ точно принадлежатъ иногда къ различнымъ планетамъ.

Такое распредѣленіе по разнымъ кварталамъ интеллигентной и общественной жизни Парижа придаетъ ему неизъяснимую прелесть, дающую возможность, смотря по настроенію, перенестись въ ту или другую мѣстность, вполнѣ соотвѣтствующую вашему чувству въ данную минуту.

Вы встрѣтите въ Парижѣ, рядомъ съ чудными дворцами и веселыми проулками, самыя мрачныя улицы и притоны.

Но этотъ контрастъ только дополняетъ живописную физіономію Парижа, подобно тому, какъ глубокая морщина міровой скорби не обезображиваетъ свѣтлаго чела мыслителя.

Эти общія замѣчанія, быть можетъ, не излишни для того, чтобы объяснить тѣ причины, которыя побудили Петрова, изобрѣтателя новаго состава подъ названіемъ «пирогранита», пріѣхать въ Парижъ и удерживали его здѣсь, не смотря на отчаянное положеніе, въ которомъ онъ находился вмѣстѣ со своей дочерью Надей. И, не смотря на эти ужасныя обстоятельства, онъ не былъ въ состояніи покинуть городъ, приковавшій его къ себѣ своей кипучей жизнью и казавшійся ему той благословенной почвой, на которой произрастаютъ и рѣютъ всѣ великія идеи и открытія.

Петръ Петровъ принадлежалъ по темпераменту къ той маленькой группѣ людей столь великихъ и столь несчастныхъ,—называемыхъ изобрѣтателями,—которыхъ жизнь проходитъ въ святой мечтѣ о счастьѣ другихъ, въ то время какъ и сами борются въ ужасной нуждѣ. Когда же, наконецъ,

они кончаютъ жизнь въ госпиталѣ, какой нибудь ловкачъ, случайно натолкнувшійся на слѣдъ оставленнаго ими открытія, присвояетъ его себѣ, эксплуатируетъ и наживаетъ огромное состояніе!

Еслибы поискать причину такой несправедливости судьбы, то можно бы ее найти въ идеализмѣ изобрѣтателя... Подобно матери, желающей видѣть въ своемъ ребенкѣ соединеніе всѣхъ добродѣтелей и талантовъ, изобрѣтатель хочетъ достигнуть совершенства въ своемъ открытіи. Днемъ и ночью онъ работаетъ надъ нимъ, мучится съ нимъ, совершенствуетъ его, забывая, что и человѣческой жизни не хватило бы для достиженія идеала. Такова исторія почти всѣхъ изобрѣтеній.

Еслибы Стефенсонъ, при усовершенствованіи паровой машины, возмечталъ о типѣ нынѣшняго локомотива, быть можетъ, мы до сихъ поръ путешествовали бы на почтовыхъ.

Эта требовательность къ самому себѣ, истекающая изъ самыхъ возвышенныхъ и благородныхъ побужденій человѣческаго сердца, была вмѣстѣ съ тѣмъ одной изъ причинъ неуспѣха Петрова. Онъ все откладывалъ эксплуатацію своего открытія, желая его улучшить. Другой причиной этого неуспѣха была вражда, встрѣчаемая изобрѣтателемъ на своемъ пути. Куда Петровъ ни являлся со своимъ открытіемъ, онъ всюду встрѣчалъ глухой отпоръ, основанный на зависти или глупости. Въ этой смертельной борьбѣ, которую геніальный человѣкъ выдерживаетъ противъ коалиціи всѣхъ низостей, Петровъ потерялъ здоровье и состояніе,—все, кромѣ надежды. Жена его умерла отъ лишеній. Быть можетъ, онъ самъ бы погибъ, не будь его дочери Нади, удивительной дѣвушки, соединявшей съ красотою высокія качества души. Она безъ ропота подчинилась своей судьбѣ, не понимая, какъ могла бы покинуть отца, и постоянно одобряя его среди испытаній. Эти два любящія существа пріѣхали въ Парижъ ко времени открытія всемірной выставки.

Еще задолго передъ этимъ событіемъ, Петровъ мечталъ о немъ, какъ о небесномъ видѣніи. То была дверь, долженствовавшая открыть ему доступъ въ рай. Здѣсь изобрѣтенный имъ составъ могъ быть выставленъ и одобренъ всѣмъ свѣтомъ. Онъ былъ убѣжденъ, что его открытіе привлечетъ всеобщее вниманіе, что каждая страна, каждый городъ пожелаетъ вы-

мостить улицы его превосходнымъ неломающимся пирогранитомъ, и передъ нимъ открывалась будущность, исполненная безконечнаго счастья, богатая, обезпеченная жизнь около его дорогой Нади.

Чтобъ исполнить этотъ планъ и пріѣхать въ Парижъ, Петровъ на время позабылъ о своемъ открытіи. Онъ поступилъ мастеромъ на фабрику, работая безъ отдыха по 14 часовъ въ сутки. Великій день, наконецъ, насталъ! Необходимыя для дороги деньги были собраны и онъ пріѣхалъ съ дочерью въ Парижъ съ образчиками своего гранита. Они наняли скромную комнату по ту сторону Сены и мало-по-малу вошли въ потокъ парижской жизни.

Петровъ получилъ на выставкѣ пространство въ одинъ квадратный метръ, чтобы выставить свое изобрѣтеніе. Въ началѣ все шло хорошо. Предприниматели различныхъ странъ вступили съ нимъ въ переговоры насчетъ покупки его патента. Но предлагаемыя условія не соотвѣтствовали его мечтамъ. По его мнѣнію, дѣло было милліонное. Онъ видѣлъ передъ собой перспективу вымостить всѣ города Стараго и Новаго Свѣта. Съ утра онъ уже стоялъ на выставкѣ на своемъ мѣстѣ, около образчиковъ своего гранита, раздавая прохожимъ объяснительныя брошюры. Отъ времени до времени, когда около него останавливалась толпа зѣвакъ, привлеченныхъ не то его видомъ пророка, съ развѣвающимися сѣдыми волосами и блестящими глазами, не то красотой Нади, сидѣвшей около него, Петровъ схватывалъ молотокъ и, ударяя изо всѣхъ силъ по гранитной плиткѣ, возбужденно глядѣлъ на толпу, все надѣясь, что вотъ выступитъ тотъ ожидаемый человѣкъ, который предложитъ ему милліоны за его изобрѣтеніе.

Апоѳеозомъ Петрова былъ тотъ день, когда къ нему подошелъ президентъ республики. Президентская группа остановилась на минуту передъ его гранитомъ, покуда комисаръ объяснялъ сущность изобрѣтенія. Петровъ, съ блѣднымъ отъ волненія лицомъ, ударилъ по граниту съ такой силой, что даже искры посыпались. Президентъ съ пріятной улыбкой пожалъ ему руку, поздравляя съ открытіемъ.

Весь этотъ день Петровъ чувствовалъ себя счастливымъ, вѣря въ осуществленіе своихъ надеждъ. Дѣйствительно, спустя нѣсколько дней, онъ былъ награжденъ золотой медалью. Но,

не смотря и на это, покупатели не являлись. Никто не отваживался рискнуть капиталомъ на предпріятіе, еще не испытанное. А выставка приходила къ концу. Безпокойство овладѣло Петровымъ. Онъ сталъ ходить по министерствамъ, ожидая прямой помощи отъ правительства. Дума предложила ему вымостить для пробы часть улицы, но въ средствахъ отказала. Въ этомъ и заключалось препятствіе. Между тѣмъ, привезенныя изъ Россіи деньги были истрачены. Нужда самая крайняя предстала передъ ними. Онъ обратился за помощью. Но тѣ, которые его знали, стали его избѣгать, называя «пустымъ мечтателемъ».

Таково было положеніе Петрова и его дочери, когда баронъ встрѣтилъ ихъ въ Café de la Paix.

XI.

Жилище барона представляло собою болѣе чѣмъ убогую обстановку, которую вся его разносторонняя дѣятельность не была въ состояніи разукрасить.

Какъ было сказано, онъ жилъ по близости Биржи, въ одной изъ тѣхъ узкихъ и грязныхъ улицъ, которыя какимъ-то чудомъ сохранились еще отъ стараго Парижа, въ сосѣдствѣ роскошныхъ кварталовъ. Улица эта, мрачная и извилистая, имѣла выходъ на бульваръ, подобно тому, какъ водосточная труба выливается въ прозрачную рѣку. Тутъ, въ шестомъ этажѣ дома, подозрительнаго и мрачнаго вида, навѣвающаго мысль о предательской засадѣ, онъ занималъ квартиру, состоявшую изъ комнаты и смежнаго съ ней чулана. Комната, выходившая низкимъ и широкимъ окномъ на маленькій и темный дворикъ, болѣе похожій на колодезь, служила гостинной, столовой и спальней. Въ голомъ и холодномъ чуланѣ, мощеномъ краснымъ кирпичемъ, единственною мебелью была желѣзная кровать, принадлежавшая покинутой Сусаннѣ. Кромѣ того, на полу стояли двѣ большія клѣтки, наполненныя упомянутыми выше бѣлыми крысами. Обстановка гостинной состояла изъ кровати, обѣденнаго стола, покрытаго клеенкой, и небольшаго диванчика, выпрошеннаго барономъ у своего покровителя. Къ камину была приставлена желѣзная круглая печка, служившая также кухонной плитой. Надъ столомъ висѣла керо-

синовая лампа. Единственнымъ украшеніемъ комнаты были двѣ вазы съ букетами изъ давно полинявшихъ искусственныхъ цвѣтовъ, стоявшія на каминѣ, между которыми виднѣлась подставка для карманныхъ золотыхъ часовъ, принадлежавшихъ Ирмѣ и исчезавшихъ отъ времени до времени въ закладѣ въ кассѣ ссудъ. Эти часы, полученные Ирмой въ подарокъ отъ ея перваго возлюбленнаго, въ шутку прозванные барономъ «призомъ добродѣтели», служили вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрнымъ барометромъ хорошаго или дурнаго настроенія Ирмы, смотря по тому, виднѣлся ли ихъ циферблатъ въ подставкѣ, или отсутствовалъ изъ него. Итакъ, въ 7 часовъ того дня, о которомъ идетъ рѣчь, баронъ находился у себя и, пообѣдавши, сидѣлъ на кушеткѣ, занятый набиваніемъ папиросъ.

Противъ него, за столомъ, сидѣла Сусанна, на видъ еще ребенокъ, съ миловиднымъ, блѣднымъ личикомъ и страдальческимъ выраженіемъ раненой птички.

Исторія ея была короткая и грустная. Пріѣхавъ изъ провинціи въ Парижъ, гдѣ у нея жила родная тетка, она поступила ученицей въ мастерскую дамскихъ нарядовъ, въ одинъ изъ большихъ магазиновъ rue de la Paix. Однажды, по обыкновенію, въ 12 часовъ дня, она вышла изъ магазина, чтобъ закусить въ сосѣднемъ ресторанѣ. Винтусъ, бродившій по близости, замѣтилъ ее и сразу подошелъ къ ней. Онъ тотчасъ же заговорилъ съ ней о знакомомъ ему князѣ-богачѣ, который будто бы ужь видѣлъ ее, влюбился и желаетъ озолотить и одарить ее. Сусанна, начитавшаяся Поль де-Кока, вообразила, что у нея начинается романъ, и согласилась на свиданіе. Овиновъ, увѣдомленный барономъ, не преминулъ прійти. Нѣсколько дней онъ забавлялся съ нею. Дѣвушкѣ, переставшей посѣщать магазинъ, было отказано отъ мѣста, а затѣмъ тетка выгнала ее изъ дому. Сусанна переѣхала жить въ гостинницу, въ ожиданіи апартамента, который князь намѣревался для нея омеблировать. Но прошло нѣсколько недѣль, а Овиновъ точно сквозь землю провалился. Она потребовала объясненія отъ Винтуса, на что тотъ туманно отвѣчалъ, что князь уѣхалъ путешествовать неизвѣстно куда. Тогда Сусанна хладнокровно объявила, что она съ мѣста отправляется броситься въ Сену. Винтусъ не на шутку испугался. Онъ зналъ по статистикѣ парижскихъ самоубійствъ, что никто храбрѣе не убиваетъ себя,

какъ эти дѣти. Опасаясь скандала, онъ пріютилъ ее до поры до времени у себя. По его настоянію, Овиновъ передалъ ему 100 франковъ, чтобъ отправить ее на родину, но деньги онъ промоталъ и теперь ждалъ новой получки. Что касается до Ирмы, она долѣе не хотѣла держать дѣвочку у себя: они и вдвоемъ еле-еле сводили концы съ концами. Такимъ образомъ, Сусанна жила, со дня на день все ожидая чего-то, принимая всю вину на себя и все таки храня въ своемъ сердцѣ какое-то поклоненіе предъ господиномъ княземъ, какъ она его называла, оставшимся въ ея воображеніи существомъ сверхъестественнымъ и сказочнымъ.

Ирма стала собираться уходить. Каждый вечеръ она шла на службу въ сосѣдній маленькій театръ, гдѣ при буфетѣ продавала лимонадъ пятиярусной публикѣ.

— Итакъ, господинъ баронъ, вы говорите, что видѣли господина князя?—спросила Сусанна съ должнымъ почтеніемъ.

— Да,—отвѣтилъ Винтусъ.—Я видѣлъ его только на минуту, такъ какъ онъ торопился ѣхать къ посланнику. Онъ очень разсердился, узнавъ, что ты еще не уѣхала. Если ты не желаешь совсѣмъ поссориться съ нимъ, ты должна ѣхать скорѣй.

— Хорошо, я поѣду,—отвѣтила Сусанна, въ тайнѣ желавшая остаться, и все еще на что-то надѣясь.

— И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше,—вмѣшалась Ирма.—А что касается до тебя, — обратилась она къ барону, — помни, что если ты не достанешь денегъ, я брошу все и уйду. Или нѣтъ, вѣрнѣе, я сама вышвырну тебя отсюда.

Она взглянула на пустую подставку и еще болѣе вспылила.

— Это просто срамъ! Послѣдняя тротуарная кокотка наряжена лучше меня, честной женщины. Мнѣ изъ-за этого скоро отъ мѣста откажутъ. Но обѣщаю тебѣ, что ты дорого за это поплатишься.

— Ну, не сердись, моя маленькая,—отвѣтилъ баронъ, вставая.—Вотъ какъ разъ я выхожу по важному дѣлу.

Онъ взялъ цилиндръ и сталъ его чистить обшлагомъ рукава.

— А ты не вздумай зажечь лампу; нечего понапрасну жечь керосинъ,—обратилась Ирма къ Сусаннѣ, готовясь уходить.

— Такъ позвольте мнѣ выйти вмѣстѣ съ вами,—попросила та.—Я не боюсь темноты, а боюсь этихъ гадкихъ крысъ... Мнѣ все кажется, что онѣ загрызутъ меня живую.

— Вотъ трусиха! — закричала Ирма. — Такъ иди себѣ на бульваръ. Будетъ тебѣ даромъ-то хлѣбъ ѣсть. Съумѣла найти себѣ князя; быть можетъ, теперь найдешь графа...

Сусанна тихо всхлипнула, утирая слезы.

Минуту спустя, всѣ трое спустились по лѣстницѣ, и Винтусъ, закуривъ папиросу, быстро зашагалъ по направленію къ бульвару.

XII.

Блестящій видъ свѣтящихся бульваровъ и волшебно освѣщенныхъ витринъ магазиновъ, не смотря на давнюю привычку, каждый разъ приводили барона въ какое-то опьяненіе, отъ котораго у него загоралась кровь, возбуждая въ немъ мечты о богатствѣ и славѣ. Свое возбужденіе онъ заливалъ кружками пива, наскоро осушенными на краю столиковъ, стоящихъ передъ бульварными кафе. И теперь онъ торопился выбраться изъ тѣсной толпы, невольно притягивавшей его къ себѣ.

Онъ вышелъ на уголъ улицы Ришельё, вскочилъ на омнибусъ, шедшій къ Пантеону, и съ ловкостью взобрался на имперіалъ.

Есть часъ, когда Парижъ, волнующійся днемъ, подобно бурному морю, приходитъ, наконецъ, къ спокойствію. Этотъ часъ начинается съ первымъ зажженнымъ фонаремъ и кончается съ закрытіемъ послѣдняго кафе. Борьба за существованіе затихаетъ, и какъ богачъ, такъ и бѣднякъ стремятся къ одной цѣли—отдыху и удовольствію.

Парижъ превращается въ столицу свѣта. Какъ женщина украшается на балъ сверкающими камнями, такъ и городъ заливается милліонами огней. Каждый домъ, такъ сказать, выбрасываетъ своихъ жильцовъ на тротуаръ, въ кафе, въ театры. Наступаетъ пора любви...

Парижъ иллюминуется подобно тѣмъ тропическимъ насѣкомымъ, которыя свѣтятся въ періодъ ухаживанія. Съ верхушки имперіала баронъ наблюдалъ, какъ въ продолженіе всей дороги мужчины и женщины точно искали другъ друга, сое-

диняясь въ общей потребности любить. Вдругъ само небо освѣтилось сіяніемъ: то были электрическіе лучи, спускавшіеся на городъ съ высоты башни Эйфеля. Баронъ сошелъ съ омнибуса напротивъ сада Люксембурга. Онъ прошелъ рядъ узкихъ пересѣкающихся улицъ Латинскаго квартала и вошелъ въ улицу La Glacière. Здѣсь онъ остановился передъ высокимъ домомъ, гдѣ жилъ Петровъ. Освѣдомившись у консьержа, онъ вошелъ на лѣстницу и поднялся въ третій этажъ. На его звонокъ дверь отворилась и показался самъ Петровъ. Онъ крѣпко пожалъ руку барона и провелъ его въ комнату. Надя сидѣла на диванѣ и протянула ему руку.

— А мы только что говорили о васъ,—обратился изобрѣтатель къ барону, усаживая его. — Вы не откажетесь выпить съ нами чаю, настоящаго русскаго чаю, полученнаго мною на выставкѣ,—предложилъ онъ, позвавъ дочь и выходя съ нею въ переднюю.

Онъ передалъ ей послѣдній, имѣвшійся у него, франкъ на покупку хлѣба и вернулся въ комнату.

— Пожалуйста, не хлопочите,—сказалъ баронъ.—Я только на минуту и долженъ еще сегодня написать двѣ статьи. Что прикажете? бѣдному человѣку надо работать.

— Работа это жизнь,—горячо твердилъ Петровъ,—но, къ сожалѣнію, работа не всегда означаетъ деньги. И онъ принялся описывать ему свои треволненія, трудности, которыя преодолѣлъ для пріѣзда въ Парижъ, предложенія, которыя получилъ за свое открытіе, но которыя не счелъ возможнымъ принять. Наконецъ, онъ упомянулъ о президентскомъ рукопожатіи. Потомъ откровенно описалъ ему нужду, въ которой теперь находился.

Тутъ баронъ объяснилъ ему цѣль своего посѣщенія. Онъ пришелъ отъ имени своего друга, князя Овинова, чтобъ передать его приглашеніе позавтракать съ нимъ на слѣдующій день вмѣстѣ съ дочерью. Покуда Петровъ растроганно благодарилъ, Надя принесла чай.

— Слышишь, Надя, — обратился къ ней отецъ. — Князь Овиновъ дѣлаетъ намъ честь пригласить насъ на завтракъ. Быть можетъ, онъ заинтересуется моимъ открытіемъ.

— Дай-то Богъ,—отвѣтила Надя, обрадовавшись.

— Только я долженъ васъ дружески предупредить, — за-

мѣтилъ баронъ,—что вамъ слѣдуетъ быть очень осторожнымъ въ обращеніи съ княземъ. Говорю это для вашего же добра. Не противорѣчьте ему ни въ чемъ. Вы знаете, онъ такъ избалованъ, а его высокое положеніе заставляетъ его часто скрывать отношенія, которыя ему приходится имѣть съ простыми смертными. Впрочемъ, я увѣренъ, что онъ будетъ восхищенъ, познакомившись съ вами и вашей дочерью.

— Но, можетъ быть, я буду лишнею,—замѣтила Надя.

— Напротивъ! Князь спеціально просилъ меня пригласить также и васъ,—поспѣшно отвѣтилъ баронъ.

— О, въ такомъ случаѣ я поѣду, — съ благодарнымъ порывомъ молвила Надя.

— Итакъ, завтра я заѣду за вами,—сказалъ баронъ, вставая и прощаясь.

Петровъ съ дочерью проводили его на лѣстницу.

— Спасибо вамъ,—говорили они ему вслѣдъ, покуда онъ торопился выйти на улицу.

XIII.

Баронъ начиналъ не на шутку безпокоиться. Овинова все еще не было. Ужь болѣе получаса онъ находился въ кабинетѣ ресторана Ларю съ Петровымъ и Надей, которыхъ привезъ сюда въ каретѣ, торопя кучера, чтобы не опоздать.

Онъ сидѣлъ на диванѣ, грызя ногти и потерявъ всякую охоту къ разговору.

Овиновъ уже не разъ сыгрывалъ съ нимъ такую штуку.

Однажды это было съ журналистомъ. Взбѣшенный тѣмъ, что Овиновъ не пріѣхалъ, и думая, что надъ нимъ смѣются, журналистъ бросился на Винтуса и отколотилъ его, да такъ, что у того цѣлую недѣлю не сходили синяки. Другой разъ то же произошло съ кокоткой; но та, болѣе практичная, овладѣла цилиндромъ барона изъ опасенія, чтобъ онъ не удралъ, и заставила его, грозя скандаломъ, заказать себѣ превкусный завтракъ съ устрицами и шампанскимъ, за который барону пришлось платить изъ собственныхъ денегъ.

Петровъ сидѣлъ въ размышленіи, видимо счастливый и не имѣя никакого подозрѣнія. Надя же, усѣвшись на краешкѣ кресла, въ простенькомъ темномъ платьѣ со своими густыми

волосами, большими задумчивыми глазами и безукоризненно правильнымъ оваломъ лица, напоминала тѣ грёзовскія головки, которыя какъ бы принадлежатъ къ идеальному міру.

Вдругъ подъ окнами раздался звукъ копытъ остановившихся на асфальтѣ лошадей.

— Это онъ,—обрадовался баронъ, подбѣгая къ окну, выходившему на площадь Madeleine.

Петровъ также подошелъ къ окну и остановился, пораженный роскошью упряжи и давно невидѣнными имъ красивыми русскими рысаками. Овиновъ въ свѣтломъ костюмѣ, съ тростью въ рукѣ, выходилъ изъ коляски, обращая на себя вниманіе прохожихъ.

Около коляски стоялъ пріѣхавшій съ нимъ князь Таранскій.

— Я пойду имъ навстрѣчу,—сказалъ баронъ, выходя изъ кабинета.

Онъ встрѣтилъ на лѣстницѣ Овинова, подымавшагося въ сопровожденіи князя Таранскаго и засуетившихся около нихъ гарсоновъ.

— Что, пріѣхали?—спросилъ Овиновъ.

Баронъ сдѣлалъ свой докладъ.

Дошедши до гостинной, Овиновъ быстро отворилъ дверь и остановился съ любопытствомъ среди комнаты. Дѣвушка видимо произвела на него пріятное впечатлѣніе.

— Ваше сіятельство!— расшаркивался, между тѣмъ, Петровъ со сдавленнымъ отъ робости голосомъ.

— Очень пріятно познакомиться,—отвѣтилъ ему Овиновъ, пожимая руку и приближаясь къ поднявшейся со стула Надѣ.— Пожалуйста, садитесь. Извините, что опоздалъ, но визиты, служебныя дѣла...—объяснялъ онъ добродушно.

Всѣ усѣлись.

Князь сѣлъ около Нади и нѣсколько разъ внимательно на нее взглянулъ. Противъ обыкновенія, лицо его горѣло румянцемъ.

— Что же, любезный баронъ, — обратился къ нему Овиновъ. — Вы еще не заказали завтрака: это, право, непростительно.

Человѣкъ съ записной книжкой и карандашемъ, почтительно нагнувшись и вытянувъ шею, приблизился къ Овинову, ожидая приказаній.

— Послушайте, метръ-д'отель,—замѣтилъ ему Овиновъ,—я въ прошлый разъ остался очень недоволенъ поданными мнѣ устрицами. Помните? Я, право, перестану у васъ бывать.

— Ваше сіятельство, можете быть спокойны. Я сдѣлалъ строжайшій выговоръ нашему шефу,—услужливо отвѣтилъ метръ-д'отель, — по правдѣ сказать, не помнившій ничего такого и не сдѣлавшій никому никакихъ выговоровъ.

— Яйца кокотъ,—предложилъ онъ, записывая въ книжку. Овиновъ согласился.

— Мы только что получили чудныя краснобородки,—продолжалъ записывать метръ-д'отель. — А для жаркаго филе шевреёль, не такъ ли?

— Хорошо. И дайте намъ Понтэ-Канэ,—приказалъ Овиновъ.

— 68 года?

— Да.

Метръ-д'отель исчезъ. Подали закуску.

— Ну, какъ вамъ нравится Парижъ? — обратился Овиновъ къ Надѣ.—Здѣсь вѣдь лучше, чѣмъ въ Петербургѣ? Особенно для дамъ. Гдѣ у насъ такіе магазины, какъ напримѣръ, Лувръ?

— Мой отецъ любитъ Парижъ, но я все таки предпочитаю Россію,—отвѣтила Надя.—Правда, что я никуда не выхожу. Здѣсь одной страшно и ходить.

— Въ такомъ случаѣ, — отвѣтилъ Овиновъ, — я пришлю вамъ мою коляску. Пожалуйста, пользуйтесь ею, какъ своей.

Надя слегка вспыхнула. Невольное чувство благодарности тронуло ее.

Отецъ же ея былъ въ полномъ восхищеніи. Какое простое обращеніе у этого милліонера! Онъ воспользовался этой минутой и сталъ разсказывать Овинову о своихъ дѣлахъ.

Тотъ слушалъ разсѣянно, отъ времени до времени ободряя его кивкомъ головы и обѣщая все устроить. Нѣсколько тысячъ франковъ... Развѣ стоило говорить о такихъ пустякахъ? Онъ самъ съѣздитъ къ префекту, съ которымъ состоялъ въ лучшихъ отношеніяхъ, и, въ случаѣ чего, просто прикажетъ ему дать Петрову заказъ отъ имени города.

Петровъ чувствовалъ себя на седьмомъ небѣ. Баронъ, видимо, также ликовалъ. Только князь Таранскій и Надя составляли контрастъ своимъ молчаніемъ и серьезностью.

Между тѣмъ, завтракъ кончился. Овиновъ велѣлъ подать счетъ, вынувъ кредитный билетъ въ 500 франковъ. Когда ему принесли сдачу золотомъ, онъ сталъ пересчитывать золотые, передвигая ихъ пальцами по тарелкѣ.

Наконецъ, всталъ и, извиняясь, что не можетъ долѣе оставаться, сталъ прощаться.

— Будьте покойны,—обратился онъ къ Петрову.—Вы говорите: 10,000 франковъ? Я васъ увѣдомлю черезъ барона.

Онъ подошелъ къ Надѣ и, придерживая ея руку, долго съ нею прощался.

Выдя на лѣстницу, онъ подозвалъ къ себѣ барона и, приказавъ ему пріѣхать къ нему на слѣдующій день утромъ, передалъ 20 франковъ, чтобъ тотъ повелъ Петрова и его дочь гулять на бульвары и еще угостилъ бы ихъ.

Сѣвъ въ коляску и приказавъ Юліи ѣхать въ Bois de Boulogne, Овиновъ обратился къ сидѣвшему около него князю Таранскому.

— Что же ты все молчишь?—упрекнулъ онъ его. Я вѣдь тебя отправлю въ Москву. Мнѣ отъ тебя положительно нѣтъ никакой пользы.

Князь не отвѣчалъ, и остальную дорогу Овиновъ уже не заговаривалъ съ нимъ.

XIV.

Прошла недѣля, а Петровъ все не имѣлъ никакихъ извѣстій отъ Овинова. Невыносимое мученіе смѣнило розовыя надежды. Еслибъ онъ зналъ адресъ милліонера, онъ, быть можетъ, и отыскалъ бы его. Но онъ не зналъ, гдѣ живетъ Овиновъ, да къ тому же, если тотъ не присылалъ за нимъ, значитъ онъ его забылъ. Хозяйка, не будучи въ состояніи долѣе ждать уплаты денегъ, увѣдомила его, что онъ долженъ очистить квартиру къ слѣдующему дню. Послѣдніе дни они питались лишь однимъ хлѣбомъ. Это была медленная смерть за неимѣніемъ нѣсколькихъ франковъ на пищу, — смерть отъ нищеты среди роскошнаго Парижа, гдѣ на каждомъ шагу наталкиваешься на несмѣтныя сокровища; среди того Парижа, гдѣ постоянно попадаются навстрѣчу богачи съ тугими карманами, но которые, по роковымъ условіямъ общественнаго строя, ско-

рѣе бросятъ корку хлѣба проголодавшейся собакѣ, но отвернутся отъ бѣдняка, протягивающаго имъ руку...

Петровъ сидѣлъ въ своей постылой комнатѣ по цѣлымъ часамъ, обхвативъ голову руками и ища выхода изъ своего положенія. Иногда онъ взглядывалъ на дочь и внутренно содрогался: какъ похудѣла она, бѣдняжка, за послѣднее время!

Утромъ на слѣдующій день, когда Надя выходила изъ дома, консьержъ подалъ ей письмо, которое какая-то женщина поручила передать ей въ собственныя руки. Она взяла его и распечатала на улицѣ. Въ письмѣ стояло слѣдующее:

«Будьте такъ любезны прійти сегодня въ 9 часовъ вечера на уголъ улицы La Glacière по весьма важному дѣлу. Не говорите ничего вашему отцу».

Письмо было безъ подписи.

Не будь тѣхъ тяжелыхъ обстоятельствъ, въ которыхъ они находились, она сказала бы все отцу, но теперь рѣшилась ничего не сообщать объ этой, быть можетъ, послѣдней надеждѣ на спасеніе.

Цѣлый день она провела въ страшномъ нервномъ возбужденіи. Наконецъ, насталъ условленный часъ и, сказавъ отцу, что скоро вернется, она направилась къ мѣсту свиданія, дошла до угла пустыннаго и широкаго бульвара и остановилась.

Вдругъ мужская тѣнь двинулась къ ней. Это былъ Винтусъ.

— Какъ, это вы?—воскликнула Надя.

Баронъ казался смущеннымъ.

— Да, это я, — поклонился онъ съ изысканною любезностью. — Сядемте-ка здѣсь на скамейку; я имѣю сообщить вамъ кое-что серьезное.

Она послѣдовала молча за нимъ и они подошли къ поставленной между деревьями скамейкѣ. Баронъ услужливо стряхнулъ съ нея платкомъ пыль и пригласилъ Надю сѣсть. Самъ онъ сѣлъ около нея, вынулъ свой портсигаръ и закурилъ папиросу. Его блѣдное и костлявое лицо на минуту освѣтилось зажженной спичкой. Круглые лихорадочные глаза, озабоченно наморщенный лобъ придавали ему зловѣщій видъ. Отъ него несло коньякомъ.

— Барышня,—началъ онъ, глубоко затянувшись папиросою,—я буду говорить съ вами откровенно, потому что вре-

мени терять нечего. Слушайте, не останавливая меня, и не удивляйтесь тому, что́ я буду говорить. Вся эта тонкость обращенія — ничто иное, какъ свѣтская ложь. Дѣло заключается въ томъ, чтобъ не голодать... не правда ли? Повѣрьте, я имѣю къ вамъ симпатію. Если же теперь я обязанъ говорить вамъ вещи, которыя, быть можетъ, васъ оскорбятъ, возмутятъ или приведутъ въ отчаяніе, то не вините меня, а вините саму жизнь, которая тому причиной. Было время, когда и я,—какъ вы и вашъ батюшка,—вѣрилъ въ любовь, честь; словомъ, во всѣ тѣ чувства, которыя описываются въ романахъ, но въ нашъ вѣкъ существуютъ лишь какъ пріятные аксесуары для тѣхъ у кого главное—деньги... Я, барышня, дворянинъ. У меня даже гдѣ-то есть братъ камергеръ. Однако, бываютъ дни, когда мнѣ не на что ѣсть. Еслибъ мы жили въ средніе вѣка, я бы надѣлъ свои доспѣхи и отправился сражаться «за Бога и короля». Но время крестовыхъ походовъ прошло. Война, которая теперь ведется,—это война человѣка противъ человѣка, ежедневная, ежечасная борьба между сытыми и голодными. Этотъ океанъ существованій, который бушуетъ кругомъ насъ, знайте: это вѣдь волки, которые грызутся между собою съ яростью дикихъ звѣрей въ пустыняхъ Сахары. Только эта борьба, глухая, безшумная, происходитъ часто съ улыбкой на устахъ и оканчивается для побѣжденныхъ тюрьмой, госпиталемъ, самоубійствомъ въ Сенѣ или прыжкомъ съ верхушки дома на уличный тротуаръ. Повѣрьте, что мнѣ часто приходится употребить болѣе генія, чтобъ заработать какой нибудь несчастный франкъ, нежели министру—для управленія страной. И знаете ли вы, какъ я его зарабатываю? Продавая себя! Да, въ прежнее время существовали рабы, которые продавали свое тѣло. Нынче продаются души. Понимаете ли, я продаю себя. Я продаю мою волю, мою честь, мои капризы, все, что́ составляетъ мою личность. Все это я продаю по мелочамъ, чтобъ жить. Но все это только вступленіе. Я хотѣлъ бы придать вамъ мужество, чтобы вы стали сразу на высоту моихъ воззрѣній, которыя составляютъ плодъ самыхъ горькихъ испытаній. Было бы жаль, еслибъ вы меня не послушали. Я отлично знаю, въ какомъ вы находитесь положеніи: я навелъ справки въ вашемъ домѣ. Васъ вѣдь ждетъ смерть отъ нищеты, соединяющая страданія съ позоромъ!

Глухое рыданіе прервало рѣчь барона. Надя плакала, закрывъ лицо руками.

— Ахъ, вы плачете; это хорошо!—молвилъ онъ со сверкающими глазами.—Чтобъ все понять, нужно пролить слезы. Позже вы перестанете плакать. Смотрите, я теперь только смѣюсь.

И Винтусъ насильственно захохоталъ.

— Итакъ, я перехожу къ тому, о чемъ и хотѣлъ съ вами поговорить. Знайте же, что Овиновъ, этотъ князь, этотъ милліонеръ, въ васъ влюбленъ... Завтра вечеромъ, — слушайте меня, — ровно въ 9 часовъ, его карета будетъ васъ ждать здѣсь на углу, чтобъ повезти въ его отель. Карета будетъ васъ ждать ровно полчаса. Если вы не придете, все будетъ кончено; если же придете...

Надя встала, дрожа, какъ въ лихорадкѣ.

— Довольно, довольно!—вскрикнула она, протянувъ впередъ руки, какъ бы защищаясь отъ того, что̀ хотѣлъ сказать ей баронъ.

— Онъ вамъ дастъ 10,000 франковъ!—вскрикнулъ также баронъ въ какомъ-то изступленіи.

Но Нади уже не было около него. Она спѣшила къ отцу, чтобы онъ защитилъ ее отъ людей, казавшихся ей дикой сворой, готовой растерзать ее...

Баронъ съ минуту постоялъ на мѣстѣ, повернувъ лицо въ сторону свѣтившагося вдали города, а потомъ, двинувшись, исчезъ во мракѣ ночи.

XV.

Вечеромъ на слѣдующій день, ровно въ 9 часовъ, миньятюрная элегантная карета Овинова, запряженная русскими рысаками, стояли на углу улицы La Glacière. Юлій, въ цилиндрѣ и въ безукоризненной позѣ, сидѣлъ неподвижный на козлахъ.

Гдѣ-то въ окрестностяхъ пробили часы: онъ вынулъ свои и провѣрилъ ихъ.

— Ну, ждать болѣе нечего?—молвилъ онъ про себя. Онъ натянулъ къ себѣ возжи и нѣсколько разъ хлопнулъ кнутомъ по воздуху. Лошади шевельнулись.

Но въ туже минуту, какъ онъ собирался отъѣхать, около кареты остановилась дѣвушка. Она казалась въ сильномъ волненіи. Это и была Надя. Юлій придержалъ лошадей и поклонился, коснувшись рукой края цилиндра.

— Карета господина Овинова! — произнесъ онъ спокойно.

Надя вошла въ карету и бросилась въ уголъ, оставляя открытой за собою дверцу.

— Поберегитесь, барышня,—сказалъ Юлій, нагнувшись, и сильнымъ размахомъ захлопнулъ дверцу.

Лошади дружно пустились впередъ. И покуда изящная карета уносила Надю по свѣтящимся улицамъ, бульварамъ и площадямъ, возбуждая въ толпѣ проходящихъ не одинъ завистливый взглядъ, сердце ея болѣзненно надрывалось. Въ смятеніи чувствъ, которыя она испытывала, преобладала, однако, одна мысль: спасти отца. Она рѣшилась поѣхать къ Овинову, но не съ тѣмъ, чтобы продать себя. Ее поддерживала надежда, что ей удастся смягчить сердце милліонера: она вымолитъ слезами спасеніе свое и отца. Цѣлую ночь она мучительно припоминала каждое слово барона. Нѣтъ, все, что онъ говорилъ, была одна неправда. Люди не могли быть такими дурными. Онъ наклеветалъ на человѣческое сердце!..

Вдругъ карета остановилась передъ отелемъ, таинственно выглядывавшимъ съ плотно закрытыми ставнями.

Сердце Нади сильно забилось.

— Откройте,—раздался громкій голосъ Юлія.

Консьержъ широко распахнулъ двери, карета въѣхала подъ ворота и остановилась у лѣстницы, освѣщенной à giorno. Рико отворилъ дверцу и Надя, блѣдная и разстроенная, но стараясь, однако, покорить свое волненіе, вышла изъ кареты.

— Пожалуйте сюда,—пригласилъ ее Рико самоувѣренно, убѣжденный, что всякая женщина должна чувствовать себя счастливой, входя въ домъ его барина.

Онъ поднялся по лѣстницѣ, показывая ей путь. Дойдя до перваго этажа, Рико открылъ дверь въ гостинную, также хорошо освѣщенную.

— Подождите здѣсь; я сейчасъ доложу барину, — сказалъ онъ, уходя.

Роскошь имѣетъ покоряющую силу, отъ которой неспособна

освободиться ни одна женщина. И Надя также почувствовала на себѣ ея вліяніе, давшее ей минутное облегченіе.

Красота, въ чемъ бы она ни проявлялась, хотя бы въ обстановкѣ, будитъ благородныя чувства души. Надѣ казалось, что человѣкъ, который жилъ среди такихъ чудныхъ созданій искусства, не могъ быть совсѣмъ ужь низкимъ человѣкомъ... Надежда загорѣлась въ ея сердцѣ.

На лѣстницѣ послышались тяжелые и быстрые шаги, заглушенные мягкимъ ковромъ. Дверь отворилась и вошелъ Овиновъ, надушенный, разодѣтый и любезно улыбающійся. Онъ подошелъ къ Надѣ и тотчасъ развязно заговорилъ съ ней.

— Очень мило, что вы не отказали мнѣ въ просьбѣ осмотрѣть мой домишка. Будьте, пожалуйста, какъ у себя. Снимите же вашу шляпку и пальто. Я желалъ серьезно поговорить о вашемъ дѣлѣ.

Надя раздѣлась, покоренная любезностью хозяина. Ей сейчасъ же хотѣлось высказать все, что было у нея на сердцѣ, но она рѣшилась подождать, не чувствуя себя достаточно спокойной для этого.

— Вотъ отлично, — продолжалъ Овиновъ, — а теперь позвольте вамъ предложить пройтись со мной по комнатѣ. Я вамъ покажу интересныя рѣдкости.

Предложивъ свою руку, онъ повелъ ее кругомъ, останавливаясь то тамъ, то здѣсь, — то передъ красивымъ мраморнымъ каминомъ, то передъ этажерками съ рѣдкими бездѣлушками, то передъ изящными картинами въ дорогихъ рамахъ.

Надя слѣдовала за нимъ, не говоря ни слова и слегка вздрагивая нервною дрожью. Овиновъ же продолжалъ объяснять ей значеніе того или другаго предмета, упоминая баснословную цѣну, которую онъ заплатилъ.

— А теперь пойдемте на верхъ; я хочу показать вамъ мою турецкую гостинную, — сказалъ Овиновъ, когда они дошли до лѣстницы.

— Я хотѣла бы съ вами поговорить о моемъ отцѣ... — робко замѣтила Надя, пересиливъ свой страхъ.

— Хорошо! Вотъ сейчасъ мы обо всемъ этомъ и потолкуемъ, — отвѣтилъ Овиновъ, выходя на лѣстницу.

Надя не противилась, вспомнивъ наставленіе барона не

противорѣчить милліонеру и боясь скомпрометировать успѣхъ своей просьбы.

Среди тишины точно опустѣлаго отеля они поднялись во второй этажъ.

Тутъ, пройдя роскошную спальню, обитую краснымъ шолкомъ и мягко освѣщенную краснымъ же свѣтомъ поставленной въ углу лампы на высокой бронзовой подставкѣ, они вошли въ «турецкую гостинную».

Дойдя до середины комнаты, Надя остановилась въ какомъ-то очарованіи. Ей казалось, что она видитъ сонъ. Съ потолка, завѣшеннаго драгоцѣнными матеріями, спускался фонарь, разукрашенный разноцвѣтными стеклами, проливающими кругомъ лучи свѣта въ полумракъ сказочнаго уголка Востока, какимъ-то волшебствомъ перенесеннаго сюда. Вдругъ музыкальныя волны, исполненныя неизъяснимой грусти, раздались въ комнатѣ. Это заигралъ скрытый въ стѣнѣ органъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, два фонтана, замаскированные тропическими растеніями, присоединили къ музыкѣ серебристый ропотъ падающихъ струй...

Надѣ казалось, что она переживаетъ какую-то волшебную сказку, видѣнную ею только во снѣ. Глубокое чувство охватило ее, слезы подступили къ глазамъ, и, тяжело вздохнувъ, она опустилась на оттоманку, закрывъ лицо руками.

...Вдругъ грубая рука обвила ее за талію и, раньше чѣмъ могла опомниться, она очутилась въ крѣпкихъ объятіяхъ Овинова. Она пронзительно вскрикнула, защищаясь отъ обольстителя...

— Подлецъ!—раздался въ эту минуту надъ Овиновымъ дрожавшій негодованіемъ голосъ князя Таранскаго, и моментально двѣ сильныя руки опустились на его широкія плечи и откинули его назадъ.

— Уйдите изъ этого вертепа,—обратился князь къ освободившейся и обезумѣвшей отъ страха Надѣ.

Она растерянно взглянула на него, кивнула ему головой и безъ памяти бросилась къ выходу.

Между тѣмъ, Овиновъ поднялся, блѣдный отъ злости, и со сжатыми кулаками двинулся на князя.

— Что? Да какъ ты смѣешь?—крикнулъ онъ неистово.— Ахъ ты князь-оборванецъ!

Они стояли другъ противъ друга; въ глазахъ ихъ сверкала ненависть отъ давно накопившихся и несведенныхъ счетовъ.

— Хоть я и оборванецъ по твоему, а все таки остался княземъ! — отвѣтилъ Таранскій. — А ты и съ награбленными милліонами все тотъ же кулакъ-лиходѣй.

— Да я прикажу своимъ конюхамъ вышвырнуть тебя отсюда!—закричалъ Овиновъ, подвигаясь на князя.

Но тотъ быстрымъ движеніемъ руки вынулъ изъ-подъ одежды спрятанный у него хлыстъ.

— Конюхамъ?.. такъ на же тебѣ на память!—И изо всѣхъ силъ онъ хлеснулъ Овинова по щекѣ.

Тотъ взвылъ отъ боли и, схватившись обѣими руками за щеку, повалился на полъ.

Князь бросилъ хлыстъ и быстро направился вонъ.

Когда Овиновъ опомнился, онъ въ ярости бросился за княземъ. Но, придя къ дверямъ спальни, выходившимъ на лѣстницу, онъ не могъ ихъ отпереть. Онѣ оказались закрытыми снаружи. Онъ сталъ неистово бить каблуками по расписаннымъ живописью створкамъ двери, призывая Рико.

Наконецъ, тотъ прибѣжалъ и отворилъ ему дверь, блѣдный отъ испуга.

— Гдѣ онъ? убью, растерзаю!—вопилъ Овиновъ, бросившись на верхъ въ комнату князя. Но въ комнатѣ никого не было. Комодъ и шкафъ были открыты: видимо, наскоро собравъ вещи, князь уѣхалъ.

Овиновъ, опустившись на стулъ, произносилъ несвязныя ругательства.

— Эхъ, баринъ!—грустно замѣтилъ Рико, потерявъ обычную самоувѣренность, — я вѣдь вамъ говорилъ, чтобы вы съ нимъ разстались. Мнѣ давно чуялось, что этотъ долговязый кащей когда нибудь сыграетъ съ вами плохую шутку. Вѣдь онъ не изъ одного съ вами тѣста, баринъ...

— Убирайся вонъ! — въ первый разъ вспылилъ Овиновъ на своего вѣрнаго камердинера.

XVI.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Передъ русскою церковью стоитъ нѣсколько парадныхъ каретъ. Совершается бракосоче-

таніе Нади, дочери изобрѣтателя, съ княземъ Таранскимъ. Петровъ сіяетъ блаженствомъ. Наконецъ-то онъ продалъ свой патентъ! Князь Таранскій тоже неузнаваемъ отъ удовольствія, стоя около своей прелестной невѣсты.

Всѣ трое такъ счастливы, какъ могутъ быть счастливы только тѣ люди, которые испытали серьезное горе.

Что касается Овинова, то, послѣ описанной сцены, онъ на время уѣхалъ изъ Парижа на югъ Франціи. Вернувшись, онъ принялся опять за ту же жизнь. На щекѣ его не изгладился слѣдъ глубокаго рубца. Знакомясь съ новыми женщинами, онъ объясняетъ имъ, что это рана, полученная имъ на дуэли съ ревнивымъ мужемъ... Впрочемъ, женщины каждый день уступаютъ мѣсто его другой—и послѣдней—страсти: онъ сдѣлался морфинистомъ и не разстается съ маленькой спринцовкой, подобно змѣйкѣ, нѣсколько разъ въ день вонзающей свое жало въ его тучное тѣло. И ядъ имѣетъ свое дѣйствіе: все дѣлается ему противнымъ. Иногда онъ часами сидитъ въ своей «турецкой гостинной», стараясь воскресить отжившія чувства волшебной обстановкой. И дѣйствительно, возбужденный звуками музыки, онъ вдругъ влечется куда-то, хочетъ ѣхать на край свѣта... Тогда онъ поспѣшно приказываетъ запречь лошадей.

Но когда Рико возвращается съ докладомъ, что карета подана, — онъ видитъ, что его баринъ лежитъ въ полузабытьѣ, поперекъ оттоманки, и сжимаетъ въ рукѣ еле замѣтную змѣйку-спринцовку...

Алексѣй Плетневъ.

Изъ забытыхъ пѣсенъ.

I.

Любовь—мечта, любовь—мгновенье,
Звѣзда, блеснувшая вдали.
Любовь—волшебное видѣнье
Тоской измученной земли.
Любовь—восторгъ предъ яркимъ свѣтомъ,
Лучъ рая въ сумракѣ могилъ...
Лишь тотъ былъ счастливъ въ мірѣ этомъ,
Кто былъ любимъ и кто любилъ.

II.

Дойдетъ ли до тебя мой голосъ утомленный,
Откликнешься ли ты на мой больной призывъ?..
О дняхъ умчавшихся, мечтой завороженный,
Я все вокругъ забылъ, тебя лишь не забывъ.
Да, я забылъ тоску и гнетъ житейской муки,
И скуку мертвую безцѣльно-тусклыхъ дней,
И лишь къ тебѣ одной я простираю руки,
Лишь о тебѣ одной мольбы души моей.
Вернись, вернись ко мнѣ! Пойми, о другъ мой бѣдный,
Что для нелюбящихъ—блаженства въ мірѣ нѣтъ,
Что лишь одна любовь поетъ намъ гимнъ побѣдный,
Что только въ ней одной и цѣль, и жизнь, и свѣтъ!

Д. Ратгаузъ.

РУССКІЙ НАРОДНЫЙ ФЛАГЪ.

I.

Среди разныхъ серьезныхъ и желательныхъ реформъ русской государственной и общественной жизни, долженствующихъ наступить въ текущемъ столѣтіи или, лучше сказать, въ самомъ началѣ его, — есть одна, повидимому, не столь важная и на первый взглядъ незамѣтная реформа, тѣмъ не менѣе ежедневно напрашивающаяся на вниманіе съ особенной силой.

Послѣднія военныя событія на Дальнемъ Востокѣ, хотя и весьма скудно отмѣчаемыя нашей періодической печатью, обнаружили, однако, факты, о которыхъ стоитъ сильно призадуматься русскому человѣку, еще не потерявшему окончательно стараго патріотическаго чувства...

Русскою кровью проложенъ былъ путь отъ фортовъ Таку и Тянь-Тзиня до таинственнаго Пекина. Но, на славномъ для русскаго оружія пути, для неизбѣжной гордости русскаго воина и русскаго человѣка суждено было испытать немало оскорбленій отъ чужеземныхъ соратниковъ, дѣйствовавшихъ совмѣстно въ пресловутомъ международномъ концертѣ, въ которомъ всѣ иностранные исполнители прекрасно спѣлись, въ разрѣзъ нашей отечественной пѣснѣ. Горько было подчасъ русскому воинству быть свидѣтелемъ и пассивнымъ зрителемъ того, какъ у насъ цинически, что называется *изъ подъ носа*, загребали иностранцы военную добычу, пользуясь нѣкоторыми мелочными своеобразными условіями международныхъ обычаевъ и формальностей, хорошо имъ знакомыхъ, но мало, или даже совсѣмъ неизвѣстныхъ въ русскихъ войскахъ.

Дѣло въ томъ, что еще не такъ давно самая распространенная наша газета—«Новое Время»—отмѣтила тотъ печальный фактъ, что войска одной державы, весьма прославленной нынѣ своими постыдными неуспѣхами на «Дальнемъ Югѣ» Африки, хотя и неспособны были удачно дѣйствовать оружіемъ, тѣмъ не менѣе,—когда побѣда общими усиліями досталась таки европейцамъ,—выступали на сцену

довольно смѣло и своеобразно, съ оружіемъ, хотя и не смертоноснымъ, но зато очень прибыльнымъ...

Былъ, напр., случай такого рода. Когда, послѣ одного сраженія, русскія войска овладѣли большимъ китайскимъ военнымъ судномъ и считали его своей вполнѣ заслуженной добычей, сквозь ряды нашихъ солдатъ сталъ проталкиваться на судно,—повидимому, изъ любопытства,—какой-то офицеръ англійской арміи. Всегда вѣжливые и слишкомъ предупредительные въ такихъ случаяхъ относительно иностранцевъ, наши офицеры не препятствовали полюбопытствовать и иностранному сотоварищу по оружію осмотрѣть добычу. Но велико же было ихъ разочарованіе, удивленіе и негодованіе, когда они, не вѣря своимъ глазамъ, увидѣли, что сынъ «коварнаго» Альбіона,—по истинѣ коварнаго, если ограничиться изъ вѣжливости однимъ этимъ выраженіемъ, — хладнокровно разворачиваетъ проворно вынутый откуда-то національный флагъ своей родины и преспокойно водружаетъ его на палубѣ русской добычи и чужой собственности, т. е. чужими руками жаръ загребаетъ!

Наши солдатики только рты разинули на такое зрѣлище, и легко себѣ представить овладѣвшее этими храбрецами чувство, когда имъ велѣно было безъ разсужденій убраться и уступить добычу иностранцу, ибо, не смотря на запоздалый протестъ командовавшаго отрядомъ русскаго офицера, иностранецъ объяснилъ ему, что, согласно международному праву и обычаю, военная добыча принадлежитъ той націи, флагъ которой на ней развѣвается, ergo... не угодно ли очистить палубу? Надо-де было самимъ озаботиться раньше объ установкѣ *русскаго флага*, безъ чего добыча считается свободной и предоставленной другимъ націямъ...

Урокъ былъ жестокій и оскорбительный, а все потому только, что у нашихъ солдатъ и офицеровъ не оказалось при себѣ маленькаго трехцвѣтнаго лоскутка матеріи, водруженіе котораго рѣшало бы вопросъ о собственности спорнаго предмета, завоеваннаго съ оружіемъ въ рукахъ... И вотъ почему отъ незначительныхъ причинъ зависятъ весьма важные результаты, какъ въ данномъ случаѣ, не говоря уже о нежелательномъ эфектѣ, произведенномъ такими явленіями на духъ войска.

Такимъ образомъ, вопросъ о *національномъ флагѣ* и пользованіи имъ составляетъ, повидимому, вопросъ далеко не маловажный, съ которымъ хорошо и практически ознакомлены на Западѣ, но который у насъ, среди многихъ другихъ животрепещущихъ вопросовъ, еще не разработанъ надлежащимъ образомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обращаютъ на себѣ вниманіе и нѣкоторыя другія обстоятельства, находящіяся въ тѣсной связи съ вопросомъ

о національномъ русскомъ флагѣ, который получилъ бы соотвѣтствующее и наибольшее распространеніе въ народѣ, и объ установленіи разъ навсегда такого характернаго, историческаго и геральдическаго національнаго отличія, которое получило бы у себя внутри государства возможно бо́льшую популярность, а за предѣлами Россіи пріобрѣло бы не меньшую извѣстность и уваженіе.

Другими словами, желательна *реформа нашего флага*, по соображеніямъ вполнѣ уважительнымъ...

Въ самомъ дѣлѣ, сразу бросается въ глаза: почему это нашъ современный трехцвѣтный флагъ не отличается какою либо самобытностью, столь желательной для удобнаго его запоминанія и отличія среди флаговъ другихъ націй? Это особенно важно не столько на сушѣ, сколько на морѣ—и въ этомъ заключается практическая сторона такого требованія.

Между тѣмъ, нашъ трехцвѣтный національный флагъ вовсе не имѣетъ этихъ качествъ: сочетаніе трехъ цвѣтовъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они геральдически расположены, не всякому легко удержать въ памяти, не только простому, но даже и болѣе интеллигентному обывателю.—Легко сбиться и принять за русскій всякій другой флагъ съ тѣми же цвѣтами, но въ другомъ порядкѣ.

II.

Вообще, нельзя не прійти къ заключенію, что нашъ національный флагъ далеко не характеренъ и не оригиналенъ. Сочетаніе тѣхъ же трехъ цвѣтовъ мы находимъ на флагахъ нидерландскомъ, сербскомъ и французскомъ, такъ что ихъ легко принять за русскій, когда, напр., послѣдній спущенъ внизъ и представляется въ видѣ перпендикулярныхъ полосъ (т. е. en barre). Едва ли найдется у насъ русскій интеллигентный человѣкъ,—не говоря уже о простомъ народѣ,—который безошибочно описалъ бы свой національный флагъ и не началъ бы его съ червленой финифти [1]) (т. е. съ краснаго цвѣта) вмѣсто серебра (бѣлаго цвѣта). Рѣдкій скажетъ, что русскіе цвѣта,—это бѣлый, синій и красный, а не наоборотъ, или не въ другомъ порядкѣ. Между тѣмъ, иностранцы твердо знаютъ цвѣта и эмблемы своихъ флаговъ, въ чемъ имъ помогаетъ какъ частая привычка къ нему, такъ и нѣкоторыя геральдическія отличія. Каждый французъ, англичанинъ, нѣмецъ, бельгіецъ, швейцарецъ еще со

[1]) Въ геральдикѣ существуютъ 4 главныхъ финифти: червлень, чернь, зелень и лазурь; два металла—золото, изображаемое желтымъ цвѣтомъ, и серебро—бѣлымъ, и два мѣха—горностай и куница.

школьной скамьи заучили свой національный флагъ и гордятся имъ. У насъ же не замѣчается ничего подобнаго.

Причина популярности національнаго флага нерѣдко кроется и въ его историческомъ происхожденіи, и въ эмблемахъ, почерпнутыхъ (по правиламъ геральдики) изъ народной исторической сокровищницы. Они напоминаютъ каждому гражданину о тѣхъ достопамятныхъ событіяхъ изъ жизни народа, которыя составляютъ его національную гордость. Такъ напр., швейцарецъ знаетъ, что его бѣлый крестъ на красномъ фонѣ (или—геральдически—укороченный серебряный крестъ въ червленомъ полѣ) составляетъ эмблему памятнаго событія въ исторіи его отечества, принятую за символъ единенія всѣхъ швейцарцевъ въ отдаленную эпоху борьбы ихъ съ общимъ угнетателемъ на берегахъ Фирвальдштедскаго озера (Четырехъ кантоновъ).

Точно также американецъ знаетъ, что число серебряныхъ звѣздъ въ верхней лазуревой части [1]) національнаго флага и герба подобрано по числу штатовъ, соединившихся въ одну республику при борьбѣ съ Англіей въ концѣ XVIII столѣтія. Однимъ словомъ, прекрасно и логично соединеніе государственнаго герба, въ смыслѣ главной его эмблемы, съ національнымъ флагомъ, причемъ послѣдній получаетъ тогда особенно уважаемое значеніе въ народѣ.

Все это весьма поучительно въ историческомъ и государственномъ смыслѣ, а потому и составляетъ ту могущественную общепризнанную силу въ народѣ, не только внѣшняго, но и внутренняго содержанія, которая способна наэлектризовать его въ тѣ или другіе торжественные моменты мирныхъ событій, либо поддерживать бодрость духа въ минуты опасности на полѣ брани. Какое одушевленіе испытываютъ западно-европейскіе народы всякій разъ, когда при собравшейся толпѣ, во время какого нибудь важнаго политическаго событія, взвивается національный флагъ той или другой націи, являясь выразителемъ общихъ симпатій или антипатій, и въ этомъ отношеніи идетъ рядомъ съ эффектомъ, вызываемымъ среди массъ исполненіемъ народнаго гимна.

Но ничего подобнаго въ нашемъ флагѣ усмотрѣть невозможно: трехцвѣтный русскій флагъ, вывѣшиваемый въ торжественные дни изъ оконъ домовъ, ни о чемъ ровно не напоминаетъ и ничьего вниманія на себѣ остановить неспособенъ. Тогда какъ, напр., французскіе цвѣта напоминаютъ парижанамъ и французамъ вообще о славной наполеоновской эпохѣ, три цвѣта ничего не говорятъ русскому сердцу. Поэтому безошибочно можно сказать, что нашъ

[1]) Или «навершія» (chef): ихъ 45.

трехцвѣтный флагъ сохраняетъ пока чисто офиціальное, такъ сказать, *казенное* значеніе, отнюдь не превращаясь въ дорогое народу достояніе. Дѣло въ томъ, что у насъ не одинъ, а нѣсколько флаговъ, и всѣ въ ихъ сущности можно назвать одинаково русскими національными. Если другіе національные флаги тоже подраздѣляются на торговые, военные и пр., то самое подраздѣленіе ихъ не настолько характерно, чтобы затмить собою первоначальныя государственныя эмблемы, или національные цвѣта. Разница этихъ разновидностей состоитъ обыкновенно въ геральдическомъ «углу» (quartier), въ которомъ помѣщается спеціальное торговое или чисто военное отличіе, причемъ, въ общемъ, издали онъ ничуть не теряетъ своего характернаго, всѣмъ извѣстнаго образа, цвѣтовъ и эмблемъ. Совсѣмъ не то у насъ: наши торговый, военный, государственный флаги—до того другъ на друга не похожи, что незнающему невозможно и догадаться, что все это флаги одного и того же государства.

Какое соотношеніе, напримѣръ, имѣется между національнымъ и торговымъ флагомъ съ одной стороны (они почему-то тожественны) а съ другой: въ чемъ заключается сходство этого флага съ нашимъ военно-морскимъ флагомъ, принявшимъ за эмблему лазуревый скошенный или, такъ называемый, «Андреевскій» крестъ? Еще менѣе сходства у этихъ флаговъ съ государственною хоругвью и императорскимъ штандартомъ, усвоившими себѣ государственныя эмблемы—чернаго орла на желтомъ полѣ (на золотѣ) и государственный гербъ. Такимъ образомъ, человѣку, не посвященному въ тайны геральдики, давно потерявшей практическое значеніе и научный интересъ, трудно усвоить всѣ эти различія и подраздѣленія, отчего въ результатѣ получается совершенное незнаніе у большинства людей по этой части, тогда какъ, согласно вышеизложеннымъ соображеніямъ, должно бы быть какъ разъ наоборотъ. Вѣдь національный флагъ долженъ быть извѣстенъ не только высшимъ сановникамъ и служащимъ по министерству императорскаго двора и герольдіи, но и всѣмъ вообще русскимъ гражданамъ.

Объ особомъ же его значеніи для военныхъ людей, какъ высшихъ, такъ и низшихъ чиновъ, нечего и говорить.

III.

Вотъ почему умѣстно было бы подумать о реформѣ нашего флага, въ смыслѣ его измѣненія и объединенія, разъ навсегда.

Если обратиться къ вопросу о подысканіи того вида, кото-

рый наиболѣе соотвѣтствовалъ бы національному русскому флагу—въ смыслѣ геральдическомъ, историческомъ и народномъ,—то долго рѣшать его не придется, а нужно лишь произвести выборъ изъ числа уже имѣющихся на лицо образцовъ.

Выборъ этотъ одинъ: *русскій флагъ долженъ носить общую для всей Россіи эмблему*, фигурирующую на государственномъ гербѣ и императорскомъ штандартѣ—т. е. *чернаго двуглаваго орла на желтомъ (золотомъ) полѣ*.

Другаго выбора быть не можетъ: лазуревый андреевскій крестъ, хотя и составляетъ одну изъ принадлежностей того же герба, но совсѣмъ второстепенную, входящую скорѣе въ разрядъ арматуры (намета), нежели въ число его главныхъ фигуръ (figures héraldiques de 1-er ordre). Этотъ крестъ находится на груди государственнаго орла, составляющаго орденъ Андрея Первозваннаго, цѣпь котораго обрамляетъ щитъ государственнаго герба. Во многихъ государственныхъ гербахъ, вообще, принято окружать старшимъ государственнымъ орденомъ щитъ государственнаго герба, напримѣръ, въ гербахъ: прусскомъ, великобританскомъ, австро-венгерскомъ, датскомъ, и другихъ. Онъ могъ бы фигурировать на флотѣ лишь въ томъ случаѣ, еслибы, подобно гербамъ итальянскому или швейцарскому, составлялъ главную или *перворазрядную фигуру герба* (figure honorable), къ которымъ относятся, вообще, геральдическіе кресты всѣхъ видовъ, шевроны или стропила (chevron), пояса и столбы.

Но есть и болѣе серьезное основаніе, съ гораздо болѣе глубокимъ историческимъ и народнымъ содержаніемъ, отдающее предпочтеніе именно этой эмблемѣ передъ всѣми другими русскими эмблемами. Соображеніе это—что русскій двуглавый орелъ есть исконная наша геральдическая фигура и, какъ таковая, составляетъ особенную эмблему «русскаго орла» (l'Aigle russe, вмѣсто «aigle eployée)»—двуглаваго орла вообще, подобно тому, какъ существуетъ похожій австрійскій двуглавый орелъ, но рѣзко отличающійся отъ перваго тѣмъ, что не имѣетъ на груди характернаго національнаго московскаго герба, который, вмѣстѣ съ чернымъ орломъ, наиболѣе извѣстенъ и распространенъ въ русскомъ населеніи. Въ этомъ кроется разрѣшеніе интересующаго насъ вопроса, и русскій императорскій штандартъ, составляющій самое характерное выраженіе національной геральдики, долженъ, какъ намъ кажется, замѣнить всѣ остальные національные русскіе флаги и *слиться съ ними въ одно*.

А мотивы этого не менѣе убѣдительны. Русскій кличъ: «за Вѣру, Царя и Отечество»! всѣмъ извѣстенъ; съ нимъ идутъ русскіе люди въ бой и этотъ лозунгъ поддерживаетъ ихъ храбрость и выноси-

вость въ часы тяжелыхъ испытаній или когда приходится проливать кровь свою за родину. А что̀ можетъ больше говорить русскому сердцу и воображенію, какъ не этотъ чисто русскій, вѣковой нашъ двуглавый орелъ, переданный русской государственности умирающимъ восточно-римскимъ величіемъ и составляющій на православномъ Востокѣ противовѣсъ бывшей священно-римской имперіи, традиціи которой приняла на себя Австрія? Русскій двуглавый орелъ, кромѣ того, представляетъ самое яркое *аллегорическое выраженіе единенія народа съ Царемъ*, понятіе о которомъ сливается въ русскомъ народѣ съ понятіемъ объ отечествѣ. Изображеніе русскаго государственнаго орла настолько хорошо знакомо каждому русскому человѣку, видящему постоянно его изображеніе на монетахъ, на кредитныхъ билетахъ, на военныхъ отличіяхъ и проч., что онъ даже принимается архитектурой, какъ національный орнаментъ и въ качествѣ таковаго украшаетъ, напр., многія наши монументальныя зданія.

Однимъ словомъ, русскій орелъ представляется въ видѣ исторической эмблемы, притомъ чисто народной и имѣющей свою особенную геральдическую красоту. Не надо забывать, что геральдическія эмблемы имѣютъ свои особенности, красоту и свой стиль. Что̀ касается этихъ особенностей, то также извѣстно, что геральдическія животныя непохожи ни въ чемъ на физическихъ; имѣютъ свое значеніе и орлы, какъ одноглавые, такъ и двуглавые. Давно, еще съ римскихъ временъ, изображали они силу и мощь имперіи, а что касается стиля, то онъ въ нихъ отличается простотой и той симетріей, которая составляетъ, наперекоръ природѣ, одно изъ главныхъ требованій геральдики и ея своеобразной эстетики.

Иностранцы давно привыкли считать его русской народной эмблемой, и наши друзья французы, вывѣшивая во время торжествъ русскій флагъ, съ чисто французской смышленостью и вкусомъ, поняли, что сопоставленіе русскаго трехцвѣтнаго флага съ такимъ же французскимъ было бы и некрасиво, и не достигало бы цѣли въ смыслѣ явственнаго различенія флаговъ обѣихъ національностей. Поэтому они, не стѣсняясь, вывѣшивали императорскій русскій штандартъ, т. е. желтый флагъ съ чернымъ двуглавымъ орломъ, какъ le pavillon, или le drapeau russe national, мотивируя это тѣмъ, что autrement cela aurait triste mine. И надо отдать справедливость французамъ: они скорѣе насъ ухватились за эту геральдическую національную особенность, соотвѣтствующую, напр., въ Германіи и Пруссіи черному одноглавому орлу, украшающему даже монументальные столбы электрическихъ лампъ на «Unter den Linden» въ Берлинѣ.

Что же касается *русскихъ цвѣтовъ*, то если ужь непремѣнно ограничиться только ими одними, то во всякомъ случаѣ, вмѣсто *бѣлаго, синяго и краснаго* цвѣтовъ, слѣдовало бы установить, какъ національные, *желтый, черный и красный*,—во-первыхъ, потому, что это цвѣта государственнаго щита, орла и намета (черный и желтый) а, во-вторыхъ, красный цвѣтъ составляетъ поле щита московскаго герба, какъ равно такое же поле имѣется и у родоваго герба царствующаго Дома Романовыхъ. Впрочемъ, красный или бѣлый цвѣта въ данномъ случаѣ не играютъ особенной роли и третій цвѣтъ нуженъ скорѣе для отличія нашего флага отъ австрійскаго черно-желтаго (Schwarz-Gelb).

Какъ бы то ни было, но казалось бы, что орелъ предпочтительнѣе, причемъ отъ другихъ флаговъ и штандартовъ онъ имѣлъ бы нѣкоторыя спеціальныя отличія—кайму, корону (черную), ленты, наметъ, уголъ и проч., сохраняя единообразный видъ въ общемъ своемъ построеніи, какъ въ арміи, такъ и во флотѣ, на сушѣ и на морѣ, такъ чтобы, видя его издали, русскій воинъ зналъ, что тамъ, гдѣ развѣвается этотъ царственный орелъ, тамъ твердо ступила ногою Россія... При видѣ этой внушительной и извѣстной всѣмъ эмблемы, и иностранцы окажутъ ей свое уваженіе. Подобно *народному* гимну, Россія должна имѣть свой *народный* флагъ, какъ выраженіе ея государственной идеи. Онъ долженъ быть не столько офиціально-казеннымъ, сколько историческимъ.

Владиміръ Бѣлинскій.

ДЫМЪ ОТЕЧЕСТВА.

Повѣсть Маріи Бернгардтъ.

(Съ нѣмецкаго).

VI.

Георгъ никакъ не могъ опредѣлить, есть ли хорошенькія между гадающими дѣвушками; однѣ были слишкомъ далеко, другія стояли къ нему спиной и только мелькомъ былъ виденъ чей нибудь профиль или овалъ молодаго личика. Дѣвушка съ темнымъ жгутомъ на затылкѣ была стройна и граціозна; словно птичка порхала она между кустами. Одинъ изъ мальчиковъ погнался было за нею и хотѣлъ ее поймать, но она умчалась за живую изгородь; на мгновеніе скрылась изъ виду, затѣмъ опять показалась, ловко ускользнула отъ своего преслѣдователя, которому чуть-чуть не удалось схватить ее, — и все время не выпускала пучка травъ изъ рукъ; неожиданно очутилась она въ двухъ шагахъ отъ Георга. Да, она была прехорошенькая.

— Какъ дѣвчонки любятъ копаться!—крикнулъ одинъ изъ мальчиковъ:—я бы за это время успѣлъ собрать цѣлую копну.

— Полина! Солнце зашло. Имѣешь право разговаривать.

— А я знаю, Лизбета, что тебѣ приснится: папины туфли, вотъ попомни мое слово!

— Умнаго во всякомъ случаѣ ни одна не увидитъ ничего. Это навѣрно.

Братья вообще имѣютъ пріятную привиллегію говорить сестрамъ дерзости,—слѣдовательно эти два любезные подростка приходятся дѣвушкамъ родными братьями. Одинъ изъ нихъ,—юноша лѣтъ четырнадцати,—и наружностью походилъ на стар-

шую сестру: то же гибкое, но крѣпкое сложеніе, тотъ же изящный профиль и длинныя темныя рѣсницы.

— Будь хоть ты поумнѣе остальныхъ, Лиза,—отвѣть мнѣ, наконецъ!

Но она молча указала ему на солнце, которое все еще золотило верхушки деревьевъ.

— Ну, такъ и оставайся со своей дурацкой травой. Мнѣ надоѣло глядѣть на тебя. До свиданія!

Быстрѣе козы перескочилъ озорникъ черезъ изгородь и съ трескомъ скрылся въ кустахъ. Дѣвушка даже не оглянулась на него; она внимательно пересчитала травки въ своемъ букетикѣ и Георгъ видѣлъ, какъ губы ея беззвучно шевелились: «шесть... семь... восемь»... Она нагнулась и сорвала послѣднюю девятую травку, пробивавшуюся у самыхъ ея ногъ.

По тропинкѣ послышался топотъ дѣтскихъ ножонокъ и вскорѣ показался трехлѣтній ребенокъ въ полосатой ситцевой блузочкѣ; въ рукѣ у него была красная гвоздика, сорванная у самой чашечки. Увидавъ старшую сестру, дитя радостно крикнуло и помчалось къ ней такъ быстро, что споткнулось и навѣрное упало бы, еслибъ та не успѣла подхватить его.

— Посмотри, какой цвѣточекъ. Это тебѣ, одной тебѣ!

Молодая дѣвушка взяла братишку на руки и взглянула на западъ, гдѣ золотистыя иглы все еще пробивались сквозь листву деревьевъ. Пухленькія ручонки мальчугана усердно принялись за работу: онъ непремѣнно хотѣлъ воткнуть гвоздику безъ стебелька въ темные, волнистые волосы сестры. Повидимому, молодая дѣвушка привыкла носить дѣтей на рукахъ: это замѣтно было по ловкимъ движеніямъ ея стана, сохранявшаго равновѣсіе, по нѣжной, ласковой улыбкѣ, въ которой уже сказывалась будущая любящая мать. Георгу Унгеру ужасно хотѣлось пробраться въ сосѣдній садъ и освободить слабенькую дѣвушку отъ непосильной, по его мнѣнію, ноши, но онъ не рѣшался выдать себя.

Наконецъ, какимъ-то чудомъ, гвоздика засѣла въ завиткахъ темныхъ волосъ, надъ хорошенькимъ розовымъ ушкомъ...

— Скажи спасибо, скажи скорѣе! — лепеталъ ребенокъ.

Послѣдній косой лучъ скользнулъ по верхушкамъ деревьевъ и исчезъ: вечерняя заря погасла.

— Какъ ты смѣешь рвать цвѣты, маленькій шалунъ, да

еще безъ стебля? — произнесъ мягкій, ласковый, нѣсколько глухой голосъ. Молодая дѣвушка взяла мальчика за руку и шутливо ударила его по пальчикамъ; тотъ, разумѣется, понялъ, какъ ему слѣдуетъ отнестись къ подобному наказанію: онъ радостно засмѣялся и прижался толстенькимъ личикомъ къ плечу сестры. Но тутъ случилось нѣчто неожиданное: съ перемѣной положенія, ребенокъ вдругъ замѣтилъ незнакомца, притаившагося за изгородью; дѣтскіе глазки широко раскрылись.

Мальчикъ торжественно указалъ на него пальцемъ и сказалъ:

— Тамъ сидитъ чужой дядя!

Молодая дѣвушка быстро обернулась и «чужому дядѣ» оставалось одно: выйти изъ засады и поклониться.

— Извините, ради бога, фрейлейнъ! Надѣюсь, что я не испугалъ васъ? Я былъ случайнымъ свидѣтелемъ незнакомаго мнѣ обычая (я только что пріѣхалъ изъ-за океана), и вы окажете мнѣ большое одолженіе, если объясните, въ чемъ суть...

Георгъ Унгеръ солгалъ, — обычай былъ ему слишкомъ хорошо извѣстенъ,—но, надо отдать ему справедливость, солгалъ онъ преестественно. Да и кто бы на его мѣстѣ устоялъ отъ соблазна подольше остаться въ присутствіи очаровательной дѣвушки?

Она ничуть не испугалась: въ наружности «американца» не было ничего отталкивающаго; его нѣсколько иностранный выговоръ тоже не произвелъ на нее непріятнаго впечатлѣнія. А все таки она оглядѣлась вокругъ; нѣтъ ли кого нибудь по близости изъ братьевъ или сестеръ.

Нѣтъ! Свѣтлыя платья, цвѣтныя ленточки не мелькали больше въ кустахъ; только изъ глубины сада доносился неясный смѣхъ.

— Вы говорите про «иванову травку»?—застѣнчиво спросила она и тотчасъ же отвела глаза въ сторону на зеленый кустикъ.

— Вотъ именно. Я видѣлъ, какъ вы что-то срывали, а подруги слѣдовали вашему примѣру. Кромѣ того, вы избѣгали отвѣчать на вопросы и это меня удивило.

— Да, говорить при этомъ нельзя, а то травки теряютъ свою чудодѣйственную силу, — охотно пояснила она: — надо,

передъ заходомъ солнца, сорвать девять разныхъ травъ, не проронивъ ни слова до самаго заката...

— А затѣмъ?

— Затѣмъ травки кладутся подъ подушку, и что̀ увидишь въ эту ночь во снѣ, непремѣнно исполнится наяву, въ теченіе года.

— А если ровно ничего не приснится?

— Ну, это даже трудно себѣ представить. Со мной, по крайней мѣрѣ, этого не бываетъ.

— И хорошіе вамъ снятся сны? — посмѣиваясь, спросилъ Георгъ.

— Иногда хорошіе, а иногда страшная чепуха, какъ придется. Сиди смирно, шалунъ!

Ребенку наскучило бездѣйствовать, и онъ началъ трепать сестрѣ прическу.

— Онъ вамъ больно дѣлаетъ?

— Стерпѣть можно. Ужасная у него страсть—путать мнѣ волосы.

— Мнѣ кажется, онъ слишкомъ тяжелъ для васъ...

— Что вы? Я такъ привыкла таскать дѣтей. Да и они всегда охотно идутъ ко мнѣ на руки.

— Этому вполнѣ вѣрю. Говорятъ, дѣти довѣрчиво относятся только къ хорошимъ людямъ. Вы это слыхали?

— Да.

— Хотите, произведемъ опытъ?

— Въ какомъ родѣ?

— Постараемся узнать, хорошій ли я человѣкъ. Какъ зовутъ вашего братишку?

— Ну, говори скорѣе самъ, какъ тебя зовутъ. Живо!

Мальчуганъ плутоватыми глазёнками поглядѣлъ на сестру и весело отвѣтилъ:

— Дуду.

— Какъ тебѣ не совѣстно? Большой такой мальчикъ. Скажи хорошенько, какъ тебя звать! Ну?

Шалунъ склонилъ голову на бокъ и даже запищалъ отъ удовольствія.

— Дуду! Дуду!

— Зовутъ его Ульрихомъ,—не то смѣясь, не то сердясь, поправила молодая дѣвушка: — выговорить это имя довольно

трудно; но онъ иногда выговариваетъ даже хорошо, — когда захочетъ. Если такъ, Лиза тебя больше и знать не хочетъ. Упрямый мальчикъ!

— Если Лиза тебя знать не хочетъ, не пойдешь ли ты ко мнѣ?

Георгъ ступилъ черезъ изгородь и протянулъ ребенку руки.

— Иди ко мнѣ, Дуду!

Послѣ минутнаго колебанія (должно быть, «чужой дядя» ему понравился или же просто понравилась мысль перемѣнить мѣсто) мальчикъ глубоко вздохнулъ, прощебеталъ что-то и довѣрчиво протянулъ «дядѣ» свои ручонки.

— Удивительно! — произнесла Лизбета: — онъ къ чужимъ рѣдко идетъ!

Георгъ схватилъ барахтавшагося мальчика и поднялъ его вверхъ.

— Я выдержалъ испытаніе и оказался хорошимъ человѣкомъ!—весело воскликнулъ онъ.

Давно, давно не бралъ онъ дѣтей на руки, и ему было невыразимо пріятно ощущать теплоту мягкаго дѣтскаго тѣльца.

— Ну, дружокъ, съ этой минуты мы съ тобой пріятели!

— Поблагодари дядю за вниманіе, Дуду...

Въ отвѣтъ, мальчикъ своей нѣжной, какъ атласъ, ручкой ласково погладилъ Георга по щекамъ. Тотъ ничего не сказалъ ребенку, но въ душѣ испыталъ какое-то волненье. «Ты могъ бы уже имѣть такого мальчишку,—думалось ему: — была бы цѣль въ жизни... для наслѣдника бы своего работалъ... Развѣ не грустно жить бобылемъ»?..

За послѣдніе полчаса, онъ чувствовалъ себя хорошо и радостно,—снова нѣмцемъ, попавшимъ на родину. Сладостная дрожь пробѣжала по его тѣлу, въ душѣ ликовало что-то необъяснимое.

Сильными руками подхватилъ онъ мальчика, который былъ легче перышка, и посадилъ его къ себѣ на плечо; ребенокъ тотчасъ же ухватился за вѣтки яблони и радостно смѣялся.

— Вы крѣпко его держите, не правда ли?—съ безпокойствомъ освѣдомилась Лиза:—онъ такой живой и вертлявый...

— Можете на меня положиться: я буду беречь его, какъ зеницу ока.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ схватилъ мальчугана за свѣсившіяся съ плеча ножонки и сталъ придерживать ихъ рукой.

— Онъ васъ выпачкаетъ пыльными башмачками...

— Пыль легко стряхивается!—возразилъ Георгъ и внимательно взглянулъ на миловидное личико дѣвушки; теперь Лиза была въ двухъ шагахъ отъ него.

«Хороша, очень хороша»! подумалъ онъ про себя, но не одною красотою понравилась она ему: его плѣнилъ нѣжный, покровительственный, любящій взглядъ, которымъ она окидывала сидящаго у него на плечѣ ребенка.

— Вы считаете себя отвѣтственной за Дуду? — спросилъ онъ, боясь, что она сочтетъ разговоръ исчерпаннымъ, и оставитъ его одного.

— Понятно!—задумчиво кивнувъ головой, отвѣтила она и тихо вздохнула; на ея оживленныя черты легла тѣнь печали. Большіе глаза подернулись туманомъ и длинныя рѣсницы опустились. — Я взяла его подъ свое покровительство. Мамочка постоянно хвораетъ; некому за нимъ присматривать; воспитала его я и очень имъ горжусь. Поглядѣли бы вы, какой онъ былъ двухъ мѣсяцевъ отъ роду! Жалкій, крохотный, ручки и ножки тоненькія, лицо все сморщенное, какъ у старика; день и ночь хныкалъ да плакалъ. Мамочка говорила мнѣ не разъ: «не мучься съ нимъ такъ, онъ все равно не жилецъ»!

«Мамочка»... Милое, незамѣнимое слово. Какъ чудно зазвучало оно въ ушахъ Георга! Цѣлыхъ двадцать три года не произносилъ онъ его... «Мамочка»!!

— Разумѣется, я частенько сердилась на Дуду, когда онъ не давалъ мнѣ спать,—продолжала Лиза, и Георгъ словно музыкой упивался ея незатѣйливымъ разсказомъ: — но все таки неусыпно ходила за нимъ... И вотъ теперь взгляните: вышелъ крѣпкій, здоровый мальчуганъ. Докторъ говоритъ, что онъ смѣло получилъ бы медаль на выставкѣ, а меня бы охотно приняли въ сидѣлки въ дѣтскую больницу. Я и поступила бы на мѣсто, еслибъ дома могли безъ меня обойтись.

— Неужели для васъ не найдется другой карьеры? Вы такъ молоды...

— Молода?—она пытливо взглянула на Георга: — не ду-

маете ли вы, что я слабаго здоровья? Ничуть не бывало. Я гораздо сильнѣе, чѣмъ кажусь на первый взглядъ.

— Я не это подразумѣвалъ. Ходить за больными дѣтьми—слишкомъ тяжелая обязанность, а юность имѣетъ право мечтать о весельѣ и счастьѣ...

— Только не я!—серьезно, но безо всякой горечи перебила она его: — одному суждено одно, другому — иное, и ко всякимъ обстоятельствамъ въ жизни надо приноровляться, говоритъ мой отецъ.

— Отцу вашему, вѣроятно, легче такъ говорить и поступать, чѣмъ вамъ.

— Напрасно вы такъ думаете! — почти гнѣвно возразила она:—отцу моему жизнь не легко дается! Надо только удивляться, какъ онъ не сдѣлался ни озлобленнымъ, ни несправедливымъ человѣкомъ.

Она вдругъ умолкла, точно боясь сказать лишнее. Большіе выразительные глаза ея съ укоризной поглядѣли на Георга; въ нихъ можно было прочесть вопросъ: «какъ это тебѣ удалось выпытать все у меня? и ради чего я разболталась съ тобой,—чужимъ, незнакомымъ»?.. Онъ прочелъ этотъ вопросъ и поспѣшилъ на него отвѣтить:

— Вашъ отецъ,—несовсѣмъ увѣреннымъ голосомъ началъ онъ,—мнѣ совершенно незнакомъ. Я только предполагаю, что онъ—теперешній владѣлецъ этого сада и дома...

— Ахъ, нѣтъ!—Лизбета отрицательно покачала головой:—у насъ нѣтъ ни дома, ни сада. Здѣсь живетъ большая моя пріятельница, и родители ея такъ добры, что позволяютъ мнѣ и нашимъ дѣтямъ приходить сюда побѣгать, когда намъ вздумается. Садъ, въ которомъ вы находитесь, гораздо больше; тамъ мы тоже раньше игрывали.

— У стараго Корделейта?

— Да. То есть, строго говоря, не у него: когда мы приходили, онъ не показывался изъ своего кабинета; онъ терпѣть не могъ дѣтей. Мой отецъ былъ у него одно время домашнимъ секретаремъ.

— Такъ значитъ вы—фрейлейнъ Іюніусъ?

— Да, Елизавета Іюніусъ. А вы откуда это знаете?

Но отвѣта выслушать ей не пришлось. Изъ глубины сада послышались пронзительные крики: «Лиза. Лиза»!

Между кустами замелькали свѣтлыя платья, раздался трескъ и шумъ, и оглушительный голосъ мальчика рѣзко выкрикнулъ:

— Дурочка, или ты оглохла? Лиза! Опять, вѣрно, зачиталась.

— Меня ищутъ. Пора идти. Пойдемъ, Дуду! — Она протянула руки, чтобы принять мальчика въ свои объятія.

Во время предъидущаго разговора, Дуду сосредоточенно и тщательно ощипалъ всѣ листья съ яблоновой вѣтки.

Жалко было Георгу Унгеру отдать Лизѣ мальчугана, удобно усѣвшагося на его плечѣ, но дѣлать было нечего: теплая, мягкая ноша перешла въ другія руки. При передачѣ, руки молодыхъ людей встрѣтились, и точно искра пробѣжала по тѣлу Георга.

— Будьте здоровы, фрейлейнъ Іюніусъ! — онъ низко поклонился:—надѣюсь, что наша первая встрѣча не будетъ послѣдней?

Она не нашлась, что отвѣтить; смутилась, покраснѣла и отвернулась.

Въ замѣшательствѣ она обратилась къ Дуду, выбрала у него изъ волосъ листья, почистила его блузочку, и затѣмъ съ полуулыбкой сказала:

— До свиданія!

Георгъ стоялъ и смотрѣлъ ей вслѣдъ. Она такъ поспѣшно удалялась по тропинкѣ между орѣховыхъ кустовъ, въ ту сторону, откуда слышались призывные голоса, что минуты не прошло, какъ она ужь исчезла; ему удалось только услышать еще разъ издали ея голосъ, но словъ онъ разобрать не могъ. Сумерки быстро сгущались; кое-гдѣ еще лѣниво чирикали птички, а «американецъ» все стоялъ на прежнемъ мѣстѣ и прислушивался... Волной нахлынули на него воспоминанія, а въ его сердцѣ закопошились новыя надежды и неясныя мечты о будущемъ...

Наконецъ, онъ встряхнулся; затѣмъ медленно, въ глубокомъ раздумьѣ, направился къ дому; стало почти совсѣмъ темно. Въ комнаты онъ, однако, не вошелъ, а принялся ходить взадъ и впередъ по липовой аллеѣ, и долго ли такъ ходилъ—впослѣдствіи онъ и самъ не могъ сказать этого.

Сильный ароматъ розъ и жасмина поднимался вокругъ него; на пожелтѣвшемъ небѣ загорались блѣдныя звѣздочки.

— Я дома! — тихо произнесъ онъ и вздохнулъ полной грудью.

. . . . . .

VII.

— Съ чего мнѣ начать?—спрашивалъ себя Георгъ Унгеръ на другое утро, послѣ безсонной ночи, которую онъ провелъ въ размышленіяхъ... Но на свой вопросъ еще не нашелъ отвѣта.

«Неправильно нажитое добро впрокъ не идетъ»! — говорила его покойная мать своимъ дѣтямъ. Положимъ, наслѣдство стараго чудака Корделейта нельзя было считать «неправильнымъ»; Георгъ не добивался получить его и, такъ сказать, пальцемъ не двинулъ для этого. Оно само свалилось ему, какъ снѣгъ на голову. Тѣмъ не менѣе, онъ чувствовалъ, что хоть часть этого наслѣдства должна по праву принадлежать другому; тому, который больше нуждается въ деньгахъ, чѣмъ онъ, Георгъ Унгеръ. Съ этой точки зрѣнія, полученное добро казалось ему «неправильно нажитымъ». Это онъ понялъ тотчасъ по прочтеніи двухъ писемъ, въ кабинетѣ покойнаго Корделейта; но несправедливость завѣщанія поразила его въ десять разъ сильнѣе, послѣ того какъ онъ познакомился и поговорилъ съ Лизой Іюніусъ. Но какъ быть? Не пойти же къ отцу ея и сказать: «такъ и такъ, узналъ, молъ, я, что вы неправильно лишены наслѣдства и терпите крайнюю нужду: возьмите изъ доставшихся мнѣ денегъ, сколько вамъ заблагоразсудится»...

Надо полагать, что непрошенное вмѣшательство только оскорбитъ и разсердитъ гордаго бѣдняка, и онъ спроситъ Георга Унгера:—кто далъ ему право совать свой носъ въ чужія дѣла и предлагать незнакомымъ людямъ подарки? И, разумѣется, странное предложеніе «американца»—будетъ отвергнуто.

Но удивительнѣе всего было то, что Георгъ въ душѣ считалъ себя почему-то, дѣйствительно, вправѣ вмѣшаться въ семейныя дѣла Іюніуса и принимать ихъ къ сердцу, какъ свои собственныя. Онъ совершенно не зналъ бывшаго секретаря

Корделейта; но все-же не считалъ невозможнымъ сказать ему что нибудь въ родѣ слѣдующаго:

— Я вамъ не чужой; дайте, я вамъ помогу! Я преданъ вамъ всей душой.

Чѣмъ объяснить такую рѣчь,—онъ и самъ бы не зналъ; но не солгалъ бы ни на іоту.

Правой рукой онъ перелистывалъ адресъ-календарь, который велѣлъ кельнеру подать къ себѣ въ комнату, а лѣвой машинально крошилъ кусочекъ булки.

«Е. Іюніусъ, комисіонеръ. У мельничной плотины № 28»,—прочелъ онъ въ календарѣ и твердо запомнилъ этотъ адресъ. Сколько разъ, бывало, съ Эдуардомъ, устраивалъ онъ у мельницы шлюзы, вырѣзывалъ для Гертруды маленькіе кораблики и она, предусмотрительно привязавъ ихъ къ длинному шнурку, спускала въ воду. Прудъ соединялся плотиной съ озеромъ. Надо пойти взглянуть на это мѣсто, полное воспоминаній далекаго дѣтства... Заодно посмотритъ и на домъ подъ № 28... Большаго онъ не имѣетъ права желать.

Шелъ Георгъ медленно. Было жарко, и солнце, не смотря на ранній часъ, припекало невыносимо. Шелъ онъ и раздумывалъ: въ короткій срокъ пребыванія на родинѣ, онъ успѣлъ пережить страшно много. Точно случилось съ нимъ нѣчто важное,—таково было ощущеніе, не покидавшее его ни на минуту. И стало ему представляться, что въ Германіи онъ сдѣлался совсѣмъ инымъ человѣкомъ, чѣмъ былъ въ Южной Америкѣ. Человѣкъ, который тамъ сидѣлъ за конторкой, просматривалъ письма и счеты, учитывалъ векселя, провѣрялъ полученные товары и ежедневно сталкивался съ торговыми представителями всѣхъ цивилизованныхъ странъ,—ни въ какомъ отношеніи не былъ похожъ на того субъекта, который здѣсь задумчиво блуждалъ по улицамъ города. Далеко, безконечно далеко отлетѣли отъ него всѣ разсчеты, мысли и планы, которые такъ волновали его тамъ: они сдѣлались ему глубоко безразличными, словно вовсе не касались его, хотя, до возвращенія его на родину, служили исключительно цѣлью его жизни. Все въ немъ радикально измѣнилось; можно было думать, что вмѣстѣ съ костюмомъ, приспособленнымъ къ тропическому климату, онъ сбросилъ съ себя и прежняго человѣка. Родной воздухъ окуталъ его волшебной пеленой; онъ забылъ

былое существованіе въ Америкѣ, тамошніе интересы,—двадцати трехъ лѣтъ точно не бывало! Недоставало только прежней беззаботности, юной беззавѣтной веселости, которыми онъ отличался; этого ужь, видно, не вернуть! А все таки онъ сталъ какъ будто моложе душой: заботы, печали, грустныя мысли стушевались подъ наплывомъ радостнаго возбужденія. Онъ еще смутно сознавалъ, въ чемъ дѣло, но бродилъ взадъ и впередъ у плотины и повторялъ: «№ 28, № 28»!.. Въ этомъ нумерѣ заключались какъ будто волшебныя чары... Только мелькомъ взглянулъ онъ на прудъ и на плотину, съ которыми у него связано было столько дѣтскихъ воспоминаній; таинственная сила влекла его дальше.

Вотъ передъ нимъ низенькій, ветхій домишка; онъ выдѣлялся между прочими постройками, то вычурными, то живописными. При каждомъ почти домѣ былъ садъ, окруженный рѣшеткой. № 28 не могъ похвастаться красотой; онъ стоялъ почти на берегу озера; сада около него не было; зато, надо полагать, сырости было вволю; фундаментъ во многихъ мѣстахъ обрушился, въ другихъ—заплѣснѣвѣлъ; тяжелая черепичная крыша покосилась на одну сторону, какъ будто домикъ стыдился своего убожества и старался скрыться отъ любопытныхъ взоровъ; по всему можно было видѣть, что обитатели невзрачнаго жилища сносили его по неволѣ, не имѣя возможности нанять чего нибудь лучшаго. Двери домика заперты; въ окнахъ—ни души. Кое-гдѣ спущены темныя шторы или бѣлыя занавѣски. А Георга такъ и тянуло къ убогому домишкѣ. Пуще прежняго разгорѣлось въ немъ удивительное, непобѣдимое желаніе войти и сказать: «не отталкивайте меня; дайте помочь вамъ,—я весь вашъ»! Онъ прошелъ нѣсколько разъ мимо домика...

На водѣ у самаго берега, возлѣ сторожки, покачивались рядышкомъ штукъ шесть раскрашенныхъ лодочекъ; при появленіи Георга, изъ сторожки вышелъ старикъ и пояснилъ, что желающіе могутъ нанять лодку на часъ, на два, для катанья по озеру; спросъ по воскресеньямъ бываетъ такъ великъ, что сотни лодокъ не хватило бы. Георгъ разсѣянно кивнулъ головой и шагнулъ въ одну изъ лодокъ. Тогда старикъ, затягиваясь изъ трубочки, прикрѣпилъ руль и отвязалъ лодку.

— Меня возьмете, сударь, или желаете покататься одни?

— Одинъ. Я самъ буду грести.

Отъ сильныхъ взмаховъ веселъ, какъ стрѣла, понеслась лодочка по зеркальной глади водъ. Еще семилѣтнимъ мальчикомъ умѣлъ онъ грести и управлять старымъ дырявымъ челнокомъ,—вотъ такимъ же, какой плылъ въ настоящую минуту ему навстрѣчу, выбираясь изъ шуршавшаго камыша. Худощавый мальчикъ, въ одной рубашкѣ и шароварахъ, безъ куртки, стоялъ на кормѣ и отпихивался весломъ, а другой, нѣсколько постарше, пытался вторымъ веслом подцѣпить бѣлый кувшинчикъ съ желтой чашечкой, виднѣвшійся на поверхности воды между круглыхъ, широкихъ листьевъ, и оторвать его отъ длиннаго стебля. Третій мальчуганъ, помоложе этихъ двухъ, растянулся вдоль лодки, подложилъ себѣ куртку подъ голову, закинулъ руки назадъ и, повидимому, спалъ. Кромѣ этихъ трехъ мальчиковъ, на днѣ лодки шевелилось что-то голубоватое, неопредѣленное, чего Георгъ, за дальностью разстоянія, не могъ разсмотрѣть.

Еще два взмаха веслами, и онъ ясно разглядѣлъ копошившееся въ челнокѣ существо: то былъ маленькій бѣлокурый ребенокъ въ голубенькой ситцевой блузкѣ; онъ ползалъ по дну, на минуту привсталъ и снова шлепнулся; но Георгъ Унгеръ успѣлъ узнать въ ребенкѣ своего стараго знакомаго Дуду...

Удивительно, почему веселый взглядъ дитяти такъ взволновалъ его! Сердце его радостно забилось... Но вдругъ онъ пересталъ грести и съ безпокойствомъ сталъ всматриваться: двое старшихъ мальчиковъ слишкомъ увлеклись своимъ дѣломъ; дитя перелѣзло черезъ спящаго брата и свѣсилось за бортъ челнока:—Дуду тянулся за плавающей бѣлой водяной лиліей; пальчики его уже схватили цвѣтокъ, но тотъ не отрывался отъ упругаго стебля; легкое суденышко сильно накренилось на бокъ.

Георгъ устроилъ изъ рукъ нѣчто въ родѣ рупора и закричалъ изо всей силы:—Держите мальчика!!

Но было уже слишкомъ поздно... Двое старшихъ не успѣли даже поднять головы, какъ малютка потерялъ равновѣсіе и упалъ въ воду. Старшіе мальчики бросились на помощь, стараясь поймать Дуду за подолъ платьица: челнокъ еще разъ покачнулся и повернулся вверхъ дномъ; раздался пронзительный крикъ—и все затихло!..

Одно мгновенье Георгъ не могъ прійти въ себя; не ви-

пуская веселъ изъ рукъ, онъ широко-раскрытыми глазами глядѣлъ на мѣсто катастрофы: опрокинутый челнокъ плавалъ на поверхности воды. Затѣмъ онъ опомнился, сбросилъ сюртукъ, сложилъ весла, бросился въ озеро и поспѣшно, не жалѣя силъ, поплылъ къ утопающимъ.

— Четверо! — твердилъ онъ, усердно дѣйствуя и руками, и ногами:—четверо ребятъ, полныхъ надеждъ и силъ. Удастся ли всѣхъ ихъ спасти?

Онъ приподнялъ голову повыше и оглядѣлся вокругъ: одинъ изъ мальчиковъ обѣими руками уцѣпился за перевернувшійся вверхъ дномъ челнокъ и глухимъ голосомъ звалъ на помощь. Но тамъ, тамъ,—между круглыми листьями кувшинчиковъ и водяныхъ лилій,—что-то еще голубенькое барахтается въ водѣ... Такъ и есть! Георгъ поспѣшилъ туда, чтобы не допустить мальчика снова погрузиться въ воду, и сильной рукой схватилъ его за шиворотъ... Давно ли этотъ малвчуганъ такъ весело и довѣрчиво сидѣлъ у него на плечѣ?

— Бери его! Поддерживай одной рукой на поверхности челнока, а другой самъ крѣпко держись!—задыхаясь, крикнулъ онъ и посадилъ ребенка на опрокинутый челнокъ. Затѣмъ онъ снова нырнулъ, надѣясь спасти остальныхъ. Въ особенности боялся онъ за спавшаго мальчика: погруженный въ крѣпкій дѣтскій сонъ, не подозрѣвая никакой опасности, онъ навѣрно сразу пошелъ ко дну.

Вода вливалась Георгу въ ротъ и въ уши, дышать было нечѣмъ—онъ снова вынырнулъ; впопыхахъ онъ не успѣлъ сбросить съ себя башмаки, мѣшавшіе ему плыть, а пропитавшаяся водою одежда мѣшала его движеніямъ... Онъ никого не нашелъ подъ водою.

«Двѣ человѣческихъ жизни! Двѣ»! — звенѣло у него въ ушахъ и опять онъ собрался нырнуть, но прежде мелькомъ взглянулъ на перевернутый челнокъ.

Неужели за судёнышко уцѣпилось два мальчугана? Не обманъ ли это зрѣнія? Нѣтъ, ихъ дѣйствительно двое, Дуду третій.

— Держись! Не робѣй! Я иду на помощь! — крикнулъ Георгъ.

Нѣсколько сильныхъ взмаховъ руками, — онъ подхватилъ втораго мальчика, судорожно цѣплявшагося за лодку, и под-

садилъ его на опрокинутое дно. Маленькаго Дуду, совершенно ослабѣвшаго отъ испуга, онъ тоже устроилъ поудобнѣе; старшій мальчикъ справлялся самостоятельно. Въ третій разъ нырнулъ Георгъ—еще одна человѣческая жизнь требовала его помощи! Мысли начали у него путаться; онъ стиснулъ зубы; въ ушахъ шумѣло; руки, какъ налитыя свинцомъ, отказывались служить.

«Одинъ, еще одинъ... Надо непремѣнно спасти и его»!..

VIII.

На минуту онъ вынырнулъ, чтобы вздохнуть. Ему послышались съ берега голоса, крики,—но шумъ въ ушахъ заглушалъ другіе звуки; если онъ и пойдетъ ко дну, погибнетъ, не все ли равно? Онъ умретъ на родинѣ. Съ этой мыслью онъ почувствовалъ вдругъ новый приливъ энергіи и силъ. Нѣтъ, онъ не хочетъ еще умирать... Онъ еще многаго ждетъ отъ жизни,—слишкомъ мало она дала ему хорошаго, отраднаго... И все хорошее, въ этотъ мигъ, слилось для него въ одинъ образъ: миловидной дѣвушки съ ребенкомъ на рукахъ. Нѣтъ, онъ будетъ жить для нея и съ нею... Личнаго счастья въ жизни онъ еще не извѣдалъ.

Бодро спустился онъ на дно и на этотъ разъ ему посчастливилось ухватиться за какое-то тѣло; онъ приподнялъ его вверхъ и, съ помощью ногъ, плечъ и головы, сталъ выбираться на поверхность со своею ношею; дыханіе его спиралось до боли, силы покидали. Но вотъ онъ очутился около своей лодки, тихонько качавшейся на спокойной поверхности озера. Георгъ послѣднимъ усиліемъ бросилъ безчувственнаго мальчика на дно, а самъ ухватился обѣими руками за бортъ лодки и нѣсколько секундъ не могъ отдышаться; вскарабкаться въ лодку нечего было и пытаться, — силы отказывались служить ему. Послышались голоса съ берега... Чувство тупой апатіи охватило его... Вдругъ въ мысляхъ его снова возникъ образъ молодой дѣвушки... «Умереть? Развѣ можно! Надо жить во что бы то ни стало»! Сверхъестественнымъ усиліемъ напрягъ онъ мускулы, вскарабкался въ лодку, повалился на дно и—лишился чувствъ.

Тяжесть въ головѣ и во всѣхъ членахъ, огненныя искры въ глазахъ со спущенными вѣками, отдаленный звонъ колоко-

ловъ и глухіе голоса вблизи,—вотъ что почувствовалъ, увидѣлъ и услышалъ Георгъ, приходя въ себя.

Онъ тотчасъ же все вспомнилъ и сообразилъ, но долго не дѣлалъ никакихъ усилій, чтобы открыть глаза. Онъ помнилъ, что былъ на волоскѣ отъ смерти, и радовался, что живетъ; мало того,—спасъ утопавшихъ мальчугановъ! Звонъ въ ушахъ напоминалъ ему «родные колокола»,—а наступившій—физическій и душевный—покой былъ такъ сладокъ.

— Скоро ли докторъ? Какъ долго его нѣтъ! — произнесъ чей-то женскій голосъ.

— Такъ скоро нельзя его ждать!—возразилъ мужской голосъ:—сядь лучше въ кресло, душа моя; ты едва держишься на ногахъ. О мальчикахъ не безпокойся: всѣ уложены въ кровати, Лиза поитъ ихъ горячимъ чаемъ. Самое бо́льшее, что Дуду поплатится насморкомъ.

— Опасности нѣтъ никакой?

— Ни малѣйшей. Но, конечно, смѣлымъ мореходамъ эта продѣлка даромъ не пройдетъ: оба старшихъ сегодня же получатъ отъ меня должную награду.

— Папочка! Неужели у тебя хватитъ духу наказать ихъ?

— Несомнѣнно. Пойми сама: долженъ же четырнадцатилѣтній малый, какъ Куртъ, знать, что челнокъ никуда не годится, что человѣческая жизнь не игрушка и что онъ обязанъ слушаться отца. Да еще потащилъ съ собою Дуду! Тому, понятно, не уцѣлѣть бы, еслибъ не незнакомецъ. Наши ребята, разумѣется, не съумѣли бы спасти его!—Послышалось всхлипыванье.

— Подумать страшно... Нашъ дорогой крошка!

— Успокойся, мамочка,—онъ цѣлъ и невредимъ.

— Хоть бы спаситель ихъ скорѣе очнулся. Бѣдный! Все лежитъ безъ сознанія. Какъ закричала наша Лиза, когда его принесли: просто пришла въ отчаяніе!

— Очень понятно. Она... Ахъ, вотъ и она! Ну, что мальчики, Лиза?

— Пьютъ чай, оправились вполнѣ!—отвѣчалъ молодой голосъ:—докторъ идетъ, я увидала его въ окно. Не выдете ли вы ему навстрѣчу—разсказать въ чемъ дѣло?

Георгъ услышалъ шуршанье юбокъ, удаляющіеся шаги; хлопнула дверь. Неужели онъ остался вдвоемъ съ Лизой?

Онъ не успѣлъ еще въ этомъ убѣдиться (вѣки его отказывались повиноваться), какъ почувствовалъ на правой рукѣ, лежавшей поверхъ одѣяла, чье-то теплое дыханье, а затѣмъ прикосновеніе мягкихъ теплыхъ губъ. Сладостная дрожь проникла въ его сердце; на душѣ стало еще лучше, радостнѣе... Но глазъ онъ не открылъ: зачѣмъ смущать юное созданье, въ пылу благодарности давшее волю душевному порыву? Опять гдѣ-то хлопнула дверь; приближались чьи-то шаги.

— Господинъ докторъ, ради бога, помогите ему!—сказала Лиза:—онъ все еще не пришелъ въ себя. Онъ спасъ моихъ братьевъ, а самъ...

Лиза заплакала.

— Не волнуйся, Лиза! Ты ли не молодецъ у меня? Мамашу я попрошу удалиться, а мнѣ подайте пару жесткихъ щетокъ да согрѣтыхъ одѣялъ. Папа останется въ качествѣ ассистента. Прекрасно... Э, да нашъ утопленникъ и такъ уже пришелъ въ сознаніе: онъ шевелится. Нуждаетесь ли вы въ помощи врача, милостивый государь?

Георгъ усмѣхнулся, но отвѣчать еще не могъ. Лѣниво поднялись его отяжелѣвшія вѣки, и первое, что́ увидали его глаза,—милое личико Лизбеты съ знакомой ему улыбкой; она нагнулась надъ нимъ. Іюніусы рѣшительно отказались выпустить его, а оставили у себя до самаго вечера. Они послали въ гостинницу за сухимъ платьемъ и усадили Георга въ покойное кресло самой хозяйки, прикрывъ ему ноги теплымъ одѣяломъ. Онъ былъ нѣсколько блѣденъ и слабъ, этотъ южноамериканскій плантаторъ изъ Пернамбуко,—но счастливъ, безмѣрно счастливъ! За нимъ ухаживали, берегли его, удивлялись его мужеству, а—главное—ему не приходилось больше ломать голову, какъ бы попасть въ домъ № 28... Даже мучительный вопросъ о наслѣдствѣ стараго Корделейта, благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, разрѣшался уже много проще.

Дуду сидѣлъ у него на колѣняхъ, игралъ его цѣпочкой и гладилъ его по щекамъ; мальчики, съ географическимъ атласомъ на столѣ, жадно заслушивались его разсказовъ и забрасывали вопросами. Самъ Іюніусъ поминутно пожималъ ему руку; фрау Іюніусъ не уставала благодарить его. У бѣдной больной женщины слезы не изсякали, — стоило ей лишь

вспомнить, какой опасности подвергались утромъ ея дѣти. Лиза хлопотала, за всѣмъ присматривала, обо всѣхъ заботилась; она приготовила горячаго грогу, заварила кофе; какъ насѣдка съ цыплятами, возилась со своими младшими братьями и сестрами; не забыла, между прочимъ, дать матери лѣкарство, а отцу—набить трубочку. Меньше всего, повидимому, заботилась она о гостѣ; но онъ всюду сопровождалъ ее взглядомъ и между ними установилось тайное пониманіе.

— Помнишь, какъ мы вчера съ тобой, въ саду, толковали о девяти ивановыхъ травкахъ? — «Разумѣется, помню, только молчи; другимъ не надо объ этомъ знать». — Понятно, это касается только насъ двоихъ—тебя и меня.

Гостю пора было домой; привели коляску. Георгъ получилъ радушное приглашеніе поскорѣе навѣстить новыхъ знакомыхъ. Его любезная готовность исполнить общую просьбу показалась всѣмъ чрезвычайно пріятной. Самъ Іюніусъ, высокаго роста сутуловатый человѣкъ, проводилъ его до экипажа и съ чувствомъ пожалъ руку..

— Что́ вы сдѣлали сегодня для меня и для всѣхъ насъ, глубокоуважаемый господинъ Унгеръ,—того намъ не уплатить никакими сокровищами въ мірѣ. Къ сожалѣнію, я бѣдный человѣкъ, безо всякаго опредѣленнаго дохода и положенія въ обществѣ. Одно могу сказать, — располагайте мною и всею моею семьею по вашему усмотрѣнію. Мы до гроба будемъ вамъ признательны. Если я буду когда нибудь въ состояніи чѣмъ нибудь уплатить вамъ, то сочту себя безконечно счастливымъ.

— Смѣю васъ увѣрить, уважаемый г. Іюніусъ, что вы въ долгу у меня не останетесь,—возразилъ Георгъ, многозначительно глядя въ глаза новому знакомому и крѣпко пожимая его руку.

Драгоцѣнный подарокъ сдѣлала родина Унгеру на его жизненномъ пути, подаривъ ему любящую и любимую жену.

Георгъ увезъ свою Лизу съ собой по ту сторону океана: Эрнстъ Іюніусъ уплатилъ свой долгъ—цѣной любимой дочери. Но съ той поры семья Іюніусовъ не знала больше ни нужды, ни заботъ. Домъ стараго Корделейта перешелъ въ ихъ собственность; въ немъ теперь дышется свободно и легко; во всѣхъ комнатахъ звучитъ веселый смѣхъ, а въ саду рѣзвятся дѣти. Не прошло и трехъ лѣтъ со смерти чудака Корделейта, какъ

Георгъ Унгеръ написалъ роднымъ, что окончательное его переселеніе въ Германію—лишь вопросъ времени: дядя его умеръ, и племянникъ выжидалъ только удобнаго случая, безъ особеннаго убытка для себя, передать дѣла и плантаціи въ другія руки. Съ тѣхъ поръ какъ онъ побывалъ на родинѣ и тамъ нашелъ счастье своей жизни, онъ въ Пернамбуко, не смотря на присутствіе Лизы, чувствовалъ себя чужимъ. Ему страстно хотѣлось бросить все, все, и уѣхать съ женою туда, гдѣ и дымъ кажется сладкимъ и пріятнымъ...

Конецъ.

Осень.

Въ комнаткѣ тихо... Лампадка мерцаетъ
Передъ иконой въ углу.
То, разгораясь, тѣни бросаетъ,
То и совсѣмъ погасаетъ,
Все погружая во мглу...
Вѣтеръ, качая кусты и березы,
Воетъ, какъ свора злыхъ псовъ;
Капли текутъ по стеклу, будто слезы.
И навѣваетъ мнѣ грезы
Ходъ монотонный часовъ.

А. Лопатинъ.

По вопросу объ отношеніи правительства къ внѣшнимъ проявленіямъ религіозной жизни евреевъ [1].

(Докладъ члена Комиссіи по устройству быта евреевъ, 1872 г., д. ст. совѣтника В. Я. Фукса).

Часть I.

Основные государственные законы (т. I Св. зак. статьи 40, 44, 45), признавая православную вѣру первенствующею и господствующею въ государствѣ, предоставляютъ непринадлежащимъ къ ней подданнымъ и проживающимъ въ имперіи иностранцамъ прочихъ христіанскихъ и нехристіанскихъ исповѣданій,—въ томъ числѣ евреямъ, — свободное повсемѣстно отправленіе ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной; а статьею 46-ою тѣхъ же законовъ, равно какъ статьею 3-ьею устава духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, установляютъ для завѣдыванія церковными и духовными дѣлами иновѣрцевъ особыя духовныя управленія, которыя, при отправле-

[1]) Въ дополненіе къ запискѣ тайн. совѣтника В. В. Григорьева, мы считаемъ не лишнимъ напечатать цѣликомъ обстоятельный, полный глубокой эрудиціи, докладъ члена совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати В. Я. Фукса, въ которомъ онъ касается всѣхъ важнѣйшихъ сторонъ еврейскаго вопроса, начиная съ древности и кончая новѣйшими временами, причемъ съ замѣчательною убѣдительностью разрушаетъ всѣ юдофильскія фальсификаціи, какъ относительно *мученичества евреевъ*, такъ и насчетъ *безвредности* ихъ религіозно-политическаго ученія. Вполнѣ безпристрастно разбираетъ онъ и обвиненіе жидовъ *въ ритуальномъ употребленіи христіанской крови*, соглашаясь въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ проф. Н. И. Костомарова, выраженнымъ въ его извѣстной полемикѣ съ г. Хвольсономъ,—этимъ ярымъ апологетомъ талмудизма. Ред.

ніи своихъ дѣлъ, обязываются неупустительно соблюдать общія государственныя узаконенія.

Составленный на основаніи этихъ началъ, доселѣ дѣйствующій уставъ объ управленіи духовными дѣлами евреевъ (т. XI, кн. 4) подлежитъ нынѣ, совокупно съ прочими, касающимися евреевъ, постановленіями Свода законовъ, существенному пересмотру Комисіи для устройства быта евреевъ. Побудительныя причины и конечная цѣль этой работы *категорически выражены въ томъ заключеніи Департамента Законовъ Государственнаго Совѣта (5 декабря 1870 г., № 101), которое послужило исходною точкою для образованія означенной комисіи.*

Относительно свободы совѣсти, обрядовъ вѣроученія и самостоятельнаго завѣдыванія духовными дѣлами евреевъ, Департаментъ остался безусловно на почвѣ нашихъ основныхъ государственныхъ законовъ. Но вопросъ о внѣшнихъ проявленіяхъ религіозныхъ отношеній евреевъ въ ихъ общественной жизни, а равно въ соприкосновеніяхъ евреевъ съ обществомъ христіанскимъ и съ закономъ государственнымъ, обратилъ на себя серьезное вниманіе Департамента.

Находя вообще, что запрещеніемъ внѣшнихъ отличій въ костюмѣ далеко еще не достигается желаемое правительствомъ *уничтоженіе обособленности евреевъ и почти враждебнаго къ христіанамъ настроенія еврейскихъ обществъ*, Департаментъ Законовъ, между прочимъ, полагалъ, что, независимо отъ весьма естественной, болѣе близкой между собою связи людей, принадлежащихъ къ отдѣльной народности и исповѣдующихъ особую религію, эти общества составляютъ у насъ *замкнутую религіозно-гражданскую касту или почти особое государство въ государствѣ* [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Департаментъ высказалъ мысль, что выборные старшины, управляющіе обыкновенно еврейскими обществами, *хотя и не признаются правительствомъ*, но, тѣмъ не менѣе, *пользуются посреди своихъ единоплеменниковъ огромною властью, тѣмъ болѣе дѣйствительною, что къ ней присоединяется и вліяніе религіозное*, и что, имѣя такимъ образомъ возможность направлять не

[1]) Курсивъ въ подлинникѣ. Характерное выраженіе: «государство въ государствѣ», по отношенію къ еврейскому кагалу, употреблено впервые нашимъ высшимъ законосовѣщательнымъ учрежденіемъ.

только *общественную*, но и *частную* жизнь евреевъ, старшины эти стремятся къ поддержанію среди евреевъ *замкнутости и фанатизма*. Наконецъ, озабочиваясь изысканіемъ мѣръ *къ сближенію евреевъ съ христіанами* и къ утратѣ первыми ихъ закоренѣлыхъ предразсудковъ посредствомъ правильно организованной системы народнаго воспитанія, Департаментъ поставилъ подлежащій нынѣ обсужденію Комиссіи вопросъ: *объ изысканіи средствъ къ возможному ослабленію общественной связи евреевъ*.

Для достиженія сей цѣли, необходимо предварительно выдѣлить изъ суммы еврейскихъ нравственно-религіозныхъ воззрѣній тѣ элементы, которые, путемъ самаго своеобразнаго развитія, обусловили возможность и даже господство среди евреевъ этого *вреднаго направленія*, разоблаченнаго въ приведенномъ заключеніи Департамента Законовъ. Но, по неразрывной связи еврейскаго вѣроученія съ историческими судьбами и племенными особенностями его послѣдователей, предлежащая задача не можетъ быть исполнена, если ей не будетъ предпослана общая характеристика евреевъ вообще и русскихъ (евреевъ) въ особенности.

Изъ числа 12 колѣнъ, заселившихъ Палестину въ половинѣ XV-го вѣка до Р. Х., 10 колѣнъ, составлявшихъ царство израильское и постоянно отличавшихся склонностью къ идолопоклонству, уведены были въ 722 г. до Р. Х. въ плѣненіе ассирійское, и съ тѣхъ поръ исторія о нихъ умалчиваетъ. По позднѣйшимъ историческимъ изслѣдованіямъ, эти $^5/_6$ частей еврейскаго народа почти затерялись между разными народами передней и средней Азіи. Остальныя два колѣна: Іудино и Веніаминово, — т. е. лишь $^1/_6$ часть потомковъ первобытнаго еврейскаго народа,—составлявшія царство іудейское, покорены были въ 585 г. до Р. Х. Навуходоносоромъ, причемъ высшіе слои населенія, въ числѣ 43,000 человѣкъ, отправлены были въ плѣненіе вавилонское, изъ котораго впослѣдствіи возвратились на родину далеко не всѣ и не очень охотно, по свидѣтельству самихъ еврейскихъ писателей. Въ плѣненіи вавилонскомъ евреи стали заниматься торговыми оборотами, находить выгоды на чужой почвѣ и сохранять съ Іерусалимомъ лишь національно-религіозную связь. Изъ Дѣяній апостольскихъ извѣстно, что апостолы, во время своихъ странствованій

съ цѣлью проповѣди, находили вездѣ на своемъ пути іудейскія синагоги—не только въ передней Азіи, но и въ европейскихъ провинціяхъ римской имперіи. Такимъ образомъ, очевидно, что разсѣяніе по лицу земли двухъ уцѣлѣвшихъ отъ ассирійскаго погрома колѣнъ было добровольное и совершилось гораздо раньше разрушенія іерусалимскаго храма императоромъ Титомъ или преслѣдованія евреевъ императоромъ Адріаномъ. Учеными изслѣдованіями послѣдняго времени дознано, что Титъ, по разрушеніи Іерусалима, не выводилъ евреевъ поголовно изъ Іудеи, но даже покровительствовалъ имъ и что евреи оставались тамъ въ значительномъ числѣ и послѣ Адріана. Что же касается до самой Іудеи, то еще до пришествія Іисуса Христа населеніе въ ней было смѣшанное; національный языкъ, уцѣлѣвшій только въ священныхъ книгахъ, да и то не во всѣхъ, замѣненъ былъ арамейскимъ, а греческая образованность успѣла пустить глубокіе корни. Выродившіеся потомки этихъ-то обывателей Іудеи и составили ядро того еврейскаго населенія, которое нынѣ представляетъ столь значительный контингентъ еврейской націи въ разныхъ частяхъ средней Азіи и сѣверо-восточной части Африки.

Евреи же европейскіе,—потомки добровольно разселившихся въ римской имперіи евреевъ, къ которымъ при Титѣ и Адріанѣ присоединились бѣглецы изъ Іерусалима, а равно взятые римлянами, во время военныхъ дѣйствій, плѣнные, выкупленные большею частію впослѣдствіи своими единовѣрцами, — утвердились сначала въ Италіи и въ прибрежныхъ городахъ Средиземнаго моря; затѣмъ въ средніе вѣка они скопились преимущественно въ двухъ центрахъ: на Пиринейскомъ полуостровѣ, гдѣ были до конца XV-го в. покровительствуемы маврами, и въ Германіи, откуда, подъ вліяніемъ торговыхъ выгодъ и возбужденнаго крестовыми походами гоненія, стали подвигаться дальше на востокъ Европы, гдѣ и населяютъ теперь, въ числѣ около 4 мил. душъ, нашу западную границу (2.600,000 д.) и прилегающія къ нашей границѣ части Пруссіи (220,000) Австріи (800,000) и Турціи (70,000) [1]). Жаргонъ нашихъ

[1]) Эту численность, и во время составленія записки, а тѣмъ болѣе теперь, слѣдуетъ считать сильно преуменьшенною, благодаря тому, что евреи вездѣ стараются, при официальныхъ показаніяхъ, не пугать правительствъ размѣрами своего паразитизма. Ред.

евреевъ безошибочно подтверждаетъ ихъ эмиграцію къ намъ изъ Германіи. Бо́льшая же часть испанскихъ евреевъ, вслѣдствіе гоненій инквизиціи, переселилась въ сѣверную Африку; но образованнѣйшіе и богатѣйшіе изъ нихъ предпочли Европу и примкнули къ своимъ единоплеменникамъ во Франціи и Германіи, проникли въ Англію, Голландію и Италію, и даже въ только что покоренный турками Балканскій полуостровъ.

Примѣры Индіи, Китая и Японіи доказываютъ, что народъ можетъ сохранять въ теченіе тысячелѣтій, безъ измѣненій, свою вѣру, языкъ и законы только при совершенномъ застоѣ его исторической жизни. Евреи, при отсутствіи этого застоя въ своихъ судьбахъ, явились поэтому въ нашихъ предѣлахъ совсѣмъ не тѣмъ народомъ, который былъ выведенъ Моисеемъ изъ Египта. Потомки добровольныхъ переселенцевъ изъ колѣнъ Іудина и Веніаминова, въ теченіе двухъ тысячъ лѣтъ, выработали себѣ совершенно новую цивилизацію. Еще на родинѣ утратили они многія черты своей первобытной національности; но въ предѣлы теперешней Россіи они уже принесли съ собою, вмѣсто еврейскаго или арамейскаго языка, испорченный нѣмецкій жаргонъ; *вмѣсто Ветхаго Завѣта—талмудъ*; наконецъ, они явились сюда и съ особымъ костюмомъ, конечно, всего менѣе еврейскимъ. Вмѣстѣ съ этой своеобразной, *но далеко не древне-библейской національностью*, наши евреи отличаются небывалою въ ихъ исторіи *замкнутостью*.

Замкнутость предписывалась евреямъ, хотя и безуспѣшно, еще Ветхимъ Завѣтомъ, когда они господствовали въ Палестинѣ; но *окончательно она была формулирована и осуществлена на практикѣ лишь талмудомъ* и его комментаторами уже на иноземной почвѣ.

Эта замкнутость проистекла изъ той національной реакціи, которая отчасти высказалась въ самомъ фактѣ отпаденія Іудеи отъ израильскаго царства въ 975 г. до Р. Х. и вполнѣ созрѣла во время вавилонскаго плѣненія. Воспоминанія о покинутой родинѣ, скорбь объ утратѣ политической свободы, ненависть къ иноплеменному и иновѣрному господству; наконецъ, сознаніе общности интересовъ—таково было настроеніе, естественно усвоенное вавилонскими евреями. Это настроеніе не покидало ихъ и тогда, когда они, подъ вліяніемъ торговыхъ выгодъ, стали добровольно селиться среди другихъ языческихъ

народовъ, и даже тогда, когда потомкамъ вавилонскихъ плѣнниковъ открытъ былъ доступъ въ Іудею. Напротивъ, съ возвращеніемъ на родину, національная реакція получила особую силу, встрѣтивъ на завѣтной почвѣ Обѣтованной земли новое иноземное вліяніе въ формѣ эллинизма. Изъ вавилонскаго плѣненія вернулись на родину преимущественно потомки первосвященниковъ и левитовъ, и они-то стали здѣсь главными учителями и руководителями не покинувшихъ Іерусалима народныхъ массъ. Эти руководители не замедлили раздѣлиться на разныя партіи; но самый *раздоръ между ними обусловливается лишь различіемъ въ средствахъ сохраненія вынесенной изъ плѣненія замкнутости*, которая еще болѣе утвердилась между евреями, сначала подъ вліяніемъ борьбы съ римской имперіей, христіанствомъ и магометанствомъ, а затѣмъ—подъ вліяніемъ средневѣковыхъ притѣсненій въ Европѣ и Азіи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вслѣдствіе самой промышленной солидарности евреевъ между собою.

Жизненное неизсякающее начало этой продолжающейся замкнутости еврейскихъ массъ на европейской почвѣ слѣдуетъ искать въ томъ *непримиримомъ противорѣчіи, которое существуетъ не только между доктринами Евангелія и талмуда, но и между двумя цивилизаціями, возникшими изъ этихъ доктринъ*: христіанско-европейской и еврейско-семитической.

Посему еврейская замкнутость не есть результатъ историческаго застоя; она не покидаетъ евреевъ даже тогда, когда они переживаютъ самыя разнообразныя историческія событія, когда они *съ внѣшней стороны даже подчиняются требованіямъ современнаго прогресса.* Не смотря на глубокое различіе историческихъ судебъ евреевъ въ Европѣ и на Востокѣ, *люди этого племени досель составляютъ единый народъ, хотя писатели изъ ихъ среды и увѣряютъ, что евреи—только граждане тѣхъ странъ, въ которыхъ имѣютъ свою осѣдлость* [1]). *Національное единство евреевъ получило осн-*

[1]) Въ послѣднее время, сбросивъ всякія отслужившія свое дѣло маски, евреи даже въ Россіи,—по признанію «Сѣвернаго Вѣстника», въ его полемикѣ съ «Наблюдателемъ»,—прямо уже провозглашаютъ себя особымъ «государствомъ въ государствѣ» и *вовсе не желаютъ считать себя русскими гражданами*, претендуя на свой собственный, да еще аристократическій, націо-

заемую для всѣхъ форму съ учрежденіемъ въ 1860 г. «Alliance israélite universelle»,—этого могущественнаго союза богатыхъ, ученыхъ и вліятельныхъ евреевъ всѣхъ странъ. Евреи разныхъ странъ отличаются другъ отъ друга языкомъ, обычаями, культурой, но члены названнаго союза поддерживаютъ своимъ авторитетомъ и менѣе образованныхъ евреевъ русскихъ и румынскихъ, и даже фанатическихъ евреевъ Сиріи и Алжира. *Alliance universelle имѣетъ вездѣ своихъ членовъ или, вѣрнѣе, офиціальныхъ агентовъ; у насъ въ Россіи это званіе носитъ еврей-банкиръ Гинцбургъ* [1]); предсѣдатель этого союза, *г. Кремьё, входитъ по еврейскимъ дѣламъ въ непосредственныя сношенія съ государями и министрами иностранныхъ дѣлъ.* Г. Кремьё обращался и къ нашему правительству. Не далѣе, какъ въ 1869 году, генералу-губернатору Юго-западнаго края сообщенъ былъ протестъ этого общества, за подписью предсѣдателя, противъ дѣйствій становаго пристава, принявшаго энергическія мѣры по случаю уклоненія пограничныхъ съ Австріей евреевъ отъ отбыванія рекрутской повинности. Точно также другой выдающійся членъ союза и главный дѣятель неудавшейся продажи евреямъ Палестины, Мозе Монтефіоре, въ 1845 г. обращался къ кавказскому намѣстнику въ защиту евреевъ, обвинявшихся *въ закланіи христіанскаго младенца* въ окрестностяхъ Тифлиса. Кромѣ того, въ минувшемъ (1871) году *этотъ союзъ настаивалъ въ своемъ органѣ «Univers israélite» на дипломатическомъ вмѣшательствѣ во внутреннія дѣла Румыніи* по поводу возникшихъ въ ней столкновеній христіанъ съ евреями; когда же эта комбинація, вслѣдствіе паденія главнаго покровителя евреевъ Наполеона III, не удалась, — собранъ былъ особый по тому же вопросу конгрессъ въ Брюсселѣ. Наконецъ, всѣ помнятъ послѣдній пріѣздъ Мозе Монтефіоре въ Петербургъ и пріемъ, который онъ здѣсь встрѣтилъ со стороны своихъ единовѣрцевъ. Многимъ показалось необъяснимымъ это странствованіе девятидесятилѣтняго старца на дальній сѣверъ, но на стр. 530 — 532 издающагося въ

гализмъ. Очевидно, что, благодаря всякимъ послабленіямъ, они забыли уже свои лживые толки объ «ассимиляціи» и открыто узаконяютъ свой государственный сепаратизмъ.

[1]) О подвигахъ этого банкира по части пониженія русскаго курса см. въ книгѣ «Государство въ государствѣ», стр. 229—230.

Вильнѣ ежемѣсячнаго журнала «Гакармель» (1872 г.) оглашена была еврейскому міру цѣль этой поѣздки: ревнитель іудейства прибылъ въ Петербургъ *для представленія Государю Императору адреса по дѣламъ еврейскимъ.*

Такимъ образомъ, *единовѣріе и единоплеменность евреевъ имѣютъ безусловно и повсемѣстно политическій характеръ* [1]). Не обладая собственною территоріею, не имѣя національнаго правительства, евреи, со времени окончательнаго паденія Іерусалима, *облекли свое политическое единство фикціею*, доселѣ непоколебимо ими сохраняемою: *они вездѣ живутъ и умираютъ, какъ иностранцы; но истинное ихъ отечество—все та же Палестина;* ихъ столица — все тотъ же Іерусалимъ, въ пользу котораго, со времени добровольнаго разсѣянія евреевъ до Р. Х. и до нашего времени, производится правильно организованный денежный сборъ. Евреи признаютъ себя разсѣянными лишь впредь до пришествія доселѣ ожидаемаго мессіи, который долженъ быть ихъ видимымъ царемъ, при которомъ они должны сдѣлаться господствующимъ народомъ въ мірѣ и тѣмъ исполнить свою историческую, завѣщанную Богомъ, задачу. Въ виду этого будущаго, они охотно переносятъ всѣ невзгоды, не забывая, что *они выше всѣхъ народовъ*; въ виду этого будущаго, они сохраняютъ чистоту своего племени, не смѣшиваются съ иноплеменниками, не вступаютъ съ ними въ бракъ даже тамъ, гдѣ имъ этого не запрещено, соблюдаютъ свои обычаи и хранятъ, какъ зеницу ока, всю традицію своего талмуда.

Многіе еврейскіе писатели, какъ за границею, такъ и въ особенности у насъ, отвергаютъ такое настроеніе современныхъ евреевъ, но сами же они, въ защитительной полемикѣ, по поводу другихъ вопросовъ, противорѣчатъ себѣ по этому пункту самымъ категорическимъ образомъ. Упорная вѣра въ пришествіе мессіи не составляетъ, впрочемъ, черты, исключительно свойственной современнымъ, евреямъ: пришествія мес-

[1]) Въ этихъ словахъ заключается чрезвычайно важная и вполнѣ правильная (согласно съ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта) постановка «еврейскаго вопроса». Это и есть огромной важности *политическая* задача, съ разрѣшеніемъ которой тѣсно связано экономическое благополучіе и нравственное состояніе всѣхъ народовъ, добродушно пристроившихъ у себя якобы «гонимаго» израиля.]

сіи, но только вторичнаго, ожидаютъ и христіане и, въ извѣстной степени, магометане, а раскольники наши ожидаютъ этого событія почти въ тѣхъ же чувственныхъ формахъ, какъ іудеи. *Особенность еврейскаго мессіанства состоитъ лишь въ томъ, что это вѣрованіе кладетъ печать замкнутости не только на религіозный, но даже на гражданскій бытъ лицъ этой націи.* Существованіе же и правильная организація *іерусалимскаго сбора въ Россіи*, даже въ отдаленныхъ и незначительныхъ городахъ Сибири, не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ переписка нашихъ евреевъ съ іерусалимскими по дѣламъ этого сбора за послѣднее время и *доказательство перевода этихъ пожертвованій въ Іерусалимъ черезъ здѣшняго банкира Гинцбурга находятся въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.* Стремленіе къ созданію политическаго центра для евреевъ въ Палестинѣ, чрезъ выкупъ ея при посредствѣ Мозе Монтефіоре, болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ, а особая высшая миссія еврейскаго народа не скрывается, хотя въ иносказательной формѣ, даже евреями, не чуждыми европейской образованности. Затѣмъ, не смотря на проповѣдуемое русскими передовыми евреями сліяніе съ русскою національностью, они, тѣмъ не менѣе, сами настаиваютъ на необходимости развитія въ Россіи самостоятельной еврейской литературы, заявляя, между прочимъ, что именно въ Россію эта литература всего болѣе укоренилась. Наконецъ, вся масса нашего еврейскаго населенія, весьма невѣжественная и исполненная фанатизма, доселѣ ежедневно повторяетъ молитвы, обращенныя не только къ цѣлямъ религіозно-нравственнымъ, но и къ цѣли національной, — къ Іерусалиму, къ его значенію политическому вообще и будущему въ особенности.

Правда, въ исторіи еврейства есть факты, которые какъ бы опровергаютъ изложенный выше взглядъ на современную замкнутость этого племени во Франціи и Германіи, но эти факты едва ли могутъ имѣть серьезное значеніе даже и для названныхъ двухъ странъ.

Созванный Наполеономъ I, въ 1807 г., въ Парижѣ *великій синедріонъ* подтвердилъ состоявшееся за годъ передъ тѣмъ постановленіе еврейскихъ депутатовъ о томъ, что *евреи считаютъ французовъ братьями*, имъ равноправными, а *Францію—своимъ отечествомъ*; что взиманіе противозаконныхъ

процентовъ воспрещено имъ даже въ сношеніяхъ съ христіанами (?), что евреямъ не воспрещенъ бракъ съ христіанами и т. п. Такое заявленіе могло быть тѣмъ естественнѣе, что при развитости и національной однородности 35 милліоновъ французскаго народа евреи составляли среди него ничтожное меньшинство отъ 60 до 80-ти тысячъ душъ и уже съ 1790 года пользовались въ странѣ безусловнымъ равноправіемъ съ коренными гражданами. *Но многіе раввины, подтвердившіе это постановленіе своею подписью, сами вскорѣ затѣмъ протестовали противъ него.* По свидѣтельству бывшаго раввина, аббата Ратисбонна, *это постановленіе даже никогда не имѣло силы у талмудистовъ*, т. е. у большинства. Сочувствіе французскихъ евреевъ политической попыткѣ Мозе Монтефіоре [1]), фанатическая рѣчь, произнесенная публично однимъ изъ раввиновъ въ Ліонѣ въ 1842 г.; наконецъ, вся дѣятельность агентовъ Всемірнаго израильскаго союза доказываютъ, что большинство евреевъ даже во Франціи—*доселѣ члены иной, чуждой Франціи, политической семьи*, прикрывающейся только, *когда имъ это выгодно*, званіемъ французскихъ гражданъ, *подобно тому какъ наши евреи—званіемъ русскихъ* [2]).

[1]) Объ этой попыткѣ Монтефіоре выкупить у Турціи для евреевъ всю палестинскую территорію говорилось выше. Такой же проэктъ выставляется въ наши дни «сіонистами», вызывая протестъ со стороны евреевъ, вплотную присосавшихся къ своимъ «показнымъ отечествамъ» и не желающихъ мѣнять кукушку на ястреба. Но показныя отечества были бы очень рады отъ нихъ избавиться...

[2]) До какой степени евреи никогда не признавали и не могутъ признавать въ иноплеменникахъ, да притомъ еще христіанахъ, своихъ *братьевъ*—это видно изъ каждой строки статута «Всемірнаго израильскаго союза», возвышающаго евреевъ надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ. Въ частности, по отношенію къ христіанству, главный раввинъ Венгріи, въ своихъ «откровенно-безстыжихъ признаніяхъ» (по выраженію г. Евгенія Орловскаго), выразилъ эту непримиримую ненависть въ слѣдующихъ словахъ: «Недалеко то время, когда между христіанами *всѣ называющіеся христіанами* (именно только «называющіеся»!) *не будутъ знать Христа, точно также, какъ и мы его не знаемъ*». («Еврейство и либерализмъ», стр. 44).

При такой сконцентрированной животной злобѣ евреевъ противъ самаго имени Христа, многіе мыслящіе люди во Франціи справедливо приписываютъ жидамъ всѣ гоненія противъ христіанскаго культа, въ то самое время, когда жрецы талмудизма не только остаются въ сторонѣ отъ гоненій, но пользуются явнымъ покровительствомъ жидовскихъ министерствъ («Государство въ государствѣ», стр. 176). Это усиленное гоненіе на христіанскій культъ Андріё (бывшій префектъ полиціи) объясняетъ прямою зависимостью французскаго правительства отъ жидовъ-банкировъ. Ред.

«Прогрессивные» евреи Германіи, на бывшемъ (въ 1844 г.) въ г. Брауншвейгѣ совѣщаніи, на которомъ участвовали 25 раввиновъ и 2 проповѣдника, постановили: замѣнить при чтеніи молитвъ древне-еврейскій языкъ нѣмецкимъ, отмѣнить молитвы о возобновленіи храма въ Іерусалимѣ и о пришествіи мессіи, и дозволить евреямъ вступленіе въ бракъ съ христіанами, гдѣ это не воспрещено закономъ государства и т. п. Хотя результатомъ и было возникновеніе новыхъ синагогъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Франкфуртѣ-на-Майнѣ и нѣкоторое стремленіе образованныхъ евреевъ къ сближенію съ христіанами, но *115 раввиновъ протестовали противъ брауншвейгскаго постановленія*, вслѣдствіе чего въ Германіи, особенно же въ Австріи, большинство евреевъ *чествуетъ свой талмудъ и остается вѣрно проповѣдуемымъ въ немъ началамъ обособленія*. Такой же результатъ имѣло и собраніе нѣкоторыхъ раввиновъ-прогрессистовъ въ Касселѣ и Лейпцигѣ въ 1869 г.

Коноводы брауншвейгскаго совѣщанія, извѣстные подъ названіемъ *реформистовъ*, не ожидая болѣе мессіи, признали его иносказательно-пришедшимъ, а мессіанскія ожиданія евреевъ—совершившимися, съ тѣхъ поръ какъ на Западѣ людямъ этого племени дарованы были общегражданскія права. Но и это натянутое, хотя, можетъ быть, и искреннее толкованіе меньшинства не могло, конечно, имѣть практическаго значенія, *особенно въ виду противодѣйствія талмудическаго большинства*.

Понятно, что члены этой,—по выраженію Департамента Законовъ,—*«религіозно-политической касты»* связаны между собою своеобразною дисциплиною, а не внѣшнимъ *принужденіемъ*; что они имѣютъ *свой особый кодексъ гражданскій и политическій*, что всѣ ихъ отношенія къ лицамъ, чуждымъ этого союза, пропитаны тенденціями, осуществленіе которыхъ на практикѣ имѣетъ огромное значеніе при пересмотрѣ дѣйствующихъ въ имперіи законовъ о евреяхъ.

Многіе думаютъ, основываясь на свидѣтельствѣ нѣкоторыхъ еврейскихъ писателей, а также одобренныхъ министерствомъ народнаго просвѣщенія еврейскихъ учебниковъ, что вѣроученіе евреевъ основывается на Ветхомъ Завѣтѣ. Но изъ исторіи евреевъ и даже изъ самаго текста Ветхаго Завѣта извѣстно, то *Пятикнижіе Моисея не соблюдалось гражданами израиль-*

скаго царства еще задолго до вавилонскаго и даже ассирійскаго плѣненія. Утрата языка шла параллельно съ искаженіемъ вѣры и соприкосновеніе съ сосѣдними языческими народами сопровождалось заимствованіемъ міросозерцанія и обрядовъ у послѣднихъ. Этотъ давнишній упадокъ религіознаго и политическаго духа получилъ новый ударъ въ распространеніи гелленизма въ Палестинѣ въ эпоху Селевкидовъ. Такое явленіе производитъ всегда и вездѣ національную реакцію. Но никогда эта реакція не представляетъ возстановленія древнихъ началъ въ ихъ первоначальной чистотѣ; она производитъ только новый, своеобразный фазисъ въ развитіи извѣстнаго народа. Такъ было и съ національной реакціей евреевъ: *она не возстановила авторитета Ветхаго Завѣта*, не изгнала укоренившихся въ іудейскомъ народѣ чуждыхъ примѣсей, но достигла только возстановленія и сохраненія нѣкоторыхъ древнихъ формъ, хотя съ совершенно новымъ содержаніемъ. Она выработала чувство замкнутости, но *дала народу талмудъ вмѣсто Пятикнижія.*

Изъ трехъ столбовъ еврейской государственной жизни: единаго храма единому Богу, школы и суда, вавилонскіе плѣнники могли имѣть у себя только національные школы и суды, которые и сдѣлались средоточіемъ ихъ народной жизни. Лишенные храма и культа, вавилонскіе евреи тѣмъ болѣе привязались на чужбинѣ къ своимъ домашнимъ и общественнымъ обычаямъ. Ветхій законъ, терявшій уже на родинѣ всякій авторитетъ, сталъ здѣсь предметомъ *самаго формальнаго соблюденія*, а его смыслъ — предметомъ самаго тщательнаго истолкованія, что породило цѣлую науку, слѣды которой, впрочемъ, замѣтны еще въ книгѣ Паралипоменонъ. Передъ этою живою неизсякаемою наукой однообразная буква постояннаго закона стала мало-по-малу мертвѣть и догматическое одинообразное пониманіе закона уступило мѣсто субъективнымъ, ничѣмъ не сдерживаемымъ, воззрѣніямъ.

До вавилонскаго плѣненія, дѣла вѣры находились въ рукахъ первосвященниковъ изъ рода Аарона, а прочіе члены колѣна Левитова составляли лишь сословіе церковно-служителей при Іерусалимскомъ храмѣ. Толкованіе же закона принадлежало преимущественно пророкамъ, хотя это толкованіе оставалось на строго-догматической почвѣ и имѣло, при всей

своей важности въ глазахъ народа, лишь второстепенное значеніе въ сравненіи съ Пятикнижіемъ. Въ плѣненіи вавилонскомъ, гдѣ обрядовый формализмъ и авторитетъ толкованія возвысились надъ догматическимъ значеніемъ закона, орудіями вѣроученія естественно явились потомки переселенныхъ туда завоевателями первосвященниковъ и левитовъ; сохранили за собою, и съ возвращеніемъ въ Іудею, пріобрѣтенное ими въ плѣну значеніе народныхъ учителей, не слившись, однако, съ формально возстановленнымъ на родинѣ сословіемъ первосвященниковъ и церковнослужителей. Напротивъ, званіе первосвященниковъ и левитовъ съ тѣхъ поръ даже упало въ народномъ мнѣніи, и дѣйствительными руководителями массъ стали не облеченные въ священный санъ служители храма или богодухновенные пророки, а не связанные съ храмомъ учители и толкователи: софетимы, книжники, раввины, принадлежавшіе безразлично къ разнымъ колѣнамъ. Такимъ образомъ, *не только буква закона убила живой смыслъ древняго вѣроученія*, не только смыслъ опредѣленныхъ догматовъ безгранично былъ расширенъ размножившимися толкованіями, но самое право на коментаторство Пятикнижія и пророковъ *было секуляризовано*: оно перешло изъ храма въ синагоги, въ школы, на площадь [1]). Въ то время, когда первосвященники были безпрестанно возводимы и низвергаемы по прихоти деспотическихъ властителей или народной толпы; въ то время, когда *Іерусалимскій храмъ, по словамъ Евангелія, превратился въ соблазнительное торжище*, — въ это самое время повсемѣстныя пренія *по дѣламъ вѣры* вызывали самые страстные споры, самую ожесточенную вражду, *всѣ тѣ бури, которыми отличаются народныя собранія, рѣшающія политическіе вопросы* [2]). Различіе воззрѣній, стремленіе къ популярности,

[1]) По разрушеніи Іерусалимскаго храма, синагоги, перебравшіяся на европейскую почву, потеряли уже всякое религіозное значеніе и сохранили только свою политическую секуляризованную власть, удержавъ, для обмана правительствъ, призракъ религіозности, чтобы подвести свой варварскій племенной кодексъ подъ защиту «религіозной свободы и терпимости».

[2]) Въ новѣйшее время, еврейскіе кагалы,—творящіе при своихъ синагогахъ политическій судъ и расправу, ложно выдаваемые за «дѣла вѣры»,—принимаютъ къ своему разсмотрѣнію такіе, напр., якобы „религіозные“ вопросы, какъ подкупъ правительственныхъ чиновниковъ, провозъ и дѣлежъ контрабанды, устраненіе (а иногда и убійство) опасныхъ для кагала людей и пр. Ред.

конкурренція между аудиторіями вызвали раздоры, которые привели неизбѣжно къ образованію враждебныхъ партій, усвоившихъ себѣ, — какъ всегда бываетъ при религіозныхъ столкновеніяхъ, — и политическіе оттѣнки. Но уже до Р. Х. *преобладаніе окончательно склонилось на сторону фарисеевъ*, которые, угождая вкусамъ толпы внѣшнимъ соблюденіемъ древнихъ обрядовъ во всей ихъ мелочности, давали ей посредствомъ самаго эластическаго истолкованія изреченій Ветхаго Завѣта возможность легко избавляться отъ подавляющаго авторитета древней догматики. Такимъ образомъ, іудеи, *наружно сохраняя законъ предковъ*, протестуя своей обрядовой замкнутостью противъ иностранныхъ нововведеній, *теряли незамѣтно заповѣданную Іеговою мораль*, хотя и продолжали считать себя по прежнему «избраннымъ народомъ», а равно сохранять ненарушимо племенную связь не только у себя дома, но и на чужбинѣ, сдѣлавшейся для нихъ, со временъ вавилонскаго плѣненія, столь заманчивою по торговымъ выгодамъ. Мало того, это новое міросозерцаніе дало іудеямъ возможность вездѣ уживаться и съ иноземнымъ владычествомъ. Такая же замѣна буквы закона его толкованіями совершилась и въ судѣ,—въ синедріонѣ.

Но въ то самое время, когда синагога и синедріонъ такъ возвысились надъ авторитетомъ закона, храма и первосвященниковъ, — *тогда фарисеи встрѣтили сильную оппозицію со стороны новаго ученія Іисуса Христа*, которое покорило себѣ вселенную, но, по своему космополитическому характеру, восторжествовало всего менѣе въ Іудеѣ. *Проповѣдь Іисуса Христа направлена была не противъ Пятикнижія и пророковъ, но противъ формализма, софистики и дешевой морали фарисеевъ* [1]). Отсюда понятно, что фарисейство, забывъ свою борьбу съ гелленизмомъ, стало сосредоточивать свои силы противъ этого новаго, болѣе опаснаго врага, и что *этою борьбою пропиталось все позднѣйшее вѣроученіе евреевъ*.

Ученіе фарисеевъ, первоначально устное, не могло съ теченіемъ времени не усвоить себѣ письменной, а, наконецъ, и

[1]) В. Я. Фуксъ твердо устанавливаетъ различіе, существующее между *фарисействомъ*, создавшимъ человѣконенавистническій талмудъ, и *моисеевымъ закономъ*, истинный смыслъ котораго былъ только разъясненъ и расширенъ евангельской проповѣдью.

кодификаціонной формы. *Такъ возникъ талмудъ*, первая часть котораго—«Мишна» — была составлена въ 180 г. по Р. Х., а вторая—«Гемарра»—въ концѣ XV вѣка. Мишна составляетъ коментарій къ Ветхому Завѣту; Гемарра — къ Мишнѣ; но уже съ V-го вѣка и до нашихъ временъ, слѣдовательно, въ теченіе 14-ти столѣтій, продолжается безостановочно дальнѣйшее коментированіе талмуда новыми авторитетами, такъ что, сверхъ 20—30 фоліантовъ талмуда, кодексъ еврейскаго вѣроученія представляетъ такую массу текста и столь же разновременныхъ и разнорѣчивыхъ предписаній, которую могутъ усвоить лишь весьма немногіе еврейскіе ученые.

Талмудъ, съ его дополнительными толкованіями, охватываетъ не только вѣроученіе, *но и всю семейную и общественную жизнь евреевъ*; кромѣ кодекса обрядовъ, въ немъ заключается *цѣлая юриспруденція, но въ немъ нѣтъ того, что встрѣчается въ вѣроученіи другихъ народовъ, а именно—догматики.*

Заключающееся въ талмудѣ и его коментаріяхъ еврейское міросозерцаніе раскрываетъ, съ одной стороны, отношенія евреевъ къ не-евреямъ, а съ другой—внутренній бытъ евреевъ. Отношеніе евреевъ къ не-евреямъ представляетъ, по талмудическому ученію, слѣдующія черты:

1) *Враждебное отношеніе ко всѣмъ другимъ народностямъ, въ особенности же къ христіанамъ*, какъ къ самымъ могущественнымъ и многочисленнымъ послѣдователямъ того ученія, которое поразило фарисейское направленіе іудеевъ. *Еврейскіе писатели объясняютъ эту ненависть средневѣковыми гоненіями*, или вовсе отвергаютъ ея существованіе, доказывая, что извѣстныя мѣста талмуда направлены не противъ христіанъ, но противъ язычниковъ. И то, и другое невѣрно. Хотя христіане, дѣйствительно, въ средніе вѣка преслѣдовали евреевъ, но не должно забывать, что и *евреи, въ первые вѣка христіанства, возбуждали гоненія язычниковъ противъ христіанъ*, а равно, что *средневѣковыя преслѣдованія евреевъ были вызываемы не религіозной лишь враждой христіанъ, но нарушеніемъ самими евреями интересовъ мѣстнаго населенія.* Такъ, въ V и VI-омъ вѣкѣ, евреевъ преслѣдовали въ Испаніи за то, что *они торговали невольниками;* въ XV-омъ вѣкѣ они были преслѣдуемы въ Испаніи же за свою

дружбу съ маврами; во Франціи и Германіи *народныя массы преслѣдовали евреевъ за ростовщичество*, а въ Бѣлоруссіи и Малороссіи евреи были ненавистны православнымъ, *какъ агенты самаго тяжелаго иноземнаго владычества*. Слѣдовательно, тутъ не было преслѣдованія односторонняго, но была *взаимная борьба*. Эта борьба была осложнена, конечно, и религіозными мотивами, хотя и въ этомъ случаѣ, говоря о религіозной нетерпимости христіанскаго большинства, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что *эта нетерпимость возбуждалась очень часто фанатизмомъ самихъ евреевъ*. Самая мартирологія евреевъ [1]), даже по еврейскимъ источникамъ и по отзывамъ сочувственнаго евреямъ сочиненія Демминга, оказывается *крайне преувеличенной* и далеко не представляетъ картинъ въ родѣ избіенія христіанъ въ римской имперіи, войны съ альбигойцами, Варѳоломеевской ночи и т. п. Вообще, говоря о гоненіяхъ противъ евреевъ, не слѣдуетъ забывать, что если евреи отъ времени до времени подвергались гоненіямъ, то въ остальное время они въ тѣхъ же самыхъ странахъ *пользовались привилегированнымъ положеніемъ*. Такъ было въ Испаніи, гдѣ они долго были при дворѣ и на государственной службѣ, и во Франціи, гдѣ они имѣли особыхъ коронныхъ защитниковъ или прокуроровъ, и въ германской имперіи, гдѣ они были подъ защитою особыхъ охранныхъ грамотъ, и въ папскихъ владѣніяхъ, гдѣ имъ покровительствовали римскіе первосвященники, защитившіе самый талмудъ отъ истребленія огнемъ, и въ Польшѣ, гдѣ они имѣли самостоятельное управленіе, и въ Россіи, гдѣ они, съ возсоединеніемъ западной окраины съ коренными частями имперіи, не только никогда не преслѣдовались, но *доселѣ сохраняютъ свое отдѣльное, въ извѣстной степени привилегированное устройство*, неприкосновенность вѣры, самостоятельные сборы, и *фактически пользуются гражданскою свободою* почти не менѣе, чѣмъ въ пограничныхъ государствахъ. Еслибы преслѣдованія евреевъ въ Европѣ были такъ жестоки, всеобщи и постоянны, какъ описывается въ еврейскихъ мартирологіяхъ, то, конечно, евреи не занимали бы, ни по численности, ни по связямъ, ни по ка-

[1]) Этою баснословной *мартирологіею* жиды и до сихъ поръ любятъ оправдывать всѣ отталкивающія черты своей національной физіономіи. Г. Фуксъ достаточно опровергаетъ эту ложь.

питаламъ, того положенія, которое они теперь имѣютъ на Западѣ и у насъ. Создать себѣ вдругъ такое положеніе было невозможно. Отсюда слѣдуетъ, что ненависть къ христіанамъ,— разумѣемымъ то прямо подъ именемъ язычниковъ (какъ видно изъ рѣчи, произнесенной ліонскимъ раввиномъ въ 1842 г.), то подъ терминами: *гой*, *нухри* и *акумъ*,—имѣетъ свое основаніе вовсе не въ прежней религіозной борьбѣ, но *логически истекаетъ изъ самаго существа религіознаго міросозерцанія талмуда* и его послѣдователей. Считая себя избраннымъ народомъ Іеговы, евреи не могутъ не относиться несочувственно ко всѣмъ не-евреямъ, а такъ какъ не-евреи съ давнихъ поръ представляютъ большинство и силу обитаемыхъ евреями странъ, то и составляютъ для послѣднихъ *не только предметъ презрѣнія, но и прямой или тайной вражды, что неоднократно и категорически высказывается въ талмудѣ* [1]). Вѣковая борьба евреевъ съ христіанами *не могла не укрѣпить этой вражды*. Конечно, до размноженія христіанъ, враждебность еврейская имѣла въ виду язычниковъ, но, съ замѣною въ Европѣ язычниковъ христіанами, *теорія талмуда о язычникахъ была перенесена на христіанъ*. Знаменитый Маймонидъ въ XII-омъ вѣкѣ позволяетъ обманывать и истреблять еретиковъ, чтобъ отвратить опасность, грозящую истинной вѣрѣ, и *вовсе не выдѣляетъ христіанъ изъ массы враговъ талмудическаго ученія*, столь упорно коренящагося въ современныхъ почитателяхъ этого самаго Маймонода.

2) *Уклоненіе отъ соблюденія законовъ страны* и отъ исполненія общихъ прочимъ гражданамъ обязанностей есть логическое послѣдствіе враждебнаго, въ силу талмуда, отношенія евреевъ къ не-евреямъ. Этою чертою отличаются европейскіе евреи вообще, *а русскіе въ особенности*. Понятно, что, имѣя *свой судъ* [2]), они, въ отношеніяхъ между собою, стараются

---

[1]) Этотъ отзывъ автора, изучавшаго «еврейскій вопросъ» по самымъ солиднымъ и неопровержимымъ источникамъ, мы отсылаемъ по адресу тѣхъ наглыхъ фальсификаторовъ талмуда, которые, «ничесо же сумняся», выдаютъ его за идеалъ человѣколюбія, равный евангельскому. Съ мнѣніемъ г. Фукса относительно этической высоты талмуда вполнѣ солидаренъ и С. Я. Дминскій, который былъ прекрасно знакомъ и съ древнимъ еврейскимъ языкомъ, и съ его новѣйшими жаргонами («Государство въ госуд.» стр. 89—102), и потому и изучалъ талмудическія постановленія прямо въ подлинникѣ.

[2]) Такъ называемый бет-динъ. Ред.

аренды у евреевъ православныхъ церквей въ Малороссіи [1]); въ XVIII вѣкѣ—*сосредоточеніе почти всей недвижимой и движимой собственности эльзасскихъ христіанъ въ залогѣ у евреевъ*, а въ началѣ нынѣшняго столѣтія—*значительной части помѣщичьихъ земель ковенской губерніи*. Къ этой же категоріи фактовъ слѣдуетъ отнести: переходъ значительной части поземельной собственности румынскихъ княжествъ, въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ, въ руки евреевъ; сосредоточеніе въ еврейскихъ рукахъ всей мелочной и винной торговли не только въ Западномъ краѣ, но даже въ такихъ мѣстностяхъ Малороссіи и Новороссіи, гдѣ число евреевъ относительно ничтожно. Достойно замѣчанія, что *эксплуатація евреями неевреевъ подчинена спеціальной талмудической дисциплинѣ*, предусмотрительно регулирующей взаимныя отношенія евреевъ въ дѣлѣ эксплуатаціи чуждой имъ территоріи и иноплеменныхъ народовъ. Эта регламентація выразилась въ установленіи правилъ *хазаки* и *меропіе* [2]), исторически развившихся уже на еврейской почвѣ, охраняемыхъ кагальными актами и угрозою самаго сильнаго проклятія въ случаѣ нарушенія. *Протестъ* противъ подобнаго захвата пришлымъ и враждебнымъ племенемъ всѣхъ мѣстныхъ экономическихъ силъ, какъ прежде, такъ и теперь, выражался въ *преслѣдованіяхъ евреевъ хри-*

---

[1]) Съ отпаденія Малороссіи, заѣденной еврейскимъ москитомъ, началось, какъ извѣстно, и *политическое разложеніе* Польши, не умѣвшей остановить во-время разрушительное дѣйствіе этого москита, хотя въ польской исторіи (въ 1538 г.) и представлялся превосходный случай—отдѣлаться разомъ отъ цѣлой массы тунеяднаго племени («Государство въ государствѣ», стр. 58). Хорошій урокъ всѣмъ государствамъ, идущимъ по той же самой дорогѣ!

[2]) Такъ называются узаконенныя талмудомъ *права* «народа божьяго» на эксплуатацію *имущества* и *личности* христіанина («меропіе», въ буквальномъ смыслѣ, значитъ: «затменіе на христіанина»). Эти «человѣколюбивыя» установленія талмуда тоже получили «гражданство» въ Европѣ подъ флагомъ *братства, равенства и свободы*. (См. статьи проф. Ѳ. И. Леонтовича: «Что намъ дѣлать съ еврейскимъ вопросомъ»? въ №№ 5 и 6 «Наблюдателя» 1882 г. и «Государство въ государствѣ», стр. 7). Понятно, что, вооруженные такими «правами» и своей зачастую преступной кагальной союзностью, евреи давнымъ-давно заткнули за поясъ русскихъ кулаковъ, дѣйствующихъ въ одиночку и уже оттиснутыхъ съ поля конкурренціи. Теперь, въ борьбѣ съ эксплуататорами народа, надо поражать *въ голову*, прежде всего, кагальную змѣю, насколько можно усмотрѣть эту часть ея тѣла. А усмотрѣть можно, какъ усмотрѣли же въ свое время голову польско-еврейскаго *ужовода*, послѣ долгихъ и безплодныхъ исканій... Ред.

стіанскими массами. Такъ было въ средніе вѣка на Западѣ; такъ преслѣдовали въ XVI и XVII вѣкахъ казаки евреевъ въ Малороссіи; такъ преслѣдовало ихъ городское населеніе Одессы въ 1870 г.; но той же самой причинѣ населеніе Румыніи доселѣ враждуетъ съ евреями. Въ моментъ преслѣдованія, сила и торжество всегда бывали на сторонѣ преслѣдователей по ихъ численному перевѣсу. Евреевъ мучили, грабили, изгоняли, но тѣ же самые евреи, влекомые жаждою корысти, вскорѣ появлялись въ прежнихъ мѣстахъ и принимались за прежнее ремесло съ прежнею смѣлостью, *благодаря могущественной защитѣ*, которую они всегда и вездѣ умѣли находить на другой день послѣ гоненія.

Замѣчательно, однако, что страсть къ наживѣ не обогатила еврейской національности. Еврейскіе банкиры и крупные негоціанты съумѣли вездѣ пріобрѣсти себѣ колоссальныя богатства; но *народная масса евреевъ вездѣ отличалась и отличается крайней бѣдностью.* Причина этого страннаго явленія, впрочемъ, понятна: эксплуатація христіанъ мелкими еврейскими ростовщиками и факторами не можетъ обогащать послѣднихъ, такъ какъ *они вездѣ, въ свою очередь, эксплуатируются своими старѣйшинами.* Всѣ труды, всѣ извороты бѣднаго еврея обогащаютъ не его; чистая выручка даетъ ему средства для скуднаго пропитанія, вся же крупная выгода идетъ въ руки его кагальныхъ патроновъ. Рѣдкій еврей не находится въ зависимости отъ подобнаго патрона. Но и этого мало: *каждый еврей подавленъ произвольными и безконтрольными сборами*, установляемыми кагаломъ, — сборами, почти всегда имѣющими религіозный характеръ. Такимъ образомъ, наши евреи, уклоняясь отъ податей государственныхъ, въ дѣйствительности несутъ гораздо болѣе денежныхъ повинностей, нежели христіане.

Внутренній бытъ евреевъ представляетъ слѣдующія главныя черты.

Теократическій характеръ еврейской народности обусловливаетъ доселѣ преобладаніе грубаго фанатизма и невѣжества среди народныхъ массъ этого племени. Сознаніе своего привилегированнаго значенія среди прочихъ народовъ, эпоколебимое ожиданіе мессіи изъ своего племени и національная замкнутость находятъ у евреевъ постоянное выраже-

ніе въ талмудѣ, который такимъ образомъ *является регуляторомъ не только ихъ вѣроученія, но и всего ихъ быта семейнаго, общественнаго и политическаго.* Вся домашняя жизнь еврея есть ничто иное, какъ безпрерывное исполненіе предписанныхъ ему мельчайшихъ правилъ и обычаевъ. Не только религіозные обряды въ собственномъ смыслѣ, но даже сонъ, одѣяніе, пища, взаимныя отношенія членовъ семьи и отдѣльныхъ евреевъ между собою, судебное между ними разбирательство, отношенія ихъ къ не-евреямъ,—все это предопредѣлено на основаніи правилъ талмуда и его дополнительныхъ истолкованій, и исполняется подъ опасеніемъ самыхъ страшныхъ проклятій.

Можно было ожидать, что съ окончательнымъ разрушеніемъ храма и уничтоженіемъ культа, обусловленнаго существованіемъ храма въ Іерусалимѣ, еврейскій бытъ выдетъ изъ свойственнаго всѣмъ семитическимъ народамъ теократизма; но оказалось, что паденіе культа не секуляризировало еврейскаго быта. Напротивъ, предшествовавшая паденію храма секуляризація вѣроучительства, возбудивъ въ массахъ религіозныя страсти, усилила въ нихъ свойственный семитическимъ племенамъ теократизмъ, а привычка разсѣявшихся въ то время по лицу земли евреевъ жить въ дали отъ іерусалимскаго храма выработала среди нихъ небывалое въ исторіи другихъ народовъ явленіе—*теократизмъ безъ культа.* Богослуженіе было окончательно замѣнено учительствомъ, *храмъ—аудиторіей*, въ формѣ синагоги или школы. Школы еврейскія почти всегда существуютъ при синагогахъ, а у русскихъ евреевъ такъ называемыя молитвенныя школы даже замѣняютъ синагоги тамъ, гдѣ нѣтъ послѣднихъ по незначительности населенія. Затѣмъ всѣ еврейскіе больницы и пріюты, благотворительныя общества, ученыя братства и общественныя учрежденія, по которымъ расписаны всѣ евреи; наконецъ, ихъ кагалы и суды имѣютъ безусловно религіозный характеръ. У евреевъ нѣтъ ни первосвященниковъ, ни левитовъ, но зато каждый еврей, каждый членъ общества, какъ бы воспринялъ на себя, послѣ разрушенія храма, священный характеръ и всѣ тѣ функціи, которыя у другихъ народовъ предоставлены особому классу священнослужителей: обрѣзаніе, совершеніе публичныхъ молитвъ, приведеніе къ присягѣ, обрядъ бракосочетанія и погребенія—могутъ быть совер-

шаемы каждымъ евреемъ. *Раввины, смѣло выставляемые евреями и признаваемые христіанскими правительствами въ качествѣ духовныхъ лицъ, вовсе не имѣютъ такого характера по правиламъ талмуда и его комментаторовъ и по собственному сознанію еврейскихъ писателей* [1]).

Такое преобладаніе теократическаго элемента, въ связи съ прочими бытовыми условіями евреевъ, усиливая ихъ религіозное настроеніе, не могли не вызвать фанатизма и—особенно въ массахъ—самыхъ грубыхъ предразсудковъ. Кромѣ того, самое пребываніе евревъ въ средніе вѣка среди столь же фанатическаго христіанскаго населенія не могло не дать этому фанатизму новой пищи. Но въ то время, какъ прогрессивное развитіе христіанскихъ народовъ содѣйствовало уменьшенію ихъ религіозной нетерпимости,—*замкнутость еврейскихъ массъ оставляла послѣдователей талмуда въ прежнемъ застоѣ*. Если христіанство въ своемъ фанатизмѣ не было чуждо суевѣрія, то суевѣрія у евреевъ на почвѣ талмуда должны были удержаться дольше и выразиться въ наиболѣе грубой, преступной формѣ. Родственная талмуду магія и связанная съ нею каббала проникли и въ христіанское общество, но въ ученіи талмуда эти заимствованія изъ халдейскаго міра почувствовали себя какъ бы дома. Вѣра въ злыхъ духовъ, заговоры, талисманы и гаданія,—все это гораздо чаще и повсемѣстнѣе, нежели у христіанъ, входитъ доселѣ въ моральный обиходъ послѣдователей талмуда. Связь фанатизма съ невѣжественными предразсудками привела къ возникновенію и укорененію среди евреевъ самыхъ превратныхъ воззрѣній и даже преступныхъ дѣйствій. *Такимъ образомъ возникло и уродливое ученіе, дозволявшее убивать и обкрадывать не-евреевъ*. Наконецъ, историческими свидѣтельствами въ періодъ среднихъ вѣковъ на Западѣ, слѣдственными дѣлами въ Витебскѣ, на Кавказѣ, въ Саратовѣ, въ текущемъ столѣтіи, и формальнымъ слѣдствіемъ, произведеннымъ при

---

[1]) Совершенно освобожденные отъ всякаго духовнаго характера, раввины тѣмъ охотнѣе занимаются въ своихъ кагальныхъ собраніяхъ чисто свѣтскими дѣлами своихъ общинъ, въ родѣ сбора денегъ на подкупъ прессы или чиновниковъ; разбирательства контробандныхъ дѣлъ, наложенія *херема* на провинившихся передъ кагаломъ лицъ, причемъ этотъ херемъ нагло падаетъ и на христіанъ. Такой характеръ раввины сохраняютъ и до сихъ поръ, какъ представители своего особаго кагальнаго царства. Ред.

участіи европейскихъ консуловъ въ Дамаскѣ въ началѣ сороковыхъ годовъ, обнаружено, что *въ грубыхъ слояхъ еврейской массы бываютъ случаи закланія христіанскихъ младенцевъ и даже взрослыхъ христіанъ съ цѣлью добычи христіанской крови для изготовленія пасхальныхъ хлѣбовъ и другихъ суевѣрныхъ обрядовъ.* Другими свидѣтельствами доказано, что *евреи въ средніе вѣка на Западѣ добывали чрезъ христіанъ церковные дары для кощунства надъ ними*, а равно старались всячески пріобрѣтать церковно-христіанскіе сосуды и другія богослужебныя принадлежности, легко обходя постановленіе талмуда, который дозволяетъ этотъ промыселъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы означенные предметы были предварительно повреждены рукою не-іудея.

Всѣ эти факты упорно отвергаются еврейскими писателями, хотя аргументація послѣднихъ не выдерживаетъ критики ни въ частностяхъ, ни въ общемъ взглядѣ на этотъ вопросъ. Приведенные факты вовсе не составляютъ поголовнаго и вѣчнаго обвиненія всей еврейской націи. *Эти крайнія выраженія дикаго фанатизма, какъ напр., закланіе христіанъ, являлись несомнѣнно*, но довольно рѣдко; они рисуютъ не обиходное міросозерцаніе еврея, но лишь тѣ предѣлы, до которыхъ, при неразвитости фанатическихъ массъ, можетъ доводить ученіе талмуда. Въ Западной Европѣ, гдѣ евреевъ меньше и гдѣ они образованнѣе, эти факты давно не повторяются [1]); они весьма рѣдки и у насъ, и въ настоящее время всего болѣе возможны на нецивилизованномъ Востокѣ. Подобные факты въ еврейской сферѣ равнозначительны случаямъ святотатства, самосожиганія и убіенія новорожденныхъ дѣтей, столь частымъ въ жизни нашихъ раскольниковъ. Религіозная

---

[1]) Въ недавнее время они повторились: въ Чехіи, при обвиненіи Гильзнера, и у насъ въ дѣлѣ Блондеса. Но въ обоихъ этихъ случаяхъ ритуальный характеръ и убійства, и покушенія на него «упорно отвергался» еврейскими адвокатами и подмѣнивался извращенными половыми побужденіями... Адвокату же противной стороны, въ Чехіи, даже воспрещалось на судѣ говорить о присутствіи въ дѣлѣ Гильзнера несомнѣнно доказаннаго свидѣтельскими показаніями ритуальнаго элемента. Въ царствованіе Анны Іоанновны «испущеніемъ руды» изъ христіанской женщины съ ритуальною цѣлью занимался Ворухъ Лейба, совратившій въ іудейство лейтенанта Возницына («Государство въ государствѣ», стр. 44) и избившій на-смерть православнаго священника (стр. 43). Ред.

замкнутость, столь безвозвратно осужденная христіанствомъ, всегда возбуждала въ массахъ невѣжественный фанатизмъ, который, въ свою очередь, вездѣ доводилъ отдѣльныхъ лицъ до изувѣрства, прикрываемаго преступной таинственностью. *Употребленіе же крови человѣческой при жертвоприношеніяхъ лежитъ въ основаніи всѣхъ восточныхъ религій, а, по мнѣнію Дёллингера, и еврейской, такъ часто уклонявшейся отъ заповѣдей Моисея и склонявшейся къ заблужденіямъ халдейскаго и персидскаго вѣроученій;* сохранившееся до сихъ поръ обрѣзаніе, по мнѣнію Дёллингера, есть лишь отголосокъ древнихъ человѣческихъ жертвоприношеній. Съ другой стороны, не слѣдуетъ забывать, что ветхій завѣтъ узаконялъ принесеніе въ жертву животныхъ и ихъ крови; эта жертва, безусловно отмѣненная евангеліемъ, *вовсе не отмѣнена догматически у евреевъ; она только пріостановлена за отсутствіемъ жертвенника и храма* [1]). *Далеко ли отсюда до принесенія въ жертву крови врага* [2]) *въ моментъ фанатическаго экстаза*, какъ это дѣлали римляне даже въ самый разгаръ своей гуманной философіи, въ первомъ вѣкѣ нашей эры, передъ глазами самихъ евреевъ? Наконецъ, пролитіе человѣческой крови, но въ иной формѣ, *существуетъ доселѣ между русскими скопцами, которые, по своему невѣжеству, фанатизму и замкнутости, представляютъ нѣкоторыя черты, свойственныя еврейскимъ массамъ.*

---

[1]) Не слѣдуетъ еще забывать, что, по талмудическимъ постановленіямъ, «гой» (т. е. иновѣрецъ, преимущественно же христіанинъ) *отнюдь не приравнивается, какъ человѣкъ, къ сынамъ «избраннаго племени»*, но, въ особаго рода зоологической лѣстницѣ, ставится ниже осла и собаки. Съ этой точки зрѣнія, и кровь его стóитъ не дороже животной...

[2]) До какой степени жиды кровожадны и мстительны къ *врагу*, это доказываетъ существующій у нихъ до сихъ поръ обычай, въ день воспоминанія о гибели Амана (персидскаго вельможи, замученнаго много вѣковъ тому назадъ), нанимать особую «гоимскую жертву», которую сокагальники усердно мучатъ и истязаютъ *съ пролитіемъ крови*, иногда и до лишенія жизни...

В. Я. Фуксъ ограничиваетъ кругъ этихъ жертвоприносителей только одною «фанатическою еврейскою массою»; но поголовное участіе и интеллигентныхъ, и неинтеллигентныхъ жидовъ въ упорномъ отрицаніи ритуальныхъ жертвоприношеній обнаруживаетъ нравственную (а, можетъ быть, и матеріальную) солидарность тѣхъ и другихъ. Евреи возражаютъ противъ самыхъ неопровержимыхъ уликъ и пытаются подмѣнить истинную причину этихъ убійствъ посторонними мотивами. Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, имъ, конечно, много содѣйствовали обычныя средства борьбы съ ними: *подкупъ* продажныхъ и *застращиваніе* трусливыхъ людей. Ред.

Низкій уровень развитія массы еврейскаго населенія составляетъ естественное послѣдствіе такого религіознаго настроенія. Было бы неосновательно доказывать, что племенныя свойства евреевъ преграждаютъ имъ путь къ достиженію высшихъ званій и привилегированнаго положенія въ какой бы то ни было средѣ. Знаменитые ученые, врачи, богословы, литераторы, банкиры и артисты изъ евреевъ издавна знакомы Европѣ и Россіи. Но подобные примѣры, доказывая богатство врожденныхъ способностей, *далеко не столь многочисленны*, какъ это стараются доказать еврейскіе ученые. Эти способности достигаютъ въ еврейской средѣ своего естественнаго развитія только при исключительныхъ обстоятельствахъ; масса же, особенно въ Россіи, коснѣетъ, въ теченіе вѣковъ, въ фанатизмѣ и мелкомъ паразитствѣ. Еврейскіе писатели несправедливо отожествляютъ эти исключительныя обстоятельства съ отсутствіемъ гоненій противъ евреевъ со стороны христіанъ. Крупные представители этого племени являлись даже во время самыхъ сильныхъ противъ нихъ гоненій. Но, вообще, бо́льшая часть крупныхъ личностей изъ евреевъ или примыкали къ христіанству, вызывая тѣмъ противъ себя презрѣніе, проклятіе и преслѣдованія со стороны своихъ прежнихъ единовѣрцевъ, или же, оставаясь въ еврейской сферѣ, платили ей печальную дань. Таковъ былъ и знаменитый Маймонидъ, который, не смотря на всѣ свои ученыя заслуги, *проповѣдывалъ самый грубый фанатизмъ*. Только Моисей Мендельсонъ, пытавшійся въ прошломъ столѣтіи гуманизировать евреевъ, не покинулъ вѣры предковъ. *Много выстрадавъ при жизни, онъ положилъ основаніе сектѣ реформистовъ, рѣшительно отвергаемой талмудическимъ большинствомъ* и значительно искаженной уступками и лицемѣріемъ его собственныхъ послѣдователей. Другіе же, въ родѣ Кремьё, не только не разрывали связи съ талмудистами, но съ талантомъ и упорствомъ, достойными лучшаго дѣла, *защищали всѣ противоестественныя стремленія фанатической толпы*. Причина тому очевидна. Въ душной еврейской сферѣ человѣку трудно выйти изъ ряду вонъ. *Подавленный дисциплиной кагала*, властію бет-дина, гнетомъ безчисленныхъ братствъ и экономическою зависимостью отъ своихъ старѣйшинъ, еврей имѣетъ передъ собою только два крайнихъ исхода: или склониться предъ авторитетомъ своихъ

руководителей, что и составляетъ удѣлъ большинства невѣжественной массы,—или пробить себѣ грудью доступъ къ собственной диктатурѣ, что удается, конечно, немногимъ энергическимъ личностямъ. Средняго пути нѣтъ: *всякая попытка эмансипироваться встрѣчаетъ отпоръ не по силамъ.*

Такимъ образомъ, *народныя массы евреевъ, безъ всякаго преувеличенія, находятся въ крѣпостномъ состояніи.* Эти *подначальныя* массы умѣютъ, однако, читать и писать на жаргонѣ и, отчасти, на господствующемъ языкѣ страны, но сумма этихъ познаній не производитъ никакого цивилизующаго вліянія на евреевъ по причинѣ ихъ замкнутости и фанатизма. Низкій уровень магометанскихъ массъ, подлежащихъ, по правиламъ корана, системѣ всеобщаго первоначальнаго религіознаго обученія, доказываетъ, что такое образованіе, при извѣстномъ религіозномъ міросозерцаніи, *вовсе не имѣетъ культурнаго вліянія, а лишь поддерживаетъ тотъ невѣжественный фанатизмъ,* котораго нерѣдко чужды русскіе православные простолюдины, незнакомые вовсе съ грамотою.

Еврейскіе писатели, защищая нравственный уровень единоплеменныхъ имъ массъ, провозглашаютъ, что *въ еврейскихъ семействахъ нравственность процвѣтаетъ*, и, въ подтвержденіе сего, приводятъ столь несомнѣнную многосемейность евреевъ. Но *быстрая нарождаемость евреевъ, составляя ихъ племенную физіологическую черту, встрѣчаемую нерѣдко у совершенно чуждыхъ гражданственности народовъ, еще не доказываетъ высокаго нравственнаго уровня.* Обиліе проститутокъ изъ еврейскаго племени въ западныхъ губерніяхъ, въ Польшѣ, даже въ Германіи и отчасти во Франціи наглядно подтверждаетъ между евреями слабость семейныхъ узъ, что впрочемъ, совершенно понятно, такъ какъ *единобрачіе основано у евреевъ не на законѣ, но на обычаѣ, а легкомысленное отношеніе супруговъ между собою даже освящено лучшими авторитетами талмуда* [1]*; это подтверждается легкостью и многочисленностью еврейскихъ разводовъ.*

---

[1]) Талмудъ, вообще, смотритъ на женщину, какъ на самку, и требуетъ отъ нея полнѣйшей, рабской покорности мужу. Еврейскіе «разводы», допускаемые по самымъ разнообразнымъ причинамъ, — всего болѣе по прихоти мужа,—давно уже стали притчею во языцѣхъ. Что же касается до физіологической плодливости евреевъ, то она, нисколько не являясь доказатель-

Неустойчивость семейнаго начала и отсутствіе цивилизующихъ основъ въ первоначальномъ обученіи евреевъ, содѣйствуя ихъ нравственному застою, тѣмъ самымъ обусловливаютъ и нравственную безразличность ихъ дѣйствій, особенно при соприкосновеніи евреевъ съ не-евреями. Еврейское лицемѣріе, обманъ и фальшь, *совершеніе преступленій особыми еврейскими компаніями*, фиктивное страхованіе евреями движимыхъ имуществъ и, *сопряженное съ этою операціею, поджигательство*, дутые еврейскіе залоги по подрядамъ и т. п.—вошли въ народную пословицу. Преобладающая цифра преступниковъ изъ числа евреевъ, въ сравненіи съ прочими мѣстными жителями, извѣстна всякому знакомому съ судебными дѣлами западныхъ и привислинскихъ губерній. Приписывать всѣ эти факты врожденной порочности еврейскихъ массъ было бы, конечно, ошибочно; но не подлежитъ сомнѣнію, что преобладаніе подобныхъ преступныхъ дѣйствій въ извѣстномъ племени указываетъ на то, что масса этого племени коснѣетъ въ самомъ сильномъ невѣжествѣ, составляющемъ основной мотивъ уголовныхъ правонарушеній.

Таково общее міросозерцаніе большинства еврейской націи. *Это именно міросозерцаніе дѣлаетъ изъ евреевъ,—по выраженію департамента законовъ (Государственнаго Совѣта),—«религіозно-политическую касту»*. Евреи не признаютъ себя и не могутъ быть признаваемы гражданами обитаемыхъ ими странъ; но, не будучи подданными иноземнаго государства, не могутъ быть признаваемы и иностранцами. *Они—государство въ государствѣ*, а потому не только все прошедшее, но и интересъ настоящаго времени побуждаетъ ихъ *не къ слиянію съ гражданами страны*, но лишь къ пріобрѣтенію предоставленныхъ этимъ гражданамъ преимуществъ, съ полнымъ, однако, сохраненіемъ своего внутренняго національнаго и религіозно-политическаго самоуправленія, — этого могучаго орудія той дисциплины, которая связываетъ и направляетъ силы евреевъ

ствомъ доброй нравственности (подобно тому, какъ плодливость бактерій отнюдь не ручается за ихъ полезность), служитъ только угрожающимъ симптомомъ въ борьбѣ паразитнаго племени съ эксплуатируемыми народами. Талмудъ недаромъ обѣщаетъ жидамъ, что «когда еврейскій народъ будетъ превышать численностью всѣ остальные народы, тогда *богъ изрѣчетъ отдать евреямъ всѣ народы на окончательное истребленіе*». (См. «Матеріалы Комиссіи по устройству быта евреевъ», изд. министерства внутр. д., Спб. 1879 г.). Ред.

къ главной внѣшней цѣли ихъ настоящаго разсѣянія между иноплеменниками—къ *вещественной эксплуатаціи*.

Степень упорности этого настроенія зависитъ, конечно, отъ условія мѣста и времени: въ Англіи и во Франціи, гдѣ еврейскій элементъ, при ничтожной численности, растворяется въ далеко преобладающей массѣ болѣе цивилизованнаго мѣстнаго населенія [1]), это настроеніе гораздо слабѣе. То же можно сказать о средней Германіи; но, по мѣрѣ приближенія къ восточнымъ предѣламъ Пруссіи и Австріи, описанныя бытовыя черты становятся ощутительнѣе, а въ Россіи, среди неразвитаго, разрозненнаго и подавленнаго населенія западной окраины (губерніи западныя и привислинскія), еврейское населеніе, составляющее почти 10% [2]), представляетъ доселѣ,—подобно тому, какъ и въ Румыніи,—столь же сильное развитіе бытовыхъ своихъ началъ, какъ это было, напр., въ Западной Европѣ въ средніе вѣка, съ тою лишь разницею, что евреи не подвергаются здѣсь вовсе какимъ либо гоненіямъ.

И среди нашихъ евреевъ могутъ встрѣчаться—и дѣйствительно встрѣчаются—личности образованныя, благонамѣренныя и передовыя. Но *они перестаютъ тогда имѣть значеніе въ своей средѣ* и всѣ ихъ попытки цивилизовать своихъ соплеменниковъ остаются безъ всякаго результата. Но—какъ было упомянуто выше—*чаще встрѣчаются изъ среды евреевъ передовые люди другаго закала*: вооруженные современною наукою, они посвящаютъ свои силы *безусловному оправданію еврейскихъ бытовыхъ особенностей* [3]); такіе дѣятели, не разрывая

---

[1]) Во Франціи эта картина уже сильно измѣнилась въ настоящее время:—во-первыхъ, численность евреевъ утроилась, достигнувъ чуть не цѣлаго милліона; а во-вторыхъ, послѣ дѣла Дрейфуса, вредъ отъ ихъ присутствія въ офиціальныхъ сферахъ, равно какъ въ финансовомъ и биржевомъ мірѣ, вызываетъ уже страшнѣйшій ропотъ во всей патріотической части французскаго общества и народа.

[2]) Нынѣ этотъ процентъ значительно увеличился, благодаря физіологической плодливости еврейскаго племени.

[3]) «Вооруженный современною наукою» г. Хвольсонъ доказывалъ даже, къ удовольствію своихъ соплеменниковъ (но *не единовѣрцевъ*, такъ какъ г. Хвольсонъ номинально отрекся отъ талмуда), что талмудическая нравственность нисколько не ниже евангельскаго ученія (!!). Другими словами: «фарисеевъ» и «книжниковъ»,—т. е. нынѣшнихъ *талмудистовъ*, сохранившихъ фарисейство въ его неприкосновенномъ видѣ,—не слѣдовало и обличать новыми евангеліи. «Порожденіе ехиднино» достойно стать рядомъ, на одной

племенной связи, пользуются, напротивъ, безпримѣрной поддержкою въ еврейской средѣ, хотя приносятъ мало пользы дѣлу. Возбуждая безплодную для серьезныхъ умовъ полемику въ не-еврейскихъ сферахъ, они, своими казуистическими объясненіями, только поддерживаютъ и даже одобряютъ въ массѣ своихъ единовѣрцевъ темныя стороны ихъ соціальнаго быта. Такимъ образомъ, возникла за границею, и особенно у насъ, цѣлая литература объ эмансипаціи евреевъ. *Эта литература затемняетъ только еврейскій вопросъ. Отводя глаза русскихъ читателей* пресловутымъ, но въ дѣйствительности не существующимъ, обрусеніемъ евреевъ, издаваемыя этою партіею журналы и книжки на русскомъ языкѣ остаются для массы евреевъ вовсе недоступными. Эта псевдо-апологетическая и псевдо-патріотическая литература *ни однимъ словомъ не варзумляетъ евреевъ* по вопросамъ объ ихъ замкнутости и фанатизмѣ.

Самый способъ защиты еврейскихъ воззрѣній болѣе нежели одностороненъ. *Способъ этотъ—казуистическій*, причемъ каждый аргументъ употребляется pro и contra. Такъ напр., русскіе передовые евреи, доказывая, что ихъ единоплеменники—ничто иное, какъ *русскіе граждане*, а не члены особаго государства, въ то же время, при аргументаціи по другимъ вопросамъ, *сами цитируютъ факты, доказывающіе, что евреи стремятся къ сохраненію и своего особаго языка, и особыхъ учрежденій; что эти «русскіе граждане» болѣе солидарны со Всемірнымъ израильскимъ союзомъ, чѣмъ съ нами;* что, наконецъ, въ средѣ евреевъ доселѣ существуетъ и завѣтное *стремленіе къ политическому объединенію*. Требуя эмансипаціи русскихъ евреевъ, почти обладающихъ уже гражданскимъ полноправіемъ, эти писатели указываютъ на существующее будто бы повсемѣстно на Западѣ полноправіе евреевъ, что̀ далеко невѣрно. Указывая на то, что *обособленность евреевъ происходитъ отъ ихъ неполноправія*, еврейскіе эмансипаторы, полемизируя по другимъ вопросамъ, сами доказываютъ, что *эта обособленность составляетъ какъ бы прирожденное ихъ право и тамъ, гдѣ евреи совершенно эманисипированы*. Они ссылаются на попытки своихъ реформистовъ, какъ на доказатель-

---

высотѣ, съ лучшими представителями любви къ Богу и человѣчеству!.. Ту же счастливую мысль повторилъ и нашъ доморощенный философъ, Вл. Соловьевъ.
Ред.

ство современнаго прогресса въ іудействѣ, но умалчиваютъ, что *реформисты—меньшинство, опротестованное талмудическимъ большинствомъ* даже въ образованной Германіи. Они приписываютъ европейскому іудейству всемірную миссію утвержденія свободы религіозной совѣсти [1]), тогда какъ рѣчь ліонскаго раввина, произнесенная въ 1842 г., и выдержки изъ «передовыхъ» еврейскихъ журналовъ доказываютъ совсѣмъ иное. Они отрицаютъ противообщественныя и противогосударственныя теоріи талмуда, *подыскивая въ талмудѣ* цитаты, противорѣчащія указаннымъ христіанскими писателями и обращенными въ христіанство евреями, или *опровергая вѣрность перевода* [2]) и толкованія этихъ цитатъ; но эти опроверженія, по своей натянутости, мало кого убѣждаютъ. Дѣйствительно; фоліанты талмуда, нароставшіе вѣками, заключаютъ въ себѣ *иногда* весьма нравственныя предписанія, но эта *гуманная часть талмуда примѣняется преимущественно ко взаимнымъ отношеніямъ членовъ «народа божія» между собою, а не къ не-евреямъ. Кромѣ того, раввинская казуистика изъ самыхъ нравственныхъ предписаній дѣлаетъ выводы самые превратные*, особенно въ виду враждебной искони христіанамъ практики талмудическихъ ученій. Опровергая, напр., своихъ неевреискихъ оппонентовъ, *еврейскіе писатели тщательно умалчиваютъ о безнравственныхъ взглядахъ на женщину* такихъ авторитетовъ, какъ Гиллель и Акиба; объ изувѣрной нетерпимости Маймонида, имя котораго занимаетъ, однако, почетное мѣсто въ еврейскомъ катехизисѣ, изданномъ въ 1868 г. въ Варшавѣ на русскомъ языкѣ. Наконецъ, еврейскіе писатели, защищая казуистически столь мало извѣстный христіанскимъ

---

[1]) Эта «свобода совѣсти» практикуется талмудистами только по отношенію къ христіанскимъ исповѣданіямъ, но преступившій законы талмуда карается самымъ безчеловѣчнымъ и неумолимымъ судомъ, по приговору племеннаго бет-дина. Ліонскій раввинъ только *не пожелѣлъ* выразить свою затаенную ненависть къ имени Христа, но эта ненависть просвѣчиваетъ во всѣхъ писаніяхъ и дѣйствіяхъ талмудистовъ.

[2]) Къ этому пріему донынѣ не стыдятся прибѣгать разные реббе Нотовичи, дѣлая свои цитаты по фальсифицированному (для обморочиванія гоевъ) тексту талмуда или умалчивая съ умысломъ о другихъ его мѣстахъ звѣрскаго характера. А такими сокровищами преисполненъ талмудъ и, какъ ни скрывай ихъ, но шила въ мѣшкѣ не утаишь. Вмѣсто одной заподозрѣнной въ точности цитаты, всегда можно привести сотни другихъ такого же свойства, которыхъ не рѣшатся заподозрить самые недобросовѣстные защитники талмуда.

писателямъ талмудъ, совершенно умалчиваютъ въ своей полемикѣ о тѣхъ враждебныхъ христіанамъ сопоставленіяхъ и цензурныхъ сокращеніяхъ, которыя допущены сознательно въ еврейскихъ изданіяхъ талмуда, хотя есть несомнѣнныя доказательства, что *эти сопоставленія и сокращенія досель сохраняютъ свой скрытый для христіанъ смыслъ* въ преподаваніи меламдами еврейскаго вѣроученія молодому поколѣнію. Наконецъ, еврейскіе писатели или искусно умалчиваютъ о фактическихъ опроверженіяхъ и разоблаченіяхъ, дѣлаемыхъ не-еврейскими и покинувшими еврейство авторитетами, или огуломъ заподозриваютъ правдивость своихъ оппонентовъ, какъ лицъ, принадлежащихъ къ враждебному лагерю, *предъявляя такимъ образомъ притязаніе на монополію правды* въ показаніяхъ только одной своей стороны и забывая, что эта сторона—наиболѣе заинтересованная, а потому и показанія ея далеко не безпристрастны.

Изученіе *еврейскаго міросозерцанія* даетъ ключъ къ разрѣшенію возложенной на комисію, заключеніемъ Департамента законовъ, задачи по вопросу объ отношеніи правительства къ внѣшнимъ проявленіямъ религіозной жизни евреевъ. Именно, задача эта заключается, во-1-хъ, въ уясненіи: не заключается ли въ дѣйствующемъ нынѣ уставѣ объ управленіи духовныхъ дѣлъ евреевъ чего либо такого, что развиваетъ и безъ того *врожденный евреямъ фанатизмъ, упорное сохраненіе ими національной вражды къ иноплеменникамъ*, уклоненіе отъ исполненія законовъ государственныхъ, общественную замкнутость, *косность народной массы въ невѣжествѣ и вредную ея зависимость отъ эгоистическихъ интересовъ ея старѣйшинъ*, и, во-2-хъ, какими практическими мѣрами могло бы правительство если не уничтожить, то, по крайней мѣрѣ, ослабить вліяніе этихъ *вредныхъ элементовъ* еврейской народности—въ видахъ хотя и постепеннаго, но дѣйствительнаго и безповоротнаго *слiянія евреевъ съ коренными жителями страны* [1]).

В. Фуксъ.

(Окончаніе будетъ).

[1]) Въ концѣ первой части своей записки авторъ выставляетъ *36 источниковъ*, русскихъ и иностранныхъ (между прочимъ, Грановскаго и Шлоссера), служившихъ ему пособіемъ при составленіи этого основательнаго труда.

Призывъ.

Свои мысли, мечты и желанья
Устремляй въ безпредѣльную высь,—
Къ идеаламъ свободы и знанья,
Къ дорогимъ идеаламъ стремись.
Въ жизни много и слезъ, и печали,
Оживи ее духомъ любви,
И, не слѣдуя пошлой морали,
На горахъ, на вершинахъ живи!

Знай, что люди пристрастны къ долинамъ:
Тамъ царятъ тишина и покой,
Но повѣрь, что помчится къ вершинамъ
Мысль, поднятая бодрой волной...
О, настойчиво, смѣло и властно
Цѣпи жизненной пошлости рви,

Ссылаясь на варшавское изданіе «Шулханъ-Аруха», 1872 г., авторъ присовокупляетъ: «Это сборникъ постановленій, *обязательный, на основаніи раввинскихъ авторитетовъ, для всякаго еврея,* какъ въ домашнемъ быту, такъ и въ отношеніяхъ его къ христіанамъ. Содержаніе этой распространенной между евреями книги *подтверждаетъ выводы* т. *Брафмана*» (выводы эти сдѣланы въ извѣстной «Книгѣ кагала», Вильна, 1870 г.).

Любопытно, что реббе Ландау, — одинъ изъ архистратиговъ іудейскаго воинства,—безцеремонно отрицалъ недавно, вопреки всѣмъ «раввинскимъ авторитетамъ», обязательность шулханъ-аруха для всѣхъ правовѣрныхъ евреевъ, не желающихъ навлечь на себя херемъ своимъ отступничествомъ. Что сей сонъ означаетъ? искреннее ли отреченіе отъ всѣхъ нелѣпостей и человѣконенавистничества этого еврейскаго *религіозно-политическаго кодекса*, или вновь декретированный кагаломъ пріемъ для успѣшнѣйшей борьбы съ гоями? Вѣрнѣе будетъ думать, что это—военная хитрость, впрочемъ, не особенно хитраго свойства. «Гоя» нынѣ труднѣе обмануть, послѣ того какъ неумолимо вскрываются одна за другой всѣ еврейскія крапленыя карты.

Ред.

И, сзывая на подвигъ прекрасный,
На горахъ, на вершинахъ живи!

И съ долинъ полусоннаго царства
Будетъ дымка тумана снята,
Смолкнутъ зависть и злость, и коварство,
Спрячетъ жало свое клевета.
Изъ-за горъ солнце правды проглянетъ,
И, во имя добра и любви,
Жизнь, быть можетъ, отраднѣе станетъ...
На горахъ, на вершинахъ живи!

Н. Хлыстовъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕЛЬСКАГО УЧИТЕЛЯ.

2-го сентября 189 года.*

Сегодня у насъ открылась школа. Изъ прошлогднихъ дѣвочекъ не явились учиться только три школьницы: одна изъ нихъ минувшимъ лѣтомъ уѣхала со своими родителями на «новыя мѣста» въ Сибирь, а двѣ другія оставили школу по домашнимъ обстоятельствамъ... Жаль мнѣ особенно Полю, дѣвочку лѣтъ одиннадцати... Малютка эта пробыла въ школѣ только годъ, но была очень прилежна, акуратна, къ тому же тихая и послушная. Весною родилась у Поли маленькая сестрёнка и мать не пустила ее больше ходить въ школу, а оставила при себѣ въ «нянькн». Вчера опять ходилъ я къ матери этой дѣвочки...

— Какъ же это ты, Авдотья, не надумалась отпустить свою дѣвочку еще на годъ въ школу? Вѣдь Поля-то твоя отлично занялась,—чуть ли не въ десятый разъ упрашивалъ я бабу...

— Самой жаль, голубчикъ, отрывать дѣвку отъ школы да ничего не подѣлаю со своей нуждой-то... Вѣдь мужикъ мой — самъ знаешь — почти круглый годъ живетъ въ работникахъ; на дворѣ не велика скотинка, а тоже присмотра требуетъ — коровы, телята тамъ... дѣвчонка грудная на рукахъ — нянчить некому... Что я буду дѣлать безъ Поли? Будь у меня еще подростокъ, слова бы не сказала, родимый: пусть бы моя дѣвка до дѣла дошла!..

Я невольно соглашался съ доводами Авдотьи; баба она, дѣйствительно, теперь одинокая... А все таки жалко терять изъ школы способную ученицу! Сегодня дивчаты разсказывали мнѣ, какъ Поля всю ночь и утро проплакала,—все просилась у матери въ школу.

Вновь принялъ я двѣнадцать дѣвочекъ; желающихъ учиться явилось больше, но пришлось пока отказать остальнымъ за недостаткомъ помѣщенія до слѣдующаго года. Въ числѣ принятыхъ оказались дѣвочки уже двѣнадцати-тринадцати лѣтъ; онѣ пришли учиться изъ сосѣдней деревни нашего прихода Х., версты за три отъ школы... Пришли эти дѣвочки въ школу однѣ безъ родителей

и просили меня: «прими насъ, пожалуста, въ школу,—намъ страсть какъ хочется учиться»... Я, конечно, съ удовольствіемъ исполнилъ ихъ просьбу... Другихъ дѣтей обыкновенно приводилъ въ школу кто нибудь изъ родителей.

Вотъ привелъ сегодня ко мнѣ свою дочку крестьянинъ нашего села Б. Тихонъ — мужикъ трезвый, толковый и глубоко-религіозный. Онъ просилъ меня такъ:

— Не богато живемъ мы и еще,—надобно Господа благодарить,—сыты и довольны; работа наша извѣстно какая — все мужицкая, крестьянская и, пожалуй, нужды въ грамотѣ не было бы... Да вотъ иной разъ приглядишься, какъ все на свѣтѣ Божьемъ дѣлается: богатый притѣсняетъ бѣдняка, а помочь сиротѣ или нищему — про то никто и не думаетъ... Мы люди темные — да какъ послушали, что въ книгахъ-то божественныхъ написано, какъ Господь Богъ велитъ намъ жить, такъ мы съ бабой и надумали: если ужь мы, люди темные, слову божію учились по крошечкѣ, гдѣ придется услыхать, такъ хочется дѣтямъ-то своимъ, покуда они молоды и на работу негодны, открыть глаза...

Я записалъ въ школу дочку Тихона, Машу, дѣвочку лѣтъ девяти. Она была очень симпатичный ребенокъ и знала уже, безъ искаженія словъ, многія молитвы.

Привела свою дѣвочку учиться въ школу и тетка Дарья, у которой семь человѣкъ дѣтей малъ-мала меньше... Живетъ эта баба очень бѣдно; ея мужъ—горькій пьяница; каждую пятницу, какъ пріѣзжаетъ съ базара изъ М. въ нетрезвомъ видѣ, жестоко колотитъ жену...

— Прими учиться мою Парашку-то! Поучи ее, пожалуста, побольше божественному да держи построже, не позволяй баловаться. За шалости чаще сѣки ее!.. Хочется мнѣ, чтобы дѣткито не были въ отца распутныя!.. Самъ, чаю, знаешь мою жизньто горькую... Настанетъ праздникъ Господень; люди въ церковь божію идутъ, а мужикъ мой — въ кабакъ опохмѣляться... Ахъ, жизнь моя, жизнь горькая...— При этомъ баба отерла рукавомъ набѣжавшую на глаза слезу и продолжала:—Я и Бога-то прошу, чтобы Господь вразумилъ его, горемычнаго, бросить вино... Теперь дала обѣтъ—обучить своихъ дѣтей въ школѣ...

— Хорошее дѣло вздумала ты, Дарья! Божественное писаніе и грамота—первое дѣло въ жизни. Вижу: дѣвочка твоя смирная—шалить въ школѣ не будетъ и скоро пойметъ науку. О мужѣ не горюй; терпи, больше молись Богу; быть можетъ, Господь и вразумитъ твоего мужика бросить пьянство,—утѣшалъ я, съ своей стороны, бабу.

— И я хочу учиться!..—выступила предо мною одна шустрая дѣвочка...

— Чья ты? кто твой отецъ?—спросилъ я.

— Марина... Петра Кузьмича Шевлякова, — бойко отвѣтила мнѣ малютка.

— Приставала ко мнѣ дѣвочка всю недѣлю: отведи меня, мамка, въ школу, да и только... И для домашности мнѣ она нужна бы, да, видно, ужь такъ и быть — пусть бѣгаетъ въ школу. Только ты ее дюже не приневоливай къ занятіямъ—она у меня слабенькая.

Я записалъ въ журналъ и эту Марину Шевлякову. Дѣвочка прыгала отъ радости. Самъ я радовался въ душѣ, смотря на это дѣтское стремленіе къ школѣ.

Записалъ еще нѣсколько «новенькихъ» и скоро пріемъ былъ оконченъ. Я разсадилъ вновь принятыхъ школьницъ на свои мѣста, разсказалъ имъ кратко, какъ слѣдуетъ вести себя въ школѣ, и еще кое-что... Затѣмъ мы всѣ тепло помолились Богу передъ началомъ новыхъ школьныхъ трудовъ: пропѣли всѣмъ классомъ молитву,— и я отпустилъ всѣхъ дѣтей по домамъ.

3-го сентября.

— Агриппина Кожухова?—перекликалъ я сегодня своихъ новыхъ школьницъ.

— Здѣсь!—чуть слышно отвѣтила маленькая дѣвочка и я невольно обратилъ вниманіе на ея унылый видъ. Замѣтно было, что дѣвочка эта находится въ какомъ-то волненіи...

— Что съ тобою, милая? Отчего ты сегодня такая невеселая?— приласкалъ я ее.

Вмѣсто отвѣта, глаза малютки наполнились слезами и она громко зарыдала.

— Ее мать не пустила нонѣ въ школу, спрятала у нея юбку съ кафтаномъ да полусапожки, и ѣсть не давала; говоритъ: «не зачѣмъ тебѣ ходить въ школу»... Грушка-то сама и убѣжала отъ матери съ нами учиться...—отвѣтила за нее дѣвочка.

— Да вѣдь вчера же мать пустила ее?—спросилъ я.

— Нѣтъ... Вчера Груша одна приходила записываться... Мать ея вчера на подсолнухахъ была; Груша безъ нея и ушла съ нами въ школу, а вечеромъ-то, какъ пришла баба съ работы и узнала, что дѣвка въ школу записалась,—не велѣла ходить ей учиться...

— Почему же мать запрещаетъ ей ходить въ школу? Вѣдь дѣвочка остается дома совершенно безъ дѣла?—невольно спросилъ я.

— Да такъ, говоритъ, не учиться ей да и только... Ей,—гово-

рить мать,—въ «черничкн» не ходить, а бабѣ грамота не нужна... Дѣтей качать и безъ грамоты научится!..

— Ужели такъ и говорятъ?—удивился я.

— Да много такихъ, о. дьяконъ!—доносятъ мнѣ дѣвочки:—Вотъ тетка Домна Лукахина всегда надъ нами смѣется: «что, говоритъ, вы только попусту одежду и обувь рвете? Къ чему бабѣ грамота? Мальчишкѣ, вонъ тому въ солдатахъ пригодится... А дѣвку куда возьмутъ? Замужъ развѣ»?.. А то вонъ дядя Сидоръ жену свою поколотилъ вчера, отчего Надю не возьметъ изъ школы, да, спасибо, тетка-то Дарья не глупа, не послушалась мужа...

— Евдокія Проскурина?

— Нѣтъ ея.

— Отчего же она не пришла?

— Сегодня мать ея ушла на хуторъ къ Придорогину молотить подсолнухи, а Дуняшку оставила съ ребятишками...

— А долго мать ея пробудетъ на работѣ?

— Съ недѣлю промолотитъ...

— Когда же ея дочь учиться будетъ?

— Да баба говоритъ—пусть дѣвчонка ребятишекъ пока нянчитъ... Въ ученьѣ она догонитъ подругъ и послѣ...

— Елена Буслаева?

— Ея больше не пустятъ въ школу.

— Почему же?

— Отецъ ея говоритъ, что въ школѣ плохо учатъ...

— Да развѣ она плохо училась у насъ?

— Кто ихъ знаетъ... Отецъ и мать Алены говорятъ: «избаловалась совсѣмъ наша дѣвка, какъ въ школу стала ходить. Уроковъ на домъ никакихъ не задаютъ, какъ въ другихъ школахъ... Въ школу бѣжитъ, словно на улицу; никого не боится. Потому, — говорятъ они еще,—что въ школѣ у насъ никого не бьютъ, не наказываютъ—одно баловство... пусть ужь лучше дѣвка дома прясть учится»...

— Что-то Соловьевыхъ дивчатъ изъ Х. не видно сегодня? Вчера сами приходили и просили записать ихъ...

— Соловьевыхъ тоже больше не пустятъ въ школу...

— Почему такъ?

— Бабка не велѣла матери пускать ихъ учиться... «Куда,—говоритъ,—имъ такимъ большимъ въ школу ходить? Стыдно—люди смѣяться будутъ!.. Имъ прялка нужна, а не книга»...

— Да развѣ въ ученіи есть что смѣшнаго?

— Бабы такъ говорятъ, что большимъ дѣвкамъ стыдно учиться... — отвѣтила одна изъ «новенькихъ», очень бойкая взрослая

дѣвочка:—вонъ сосѣдъ нашъ смѣется свой женѣ: «ты бы, говоритъ, пошла въ школу учиться»!..

— Ну, довольно! довольно... А вотъ скажите-ка мнѣ лучше—Паша не надумалась въ школу идти? Вѣдь мать ея обѣщалась мнѣ и на этотъ годъ отпустить?

— Э!.. Да она вотъ-вотъ помретъ...

— Что такъ?

— Животъ что ли у нея заболѣлъ—хорошо не знаемъ... Позвала къ ней мать на прошлой недѣлѣ бабку-моршанку полѣчить... Бабка натопила жарко баню, положила Парашку на горячую печь да натерла какой-то мазью... Дѣвка ужъ пухнетъ вся и по тѣлу нарывы пошли...

6-го сентября.

Кажется, что моя школа, наконецъ, организовалась: вмѣсто выбывшихъ поступили новыя дѣвочки и, повидимому, дѣло пойдетъ таки на ладъ. Но сегодня мнѣ пришлось испытать нравственную пытку другаго рода. Вчера только воротился изъ города нашъ о. завѣдующій, онъ же и официальный законоучитель, хотя занятія въ школѣ по закону божію веду я. Утромъ, едва только мы окончили утреннюю молитву, какъ входитъ въ нашу убогую классную комнату самъ «батюшка» съ какой-то книгою въ рукахъ.

— Почему это вы, о. дьяконъ, самовольно, безъ моего участія и вѣдома, распорядились пріемомъ въ школу новыхъ ученицъ?—спросилъ онъ меня строгимъ тономъ.

— Да вѣдь вы же, батюшка, были въ отсутствіи, а срокъ для начала ученія уже наступилъ!—хотѣлъ было оправдаться я...

— Можно было и подождать меня,—вѣдь дѣло не экстренное... Вы прежде всего сдѣлали неправильный пріемъ! Не приняли Селезневу, Окованову, а приняли Ляликовыхъ, которымъ по книгѣ только по восьми лѣтъ... Вотъ смотрите!.. — торжественно открылъ мнѣ батюшка исповѣдную книгу.

— Я не понимаю даже, батюшка, что собственно васъ безпокоитъ. Принялъ я сначала двѣнадцать дѣвочекъ, старался выбирать болѣе старшихъ возрастомъ, но изъ нихъ четыре или пять ушли изъ школы, поэтому вчера пришлось на мѣсто ихъ принять Ляликовыхъ... Тѣ же, на которыхъ вы указываете, совсѣмъ малолѣтни и до крайности неразвиты; они могутъ поступить и на слѣдующій годъ... А вы вотъ лучше бы посодѣйствовали мнѣ привлечь въ школу болѣе взрослыхъ дѣвочекъ; вѣдь просто бѣда, батюшка, безъ вашего слова... Ну, хоть бы поговорили съ крестьянами въ церкви...

— Въ этомъ случаѣ вы, о. дьяконъ, учить меня не смѣете! Самъ, кажется, знаю, что дѣлаю. Кто же привлекаетъ дѣтей учиться? Развѣ вы?.. Я... я собственно одинъ говорю объ этомъ прихожанамъ и въ церкви, и въ приходѣ, — ну, они меня и слушаютъ...

— Что-то не слыхалъ я, чтобы вы когда нибудь говорили объ этомъ въ церкви! — осмѣлился я замѣтить...

— Какъ вы можете утверждать, что я не говорю въ церкви?.. Что вы всегда кичитесь своею дѣятельностью?.. Я вотъ у начальства спрошу: кто привлекаетъ учениць: я или вы?—проговорилъ разгнѣванный батюшка и сейчасъ же ушелъ изъ школы.

Вся эта сцена происходила въ классѣ въ присутствіи дѣтей. Что, еслибы священникъ на самомъ дѣлѣ говорилъ въ церкви прихожанамъ о пользѣ грамоты — могли ли быть у крестьянъ такіе дикіе взгляды на школу, какіе мнѣ пришлось наблюдать? Въ томъ-то и дѣло, что нашъ батюшка не только никогда ничего не говорилъ крестьянамъ о школѣ, но не находилъ даже времени, весь погруженный въ сельско-хозяйственныя заботы, дать въ школѣ нѣсколько уроковъ по закону божію, взваливая на меня всю эту обязанность на основаніи какой-то статьи «Правилъ о церковно-приходскихъ школахъ». Я, конечно, нисколько не тяготился этимъ; для меня еще лучше вести школьное преподаваніе одному, безъ вмѣшательства лицъ, не сочувствующихъ школьному дѣлу... Но вотъ бѣда: батюшка постоянно отвлекаетъ меня отъ занятій въ школѣ для совершенія какихъ нибудь требоисправленій или церковнаго богослуженія. Правда, есть синодское распоряженіе о томъ, что дьяконы-учителя церковныхъ школъ освобождаются отъ участія въ утреннемъ будничномъ богослуженіи и отъ требоисправленій въ учебные часы; но такое справедливое распоряженіе высшаго начальства,— какъ читатели увидятъ сейчасъ, — очень трудно примѣнить на практикѣ. Скажу прямо, что приходскій дьяконъ-учитель церковной школы есть самый несчастный человѣкъ въ мірѣ, если только пожелаетъ быть истиннымъ школьнымъ учителемъ. Всякій пойметъ, что такой дьяконъ-учитель, въ точности исполняющій свои дьяконскія обязанности по церкви и приходу, совсѣмъ не будетъ имѣть времени на школьныя занятія. Если же, наоборотъ, онъ будетъ дѣлать упущенія по исполненію своихъ дьяконскихъ обязанностей, съ цѣлью посвятить больше часовъ на школьныя занятія, то онъ легко можетъ навлечь на свою голову непріятности не только со стороны настоятеля, но и высшей епархіальной власти. Священникъ-настоятель есть непосредственный начальникъ дьякона; хорошо еще, если «батюшка» сочувствуетъ школьному дѣлу,—тогда, конечно, онъ самъ не будетъ

отвлекать дьякона отъ школьнаго дѣла. Но что̀ дѣлать дьякону, если священникъ,—хотя не, наружно, а внутренно,—противникъ школьнаго дѣла? Какъ тутъ учителю-дьякону совмѣстить интересы школы съ церковною службой. А вѣдь большинство «батюшекъ», какъ я близко знаю, именно принадлежатъ къ такому типу. Вотъ, напр., сколько я ни упрашивалъ своего о. настоятеля не отрывать меня отъ школьныхъ занятій для совершенія въ приходѣ молебновъ, панихидъ, поминальныхъ и свадебныхъ обрядовъ, ничто не помогло; «батюшка» всегда отговаривался очень простодушно:

— А позвольте спросить, о. дьяконъ, будете вы участвовать въ дѣлежѣ «братской» кружки? — говоритъ онъ въ этомъ случаѣ съ иронією.

Я, конечно, отвѣчаю ему, что нужно же мнѣ чѣмъ нибудь содержать себя, такъ какъ за школу я не получаю ни откуда...

— А!..—смѣется уже батюшка:—сами видите, что дьяконство и есть единственное средство содержанія, а не школа тамъ какая нибудь... Что же мы съ псаломщикомъ развѣ мальчики, чтобы работать на васъ, когда вы сидите въ школѣ?

Что̀ я могъ сказать на такіе доводы священника? Я, правда, ухитрялся находить время и на школьныя занятія... Но ухитрится ли другой?.. Вы скажете: можно прямо не являться ни къ церковному богослуженію, ни къ требамъ, когда предстоитъ школьное дѣло; можно, наконецъ, жаловаться высшему начальству... Но и въ этомъ случаѣ ничего не выиграетъ дьяконъ... Каждый священникъ всегда такъ съумѣетъ очернить въ глазахъ благочиннаго или архіерея своего младшаго сослуживца, что всегда будетъ правъ батюшка, а не дьяконъ. У насъ почему-то до сего времени установился очень странный взглядъ на низшихъ членовъ причта: дьяконовъ и псаломщиковъ считаютъ людьми нравственно-испорченными, развращенными, грубыми, хотя бы они были честнѣе и нравственнѣе самихъ священниковъ; грубы и безнравственны они потому уже, что занимаютъ эти низшія должности, стало быть, никто изъ епархіальной власти не повѣритъ дьякону, еслибы онъ въ чемъ нибудь пожаловался на своего священника... Нечего дѣлать, остается терпѣть и ожидать награды и справедливости развѣ въ будущей жизни... Хочется мнѣ еще разсказать здѣсь нѣсколько фактовъ, относящихся къ этимъ вопросамъ.

Школа наша помѣщается въ сторожкѣ, въ небольшой пятиаршинной комнатѣ, отдѣленной досчатою перегородкою отъ помѣщенія церковныхъ сторожей. Иногда въ учебное время только что думаешь приступить къ занятію съ дѣтьми, какъ сторожъ-мужикъ стучится въ дверь...

— О. дьяконъ! Выходи отсюда и выгоняй на улицу дѣвокъ. Сейчасъ батюшка придетъ сюда крестить младенца!..—Приходится исполнять требованіе о. завѣдующаго: дѣти, не смотря на холодное зимнее время, выгоняются въ сѣни или прямо на площадь; классные столы опрокидываются ворохомъ къ стѣнѣ и начинается совершеніе таинства... Какъ-то разъ, года два тому назадъ, въ праздникъ Преполовенія, послѣ литургіи, я думалъ было заняться въ школѣ, такъ какъ черезъ два дня предполагался экзаменъ. Этимъ я едва ли нарушилъ бы святость праздничнаго дня, такъ какъ даже и самый день Преполовенія поставленъ въ школьной табели въ числѣ учебныхъ дней. Между тѣмъ, послѣ обѣдни нашъ батюшка собирался служить молебны въ сосѣдней деревнѣ, версты за три отъ церкви. Сообразилъ я, что если отправлюсь съ нимъ для служенія этихъ молебновъ, то невольно пропущу цѣлый учебный день...

— Сегодня, батюшка, я думаю заняться съ дѣтьми, поэтому молебны служить не поѣду; отслужите, пожалуйста, безъ меня!—заявляю я ему въ алтарѣ...

— Какъ безъ васъ? что это еще за новости? — крикнулъ на меня сердитый священникъ.

— Да такъ одни, безъ меня! Мнѣ необходимо заниматься въ школѣ! — повторилъ я спокойно и прибавилъ: — знаете, по синодскому распоряженію я освобождаюсь сегодня даже и отъ утренняго богослуженія, а я даже литургію служилъ...

— Въ такомъ случаѣ, съ нынѣшняго дня мы вдвоемъ съ псаломщикомъ будемъ дѣлить доходы за требоисправленія, въ которыхъ вы не участвуете.

— Боже мой!.. Гдѣ же справедливость?.. Гдѣ законъ?..—вскричалъ я невольно, глубоко возмутившись такою несправедливостью.

— Что же это вы, о. дьяконъ, кричите на меня въ св. алтарѣ?.. Господа, — обратился онъ къ присутствовавшимъ здѣсь сторожамъ и псаломщику:—будьте свидѣтелями: на меня о. дьяконъ кричитъ, оскорбляетъ меня, указываетъ на какіе-то законы!..

Во избѣжаніе непріятности, я бросилъ школу и ѣздилъ въ этотъ день съ молебнами по приходу. Думалъ я, что этимъ однимъ дѣло и ограничится, но, однако, случилось не такъ. Послѣ я узналъ, что въ тотъ же день вечеромъ батюшка ѣздилъ жаловаться на меня къ мѣстному благочинному за то, что я будто бы кричалъ на него въ алтарѣ. Черезъ нѣсколько дней, благочинный вызвалъ меня къ себѣ для объясненія. Я надѣялся все таки, что благочинный, какъ одинъ изъ руководителей церковно-школьнаго дѣла, пойметъ мое положеніе, когда я разскажу ему, какъ было дѣло... Къ удивленію моему, о. благочинный совсѣмъ не принялъ во вниманіе моихъ объясненій

по поводу отвлеченія меня батюшкою отъ школьныхъ занятій, а только прочиталъ мнѣ должное наставленіе, какъ должно вести себя въ храмѣ, и *обязалъ подпискою*, чтобы я на будущее время не оскорблялъ священника, съ предупрежденіемъ, что впредь онъ сообщитъ о моемъ поведеніи епархіальному начальству...

Полагаю, что всякій безпристрастный человѣкъ пойметъ, въ какомъ странномъ положеніи очутился я послѣ такого начальственнаго внушенія; но это, однако, нисколько не охладило моего усердія къ школьному дѣлу, и я продолжалъ работать по прежнему.

Быть можетъ, и не всѣ священники относятся такъ нерадиво къ церковной школѣ, какъ относился мой сослуживецъ; знаю, что есть немало изъ нихъ и ревнителей просвѣщенія; но, судя по ближайшимъ наблюденіямъ, долженъ сказать, что истинныхъ дѣятелей изъ нихъ на этомъ поприщѣ очень и очень мало... Могу утверждать, что большинство священниковъ въ душѣ мало сочувствуютъ школьному дѣлу, а глядятъ на это занятіе, какъ на лишнее для себя бремя, возложенное высшимъ духовнымъ начальствомъ. Замѣчательно, что нѣкоторые батюшки, повидимому, съ охотою и ревностью относятся къ школѣ, но они это дѣлаютъ не изъ любви къ самому дѣлу, а скорѣе по необходимости, чтобы не навлечь на себя гнѣвъ высшаго начальства, или для полученія лишней награды... Правда, что «страха ради іудейска» они боятся высказывать открыто свое нерасположеніе къ церковно-школьному дѣлу, но очевидные факты доказываютъ это. На первомъ планѣ у нашихъ священниковъ ставятся матеріальные разсчеты, а не интересы школы и прихода... Чѣмъ объяснить это печальное явленіе: ненормальной ли постановкою средствъ содержанія, неразвитостью ли духовенства — сказать трудно. Спросите любаго священника— доволенъ ли онъ, что у него въ штатѣ имѣется дьяконъ, хотя бы и равный съ нимъ по образованію, и вамъ сейчасъ же отвѣтятъ, что дьяконъ—излишній членъ причта, что всѣ дьяконы нерадивы къ своимъ обязанностямъ и заносчивы передъ священникомъ... Всѣмъ іереямъ прежде всего кажется, что дьяконы присылаются въ приходъ на счетъ ихъ личныхъ средствъ... И вотъ «батюшки» всѣми мѣрами стараются *выжить* изъ своего прихода дьякона, какъ лишняго члена причта. Являются различнаго рода придирчивыя отношенія, доносы начальству на неисправность по службѣ, на грубости настоятелю церкви. Находятся, къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ епархіальныхъ архіереевъ, которые, не вникнувши хорошо въ суть столкновенія и его причины, потворствуютъ такимъ доносамъ священниковъ. По первому же доносу настоятеля, безъ всякаго слѣдствія, дьякона увольняютъ за штатъ. Мнѣ, пожалуй,

опять замѣтятъ, что низшіе члены причта, псаломщики и дьяконы, слишкомъ необразованны, грубы въ обхожденіи со священникомъ... Но вѣдь старыхъ необразованныхъ «дьячковъ» и дьяконовъ теперь осталось самое незначительное число и должности эти занимаютъ уже люди болѣе образованные, часто равные по образованію съ батюшкой... Наконецъ, если и есть непочтительные къ начальству, то эта самая «грубость» ихъ,—какъ называютъ священники,—не есть ли просто сознаніе собственно человѣческаго достоинства? Не является ли это сознаніе, какъ слѣдствіе ихъ жалкаго, унизительнаго положенія въ обществѣ? Вѣдь сами-то священники, забывая образъ Пастыреначальника Іисуса Христа, смотрятъ на псаломщиковъ и дьяконовъ не какъ на своихъ ближайшихъ помощниковъ въ дѣлѣ богослуженія и религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа, а ни болѣе, ни менѣе, какъ на своихъ работниковъ. Они даже боятся унизить свое постыдное достоинство посѣщеніемъ запросто, по семейному, дома своего младшаго сослуживца; у себя же въ домѣ принимаютъ ихъ не иначе, какъ въ кухнѣ или въ передней... Правда, нѣкоторые разумные архипастыри посмотрѣли уже на это печальное явленіе, какъ на зло, и посовѣтовали священникамъ «умѣрить свою іерейскую спесь» [1]). Далѣе, большинство батюшекъ даже и не желаютъ, чтобы у нихъ были образованные и понимающіе школьное дѣло низшіе члены причта. Нѣкоторые изъ нихъ даже печатно сожалѣютъ о «старинныхъ необразованныхъ дьячкахъ», которые «всегда просили у нихъ благословенія, называли ихъ «батюшками», какъ и прихожане, а въ житейскомъ быту были зачастую правою рукою священника, *помогая* имъ и заступая въ *занятіяхъ сельскимъ хозяйствомъ* [2]). Всякій видитъ изъ этого, что «батюшки» ищутъ не разумныхъ и толковыхъ помощниковъ въ церковномъ и школьномъ дѣлѣ, а *домашнихъ* помощниковъ *по хлѣбопашеству*... Можно ли требовать отъ такихъ священниковъ сочувственнаго отношенія къ церковной школѣ и ея учителю?

Извиняюсь передъ читателями, что мнѣ невольно пришлось ознакомить ихъ со своей домашней неурядицей, но я дѣлаю это съ единственною цѣлью точнѣе опредѣлить почву, на которой су-

---

[1]) Прекрасная статья такого содержанія одного епископа помѣщена недавно въ № 12 «Извѣстій Казанской епар.» за текущій годъ. *Авт.*

[2]) Статьи священниковъ съ такими требованіями къ низшимъ членамъ причта появлялись даже въ самое послѣднее время. См. ст. о. Брояковскаго («Рук. для сел. паст.» №№ 1 и 2 наст. г.), о. Покровскаго въ «Гражданинѣ» за тек. годъ, о. Томилина въ «Воронеж. Еп. Вѣд.», о. Боденко въ № 101 «Гражданина» за 1898 г. и мн. др. *Авт.*

ществуетъ и дѣйствуетъ церковная школа, и при какихъ условіяхъ мнѣ приходилось работать въ ней. Ознакомившись съ тяжелымъ трудомъ и жалкимъ положеніемъ учителя-дьякона, читатели, быть можетъ, простятъ мнѣ нѣкоторые недостатки моей педагогической дѣятельности.

7-го сентября.

...Много писали въ разныхъ газетахъ и журналахъ о реформѣ нашей средней школы, о переутомленіи воспитанниковъ классицизмомъ, но очень и очень мало,—если не считать краткихъ замѣтокъ, — приходилось читать о надлежащей организаціи нашей народной школы. А вѣдь здѣсь тоже, въ большинствѣ случаевъ, господствуетъ своего рода «*классицизмъ*», въ формѣ изученія съ дѣтьми различныхъ грамматическихъ правилъ правописанія, для того чтобы питомцы начальной школы на экзаменахъ при окончаніи курса могли написать безъ ошибки диктантъ. Каждый добросовѣстно трудящійся учитель знаетъ, что диктантъ съ грамматикою отнимаетъ въ школѣ болѣе половины учебнаго времени, а другая часть года уходитъ на развитіе въ дѣтяхъ своего рода «гимнастики ума» для рѣшенія загадокъ-задачъ во вкусѣ Гольденберга.. Все это дѣлается въ ущербъ другимъ существеннымъ задачамъ народной школы, въ числѣ которыхъ главныя: — сознательное изученіе роднаго языка, умѣніе толково и ясно излагать свои мысли на бумагѣ, хотя бы въ формѣ пересказа прочитаннаго, или въ формѣ простаго письма къ роднымъ... Необходимо развить въ дѣтяхъ правильный взглядъ на природу съ ея явленіями; для развитія въ дитяти нравственности не слѣдуетъ ограничиваться заучиваніемъ сухихъ правилъ и наставленій, а умѣть расположить сердце ребенка къ воспріятію религіозныхъ истинъ, научить его истинной сознательной молитвѣ. При такихъ только условіяхъ, школа принесетъ должные плоды въ дѣлѣ просвѣщенія и приготовитъ ребенка къ разумной жизни. Мнѣ хотѣлось бы изложить здѣсь свои личные взгляды на постановку школьнаго дѣла, извлеченные изъ собственной практики. Такъ какъ интересы и задачи сельской народной школы должны быть дороги не однимъ только учителямъ, но и всѣмъ тѣмъ, кто искренно любитъ свою родину и желаетъ ей счастія, то, надѣюсь, читатели не посѣтуютъ на меня, если я введу ихъ на нѣкоторое время въ кругъ спеціально-школьныхъ вопросовъ...

У кого сколько отдѣленій или группъ въ школѣ? Отчего происходятъ отдѣленія? Почему у одного учителя въ школѣ два отдѣленія, у другаго—три, а у инаго четыре?.. Какъ сдѣлать, чтобы

школа состояла изъ возможно меньшаго числа отдѣленій и какъ заниматься съ ними одному учителю?

Все это такіе вопросы, на которые не каждый изъ насъ можетъ дать болѣе или менѣе удовлетворительные отвѣты, хотя эти вопросы со всѣхъ сторонъ много разъ разбирались, какъ въ нашей педагогической литературѣ, такъ и на разныхъ учительскихъ курсахъ... А, между тѣмъ, успѣхъ каждой школы зависитъ главнымъ образомъ отъ правильнаго рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ. Мнѣ кажется, что предписать учителю обязательную норму—ввести въ школѣ два или три отдѣленія, вставить его дѣятельность въ ту или другую рамку или обязать ввести одинаковое расписаніе учебныхъ занятій для всѣхъ школъ того или другого района—едва ли возможно. Все зависитъ не только отъ личности учителя, отъ распредѣленія обдуманнаго имъ учебнаго матеріала, но и отъ мѣстныхъ условій. Приведу, прежде всего, примѣръ изъ жизни своей школы. Въ началѣ моей службы, въ церковной школѣ у меня было всего два отдѣленія, какъ того и требовала тогда самая программа церковной школы. При такихъ условіяхъ, заниматься съ дѣвочками мнѣ было очень удобно: занятія шли въ теченіе года попеременно: — одинъ урокъ въ старшемъ, другой въ младшемъ отдѣленіи, такъ что каждая изъ группъ имѣла въ день по два часовыхъ урока съ учителемъ. Въ то время, когда я занимался съ однимъ изъ отдѣленій, другому поручалась какая нибудь самостоятельная работа. Конечно, каждая изъ этихъ работъ безъ учителя обязательно повѣрялась мною въ концѣ урока; стало быть, и самостоятельные уроки не пропадали даромъ. Благодаря этому, мои дивчаты въ двѣ зимы успѣвали проходить курсъ необходимыхъ учебныхъ предметовъ настолько успѣшно, что въ концѣ втораго учебнаго года держали экзаменъ на окончаніе курса. Такой краткій школьный курсъ давалъ мнѣ возможность привлекать къ ученію гораздо болѣе крестьянскихъ дѣвочекъ, чѣмъ еслибы я держался трехлѣтняго курса. Извѣстно, что крестьяне наши мало обучаютъ своихъ дѣвочекъ въ школѣ; главнымъ образомъ по той причинѣ, что дѣвочка-подростокъ, въ возрастѣ десяти-двѣнадцати лѣтъ, необходима семьѣ въ качествѣ помощницы матери по хозяйству. Два года полнаго обученія въ школѣ—не слишкомъ обременительны для каждой семьи, и матери охотно отпускали ко мнѣ своихъ малютокъ. Съ другой стороны, я замѣтилъ, что такой краткій курсъ обученія не давалъ еще моимъ питомцамъ такихъ твердыхъ основныхъ знаній по нѣкоторымъ предметамъ, которыя могли бы должнымъ образомъ приготовить будущую мать къ жизни, дали бы толчокъ для дальнѣйшаго самообразованія. Я рѣшился тогда испытать одно средство.

Задерживать всѣхъ дѣвочекъ для обученія въ школѣ на цѣлый лишній годъ мнѣ не хотѣлось изъ опасенія разстроить школу потерею болѣе половины ученицъ. Я оставилъ тогда въ школѣ на одинъ лишній годъ въ старшемъ отдѣленіи только нѣсколькихъ дѣвочекъ болѣе надежныхъ въ томъ отношеніи, что онѣ не покинутъ школы безъ свидѣтельства. И вотъ у меня образовалось еще третье—старшее—отдѣленіе, съ которымъ я и сталъ уже на слѣдующій годъ заниматься повтореніемъ всего пройденнаго въ болѣе обширномъ объемѣ, сообщивъ и кое-что новое... При окончаніи курса, эти дѣвочки обладали болѣе твердыми познаніями, чѣмъ тѣ, какія держали экзаменъ послѣ двухлѣтняго обученія. Жаль только, что нельзя было всѣхъ дѣвочекъ проводить чрезъ это третье отдѣленіе, потому что очень многія выходили изъ школы послѣ втораго года; поэтому и такого рода третье отдѣленіе было у меня не ежегодное, а когда имѣлись подходящія ученицы. Это заставило меня раздѣлять и самый учебный матеріалъ такимъ образомъ, чтобы среднее отдѣленіе (второй годъ) служило у меня не для подготовки дѣтей въ старшее, а имѣло бы законченный видъ, чтобы тѣ изъ дѣвочекъ, которыя не могутъ далѣе посѣщать школы по домашнимъ или другимъ обстоятельствамъ, могли бы держать экзаменъ и получать свидѣтельство изъ средняго отдѣленія. Такимъ образомъ, для младшаго отдѣленія у меня былъ подготовленъ такого рода матеріалъ: сентябрь — октябрь — обученіе русской грамотѣ въ связи съ церковно-славянскимъ, по звуковому методу (письмо и чтеніе пройденныхъ буквъ, слоговъ и фразъ), со второй половины года — чтеніе краткихъ статей по книгѣ Попова, ч. I, и по церковно-славянской книжкѣ Ильминскаго; по счисленію — наглядное знакомство съ маленькими числами и ихъ свойствомъ, составленіе чиселъ изъ единицъ, изъ другихъ чиселъ равныхъ и неравныхъ, разложеніе чиселъ на другія равныя или неравныя меньшія числа, устное рѣшеніе нетрудныхъ практическихъ задачъ въ предѣлѣ пройденныхъ чиселъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по правописанію, во второй половинѣ года, я проходилъ съ «младшими» первую часть «*уроковъ*» Пуцыковича. Во второй годъ обученія (среднее отдѣленіе) чтеніе *съ цѣлью изученія* избранныхъ статей религіозно-нравственнаго, географическаго и историческаго содержанія по книгѣ Радонежскаго, ч. I; по церковно-славянскому чтенію, въ первой половинѣ года, упражнялись въ механическомъ чтеніи (безъ перевода) псалтыря по порядку (2 ур. въ недѣлю съ учителемъ) и часослова (1—2 урока); во второй половинѣ—дѣти читали избранныя мѣста изъ евангелія съ переводомъ на русскій языкъ (2 ур. въ недѣлю). На урокахъ право-

писанія дѣти знакомились съ понятіемъ о предложеніи и главныхъ членахъ предложенія, умѣли сами составлять предложенія и въ болѣе или менѣе связномъ видѣ передавать устно содержаніе прочитанной статьи цѣлыми связными предложеніями; знакомились также кратко съ частями рѣчи и правописаніемъ коренныхъ словъ. По счисленію изучали десятичную систему, получали ясное понятіе о четырехъ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ и умѣнье приложить ихъ къ рѣшенію практическихъ задачъ. Вотъ чѣмъ оканчивался у насъ курсъ обученія послѣ двухлѣтняго пребыванія въ школѣ. Дѣвочки выходили изъ моей школы хотя, можетъ быть, и не съ твердыми знаніями, но могли свободно держать экзаменъ на окончаніе курса.

Теперь разскажу планъ занятій съ тѣми ученицами, которыя остаются въ школѣ на третій годъ (старшее отдѣленіе). Съ этими «старшими», по объяснительному чтенію, мы читали болѣе трудныя статьи историческаго и географическаго содержанія по книгѣ Радонежскаго, ч. 1, и книгѣ Попова ч. 3. При разсказѣ дѣти пріучаются уже говорить болѣе связными предложеніями, а также письменно набрасываютъ планъ прочитанной статьи (по вопросамъ) и письменно, связнымъ языкомъ, излагаютъ все содержаніе данной статьи. По правописанію пишутъ диктантъ и знакомятся съ правилами, помѣщенными въ 3-ей части «*уроковъ*» Пуцыковича; заучиваютъ съ объясненіемъ болѣе трудныя по содержанію стихотворенія, напр., «Кто онъ»? Майкова, «Петербургъ» Пушкина, «Утренняя звѣзда» Жуковскаго и др. По счисленію рѣшаютъ устно и письменно болѣе трудныя задачи на всѣ дѣйствія составныхъ именованныхъ чиселъ любой величины и кратко знакомятся съ дробными величинами болѣе въ практическомъ отношеніи. По славянскому чтенію дѣти, кромѣ псалтыря и часослова, продолжаютъ читать съ переводомъ евангеліе. Я привелъ здѣсь только *свой* планъ занятій, какого долго придерживался въ школѣ. Быть можетъ, онъ не согласованъ съ программою церковной школы или имѣетъ другіе существенные недостатки, но вѣдь я имѣлъ въ виду, при выработкѣ его, исключительно свою *мѣстную* школу, и притомъ школу для дѣвочекъ... Для обученія же мальчиковъ, которые обыкновенно не стѣсняются трехлѣтнимъ обученіемъ въ школѣ, можетъ быть, кто нибудь придумаетъ иной планъ занятій, сообразный съ мѣстными требованіями...

Кто хочетъ видѣть успѣхъ своей школы, тому необходимо заблаговременно, еще въ самомъ началѣ учебнаго года, обдумать весь учебный матеріалъ, какой онъ намѣренъ пройти съ дѣтьми въ теченіе всего учебнаго года, предварительно распредѣливъ его по третямъ года, по недѣлямъ и днямъ, и составить для своей школы расписаніе ежедневныхъ уроковъ. Мало этого: необходимо еще

каждому учителю ежедневно обдумывать планъ урока въ школѣ, если онъ желаетъ, чтобы занятія его принесли должные плоды, да не только обсудить планъ занятій съ тѣмъ отдѣленіемъ, съ которымъ онъ предполагаетъ заняться лично самъ; но и съ тою группою, которой намѣренъ дать *самостоятельную работу*. Эти «самостоятельныя работы» безъ учителя, насколько я знаю, — чуть ли не самая слабая сторона нашего школьнаго дѣла. Обыкновенно очень многіе изъ моихъ собратій совсѣмъ не понимаютъ, что эти «работы»,— если вести ихъ съ должнымъ тактомъ и умѣньемъ,—могутъ сдѣлать очень много въ учебномъ дѣлѣ. У большинства же учителей дѣло это происходитъ такъ: учитель даетъ дѣтямъ первую попавшуюся подъ руки работу, нисколько не сообразуясь съ ея цѣлью, лишь бы чѣмъ нибудь занять дѣтей или заставитъ прочитать про себя статейку изъ классной книги, никогда, впрочемъ, не провѣряя, усвоили ли дѣти содержаніе читанной статьи; или заставитъ ихъ списать что нибудь изъ книги (какъ написали,—учитель и не смотритъ потомъ); или же назначаются уроки для «укрѣпленія памяти» (заучивать псалмы, стихотворенія и пр.). Всѣ эти самостоятельныя работы, безъ должнаго наблюденія со стороны учителя, обыкновенно исполняются небрежно, безъ вниманія; дѣти постоянно развлекаются, начинаютъ между собой разговоры; появляются посторонніе занятія: слышится кое-гдѣ возня, смѣхъ; мѣшаютъ они и учителю, который въ это время занимается съ другимъ отдѣленіемъ. Начинаетъ онъ раздражаться, кричать на своихъ учениковъ... Но кто же главный виновникъ всѣхъ этихъ безпорядковъ? Не самъ ли наставникъ? Почему дѣти находятъ себѣ сторонніе занятія, разговариваютъ, играютъ? Потому, замѣчу я, что *дѣтямъ скучно*, что занятія не интересуютъ ихъ. Намъ случалось видѣть и такихъ преподавателей, которые совсѣмъ не даютъ никакой работы тому отдѣленію, съ которыми не занимаются сами лично, но требуютъ, чтобы дѣти сидѣли смирно и слушали внимательно то, что говорятъ «старшимъ». Бѣдныя дѣти! Какъ мнѣ отъ души жаль ихъ! Не пытка ли для нихъ просидѣть цѣлыхъ два часа безъ движенія, не смѣя разговаривать, не вставать, не оглядываться по сторонамъ, а слушать уроки «старшихъ», часто для нихъ совершенно непонятные... И вотъ, смотришь, одинъ ребенокъ задремалъ за класснымъ столомъ; другой для развлеченія перелистываетъ книжку, а учитель то и дѣло кричитъ: «смирно»!..—Иванъ, ты заснулъ: останься безъ обѣда!— Миша, ты разговариваешь, смѣешься,—стань въ уголъ!— при этомъ учитель съ самодовольствомъ хвастается, что онъ замѣчаетъ каждаго невнимательнаго ученика или ученицу... Есть чѣмъ хвастаться!

Скажу прямо, что учителю, не умѣющему занять всего класса, я совѣтовалъ бы совсѣмъ отпустить домой тѣ отдѣленія школы, съ которыми онъ не можетъ заняться непосредственно самъ. По крайней мѣрѣ, дѣти, оставаясь дома, найдутъ себѣ какое нибудь занятіе, будь то полезное или безполезное. Все же лучше, нежели сидѣть безъ цѣли и дѣла въ школѣ и выносить пытку... Вѣдь дѣтская натура слишкомъ подвижна и требовательна къ дѣлу, да еще къ такому дѣлу, которое доставляло бы ребенку извѣстный интересъ и любовь. Вотъ почему я сейчасъ говорилъ, что всѣ самостоятельныя дѣтскія школьныя работы могутъ принести пользу только въ томъ случаѣ, если учитель съ умѣніемъ и тактомъ будетъ руководить ими, и тѣ же работы могутъ быть до крайности безполезны, даже вредны, если преподаватель будетъ пользоваться ими только какъ средствомъ «занять дѣтей отъ бездѣлья». Вотъ почему необходимо учителю выработать планъ и этихъ работъ. Къ сожалѣнію, я мало знаю учителей, которые добросовѣстно готовились бы къ школьнымъ занятіямъ, а еще меньше такихъ, которые ломали бы голову надъ распредѣленіемъ школьнаго матеріала по третямъ года, недѣлямъ и днямъ. Обыкновенно большинство сельскихъ педагоговъ,— земскихъ или церковныхъ, все равно,—ведутъ свое дѣло такъ. Въ теченіе первой половины учебнаго года, учитель удѣляетъ больше времени на занятія съ «младшими» — новичками, а остальнымъ даются или тѣ самостоятельныя работы безъ повѣрки, о какихъ я говорилъ выше, или занимаются «изощреніемъ памяти». Съ рождества наставникъ усиливаетъ свои занятія со «старшими», готовящимися къ экзамену. Въ среднее же отдѣленіе, которое существуетъ почти вездѣ, такой учитель рѣдко заглядываетъ, развѣ между дѣломъ какъ нибудь заставитъ прочитать при себѣ двѣ-три статейки изъ книги для чтенія. Какой же мы видимъ результатъ такихъ занятій? Увы, очень печальный! Среднее отдѣленіе находится въ большинствѣ школъ въ запущенномъ видѣ: дѣти буквально ничего не дѣлаютъ и всѣ занятія съ ними ограничиваются только самостоятельнымъ чтеніемъ русскихъ и славянскихъ статей, списываніемъ въ тетради статей, безсмысленнымъ зубреніемъ на «память» стиховъ, псалмовъ, таблицы умноженія... И вотъ на слѣдующій годъ такія дѣти переходятъ въ старшее отдѣленіе школы—готовиться къ экзамену. Здѣсь самъ учитель уже теряетъ голову отъ непониманія дѣтей; пойдутъ жалобы съ его стороны и на лѣность школьниковъ, и на трудность занятій одному учителю съ тремя отдѣленіями... Кто же причиною этого? Не самъ ли наставникъ создалъ для себя всѣ эти затрудненія? Тяжело и трудно, — скажутъ мнѣ иные изъ учителей,—вести надлежащимъ образомъ школу, обдумывать

учебный планъ на весь годъ, готовиться къ каждому уроку!.. Но и здѣсь скажу: если наставникъ одушевленъ горячею любовью къ дѣтямъ и учительской дѣятельности, если его сердце радуетъ каждый новый пріемъ или удачно придуманное слово, — нѣтъ мѣста скукѣ и утомленію.

8-го сентября.

Сегодня, въ 12 час. дня, мои дивчаты собирались въ школу на праздничныя чтенія. Передъ началомъ произошелъ довольно печальный фактъ. День былъ ясный, солнечный, но стоялъ холодный, пронзительный вѣтеръ. Дѣвочки, въ ожиданіи меня, вышли изъ школы поиграть на свой любимый лужокъ у церкви. Всѣ дѣти были принаряжены по праздничному и многимъ не хотѣлось надѣвать теплую поддёвку. Когда я пришелъ въ школу, то замѣтилъ, что одну изъ старшихъ ученицъ, Стёпу Кирину, сильно трясла лихорадка...

— Что съ тобою, Стёпа?—спросилъ я ее.

— Я, о. дьяконъ, заболѣла,—лихорадка со мной... Голову ломитъ...

Дѣвочка, дѣйствительно, сильно измѣнилась: голова ея горѣла, руки тряслись... Я, конечно, сейчасъ же отпустилъ ее домой. Пришлось вести съ дѣтьми бесѣду о томъ, какъ слѣдуетъ каждому беречь свое здоровье...

На чтенія сегодня собрались всѣ дѣвочки-ученицы; пришли многія и изъ прежнихъ нашихъ школьницъ. Молодаго народа собралось такъ много, что мы едва помѣстились въ своей тѣсной классной комнатѣ.

Прежде всего, мы пропѣли молитву. Потомъ сами дѣвочки разсказали мнѣ исторію настоящаго праздника, а я дополнилъ ихъ разсказъ нѣкоторыми подробностями изъ книжки о. Никольскаго: «Двунадесятые праздники». Затѣмъ старшія ученицы по очереди читали книжки: «О грозѣ» Н. Животовскаго и «Школа въ лѣсу» Ѳ. Студицкаго. Чтеніе окончилось пѣніемъ нѣкоторыхъ дѣтскихъ пѣсенокъ.

18-го сентября.

Установилось сильное ненастье: уже цѣлую недѣлю идутъ окладные дожди съ пронзительнымъ осеннимъ вѣтромъ. Не смотря на ненастье, холодъ и грязь, мои дѣвочки посѣщаютъ пока школу акуратно. А посмотришь—у иной изъ нихъ нѣтъ обуви и одежды исправной: лаптишки разорваны, на плечахъ ветхій маленькій «зипунишка» или худая поддёвка, а все таки малютка каждое утро плетется въ школу часто версты за двѣ, за три отъ дома... Да и

зимою даже наши крестьянскія дѣвушки-ученицы почти не имѣютъ теплой, исправной одежды для посѣщенія школы; у рѣдкихъ имѣются теплый полушубокъ, валенки, теплый платокъ. Большинство же въ суровые зимніе холода бѣгаютъ въ школу въ ватной поддевкѣ, старыхъ полусапожкахъ и холодномъ платкѣ; только въ сильныя вьюги накрываются съ головою «шушуномъ». Изъ всѣхъ нашихъ школьницъ только одна дѣвочка—дочь цѣловальника—одѣвается по городски: зимою она ходитъ въ школу въ теплой мѣховой шубкѣ и въ теплыхъ сапожкахъ, голову поверхъ мѣховой шапочки закутываетъ еще пушистымъ верблюжьимъ башлыкомъ; въ рукахъ муфточка. Съ завистью смотрятъ дѣвочки на свою богатую подружку.

Но зато тѣ же крестьянскія дѣвочки много усерднѣе и прилежнѣе относятся къ учебному дѣлу, нежели избалованныя дочки деревенской «интеллигенціи». Если ужъ разъ какая нибудь дѣвочка поступила въ школу, она сама рѣдко броситъ ее,—развѣ какой нибудь особенный случай заставитъ малютку отстать отъ ученія. А обратите вниманіе, какъ нѣкоторыя крестьянки еще радуются, что дѣтки ихъ учатся... Присмотритесь, съ какою заботою, съ какою любовью иная мать провожаетъ ежедневно свою дочку «въ ученье», какъ заботливо будитъ она ее рано утромъ, собираетъ ей скудный завтракъ, печетъ иногда горячія «пышки», провожаетъ въ школу, да выдетъ еще на дорогу поглядѣть ей вслѣдъ... Какъ усердно молится потомъ Богу эта крестьянка, съ какою вѣрою и надеждою ставитъ она въ воскресенье въ церкви свѣчку Спасу, чтобы Господь послалъ ея дочкѣ «понятіе въ ученіи».

Занятія въ нашей школѣ ежедневно начинаются въ 8 часовъ утра, но дѣти начинаютъ собираться въ школу съ самаго разсвѣта. Идутъ дѣвочки,—особенно издалека,—большею частью партіями, заходятъ по пути за подругами, чтобы не скучно было и «повадняе» идти... Случается иногда, что дорогою онѣ о чемъ нибудь поспорятъ между собою, поссорятся, но съ жалобою ко мнѣ никогда не обращаются. По приходѣ въ школу, «младшія» отправляются на площадь играть, а «старшія» посерьезнѣе—или повторяютъ читанныя на предшествующемъ урокѣ статьи, или умно разговариваютъ по поводу какихъ нибудь домашнихъ событій.

Въ 8 часовъ, въ нашей школѣ бываетъ утренняя молитва. Послѣ молитвы, учитель не прямо приступаетъ къ занятіямъ, а ведетъ иногда краткую бесѣду съ дѣтьми по поводу какого нибудь случая изъ мѣстной или школьной жизни, или случая, происшедшаго съ дѣвочками на пути въ школу. Сегодня, напр., учитель ведетъ послѣ молитвы бесѣду о ласточкѣ...

...«Была зима; жили двѣ ласточки въ теплыхъ краяхъ и было

имъ обѣимъ тепло и хорошо. Да, видно, уже такъ велѣно было птичкѣ божьей, что, какъ только начнется у насъ весна, она и покидаетъ свою теплую сторонку и летитъ къ намъ. Видно, нѣтъ на землѣ уголка, гдѣ кто нибудь не радовался бы, не жилъ и не славилъ бы Бога и Его чудный свѣтъ. Видно, веселая вольная птичка поднимается къ небу и вездѣ поетъ свою радостную пѣсню, чтобы напомнить человѣку о жизни небесной. Такъ вотъ и къ намъ весною прилетѣли эти ласточки. У меня подъ крышей слѣпили онѣ изъ глины уютное гнѣздышко и я каждое утро, всю весну, любовался, какъ весело онѣ летали, щебетали, таская въ свое гнѣздо пухъ и перья; должно быть, самецъ и самка... А вѣдь, знаете, птицы тоже, какъ люди, любятъ другъ друга и скучаютъ одинъ безъ другаго, когда надолго разлучаются... Черезъ нѣсколько времени я замѣтилъ, что изъ гнѣздышка стали выглядывать маленькія головки еще неоперившихся птенчиковъ... Ласточки опять летали, носили имъ въ носикахъ корму... Вдругъ въ одно утро слышу печальный жалобный писк птенчиковъ, и одна ласточка сидитъ на заборѣ скучная, и что-то такъ печально смотритъ по сторонамъ, какъ будто чего ищетъ... А другой нѣтъ!.. Подошелъ поближе—вижу: около забора лежитъ ея мертвая подруга, убитая, окровавленная... И сейчасъ, дѣти, не могу вспомнить, какъ жалко было мнѣ тогда бѣдную птичку... Каково-то было птенчикамъ безъ матери? Кто-то ихъ приласкаетъ, кто накормитъ? А другой-то ласточки какъ скучно безъ подруги»!..

Вдругъ среди тишины раздались чьи-то всхлипыванія, рыданія... Одна изъ дѣвочекъ плакала... Учитель невольно обратилъ на нее вниманіе и спросилъ:

— Что съ тобою, Таня?

— Мнѣ маму жалко... маму мою вчера схоронили!..—сквозь слезы отвѣчаетъ дѣвочка.

— У нея, о. дьяконъ, мать умерла; ну, она и вспомнила ее, когда вы говорили о ласточкахъ,—шумятъ дѣвочки.

— Хорошо, я знаю это!—продолжалъ учитель:—скажите же: не похожа ли наша Таня на одного изъ птенчиковъ, у которыхъ лѣтомъ убили мать?

— Похожа!.. похожа!.. мы ее жалѣемъ, любимъ... Плохо ей безъ мамки... Кто ее пожалѣетъ?.. И отцу ея плохо!—говорятъ дѣти.

— Такъ любите же, милыя мои, свою подружку: у нея теперь нѣтъ родной мамки, которая заботилась бы о ней и ея сестрёнкахъ, кормила бы, поила, одѣвала и обувала да отъ худа укрывала...: Какъ придете изъ школы домой, вспомните, что дѣлаетъ для каждой изъ васъ родная мамка, такъ и обнимите каждая свою родимую...

А теперь за дѣло! У меня въ текущемъ году только два отдѣленія—младшее и старшее. Сегодня, по расписанію, въ младшемъ—*обученіе грамотѣ* (съ учителемъ), въ старшемъ—урокъ *самостоятельнаго чтенія* (безъ учителя). То отдѣленіе, съ какимъ я долженъ заниматься непосредственно самъ, садится на первыя скамейки, а остальныя дѣти—на заднія.

— Старшіе! выньте книгу Радонежскаго, найдите на 30 стран. статью «Полевой жаворонокъ» и прочитайте ее внимательно! Кто разскажетъ мнѣ потомъ, о чемъ въ ней написано, умница будетъ. Да читайте про себя, негромко!

Младшія до сего времени занимались у меня только предварительными бесѣдами и упражненіями, служащими подготовкою для письма—практиковались въ умѣньѣ держать правильно бумагу, перо, карандашъ, владѣть линейкою и т. п. Въ необходимости такого рода упражненій едва ли кто будетъ сомнѣваться. Но необходимы ли предварительныя бесѣды съ новичками и въ чемъ онѣ должны состоять? Знаю, что очень многіе педагоги отводятъ этимъ бесѣдамъ слишкомъ много мѣста въ школьномъ дѣлѣ, совѣтуютъ вести ихъ 6—8 недѣль; цѣлые часы посвящаютъ на бесѣды объ *осѣ* (такъ называемые «предметные уроки» г.г. Паульсона, Бунакова и др.). Употреблять такъ много времени на эти уроки,—къ тому же почти безполезные по содержанію,—по моему мнѣнію, не слѣдуетъ: въ народной школѣ каждый часъ времени слишкомъ дорогъ да и о жизни насѣкомыхъ крестьянскія дѣти знаютъ чуть ли не больше инаго учителя. Но все таки предварительныя бесѣды съ вновь поступившими дѣтьми необходимо вести, и каждому учителю нужно ознакомиться съ тѣмъ живымъ матеріаломъ, надъ какимъ ему придется работать. Необходимо учителю всесторонне познакомиться съ дѣтьми — узнать, на какой степени развитія стоятъ они, какъ понимаютъ они учителя, да и могутъ ли еще понимать его слова. Положимъ, я сказалъ дѣтямъ: «Богъ сотворилъ міръ»... Здѣсь только три слова и я понимаю ихъ. Но понимаютъ ли эти слова мои ученицы, какъ я понимаю ихъ? Какъ, наконецъ, сдѣлать, чтобы дѣти поняли мои слова именно такъ, какъ я ихъ понимаю? Вы скажете,—для этого нужно имъ разсказать, объяснить... Положимъ, я скажу дѣтямъ, что Богъ есть существо высшее, духовное, совершенное... Будетъ ли это объясненіемъ? Что такое существо? Что такое высшее, да еще совершеннѣйшее?.. Опять приходится объяснять... Да вѣдь это будутъ только *одни слова*, а *понятія* не будетъ... Какъ дать понятіе ребенку? Какъ научить, чтобы малютка каждое слово соединялъ въ своемъ умѣ съ извѣстнымъ понятіемъ о предметѣ, качествѣ или дѣйствіи?.. Ясное дѣло, что, прежде чѣмъ говорить съ дѣтьми, мнѣ не-

обходимо узнать, какія слова ребенокъ понимаетъ вѣрно, какія понимаетъ не такъ, какъ нужно, и какихъ онъ совсѣмъ не понимаетъ.. Необходимо, слѣдовательно, ознакомиться какъ можно больше съ вновь поступившими школьниками, произвести повѣрку ихъ понятій и языка. Когда мы сдѣлаемъ это, то увидимъ, что вѣрно понимаемыхъ словъ у крестьянскаго ребенка очень и очень мало, что съ нимъ совсѣмъ нельзя говорить на первыхъ порахъ о вещахъ и выраженіяхъ, мало употребительныхъ въ ихъ деревенской жизни. Какъ слабы ихъ понятія, даже повѣрить трудно: дѣти совсѣмъ незнакомы не только съ нашими книжными выраженіями, но и съ нашимъ языкомъ, даже съ нашими, повидимому, простыми словами. Цѣль предварительныхъ бесѣдъ въ школѣ и заключается именно въ ознакомленіи дѣтей съ окружающей ихъ классной обстановкой, со школьною жизнью, съ умѣніемъ держать себя и обращаться хорошо съ товарищами или подругами, съ умѣніемъ выражать свои требованія и нужды простымъ, яснымъ языкомъ, безъ особой застѣнчивости, свойственной особенно нѣкоторымъ крестьянскимъ дѣвочкамъ... Этимъ мы пріучимъ дѣтей, прежде всего, внимательно слушать въ классѣ учителя, ознакомимъ ихъ съ окружающими предметами, съ названіемъ и употребленіемъ ихъ; но—самое главное — пріучимъ дѣтей ясно, громко и правильно *выговаривать* слова, толково отвѣчать на предложенный учителемъ вопросъ, составлять мало-по-малу простыя предложенія, а все это будетъ драгоцѣннымъ кладомъ для учителя въ его послѣдующихъ занятіяхъ съ дѣтьми...

Но пора, однако, начинать свой урокъ съ «младшими» [1])...

Послѣ урока съ «младшими», учитель провѣряетъ, какъ читали свою статью «старшіе»...

— О чемъ же, дѣти, вы сейчасъ читали?

— О жаворонкѣ.

Слѣдуютъ вопросы: «перелетная или осѣдлая птица — жаворонокъ? Какого цвѣта бываютъ жаворонки? Гдѣ жаворонки вьютъ гнѣзда? Чѣмъ питаются жаворонки? Любятъ ли люди жаворонковъ? Когда поютъ жаворонки»? Дѣти отвѣчаютъ на всѣ эти вопросы.

— Хорошо; теперь прочитаемъ-ка, о чемъ тамъ у васъ въ книгахъ написано; слушайте!..

Обыкновенно я читаю сначала самъ, потомъ уже заставляю читать и ученицъ—сперва лучшихъ, потомъ слабѣйшихъ... Статья

---

[1]) Здѣсь я опускаю подробный ходъ урока съ «младшими», состоящій въ ознакомленіи дѣтей съ понятіемъ слова «звукъ», съ первыми звуками—«а», «о» и «е», съ печатнымъ и письменнымъ изображеніемъ ихъ, какъ мало интереснымъ для читателей общелитературнаго журнала. *Авт.*

читается по частямъ, попеременно мною и (то же самое) дѣвочками. Затѣмъ слѣдуетъ объясненіе и толкованіе нѣкоторыхъ, непонятныхъ дѣтямъ, словъ и выраженій, и наконецъ — *перекрашиваніе*, на которомъ слѣдуетъ остановиться какъ можно больше, если желаемъ, чтобы дѣти не только толково прочитали, но и твердо запомнили,— словомъ вполнѣ бы *изучили* данную статью...

... «Всѣмъ мила пѣснь жаворонка»... (читаютъ дѣти). Кому это всѣмъ?

— Всѣмъ людямъ мила.

— Какъ сказать про это иначе, проще?

— Люди любятъ пѣсни жаворонка...

— Какъ здѣсь называется жаворонокъ?

— Жаворонокъ называется пернатымъ вѣстникомъ весны и т. п.

Затѣмъ слѣдуетъ связный пересказъ дѣтьми прочитанной статьи простыми, краткими предложеніями, сначала по частямъ, потомъ— всей. Иногда приходится давать и письменные отвѣты на вопросы изъ прочитаннаго, особенно когда дѣвочки разохотятся и будутъ просить: «дай-ка, о. дьяконъ, я разскажу! Спроси-ка меня—я попробую разсказать, не глядя въ книжку»...

Смотришь — прошелъ уже лишній часъ времени, необходимо отпускать дѣтей на отдыхъ. Очень часто не приходится даже выполнить все намѣченное въ расписаніи урока. Зато незамѣтно и весело прошло время; не чувствуешь ни скуки, ни утомленія...

3-го октября.

Послѣ продолжительнаго ненастья, съ недѣлю уже какъ установилась теплая, почти весенняя погода. Солнце ярко свѣтитъ на безоблачномъ небѣ. Не смотря на обнаженныя и давно уже опустѣвшія поля, въ воздухѣ дышется какъ-то легко, свободно, привольно... Подъ вліяніемъ недавнихъ проливныхъ дождей и установившагося тепла, на лугахъ снова оживилась травка, кое-гдѣ выглядываютъ даже поздніе цвѣточки. Озимыя поля ярко блестятъ изумрудомъ. Къ югу тянутся длинныя вереницы перелетныхъ птицъ...

Весело празднуютъ наши мужики третій день своего храмоваго праздника: — въ нынѣшнемъ году обильный хлѣбный урожай. Съ самаго ранняго утра въ селѣ стоитъ шумъ отъ веселыхъ праздничныхъ пѣсенъ; на улицахъ много пьяныхъ. Съ гиканьемъ и свистомъ носятся по селу тройки со «свадебными поѣзжанами». На площади у церкви молодежь водитъ хороводы; играютъ въ «горѣлки»...

Вчера, въ 2 часа дня, мои ученицы опять собирались въ школу. Тѣсно, душно показалось имъ сидѣть въ темной грязной каморкѣ, именуемой «классомъ». Вздумали онѣ пройтись всею школою за

село на луга и на просторѣ полюбоваться въ послѣдній разъ увядающей природой. Къ тому же, всѣмъ намъ захотѣлось удалиться отъ всего этого праздничнаго уличнаго гама, отъ пьянаго шума. Дивчаты сами взялись вести меня куда-то далеко за село, версты за двѣ...

— Тамъ, о. дьяконъ, страсть какъ хорошо!.. Мы лѣтомъ ходили туда часто!..—уговаривали онѣ меня.

Я охотно согласился на ихъ предложеніе и мы сейчасъ же отправились всей школьной ватагой въ путь. По дорогѣ мы согласились навѣстить нашу больную ученицу—Стёпу Кирину... Недѣли три тому назадъ, дѣвочка простудилась и съ тѣхъ поръ совсѣмъ слегла. Что за болѣзнь была съ нею, сказать трудно: голова у нея постоянно горѣла, какъ въ огнѣ; жаловалась малютка на боль въ груди; былъ и сильный кашель... Мать возила нѣсколько разъ свою дочь въ больницу показывать доктору! Въ больницѣ дали Стёпѣ пить какую-то «микстуру», но дѣвочка все таки плохо поправлялась.

Вотъ мы подошли къ ветхой, покосившейся на бокъ, деревянной избёнкѣ. Стёпа лежала въ сѣняхъ на соломѣ, прикрытая какой-то старой «дерюгой». Въ хатѣ не было никого: мать ея, говорятъ, отлучилась къ роднѣ въ гости, старшая сестра ушла «на гулюшки»:—женили ея двоюроднаго брата... При входѣ нашей толпы, дѣвочка хотѣла было приподняться, но не могла. Какъ же обрадовалась она нашему неожиданному посѣщенію! Глазёнки ея вдругъ оживились; на личикѣ появилась радостная улыбка...

— Ну, какъ, голубушка, твое здоровье?.. Не лучше все тебѣ?..—спросилъ я свою ученицу и сѣлъ около нея на соломѣ...

Стёпа какъ-то печально улыбнулась мнѣ — видно, не хотѣлось сознаться, что она еще тяжело больна. Всѣ наши школьницы окружили убогую постельку больной; каждая изъ дѣвочекъ старалась высказать своей подругѣ посильное участіе. Мы принесли ей «гостинцевъ» и долго разговаривали. Жаль было всѣмъ бѣдняжку и это впечатлѣніе нѣсколько омрачило нашу веселую прогулку...

За нашимъ селомъ протекаетъ, извиваясь змѣйкой, маленькая гнилая рѣчонка; она неглубока, а лѣтомъ пересыхаетъ такъ, что малымъ ребятамъ по колѣна; но берега ея крутые, обрывистые... А кругомъ, по ту и другую сторону, тянутся теперь безконечныя озимыя поля. Долго шли мы вдоль берега этой рѣчки, пока тропинка не привела насъ къ крутому обрыву, внизу котораго зеленѣли еще громадные степные луга, на которыхъ кое-гдѣ блестѣли на солнцѣ маленькія озера, свѣтлыя, какъ зеркало... Даже наша рѣчонка незамѣтно пропадала среди этой равнины.

Не успѣлъ я хорошо ознакомиться съ мѣстностью, какъ мои дѣвочки проворно сбѣжали всѣ съ крутой горы и остановились на ровной, гладкой, какъ столъ, степной лужайкѣ, вблизи озера.

— Вотъ гдѣ мы любимъ играть! Хорошо вѣдь здѣсь?—пристали онѣ ко мнѣ.

— А рыбы-то, рыбы сколько въ этихъ озерахъ! Мы съ батей часто ходимъ сюда ловить,—кричала одна.

— Я и раковъ умѣю ловить... Сколько ихъ тутъ живетъ въ норахъ-то, въ озерѣ... Страсть!—говорила мнѣ другая.

Свѣжесть осенняго воздуха, какой-то особенный ароматъ природы, крикъ птицъ, собирающихся стаями на этихъ лугахъ передъ отлетомъ на югъ—все это представляло прекрасную картину. Мои школьницы, никого не стѣсняясь, свободно, какъ хозяева, играли, бѣгали среди всего этого великолѣпія и даже пѣли извѣстныя имъ пѣсенки, — пѣли громко, такъ что гулъ раздавался далеко кругомъ...

Я долго сидѣлъ на берегу озера и любовался ими. Въ какія только игры ни забавлялись дѣти! Пѣли и тѣ пѣсни, какія учили мы въ школѣ, и нѣкоторыя свои, «мѣстныя», которыя я разрѣшилъ имъ пѣть, такъ какъ въ нихъ не заключается ничего вреднаго для нравственности... Я до страсти люблю дѣтей, люблю смотрѣть на ихъ веселыя дѣтскія забавы и игры; самъ часто принимаю участіе въ ихъ играхъ, нисколько не опасаясь потерять свой учительскій авторитетъ; напротивъ, этимъ я еще тѣснѣе сближаюсь съ дѣтьми и узнаю характеръ каждаго изъ нихъ. Замѣчу опять, что въ школьныхъ дѣтскихъ играхъ, — если съ умѣніемъ и толкомъ руководить ими, — учитель можетъ оказывать огромное вліяніе и на нравственность дѣтей. Никогда не узнаете вы такъ хорошо характеръ ребенка, какъ въ какой нибудь игрѣ:—вспыльчивый малютка, заносчивый или гордый скажется сейчасъ же. Я не говорю уже, что есть нѣкоторыя игры, облагораживающія дѣтей.

Надоѣло дѣвочкамъ пѣть и играть,—онѣ садятся вокругъ меня и у насъ начинается бесѣда. Кто нибудь изъ нихъ разсказываетъ случай изъ своей домашней жизни, и я иногда разсказываю какую нибудь простую исторію, или цѣлое историческое событіе; такимъ образомъ, у насъ незамѣтно проходитъ цѣлый урокъ изъ отечественной исторіи или даже географіи... Вчера, напр., я разсказывалъ на лугахъ своимъ школьницамъ о нашихъ южныхъ черноморскихъ и прикаспійскихъ степяхъ. Мы всѣ такъ увлеклись бесѣдой, что незамѣтно пробыли на лугахъ до поздняго вечера и воротились въ свое село, когда уже стемнѣло. Эта осенняя праздничная прогулка, вѣроятно, надолго останется въ нашей памяти.

12-го ноября.

Уже почти двѣ недѣли, какъ установилась настоящая зима. Снѣга выпало на полъ-аршина и открылась хорошая зимняя дорога. Ежедневно знобятъ сильные морозы. Все это, конечно, въ порядкѣ природы. Но вотъ бѣда: уже третій день мерзнемъ мы въ своей школьной каморкѣ, потому что два дня къ ряду не топили сторожку, гдѣ помѣщается наша школа. Церковный сторожъ вчера цѣлый день ходилъ добывать соломы на топливо, былъ и у сельскаго старосты, и у церковнаго «ктитора», угрожалъ имъ бросить караулъ при церкви, если не дадутъ топки, — ничто не помогаетъ. Ктиторъ говоритъ, что сторожку слѣдуетъ отапливать не на церковныя средства, а на счетъ общественныхъ суммъ, такъ какъ въ ней помѣщается школа; сельскій же староста утверждаетъ, что топливо слѣдуетъ пріобрѣтать на церковныя деньги, такъ какъ въ сторожкѣ — *церковная* школа... Самъ «батюшка» ѣздилъ разбирать ихъ и не знаю пока, чѣмъ кончится это мѣстничество и кто будетъ согрѣвать насъ, а приходится мерзнуть... Но дѣлать нечего: я надѣлъ тулупъ, дѣвочки тоже укутались, кто въ полушубокъ, кто въ поддевку—и работаемъ по прежнему.

Каждая народная школа,—будь она земская или церковная,—должна имѣть цѣлью не столько обучать дѣтей грамотѣ, сколько сообщать имъ первоначальныя полезныя знанія, необходимыя въ жизни; дать питомцамъ религіозно-нравственное развитіе, приготовить ихъ настолько, чтобы они были полезными членами общества. Какъ же развить ребенка? Гдѣ найти тѣ необходимыя первоначальныя знанія, будь они религіозно-нравственнаго, историческаго или географическаго содержанія? Гдѣ взять біографическіе очерки изъ жизни великихъ людей науки или святыхъ угодниковъ? Вы скажете, что для этого необходима хорошо и толково составленная книга для класснаго чтенія въ школѣ,—книга, изложенная яснымъ и доступнымъ для дѣтскаго пониманія языкомъ... Но существуетъ ли для школы такая книга? Мы читаемъ *книгу* Попова, книгу Радонежскаго; въ земскихъ школахъ — Баранова... Доступны ли всѣ статьи этихъ книгъ для дѣтскаго пониманія? Я въ этомъ очень сомнѣваюсь... Каждая школа особенно нуждается въ хорошей классной книгѣ для чтенія. Въ такой книгѣ первое мѣсто должно быть отведено, кромѣ статей естественно-историческихъ, статьямъ религіозно-нравственнымъ, въ связи со священной исторіей и избранными очерками изъ жизни угодниковъ, — истинныхъ образцовъ вѣры, любви къ ближнему и благочестія. Такого рода статьи и книгъ русскій простой народъ особенно любитъ. Священная исторія

необходима въ первый же годъ обученія; нравоучительныя бесѣды слѣдовало бы связать со священной исторіей. Затѣмъ можно уже помѣщать статьи бытоваго характера, различныя стихотворенія или басни, наконецъ, статьи историческаго и географическаго содержанія, и, въ заключеніе, естественно-историческія, которыя потомъ могли бы служить матеріаломъ для наглядныхъ бесѣдъ учителя съ дѣтьми. Книгу для класснаго чтенія въ женскихъ школахъ слѣдовало бы составить въ нѣсколько иномъ видѣ, чѣмъ книгу для чтенія мальчиковъ: въ ней главное мѣсто послѣ священной исторіи должно быть отведено жизнеописанію св. женъ, прославленныхъ церковью, какъ истинныхъ образцовъ христіанскихъ матерей; необходимо помѣстить и другія практическія свѣдѣнія, нужныя для будущей матери крестьянки... Намъ, слѣдовательно, необходима *умная* книга, чтобы въ ней что слово, то и дѣло, и чѣмъ дальше, тѣмъ шире становилось бы дѣло, бойчѣе слово... Много книгъ издается въ настоящее время для класснаго чтенія въ народной школѣ, но такихъ умныхъ книгъ пока нѣтъ. Кажется, за цѣлые полвѣка была издана только одна *настоящая* дѣтская книга,—это *Родное Слово* покойнаго Ушинскаго, да и та въ настоящее время, по многимъ причинамъ, отчасти устарѣла въ школахъ... Почему же никто не составитъ намъ настоящей классной книги? Давно кто-то изъ журналистовъ сказалъ, что книга выдетъ хороша, если за составленіе ея возьмутся наши первоклассные писатели. Да вотъ, однако, не берутся же за это дѣло «корифеи литературы», не смотря на всю ихъ любовь къ народу и отечеству... Мало берутся у насъ за это дѣло и ученые педагоги, литераторы—а не берутся они за это дѣло, полагаю, совершенно основательно, потому что никто еще не знаетъ, *чѣмъ будетъ* наша русская народная школа, что въ ней *будетъ допущено*, что запрещено, какой *опредѣленный планъ* она будетъ выполнять. Теперь же пока, — стыдно сознаться,—мы еще мало думаемъ о цѣляхъ и задачахъ нашей русской школы, а вмѣсто существеннаго дѣла пробавляемся только поверхностными задачами въ формѣ вопросовъ—какая школа лучше: земская или церковная?..

16-го ноября.

... Вчера не была въ школѣ одна изъ младшихъ дѣвочекъ, Вѣра Суханова; сегодня же пришла учиться скучная, невеселая... Я подошелъ къ ней поближе—узнать причину ея вчерашняго отсутствія. Вѣра была необыкновенно блѣдна, ручонки ея тряслись, на глазахъ слезы...

— Гдѣ ты была вчера, Вѣра? Почему не приходила въ школу?— спросилъ я ее. Дѣвочка вмѣсто отвѣта громко зарыдала...

Меня это еще болѣе удивило. Я подошелъ ближе и приподнялъ ея головку... Вижу, малютка не можетъ смотрѣть мнѣ прямо и открыто въ глаза, а вертитъ головой въ сторону... Что, думаю, за причина? Вѣру я зналъ раньше, какъ одну изъ самыхъ веселыхъ ученицъ, хоть она была немного шаловлива... Но надобно же мнѣ узнать, въ чемъ дѣло. Видя малютку такой разстроенной, я не сталъ больше приставать къ ней, а спросилъ у дѣвочекъ — не знаютъ ли онѣ причины...

— Она взяла вчера дома утромъ, безъ позволенія матери, изъ сундучка три калача... Мать-то ея печку утромъ топила да побѣжала за чѣмъ-то къ сосѣдкѣ, а Вѣра тѣмъ временемъ скорѣе въ сундукъ, схватила калачи да и прячетъ ихъ въ свою школьную сумку... Мать-то ея, тетка Варвара, сильно осерчала, заперла ее на цѣлый день въ холодный погребъ и въ школу не пустила; тамъ и просидѣла она голодная до самаго вечера, а сегодня еще сѣкли ее розгами...

— Ужели, дѣти, все это правда?—удивился я.

— Вѣрно, о. дьяконъ!.. Ужь такая у нея сердитая мать... Мы сегодня зашли за Вѣрою, какъ въ школу идти, и видѣли сами. При насъ мать ея наломала отъ вѣника пучокъ хворостинъ, растянула Вѣру на лавкѣ и больно высѣкла... Намъ стыдно было смотрѣть, какъ положила она ее наказывать; хотѣли было убѣжать, да Вѣрочку жалко... Тетка Варвара и намъ говоритъ: «отецъ дьяконъ васъ сильно любитъ, много балуетъ да гостинцами еще обдѣляетъ»... То же и дѣдушка Вѣры говоритъ: «еслибы я, говоритъ, былъ вашъ учитель, то каждый день сѣкъ бы васъ розгами, — безъ этого не научишь»!..

Мнѣ вдругъ до крайности стало жаль Вѣру, подвергнувшуюся сегодня такому жестокому и позорному наказанію въ присутствіи своихъ школьныхъ подругъ... Зналъ я, что Варвара—баба больная, раздражительная, и часто сѣчетъ свою дочку за каждый маловажный дѣтскій проступокъ. На всѣхъ насъ этотъ случай подѣйствовалъ отвратительно... Вѣра разрыдалась на всю школу. Я обнялъ бѣдную дѣвочку и приласкалъ, какъ могъ.

... Необходимы ли въ школѣ награды и наказанія? Когда нужно награждать дѣтей? когда наказывать? Пусть на эти вопросы сознательно отвѣтитъ каждый изъ моихъ собратій... Награды въ школѣ я еще могу допустить... Вотъ и я награждаю дѣтей: дарю имъ часто книжки, гостинцы. Я дѣлаю это отъ искренняго къ нимъ расположенія, какъ дѣлаютъ то же любящіе отецъ или мать для своей дорогой дочки. Пусть каждый припомнитъ «золотые дни» своего дѣтства... Не пріятно ли было получать и намъ подарки

отъ своихъ дорогихъ близкихъ людей?.. Кромѣ того, наше школьное дѣло среди крестьянъ,—особенно дѣло школьнаго женскаго образованія, — поставлено пока еще такъ дурно, что приходится привлекать дѣвочекъ въ школу гостинцами. Но слѣдуетъ ли наказывать дѣтей? Поразмыслимъ объ этомъ. Я не говорю уже о тѣхъ «бездарныхъ самозванцахъ» изъ учителей, которые до сего времени продолжаютъ употреблять въ школьной практикѣ даже различнаго рода тѣлесныя наказанія. У всѣхъ еще на памяти извѣстный судебный процессъ тамбовскихъ учителей, который наглядно раскрылъ, что даже въ губернскомъ городѣ, на глазахъ начальства, учителями практиковались въ городскихъ школахъ всевозможныя «заушенія», тасканье дѣтей за волосы, за уши и пр. Чего же, послѣ этого, ожидать отъ захолустныхъ уголковъ?! Дѣйствительно, въ газетахъ сообщаютъ время отъ времени изъ разныхъ мѣстъ объ учителяхъ-истязателяхъ... Я съ своей стороны могъ бы привести здѣсь безчисленное множество фактовъ, которымъ былъ очевидецъ, какъ нѣкоторые деревенскіе педагоги учатъ съ «воздѣйствіемъ» своихъ питомцевъ: разсказалъ бы и объ учителѣ, который проломилъ книгою голову своему ученику, разсказалъ бы и о томъ, какъ другой такой педагогъ «отгрызъ ухо» своему бѣдному ученику... Все это, къ сожалѣнію, недавніе и недалекіе факты, но не хочется мнѣ подробно разсказывать о такихъ мерзостяхъ: мнѣ до глубины души жаль этихъ маленькихъ жертвъ педагогическаго невѣжества... Вѣдь дѣти, имѣющія несчастіе учиться у такихъ людоѣдовъ-педагоговъ,—истинные мученики! Но я здѣсь имѣю въ виду учителей глубоко преданныхъ своему дѣлу и любящихъ своихъ учениковъ. Вѣдь къ намъ въ школу поступаетъ обыкновенно такой ребенокъ, въ которомъ, по существу дѣла, нѣтъ ни добрыхъ зачатковъ, ни злыхъ; однимъ словомъ, къ намъ привели птицу вольную! Какъ же мы думаемъ пріучить наказаніемъ къ чему нибудь хорошему? Положимъ, иные изъ насъ наказываютъ дѣтей за шалость, за худыя дѣла, но отчего ребенокъ сдѣлалъ это худое? Не сами ли мы виновны въ этомъ? Нѣтъ, я лично совсѣмъ несогласенъ допускать для дѣтей даже самыя незначительныя наказанія, никогда не слѣдуетъ наказывать ребенка даже за важные проступки. Вездѣ на первый планъ долженъ выступать *нравственный авторитетъ учителя*, его умѣніе вліять на дѣтей. Наказаніе—самый легкій, повидимому, способъ для учителя отучить своего питомца отъ дурнаго, отъ шалостей—потому способъ этотъ и соблазнителенъ для многихъ изъ нашей братіи, но зато онъ произвелъ много людей, рѣшительно *ото всего* отученныхъ, ко всему равнодушныхъ, сонныхъ, безсмысленныхъ, или, наоборотъ, боязливыхъ и потому хитрыхъ, неуловимъ-

мыхъ плутовъ и негодяевъ. Въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ слушать ни отца, ни матери ребенка, еслибы они стали просить учителя наказать своихъ непослушныхъ сыновей или дочекъ. Не слѣдуетъ слушать даже и школьнаго начальства, еслибы послѣднее не только разрѣшило учителю употреблять въ школѣ тѣлесныя наказанія, но выдало бы казенную трость или плетку для сѣченія дѣтей, какъ это практикуется въ англійскихъ школахъ... Пусть лучше каждый учитель, искренно любящій своихъ питомцевъ, спроситъ свое сердце: можетъ ли оно спокойно отнестись къ наказанію ребенка, котораго любитъ полной любовью? Я полагаю, если учитель искренно преданъ своему дѣлу, если дѣти для него не мертвый, а живой матеріалъ, любимый имъ до глубины души,—никогда не достанетъ у него силы воли причинить своему любимцу страданія нравственныя или физическія... Наконецъ, собственно въ дѣлѣ школьнаго обученія и поддержанія школьной дисциплины, наказанія никогда не могутъ имѣть мѣста. Если содержаніе урока само по себѣ заключаетъ внутренній интересъ для дѣтей и соотвѣтствуетъ ихъ силамъ; если самое преподаваніе въ школѣ ведется такъ, что оно вноситъ разнообразіе, вызываетъ самодѣятельность дѣтей, и, затѣмъ, если тотъ же наставникъ, владѣя своимъ предметомъ, относится самъ съ живымъ интересомъ къ дѣтямъ, доброжелателенъ и справедливъ къ нимъ, то, скажу прямо, ему никогда не придется жаловаться ни на недостатокъ вниманія и прилежанія школьниковъ, ни заботиться о поведеніи ихъ во время классныхъ занятій.

18-го ноября.

Вчера нашу школу посѣтилъ епархіальный наблюдатель. Прибылъ онъ къ намъ въ школу около 12 часовъ дня, когда я только что окончилъ второй урокъ. Батюшка только что воротился съ базара и прибѣжалъ въ школу сверхъ обыкновенія... Вижу: вслѣдъ за нимъ къ сторожкѣ подъѣзжаетъ пара лошадей и изъ саней вышелъ молодой, невысокаго роста, священникъ... «Это нашъ наблюдатель»! предупредилъ меня батюшка. Пріѣзжій священникъ вошелъ въ классъ и отрекомендовался... При входѣ его, дѣти пропѣли тропарь своему храмовому празднику. Отцу наблюдателю, повидимому, понравилось ихъ пѣніе и онъ попросилъ еще пропѣть—*Спаси Господи люди Твоя*... и тропарь Кириллу и Меѳодію, такъ какъ въ нашей классной комнатѣ была икона этихъ просвѣтителей. Поздоровавшись еще разъ съ дѣтьми, батюшкой и со мною, о. наблюдатель прямо приступилъ къ дѣлу. Разспросивши предварительно, сколько въ нашей школѣ группъ или отдѣленій, гдѣ сидятъ дѣ-

вочки той и другой группы, онъ прежде всего обратился съ вопросомъ къ «старшимъ»; началъ спрашивать по закону божію:— о крестномъ знаменіи и его значеніи; затѣмъ перешелъ къ общеупотребительнымъ молитвамъ, спрашивалъ о значеніи каждаго слова молитвы... Дѣвочки наши отвѣчали очень хорошо и толково. Далѣе спрашивалъ по священной исторіи... Вопросы о. наблюдателя отличались простотою, ясностью, доступностью для дѣтскаго пониманія и въ то же время были серьезны по мысли. Наши ученицы совладѣли и съ такими вопросами.

Послѣ ветхаго завѣта, о. наблюдатель дѣлалъ вопросы изъ новозавѣтной исторіи: почему Іисусу Христу нужно было родиться въ вертепѣ, а *не въ богатыхъ чертогахъ*, возлежать на соломѣ въ ясляхъ, а не на мягкихъ и дорогихъ тканяхъ? и пр.

Спрашивалъ потомъ объясненіе ветхозавѣтныхъ заповѣдей и блаженствъ евангельскихъ, молитвы господней, символа вѣры; предлагалъ ясные практическіе вопросы въ родѣ, напримѣръ, такихъ: «чѣмъ святится день праздничный (4-я зап.). Чѣмъ вы, маленькія дѣти, можете святить праздничный день или нарушать его? Какого *царствія* мы просимъ въ молитвѣ господней? (2 прошеніе). При объясненіи третьяго прошенія, о. наблюдатель заставлялъ дѣтей приводить примѣры послушанія или непослушанія изъ священной исторіи ветхаго завѣта. Какимъ *насущнымъ хлѣбомъ* питается наша душа»? и др. Однимъ словомъ, всѣ вопросы о. наблюдателя свидѣтельствовали, что онъ—тонкій знатокъ методики закона божія и умѣетъ своими вопросами заинтересовать дѣтей. Дѣвочки отвѣчали ему точно и правильно, такъ что о. протоіерей удивился, какъ такія маленькія дѣвочки, во второй годъ обученія въ школѣ, могутъ давать точные отвѣты правильными предложеніями. Еще больше удивился онъ, когда одна изъ старшихъ школьницъ, Маша Кожухова, могла не только разсказать ему весь порядокъ литургіи и всенощнаго бдѣнія, но и объяснить значеніе многихъ священнодѣйствій...

— Отъ души скажу вамъ, батюшка, что въ такой школѣ, какъ ваша, пріятно провести лишній часъ времени!—сказалъ о. наблюдатель... Къ сожалѣнію, онъ не подозрѣвалъ даже, что батюшка совсѣмъ не занимался съ дѣтьми, но для меня это было безразлично... О. протоіерей увлекся опять вопросами, увлеклись и мы всѣ, и не замѣтили даже, какъ просидѣли цѣлыхъ два часа.

Отпустивъ потомъ дѣтей отдохнуть, наблюдатель остался въ классѣ побесѣдовать съ нами.

— Самое богослуженіе,—говорилъ онъ,—его языкъ и священнодѣйствіе, чаще всего не разумѣется школьниками... У васъ я нашелъ

преподаваніе въ настоящемъ видѣ, но въ другихъ школахъ—это больное мѣсто... Не потому ли нашъ простой народъ такъ легко мѣняетъ свою церковную вѣру на всякую другую, что не понимаетъ, какихъ благъ духовныхъ лишается чрезъ свое удаленіе отъ церкви и отъ ея богослуженія?.. Церковнаго языка, богослужебныхъ священнодѣйствій онъ не понимаетъ, въ совершеніи службы божіей участія никакого не принимаетъ—не читаетъ, не поетъ... Полная духа и жизни, служба божія не возвышаетъ его *горѣ* и онъ даже въ святѣйшія минуты литургіи, при словахъ *горѣ имѣемъ сердца*, не разстается со своими постоянными житейскими думами о насущномъ кускѣ хлѣба и питаетъ въ сердцѣ своемъ непріязненное чувство къ богатому сосѣду... Между тѣмъ, нашъ русскій народъ очень религіозенъ и ищетъ въ жизни *высшей нравственной правды*, но часто находитъ ее не у насъ, а въ молитвенныхъ собраніяхъ сектантовъ, гдѣ онъ чувствуетъ себя *живымъ членомъ общества*. Предотвратить эти грустныя явленія—задача не только одной церкви, но и церковной школы. Разъ школа ведетъ своего питомца къ разумѣнію церковнаго языка и богослужебнаго чина, раскрываетъ передъ нимъ смыслъ и значеніе глубоко содержательныхъ обрядовъ,—онъ своимъ простымъ сердцемъ почувствуетъ, что церковь, дѣйствительно, мать, которую нельзя не любить, и ужь, конечно, тогда онъ ни въ какую секту не пойдетъ. Вотъ почему особенно желательно, чтобы церковная школа непремѣнно заявляла себя въ церкви, читала бы и пѣла разумно при богослуженіи...—Въ томъ же духѣ говорилъ съ нами и далѣе о. наблюдатель. Разсказывалъ онъ, какъ слѣдуетъ выяснять дѣтямъ, почему служителямъ новозавѣтной благодати нужно изучать ветхій завѣтъ, какъ слѣдуетъ вести со школьниками изученіе молитвъ, заповѣдей и символа вѣры, какъ объяснять дѣтямъ внутреннюю связь между прошеніями молитвы Господней.

Пробило три часа; о. наблюдатель опять продолжалъ свою ревизію и спрашивалъ дѣтей по церковно-славянскому чтенію (переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ евангелія, чтеніе наизустъ псалмовъ), *по* русскому чтенію, по правописанію, по счисленію; удивился, что «младшія» научились такъ скоро и хорошо читать. По ариѳметикѣ предлагалъ дѣтямъ простыя практическія устныя задачи, напр., сколько слѣдуетъ получить сдачи съ трехъ рублей, если истратить на базарѣ четыре двугривенныхъ да пять пятиалтынныхъ? или—сколько дюжинъ составятъ 144 пуговицы? Дѣти наши отлично справлялись съ этими гривенниками, рублями, пуговицами... Въ заключеніе всего, школьницы пропѣли о. протоіерею нѣкоторые знакомые имъ гимны и пѣсни: «*Боже, царя храни*»; «*Боже, люби*

царя»; «*17 октября 1888 г.*» (стих. Майкова); «*Хоръ странниковъ*» и «*Ахъ, подруженьки, какъ грустно*» (изъ книги В. И. Шешкина: «Школьные хоры»). Потомъ о. наблюдатель благословилъ дѣтей и отпустилъ ихъ по домамъ, а съ нами опять остался бесѣдовать...

...Наблюдатель расхвалилъ нашу школу въ ревизіонной книгѣ, но высказалъ сожалѣніе, что помѣщеніе ея слишкомъ убого, тѣсно и холодно. Обѣщался все таки похлопотать передъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ объ отпускѣ намъ денежнаго пособія на постройку новаго школьнаго зданія. Говорилъ также, что хорошо бы устроить при школѣ народную библіотеку, цѣною хотя бы въ 5—10 руб., совѣтовалъ также открыть при школѣ *рукодѣльные уроки* для обученія школьницъ шитью наиболѣе употребительныхъ въ крестьянскомъ быту костюмовъ; говорилъ много лично со мною и входилъ во всѣ подробности школьной жизни. Только въ 5 час. вечера онъ уѣхалъ.

Я былъ въ восторгѣ отъ этого наблюдателя: въ немъ, прежде всего, я нашелъ не строгаго ревизора, а опытнаго, понимающаго школьное дѣло, руководителя; не гордаго начальника, свысока смотрящаго на бѣднаго сельскаго дьякона-учителя, а товарища и друга, готоваго отъ всего сердца помочь мнѣ въ школьныхъ трудахъ своимъ опытомъ и добрыми совѣтами. Такого педагога и руководителя мнѣ не приходилось даже и встрѣчать въ теченіе всего многолѣтняго учительства... Да и не я одинъ думалъ такъ. Простые вопросы наблюдателя, его ласковое обращеніе тронули и маленькія сердечки моихъ школьницъ... А вѣдь простыя дѣтскія сердца необыкновенно чутки ко всему доброму. Сегодня онѣ говорили мнѣ:

— Ахъ, о. дьяконъ, какой хорошій и добрый батюшка пріѣзжалъ вчера къ намъ! Какъ хорошо онъ спрашиваетъ и говоритъ!.. Мы его страсть какъ полюбили... Не знаете, скоро ли опять онъ пріѣдетъ къ намъ?

И—странное дѣло!..—вчера я въ первый разъ только видѣлъ о. Б—скаго. Раньше, стороною, я слышалъ отъ разныхъ лицъ нашего мѣстнаго духовенства отзывъ о немъ не особенно благопріятный. Мнѣ разсказывали, что будто бы онъ чрезмѣрно требователенъ къ ученикамъ, требуетъ отъ каждой школы обширныхъ свѣдѣній по закону божію, чуть ли не въ объемѣ семинарскаго курса; съ учителями и о. о. завѣдующими будто бы обходится грубо; хлопоталъ уже передъ архіереемъ о переводѣ многихъ священниковъ изъ хорошихъ и «доходныхъ» приходовъ въ болѣе бѣдные за нерадѣніе къ церковно-школьному дѣлу. Словомъ, о. Б—скій былъ «грозой» для всего духовенства нашей епархіи. Между тѣмъ, я лично совсѣмъ не замѣтилъ, чтобы онъ требовалъ отъ школы чего нибудь

лишняго, труднаго, обременительнаго ни по закону божію, ни по другимъ предметамъ. Онъ только требовалъ отъ каждаго учителя *сознательнаго* толковаго преподаванія, съ тою цѣлью, чтобы каждая школа приносила свою долю пользы въ дѣлѣ *религіозно-нравственнаго развитія питомцевъ*. Такой внимательный начальникъ необходимъ для каждой школы. Чѣмъ же объяснить нерасположеніе къ нему нашего приходскаго духовенства?.. Не тѣмъ ли, что онъ будилъ отъ сна нашу духовную братію и заставлялъ прилежнѣе работать на нивѣ божіей...

12-го мая 189 года.*

Въ двѣнадцати верстахъ отъ нашего сельца расположено большое, богатое и торговое село Ч—къ. Небольшою рѣчкою село это раздѣляется на двѣ части, изъ которыхъ одна представляетъ собою главный центръ съ базарною площадью и великолѣпнымъ каменнымъ пятиглавымъ храмомъ, какому могъ бы позавидовать любой уѣздный городъ, а другая часть села, менѣе значительная, тоже имѣетъ свой каменный храмъ во имя св. Николая Чудотворца. Въ Ч. болѣе 4 тысячъ душъ мужескаго пола; живетъ здѣсь становой приставъ, есть земская больница и пять начальныхъ школъ, изъ которыхъ три церковно-приходскія и двѣ земскія... Въ главной части села есть двѣ церковныя школы: мужская и женская; при Никольской церкви—смѣшанная. Школа мужская помѣщается въ церковной оградѣ своего роскошнаго храма: зданіе ея деревянное, просторное, чистое и свѣтлое, построенное по образцовому синодскому плану. Настоятель церкви, Э. П. В—скій, — какъ видно, большой ревнитель церковно-школьнаго дѣла, — много трудовъ употребляетъ на благоустройство своей церковной школы и на занятія въ ней; для школы пріискалъ онъ спеціальнаго учителя, окончившаго курсъ въ какой-то учительской семинаріи, далъ ему содержаніе изъ своихъ личныхъ средствъ и помѣщеніе въ своемъ собственномъ домѣ...

Въ эту именно школу я и назначенъ былъ, по распоряженію мѣстнаго уѣзднаго отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта, членомъ экзаменаціонной комиссіи, и вчера пришлось быть въ ней на экзаменѣ. Въ эту школу, кромѣ собственно ч—скихъ трехъ школъ, были вызваны еще двѣ школы изъ сосѣднихъ селъ.

Я прибылъ въ Ч. въ 8 часовъ утра и, не смотря на раннее время, нашелъ уже всѣхъ въ сборѣ — и учителей, и учащихся. Оказывается, что всѣ ожидали изъ города предсѣдателя школьной комиссіи—одного мѣстнаго богача С—ва, интересующагося дѣломъ народнаго образованія и уважаемаго среди уѣздной интеллиген-

— Благоговѣйное обращеніе ума и сердца къ Богу...

— Ты сейчасъ, милый мой, сказалъ, что надежда христіанская состоитъ въ несомнѣнной увѣренности, что Господь печется о нашемъ спасеніи... — это вѣрно ты сказалъ. Но не можешь ли сказать проще, какъ понимаешь—что̀ такое *увѣренность*, да еще *несомнѣнная увѣренность*?—осмѣлился я перебить ученика.

— Вотъ что, о. дьяконъ, я скажу вамъ: если объяснять каждое слово Писанія—это скорѣе принесетъ вредъ, чѣмъ пользу. Есть выраженія, которыхъ никакимъ инымъ словомъ невозможно и не должно замѣнять; дѣти же глупы и могутъ превратно понять объясненія,—вступился батюшка.

— Но вѣдь это слова учебника, а не св. Писанія?

— Все равно, это слова учебника, обязательнаго для церковно-приходскихъ школъ... А вы лучше обратите вниманіе на твердость знанія моихъ учениковъ: что угодно, спросите по программѣ, все знаютъ. Пусть бы вотъ пріѣхалъ на экзаменъ С—въ и увидалъ, какъ въ нашихъ церковныхъ школахъ знаютъ ученики законъ божій,—продолжалъ хвалиться о. К—скій.

Я невольно улыбнулся.

— А скажите, батюшка, епархіальный наблюдатель посѣщалъ когда нибудь вашу школу?—поинтересовался я.

— Какъ же! былъ даже въ этомъ году и остался недоволенъ... Да что, — скажу вамъ по совѣсти, — не стоитъ и толковать о Б—скомъ... Спрашиваетъ невозможное, даетъ дѣтямъ какіе-то непонятные вопросы... Представьте, одного мальчика спросилъ въ моей школѣ: почему пророкъ Іона не послушался Бога, не пошелъ съ проповѣдью въ Ниневію? Да такой вопросъ, я знаю, и семинарскимъ воспитанникамъ не предлагаютъ! Каково же крестьянскому мальчику дать такой вопросъ изъ исторіи?.. Кстати, не слышали новость? Вѣдь Б—скій уходитъ изъ наблюдателей и поступаетъ законоучителемъ въ гимназію!..

— Нѣтъ, не слыхалъ... Очень жаль, что мы теряемъ такого прекраснаго наблюдателя...

— Вотъ сказали вы: жалко!.. А что жалѣть? Худая трава изъ поля вонъ, по русской пословицѣ...

Послѣ закона божія, школьниковъ экзаменовали по чтенію церковно-славянскому и русскому, и по счисленію... Всѣ ученики читали по русски довольно сносно, хотя чтеніе нѣкоторыхъ было *невыразительно*; это, впрочемъ, составляетъ одинъ изъ главныхъ недостатковъ всѣхъ сельскихъ школъ, какъ я замѣчалъ. Питомцы о. К—скаго, у которыхъ учителемъ состоитъ молодой псаломщикъ, исключенный за малоуспѣшность изъ духовнаго училища, читали

совсѣмъ безъ смысла, съ искаженіемъ нѣкоторыхъ словъ и славянскимъ выговоромъ на букву *о*... Зато по ариѳметикѣ ученики ч—ской школы отличились: они умѣли устно умножать, дѣлить даже большія числа, рѣшали трудныя задачи на составныя именованныя числа, свободно обращались съ дробями...

Экзаменъ продолжался съ небольшими перерывами довольно долго, часовъ до 6 вечера, такъ какъ экзаменовалось во всѣхъ школахъ около 35 дѣтей. По окончаніи экзамена, о. Я—въ поспѣшилъ уѣхать домой, а насъ всѣхъ о. В—скій пригласилъ въ свой домъ «на чай»... Тамъ вся наша компанія занялась «чаепитіемъ»... Мы съ учителемъ о. В—скаго вышли въ садъ освѣжиться отъ полученныхъ впечатлѣній; разговорились здѣсь и о школьныхъ дѣлахъ...

— Здѣсь мы съ вами наединѣ! Скажите по совѣсти: какое впечатлѣніе произвели на васъ наши ученики и вообще наша школа?—спросилъ меня этотъ учитель.

— Обстановка и организація школы хороши!—сказалъ я,—это дѣлаетъ честь о. завѣдующему. Питомцы ваши развиты, читаютъ порусски хорошо, пишутъ грамотно, по ариѳметикѣ рѣшаютъ трудныя задачи.Но, извините меня за откровенность, я все таки недоволенъ вашимъ методомъ преподаванія ариѳметики... Не начальникъ я, не ревизоръ школы, а только, какъ *сторонній наблюдатель*, говорю вамъ... Искренно замѣчу, что ваше преподаваніе ариѳметики совсѣмъ *безполезно* для дѣтей...

— Какъ такъ?—изумился учитель.—Да нѣтъ ни одной трудной задачи изъ 2-го выпуска сборника Гольденберга, какую не могли бы рѣшить мои ученики—тѣ дѣти, что держали сегодня экзаменъ..

— Охотно вѣрю вамъ, но замѣчаю у васъ одинъ существенный недостатокъ при обученіи дѣтей счисленію. Вы забываете, что вы—учитель начальной школы, а каждая народная школа должна готовить своихъ питомцевъ преимущественно для жизни *практической*. Ваши ученики знаютъ дроби, устно считаютъ бѣгло и хорошо, но вы совсѣмъ пренебрегаете *народными пріемами счета*... Кромѣ того, вы забыли также, что вашимъ школьникамъ въ жизни никогда не придется имѣть дѣло ни съ милліонами и десятками тысячъ, ни съ пудами золота, ни съ прядильными машинами, ни съ десятинами лѣса;—имъ нужны въ жизни только рубли, пятачки, гривенники, фунты, аршины. Никогда не придется имъ на практикѣ рѣшать задачи съ помощью мѣла или карандаша... Какая же цѣль—излишними вычисленіями и задачами-загадками обременять дѣтскую голову? Не лучше ли излишнее время въ школѣ посвятить на изученіе природы и ея явленій? По счисленію же, пусть

каждая школа съумѣетъ развить своего питомца настолько, чтобы полученное въ школѣ пригодилось ему въ практической жизни. Ученикъ со временемъ помянетъ за это добрымъ словомъ и школу, и своихъ учителей...

— О. дьяконъ, поѣдемъ пожалуйста: лошадь не стоитъ!— крикнулъ черезъ заборъ сада мой нетерпѣливый возница и прервалъ нашу интересную бесѣду. Я распростился со всѣми батюшками и учителями, и поѣхалъ домой. На землю опускались уже густой вечерній сумракъ...

15-го мая.

Сегодня стояло тихое весеннее утро. Солнце ярко играло на небѣ своими серебристыми лучами и какъ бы ласкало ими каждую травку, каждую луговую былинку. Вездѣ жизнь, приволье... Жаворонки заливались надъ свѣже-вспаханными, почти черными полями, на которыхъ кое-гдѣ только показывались молодые всходы яровыхъ посѣвовъ. Зяблики, ласточки, воробьи, вороны, пѣтухи на селѣ какъ будто бы старались перекричать другъ друга...

Но не безъ цѣли кричали и пѣли всѣ эти божьи созданья: не праздникъ, а самая горячая рабочая пора наступила для ихъ дѣятельности съ первыми весенними днями. У каждаго изъ нихъ были свои семейныя заботы, всѣ спѣшили работать и наслаждаться жизнью. Чувствовали, видно, они, что за немногими теплыми днями ихъ счастливой жизни наступитъ время стужи, нужды и ненастья...

Рано собрались сегодня наши ученицы въ свою убогую школку. Онѣ знали, что сегодня проведутъ послѣдній день со мною. Сегодня онѣ и не такъ веселы, какъ всегда. Личики ихъ кажутся печальными... Жаль и мнѣ разставаться съ ними почти на четыре мѣсяца, особенно жаль тѣхъ изъ нихъ, которыя въ этотъ годъ сдали экзаменъ и оставляютъ школу навсегда. Онѣ ли не плоды моей школьной дѣятельности? Онѣ ли не безкорыстная утѣха въ моей несчастной, бѣдной жизни?.. Я чувствую, что просто не въ силахъ разстаться съ ними: слишкомъ ужъ тяжела для меня эта разлука! Три года мы жили вмѣстѣ, переносили и холодъ, и голодъ, и разныя житейскія непріятности. Плакали и обнимались со мною дѣвочки, обѣщаясь никогда не терять связи со школою, часто навѣщать насъ.

Собрали учебныя книжки, привели въ порядокъ школьную библіотеку; нѣкоторымъ изъ дѣвочекъ я сегодня подарилъ на память св. евангеліе въ красивомъ переплетѣ.

Пришли «батюшка», псаломщикъ; отслужили благодарствен-

ный молебенъ, и дѣвочки съ пустыми сумками какъ-то печально побрели домой. Я долго потомъ стоялъ на крыльцѣ своей школы-сторожки и смотрѣлъ имъ вслѣдъ. Малютки еще долго оборачивались ко мнѣ, кричали: «прощайте! прощайте»!.. Нѣкоторыя изъ нихъ махали мнѣ красными платками [1])...

Н. Ремировъ.

---

[1]) Внутренній бытъ церковно-приходскихъ школъ и отношеніе наставниковъ къ ихъ ученикамъ и ученицамъ весьма мало извѣстны нашему обществу. Поэтому мы съ удовольствіемъ даемъ мѣсто безъискусственнымъ воспоминаніямъ г. Ремирова. Можно только пожелать, чтобы наставники этихъ школъ относились къ своему «живому инвентарю» съ такою же любовью и вниманіемъ, какъ авторъ этихъ записокъ. Ред.

Послѣ многихъ лѣтъ.

Я встрѣтилъ вновь тебя—и не узналъ сначала:
Какой чарующей, плѣнительной ты стала,
Какая полная сознанья красота,
И очи властныя, и гордыя уста!..

Я на тебя смотрѣлъ и не узналъ сначала...
Но что-то прежнее въ очахъ твоихъ мелькало,
Далекое, какъ счастье, какъ мечта,—
Знакомая, иная красота.

То память дѣтскихъ лѣтъ, какъ лучъ зари, мерцала
Въ полуденныхъ очахъ,—и ты меня узнала...
Такъ жизнь тѣхъ лѣтъ была безпечна и проста...
А нынѣ, милый другъ, она ужель не та?

Григорій Арищенко.

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Перецъ Гальдоса.

(Съ испанскаго).

I.

Церковь св. Себастьяна имѣетъ два входа,—одинъ съ сѣвера, съ улицы Канизаресъ; другой съ юга, съ аристократической площади дель-Анджель. Хотя южный входъ считается главнымъ и парадньмъ, однако, въ будни прихожане предпочитаютъ сѣверный. Никому это предпочтеніе такъ хорошо не извѣстно, какъ нищимъ, которыхъ на паперти и въ сѣверной галереѣ всегда собирается не въ примѣръ больше; здѣсь контрибуція, взимаемая нищей братіей съ богатыхъ прихожанъ, бываетъ гораздо значительнѣе.

Мѣста на паперти, у первыхъ открытыхъ дверей и въ крытой галереѣ, строго респредѣлены между нищими «завсегдатаями», такъ что ни одинъ прихожанинъ не долженъ надѣяться проскользнуть незамѣтно въ храмъ или обратно: это своего рода Ѳермопилы, черезъ которыя не такъ-то легко проникнуть.

Членовъ нищенствующей арміи бываетъ тутъ достаточно: штукъ до двадцати степенныхъ стариковъ, сварливыхъ старухъ, злополучныхъ матерей съ дѣтьми, и слѣпыхъ, и зрячихъ, и хромыхъ, и сухорукихъ, и физически нормальныхъ; но всю эту разноколиберную компанію гонитъ нужда утромъ ко времени службы; въ обѣденный же часъ всѣ бѣгутъ поѣсть, что Богъ пошлетъ, а къ вечерни и всенощной возвращаются съ новымъ запасомъ силъ, храбрости и надежды. Когда церковь запирается, имъ ничего больше не остается дѣлать, какъ разбрестись по своимъ норамъ.

Мартъ мѣсяцъ. День холодный, ненастный. Вѣтеръ свирѣпствуетъ съ такой яростью, что, кажется, слова, слетающія съ губъ, замерзаютъ въ воздухѣ. Слѣпой старикъ, по имени Пулидо, одинъ рискнулъ стать на своемъ обычномъ мѣстѣ, у наружныхъ дверей на паперти, не страшась погоды. Да и по истинѣ онъ обладалъ несокрушимымъ здоровьемъ. Немногочисленные богомольцы проходили черезъ церковный дворъ (служившій въ старину кладбищемъ), прикрывая ротъ молитвенниками, или придерживая полы, разлетавшихся отъ вѣтра накидокъ и плащей. Быстро шли они мимо бѣднаго Пулидо, не обращая на него вниманія,—до того всѣ привыкли видѣть его, какъ въ холодъ, такъ и въ зной, на этомъ самомъ мѣстѣ и слышать его жалобныя просьбы о подаяніи. Вѣтеръ трепалъ сѣдую бороду слѣпца; изъ потухшихъ глазъ выжималъ слезы; жалкія лохмотья еле прикрывали его наготу. До девяти часовъ не перепало ему ни одного су.

«Святой Хозе что-то нахмурился на насъ, — думалъ про себя бѣднякъ: — а какая благодатная погода стояла въ этотъ день, въ первый годъ Амедея! Видно, и святые не всегда бываютъ въ духѣ. Эхъ! Оскудѣваетъ рука благотворителей; нѣтъ больше уваженія къ бѣдности. Либералы выдумали филантропію, въ газетахъ указываютъ на нуждающихся... Конгрегаціи, митинги, базары, — все это отнимаетъ у насъ доходъ. Мы, истинные бѣдные, въ газетахъ не печатаемся. Ну, да ладно. На молитвой на сытое брюхо спасутъ богачи свои души, а милостыней да нашимъ заступничествомъ за нихъ у престола Всевышняго»...

Такъ думалъ старикъ про себя, когда къ нему подошелъ господинъ низенькаго роста, со щетинистымъ сѣдымъ подбородкомъ, небрежно одѣтый, въ длинномъ плащѣ до пятъ Онъ медленно вынулъ изъ кошелька мѣдную монету и сказалъ:

— Не ждалъ сегодня по эдакой погодѣ, говори правду?

— Ждалъ, добрый господинъ, донъ Карлосъ, какъ не ждать! — отвѣтилъ слѣпой, набожно цѣлуя монету: — сегодня память по супругѣ вашей, царство ей небесное! Развѣ можно, чтобы вы пропустили этотъ день? Хотя бы теремотросъ (онъ хотѣлъ сказать: термометросъ) стоялъ на нулѣ,—и то бы вы пришли въ церковь помянуть покойницу!

— Правда твоя, пришелъ бы... Вонъ какая буря бушуетъ, и какой холодъ! Бронзовый конь на площади, и тотъ можетъ воспаленіе схватить, но я все таки пришелъ. А ты, Пулидо, что же не войдешь въ галерею? Или не боишься простудиться?

— Я-то?.. Я желѣзный человѣкъ; что мнѣ дѣлается! Меня и смерть, видно, забыла, милостивецъ мой. Здѣсь, на вѣткѣ-то, привольнѣе, чѣмъ тамъ, въ компаніи необразованныхъ старухъ... Образованность—великая вещь, господинъ мой; безъ нея и милосердія нечего ждать. Спасибо, добрый баринъ, да воздастъ вамъ всевидящій Господь сторицею... Да пошлетъ Онъ вамъ...

Не дожидаясь остальныхъ благопожеланій нищаго, донъ-Карлосъ стремительно исчезъ въ галереѣ, такъ какъ налетѣвшій ураганъ неожиданно взвилъ къ верху его объемистый плащъ, закрутилъ его складками вокругъ головы и, помимо воли владѣльца, втолкнулъ за дверь, гдѣ онъ, не безъ труда, высвободилъ голову и привелъ свою непокорную одежду въ порядокъ.

— Вотъ такъ буря!.. Точно палками дерется!..—воскликнулъ донъ Карлосъ, моментально окруженный толпой нищихъ; женскія руки старательно расправляли складки плаща и предупредительно обдергивали его подолъ.

Привычнымъ движеніемъ, неспѣшно принялся вдовецъ вытаскивать изъ кошелька гроши и надѣлять ими нищую братію, предварительно ощупывая и взвѣшивая каждую монету, чтобы не ошибкѣ не дать кому нибудь двѣ вмѣсто одной; при этомъ онъ все время увѣщевалъ бѣдняковъ терпѣливо и смиренно переносить свою долю, напоминая имъ завѣтъ евангелія, и наконецъ, раздавъ повидимому все, что полагалось на этотъ день, вошелъ въ церковь.

Взявъ святой воды, донъ Карлосъ-Морено-Трухильо направился къ придѣлу Богоматери de la Blanca. Человѣкъ этотъ отличался такой поразительной методичностью, что жизнь его шла не хуже заведенной машины: всѣ поступки, моральные, какъ и физическіе, всѣ важныя рѣшенія, какъ и незначительныя мелочи, даже жесты и вздохи, — все было строго распредѣлено и размѣрено.

Ничтожная подробность укажетъ на рутинныя привычки

благочестиваго вдовца, съ которымъ мы познакомили читателя: живя уже много лѣтъ въ улицѣ Атоха, въ своемъ домѣ, на углу площади del-Angel,—онъ неизмѣнно входилъ въ церковь св. Себастьяна черезъ сѣверный входъ, не имѣя къ тому никакихъ другихъ причинъ, кромѣ усвоенной привычки въ продолженіе тридцати семи лѣтъ; выходилъ же онъ изъ церкви всегда черезъ южныя двери, хотя имѣлъ обыкновеніе послѣ обѣдни навѣщать свою дочь, жившую въ противоположномъ углу квартала.

Помолившись на колѣняхъ передъ алтаремъ Страстей Господнихъ, затѣмъ передъ нѣкоторыми образами, донъ Карлосъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ предавался мистическому самоуглубленію, послѣ чего обходилъ поочередно всѣ придѣлы и алтари, строго соблюдая разъ навсегда установленный послѣдовательный порядокъ; выслушивалъ съ благоговѣніемъ двѣ обѣдни, — всегда двѣ, не одну и не три, — снова обходилъ придѣлы, неукоснительно заканчивая часовней Христа Спасителя; заглядывалъ на минуту въ ризницу, гдѣ позволялъ себѣ перекинуться двумя-тремя фразами съ коадъюторомъ или съ причетникомъ, упоминая о погодѣ, о перевѣсѣ зла надъ добромъ на землѣ, о мутной водѣ въ рѣкѣ,—и отправлялся къ южному выходу, гдѣ раздавалъ остальные гроши бѣднымъ. Разсчеты его бывали настолько вѣрны, что рѣдко-рѣдко не хватало у него запаса мѣдяковъ на всѣхъ нищихъ или оставался лишній грошъ; если же, паче чаянія, случался такой казусъ, то въ первомъ случаѣ онъ запоминалъ, кому именно не хватило подаянія, и вознаграждалъ его на слѣдующій день; во второмъ же—онъ поспѣшно шелъ въ улицу дель-Оливаръ, къ часовнѣ, и вручалъ одному изъ нищихъ сверхкомплектную монету.

Итакъ, донъ Карлосъ, какъ мы уже сказали, вошелъ въ церковь св. Себастьяна черезъ сѣверныя двери; а нищіе обоихъ половъ, чинно стоявшіе по своимъ мѣстамъ въ галереѣ, принялись болтать между собою, въ ожиданіи входа или выхода новаго благодѣтеля. Да и что́ больше дѣлать несчастнымъ, обреченнымъ торчать въ бездѣйствіи безконечные часы, скучать и думать о ѣдѣ? Не болтовней ли занимаются и въ богатыхъ салонахъ, съ тою разницею, что наши нищіе говорили безъ стѣсненія, не зная условныхъ приличій свѣта и литературы,

воздвигающихъ преграду между мыслью и ея выраженіемъ,— что̀ несомнѣнно портитъ удовольствіе перемыванья кишекъ ближняго и переливавья изъ пустаго въ порожнее.

— Не говорила ли я вамъ, что донъ Карлосъ непремѣнно будетъ сегодня? Ужь что̀ я скажу, то вѣрно!

— И я говорила... Потому что сегодня 24 число, память его покойницы. Благочестивый донъ Карлосъ ни за что не пропуститъ этотъ день, хоть бы съ неба градъ изъ камней выпалъ. Такого христіанина поискать надо!

— А я такъ боялась, что онъ побоится погоды. Кстати же сегодня день всеобщей раздачи, я и думала, что онъ отложитъ...

— Тебѣ извѣстно, Кресценчіа, что за нимъ не пропадетъ: роздалъ бы на слѣдующій день. Мы бы свое получили...

— За сегодняшнее получили бы, а завтрашнее — пиши пропало!

— Это вѣрно. Что пустое-то болтать: «не пропадетъ, не пропадетъ»... Какъ бы не такъ! И мы считать умѣемъ: какъ большая раздача, такъ послѣ этого донъ Карлосъ непремѣнно боленъ нѣсколько дней: наверстываетъ, значитъ. Покойница-то, сверху глядючи, поди, не одобряетъ такихъ продѣлокъ.

— Молчи, злоязычница...

— Сама злоязычница. Подлизуха лукавая, вотъ ты кто!

II.

Такъ болтали три женщины, помѣщавшіяся справа отъ входа; одна изъ нихъ была почти слѣпа; другія двѣ видѣли хорошо; всѣ три были одѣты въ сѣрыя и черныя отрепья: Касьяна, высокая, худая, съ лошадинымъ профилемъ, говорила авторитетно, тономъ начальницы:—во всякомъ сборищѣ людей находится кто нибудь, вообразившій, что онъ призванъ повелѣвать. А другіе зачастую повинуются ему. Плохо видѣвшая Кресценчіа своею наружностью напоминала чахоточную овцу. Та, которая отзывалась о донъ Карлосѣ недоброжелательно, извѣстна была подъ прозвищемъ Бурлады; никто не зналъ, откуда она, и чѣмъ прежде занималась; всѣмъ было только извѣстно, что она страшная злючка, ядовитая сплетница и смутьянка. Никто лучше ея не умѣлъ перессорить товарищей по ремеслу, наговаривая имъ другъ на друга всякія небылицы;

язвительно и насмѣшливо судила и рядила она объ отсутствующихъ; прихожанъ и благотворителей, всѣхъ безъ разбору, ругала немилосердно, равняя въ своихъ приговорахъ и бѣдныхъ, и богатыхъ. Слезящіяся глазёнки ея блестѣли злымъ лукавствомъ, красный носъ пуговкой судорожно двигался, въ то время какъ ротъ ея, съ двумя уцѣлѣвшими клыками, изрыгалъ всякія обвиненія, коварныя предположенія и осужденія ближнимъ; заключительный жестъ ея ехидныхъ рѣчей выражали крючковатые черные пальцы, словно царапая воздухъ; ротъ захлопывался, губы втягивались, но красный, острый подбородокъ долго еще послѣ того продолжалъ шевелиться и трястись, выражая подавляющее презрѣніе и насмѣшку.

Касьяна, какъ старожилка, считала себя начальницей надо всѣми нищими, и строго наблюдала за порядкомъ мѣстничества и за раздачей милостыни въ тѣхъ случаяхъ, когда жертвователь давалъ огуломъ на всю братію. «Новенькія» обязаны были подчиняться, не взирая даже на случайное покровительство священника или причетника; въ противномъ случаѣ поднимался такой шумъ, такая брань, что приходилось обращаться къ полиціи.

При распредѣленіи общихъ пожертвованій,—если нельзя было раздѣлить поровну,— старожилы получали излишекъ. Право давности вообще играетъ немаловажную роль на землѣ, а въ данномъ случаѣ играло первенствующую.

Касьяна, лошадинообразная старуха, старожилка изъ старожилокъ, изъ-за всякихъ пустяковъ схватывалась съ «новенькой» Бурладой. На этотъ разъ завязавшаяся между ними ссора изъ-за донъ Карлоса, — какъ водится, перешедшая на личности,—пресѣчена была появленіемъ прихожанъ; но Бурлада не успокоилась и, замѣтивъ, что слѣпому Альдумеду—о которомъ рѣчь впереди,—и Касьянѣ подали больше, чѣмъ другимъ, не вытерпѣла и снова сцѣпилась со старожилкой.

— Подлизуха, притворщица!—шипѣла она, бросая злобные взгляды на Касьяну:—ты думаешь, я не знаю, что ты богачка? что у тебя свой домъ, на перекресткѣ Четырехъ-Дорогъ, куръ видимо-невидимо, и голубей, и кроликовъ... Этого, милая, не утаишь.

— Заткни ротъ, змѣя! Или я пожалуюсь дону Сеньо. Онъ научитъ тебя вѣжливости.

— Посмотримъ...

— Не ори, вонъ колоколъ ударилъ къ возношенію даровъ... Безобразница!

— Что вы, что вы?—укорялъ сокращихся калѣка Елисей, стоявшій ближе всѣхъ къ церковнымъ дверямъ: — Таинство совершается, постыдитесь!

— Все эта язва...

— Все эта капральша, командирша! Увидимъ, увидимъ, чья возьметъ. Хоть ты и сторожилка, а все таки веревку-то не слишкомъ натягивай! Не тебѣ одной, надо и намъ, новенькимъ, что нибудь получить. Мы всѣ божіи дѣти... Увидимъ...

— Замолчишь ли ты, грѣховодница?!

— Ну, ну, распорядительница какая выискалась!

Возлѣ Касьяны стоялъ хромой и сухорукій Елисей Мартинецъ, которому разрѣшено было продавать тутъ же журналъ «Католическая Недѣля». По лѣвую сторону отъ входа находилась другая группа нищихъ, изъ которыхъ выдавались: слѣпой арабскаго типа, женщина въ черномъ платьѣ и мать съ двумя дѣвочками на ногахъ и третьей у груди.

Женщина въ черномъ платьѣ не такъ была стара, какъ преждевременно состарилась: она считалась изъ «новенькихъ», и нищенскимъ промысломъ занималась не постоянно; случалось, что она долгое время не появлялась у церкви, вѣроятно, находя себѣ какую нибудь работу или благодѣтелей, обезпечившихъ ей существованіе на нѣкоторое время. Бенина или Нина,—какъ ее звали сокращенно,—была самой молчаливой и смиренной изъ всей компаніи официальныхъ нищихъ у церкви св. Себастьяна, самой порядочной на видъ, съ приличными манерами и очевидной покорностью волѣ божіей. Никогда не надоѣдала она прихожанамъ назойливымъ приставаньемъ; при дѣлежахъ никакихъ претензій не заявляла; въ бунтахъ, изъ-за львиныхъ долей старожиловъ, участія не принимала, и Бурладѣ не поддакивала, когда та, съ пѣной у рта, ругала кого нибудь. Со всѣми Бенина бывала вѣжлива и привѣтлива, къ Касьянѣ относилась съ уваженіемъ, къ хромому Елисею—съ почтеніемъ, а дружна была, не выходя изъ границъ строгихъ приличій, лишь со слѣпцомъ Альдумедомъ,—о которомъ скажемъ пока, что онъ арабъ, уроженецъ юга, родина его была въ трехъ дняхъ разстоянія отъ Марраваха.

Голосъ Бенины отличался мягкостью; загорѣлое меланхолическое лицо не лишено было пріятности; во рту еще уцѣлѣла половина зубовъ; большіе темные глаза, окаймленные красными ободками, отъ непогоды, утомленія и, вѣроятно, слезъ, глядѣли вдумчиво и печально; широкія рабочія руки, всегда чистыя; ногти, менѣе похожіе на птичьи когти, чѣмъ у ея товарокъ; лобъ, прикрытый черной повязочкой, поверхъ которой надѣвался черный же платокъ; того же цвѣта накидочка и платье,—все было болѣе чѣмъ бѣдно, но опрятно и прилично; при этомъ всегда кроткое и грустное лицо, съ правильными чертами и морщинками, розовое родимое пятнышко между бровей,—ни дать, ни взять святая Рита-де-Казіа, пришедшая на послушаніе въ міръ. Не доставало только легендарной, крестообразной язвины на лбу, но родимое пятно съ успѣхомъ могло сыграть эту роль.

Касьяна вышла во дворъ, съ тѣмъ чтобы отдѣльнымъ ходомъ пройти въ ризницу и переговорить кое о чемъ съ дономъ Сеньо.

Только что «капральша» удалилась, Бурлада перебѣжала на лѣвую сторону галереи и, ставъ между Деметріей (матерью съ тремя ребятишками) и слѣпымъ арабомъ, дала волю своему языку, который по истинѣ былъ острѣе и страшнѣе ея десяти когтей на черныхъ пальцахъ.

— Вы, кажется, не вѣрите тому, что̀ я сказала про Касьянку?—громко проговорила она, ни къ кому собственно не обращаясь:—она богата, ужасно богата, и все, что̀ здѣсь получаетъ, отнимаетъ у насъ, бѣдныхъ неимущихъ!..

— Однако, она живетъ внизу, въ домѣ Полеса,—замѣтила Кресценчіа.

— Ахъ, оставьте! это было уже давно,—взъѣлась Бурлада, царапая когтями по воздуху: — я все знаю. Меня не проведешь. У Четырехъ-Дорогъ она имѣетъ свою ферму, птичій дворъ, держитъ свиней... Да-съ. Не въ обиду будь сказано никому,—у нея лучшія свиньи въ околодкѣ!

— А вы видѣли: съ ней приходитъ иногда горбатенькая?

— Да что: горбатенькая! Знаю, это ея дочь, портниха, а, благодаря горбу, еще милостыню собираетъ. Двойной доходъ—это выгодно. Богаты онѣ, говорю вамъ, но безъ стыда и совѣсти; надуваютъ и насъ, и святую католическую церковь.

У нихъ и пища даровая, ей богу! Изъ трехъ домовъ ей присылаютъ ворохà всякихъ вкусныхъ остатковъ. Благодать, вотъ что!..

— Вчера,—вставила Деметрія, кормя ребенка грудью: — я видѣла, какъ ей прислали...

— Чего?..

— Рису съ ракушками. Пропасть! человѣкъ на семь хватило бы.

— Вотъ видите?!. Съ ракушками, говоришь ты, и вкусно пахло?

— Еще бы невкусно!.. Посуда остается у причетника: къ нему приносятъ, а онъ ей передаетъ.

— А мужъ ея,—продолжала Бурлада, сверкая глазами:— торгуетъ факелами, разными разностями и овощами... Военнымъ былъ... семь крестовъ да медаль имѣетъ въ пять реаловъ! Да-съ, вотъ какова семейка... А у меня крохи съ утра во рту не было, да если Рикарда не пріютитъ меня въ своей лавочкѣ, такъ придется ночевать подъ открытымъ небомъ. Ты что говоришь, Альдумедъ?

Слѣпой арабъ бормоталъ что-то. Спрошенный вторично, онъ отвѣтилъ, съ трудомъ выговаривая слова, гортаннымъ голосомъ:

— Вы это про Пиша? Я его знаю. Касьяна съ нимъ не повѣнчана. Онъ ей не мужъ. Нѣтъ, нѣтъ...

— Ты его знаешь?

— Знаю. Купилъ у него четки, съ моей родины четки... съ завѣтнымъ камнемъ. У Пиша деньги есть. Онъ завѣдуетъ раздачей супа въ Sacré-Coeur и всѣми нищими командуетъ тамъ. Злой онъ и все ѣстъ да ѣстъ... Въ банкѣ служитъ, тамъ, гдѣ всѣ деньги въ сундукахъ, подъ поломъ... Онъ сторожитъ ихъ, а насъ съ голоду моритъ...

— Этого еще недоставало! — съ радостью схватилась за новость Бурлада:—такъ эти мошенники пользуются еще золотомъ изъ банковскихъ сундуковъ?!

— Это ужасно!—поражалась Деметрія и прикрикнула на заплакавшаго младенца: — молчи, жадный.

— Ахъ, — съ притворнымъ участіемъ обратилась къ ней Бурлада: — ужь какъ только Богъ помогаетъ тебѣ кормиться съ этими сосунами; бѣдняжка ты! А вы, донна Бенина, какого мнѣнія?

— Я?.. Насчетъ чего?

— Насчетъ касьянкиныхъ денегъ... Какъ вы думаете?

— Я думаю, что всякій добываетъ свой кусокъ хлѣба, какъ можетъ.

— Да они-то нашъ хлѣбъ ѣдятъ, у насъ отбиваютъ, да еще съ добрымъ ломтемъ ветчины... Эдакъ добывать нечестно.

— Замолчите вы, ради бога! — прикрикнулъ хромой продавецъ журналовъ:—такъ или эдакъ, а благоговѣнія у храма нарушать не слѣдуетъ...

— Замолчимъ, замолчимъ.

— Или ты—Викторъ-Эммануилъ, который самому папѣ велѣлъ молчать?

— Тише, говорятъ тебѣ, не безобразничай. Здѣсь не рынокъ, а церковь божія.

— Знаю! Тебѣ-то хорошо покрикивать, когда сытъ по горло, со своей торговлей и инымъ прочимъ... А я должна довольствоваться тѣмъ, что гляжу на сытыхъ, да облизываюсь... Но мы не завистливы, Елисей... Мы рады, что умираемъ съ голода и угодимъ прямёхонько въ рай, тогда какъ ты...

— Что я?

— Тамъ видно будетъ... Можетъ быть, и ты богатъ, Елисей? Не отпирайся, дай слово сказать! Донъ Сеньо и священникъ тебѣ покровительствуютъ: торговать газетами у церкви дозволили. Изъ богатыхъ домовъ всякой снѣди тебѣ присылаютъ... знаю, знаю... Но мы не ропщемъ! Сохрани меня Богъ отъ зависти. Благословляю нашу нищету... дай Богъ еще побольше обнищать и натерпѣться... Не перебивай, дай слово сказать... Вѣрно говорю: рада, что терплю. И ты радъ за меня? Я угодить тебѣ хочу: помню твою услугу. Когда я вышла изъ больницы и шаталась по улицамъ безъ пріюта, ты пожалѣлъ меня, пригласилъ съ собой сюда, посовѣтовалъ жить святой милостыней... Вотъ я и послушалась тебя, живу припѣваючи... Бога славлю, что жь! За тебя всякій день молюсь... Ты обошелся со мной, какъ настоящій caballero... Дай Богъ тебѣ еще разбогатѣть, распродать всѣ газеты, получать остатки обѣдовъ со всѣхъ монастырей и графскихъ дворовъ, чтобы ты съ женой ѣлъ, ѣлъ до отвалу... Пусть мы съ Кресценчіей и Альдумедомъ давимся кускомъ хлѣба, такимъ черст-

вымъ, что впору имъ мостовую мостить... Ты бы только благоденствовалъ, вотъ объ чемъ я Бога молю... Чтобы все у тебя было, и на водочку бы хватало. Чтобы сыновья твои вышли герцогами... Одинъ теперь въ ученьѣ у токаря, приноситъ домой по шести реаловъ въ недѣлю, а другой въ трактирѣ служитъ, отъ посѣтителей на водку получаетъ... Да хранитъ тебя Господь, Елисей, душа моя! Да пошлетъ тебѣ бархатное платье, новые костыли изъ священнаго древа, а твоей злючкѣ-женѣ — шляпу съ перьями! Я за все благодарю Создателя: голодаю—и зато спасибо. Мыслей дурныхъ у меня не бываетъ, Елисей... Все, все, чего у меня нѣтъ,—пусть у тебя будетъ: ѣшь, пей, напивайся до-пьяна, купи себѣ домъ съ балкономъ, спи на пружинныхъ матрацахъ, какъ во дворцѣ; пусть дочки твои носятъ розовыя платья, лакированныя ботинки по воскресеньямъ... Пусть...

Появленіе Касьяны прекратило головокружительныя пожеланія Бурлады, смахивавшія на проклятія. Капральша проговорила дѣловымъ тономъ:

— Обѣдня кончилась!—и повернувшись къ злобной болтуньѣ, повелительно прибавила: — маршъ на свое мѣсто и заткни ротъ. Не забывай, гдѣ ты.

Прихожане начали выходить изъ церкви; въ протянутыя руки нищихъ стали перепадать монеты; щедрыхъ жертвователей въ этотъ день было мало. Умѣлыя руки Елисея да Касьяны набрали больше другихъ; Деметріи и Бенинѣ досталось меньше; остальнымъ совсѣмъ мало. Полуслѣпая Кресценчіа жаловалась, что ничего не получила.

Церковь опустѣла.

Въ то время какъ Касьяна о чемъ-то потихоньку разговаривала съ Деметріей, Бурлада отвела Кресценчію въ сторонку и зашипѣла:

— О чемъ онѣ шепчутся? Какъ ты думаешь?

— А Богъ ихъ знаетъ!..

— Деметрія всегда получаетъ больше насъ, оттого что ребятишки у нея не переводятся. Совѣсти нѣтъ. Распутная!..

— Съ дѣтьми... жалѣютъ! А ей выгодно. Одного кормитъ, другой ужь въ дорогѣ... Замужемъ она, что ли?

— Не больше, чѣмъ мы съ тобой, мать моя.

— Я-то хоть была замужемъ, а теперь вдовѣю. Мужъ мой

плотничалъ да убился,—съ лѣсовъ упалъ. Деметрія говоритъ, что мужъ ея въ Селиплинасѣ...

— Выходитъ, что дѣтей-то онъ ей присылаетъ готовенькими... въ письмахъ. Ну, публика, могу сказать! А безъ дѣтей въ нашемъ ремеслѣ плохо, душа моя,—мало подаютъ! Людямъ дѣла нѣтъ до женской чести, лишь бы кормила грудью младенца... Не думаютъ о томъ, что мы стары, работой поломаны и не знаемъ, какъ прожить. Недаромъ говорятъ, что все на землѣ идетъ шиворотъ-на-выворотъ; только на небѣ и есть справедливость... Пулидо увѣряетъ, что скоро настанетъ конецъ такому порядку: бѣдные, молъ, съ богатыми помѣняются мѣстами... Далъ бы Господь!

Старая трещотка кончала уже свою рѣчь, когда произошло необычайное, невѣроятное событіе, которое можно было сравнить развѣ съ ударомъ молніи среди нищей братіи, или съ разрывомъ бомбы. Вся компанія попрошаекъ разинула рты: старожилы ничего подобнаго не помнили, новенькіе растерялись отъ изумленія, даже струсили.

Что же случилось? Да почти ничего (на посторонній взглядъ, конечно!). Донъ-Карлосъ-Морено-Трухильо, тридцать семь лѣтъ выходившій изъ церкви другими дверями, на этотъ разъ измѣнилъ своей привычкѣ и возвращался по той же самой галереѣ, черезъ которую вошелъ. Только и всего. Но еслибъ рѣка неожиданно измѣнила свое теченіе, честная компанія нищихъ не была бы такъ поражена.

Но это еще не все. Донъ Карлосъ остановился посреди нихъ (онѣ немедленно обступили его, разсчитывая на вторичную раздачу милостыни), оглядѣлъ всѣхъ ихъ внимательно и сказалъ:

— Которая между вами зовется Бениной?

— Я, сударь, я! — откликнулась скромная женщина въ черномъ, боясь, что кто нибудь выступитъ вмѣсто нея.

— Она самая,—торжественно подтвердила Касьяна, считая своей обязанностью удостовѣреніе личности своихъ подданныхъ.

— Вотъ что, донна Бенина,—продолжалъ донъ Карлосъ, поплотнѣе закутываясь въ плащъ, рвавшійся на всѣ стороны отъ сквозняка: — завтра въ половинѣ девятаго приходите ко мнѣ. Мнѣ надо поговорить съ вами. Вы знаете, гдѣ я живу?

— Я провожу ее! — вызвался Елисей, желая угодить барину и услужить товаркѣ.

— Хорошо. Я буду ждать васъ, Бенина,—повторилъ донъ Карлосъ, направляясь къ выходу; кучка нищихъ слѣдовала за нимъ, прислушиваясь къ необъяснимому разговору съ Бениной.

— Слушаю, сударь; я приду.

— Ровно въ половинѣ девятаго, поняли? Прошу запомнить! — прокричалъ донъ Карлосъ, такъ какъ порывъ вѣтра изъ двери снова взвилъ ему плащъ на голову и хлопалъ полой по лицу:—придете раньше, будете ждать, придете позже—не застанете меня. Прощайте. Завтра 25-е число... Я отправлюсь въ Монсерратъ, а оттуда на кладбище...

III.

Пресвятая Дѣва, праведный Іосифъ! Какое возникло любопытство, сколько высказано было предположеній, догадокъ, сколько мучительныхъ усилій положено на то, чтобы понять намѣренія благочестиваго вдовца!

Въ первую минуту всѣ лишились языка. Въ мозгахъ закипѣла работа: сомнѣніе, опасеніе, зависть. Бенина, желая избѣгнуть безплодныхъ разспросовъ, вѣжливо поклонилась товарищамъ и ушла. Вслѣдъ за ней поплелся Альдумедъ.

Между оставшимися начали прорываться, какъ искры, отрывистыя фразы:

— Завтра узнаемъ... Вѣрно, работу ей нашелъ... У него до 40,000 дуро дохода!

— Въ сорочкѣ родятся люди,—ехидно замѣтила Бурлада:—вотъ объ насъ едва ли вспомнитъ кто нибудь. Мы съ тобой, Кресценчія, видно, свалились на землю, какъ пустые мѣшки, да такъ и остались коптить небо.

Касьяна, вытянувъ лицо до чудовищныхъ размѣровъ, обидчиво произнесла:

— Бѣдный донъ Карлосъ глупъ, какъ коза!

На слѣдующій день компанія нищихъ, пользуясь отсутствіемъ Бенины и слѣпаго Альдумеда, съ новымъ жаромъ возобновила разговоръ на интересную тему. Деметрія робко высказала предположеніе, что донъ Карлосъ, должно быть,

хочетъ взять Бенину въ услуженіе, такъ какъ она пользуется репутаціей хорошей поварихи; Елисей подтвердилъ, что, дѣйствительно, Бенина отлично знала свое дѣло, но теперь стара стала и ее не берутъ въ услуженіе.

— Не оттого, что стара,—язвительно замѣтила Касьяна:— а оттого что на руку нечиста! Она такіе счеты подавала своимъ господамъ, что просто ужасъ. Вотъ за этотъ порокъ ее и обѣгаютъ, оттого она и дошла до нищеты. — Всѣ съ любопытствомъ прислушивались, а Касьяна продолжала: — Со всѣхъ мѣстъ ее гоняли за воровство. А кабы не это, у нея и теперь были бы мѣста въ хорошихъ домахъ. Только выбирай! И жила бы себѣ, да жила...

— А я вотъ что скажу, — задорно возразила Бурлада:— дошла она до нищенства, потому что была честна, не иначе. Воровки-то умѣютъ откладывать про черный день; воровки дальновидны, да-съ! У нихъ всегда подъ старость деньги есть, ужь повѣрьте. Знавала я такихъ, что и экипажи заводили.

— Не надо злословить. Мы у храма божія!—оборвала ее Касьяна.

— Я-то не злословлю. Злословите вы, предсѣдательница совѣта министровъ!

— Я?

— Да. Ваша эминенція сказала, что Бенина воровала. А это клевета, потому что, кабы она воровала, такъ были бы у нея деньги, а были бы деньги, — не стала бы она побираться, какъ иныя прочія, богатыя... На, съѣшь...

— Змѣиное жало!

— Правду говорю, вотъ и невкусно. У насъ хлѣбъ отбиваешь, госпожа фермерша.

— Будетъ, будетъ, довольно!—Елисей стукнулъ костылемъ:— тутъ храмъ божій, сто разъ, что ли напоминать вамъ? Ведите себя благопристойно, какъ предписываетъ церковный уставъ.

Слова эти водворили спокойствіе между препиравшимися. Потянулись скучные часы; нищіе, по обыкновенію, стонали, охали, зѣвали, клянчили, вздыхали и крестились.

Намъ надо вернуться къ Бенинѣ и слѣпому арабу и прослѣдить за ними, такъ какъ оба они играютъ немаловажную роль въ правдивой исторіи, которую авторъ взялся передать читателямъ.

Наканунѣ Бенина вышла первая, но у церковныхъ дверей перекинулась двумя словами съ Пулидо, а въ это время догналъ ее слѣпой Альдумедъ и они вмѣстѣ отправились по улицѣ Атоха.

— Я нарочно останавливалась, другъ Альдумедъ,—сказала Бенина,—мнѣ надо переговорить съ тобой.

Она ласково взяла слѣпаго подъ руку и перевела его черезъ улицу. Направляя его шаги, останавливаясь на углахъ, чтобы не попасть подъ лошадей, она продолжала разговаривать:

— Ты одинъ можешь вывести меня изъ затрудненія. Больше у меня никого нѣтъ, къ кому бы я могла обратиться за помощью. Понимаешь? Что̀ мнѣ въ тѣхъ, которые стоятъ съ нами у церкви? Всѣ думаютъ только о себѣ; каменныя у нихъ сердца. Хоть умри съ голоду на ихъ глазахъ,—имъ все нипочемъ.

Альдумедъ повернулъ лицо и устремилъ на нее свои слѣпые зрачки, словно могъ видѣть ее, и, пожавъ ея руку, произнесъ:

— Ты знаешь, что Альдумедъ — твой слуга, твоя собака. Приказывай. Разскажи, въ чемъ дѣло.

— Ты идешь къ себѣ?

— Иду, куда ты велишь.

— Кажется, ты усталъ. Мы слишкомъ бѣжимъ. Давай посидимъ минутку на площади «Прогрессъ» — и поговоримъ спокойно.

Вѣроятно, слѣпой согласился, потому что пять минутъ спустя они сидѣли рядышкомъ на фундаментѣ ограды, возлѣ статуи Мендисаваля. Лицо Альдумеда на первый взглядъ поражало безобразіемъ; но оно казалось типичнымъ и выразительнымъ при болѣе внимательномъ осмотрѣ. Арабъ былъ желтовато-смуглъ, съ рѣдкой черной бородкой; потухшіе глаза съ отвислыми нижними вѣками напоминали двѣ зіяющія раны; громадный ротъ съ крупными красными губами, при улыбкѣ, стремился раздвинуться до ушей. Роста онъ былъ средняго, кривоногій; походкой онъ, вопреки потерѣ зрѣнія, отличался твердой; одѣвался сравнительно порядочно, — пристойно, по крайней мѣрѣ, — такъ какъ платье его представляло заплату на заплатѣ, а не сплошную рвань и дыры, какъ у большинства нищихъ. На ногахъ его были башмаки, тоже съ акурат-

ными заплаточками и крѣпкими подошвами; круглая шляпа, въ формѣ гриба, являла несомнѣнные слѣды многочисленныхъ растягиваній, такъ какъ прилаживалась навѣрное къ дюжинѣ головъ, прежде чѣмъ попасть на альдумедову, но могла еще вполнѣ защищать отъ солнца и вѣтра, не смотря на бурый цвѣтъ и утраченный фасонъ. Нервная черная рука араба, съ правильными крѣпкими ногтями, ловко управляла крѣпкой, гладкой палкой, неразлучной съ нимъ, какъ и подобаетъ слѣпцу; даже виднѣвшійся воротникъ его рубашки не такъ ужь былъ грязенъ и засаленъ, какъ можно было ожидать, принимая во вниманіе бродяжническую жалкую жизнь владѣльца.

— Надо, однако, рѣшиться сказать тебѣ, Альдумедъ, какая у меня просьба! — Бенина въ волненіи безцѣльно вынимала изъ кармана и снова прятала свой носовой платокъ. — Я въ страшномъ затрудненіи, другъ мой, и одинъ ты можешь помочь мнѣ...

— Скажи, что такое?

— Чѣмъ занятъ ты сегодня?

— Дома много дѣла: бѣлье выстирать, поштопать платье...

— Ты удивительный человѣкъ! Другаго такого и не найдешь. Бѣдный слѣпой, а все самъ работаешь; языкомъ нитку вдѣваешь въ иголку скорѣе, чѣмъ я пальцами; шьешь отлично; ты и портной, и сапожникъ, и прачка... Утромъ собираешь милостыню, а днемъ найдешь минутку побывать въ кафэ... Всегда ты доволенъ, никогда не ропщешь, славный ты малый! Еслибъ на землѣ была справедливость, тебѣ бы выдали премію за терпѣніе и трудолюбіе... А вотъ сегодня я помѣшаю тебѣ работать: сослужи мнѣ службу, другъ!

— Что приключилось съ тобой?

— Безвыходное положеніе! Ума не приложу, какъ и быть. Если ты не поможешь, я брошусь съ моста въ рѣку... Честное слово.

— Не бросайся!

— Больше мнѣ не осталось нечего сдѣлать. Скажу сразу, чтобъ ты понялъ всю важность: мнѣ необходимо достать дуро...

— Дуро?! — въ ужасѣ воскликнулъ слѣпой, — и лицо его омрачилось.

— Да, сынъ мой, цѣлую монету дуро... Нечего мнѣ и домой идти, раньше чѣмъ я пріобрѣту эту сумму. Хоть умереть, а достать нужно, — вотъ какъ. Говори, какъ достать, хоть изъ земли выкопать, а надо.

— Ахъ, какъ много, какъ много!—бормоталъ арабъ, поникнувъ головой.

— Ужь не такъ много, какъ кажется... — замѣтила нерѣшительно Бенина, пытаясь обмануть себя оптимизмомъ:—что за сумма—дуро? У кого ея нѣтъ? У всякаго есть... Можешь ли ты достать—да или нѣтъ?

Слѣпой, перемѣшивая родной языкъ съ испанскимъ, бормоталъ что-то, показавшееся Бенинѣ равнозначущимъ отказу; она тяжело вздохнула; арабъ сдѣлалъ то же самое и повторилъ несвязные: «невозможно... нельзя»...—упавшимъ жалкимъ голосомъ. Бенина задумалась, пріуныла; она смотрѣла то на землю, то на статую Мендисаваля, хотя понятія не имѣла объ этомъ героѣ и не знала, зачѣмъ онъ поставленъ тутъ. Мимо проходили люди; кто спѣшилъ, кто лѣниво гулялъ; у многихъ навѣрно были монеты стоимостью въ дуро; другіе, можетъ быть, шли за этой же суммой; проѣзжали телѣжки съ пивомъ и лимонадомъ, въ лавки входили покупатели и выходили со свертками; нищіе приставали къ прохожимъ; на дрогахъ везли покойниковъ на кладбище,—этимъ не надо уже больше никакихъ дуро...

Бенинѣ пришла дикая мысль: не войти ли въ первый богатый домъ, съ тѣмъ чтобы попросить дуро, хоть взаймы? Безуміе! Посмѣются и выгонятъ ее, только и всего.

Тѣмъ не менѣе, ей казалось возможнымъ и естественнымъ, что люди, для которыхъ дуро не представляетъ значительной суммы, возьмутъ да и подѣлятся съ ней. А для нея это, вѣдь, цѣлое состояніе! Еслибъ такимъ образомъ одна изъ многихъ монетъ перешла въ ея руки, не произошло бы чувствительнаго измѣненія въ распредѣленіи богатствъ, а прежній порядокъ отъ этого не нарушился бы. Почему же это не можетъ случиться? Что бы стоило двадцати прохожимъ удѣлить ей по одному реалу;—вотъ задача и была бы рѣшена. Нехорошо устроенъ свѣтъ... Капля изъ рѣки понадобилась Бенинѣ, и нельзя достать ее!

IV.

Такъ раздумывала Бенина. Молчавшій спутникъ ея вдругъ спросилъ:

— Тебѣ нечего заложить?

— Нѣтъ, все заложено.

— Не у кого и взаймы взять?

— Никто не повѣритъ: всѣмъ и безъ того должна! Кредиторы попадаются на каждомъ шагу.

— Донъ Карлосъ велѣлъ тебѣ прійти завтра.

— До завтра далеко, а деньги нужны мнѣ сегодня же. Сегодня, Альдумедъ! Всякая минута затягиваетъ петлю на моей шеѣ.

— Не плачь; ты добра, я выручу тебя...

— Что же ты придумалъ? Говори скорѣе!

— Заложу свои вещи.

— Праздничное платье твое? Что же дадутъ за него?

— Дадутъ два съ половиной реала.

— Надо выпросить три. А еще что?

— Пойдемъ ко мнѣ! — предложилъ слѣпой, рѣшительно вставая.

— Скорѣе, время уходитъ! Поздно. Отсюда до Санъ-Газильды не близкій путь.

Они молча и поспѣшно двинулись по улицѣ де-Парадесъ. Лицо Бенины горѣло отъ волненія; каждый разъ какъ били гдѣ нибудь часы, она вздрагивала отъ отчаянія. Сѣверный бѣшеный вѣтеръ гналъ ихъ внизъ, раздувая одежды; руки ихъ окоченѣли, носы покраснѣли, голоса охрипли и дрожали.

Но вотъ передъ ними зданія Санъ-Газильды, — огромный улей съ убогими помѣщеніями для бѣдныхъ квартирантовъ.

Они прошли черезъ грязнѣйшій узкій дворъ, гдѣ, безъ дальнѣйшихъ церемоній, сваливались нечистоты. Альдумедъ жилъ въ нижнемъ этажѣ наравнѣ съ землей, занимая одну комнату, раздѣленную пополамъ соломенной занавѣской, спускавшейся съ потолка; съ одной стороны была кухня, съ другой зала, спальня и кабинетъ—все вмѣстѣ; полъ былъ земляной, крѣпко убитый, стѣны оштукатуренныя и довольно чистыя. Единственный стулъ составлялъ всю меблировку квартиры; куча тряпья

служила постелью; въ кухнѣ можно было насчитать съ полдюжины горшковъ и кастрюлекъ; заготовлена была и кое-какая провизія.

Въ углу, на кучѣ тряпья, лежалъ какой-то черный тюкъ, очертаніями напоминавшій человѣческую фигуру; при слабомъ свѣтѣ отъ полуотворенной двери, Бенина затруднялась опредѣлить, что это такое, но наощупь убѣдилась, что это живое существо.

— Это пьяница Педра! — объяснилъ Альдумедъ на ея вопросъ.

— Какъ? Она живетъ съ тобой? Пьянчужка, безстыдница? Ну, дѣло твое. Не будемъ терять время, другъ мой; давай платье, я снесу его... съ божьей помощью, можетъ быть, выпрошу за него три реала. Пресвятая Дѣва вознаградитъ тебя вдвойнѣ!

Понимая нетерпѣніе своей подруги, слѣпой снялъ съ гвоздя «парадный» костюмъ и отдалъ его Бенинѣ, которая помчалась съ нимъ черезъ дворъ на площадь Мануэля.

Въ это время Альдумедъ гнѣвно потрясалъ тюкъ тряпья, оказавшійся пьяной Педрой, и произносилъ какія-то ругательства по арабски. Но на брань сожителя, женщина отвѣчала лишь мычаньемъ; наконецъ, повернулась, сѣла, хотя и потягиваясь, но тотчасъ же снова упала и заснула мертвымъ сномъ.

Альдумедъ неутомимо продолжалъ ворочать ее и рыться у нея въ карманахъ и за пазухой, сопровождая это дѣло ругательствами и проклятіями. Онъ вытащилъ четки, кусочки желѣза, всякіе обломки, пукъ квитанцій изъ ломбарда.

Только что онъ кончилъ обыскъ, какъ вернулась Бенина, красная и запыхавшаяся, вся въ поту, но сіяющая.

— Дали три реала!—объявила она радостно.

Альдумедъ побѣдоносно показалъ ей еще монету.

— Нашелъ у нея за пазухой. Возьми,—сказалъ онъ.

— Ахъ, какое счастье! Еще нѣтъ ли у нея? Поищи хорошенько.

— Всю обыскалъ, больше нѣтъ.

Бенина тщательно пересмотрѣла весь найденный у пьяницы хламъ и перетрясла бумажки, надѣясь найти еще денегъ.

— Ничего больше нѣтъ.

Слѣпой объяснилъ Бенинѣ, что Педра—очень великодушная

женщина и, еслибъ не была до безчувствія пьяна, то сама охотно отдала бы послѣднее, чтобы выручить кого нибудь.

— Она распутная... свинья... сама все беретъ, но и отдаетъ свое, не жалѣя.

Такъ охарактеризовалъ свою сожительницу Альдумедъ. Затѣмъ онъ полѣзъ рукой въ самый уголъ, подъ сваленныя въ кучу тряпки, и вытащилъ засаленный кошелекъ: тамъ оказалось у него два реала, плоды сбереженій. Бенина взяла и ихъ. Мало того: онъ вывернулъ всѣ свои карманы,—тамъ нашлась масса разныхъ вещей: иголки, ножницы, ножикъ, кусочки желѣза и завернутыя въ бумажку двѣ мѣдныхъ монеты. Онъ присоединилъ къ нимъ сегодняшнее пожертвованіе дона Карлоса и другихъ—и все отдалъ старой подругѣ, говоря:

— На, бери, что есть. Устраивайся...

— Спасибо, другъ, спасибо! Прибавлю свое. Я тебя совсѣмъ ограбила... Какой ты добрый! Хорошо, кабы ты выигралъ въ лотерею. До свиданья. Бѣгу. Да вознаградитъ тебя Богъ. А ты успокойся, да не бей эту бѣдняжку, когда она проснется. Всякій старается забыться, сынъ мой,—она съ помощью водки, другой—еще чего нибудь. У меня тоже свои горести, подчасъ тяжелыя, но я не этимъ средствомъ борюсь съ ними. Когда нибудь разскажу тебѣ...

Она полетѣла, какъ стрѣла, придерживая за пазухой драгоцѣнныя монеты и боясь, чтобы какъ нибудь не обронить ихъ, или не укралъ бы ихъ кто.

Оставшись одинъ, Альдумедъ отыскалъ между разной рухлядью сосудъ съ водой и тазъ, вымылъ себѣ глаза и руки; потомъ напелъ угли, отправился къ сосѣду добыть огоньку; разжегъ угли и всыпалъ въ нихъ благовонный порошокъ, который тщательно берегъ въ бумажкѣ. Комната наполнилась сильнымъ ароматомъ и клубами дыма. То былъ росный ладанъ, единственное воспоминаніе о далекой родинѣ Альдумеда, которымъ онъ изрѣдка баловалъ себя... Запахъ этотъ, присущій мавританскимъ жилищамъ, утѣшалъ сына степей въ изгнаніи, навѣвая на него религіозныя и сладкія грезы. Такъ и теперь, онъ блаженно усѣлся, поджавъ подъ себя по восточному ноги, и предался мечтамъ, которыя едва ли были бы понятны и доступны христіанину.

Подъ вліяніемъ дыма и сильнаго запаха, пьяница начала метаться, ворчать и кашлять, силясь прійти въ себя. Слѣпой не обращалъ на нее никакого вниманія, точно это была собака; онъ весь поглощенъ былъ своими грезами и молитвами, которыя бормоталъ по арабски, прикладывая руки къ глазамъ, цѣлуя свои пальцы и вообще продѣлывая какіе-то обряды, завѣщанные не то Моисеемъ, не то Магометомъ.

Долго ли, коротко ли, но, по окончаніи молитвы, онъ почувствовалъ, что сожительница сидитъ передъ нимъ. Растерянным взглядомъ, сквозь слезы и дымъ, старалась она разсмотрѣть Альдумеда.

Онъ же вытянулъ впередъ руки и заговорилъ:

— Старая пьянчужка, развратница, негодная тварь!.. Единъ Богъ, единъ, единъ!..

Женщина залилась хохотомъ и полѣзла за пазуху, оправляя свой туалетъ; руки ея тряслись, она еще несовсѣмъ отрезвилась отъ пьянаго сна.

— Да, единъ Богъ, единъ! — восторженно повторялъ арабъ.

— А мнѣ-то что за дѣло? Одинъ, два или сорокъ... Сколько хочешь. А вотъ скажи-ка мнѣ лучше, шутъ гороховый, не ты ли взялъ у меня монету изъ-за пазухи? Ничего, ничего! я тебѣ ее и приготовила.

— Единъ Богъ, единъ!—въ экстазѣ твердилъ Альдумедъ и взялся за палку.

Женщина отстранилась и умоляющимъ голосомъ сказала:

— Не бей меня!.. Будетъ дымить-то, — давай ужинать. Сколько у тебя денегъ? Я пойду куплю...

— Негодница! Нѣтъ у меня денегъ... Пока ты дрыхла, черти унесли ихъ.

— Чего же я дамъ тебѣ поѣсть?—уныло спросила Педра, качаясь и закрывая глаза:—ты немножко погоди... Мнѣ ужасно спать хочется...

Она повалилась на земь и моментально уснула, а Альдумедъ, взявшійся было за палку, какъ за вѣрнѣйшее средство протрезвить ее, почувствовалъ жалость и, глубоко вздохнувъ, пробормоталъ подъ носъ:

— Въ другой разъ поколочу...

V.

Безъ преувеличенія можно сказать, что Бенина, раздобывъ часть нужныхъ ей денегъ, летѣла по улицамъ, какъ стрѣла.

Не смотря на свои пожилые годы, она сохранила легкость движеній, быстроту ногъ и неутомимую энергію.

Самые лучшіе годы жизни провела она въ утомительной работѣ, требующей расторопности, соображенія и мускульной силы; въ этой школѣ окрѣпла она и тѣломъ, и духомъ; выработала въ себѣ несокрушимую выносливость, изворотливость, способность къ борьбѣ. Врожденное величіе души и безграничная доброта страннымъ образомъ соединялись въ ней съ мелочными недостатками, свойственными неразвитымъ, необразованнымъ людямъ; но, не взирая на ея слабости, можно смѣло сказать, что Бенина была олицетвореніемъ идеи альтруизма и милосердія къ ближнимъ, тѣмъ болѣе удивительнымъ, что оно было безъискусственно и служило основой ея природы. Съ поразительной быстротой забѣжала она въ аптеку, въ улицѣ Толедо, взяла заказанныя утромъ лѣкарства; затѣмъ побывала въ мясной и въ мелочной лавкахъ, закупая того-сего, и, наконецъ, вошла во дворъ большаго дома въ улицѣ Impériale. Быстро поднявшись по одной изъ лѣстницъ до перваго этажа, она стала взбираться выше уже болѣе умѣреннымъ шагомъ, а до третьяго этажа доплелась запыхавшаяся и измученная. У одной изъ дверей она позвонила.

Барыня, собственной особой, ощупью по стѣнкѣ, вышла въ переднюю отворить дверь, предварительно взглянувъ на посѣтительницу черезъ крошечное рѣшетчатое окошечко.

— Пора, пора, матушка!—встрѣтила она Бенину:—часъ ночи, ни болѣе, ни менѣе. Я думала ужь, что ты попала подъ карету или съ тобой случился ударъ.

Не отвѣчая, Бенина вошла за своей барыней въ комнату,—родъ кабинета,—гдѣ обѣ онѣ и усѣлись. Служанка избѣгала объясненій, не зная еще, чему приписать свое опозданіе, и держалась настороже, въ ожиданіи, съ какой стороны нападетъ донна Пака, вспыльчивая, непостоянная особа. Тонъ первыхъ фразъ нѣсколько успокоилъ служанку; она ожидала непріятностей, упрековъ. Но, повидимому, барыня находилась въ хо-

рошемъ настроеніи; Бенина всегда умѣла приноровиться къ тону данной минуты и первая не пускалась ни въ какія объясненія.

— Ахъ, сударыня, какая погода! Ужь я не чаяла, какъ и до дому дойти!

— А я все сидѣла одна, ждала и безпокоилась. — Донна Пака говорила съ легкимъ андалузскимъ акцентомъ, хотя сорокъ лѣтъ прожила въ Мадридѣ.—Слышу: бьетъ двѣнадцать, часъ... Что съ ней, думаю? Да и вспомнила...

— Такъ, такъ...

— Вспомнила—вѣдь я святцы наизусть знаю!—что сегодня память святаго Ромуальда, епископа Фарсальскаго...

— Вотъ именно...

— Значитъ, именины добраго священника, къ которому ты ходишь готовить.

— Я знала, что вы вспомните, и эта мысль успокоила меня,— заявила служанка. Она была мастерица выпутываться и придумывать небылицы, цѣпляясь за удобное объясненіе, внушенное ей самой барыней. — Знала я и то, что вы догадаетесь, сколько въ этотъ день работы.

— Должно быть, обѣдъ былъ парадный? Воображаю! Они навѣрно не страдаютъ отсутствіемъ апетита, священники прихода св. Себастьяна, товарищи твоего дона Ромуальда!

— Всѣ, слава богу, въ апетитѣ были.

— Разскажи, что ты готовила для нихъ?—спросила донна Пака, любившая слушать перечень блюдъ.—Разскажи! Вѣрно, майонезъ дѣлала?

— Во-первыхъ, сочное жаркое. Господи, какъ они были довольны! Сказали, что я лучшая кухарка въ Европѣ, и что только изъ уваженія къ приличіямъ они не облизываютъ себѣ пальцы...

— Потомъ?..

— Куриные потроха; хоть ангеламъ подать, такъ не стыдно! Затѣмъ дичь подъ соусомъ. Потомъ...

— Хоть я тебѣ и не велѣла приносить кушанья изъ другихъ домовъ, — такъ какъ предпочитаю корку глодать, чѣмъ кормиться объѣдками,—но я тебя знаю! ты навѣрное принесла таки чего нибудь. Тебя вѣдь не убѣдишь... Гдѣ твоя корзина?

Пойманная врасплохъ, Бенина на мгновеніе смутилась; но

не таковская она была, чтобы передъ чѣмъ нибудь спасовать, и ея мастерство въ сочиненіи сказокъ немедленно пришло ей на помощь.

— Ахъ, сударыня,—рѣшительно объявила она:—всю корзинку съ гостинцами я оставила у донны Обдуліи! Она больше нуждается, чѣмъ мы съ вами.

— За это хвалю. Умница. Ну, дальше разсказывай. Поросеночка подавала имъ?

— Еще бы, сударыня! Въ два съ половиной кило вѣсомъ: роскошный поросенокъ. Сотеро Рико самаго лучшаго продалъ мнѣ.

— А десертъ и вина?

— Все, все, даже шампанское «вдовы» Клико. Духовные отцы ни въ чемъ себѣ не отказываютъ, брюшки себѣ отращиваютъ. Однако, надо вамъ покушать, вы ослабѣете отъ голода.

— Была голодна, это правда... а теперь и апетитъ прошелъ... Мнѣ кажется, что я отвѣдала всѣхъ вкусныхъ вещей, которыя ты сегодня подавала дону Ромуальду. Все таки, дай чего нибудь закусить.

— Вы скушали утромъ то, что я оставила вамъ отъ ужина?

— Нѣтъ; только шеколаду поѣла.

— Пойдемте, пойдемте. Сейчасъ разведу плиту... мигомъ... Ахъ, я и забыла: вѣдь я принесла лѣкарства.

— Всѣ принесла? — спросила барыня, направляясь въ кухню:—а заложила мои двѣ юбки?

— Конечно. Съ двумя реалами, полученными за нихъ, да съ тѣми, что мнѣ далъ донъ Ромуальдо ради своихъ именинъ, я все сдѣлала, что нужно.

— За вчерашнее масло заплатила?

— Ну, нѣтъ! Подождутъ.

— А за липовый цвѣтъ? За микстуру?

— За это заплатила; провизіи купила, да еще на завтра осталось.

— Послалъ бы намъ Господь хорошій день завтра!—уныло произнесла донна Пака, усаживаясь въ кресло на кухнѣ, въ то время какъ Бенина торопливо растопляла плиту.

— И пошлетъ, сударыня; будьте увѣрены!

— Ты никогда не отчаиваешься, дочь моя!

— Потому что вѣрю моимъ предчувствіямъ. Сердце говоритъ мнѣ: завтра будетъ хорошій, счастливый день.

— Богъ милосердъ... Но если по мнѣ судить, то едва ли это такъ. Удары такъ и сыплются на меня. Вздохнуть мнѣ не даютъ! Послѣ плохаго дня наступаетъ совсѣмъ скверный. Годы проходятъ въ ожиданіи улучшенія; всѣ иллюзіи переходятъ въ разочарованіе. Устала я надѣяться, устала мучиться. Надежды не сбываются, и такъ какъ онѣ вѣчно обманываютъ меня, то я не люблю надѣяться на лучшіе дни... Жду худшихъ, чтобы они казались хоть сносными!..

— А я на вашемъ мѣстѣ, сударыня,—возразила Бенина, возясь у плиты:—я бы продолжала надѣяться на Бога и всѣмъ была бы довольна... Я вѣдь довольна, вы видите? Я убѣждена, что перемѣна судьбы явится неожиданно, и что мы сдѣлаемся богатыми. Богъ испытываетъ насъ, чтобы вдругъ вознаградить сверхъ мѣры.

— Ахъ, Нина, куда ужь тамъ сверхъ мѣры! Забвенія, покоя прошу я. Хоть бы въ могилѣ успокоиться...

— Что вы, что вы? Зачѣмъ въ могилѣ? Ни-ни! Я люблю жизнь, радуюсь, что живу... Терплю, когда туго приходится; что дѣлать? А умирать не хочу.

— Ты—выносливое созданье!

— Приходится быть выносливой. Не въ нашей власти выбирать судьбу. Все снесу терпѣливо, но смерть не зову. Есть хлѣбъ у насъ, и двѣ дивныя приправы къ нему: голодъ да надежда.

— А пока терпишь нищету, стыдъ, униженіе! Всѣмъ задолжала, никому не платишь, двухъ реаловъ взаймы не отыщешь,—изворачиваешься на всѣ лады; кругомъ западни; лгать приходится... Травятъ насъ лавочники и торговцы безъ милосердія...

— Э, полноте! Все это вздоръ, перенести можно... Въ жизни всякъ за себя стоитъ и съ бою свое беретъ. Недостаетъ намъ умереть съ голоду, когда магазины переполнены вкусными вещами. Какъ бы не такъ! Мы за себя постоимъ. Богу не угодно, чтобы мы питались воздухомъ, а когда Онъ не посылаетъ намъ денегъ, мы, значитъ, должны изобрѣтать средства, какъ бы доставать себѣ пропитаніе, не воруя. Воровать грѣхъ. Я беру въ долгъ и уплачу, когда будетъ чѣмъ. Всѣ

знаютъ, что мы бѣдны, что намѣренія у насъ добрыя, — а, кромѣ этого, ничего нѣтъ. Смѣшно было бы намъ тужить и отчаиваться, что мы не платимъ долговъ богатымъ лавочникамъ. Подождутъ. Бѣднѣе не будутъ!

— Понятія о чести, достоинствѣ, приличіяхъ, тебѣ недоступны...

— Не знаю, о чемъ вы толкуете. Знаю только, что у меня есть ротъ и желудокъ, и что Господь создалъ меня не для того, чтобы я умирала съ голоду, а для того, чтобы жила, Возьмемъ воробья, — у него есть что ли честь да приличія? Какъ же! Есть у него клювъ. Хорошенько разсмотрѣть вещи, какъ онѣ есть, такъ выдетъ, что Богъ создалъ небо и землю, лавки и лавочниковъ, Испанскій Банкъ, дома въ Мадридѣ, поля,—все божье, все дѣло Его рукъ. Онъ все создалъ.

— А деньги? Проклятыя деньги, чьи онѣ?—горестнымъ и презрительнымъ тономъ спросила донна Пака: — отвѣть, чьи онѣ?

— Да тоже божьи, должно быть... Вѣдь Онъ же создалъ и золото, и серебро, и кредитки... Не знаю, но мнѣ кажется, что Онъ—хозяинъ всего на землѣ.

— Нѣтъ, права собственности нельзя же отрицать на землѣ... У всѣхъ есть собственность... кромѣ насъ! Однако, поспѣши,—я голодна. Гдѣ лѣкарства? Да, на комодѣ. Приму передъ ѣдой облатку салициловаго натра... Ой! Какъ ноги болятъ! Не онѣ меня носятъ, а я ихъ таскаю... — Она съ усиліемъ встала съ мѣста.—Кажется, на костыляхъ было бы легче ходить. Вотъ подумай, что Богъ дѣлаетъ со мной! Просто насмѣшка. Зрѣніе мое плохо, ноги болятъ, голова болитъ, спину ломитъ,—все, все не въ порядкѣ, кромѣ желудка. Ѣсть нечего,—а апетитъ и пищевареніе, какъ у коршуна.

— Что же? И у меня то же самое. Но я не ропщу же, сударыня! Да благословенъ будетъ Господь, посылающій намъ желаніе поѣсть!

VI.

Донна Франциска Хуарецъ-и-Цапата, несчастная во многихъ отношеніяхъ, перешла за шестидесятилѣтній возрастъ. Со времени своего оскуденія, она проходила всѣ ступени

нужды и бѣдности, и стала извѣстной подъ вульгарнымъ прозвищемъ донны Паки, нерѣдко съ ядовитыми прилагательными.

Непрочны богатства и величіе земныя. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, женщина эта не знала счета деньгамъ, собачонокъ своихъ водила на золотыхъ цѣпочкахъ; а теперь мы нашли ее живущей милосердіемъ преданной служанки, которая, безъ вѣдома своей госпожи, протягивала руку на паперти, и подаяніемъ кормила ее и себя. А сколько нравственныхъ мученій, горя, стыда, униженій и страданій перенесла съ тѣхъ поръ разорившаяся аристократка!

Въ Мадридѣ такія паденія не рѣдкость и никого не удивляютъ; но, по истинѣ, судьба съ особенной жестокостью напала на донну Франциску Хуарецъ. Впрочемъ, одну ли судьбу слѣдуетъ винить въ этомъ? Характеръ и темпераментъ донны Паки несомнѣнно играли тутъ значительную роль. Безпечность, безпорядокъ, неумѣнье и нежеланье считать, — вотъ главныя свойства характера Франциски съ самыхъ раннихъ лѣтъ и до старости. Родилась она въ Рондѣ и рано выдана была замужъ за дона Антоніо-Марія-Цапата, человѣка вдвое старше ея, но хорошаго, честнаго и матерьяльно обезпеченнаго. Франциска Пакита принесла, кромѣ того, хорошее приданое, такъ что молодая чета вступила въ жизнь при исключительно благопріятныхъ условіяхъ. Цапата служилъ въ военной службѣ, потомъ перешелъ въ главный штабъ—и молодые поселились въ Мадридѣ.

Начались пріемы, выѣзды, тщеславный блескъ туалетовъ и обстановки, а донна Франциска, — какъ выше сказано, — считать денегъ не умѣла. Сначала они вышли изъ бюджета, сдѣлали долгъ, а чтобы покрыть его, впутались во второй, не стѣсняясь условіями; третій, четвертый заемъ—и петля на шею была надѣта. Самъ Цапата отличался акуратностью, но жена такъ подчинила его своимъ прихотямъ, что и онъ потерялъ всякую способность здраво мыслить.

Такъ продолжалось нѣкоторое время... Пакита все таки оставалась вѣрна своимъ привычкамъ, тратила и не считала.

Наконецъ, Цапата очнулся отъ угара и съ ужасомъ увидалъ, что они на краю пропасти. Онъ спохватился и, вѣроятно, съумѣлъ бы привести дѣла въ порядокъ и спасти

семью отъ окончательнаго разоренія; но случилось такъ, что, въ самомъ разгарѣ его финансовыхъ соображеній и операцій, онъ схватилъ воспаленіе легкихъ и умеръ, оставивъ вдову съ двумя дѣтьми,—Антуаномъ и Обдуліей — и запутанныя дѣла. Франциска не замедлила доказать свою полную неспособность къ управленію; вокругъ нея появились жадные паразиты, наперерывъ помогавшіе ей разоряться, но называвшіе себя ея друзьями.

Въ эту бѣдственную эпоху поступила къ ней въ услуженіе Бенина, и съ первыхъ же дней оказалась прекрасной поварихой; но вмѣстѣ съ тѣмъ она не упускала своей пользы и умѣла откладывать копѣйку отъ покупокъ про черный день. Даже донна Франциска,—на что ужь была расточительна и неразсчетлива, — но и она замѣтила слабость своей служанки къ утаиванью и приписыванью въ счетахъ. Однако, Бенина обладала такими солидными качествами, что барыня долго терпѣла ея слабости, граничившія, строго говоря, съ воровствомъ. Она была изумительно услужлива, чистоплотна, расторопна, дѣятельна, трудолюбива, и прекрасно готовила кушанья.

Кромѣ всего этого, она боготворила дѣтей своей госпожи, заботилась о нихъ съ материнскимъ самоотверженіемъ, — и за это Франциска готова была на многое смотрѣть сквозь пальцы. Кончилось, однако, тѣмъ, что между барыней и служанкой возникли крупныя непріятности, и Бенинѣ было отказано отъ мѣста. Дѣти долго неутѣшно плакали по своей милой нянѣ...

Три мѣсяца спустя, Бенина пришла навѣстить свою прежнюю хозяйку.

Она тосковала по барынѣ и по дѣтямъ, по дому, по мебели... Да и сама Пакита-Цапата питала къ Бенинѣ особенное расположеніе. Трудно было объяснить, какія тайныя нити связывали эти различные характеры, темпераменты, вкусы, міровоззрѣнія; но ихъ тянуло другъ къ другу,—это несомнѣнно. Однимъ визитомъ дѣло не ограничилось. Бенина повѣдала, что чувствуетъ себя несчастной на новомъ мѣстѣ, и, въ концѣ концовъ, водворилась на старомъ. Всѣ оказались довольны: и барыня, и служанка, и дѣти.

Къ этому времени относится значительное ухудшеніе матерьяльнаго положенія донны Франциски: долги возрасли до

необычайныхъ размѣровъ и поглощали весь доходъ; имѣнія продавались съ молотка, проценты наростали на занятыхъ суммахъ. Какъ на корабляхъ съ образовавшейся течью, бросаютъ въ море балластъ, не разбирая его цѣнности, такъ выкидывались мало-по-малу за бортъ дорогая мебель, ковры, картины...

Золотыя вещи и брилліанты давно уже покоились въ ломбардѣ! Но тщетно облегчался корабль, — семья Цапата была все равно наканунѣ крушенія. Къ довершенію бѣдъ, въ эту эпоху, между 1870 и 1880 годами, дѣти Франчиски перенесли массу тяжкихъ болѣзней: тифъ, эпилепсію, нервные припадки. Бенина съ такимъ усердіемъ ходила за ними, что, можно сказать, вырвала ихъ изъ когтей смерти. Правда, въ свою очередь, дѣти любили ее наравнѣ съ матерью, если не больше; по ея просьбѣ принимали лѣкарства, слушались предписаній врача, потѣли безъ конца, лежали спокойно и безъ позволенія не ѣли. Но все это не помѣшало возникновенію новыхъ ссоръ и дрязгъ между барыней и служанкой, — и послѣдняя вторично была уволена. Въ минуту гнѣва и оскорбленнаго самолюбія, Бенина ушла, наговоривъ много лишняго, съ клятвой никогда не переступать порога этого дома и отряхнувъ прахъ съ ногъ своихъ, такъ какъ, по ея словамъ, даже пыли она не хотѣла унести съ собой изъ непривѣтливаго жилища...

Но не прошло и году, какъ Бенина снова появилась, вся въ слезахъ, говоря:

— Не знаю, чѣмъ вы меня приворожили, сударыня, и какая сила тянетъ меня къ вашему дому, къ вашимъ дѣтямъ. Ума не приложу!.. Стѣны, вещи — все мнѣ у васъ дорого и мило; нигдѣ больше я жить не могу. Поступила и къ богатымъ господамъ, къ добрымъ... Для нихъ два реала больше или меньше при покупкахъ — ничего не значатъ; получаю шесть дуро жалованья... а мнѣ все плохо, день и ночь думаю о вашей семьѣ, тревожусь за здоровье дѣтей... Господа видятъ, что я все горюю и вообразили, что у меня есть дѣти... А я просто скучаю по васъ, сударыня, да по вашимъ дѣтямъ!

И на этотъ разъ Бенина вернулась на старое мѣсто, только уже одной прислугой. Вдова до такой степени обѣднѣла, что не только пришлось отказаться отъ второй прислуги, но надо

было переѣхать на маленькую дешевую квартиру въ третьемъ этажѣ. Донна Франчиска, не взирая на всѣ удары судьбы, считать все таки не выучилась и твердости характера не пріобрѣла. Служанка взяла въ свои руки бразды правленія, сама выбрала квартиру, въ улицѣ «Вязовъ», и перевезла своихъ господъ. Съ помощью Бенины, великодушно подѣлившейся съ Франчиской своими сбереженіями, удалось устранить самыя назойливыя непріятности, заткнуть ротъ нѣкоторымъ кредиторамъ-лавочникамъ, расплатиться со старой квартирой. У Бенины было накоплено до трехъ тысячъ реаловъ; изъ нихъ она и ссужала щедро свою барыню, устанавливая такимъ образомъ съ нею общность интересовъ, какъ въ счастьѣ, такъ и въ несчастьѣ. Но — странное дѣло! — даже при такомъ выдающемся порывѣ милосердія Бенина оставалась вѣрной своей привычкѣ утаивать и обманывать; она потихоньку, изъ своихъ же денегъ, отложила частицу и отнесла ее въ сберегательную кассу.

Повидимому, эта слабость составляла суть ея природы, наравнѣ съ широкой благотворительностью и безграничнымъ добросердечіемъ, и она плохо понимала различіе между своими и чужими деньгами. Водворившись въ третій разъ у своей возлюбленной госпожи, Бенина все таки доставляла себѣ наслажденіе утаивать гроши при покупкахъ и пріобщать ихъ къ своимъ сбереженіямъ.

Между тѣмъ, оскуденіе семьи Цапата дошло до крайней степени; даже пенсію вдовы удерживали за долги, въ размѣрѣ двухъ третей: наростали проценты на проценты; жизнь дѣлалась нестерпимой. Кредиторы не давали покоя. Единственнымъ утѣшеніемъ госпожи и служанки было строить въ безсонныя ночи воздушные замки, мечтать о выигрышѣ, о чудесномъ обогащеніи, о наслѣдствахъ.

Изъ улицы «Вязовъ» пришлось перебраться въ улицу «Бузины», а затѣмъ «Миндальныхъ деревьевъ». Сообразно съ роковымъ названіемъ улицъ по имени разныхъ деревьевъ, пришлось семьѣ Цапата вести кочевую птичью жизнь, перелетая съ вѣтки на вѣтку, скрываясь отъ охотниковъ и поминутно опасаясь ружейныхъ выстрѣловъ или брошеннаго камня.

Въ одну изъ тяжкихъ минутъ, Бенина снова прибѣгла къ

остаткамъ своихъ сбереженій: въ наличности у нея было всего 17 дуро. Все остальное ушло на помощь разорившимся господамъ.

Не желая быть откровенной съ барыней, Бенина сочинила ей, что одна изъ ея пріятельницъ, нѣкая Розаура, продавщица меду, отдала ей на сбереженіе нѣсколько дуро.

— Дай, дай мнѣ все, что у тебя есть, Бенина. Богъ вознаградитъ тебя въ будущей жизни! А я отдамъ тебѣ двойную сумму, какъ только получу ренту изъ Ронды... ты знаешь, это будетъ скоро, на дняхъ.

Служанка принесла двѣнадцать съ половиною дуро и отдала ихъ барынѣ.

— Вотъ все, что у меня есть, сударыня. Вѣрьте мнѣ. Клянусь всѣмъ на свѣтѣ.

Она оставалась вѣрна своей привычкѣ и даже сама у себя утаивала деньги, припрятывая потихоньку на разживу. Но бездонная пропасть должна была въ концѣ концовъ поглотить всѣ ея сбереженія до послѣдняго гроша...

VII.

Не одними матерьяльными бѣдствіями исчерпывались несчастья вдовы Хуарецъ-Цапата. Во то время, когда она еще жила въ улицѣ «Вязовъ», всѣ знакомые и друзья, помогавшіе ей бросать на вѣтеръ состояніе, мало-по-малу покинули ее; въ моментъ начала нашего разсказа, она была буквально покинута всѣми, кромѣ преданной Бенины. Сосѣди, лавочники и торговцы прозвали ее фамильярно донной Пакой, а при случаѣ добавляли что нибудь въ родѣ: «донна Пака-обманщица» или: «нищая маркиза».

Кромѣ того, Богу угодно было послать ей испытаніе въ дѣтяхъ: вмѣсто утѣшенія, они приносили матери только горе и мученіе. Изъ Антонито вышелъ довольно скверный малый; тщетно мать его и Бенина, или — вѣрнѣе сказать — его двѣ матери усиленно старались выбить у него изъ головы скверныя мысли; бывало, ласками и уговорами добьются они того, что блудный сынъ какъ будто покорится, раскается; но притворщикъ выманитъ у нихъ денегъ да и примется за старое. Въ шестнадцать лѣтъ онъ умѣлъ такъ ловко умилять и водить

за носъ своихъ матерей, что надо было подивиться; учился онъ со словъ товарищей, такъ какъ всѣ купленные ему учебники непремѣнно продавалъ. Въ девятнадцать лѣтъ онъ началъ оргіи и кутежи съ пріятелями, пропадалъ по нѣсколько дней изъ дому. Обѣимъ женщинамъ, не перестававшимъ любить его, приходилось тщательно прятать отъ него деньги; но онъ ничѣмъ не стѣснялся, вытаскивалъ жалкіе гроши изъ кармана матери и изъ засаленнаго кошелька Бенины. На клятвы и обѣщанія онъ былъ первый мастеръ; послѣ безобразныхъ попоекъ, являлся домой понурый и раскаивающійся, сидѣлъ нѣсколько дней дома, вздыхалъ, плакалъ, клялся исправиться, цѣловалъ обѣихъ матерей — и вдругъ снова «снимался съ якоря» и уносился невѣдомо куда, оставляя матерей въ сотый разъ одураченными и унося съ собой, что̀ плохо лежало...

По счастью или по несчастью (какъ знать навѣрное?), въ домѣ не было ни серебряныхъ приборовъ и ничего цѣннаго. Но «доброму вору все впору»: онъ снисходилъ и до зонтиковъ, до скатертей и салфетокъ. О его собственныхъ вещахъ нечего ужь и толковать: верхнее платье его всегда было заложено или продано, — не стоило и заводить. Бѣдныя женщины просто не знали, что̀ имъ дѣлать, опасаясь, что онъ сниметъ съ нихъ послѣднюю рубашку! У Обдулія пропадали игольники, наперстки; съ кухни исчезали утюги, кострюльки, щипцы, даже калоши. Донна Пака не рѣшалась больше брать у сосѣдей книгъ—онѣ мгновенно улетучивались, не оставляя никакого слѣда; та же участь постигла молитвенники, бинокли, перчатки и даже пустую клѣтку.

Въ другомъ родѣ, и совершенно различнаго характера, была Обдулія,—«малютка», какъ ее неизмѣнно звали обѣ матери,—но ладить съ ней тоже было нелегко. Въ двѣнадцать лѣтъ у нея развилась въ сильнѣйшей степени неврастенія,—ни кротость, ни строгость, ничто не дѣйствовало на дѣвочку. Съ годами состояніе это ухудшалось; она безъ всякой видимой причины переходила отъ мучительныхъ тревогъ и предчувствій къ истеричному веселью или впадала въ мрачную меланхолію. Черная хандра ея, также какъ и нервная возбужденность, повергали матерей въ отчаяніе; пища ея тоже составляла немаловажную задачу: то ей хотѣлось чего нибудь особеннаго, не по средствамъ; и когда, съ великими затрудне-

ніями, капризъ ея исполнялся, она заявляла, что все ей противно, а въ особенности это кушанье. То вдругъ приходила ей фантазія кормиться какими-то тюрями и оскребками; матери теряли голову и терпѣніе, хотя послѣднимъ Богъ надѣлилъ ихъ щедро. Когда тоска находила на дѣвушку, она плакала дни и ночи, сама не зная, объ чемъ; иногда, ни съ того, ни съ сего, начинала грубить, рвать и метать, и дѣлалась просто невыносимой. По мнѣнію одного доктора-филантропа, навѣщавшаго ихъ безвозмездно, весь безпорядокъ въ организмѣ Обдуліи происходилъ отъ сильнѣйшей анеміи и для успѣшной борьбы съ нею онъ предписывалъ желѣзо, кровавые бифштексы и холодное обливанье.

«Малютка» была хорошенькая, съ нѣжнымъ прозрачнымъ личикомъ, каштановыми волосами, кроткими глазами при мечтательномъ выраженіи, тоненькая, стройная; когда она бывала «нормальна», то держала себя мило и прилично; только всегда какъ-то дѣйствительность не имѣла для нея значенія, и она словно жила въ мірѣ грезъ и фантазій. Болѣзненное и пылкое воображеніе дѣлало ее совершенно непригодной къ выпавшей на ея долю жизни, полной лишеній и ограниченій; приспособиться же къ нуждѣ она была не въ состояніи. Иногда замѣчалось въ ней желаніе нравиться, предпочтеніе къ той или другой особѣ; донна Пака приходила въ восторгъ, надѣясь, что «малютка» сдѣлается похожей на всякую другую дѣвушку и ее можно будетъ выдать замужъ; у матери составлялся планъ пристроить Обдулію за одного изъ сыновей своего родственника Матіаса, — помѣщика въ Ронда, — Куритто Цапата; молодой человѣкъ пріѣзжалъ иногда въ Мадридъ, бывалъ у тетки, и Обдулія, повидимому, приглянулась ему. Съ своей стороны, молодая дѣвушка не выказывала антипатіи къ кузену, но обращалась съ нимъ нервно, какъ настоящая истеричка. Однако донна Пака не унывала и мечты эти утѣшали ее.

Между тѣмъ, неизвѣстно какимъ образомъ, Обдулія обратила благосклонное вниманіе на жившаго противъ нихъ молодаго человѣка, который прельстился ея наружностью и объяснился въ любви. То былъ сынъ хозяина «бюро похоронныхъ процессій»—красивый малый, студентъ; онъ писалъ ей пылкіе стихи, упоминалъ о лунѣ, о звѣздахъ, о блаженствѣ любить или умереть вмѣстѣ съ предметомъ любви. Начались

свиданія, условные знаки; весь этотъ арсеналъ романическихъ затѣй пришелся по вкусу юной фантазеркѣ...

Узнавъ объ этомъ, донна Пака пришла въ отчаяніе, пробовала уговаривать дочь, приказывать, требовать; начались у «малютки» нервные припадки, судороги, бѣшеныя выходки; она пыталась отравиться фосфорными спичками и рѣшительно заявила: или рыцарь изъ «бюро похоронныхъ процессій», или смерть! Другаго исхода Обдулія не признавала.

Пока мать отчаивалась и раздумывала: не переговорить ли съ самимъ предпринимателемъ процессій, не попросить ли его выбить палкой дурь изъ головы сына — случилось нѣчто такое, противъ чего всякая борьба оказалась безсильной и излишней. Молодые люди порѣшили умереть вмѣстѣ. Обдулія потихоньку вышла изъ дому; избранникъ ея сердца встрѣтилъ ее на улицѣ и они пошли приводить романическую идею въ исполненіе. Найдутъ они поэтичный уголокъ, кладбище, тѣнь кипариса, и покончатъ съ земнымъ существованіемъ въ одинъ и тотъ же мигъ, въ объятіяхъ другъ друга. Такъ шли они, изобрѣтая, какъ бы найти наименѣе мучительный способъ перехода въ лучшій міръ; но вдругъ имъ пришло въ голову поступить совсѣмъ иначе. У рыцаря водились по счастью деньги: наканунѣ вечеромъ, онъ получилъ по счету отца деньги съ одного заказчика за цинковый гробъ, и съ другаго — за торжественную похоронную процессію въ шесть лошадей,

Чего же проще? Идея смерти, благодаря деньгамъ, моментально превратилась въ стремленіе пожить и исполнить свое назначеніе на землѣ. Молодая чета отправилась въ ресторанъ подкрѣпить силы, а затѣмъ въ гостинницу,—откуда послано было письмо къ родителямъ, что бракъ ихъ благополучно состоялся.

То есть это говорилось для красоты слога; но они знали, что маленькая формальность теперь не замедлитъ осуществиться. И, правда, хозяинъ «похоронныхъ процессій» явился къ доннѣ Пакѣ, разливавшейся рѣкой, и, злобно топая ногами, заявилъ, что противъ совершившагося факта, видно, ничего не подѣлаешь, — придется дураковъ повѣнчать. Такъ какъ за молодой не въ состояніи были дать ни денегъ, ни тряпокъ, ни даже кровати, то «похоронный» родитель рѣшилъ отвести сыну съ невѣсткой маленькую квартирку во второмъ этажѣ надъ складомъ гробовъ и опредѣлилъ имъ небольшую пенсію.

Какъ ни какъ, а такой исходъ успокоилъ всѣхъ, и въ обѣихъ семьяхъ водворился сравнительный миръ. Хозяинъ бюро заявилъ сыну, что онъ можетъ работать съ отцомъ и получать свой пай за бальзамированіе, поставку декоративныхъ предметовъ для похоронъ, гробовъ и т. д. Молодые могли пользоваться скромнымъ довольствомъ при порядкѣ и экономіи.

VIII.

Не успѣла донна Пака успокоиться послѣ сюрприза, приподнесеннаго дочерью, какъ сына ея взяли въ солдаты. Бѣдная женщина не знала, радоваться ей или горевать. Не весело, конечно, видѣть сына съ ружьемъ за спиной, а съ другой стороны военная карьера могла прійтись ему по вкусу: иногда дисциплина отучаетъ молодыхъ людей отъ дурныхъ привычекъ. Однако, кончилось тѣмъ, что Антонито попалъ въ резервъ.

Вскорѣ, послѣ четырехдневнаго кутежа, онъ явился домой и объявилъ матери, что женится и что если мать не дастъ своего согласія на этотъ бракъ, то онъ обойдется и безъ него.

— Я согласна, дитя мое, что ты? — заливаясь слезами, сказала мать.—Богъ съ тобой! Мы вдвоемъ съ Бениной хоть отдохнемъ немножко. Разъ что ты встрѣтился съ родственной душой, полюбилъ ее и тебя полюбили, — мнѣ остается только радоваться.

На вопросы объ имени и положеніи невѣсты, Антонито отвѣтилъ, что считаетъ ее очень богатой и такой доброй, что желать лучшаго невозможно. Оказалось, что онъ намѣренъ жениться на мастерицѣ, строчившей заготовки ботинокъ, такъ что наперстокъ составлялъ все ея богатство.

— Хорошо устроились, мои дѣти! — сказала съ горечью донна Пака: — по крайней мѣрѣ, Обдулія, живя между гробами, найдетъ хоть жилище послѣ смерти... А ты, Антоніо, чѣмъ будешь жить? Строченіемъ твоего сокровища? Правда, ты трудолюбивъ и экономенъ; свой заработокъ будешь прибавлять къ ея доходу... Господи, да за что же наказуешь ты меня? Хоть бы умереть поскорѣе и не видѣть дальнѣйшихъ несчастій!

Чтобы быть правдивымъ, надо сказать, что какъ только Антоніо

женился, такъ сейчасъ же образумился и окончательно бросилъ свою привычку присвоивать себѣ чужія вещи. Вообще перемѣна въ немъ произошла радикальная: онъ сталъ ласковъ съ матерью и Бениной, довольствовался маленькими суммами, которыя онѣ ему удѣляли, сталъ воздержнѣе въ манерахъ и выраженіяхъ. Бенина выразила донѣ Пакѣ мысль, что, быть можетъ, этотъ бракъ принесетъ счастье всей семьѣ, такъ какъ счастье приходитъ иногда самыми неожиданными путями.

Но вдова все видѣла въ черномъ цвѣтѣ и не поддавалась утѣшеніямъ своей преданной служанки. По правдѣ говоря, объ женщины, оставшись въ одиночествѣ, далеко не успокоились насчетъ «дѣтей» и вовсе не рады были возможности отдохнуть безъ нихъ... Да это и естественно. Родители продолжаютъ любить дѣтей, даже когда эти послѣдніе терзаютъ, мучатъ и позорятъ ихъ...

Немного спустя послѣ двухъ свадебъ, донна Пака переѣхала въ улицу «Imperiale» продолжая изобрѣтать (но тщетно!) способы сводить концы съ концами. Доходы ея окончательно изсякли, такъ какъ вдовья пенсія вся цѣликомъ уходила на удовлетвореніе мелкихъ кредиторовъ. Почти всякій день приходилось двумъ женщинамъ ломать головы надъ проблеммой обѣда; въ домѣ не осталось ни одной цѣнной вещи. Въ лавкахъ кредитъ держался на ниточкѣ, и то когда рѣчь шла о пустяшной суммѣ. Отъ «дѣтей» нечего было и ждать: тѣ сами едва кормились. Положеніе было трагическое.

Въ эти дни Бенина выказала чудеса изобрѣтательности, чтобы не допустить свою госпожу до голоданія: выпрашивала у торговцевъ провизіи въ долгъ, выклянчивала въ мясныхъ лавкахъ костей на бульонъ, кочерыжекъ, слегка тронувшихся цыплятъ, надтреснутыхъ яицъ и разныхъ съѣдобныхъ отбросовъ ничтожной стоимости для торговцевъ.

По злой иронiи судьбы, донна Пака, немощная и хилая, сохранила здоровенный апетитъ и пристрастіе къ тонкимъ блюдамъ въ такой изумительной степени, что это уже само по себѣ являлось какъ бы недугомъ. Но, поразительной изворотливостью ума, Бенинѣ удавалось кормить ее не только сносно, но даже балуя деликатесами и соусами. Сама же служанка довольствовалась глоданіемъ костей и объѣдками. Но и при такихъ обстоятельствахъ Бенина не могла отказать

себѣ въ удовольствіи припрятать часть денегъ отъ обожаемой барыни и потихоньку отложить, разсчитывая начать новыя сбереженія, что̀ ей до сихъ поръ рѣшительно не удавалось.

Между тѣмъ, Антоніо и Обдулія терпѣли во всемъ недостатокъ, точно наслѣдственность распространялась на нихъ и въ этомъ отношеніи. Обду́лія, не въ силахъ свыкнуться съ окружающими ее гробами, захандрила и выкинула мертваго ребенка; нервы ея окончательно развинтились; мужъ охладѣлъ къ ней и началъ вести безпутную жизнь. Получая скудную поддержку отъ родителей мужа, заброшенная, несчастная, жила она въ квартирѣ верхняго этажа надъ гробами, питаясь впроголодь и давая полную волю своему необузданному, болѣзненному воображенію.

Наоборотъ, Антонито превратился въ хорошаго и трудолюбиваго семьянина, благодаря вліянію своей жены, оказавшейся женщиной твердаго характера и непреклонной воли. Однако, нравственное перерожденіе Антонито не спасло его и жену отъ бѣдности и лишеній. Юная чета поселилась въ крошечной квартиркѣ, въ улицѣ Санъ-Карло, гдѣ хотя и замѣтна была рука домовитой и акуратной хозяйки, но буквально негдѣ было повернуться. Антонито занимался маклерствомъ объявленій, весь день безъ устали бѣгалъ изъ лавки въ лавку, изъ редакціи въ другую, и хотя снашивалъ изрядное количество обуви, но все таки кое-что изъ его заработка оставалось на подмогу непосильной труженицѣ — зингеровской машинкѣ.

Въ первый же годъ, у нихъ родились двойни: пришлось взять прислугу, т. е. лишній ротъ; прибавилось работы какъ зингеровской машинкѣ, такъ и ногамъ Антонито.

Въ первые мѣсяцы женитьбы, до появленія близнецовъ, Антонито доводилъ донну Паку до умиленныхъ слезъ тѣмъ, что приносилъ ей то реалъ, то два въ подарокъ... Неизбалованной сыновнимъ вниманіемъ матери это участіе казалось дороже всякаго наслѣдства. Но когда пара новорожденныхъ заявила свои громкія требованія на жизнь и питаніе, счастливому отцу не откуда было больше брать излишекъ для бабушки, а полезнѣе бы было самому получить его.

Мало-по-малу мужъ Обдуліи, Ликитасъ, окончательно сбился съ пути истиннаго, сталъ по недѣлямъ пропадать изъ

дому, повидимому, забывъ, что онъ женатъ; отецъ вынужденъ былъ лишить его права получать деньги съ заказчиковъ, за гробы и похоронныя процессіи. Обдулія унаслѣдовала отъ матери полную неспособность вести хозяйство, живо очутилась вся въ долгахъ и чуть не всякій день посылала привратницу къ доннѣ Пакѣ, прося одолжить ей сколько нибудь денегъ. Разумѣется, всѣ эти недохватки тяжкимъ бременемъ заботъ и тревогъ ложились на Бенину, которая изъ кожи лѣзла, чтобы прокормить не только свою любимую госпожу, но и помочь по возможности Обдуліи. Какъ неутомимо и самоотверженно боролась она съ судьбой, чтобы сохранить хоть нѣкоторый внѣшній декорумъ, безъ котораго немыслимъ кредитъ въ лавкахъ! Но какъ она ни билась, а кончилось тѣмъ, что, припрятавъ самолюбіе и стыдъ, она начала протягивать руку за подаяніемъ... Прибѣгла къ этому средству разъ,—надѣясь, что это будетъ въ первый и въ послѣдній,—потомъ во второй, въ третій—и пошло... Милостыня сдѣлалась почти единственнымъ источникомъ пропитанія для ея «близкихъ»... Одна мысль твердо засѣла у нея въ головѣ: скрыть отъ барыни свой постыдный промыселъ. Вслѣдствіе этого, она сочинила ей цѣлую исторію, будто нѣкій священникъ прихода св. Себастьяна, донъ Ромуальдо (такого и не было, разумѣется), нанялъ ее приходящей кухаркой. Такимъ образомъ объясняла она доннѣ Пакѣ свои ежедневныя утреннія отлучки и разсказывая, для правдоподобности, о рѣдкихъ душевныхъ качествахъ и щедрости дона Ромуальдо.

Въ отношеніи фантастическихъ разсказовъ, Бенина была великая мастерица; мало-по-малу она чуть-что сама не увѣровала въ существованіе добрѣйшаго дона Ромуальда; что же касается до донны Паки, то она ни минуты не усомнилась въ правдивости разсказа своей служанки и каждый день молилась за добраго патера, прося Господа увеличить его состояніе, дабы Бенина могла пользоваться его щедротами. Она ужасно интересовалась этой миѳической личностью, и по ночамъ, страдая безсонницей, требовала отъ Бенины массу мельчайшихъ подробностей касательно жизни, привычекъ, родственницъ, жившихъ у него, обстановки и ежедневныхъ тратъ дона Ромуальдо. Бенина не затруднялась и такъ пространно разсказывала о своемъ благодѣтелѣ, о его сестрахъ и племян-

ницахъ, что донна Пака все равно что лично познакомилась со всей этой благочестивой семьей...

IX.

Итакъ, въ тотъ день, старая вдова, Франциско-Пакита-Хуаресъ-и-Цапата съ апетитомъ ѣла кушанья, купленныя на деньги слѣпаго Альдумеда, и наивно выслушивала небылицы, которыя плела ей вѣрная служанка и подруга. Донна Пака такъ привыкла вѣрить въ распорядительность Бенины, что сама перестала заботиться о завтрашнемъ днѣ, надѣясь, что служанка, съ помощью дона Ромуальдо, обо всемъ подумаетъ и все припасетъ. Барыня и прислуга вмѣстѣ поѣли, и донна Пака прочувствованнымъ тономъ произнесла:

— Ты не должна торговаться со священникомъ изъ-за лишняго часа, Бенина! По уговору ты занята тамъ до полудня, но если случится въ тебѣ надобность, можешь остаться хоть до вечера. Обо мнѣ не заботься, я съумѣю обойтись и безъ тебя.

— Ну, нѣтъ, этому не бывать!—возразила Бенина:—надо поспѣвать и тутъ, и тамъ. Тѣ господа — добрые люди; они понимаютъ и мое положеніе.

— Хорошо, тебѣ лучше ихъ знать. Молю Бога за нихъ каждый день. Дай Господи, чтобы дона Ромуальдо поскорѣе назначили епископомъ!

— Поговариваютъ уже со стороны, что скоро ему предложатъ мѣсто епископа... Не съумѣю сказать вамъ, сударыня, гдѣ именно,—слышно, на Филипинскихъ островахъ...

— Ахъ, какъ далеко! Лучше бы поближе, гдѣ онъ могъ бы дѣлать столько добра.

— Донна Патросъ, старшая изъ его племянницъ, того же мнѣнія.

— Это сѣдая, немножко косенькая?

— Нѣтъ, другая.

— Ахъ, вспомнила: заика, и страдаетъ нервнымъ трясеніемъ головы!

— Вотъ, вотъ... Она говоритъ: «какъ мы поѣдемъ въ такую даль?.. Нѣтъ, нѣтъ! Лучше оставаться простымъ свя-

щенникомъ здѣсь, чѣмъ ѣхать епископомъ туда, гдѣ, говорятъ, бываетъ полдень, когда у насъ полночь»...

— Къ антиподамъ.

— А сестра его, донна Жозефа, и говоритъ: «только бы митру-то получить, а тамъ все равно, куда ни назначатъ! Я, говоритъ, не побоюсь хоть на край свѣта ѣхать, лишь бы видѣть братца въ подобающемъ ему почетѣ»!

— Можетъ быть, она и права. Мы всѣ должны бы смириться передъ волей божіей. Если его и ушлютъ отъ насъ въ такую даль, онъ все таки окажетъ намъ покровительство! Пути Провидѣнія неизвѣстны. Мы думаемъ — плохо, а выдетъ хорошо... Уѣзжая, донъ Ромуальдо можетъ рекомендовать насъ протекціи какого-нибудь здѣшняго епископа, даже нунція...

— Разумѣется. Увидимъ...

Разговоръ о сказочномъ священникѣ на этомъ остановился. Донна Пака начала разспрашивать про дочь.

— Скажи мнѣ, Нина, что говоритъ Обдулія?

— Ничего. Что жь ей говорить? Бѣдняжка! Негодяй Ликитасъ пропадаетъ вотъ ужь двѣнадцать дней. «Малютка» увѣряетъ, что ему удалось получить по счету за бальзамировку, и онъ прокучиваетъ эти деньги съ какой-то потаскушкой.

— Заступись за насъ, Іисусе! А отецъ что дѣлаетъ? Чего онъ смотритъ?

— Онъ ругаетъ его, поколотитъ подъ сердитую руку, — а исправить кто жь его можетъ? «Малюткѣ» присылаютъ обѣдъ отъ свекра, да только такъ мало, что и мыши нечѣмъ быть сытой. Бѣдная Обдулія умерла бы съ голоду, кабы я ей не приносила, чего могу. Несчастная моя овечка! А все таки скажу вамъ: она весела! Вы вѣдь знаете, — она ужь у насъ такая и есть, — когда горевать надо, она радуется; а когда люди на ея мѣстѣ радовались бы, она плачетъ и убивается. Одному Богу вѣдомо, что творится въ этой несуразной головѣ и чѣмъ можно утѣшить ее! Одно вѣрно: я видѣла ее веселой и довольной. Должно быть, думаетъ о чемъ нибудь пріятномъ. Пусть ее, эдакъ-то лучше! Она вѣритъ всему, что придумаютъ ея мозги, и счастлива, хотя другая на ея мѣстѣ всѣ бы глаза выплакала.

— Что за чудеса! Почему бы ей радоваться и веселиться? Одну ты ее видѣла... совершенно одну, бѣдную «малютку»?

— Нѣтъ, сударыня,—у нея сидѣлъ этотъ кавалеръ, такой любезный и франтоватый... изъ семьи Дельгадосъ, вашъ землякъ...

— Да, ты мнѣ говорила о немъ: это мой дальній родственникъ, Франчиско Понте. И землякъ, и родственникъ. Былъ онъ когда-то изящнымъ caballero, но старъ теперь, какъ пальмовая роща. Добрякъ онъ, рыцарскихъ правилъ, съ дамами безукоризненъ, старой школы!.. Теперешняя молодежь груба и неблаговоспитанна. Онъ приходился зятемъ кузинѣ моего мужа, потому что сестра его вышла замужъ... Ну, все равно, забыла. Я рада, что онъ знакомъ съ Обдуліей,—это ей полезно. У него хорошія манеры, положеніе въ свѣтѣ...

— Ну, насчетъ положенія-то, кажется, вы ошибаетесь!.. Этотъ донъ Фраскито какъ будто того... качается между небомъ и землей.

— Въ мое время онъ былъ холостъ, жуиръ, прожигатель жизни. Имѣлъ хорошее мѣсто, обѣдалъ въ аристократическихъ домахъ, а ночи проводилъ за картами.

— А теперь, думается мнѣ, обнищалъ онъ, какъ церковная крыса, и ночуетъ...

— Гдѣ?

— Въ меблированномъ ночлежномъ пріютѣ Бернарды, въ улицѣ Медіодіа-Гранде, знаете?

— Что ты мелешь?

— Этотъ рыцарь ночуетъ у Бернарды, когда въ карманѣ у него найдутся три реала за кровать.

— Ты съ ума сошла, Бенина!

— Сама видѣла, сударыня; Бернарда — мнѣ пріятельница. Она вѣдь одолжила намъ взаймы восемь дуро — помните?—когда вамъ необходимо было уплатить проценты по векселю въ Рондѣ...

— Да, да, помню... Она приходила каждый день напоминать о своемъ одолженіи и бѣсила насъ съ тобой...

— Вотъ, вотъ, она самая. Но все таки скажу, что она женщина не злая. Ко взысканію не подала бы, хоть и стращала. Она богата: кромѣ ночлежныхъ пріютовъ, приносящихъ ей хорошій доходъ, она еще выиграла въ лотерею,—да, сударыня, не меньше сорока тысячъ дуро выиграла и помѣстила ихъ въ банкъ, а живетъ процентами...

— Невѣроятно. Господи, что только творится на свѣтѣ!.. Но поговоримъ о caballero Понте. Если онъ очень бѣденъ, такъ вѣдь, должно быть, жалко смотрѣть на него? Однако, такъ лучше для «малютки»... Еслибъ онъ не былъ несчастнымъ бѣднякомъ, репутація Обдуліи могла бы пострадать...

— Я думаю, — сказала смѣясь Бенина, — что онъ ходитъ туда, разсчитывая на бальзамировку... ему ужь пора! Того и гляди, совсѣмъ разсыплется!

Донна Пака посмѣялась шуткѣ и освѣдомилась о другой семьѣ.

— «Мальчика» я не видала ни вчера, ни сегодня; донна Джуліана сказала мнѣ, что онъ бѣгаетъ, благодаря заразнымъ болѣзнямъ: пропасть объявленій о разныхъ средствахъ да снадобьяхъ. Онъ подумываетъ, какъ бы самому издавать газету объявленій, спеціально для магазиновъ и лавокъ,—гдѣ что можно купить. Близнецы похожи на свѣженькіе комочки масла. Но матери приходится вдвое ѣсть, чтобы питать такихъ красавчиковъ. Мы знаемъ, какъ ѣдятъ кормилицы. Джуліана обѣщала подѣлиться съ нами, когда дядя пришлетъ ей всякой снѣди на праздникъ; и еще, говоритъ, «подарю вамъ двѣ пары бракованныхъ ботинокъ изъ того магазина, гдѣ работаю»!..

— Она добрая, не спорю, Нина... Но ужасная мѣщанка! Такая вульгарная мѣщанка, что мы никогда не можемъ сойтись съ ней, ни показываться вмѣстѣ. Подарки ея оскорбляютъ меня... и я ихъ принимаю только потому, что она дѣлаетъ это отъ души. Однако, намъ пора спать, Нина. Полагаю, что послѣ ѣды прошло достаточно времени: приготовь мнѣ лѣкарство. Сегодня ноги у меня особенно слабы и зрѣніе плохо. Господи, что какъ вдругъ я ослѣпну! Съ каждымъ днемъ вижу все хуже и хуже; но глаза, благодаря Бога, не болятъ. И по ночамъ, если я хоть сколько нибудь сплю, то благодаря тебѣ, твоимъ разсказамъ... Утромъ же, вѣришь ли, другъ мой, глаза почти ничего не видятъ, а ноги—какъ вата! Спрашивается, какое отношеніе имѣетъ зрѣніе къ ревматизму? Говорятъ: ходить надо, гулять... Но какъ могу я выходить въ такомъ жалкомъ видѣ, безъ приличнаго платья, рискуя на каждомъ шагу встрѣтить прежнихъ знакомыхъ, знавшихъ меня въ лучшія времена, или какого нибудь грубаго и неотесаннаго лавочника, которому мы задолжали?..

Тутъ Бенина вспомнила, что не сообщила еще своей госпожѣ самой важной новости, которую она, впрочемъ, приберегала на закуску. Общими силами вымывъ и прибравъ посуду, обѣ женщины вышли изъ кухни; тогда Бенина самымъ равнодушнымъ тономъ произнесла:

— Ахъ, да, кстати, я было и забыла!.. Такая голова безпамятная стала! Сегодня я встрѣтила донъ Карлоса Морено-и-Трухильо.

Донна Пака вздрогнула и чуть не пролила лѣкарства.

— Донъ Карлоса?.. Ты сказала: донъ Карлоса?.. И онъ разспрашивалъ тебя обо мнѣ?

— Конечно, и съ большимъ интересомъ...

— Неужели? Пришелъ часъ, когда старый скряга вспомнилъ обо мнѣ, впавшей въ нищету на его глазахъ!.. Обо мнѣ невѣсткѣ его жены!.. Пурита покойница была вѣдь родная сестра моего мужа... и никогда не вздумала протянуть мнѣ руку помощи...

— Въ прошломъ году, однако, ужь послѣ ея смерти, онъ вамъ прислалъ денегъ, сударыня...

— Шесть дуро. Срамъ! — воскликнула донна Пака, давая волю досадѣ, негодованію и ненависти, накопившимся въ долгіе годы страданій и униженія: — краснѣю при воспоминаніи? Шесть дуро и какія-то тряпки, оставшіяся послѣ Пуриты,— старыя перчатки, разорванныя платья, да придворный костюмъ, временъ замужства королевы. На что мнѣ вся эта дрянь?.. Но разсказывай дальше. Гдѣ ты его встрѣтила? въ которомъ часу.

— Около полудня. Онъ выходилъ изъ церкви св. Себастьяна...

— Знаю, онъ только и дѣлаетъ по утрамъ, что шляется изъ церкви въ церковь, старый ханжа! Но ты говорила мнѣ, что въ половинѣ перваго подавала кушать дону Ромуальду?

Бенину не такъ-то легко было сбить съ толку. Ея умъ, изощрившійся въ лганьѣ, и память, вѣрно сохранявшая хронологическія подробности ея вранья, живо подсказали ей способъ вывернуться.

— А развѣ я вамъ не сказала, что, когда накрывали на столъ, не хватило одной солонки? Я и бѣгала на уголъ улицы Espoz-y-Mina.

— Не помню, чтобъ ты говорила это. Но какъ же можно было бросить кухню передъ самымъ обѣдомъ?

— А что жь подѣлаешь? Судомойка улицъ не знаетъ и покупать не умѣетъ. Пропала бы на два часа и принесла бы лаханку, вмѣсто солонки. А я бѣгомъ, живою рукой, оборудовала. За кушаньемъ присмотрѣла, спасибо ей, донна Патросъ... Она сама насчетъ стряпни не промахъ; повѣрьте, не хуже меня обѣдъ изготовитъ, а, пожалуй, даже получше... Такъ вотъ, я и встрѣтила этого хрыча донъ Карлоса.

— Но, чтобы изъ улицы de-la Greda дойти до Espoz-y-Mina, тебѣ не къ чему было проходить мимо церкви!

— Да вѣдь я сказала, что донъ Карлосъ вышелъ изъ церкви, а не я! Я издали видѣла, какъ онъ вышелъ... и обернулся взглянуть на часы. А я была въ лавкѣ... Когда онъ подошелъ къ углу, лавочникъ выскочилъ за дверь поздороваться съ нимъ... Онъ увидалъ меня и окликнулъ. Ну, и поговорили...

— Что же онъ сказалъ? Разскажи подробно.

— Во-первыхъ, спросилъ о здоровьѣ вашемъ... и дѣтей.

— Что за дѣло до насъ этому жестокосердому человѣку? У него тридцать четыре дома въ Мадридѣ, какъ говорятъ,— на единицу больше, чѣмъ было лѣтъ Спасителю; нажилъ онъ мѣшки золота, занимаясь контробандой, спаивая таможенныхъ чиновниковъ, надувая всѣхъ и каждаго... Чего ему вздумалось любезничать? Ты бы ему сказала, что я его презираю и горжусь моей нищетой, потому что она ставитъ преграду между мною и имъ... Онъ отмѣриваетъ и отвѣшиваетъ, когда помогаетъ бѣднымъ, воображая, что можно подавать полушки да восьмушки и такимъ дешевымъ способомъ покупать себѣ молитвы бѣдняковъ. Онъ надѣется обмануть и Того, Кто все видитъ и читаетъ въ сердцахъ людей; разсчитываетъ обманомъ пробраться въ царствіе небесное, прикинуться не тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ! Надѣется, что также легко обмануть Бога, какъ онъ обманывалъ людей, сбывая гнилой ситецъ по полтора реала за аршинъ, благодаря фальшивымъ клеймамъ... Сказала это ему? Сказала ли?

X.

— Не говорила, сударыня, да и не слѣдъ говорить!—замѣтила резонно Бенина, видя, что донна Пака черезчуръ волнуется и даже вся покраснѣла.

— Однако, должна же ты помнить, какъ они съ женой относились ко мнѣ! Всегда носъ задирали. Когда дѣла мои пошатнулись, они воспользовались случаемъ, чтобы погрѣть руки. Вмѣсто помощи, затягивали веревку, чтобъ задушить меня. Видѣли, что проценты съѣдятъ меня, и не могли предложить мнѣ взаймы, на божескихъ условіяхъ! Не хотѣли спасти меня, радовались моей погибели. А когда я принуждена была продавать обстановку, они покупали ее за безцѣнокъ,—золоченую мебель гостинной, прекрасныя шолковыя гардины, драпри... Такъ и ждали кораблекрушенія, какъ акулы, а корчили изъ себя спасителей... Сколько дали они мнѣ за «Святаго Николая» Толентино, севильской школы, за этотъ перлъ нашей галереи? Сколько? Двадцать четыре дуро! Слышишь, Бенина, душа моя,—двадцать четыре дуро... Поймали меня въ минуту унынія, отчаянія, безвыходности. Позже смотритель музея сказалъ мнѣ, что картина стоитъ по меньшей мѣрѣ десять тысячъ реаловъ... Понимаешь, что это за люди?! Не только имъ неизвѣстна истинная благотворительность, но они не имѣли ни крошечки сердечной доброты. Изо всего, что мы получали изъ деревни, разныхъ запасовъ, фруктовъ, печеній, пряниковъ,—мы добрую часть посылали Пуритѣ... Они же къ именинамъ моимъ расщедривались на пакетъ конфектъ, да на какую нибудь базарную дрянь! Бывало, какъ только мы садимся пить кофе, донъ Карлосъ тутъ какъ тутъ... будто нечаянно. Сколько разъ приглашали мы ихъ въ свою ложу, они же — Боже сохрани! Экипажемъ нашимъ пользовались безо всякаго стѣсненія... Ахъ, да что и говорить!..

Бенина не пыталась прерывать ея многословія, ни противорѣчить ей; она по опыту знала, что разъ донна Пака касалась излюбленной темы, лучше было дать ей наговориться. Замѣтивъ, что негодующая барыня запыхалась и тяжело дышетъ, Бенина рѣшилась сказать:

— Донъ Карлосъ велѣлъ мнѣ прійти къ нему завтра.

— Это зачѣмъ?

— Хочетъ поговорить о чемъ-то.

— Могу себѣ представить! Милостыню вознамѣрился прислать... Сегодня день кончины Пуриты... Отдѣлается пустякомъ какимъ нибудь.

— Почемъ знать, сударыня? Можетъ быть, и расчувствуется...

— Онъ-то? Расчувствуется? Похоже на него! Предвижу: сунетъ тебѣ въ руку пару дуро и вообразитъ, что ангелы слетятся праздновать его великодушіе. Откажись отъ этой милостыни, дочь моя! Благо у насъ есть донъ Ромуальдо,— надо помнить свое достоинство, Нина.

— Это не годится. Онъ можетъ обидѣться, назвать васъ гордячкой... почемъ я знаю?..

— Пускай! Кому онъ станетъ говорить это?

— Да тому же дону Ромуальдо, съ которымъ онъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ, всякій день бываетъ въ церкви, а потомъ идетъ въ ризницу—поговорить со священниками.

— Ну, дѣлай, какъ знаешь. А дону Ромуальдо непремѣнно скажи, что за человѣкъ донъ Карлосъ и чего стоитъ его благочестіе. Какъ бы то ни было, но я знаю, что ты мнѣ скажешь всю правду; изъ завтрашняго же свиданія, повѣрь, ты вынесешь только грозную нотацію.

Долго еще разговаривали между собою госпожа и служанка. Бенина старалась замять разговоръ и успокоить расходившуюся вдову; но это долго ей не удавалось. Заснули онѣ поздно; Бенина придумывала различные планы на слѣдующій день, мечтая умилить донъ Карлоса и получить отъ него пригоршню дуро. На это она крѣпко разсчитывала!

Въ назначенный господиномъ Трухильо часъ, минута въ минуту, Бенина позвонила у двери его квартиры, и служанка ввела ее въ кабинетъ, — элегантную комнату, съ хорошей меблировкой. Громадный письменный столъ стоялъ посерединѣ съ кучей книгъ и бумагъ. Книги предназначались не для чтенія, а только для счетовъ. На стѣнѣ висѣлъ большой портретъ покойной доньи Пуры, окруженный вѣнками и затянутый крепомъ; вокругъ находились фотографическія карточки—вѣроятно, дочерей, зятьевъ и внуковъ. На каминѣ, никогда не топившемся, стояли изящные часы, но времени не показывали, такъ какъ не шли; вѣчный календарь показывалъ вчерашнее число.

Не прошло полминуты, какъ вошелъ донъ Карлосъ въ бархатной ермолкѣ и старомъ халатѣ; онъ шуршалъ ногами и кутался въ теплый халатъ; въ комнатѣ было очень холодно:— послѣ 30 февраля топки не полагалось. Однако, Бенина успѣла замѣтить толстую золотую цѣпь на жилетѣ хозяина и крах-

мальную рубашку. Вынувъ громадный клѣчатый платокъ, донъ Карлосъ вытеръ имъ глаза, высморкался два-три раза, какъ труба, сдѣлалъ Бенинѣ знакъ сѣсть и самъ важно усѣлся въ кресло передъ столомъ. Бенина смиренно присѣла на кончикъ дубоваго стула съ высокой спинкой, обитаго бархатомъ.

— Я звалъ васъ, чтобы сказать...

Пауза. Голова дона Карлоса подвержена была нервному трясенію изъ стороны въ сторону, похожему на отрицательное движеніе; сообразно съ возбужденнымъ состояніемъ въ данную минуту, трясеніе это увеличивалось или уменьшалось.

— Чтобы сказать вамъ...

Снова короткая пауза, кашель, чесанье отростающей (въ знакъ траура) бороды.

— Я хотѣлъ сказать вамъ, что затруднительное положеніе Франчиски происходитъ оттого, что она не хотѣла вести правильныхъ счетовъ. Безъ порядка всякое благосостояніе превратится въ нужду. Съ порядкомъ же и изъ нужды можно добиться до благосостоянія. Безъ порядка и богачи...

— Дѣлаются бѣдняками, да, сударь!—смиренно подсказала Бенина, хотя споконъ вѣка знала эту истину, но изъ деликатности притворилась, что только сейчасъ постигла ее.

— Франчиска всегда была безалаберна. Мы часто съ покойной женой говаривали ей: «Франчиска, ты идешь къ погибели, къ нищетѣ»! А она жила по прежнему, какъ ни въ чемъ не бывало. Мы такъ и не добились, чтобы она тратила, сообразуясь съ доходами. Ее нельзя было заставить вести счеты. А кто ихъ не ведетъ,—погибъ. Я увѣренъ, что она не знала, сколько кому должна, и чѣмъ будетъ платить.

— Правда, сударь, охъ! правда ваша, — со вздохомъ согласилась Бенина, поглощенная мыслью о томъ, сколько получитъ она по окончаніи этой проповѣди.

— Вѣрно! Вотъ если я, напримѣръ... если я пользуюсь подъ старость достаткомъ, отдѣлилъ дѣтей, имѣю чѣмъ заплатить за поминъ души моей возлюбленной супруги,—такъ это потому, что велъ правильные счеты моимъ приходамъ и расходамъ. Даже и теперь я не бросилъ привычки все выписывать въ книги до мелочей, и каждый день акуратно все записываю... Вотъ взгляните сами и убѣдитесь...

Голова его ходила ходуномъ, словно не соглашаясь съ доводами владѣльца, который горячо продолжалъ:

— Я очень бы хотѣлъ урезонить Франчиску, пока еще несовсѣмъ поздно. Помогите-ка мнѣ и вы въ этомъ добромъ дѣлѣ.

Онъ взялъ одну приходо-расходную книгу, затѣмъ другую, и показалъ ихъ Бенинѣ, которая встала и полюбовалась на ряды цифръ.

— Хорошенько посмотрите! — внушалъ донъ-Карлосъ:— вотъ домашній расходъ, все до пяти сантимовъ внесено, коробки спичекъ не куплено безъ записи; каждый су почтальону,—все, все здѣсь. Въ этой колонкѣ—милостыни, дѣла милосердія; все, что дѣлаю ради спасенія души. Затѣмъ все это вносится въ главную книгу; тамъ выводится балансъ; все ясно, какъ Божій день... Поймите, еслибы Франциска выводила балансъ, она не дошла бы до бѣдности.

— Вѣрно, совершенно вѣрно, сударь. Я и сама пристаю къ барынѣ: выводите, говорю, сударыня, балансъ; считайте, говорю, записывайте приходъ и расходъ. Но такъ какъ она ужь не ребенокъ, ей и трудно привыкать къ новому. Только скажу вамъ, сударь, она сущій ангелъ! И ужь выводитъ ли балансъ, или нѣтъ, а помочь ей не грѣхъ.

— Никогда не поздно пріобрѣсти хорошія привычки. И могу васъ увѣрить, что еслибы я убѣдился въ намѣреніи Франчиски вести свои счеты, то я ссудилъ бы ей... то есть не ссудилъ бы, а облегчилъ бы способы поправить дѣла. Но у нея развинченная голова. Согласитесь, что развинченная.

— Согласна, сударь, согласна.

— И я пришелъ къ убѣжденію, что лучшій подарокъ, какой можно ей сдѣлать... это вотъ какой!

При этихъ словахъ, донъ Карлосъ взялъ длинную, узкую книгу и положилъ ее передъ Бениной. Это была счетная книжка.

— Смотрите сами,—внушалъ благотворитель, съ любовью перелистывая новую книгу, разграфленную для записей:— здѣсь всѣ дни недѣли. Глядите внимательно: съ одной стороны расходъ, съ другой приходъ. Въ этой графѣ: уголь; въ этой масло; тутъ дрова и т. д. Кажется, не трудно понять?.. Вотъ здѣсь записывается, что получается...

— Но если барыня ничего не получаетъ?

— Вздоръ! — Трухлью хлопнулъ ладонью по книжкѣ:— что нибудь да получаетъ. Вѣдь тратите же вы сколько нибудь,—вотъ и записывайте. А что вамъ подаютъ Христа ради, почему бы и этого не записывать? Такой же доходъ. Чѣмъ это не доходъ? Почему не вносить его въ книгу?

Бенина взглянула на совѣтчика съ гнѣвомъ и жалостью. Но жалости въ эту минуту было въ ней меньше, чѣмъ гнѣва; ей ужасно хотѣлось запустить книжкой въ голову «благодѣтеля». Однако, она удержалась и, чтобы скрыть свои чувства, притворно улыбнулась, говоря:

— Такъ что вы, сударь, записываете каждый грошъ, поданный нищему на паперти св. Себастьяна?

— Обязательно! — съ гордостью отвѣтилъ маньякъ счетоводства, въ то время какъ голова его предавалась усиленнымъ отрицательнымъ движеніямъ. — Я всегда могу съ точностью сказать вамъ, сколько истратилъ на этотъ предметъ въ мѣсяцъ, въ полгода, въ годъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не трудитесь, сударь. Вѣрю вамъ на слово, — поспѣшно воскликнула Бенина, замѣтивъ, что донъ Карлосъ схватился за книжки; у нея снова зачесались руки швырнуть въ него подаркомъ.—Я возьму вашъ подарокъ; онъ навѣрно порадуетъ мою бѣдную барыню. А ужь я-то какъ рада... Не знаю, какъ и благодарить васъ! Только у насъ ни пера, ни карандаша нѣтъ.

— Силы небесныя! Въ какомъ домѣ, даже самомъ бѣдномъ, не найдется того, что нужно для писанья?! Потребуется расписаться, получить счетъ, черкнуть для памяти цифру... Вотъ возьмите карандашъ; онъ хорошо очиненъ, а если сломается, очините его кухоннымъ ножемъ.

При такомъ многословіи, донъ Карлосъ ни намекомъ не обмолвился о намѣреніи существенно помочь родственницѣ; но, замѣтивъ, что онъ взялся за ключъ одного изъ ящиковъ стола, Бенина обрадовалась.

— Нѣтъ и не можетъ быть никакого благоденствія безъ порядка, — заключилъ донъ Карлосъ, усиленно тряся головой и отворяя ящикъ:—я желаю, чтобы Франчиска пріучилась къ порядку, и тогда...

«И тогда... что?—про себя думала Бенина:—что дастъ

намъ старый шутъ? Въ сумашедшій бы домъ засадить тебя! Пусть бы твои деньги нарывами понасѣли на тебя, пусть бы ты лопнулъ отъ нихъ, скряга»!

— Возьмите книжку и карандашъ, да не потеряйте дорогой! Отвѣчаете вы, что доставите въ цѣлости? Обѣщаете, что будутъ вестись приходо-расходныя записи?

— Какъ же, какъ же, сударь! Копѣйка не ускользнетъ отъ нашего счета.

— Хорошо. Но чтобы Франчиска помнила и молилась за Пуру... обѣщаете молиться за нее и за меня?

— Непремѣнно, сударь! Денно и нощно...

— Ну, вотъ... У меня отложено двѣнадцать дуро для бѣдныхъ, не рѣшающихся просить милостыни... Несчастье! Они въ особенности заслуживаютъ сочувствія!

Услыхавъ цифру, Бенина широко раскрыла глаза. Царь небесный, сколько можно накупить на двѣнадцать дуро, сколько дыръ заткнуть! Пожить, вздохнуть, перестать побираться, угомонить кредиторовъ...

— Двѣнадцать дуро!—задумчиво повторилъ донъ Карлосъ, перекладывая изъ одной руки въ другую монеты, которыя онъ вытащилъ изъ стола:—но за разъ я вамъ такой суммы, конечно, не дамъ. Это значило бы потворствовать расточительности. Я предназначилъ ее вамъ...

Сердце Бенины упало.

— А дай вамъ всю сумму сразу, завтра ее бы ужь и въ поминѣ не было. Я буду выдавать вамъ по два дуро въ мѣсяцъ. Каждое 24 число можете являться за ними, до сентября. А тамъ я увижу—продолжать помощь или нѣтъ. Все будетъ зависѣть отъ того, научитесь ли вы порядку, или хаосъ будетъ продолжаться. Отрекитесь отъ хаоса!..

— Хорошо, сударь, — нетерпѣливо обѣщала Бенина, разсудивъ, что лучше взять, что́ даютъ, а не вступать въ пререканія съ презрѣннымъ пустословомъ.—Отвѣчаю вамъ, что счеты будутъ вестись, порядокъ явится на удивленье... Каждое 24 число я буду приходить... Вы оказали намъ большую помощь. Пошли вамъ Господь сторицей, а супругѣ вашей царство небесное во вѣки вѣковъ. Аминь!

Донъ Карлосъ методически записалъ выданную сумму, очевидно наслаждаясь процедурой вписыванья, отпустилъ Бенину,

а самъ, переодѣвшись въ праздничное платье, съ легкимъ сердцемъ приготовился справлять всѣ благочестивые обряды, опредѣленные на этотъ день.

XI.

«Старый чортъ!—ворчала себѣ подъ носъ взбѣшенная Бенина, крупно шагая по улицѣ des-Urosas:—но онъ ничего этого не понимаетъ. Теперь, поди, радуется, что доброе дѣло сдѣлалъ. Ужь такой человѣчекъ! Богъ создалъ рѣдкія растенія, диковинныхъ животныхъ, а всего диковиннѣе попадаются люди. Бываютъ и похуже этого донъ Карлоса: помѣшался онъ на счетахъ, а все таки хоть что нибудь жертвуетъ; конечно, бываютъ люди и хуже... которые и не считаютъ, и не даютъ... Грустно, что я никакъ не обернусь съ этими двумя дуро: одинъ придется сейчасъ же отдать Альдумеду, — слово надо сдержать. Въ другой разъ онъ опять выручитъ меня... Остается двадцать реаловъ; изъ нихъ необходимо удѣлить сколько нибудь «малюткѣ»; остальное на ѣду; а барынѣ я скажу, что родственникъ ея подарилъ только книжку да карандашъ: незавидный супъ сваришь изъ этой провизіи... Насмѣшка! Однимъ словомъ, Богъ поможетъ мнѣ половчѣе сочинить что нибудь доннѣ Пакѣ, чтобы и ее успокоить, и чтобъ всѣмъ было удобно. А теперь хорошо бы встрѣтить по дорогѣ Альдумеда: всѣ направляются въ церковь».

Дѣйствительно, въ улицѣ «Incomienda» она встрѣтилась съ Альдумедомъ.

— Другъ, я тебя искала! — взяла его за руку Бенина:— вотъ твой дуро. Видишь, я долги свои помню.

— Спѣху нѣтъ.

— Теперь мы квитъ... до новаго одолженія, Альдумедикъ мой. Если придетъ нужда, ты, вѣдь, опять меня выручишь, какъ и я тебя? Ты былъ въ кафе?

— Да, и опять пойду съ тобой, если хочешь. Я угощаю тебя.

Бенина приняла приглашеніе и, двѣ минуты спустя, пріятели сидѣли передъ двумя стаканчиками по десяти сантимовъ, въ кабачкѣ средней руки, не лишенномъ крикливой позолоты и картинокъ; тутъ собирались лавочники и бѣдняки квартала

Растро, и газеты читались вслухъ. Бенина и арабъ разговаривали о своихъ дѣлахъ; онъ разсказывалъ о продѣлкахъ своей сожительницы; а она—о визитѣ къ донъ Карлосу и о странномъ подаркѣ; потолковали о сказочныхъ богатствахъ, которыми молва награждала дона Трухильо; разсчитали, сколькимъ бѣднымъ могъ бы онъ существенно помочь и накормить голодныхъ, не обездоливая своихъ дѣтей?! Въ концѣ концовъ, пришли къ заключенію, что не имъ измѣнить ходъ дѣла, а что приходится доставать себѣ пропитаніе, кто какъ можетъ, до той минуты, когда Господь призоветъ къ себѣ намучившуюся душу, и всякому воздастъ по заслугамъ. Тутъ Альдумедъ вдругъ съ глубокимъ убѣжденіемъ сказалъ Бенинѣ, что все богатство донъ Карлоса могло бы перейти въ ея владѣніе, еслибы она этого пожелала.

— Мнѣ? Въ мое владѣніе? Богатство дона Карлоса? Ты рехнулся, другъ Альдумедъ!

— Все твое будетъ... клянусь свѣтомъ. Не вѣришь? Я докажу тебѣ.

— Какъ? Когда?

— Когда захочешь.

— Я повѣрю, когда ты объяснишь мнѣ толкомъ, какъ такое чудо можетъ совершиться!

— Я знаю какъ... и повѣдаю тебѣ эту тайну.

— А если ты можешь сдѣлать это чудо, такъ почему жь ты живешь въ нищетѣ и не притянешь къ себѣ богатствъ дона Карлоса?

Альдумедъ отвѣтилъ на это, что онъ слѣпъ, потому не всѣ заклинанія доступны ему. А дѣло вѣрное, онъ клянется благословеннымъ свѣтомъ солнца. Пусть она не сомнѣвается, а только попробуетъ сдѣлать пунктуально то, что онъ ей велитъ.

Бенина всегда была суевѣрна и вѣрила всякимъ сверхъестественнымъ исторіямъ; нищета возбуждала въ ней уваженіе къ невѣроятнымъ и чудеснымъ происшествіямъ; и хоть сама она отъ роду не видывала никакого чуда, но крѣпко надѣялась, что увидитъ въ одинъ прекрасный день.

Любопытство и смутная надежда побудили ее допросить араба, въ чемъ состоитъ его тайна. Слѣпой прежде всего объявилъ, что человѣкъ долженъ умѣть желать и настойчиво требовать исполненія желаемаго отъ короля Самдая.

— А кто это такой?

— Царь подземный.

— Какъ? Царь, да еще подземный? Вѣрно, самъ сатана!

— Нѣтъ, добрый царь.

— Это по твоей вѣрѣ, что ль? Ты какой вѣры?

— Моисеевой.

— Богъ знаетъ, что ты говоришь! И ты зовешь этого царя, и онъ является?

— Явится и дастъ тебѣ все, чего съумѣешь хорошенько попросить. Это вѣрно.—Глубокая убѣжденность араба сильно подѣйствовала на бѣдную женщину. Нѣсколько минутъ пытливо смотрѣла она на потухшіе глаза своего друга, на его черный блестящій лобъ, обрамленный волосами цвѣта сажи; затѣмъ проговорила:

— А какъ же вызвать этого короля? Разсказывай. Только, смотри, не обманывай меня.

— Не обману.

— Сейчасъ можно сдѣлать это?

— Нѣтъ, онъ является только въ полночь.

— Какъ же мнѣ уйти изъ дому въ такой часъ? Не легко! Развѣ сказать, что донъ Ромуальдо заболѣлъ, а я ухаживаю за нимъ... Хорошо. Что же надо дѣлать?

— Много вещей потребуется. Ты купишь ихъ. Во-первыхъ, линяный свѣтильникъ. Но покупать надо, не говоря ни слова.

— Ротъ замкну.

— Да, замкни... Купи... Слово скажешь,—все пропало.

— Богъ съ тобой! Ну, хорошо, куплю свѣтильникъ... молча. А потомъ?

Альдумедъ велѣлъ купить еще глиняный горшокъ съ семью дырочками, — ни одной больше, ни одной меньше,—тоже ни слова не произнося. Какъ скажешь что нибудь, все погибло. На вопросъ: гдѣ найти горшокъ съ семью дырками, слѣпой отвѣтилъ, что у него на родинѣ такіе горшки продаются, а здѣсь можно замѣнить посудой, въ которой торговки покутъ каштаны; выбрать только непремѣнно съ семью дырками.

— И покупать, ничего не говоря?

— Заговоришь—конецъ!

Затѣмъ необходимо добыть себѣ палку изъ африканскаго дерева «саггаѣ», называемаго здѣсь лавромъ; тоже надо ку-

пить, не говоря ни слова. Собравъ всѣ эти вещи, прежде всего слѣдуетъ хорошенько обжечь палку... Дѣлать это въ пятницу, ровнёхонько въ пять часовъ. Иначе ничего не выдетъ. Палка будетъ тлѣть сутки; въ субботу, ровно въ пять часовъ, взять обугленную палку и три раза — ни больше, ни меньше—погрузить ее въ воду.

— Все молча?

— Все время молча.

Потомъ палку наряжаютъ въ женское платье и прислоняютъ къ стѣнѣ, чтобы прямо и прочно держалась. Свѣтильникъ съ масломъ зажечь и закрыть горшкомъ съ семью дырками, чтобы свѣтъ проходилъ только черезъ нихъ; рядомъ поставить жаровню съ ладаномъ и начинать молитвы, — про себя, конечно; вслухъ говорить ничего нельзя. Такъ и надо сидѣть, сосредоточившись, мысленно молиться и смотрѣть на дымъ ладана, — застилающій свѣтъ изъ семи дырочекъ,—до самой полночи...

— До полночи!—восторженно вскричала Бенина:—и послѣ двѣнадцатаго удара онъ явится?.. подойдетъ... покажется?..

— Непремѣнно... Подземный владыка... И ты просишь, чего хочешь, а онъ дастъ тебѣ.

— Альдумедъ, ты вѣришь этому? Неужели онъ передастъ мнѣ всѣ богатства дона Трухильо?

— Вотъ увидишь. Проси и желай.

— А если забудешь что нибудь, или не то слово скажешь?

— Бди!

— А молитву какую читать?

— Я тебя научу. Говори: Сэма Израиль Адонай Элохимъ, Адонай Ишатъ...

— Молчи, молчи! Теперь-то я съумѣю повторить такія мудреныя слова, а тогда все изъ головы вылетитъ... Страшно какъ, Альдумедъ... Перестань... Ахъ, еслибъ знать, что все это вѣрно! Какое бы счастье хоть половину богатствъ отнять у стараго шута, да раздѣлить ихъ между бѣдняками, умирающими съ голода... Хоть бы попытаться сдѣлать пробу,—купить, не говоря ни слова, посуду и свѣтильникъ... Но нѣтъ, нѣтъ!.. Еслибъ этотъ царь и пришелъ какъ нибудь... мало ли что можетъ случиться? Приходятъ же на землю души покойниковъ, посмотрѣть, что мы дѣлаемъ!.. И ангеловъ летаетъ множество

по воздуху, только мы ихъ не видимъ. А сны-то? Можетъ быть, все это правда... Все можетъ случиться, все, все... А все таки, скажу тебѣ, не вѣрится мнѣ, чтобы онъ взялъ да и далъ мнѣ, чего попрошу. Невѣроятно!

— Милліоны, весь банкъ, всѣ выигрыши, — все твое будетъ. Дѣлай только, что я велю.

— Но если это такъ просто, почему же другіе не дѣлали? Или ты одинъ знаешь тайну заклинаній? Не говорю, что это невозможно; только не вѣрится что-то... А, впрочемъ, попробовать можно... Повтори-ка мнѣ, чего надо купить, не говоря при этомъ ни слова...

Альдумедъ повторилъ всѣ правила заклинаній и такъ наглядно и картинно описалъ короля Самдая, его дивное лицо, походку, великолѣпныя одежды, его блестящую свиту, состоящую изъ принцевъ и магнатовъ, на бѣлыхъ, какъ молоко, верблюдахъ, что бѣдная Бенина пришла въ экстазъ и, если еще несовсѣмъ вѣрила, то была весьма близка къ этому.

Какое утѣшеніе для несчастныхъ вѣрить въ такія сказки! Вѣдь вѣрятъ же до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, что въ ночь подъ рождество дѣти получаютъ игрушки черезъ трубу, — почему же не вѣрить въ подземнаго короля Самдая? Разсказы Альдумеда принадлежали къ области неизвѣстнаго. Но неизвѣстное однимъ можетъ быть извѣстно другимъ!.. Многое, казавшееся прежде невѣроятнымъ, осуществилось... Когда не знали еще телеграфа, кто бы повѣрилъ въ возможность вести такіе быстрые переговоры съ Америкой? А фотографія?.. Да мало ли что! Есть секреты и тайны, недоступные нашему пониманію, пока не найдется смѣльчакъ, который властно скажетъ: «вотъ это какъ»! — и на дѣлѣ докажетъ. Хоть бы взять Америку: сидѣла себѣ на мѣстѣ, какъ Богъ ее сотворилъ, нигдѣ бы объ ея существованіи и не подозрѣвали... А явился Колумбъ, поставилъ яйцо на столъ и объявилъ: «вонъ тамъ Америка и сахарный тростникъ, и табакъ, и Соединенные Штаты, и чернокожіе, и несмѣтныя богатства»!.. Такъ и вышло.

XII.

Арабъ не кончилъ еще своихъ объясненій насчетъ заклинаній, какъ въ кабачокъ вошла женщина, въ черномъ платьѣ.

— Ахъ, вонъ она, твоя попрыгунья сожительница!

— Педра? Будь она проклята! Я выгналъ ее сегодня утромъ. Навѣрное приплелась съ Діегой...

— Она пришла съ какой-то худенькой, низенькой старушонкой; по виду, должно быть, горьчайшая пьяница. Спрашиваютъ два стакана вина.

— Діега развращаетъ ее.

— Зачѣмъ же ты держишь у себя эту ворону? На что она тебѣ нужна?

Альдумедъ разсказалъ Бенинѣ біографію Педры. Она была сирота. Родители ея, торговцы, умерли разомъ, объѣвшись кошачьяго мяса. Видно, попался бѣшеный котъ, а кто отвѣдаетъ бѣшенаго кота, непремѣнно покроется гнойными нарывами и быстро умираетъ. Сирота была хорошенькая; попробовала она сначала заняться торговлей, но подвернулась Діега и сбила ее съ пути.

Стали онѣ развратничать и пьянствовать. Въ три мѣсяца погубила Педру эта старая вѣдьма. Теперь она, погибшая пьяница, зачастую ночуетъ въ каретныхъ сараяхъ гостинницъ, промышляетъ чѣмъ попало. Во всемъ непостоянна и перемѣнчива,—только водкѣ вѣрна; ей не больше двадцати лѣтъ, а на видъ она старуха. Альдумедъ жалѣетъ ее и угощаетъ поочередно—то добрымъ совѣтомъ, то колотушками; подобралъ онъ ее безпріютную на улицѣ, всю избитую, съ похмѣлья; взялъ съ нея слово не пить, платить половину за комнату,—но пьетъ она попрежнему; видно, ужь горбатаго могила исправитъ.

— Мнѣ противно съ ней жить, она вѣчно пьяна!—съ гадливостью жаловался арабъ, — чистое несчастье... чистое несчастье! Держу ее изъ милости...—Замѣтивъ, что обѣ пьяницы узнали слѣпаго и Бенину, и съ насмѣшкой посматривали на нихъ, Бенина смутилась и хотѣла уйти.

— Не уходи, посиди со мной! — взмолился слѣпой, удерживая ее за руку своей черной глянцовитой рукой.

— Я боюсь, чтобы эти дикарки не надѣлали скандала... Вонъ онѣ идутъ къ намъ.

Онѣ, дѣйствительно, подошли и Бенина могла теперь разсмотрѣть подругу Альдумеда. Педра была брюнетка, съ крупными чертами и великолѣпными глазами; брови ея срослись,

толстыя губы рѣдко закрывались, — вся наружность была истасканная, надорванная, трагическая; Бенина подумала, что небезопасно встрѣтиться съ такой личностью ночью, въ пустынномъ мѣстѣ.

Діега была на видъ совсѣмъ старуха, крошечнаго роста, вся въ морщинахъ; худоба ея до того поразила Бенину, что ей припомнилась андалузская поговорка: «локти ея колются, какъ занозы».

Педра сѣла и поздоровалась; Діега осталась стоять, и голова ея оказалась наравнѣ съ головой сидящаго Альдумеда; она хлопнула слѣпаго по плечу.

— Угомонись!—прикрикнулъ на нее Альдумедъ, подымая палку.

— Ты—измѣнникъ!—сказала ему Педра: — безсовѣстный измѣнникъ, Хай!.. Утромъ придирался ко мнѣ нарочно, чтобы побить и выгнать.

— Я-то всегда былъ хорошъ къ тебѣ, дрянь, а ты всегда сверна, мерзавка.

— Не ругайся, старуха твоя перепугается.

— Врешь, она не старуха...

— Ты почемъ знаешь? Вѣдь не видишь ея!

— Она прилична, не то, что ты.

— Извѣстно, ты чувствуешь пристрастіе къ старухамъ.

— Вижу я, что вы на мнѣ срываете злобу,—замѣтила Бенина, вставая.

— Не обращай на нее вниманія... Она выпила немножко!—вмѣшалась Діега и стала уговаривать Педру. Затѣмъ объявила, что у нихъ есть билетъ, и предложила Бенинѣ войти въ компанію.

— Я не покупаю, — отозвалась Бенина: — у меня нѣтъ денегъ.

— Я внесу часть за себя!—сказалъ арабъ.

— Завтра мы можемъ выиграть и разбогатѣть, — говорила Діега.—Тогда я заведу торговлю въ улицѣ «Sierpe». Тамъ я познакомилась съ тобой, Альдумедъ, помнишь?

— Нѣтъ, не помню.

— Тамъ тебя звали Мулей-Аббасъ.

— А тебя: «Узелокъ»—за твой малый ростъ.

— Не ссорьтесь!—сказала Педра:—честные люди не ссо-

рятся и зовутъ другъ друга христіанскими именами. Мы вотъ не знаемъ, какъ зовутъ твою даму...

— Меня зовутъ Бениной.

— А почему Педра зоветъ тебя Хаемъ? — спросила Діега:—Какимъ именемъ звался ты въ твоей сторонѣ,—въ твоей свинской сторонѣ, съ позволенія сказать?

За араба отвѣтила Педра:

— Я зову его Хаемъ, потому что онъ мавръ!

— Имя мое — Мордехай. Родина моя — дивная страна Уллахъ-Бергель... Божественная земля! Много деревьевъ, масла, меду, цвѣтовъ...

Воспоминаніе о родинѣ вдохновило слѣпаго араба и онъ съ восточными гиперболами и экстазомъ сталъ описывать ее къ непомѣрному удовольствію трехъ слушательницъ. Уступая ихъ просьбамъ, онъ разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ своей жизни, полной приключеній, опасныхъ предпріятій и фантастическихъ похожденій. Въ пятнадцать лѣтъ онъ убѣжалъ изъ родительскаго дома и съ тѣхъ поръ ничего не слыхалъ о своихъ родныхъ. Отецъ послалъ его къ своему другу и велѣлъ сказать такъ: «вручи моему сыну двѣсти дуро, которые мнѣ необходимы». Вѣроятно, патріархальные нравы и обычаи той страны допускали такіе примитивные займы между денежными людьми, такъ какъ сумма, безъ дальнѣйшихъ формальностей, была вручена юношѣ Мордехаю; онъ получилъ четыре мѣшочка испанскимъ золотомъ; но вмѣсто того, чтобы вернуться домой, пустился по дорогѣ въ Фецъ, обуреваемый желаніемъ путешествовать, нажить состояніе и вернуть отцу не двѣсти, а двѣсти тысячъ дуро.

Сначала онъ перевозилъ путешественниковъ и товары изъ Феца въ Меккинецъ; тутъ, вѣроятно, Богъ и наказалъ его; въ знойный день онъ выкупался въ рѣкѣ, по которой плыли двѣ падали; заболѣли у него глаза и черезъ три дня онъ ослѣпъ. Дѣятельный и сильный юноша сразу превратился въ хилаго, понураго калѣку; его мечты о наживѣ и путешествіяхъ смѣнились унылымъ созерцаніемъ внутренняго міра, безпрестанными размышленіями о бренности земнаго счастья и о справедливости Творца, карающаго грѣшника. Молиться объ исцѣленіи было бы излишне: онъ обязанъ смириться и нести заслуженное наказаніе; бѣдный Мордехай просилъ только у Гос-

пода денегъ и любящую жену; но ни того, ни другаго не получилъ: всѣ его безсовѣстно обкрадывали, и деньги вскорѣ изсякли; женщины сближались съ нимъ только съ корыстными цѣлями. Разъ, когда онъ выходилъ изъ себя отъ раздраженія,—такъ какъ не могъ поймать кусавшую его блоху,—ему явились два ангела. (Онъ поклялся, что говоритъ сущую правду).

XIII.

— Значитъ, ты сколько нибудь да видѣлъ, Альдумедъ?— спросила Діега.

— Ангеловъ отлично видѣлъ, обоихъ разглядѣлъ.

Онъ объяснилъ, что видитъ вмѣсто предметовъ темныя пятна; но ангеловъ и вообще все, что́ «съ того свѣта», можетъ разсмотрѣть отчетливо. Такъ вотъ явились ему ангелы и объявили, что они посланы подземнымъ королемъ съ порученіемъ къ нему. Самдай желалъ лично поговорить съ нимъ, для чего повелѣвалъ ему явиться ночью на бойню, покурить тамъ ладаномъ и усердно читать молитвы, среди свѣжихъ внутренностей животныхъ и кровавыхъ лужъ, до двухъ часовъ ночи. Нечего и говорить, что когда ангелы, исполнивъ это порученіе, растаяли въ воздухѣ, словно дымъ, —Мордехай взялъ ладану, жаровню, трубку и отправился на бойню; дорога была не близкая, и онъ все время курилъ отъ скуки.

На бойнѣ онъ выбралъ укромное мѣстечко; сѣлъ по восточному, поджавъ подъ себя ноги, упивался запахомъ ладана и все время курилъ трубку за трубкой, читая молитвы въ ожиданіи ночи. Въ назначенный часъ онъ ясно увидалъ двухъ бѣлыхъ собакъ величиной съ верблюдовъ, если не больше; глаза ихъ сверкали, какъ уголья. Мордехай отъ восторга и удивленія притаилъ дыханіе. Затѣмъ явился цѣлый полкъ всадниковъ въ праздничныхъ одеждахъ; заиграла музыка; какъ градъ посыпались камни и песокъ; мигомъ очутился Мордехай засыпаннымъ по шею и полумертвымъ отъ страха и недостатка воздуха. А передъ нимъ проносились полки новыхъ всадниковъ съ развернутыми бѣлыми знаменами, безпрестанно стрѣляя изъ ружей. Съ неба посыпались, — на смѣну камнямъ и песку,—ящерицы и жабы; съ шипѣніемъ и свистомъ

падали онѣ вокругъ Мордехая, и корчились на землѣ, приводя его въ ужасъ... Затѣмъ прошли многочисленныя процессіи мужчинъ и женщинъ, всѣ въ бѣломъ, съ золотыми корзинами, полными цвѣтовъ,—такъ какъ ящерицы и жабы вдругъ превратились въ розы и лиліи, въ благоухающія вѣтки мяты и лавровъ; то же сталось съ камнями и пескомъ.

Чтобы не утомлять слушателей, Мордехай пропустилъ много послѣдующихъ явленій и превращеній; показался, наконецъ, самъ король Самдай, красоты необычайной, божественной, съ длинной черной бородой, съ серьгами, въ золотой коронѣ, весь усыпанный драгоцѣнными камнями, блестѣвшими, какъ солнце, луна и звѣзды. Одежда его была зеленая, тонкая, словно вытканная пауками. За нимъ слѣдовала такая блестящая свита, что воздухъ сверкалъ огнями. Педра освѣдомилась, не сопровождала ли супруга короля своего мужа? Мордехай съ минуту призадумался, какъ бы припоминая, и отвѣтилъ, что королева тоже была тутъ, но ликъ ея былъ въ туманѣ на подобіе луны за облакомъ, такъ что онъ не могъ разглядѣть ея. Она была въ голубой одеждѣ; такого цвѣта бываютъ, по мнѣнію Альдумеда, наши мысли, не то печальныя, не то веселыя.

Разсказывалъ слѣпой картинно, поэтично, ярко, помогая словамъ жестами и игрой убѣжденной физіономіи. Въ концѣ концовъ, женщины сложили передъ нимъ всѣ корзины, повинуясь распоряженію короля; и что же? въ корзинахъ оказались брилліанты и драгоцѣнные камни,—цѣлыя кучи, такъ что не вмѣстились бы ни въ одинъ домъ. Рубины съ горохъ величиной, жемчужины—съ голубиное яйцо; брилліантовъ столько, что фура наполнилась бы до верху! Изумруды съ орѣхъ, аметисты и топазы—въ кулакъ...

Женщины, разиня рты, внимали разсказу слѣпаго Альдумеда, не сводя глазъ съ его лица и затаивъ дыханіе отъ изумленія. Въ началѣ онѣ плохо вѣрили, но мало-по-малу имъ сообщилось глубокое убѣжденіе разсказчика и всякое сомнѣніе исчезло; онѣ повиновались потребности бѣдняковъ хоть въ воображеніи увидать блескъ и богатства.

Конецъ видѣнія былъ тотъ, что Самдай предоставилъ Мордехаю выбирать одно изъ двухъ: или несмѣтныя богатства, или добрую любящую жену, составляющую такой рѣдкій перлъ, что его надо искать по всей землѣ. Мордехай ни минуты не

колебался и объявилъ подземному царю, что онъ никоимъ образомъ не можетъ принять несмѣтныхъ богатствъ, если долженъ отказаться отъ хорошей и вѣрной подруги.

— Я желаю имѣть добрую жену... Буду любить ее, и безъ нея не хочу никакихъ богатствъ, — ни денегъ, ни драгоцѣнностей.

Король указалъ ему на одну изъ женщинъ, у которыхъ лицо было закутано; она уходила по дорогѣ легкой поступью. Послѣ этого, его величество милостиво исчезъ въ воздухѣ, а съ нимъ вмѣстѣ и вся свита всадниковъ, и женщины въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, оставивъ по себѣ лишь сильный запахъ ладана и лай громадныхъ собакъ, которыхъ Мордехай продолжалъ слышать долго послѣ этого, гдѣ-то въ отдаленіи.

Три мѣсяца прохворалъ слѣпой послѣ этого изумительнаго происшествія, питаясь черезъ силу ячменемъ да водой. Оправляясь отъ болѣзни, онъ былъ такъ худъ, что могъ безошибочно сосчитать всѣ свои кости. Наконецъ, оправившись, онъ собрался идти по свѣту — искать обѣщанную ему добрую жену.

— И ты встрѣтилъ ее послѣ долгихъ поисковъ, и звали ее Николазой! — подсказала Педра, желая помочь воспоминаніямъ слѣпаго.

— А ты почемъ знаешь? Николаза—не та, которую предназначилъ мнѣ Самдай.

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть, вотъ эта особа?— дерзко кивнула Діега на Бенину, не открывавшую рта.

— Я?.. Господи спаси! Я не таскаюсь по дорогамъ.

Альдумедъ разсказалъ дальше слушательницамъ, какъ онъ жилъ въ Алжирѣ, перебиваясь милостыней, въ Константинѣ и Оранѣ; какъ оттуда перебрался на пароходѣ въ Марсель, прошелъ всю Францію, Ліонъ, Дижонъ, Парижъ, — большой, большой городъ съ деревьями, а мостовая въ немъ гладкая, какъ ладонь. Изъ Лилля вернулся въ Марсель, а оттуда переѣхалъ въ Валенцію.

— А въ Валенціи ты встрѣтился со своей Николазой? Съ ней пріѣхалъ сюда по этапу,—напомнила Педра:—а изъ Мадрида вы съ ней отправились въ Португалію... И ты путался съ ней три года, коварный ты человѣкъ, пока она не бросила тебя для другаго.

— Ты ничего не знаешь.

— Разскажи-ка, какъ тебя засадили въ Санъ-Бернардино, а ее отправили въ госпиталь; и какъ явились къ тебѣ двѣ женщины, лучше сказать, два духа, и сообщили тебѣ, что твоя возлюбленная разговариваетъ съ осужденнымъ на висѣлицу...

— Это неправда... молчи!

— Въ другой разъ ты намъ разскажешь это,—вмѣшалась Бенина, чувствуя, что ей пора домой.

— Хорошо, я разскажу въ другой разъ... Я видѣлъ много интереснаго...

— Тебѣ навѣрно хочется выпить, Хай. Угости насъ!

— Ровно ничѣмъ не угощу васъ, мерзавки. У меня денегъ нѣтъ.

— Объ этомъ не безпокойся!—гордо сказала Діега.

— Мнѣ пора домой, — объявила Бенина: — съ позволенія компаніи, я удалюсь.

— Посиди еще. Всего только одиннадцать часовъ.

— Отпусти ее,—добродушно посовѣтовала Педра:—можетъ быть, ей надо еще посбирать милостыни. А мы ужь собрали довольно на сегодня.

Педра разсказала, что она съ Діегой получили съ кого-то долгъ и рѣшили заняться торговлей, накупили по дешевой цѣнѣ разной разности: пуговицъ, лентъ, сластей, закусокъ, посуды, картинокъ, и сегодня же начнутъ торговать.

Такія начинанія случались съ двумя пьяницами періодически, но существенной помощи не могли принести имъ. Однако, Бенина съ интересомъ выслушала эти подробности, даже почувствовала къ Діегѣ и Педрѣ нѣкоторое уваженіе, такъ какъ сама мечтала затѣять какую нибудь торговлю.

Однако, не смотря на интересный разговоръ, надо было спѣшить къ доннѣ Пакѣ, которая навѣрное ужь безпокоится. Бенина попрощалась съ компаніей и нечаянно уронила на полъ карандашъ; нагнувшись, чтобъ поднять его, она выронила и приходо-расходную книжку.

— Что это? Счетная книжка? — сказала Педра: — какая хорошенькая! Пріятно, должно быть, вести счеты. А я бы все перепутала... и сложить цифры толкомъ не умѣю.

— Эту книжку, — сказала Бенина, мигомъ почуявшая аферу, — подарилъ одинъ родственникъ моей барыни, чтобы

мы вписывали всѣ расходы и приходы. А мы не умѣемъ! Вотъ вамъ бы такая вещь какъ разъ кстати, при торговлѣ-то.

— Сколько возьмете?

— Для васъ уступлю за два реала.

— Дорого...—замѣтила Діега:—да позволитъ ли еще твой мавръ...

— Купимъ!—сказала Педра, перелистывая книжку слюнявымъ пальцемъ: — дадимъ ей одинъ реалъ!

Начался торгъ; Альдумедъ вмѣшался третейскимъ судьей и, наконецъ, покупка состоялась за сорокъ сантимовъ, вмѣстѣ съ карандашемъ.

Бенина вышла изъ кабака довольная, находя, что день ея не потерянъ, и что четыре монеты гораздо выгоднѣе безполезнаго подарка стараго маньяка.

XIV.

Основательно отдохнувъ въ кабачкѣ, она мигомъ дошла до улицы «Cabeza», гдѣ жила Обдулія, которой вѣрная Бенина хотѣла удѣлить часть добытыхъ денегъ. Около двухъ часовъ пополудни вошла она подъ ворота непривѣтливаго, смахивавшаго на тюрьму, дома гробовщика. Во дворѣ находился сарайчикъ, занимаемый ослицами; здѣсь продавалось цѣлебное молоко для слабогрудыхъ, какъ указывала вывѣска подъ воротами; но, за неимѣніемъ свѣта и воздуха, бѣдныя ослицы сами казались чахоточными. Въ каморкѣ привратника призрѣвали слѣпаго нищаго Пулидо, знакомаго Бенины, собиравшаго милостыню на паперти св. Себастіана. Она зашла туда на минуту и поболтала съ привратникомъ (онъ же и содержатель ослицъ) и съ Пулидо о злобахъ дня: хлѣбъ вздорожалъ, на биржѣ дѣла плохи,—говорятъ къ революціи,—рабочіе требуютъ уменьшенія часовъ работы на фабрикахъ, готовится стачка. Привратникъ пророческимъ тономъ заявилъ, что скоро звонкой монеты вовсе не будетъ, а останутся однѣ бумаги; готовятся новые налоги,—плати пошлину.

Узнавъ всѣ эти нерадостныя вѣсти, Бенина стала подниматься по лѣстницѣ, темной, скользкой, съ обглоданными ступеньками и заплеснѣвѣлыми стѣнами, съ именами жильцовъ, начерченными углемъ. Въ верхнемъ этажѣ жила Обдулія;

квартира ея отличалась удивительно низкими потолками, почти полнымъ отсутствіемъ обстановки и страшнымъ безпорядкомъ; немногочисленные стулья и кресла красовались своими продавленными сидѣньями; полъ въ «кабинетѣ» прикрытъ былъ пестрымъ разорваннымъ войлокомъ. Сама хозяйка отворила Бенинѣ дверь, говоря, что. заслышала и узнала ея шаги; не успѣла она переступить порога, какъ двѣ хорошенькія кошечки съ жалобнымъ мяуканьемъ начали тереться около ея ногъ.

— Бѣдняжечки!—сказала, съ участіемъ вздыхая, Обдулія:—подумай, Нина, онѣ еще ничего сегодня не ѣли.

Кошекъ своихъ она навѣрно жалѣла больше, чѣмъ себя.

На Обдуліи былъ розовый фланелевый капотъ, весь въ жирныхъ и шеколадныхъ пятнахъ, съ разорванной подкладкой и протертыми локтями, повидимому, купленный «по случаю», такъ какъ былъ широкъ и великъ теперешней владѣлицѣ.

— Твой мужъ все еще не вернулся?—спросила запыхавшаяся Бенина.

— Нечего и ждать. Его надо искать въ кафе или въ неприличныхъ домахъ съ потерянными женщинами, которыя свели его съ ума.

— Приносили тебѣ чего нибудь отъ его родителей?

— Нѣтъ. Вѣдь не каждый день посылаютъ. Черезъ день,—такъ они и у себя готовятъ.

— А ты, какъ видно, не унываешь, малютка? На Бога надѣешься, какъ птичка... Ну, вотъ я и пришла накормить тебя... Но кто это тамъ кашляетъ? Твой рыцарь у тебя?

— Да, онъ сидитъ у меня съ десяти часовъ. Какія интересныя вещи онъ разсказываетъ, Нина! Вотъ бы ты послушала. Прелесть! Слушаю его и забываю, что въ домѣ только и есть—немножко шеколаду, фиников, да черствыя корки хлѣба... Если ты чего нибудь принесла, такъ прежде всего покорми этихъ несчастныхъ кошечекъ, которыя одолѣли меня съ самой зари. Посмотри, онѣ чуть-чуть не говорятъ: «пришла Нина, поѣсть намъ принесла»!

— Хорошо, хорошо, все будетъ. Но я не прочь бы поздороваться съ рыцаремъ, хоть и преклонныхъ лѣтъ, но мастеромъ разсказывать хорошенькія вещи дамамъ.

Она вошла въ «кабинетъ», и донъ дель-Понте-и-Дельгадо разсыпался передъ ней въ изысканныхъ любезностяхъ.

— Вашъ покорнѣйшій слуга свидѣтельствуетъ вамъ свое нижайшее почтеніе, донна Бенина. Въ вашемъ отсутствіи я неутѣшенъ...

— Охъ, Господи, какъ вы красно говорите, caballero дель-Понте! Просто не знаешь, что́ сказать вамъ на это. Богъ съ вами. Пойду на кухню: приготовлю чего нибудь покушать «малюткѣ» и ея кошкамъ. Да и вы, донъ Фраскито, не откажетесь отъ моего угощенія, не правда ли? Здѣсь не принято ѣсть досыта. Впрочемъ, не я угощаю, а молодая хозяйка...

— О, какая честь!.. Я тронутъ, польщенъ. Но я собирался уходить...

— Да, мы знаемъ, что вы всегда приглашены въ аристократическіе дома. Но вы такъ деликатны и добры, что не брезгаете садиться за столъ съ нами, бѣдняками.

— И это намъ очень пріятно! — поддержала Обдулія:— всѣмъ извѣстно, что со стороны дона Фраскито дель-Понте большая жертва удовольствоваться нашей скромной трапезой...

— Ради бога, Обдулія!..

— Но ваша поразительная доброта внушаетъ вамъ такія жертвы, и еще большія. Развѣ я не права, Понте?

— Я разсержусь, другъ мой, за ваши парадоксы, — тѣмъ и кончится. Вы называете жертвой самое высокое блаженство, какое только можетъ быть на свѣтѣ.

— Угли-то есть у тебя? — спросила Бенина, прерывая провой потокъ поэтическихъ возгласовъ.

— Кажется, есть,—отозвалась Обдулія разсѣянно:—а если нѣтъ, сходи, купи, Нина...

Бенина ушла въ кухню, отыскала углей и принялась растоплять плиту, мыть кастрюльки и разговаривать вполголоса сама съ собой.

«Лишній разокъ накормлю этого несчастнаго, которому ложный стыдъ мѣшаетъ сознаться въ голодѣ. Господи, сколько горя и бѣдствій на землѣ! Сколько ни живи, всего не увидишь. Думаешь—вотъ, вотъ ужь хуже быть не можетъ... Хвать, и наткнешься на худшее несчастье. Нищему на улицѣ подадутъ, онъ хлѣба купитъ и сытъ... А вотъ эти, совѣстливые да робкіе, которые ни за что на свѣтѣ не протянутъ руки,— лучше умрутъ съ голода,—эти-то самые несчастные! Были они

богаты, воспитаны, счастливы... Каково имъ-то терпѣть нужду, лишенія, униженія?! Надо подумать, не останется ли у меня реала, чтобы заплатить за его кровать, хоть на сегодняшнюю ночь... Не знаю, какъ и быть... Онъ задолжалъ тамъ, потребуютъ всѣ восемь реаловъ... Гдѣ мнѣ набрать столько? Бернарда иначе не пуститъ; все ей подай... Боже, Боже, сколько горя на землѣ»!

Въ это время томный донъ Фраскито и мечтательная Обдулія мысленно улетѣли за тридевять земель отъ печальной дѣйствительности. Убѣдившись, что провидѣніе, въ лицѣ Бенины, посѣтило ихъ, молодая женщина мигомъ успокоилась и забыла всѣ свои тревоги; рыцарь тоже вздохнулъ съ облегченіемъ. Оба они по духу какъ нельзя болѣе подходили другъ къ другу и, взамѣнъ матерьяльныхъ богатствъ, обладали такимъ неистощимымъ богатствомъ воображенія, что стоило имъ дать волю своей фантазіи, какъ они мгновенно забывали всѣ земныя невзгоды и уносились въ заоблачный міръ грезъ, гдѣ царитъ счастье, гдѣ нѣтъ мѣста прозаическимъ соображеніямъ о насущномъ хлѣбѣ и кровлѣ надъ головой. И—что всего курьезнѣе—это то, что кавалеръ дель-Понте былъ, по крайней мѣрѣ, втрое старше Обдуліи, но перещеголялъ ее въ счастливой способности грезить наяву и жить фантазіями, словно съ годами способность эта превратила его въ настоящаго ребенка.

Донъ Фраскито былъ, что называется въ просторѣчіи, дитя божіе. Возрастъ его составлялъ для всѣхъ неразрѣшимую загадку, тѣмъ болѣе, что церковныя книги того прихода въ Альжезирозѣ, гдѣ его крестили, сгорѣли во время пожара. Онъ обладалъ рѣдкой привилегіей, которая могла бы посоперничать съ искусствомъ древнихъ египтянъ выдѣлывать муміи; онъ такъ хорошо сохранился, что ни годы, ни лишенія, ни неудачи,—ничто не дѣйствовало на него. Волосы его оставались черными, какъ смоль,—пожалуй, даже слишкомъ черными,—и онъ зачесывалъ ихъ гладко, раздѣливъ косымъ проборомъ, съ начесами на уши, по модѣ пятидесятыхъ годовъ; жестъ его руки, приглаживающей эти начесы, сдѣлался какъ бы природнымъ отъ долговременной привычки и входилъ въ составъ его манеръ. Лицо его было свѣжо и казалось еще моложавѣе отъ присущаго ему наивнаго и довѣрчиваго выраженія; восторженность, мечтательность, томность и умиленіе — вотъ что пооче-

редно можно было прочесть въ его глазахъ, окруженныхъ мелкими морщинками. Двумя предметами онъ очень гордился—своими густыми волосами и маленькой ногой. Въ эпоху большихъ затрудненій, неудачъ и разочарованій, онъ во всемъ отказывалъ себѣ, смиренно голодалъ, все переносилъ въ смыслѣ лишеній, но отказать себѣ въ хорошей обуви никакъ не могъ. Изуродовать размѣръ и форму своихъ ногъ—это было свыше его силъ, и дешевой обуви онъ не надѣлъ бы ни за что на свѣтѣ.

XV.

Необходимо сказать два слова объ его умѣньѣ долго носить платья и сохранять ихъ въ приличномъ видѣ. Никто не могъ сравняться съ нимъ въ способности отыскать дешевыхъ, но талантливыхъ портныхъ, умѣющихъ мастерски перевернуть наизнанку залоснившійся сюртукъ; съ помощью тщательной бережности и бензина, сохранялъ онъ фасонъ брюкъ и другихъ принадлежностей костюма на безконечно долгій срокъ. Сколько времени служила ему шляпа,—уму непостижимо! Хронологія модъ была бы тутъ непричемъ: его костюмы переживали всевозможныя измѣненія, до тѣхъ поръ пока капризъ моды не вводилъ въ употребленіе прежніе допотопные фасоны,—и тогда платья и головные уборы дона Фраскито казались новыми, а иллюзія свѣжести поддерживалась неусыпными заботами самого хозяина. Конечно, всему есть предѣлъ: случалось, что свѣтло-сѣрое пальто, круглый годъ служившее кавалеру дель-Понте, застегивалось до верху, чтобы прикрыть изъянъ и даже отсутствіе разныхъ подробностей туалета; одному Богу и хозяину было въ такихъ суучаяхъ извѣстно, чего тамъ недоставало.

Въ общемъ, трудно было встрѣтить личность болѣе безобидную, но и болѣе безполезную на землѣ. Понте никогда ни на что не былъ годенъ; безотрадный закатъ его дней наглядно свидѣтельствовалъ объ этомъ. Онъ имѣлъ когда-то порядочныя средства и хорошія мѣста; семьи у него не было и онъ застылъ убѣжденнымъ холостякомъ,—отчасти по причинѣ самообожанія, отчасти потому, что не встрѣтилъ особы, во всѣхъ отношеніяхъ соотвѣтствовавшей его идеалу. Онъ прожилъ жизнь

въ «свѣтѣ» изящнымъ денди, принятый, если не въ самыхъ аристократическихъ салонахъ, то во всякомъ случаѣ въ домахъ благородныхъ и приличныхъ. Въ манерахъ его всегда было много аффектаціи; перчатки, галстукъ, ботинки особенно интересовали его. Дамскій любезникъ (безвредный, впрочемъ), добрый товарищъ и восторженный, неисправимый мечтатель—таковъ былъ донъ Фраскито дель-Понте.

Безтолково и непроизводительно прожилъ свое небольшое состояніе, онъ лишился мѣста, благодаря революціи, и съ 1868 года хронически нуждался и бѣдствовалъ. Вначалѣ прежніе друзья жалѣли его и деликатно приглашали обѣдать; но мало-по-малу друзья перемерли, а родные и знать его не хотѣли. Пришлось бѣдному самолюбивому дворянину познакомиться съ голодомъ, съ крайними лишеніями; но отъ своей экзальтированной восторженности онъ такъ и не отдѣлался и, не имѣя зачастую куска хлѣба и крова для ночлега, продолжалъ старательно красить волосы, пудриться, носить хоть рваныя, но все таки перчатки и сносную обувь. Занятій онъ искалъ добросовѣстно; съ внутреннимъ содроганіемъ соглашался быть комисіонеромъ и commis-voyageur'омъ; но способности его были такъ ограничены, что нѣсколько опытовъ въ этомъ родѣ ни къ чему не привели: взявшись рекламировать мыло какой-то фабрики, онъ не съумѣлъ никого убѣдить въ его изумительныхъ качествахъ и никому не навязалъ ни одной партіи. За послѣднее время, судьба послала ему старую монахиню изъ общины Сентъ-Андрэ, которая поручила ему вести книги по продажѣ восковыхъ свѣчей,—и онъ существовалъ назначеннымъ ему за этотъ трудъ крошечнымъ вознагражденіемъ, не превышавшимъ двухъ реаловъ въ день. Комнаты у него не было съ 1880 года, а ночевалъ онъ въ меблированныхъ комнатахъ, спеціально содержимыхъ для бездомныхъ ночлежниковъ; хозяйка, принимая во вниманіе его порядочность, позволяла ему оставлять у нея свой чемоданъ, но ночевки въ долгъ допускала лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Питался онъ, разумѣется, впроголодь, но пособія ни у кого не просилъ и даже избѣгалъ обѣдать у немногочисленныхъ знакомыхъ, которыхъ продолжалъ взрѣдка навѣщать. Такъ жилъ бѣдный кавалеръ донъ Фраскито, пользуясь даровымъ правомъ дышать воздухомъ улицъ и уноситься въ заоблачныя сферы для постройки воздушныхъ зам-

ковъ. Знакомство его съ Обдуліей (вполнѣ безобидное, конечно), возникло вслѣдствіе отношеній между «предпринимателемъ похоронныхъ процессій» и его хозяйкой, торговавшей восковыми свѣчами; при знакомствѣ обнаружилось, что донъ Фраскито приходится родственникомъ доннѣ Пакѣ, что способствовало упроченію отношеній между нимъ и ея дочерью. Они очень подходили другъ къ другу идеями, стремленіями и вкусами; оба не знали жизни; оба похожи были на птенцовъ, выпавшихъ изъ гнѣзда, или на людей, свалившихся съ луны; оба судили о людяхъ и о происшествіяхъ съ невиннымъ прекраснодушіемъ; бѣдность ихъ кругозора была одинакова.

Въ разговорахъ съ Обдуліей, Фраскито пускался въ безконечныя и подробныя описанія свѣтской жизни временъ своей молодости: какъ онъ получилъ приглашеніе на балъ къ такой-то маркизѣ, съ какими аристократами познакомился тамъ, причемъ распространялся объ ихъ характерахъ, привычкахъ и манерѣ одѣваться. Онъ любилъ музыку и напѣвалъ аріи изъ Нормы или Маріи Роганъ, къ полному восторгу Обдуліи; иной разъ ударялся въ поэзію и декламировалъ забытые всѣми стихи дона Грегоріо-Ромеро-Ларраньяга и другіе въ томъ же безцвѣтномъ родѣ. Круглое невѣжество молодой женщины служило благодарной почвой для такихъ литературныхъ начатковъ; она воспринимала ихъ съ радостью, подобно ребенку которому показываютъ новую игрушку.

Въ особенности же интересовала ее свѣтская жизнь,— смутныя воспоминанія о ней сохранила она со времени дѣтства, при отцѣ, да изъ разсказовъ доньи Паки, и находила страстное удовольствіе слушать нескончаемые анекдоты, и объясненія дель-Понте. Она не сомнѣвалась, что во времена его молодости общество было интереснѣе, мужчины утонченнѣе и благовоспитаннѣе, женщины красивѣе и умнѣе.

По ея просьбѣ, идеалистъ посвящалъ ее въ тайны великолѣпныхъ пріемовъ, баловъ, собраній, перечислялъ закуски, вина и кушанья за ужинами, прохладительные напитки во время танцевъ; разсказывалъ, какія романическія происшествія надѣлали въ то время шуму; говорилъ, какія правила благовоспитанности были тогда въ ходу, касаясь при этомъ самыхъ ничтожныхъ мелочей, восхвалялъ тогдашнихъ красавицъ, которыя или перемерли, или жили въ уединеніи по старости лѣтъ. И

про себя онъ не молчалъ, передавая всѣ свои, надо полагать, воображаемыя похожденія, дуэли со взбѣшенными мужьями и щекотливыми братьями; изо дня въ день онъ выкладывалъ передъ восхищенной молодой женщиной весь запасъ своихъ разнообразныхъ воспоминаній. Оказалось, что и сценическое искусство не было ему чуждо: онъ не безъ успѣха участвовалъ въ любительскихъ спектакляхъ, въ пьесахъ: «Увядшій цвѣтокъ» и «Локонъ ея волосъ». Онъ даже помнилъ отрывки изъ своихъ ролей и съ паѳосомъ декламировалъ ихъ, причемъ глаза слушательницы наполнялись слезами умиленія. Разсказалъ онъ также,—на это понадобилось два дня,—про костюмированный балъ въ день рожденія какой-то баронессы или маркизы: проживи Фраскито тысячу лѣтъ, и то не забыть бы ему этого великолѣпнаго празднества, въ которомъ онъ участвовалъ, переодѣтый калабрійскимъ разбойникомъ! Онъ помнилъ въ точности всѣ костюмы и описывалъ ихъ, не забывая ни ленточки, ни галуна.

Фраскито могъ, хотя и въ незначительной степени, удовлетворить любопытство Обдуліи касательно путешествій. Конечно, онъ вокругъ свѣта не ѣздилъ, но въ Парижѣ побывалъ, а для изящнаго кавалера этого достаточно. Парижъ! Каковъ этотъ Парижъ? Обдулія пожирала разскащика глазами, когда онъ сгущенными красками описывалъ ей столицу Франціи въ блестящую эпоху второй имперіи. Ахъ, императрица Евгенія, Елисейскія поля, бульвары, соборъ Богоматери, Пале-Ройяль!.. И что грѣха таить? для полноты картины — Мабиль и кокоточки!.. Фраскито пробылъ въ Парижѣ полтора мѣсяца, совершалъ чудеса экономіи, утилизировалъ всякій часъ дня и ночи,— но все, все рѣшительно видѣлъ, что̀ только сто̀итъ посмотрѣть, всюду совалъ носъ, позволялъ себѣ слегка покутить и отвѣдать закулисныхъ парижскихъ наслажденій.

— Должно быть, жизнь въ Парижѣ дорога, донъ Фраскито!—замѣтила Обдулія: — бѣднымъ людямъ не по карману жить тамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы ошибаетесь. Надо знать, ка̀къ, гдѣ, что́—и проживешь недорого. Я живо научился, въ какой омнибусъ садиться, и дешевымъ способомъ побывалъ въ самыхъ отдаленныхъ кварталахъ; узналъ, гдѣ недорого, но вкусно кормятъ; одно тамъ разоряетъ—это pourboir! Но ужь за то какъ

вамъ и служатъ! Какая любезность, предупредительность... Только и слышишь: pardon, pardon!

— А изъ высокопоставленныхъ лицъ и знаменитостей кого удалось вамъ видѣть?

— Дѣло было лѣтомъ. Знаменитости разъѣхались по водамъ... Викторъ Гюго былъ въ изгнаніи.

— А Ламартина не видали?

— Увы, автора «Graziela» уже не было въ живыхъ. Друзья показали мнѣ домъ Тьера, знаменитаго историка, и кафэ, въ которомъ Поль де-Кокъ...

— Ахъ, это тотъ, что̀ писалъ смѣшныя повѣсти? Только его непристойности и свинства портятъ все.

— Видѣлъ я также сапожника, работавшаго на Октава Фёлье... Конечно, заказалъ ему пару сапогъ, заплатилъ шесть золотыхъ, но какой фасонъ, какой шикъ, Боже мой! Я проносилъ ихъ до самой смерти Прима.

— Этотъ Октавъ что́ такое писалъ?

— «Sibylle» и другія прелестныя вещи.

— А я спутала его съ Евгеніемъ Сю, который написалъ, помнится, «Семь смертныхъ грѣховъ» и «Соборъ Парижской Богоматери».

— То есть «Парижскія тайны»—хотите вы сказать?

— Ну, да. Такое сильное впечатлѣніе производитъ это! Я чуть не заболѣла, когда читала.

— Вы входили, вѣрно, въ положеніе героевъ, ставили себя на ихъ мѣсто?..

— Вотъ именно. То же самое случилось со мной при чтеніи: «Марія или дочь ремесленника»...

Въ эту минуту Бенина объявила имъ, что кушанье готово. Они поспѣшно накинулись на рыбу и жареное мясо съ картофелемъ; но, не измѣняя своей сдержанности во всемъ, что̀ касалось умѣнья держать себя, дель-Понте старался не показать и виду, что лютый голодъ давно уже терзаетъ его.

Бенина привѣтливо угощала его:

— Кушайте, кушайте, донъ Франсито! Хоть это и не изысканныя блюда, къ которымъ вы привыкли въ другихъ домахъ, однако, вреда не сдѣлаютъ. Времена тяжкія!.. Приходится экономничать...

— Донна Нина,—говорилъ гость:—увѣряю васъ, даю вамъ

слово, что вы ангелъ. Я склоненъ думать, что въ васъ воплотился таинственный духъ милосердія, само Провидѣніе, какъ понимали его древніе народы... какъ и современные понимаютъ.

— Да благословитъ васъ Богъ! Онъ одинъ, вѣроятно, понимаетъ ласковыя глупости, которыя вы городите.

XVII.

Подкрѣпивъ силы свои пищей, хозяйка и гость почувствовали себя готовыми къ новому путешествію въ фантастическую область и снова усѣлись въ кабинетъ. Понте принялся за старое. Въ Мадридѣ, по его словамъ, бывало весело лѣтомъ. Въ Прадо собирались сливки столичнаго общества. Онъ бывалъ въ королевской резиденціи въ то время, когда пущены всѣ фонтаны.

— А я-то ничего, ничего не видала! — горевала Обдулія съ выраженіемъ отчаянія въ глазахъ: — я была бы совершенной дурой, еслибъ Богъ не наградилъ меня счастливой способностью живо представлять себѣ вещи, которыхъ я отроду не видала. Вотъ, напримѣръ, цвѣты. Я ихъ обожаю. Бывало, мама позволяла мнѣ имѣть ихъ на балконѣ; но разъ я такъ усердно полила ихъ, что вода протекла на улицу, и полицейскій составилъ протоколъ, а мы заплатили штрафъ. Послѣ этого мама запретила мнѣ держать цвѣты. Ахъ, когда я прохожу мимо садовъ, то просто теряюсь отъ восхищенія. Говорятъ, однѣхъ розъ множество видовъ: и большихъ, и маленькихъ, и пунцовыхъ, и бѣлыхъ, и всякихъ... Ахъ, Понте, какъ бы я ихъ понюхала! Усѣлась бы подъ тѣнью жасминоваго куста, большаго, большаго... А бѣлые душистые лепестки падали бы мнѣ на волосы и на плечи. Я мечтаю имѣть огромный садъ, съ оранжереей... съ рѣдкими тропическими растеніями... Я представляю ихъ себѣ... и, кажется, умру съ горя, если у меня ихъ не будетъ.

— Мнѣ приходилось видѣть гигантскія деревья у дона Хозе Саламанки. Вообразите, вышиной съ два такихъ дома... Пальмы, папортники, американскія сосны. Точно сейчасъ ихъ вижу.

— И я тоже. Я вижу все, что вы мнѣ разсказываете... Спрашиваю себя иногда: почему бы и мнѣ не имѣть когда ни-

будь великолѣпнаго дома съ роскошными оранжереями, съ богатыми салонами?.. Знаменитые люди пріѣзжали бы ко мнѣ, а я бы съ ними запросто разговаривала, поучалась у нихъ...

— Почему же нѣтъ? Вы такъ молоды: все возможно, все вѣроятно... Вы будете принимать два раза въ недѣлю, къ обѣду, на двадцать кувертовъ... Совѣтую вамъ, на основаніи многолѣтняго свѣтскаго опыта, не приглашать больше двадцати... А въ остальные дни человѣкъ шесть избранныхъ, интимныхъ..

— Конечно, самыя сливки...

— Вотъ именно! Вы такъ хороши собой; готовьтесь имѣть поклонниковъ. Этого не минуете... Опасное положеніе, Обдулія! Совѣтую вамъ быть вѣжливой, привѣтливой, любезной со всѣми; но если кто нибудь вздумаетъ выдвинуться впередъ,—облекитесь въ холодное достоинство, будьте неприступны, какъ королева.

— Я сама такъ думаю. Я буду такъ упиваться развлеченіями, что никакой дурной мысли и мѣста не хватитъ. Каждый день въ театрѣ! То опера, то концертъ, то драма, то комедія. Господи, какое счастье! Но увѣряю васъ: не смотря ни на что, я буду раздавать бѣднымъ направо и налѣво... я бы хотѣла, чтобы бѣдныхъ совсѣмъ не было... Правда вѣдь, Фраскито, не надо бы ихъ совсѣмъ?

— Разумѣется. Вы ангелъ! Съ волшебной палочкой вашей доброты вы бы изгнали нищету съ лица земли.

— Да! Вотъ вы такъ говорите, и я воображаю, что все это правда. Такою ужь Богъ меня создалъ. Мы толковали съ вами о цвѣтахъ, и что же? Обоняніемъ я ощущала ихъ ароматъ. Честное слово. А теперь мы разговорились о нищихъ, и я чуть-чуть не сказала вамъ: «Фраскито, напишите-ка подробный перечень бѣдняковъ, извѣстныхъ вамъ. Мы начнемъ съ нихъ дѣла милосердія».

— Списокъ составить нетрудно, другъ мой, — успокоилъ Понте, заражаясь ея бредомъ и думая про себя, что во главѣ списка недурно бы написать имъ самаго нуждающагося бѣдняка на свѣтѣ:—Фраскито Понте-Дельгадо!..

— Но все это еще не сейчасъ!—вздохнула Обдулія, падая вдругъ на землю, съ тѣмъ чтобы черезъ минуту, какъ мячикъ, отскочить къ облакамъ.—Однако, скажите: эти путешествія по

Мадриду, съ цѣлью облегчать бѣдняковъ, очень будутъ утомлять меня?

— А экипажъ-то у васъ на что будетъ?.. Мы вѣдь исходимъ изъ той точки, что вы очень богаты...

— Вы будете ѣздить со мной?

— Несомнѣнно.

— И верхомъ будете кататься въ Castellana?

— Почему же! Я былъ когда-то образцовымъ всадникомъ... Недурно ѣзжу верхомъ... Только,—разъ ужь мы разговорились объ экипажахъ,—я не совѣтовалъ бы вамъ держать своихъ лошадей... то ли дѣло наемныя! Гораздо удобнѣе. Спокойно и безъ хлопотъ.

— А какъ вы думаете: съ чего начать путешествіе, съ Германіи или со Швейцаріи?

— Во-первыхъ съ Парижа...

— Парижъ-то я ужь почти знаю... Это все старо. Положимъ, что я его видѣла. Потомъ куда ѣхать?

— Швейцарскія озера прелестны. Не забудьте взобраться на Альпы, взглянуть на сенъ-бернардскихъ собакъ, на ледники и другія чудеса природы.

— Ужь и поѣмъ я тамъ сливочнаго масла! Это мое любимое лакомство... Скажите мнѣ, Понте, положа руку на сердце, какой цвѣтъ больше всего мнѣ къ лицу:—розовый или голубой?

— Увѣряю васъ, что всѣ цвѣта радуги идутъ къ вамъ. Скажу лучше: не цвѣта украсятъ васъ, а вы украсите всякій цвѣтъ, какъ только надѣнете его.

— Благодарю. Какъ вы мило выражаетесь!

— Если вы позволите,—воскликнулъ старый любезникъ:—я сравню ваше лицо съ... какъ вы думаете, съ чьимъ лицомъ?.. императрицы Евгеніи, представительницы изящества, красоты и благородства!

— Что вы, Фраскито, полноте!

— Говорю, что думаю. Съ той минуты какъ я увидалъ эту божественную женщину въ Булонскомъ лѣсу, рядомъ съ императоромъ, я не могу забыть ея. Она постоянно передо мною; стоитъ мнѣ только замечтаться... Вижу ее, когда иду задумчиво по улицѣ, или въ безсонные часы ночи, когда брожу по моимъ комнатамъ... И сейчасъ ее вижу... Я—идеалистъ, пре-

зираю матерію... умѣю возноситься отъ нашей земли и парить мыслью за предѣлами осязаемаго...

— Понимаю, понимаю!.. Продолжайте.

— Я говорю: образъ этой женщины живетъ во мнѣ... Я вижу ее, какъ предметъ матерьяльный, какъ существо воображаемое, но вещественное. Не нахожу точныхъ словъ...

— Я понимаю, понимаю! Все это сама испытала...

— Видѣли ее?

— Нѣтъ, не ее... Не знаю кого...

На одно мгновеніе Фраскито вообразилъ, что Обдулія подразумѣваетъ императора французовъ. Но, желая выяснить свою мысль, онъ продолжалъ:

— Итакъ, другъ мой, я видѣлъ Евгенію Монтихо и удостовѣряю, что вы на нее похожи, поразительно похожи.

— Просто не вѣрится, Фраскито! — проговорила молодая женщина, захлебываясь отъ восторга.

— И не однимъ лицомъ, а всѣмъ, всѣмъ: en face, въ профиль, выраженіемъ, турнюрой, манерами, походкой, — всѣмъ, всѣмъ... Двѣ капли воды. Клянусь вамъ!

— Можетъ быть отдаленное сходство...—пробормотала Обдулія, сверкая глазами и краснѣя:—но ужь не во всемъ!

— Повторяю: какъ двѣ капли воды. А если существуетъ физическое сходство, то, значитъ, есть и нравственное... Я знаю, что говорю... У васъ есть что-то врожденно-величественное... Вы созданы, чтобы повелѣвать. Я замѣчаю это, когда вы что нибудь приказываете Бенингѣ... Ну, точь въ точь императрица, отдающая приказанія своимъ камергерамъ.

— Что вы, Понте? полноте, это невозможно!

Молодая женщина принялась истерично хохотать, такъ что можно было ожидать нервнаго припадка. Фраскито радостно началъ ей вторить и вдругъ, мѣняя тему, сдѣлалъ слѣдующій скачокъ назадъ:

— Вы говорили о верховой ѣздѣ... О, да, я былъ лихой наѣздникъ. У меня была кобыла, сѣрая въ яблокахъ, — картина! Я управлялъ ею съ неподражаемымъ искусствомъ... Я промѣнялъ ее на другую лошадь, которую со временемъ перекупила герцогиня, сестра императрицы Евгеніи, тоже чрезвычайно элегантная женщина и на васъ похожа, хотя сестры и были разнаго типа...

— Знаю, знаю! — подхватила Обдулія: — объ онѣ дочери Монтихо.

— Именно. Она жила на площади del-Angel... Я былъ тамъ разъ... Да, я умѣлъ ѣздить, нечего скромничать! Всѣ это говорили.

— У васъ, должно быть, видъ былъ надменный?

— Ну, нѣтъ, не особенно.

— Не отвергайте. Я ужь знаю.

— Однако...

— Не противорѣчьте, Понте... Ни въ чемъ не противорѣчьте мнѣ.

— Смиренно покоряюсь! Я всегда былъ рабомъ женщинъ, Обдулія,—а ихъ было не мало...

— По всему видно. Вы такой утонченный кавалеръ. Честное слово, вы типъ изящества, Фраскито!..

— Пощадите.

Тутъ имъ снова пришлось упасть на землю и вспомнить о дѣйствительности. Бенина, кончивъ уборку посуды, собралась уходить. Понте взглянулъ въ окно и, увидавъ, что солнце уже высоко, попросилъ у двойника императрицы позволенія удалиться. Обдулія неохотно отпустила его, несовсѣмъ довольная при мысли остаться одной въ фантастическомъ дворцѣ, наполненномъ камергерами и другими доблестными придворными. Можетъ быть, эти подданные казались простымъ смертнымъ парой хорошенькихъ кошечекъ, не болѣе? Что за дѣло! Сейчасъ пойдетъ она въ свою оранжерею, полюбуется тропическими растеніями, вдохнетъ ароматъ рѣдкихъ цвѣтовъ...

Понте-Дельгадо распростился, отвѣсивъ милліонъ изящныхъ поклоновъ. Бенина вышла слѣдомъ за нимъ и догнала его на улицѣ.

XVIII.

— Донъ Фраско,—заговорила она, шагая рядомъ съ нимъ по улицѣ San-Pedro-Martir: — вы напрасно секретничаете со мной. Я бѣдна, бѣднѣе крысъ, и съ трудомъ кормлю мою несчастную барыню, «малютку» и себя саму... Но есть человѣкъ, который превзошелъ меня въ бѣдности — это вы... Не отрицайте.

— Донна Бенина, вы ангелъ.

— Будетъ вамъ! Я желала бы помочь вамъ. Почему вы такой застѣнчивый и робкій? Совѣстливость—хорошая вещь, но все въ мѣру. Я знаю, какъ нужда васъ притѣсняетъ... Ну, ну, хорошо, я молчу... У меня есть лишняя серебряная монета: возьмите ее.

— Ради бога, что вы?..—заволновался Фраскито, блѣднѣя и краснѣя.

— Не стѣсняйтесь, на сегодня у меня все есть. А вамъ надо заплатить за кровать Бернардѣ...

— Господи, что это за ангелъ!

— Оставьте ангеловъ въ покоѣ и возьмите деньги. Не хотите? Раскаетесь! Увидите, какъ встрѣтитъ васъ жадная Бернарда. Берите, берите!..

— Донна Бенина, я такъ страшно нуждаюсь, что готовъ бы унизиться, забыть, кто я, и взялъ бы вашу монету «въ долгъ»... Но я знаю, что вы просите милостыню, чтобы прокормить себя и свою госпожу. Какъ же могу я принять отъ васъ деньги?.. Совѣсть не позволяетъ...

— Не слушайте ея, она вретъ въ этомъ случаѣ. Берите, или я поссорюсь съ вами, ей богу! Не церемоньтесь, донъ Фраскито: вы бѣднѣе того, кто выдумалъ голодъ. Или вы много задолжали Бернардѣ? Больше не могу дать; что дѣлать!.. Но не бойтесь, она не откажется принять это въ счетъ долга и въ ночлегѣ вамъ не откажетъ. Сразу не къ чему баловать ее. Завсегдатаемъ, какъ вы, дорожатъ. Берите, не сердите меня! Я поговорю съ Бернардой и усовѣщу ее...

Бенина взяла его руку, сунула монету и зажала его кулакъ. Сдѣлавъ это, она пустилась бѣжать своей дорогой.

Фраскито оставалось только принять милостыню... Онъ съ недоумѣніемъ взглянулъ вслѣдъ Бенинѣ, исчезавшей, какъ видѣніе, и, вынувъ свободной рукой изъ кармана платокъ, вытеръ свои глаза, наполнившіеся слезами. Сердце его трепетало отъ восхищенія и благодарности.

Бенина, между тѣмъ, зашла въ лавки и купила провизіи въ долгъ:—всѣ деньги ея растаяли. Домой она явилась въ два часа; часто случалось ей приходить и позже; донна Пака не удивлялась и не сердилась, а встрѣча всегда зависѣла отъ настроенія минуты. Но въ этотъ день, по несчастью, обѣднѣвшая

барыня страдала разстройствомъ нервъ, находившимъ на нее безо всякой видимой причины,—когда отъ пустяковъ, а иногда отъ физическаго недомоганья. Какъ бы то ни было, но Бенина встрѣчена была строгими словами:

— Ты воображаешь, что позволительно возвращаться въ такой часъ? Мнѣ придется переговорить съ домомъ Ромуальдо и спросить его, въ которомъ часу отпускаетъ онъ тебя, чтобы ты не врала мнѣ небылицъ, будто заходишь къ «малюткѣ», стряпаешь у нея, и т. п. глупости. Неужели ты думаешь, что я такая дура и вѣрю всѣмъ твоимъ сказкамъ? Не отвѣчай... не оправдывайся, я ничему не повѣрю. Лгунья, обманщица!

Привыкнувъ къ характеру своей госпожи, Бенина знала, что хуже всего перечить ей, защищаться, чистосердечно объяснять... Бѣшенство донны Паки отъ этого только усиливается. Не разъ неповинная Бенина каялась въ несовершонныхъ грѣхахъ и сознавалась въ небывалыхъ преступленіяхъ, чтобы поскорѣе успокоить капризную барыню.

— Смотри, значитъ, я права!—съ горькой укоризной продолжала донна Пака, дѣлавшаяся несноснымъ существомъ, когда поддавалась своей строптивости: — ты молчишь... тебѣ нечего сказать. Значитъ, я права! Я всегда права. Ты не заходила къ Обдуліи, и не думала заходить. Богъ знаетъ, гдѣ ты шлялась. Но не безпокойся, я все узнаю. Бросить меня одну, голодную! Очень хорошо, нечего сказать. Тутъ являлись одинъ за другимъ прикащики изъ лавокъ, съ требованіемъ уплатить за забранный товаръ,—все благодаря твоей неряшливости и безпорядочности... Говоря по правдѣ; я не знаю, матушка, куда ты тратишь всѣ деньги... рѣшительно не знаю! Отвѣчай же, оправдывайся, если можешь! Если же ты только молчишь, значитъ, я еще мало говорю тебѣ горькихъ истинъ.

Бенина смиренно отвѣтила, что она долго пробыла у дона Ромуальдо, затѣмъ ее задержалъ донъ Карлосъ; потомъ она зашла къ «малюткѣ»...

— Одному Богу извѣстно, гдѣ ты пропадаешь, потаскушка, и въ какихъ вертепахъ побывала... Дохни-ка на меня, не пахнетъ ли отъ тебя виномъ?..

Потянувъ носомъ, донна Пака съ отвращеніемъ отскочила:

— Отойди, отойди; отъ тебя воняетъ водкой!

— Я не пила водки, сударыня, увѣряю васъ...

Донна Пака стояла на своемъ и выходила изъ себя.

— Увѣряю васъ, — повторяла Бенина:—я выпила рюмку вина, которую предложилъ мнѣ донъ Фраскито дель-Понте.

— Вотъ какъ? Этотъ дель-Понте начинаетъ безпокоить меня не на шутку... Старикъ еще бодрый, хитрый, безпутный... А все таки ты больше молчишь... морочишь меня, лицемѣрка! У порога старости начинаешь развратничать и теряешь способность говорить? Господи, до чего мы доживемъ? Какіе пороки нажила ты еще? Молчишь? Я права! Что̀ скажу—то вѣрно. Насквозь вижу.

Не давая времени обвиняемой собраться съ мыслями, нервная дама перескочила на другую тему:

— Ну-съ, а насчетъ донъ Карлоса что̀ скажешь? Какъ онъ тебя встрѣтилъ? Здоровъ ли? Не лопнулъ еще отъ жиру? И не говори ничего: я все знаю, точно подслушала вашъ разговоръ за дверью. Меня мудрено обмануть. Онъ сказалъ тебѣ, что все мое несчастье заключается въ томъ, что я не считаю. Это его конекъ. Глупецъ! У всякаго дурака свой пунктъ, а у этого — вѣчная забота подводить итоги и проповѣдывать спасеніе отъ нихъ душѣ и устройство всѣхъ дѣлишекъ на землѣ... Нѣтъ, не спасутъ его цифры, и намъ пользы не принесутъ. *Это* онъ говорилъ тебѣ?

— Да, сударыня, это самое!

— А послѣ пустословія насчетъ прихода и расхода, вѣрно, далъ тебѣ милостыню для меня... Не знаетъ, видно, что чувство собственнаго достоинства запрещаетъ мнѣ принять его подачку! Отсюда вижу: открылъ столъ, вытащилъ незначительную сумму, заслоняя отъ тебя остальныя деньги, прикинулъ на рукѣ вѣсъ монетъ, заперъ столъ... потомъ раскошелился, свинья свиньей. Я не могу въ точности угадать, сколько онъ отвалилъ для меня—мудрено понять разсчеты скряги! — однако, безошибочно скажу, что сумма не превышаетъ сорока дуро!

Физіономія Бенины, при этой цифрѣ, не поддается описанію. Барыня, пристально слѣдившая за ней, поблѣднѣла и сказала послѣ небольшой паузы:

— Какъ? Я ошиблась? Насколько? Невозможно, чтобы, при всей его скупости, онъ послалъ меньше двадцати пяти дуро! Не допускаю меньше... Нѣтъ, Нина, рѣшительно не допускаю.

— Вы бредите, сударыня!—рѣзко возразила Бенина,—донъ Карлосъ ничего не далъ, ровнёхонько ничего. Съ будущаго только мѣсяца онъ будетъ выдавать вамъ по два дуро.

— Лгунья! Обманщица! Неужели ты думаешь такъ легко надуть меня?.. Не хочется лишь мнѣ разстраивать себя... Ты поняла, Нина, поняла? Поговори со своей совѣстью. Я умываю руки... Развѣ ты не видишь, что я все угадала; всѣ твои пакости на виду? Пусть Богъ воздастъ тебѣ по заслугамъ. Теперь ты разыгрываешь невинность,—знать не знаю, вѣдать не вѣдаю? А я на лбу у тебя читаю; всѣ твои мысли вижу! Послушай, сознайся...

— Въ чемъ, сударыня?

— Ну, ты поддалась искушенію; сознайся, и я прощу тебя... Не хочешь? Тѣмъ хуже для тебя, — я заставлю тебя покраснѣть. Хочешь, скажу? Изволь! Двадцать пять дуро, которые тебѣ далъ для меня донъ Карлосъ, ты подарила этому Фраскито Понте, чтобъ онъ уплатилъ свои долги, обѣдалъ бы въ ресторанахъ, могъ бы накупить себѣ галстуковъ, тросточекъ, помады... Да, да,—видишь, я все знаю, не помогла твоя ложь. Теперь ты вбила себѣ въ голову спасать этого ощипаннаго соловья; любишь его больше меня, жалѣешь его... А меня, которая тебя такъ любитъ, хоть молніей убей, — тебѣ все равно!

Старая дама залилась слезами. Бенина, доведенная неосновательной руготней до желанія побить ее, какъ блажнаго ребенка, увидавъ ея слезы, все забыла. Она знала, что гнѣвъ донны Паки проходитъ плачемъ; слѣдовательно, насталъ конецъ обиднымъ подозрѣніямъ, и лучше всего обратить ссору въ шутку. Съ участіемъ обняла она свою больную госпожу и сказала:

— Разъ ужь я выбрала себѣ такого восхитительнаго любовника, какъ же можно не позаботиться объ немъ, не обмазать его помадой?

— Не думай отвести мнѣ глаза глупыми шутками!—сквозь слезы ворчала донна Пака, складывая оружіе:—увѣряю тебя, что деньги Трухильо нисколько меня не интересуютъ и я бы никогда ихъ не взяла. Мнѣ все равно, на что ты ихъ употребила... Я лучше умру, а не замараю рукъ ихъ прикосновеніемъ... Отдавай ихъ кому хочешь, неблагодарная, и оставь

меня въ покоѣ. Пусть я умру, брошенная, забытая тобой и всѣми!

— Какъ вамъ, такъ и мнѣ рано еще умирать. Поборемся съ судьбой,—наставительно говорила служанка, накрывая на столъ.

— Посмотримъ, какой гадостью будешь ты меня кормить сегодня... Покажи корзинку... Послушай, матушка, и тебѣ не стыдно покупать для меня такіе мерзкіе куски мяса... одну кожу? А еще что? Цвѣтная капуста? Ты всю квартиру провоняла съ этой гадостью! У меня отъ нея отрыжка на три дня... Видно, одни страданія—нашъ удѣлъ на землѣ! Корми меня этими отбросами, все равно. А яицъ не принесла? Ты знаешь, что я ѣмъ только прямо изъ-подъ куръ!

— Съѣдите, что̀ дадутъ, и ворчать перестанете, — Бога гнѣвить за то, что Онъ посылаетъ намъ.

— Хорошо, какъ знаешь. Поѣдимъ, что̀ Богъ послалъ, и поблагодаримъ Его. Но ѣшь и ты. Мнѣ больно видѣть, что ты о себѣ совсѣмъ не думаешь, а заботишься только о другихъ. Садись и разсказывай, что̀ ты сегодня дѣлала.

Онѣ провели нѣсколько часовъ, сидя въ кухнѣ за столомъ, обѣдая вмѣстѣ и разговаривая; донна Пака каждый кусокъ сопровождала глубокимъ вздохомъ.

— Нѣтъ ли такого средства, Нина, колдовства что ли, чтобы лишнія деньги скупыхъ богачей перешли въ наши руки? Если чудеса возможны, почему бы не совершиться чуду въ нашу пользу?

— А кто можетъ поручиться, что чуда не будетъ?—отвѣтила Бенина, внезапно вспомнивъ заклинанія, которымъ училъ ее Альдумедъ, чтобы выпросить богатство у короля Самдая.

XIX.

Мысли и представленія изъ разсказовъ араба съ такой силой овладѣли умомъ Бенины, что она чуть было не сообщила своей госпожѣ о способѣ вызвать подземнаго царя и разбогатѣть; но подумала, что обнаруженный секретъ можетъ потерять свою чудесную силу, и удержалась отъ желанія поболтать о немъ, а просто сказала, что ничего невѣроятнаго

нѣтъ, если въ одно прекрасное утро фортуна постучится къ нимъ въ дверь...

Ложась спать съ донной Пакой (онѣ спали въ одной комнатѣ), Бенина мысленно рѣшила, что всѣ бредни Альдумеда—сущій вздоръ, и придавать имъ значеніе было бы глупо. Однако, заснуть ей не удавалось: она не могла отогнать отъ себя мыслей о заклинаніяхъ и подземныхъ силахъ, и кончила тѣмъ, что повѣрила въ возможность колдовства.

«Отчего не попробовать? Хуже не будетъ! — думала она, ворочаясь въ кровати:—можетъ быть, это и вздоръ... А вдругъ не вздоръ? Мало ли что бываетъ на свѣтѣ? Да что и говорить? я не успокоюсь, пока не попробую... Завтра же куплю восковую свѣчу, не раскрывая рта. Самое трудное — это ни слова не говорить! Какъ ухитриться покупать молча? Притворюсь глухонѣмой. Также куплю и горшокъ... Что же еще остается? Заучить слова заклинательной молитвы»...

Вздремнувъ немного, она проснулась ночью въ полной увѣренности, что въ сосѣдней комнатѣ лежатъ кучи драгоцѣнныхъ камней, и ужь хотѣла зажечь свѣчку и пойти полюбоваться сокровищами Самдая, какъ вспомнила, что донна Пака спитъ чутко и будить ее не слѣдуетъ. Тутъ она сама окончательно пришла въ себя и посмѣялась надъ своимъ бредомъ.

«Должно быть, я немножко... того, свихнулась!—подумала она: — неужели я серьезно могу вѣрить такой чепухѣ»? Но подъ утро она проснулась отъ громкаго лая двухъ бѣлыхъ собакъ, вылѣзшихъ изъ-подъ кровати... Лай оказался звонкомъ въ передней: она быстро вскочила и побѣжала отворять, въ смутной надеждѣ, что это явился кто нибудь изъ свиты короля Самдая... Но за дверьми никого не было. Взбудораженная фантазія шутила съ ней шутки.

Прибравъ на скорую руку комнаты и заготовивъ завтракъ доннѣ Пакѣ, Бенина съ корзинкой на рукѣ вышла на улицу. Не имѣя ни копѣйки денегъ и не зная, какъ достать ихъ, она направилась къ церкви св. Себастьяна, занятая мыслью о донѣ Ромуальдо. Постоянно разговаривая о немъ, она почти пришла къ убѣжденію, что онъ существуетъ на самомъ дѣлѣ. «Богъ знаетъ, что такое!—начала она упрекать себя:—сама я выдумала почтеннаго Ромуальда, да и повѣрила, что

онъ можетъ помочь мнѣ! Нѣтъ иного дона Ромуальдо, кромѣ собиранія грошей Христа ради. Постою у церкви, съ разрѣшенія капральши, вотъ тебѣ и донъ Ромуальдо»!

— День будетъ хорошій,—сказалъ Пулидо:—похороны и свадьба. Невѣста—племянница министра, женихъ литераторъ.

Бенина стала на свое мѣсто и получила два сантима отъ входившей дамы; нищіе закидали ее вопросами о донъ Карлосѣ, но она отвѣчала уклончиво. Касьяна, полагая, что Трухильо звалъ ее, чтобы отдавать остатки отъ обѣда, обращалась съ ней привѣтливо, въ чаянія дѣлежа.

Похоронная публика дала мало; свадебная же вела себя лучше, но бѣдныхъ изъ другихъ приходовъ налетѣла такая куча, произошла такая давка и толкотня, что одни получили за пятерыхъ, а другіе остались съ носомъ. Какъ только показалась нарядная «молодая» со всѣми родственниками и приглашенными, нищіе набросились на нихъ не хуже голодной саранчи, а самого отца схватили за полу пальто и сняли его цилиндръ. Господину немалаго труда стоило избавиться отъ этой язвы и онъ не нашелъ другаго средства, какъ швырнуть имъ горсть мелкой монеты во дворъ. Самые ловкіе поживились, хомяки безполезно подрались между собою. Капральша и Елисей тщетно пытались возстановить порядокъ. Когда свадебный кортежъ уѣхалъ, между нищими поднялся настоящій бунтъ. Слышались злобные крики:

— Ты загребъ себѣ больше...

— Мое схватилъ...

— Безстыдство!..

— Здѣсь правды не ищи...

— Мерзавецъ!..

Громче всѣхъ визжала, конечно, Бурлада. Пришлось полиціи вмѣшаться и пострашать расходившуюся братію участкомъ. Тогда всѣ притихли, чужіе разбрелись, завсегдатаи очутились на своихъ мѣстахъ.

Бенинѣ досталось всего-на-всего двадцать два сантима, Альдумеду—семнадцать. Оба они ушли вмѣстѣ, сѣтуя на свою неудачу, и на площади «Прогрессъ» присѣли у подножія статуи—потолковать о предстоящихъ затрудненіяхъ.

Бенина рѣшительно не знала, какъ быть: ей необходимо было уплатить нѣкоторые мелкіе должишки по лавкамъ, чтобы

сохранить кредитъ на будущее время да прокормить свою госпожу на этотъ день; Альдумедъ объявилъ, что только и можетъ отдать ей свой сегодняшній сборъ, да то, что онъ получитъ вечеромъ, выпрашивая милостыню на улицѣ «d'Albe»; но Бенина отказалась отъ его помощи, говоря, что надо же и ему ѣсть и пить, хотя онъ увѣрялъ ее, что ему достаточно чашки кофе съ кускомъ хлѣба. Затѣмъ она заговорила о заклинаніяхъ, въ которыя вдругъ почувствовала потребность вѣрить,—что покажется вполнѣ естественнымъ, если принять во вниманіе ея борьбу съ нуждой. Неизвѣстное, непонятное и чудесное находятъ себѣ большинство прозелитовъ среди бѣдняковъ, которые ни въ чемъ и нигдѣ не видятъ проблеска утѣшенія.

— Сегодня же, — рѣшала Бенина, — куплю необходимыя вещи! Завтра суббота, — надо попробовать вызвать твоего короля...

— Помни: покупая, не произносить ни слова.

— Помню, какъ не помнить. Отчего не попытаться? Чѣмъ рискуешь? Скажи-ка мнѣ: непремѣнно въ полночь?

Слѣпой подтвердилъ, что не иначе, какъ въ полночь; повторилъ всѣ пріемы и подробности колдовства, — и Бенина постаралась въ точности запомнить.

— Я знаю, что ты цѣлый день будешь у фонтана; если что понадобится, я добѣгу къ тебѣ; кстати ты выучишь меня словамъ твоей тарабарщины... Трудненько будетъ мнѣ запомнить. Жалко, что ты не можешь перевести эту штуку на христіанскій языкъ.

— А не запомнишь молитву, и король не придетъ! — съ убѣжденіемъ сказалъ слѣпой.

Обезкураженная предстоящими трудностями, Бенина разсталась съ пріятелемъ, намѣреваясь добыть еще сколько нибудь деньжонокъ, чтобы справиться съ насущными расходами дня. Зная, что въ долгъ ничего не получить, она стала на углу улицы «Апельсиновъ» и принялась выпрашивать у прохожихъ милостыню, надоѣдая имъ разсказами о своихъ невѣроятныхъ несчастіяхъ: она только что выпущена изъ больницы, мужъ ея упалъ съ крыши дома, она три дня ничего не ѣла и пр., и пр. Ей, вѣроятно, удалось бы многихъ разжалобить, еслибъ нечистый не принесъ проклятаго полицейскаго, который при-

грозилъ отвести ее въ участокъ, если она живо не уберется по добру, по здорову. Затѣмъ она занялась покупкой необходимыхъ вещей, представляясь глухонѣмой и размышляя о томъ, какъ трудно будетъ продѣлать всю эту штуку, безъ вѣдома донны Паки! Придется сочинить, что донъ Ромуальдо опасно заболѣлъ и просить ее подежурить у него ночью: а подъ этимъ предлогомъ отправиться къ Альдумеду для заклинаній...

Но вотъ еще препятствіе: куда бы сплавить пьяницу Педру? Во-первыхъ, присутствіе посторонняго, да еще недовѣрчиваго свидѣтеля можетъ помѣшать успѣху колдовства; а, во-вторыхъ, въ случаѣ удачи Педра, чего добраго, потребуетъ часть богатствъ себѣ! А хорошо бы получить съ Самдая кучу денегъ... Разумѣется, деньги лучше и удобнѣе, чѣмъ драгоцѣнные камни... Носись, поди, съ камнями по ювелирамъ, навязывай имъ жемчуга, брильянты да сапфиры! Ну, да все равно, — лишь бы смиловался Самдай да расщедрился, какъ слѣдуетъ! Бенина прихотничать не станетъ...

Донна Пака была не въ духѣ; утромъ у нея побывалъ прикащикъ изъ лавки, грубо и дерзко требуя уплаты долга. Бѣдная женщина плакала, негодовала и ломала руки, умоляя вѣрную служанку хоть изъ земли выкопать нѣсколько дуро, чтобы швырнуть ихъ въ лицо этому неучтивому и жестокосердому прикащику.

Бенина была въ отчаяніи, не зная, какъ пособить горю.

— Подумай, сочини что нибудь! — приставала барыня, обливаясь слезами: — или ты мнѣ больше не другъ? Отбрось всякій ложный стыдъ... Обратись за помощью къ добрѣйшему дону Ромуальдо... Какъ ты думаешь?

Но Бенина благоразумно промолчала. Стряпая обѣдъ, она усиленно придумывала различные планы. Однако, донна Пака не унималась и снова повторила совѣтъ обратиться къ дону Ромуальдо; тогда Бенина задумчиво сказала:

— Къ дону Ромуальдо?.. Что же?.. Можно попытаться. Схожу къ нему... Но я ни за что не отвѣчаю, сударыня, ни за что... Лучше и не надѣяться! Добровольное подаяніе—дѣло другое... Просить взаймы — совсѣмъ не то. Намъ надо по меньшей мѣрѣ десять дуро... Что говорилъ этотъ скотъ Габино? Что завтра опять придетъ скандальничать?.. Каналья, воръ...

обманщикъ, надувало! Но—шутка сказать,—десять дуро! Нѣтъ, нѣтъ, врядъ ли донъ Ромуальдо согласится... Не думаю... Сестра его того... не слишкомъ щедра... Десять дуро! Все таки, рано не ждите меня домой. Дѣло затруднительное: по заказу не кончишь... Надо выбрать удобную минутку. Скажетъ: зайдите еще разъ. Схожу, схожу! Но вовсе не увѣрена въ успѣхѣ...

— Лучше и не возвращайся съ пустыми руками, Нина. Ступай, ступай, не мѣшкай! Богъ да вразумитъ и да научитъ тебя. Ахъ, еслибъ у меня была твоя находчивость, я живо вышла бы изъ затруднительнаго положенія! Я буду молиться всѣмъ святымъ за успѣхъ твоего предпріятія. Иди, иди, дочь моя!

У Бенины въ головѣ составился планъ: она направилась въ улицу «Mediodia-Grande» къ меблированнымъ комнатамъ донны Бернарды.

XX.

Хозяйки ночлежнаго пріюта не было дома. Бенину принялъ завѣдующій учрежденіемъ, нѣкто Пріетто, и конторщица—лица, пользовавшіяся довѣріемъ Бернарды, но, конечно, не уполномоченныя давать взаймы знакомымъ отсутствующей хозяйки. Они разсказали гостьѣ, что времена настали тяжелыя: ночлежниковъ мало, кровати пустуютъ, а въ долгъ пускать рискованно. Бенина освѣдомилась о Фраскито Понте; Пріетто сообщилъ, что прошлой ночью вынуждены были отказать ему въ кровати, такъ какъ онъ задолжалъ уже за семь ночей и ни гроша въ счетъ не уплатилъ.

— Бѣдняга!—вздохнула Бенина:—вѣрно, подъ открытымъ небомъ переночевалъ... Жаль его... въ такіе года! Хоть онъ весь и раскрашенъ, а старъ, сердечный!

Конторщица сказала, что донъ Фраскито нашелъ пріютъ на ночь у Комадрехи, содержательницы трактира въ улицѣ «Mediodia». Узнавъ это, Бенина тотчасъ же забыла первоначальную цѣль своего визита и немедленно пожелала узнать, гдѣ обрѣтается несчастный полоумный Фраскито Понте. Комадреху она знала лично и тотчасъ же отправилась къ ней. Двѣ минуты спустя, Бенина входила въ скверный трак-

тирішка, гдѣ первый, кто бросился ей въ глаза, былъ неисправимый кутила Ликитасъ, мужъ Обдулiи; въ компанiи такихъ же безшабашныхъ гулякъ да трехъ погибшихъ женщинъ, онъ игралъ въ карты на кругломъ столѣ, среди батареи бутылокъ и стакановъ. Завидѣвъ вошедшую служанку своей тещи, Ликитасъ отложилъ засаленныя карты и, заплетающимся языкомъ, предложилъ Бенинѣ стаканчикъ водки.

— Нѣтъ, сударь, благодарю, я ужь пила!.. — отказалась Бенина.

Но всѣ начали такъ приставать къ ней, что она выпила полстакана, чтобы отдѣлаться. Ссориться съ безобразникомъ Ликитасомъ не входило въ ея разсчеты; она спросила:

— Питуза Комадреха дома?

— Я здѣсь къ вашимъ услугамъ! — отозвалась хозяйка, показываясь изъ-за конторки, уставленной бутылками. Особа эта своею наружностью напоминала ручку отъ швабры и безобразiемъ превосходила всякое вѣроятiе, но—странное дѣло—внушала чувство весьма близкое къ симпатiи.

— За какимъ дѣломъ занесло васъ въ наши края, донна Бенина?

Питуза ласково хлопнула гостью по плечу:—До меня дошелъ слухъ, что вы на богатомъ мѣстѣ... много выгодъ имѣете... куры денегъ не клюютъ...

— О, нѣтъ, душа моя, пустое!.. Было да прошло. Оскуденiе настало...

— Ну, это плохо!

— Стараемся выкарабкаться! Есть супъ—ѣдимъ; нѣтъ—Бога благодаримъ... А супругъ какъ здравствуетъ?

— Хотите, кликну его?

— Зачѣмъ! Я только спрашиваю: здоровъ ли?

— Ничего себѣ... Совсѣмъ-то ужь гдѣ ему быть здоровымъ!.. Рана нѣтъ-нѣтъ да и откроется.

— Спаси Богъ! Скажи-ка мнѣ вотъ что: не заночевалъ ли у тебя одинъ господинъ, донъ Фраскито Понте? Я слышала, онъ заболѣлъ вчера...

Вмѣсто объясненiй, Питуза предложила Бенинѣ слѣдовать за ней, и обѣ женщины не безъ труда проскользнули въ узенькую дверь, находившуюся за стойкой. За дверью начиналась крутая лѣстница, на которую онѣ влѣзли гуськомъ.

— Донъ Фраскито важный баринъ! — поясняла Бенина, желая зарекомендовать своего несчастнаго протежэ.

— Грандъ? Господи, на что, послѣ этого, важные титулы и громкія прозвища?

Узкимъ вонючимъ корридоромъ хозяйка провела посѣтительницу на кухню. По всему видно было, что здѣсь стряпали не часто: въ очагѣ и въ духовомъ шкафу виднѣлся складъ пустыхъ бутылокъ, мусора, тряпья, щепокъ. На полу, на грязномъ матрасишкѣ, лежалъ бѣдный кавалеръ Фраскито, блѣдный и неподвижный. Возлѣ него сидѣли на корточкахъ двѣ толстыя женщины; одна пробовала влить ему въ ротъ вина, а другая усердно растирала ноги. Обѣ кричали, словно глухому:

— Повернитесь на бокъ... Чего васъ скрючиваетъ? Это вы нарочно... Хотите пить?

Бенина стала на колѣни и тоже принялась кричать:

— Донъ Фраскито, душенька, что съ вами? Откройте глаза, взгляните на меня! Я—Нина.

Двѣ толстухи охотно объяснили Бенинѣ все, что знали. Понте, изгнанный изъ убѣжища Бернарды, отправился на паперть ирландской церкви, намѣреваясь тамъ проночевать. Въ то же время обѣ толстухи прогуливались около того мѣста и стали заигрывать съ нимъ,—такъ, шутки ради, не желая его обидѣть. А онъ взялъ да и разсердился, поднялъ свою трость да побѣжалъ за ними... Ноги-то у него подкосились, онъ и хлопнулся... Онѣ было захохотали; но, видя, что онъ не встаетъ, перетрусили; подоспѣлъ ночной сторожъ и сунулъ ему фонарь подъ носъ: оказалось, что съ нимъ нервный ударъ. Вертѣли его съ боку на бокъ, какъ колоду, — нѣтъ толку; кликнули Комадреха. Тотъ—и добрый человѣкъ, и ветеринаръ—сейчасъ велѣлъ перенести больнаго къ себѣ, чтобы растереть и обложить горчишниками.

Такъ и сдѣлали; женщины перенесли дона Фраскито,—благо онъ вѣситъ немного,—терли, ворочали и щипали его до тѣхъ поръ, пока онъ опомнился, открылъ глаза и поблагодарилъ ихъ за заботы. Питуза принесла ему тарелку супа, и онъ съѣлъ съ апетитомъ. До утра чувствовалъ онъ себя хорошо, тщательно укрытый хозяйкой; отдѣльной комнаты нѣтъ свободной, его и помѣстили тутъ на кухнѣ. Но, къ несчастью,

утромъ съ нимъ повторился обморокъ, и вотъ до сихъ поръ онъ то очнется, то опять повалится безъ памяти! Одному Богу извѣстно, что́ съ нимъ и чѣмъ помочь ему! Хозяйка говоритъ, что придется отправить его въ больницу.

Бенина рѣшительно объявила Питузѣ, что было бы великимъ грѣхомъ отправить въ больницу такого знатнаго господина, и что она сама охотно пріютила бы его у себя... Тутъ блеснула въ ея головѣ смѣлая мысль — и она, не теряя ни минуты, привела ее въ исполненіе.

— Мнѣ надо сказать вамъ два слова,—обратилась она къ Комадрехѣ, взявъ ее за руку.

Онѣ вышли изъ кухни и прошли въ крошечную комнатку, въ концѣ коридора.

— Что вамъ надо, Бенина?—спросила хозяйка.

— Сущіе пустяки, Питуза! Одолжите мнѣ взаймы десять дуро. Вспомните, что я ссудила васъ суммой въ тысячу реаловъ въ томъ году и въ тотъ именно день, когда буря сломала столько деревьевъ въ Ботаническомъ саду, помните? Вы жили тогда въ улицѣ «Gobernador», а я въ Августинской...

— Конечно, помню. Мы вмѣстѣ покупали... Я запуталась и вы меня выручили. Какъ не помнить! Всегда съ благодарностью вспоминаю, Бенина!

— И вы уплатили мнѣ все, какъ слѣдуетъ...

— Все, до копѣечки...

— Хорошо. Теперь насталъ мой чередъ. Я въ крайности— и прошу у васъ двѣсти реаловъ взаймы.

— Когда?

— Сію минуту.

— Господи, да нѣтъ ихъ у меня въ домѣ!

— Нѣтъ? И у мужа нѣтъ?

— Въ томъ-то и дѣло! Да на что вамъ эти десять дуро?

— Не ваше дѣло. Говорите только: да или нѣтъ? Я отдамъ скоро, на каждый дуро накину по реалу.

— Да не объ томъ рѣчь... Нѣтъ ихъ, вотъ что! Даже цѣнныхъ вещей нѣтъ...

— Поищите, поищите, душа моя, хорошенько поищите...

— Есть у меня два кольца... Да они не мои. Одинъ пріятель мужа отдалъ ихъ ему на храненіе.

— Ну, такъ что жъ?

— Если вы дадите мнѣ честное слово, что выкупите ихъ черезъ недѣлю,—побожитесь, что не просрочите,—такъ возьмите ихъ. За нихъ вамъ навѣрно дадутъ десять дуро... Въ одномъ такой бриллiантъ, что глазамъ больно смотрѣть...

На этомъ переговоры кончились. Женщины притворили поплотнѣе дверь въ коридоръ; послышалось отворянье и затворянье комода, тихій шопотъ и дѣло было улажено.

XXI.

Не успѣли женщины вернуться къ больному Фраскито дель-Понте, какъ явился самъ хозяинъ трактира, красивый, молодой парень типа «gitano» въ широкополой шляпѣ, съ изящно-стянутой таліей; первымъ дѣломъ онъ заявилъ, что больнаго надо немедленно отправить въ пріемный покой. Бенина горячо запротестовала, говоря, что кавалеръ Фраскито требуетъ тщательнаго ухода, и что госпожа ея, донна Франциска Хуарецъ, не настолько ужь бѣдна, чтобы отказать въ гостепріимствѣ земляку и даже родственнику.

Въ это время старый любезникъ пришелъ въ себя и, узнавъ Бенину, поцѣловалъ ея руку, назвалъ ангеломъ и еще чѣмъ-то; вообще выказалъ полный восторгъ.

Повелительнымъ жестомъ, сопровождаемымъ фамильярными шлепками, Питуза прогнала растрепанныхъ сидѣлокъ за двери, посовѣтовавъ имъ заниматься своими дѣлами; сама же съ Бениной принялась одѣвать ослабѣвшаго рыцаря.

— Будьте откровенны, донъ Фраскито,—говорила Бенина, напяливая на него сюртукъ: — почему не послушались вы моего совѣта?

— То есть какъ?..

— Я совѣтовала вамъ отдать деньги въ счетъ долга Бернардѣ... Или вы, быть можетъ, истратили ихъ на... краску для усовъ? Въ такомъ случаѣ я молчу...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... клянусь вамъ! — томно возразилъ Фраскито какимъ-то заплетающимся языкомъ: — я истратилъ деньги... не на косметики... Я купилъ... знаете, давно мечталъ... портретъ!

Онъ нервно пошарилъ въ карманѣ и изъ кучи бумажекъ и карточекъ вынулъ новый фотографическій портретъ.

— Кто эта дама?—спросила Питуза, выхватывая карточку у него изъ рукъ:—ахъ, какая красавица!

— Я хотѣлъ... хотѣлъ доказать Обдуліи ея сходство...

— Такъ это не ея портретъ?—удивилась Бенина:—да, да, вѣрно, разница есть... хоть и похожа!

— Не правда ли? По моему, какъ двѣ капли воды!—оживился больной.

— Да кто же это?

— Императрица Евгенія!.. Только и есть ея портреты у Лоренса... Цѣлый реалъ стоитъ!.. Необходимо было купить, чтобы доказать Обдуліи сходство...

— Не станете же вы увѣрять насъ въ такой баснѣ, донъ Фраскито!..—сказала Бенина:—истратить послѣднія деньги на портретъ? Господи, да въ умѣ ли вы?

Но бѣдный мечтатель не смутился, спряталъ карточку и попытался встать на ноги; Бенина побѣжала нанять экипажъ по часамъ, такъ какъ ей предстояло много ѣзды; возвращаясь, она столкнулась у двери трактира съ Педрой и ея товаркой.

— Знаемъ, знаемъ,—насмѣшливо закричали ей пьяницы:—кого вы увозите съ собой: — любовника своего. Срамъ какой! Постыдились бы...

— А вамъ что? Дѣло не ваше, значитъ... проваливайте!—огрызнулась Бенина.

— Хорошо, хорошо! Рта никому не зажмешь, милая; да и глаза видятъ!..

— Альдумедъ порадуется...

— Чему?

— Даромъ прождалъ васъ весь вечеръ. А вы тутъ амурничаете съ вашимъ хилымъ любовникомъ.

— Альдумедъ далъ намъ порученіе къ вамъ.

— Какое же? Говорите.

— А кто его упомнитъ, какое! Ахъ, да, вотъ что: не покупайте горшка съ семью дырками! У него есть такой.

— Хорошо.

— Скажите, зачѣмъ вамъ такой горшокъ? Не для бука ли? Прачешную что ли открываете?

— Молчите, трещотки! Ну васъ къ Богу...

— Въ экипажѣ возить своихъ любезныхъ!.. Скажите на милость, нѣжности какія.

— Замолчите! Лучше помогите-ка мнѣ снести да посадить его!

— Это можно, съ удовольствіемъ.

Не легко было стащить больнаго Фраскито и усадить въ экипажъ; сбѣжалась на представленіе толпа зѣвакъ; сыпались остроты по адресу Бенины; шутники пѣли вѣчную память кавалеру, пьяницы балагурили. Но Бенина не обращала ни на кого вниманія, схватила въ охабку безпомощнаго Фраскито, усадила его рядомъ съ собой въ экипажъ и велѣла кучеру ѣхать скорѣе.

Можно себѣ представить изумленіе почтенной донны Паки, когда къ ней принесли (Бенина вдвоемъ съ комисіонеромъ) какого-то умирающаго мужчину! Бѣдная женщина провела вечеръ и часть ночи въ страшномъ волненіи и безпокойствѣ, а теперь, при видѣ такого непостижимаго казуса, спрашивала себя: наяву ли все это происходитъ, и не потеряла ли она отъ тревоги разсудокъ. Но сердобольная служанка поспѣшила объяснить своей барынѣ, что принесли не покойника, и не умирающаго, а просто больнаго Фраскито дель-Понте-Дельгадо, упавшаго въ обморокъ на улицѣ. Дальнѣйшихъ подробностей она не повѣдала, а поспѣшила успокоить встревоженную госпожу радостнымъ извѣстіемъ, что имѣются въ наличности девять съ половиной дуро,—изрядная сумма въ критическій моментъ.

— Ахъ, какъ гора съ плечъ свалилась! — съ облегченіемъ воскликнула старая дама, просіявъ отъ радости: — вотъ мы, значитъ, и можемъ оказать гостепріимство бѣдному дель-Понте. Видишь благой Промыселъ Господень: послалъ намъ помощь и бѣдняка на наше попеченіе. Слава Богу.

— На все божья воля, сударыня.

— Но куда же помѣстимъ мы бѣднаго больнаго?—спросила донна Пака, осторожно трогая положеннаго на полъ родственника, почти не шевелившагося отъ утомленія.

Бенина предложила перенести ея собственную кровать въ столовую и устроить больнаго; она же сама ляжетъ на полу.

— Но, Нина...—задумалась вдругъ барыня:—подумала ли ты, какую обузу мы взваливаемъ себѣ на шею? По силамъ ли она намъ?.. Въ состояніи ли мы оказать покровительство кому

бы то ни было?.. Однако, разсказывай, душа моя... Это вѣдь, конечно, добрѣйшій донъ Ромуальдо далъ денегъ?..

— Да, сударыня, онъ, конечно! — поддакнула служанка, не успѣвшая еще сообразить, какую басню лучше сочинить.

— Пошли ему, Господи, всѣхъ благъ земныхъ.

Между тѣмъ, Фраскито какъ будто плохо сознавалъ то, что творилось вокругъ него. Когда его уложили въ кровать, онъ узналъ донну Паку, признательно пожалъ ей руки и, вздохнувъ, проговорилъ:

— Какова дочь, такова и мать! Вы тоже живой портретъ Евгеніи Монтихо...

— Что онъ такое говоритъ?

— Богъ его знаетъ. Увѣряетъ, что мы всѣ похожи на... французскихъ императоровъ. Не обращайте вниманія, сударыня, пусть себѣ мелетъ.

— Я во дворцѣ?—спрашивалъ восторженно Фраскито, окидывая глазами комнату.

— Да, да, — отвѣчала Бенина: — закройтесь хорошенько... Постарайтесь уснуть. Потомъ скушаете бульонцу—и дѣло пойдетъ на поправку.

Оставивъ Фраскито отдыхать, Бенина побѣжала уплатить самые настоятельные долги лавочникамъ, причемъ отвела душу, выругавъ ихъ за жестокость и назойливость; купила провизіи и радостно вернулась домой, въ надеждѣ прожить нѣсколько дней, не протягивая руку на паперти и на углу улицъ.

Дома онѣ вдвоемъ съ барыней весело принялись стряпать, оживленно болтая между собой.

— Представь, что со мной случилось, Нина, во время твоего отсутствія! Я уснула, сидя въ креслѣ, и пригрезилось мнѣ, что два важныхъ господина, одѣтыхъ въ черное, пришли ко мнѣ. Это были: Франциско Моркехо и донъ Хозе-Марія Порчель, мои земляки; они объявили мнѣ о кончинѣ дона Педро-Хозе Горчіа де-лосъ-Антринесъ, дяди моего мужа.

— Бѣдный! Онъ умеръ?—сочувственно произнесла Бенина.

— А онъ, надо тебѣ сказать, первѣйшій богачъ въ странѣ...

— Да вы во снѣ что ли это видѣли, или правда?

— Ты погоди... Слушай. Они пришли сказать, что, въ качествѣ душеприкащиковъ дяди, обязаны передать мнѣ послѣднюю волю покойнаго...

— Ну, ну?..

— Не, волнуйся, Нина... Наслѣдники: мои дѣти и Фраскито Понте. Каково?..

— Царство небесное дядюшкѣ вашему, сударыня! Вотъ ужь пусть душа его вѣчно блаженствуетъ въ раю.

— Они долго искали меня, наконецъ, нашли здѣсь... И— какъ ты думаешь!—кто далъ имъ мой адресъ? Донъ Ромуальдо, достойный священникъ, назначенный уже въ епископы. Онъ сказалъ имъ также, что я пріютила у себя кавалера Фраскито...

— Послушайте: скажите же толкомъ, во снѣ вы это видѣли... или на самомъ дѣлѣ?..

— Ахъ, какая ты чудиха, Нина! Вѣдь я заснула, говорю тебѣ, въ креслѣ... Я еще была невѣстой, когда оба эти господина умерли — царство имъ небесное! — лѣтъ тридцать тому назадъ. Гарчіа де-лосъ-Антринесъ ужь тогда былъ старикомъ. Я и забыла о нихъ совсѣмъ... Словомъ, разумѣется, все это я видѣла во снѣ. Но такъ ясно, такъ ясно! Какъ сейчасъ ихъ вижу. Знаешь, надъ снами не слѣдуетъ смѣяться...

— Конечно, Богъ сны посылаетъ. Не намъ судить, гдѣ кончается сонъ, гдѣ начинается правда.

— Вѣрно... Почемъ мы знаемъ? можетъ быть, надъ нашимъ міромъ существуетъ другой, гдѣ живутъ умершіе люди. Да и сама смерть, можетъ быть, ничто иное, какъ другая форма жизни!..

— Внизу, внизу подземный міръ!.. — съ убѣжденіемъ заявила Бенина:—какъ не вѣрить снамъ? Я вѣрю. И подземное царство есть. Только вся трудность въ томъ, чтобы найти способъ переговариваться... Черезъ сны это и случается. Не умѣю объяснить. А сны отъ Бога!..

Донна Пака усиленно повздыхала, а Бенина глубоко задумалась о чудесномъ заклинаніи и щедрости короля Самдая...

Возясь у очага, она мечтала о таинственномъ горшкѣ съ семью отверстіями, объ обожженной палкѣ, одѣтой въ тряпки, о словахъ тарабарской молитвы. Охъ, ужь эти слова! Трудненько будетъ заучить ихъ...

XXII.

На слѣдующее утро все шло хорошо: донъ Фраскито поправлялся, сознаніе его прояснялось окончательно. Донна Пака

была въ духѣ; въ провизіи не было недостатка и Бенинѣ не предстояло необходимости, по крайней мѣрѣ, дня на два, торчать на паперти съ протянутой рукой. Но такъ какъ служанкѣ необходимо было поддерживать легенду о своей должности у добрѣйшаго патера, то она каждое утро рѣшила уходить съ корзинкой, намѣреваясь употребить эти часы на что нибудь полезное. Отпуская ее, донна Пака сказала:

— Мнѣ кажется, слѣдовало бы послать чего нибудь нашему покровителю, дону Ромуальдо... Отнеси-ка ему отъ меня двѣ бутылки шампанскаго... Пусть запьетъ рагу изъ кролика, которое онъ заказалъ тебѣ на сегодня.

— Въ умѣ ли вы, сударыня? Да знаете ли вы, сколько стоитъ шампанское? Въ долги влѣземъ на три мѣсяца! Васъ не исправишь. Привыкли широко жить, вотъ теперь и жмемся отъ этого. Подарочекъ какой нибудь отчего не сдѣлать нашему благодѣтелю, дону Ромуальдо, — но прежде надо выиграть въ лотерею. Сегодня войду съ кѣмъ нибудь въ долю насчетъ билета; на цѣлый билетъ, конечно, денегъ не хватитъ!

— Хорошо, дѣлай, какъ знаешь. Съ Богомъ, дитя мое!

Старая барыня заперла дверь за служанкой и пошла поболтать съ кавалеромъ Фраскито. Они припомнили старину, общихъ знакомыхъ и родныхъ.

— Скажите, Понте, что случилось съ домомъ Педро-Хозе Гарчіа де-лосъ-Антринесъ?

Порывшись въ своихъ воспоминаніяхъ, Фраскито отвѣтилъ, что господинъ этотъ умеръ въ годъ революціи.

— Полноте, онъ, кажется, живъ! Кто же его наслѣдники?

— Должно быть, сынъ его, Рафаэль, оставшійся холостымъ. Теперь и онъ уже старикъ, должно быть. Авось вспомнитъ о насъ съ вами. Мы его ближайшіе родственники; дѣтей у него нѣтъ.

— Навѣрно вспомнитъ!—съ необыкновеннымъ оживленіемъ воскликнула донна Пака, и глаза ея заблестѣли: — было бы свинствомъ, съ его стороны, не вспомнить. Донъ Франчиско Моркехо и донъ Хозе-Марія Поргель того же мнѣнія...

— Когда же вы видѣлись съ ними?

— Когда?..—смутилась вдова:—да, право, не помню... Ихъ уже въ живыхъ нѣтъ... Но все равно... Я точно вижу ихъ передъ собой... Вѣдь они были душеприкащиками дяди, не такъ ли?

— Да, совершенно вѣрно. Я зналъ ихъ и даже былъ съ ними друженъ. Помню. По старинному одѣвались, въ черное...

— Одинаково оба...

— Высокіе, тугіе воротнички, высокія шляпы, какъ трубы...

Разговоръ продолжался въ этомъ родѣ; воображаемое переплеталось съ дѣйствительностью; а Бенина, между тѣмъ, ходила по улицамъ и, ощущая въ карманѣ порядочную сравнительно сумму денегъ, недалека была отъ мысли, что всѣ заклинанія вздоръ и что король Самдай ни на что ей не нуженъ. Не лучше ли войти съ кѣмъ нибудь въ долю и взять лотерейный билетъ? Выигрышъ едва ли дѣло одного случая... Ангелы и злые духи навѣрно принимаютъ участіе въ распредѣленіи выигрышей.

Проникшись этой мыслью, Бенина отправилась въ улицу Кабеза, желая застать дома Пулидо, своего товарища по церковной паперти, слывшаго за удивительнаго счастливца въ лотереяхъ. Купивъ вмѣстѣ съ нимъ и съ цѣлой компаніей суевѣрныхъ бѣдняковъ пресловутый билетъ, она зашла провѣдать Обдулію. Молодая особа занята была туалетомъ: ловкая парикмахерша устраивала ей хорошенькую прическу. Мужъ Обдуліи, вернувшись въ шесть часовъ утра, спалъ еще мертвымъ сномъ.

Обдулія собиралась идти гулять, любоваться садами, зеленью, цвѣтами, экипажами, элегантными костюмами; парикмахерша совѣтовала ей побывать въ «Retiro», гдѣ толпится самый цвѣтъ аристократіи, а, кромѣ того, тамъ есть дикіе звѣри, лебеди и т. д. Узнавъ, что заболѣвшій кавалеръ Фраскито нашелъ пріютъ у ея матери, молодая женщина ужасно взволновалась и хотѣла немедленно навѣстить его; но Бенина воспротивилась этому. По ея мнѣнію, слѣдовало оставить нѣсколько дней больнаго въ покоѣ; восторженные разговоры съ Обдуліей окончательно свихнутъ ему мозги, — увѣряла она. Обдулія послушалась совѣта и отпустила Бенину, сказавъ, что пойдетъ гулять одна.

Бенина, съ непривычной радостью въ душѣ, отправилась въ улицу Ruda, гдѣ жилъ ея слѣпой пріятель, съ цѣлью предложить ему войти въ долю лотерейнаго билета; это дѣло будетъ повѣрнѣе, чѣмъ сношенія съ королемъ Самдаемъ!

Размышляя такимъ образомъ, она столкнулась носомъ къ

носу съ Педрой и Діегой, которыя только что распродали свои незатѣйливые товары и возвращались съ пустой корзинкой. Кумушки остановились и съ патетической жестикуляціей объявили Бенинѣ, что Альдумедъ ищетъ ее.

— Ищетъ меня? Я тоже хотѣла его видѣть, спросить объ одномъ дѣлѣ...

— Будьте осторожны! Онъ...

— Ну, что же?

— Онъ бѣсится... Совсѣмъ взбѣсился!.. Меня, сегодня утромъ, чуть не убилъ. Точно съ ума сошелъ. Онъ переходитъ жить въ Камбронерасскій кварталъ. Честное слово, его тарантулъ вѣрно укусилъ. Взбѣсился человѣкъ!

Болтуньи хохотали и перебивали другъ друга; Бенина ничего не могла понять изъ ихъ разсказовъ. Узнавъ, однако, что слѣпой находится теперь въ Аргенцуэлѣ, она пошла туда, думая помочь ему, коли онъ заболѣлъ. Походивъ взадъ и впередъ по кварталу, она, дѣйствительно, увидала пріятеля, выходившаго изъ кузницы, подошла къ нему и взяла было его подъ руку, но онъ злобно закричалъ:

— Не трогай меня. Не прикасайся! — и отпрянулъ отъ изумленной женщины, какъ ужаленный:—дрянь... обманщица... проклятая. Убью тебя!..

Лицо слѣпаго было такъ страшно, что Бенина не на шутку струсила; онъ трясся съ головы до ногъ, губы его сводило судорогой, голосъ звучалъ злобно и глухо.

— Что съ тобой, Альдумедушка? Или муха тебя укусила?..

— Не муха, а ты, скверная тварь. Иди со мной. Поговоримъ-ка, пакостница!..

— Пойдемъ, куда хочешь, батюшка. Ты ужь и вправду не съ ума ли спятилъ?..

Они прошли Ронду; арабъ, наизустъ знавшій мѣстность, направился къ фабрикѣ газа, оттолкнувъ руку пріятельницы. Въ аллеѣ «Акацій» Бенина предложила сѣсть отдохнуть.

— Нѣтъ, нѣтъ, дальше!

Они пошли по тропинкѣ внизъ, по такому крутому спуску въ оврагъ, что Бенина, хоть и зрячая, ежеминутно боялась оступиться. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ, дикомъ и пустомъ, слѣпой сѣлъ на землю; Бенина въ изнеможеніи помѣстилась рядомъ. Альдумедъ тяжело дышалъ и вытиралъ струившійся

по лицу потъ; Бенина пристально и опасливо смотрѣла на него, далеко неспокойная.

— Ну, другъ, за что же ты такъ ругалъ меня? Чѣмъ я провинилась?

— Ты обманула меня. Я тебя люблю, а ты любишь другаго... Молчи! Это вѣрно. Любишь красиваго кавалера, блестящаго, молодаго! Онъ влюбленъ въ тебя... Захворалъ у Комадрехи... А ты взяла и увезла его къ себѣ. Твой любовникъ... любовникъ!.. Богатый... баринъ!..

— Кто наговорилъ тебѣ такую чушь, Альдумедъ? — спросила Бенина и весело засмѣялась.

— Не отпирайся! Ты еще стала смѣяться надо мной?..

Съ этими словами, окончательно обезумѣвшій арабъ вскочилъ и, прежде чѣмъ Бенина могла понять угрожавшую ей опасность, со всего размаху ударилъ ее своей здоровенной дубиной. По счастью, она успѣла отшатнуться въ сторону и ударъ пришелся по плечу и по груди, а не по головѣ. Завязалась борьба; но прежде чѣмъ женщинѣ удалось вырвать у разъяреннаго слѣпца тяжеловѣсную палку, онъ успѣлъ нанести ей еще два сильныхъ удара. Видя, что онъ озвѣрѣлъ окончательно, Бенина сочла за лучшее отбѣжать на десять шаговъ; онъ попытался догнать ее, нанося безпорядочные удары направо и налѣво, но Бенина ловко увертывалась и пряталась. Кончилось тѣмъ, что слѣпой растянулся на землѣ и въ безсильной ярости кусалъ землю, стоналъ и вопилъ, словно онъ былъ жертвой, а не палачемъ. Предметъ же его наистовой любви, стоя въ приличномъ отдаленіи, съ укоризной говорилъ:

— Ну, смотри, Альдумедка, попадись ты мнѣ только. Дуракъ, оселъ!

XXIII.

Накатавшись вдоволь по землѣ, словно въ припадкѣ эпилепсіи, царапая себѣ лицо, вырывая клочки волосъ съ головы и изъ бороды, издавая непонятные для Бенины вопли и жалобы по арабски, Альдумедъ утихъ, сѣлъ на корточки и, обхвативъ голову руками, принялся неутѣшно плакать. Повидимому, слезы облегчили его тяжкое горе и онъ разслабленнымъ жалкимъ голосомъ произнесъ:

— Нина... ты здѣсь?

— Здѣсь, дитя мое! — отвѣтила Бенина, приближаясь на нѣсколько шаговъ: — вижу, что ты плачешь, какъ плакалъ апостолъ Петръ, послѣ того какъ отказался отъ Христа. Раскаиваешься ли ты, по крайней мѣрѣ?

— Да, да! — удрученно хныкалъ слѣпой. — Я отколотилъ тебя! Тебѣ очень больно?.. а?..

— Еще бы не больно! Цѣлы ли кости, не знаю.

— Я злой, проклятый... Изойдусь слезами за то, что билъ тебя. Простишь ли меня?!

— Прощаю, но побаиваюсь тебя.

— Возьми мою дубину,— онъ протянулъ ей палку: — тресни меня посильнѣе, валяй, бей до смерти!

— Нѣтъ, я тебѣ не вѣрю. Подойти боюсь.

— Вотъ и ножикъ возьми, — онъ выкинулъ изъ кармана ножъ: — я его купилъ, чтобы тебя убить... и себя потомъ... Каюсь! Мнѣ жизнь опостылѣла. Мордехай усталъ жить и хочетъ смерти... Смерть зоветъ!..

Тогда Бенина, овладѣвъ двумя оружіями, подошла къ мавру и положила ему руку на плечо.

— Должно быть, ты повредилъ мнѣ что нибудь... такъ больно! — сказала она: — а какъ мнѣ лѣчиться? По счастью, кажется, нѣтъ перелома костей... Синяки, съ голову величиной, будутъ по всему тѣлу. Придется тебѣ арники покупать для меня...

— Куплю... Жизнь мою отдамъ тебѣ, если хочешь,—только прости. Я съ ума сошелъ!.. Я вѣдь люблю тебя... Если ты меня не полюбишь, я себя убью.

— Да что ты, очумѣлъ что ли, или опился чего? Съ какой стати придумалъ ты влюбиться въ меня? Развѣ ты не знаешь, что я старуха, и еслибъ ты могъ увидать меня, то испугался бы?

— Значитъ, ты не стара, если я люблю тебя.

— Да вѣдь ты Педру любишь?

— Нѣтъ, она пьяница... злючка... мерзавка... Ты—моя обѣщанная жена. Другой нѣтъ для меня!

Бенинѣ пришлось выслушать страстное и убѣжденное объясненіе въ любви, прерываемое вздохами, стонами и рыданіями, и если не отличавшееся правильностью рѣчи, то не

лишенное своеобразнаго краснорѣчія и пылкости. Альдумедъ клялся, что съ первой встрѣчи съ Бениной онъ сердцемъ почуялъ, что нашелъ, наконецъ, жену, обѣщанную ему королемъ Самдаемъ и которую онъ до сихъ поръ напрасно искалъ по всему свѣту. Онъ видитъ Бенину «очами души»—и этого довольно съ него; чѣмъ больше онъ слышитъ ея голосъ и узнаётъ ее, тѣмъ сильнѣе убѣждается, что она обѣщана ему, а никакая другая. И вотъ ему вдругъ разсказали, что у нея есть любовникъ, богатый красавецъ, котораго она перевезла къ себѣ въ колясклѣ! Онъ совсѣмъ рехнулся съ горя, рѣшился убить и ее, и себя, но прежде отомстить всѣмъ, кто ни попадется подъ руку. Однимъ словомъ, совсѣмъ сдѣлался бѣшенымъ отъ отчаянія.

Бенина съ любопытствомъ и участіемъ слушала признаніе слѣпаго друга и, какъ умная женщина, остереглась поднимать на смѣхъ его африканскія страсти или подтрунивать надъ его чувствами, что было бы простительно, если принять во вниманіе ея годы и увѣчье влюбленнаго. Она серьезно и сдержанно отнеслась къ его изліяніямъ, стараясь только успокоить расходившагося жениха и отвлечь его мысли отъ убійствъ и самоубійствъ; объяснила ему, кто такой красавецъ-возлюбленный, надѣлавшій всю эту кутерьму; сказала, что простое чувство состраданія побудило ее возиться съ нимъ и перевезти его къ доннѣ Пакѣ, которой, кстати, онъ приходится родственникомъ. Мордехай казался невполнѣ убѣжденнымъ и просилъ, вмѣсто словъ, доказательствъ на дѣлѣ. Чего проще: пусть Бенина броситъ все, свою барыню, домъ, своего красавца, и перейдетъ жить къ нему, Альдумеду, на правахъ законной жены!

Бенина не отвѣчала категорическимъ отказомъ, боясь снова вызвать бурю, а ограничилась замѣчаніемъ, что такъ внезапно бросить бѣдную барыню на произволъ судьбы нехорошо и даже грѣхъ: чего добраго, она можетъ умереть съ горя. Но мавръ стоялъ на своемъ и упрямо твердилъ:

— Если ты меня любишь, то должна быть моей женой!

Предлагая свою руку и сердце, мавръ дѣлалъ страшныя гримасы, растягивалъ ротъ до ушей, сопѣлъ или умильно выпячивалъ толстыя губы впередъ, такъ что Бенина съ трудомъ удерживалась отъ смѣха; однако, пресерьезно сказала:

— Сынъ мой (ты могъ бы имъ быть!) — я очень тронута твоей любовью; но повторяю тебѣ: мнѣ шестьдесятъ лѣтъ!

— Хоть бы тысяча, мнѣ все равно.

— Я ни на что не годная старуха.

— Ошибаешься! Я люблю тебя больше всего на свѣтѣ. Для меня ты молодая женщина.

— Какое безуміе!

— Я возьму тебя въ жены. Мы уѣдемъ ко мнѣ, на родину. Саулъ, отецъ мой, богатъ; братья—богаты; мать моя, Римна, красива и богата... она тебя полюбитъ, будетъ звать дочерью. У отца много овецъ, деревьевъ возлѣ воды, большой домъ, свѣжая вода. Тамъ зноя нѣтъ и холода не бываетъ.

Описаніе такихъ заманчивыхъ прелестей нѣсколько поколебало Бенину; однако, она устояла противъ соблазна, припомнивъ, что она очутилась бы въ этомъ раю среди чужихъ людей, не понимая ни ихъ чертовскаго языка, ни ихъ религіи, ни обычаевъ... Женщины у нихъ ходятъ съ закрытымъ лицомъ. И ей пришлось бы закутаться?.. Нѣтъ, нѣтъ; надо только успокоить этого безумца, къ чему она осторожно и приступила.—Нельзя же,—возражала она ласково Альдумеду,—взять да и уѣхать въ Африку съ бухты-барахты! Лучше потихоньку да полегоньку обдумать дѣло, чтобы не натворить глупостей и людей не насмѣшить. Гораздо практичнѣе будетъ отложить на время всѣ планы о бракѣ и путешествіи, а заняться безотлагательно заклинаніемъ и вызовомъ короля Самдая, и, если это дѣло удастся, т. е. если они получатъ полныя корзины драгоцѣнныхъ камней, тогда всѣ препятствія рушатся сами собой. Съ деньгами всѣ дороги открыты. Словомъ, она на все согласна, даетъ обѣщаніе выйти замужъ за Альдумеда и слѣдовать за нимъ на край свѣта, какъ только король Самдай исполнитъ ея просьбу и обогатитъ ее...

Мавръ задумчиво слушалъ свою пріятельницу; потомъ вдругъ хлопнулъ себя по лбу съ выраженіемъ отчаянія и смущенія на лицѣ.

— Прости, я забылъ сказать тебѣ одну вещь.

— Что такое? Не затрудненіе ли какое нибудь?

— Я забылъ... тебѣ нельзя ждать успѣха: ты женщина!

— Чего жъ ты молчалъ, глупый человѣкъ?—горестно вос-

кликнула Бенина: — какъ можно было забыть первое условіе чуда, что надо быть мужчиной?

— Прости, забылъ.

— Безголовое чучело! И я хороша. Повѣрить въ такую глупость, которую выдумали въ твоей проклятой землѣ, — въ какого-то чертовскаго короля! Да нѣтъ, это не я вѣрила; бѣдность ослѣпляла меня... Господи, прости мой грѣхъ! Матерь Божія, заступись за меня. Хотѣла я вызвать сатану изъ преисподней!

— Но если этого нельзя сдѣлать, такъ я знаю кое-что другое... То непремѣнно должно удаться... — лепеталъ сконфуженный Альдумедъ: — попробуй... увидишь, что разбогатѣешь...

— Нѣтъ, ужь спасибо. Второй разъ не дамъ себя одурачить... Гусакъ ты, больше ничего!.. Ни одному слову твоему не вѣрю больше...

— Клянусь свѣтомъ, это вѣрно... Пусть убьетъ меня громъ небесный... Деньжищъ у тебя будетъ цѣлая пропасть...

— Когда?

— Когда захочешь.

— Посмотримъ. Хоть я и не вѣрю тебѣ,—говори скорѣе, что̀ надо дѣлать...

— Я дамъ тебѣ бумажку...

— Бумажку?..

— Да... Ты положишь ее на кончикъ языка...

— На кончикъ языка?

— Да... Ты войдешь съ бумажкой на языкѣ въ банкъ, и никто тебя не увидитъ.

— Но вѣдь это будетъ воровство, Альдумедъ.

— Никто не увидитъ тебя, никто ничего не скажетъ.

— Довольно, довольно... На это я не пойду. Воровство? Ни за что, никогда! Люди не увидятъ,—такъ Богъ увидитъ.

XXIV.

Задавшись цѣлью убѣдить даму своего сердца и завоевать ея расположеніе, Альдумедъ, какъ истый семитъ, разсчитывалъ на соблазнъ наживы. Онъ сказалъ Бенинѣ, что, помимо банка и невидимки, у него имѣется еще одинъ секретъ, который онъ

приберегалъ на самый важный случай, и теперь откроетъ его. Чтобы отыскать вѣрнѣйшимъ способомъ кладъ, необходимо вырыть яму, усѣсться въ ней не иначе, какъ въ одной рубашкѣ, и въ теченіе сорока дней сидѣть безвыходно, читая безпрерывно божественную книгу съ большими листами и питаясь мукой безъ соли.

— И это я должна продѣлать сама? — нетерпѣливо перебила его Бенина, не дослушавъ до конца:—и книга-то, вѣрно, написана на твоемъ собачьемъ языкѣ? Какимъ образомъ, идіотъ ты эдакій, ухитрюсь я разбирать твою тарабарщину, когда и родная испанская печать не всегда мнѣ понятна?

— Я буду читать... Ты будешь повторять...

— Дуракъ, да развѣ мы помѣстимся вдвоемъ въ ямѣ?

— Помѣстимся.

— Ну, а читать-то ты берешься съ очками для слѣпыхъ, что ли?—насмѣшливо освѣдомилась Бенина.

— Я наизустъ знаю!—не смущаясь, объявилъ мавръ.

Но Бенина только засмѣялась въ отвѣтъ.

— Можетъ быть, у васъ тамъ и принято хоронить клады гдѣ попало; здѣсь же этого не ищи. Кладъ зарываютъ въ подземельѣ, подъ домомъ, закладываютъ въ стѣнѣ или подъ поломъ.

— Мы и тамъ разыщемъ ихъ, если ты меня полюбишь и выдешь за меня!—не унимался Альдумедъ.

— Успѣемъ еще поговорить объ этомъ, — возразила Бенина, собираясь уходить.

— Я не все еще сказалъ, — жалостно взмолился слѣпой, удерживая ее за платье:—останься со мной!

— Некогда, сынъ мой. Погоди, я опять приду къ тебѣ.

Но онъ вдругъ, въ дикомъ порывѣ, схватилъ ее въ объятія и завопилъ:

— Люблю тебя! Убью себя... утоплюсь, если не останешься со мной.

— Пусти меня, Альдумедъ,—серьезно сказала Бенина и, думая лаской укротить его, прибавила:—я тоже люблю тебя, но у меня есть обязанности...

— Убью твоего красавца!—въ ярости крикнулъ мавръ и сжалъ кулаки; Бенина успѣла выскользнуть изъ его объятій и отскочила подальше.

— Будь благоразуменъ или я разлюблю тебя,—увѣщевала она своего обожателя издали: — если обѣщаешь успокоиться и не бить меня, то мы пойдемъ отсюда вмѣстѣ.

— Бить тебя? Конечно, нѣтъ! Больше божественнаго свѣта люблю тебя!

— Ну, такъ идемъ!

Она взяла слѣпаго подъ руку, и онъ успокоился.

Они стали взбираться по крутой тропинкѣ, и онъ разсказалъ, что перешелъ въ другой кварталъ, чтобы разойтись съ Педрой; что у Толедскаго моста помѣщенія дешевле, и тамъ живутъ всѣ нищіе и бродяги. Бенина возразила, что тамъ и жить зато хуже: тѣснота, давка; люди словно бараны на пригонѣ. Но слѣпой стоялъ на своемъ, увѣряя ее жалкимъ, плаксивымъ голосомъ, что онъ именно ищетъ страданія; хочетъ терпѣть, мучиться, каяться, истязать себя, проводить дни въ постѣ, молитвѣ и слезахъ, доколѣ Адонай не сжалится надъ нимъ и не смягчитъ сердца любимой имъ женщины. Оба повздыхали, помолчали и продолжали путь.

На предложеніе Бенины помочь ему деньгами, Альдумедъ безкорыстно отвѣтилъ:

— Не люблю я денегъ... не надо... грязная штука — золото... Одну тебя люблю. Жену выбралъ, а не деньги!

— Хорошо, хорошо. Завтра поговоримъ объ этомъ,—успокоила его Бенина.

— Придешь въ нашъ кварталъ? Отыщешь меня?

— Непремѣнно!

— Я въ церковь не приду. Совсѣмъ не буду туда ходить. Тамъ гордецы: Касьяна, Елисей... Ненавижу ихъ. На Толедскомъ мосту буду собирать...

— Будь благоразуменъ и жди меня завтра...

— Слезы, слезы буду лить!

— Не къ чему слезы лить? Я тебя люблю, не серди и не огорчай меня.

— Ты теперь идешь домой — ласкать своего стараго любовника...—стоналъ мавръ.

— Ахъ, все ты вздоръ мелешь! Молчи лучше. Нужно мнѣ очень ласкать кого нибудь. Ему скоро сто лѣтъ стукнетъ. Онъ родственникъ моей барыни, говорила ужь я тебѣ.

— Старый хрѣнъ, не врешь?

— Конечно, не вру. Развѣ можно сравнить его съ тобой, Альдумедушка? Но мнѣ надо спѣшить. До завтра, другъ, до свиданія!

Пользуясь моментомъ затишья, Бенина быстро зашагала своей дорогой; а слѣпой, какъ пустой мѣшокъ, рухнулъ на землю и весь вечеръ просидѣлъ у стѣны дома Ботихо, безмолвно и мрачно протягивая черную руку за подаяніемъ, когда слышалъ шаги прохожихъ.

Донна Пака оказалась въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа, восторгалась своимъ гостемъ, его разсказами, манерами и предложила Бенинѣ сходить за двумя бутылками хересу, купить кабанью голову, фазана, мороженаго, и еще кое-чего.

— Такъ, такъ, сударыня, — отвѣчала Бенина: — а вслѣдъ затѣмъ мы ужь сами отправимся въ тюрьму, чтобъ избавить кредиторовъ отъ лишнихъ хлопотъ тащить насъ туда! Право, мнѣ сдается, что вы рехнулись. Сегодня у васъ будетъ супъ съ чеснокомъ и яйцами — и больше ничего. Повѣрьте, что кавалеръ Фраскито удовольствуется и этимъ. Онъ, сердечный, не избалованъ разносолами.

— Ну, хорошо. Дѣлай, какъ знаешь.

— Вмѣсто кабаньей головы, подадимъ луковицу...

— Послушай, Нина, я думаю, что всегда слѣдуетъ соблюдать приличія. Сколько у насъ всѣхъ денегъ?

— Не ваше дѣло. Предоставьте мнѣ заботы обо всемъ. Не будетъ денегъ—не вы побѣжите искать ихъ.

— Знаю, что ты отыщешь. Я ни на что не годна.

— Напротивъ, на многое. Во-первыхъ, помогите мнѣ почистить картофель.

— Пожалуй. Ахъ, да! Я было и забыла: Фраскито любитъ чай. Онъ очень разборчивъ,—купи хорошаго.

— Слушаю-съ. Въ Китай съѣзжу за нимъ.

— Не смѣйся. Купи «мандаринскаго» чаю въ лавочкѣ... Да кстати бы сыру хорошаго...

— Не стѣсняйтесь. Еще придумайте что нибудь.

— Ты вѣдь знаешь,—онъ привыкъ обѣдать въ аристократическихъ и богатыхъ домахъ.

— Въ родѣ трактира «Бото» въ улицѣ «Аве-Марія»... Порцію рагу за реалъ... съ хлѣбомъ и виномъ тридцать пять сантимовъ!

— Ты просто не въ духѣ... Не знаешь, съ какой стороны и подойти къ тебѣ. Впрочемъ, я покоряюсь, Нина! Ты хозяйничаешь.

— А еслибы я не хозяйничала, что́ было бы съ нами! Мы давно сидѣли бы въ тюрьмѣ за долги,—въ С. Бернардино или въ Пардо.

Пообѣдали скромно, но весело. Однако, подъ конецъ, донна Пака нахмурилась и, когда очутилась вдвоемъ со служанкой, которая улеглась на полу возлѣ ея кровати, то не преминула выказать лишній разъ свою способность переходить безо всякой видимой причины отъ поразительнаго смиренія къ высокомѣрію и гнѣву, отъ ребяческой легковѣрности къ величайшему недовѣрію и подозрительности, отъ благоразумныхъ сужденій къ самымъ безтолковымъ поступкамъ. Бенина знала эту особенность своей госпожи, метко сравнивая ее съ флюгеромъ, и, не придавая особеннаго значенія вспышкамъ ея безумнаго гнѣва, терпѣливо выжидала перемѣны вѣтра. И, дѣйствительно, вѣтеръ вдругъ мѣнялъ направленіе и все входило въ нормальную колею.

Въ этотъ разъ неудовольствіе вдовы было, повидимому, возбуждено тѣмъ обстоятельствомъ, что въ теченіе дня кавалеръ Фраскито выказывалъ особенную предупредительность Бенинѣ; самолюбіе барыни, вѣроятно, страдало отъ такого предпочтенія. Разъ двадцать Бенину назвали «ангеломъ», по ея адресу отпускались томные взгляды (такъ смотритъ умирающій баранъ), меланхолическія улыбки, витіеватыя фразы благодарности; ей же, доннѣ Пакѣ, хозяйкѣ дома и родственницѣ, пришлось довольствоваться почтительной любезностью стараго селадона!

И вотъ, улегшись на кровати, донна Пака начала читать нотаціи Бенинѣ, растянувшейся около нея, на полу.

— Мнѣ сдается, Нина, что ты чѣмъ нибудь приворожила къ себѣ этого бѣднягу. Съ чего бы ему такъ любезничать съ тобой? Не будь ты такъ стара и дурна, я подумала бы, что онъ влюбился въ тебя... Конечно, спору нѣтъ, ты добра, умѣешь привлекать милосердіемъ къ ближнему, кротостью и нѣжностью твоихъ манеръ... все это можетъ ввести въ заблужденіе тѣхъ, кто мало тебя знаетъ... Но всѣхъ этихъ добродѣтелей недостаточно, чтобы такой свѣтскій кавалеръ могъ

серьезно обратить на тебя вниманіе... Если ты это вообразила и возгордилась, то жестоко ошиблась, бѣдняжка моя! Ты все такая же, какъ и была. Не бойся, я не стану разочаровывать Фраскито, разоблачая ему всѣ твои пороки, твое воровство, напримѣръ, и массу другихъ художествъ, которыя намъ съ тобой извѣстны...

Бенина молчала, закрывъ ротъ простыней; но это смиреніе еще больше подливало масла въ огонь, и вдова Цапата съ удвоенной злостью продолжала:

— Никто такъ не цѣнитъ твоихъ хорошихъ качествъ, какъ я, душа моя; но тебя надо непремѣнно осаживать и напоминать тебѣ твое мѣсто, а то ты какъ разъ сядешь на голову господамъ. Помни, что два раза я вынуждена была выгнать тебя за воровство... Ты дошла до такого нахальства, до такого цинизма, что я перестала спрашивать у тебя отчета, убѣжденная, что ты безсовѣстно воруешь... Но что же ты молчишь? Не защищаешься? Иль ты онѣмѣла?

— Онѣмѣла, сударыня!— отвѣтила Бенина:—когда вы устанете ругаться, я, можетъ быть, и заговорю. А до тѣхъ поръ буду молчать.

XXV.

— Интересно, о чемъ это ты заговоришь? — придирчиво продолжала донна Пака: — не меня ли осуждать примешься? Скажешь, что я не умѣла вести счетовъ? Кто внушилъ тебѣ мысль, что настоящая барыня знаетъ приходъ и расходъ? Я не бухгалтеръ. Я слишкомъ великодушна, чтобы считать гроши; всѣ меня обкрадывали безъ зазрѣнія совѣсти; я только дѣлала видъ, что ничего не замѣчаю... Если это грѣхъ, Богъ проститъ мнѣ. Но Богъ не прощаетъ лицемѣрія и обмана, Бенина; Богъ ненавидитъ ложь, комедіанство нѣкоторыхъ людей, желающихъ казаться лучше, чѣмъ они есть. Я никогда не притворялась: какая есть, такою и останусь, со всѣми моими недостатками и качествами,—вся тутъ! Но что же ты ничего не отвѣчаешь? Или не находишь ни слова въ свое оправданіе?

— Молчу, сударыня, спать хочу.

— Опять ложь! Вовсе не хочешь спать. Угрызенія совѣсти гонятъ отъ тебя сонъ. Признайся, что я права, что ты страш-

пая лицемѣрка, притворщица, комедіантка... Конечно, ты не зла, этого я не скажу. Но и другихъ пороковъ въ тебѣ достаточно, хоть ты стараешься скрывать ихъ подъ маской ангельской доброты и христіанскаго милосердія. Не бойся, я не стану разбивать иллюзій кавалера дона Понте на твой счетъ. Но это изумительно, комично! Что могъ онъ найти въ тебѣ, чтобы такъ восхищаться? Ни красоты, ни молодости, ни манеръ, ни воспитанія, ни изящества, — что онъ нашелъ въ тебѣ, скажи на милость? Становлюсь втупикъ. Еслибы еще ты была чистосердечна,—но этого отъ тебя нечего и ждать... Да ты слушаешь меня?..

— Слушаю, сударыня.

— Ужь не восхищается ли онъ тобой за то, что ты умѣешь приготовлять супъ съ чеснокомъ, и довольно гнуснаго свойства, позволь тебѣ замѣтить... Но это еще не причина называть тебя поминутно ангеломъ. Это кощунство!

— Да вамъ-то что до этого? Пусть называетъ меня какими угодно прозвищами...

— Правда твоя. Можетъ быть, онъ говоритъ это въ насмѣшку. Эти свѣтскіе люди зачастую насмѣхаются, а мы наивно вѣримъ ихъ комплиментамъ. Но если онъ чистосердечно увлекся тобой, Бенина...—все можетъ быть! — то ты обязана все, все откровенно разсказать ему, открыть всѣ свои прошлые грѣхи, чтобъ онъ не воображалъ, что ты чиста и непорочна, какъ ангелъ. Если ты скроешь истину, это будетъ гадко. Онъ, конечно, воображаетъ, что ты до шестидесяти лѣтъ сохранила дѣвственность... Скажи, что тебѣ пятьдесятъ пять лѣтъ, это ничего... можно... Но насчетъ другаго — ни-ни! Я вѣдь люблю тебя, дочь моя, люблю въ тебѣ служанку и друга; и совѣтую откровенно сознаться кавалеру Фраскито въ твоихъ прошлыхъ паденіяхъ. По крайней мѣрѣ, онъ не упрекнетъ тебя въ обманѣ. Все, все скажи; краснѣй, но говори! Даже если бородавка твоя на лбу безобразно покраснѣетъ, все таки признайся во всемъ. Покайся... Помнишь, какъ въ тридцать пять лѣтъ случился съ тобой грѣхъ?.. Скажи: «донъ Фраскито, я влюбилась въ сторожа Ромеро, жила съ нимъ два года, и онъ меня бросилъ»... Не конфузься. Что дѣлать? Большинство женщинъ влюбляется въ мужчинъ. Ты напала на подлеца,— только и всего. Неудача! А ты влюбилась, какъ безумная;

помнишь? Ничего слушать не хотѣла. Воровала деньги изъ тѣхъ суммъ, что я давала тебѣ на провизію, сама ходила въ лохмотьяхъ, а ему покупала дорогихъ сигаръ... Я-то все знаю и видѣла, хоть ты и скрытничала, не все мнѣ разсказывала... Но со стороны я многое слышала. Говорили, что у тебя былъ ребенокъ...

— Это неправда!—воскликнула рѣзко Бенина, вскакивая съ полу.

Донна Пака разомъ замолчала, какъ мышь, заслышавшая человѣческіе шаги. Нѣкоторое время слышны были только вздохи да невнятное бормотанье донны Паки, начинавшей успокоиваться. Бенина не говорила больше ни слова. Въ головѣ бѣдной вдовы произошелъ быстрый кризисъ, — флюгеръ повернулся въ другую сторону; гнѣвъ и ядовитыя слова уступили мѣсто нѣжности и ласковымъ рѣчамъ. Характеристичные симптомы превращенія не замедлили появиться: раскаяніе, стыдъ и жалобы на всевозможныя болѣзни, разомъ напомнившія о своемъ существованіи нестерпимой болью то тутъ, то тамъ. Но такъ какъ Бенина продолжала упорно молчать, то истеричная барыня рѣшилась позвать ее:

— Нина, Нина, еслибъ ты знала, какъ я страдаю! Невыносимыя ночи провожу. Точно клещами рвутъ мнѣ бокъ и раздробляютъ молоткомъ кости въ ногахъ. А изъ головы словно вытащили мозгъ и начинили ее фаршемъ. Я не хотѣла безпокоить тебя. Чашечку липоваго цвѣта выпить бы да растереть мнѣ ноги... и облатку салицилки принять... или брома, или хинина. Ужасно! Ты спишь, какъ сурокъ. Это хорошо, отдыхай, дитя мое, толстѣй... не хотѣлось бы мнѣ тревожить тебя.

Молча встала Бенина, надѣла юбку, принялась готовить липовый цвѣтъ и поить больную барыню; растерла ей ноги и бокъ; донна Пака, втайнѣ желавшая помириться со служанкой и заставить ее забыть свои ругательства, заговорила умирающимъ голосомъ:

— Что бы я стала дѣлать безъ тебя? Часто я ропщу на самого Бога, чуть не браню Его, грѣшница! Конечно, я во многомъ нуждаюсь, терплю; но Онъ послалъ мнѣ въ тебѣ незамѣнимаго друга,—это лучше золота, серебра и бриллiантовъ... Докажи-ка мнѣ свою дружбу; посовѣтуй, что мнѣ дѣлать, если на самомъ дѣлѣ явятся душеприкащики дяди...

— Но вѣдь вы все это во снѣ видѣли, сударыня?.. И эти душеприкащики давно ужъ въ царствіи небесномъ.

— Ты вѣрно замѣтила: я видѣла это во снѣ... Но коли не они, такъ другіе могутъ явиться и объяснить, что мы получили наслѣдство!

— Разумѣется, могутъ. Не видали ли вы во снѣ пустыхъ сундуковъ? Это къ наслѣдству.

— А ты что видѣла прошлой ночью?

— Чернаго быка.

— Знаешь, это означаетъ кладъ. Ужь не отыщемъ ли мы кладъ въ этомъ старомъ домѣ? Почемъ знать? Здѣсь жили когда-то богатые купцы... Быть можетъ, припрятали гдѣ нибудь въ стѣнѣ или подъ поломъ кубышку съ золотомъ...

— Я слышала, что давнымъ-давно здѣсь жили богатѣйшіе торговцы сукномъ и что, по ихъ смерти, совсѣмъ не нашли денегъ. Возможно, что они спрятали ихъ. Примѣровъ много...

— Навѣрно, навѣрно... Но какъ узнать, куда они ихъ засунули? Хорошо бы напасть на слѣдъ!

— Да...—задумчиво проговорила Бенина, невольно припоминая восточныя фантазіи Альдумеда:—вѣрнѣе всего, что въ стѣнѣ... или на чердакѣ.

— Пожалуй. Мнѣ иногда кажется, что, при стукѣ въ стѣну, раздаются въ иныхъ мѣстахъ странные звуки... словно звонъ металла... Ты не замѣчала?

— Замѣчала, сударыня...

— Давай попробуемъ сейчасъ и прислушаемся...

И обѣ принялись постукивать въ стѣны съ одинаковой суевѣрной надеждой. Обѣимъ чудился звонъ золота,—то тутъ, то тамъ. Заснули онѣ полныя иллюзій, окончательно забывъ ссору, и во снѣ продолжали видѣть наслѣдства, кубышки съ золотомъ и серебромъ...

(Окончаніе будетъ).

РАДИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО.

(Страничка изъ семейной хроники).

I.

— А знаешь, Сережа,—къ намъ сегодня пріѣдетъ Клавдія Николаевна!—обратилась моя мать къ отцу, усаживаясь за столъ въ чудное лѣтнее утро и принимаясь разливать намъ чай.

— Что-жь, пусть пріѣзжаетъ,—я все равно сейчасъ же отправляюсь въ поле и тамъ пробуду почти до вечера,—отвѣтилъ съ недовольной гримасой отецъ, вынимая изъ портсигара папиросу и приготовляясь просмотрѣть только что принесенныя съ почты газеты.—Надѣюсь, эта пустомеля недолго пробудетъ здѣсь?—спросилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да, вѣроятно, часамъ къ пяти-шести пополудни она уѣдетъ обратно въ свои Липки,—отвѣчала мать, подавая отцу стаканъ чаю.

— Вотъ и прекрасно! Положительно не выношу присутствія въ своемъ домѣ этой чопорной аристократки, хотя она и приходится мнѣ какой-то двоюродной племянницей. Въ особенности же меня раздражаютъ ея постоянные разговоры о томъ, что она съ мужемъ занесены въ шестую книгу именитаго россійскаго дворянства!.. Какъ будто бы это такое важное событіе, такое огромное преимущество, о которомъ при всякомъ удобномъ случаѣ надо трезвонить на всѣхъ перекресткахъ!

— Напрасно ты, Сережа, такъ нападаешь на Клавдію,—замѣтила мама:—вѣдь она въ сущности очень разумная и добрая женщина, не чуждается даже,—сколько мнѣ помнится,—очень и очень широкой благотворительности.

— Это не на вашихъ ли базарахъ и разныхъ тамъ балахъ?

— А хотя бы и такъ, — что же въ этомъ предосудительнаго?

— Ну, матушка, я отлично понимаю истинные мотивы подобной благотворительности: все это дѣлается напоказъ съ узко-эгоистической цѣлью! Собственные служащіе и рабочіе мало чѣмъ отъ нищихъ отличаются, живя въ полуразрушенныхъ избахъ и подвергаясь чуть ли не ежедневно разнообразнымъ вычетамъ и штрафамъ, а на благотворительныхъ базарахъ мы, видите ли, не прочь и любовью къ меньшей братьѣ порисоваться, дабы и тутъ лишній разъ напомнить кому слѣдуетъ о древности мужниной фамиліи...—Съ этими словами отецъ поднялся съ кресла и направился въ свой кабинетъ, откуда чрезъ четверть часа вышелъ уже совсѣмъ одѣтый для поѣздки въ поле, гдѣ происходила спѣшная уборка сѣна.

Хотя мнѣ и раньше приходилось кое-что слышать объ аристократическихъ причудахъ Клавдіи Николаевны Луговской; но я какъ-то безразлично относился къ этому обстоятельству; теперь же, только что перейдя на третій курсъ юридическаго факультета и уже умѣя критически относиться къ явленіямъ окружающей меня дѣйствительности, я съ бо̀льшимъ интересомъ и вниманіемъ выслушалъ послѣднее мнѣніе отца объ этой женщинѣ и съ нетерпѣніемъ ждалъ ея пріѣзда.

Сама Клавдія Николаевна вовсе не принадлежала къ числу древне-русской аристократіи, такъ какъ ея дѣдъ, Серапіонъ Ѳомичъ Крутояровъ, умершій около пятнадцати лѣтъ тому назадъ, былъ самымъ обыкновеннѣйшимъ купцомъ второй гильдіи. Сколотивъ себѣ казенными подрядами весьма солидное состояніе и видя, что по нынѣшнимъ временамъ капиталъ въ рукахъ образованнаго и предпріимчиваго человѣка пріобрѣтаетъ несравненно большее значеніе, чѣмъ въ рукахъ малограмотнаго торгаша, Серапіонъ Ѳомичъ постарался дать своему единственному сыну Николаю вполнѣ приличное воспитаніе. Молодой Крутояровъ окончилъ курсъ въ институтѣ путей сообщенія, послѣ чего скоро занялъ весьма видное положеніе въ обществѣ и женился на дочери одного крупнаго землевладѣльца-дворянина. Онъ могъ бы и далеко пойти, если-бы смерть не уложила его раньше времени въ могилу. Дочь

Николая Крутоярова. Клавдія, обладая счастливой наружностью и солиднымъ приданымъ, скоро вышла замужъ за капитана гвардіи Луговскаго, принадлежавшаго къ старой дворянской фамиліи. Унаслѣдовавъ отъ дѣда и отца наклонность къ скопидомству и разсчетливости, Клавдія Николаевна нашла болѣе выгоднымъ, чтобы мужъ оставилъ военную службу и превратился въ обычнаго помѣщика. Хотя Луговскому не особенно нравилась жизнь въ деревнѣ, однако, любя жену и имѣя въ виду общественную службу по выбору дворянства,— онъ въ концѣ концовъ купилъ прекрасное имѣнье «Липки», находившееся въ 25-ти верстахъ отъ нашей усадьбы. Клавдія Николаевна сразу углубилась въ занятія сельскимъ хозяйствомъ, предоставивъ мужу поддерживать связи съ болѣе видными представителями мѣстнаго общества, ради чего у Луговскихъ были установлены «четверги», на которыхъ молодая землевладѣлица не замедлила завоевать симпатіи почти всѣхъ гостей. Прямымъ слѣдствіемъ такого положенія вещей было то, что на ближайшихъ выборахъ Луговскій нежданно-негаданно превратился въ уѣзднаго предводителя дворянства. Съ этихъ поръ Клавдія Николаевна стала еще съ бо́льшей брезгливостью и даже презрѣніемъ относиться ко всему тому, что̀ не имѣло связи съ дворянскими интересами; о шестой же книгѣ, въ которую былъ внесенъ ея мужъ, m-me Луговская упоминала чуть ли не на каждомъ шагу, на что, между прочимъ, и указывалъ мой отецъ. Весьма естественно, что она старалась воспитывать въ томъ же духѣ и своихъ дѣтей, которыхъ было всего двое—мальчикъ и дѣвочка. Присмотрѣвшись поближе къ хозяйству Луговскихъ, я замѣтилъ, что оно отличалось вполнѣ хищническимъ характеромъ; окрестнымъ же крестьянамъ не особенно сладко жилось по сосѣдству съ «Липками»; почти то же можно было сказать и относительно лицъ, служащихъ въ имѣніи нашего уѣзднаго предводителя дворянства, не исключая изъ ихъ числа и представителей экономической администраціи.

II.

Не успѣлъ отецъ выѣхать со двора, какъ на дорогѣ, ведущей къ нашей усадьбѣ со стороны раскинувшагося на полу-

горѣ большаго села, показался запряженный тройкою лихихъ коней экипажъ Луговской. Его сразу можно было узнать по роскошной наборной упряжи, ослѣпительно сіявшей на солнцѣ своими безчисленными побрякушками, и по молодцоватой фигурѣ, въ оригинальномъ съ позументами армякѣ изъ бѣлой парусины и въ шляпѣ съ какими-то странными перьями. Чрезъ нѣсколько минутъ тройка быстро подлетѣла къ парадному подъѣзду нашего дома и остановилась, какъ вкопанная. Изъ новенькой щегольской коляски выпорхнула высокая и довольно полная дамочка лѣтъ тридцати—тридцати двухъ съ весьма симпатичнымъ и даже красивымъ лицомъ. Одѣта она была въ просторное платье изъ свѣтлосѣрой шелковой матеріи и широкополую соломенную шляпу, лишенную всякихъ украшеній и сильно напоминающую собой испанское сомбреро.

— Уфъ, какая же сегодня несносная жара!—воскликнула Клавдія Николаевна томнымъ голосомъ, поднимаясь по ступенямъ балкона навстрѣчу моей матери и сестрамъ. — Насилу-насилу дотащилась къ вамъ,—присовокупила она, цѣлуясь съ женщинами и пожимая мнѣ руку.

— Ну, какъ вамъ угодно, Клавдія Николаевна, а мы васъ уже не отпустимъ обратно по такой жарѣ, — замѣтила мама.

— О, напрасно, дорогая Александра Петровна, — мнѣ дольше двухъ часовъ безусловно нельзя оставаться у васъ!

— Почему же? — спросила удивленная мать, проводя гостью въ прохладную гостинную.

— Ахъ, душечка, развѣ вы не знаете, что у насъ сейчасъ идетъ сѣнокосъ, и что, кромѣ меня, некому распорядиться этимъ дѣломъ. А тутъ еще недохватка рабочихъ; придется вечеромъ посылать за ними въ сосѣднее мѣстечко кого нибудь изъ прикащиковъ.

— А развѣ Леонидъ Сергѣевичъ не помогаетъ вамъ въ хозяйствѣ?—вмѣшался я въ разговоръ.

— Ну, гдѣ ему помогать!—отвѣчала Клавдія Николаевна, смотря на меня прищуренными глазами и обмахиваясь вѣеромъ.—Онъ еле-еле успѣваетъ справляться со своими предводительскими дѣлами. Вотъ, напримѣръ, сегодня у него засѣданіе и въ опекѣ, и въ воинскомъ присутствіи, и въ училищномъ совѣтѣ, а завтра—въ съѣздѣ земскихъ начальниковъ, въ

обществѣ трезвости и еще въ какомъ-то учрежденіи... Вы не повѣрите: иной разъ просто сердце кровью обливается при видѣ, какъ бѣдный Леонидъ ночи просиживаетъ надъ разными бумагами; вѣдь только на то, чтобы подписать каждую изъ нихъ, немало времени потребуется, а перечитать?.. Нѣтъ, гдѣ ужь ему думать о собственномъ хозяйствѣ! Иногда онъ по цѣлымъ недѣлямъ не бываетъ дома, въ особенности при проѣздѣ какого нибудь высокопоставленнаго лица или во время выборовъ и рекрутскаго набора... Да, не дешево ему достается теперь это предводительство!—заключила со вздохомъ Луговская...

Изъ гостинной мы перешли на небольшой балконъ, обращенный къ сѣверу, обвитый дикимъ виноградомъ и освѣжаемый бывшимъ неподалеку фонтаномъ. Отсюда открывался чудный видъ на обширный цвѣтникъ и старый англійскій паркъ, устройство котораго потребовало огромныхъ денегъ отъ моего дѣда, большаго любителя этой чисто дворянской роскоши. Всевозможныхъ бесѣдокъ, гротовъ, мостиковъ и прочихъ украшеній было здѣсь такое множество, что отецъ едва успѣвалъ поддерживать нашъ фамильный паркъ въ болѣе или менѣе сносномъ видѣ.

— Ахъ, какая у васъ здѣсь прелесть!—воскликнула Клавдія Николаевна, опускаясь въ кресло, стоявшее подъ тѣнью винограда.—А у меня, навѣрное, скоро волки заведутся въ саду,—до того все спуталось и заросло; цвѣтникъ же сплошь покрылся лебедою и крапивой.

— Но кто же виновникъ этого, какъ не вы сами? — замѣтила мать.—У васъ, на сколько мнѣ помнится, даже садовника порядочнаго не имѣется.

— О, нѣтъ, Александра Петровна, у меня есть садовникъ.

— Это не Андрей ли?

— А хотя бы и онъ,—почему же ему не быть садовникомъ?—спросила съ удивленіемъ Луговская.

— Ну, гдѣ же это видано, чтобы мужикъ, не получившій никакого спеціальнаго образованія, могъ поддерживать въ порядкѣ садъ, а въ особенности цвѣтникъ; еслибы у васъ еще былъ ученый управитель, ну, тогда другое дѣло; но если его нѣтъ, то никакого толку и не будетъ, разъ приходится вамъ

самимъ съ утра до вечера метаться изъ угла въ уголъ по всему хозяйству...

— Почему же вы, Клавдія Николаевна, при вашихъ средствахъ, не держите ученаго управителя? — спросилъ я Луговскую.

— Ученыхъ управителей?! Да Богъ съ ними! — воскликнула, словно ужаленная, молодая женщина.—Пробовали ужь мы имѣть съ ними дѣло, да теперь каждому закажемъ обращаться къ помощи вашихъ патентованныхъ агрономовъ.

— Что же васъ такъ возстановило противъ нихъ?

— Помилуйте,—продолжала съ прежнею горячностью Луговская:—у каждаго подобнаго управителя голова набита такими фантазіями, что только успѣвай тратить деньги. Кромѣ того, простаго управителя вы можете и приструнить во всякое время, а съ ученымъ не знаешь, какъ и держать себя: не успѣетъ онъ взяться за дѣло, какъ сейчасъ добивается какой-то «самостоятельности» въ управленіи имѣньемъ, а затѣмъ, вмѣсто должнаго уваженія къ своимъ хозяевамъ, онъ чуть не въ глаза смѣется надъ ними, позволяя себѣ критиковать строй ихъ хозяйства и требуя коренныхъ реформъ... Какъ вамъ, напримѣръ, нравится: одному такому агроному я показываю планъ своего хозяйства, представляющій, такъ сказать, квинтъ-эссенцію опытности и ума нѣсколькихъ поколѣній, а онъ самымъ нахальнымъ образомъ заявляетъ мнѣ, что все это чепуха, предразсудки и лишено какихъ-то тамъ «научныхъ» основаній...

— Однако, вы, Клавдія Николаевна, какъ я вижу, совсѣмъ не хотите признавать науки,—прервалъ я съ улыбкою Луговскую.

— Вовсе нѣтъ, но только не желаю, чтобы во имя науки какой нибудь хамъ вышучивалъ меня и заставлялъ зря тратить деньги!—отвѣчала моя оппонентка.

— Но вѣдь безъ затратъ немыслимо веденіе раціональнаго хозяйства, къ чему каждый долженъ теперь стремиться для собственной же выгоды.

— Допустимъ, что это отчасти и справедливо; однако, всему на свѣтѣ долженъ быть предѣлъ; наконецъ и наука не требуетъ, чтобы управляющій пренебрегалъ обычными правилами вѣжливости и почтительности въ отношеніи къ своимъ хозяевамъ

— А развѣ подобные управляющіе, дѣйствительно, оказываются такими непроходимыми невѣжами?—спросилъ я.

— Обязательно! Вообразите себѣ: одинъ изъ нихъ позволялъ себѣ курить въ моемъ присутствіи и даже усаживался рядомъ со мною въ кресло; мало того, онъ не прочь былъ пожать мнѣ при встрѣчѣ руку...

— Мнѣ кажется, Клавдія Николаевна, что человѣкъ съ высшимъ образованіемъ врядъ ли бы позволилъ себѣ все это въ отношеніи дамы, не испросивъ на то предварительно ея разрѣшенія.

— Положимъ, онъ, дѣйствительно, обращался ко мнѣ съ подобной просьбой, а я изъявляла съ своей стороны согласіе; но изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что благовоспитанный человѣкъ можетъ тотчасъ же развалиться въ креслѣ и закурить чуть ли не подъ носъ дамѣ, отъ которой онъ находится въ экономической зависимости...

— Слѣдовательно, все дѣло въ этой самой зависимости, не такъ ли?—прервалъ я Луговскую.

— Несовсѣмъ; но все таки, находясь у меня, управляющій не долженъ забывать, что онъ — мой «служащій», а, главное, что я принадлежу къ древнему дворянскому роду, а онъ— какой нибудь выскочка или самый обыкновенный разночинецъ.

— Я полагаю, Клавдія Николаевна, что въ данномъ случаѣ древность происхожденія не должна играть особенной роли, такъ какъ всякій образованный представитель трудящейся интеллигенціи заслуживаетъ несравненно бо́льшаго уваженія, чѣмъ какой нибудь тунеядецъ-аристократъ, рѣшительно ничего полезнаго не сдѣлавшій для своего отечества...

— Но вы забываете, молодой человѣкъ, что, быть можетъ, его предки оказали большія услуги Россіи,—горячо возразила Луговская.

— Не отрицаю; но думаю, что это еще не даетъ права на то, чтобы потомки знаменитыхъ предковъ незаслуженно пользовались всеобщимъ уваженіемъ въ то время, когда образованные и полезные разночинцы, очутившіеся волею судебъ на жалованьѣ у васъ и другихъ капиталистовъ, испытываютъ презрительное отношеніе къ себѣ со стороны своихъ патроновъ... Наконецъ, вы упускаете изъ виду еще одно немаловажное

обстоятельство, говорящее въ пользу нѣсколько инаго отношенія къ подобнымъ «служащимъ».

— Какое же это обстоятельство?—обратилась ко мнѣ съ удивленіемъ во взглядѣ Клавдія Николаевна.

— А то, что въ числѣ такихъ лицъ могутъ оказаться субъекты и дворянскаго происхожденія.

— Ну, этого почти никогда не бываетъ, — отвѣтила мнѣ съ улыбкой Луговская.

— Почему же не бываетъ?

— Да потому, что для такихъ людей всегда найдется подходящее мѣсто на государственной или общественной службѣ...

— Вѣроятно, вы, Клавдія Николаевна, разсчитываете въ данномъ случаѣ на силу протекціи и вообще на чудодѣйственность родственныхъ связей?—прервалъ я свою собесѣдницу.

— А хотя бы и такъ.

— Но представьте себѣ, что ничего подобнаго не окажется у человѣка «благороднаго» происхожденія? Тогда ему волей-неволей придется также поступать на службу къ частному лицу въ качествѣ управителя или какого нибудь прикащика.

— Съ порядочнымъ человѣкомъ этого никогда не можетъ случиться!—воскликнула Луговская и тутъ же прибавила:—только какой нибудь лѣнтяй или пьяница вынужденъ бываетъ опуститься такъ низко, да и то уже послѣ пребыванія на болѣе почетной службѣ...

Видя, что Клавдія Николаевна крѣпко держится своихъ убѣжденій, и что нашъ споръ угрожаетъ перейти на личную почву,—я счелъ болѣе благоразумнымъ перемѣнить тему разговора.

Поболтавъ еще съ полчаса о разныхъ разностяхъ и выпивъ чашку какао, Луговская поспѣшила уѣхать, оставшись, какъ видно, весьма недовольна моимъ отношеніемъ къ ея аристократическимъ претензіямъ и традиціямъ. Прощаясь, она все таки обѣщала пріѣхать къ намъ въ слѣдующее воскресенье.

Отецъ возвратился съ поля уже около пяти часовъ, когда подавали обѣдъ. Встрѣтившись со мною въ столовой, онъ спросилъ:

— А что, уѣхала наша гостья?

— Уѣхала!—отвѣчалъ я, улыбаясь.

— Небось, не обошлось безъ упоминанія о VI книгѣ?— продолжалъ отецъ, усаживаясь за столъ и наливая себѣ рюмку водки.

— О, не только не обошлось, но мы съ Клавдіей Николаевной имѣли даже по этому поводу довольно горячій споръ.

— А ну-ка, ну, разскажи, что̀ тутъ у васъ случилось?— обратился ко мнѣ видимо заинтересованный моимъ сообщеніемъ отецъ.

— Видите ли, — началъ я взволнованнымъ голосомъ:— меня крайне возмутило то, что, по мнѣнію Луговской, какими бы достоинствами и образованіемъ ни обладалъ управляющій, онъ все таки долженъ чувствовать свою матеріальную зависимость отъ владѣльца имѣнія и относиться къ своему «хозяину» съ какимъ-то подобострастіемъ и даже благоговѣніемъ... Мало того, Клавдія Николаевна, какъ видно, весьма строго порицаетъ тѣхъ дворянъ-землевладѣльцевъ, которые снисходятъ до подачи руки своимъ управляющимъ, хотя бы эти послѣдніе вполнѣ заслуживали подобнаго обращенія съ ними...

— Ого, мы ужь вотъ до чего додумались! — замѣтилъ со смѣхомъ отецъ.—Ну, прежде она объ этомъ весьма мало распространялась... А еще о чемъ барынька философствовала здѣсь?

— Она старалась доказать мнѣ, что на должность управляющаго въ частное имѣніе никогда не пойдетъ родовитый дворянинъ, всегда предпочитающій государственную службу...

— А если такой службы въ данный моментъ не окажется,—тогда что?

— Ну, Клавдія Николаевна безусловно не допускаетъ возможности подобнаго случая!—отвѣтилъ я.

— Почему же не допускаетъ?

— Да потому, что «благородному» человѣку, по ея словамъ, всегда найдется подходящее мѣсто на общественной или на государственной службѣ.

— Какой вздоръ!—протянулъ съ презрѣніемъ въ голосѣ отецъ.—Хочешь,—продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—я неопровержимымъ фактомъ докажу Луговской всю неновательность ея мнѣнія и разъ навсегда излѣчу эту особу

отъ довольно таки серьезной болѣзни, именуемой «сословными предразсудками»...

— О, врядъ ли тебѣ удастся достигнуть этого!

— А вотъ посмотримъ. Я уже давно собираюсь заняться подобнымъ лѣченіемъ, но все какъ-то не было подходящаго случая. Она навѣрное обѣщала скоро опять навѣстить насъ?

— Обѣщала.

— Когда жь именно?

— Въ воскресенье.

— Вотъ и отлично! Я постараюсь быть цѣлый день дома и не замедлю исполнить данное тебѣ обѣщаніе...

Читатель, конечно, поймет нетерпѣніе, съ которымъ я ожидалъ слѣдующаго пріѣзда къ намъ Клавдіи Николаевны. Меня крайне интересовалъ вопросъ: неужели у отца можетъ найтись такое средство, которое заставило бы Луговскую отрѣшиться отъ своихъ принциповъ и даже отъ страсти постоянно упоминать о VI части дворянской родословной книги...

III.

Не смотря на праздничный день, Клавдія Николаевна пріѣхала къ намъ въ воскресенье только около семи часовъ вечера. Мы уже оканчивали послѣобѣденный чай и собирались кататься въ лодкахъ по рѣкѣ, желая воспользоваться прелестнымъ вечеромъ, за которымъ должна была наступить тихая лунная ночь.

— Что это вы такъ опоздали, Клавдія Николаевна?— встрѣтила ее моя мать, вышедшая навстрѣчу гостьѣ.—Мы уже и перестали ждать васъ.

— Да всему виною мой прикащикъ Андрей, — отвѣчала Луговская.—Вообразите, что онъ натворилъ мнѣ?

— А что такое?—обратился къ ней отецъ.

— Сегодня утромъ я послала его въ городъ нанять человѣкъ двадцать рабочихъ. Часамъ къ двумъ онъ исполнилъ мое порученіе; но, вручивъ людямъ задатки, позабылъ отобрать у нихъ паспорты. Весьма естественно, что они воспользовались этимъ обстоятельствомъ и, какъ только Андрей уѣхалъ съ базара, поспѣшили наняться къ другому лицу. Прождавъ рабочихъ около трехъ часовъ, онъ сообщилъ мнѣ объ

всемъ... Волей-неволей надо было немедленно же опять посылать его за людьми... Вотъ какая исторія вышла у меня съ этимъ простофилей-прикащикомъ!—закончила Клавдія Николаевна свое повѣствованіе.

— Такія исторіи сплошь да рядомъ случаются съ нашими доморощенными и дешевыми прикащиками, — замѣтилъ угрюмымъ тономъ мой отецъ.

Луговская ничего не отвѣтила на это замѣчаніе, а, повернувшись къ моей матери, произнесла:

— Въ виду слишкомъ поздняго времени, я думаю переночевать у васъ, дорогая Александра Петровна! Надѣюсь, не выгоните?

— О, напротивъ, мы будемъ даже очень рады, если вы останетесь здѣсь на ночь и примете участіе въ нашей прогулкѣ по рѣкѣ!—единогласно воскликнула молодежь.

— А вы развѣ собираетесь кататься на лодкахъ?

— Да, да, только поджидаемъ восхода луны! — отвѣтила одна изъ моихъ сестеръ.

— Въ такомъ случаѣ, я отдаю себя вполнѣ въ ваше распоряженіе.

— Вотъ и прекрасно! — присовокупила моя мать.—Луна взойдетъ черезъ полчаса, и вы съ удовольствіемъ проведете время, по крайней мѣрѣ, до полуночи, а завтра, часовъ около десяти, отправитесь въ свои «Липки».

— О, нѣтъ, — мнѣ надо быть дома не позже семи-восьми часовъ утра; иначе во всѣхъ дѣлахъ выдетъ большая заминка! — горячо возразила Клавдія Николаевна.

— Ну, объ этомъ мы еще поговоримъ въ лодкѣ! — прервала Луговскую моя старшая сестра. — А пока вы — наша плѣнница, и мы вправѣ распорядиться вашей свободой по своему усмотрѣнію. О возвращеніи домой вы будете говорить, проведя у насъ ночь...

— Вѣрно, вѣрно. Утро вечера мудренѣе! — подхватилъ отецъ, посмотрѣвъ многозначительно мнѣ въ глаза.

— Надѣюсь, Клавдія Николаевна, что мы, катаясь въ лодкѣ, не возобновимъ недавняго спора?—обратился я къ Луговской.

— Почему же? Я рѣшительно ничего не имѣю противъ его продолженія, — поспѣшно отвѣтила, съ вызывающей улыбкой, Клавдія Николаевна.

— Въ чемъ же дѣло?—вмѣшался въ нашъ разговоръ отецъ, притворяясь ничего не понимающимъ.

— Да вотъ, — обратилась къ нему Луговская:—на дняхъ вашъ сынъ старался убѣдить меня, что мы, землевладѣльцы, должны обращаться съ представителями своей домашней администраціи также, какъ мы обыкновенно относимся къ людямъ нашего круга, хотя бы первые и не отличались благороднымъ происхожденіемъ.

— Вы умалчиваете, Клавдія Николаевна, о томъ, что происхожденіе я замѣнялъ въ данномъ случаѣ образованіемъ,— прервалъ я молодую женщину.

— Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно! — воскликнула Луговская,—но, съ моей точки зрѣнія, никакое образованіе не можетъ поднять служащаго у меня разночинца на одинъ уровень со мною и сдѣлать его чуть ли не моимъ задушевнымъ другомъ.

— А я, Клавдія Николаевна, только и признаю вполнѣ нормальными дружескія отношенія между землевладѣльцами и ихъ управителями!—замѣтилъ мой отецъ.

— Почему же такъ?—спросила его Луговская.

— Да просто потому, что только при наличности подобныхъ отношеній возможенъ болѣе или менѣе правильный ходъ и цѣлесообразное развитіе каждаго хозяйства, польза котораго прежде всего зависитъ отъ представителей вашей экономической администраціи.

— Однако, эти лица и безъ того обязаны добросовѣстно исполнять свои обязанности, разъ я плачу имъ хорошее жалованье.

— Э, матушка, иногда обращеніе съ подобными людьми играетъ гораздо бо́льшую роль, чѣмъ денежная плата.

— Но вы, Сергѣй Андреевичъ, упускаете изъ виду то обстоятельство, что мы съ мужемъ, принадлежа къ благородному сословію, не можемъ вести себя иначе съ людьми низкаго происхожденія, хотя бы они входили въ составъ высшей администраціи нашихъ имѣній...

— Ну, а какъ бы вы, Клавдія Николаевна, поступали въ томъ случаѣ, еслибы вашъ управляющій оказался тоже дворяниномъ? — прервалъ отецъ Луговскую.

— Конечно, я постаралась бы относиться къ нему, какъ

къ лицу одинаковаго со мной происхожденія, хотя не думаю, чтобы дворянинъ пошелъ на такую должность.

— О, въ этомъ отношеніи вы жестоко ошибаетесь, такъ какъ мнѣ извѣстно немало примѣровъ, когда дворяне вынуждены были занимать и болѣе скромныя мѣста на службѣ у крупныхъ землевладѣльцевъ.

— Этого не можетъ быть!—даже вспыхнула Луговская.

— Почему же вы отрицаете возможность подобныхъ фактовъ?—спросилъ спокойнымъ голосомъ отецъ.

— Да потому что, — какъ я уже и раньше говорила,— дворянинъ всегда отдастъ предпочтеніе общественной или государственной службѣ.

— Слѣдовательно, вы хотите, чтобы я привелъ вамъ фактическія доказательства моей мысли?— спросилъ отецъ.

— Пожалуйста!—отвѣтила лаконически Луговская, начиная уже терять самообладаніе.

— Прекрасно; я немедленно исполню ваше желаніе.— Лука! — обратился отецъ къ стоявшему подлѣ него лакею.— Поди-ка, братецъ, въ контору и скажи, чтобы мнѣ прислали документы всѣхъ нашихъ служащихъ.—Когда лакей удалился, отецъ снова повелъ рѣчь о томъ же предметѣ.

— Да, Клавдія Николаевна, мнѣ очень и очень прискорбно выслушивать ваши мнѣнія касательно лицъ высшей администраціи нашихъ имѣній. Неужели же вамъ и понынѣ не извѣстна русская пословица, что «не мѣсто краситъ человѣка, а человѣкъ—мѣсто». Что касается меня, то въ своемъ служащемъ я прежде всего цѣню образованность и добросовѣстное выполненіе обязанностей, оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о его происхожденіи. Къ сожалѣнію, далеко не всѣ наши землевладѣльцы такъ смотрятъ на это дѣло и чрезъ то нерѣдко несутъ огромныя потери по хозяйству, такъ какъ мнѣ хорошо извѣстно, что, при отсутствіи между хозяиномъ и его ближайшимъ сотрудникомъ необходимой сердечности и взаимнаго уваженія, немыслимо требовать отъ своихъ подчиненныхъ должной энергіи и распорядительности, не говоря уже о преданности интересамъ владѣльца имѣнія.

Вошедшій въ эту минуту Лука прервалъ рѣчь моего отца, который, взявъ изъ рукъ лакея папку съ документами, вынулъ изъ нея какую-то бумагу и, обращаясь ко всѣмъ намъ, произнесъ:

— Вотъ, господа, документъ одного изъ моихъ низшихъ служащихъ. Просмотрѣвъ его, вы можете убѣдиться, что обладатель этой бумаги принадлежитъ, подобно намъ, къ весьма древней дворянской фамиліи; а самое же главное въ томъ, что предки его тоже занесены въ VI-ую книгу.

— Не можетъ быть!—воскликнули въ одинъ голосъ наши гости, смотря съ нескрываемымъ недовѣріемъ на отца и даже приподнимаясь со своихъ мѣстъ.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ отецъ.

— Кто же это? — обратились къ нему и мы, крайне заинтересованные страннымъ открытіемъ.

— Да мнѣ даже какъ-то неловко говорить объ этомъ въ присутствіи Клавдіи Николаевны, такъ горячо отстаивающей дворянскія традиціи.

— Не стѣсняйтесь, прошу васъ, не стѣсняйтесь!—поспѣшила храбро заявить Луговская.

— Въ такомъ случаѣ я могу сказать вамъ, что означенное въ этомъ документѣ лицо давно уже служитъ у меня кучеромъ.

— Это не Горталовъ ли?—спросилъ я отца.

— Онъ самый.

— Не можетъ быть! — воскликнули въ одинъ голосъ всѣ присутствующіе, за исключеніемъ Клавдіи Николаевны.

— Если вы не вѣрите мнѣ, то просмотрите сами документъ Горталова, — отвѣтилъ отецъ, протягивая мнѣ бумагу. Ближайшій осмотръ паспорта разсѣялъ всѣ сомнѣнія, такъ какъ нашъ кучеръ, дѣйствительно, оказался дворяниномъ довольно древняго происхожденія. Надо было видѣть, что сдѣлалось при этомъ съ Луговской! Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ она сидѣла словно окаменѣлая, а потомъ обратилась къ моему отцу съ вопросомъ:

— Почему же вы, Сергѣй Андреевичъ, раньше ничего не говорили о Горталовѣ?

— Да потому что, — какъ сообщалъ уже вамъ, — я не придавалъ особеннаго значенія этому факту.

— Но какъ могъ потомственный дворянинъ дойти до подобнаго соціальнаго положенія?—грустнымъ голосомъ спросила Клавдія Николаевна.

— О, самымъ обыкновеннѣйшимъ образомъ! — поспѣшилъ

отвѣтить отецъ.—Уже у дѣда Горталова было всего-на-всего сто десятинъ земли, которую послѣ его смерти пришлось раздѣлить между шестью сыновьями и пятью дочерьми. Благодаря этому обстоятельству, отецъ нашего кучера въ матеріальномъ отношеніи уже мало чѣмъ отличался отъ заурядныхъ сосѣдей-крестьянъ. Не отличаясь и способностью къ борьбѣ за существованіе, онъ самъ скоро сдѣлался жертвою перваго деревенскаго кулака, пустивъ буквально по міру свое многочисленное потомство... И повѣрьте мнѣ, Клавдія Николаевна, что число подобныхъ безземельныхъ дворянъ-бѣдняковъ растетъ у насъ съ каждымъ годомъ. Ихъ бѣдность служитъ еще причиною того, что, не обладая соотвѣтствующимъ образованіемъ, они лишены и возможности попадать на государственную или общественную службу. Волей-неволей приходится искать занятій, ничего общаго не имѣющихъ съ дворянскимъ званіемъ...

Луговская молча выслушала рѣчь отца, который, видя печальное выраженіе лица молодой женщины, поспѣшилъ прекратить свой разговоръ... Кстати, въ этотъ же моментъ надъ горизонтомъ показалась огромная серебристая луна, озарившая неподвижныя верхушки садовыхъ деревьевъ и гладкую зеркальную поверхность пруда, дремлющаго въ тѣни меланхолическихъ косматыхъ ивъ. Мы всѣ какъ-то невольно залюбовались открывшейся предъ нами картиной, прислушиваясь къ звонкой соловьиной трели, несшейся къ намъ изъ ближайшихъ кустовъ дикаго жасмина вмѣстѣ съ одуряющимъ запахомъ цвѣтовъ.

— Господа,—воскликнулъ вдругъ кто-то изъ насъ,—а не пора ли ужь намъ отправляться на рѣку?

— О, конечно, пора!—крикнули всѣ хоромъ. И съ этими словами наша компанія быстро спустилась по ступенямъ крыльца и направилась къ обрывистому берегу рѣки, которая тихо-тихо несла свои прозрачныя струи въ темнѣющую даль... Глубокое безмолвіе наступающей ночи и тишину, царившую надъ рѣкой, лишь изрѣдка нарушали всплески рыбы да крики перепеловъ въ прибрежной степи. Кто-то изъ присутствующихъ затянулъ нерѣшительнымъ голосомъ слова романса:

«Задремалъ тихій садъ.
Ночь повѣяла свѣжей прохладой»...

Къ нему присоединилось еще нѣсколько лицъ, и пѣсня

плавно понеслась надъ поверхностью рѣки, будя своимъ эхомъ уснувшіе уголки стараго парка...

Клавдія Николаевна не принимала участія въ пѣніи, а, усѣвшись въ лодку, предалась молчаливому созерцанію тянувшихся мимо насъ прибрежныхъ камышей и кустарниковъ. Я сидѣлъ на рулѣ почти рядомъ съ Луговской и въ антрактѣ между двумя пѣснями обратился къ ней съ вопросомъ:

— А что, Клавдія Николаевна, надѣюсь, вы теперь хотя отчасти признаете справедливость моихъ доводовъ касательно ненормальности отношеній между нѣкоторыми землевладѣльцами-дворянами и ближайшими ихъ сотрудниками изъ высшей администраціи хозяйства?

— Да, поневолѣ приходится съ этимъ согласиться, разъ сама жизни представляетъ намъ немало подобныхъ примѣровъ,—отвѣчала она тихимъ голосомъ, всматриваясь въ пробѣгавшіе мимо насъ камыши.

— Полагаю также, — продолжалъ я, — что вы, имѣя въ виду перемѣну въ нашемъ соціально-экономическомъ строѣ, не станете отнынѣ придавать много вѣса происхожденію человѣка?

— О, несомнѣнно! Сегодняшній же случай съ документомъ Горталова — радикальное средство, чтобы поколебать вѣру въ незыблемость дворянскихъ традицій...

Д. Ѳедоровъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

«Царскіе дни» во Франціи.—Задачи и цѣли франко-русскаго союза.—Какія выгоды извлекла Франція изъ союза съ Россіей? — Смерть президента Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ.—Гнѣздо анархистовъ и анархическая пропаганда.—Требованіе американскаго народа объ изгнаніи изъ Америки анархистовъ. — Новый президентъ Соединенныхъ Штатовъ и его политика.—Происки Англіи и Германіи на берегахъ Персидскаго залива.—Нуженъ ли Россіи портъ въ этомъ заливѣ?—Травля и заигрыванія англійской прессы съ Россіей.—Турецкія звѣрства въ Арменіи и Албаніи.—Не пора ли положить имъ предѣлъ? — Возможная брешь въ тройственномъ союзѣ. — Во что обойдется германскій кризисъ союзницѣ-Австріи? — Изученіе русскаго языка въ Германіи. — Вражда нѣмцевъ къ русскимъ, не брезгающая средствами.

Компьень и Дюнкеркъ недавно привлекли къ себѣ вниманіе всего міра. Столбцы иностранной печати заполнены описаніемъ пребыванія ихъ величествъ во Франціи. Всѣ понимаютъ громадную важность тѣхъ событій, которыя недавно произошли во Франціи. Всѣ тѣ, кто считалъ франко-русскій союзъ—союзомъ политическимъ, приходятъ къ тому заключенію, что онъ представляетъ собою союзъ не только политическій, дипломатическій, а *народный* въ широкомъ смыслѣ этого слова. Нашъ государь явился гостемъ всего французскаго народа. Маневры французской арміи въ присутствіи государя не представляютъ собою только обычную часть программы официальныхъ празднествъ въ честь главы иностраннаго государства. Французская армія, отъ солдата до генерала—вся, какъ одинъ человѣкъ, чувствовала, что она дефилируетъ предъ верховнымъ вождемъ русской арміи и народа. Вся французская печать единодушно говоритъ о «великихъ дняхъ» и призываетъ всѣхъ забыть о своихъ разногласіяхъ и раздорахъ, а думать только объ одномъ: объ интересахъ отечества. Всѣ призываютъ другъ друга ко взаимному примиренію и объединенію для дружной работы на пользу отечества.

«Царскіе дни» во Франціи закончились, но память о нихъ никогда

не исчезнетъ, такъ какъ они будутъ навсегда запечатлѣны не только въ умахъ и сердцахъ союзныхъ народовъ, но и на страницахъ исторіи.

Тосты, которыми обмѣнялись представители двухъ великихъ народовъ, займутъ въ лѣтописяхъ исторіи выдающееся мѣсто.

На завтракѣ въ фортѣ Витри президентъ французской республики въ своемъ тостѣ особенно оттѣнилъ глубокую связь, существующую во Франціи между народомъ, правительствомъ и арміей, которая «отдаетъ всю свою душу на то, чтобы быть готовою отвѣтить во всякую минуту на призывъ Франціи».

На завтракѣ президентъ республики произнесъ слѣдующую рѣчь:

«Государь! Принося вашему величеству и ея величеству императрицѣ благодарность отъ имени Французской республики за то, что вы соблаговолили присутствовать на ободряющихъ зрѣлищахъ этихъ дней, я переношусь мыслью къ великому политическому акту, предшествовавшему имъ, и отъ котораго они получили все свое значеніе. Подготовленный и заключенный вашимъ августѣйшимъ родителемъ—императоромъ Александромъ III—и президентомъ Карно, и торжественно провозглашенный на «Pothuau» вашимъ величествомъ и президентомъ Феликсомъ Форомъ, союзъ успѣлъ утвердиться въ своемъ характерѣ и принести плоды. Если никто не можетъ сомнѣваться въ существенно-миролюбивой идеѣ, положенной въ его основаніе, то точно также никто не можетъ не признать, что онъ могущественно способствовалъ поддержанію равновѣсія между силами европейскихъ государствъ; что составляетъ необходимое условіе мира, который, чтобы быть плодотворнымъ, не могъ оставаться неупроченнымъ. Союзъ этотъ развивался съ годами, и возникавшіе за это время вопросы находили его бдительнымъ, рѣшительнымъ, примиряющимъ свои собственные интересы съ міровыми, умѣреннымъ въ сознаніи своего могущества и заранѣе склоннымъ къ рѣшеніямъ, внушаемымъ справедливостью и человѣколюбіемъ. Принесенное уже имъ благо служитъ залогомъ того блага, которое онъ еще принесетъ въ будущемъ, и въ этой безусловной увѣренности, почтивъ благоговѣйнымъ воспоминаніемъ великодушныхъ основателей дѣла, которому текущій день является великолѣпною санкціею,—я поднимаю бокалъ за славу и благоденствіе вашего величества, ея величества императрицы и всей императорской фамиліи, за величіе и преуспѣяніе Россіи, дружественной и союзной съ Франціею».

Его величество изволилъ отвѣтить слѣдующими словами:

«Господинъ Президентъ. Передъ тѣмъ чтобы покинуть Францію, въ которой еще разъ мы встрѣтили такой дружественный и горячій пріемъ, я хочу выразить вамъ нашу искреннюю благодарность и тѣ чувства, которыя мы испытываемъ. Императрица и я, мы навсегда сохранимъ драгоцѣнное воспоминаніе объ этихъ нѣсколькихъ дняхъ, столь полныхъ

впечатлѣніями, глубоко запавшими въ наши сердца, и мы будемъ продолжать, какъ вдали, такъ и вблизи, пріобщаться ко всему, что̀ касается дружественной намъ Франціи. Узы, связывающія наши страны, были только что еще разъ закрѣплены и получили новую санкцію въ свидѣтельствахъ о взаимной симпатіи, которыя такъ краснорѣчиво были выражены здѣсь и нашли себѣ такой горячій откликъ въ Россіи. Тѣсный союзъ двухъ великихъ державъ, воодушевленныхъ самыми мирными намѣреніями, — державъ, которыя, умѣя заставить уважать свои права, далеки отъ того, чтобы посягать на права чужія, — представляетъ изъ себя драгоцѣнное начало общаго умиротворенія всего человѣчества. Я пью за процвѣтаніе Франціи, дружественной и союзной, за ея храбрую армію и за великолѣпный французскій флотъ. Позвольте мнѣ, господинъ президентъ, возобновить выраженіе нашей въ вамъ благодарности и поднять мой бокалъ въ вашу честь».

Его величество на границѣ Франціи изволилъ отправить президенту французской республики слѣдующую телеграмму:

«Подъ яркимъ впечатлѣніемъ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ во Франціи, императрица и я, мы хотимъ еще разъ, покидая французскую землю, выразить вамъ тѣ чувства, которыя насъ одушевляютъ. Глубоко тронутые, мы просимъ васъ, господинъ президентъ, принять нашу искреннюю благодарность и быть ея истолкователемъ передъ всѣми, кто съ трогательнымъ радушіемъ принималъ участіе въ тѣхъ чувствахъ, которыя намъ были выражены. Мы шлемъ всему французскому народу, столь любимому и цѣнимому Россіею, наши искреннія благодарности и присоединяемъ къ нимъ наши горячія пожеланія».

Въ своихъ тостахъ государь императоръ оттѣнилъ мысль, что онъ считаетъ арміи союзныхъ народовъ призванными преслѣдовать тѣ же цѣли, которыя были положены въ основу двойственнаго союза, т. е. «охранять всеобщій миръ, основанный на законности и справедливости».

Представитель Франціи торжественно удостовѣрилъ и мирный характеръ двойственнаго союза, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, его могущество, которое дастъ ему возможность «*властно способствовать поддержанію равновѣсія между европейскими державами* — необходимое условіе для мира, который, чтобы быть плодотворнымъ, не долженъ оставаться сомнительнымъ».

Тосты представителей двухъ великихъ державъ радостно встрѣчены союзными народами. «Въ единеніи—сила», и чѣмъ прочнѣе это единеніе, тѣмъ могущественнѣе сила. Россія и Франція могутъ теперь со свѣтлыми надеждами устремлять свои взоры въ будущее.

Союзъ Россіи съ Франціей принесъ уже добрые плоды для обѣихъ союзныхъ державъ. Въ своей внѣшней политикѣ обѣ эти державы всегда шли нога въ ногу, другъ другу помогая и ободряя. Въ Европѣ, на

Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ представители Франціи и Россіи неизмѣнно поддерживали другъ друга.

Французская печать, — за исключеніемъ жидовской, — единогласно признаётъ не только силу и мощь этого двойственнаго союза, но и выгоды для французскаго народа, являющіяся слѣдствіемъ франко-русскаго союза.

Въ газетѣ «Le Journal» бывшій французскій министръ иностранныхъ дѣлъ г. Ганото помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: «Что Россія дала уже Франціи»? Выяснивъ причины, побудившія Францію и Россію къ сближенію, г. Ганото говоритъ: «Во Франціи неоднократно возникалъ вопросъ: не является ли союзъ только приманкой, призракомъ, сулящимъ разочарованіе? На это можно было бы отвѣтить: «Подождите! Для того чтобы увидѣть результаты политической комбинаціи такого высокаго значенія, необходимо время».

Однако, г. Ганото считаетъ, что уже и теперь можно указать на нѣкоторые неоспоримые факты. Какъ разъ въ моментъ, когда франко-русское сближеніе только что осуществилось, Франція приступила къ завоеванію новаго колоніальнаго царства. На Мадагаскарѣ, въ Тонкинѣ, на берегахъ Конго, на Нигерѣ, на восточномъ побережьѣ африканскаго материка, французское правительство было вовлечено въ завоевательныя предпріятія; но вездѣ были препятствія, мѣшавшія довести ихъ до конца. Для того чтобы довершить всѣ эти широкія начинанія, Франція должна была напрячь всѣ свои силы, какими она могла только располагать, посвятить колоніальнымъ вопросамъ все свое вниманіе. Но для этого необходима была увѣренность, что въ Европѣ не можетъ произойти никакого осложненія, могущаго угрожать Франціи.

Сближеніе съ Россіей и дало Франціи эту увѣренность.

Въ Азіи индо-китайскія владѣнія Франціи расширились до р. Меконга; государство-буферъ было упразднено, почему Сіамъ вошелъ въ свои естественные предѣлы, Китай призналъ за Франціей границу въ 2,000 километровъ и открылъ доступы въ свои южныя области. «Таковы были результаты политики, которую мы вели въ Азіи по соглашенію съ Россіей», — заключаетъ г. Ганото.

Въ Африкѣ завоеваны: Мадагаскаръ и области къ югу отъ Алжира и къ западу отъ Сенегала.

Но это еще не все. Франціи удалось добиться результатовъ еще болѣе важныхъ. При завоеваніи Туниса, французское правительство приняло на себя обязательство не укрѣплять Бизерты, почему Франція «являлась сомнительнымъ владѣльцемъ области, стоившей ей уже очень много, и удержаніе которой съ каждымъ днемъ требовало все большихъ и большихъ усилій». И вотъ, когда въ Средиземномъ морѣ возникъ серьезный кризисъ, вызванный событіями на Критѣ и въ Арменіи,—

Франція, хотя и дѣйствовала совмѣстно съ другими державами при улаженіи этого кризиса, но въ то же время освободила себя отъ всякихъ стѣснительныхъ ограниченій по отношенію къ Тунису. «*Благодаря своей политикѣ* (единенія съ Россіей) *Франціи удалось получить безвозмездно* то, за что, при другихъ обстоятельствахъ, ее заставили бы заплатить очень дорого».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, разрѣшеніе тунисскаго вопроса привело Францію къ сближенію съ Италіей, что выразилось въ заключеніи торговаго договора между этими двумя странами.

Положенная въ основу двойственнаго союза «охрана мира въ духѣ права и справедливости» становится преобладающимъ началомъ въ политикѣ Европы. Императоръ Вильгельмъ сказалъ, что его свиданіе съ русскимъ царемъ у Данцига имѣетъ весьма важное значеніе, такъ какъ оба монарха вынесли изъ него убѣжденіе, «что миръ Европы надолго обезпеченъ за ея народами».

Въ заключеніе, г. Ганото указываетъ, что *франко-русскій союзъ поставленъ внѣ партійной борьбы во Франціи.* Отношеніе къ союзу съ Россіей министерства Вальдека-Руссо ничѣмъ не отличается отъ отношенія предыдущихъ кабинетовъ, носившихъ поочередно имена: Бриссона, Дюпюи, Мелина, Буржуа, Рибо и Фрейсине. Весь политическій міръ Франціи является вѣрнымъ послѣдователемъ идеи франко-русскаго союза.

Раздававшіеся голоса, что исключительная цѣль заключенія франко-русскаго союза заключалась въ естественномъ желаніи державъ, его составляющихъ, создать *противовѣсъ* тройственному союзу, должны быть дополнены заявленіемъ г. Ганото. Двойственный союзъ не является мертвой политической комбинаціей, а *живымъ* союзомъ двухъ народовъ и ихъ правительствъ, соединившихся *вслѣдствіе общности интересовъ* и взаимныхъ симпатій.

Президентъ Соединенныхъ Штатовъ Макъ-Кинлей умеръ въ ночь на 1-ое сентября. Онъ погибъ жертвою такого же злодѣйства, какъ и король итальянскій Гумбертъ, какъ императрица австрійская Елизавета.

Соединенные Штаты понесли тяжелую и незамѣнимую утрату. Враги— и тѣ относились съ уваженіемъ къ энергіи и патріотизму покойнаго президента. Макъ-Кинлей твердо и неуклонно слѣдовалъ намѣченной имъ программѣ, которая, по его мнѣнію, должна вести отечество къ славѣ и величію.

«Президента Макъ-Кинлея,—говоритъ «Американецъ» въ «Нов. Вр.»— должно признать искуснымъ и счастливымъ политикомъ, и мудрымъ государственнымъ человѣкомъ. Хотя онъ и не стремился къ главенству, тѣмъ не менѣе держалъ въ твердой рукой и государственное управленіе, и свою партію, какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ представителей.

Онъ направлялъ самую быструю и рѣзкую перемѣну, которая произошла въ исторіи С.-А. Соединенныхъ Штатовъ со временъ гражданской войны, а, быть можетъ, и со временъ Вашингтона. Такимъ образомъ, имя его невольно ассоціируется съ именами Вашингтона и Линкольна. Они отличались сильнымъ здравымъ смысломъ, предусмотрительностью, соединенной со стойкостью и энергіей въ преслѣдованіи разъ намѣченныхъ политическихъ цѣлей. Міръ не можетъ не признать величія Макъ-Кинлея. Его имя останется въ исторіи наряду съ именами основателей государства: — онъ расширилъ предѣлы С.-А. Соединенныхъ Штатовъ и ихъ многообразную дѣятельность. Благодарная страна заявитъ, что онъ удвоилъ ея внѣшнюю торговлю своей экономической политикой, твердымъ установленіемъ протекціонизма, носящаго его имя, и законодательствомъ о золотой валютѣ, и далъ С.-А. Соединеннымъ Штатамъ владычество надъ колоніями».

Не смотря на преувеличенныя похвалы, надо признать, что въ лицѣ Макъ-Кинлея сошелъ въ могилу одинъ изъ наиболѣе видныхъ американскихъ гражданъ, съ именемъ котораго будетъ связано воспоминаніе, какъ о неподкупномъ государственномъ дѣятелѣ, пользовавшемся репутаціей безукоризненной честности и никогда не прибѣгавшемъ къ столь свойственнымъ американскимъ государственнымъ дѣльцамъ различнаго рода сомнительнымъ пріемамъ. Послѣ перваго избранія Макъ-Кинлея въ президенты, нѣкоторые органы европейской печати старались распространить мнѣніе, что Макъ-Кинлей прикрываетъ своею политикою личныя экономическія цѣли, что политика «имперіализма», выразителемъ которой онъ являлся, преслѣдуетъ честолюбивые замыслы. Но подобнаго рода мнѣніе лишено всякаго основанія, такъ какъ добросовѣстность и честность этого государственнаго человѣка стоятъ выше всякихъ сомнѣній.

Гнусное покушеніе въ Буффало, закончившееся такъ трагически, подало поводъ всей американской печати высказаться за необходимость принятія самыхъ строгихъ мѣръ для подавленія анархистской пропаганды. Убійство Макъ-Кинлея снова приковываетъ вниманіе всего міра къ движенію, извѣстному долгое время подъ теоретическимъ названіемъ «анархизма» и ознаменовавшемуся уже цѣлымъ рядомъ гнусныхъ преступленій.

«Московскія Вѣдомости» говорятъ, что въ Америкѣ «имѣется городъ, въ которомъ существуетъ *нѣчто въ родѣ школы, или академіи анархистовъ*. Это—городъ Патерсонъ, находящійся недалеко отъ Нью-Іорка. Этою центральною станціей анархистскаго движенія много занималась полицейская и слѣдственная власть всей Европы, послѣ убійства въ Монцѣ. Удостовѣрено, что мысль о покушеніи на итальянскаго короля Гумберта внушена была Бреши въ Патерсонѣ, и дознано также, что *иниціатива большинства анархистскихъ преступленій за послѣдніе годы исходила изъ спеціальнаго клуба анархистовъ*, учрежденнаго въ Патерсонѣ.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, одинъ изъ парижскихъ сотрудниковъ газеты «Temps», долгое время жившій въ Нью-Іоркѣ, сообщилъ слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ гнѣздѣ преступниковъ.

Городъ Патерсонъ сдѣлался довольно оживленнымъ центромъ промышленности послѣ 1886 года, когда населеніе его значительно увеличилось пришельцами изъ Италіи. Послѣ мятежнаго движенія, происходившаго въ Сициліи и Масса-Каррарѣ въ 1893 году, многіе итальянскіе анархисты, скрываясь отъ преслѣдованій полиціи на родинѣ, убѣжали въ Америку и также поселились въ Патерсонѣ. Всѣ эти пришельцы сгруппировались тамъ около одного француза, по имени Дюма, человѣка крайнихъ взглядовъ и экзальтированнаго, основавшаго союзъ для обсужденія соціальныхъ вопросовъ и организовавшаго первое сообщество, ставшее центромъ анархистской пропаганды. Послѣ убіенія императрицы Елизаветы, въ Патерсонъ явились многіе бѣглецы изъ Европы. Между ними выдавался нѣкій Чіанкобилло, замѣшанный въ процессѣ Луккени, съ которымъ онъ несомнѣнно видѣлся наканунѣ совершенія имъ преступленія, но который, однако, не могъ быть уличенъ въ соучастіи и освободился отъ преслѣдованія. Въ Патерсонѣ Чіанкобилло сталъ во главѣ анархистскаго движенія, и для распространенія пропаганды основалъ газеты и публичныя чтенія. Въ 1890 году, въ Патерсонъ переселился еще одинъ видный итальянскій анархистъ Малатеста, который, вмѣстѣ съ Чіанкобилло, сталъ вожакомъ анархистской партіи въ Америкѣ. Болѣе свирѣпымъ изъ нихъ считается Малатеста, подготовившій убійство короля Гумберта и назначившій лицо, долженствовавшее совершить его.

Анархистская организація создалась въ Патерсонѣ открыто, въ видѣ всѣмъ извѣстнаго союза, открыто вербовавшаго своихъ членовъ, число которыхъ дошло въ настоящее время до 200. Большинство этихъ членовъ—итальянскіе рабочіе, люди трезвые и прилежные, усердно занимающіеся своею ежедневной работой, а также «дѣломъ», подъ которымъ разумѣются анархическіе замыслы. Почти каждый вечеръ они сходятся для обсужденія общихъ вопросовъ анархіи, ея цѣлей и средствъ для осуществленія. На этихъ собраніяхъ читаются *письма сообщниковъ изо всѣхъ странъ свѣта*, а также статьи и воззванія, печатающіяся въ анархистскихъ газетахъ. Кромѣ того, имѣется еще средство пропаганды,—театръ. Еженедѣльно устраиваются спектакли и *ставятся пьесы, въ которыхъ прославляются анархистскіе идеи и подвиги.* Большинство этихъ пьесъ стряпаются по извѣстному шаблону Чіанкобилло, и въ одной изъ нихъ, которая часто ставилась въ послѣднее время, *прославлялось убійство короля Гумберта.* Анархистскія газеты тоже печатаются въ огромномъ количествѣ и раздаются публикѣ даромъ.

Американская печать выражаетъ негодованіе по поводу убійства президента и требуетъ строжайшаго наказанія преступника. Это требо-

ваніе объясняется тѣмъ, что въ законодательствѣ Соединенныхъ Штатовъ нѣтъ спеціальнаго закона, карающаго преступленія противъ главы государства: такія преступленія подходятъ подъ рубрику обыкновенныхъ убійствъ, и еслибы Макъ-Кинлей остался живъ, то преступникъ былъ бы наказанъ только какъ за неудавшееся покушеніе на жизнь частнаго лица, т. е. онъ былъ бы приговоренъ къ десятилѣтнему тюремному заключенію. Нью-іоркская газета «Sun» спрашиваетъ съ негодованіемъ: до какихъ же поръ американское правительство будетъ смотрѣть пассивно на кровавыя дѣла анархистовъ и оказывать благосклонное покровительство ихъ вертепамъ? Многія газеты настаиваютъ, чтобы правительство воспретило анархистамъ дальнѣйшее пребываніе въ предѣлахъ Соединенныхъ Штатовъ и въ законодательномъ порядкѣ провело законъ, строго карающій за анархистскую пропаганду. Общественное мнѣніе настойчиво требуетъ преданія суду всего анархистскаго кружка въ Кливлэндѣ, къ которому принадлежитъ и венгерскій жидъ Чолгошъ, убійца Макъ-Кинлея. Но не мѣшало бы, при этомъ преслѣдованіи анархистовъ, обратить вниманіе и на вездѣсущій еврейскій кагалъ, извѣстный подъ именемъ «Всемірнаго израильскаго союза» и всенародно заявляющій, что «*есть, раскидываемая израилемъ поверхъ земнаго шара* (на пагубу всѣхъ «гоимскихъ» государствъ и ихъ религій, кромѣ еврейскаго международнаго правительства и вавилонскаго талмуда) *будетъ расширяться съ каждымъ днемъ*». Очевидно, что анархизмъ,—тоже воюющій, не безъ участія еврейскихъ капиталовъ, со всѣми не-еврейскими правительствами и религіями,—играетъ какъ разъ въ руку «Всемірному кагалу», и притомъ играетъ тѣми же крапленными картами, выдавая насиліе и убійство за дѣла гуманности и прогресса. (См. «Государство въ государствѣ», стр. 207).

Преемникомъ Макъ-Кинлея на посту президента республики, въ силу конституціи Соединенныхъ Штатовъ, является вице-президентъ Теодоръ Рузвельтъ. Союзная конституція предвидитъ слѣдующіе четыре случая, когда вице-президентъ вступаетъ въ отправленіе обязанностей главы республики: 1) въ случаѣ смерти президента; 2) въ случаѣ его отказа отъ званія; 3) въ случаѣ его смѣщенія за преступленіе или противозаконныя дѣянія; 4) въ случаѣ неспособности президента исполнять свои обязанности. Конституція не содержитъ, однако, точныхъ указаній, какія обстоятельства установляютъ наличность неспособности и кѣмъ она должна быть констатирована.

Теодоръ Рузвельтъ представляетъ собою человѣка, лично сдѣлавшаго себѣ карьеру. Это—«Self made man» въ лучшемъ значеніи этого слова. Онъ пробилъ себѣ дорогу исключительно своей энергіей, неустрашимостью и выдержкой. Онъ не принадлежитъ ни къ какой политической партіи за нимъ не стоитъ какая либо мѣстная фракція съ опредѣленной программой.

Новый президентъ извѣстенъ, какъ убѣжденный сторонникъ политики, которой слѣдовалъ Макъ-Кинлей. Онъ — убѣжденный имперіалистъ и сторонникъ протекціонизма, но уже высказался противъ «трёстовъ», устроившихъ могущественную монополію ради своихъ корыстныхъ интересовъ. Въ виду этого, есть полное основаніе полагать, что кончина Макъ-Кинлея не внесетъ никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ въ политику Соединенныхъ Штатовъ по отношенію къ другимъ государствамъ. Государственный строй республики таковъ, что, даже въ случаѣ кончины президента республики, въ общей политикѣ не можетъ произойти существенныхъ перемѣнъ, такъ какъ глава союза является лишь исполнителемъ тѣхъ принциповъ и той программы, которымъ сочувствуетъ избравшее его большинство народа, т. е. та политическая партія, которая доставила президенту его полномочія. Макъ-Кинлей былъ ставленникомъ республиканской партіи, которая вполнѣ сочувствовала своему избраннику. Система самаго широкаго протекціонизма и имперіализма,—выразителемъ которыхъ явился покойный Макъ-Кинлей,—собственно говоря, создана была не имъ, а республиканской партіей. Макъ-Кинлей же явился только энергичнымъ и талантливымъ истолкователемъ этихъ началъ, которыя онъ и включилъ въ свою политическую программу.

На совѣщаніи съ министрами, происходившемъ въ Буффало, новый президентъ г. Рузвельтъ сказалъ, что его программа совпадаетъ съ программой его предшественника, но при этомъ онъ добавилъ, что ему желательны прекращеніе таможенной войны съ другими государствами и отмѣна нѣкоторыхъ таможенныхъ пошлинъ. Принося присягу, Рузвельтъ сказалъ:

«Въ этотъ часъ глубокаго національнаго горя, я желаю заявить, что моей цѣлью будетъ *продолженіе политики президента Макъ-Кинлея для поддержанія мира*, благоденствія и славы нашей любимой родины».

«New-York-Herald» приводитъ нѣсколько любопытныхъ изреченій новаго президента американской республики, характеризующихъ политику, которой онъ будетъ держаться.

«Я всѣмъ своимъ сердцемъ *вѣрю въ доктрину Монроэ* («Америка для американцевъ») и считаю невозможнымъ, чтобы какая либо держава Стараго Свѣта могла получить территорію на нашемъ континентѣ. Миръ только тогда будетъ вѣрнымъ, когда цивилизованныя націи такъ или иначе распространятъ свое владычество надъ варварскими народами. Нашъ флагъ поднятъ надъ Филипинами и не будетъ спущенъ. Изъ всѣхъ праздныхъ толковъ разговоры объ опасности милитаризма самые безсмысленные. Важнѣйшимъ вопросомъ въ Соединенныхъ Штатахъ, изъ интересующихъ насъ теперь, надо считать вопросъ или рядъ вопросовъ, которые мы подразумѣваемъ подъ словами: *рабочій вопросъ*».

О Рузвельтѣ, какъ преемникѣ Макъ-Кинлея, американская печать высказываетъ, между прочимъ, слѣдующія мнѣнія и предположенія:

«World» выражаетъ надежду, что Рузвельтъ,—которому только 43 года отъ роду, — являясь самымъ молодымъ изъ американскихъ президентовъ,—испытаетъ на себѣ сдерживающее вліяніе великой, падающей на него, отвѣтственности и будетъ въ своей политикѣ проявлять самообладаніе и миролюбіе. «Times» утверждаетъ, что Рузвельтъ пойдетъ далѣе по пути, намѣченному Макъ-Кинлеемъ; «Sun» выражаетъ увѣренность, что новый президентъ съумѣетъ охранить оплоты американскаго благополучія и мира, воздвигнутые его предшественникомъ.

Вниманіе европейской политики въ настоящее время обращено всецѣло на Персидскій заливъ. Тамъ теперь совершается первый актъ той политической драмы, которая въ недалекомъ будущемъ должна тамъ разыграться. Германія стремится проникнуть въ Персидскій заливъ посредствомъ багдадской желѣзной дороги, чрезъ Малую Азію; Англія идетъ туда изъ Индіи, Россія—изъ Средней Азіи; «больной человѣкъ» (Турція) тоже неравнодушенъ къ этому лакомому куску.

Яблокомъ раздора и разыгравшихся аппетитовъ явился одинъ изъ лучшихъ портовъ на Персидскомъ заливѣ — портъ Кветта, или Ковейтъ. Англія, всегда старающаяся прибрать къ своимъ рукамъ, что плохо лежитъ, отправила нѣсколько военныхъ судовъ къ берегамъ Персидскаго залива; изъ Бомбея къ Ковейту перевозятъ крѣпостныя орудія. Происходитъ безпрерывный обмѣнъ депешъ съ лордомъ Керзономъ, вице-королемъ Индіи.

Ковейтскій инцидентъ—одинъ изъ цѣлаго ряда подобныхъ же, часто разыгрывающихся на берегахъ Персидскаго залива, гдѣ Англія постоянно устраиваетъ новые протектораты, соблазняя то одного, то другаго арабскаго шейха поступить подъ ея покровительство.

Мотивъ, почему Англія претендуетъ на занятіе Ковейта—обычный въ такихъ случаяхъ: «Царицѣ морей» необходима угольная станція въ Персидскомъ заливѣ. Англія вездѣ имѣетъ обычай устраивать склады угля для своего флота; превративъ этотъ обычай въ право, она можетъ отбирать у слабой страны подходящіе ей порты.

На Ковейтъ заявила претензіи и Турція, считая ковейтскаго шейха своимъ вассаломъ, хотя онъ никогда и не платилъ ей дани. «Больной человѣкъ» послалъ къ Ковейту войска и пушки.

Любопытна въ этомъ инцидентѣ роль Германіи. Въ данномъ случаѣ она отплясываетъ pas de trois: тайно поощряетъ Турцію не уступать Англіи, заключила договоръ о Ковейтѣ съ Англіей и сама желаетъ пріобрѣсти Ковейтъ. Не стой Германія за спиною Турціи, послѣдняя едва ли рѣшилась бы послать войска и пушки къ Ковейту.

«Daily Mail» утверждаетъ, что, «по отношенію къ Ковейту въ частности и къ Персидскому заливу вообще, между Германіей и Великобри-

таніей въ теченіе уже довольно значительнаго времени существуетъ полнѣйшее согласіе. Ковейтъ намѣченъ, какъ конечная станція будущей багдадской желѣзной дороги. Великобританія ни въ какомъ случаѣ не будетъ противиться осуществленію этого проэкта, что вполнѣ удовлетворитъ Германію, которая не имѣетъ въ данномъ случаѣ никакихъ видовъ на территоріальныя пріобрѣтенія и никоимъ образомъ не будетъ поддерживать Турцію въ какихъ либо враждебныхъ Англіи дѣйствіяхъ».

По мнѣнію же этихъ трехъ государствъ, Россія должна смотрѣть на все это съ полнымъ спокойствіемъ и отнюдь не помышлять о томъ, что у нея есть свои интересы на Персидскомъ заливѣ. Всякій разъ, когда Россія старалась проникнуть къ берегамъ Персидскаго залива и пріобрѣсти необходимый ей тамъ портъ, англійская печать категорически заявляла, что *Персидское море предназначено для Англіи* (?!), Россія это знаетъ: съ какой же стати она-де пытается нарушить права сосѣдней дружественной страны?

Всѣ эти изумительныя разсужденія англійской печати находятъ для себя поддержку и въ печати нѣмецкой. Нѣмецкія газеты готовы запретить любой странѣ, особенно Россіи, преслѣдовать свои интересы въ Персидскомъ заливѣ, куда сама Германія такъ упорно стремится проникнуть. Однако, нельзя забывать, что для Россіи въ данное время выходъ въ Персидскій заливъ имѣетъ свой громадный интересъ. Съ Персіей у насъ установились дружественныя отношенія, а для нашихъ средне-азіатскихъ владѣній необходимъ выходъ въ открытое море. Еслибы Англія находилась въ такомъ положеніи, въ какомъ въ данное время находится Россія со своими среднеазіатскими владѣніями, то она, навѣрное, уже давно бы заручилась и портами, и складами угля на берегахъ Персидскаго залива.

Всякій разъ, когда интересы Россіи и Англіи гдѣ либо столкнутся, большая часть англійской печати начинаетъ усиленно *травить* «варварскую» Россію, а меньшая часть начинаетъ съ нею заигрывать. Такъ и въ данный моментъ. Въ то время какъ почти вся англійская печать травитъ Россію, въ газетѣ «Times» появилось интересное письмо сэра Роуленда Бленнергассета подъ заглавіемъ: «Англія, Германія и Россія». Англійскій публицистъ убѣждаетъ своихъ соотечественниковъ въ томъ, что они не должны препятствовать Россіи въ исполненіи ея исторической миссіи. Онъ даже отказывается представить себѣ, чѣмъ можетъ повредить Англіи преобладающее положеніе Россіи въ юго-восточной Европѣ.

«Истинная задача Россіи состоитъ, повидимому, въ руководствѣ и охранѣ славянской расы и славянскихъ государствъ на Балканскомъ полуостровѣ. Если мы соблазнимся возможностью противиться этому, то мы выграемъ въ руку только Германіи, а сами вовлечемъ себя въ борьбу, которая, чѣмъ бы она ни кончилась, для насъ будетъ безнадежна, по-

сколько дѣло касается Россіи. Мы должны помнить, что въ австрійской имперіи разлагающимъ элементомъ служатъ не славяне, а нѣмцы, находящіеся подъ вліяніемъ всегерманской лиги. Держава, наиболѣе заинтересованная въ сопротивленіи русскимъ на Ближнемъ Востокѣ,—не Англія, а Германія. Что касается Персидскаго залива, то здѣсь Россіи приходится считаться съ одной Великобританіей. Здѣсь мы должны окончательно сговориться съ Россіей или приготовиться къ борьбѣ. Почему станемъ мы противиться приближенію Россіи къ Бендеръ-Аббасу, когда мы не противимся тому, чтобы германская желѣзная дорога подошла къ морской станціи у Ковейта? Скоро придетъ время подойти къ Россіи съ этимъ вопросомъ, если оно уже не пришло. Россія явно желаетъ содѣйствія Англіи въ обезпеченіи ей выхода въ Персидскій заливъ, и если мы поймемъ, какъ намъ дѣйствовать въ этомъ вопросѣ, всему англо-русскому раздору наступитъ конецъ. А если мы этого не сдѣлаемъ, намъ нужно приготовиться къ борьбѣ не только съ русской имперіей, съ ея громаднымъ и быстро растущимъ населеніемъ, но и съ активной враждебностью всей славянской расы, и если мы не прибѣгнемъ къ безславной, а иногда и постыдной политикѣ протеста и слѣдующаго послѣ него отступленія,—намъ придется приготовиться къ безнадежной войнѣ и притомъ съ громадными расходами. Если мы не можемъ допустить, чтобы русскія кавказская и среднесибирская желѣзныя дороги дошли до Бендеръ-Аббаса,—всѣ толки о томъ, что въ Азіи достаточно мѣста для Англіи и Россіи, дѣлаются безсмыслицей. Персія — такая область, гдѣ мы можемъ, дѣйствительно, сдѣлать большія уступки Россіи и показать, что есть нѣкоторое значеніе въ нашихъ увѣреніяхъ, будто мы и не завидуемъ, и не боимся нашего великаго азіатскаго сосѣда. Намъ надо всегда помнить истину, что наша имперія—океанъ. Россія никогда не вступитъ ни въ какую комбинацію, которая способна была бы лишить насъ господства надъ морями. У нея нѣтъ интереса въ этомъ, потому что она—*самодовлѣющая сухопутная держава*».

Письмо сэра Реуленда Бленнергассета крайне любопытно. Но вопросъ: насколько можно довѣрять искренности этого письма? Англійская пресса—одна изъ самыхъ дисциплинированныхъ въ мірѣ. Она всегда одною рукою ратуетъ за опіумъ, а другою поощряетъ митинги противъ торговли имъ. Вообще всегда, при столкновеніи съ интересами Россіи, одна часть англійской прессы усиленно начинаетъ хлопотать за союзъ съ Россіею. Проходитъ критическій моментъ, и эти же англійскія газеты начинаютъ вновь травить Россію и русскій народъ.

На Ближнемъ Востокѣ начинается кровавая драма. Изъ азіатской Турціи начинаютъ приходить извѣстія о насиліяхъ надъ армянскимъ населеніемъ. Въ Мушѣ произошли серьезные безпорядки, и туда отправлены

8 батальоновъ турецкихъ войскъ. Въ Сассунѣ ждутъ со дня на день новыхъ избіеній армянъ. «Berliner Tageblatt» сообщаетъ, что турецкое правительство прервало телеграфное сообщеніе съ сѣверо-восточной частью Малой Азіи. По мнѣнію газеты, это обстоятельство должно указывать, что тамъ начались уже серьезные безпорядки, которые турецкое правительство старается скрыть.

Въ армянскихъ газетахъ уже говорятъ о страдальческихъ крикахъ, которые вырываются изъ груди народа-мученика, о второмъ дѣйствіи кровавой драмы, уже начавшей разыгрываться въ Арменіи.

Газета «Arménie» уже получила корреспонденціи объ ужасахъ, творившихся и творящихся въ Мушскомъ округѣ. По армянской версіи, курдами вырѣзаны жители одиннадцати селеній! Поводомъ къ избіенію послужилъ отказъ армянъ помогать въ постройкѣ блокгаузовъ въ окрестностяхъ Муша. Битинскій вали призналъ этотъ отказъ равносильнымъ мятежу, о чемъ и телеграфировалъ въ Константинополь, откуда послѣдовало въ отвѣтъ предписаніе наказать неповинующихся. Тогда курдскіе полки были направлены въ армянскія селенія и въ продолженіе трехъ дней рѣзали тамъ жителей, которыхъ погибло не менѣе 4,000 человѣкъ. Армянское населеніе сосѣднихъ пунктовъ скрылось въ горы, гдѣ оно блокируется курдами и поэтому скоро погибнетъ отъ голода. Донесенія консуловъ и консульскихъ агентовъ, содержащія въ себѣ описанія этой звѣрской рѣзни, еще не скоро будутъ получены иностранными правительствами, такъ какъ за этими донесеніями учрежденъ самый бдительный надзоръ и они перехватываются мѣстными властями.

Насколько можно довѣрять сообщеніямъ армянской газеты,—трудно сказать. Можетъ быть, газета немного и увлеклась, но, безъ сомнѣнія, въ турецкой Арменіи творится что-то безобразное. Если избиты не тысячи, то, по всей вѣроятности, погибли сотни армянъ. Конечно, такіе факты не могутъ быть оставлены безъ вниманія и отъ турецкаго правительства должно быть потребовано проведеніе мѣръ, обезпечивающихъ безопасность христіанскаго населенія. Но пока всѣ представленія иностранныхъ правительствъ, какъ по армянскому, такъ и албанскому вопросамъ, не достигали цѣли. Христіанское населеніе въ Албаніи и Арменіи турки по прежнему продолжаютъ вырѣзывать.

Взаимные раздоры и несогласія между европейскими государствами приходятся какъ разъ на руку Турціи. Пока европейскія государства интригуютъ между собою изъ-за своихъ «правъ и преимуществъ» на Ближнемъ-Востокѣ,—Турція продолжаетъ производить насилія надъ христіанскимъ населеніемъ и въ Албаніи, и въ Арменіи.

Покуда Европа не будетъ единодушно дѣйствовать въ Турціи, не предъявитъ ей коллективнаго ультиматума о прекращеніи звѣрствъ надъ

албанскимъ и армянскимъ христіанскимъ населеніемъ, до тѣхъ поръ всѣ дипломатическія ноты будутъ безцѣльны.

При энергіи же, при желаніи и умѣньѣ, европейскіе консулы на Востокѣ вообще, а въ Турціи въ особенности, могутъ сдѣлать многое для облегченія тяжелой участи мѣстнаго христіанскаго населенія. Лучшимъ доказательствомъ этому служитъ слѣдующая корреспонденція изъ Шкодры,—сердца Албаніи, — появившаяся въ независимой бѣлградской газетѣ «Гласъ Српства».

«Изъ этого забытаго края, уединеннаго отъ цивилизованнаго міра,— пишетъ корреспондентъ, — не ждите отъ меня извѣстій о какомъ либо національномъ прогрессѣ, о правосудіи турецкихъ властей или о свободѣ, такъ какъ это было бы горькой ироніей; но все же съ тѣхъ поръ, какъ назначенъ русскимъ консуломъ въ Шкодрѣ г. Щ., исключительно-благодаря его мощной защитѣ, мы, шкодрянскіе сербы, не имѣемъ повода жаловаться на мѣстное турецкое правосудіе. Онъ помогаетъ и покровительствуетъ не только намъ православнымъ, но и католикамъ, вслѣдствіе чего здѣшніе фанатики и кровопійцы сильно негодуютъ, говоря: «Проваломъ провались такой судъ, въ которомъ «москов» судитъ». Со времени пріѣзда къ намъ г. Щ., смѣло можно сказать, что мы—полновластные хозяева своего имущества. Русскій консулъ защищаетъ насъ отъ тѣхъ злодѣевъ-дармоѣдовъ, которые раньше привыкли жить на чужой счетъ. Кромѣ того, русскій консулъ помогаетъ матеріально здѣшнимъ бѣднякамъ—безъ различія вѣроисповѣданія. Онъ внесъ крупную сумму въ городскую кассу для бѣдныхъ. Онъ же энергично препятствуетъ переходу православныхъ въ магометанство. По его требованію, уволенъ отъ службы мѣстный полицейскій приставъ, угнетавшій христіанъ. Обязанные своимъ благосостояніемъ русскому консулу, мы приносимъ ему сердечное свое спасибо, какъ великому благотворителю и славянскому патріоту».

Армянская рѣзня, производимая турками, крайне невыгодна для насъ. Армяне изъ-за насилій курдовъ надъ ними бѣгутъ въ наше Закавказье. Но у насъ и своихъ армянъ довольно...

Всеобщій конгрессъ мира въ Глазго рѣшилъ обратиться къ державамъ, подписавшимъ берлинскій трактатъ, съ петиціей объ окончательномъ рѣшеніи армянскаго вопроса. Противъ этого предложенія говорилъ І. Штурге изъ Берлина, указывая на то, что рѣшеніе армянскаго вопроса потребуетъ вооруженнаго вмѣшательства. Армянская делегатка г-жа Гирагосіаре высказалась за нравственное давленіе на Турцію, такъ какъ примѣненіе силы вызвало бы дальнѣйшія избіенія армянъ. Русскій делегатъ, по словамъ телеграммы «Neue Fr. Presse», заявилъ, что *Россія заступится за армянъ*, но не намѣрена вызывать изъ-за армянскаго вопроса европейскую войну.

Въ тройственномъ союзѣ оказалась крупная брешь. Венгерскій министръ-президентъ Сель заявилъ, что если нѣмецкій проэктъ таможенныхъ тарифовъ будетъ принятъ, таможенная война между Австро-Венгріей и Германіей неизбѣжна. Будапештскій корреспондентъ «Berliner Tageblatt» пишетъ по этому вопросу:

«Budapesti Hirlap», въ послѣднемъ нумерѣ, помѣстилъ интервью съ однимъ нѣмецкимъ политикомъ, освѣдомленность котораго въ области политическихъ отношеній,—какъ утверждаетъ газета,—не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. По словамъ этого политическаго дѣятеля, министръ-президентъ Сель, дипломатическимъ путемъ, весьма недвусмысленно заявилъ, что, въ случаѣ принятія Германіей нѣмецкаго таможеннаго тарифа, онъ не въ состояніи будетъ заключить никакого торговаго договора. Противъ германскаго тарифа говорятъ не только экономическіе, но и важные политическіе мотивы... Если Германія закрываетъ намъ свои границы, то и мы должны сдѣлать то же самое противъ Германіи и балканскихъ государствъ, для того чтобы нашимъ аграрнымъ продуктамъ сохранить, по крайней мѣрѣ, австрійскій рынокъ. Балканскія государства иначе попадутъ въ руки Россіи и, благодаря затруднительности транспорта по Дунаю, нѣмецкая промышленность уступитъ всецѣло свое положеніе на Балканскомъ полуостровѣ Англіи и Франціи».

Такимъ образомъ, экономическая политика, направленная на пользу аграріевъ, не только можетъ испортить добрыя отношенія съ Россіей, но и сдѣлать крупную брешь въ тройственномъ союзѣ. Союзъ—союзомъ, а карманъ—карманомъ. У нѣмцевъ слишкомъ ужь велики апетиты!

Денежный кризисъ, разразившійся въ Германіи и вытекающій изъ общихъ экономическихъ осложненій, въ которыхъ она очутилась, не могъ, конечно, не отразиться на Австріи, связанной со своимъ сосѣдомъ цѣлымъ рядомъ весьма существенныхъ торговыхъ и финансовыхъ узъ. Кризисъ прежде всего повліялъ на курсъ австрійскихъ бумагъ. По этому поводу львовскій «Przegląd» сопоставляетъ теперешній курсъ акцій 15-ти наиболѣе выдающихся австро-венгерскихъ частныхъ промышленныхъ и кредитныхъ предпріятій съ прошлогоднимъ ихъ курсомъ, и приходитъ къ заключенію, что владѣльцы этихъ бумагъ потеряли въ теченіе одного года, въ общемъ, не менѣе 450 милліоновъ кронъ. Разница представляется, дѣйствительно, весьма значительною. Такъ напримѣръ, курсъ акцій извѣстнаго кредитнаго учрежденія «Oesterreichische Boden-Credit-Anstalt» понизился за 12 мѣсяцевъ съ 762 на 615 (разница 147 кронъ!!). Далѣе, «Ungarische Credit-Bank» сошли съ 758 на 623 (разница 135 кр.), каменно-угольныя копи, копи въ Брюкѣ съ 996 на 675 (разница 321 кр.), «Пражское желѣзо-промышленное товарищество» съ 2 498 на 1,460 (разница 1,038 кр.) и т. д., и т. д. Разгромъ оказался не только всеобщимъ, что даже акціямъ вѣнскаго «трамвая» не удалось

спастись и онѣ упали съ 447 кронъ до 227 кр., причинивъ такимъ образомъ своимъ владѣльцамъ убытокъ въ 220 кронъ на штуку. «Przegląd» замѣчаетъ вполнѣ основательно, что цифры эти далеко еще не достаточны для точнаго опредѣленія размѣра потерь, по той простой причинѣ, что паденіе акцій началось раньше, чѣмъ годъ тому назадъ. Можно себѣ представить, что происходитъ въ Германіи!

Германія все болѣе и болѣе стремится къ изученію Россіи. Еще недавно русскій языкъ въ Германіи изучали только прусскіе офицеры «на случай войны съ Россіей». Теперь начали изучать русскій языкъ купцы, комисіонеры и даже прусскіе служащіе на желѣзныхъ дорогахъ.

Для обученія желѣзнодорожниковъ русскому языку, осенью этого года открываются спеціальные курсы въ Бромбергѣ и Данцигѣ.

Судя по общему характеру распоряженія, неограниченности пріема на курсы и допускаемымъ при этомъ служебнымъ льготамъ, можно,— по мнѣнію автора сообщенія въ «Русскомъ Инвалидѣ», г. Хотяинцева.— полагать, что имѣется въ виду не только обезпеченіе немногочисленныхъ станцій пограничныхъ съ Россіей агентами, знающими по русски, но и образованіе, сверхъ того, значительнаго резерва агентовъ, достаточно знакомыхъ съ русскимъ языкомъ.

Если мы обратимся къ германскимъ законоположеніемъ, опредѣляющимъ службу желѣзнодорожныхъ агентовъ въ военное время, то увидимъ, что для эксплуатаціи занятыхъ заграничныхъ линій, а равно своихъ линій, лежащихъ въ районѣ военныхъ дѣйствій, образуются особыя военно-желѣзнодорожныя дирекціи, формируемыя изъ предназначенныхъ для этого, уже въ мирное время, желѣзнодорожныхъ агентовъ, обязанныхъ службою въ войскахъ, или же изъявившихъ желаніе на такое назначеніе. Въ составъ названныхъ дирекцій, управленіе которыми возлагается на назначаемыхъ военнымъ вѣдомствомъ штабъ-офицеровъ, могутъ быть въ случаѣ надобности включаемы также и части желѣзнодорожныхъ войскъ.

Въ Гамбургѣ открывается осенью курсъ русскихъ лекцій, въ программу которыхъ войдутъ: русская литература, русская торговля и русская промышленность. Здѣсь, въ этомъ крупномъ портовомъ городѣ, умственные интересы естественно остаются позади меркантильныхъ и промышленныхъ, и для подготовки въ университетъ имѣются только двѣ классическія гимназіи, но зато о популярномъ образованіи здѣсь очень заботятся. Образецъ англійскихъ «University Extension Lectures» нигдѣ не осуществленъ въ такой мѣрѣ, какъ здѣсь. При здѣшнемъ учебномъ вѣдомствѣ существуетъ особая комисія, которая и занимается устройствомъ народныхъ чтеній. Общее число доцентовъ на предстоящій зимній семестръ доходитъ до 107 человѣкъ, а общее число курсовъ до

130. Кромѣ мѣстныхъ ученыхъ, приглашаются профессора и другихъ университетовъ, и почти всѣ науки будутъ излагаться въ популярной формѣ или представляться на практикѣ. Всѣ эти лекціи — даровыя, и устроителямъ пришлось ввести особыя 'входныя карточки, потому что безграничный доступъ слушателей оказался неудобнымъ. Съ приложеніемъ почтовой марки прошеніе о допущеніи на лекцію посылается въ учебное вѣдомство по почтѣ. Отвѣтъ получается немедленно, утвердительный или отрицательный. На выдаваемыхъ карточкахъ отпечатана программа курса, который желаетъ слушать получающій карточку, а также свѣдѣнія о слушателѣ: его общественное положеніе, имя, мѣстожительство и др., что́ даетъ чрезвычайно нагля́дныя статистическія данныя.

Такимъ образомъ, изученіе русскаго языка оказалось вполнѣ возможнымъ для военныхъ, желѣзнодорожныхъ служащихъ, купцовъ и комиссіонеровъ. Не могутъ преодолѣть трудность русскаго языка одни лишь нѣмецкіе ученые! Наша академія наукъ, «входя въ положеніе» германскихъ ученыхъ, не могущихъ одолѣть трудностей русскаго языка, продолжаетъ и до сего времени издавать свои труды на нѣмецкомъ языкѣ... Не пора ли, однако, прекратить этотъ обычай? Если нѣмцамъ нужна наша наука, то имъ не мѣшаетъ изучать и русскій языкъ. Если же это не нужно, то они и на нѣмецкомъ языкѣ не будутъ читать русскихъ научныхъ работъ.

Мы слишкомъ любезны къ нѣмцамъ! Они же, наоборотъ, къ русскимъ и ко всему русскому относятся крайне враждебно. До какой степени доходитъ эта вражда, показываетъ интересный фактъ, сообщаемый въ «Одесскихъ Новостяхъ» студентомъ мюнхенскаго университета.

Въ одно утро, въ «Neueste Nachrichten» было помѣщено письмо въ редакцію какого-то Новикова (нужно замѣтить, что не только такого студента, но даже фамиліи такой во всемъ Мюнхенѣ не оказалось). Это письмо—квинтъ-эссенція грубости и наглости. Въ нѣсколькихъ строчкахъ авторъ умудрился нагрубить профессорамъ, выругать студентовъ и лягнуть редактора. Это письмо написано было кратко, сжато и притомъ такимъ прекраснымъ нѣмецкимъ языкомъ, что было ясно, что авторъ этого письма—нѣмецъ, который задумалъ эту мистификацію съ агитаціонной цѣлью. И этой цѣли ему удалось достигнуть.

Но раньше передадимъ содержаніе этого письма. «Какой культурностью обладаютъ иностранцы, — говоритъ онъ, — можно видѣть изъ того, что они пріѣзжаютъ изъ-за тридевяти земель, чтобы слушать лекціи ограниченныхъ профессоровъ на ихъ вульгарномъ нарѣчіи и быть товарищами нѣмецкихъ студентовъ, которые только по ошибкѣ родились въ образѣ людей, а не скотовъ» (nur aus Gottes Versehen zu Menschen gewordene Rindvieh). Письмо заканчивается слѣдующей фразой, обращен-

ной къ редактору: «Если вы обладаете достаточнымъ мужествомъ, то напечатайте это письмо»!

Трудно передать то возбужденіе, которое царило въ политехникумѣ. Въ каждой залѣ возлѣ расклеенной вырѣзки съ письмомъ Новикова собиралась куча нѣмцевъ и страшно возмущалась. Особенно неистовствовали корпоранты. Были минуты, когда можно было подумать, что дѣло кончится скверно и нѣмцы выгонятъ всѣхъ иностранцевъ изъ аудиторій.

По произведенному разслѣдованію оказалось, однако, что никакого русскаго студента подъ фамиліей Новикова не проживаетъ въ Мюнхенѣ. Авторъ письма, очевидно, нѣмецъ...

А вѣдь какъ у насъ-то благоденствуютъ нѣмцы!..

НОВЫЯ КНИГИ.

Митрополитъ Антоній. Рѣчи, слова и поученія. Изданіе второе. Спб. 1901 г.

Названная книга митрополита Антонія проникнута одною общею идеею,—горячею любовью къ Богу и ближнимъ. По какому бы поводу ни говорилъ высокоуважаемый нашъ архипастырь, его рѣчь всегда проникнута этими христіанскими чувствами. Его проповѣди дышатъ искренностью тона и неподдѣльностью чувства; въ нихъ нѣтъ той «елейности», которая не чужда многимъ нашимъ церковнымъ проповѣдникамъ. Въ нихъ видны также скромность и отсутствіе высокомѣрія. Съ одинаковою любовью почтенный пастырь говоритъ и предъ сильными міра сего, и предъ малыми—учениками городскихъ школъ. Особенною задушевностью и теплотою чувства отличаются рѣчи, которыя онъ произноситъ предъ постриженіемъ въ монашество молодыхъ людей. Нашъ архипастырь съ отеческою любовью дѣлаетъ имъ наставленіе, какъ слѣдуетъ жить, чтобы угодить Богу. «Если хочешь быть добрымъ инокомъ, — говоритъ онъ имъ, — въ молитвахъ будь не лѣнивъ и послушливъ будь ко всѣмъ». Молитва составляетъ необходимое условіе на пути къ нравственному усовершенствованію для всякаго христіанина. «Ею побѣждаются,—учитъ архипастырь, — наши грѣховныя движенія, ею мы одухотворяемся, ею укрѣпляемся въ добрѣ, ею Бога и миръ Божій привлекаемъ въ свою душу, ею созидаемъ радость и веселіе о Господѣ для нашего сердца. Для монаха же молитва должна составлять существенную, основную стихію, съ которою и въ которой должны совершаться всѣ его подвиги».

«Рѣчь при поминовеніи А. С. Пушкина въ день столѣтній со дня его рожденія»,—сказанная митрополитомъ Антоніемъ въ Казанскомъ соборѣ

26 мая 1899 г.,—проникнута глубокимъ уваженіемъ къ памяти великаго писателя и христіанскимъ снисхожденіемъ къ житейскимъ слабостямъ умершаго.

«Жизнь его (А. С.),—говоритъ митрополитъ,—была мятежная и тревожная; кончина—трагическая, и самое имя его было и есть пререкаемое. При жизни, его или любили, или ненавидѣли, и по смерти его видимъ то же. Теперь мы всѣ его превозносимъ, какъ геніальнаго писателя, но *недавно еще его низводили до ничтожества*. И если его значеніе, какъ литературнаго генія, повидимому, упрочилось навсегда, то личность его, какъ христіанина и какъ сына православной церкви, и доселѣ составляетъ предметъ пререканій. Присущая всѣмъ намъ двойственность нашей природы, *сочетаніе въ насъ началъ чувственнаго и духовнаго, грѣшнаго и святаго, земнаго и небеснаго*, въ почившемъ поэтѣ сказалось со всею рѣзкостью. Его эпикуреизмъ былъ крайній, его вольномысліе граничило иногда съ кощунствомъ; его пренебреженіе жизнью, какъ даромъ Божіимъ, часто не знало предѣловъ. Но несомнѣнно, что подъ этою бурною поверхностью *въ глубинѣ его души таились начала святыя, истинно-человѣческія, христіанскія. Въ зрѣлые годы онъ былъ человѣкомъ религіознымъ*. Поэтому, въ отношеніи къ нему самому, находятъ справедливымъ примѣнять его собственныя слова, сказанныя имъ о Байронѣ: «*вѣра внутренняя перевѣшивала въ немъ скептицизмъ*, выказанный имъ мѣстами въ своихъ твореніяхъ. Быть можетъ, даже скептицизмъ сей былъ только *временнымъ своенравіемъ ума*, иногда идущаго вопреки убѣжденію внутреннему, вѣрѣ душевной».

«Правда, грѣхи его были тяжки и, какъ таковые, вызывали на осужденіе. Но кто же скажетъ, что онъ былъ грѣшнѣе другихъ, *грѣшнѣе окружающаго его общества?* Нельзя забывать при этомъ, что грѣхи его были, главнымъ образомъ, *грѣхами его юности*. Но чья же юность бываетъ свободна отъ нихъ?.. Всякій человѣкъ грѣшенъ и безгрѣшнаго человѣка въ смертныхъ нѣтъ, кромѣ единаго безгрѣшнаго человѣка—Христа Іисуса... Поэтому и *мы должны съ любовью искать въ грѣшномъ человѣкѣ не грѣховъ, безъ которыхъ онъ не бываетъ, а святаго сѣмени добра*, таящагося въ немъ подъ грѣховною оболочкою».

Такъ разсуждаетъ о великомъ нашемъ поэтѣ митрополитъ Антоній. Эти его разсужденія, проникнутыя глубокимъ христіанскимъ снисхожденіемъ къ слабостямъ и грѣхамъ ближняго, должны служить путеводною звѣздою для всѣхъ насъ въ отношеніяхъ къ нашимъ ближнимъ.

Даже къ смерти А. С. Пушкина, — которая была слѣдствіемъ поединка,—митрополитъ Антоній относится съ снисхожденіемъ. «Да,—говоритъ онъ,—поединокъ—актъ безумный, актъ безусловно антихристіанскій. Но справедливо ли вину за это *возлагать на одного пострадавшаго?*

Это—грѣхъ не отдѣльнаго лица, а *грѣхъ цѣлаго общества*, не вырѣшаго еще въ полноту жизни христіанской».

Рѣчи, слова и поученія митрополита Антонія заслуживаютъ глубокаго вниманія и сочувствія. Читатели, въ которыхъ еще теплится священный огонекъ, найдутъ въ нихъ не только много высоко-поучительнаго, но и полезнаго для своей духовно-нравственной жизни и дѣятельности. Внутренній смыслъ христіанства, во всей его нравственной святости и чистотѣ, не только не изжитъ человѣчествомъ,—какъ стараются насъ увѣрить поверхностные мыслители,—но даже и не исчерпанъ во всей его глубинѣ.

Алексѣй Плетневъ. На чужбинѣ и дома. Повѣсти, разсказы, типы и картины парижской жизни, статьи, письма издалека. Спб. 1901 г.

Имя автора извѣстно уже читателямъ нашего журнала. Съ большимъ удовольствіемъ мы прочитали и вышеназванную книгу г. Плетнева. Эта книга, не смотря на свое разнообразіе, проникнута одною общею идеею, одною общею тенденціею отъ начала до конца, а именно: національнизмомъ и идеализмомъ.

Въ повѣсти «Бездомовье» авторъ вывелъ два типа—Невинъ и Кремневъ,—являющіеся представителями двухъ направленій: западническаго и русскаго. Конечно, это старый вопросъ, и до г. Плетнева было написано много по этому спорному вопросу. Но этотъ старый вопросъ,—«давнишній старый споръ»,—далеко еще не сданъ въ архивъ. Онъ все еще живъ и, къ сожалѣнію, рѣшается часто не въ пользу русскаго національнаго направленія. Космополитизмъ въ нашемъ образованномъ обществѣ все глубже и глубже пускаетъ корни. «Этотъ нашъ космополитизмъ,—говоритъ авторъ въ другомъ мѣстѣ,—совершенно особаго рода, который состоитъ не только въ любви ко всему иностранному, но *и въ пренебреженіи, и даже ненависти, ко всему родному*». Каждый изъ насъ, кое-чему поучившись, начинаетъ уже презирать свою родину и съ вожделѣніемъ смотрѣть на западъ. «Я всегда говорю, — замѣчаетъ Анна Ѳедоровна (въ «Бездомовьѣ»),— что русскіе—именно дѣти по своему характеру, и всегда требовали и будутъ требовать посторонняго руководства. Вся наша исторія это доказываетъ. Теперь пошла мода на все русское: на русскую самостоятельность, русскую національность».

Задача національнизма,—какъ опредѣляетъ ее Кремневъ, герой повѣсти «Бездомовье», — состоитъ въ томъ, чтобы «русскій народъ не находился подъ вѣчной опекой другихъ народностей, потому что въ этой опекѣ онъ обезличивается и обезсиливается,—словомъ, теряетъ свой истинный характеръ».

Но, къ сожалѣнію, идея національнизма находится еще въ колыбели. «Поэтому необходимо защищать эту идею,—говоритъ г. Плетневъ устами Невина,—поставить ее хотя бы подъ покровительство секты,—кучки

славянофиловъ,—если все образованное общество не записалось еще въ число ея приверженцевъ.

«Прежде всего, конечно, нужно обратить вниманіе на воспитаніе. Будущность Россіи—въ ея дѣтяхъ. Въ Англіи меня поразила эта сторона общественной жизни. Я даже не говорю о высшихъ классахъ. Но возьмите прямо какого нибудь уличнаго мальчугана. Въ немъ такъ-таки и проглядываютъ всѣ качества, а, пожалуй, всѣ недостатки англичанина: прямота, гордость, самостоятельность и непоколебимо-высокое мнѣніе о своей національности. А вмѣстѣ съ тѣмъ нѣтъ болѣе космополитическаго народа, чѣмъ англичане. Но англичанинъ и на краю свѣта остается самимъ собой. Переселись онъ на сѣверный полюсъ, онъ и тамъ выстроитъ свою кирку и первымъ дѣломъ очиститъ мѣсто для игры въ крикетъ или въ лонъ-теннисъ»...

Г. Плетневъ въ статьѣ «Нашъ космополитизмъ» проводитъ параллель между русскимъ и заграничнымъ космополитизмомъ. «У насъ принято думать, — говоритъ онъ, — что Парижъ, напримѣръ, представляетъ собой какую-то космополитическую столицу, какой-то всеязычный Вавилонъ, потерявшій свою личную физіономію среди представителей всѣхъ націй свѣта... Но характерная черта западной цивилизаціи, — что весь этотъ, такъ сказать, чужестранный налетъ ничуть не вліяетъ на національную обособленность и осаждается на ней развѣ какъ легкая пыль на чистомъ хрусталѣ. Напротивъ, амбиція всякаго культурнаго человѣка запада состоитъ именно въ томъ, чтобы выдѣлиться отъ другихъ характерными чертами своей національности. *Это ничуть не мѣшаетъ ему быть сторонникомъ гуманныхъ идеаловъ*, ратовать за общій миръ и за братство народовъ. Но онъ все такъ носитъ въ самомъ себѣ свой маленькій идеалъ, заключающійся въ поклоненіи своей странѣ и своему народу, предпочтительно предъ другими. И онъ совершенно правъ. *Раньше чѣмъ сдѣлаться всечеловѣкомъ, нужно умѣть быть человѣкомъ*, раньше чѣмъ полюбить всѣ націи, *нужно умѣть любить свою*... Любовь къ родинѣ есть первая ступень для любви ко всему человѣчеству».

Къ сожалѣнію, размѣры библіографической замѣтки не даютъ намъ возможности подробнѣе остановиться на интересной книгѣ г. Плетнева.

Николай Череповъ. Гдѣ выходъ? Съ предисловіемъ С. Шарапова. Изданіе 2-е. Харьковъ.

Въ нашей цивилизаціи есть какой-то грубый изъянъ, какая-то внутренняя неправда, допускающая не только крайнія и уродливыя имущественныя неравности, но ставящая человѣка ниже самыхъ дикихъ естественныхъ условій, при которыхъ существуютъ и размножаются животныя. Положеніе человѣка теперь хуже, чѣмъ положеніе любаго изъ звѣрей... Тотъ вполнѣ вооруженъ, по своему, для борьбы съ природой

Нѣсколько очерковъ посвящено торговлѣ и тамошнимъ купцамъ. Экономическое положеніе страны незавидно. Господами ея являются всевозможные пришельцы: — нѣмцы, англичане, японцы, китайцы и пр., но только *не* русскіе.

«Экономическое положеніе уссурійца незавидно, — говоритъ г. Муровъ. — По своей винѣ онъ бѣденъ, или по винѣ другихъ — разбирать не стану. Скажу только слѣдующее: еслибы казачья администрація пожелала, то уссурійскіе казаки давнымъ-давно пользовались бы завиднымъ благосостояніемъ... На всей 800-верстной полосѣ, населенной уссурійскими казаками, 4—5 школъ. *Кромѣ этихъ 4—5 школъ, во всемъ казачествѣ нѣтъ никакихъ образовательныхъ учрежденій*: ни читаленъ, ни библіотекъ; точно также нѣтъ ни бесѣдъ, ни лекцій (!) Поэтому нисколько неудивительно, что степень умственнаго развитія уссурійскаго казака самая низкая. Въ этомъ отношеніи онъ недалеко ушелъ отъ дикаря-бурята».

Задачи наши на Дальнемъ Востокѣ, какъ экономическія, такъ и политическія, слишкомъ важны и значительны, такъ что едва ли можно думать, что уссурійскій казакъ съумѣетъ отстоять ихъ не только предъ нѣмцемъ, англичаниномъ и американцемъ, но даже китайцемъ и японцемъ. Послѣдніе, вѣдь, всѣ безъ исключенія грамотны.

Лохвицкое уѣздное земство. Доклады управы и журналы собранія XXXVI очереднаго созыва 1900 года. Лохвица, 1901 г.

Народное образованіе, народное здоровье и народное питаніе — вотъ три фактора, составляющіе принципъ и сущность дѣятельности нашихъ земствъ.

Что же дѣлаетъ лохвицкое земство?

А вотъ что: изъ 201,681 р. 87 к. оно расходуетъ на народное образованіе 39,578 р. 37 к., на медицинскую часть въ уѣздѣ 43,845 р., на ветеринарную часть 820 р., на расходы по содѣйствію экономическому благосостоянію населенія 14,382 р. 59 к. Это главные, самые существенные и самые необходимые расходы.

Нѣкоторыя изъ этихъ цифръ прямо любопытны: 820 р. на ветеринарную часть въ уѣздѣ. Нечего сказать, — разорились отцы уѣзда! 43,845 р. на медицинскую часть. Эта цифра болѣе чѣмъ скромная. Но зато и хороши медицинскія учрежденія въ этомъ уѣздѣ...

«Лукскій пріемный покой, — говоритъ въ своемъ докладѣ врачъ 5 участка, — помѣщается въ общественномъ домѣ, въ которомъ раньше былъ трактиръ. Это ветхая камышевая постройка съ прогнившими и покосившимися стѣнами, — выходящая фасадомъ на базарную площадь и двумя сторонами на улицу,—раздѣлена на двѣ половины. Въ одной— квартира фельдшера съ кухней; а въ другой—аптека (она же ожидальня) и за перегородкой кабинетъ врача, представляющій собой комнату въ

3 шага ширины, 7 длины и приблизительно въ 3½ арш. вышины; въ немъ одно окно (выходящее прямо на улицу) и трое дверей: въ аптеку, кухню и наружныя сѣни. Если принять во вниманіе, что въ кабинетѣ стоитъ столъ, деревянная лавочка, рукомойникъ, 2 стула и, кромѣ того, аршина 2 занимаетъ печь,—то оказывается, что свободнаго мѣста остается очень немного. Полное отсутствіе вентиляціи, сырость (наружная стѣна все время буквально мокрая), тяжелый спертый воздухъ, темнота, близость кухни и навозныхъ кучъ во дворѣ — вотъ та сумма неудобствъ, которыя испытываютъ больные, врачъ и фельдшеръ во время каждаго пріема, когда бываетъ человѣкъ 40 — 50, а часто и больше» (стр. 265—266).

Долготерпѣливъ Богъ земли русской. Но и этимъ долготерпѣніемъ нельзя же злоупотреблять...

II.

Еврейская каморра.

(Месть кагала).

Процессъ наемнаго убійцы-еврея и его сообщника.

15 и 16 мая этого года, въ г. Ольгополѣ, подольской губ., выѣздной сессіей каменецъ-подольскаго окружнаго суда разбиралось дѣло съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей о покушеніи на жизнь землевладѣльца м. Калиновки винницкаго уѣзда, г. Валькова. Обвинялись: запасный рядовой, еврей Бланкъ 29 л. въ покушеніи на убійство, и еврей Эйдлеръ 50 л. въ подстрекательствѣ и подкупѣ Бланка на убійство Валькова. Въ виду того, что преступленіе это носитъ характеръ еврейской кагальной мести и является выдающимся среди уголовныхъ дѣлъ, какъ по своимъ мотивамъ, такъ и по обстановкѣ и подробностямъ, мы и считаемъ нужнымъ описать его подробно, строго придерживаясь рамокъ судебнаго матеріала.

Судъ сдѣлалъ свое дѣло, преступники понесутъ заслуженную кару; дѣло сдается въ архивъ на съѣденіе мышей и вся замѣчательная калиновская исторія канетъ въ Лету [1])...

Но, будучи интереснымъ вообще, дѣло это должно получить возможно широкую огласку въ виду замалчиванія его еврейскими газетами. Жиды «скоропанденты» Юго-западнаго края *замолчали* этотъ сенсаціонный процессъ изъ понятныхъ всѣмъ побужденій, а маленькія замѣтки о калиновскомъ дѣлѣ, напечатанныя въ «Одесскихъ *Новостяхъ*» и «Одесскомъ *Листкѣ*», совсѣмъ не даютъ никакого понятія о гнусныхъ вопіющихъ продѣлкахъ еврейскаго кагала, которыя создали этотъ процессъ.

Еврей въ роли подкупленнаго убійцы, еврей на амплуа итальянскаго «брави»—*явленіе совсѣмъ небывалое и неслыханное за всю длинную исторію этого народа.* Еврей для уничтоженія своего врага или конкурента никогда не прибѣгаетъ къ такимъ уголовнымъ средствамъ, какъ револьверъ или кинжалъ. Это «осторожное» племя предпочитаетъ уничтожать и обезсиливать своихъ враговъ *экономическими путями*, постепенно доводя свои жертвы до полнаго краха, послѣ котораго еврею рѣшительно все равно: будетъ жить его недругъ-соперникъ, или, доведенный до отчаянія, самъ пуститъ себѣ пулю въ лобъ? Евреи въ житейской борьбѣ предпочитаютъ хитрость, обманъ и подкупъ—револьверу и ножу. Деньги — сила могучая, страшный рычагъ, которымъ можно въ

[1]) Подобнаго рода жидовскіе процессы не вызываютъ нашу печать ни на какія серьезныя размышленія. Они даже не предаются оглашенію въ большинствѣ якобы-русскихъ газетъ. *Ред.*

наши счастливые дни все повернуть, кромѣ земнаго шара... Впрочемъ, дайте только еврею точку опоры, онъ и міръ перевернетъ золотымъ рычагомъ.

Евреи, поклонявшіеся еще съ библейскихъ временъ «Золотому тельцу», прекрасно это знаютъ и на револьверные разсчеты смотрятъ, какъ на вовсе не умный выходъ изъ затруднительнаго положенія. До сихъ поръ мы знали жидовъ-спеціалистовъ по всевозможнымъ родамъ и видамъ преступленій, среди которыхъ убійство изъ мести или съ романическимъ оттѣнкомъ составляло чрезвычайную рѣдкость. Судебно-криминальная статистика даетъ огромный процентъ евреевъ-воровъ, мошенниковъ, ростовщиковъ, преступниковъ противъ нравственности (торговля женскимъ тѣломъ), шантажистовъ, фальшивыхъ монетчиковъ и т. п., и крайне ничтожный процентъ убійцъ. Убійство — средство борьбы опасное и евреи его не любятъ, конечно, не изъ гуманности, которую они иногда любятъ на себя напускать, а по чисто практическимъ соображеніямъ. Однако, время отъ времени, на свѣтъ выплываютъ ужасныя преступленія—убійства, совершонныя евреями и доказывающія ихъ удивительную національную сплоченность, солидарность этихъ *всесвѣтныхъ паразитовъ*, у которыхъ ничего не осталось въ душѣ, кромѣ страсти къ деньгамъ, упорнаго косненія въ религіи, до-нельзя изуродованной безнравственнымъ талмудомъ. Эта-то талмудическо-религіозная основа, въ связи съ алчностью избраннаго народа къ золоту, и служитъ *объединяющимъ началомъ* для всѣхъ жидовъ, удивительно поддерживая ихъ духъ въ жизненной борьбѣ и даже толкая на убійство...

Сенсаціонныя преступленія, въ которыхъ роль убійцъ играютъ евреи, столь рѣдки и мотивы самыхъ преступленій столь интересны, что каждый такой процессъ представляетъ массу цѣннаго матерьяла и для психолога, и для криминалиста-судьи, и для журналиста, ведущаго бесѣды съ читателемъ. Если французская юстиція для случаевъ, когда не ясенъ мотивъ преступленія, создала фразу: «chercher la femme», то въ большинствѣ еврейскихъ—большихъ и малыхъ— преступленій нужно искать только одинъ мотивъ—деньги. Это неоспоримо. Патологическая жадность къ деньгамъ толкаетъ жида на всякія преступленія, а въ исключительныхъ случаяхъ даже на убійства. За деньги Іуда продалъ своего Божественнаго Учителя, за деньги же хотѣлъ предать свою родину и пресловутый Дрейфусъ, возведенный въ мученики «Новоштями» реббе Нотовича...

Выдающееся по своимъ мотивамъ и обстановкѣ, кагальное еврейское преступленіе, въ которомъ въ роли не простаго убійцы, а наемнаго брави явился молодой еврей, случилось въ такъ называемой «чертѣ осѣдлости», въ м. Калиновкѣ, винницкаго уѣзда, подольской губерніи. Это неслыханное, по своей безчеловѣчности и гнусности, преступленіе, вслѣдствіе какой-то странной иронія судьбы, было совершено въ какихъ нибудь 20 верстахъ

отъ г. Винницы, — въ мѣстности, гдѣ долго жилъ одинъ изъ гуманнѣйшихъ людей минувшаго вѣка, являвшій собою примѣръ христіанской любви къ ближнему и сѣявшій вокругъ себя добро, свѣтъ, любовь и правду. Человѣкъ этотъ—знаменитый ученый Н. И. Пироговъ, свѣтлая личность котораго, къ сожалѣнію, была безсильна повліять смягчающимъ образомъ на кагально-талмудическія воззрѣнія евреевъ...

Дѣло о покушеніи на жизнь землевладѣльца Валькова первоначально разбиралось въ г. Винницѣ, но засѣданія суда были прекращены *изъ опасенія еврейскихъ демонстрацій* [1]). Это громкое дѣло, разбиравшееся въ городѣ, гдѣ девять-десятыхъ населенія состоитъ изъ жидовъ, привлекло особенное вниманіе послѣднихъ. *Никакія полицейскія мѣры не могли остановить притока къ зданію суда огромныхъ волнъ еврейскаго «народа»*, шумящаго и галдящаго вокругъ суда. Засѣданія суда не разъ были прерываемы шумомъ и демонстративными выходками собравшейся вокругъ зданія суда жидовской толпы. Эта сплоченная еврейская масса, среди которой было большинство калиновскихъ обывателей-кагальниковъ, единомышленниковъ евреевъ Бланка и Эйдлера, вела себя буйно, открыто враждебно суду, волнуясь, крича и громко выражая свои взгляды на разбиравшееся за стѣною дѣло. Видя, что никакія полицейскія мѣры не могутъ прекратить еврейскихъ покушеній въ случаѣ обвинительнаго приговора, въ родѣ форменнаго скандала и katzen-концерта юстиціи,—предсѣдатель суда вынужденъ былъ прекратить засѣданіе и перенести разбирательство дѣла въ другой городъ, подальше отъ того мѣста, гдѣ случилось преступленіе и гдѣ кагальные интересы населенія могли дать въ результатѣ что нибудь похуже кошачьяго концерта и вызвать даже анти-еврейскіе безпорядки, съ неизбѣжнымъ появленіемъ войскъ!!.

Вторичное разбирательство этого дѣла происходило въ г. Ольгополѣ, подольской же губерніи, 15 и 16 мая настоящаго года. И здѣсь, какъ и въ Винницѣ, можно было ожидать еврейскихъ демонстрацій, предотвращенныхъ только предусмотрительностью исправника. Публика допускалась въ судъ только по билетамъ. Зала суда была переполнена представителями мѣстной русской и польской интеллигенціи. Процессъ этотъ вызвалъ къ себѣ не меньшее вниманіе и здѣсь, не смотря на то, что жители г. Ольгополя ничего не имѣютъ общаго съ калиновскими.

---

[1]) «Еврейскія демонстраціи» составляютъ уже столь внушительную силу не только въ провинціи, но и въ столицѣ, что «Контробандистовъ», напр., до сихъ поръ не даютъ на московскихъ сценахъ, да и въ Петербургѣ, послѣ того какъ истребленъ огнемъ Малый театръ, эта пьеса подверглась окончательному запрету... Вѣдь не госпожа Яворская,—демонстративно отказавшаяся исполнять роль Сарры въ театрѣ г. Суворина,—поставитъ ее въ своемъ собственномъ театрѣ! *Ред.*

Въ чемъ же заключалось это дѣло, такъ заинтересовавшее всѣ слои населенія двухъ разныхъ уѣздовъ?

Въ 1871 г. купецъ Л. Вальковъ пріобрѣлъ у помѣщика И. Собѣщанскаго мѣстечко Калиновку, винницкаго уѣзда подольской губ., и съ момента утвержденія купчей и ввода во владѣніе, велъ гражданскіе процессы съ евреями,— жителями этого мѣстечка. Эти процессы велись около 27 лѣтъ и заключались въ томъ, что евреи желали, чтобы ихъ признавали не арендаторами, живущими на чужой землѣ, а чиншевиками, т. е. *вѣчными владѣльцами* занимаемой ими помѣщичьей земли, обязанными лишь платить ничтожный чиншъ владѣльцу мѣстечка.

Повѣренными калиновскихъ евреевъ были жители м. Калиновки, евреи Калихманъ и Эйдлеръ. Въ концѣ 1897 года сенатъ призналъ калиновскихъ евреевъ арендаторами Валькова, а не чиншевиками, и тогда же Вальковъ сталъ предъявлять въ окружный судъ иски о выселеніи изъ всецѣло принадлежащаго ему мѣстечка нѣкоторыхъ жидовъ, успѣвшихъ за это долгое время насолить ему,—въ томъ числѣ евреевъ Эйдлера и Калихмана.

Вслѣдствіе принятыхъ Валькомъ рѣшительныхъ мѣръ къ выселенію, озлобленіе евреевъ возрастало съ каждымъ днемъ. Все калиновское общество могло очутиться въ положеніи Калихмана, Эйдлера и другихъ, къ которымъ былъ предъявленъ искъ о выселеніи. Сегодня Вальковъ выселилъ Эйдлера, завтра — Калихмана, черезъ мѣсяцъ Розенштейна, черезъ годъ Мовергоза и т. д. И ничего противъ этого нельзя сдѣлать: — его право удостовѣрено рѣшеніемъ сената. Положеніе евреевъ, какъ помѣщичьихъ арендаторовъ, было совсѣмъ непрочное: всѣ они очутились въ полной зависимости отъ Валькова.

Долгая и упорная, почти «тридцатилѣтняя война» озлобила обѣ стороны,—а евреевъ, какъ проигравшихъ кампанію, конечно, больше, чѣмъ выигравшаго ее Валькова. Что было дѣлать евреямъ? Какъ избавиться имъ отъ ненавистнаго помѣщика? По жидовскому талмуду, въ такихъ случаяхъ всѣ средства хороши и потому калиновскіе евреи остановились на самомъ вѣрномъ и лучшемъ — на убійствѣ Валькова. Что это было самое подходящее рѣшеніе изъ всѣхъ, которыя зарождались по этому поводу въ «талантливыхъ» еврейскихъ головахъ, можно заключить изъ слѣдующаго. «Если Вальковъ будетъ живъ, — разсуждали калиновскіе евреи,—то онъ постепенно всѣхъ насъ повыселитъ изъ мѣстечка; если же умретъ, то насъ уже никто не потревожитъ и не выселитъ изъ мѣстечка, потому что Вальковъ одинокъ, бездѣтенъ, и не имѣетъ никакихъ наслѣдниковъ». Имѣніе же его перейдетъ въ казну, а они, калиновскіе евреи, будутъ жить въ мѣстечкѣ на старыхъ правахъ чиншевиковъ.

Просто и ясно.

Однако, Вальковъ, хотя и былъ человѣкъ преклоннаго возраста,

но обладалъ хорошимъ здоровьемъ, твердымъ характеромъ, и умирать для удовольствія жидовъ еще не собирался... Ждать же его естественной смерти калиновскимъ евреямъ было не на руку и они рѣшили съ нимъ «покончить»... Aussitot dit, aussitot fait.

Свидѣтельскими показаніями положительно установлено, что еще въ 1898 г., выселяемый Вальковымъ изъ мѣстечка, еврей Калихманъ *подговаривалъ крестьянина Жабокрика убить Валькова*, за что обѣщалъ ему 1000 р., но крестьянинъ этотъ не соблазнился іудиными сребрениками и не сдѣлался гнуснымъ убійцей.

Такимъ образомъ, убійство Валькова въ 1898 г. не удалось за ненахожденіемъ подходящаго негодяя. Прошло два года. Озлобленіе евреевъ къ Валькову возросло до послѣдней степени. Они теперь уже прямо не выносили его и искали его смерти. А Вальковъ, совсѣмъ не подозрѣвая, что надъ его головой витаетъ уже «смертный приговоръ» кагала, продолжалъ жить въ сосѣдствѣ со своими злѣйшими врагами и не давалъ имъ потачки.

Долго думали и соображали калиновскіе талмудисты, что имъ предпринять для совершеннаго уничтоженія Валькова, и, наконецъ, выбрали изъ своей среды вліятельнаго въ кагалѣ еврея Эйдлера, которому и поручили съѣздить въ Одессу — пріискать и нанять убійцу, для каковой цѣли было собрано кагаломъ 600 рублей. Браться за это дѣло калиновскому еврею было опасно. Вальковъ зналъ всѣхъ мѣстныхъ евреевъ въ лицо и въ случаѣ неудачи покушенія могъ уличить своего убійцу. Поэтому-то калиновцы рѣшили пригласить «гастролера»-убійцу изъ Одессы. Во всемъ этомъ виденъ очень тонкій разсчетъ, предусмотрительность и осторожность жидовъ...

Эйдлеръ, имѣвшій личные счеты съ Вальковымъ, охотно согласился исполнить возложенную на него «національнымъ правительствомъ» миссію. Но прежде, чѣмъ отправиться въ Одессу, Эйдлеръ, какъ лиса, заметающая хвостомъ свой слѣдъ, отправился сначала въ Кишиневъ для покупки вина. 3 февраля 1900 г. комисіонеръ, отправляя вино на станцію ю. з. ж. д. Калиновку, взялъ и билетъ для Эйдлера до ст. Калиновки. Билетъ свой Эйдлеръ поручилъ купить комисіонеру не спроста. У него, благодаря этому маневру, былъ свидѣтель того, что изъ Кишинева онъ отправился въ Калиновку, а не куда нибудь въ другое мѣсто. Здѣсь видно, какъ осторожно и строго обдуманно исполнялъ Эйдлеръ порученіе кагала. Въ случаѣ неудачи покушенія на убійство Валькова, подозрѣніе естественно пало бы на него, какъ на участника преступленія, такъ какъ онъ былъ въ числѣ выселяемыхъ Вальковымъ изъ Калиновки. Наконецъ, его могли заподозрить въ поѣздкѣ въ Одессу съ вышесказанной цѣлью. Но подозрѣнія эти, особенно послѣднее, были бы разбиты показаніемъ кишиневскаго комисіонера, покупавшаго ему билетъ *не въ Одессу*, а на

ст. Калиновку. Такимъ способомъ онъ спряталъ бы концы въ воду. О! Эйдлеръ былъ «вумный» жидъ...

Выѣхавъ 3 февраля изъ Кишинева, Эйдлеръ, вѣроятно, на ст. Раздѣльной, купилъ себѣ новый билетъ до Одессы, старый, конечно, уничтожилъ, и 4 февраля прибылъ въ Одессу.

Нанять убійцу было не такъ трудно. Въ Одессѣ, на Прохоровской улицѣ, былъ воровской притонъ, скрывавшійся подъ маской «домашнихъ обѣдовъ». Здѣсь, по просту говоря, было мѣсто свиданія для всякаго отребья рода человѣческаго; это былъ пунктъ сборища бывшихъ и будущихъ кліентовъ тюремъ и арестантскихъ ротъ. Въ этой квартирѣ извѣстнаго одесской полиціи вора Бланка (запаснаго рядоваго, 29 лѣтъ) собиралась цѣлая стая славныхъ дѣльцовъ темной индустріи для взаимныхъ совѣщаній. Не въ домашнихъ обѣдахъ было тамъ дѣло и они служили лишь прикрытіемъ для *истинной* профессіи Бланка. Честный человѣкъ не пошелъ бы пробовать домашніе обѣды Бланка; посѣтителями его кухмистерской являлись исключительно люди съ уголовнымъ оттѣнкомъ: рецидивисты-воры, «громилы», продавцы фальшивыхъ паспортовъ и ассигнацій, всевозможные maestro del carmano, словомъ, весь тотъ людъ, который не сѣетъ, не жнетъ и въ житницы не собираетъ; но живетъ «во всю» и наслаждается всѣми, доступными ему, благами жизни, пока въ концѣ концовъ не попадетъ на скамью подсудимыхъ. Вотъ сюда-то, въ это бюро уголовныхъ преступниковъ, и обратился Эйдлеръ, и немедленно поладилъ съ одесскимъ брави, двадцатидевятилѣтнимъ жидомъ Бланкомъ, *запаснымъ рядовымъ*, что̀ служило извѣстной гарантіей его умѣнья обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ...

5 февраля къ начальнику одесскаго сыскнаго отдѣленія Чебанову явился еврей Шифъ, услугами котораго, какъ агента, пользовалось означенное отдѣленіе. Шифъ заявилъ Чебанову, что 5 февраля къ его сожительницѣ, еврейкѣ Ицковичъ, явились извѣстные воры Бланкъ и Варшавскій и какой-то незнакомый ему еврей средняго возраста, брюнетъ, имѣвшій бороду съ просѣдью. Означенныя лица пили у Ицковичъ водку. Бланкъ и неизвѣстный были одѣты по дорожному. Варшавскій остался въ Одессѣ, а Бланкъ и неизвѣстный поѣхали на вокзалъ. Послѣ ихъ отъѣзда, Ицковичъ пила съ нимъ и съ Шифомъ водку и во время интимныхъ изліяній сказала ему, что Бланкъ и неизвѣстный выѣхали изъ Одессы въ г. Ананьевъ (послѣ оказалось, что Ицковичъ ошиблась) съ цѣлью *убить* какого-то помѣщика, живущаго въ трехъ верстахъ отъ вокзала и ежедневно ѣздящаго туда. Далѣе Ицковичъ сказала Шифу, что неизвѣстный еврей пріѣхалъ въ Одессу со спеціальной цѣлью — нанять Бланка на это убійство и что для убійцы собрано 600 р., часть которыхъ—сто рублей—Бланкъ получилъ въ задатокъ, а остальныя деньги

находятся у какого-то раввина [1]) и Бланкъ получитъ ихъ тогда, когда убьетъ помѣщика, т. е. исполнитъ «смертный приговоръ» кагальнаго судилища.

Узнавъ о готовящемся преступленіи, г. Чебановъ телеграфировалъ ананьевскому исправнику. Черезъ нѣсколько дней Чебановъ узналъ, что покушеніе на убійство помѣщика, дѣйствительно, было произведено 8 февраля, но не въ ананьевскомъ уѣздѣ, а въ винницкомъ, возлѣ м. Калиновки. Тогда г. Чебановъ распорядился отправить Шифа въ м. Калиновку, гдѣ послѣдній, когда ему было предъявлено больше двадцати евреевъ средняго возраста, имѣвшихъ бороду съ просѣдью, указалъ на Эйдлера, какъ на того, который 5 февраля былъ съ Бланкомъ у Ицковичъ.

Мы оставили Бланка и Эйдлера въ моментъ ихъ отъѣзда изъ Одессы. Что же они дѣлали дальше?

Пріѣхавъ въ м. Калиновку, Эйдлеръ постарался, чтобы Бланкъ увидѣлъ свою жертву. Сдѣлать это было очень легко. Помѣщикъ Вальковъ, для развлеченія, каждый день ѣздилъ изъ своего имѣнія на станцію юго-западной желѣзной дороги Калиновку, находящуюся въ 3 верстахъ отъ его мѣстечка, носящаго то же названіе. Эту привычку Валькова знали всѣ калиновскіе жители и потому удобнѣе всего было увидать его на вокзалѣ. И вотъ Бланкъ и какой-то еврей стали караулить на вокзалѣ пріѣздъ помѣщика. 8 февраля на станцію Калиновку пріѣхалъ Вальковъ. Немного погодя, къ нему подходитъ неизвѣстный еврей, говоритъ, что онъ пріѣзжій, и хочетъ купить у него хлѣбъ. Вальковъ даетъ свое согласіе, причемъ предлагаетъ неизвѣстному посѣтить его имѣніе и осмотрѣть хлѣбъ. Такъ они проговорили нѣсколько минутъ; неизвѣстный раскланялся съ Вальковымъ и замѣшался въ толпѣ.

Неизвѣстный жидъ, говорившій съ Вальковымъ, вовсе не былъ *покупщикомъ* хлѣба, а *лицомъ*, подосланнымъ къ Валькову, для того чтобы Бланкъ, находившійся тутъ же, на вокзалѣ, могъ хорошо разсмотрѣть намѣченную жертву кагальнаго правосудія, не привлекая къ себѣ ничьего вниманія. Вглядѣвшись внимательно въ физіономію Валькова, Бланкъ незамѣтно исчезъ и, выдя на дорогу, ведущую въ м. Калиновку, сталъ поджидать саней Валькова. Ничего не предвидя, Вальковъ, уже сумерками, возвращался съ вокзала домой. Вдругъ его оглушилъ выстрѣлъ и онъ почувствовалъ сильный ударъ сзади въ голову. Кучеръ, везшій Валькова, тотчасъ же обернулся и увидѣлъ, какъ молодой жидъ

[1]) Давнымъ-давно извѣстно, что раввины, подъ маской религіознаго служенія (въ сущности они вовсе не «священнослужители», а свѣтскіе агенты кагала) занимаются самыми гнусными дѣлами, въ родѣ дѣлежа контрабандныхъ барышей, подкупа чиновниковъ, подговариванія на убійство и тому-подобными «богоугодными» подвигами.

соскочилъ съ задней площадки саней и бросился бѣжать черезъ огороды въ мѣстечко. Кучеръ не потерялся и сталъ кричать шоссейному сторожу: «лови»! Послѣдній, при содѣйствіи другихъ лицъ, настигъ убѣгавшаго Бланка. Помѣщикъ Вальковъ былъ раненъ выстрѣломъ въ затылочную часть головы.

Круглая рана, проникавшая до кости, была причинена выстрѣломъ въ упоръ изъ револьвера небольшаго калибра, найденнаго на мѣстѣ преступленія. Помѣщикъ Вальковъ, — слава христіанскому Богу! — остался живъ и это, конечно, много способствовало къ раскрытію преступленія.

Бланкъ былъ арестованъ, и слѣдствіе началось. Не смотря на то, что калиновскіе евреи всѣми силами старались доказать свое неучастіе въ покушеніи Бланка на убійство Валькова, къ слѣдствію были привлечены Эйдлеръ и Калихманъ; да и все «общество» м. Калиновки явилось сильно скомпрометированнымъ въ этомъ дѣлѣ. И когда главари кагала, Эйдлеръ и Калихманъ; были привлечены къ суду за склоненіе Бланка, путемъ подкупа, къ совершенію убійства, — калиновскіе евреи пустили въ ходъ всѣ средства для спасенія своихъ членовъ. Кагальная солидарность (всѣ за одного!) обнаружилась въ полной красѣ...

Въ мартѣ 1900 г. Бланкъ, содержавшійся въ винницкой тюрьмѣ, заболѣлъ. Этимъ пользуется калиновскій кагалъ и вотъ что дѣлаетъ. Однажды къ тюремному врачу, г. Галицкому, является какой-то еврей и, освѣдомившись о состояніи здоровья Бланка, таинственно говоритъ:

— Были бы вамъ очень благодарны, еслибы Бланкъ умеръ...

Догадавшись, что ему предлагаютъ «благодарность» за отравленіе Бланка, врачъ Галицкій, возмущенный, всталъ со стула, чтобы вышвырнуть вонъ изъ комнаты негодяя-жида, но тотъ моментально исчезъ, по обычаю своего племени. Этотъ «парламентеръ» еврейскаго *государства въ государствѣ* никакъ не ожидалъ, что среди нашей врачебной семьи Лейбы Шатуновскіе составляютъ исключеніе, а не правило! Яснѣе яснаго, что къ тюремному врачу являлся *членъ калиновскаго кагала*, выбранный для «переговоровъ» съ врачемъ.

По истинѣ адская махинація людей, потерявшихъ всякое сознаніе человѣчности... То кагалъ собираетъ деньги на наемъ убійцы, то на отравленіе этого же самаго убійцы!! Одесскій брави Бланкъ—за свой неудачный выстрѣлъ долженъ былъ поплатиться собственной жизнью — вотъ единственный выходъ изъ затруднительнаго положенія, въ какомъ очутился и самъ Эйдлеръ, и Калихманъ, и остальные правовѣрные талмудисты м. Калиновки. Иначе вѣдь Бланкъ, спасая себя, *могъ сознаться во всемъ на судѣ и выдать всѣхъ головой, раскрывъ организацію кагала, во главѣ съ раввиномъ-казначеемъ*. Такія сознанія на судѣ бываютъ сплошь и рядомъ. Но впослѣдствіи оказалось, что Бланкъ рѣшилъ спасти себя полнымъ отрицаніемъ своего участія въ этомъ дѣлѣ

и никого не выдалъ. А, можетъ быть, не выдалъ онъ своихъ соучастниковъ и по другому мотиву,—изъ боязни *кагальной мести*, которая ожидала бы его неминуемо въ тюрьмѣ, въ Сибири на каторгѣ... Все можетъ быть, но преступная душа этого выродка человѣчества упорно хранитъ свою тайну.

15 и 16 мая судили въ Ольгополѣ только Бланка и Эйдлера.—Калихманъ же успѣлъ благополучно скрыться отъ слѣдствія и по слухамъ бѣжалъ за границу.

Дѣло Бланка и Эйдлера собрало въ залѣ суда избранную мѣстную публику. Этотъ процессъ привлекъ общественное вниманіе, во-первыхъ, какъ выдающійся процессъ, доказывающій *фактическое существованіе кагала*; во-вторыхъ, всѣ хотѣли послушать кіевскую адвокатскую звѣзду—Куперника; въ-третьихъ, всѣхъ интриговало участіе въ этомъ процессѣ выдающихся сыщиковъ, нашихъ русскихъ Лекоковъ: Евтушевскаго (изъ Кіева) и Чебанова (изъ Одессы), принимавшихъ дѣятельное участіе въ собраніи уликъ противъ обвиняемыхъ. Слѣдуетъ еще замѣтить, что судъ присяжныхъ былъ исключительный по своему составу. Старшиной былъ избранъ крезъ юго-западнаго края Собанскій, а присяжными — крупные землевладѣльцы, люди вполнѣ интеллигентные. Большинство свидѣтелей,—за исключеніемъ главнаго—Шифа,—явились и были допрошены въ засѣданіи суда 15 мая. Приближался конецъ судебнаго разбирательства. Когда кончилъ рѣчь товарищъ прокурора, доказавшій, какъ дважды два четыре, несомнѣнное участіе въ этомъ дѣлѣ кагала, произнесли свои защитительныя рѣчи Куперникъ и Розенбергъ (защитникъ Бланка), причемъ защитникъ Эйдлера, Куперникъ, обратился къ присяжнымъ засѣдателямъ съ выраженіемъ сожалѣнія по поводу неявки свидѣтеля Шифа.

— Я увѣренъ, гг. присяжные засѣдатели, что будь здѣсь въ судѣ Шифъ,—онъ измѣнилъ бы свое первоначальное показаніе. Мнѣ, какъ защитнику Эйдлера, приходится сожалѣть объ отсутствіи этого свидѣтеля...

И вдругъ рѣчь прославленнаго на югѣ адвоката прерывается появленіемъ... Шифа!! Невозможно описать того удивленія, растерянности и испуга, которые отразились на лицѣ жидовскаго цицерона, только что выразившаго притворное сожалѣніе о неявкѣ главнаго свидѣтеля обвиненія. Онъ былъ просто жалокъ, — этотъ находчивый и семитически-нахальный «прелюбодѣй слова»,—въ ту минуту, когда появившійся судебный приставъ заткнулъ фонтанъ его краснорѣчія громкой фразой:

— Г. предсѣдатель! Только что прибылъ свидѣтель Шифъ. Прикажете его ввести?

Предсѣдатель, кивкомъ головы, даетъ свое согласіе. Совершенно неожиданный пріѣздъ свидѣтеля Шифа былъ гранатой, брошенной въ окно и разорвавшейся надъ головой г. Куперника.

— Имѣетъ ли защита что нибудь противъ допроса свидѣтеля Шифа?— спрашиваетъ предсѣдатель суда, съ коварной улыбкой на лицѣ.

Поднимается защитникъ Куперникъ. Видъ у него очень смущенный.

— Я уже окончилъ свою защиту и нахожу, что допросъ свидѣтеля Шифа *теперь будетъ лишнимъ*... Все уже сказано, разобрано, выяснено...

Въ публикѣ сдержанный смѣхъ. Всѣ переглядываются, улыбаясь,— предсѣдатель, судьи, публика, свидѣтели, присяжные засѣдатели. Дальше этого, даже и еврейской наглости идти некуда!

Поднимается защитникъ Бланка, присяжный повѣренный Розенбергъ (типъ лица и фамилія,—какъ и у Куперника,—явно семитическіе).

— Я присоединяюсь къ мнѣнію моего коллеги и полагалъ бы не допрашивать свидѣтеля Шифа.—Опять въ публикѣ смѣхъ, оживленіе, ироническія улыбки и пристальные взгляды въ сторону сконфуженныхъ «борцовъ за правду».

Товарищъ прокурора и присяжные засѣдатели просятъ о допросѣ Шифа, и онъ допрашивается къ великому огорченію Куперника и Розенберга. Его ясные, скорые и увѣренные отвѣты ошеломляютъ обоихъ защитниковъ, старающихся перекрестными вопросами сбить его съ толку.

— Вотъ этотъ самый человѣкъ былъ 5 февраля прошлаго года у еврейки Ципы Ицковичъ. Съ нимъ былъ и этотъ молодой еврей,—говоритъ Шифъ, указывая рукой сначала на Эйдлера, а затѣмъ на Бланка, сидящихъ, понуря головы, между двумя конвойными солдатами.

Эффектъ показанія Шифа былъ громадный: участь Бланка и Эйдлера была выяснена...

Затѣмъ было предоставлено слово обвинителю и защитникамъ. Товарищъ прокурора повторилъ вкратцѣ свою первую рѣчь. Защита старалась доказать alibi обоихъ обвиняемыхъ. Г. Куперникъ, хорошо намоловшій себѣ языкъ въ ораторскихъ упражненіяхъ, «вумный аблакатъ», въ этотъ разъ не чувствовалъ подъ собой почвы и пускался ради эффекта на всякіе фокусы. Среди «перловъ и адамантовъ» адвокатскаго языкоблудія, разсыпанныхъ въ изобиліи въ рѣчахъ обоихъ защитниковъ, встрѣчались прямо таки уморительные курьезы. Напримѣръ, послѣ явки свидѣтеля Шифа, г. Куперникъ такъ началъ свою рѣчь.

— Гг. судьи и гг. присяжные засѣдатели! Я, кончившій уже свою защиту, теперь вдругъ очутился въ затруднительномъ положеніи: совершенно неожиданно въ это дѣло *влетѣлъ* свидѣтель Шифъ. Я обязанъ начинать, благодаря этому, свою защиту снова...

Въ другомъ мѣстѣ своей рѣчи г. Куперникъ такъ доказывалъ alibi своего кліента.

— Свидѣтель Шифъ показалъ, что свиданіе Бланка съ Эйдлеромъ

въ Одессѣ, въ квартирѣ еврейки Ицковичъ, происходило 5 февраля 1900 г. и что въ тотъ же день Эйдлеръ съ Бланкомъ уѣхали въ м. Калиновку. 5 февраля, гг. присяжные засѣдатели, приходилось какъ разъ въ субботу. Еслибы Эйдлеръ былъ, дѣйствительно, въ Одессѣ въ первыхъ числахъ февраля, то онъ 5 февраля выѣхать изъ Одессы никакъ не могъ. Вамъ, гг. присяжные засѣдатели, извѣстно не хуже, чѣмъ мнѣ, что ни одинъ еврей не совершаетъ никакихъ поѣздокъ въ субботу. Это запрещается ему религіей, а религію (?) своихъ отцовъ онъ чтитъ свято. Скажу больше: легче встрѣтить кошку съ рогами, чѣмъ еврея, ѣдущаго вечеромъ въ пятницу или въ субботній день. Поэтому Эйдлеръ не могъ изъ Одессы выѣхать 5 февраля и, значитъ, показаніе объ этомъ Шифа теряетъ всякую силу (?) и кажется вымышленнымъ...

Вотъ къ какимъ очевиднымъ натяжкамъ и дешевому остроумію пришлось прибѣгать кіевскому цицерону для обѣленія своего кліента!

Но кому же неизвѣстно, что современный жидъ ради гешефтовъ поѣдетъ куда угодно, хоть къ самому Вельзевулу, въ день субботній и никого этимъ не удивитъ?

Не такъ еще давно жиды считались съ субботнимъ днемъ и если нужно было въ шабашъ ѣхать по желѣзной дорогѣ, то еврей могъ ѣхать въ вагонѣ, только сидя на бутылкѣ съ водой или опустивъ ноги въ тазъ съ водой. Продѣлывалось это для того, чтобы соблюсти въ глазахъ единовѣрцевъ законъ талмуда, разрѣшающаго въ субботу ѣхать по водѣ, но отнюдь не въ экипажахъ и, вообще, на колесахъ [1]). Въ настоящее время евреи поняли это нелѣпое мѣсто ихъ нелѣпаго талмуда и прекрасно ѣздятъ въ субботу въ телѣгахъ, бричкахъ, балагулахъ и т. п., не прибѣгая къ бутылкамъ съ водой.

Защита старалась убѣдить судъ и присяжныхъ засѣдателей, что ни Бланкъ, ни Эйдлеръ не могли принимать участія въ этомъ дѣлѣ ни нравственно, ни физически, и что, если можно подозрѣвать кого нибудь изъ калиновскихъ евреевъ въ покушеніи на убійство землевладѣльца Валькова, то, пожалуй, еврея Калихмана... бѣжавшаго за границу.

Пріемъ ловкій для одурачиванія присяжныхъ засѣдателей, — но не такого состава, какой былъ въ этотъ разъ.

Бѣгство Калихмана за границу вовсе не есть доказательство невиновности Бланка и Эйдлера, а только доказательство виновности и бѣжавшаго Калихмана, во-время показавшаго пятки...

Затѣмъ, фактъ подкупа Калихманомъ въ 1899 г. крестьянина Жабокрика былъ доказанъ и слишкомъ компрометировалъ Калихмана. Оста-

[1]) Талмудисты, какъ были *фарисеями* и *лицемерами* въ евангельскія времена, такъ и остались ими до нашихъ дней; упразднивъ изъ моисеева закона всю гуманную его сторону, они замѣнили ее чистѣйшимъ варварствомъ или коварными хитросплетеніями.

ваться ему въ Россіи послѣ неудачнаго покушенія Бланка,—значило бы лѣзть прямо въ петлю. Естественно, что Калихманъ все сдѣлалъ для того, чтобы избѣжать кары правосудія и бѣжалъ изъ предѣловъ «показнаго отечества» быстрѣе лани, «быстрѣй, чѣмъ заяцъ отъ орла», въ чемъ ему, безъ всякаго сомнѣнія, помогли тѣ же жиды, какъ извѣстно, большіе мастера по переходу границъ.

Во время перерыва засѣданія суда, въ публикѣ происходили такіе разговоры.

— Вы обратили вниманіе, что извѣстный адвокатъ, — не дешевый адвокатъ, а самъ «знаменитый» Куперникъ,—защищаетъ не главнаго обвиняемаго, а второстепеннаго?

— Это понятно. Бланкъ — человѣкъ чужой калиновскому обществу и не принадлежитъ къ мѣстному кагалу. Насколько калиновцы дорожатъ судьбою этого Бланка, можно видѣть изъ того, что они даже пускались на подкупъ тюремнаго врача, обѣщая за смерть Бланка *поблагодарить* его!

— Удивительно! *Откуда это досталъ средства Эйдлеръ*, человѣкъ бѣдный, по заявленію свидѣтелей и полиціи, для найма такого дорогаго адвоката, какъ Куперникъ?

— Что жь тутъ удивительнаго? На это далъ деньги калиновскій кагалъ.

Дѣйствительно, бѣдный еврей Эйдлеръ не могъ нанять такую «знаменитость», какъ г. Куперникъ, а даромъ,—хотя бы изъ чувства національной солидарности, — эта адвокатская звѣзда защищать его не стала бы. Такіе господа въ сантименты не вдаются: «Клади деньги объ это мѣсто», а тогда ужь толкуй и о своемъ дѣлѣ.

Можно съ увѣренностью сказать, что Куперникъ былъ нанятъ на кагальныя деньги и что недоданныя Бланку 500 р. пошли въ гонораръ «талантливому» адвокату...

Участіе въ этомъ громкомъ дѣлѣ *таинственнаго раввина*, взявшаго на храненіе (съ «богоугодными» цѣлями) 500 р. для вученія ихъ убійцѣ, въ случаѣ удачнаго исполненія имъ возложеннаго порученія, не было обнаружено слѣдственной властью, не смотря на дружную, энергичную работу полиціи, цѣлой арміи сыщиковъ и личное участіе ихъ шефовъ. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Рѣдко кагальное преступленіе раскрывается евреемъ, и Шифъ составляетъ исключеніе среди жидовъ. Идти противъ кагала—значитъ подвергнуть себя вѣчному «херему» (проклятію) и даже смерти по приговору бет-дина. Вотъ почему кагальныя преступленія чаще всего остаются нераскрытыми. Что же касается до священной особы раввина, то его никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не выдастъ ни одинъ еврей, и Шифъ, донеся о Бланкѣ и Эйдлерѣ, все таки раввина не выдалъ, какъ не выдастъ никогда ни

одинъ еврей нѣкоторыхъ постановленій талмуда. И талмудъ, и раввинъ— два священныя понятія у евреевъ. Кстати о *кагалѣ*.

Въ своей рѣчи г. Куперникъ, пуская въ товарища прокурора стрѣлы,— правда, не особенно ядовитыя по «независящимъ» отъ Куперника обстоятельствамъ, — коснулся вопроса о кагалѣ и сталъ даже увѣрять присяжныхъ засѣдателей, что кагалъ—миѳъ, сказка, выдумка юдофобовъ. Онъ старался доказать, что покушеніе на убійство Валькова ничего общаго не имѣетъ съ земельнымъ споромъ между калиновскими евреями и помѣщикомъ.

— Странно говорить о какомъ-то кагалѣ (?!), когда существованіе его вообще среди евреевъ довольно проблематично и совсѣмъ не доказано...—заявилъ присяжный повѣренный Куперникъ, побѣдоносно и иронически поглядывая поверхъ очковъ на товарища прокурора.

Ахъ, г. Куперникъ, г. Куперникъ! Ну, зачѣмъ говорить такую несообразность? Или вы не знаете, что дѣлаетъ кагалъ, если молодая еврейка, влюбившись въ христіанина, мѣняетъ свою вѣру? Или вамъ неизвѣстно, какъ этотъ же кагалъ *облагаетъ своихъ членовъ налогомъ* для собиранія капитала, нужнаго для подкупа строгаго чиновника, полиціи и т. п. Неужели и еврей, приходившій къ тюремному врачу Галицкому, не былъ членомъ калиновскаго кагала, а былъ просто сумашедшимъ? И неужели вамъ, г. Куперникъ, какъ юристу еврейскаго происхожденія, неизвѣстно, что знаменитая дрейфусіада была раздута именно «Всемірнымъ кагаломъ», собравшимъ сотни милліоновъ съ евреевъ всего свѣта для подкупа министровъ, судей, офицеровъ и пр.?!!

Да, правду говорятъ, что «языкъ безъ костей».

Присяжные засѣдатели не вняли, однако, адвокатскому блудословію и вынесли *обоимъ преступникамъ обвинительный приговоръ, на основаніи котораго судъ приговорилъ Бланка къ каторжнымъ работамъ на 7 лѣтъ, Эйдлера—на 6.*

По прочтеніи приговора, выслушаннаго обвиняемыми довольно спокойно, свидѣтель-обличитель Шифъ подошелъ къ уѣздному исправнику и сказалъ:

— Ваше высокоблагородіе, сдѣлайте для меня милость: *прикажите меня не сажать въ общей камерѣ, а въ одиночной. Иначе меня убьютъ за мое показаніе противъ Эйдлера.* Ихъ общество (т. е. кагалъ) мнѣ этого не подаритъ...

Просьба Шифа была, конечно, исполнена.

Еще два слова. Когда дѣло Эйдлера и Бланка разбиралось въ первый разъ въ г. Винницѣ, то къ агенту кіевской сыскной полиціи, г. Евтушевскому, явившемуся на разборъ дѣла въ качествѣ очень опаснаго для обвиняемыхъ свидѣтеля, однажды зашелъ еврей, комисіонеръ гостинницы, гдѣ остановился г. Евтушевскій, и предложилъ ему хорошія

деньги за то, чтобы онъ не такъ «пристрастно» отнесся къ дѣлу Эйдлера и Бланка,—по просту говоря, если онъ не будетъ на судѣ уличать обоихъ обвиняемыхъ. Этотъ комисіонеръ—опять таки лицо, несомнѣнно подосланное кагаломъ.

Мы кончили описаніе калиновской драмы. Описанный процессъ—*неопровержимое доказательство существованія среди еврейства тайной организаціи кагала*, рѣшенія котораго неумолимы и ужасны по своей дикой жестокости! Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть отвратительнѣе жестокости, которую проявилъ еврей Бланкъ, обязавшійся за деньги отправить ad patres совсѣмъ неизвѣстнаго человѣка, не сдѣлавшаго ему притомъ никакого зла? Что можетъ быть гнуснѣе подкупа врача, котораго обѣщаютъ «благодарить» за отравленіе его паціента? Или ужь, въ самомъ дѣлѣ, мы живемъ въ царствѣ израиля, и всѣ «гои» отданы ему въ рабство и на поруганіе, какъ о томъ мечтаютъ правовѣрные талмудисты?!

Хладнокровный убійца-брави, прошедшій огонь, воду и мѣдныя трубы, убійца, для котораго также легко лишить жизни человѣка, какъ зарѣзать курицу; тайное общество, олицетворяющее какую-то *итальянскую каморру* и приговаривающее, на порогѣ XX столѣтія, къ смерти непріятныхъ для него людей; раввинъ, этотъ якобы «духовный» наставникъ, звено между Богомъ и грѣшными евреями,—въ роли кагальнаго казначея, стерегущаго деньги, собранныя на позорное убійство,—какая это ужасная картина талмудической морали, человѣческой одичалости и нравственнаго безстыдства!

Этотъ процессъ—образчикъ «еврейской морали» (равной, по мнѣнію г. Хвольсона, морали евангельской!) еврейскихъ пріемовъ борьбы, еврейской дерзости съ одной стороны и неумолимой жестокости—съ другой. По этому дѣлу можно видѣть, какіе имѣются у еврейской массы «общественные и житейскіе идеалы» и въ какія отрицательныя формы они выливаются.

Дѣло Эйдлера и Бланка показало всѣмъ нѣчто нысыханное и совсѣмъ неожиданное. Въ русскомъ государствѣ обнаружена своя каморра, дѣйствующая также, какъ и у себя на родинѣ, въ Италіи: человѣкъ неудобенъ каморрѣ—каморра приговариваетъ его втайнѣ къ смерти, поручаетъ наемному убійцѣ исполнить этотъ ужасный приговоръ,—и дѣлу конецъ. Кажется, знаменитые «Контробандисты» спасуютъ передъ калиновскимъ кагаломъ!

Калиновское дѣло наводитъ и на нѣкоторыя, не лишенныя общаго интереса, мысли. Нашъ Сѣверо и Юго-западный край представляетъ чуть ли не сплошное іудейское царство. Особенно еврейскій вопросъ отличается жгучестью въ «чертѣ осѣдлости», въ несчастныхъ ополяченныхъ и ожидовленныхъ губерніяхъ, гдѣ, не смотря на всякія кабинетныя мѣры обрусенія, послѣднее подвигается впередъ очень туго.

Юго-западный край,—въ районѣ котораго случилось вышеописанное преступленіе,—предоставленъ *въ полное хозяйничаніе евреямъ*, которые чувствуютъ себя здѣсь «господами положенія». Каждое мѣстечко въ Юго-западномъ краѣ состоитъ исключительно изъ жидовъ; русскій элементъ ограничивается всего лишь нѣсколькими лицами служебнаго персонала да немногими окрестными помѣщиками. Не будучи въ состояніи эксплуатировать другъ друга (еврей не поживится на счетъ еврея!) сыны израиля устремляютъ свои взоры на помѣщиковъ и крестьянское населеніе смежныхъ съ мѣстечкомъ селъ. Этихъ они и ѣдятъ; на нихъ тѣлѣ они и паразитируютъ съ успѣхомъ, богатѣя и плодясь, какъ клопы...

Большинство жидовъ занимаются скупкой у крестьянъ яицъ, птицы, шерсти, пуха и перьевъ; покупаютъ лѣсъ, хлѣбъ, скотъ и т. п., и, перепродавая это на сторону, конечно, пользуются львиной долей, платя русскому крестьянину жалкіе гроши. Это—паразиты мелкіе, довольствующіеся копѣйками и рублями. Болѣе богатые евреи пренебрегаютъ этимъ заработкомъ. Ихъ гешефтмахерскія операціи гораздо обширнѣе и даютъ имъ прекрасныя средства. Ихъ барыши часто въ нѣсколько разъ превышаютъ содержаніе любаго директора департамента или даже товарища министра; нѣкоторые же изъ нихъ живутъ прямо роскошно. Чѣмъ же они занимаются?

Эти «прирожденные всемірные аристократы» присасываются къ русскимъ и польскимъ имѣніямъ въ качествѣ негласныхъ арендаторовъ, берутъ на чужое (русское) имя такъ называемую «посессію» и сами вершатъ дѣла, платя ничтожную сумму русскому наемнику, прикрывающему своимъ дворянскимъ именемъ беззаконныя дѣйствія еврейскихъ пауковъ-арендаторовъ, по закону не имѣющихъ даже права арендовать имѣнія въ Юго-западномъ краѣ.

Почти всѣ крупныя имѣнія Юго-западнаго края находятся въ посессіи у безграмотныхъ Лейзеровъ и Шмулей, которые едва подписываютъ по русски свое имя, но щеголяютъ, какъ безукоризненные дэнди; держатъ прекрасные «польскіе выѣзды», нанимаютъ шикарныхъ французскихъ гувернантокъ и одѣваютъ своихъ Рахилей и Саррокъ въ «сногшибательные» парижскіе костюмы. И все это—на русскія и польскія деньги!!

Жаль, конечно, что богатые русскіе и польскіе землевладѣльцы не любятъ хозяйничать въ своихъ родныхъ гнѣздахъ, а отдаютъ ихъ на ограбленіе услужливымъ жидкамъ, теряя отъ этого не только тысячи, но даже сотни тысячъ, а въ сложности — милліоны. Но это ужь ихъ дѣло. Грустно же то, что, благодаря постоянному захвату евреями имѣній въ свои руки и страсти помѣщиковъ къ заграничнымъ вояжамъ и проживанію внѣ родныхъ гнѣздъ, въ которыя забирается еврейская кукушка,—постепенно утрачивается престижъ и вліяніе мѣстной русской интеллигенціи, а наоборотъ, возрастаетъ вліяніе еврейское. Русскій крестьянинъ,

рѣдко видя помѣщика, живетъ окруженный евреями, буквально *закрѣпощенъ* ими и изнываетъ въ экономической кабалѣ.

Значеніе еврея въ Юго-западномъ краѣ осталось точно такое же, какъ и въ далекія времена, описанныя Гоголемъ въ «Тарасѣ Бульбѣ»: жидъ всѣмъ вершитъ—въ торговлѣ и въ ремеслахъ; онъ содержитъ почтовыя станціи, заѣзжіе дворы, торгуетъ хлѣбомъ, лѣсомъ, мясомъ и т. д. Онъ эксплуатируетъ и русскаго, и поляка, разоряетъ ихъ, и если не держитъ еще въ арендѣ христіанскихъ храмовъ,—какъ во времена Тараса Бульбы,—зато почти всѣ имѣнія давно уже захватилъ въ свои лапы. Любя безпечныхъ помѣщиковъ-абсентеистовъ, годами слоняющихся по разнымъ «ривьерамъ» и заграничнымъ «монрепо» и почти никогда не заглядывающихъ на родину, — евреи-арендаторы очень недружелюбно и даже враждебно относятся къ тѣмъ помѣщикамъ, которые постоянно живутъ въ своихъ имѣніяхъ, сами хозяйничаютъ, любятъ это дѣло и обходятся безъ жидовской опеки. Такихъ помѣщиковъ, какъ Вальковъ, евреи ненавидятъ отъ всей своей талмудической души и ведутъ съ ними постоянную войну, причемъ побѣда—нужно сознаться!—почти всегда бываетъ на сторонѣ сплоченнаго кагала. Пора бы обратить вниманіе на все усиливающееся вліяніе еврейства въ нашихъ юго-западныхъ губерніяхъ. Въ этомъ краѣ создалась даже поговорка: «что для русскаго нельзя, то жиду можно». Мнѣніе это сложилось у народа, благодаря существованію всевозможныхъ незаконныхъ льготъ и послабленій въ отношеніи евреевъ, къ которымъ изстари благоволятъ уѣздные и губернскіе Сквозники-Дмухановскіе и Держиморды всѣхъ ранговъ. Калиновское дѣло, — этотъ выдающійся въ уголовныхъ лѣтописяхъ процессъ,—до очевидности рисуетъ то громадное зло, которое представляетъ изъ себя кагалъ, это истинное «государство въ государствѣ», существованіе котораго, въ интересахъ политическихъ и экономическихъ, терпимо быть не можетъ. Россія—не неаполитанское королевство, и съ каморрой пока не была знакома. Неужели же мы не положимъ предѣла выходкамъ еврейскихъ каморристовъ и не обуздаемъ это слишкомъ разгулявшееся племя?

П. Канчеяли.

Кіевъ, *30 августа.*

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Слухи о реорганизаціи городскаго самоуправленія.—Что дали обывателю гласные-домовладѣльцы? — Новый элементъ городскаго самоуправленія изъ квартиронанимателей.—Гласные въ качествѣ контрагентовъ города.—Домовладѣльческіе контракты и капризы. — Постыдное отношеніе гласныхъ-домовладѣльцевъ къ санитарнымъ нуждамъ города.—Что дѣлаютъ на Западѣ гласные въ интересахъ обывателей?—Къ вопросу о реформѣ средней школы.—Преподаваніе закона божія въ школѣ.—Чѣмъ долженъ быть законоучитель?—Толки по поводу предполагаемыхъ реформъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.—О необходимости открытія доступа семинаристамъ въ университетъ.—Отзывъ «Стараго профессора» о семинаристахъ-студентахъ университета.—Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ по продовольственному вопросу.—Общественныя работы, какъ наилучшая помощь населенію пострадавшихъ отъ неурожая губерній. — Первый камень организаціи народнаго банка.—Наказанное усердіе не по разуму.—Что такое наше іудофобство?—Какъ воспитываются еврейскія дѣти?—Жидовская «геніальность» въ области гешефтмахерства и доносовъ.

Въ послѣднее время въ Петербургѣ, въ средѣ лицъ, интересующихся городскимъ самоуправленіемъ, громадную сенсацію произвела пріостановка выборовъ въ гласные на слѣдующее четырехлѣтіе. Причины этой пріостановки пока невполнѣ извѣстны. Циркулируютъ всевозможные слухи. Одни говорятъ, что выборы пріостановлены потому, что въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ разрабатывается проектъ о *допущеніи квартиронанимателей въ число гласныхъ*; другіе утверждаютъ, что наша столичная дума упраздняется, и обширное городское хозяйство, съ бюджетомъ въ 12 мил. руб. въ годъ, будетъ передано особому органу съ чисто бюрократическимъ строемъ.

Городская управа получила уже официальное извѣщеніе, что вопросъ о выработкѣ новыхъ правилъ относительно городскихъ выборовъ и соотвѣтственномъ измѣненіи муниципальныхъ законовъ будетъ разрѣшенъ не административнымъ приказомъ, а обычнымъ путемъ, пройдя въ первоначальной стадіи чрезъ особую комисію, а въ послѣдующей—чрезъ Государственный Совѣтъ.

Какъ разрѣшится высшими сферами вопросъ о городскомъ

самоуправленіи? — пока трудно сказать. Будетъ ли упразднено самоуправленіе или нѣтъ? Это вопросъ недалекаго будущаго.

Наше петербургское городское самоуправленіе изъ рукъ вонъ плохо и зарекомендовало себя предъ обывателями и предъ всею Россіею своею неумѣлостью, своею некультурностью и своими дикими безпорядками. Виновата здѣсь, конечно, не *идея* самоуправленія, а *персонально* господа гласные, избирающіеся исключительно изъ мало-культурной среды домовладѣльцевъ и другихъ «собственниковъ». Кучка купцовъ-домовладѣльцевъ хозяйничаетъ въ столицѣ и по своему *купецкому* усмотрѣнію рѣшаетъ дѣла и нужды полутора-милліоннаго населенія! Во главѣ городскаго самоуправленія стоитъ купецъ-мѣховщикъ... Мы не отрицаемъ, что онъ, можетъ быть, и очень опытный, дѣльный человѣкъ, какъ купецъ, и знаетъ толкъ въ мѣхахъ. Но вѣдь столица россійской имперіи не одними только мѣхами интересуется; у нея есть, слава богу, и другіе интересы, куда болѣе важные, чѣмъ мѣха. Мѣховщикъ г. Лелявовъ и сдѣлалъ городское самоуправленіе притчею во языцѣхъ.

Городское «самоуправленіе» — это какая-то злая иронія. Здѣсь дѣло идетъ не о *самоуправленіи*, а скорѣе о *самоуправствѣ* кучки господъ домовладѣльцевъ. Судьбы же полутора-милліоннаго населенія находятся въ распоряженіи этой кучки лицъ, хозяйничающихъ *по своему*.

Поэтому и не удивительно, что городское хозяйство шло плохо. Недостатокъ школъ, больницъ, отсутствіе канализаціи, плохой водопроводъ, санитарные безпорядки и безобразія въ домахъ, непомѣрная дороговизна квартиръ и жизненныхъ продуктовъ—вотъ результаты хозяйничанья городскаго домовладѣльческаго самоуправленія

Есть надежда, что въ городское самоуправленіе будетъ допущенъ новый элементъ — элементъ квартиронанимателей, плательщиковъ квартирнаго налога. Вообще участіе въ городскихъ дѣлахъ можетъ принадлежать только участвующимъ въ городскихъ налогахъ. Это основной принципъ русскаго самоуправленія. Но вѣдь способы уплаты налога и его величина чрезвычайно разнообразны. Квартиронаниматель также платитъ городской налогъ со своей квартиры. Толки о допущеніи квартиронанимателей въ городское самоуправленіе, повидимому, опираются на прочную почву. Разнорѣчіе встрѣчается только въ томъ:—кто изъ квартиронанимателей можетъ принимать участіе въ самоуправленіи. Тотъ ли, кто платитъ за квартиру 1,200 р. и выше, или даже и тотъ, кто платитъ меньше этой суммы?

«Мало понятнымъ и едва ли основательнымъ, — говоритъ «Нов. Время», — является предоставленіе избирательныхъ правъ

только владѣльцамъ двухтысячныхъ и выше квартиръ. Выше двухъ тысячъ за квартиру платятъ люди, имѣющіе *не менѣе десяти тысячъ* годоваго дохода, т.-е. подъ этотъ цензъ вовсе не подойдутъ люди такого, напр., уровня, какъ директора гимназій, профессора университетовъ, академики и огромное большинство столичныхъ врачей. Уже платить сто рублей въ мѣсяцъ за квартиру, т.-е. 1,200 въ годъ, могутъ только люди хорошо обезпеченные и очень твердо поставленные,—люди, имѣющіе хорошій доходъ отъ значительнаго имущества или отъ вполнѣ солиднаго труда. Намъ кажется, что не только подобные квартиранты, но и вообще всѣ плательщики квартирнаго налога совершенно правоспособны къ отправленію обязанностей избирателей. Самоуправленіе у насъ мертво, безжизненно! На это, очевидно, сѣтуетъ и офиціальный міръ. И пришлось бы оставлять его въ прежнемъ безжизненномъ положеніи, еслибы вводить въ него только содержателей многотысячныхъ квартиръ. Таковыми окажутся одни богатые рантье, фабриканты, крупные торговцы, биржевые спекулянты, да не живущіе въ своихъ помѣстьяхъ земельные магнаты. Отсюда будетъ исключена *почти вся умственная сила столицы*, почти всѣ чиновники; наконецъ, весь мелкій промышленный и торговый людъ, консервативный, но смѣтливый и умѣющій цѣнить удобства городской жизни.

«Человѣку можно предоставить одинъ голосъ; но можно предоставить ему два голоса, три голоса, если онъ выдвигается образовательнымъ цензомъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на слѣдующее: квартирантъ есть въ большинствѣ случаевъ домохозяинъ, представитель семьи. Не имѣетъ онъ участія во владѣніи домомъ, но онъ—хозяинъ своего «дома»; въ большинствѣ случаевъ онъ представитель семьи, онъ служитъ и знакомъ съ тѣмъ или другимъ практическимъ дѣломъ; наконецъ, руководитъ дѣломъ, и черезъ это представляетъ требуемыя качества солидности, знаній, заинтересованности. На право участія въ городскихъ выборахъ можно имѣть точку зрѣнія *городскую* и точку зрѣнія *государственную*. Для государства въ высшей степени важно, въ высшей степени цѣнно, чтобы города управлялись хорошо, т.-е. солидно, живо и дѣловито. Поэтому исключительно *денежная фильтрація избирательныхъ правъ*, предоставленіе ихъ однимъ лишь плательщикамъ большихъ суммъ налога, именно съ государственной точки зрѣнія, имѣетъ мало для себя основаній. Въ чиновники, даже въ министры, берется не самый богатый, а самый способный. Предоставьте права на власть одному богатству,—и вы погубите то дѣло, въ которомъ допустите такую «богатую» власть. Приблизительно это и случилось съ городскимъ самоуправленіемъ. *Власть должна быть умная*,

власть должна быть дѣльная. Вотъ для выбора-то и пропуска въ самоуправленіе такихъ элементовъ и нужно искать опоры въ комбинаціи съ денежнымъ цензомъ еще другихъ видовъ ценза».

Въ Петербургѣ имѣются налицо всѣ выгодныя условія для блестящаго развитія городскаго хозяйства. Здѣсь и милліонеры, и культурное населеніе, и тысячи свободныхъ рукъ, готовыхъ работать безкорыстно во имя общественныхъ интересовъ. Въ Петербургѣ есть цѣлая армія образованныхъ дѣятелей, знающихъ нужды города и жителей. Дайте имъ возможность приступить къ работѣ — и результаты будутъ самые блестящіе.

Въ настоящее время, во многихъ думахъ обсуждается предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ о воспрещеніи гласнымъ думы заниматься городскими поставками. *Гласный думы* и городской *подрядчикъ* — это понятія несовмѣстимыя. Гласный долженъ *охранять интересы города*, а подрядчикъ охраняетъ только *свои интересы*. Казалось бы, что противъ воспрещенія гласнымъ городскихъ думъ заниматься городскими поставками и возражать нечего. Однако, однѣ думы возражаютъ; другія обнаруживаютъ замѣтныя колебанія при обсужденіи даннаго вопроса. Высказываются опасенія, что городскимъ думамъ трудно де будетъ пріискивать контрагентовъ, или многимъ гласнымъ-торговцамъ придется выйти изъ состава думы и некѣмъ будетъ ихъ замѣнить.

«Подумаешь,—говоритъ «Новое Время»,—земля клиномъ сошлась. Въ русскихъ городахъ гласныхъ не окажется! А оставьте за гласными право разбирать въ аренду городскія имущества или снабжать городъ всѣмъ необходимымъ — и отъ желающихъ быть гласными отбоя не будетъ.

«Не указываютъ ли всѣ эти опасенія и соображенія, что нужно создать новое городовое положеніе и освѣжить городскія думы новыми элементами. Пока гласные избираются изъ домовладѣльцевъ да изъ торговцевъ, никакія разумныя предложенія не могутъ быть приняты. Давно ли думы открещивались отъ передачи имъ доходовъ квартирнаго налога? Деньги имъ не нужны,—только бы *сохранить за торговцами преимущественное право быть гласными.* Если же люди отбивались отъ новыхъ доходовъ, то гдѣ же имъ понять предложеніе о несовмѣстительствѣ званія гласнаго съ контрагентомъ города?

«Никакое упорядоченіе городскаго хозяйства немыслимо, пока думы не будутъ преобразованы и въ гласные не будутъ допускаться граждане не только по имущественному цензу, но и по праву проживанія въ городѣ извѣстнаго, болѣе или менѣе продолжительнаго, срока времени.

«Развѣ же это не отжившее правило?—продолжаетъ помянутая газета. — Купецъ случайно заѣхалъ въ городъ, открылъ трактиръ, внесъ въ городскую кассу сотню рублей — и сейчасъ же пріобрѣтаетъ право быть гласнымъ. *Граждане же, живущіе въ городѣ десятки лѣтъ, оставляющіе въ немъ всѣ свои заработки*,—многіе по нѣсколько тысячъ въ годъ,—никакимъ правомъ голоса не пользуются. Съ чѣмъ же это сообразно! Пора уяснить себѣ мысль, что не купцы и не домовладѣльцы содержатъ городъ, а обыватели его. Купцы и домовладѣльцы только посредники, спеціальные сборщики городскихъ доходовъ. Увеличивается городской налогъ на дома, тотчасъ увеличивается и плата за квартиры. *Кто же вноситъ этотъ доходъ? Конечно, не домовладѣльцы, а квартиранты.* Увеличивается налогъ съ трактировъ, увеличиваются и цѣны на предметы потребленія. Кто платитъ городу? Тѣ же горожане. *Почему же не они, а какіе-то посредники распоряжаются деньгами, собираемыми съ горожанъ*»?

Характеристика гласныхъ,—говоритъ «Кіевл.» по этому поводу,—рѣзкая, но ее изо дня въ день повторяютъ всѣ органы нашей печати и, надо думать, не перестанутъ повторять, *пока не будетъ создано новое городовое положеніе, пока составъ городскихъ думъ не будетъ пополненъ новыми элементами.*

Благодаря тому, что хозяевами города являются господа домовладѣльцы, квартирный вопросъ у насъ является самымъ тяжелымъ и больнымъ вопросомъ. Безобразныя цѣны за квартиры, капризы и всевозможныя претензіи къ квартирантамъ со стороны домовладѣльцевъ и дворниковъ всѣмъ извѣстны, и каждый квартирантъ отъ нихъ жестоко терпитъ. Мало того, что приходится за одну квартиру платить чуть не весь получаемый заработокъ, но обыватель попадетъ еще и въ домовладѣльческую кабалу. Домовладѣльцы имѣютъ громадную власть надъ квартирантами. Вотъ какъ характеризуетъ г.г. домовладѣльцевъ одна газета:

«Въ Петербургѣ есть домовладѣльцы, которые, напримѣръ, вовсе *не отдаютъ въ своемъ домѣ квартиръ врачамъ, музыкантамъ, артистамъ*. Другіе не пускаютъ жильцовъ съ маленькими дѣтьми. Третьи обязываютъ квартирантовъ, по контракту, имѣть электрическое освѣщеніе *непремѣнно* отъ такого-то электрическаго общества. Четвертые включаютъ въ квартирный контрактъ обязательство всѣхъ жильцовъ имѣть одного общаго годоваго доктора. А въ Ригѣ нашелся и такой домовладѣлецъ, который требуетъ, чтобы каждый квартирантъ выдалъ ему засвидѣтельствованную нотаріусомъ подписку въ томъ, что онъ, квартирантъ, лишается права на дальнѣйшій наемъ квартиры, если будетъ замѣченъ въ употребленіи

спиртныхъ напитковъ. Собакъ не водить, табаку не курить, на скрипкѣ не играть, вина не пить, театровъ не посѣщать, газетъ не читать. Слишкомъ строго, господа! Говорятъ, русское театральное общество вырабатываетъ типъ нормальнаго контракта между театральнымъ предпринимателемъ и актеромъ. Не пора ли выработать и нормальный контрактъ на наемъ квартиръ»?

На Западѣ квартирный вопросъ давно уже разрѣшенъ болѣе или менѣе удовлетворительно. На мюнхенскомъ конгрессѣ «Общества соціальной политики» вопросъ этотъ былъ поставленъ первымъ. Въ предварительномъ изслѣдованіи о немъ, составляющемъ 4 большихъ тома,—по словамъ кореспондента «Русскихъ Вѣд.»,—Россіи посвящено 15 страницъ, написанныхъ петербургскимъ врачемъ Бертенсономъ. И автора нельзя винить въ скудости этого очерка: у насъ не сдѣлано почти ничего *для обезпеченія бѣднаго люда жилищами*. Не то въ Англіи. Тамъ графства, пользуясь закономъ объ оздоровленіи жилищъ, *разрушили тысячи негодныхъ домовъ, устроили постоянную квартирную инспекцію и построили на общественный счетъ новые дома для 100 тысячъ человѣкъ*; въ Германіи квартиръ для рабочихъ, построенныхъ предпринимателями по мюльгаузенской и крупповской системамъ, насчитываютъ 143,049. Правда, тутъ есть разсчетъ привязать рабочаго къ фабрикѣ, но все же полмилліона человѣкъ (изъ восьми милліоновъ всѣхъ рабочихъ) живутъ въ недурныхъ, иногда прекрасныхъ жилищахъ. Прусское желѣзнодорожное вѣдомство успѣло къ 1899 г. выстроить 30,840 квартиръ, изъ которыхъ 23,080 сданы кондукторамъ, машинистамъ, стрѣлочникамъ и рабочимъ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Его примѣру послѣдовали Баварія, Саксонія и Вюртембергъ. На баварскихъ желѣзныхъ дорогахъ, изъ 40 тысячъ низшихъ служащихъ 6,800 уже пользуются квартирами, выстроенными на счетъ правительства. Управленіемъ прусскихъ горныхъ заводовъ выдано болѣе 5-ти милліоновъ строительныхъ премій и $7^1/_2$ милліоновъ ссудъ на постройку рабочихъ жилищъ: первыя — безвозвратно, вторыя — безпроцентно на 20 лѣтъ, причемъ заемщикъ погашаетъ ссуду вычетами изъ жалованья. Почтовое вѣдомство выстроило и пріобрѣло 135 домовъ; въ бюджетѣ 1900 г. *ассигнованъ одинъ милліонъ*. Въ 1895 г. прусская палата впервые ассигновала пять милліоновъ на постройку квартиръ для служащихъ и рабочихъ въ государственныхъ предпріятіяхъ безъ различія вѣдомствъ, а въ настоящее время *фондъ уже доведенъ до 20-ти милліоновъ*. На эти деньги въ 112-ти городахъ и промышленныхъ пунктахъ уже выстроено 2,570 квартиръ и, вѣроятно, столько же будетъ построено въ ближайшемъ будущемъ».

На Западѣ гласные думы заботятся о нуждахъ обывателей. Такъ напр., лондонскіе гласные, по словамъ Рапопорта, живо относятся къ каждому вопросу, горячо дебатируютъ каждую мелочь и заботливо пекутся о нуждахъ города. По ихъ инициативѣ, напр., улицы стали освѣщать... домашнимъ мусоромъ.

«Раньше этотъ мусоръ вывозился за городъ и не только ничего городу не приносилъ, но требовалъ еще немало расходовъ на свое удаленіе. Въ срединѣ же девяностыхъ годовъ, шордичскій муниципалитетъ рѣшилъ не вывозить его, а сжигать, и теплотой, которая отъ этого получается, *воспользоваться для электрическаго освѣщенія*. Съ этой цѣлью былъ выстроенъ электрическій заводъ съ мусоросожигателемъ, ставшимъ одной изъ лондонскихъ достопримѣчательностей. И, дѣйствительно, электрическій заводъ Шордича стоитъ посѣтить. Это—огромное зданіе, состоящее изъ двухъ рядовъ котловъ. Одинъ рядъ согрѣвается каменнымъ углемъ, а другой—всякимъ мусоромъ. Послѣдній привозится сюда на телѣгахъ муниципалитета, собирающихъ его по улицамъ и домамъ, или же изъ мастерскихъ на счетъ ихъ хозяевъ. Весь этотъ безконечно-разнообразный отбросъ, состоящій изъ старыхъ подошвъ, коробокъ, тряпокъ, опилокъ, объѣдковъ, костей, овощей, и т. д. и т. д., сваливается прямо съ возовъ въ отверстіе, сдѣланное въ подвальный этажъ, гдѣ попадаетъ въ огромные ящики, которые поднимаются посредствомъ электрическихъ элеваторовъ въ самый верхъ, подъ крышу, и здѣсь опоражниваются въ трубы и попадаютъ въ печи. Этимъ путемъ было предано пламени въ прошломъ году свыше 26,000 тоннъ мусора».

Не менѣе замѣчательная предусмотрительность сказалась также и въ устройствѣ общественной бани, превращаемой то въ концертную залу, то въ залу для митинговъ.

«Баню въ Шордичѣ,—разсказываетъ г. Рапопортъ,—мнѣ показывалъ одинъ изъ членовъ мѣстнаго городскаго совѣта и, очевидно желая поразить меня неожиданностью, онъ, ничего не говоря, раскрылъ вдругъ въ одномъ изъ коридоровъ дверь и передо мною оказалась блестящая огромная зала, уставленная стульями и креслами. Вдоль боковыхъ стѣнъ тянулась широкая галерея, поднимавшаяся амфитеатромъ и уставленная длинными и мягкими диванами. Въ концѣ залы, въ одну линію съ галереей, поднимался полукругомъ балконъ, уставленный пюпитрами и очевидно разсчитанный для оркестра. Въ противоположномъ концѣ залы находилась очень умѣстительная высокая эстрада изъ полированнаго дерева, окруженная мѣднымъ сверкающимъ барьеромъ, покоившимся на такихъ же мѣдныхъ столбикахъ. Съ высокой стеклянной

крыши спускались люстры съ затѣйливыми гроздьями изъ электрическихъ лампочекъ съ разноцвѣтными колпачками.

«Мой провожатый взглянулъ на меня и безусловно остался доволенъ впечатлѣніемъ, которое неожиданный видъ этой роскошной залы въ общественной банѣ долженъ былъ произвести на меня.— Что это такое? — спросилъ я не безъ изумленія. — Это — лѣтняя купальня!—отвѣтилъ онъ.—Подъ нами резервуаръ воды, — продолжалъ онъ поражать меня:—все, что вы видите здѣсь внизу: полъ, стулья, кресла, эстрада—все это временно, все это ставится здѣсь лишь на зимній сезонъ, когда помѣщеніе купальни превращается въ концертную и танцовальную залу, въ мѣсто для политическихъ и всякихъ иныхъ митинговъ, для гимнастическихъ представленій, выставокъ и пр. Мѣста здѣсь, считая только одинъ сидѣнья, хватитъ для 2,000 человѣкъ».

Приведенные г. Рапопортомъ примѣры доказываютъ, что англійскіе «отцы города» серьезно относятся къ своимъ обязанностямъ и весьма внимательны къ нуждамъ города.

Вопросъ о реформѣ средней школы не перестаетъ волновать русское общество. Слишкомъ ужь это наболѣвшій вопросъ!

Какъ проходитъ законъ божій въ гимназіи? — вотъ вопросъ, притомъ вопросъ весьма серьезный и существенный. Теперешняя постановка этого предмета въ гимназіяхъ крайне неудовлетворительна. Тамъ *проходятъ* законъ божій также, какъ проходятъ ариѳметику, географію, алгебру и пр., т. е. объясняютъ, задаютъ уроки и спрашиваютъ. Законоучитель обязанъ пройти опредѣленную программу по извѣстнымъ учебникамъ. Но это *прохожденіе* программы не приноситъ тѣхъ результатовъ, которые были бы желательны для нашихъ дѣтей. Наши дѣти знаютъ законъ божій, знаютъ, извѣстныя церковныя событія, немного знакомы съ догматами православной церкви. Но этого слишкомъ мало. Одной начинки головъ нашихъ дѣтей догматами крайне недостаточно, и наши дѣти не сдѣлаются отъ этого болѣе нравственными.

Законоучитель не долженъ быть *только* учителемъ. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ быть и воспитателемъ нашихъ дѣтей въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Самое обученіе вѣрѣ и закону божію должно вести къ воспитанію *христіанина*. Какъ же теперь ввести Христа въ душу ребенка или, иначе говоря, воспитательно учить дѣтей закону божію?

«Это высокое дѣло значительно облегчается тѣмъ, что «душа— по природѣ христіанка» и что она запечатлѣна Духомъ Святымъ въ таинствѣ крещенія—говоритъ протоіерей Орнатскій.—Въ ней,

значитъ, теплится искра божія, надо лишь раздуть ее въ пламень одушевленія *идеалами христіанства*. «Огонь низвелъ Я на землю и какъ бы Я желалъ, чтобы онъ возгорѣлся»!—говоритъ Спаситель. Конечно, въ достиженіи этой цѣли законоучитель долженъ орудовать не учебниками. Чѣмъ же? Словомъ божіимъ въ его первоисточникахъ. «Слово божіе живо и дѣйственно». Вся библія, и въ особенности новый завѣтъ, должны быть сдѣланы достояніемъ школы, столь же необходимымъ, какъ они служатъ достояніемъ церкви. Между школою и церковью должна быть полная параллель: одна должна помогать другой. Библію цѣликомъ не всегда можно дать въ руки дѣтямъ. И вотъ мнѣ представляется своевременнымъ подумать объ изданіи *учебной библіи*, въ которой было бы перепечатано все имѣющее учебно-воспитательное значеніе (да не подумаетъ кто либо, что я одно въ библіи считаю менѣе важнымъ, другое—болѣе важнымъ; я говорю примѣнительно къ цѣлямъ религіозно-нравственнаго воспитанія), съ исключеніемъ подробностей, которыя такого значенія не имѣютъ (перечисленія колѣнъ «народа божія», частныя предписанія закона Моисеева, исторія царей и пр.). Такую библію не только законоучитель будетъ читать съ дѣтьми въ классѣ, но и можетъ дать имъ въ руководство на домъ. Весь ветхій и новый завѣтъ, а также и исторія первенствующей христіанской церкви могутъ быть изучены по первоисточнику».

Но мы жестоко ошибемся, если будемъ думать, что заставимъ законоучителей и учениковъ проходить законъ божій по библіи и этимъ сдѣлаемъ все. Можно и читать библію, и не находить въ ней назиданія; можно читать ее, какъ читаютъ сектанты, и понимать превратно. Самъ Христосъ, познаваемый изъ Его евангелія, служитъ для многихъ камнемъ преткновенія. Чтобы дать дѣтямъ Христа евангельскаго, нужно, кромѣ библіи и евангелія, живое о Немъ слово родителей, воспитателей и законоучителей. Роль послѣднихъ можетъ и должна быть первенствующею въ этомъ отношеніи, если они не потеряютъ *душу живу* и внесутъ ее въ свое пастырское и учительское дѣло. Самое слово божіе, если перегоритъ въ горнилѣ души законоучителя, то, какъ живое изъ живой души, легко и перельется въ живую, воспріимчивую душу ребенка. Иначе оно будетъ кимваломъ бряцающимъ. Живая бесѣда законоучителя съ дѣтьми о предметахъ вѣры и жизни имѣетъ величайшее значеніе. Но у законоучителя есть еще и другое сильное средство для религіозно-нравственнаго воспитанія его учениковъ, это—служеніе въ церкви, отношеніе его къ ученикамъ, какъ священника и духовника.

«Такимъ образомъ,—продолжаетъ о. Орнатскій,—въ дѣлѣ рели-

гіозно-нравственнаго воспитанія должно имѣть въ виду не одно слово божіе, — мы не евангелики, — а и другіе факторы: участіе дѣтей въ богослуженіи, въ молитвѣ, въ таинствахъ. И вотъ въ этой-то области у насъ многое обстоитъ неблагополучно, какъ и собственно въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго обученія и воспитанія. Родители и воспитатели не молятся, не бываютъ за службами церковными, не приступаютъ по годамъ къ чашѣ жизни, а ихъ примѣру слѣдуютъ и дѣти».

По его мнѣнію: 1) законъ божій есть не учебный, а *воспитательный* предметъ и роль законоучителя не есть роль учителя только, но и воспитателя. Самое ученіе закону божію должно быть сводимо *къ воспитанію личности христіанина*;

2) для достиженія цѣли религіозно-нравственнаго образованія и воспитанія необходимо замѣнить учебники по предметамъ закона божія подлиннымъ словомъ божіимъ, для чего желательно изданіе учебной библіи;

3) законоучители должны перемѣнить свои отношенія къ дѣтямъ, какъ учителей извѣстныхъ предметовъ, на отношенія живыхъ руководителей ими въ дѣлѣ спасенія;

4) учащіеся должны быть возвращены подъ кровъ св. церкви съ ея молитвами, богослуженіемъ и таинствами;

5) въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія должны принять участіе, наряду съ законоучителемъ, и родители, и воспитатели— сердечнымъ словомъ и живымъ примѣромъ: exempla trahunt;

6) для уроковъ закона божія, если они будутъ вестись и въ формѣ живой бесѣды законоучителя съ дѣтьми, должно быть увеличено время, по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ классахъ, гдѣ для этого предмета отведенъ 1 часъ въ недѣлю, т. е. вѣрнѣе 40—50 минутъ, при возможности болѣзни законоучителя въ день урока или паденія этого урока на праздникъ.

Но гдѣ же намъ взять такихъ пастырей-законоучителей, которые были бы, дѣйствительно, учителями и воспитателями, а не только преподавателями закона божія? Вопросъ крайне серьезный. Недостатки нашего духовенства, его нерѣдко формальное, чиновничье отношеніе къ дѣламъ вѣры—достаточно извѣстно. Религіозно-нравственное вліяніе нашихъ пастырей на паству должно быть шире и дѣйствительнѣе. По нашему мнѣнію, недочеты заключаются въ системѣ образованія нашего духовенства. Семинаріи, гдѣ обучаются наши пастыри, далеко не даютъ того религіозно-нравственнаго воспитанія и настроенія, которое мы желали бы видѣть у нашихъ духовныхъ отцовъ. Сухость, формализмъ, показная внѣшность— суть отличительныя черты питомцевъ нашихъ семинарій. Еще одинъ

важный недостатокъ нашихъ семинарій: — изъ нихъ нѣтъ выхода въ университеты. Молодой человѣкъ, кончая семинарію, желалъ бы попасть въ университетъ, но въ большинство университетовъ доступъ ему закрытъ, и не потому, что онъ не подготовленъ къ слушанію университетскихъ лекцій, а по совершенно другой причинѣ. Высшее духовное начальство желаетъ, чтобы лучшія силы не уходили изъ духовнаго вѣдомства, а шли бы въ священники. Но, попадая въ священники въ силу необходимости, противъ своей воли, воспитанникъ семинаріи рѣдко бываетъ хорошимъ пастыремъ. Въ этомъ званіи необходимы: призваніе, любовь къ дѣлу, извѣстное религіозное настроеніе, самоотреченіе и самопожертвованіе. У священника же, попавшаго въ это званіе по необходимости, эти качества встрѣчаются въ рѣдкихъ случаяхъ.

Носятся слухи, что подготовляется уже реформа духовно-учебныхъ заведеній. Въ какомъ духѣ будетъ она проведена, пока трудно сказать. Старыя семинаріи были ближе къ типу тогдашнихъ гимназій; между духовною и свѣтскою школою была извѣстная гармонія. «Покойный графъ Д. А. Толстой,—говоритъ «Старый профессоръ» въ газетѣ «Россія»,—*будучи одновременно и министромъ народнаго просвѣщенія, и оберъ-прокуроромъ св. синода*, слѣдовалъ вполнѣ вѣрной отправной точкѣ зрѣнія. Онъ доказывалъ, что *общее образованіе* въ свѣтскихъ и духовныхъ школахъ должно быть одинаковымъ. Только спеціальные классы духовныхъ семинарій и духовныя академіи должны носить чисто богословскій характеръ. Въ виду этого, онъ примѣнялъ классическую систему въ гимназіяхъ и въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ съ равной энергіей. Въ семинаріяхъ было допущено одно отступленіе, выгодно отличавшее ихъ отъ гимназій. Семинаристы все таки должны были готовиться къ слушанію богословскихъ предметовъ въ спеціальныхъ классахъ (5-мъ и 6-мъ), а потому въ общихъ классахъ (3-мъ и 4-мъ) преподавались весьма обстоятельно *логика, психологія и философія*. Въ общемъ, воспитанники духовныхъ семинарій, закончившіе курсъ первыхъ четырехъ классовъ, по своему развитію и образованію стояли неизмѣримо выше окончившихъ курсъ гимназій. Это подтверждено неоспоримыми фактами. Какъ извѣстно, воспитанники духовныхъ семинарій, окончившіе курсъ первыхъ четырехъ классовъ, принимались, послѣ повѣрочнаго испытанія, во всѣ университеты и на всѣ факультеты. Въ университетской аудиторіи они сталкивались за однимъ общимъ дѣломъ со своими товарищами-гимназистами. Тутъ-то и выступала весьма рѣзко разница въ образованіи, развитіи и подготовкѣ тѣхъ и другихъ къ слушанію лекцій. Профессора заявляли, что семинаристы представляютъ лучшую часть аудиторіи.

Семинаристы создали ту солидную аудиторію,—аудиторію, весьма требовательную къ качеству и содержанію лекцій, о которой теперь осталось одно воспоминаніе... Спросите вы теперь любаго стараго профессора, и онъ вамъ скажетъ, что уровень аудиторіи нынче палъ до неузнаваемости по сравненію съ тѣмъ временемъ, когда они начинали свою профессорскую дѣятельность.

«Изъ семинаристовъ, попадавшихъ въ университетъ, выходили самые полезные дѣятели на разныхъ поприщахъ государственной и общественной службы, а особенно въ земствѣ. Мало того: 80-е годы застали на каѳедрѣ большинство лучшихъ профессоровъ изъ бывшихъ воспитанниковъ семинарій. Всякому извѣстно, что профессорская коллегія, переданная 70-ми годами 80-мъ, представляла собой иную среду, иныхъ людей, чѣмъ та среда и тѣ люди, которыхъ мы видимъ теперь, когда на каѳедрахъ появились молодые профессора новой формаціи».

«Куда же дѣвались эти культурныя силы, которыхъ давали для университетовъ духовныя семинаріи? Повидимому, разъ имъ закрыли доступъ въ университетъ, то онѣ должны были возвратиться въ среду самого духовенства. Но кто же скажетъ, что тѣ силы, которыя выступали въ первыхъ рядахъ на поприщѣ науки, литературы, государственнаго и общественнаго служенія, стали сколько нибудь замѣтными въ духовной средѣ послѣ закрытія университетскихъ дверей предъ семинаристами? Притока этихъ силъ не видно, что и напередъ можно было предвидѣть... Принудительное избраніе профессіи,—какъ и слѣдовало ожидать,—принесло свои плоды. Когда юноша на семинарской скамьѣ готовился по своему желанію въ духовные или въ университетъ, онъ готовился съ увлеченіемъ, работалъ серьезно и много надъ своимъ развитіемъ. Когда же принужденіе къ опредѣленной карьерѣ стало господствующимъ факторомъ въ жизни семинарскаго юношества, оно опустилось, махнуло рукой и стало думать только о переходѣ изъ класса въ классъ».

Рядъ измѣненій въ программахъ гр. Толстаго съ цѣлью спеціализаціи духовной школы и закрытіе доступа семинаристамъ въ свѣтскія учебныя заведенія повели къ дурнымъ послѣдствіямъ. Строгая спеціализація семинарій за послѣднее время повлекла за собой лишь упадокъ ихъ самихъ и общее пониженіе нравственнаго и умственнаго уровня выпускаемыхъ ими питомцевъ.

«Опытъ показалъ,—продолжаетъ «Старый профессоръ»,—что гр. Д. А. Толстой, заботившійся о томъ, чтобы въ духовныхъ семинаріяхъ среднее общее образованіе стояло на первомъ мѣстѣ, тѣмъ самымъ нисколько не вредилъ ихъ спеціальному назначенію. Горькій опытъ послѣднихъ 20 лѣтъ ясно показалъ, что строго спеціальное

назначеніе духовныхъ семинарій, доведенное до крайности, т. е. до закрытія предъ ихъ воспитанниками дверей высшихъ учебныхъ заведеній, безусловно вредитъ образовательной роли духовныхъ семинарій. Когда семинаристы имѣли доступъ въ высшія учебныя заведенія, тогда жаловались на то, что лучшія силы уходятъ изъ рядовъ духовенства. Но забывали вспомнить о томъ, что рвавшіеся въ высшія учебныя заведенія высоко поддерживали общій образовательный уровень въ семинаріяхъ и тѣмъ подтягивали всѣхъ тѣхъ, кто предпочиталъ идти въ ряды духовенства».

Открытіе доступа семинаристамъ въ нѣкоторые университеты (варшавскій, томскій и юрьевскій) даетъ надежду, что недалеко то время, когда двери и другихъ университетовъ (притомъ всѣхъ факультетовъ) будутъ открыты семинаристамъ. Свѣтская наука и университеты получатъ новый элементъ, трудолюбивый и способный; духовное вѣдомство также будетъ въ выигрышѣ: оно избавится отъ тѣхъ своихъ питомцевъ, которые пошли бы въ священники безъ призванія, а лишь въ силу крайней нужды.

Изданный министерствомъ внутреннихъ дѣлъ циркуляръ по продовольственному дѣлу затрогиваетъ массу принципіальныхъ вопросовъ. Изданіе «временныхъ правилъ по обезпеченію продовольственныхъ потребностей сельскихъ обитателей», какъ извѣстно, было мотивировано необходимостью создать такую организацію продовольственной и сѣменной помощи населенію въ годы неурожайныхъ бѣдствій, которая устраняла бы всѣ недостатки прежняго устава о народномъ продовольствіи и, главнымъ образомъ, недостатки въ завѣдываніи и распорядительности. Циркуляръ г. министра внутреннихъ дѣлъ, свидѣтельствуя о серьезности переживаемаго нѣсколькими губерніями кризиса, въ то же время указываетъ, что постановка продовольственнаго дѣла, созданная закономъ 12 іюня 1900 г., оказывается на практикѣ невполнѣ цѣлесообразной, и теперь уже потребовался цѣлый рядъ отступленій и измѣненій. Второй вопросъ, какъ отнесутся земства, на которыя циркуляромъ г. министра внутреннихъ дѣлъ возлагается масса сложнаго и отвѣтственнаго труда по организаціи общественныхъ работъ, по заготовкѣ кормовъ для скота и предупрежденію распродажи его за безцѣнокъ, по организаціи продажи хлѣба по заготовительнымъ цѣнамъ и пр. Такимъ образомъ, на долю земства выпадаетъ серьезная и отвѣтственная задача. Многія земства были въ полной увѣренности, что послѣ закона 12 іюня 1900 г. они больше не будутъ имѣть никакого «касательства» къ продовольственному дѣлу. Циркуляромъ же Д. С. Сипягина наши

земства вновь призываются принять участіе въ организаціи продовольственнаго дѣла.

Въ числѣ мѣръ, предлагаемыхъ для борьбы съ послѣдствіями неурожаевъ, въ послѣднее время все болѣе и болѣе выдвигается на первый планъ устройство такъ называемыхъ *общественныхъ работъ*. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ всѣхъ видовъ поддержки нуждающагося населенія общественныя работы являются лучшею и болѣе цѣлесообразною помощью. Будутъ заработки у населенія, будетъ у него и хлѣбъ. Если выдача ссудъ на прокормъ дѣтей и стариковъ въ неурожайные годы и устройство для этой цѣли безплатныхъ столовыхъ являлись необходимыми и цѣлесообразными мѣрами, то безплатное кормленіе работниковъ всегда казалось и страннымъ, и нежелательнымъ.

Но гдѣ же достать крестьянину заработокъ въ неурожайные годы? Вѣдь неурожай въ огромномъ большинствѣ случаевъ влечетъ за собою и безработицу для сельскаго населенія. Заработки крестьянъ тѣсно связаны съ урожаемъ хлѣбовъ и травъ. У взрослаго работника во время неурожая совсѣмъ не оказывается заработковъ. Свой хлѣбъ не родился, заработковъ нѣтъ,—что же дѣлать? Искать заработка на сторонѣ. Но для этого, во-1-хъ, нужны деньги на проѣздъ, а, во-2-хъ, надо знать, гдѣ достать эти заработки. Нельзя же ѣхать или идти пѣшкомъ куда глаза глядятъ. На помощь крестьянину неурожайныхъ губерній въ этомъ случаѣ должны прійти правительство и земства съ организаціей цѣлаго́ ряда общественныхъ работъ. Но вотъ вопросъ: какія именно предпринять работы?

Работы повсюду много, лишь были бы деньги да желаніе работать. Можно заняться устройствомъ и шоссированіемъ дорогъ, устройствомъ водоотводныхъ канавъ, сооруженіемъ гатей и мостовъ. Можно организовать работы по засыпкѣ большихъ рытвинъ и укрѣпленію овра́говъ и береговъ рѣкъ, устроить водоемы для скота, пруды и колодцы для населенія. Всѣ общественныя работы, которыя можно произвести, трудно и перечислить. Наши некультурныя, дикія деревни нуждаются въ очень и очень многомъ. Повторяемъ: была бы лишь охота, да были бы преданные дѣлу люди, а за работой дѣло не станетъ.

Для нуждающагося бѣднаго населенія необходимо организовать общественныя работы; для другой же части населенія, болѣе или менѣе обезпеченной, необходимо создать дешевый кредитъ. Земства давно уже стараются организовать мелкій сельско-хозяйственный кредитъ, въ которомъ такъ нуждаются крестьяне, кустари и мелкіе собственники; но, къ сожалѣнію, имъ этого не удавалось сдѣлать по причинамъ, отъ нихъ не зависящимъ. И только теперь, благо-

даря оргѣевскому земству, этотъ вопросъ получилъ желаемое разрѣшеніе. Оргѣевская управа выработала такой проэктъ устава, который одобренъ подлежащими министерствами, и *первый сельскохозяйственный банкъ* скоро откроетъ свои операціи. Оргѣевскій банкъ отвѣчаетъ потребностямъ деревни. Вклады принимаются, начиная съ 3 рубл., а ссуды выдаются не болѣе 100 руб. Въ этомъ банкѣ крестьянинъ всегда можетъ «перехватить» маленькую сумму на неотложную нужду: на покупку лошади, коровы, плуга и пр. Кустарь на взятыя изъ банка деньги пріобрѣтетъ изъ первыхъ рукъ необходимые ему матеріалы. Деревня найдетъ въ банкѣ не только близкій, подъ руками, но и недорогой кредитъ.

Итакъ, починъ сдѣланъ. Лучше поздно (хотя бы и очень поздно!) чѣмъ никогда. Желательно, чтобы и другія земства послѣдовали примѣру оргѣевскаго. Тогда обширная Россія покроется сѣтью маленькихъ крестьянскихъ банковъ, гдѣ маленькіе люди деревни будутъ хранить не только свои сбереженія, но и дѣлать займы за небольшой процентъ. Вообще насъ слишкомъ мало интересуетъ судьба производительнаго труда,—и вся наша финансовая система, съ ея гешефтмахерскими банками, направлялась въ пользу «посредниковъ» между трудомъ и капиталомъ.

Заговоривъ объ *общественныхъ работахъ*, мы не можемъ не упомянуть о своеобразныхъ «работахъ», устроенныхъ однимъ изъ земскихъ начальниковъ суздальскаго уѣзда. Въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» передается интересная подробность о поѣздкѣ министра внутреннихъ дѣлъ по владимірской губ.

«До выѣзда министра въ г. Суздаль, до его свѣдѣнія было доведено, что одинъ изъ земскихъ начальниковъ уѣзда допускалъ вообще неправильныя по службѣ дѣйствія и въ послѣднее время, вопреки сдѣланнымъ ему губернаторомъ указаніямъ *не дѣлать никакихъ торжественныхъ приготовленій къ встрѣчѣ министра*, приказалъ всему окрестному крестьянскому населенію, въ самую страдную пору уборки хлѣбовъ, прибыть *для встрѣчи* его на границу суздальскаго уѣзда, а крестьянкамъ с. Павловскаго—пріобрѣсти и надѣть новое праздничное платье для привѣтствованія министра у околицы села. Сдѣлавъ заблаговременное распоряженіе объ отмѣнѣ всѣхъ сдѣланныхъ земскимъ начальникомъ приготовленій, министръ, по прибытіи въ с. Павловское, вышелъ изъ экипажа и, узнавъ изъ бесѣды съ мѣстными крестьянами, что дошедшія до него свѣдѣнія вѣрны, объявилъ, что земскій начальникъ поступилъ неправильно.

«Въ г. Суздалѣ, передъ началомъ пріема, министръ, выдя въ залу, гдѣ собралась въ его ожиданіи мѣстная администрація, и узнавъ, что земскій начальникъ, въ предѣлахъ участка котораго

расположено с. Павловское, не находится въ числѣ представляющихся, поручилъ суздальскому уѣздному предводителю дворянства безотлагательно передать отъ его имени названному лицу, что, за полное несоотвѣтствіе его поступковъ попечительному въ отношеніи крестьянскаго населенія характеру занимаемой имъ должности, онъ устраняется отъ этой должности и ему предлагается подать прошеніе объ отставкѣ. Приказавъ затѣмъ суздальскому исправнику безотлагательно собрать свѣдѣнія о тѣхъ крестьянкахъ, которыя были введены распоряженіями земскаго начальника въ расходы, и передавъ ему деньги для возмѣщенія ихъ, егермейстеръ Сипягинъ принялъ всѣхъ представлявшихся ему лицъ и долго бесѣдовалъ съ волостными старшинами о положеніи продовольственнаго дѣла въ ихъ волостяхъ».

Нужно думать, что эта исторія съ земскимъ начальникомъ отобьетъ и у другихъ провинціальныхъ дѣятелей устраивать подобныя «общественныя работы»... Урокъ, данный г. министромъ, нужно надѣяться, послужитъ на пользу не только крестьянамъ, но и земскимъ начальникамъ: первые не будутъ понапрасну тратить время, а вторые умѣрятъ свою ретивость...

Нѣкоторыя іудофильствующія газеты обвиняютъ нашъ журналъ въ «іудофобствѣ». Это обвиненіе представляетъ, конечно, чистѣйшую ложь высшей талмудической пробы. Мы не іудофобы, и не іудофилы. Какъ *ненавидѣть*, такъ и *любить* евреевъ—намъ не за что. Мы стоимъ на точкѣ зрѣнія *государственной пользы*, которая давно выражена Государственнымъ совѣтомъ въ «еврейскомъ вопросѣ». Если нашъ журналъ занятъ разоблаченіемъ жидовско-кагальной организаціи, жидовскихъ гешефтмахерствъ и жидовскаго натиска на русскій народъ,—то мы дѣлаемъ это совсѣмъ не изъ ненависти къ еврейству и не изъ любви къ «избранному народу». Если въ нашемъ журналѣ еврейскій вопросъ принялъ яркую окраску и, по необходимости, сильный колоритъ, то это только потому, то другіе органы нашей печати или совершенно молчатъ о жидовскихъ подвигахъ, или упоминаютъ только нехотя и вскользь, творя волю пославшаго ихъ кагала. Удѣляй должное вниманіе еврейскому вопросу другіе органы печати,—они тоже должны бы принять такой оттѣнокъ и стали бы также считаться іудофобствующими органами. «Отъ избытка сердца уста глаголятъ». Вѣдь не хватило бы у нихъ наглости обсуждать по пулханъ-аруху всѣ возмутительныя дѣянія жидовскихъ бандъ!!

Жизнь идетъ впередъ, и каждый день провинціальная печать приноситъ намъ вѣсти о жидовскихъ ухищреніяхъ и жидовскихъ гешефтмахерствахъ. Мы не скрывали и не скрываемъ отрицатель-

ныхъ сторонъ и русскаго народа. Нашъ журналъ всегда отмѣчалъ темныя стороны нашей жизни, но давать, въ этомъ отношеніи, какую-то привилегію якобы «прирожденной всемірной аристократіи»—мы отнюдь не намѣрены.

Грубыя отрицательныя явленія въ нашемъ народѣ—это результатъ невѣжества, невоспитанія, бѣдности. Въ еврейскомъ же народѣ гешефтмахерство и другія отрицательныя стороны—результаты ихъ воспитанія по талмуду, результатъ кагальной организаціи. Какъ воспитываются еврейскія дѣти—это прекрасно видно изъ маленькой статейки, помѣщенной въ «Новомъ Времени» подъ названіемъ: «Воспитаніе Льва».

«У моего пріятеля трое внуковъ,—пишетъ г. W.,—въ которыхъ онъ души не чаетъ:—Левъ пяти лѣтъ, Лія—трехъ лѣтъ и Исаакъ—одного года и семи мѣсяцевъ. Дѣдушка не нагляднтся на нихъ, не наслушается, и незамѣтно, но искусно кладетъ основаніе правильному воспитанію ихъ ума и сердца.

— Исаакъ еще малъ, — разсказывалъ мнѣ дѣдъ, и его глаза увлажались умиленіемъ,—и пока трудно сказать, что изъ него выдетъ. Лія—женщина; ея область — домашній очагъ. Но Лейбочка, Левчикъ,—прямо вамъ говорю,—геніальное дитя, *будущій министръ финансовъ*. Недавно я такъ былъ растроганъ, что чуть не заплакалъ. Представьте себѣ такую выходку моего всего лишь пятилѣтняго Льва. Зашелъ я къ внукамъ въ гости. Дѣти меня сейчасъ же окружили и спрашиваютъ:

— Дѣдушка, что ты намъ принесъ?

— А я, когда прихожу, то приношу чаще всего небольшую горсточку серебряныхъ пятачковъ. Принесъ я и на этотъ разъ.

— Подойдите, говорю, дѣти къ столу.—Тѣ подошли и смотрятъ, а я взялъ семь пятачковъ и разложилъ ихъ на столѣ въ рядъ.

— Лейбочка, Левъ,—говорю я,—раздѣли эти пятачки между собой и твоей сестрой Ліей.—Дитя посмотрѣло на деньги и въ одну минуту говоритъ:

— Я раздѣлилъ.

— Какъ же ты раздѣлилъ?

— Четыре пятачка себѣ и три Леечкѣ.

— Очень хорошо,—говорю я,—но я хочу, чтобъ ты раздѣлилъ поровну.—Левъ опять думаетъ, глазки блестятъ, головка работаетъ—работаетъ, какъ у министра финансовъ, когда онъ самъ съ собою обсуждаетъ какую нибудь монополію или торговый договоръ, и говоритъ:

— Это невозможно!

— Возможно!—говорю я.—А онъ опять думаетъ, опять глаза блестятъ у малютки, какъ брилліантъ.

— Надо одинъ пятачокъ разрѣзать пополамъ,—говоритъ онъ.

— Нѣтъ, я не позволю портить монету. Сдѣлай такъ, чтобы не разрѣзать...—И, знаете ли,—близко наклоняясь ко мнѣ и понижая голосъ, слегка дрожавшій отъ глубокаго чувства, овладѣвшаго счастливымъ дѣдомъ,—говорилъ онъ,—знаете ли, я не имѣлъ въ умѣ никакой комбинаціи дѣлежа поровну; я просто шутилъ, просто хотѣлъ позабавиться, поставивъ ребенка втупикъ и задавъ ему завѣдомо неразрѣшимую задачу. И вдругъ, что же вы себѣ думаете? ребенокъ смотритъ мнѣ прямо въ глаза просто геніальнымъ взглядомъ и говоритъ:

— Дѣдушка, я раздѣлилъ!

— Ну?

— Купи мнѣ на одинъ пятачекъ сладкій пирожокъ.

— Ну!?

— Я отдамъ Леечкѣ три пятачка, себѣ возьму три пятачка...

— Н-ну?!!—перебилъ я его, не вѣря своимъ ушамъ и глазамъ.

— А пирожокъ разрѣжу пополамъ. Одну половину себѣ, другую Леечкѣ...

Тутъ въ комнатѣ была и мать ребенка. Она не дала ему докончить, безумными поцѣлуями зажала ему ротъ и заплакала...

Разсказчикъ отвернулся и довольно долго сморкался въ желтый фуляровый платокъ, чтобы скрыть волненіе. Когда онъ оправился, то докончилъ:

— Это пятилѣтній львенокъ! Что же изъ него выдетъ, когда онъ станетъ взрослымъ Львомъ»?!

О! конечно, онъ будетъ не только «умнымъ», но даже геніальнымъ... гешефтмахеромъ! Таково, вѣдь, почти все еврейское племя,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Признаки «геніальности» этого племени обнаруживаются на каждомъ шагу ежедневно...

Винная монополія существуетъ безъ году недѣля, а ужь «геніальные» жиды ухитрились дѣлать *свой спиртъ*. 3-го сентября, въ уголовномъ отдѣленіи виленскаго окружнаго суда, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, разбиралось дѣло по обвиненію мѣщанки *Хей Юделевой Верзовкеръ* въ тайномъ винокуреніи. Дознаніемъ было установлено, что обвиняемая занималась добычею спирта... изъ олитуры (!!).

При осмотрѣ квартиры Верзовкеръ, былъ найденъ на печкѣ жестяной перегонный кубъ, 8 вершковъ въ діаметрѣ, а въ самой печкѣ плотно подходившая къ его отверстію жестяная крышка.

Въ диванѣ, стоявшемъ въ комнатѣ, оказались 2 жестяныя трубки и 2 такихъ же колѣнца къ нимъ, а за печкой былъ найденъ жестяной холодильникъ. При дальнѣйшемъ осмотрѣ квартиры, были еще обнаружены: въ сѣняхъ деревянная кадка съ отверстіемъ внизу, вполнѣ подходящимъ къ размѣрамъ отводной трубки холодильника, а на чердакѣ — жестянка отъ политуры съ небольшимъ остаткомъ послѣдней. Всѣ описанныя составныя части перегоннаго апарата соединялись между собой найденными при обыскѣ жестяными трубками и такимъ образомъ получился *цѣлый апаратъ*, вполнѣ годный для полученія изъ политуры спирта. При произведенномъ, въ лабораторіи виленскаго губернскаго акцизнаго управленія, опытѣ перегонки спирта на найденномъ у Верзовкеръ апаратѣ, изъ политуры въ продолженіе одного часа получилось 0,206 ведра спирта, крѣпостью въ 90 градусовъ.

Окружной судъ опредѣлилъ: мѣщанку Лею Верзовкеръ заключить въ тюрьму на 2 мѣсяца и, кромѣ того, взыскать съ нея въ пользу казны 4,143 р. 13 к., а въ случаѣ несостоятельности ея къ уплатѣ этой суммы — подвергнуть ея тюремному заключенію на 1 годъ. Для пресѣченія обвиняемой способовъ уклоненія отъ наказанія, потребовать отъ нея залога въ размѣрѣ 4,000 р., а до представленія его содержать ее подъ стражею.

Не успѣли покончить съ виленскою винокурнею, какъ уже открыта другая винокурня въ сѣдлецкой губ. Въ «Варшавскій Дневникъ» пишутъ изъ гор. Сѣдлеца, что такой «заводъ» недавно былъ открытъ, во время дѣйствія его, въ квартирѣ *Менделя Левина*.

Устройство этого завода очень несложно, и, какъ оказывается, почти всѣ препараты сдѣланы домашнимъ способомъ. Обыкновенная жестяная посуда, вмѣстимостью немного болѣе 3 гарнцевъ, наполнялась вся политурой и нагрѣвалась на обыкновенной керосиновой машинкѣ; холодильникомъ служила простая десятиведерная бочка, въ которой находилось нѣсколько аршинъ гуттаперчевой трубки, а пріемникомъ—обыкновенный эмальированный чайникъ. Получаемый такимъ образомъ спиртъ оказался около 97° крѣпостью, но обладалъ нѣсколько непріятнымъ запахомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что такихъ жидовскихъ винокурень въ Сѣверо-западномъ краѣ и Польшѣ—сотни...

Впрочемъ, они и «геніальные» доносчики. Вотъ что пишутъ по этому поводу въ «Могилевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ».

«Нумера «Восхода» и «Будущности» со статьями, касающимися «Наблюдателя» и г. Якрина, *регулярно присылаются намъ могилевскими евреями*. Исключеніе составилъ только нумеръ «Будущности», въ которомъ аршинными буквами, на первомъ мѣстѣ, на-

печатанъ въ высшей степени безтактный, а главное ложный отъ начала до конца, *доносъ на насъ и на раввина Якрина*, — доносъ, конечно, безыменный (*sic*). Этотъ нумеръ, въ самый день полученія въ Могилевѣ, разосланъ, какъ доносъ, лицамъ начальствующимъ, но намъ не присланъ. Предоставляемъ «Будущности» самой дать названіе этому поступку ея сотрудника въ отношеніи людей, стремящихся, въ интересахъ общаго блага, къ выясненію истины. А пока посовѣтуемъ ей принять мѣры, чтобы ея бравады не проникали въ русскую народную массу, иначе еврейская «Будущность» рискуетъ оказаться главнымъ врагомъ еврейства. Примемъ къ свѣдѣнію эти нечистоплотныя выходки и мы»...

Доносъ—это испытанное и вѣрное оружіе въ рукахъ евреевъ Къ нему всегда прибѣгаютъ.

А когда издавалась «Гласность», не скрывавшая государственнаго вреда, приносимаго самозваннымъ и преступнымъ «еврейскимъ правительствомъ» sui generis, — жидовскіе мѣдные лбы упрекали ее, за это публичное срываніе маски съ лицемѣровъ, въ «доносительствѣ»!..

Очевидно, «избранное племя» потеряло уже всякій смыслъ и стыдъ, и неудержимо стремится къ своей собственной гибели, воображая, что *двухтысячелѣтняя христіанская исторія* прошла безслѣдно для человѣчества и что вся евангельская мораль уже исчезла изъ нашей общественной и государственной жизни... Но не слишкомъ ли они поторопились являться передъ нами въ образѣ Адама, даже безъ всякаго фиговаго листка?! Вѣдь и передъ разрушеніемъ Іерусалима, по приказу *милосердаго* Тита, они нагло увѣряли, что ихъ царствію не будетъ конца. Конецъ, однако, все таки пришелъ.

ФОНОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

По бѣлу свѣту.

(Замѣтки и наблюденія).

По евангелію и по шулханъ-аруху.—Звѣрства Китченера въ Южной Африкѣ и его откровенное признаніе. — Англійскіе аферисты, учиняющіе человѣческую живодерню во имя «цивилизаціи».—Имѣла ли право Англія, не сообщая другимъ державамъ, присоединять къ своимъ владѣніямъ независимую Оранжевую республику?—Что могла бы сдѣлать для настоящей цивилизаціи гаагская конференція? — Новый Робеспьеръ въ лицѣ губернскаго предводителя дворянства.—Талмудизмъ, невозбранно раскидывающій свои «сѣти» на весь міръ. — Не пора ли христіанской проповѣди рѣшительно вооружиться противъ «религіозно-политической касты»? — Нѣчто о фатальной судьбѣ газеты «Гласность». — Платоническое сочувствіе и суровая дѣйствительность. — Четверть вѣка не пропали даромъ для успѣховъ жидовской пропаганды!—Поощряемая фальсификація общественнаго мнѣнія.—Терроръ и подкупъ. — Ложные еврейскіе и дѣйствительные *мартиролои* русской печати. — Уничтоженный de jure, но существующій de facto жидовскій кагалъ въ Ригѣ.

I.

Два года тому назадъ, объявляя войну непокорному Трансваалю, — не пожелавшему признать англійское иго за благо и съ радостною улыбкою лишиться своей политической независимости,—гордая «царица морей» похвалялась передъ всѣмъ свѣтомъ, что она раздавитъ въ нѣсколько мѣсяцевъ непокорныхъ «мятежниковъ». Громадныя военныя силы и неисчерпаемые милліоны великобританской казны были брошены въ эту борьбу въ ожиданіи скораго и счастливаго исхода—военнаго тріумфа и полнаго ограбленія природныхъ трансваальскихъ богатствъ.

Но нѣсколько мѣсяцевъ быстро канули въ вѣчность; про-

летѣли и два тяжелыхъ года; понадобились свѣжія подкрѣпленія на театръ войны; сотни тысячъ фунтовъ стерлинговъ таяли въ жаркихъ схваткахъ, «аки воскъ отъ лица огня»; президентъ Крюгеръ оставилъ свою страждущую отчизну, чтобы вопіять отъ ея имени передъ державами, подписавшими протоколы гаагской конференціи,—причемъ еле-еле вырвался изъ англійскихъ когтей, — а обезсиленные боэры, потерявъ возможность вести регулярную войну, все еще продолжаютъ отстаивать партизанскими набѣгами каждую пядь родной земли, и твердо рѣшились проститься со своею независимостью только вмѣстѣ съ самою жизнью, выпустивъ послѣдній боевой снарядъ въ разсвирѣпѣвшаго безсовѣстнаго врага...

Печальную участь Трансвааля раздѣлила и Оранжевая республика, а затѣмъ къ нимъ пристала и Капская колонія, считавшаяся самою преданной Англіи. Должно быть, блага англійской гегемоніи показались этимъ колонистамъ до такой степени невыносимыми, что они изъ вѣрнѣйшихъ подданныхъ Англіи перекочевали чуть не поголовно въ лагерь «мятежниковъ»!..

Звѣрства англичанъ, обманувшихся въ легкости завоеванія, превосходятъ уже всякія границы, допустимыя въ войнѣ между цивилизованными христіанскими народами. Это какая-то наглая безчеловѣчная бойня, напоминающая подвиги израиля въ истребленіи поверженнаго врага. Недаромъ же возникло предположеніе, что англичане представляютъ собой потомковъ затерявшагося *рыжаго* колѣна израиля. Si non e vero, e ben trovato. Аллюры англійскаго капитализма и безцеремоннаго набиванія кармана, — хотя бы цѣною человѣческой крови и слезъ,—дѣйствительно, имѣютъ много общаго съ врожденною жадностью евреевъ къ золоту. Золотой телецъ издревле былъ ихъ настоящимъ интимнымъ богомъ, которымъ они охотно замѣняли слишкомъ человѣчнаго и отвлеченнаго для нихъ Іегову.

Прославившійся во всемъ мірѣ извергъ Китченеръ,—примѣняющій къ боэрамъ тѣ же варварскіе пріемы войны, которыми онъ съ успѣхомъ пользовался въ дикомъ Суданѣ,—разстрѣливаетъ военноплѣнныхъ, какъ бунтовщиковъ, не щадя ни ихъ женъ, ни дѣтей, опустошаетъ ихъ жилища и истребляетъ домашній скотъ; словомъ, дѣйствуетъ по шулханъ-аруху, какъ истинный еврейскій мессія, призванный поработить и кинуть *подъ ноги* израилю всѣ гоимскіе народы!..

Давно-ли капскіе колонисты, празднуя шестидесятилѣтіе царствованія Викторіи, поднесли въ даръ ея правительству многомилліонный броненосецъ перваго класса, чего не сдѣлала ни одна изъ англійскихъ колоній; а теперь Китченеръ объявилъ всю Капскую колонію на осадномъ положеніи, т. е. отмѣнилъ въ ней всякій гражданскій порядокъ, установленный

самою метрополіей, подчинивъ всѣхъ жителей неистовому террору военныхъ сатраповъ, могущихъ вѣшать, разстрѣливать, грабить и увѣчить всякаго, кто провинился только тѣмъ, что не въ урочный часъ вышелъ изъ своего дома, или, не желая умереть съ голоду во славу суданскаго героя, прикопилъ провизіи больше чѣмъ на нѣсколько дней...

Но такъ какъ христіанскій военачальникъ, — хотя бы и всосавшій съ молокомъ матери извѣстное англійское фарисейство въ религіозныхъ вопросахъ,—не можетъ сразу перескочить отъ евангелія къ шулханъ-аруху и смотрѣть на всѣхъ неангличанъ, какъ на скотовъ, одаренныхъ даромъ слова, то, естественно, что у этого самаго фельдмаршала Китченера,— прежде чѣмъ онъ озвѣрѣлъ окончательно,—были и «свѣтлые промежутки», когда онъ вполнѣ сознавалъ всю преступную гнусность затѣянной его соотечественниками войны.

Жермонъ Батистъ въ «Figaro» приводитъ интересный отзывъ Китченера о трансваальской кампаніи, сдѣланный имъ незадолго до назначенія его главнокомандующимъ. «Трансваальская война, — говорилъ онъ тогда, — была предпринята Англіей *вопреки всякому смыслу и противъ мнѣнія компетентныхъ людей* (не его ли, Китченера?). *Заинтересованные министры* (**Чемберленъ**, родной братецъ котораго доставлялъ оружіе боэрамъ, и другіе, ему подобные) убѣдили англійскій народъ, что предстоитъ лишь «простая военная прогулка». *Они сознательно послали на смерть* многія тысячи людей, давъ приказъ одерживать побѣды въ опредѣленные заранѣе сроки. *И все это—ради сброда биржевыхъ спекулянтовъ*»!

Но когда эти самые «биржевые спекулянты», торговавшіе кровью ни въ чемъ неповинныхъ людей, послали храбраго суданскаго героя стать во главѣ этой человѣческой живодерни, англійскій фарисей не преминулъ принять команду и усердствуетъ теперь въ сдираніи боэрской кожи...

Не правъ ли былъ нашъ генералъ Драгомировъ, отвѣтившій такимъ образомъ на заданный ему вопросъ объ успѣхахъ «гуманности» и «прогресса» въ настоящее время: «Объ этихъ прелестяхъ, — говоритъ онъ въ военномъ журналѣ «Развѣдчикъ»,—какъ-то неловко говорить въ то время, когда одна нація разоряется, усиливаясь истребить честный маленькій народъ изъ-за того, чтобы болѣе или менѣе *вліятельные прохвосты* той націи достигли благородной цѣли — набить себѣ карманъ».

«Биржевые спекулянты» и «вліятельные прохвосты», ссылаясь на требованія прогресса и гуманности,—какъ бы въ насмѣшку надъ здравымъ человѣческимъ смысломъ,—очевидно стремятся перековеркать весь міръ на началахъ вавилонско-

халдейскаго талмуда, доколѣ, конечно, Господь грѣхамъ ихъ терпитъ.

Но что же подѣлываетъ гаагская конференція, призванная блюсти права человѣчности во всѣхъ международныхъ отношеніяхъ? Если ужь не заступается она за Трансвааль на томъ формальномъ основаніи, — поддерживаемомъ и профессоромъ Мартенсомъ,—что эта республика не представляетъ-де вполнѣ самостоятельной политической единицы, то и такого ложнаго аргумента (блистательно опровергнутаго Крюгеромъ) нельзя никакъ примѣнить къ Оранжевой республикѣ, полная политическая независимость которой была признана самимъ великобританскимъ правительствомъ вмѣстѣ съ другими европейскими державами. За чѣмъ же дѣло стало? Вступиться за государство,—беззаконно, вопреки международному праву, присоединенное къ англійской территоріи, даже безъ увѣдомленія о томъ заинтересованныхъ кабинетовъ,—всегда возможно даже и съ формально-юридической точки зрѣнія.

II.

Мы живемъ въ очень тревожное время... Даже въ богоспасаемомъ Орлѣ, на самомъ—казалось бы—невинномъ засѣданіи миссіонерскаго общества, внезапно объявился новый Робеспьеръ, предвѣщающій, конечно, и возникновеніе у насъ Comité du salut public. Объявился онъ, если вѣрить утвержденію «Московскихъ Вѣдомостей», въ лицѣ орловскаго губернскаго предводителя дворянства М. А. Стаховича. «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ»!

Весь corpus delicti г. Стаховича заключался въ томъ, что онъ, на съѣздѣ миссіонеровъ, ссылаясь на извѣстные ему примѣры насильственнаго обращенія нашихъ диссидентовъ въ православіе, подъ угрозою ссылки въ Сибирь или на Кавказъ, поднялъ вопросъ объ отмѣнѣ уголовныхъ каръ за такъ называемыя «религіозныя преступленія». Можно соглашаться и не соглашаться съ г. Стаховичемъ въ вопросѣ о своевременности такой мѣры, въ виду крайне неудовлетворительнаго положенія нашего народнаго образованія, не защищающаго крестьянской массы отъ грубыхъ соблазновъ многообразнаго сектантства; но влагать въ его рѣчь какіе-то революціонные и антирелигіозные мотивы — по малой мѣрѣ неосмотрительно. Можно быть даже консерваторомъ и искренно-религіознымъ человѣкомъ и, въ то же время, отвращаться всею душою отъ «ваій и заушеній», возведенныхъ на степень богословскихъ аргументовъ. И. С. Аксаковъ,—на что ужь былъ человѣкъ нелицемѣрно вѣрующій и именно въ духѣ православной церкви,—но и тотъ негодовалъ, когда вмѣсто духовныхъ увѣщаній наши

хлыстовщины пускали въ ходъ уголовныя кары и угрозы. Онъ даже *совѣтовалъ* имъ, при исполненіи подобной профессіи, обивать свои рясы оранжевымъ (полицейскимъ) кантомъ, чтобы не было никакого сомнѣнія въ характерѣ ихъ миссіонерства...

Г. Стаховичъ только повторилъ въ сущности ту же мысль о глубокомъ принципіальномъ различіи между *нравственнымъ* и *полицейскимъ* воздѣйствіемъ, и хотя нѣкоторые члены съѣзда возражали въ «Орловскомъ Вѣстникѣ» (№ 257) противъ приведенныхъ имъ примѣровъ грубаго насилія надъ штундистами, но даже и въ самомъ опроверженіи *уменьшается* только количество пострадавшихъ (не *семей*, а отдѣльныхъ-де *лицъ*); что же касается до фразы священника о нераскаянныхъ сектантахъ, что они «*милостью божіей* сосланы въ Закавказье и Сибирь», то эта фраза не отрицается самими опровергателями, а только смягчена тѣмъ, что она была-де брошена «случайно», и притомъ въ *закрытомъ* засѣданіи съѣзда, какъ будто ея внутренній смыслъ зависѣлъ отъ публичности засѣданія!..

Любопытенъ и случай (тоже, вѣроятно, *случайно случившійся*), разсказанный въ докладѣ г. губернскаго предводителя дворянства: «Съ согласія и вѣдома священника и начальства, *заперли* (въ одномъ селеніи трубчевскаго уѣзда) *заподозрѣнныхъ штундистовъ въ церкви*, принесли чистый столъ, накрыли чистою скатертью, поставили икону и стали выводить по одному. «Приложись»! — Не хочу прикладываться къ идоламъ.—«А, пороть тутъ же»! Послабѣе которые, послѣ *перваго же раза, возвращались въ православіе*. Ну, а нѣкоторые до четырехъ разъ (не больше ли?) выдерживали».

Этотъ случай весьма близко напоминаетъ способъ «навращенія» сектантовъ въ православіе, практиковавшійся въ началѣ гуманнаго царствованія Александра I и засвидѣтельствованный въ свое время сенаторомъ-ревизоромъ Лопухинымъ. Только тогда этотъ способъ примѣнялся не къ «штундистамъ» (ихъ еще въ заводѣ не было, по крайней мѣрѣ, въ терминологіи) а къ «духоборамъ», тоже сильно озабочивавшимъ духовное начальство. По словамъ Лопухина (въ его печатныхъ запискахъ) особенно горячее участіе въ этомъ «навращеніи» принималъ мѣстный исправникъ, который оказался даже такимъ пронзительнымъ сердцевѣдомъ, что *по одной физіономіи* крестьянина безошибочно—по его мнѣнію—судилъ о принадлежности къ духоборческой сектѣ и, сообразно своей психологической прозорливости, назначалъ ту или другую дозу «вайй и заушеній».

Гг. опровергатели сами подтверждаютъ подлинность якобы-религіознаго внушенія, приведеннаго г. Стаховичемъ, но только оговариваютъ его тѣмъ, что произошелъ де онъ лѣтъ 18—19

тому назадъ, и притомъ еще до возникновенія миссіонерскаго общества. Но если, и при существованіи миссіонерскаго общества въ орловской губерніи, ревностный пропагандистъ не удержался,—хотя бы и въ закрытомъ засѣданіи, — отъ вышеприведенной фразы чисто полицейскаго характера, то какое можно имѣть ручательство, что такого же рода физическое воздѣйствіе на строптивыхъ диссидентовъ не повторится и въ наши счастливые дни?

Но своевременно или несвоевременно удерживать уголовными мѣрами православныхъ людей въ лонѣ своей родной церкви, этотъ вопросъ — повторяемъ — находится въ прямой, непосредственной зависимости, во-первыхъ, отъ широты первоначальнаго народнаго образованія, находящагося у насъ въ полнѣйшемъ пренебреженіи (по числу народныхъ школъ, Россія идетъ, какъ извѣстно, въ хвостѣ всѣхъ славянскихъ племенъ); а, во-вторыхъ, отъ болѣе достойнаго и успѣшнаго характера миссіонерской проповѣди, донынѣ полагающейся нестолько на убѣдительность своей проповѣди, сколько на содѣйствіе свѣтскихъ властей. Во всякомъ случаѣ, отнюдь не надо быть Робеспьеромъ, чтобы возбудить этотъ щекотливый для многихъ, но неотвязный и существенно важный вопросъ объ удержаніи православія на подобающей ему нравственной высотѣ. Конечно, онъ не важенъ для тѣхъ, кто привыкъ думать только о формальномъ «отбываніи» своихъ миссіонерскихъ обязанностей, какъ о заурядной казенной службѣ, но онъ безконечно дорогъ для людей, соединяющихъ съ именемъ религіи болѣе возвышенныя понятія о свободѣ совѣсти.

Кстати, по поводу необходимости у насъ горячо убѣжденной и нравственно-сильной церковной проповѣди, намъ невольно приходитъ въ голову и другое соображеніе. Почему это наша церковная проповѣдь, воюя неустанно съ доморощеннымъ сектанствомъ,—худо ли, хорошо ли, но держащимся все таки *на христіанской почвѣ* и исповѣдующимъ, хотя бы дурно понятую, христіанскую мораль,—такъ равнодушно относится къ несомнѣннымъ, всѣми видимымъ и гораздо болѣе опаснымъ послѣдствіямъ, проистекающимъ изъ непомѣрнаго простора, предоставленнаго у насъ талмудической проповѣди и іудейскому исповѣданію?! Еще тридцать лѣтъ тому назадъ, членъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати д. с. с. Фуксъ справедливо указывалъ на то особое предпочтеніе, которое уже тогда оказывалось у насъ талмудизму и его синагогамъ, сравнительно съ христіанскими инославными исповѣданіями и ихъ храмами; но годы прошли не безполезно для сыновъ израиля,—и нынѣ, при сильно увеличившемся количествѣ синагогъ, которыя представляютъ собой даже *не храмы*, а чисто свѣтскія сборища политическаго и торговаго характера, раз-

вилась у насъ открытая проповѣдь, словомъ и дѣломъ, о превосходствѣ талмудическаго ученія надъ евангельскими завѣтами. Существуетъ цѣлая іудейская журналистика («Восходъ», «Будущность» и пр.), спеціально посвященная восхваленію прелестей талмуда и необходимости для человѣчества—вернуться къ вавилонскимъ идеаламъ этого религіозно-политическаго кодекса. Говорится это прямо, почти безъ оговорокъ двусмысленнаго свойства, причемъ руководящая роль еврейства,—какъ прирожденной всемірной аристократіи,—навязывается и нашему отечеству.

Что мудренаго,—если событія пойдутъ невозбранно этимъ путемъ, безъ соотвѣтствующаго противодѣйствія съ христіанской стороны путемъ проповѣди и литературнаго вліянія,—натолкнуться намъ въ скоромъ времени и на новую секту «жидовствующихъ», отрицающую всякую тѣнь христіанскаго исповѣданія? Вѣдь на ихъ сторонѣ можетъ очутиться и фальшивая вывѣска «прогресса», и финансовый гнетъ, и призракъ моральной силы, и даже содѣйствіе—или, по крайней мѣрѣ, бездѣйствіе—второстепенныхъ властей въ родѣ радомской полиціи, отдавшей христіанское населеніе въ кабалу синедріону, съ его современными Аннами и Каіафами...

Вотъ гибельная опасность, угрожающая уже не одному христіанскому ритуалу, не однимъ чисто-конфессіональнымъ догматамъ, а всей драгоцѣнной *сущности христіанизма*, грубо отвергаемой вавилонско-халдейскимъ ученіемъ съ его племенной «маніей величія».

Объ этой опасности стоитъ подумать и заблаговременно принять разумныя мѣры къ ея предотвращенію!

III.

Бывшіе подписчики «**Гласности**», удовлетворенные матеріально тѣмъ или другимъ способомъ, остались вовсе не удовлетворены въ нравственномъ смыслѣ и шлютъ намъ запросы, одинъ другаго настойчивѣе: когда же возобновится газета, столь симпатичная имъ по своему *прогрессивно-національному направленію*, послѣдовательно выдержанному за все недолгое время ея существованія?

Считаемъ нужнымъ отвѣтить и на эти дружественные запросы, и на горькія сожалѣнія о выбытіи нашемъ изъ журнальнаго строя, и на добрыя пожеланія въ случаѣ возможности продолжать начатое дѣло, дважды прерывавшееся по независящимъ отъ насъ обстоятельствамъ, съ которыми мы не въ силахъ были бороться...

Привѣтствія намъ, по поводу объявленія о подпискѣ на «**Гласность**» въ текущемъ году, шли съ разныхъ сторонъ, отъ

лицъ различнаго общественнаго положенія (начиная съ очень высокаго) изъ внутреннихъ чисто-русскихъ губерній, равно какъ и изъ окраинъ, гдѣ только угнѣздились русскіе люди, и даже изъ-подъ стѣнъ «недвижнаго Китая». Привѣтствія доходили до восторженности. «Сейчасъ получилъ—телеграфировалъ намъ изъ Владивостока русскій офицеръ—сентябрьскую книгу «Наблюдателя» и узналъ о воскресеніи «Гласности». Ура! Высылайте по моему адресу».

«*Кружокъ русскихъ людей* — передавалъ намъ телеграфъ изъ Баку—съ далекой окраины привѣтствуетъ возрожденіе близкой ихъ душѣ «Гласности». Многая лѣта ея достойному руководителю, борцу за великое русское дѣло. Пусть новое столѣтіе, знаменующееся появленіемъ «Гласности», будетъ, дѣйствительно, *гласнымъ торжествомъ ея русскихъ идей*».

«Въ настоящее время — писалъ намъ незнакомый доброжелатель изъ Тифлиса — *замѣчается настоятельная потребность въ существованіи органа прогрессивно-національнаго направленія*, каковымъ была ваша «Гласность». Пробужденіе національнаго самосознанія и сомнѣніе въ спасительности для насъ всѣхъ плодовъ западно-европейской культуры начинаетъ обнаруживаться все чаще и замѣтнѣе... Такимъ образомъ, *почва для прогрессивно-національнаго органа расчищается* и нужно только стараться, чтобы на этой почвѣ не возросли какіе нибудь плевелы. Желательно также, чтобы «Гласность» начала выходить не съ начала и не съ середины года, а съ половины ноября, чтобы публика имѣла возможность познакомиться съ нею до начала подписки на другія газеты».

Радуясь, что, съ возобновленіемъ «Гласности», въ ней найдется мѣсто для сотрудничества русскимъ публицистамъ, не предавшимся кагалу, одинъ извѣстный писатель съ грустью сообщалъ намъ изъ Москвы, что число изданій, гдѣ ему не совѣстно было бы работать, сокращается съ каждымъ годомъ. Разсказывая исторію «превращенія» одной газеты, онъ сообщилъ между прочимъ: «Вся редакція—новая. Прежняго руководителя выжили. Я уже давно бросилъ что либо давать туда. И раньше газета плясала, сбиваясь на бульваръ, но все таки можно было давать «вторыя передовыя» въ національномъ духѣ и безъ боязни, что слово о *вѣрѣ* (христіанской) будетъ вычеркнуто. Я ради этого мирился со многимъ. Но чѣмъ дальше, тѣмъ становилось хуже... Въ прессѣ традиціи стараго времени исчезаютъ. Очень жаль, что «Гласность» не выходитъ. Почему»?

Другой не менѣе извѣстный литераторъ въ Петербургѣ желалъ «Гласности» «*восторжествовать надъ врагами* и пріобрѣсти самый широкій кругъ читателей». О словесныхъ изъявленіяхъ горячаго сочувствія мы уже и не говоримъ.

Такимъ образомъ, почва для успѣха газеты, повидимому, расчищалась дѣйствительно, какъ и надѣялся нашъ тифлисскій корреспондентъ...

Но, рядомъ съ этими выраженіями искренней симпатіи, до насъ доходили другія, менѣе благопріятныя вѣсти. Одинъ корреспондентъ, напр., съ негодованіемъ писалъ, что въ русскомъ царствѣ кагальные книгопродавцы (а ихъ очень много и внѣ «черты осѣдлости»!) «*отказываются формально принимать подписку на газету*, объясняя это или незнаніемъ ея, или прямо *нежеланіемъ поддерживать такое изданіе*. Даже агенты, берущіе на себя подписку на журналы и газеты для торговыхъ заведеній,—въ томъ числѣ и для заведеній трактирнаго промысла, — рѣшительно отказываются принять на себя подписку, *мотивируя свой отказъ разными разностями* къ вашей, конечно, невыгодѣ».

Между этими «разными разностями» немалую роль играли толки о вновь готовящихся противъ газеты репрессивныхъ мѣрахъ, не смотря на то, что всѣ ходатайства редакціи,—хотя и послѣ трехлѣтнихъ хлопотъ,—были, однако, уважены. Одинъ изъ прежнихъ нашихъ подписчиковъ, занимающій видный постъ въ губернской администраціи, даже прямо выразилъ свои «опасенія», изъявивъ, впрочемъ, желаніе подписаться по выходѣ 1-го нумера газеты.

Но этому первому нумеру такъ и не суждено было выйти... Чтобы понять мотивы опасенія публики, достаточно прочитать мартирологъ «**Гласности**», печатаемый на первыхъ страницахъ нашего журнала. Нужно сказать правду: примѣры такого суроваго преслѣдованія газеты, не только не потрясавшей никакихъ «основъ», но отстаивавшей всѣ коренные устои нашей государственной жизни, встрѣчались не часто въ исторіи нашей печати... Такому преслѣдованію подвергались только «Московскія Вѣдомости», при Валуевѣ, за обнаруженную ими дерзость — отстаивать недѣлимость русской государственной территоріи и отыскивать пресловутый польскій «ржондъ» въ Петербургѣ... въ министерствѣ финансовъ. Только **Гласность** не получала публичныхъ предостереженій, которыя и невозможно было ничѣмъ мотивировать, а ее сживали со свѣту «дискреціонными» запрещеніями розничной продажи въ теченіе *трехъ* мѣсяцевъ изданія... изъ *семи*. Понятно, что еслибы въ редакціи газеты соединились всѣ таланты извѣстнѣйшихъ корифеевъ журналистики,—ей все таки не удалось бы достигнуть бо́льшаго успѣха въ распространеніи газеты, чѣмъ какихъ достигла она уже на второй годъ изданія. Любопытно, что, поражая одновременно «**Гласность**» и въ мнѣніи публики, и въ матеріальныхъ средствахъ изданія, цензурная репрессія того времени совсѣмъ не касалась завѣдомо юдофильскихъ изданій, а

если и находила нужнымъ принять такую же мѣру, то всегда сокращала ее раньше назначеннаго срока.

Всѣ несчастіе «Гласности» состоитъ въ томъ, что она появилась на свѣтъ не въ то время, когда во главѣ управленія печатью стоялъ В. В. Григорьевъ (авторъ записки, напечатанной въ предъидущей книгѣ «Наблюдателя»), въ составѣ уже главнаго управленія находились такія компетентныя въ еврейскомъ вопросѣ лица, какъ В. Я. Фуксъ, а тогда уже, когда наша печать побывала много лѣтъ подъ ферулою г. Ѳеоктистова, отрицавшаго не только тревожное значеніе, но и самое существованіе этого вопроса въ русской государственной жизни.

Редакторъ «Наблюдателя», выразивъ намѣреніе издавать и газету «Гласность», встрѣтилъ сначала вполнѣ сочувственный пріемъ какъ со стороны бывшаго товарища министра внутреннихъ дѣлъ, управлявшаго временно министерствомъ, Н. А. Неклюдова (своего коллеги по петербургскому университету), такъ и со стороны тогдашняго начальника главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Соловьева, открыто заявлявшаго свою антипатію къ еврейской гегемоніи въ прессѣ. Передъ выходомъ газеты, онъ принялъ даже участіе въ домашнемъ торжествѣ редакціи—и, казалось, вполнѣ искренно—пожелалъ ей всяческихъ успѣховъ...

Но его добрыя пожеланія не повели ни къ чему хорошему. Высокую цѣну, *навязанную* газетѣ, такъ и не удалось сбавить въ первый годъ изданія, а долгосрочныя запрещенія розничной продажи, вдобавокъ къ этому, посыпались на нее одно за другимъ, мотивированныя (на словахъ) самыми фантастическими поводами, въ родѣ *перепечатки* изъ подцензурной провинціальной газеты о разбойничьей шайкѣ, пріютившейся рядомъ съ монастыремъ. Зачѣмъ, молъ, компрометировать монастырь такимъ сосѣдствомъ? Но фантастичность этихъ поводовъ исчезала, когда редактору,—стороною и не офиціально,—давали понять, что не слѣдовало-де въ корреспонденціи изъ Кіева задѣвать «сахарнаго магната» Бродскаго,—съ дома котораго, однако, не безъ причины начинались въ этомъ городѣ всѣ еврейскіе погромы, — а также не надо было оглашать факта, что попечителемъ одной женской кіевской гимназіи назначенъ былъ еврей-талмудистъ... Въ послѣдній разъ, впрочемъ, было уже откровенно заявлено, что поводомъ къ запрещенію розничной продажи послужила передовая статья *противъ минскихъ жидовъ*, избившихъ воинскій патруль.

Очевидно, что явная поблажка, оказывавшаяся еврейской прессѣ въ теченіе чуть не двадцати лѣтъ владычества г. Ѳеоктистова (бывшаго редактора либерально-космополитической «Русской Рѣчи»), сдѣлала свое дѣло, и русская національная

печать мало-по-малу уступила свое мѣсто кагальнымъ рептиліямъ, такъ что присутствіе между ними независимой газеты почиталось уже чѣмъ-то нарушающимъ общую гармонію. Лично М. П. Соловьевъ,—какъ я сказалъ уже,—не былъ юдофиломъ и, въ объясненіяхъ съ редакторомъ «Гласности», отвергалъ всякую инициативу преслѣдованій съ своей стороны, но газетѣ отнюдь не было легче отъ того, что самъ управляющій дѣлами печати не зналъ, съ какой ноги ступить ему... Въ водоворотѣ противоположныхъ и одинаково сильныхъ теченій, онъ замѣтно долженъ былъ сообразоваться съ движеніемъ набѣгающей волны. Надъ нимъ стояла force majeure, которой онъ долженъ былъ подчиняться.

Разъ, впрочемъ, когда бѣсноватыя выходки іудейской печати противъ *личности* редактора «Гласности» превзошли всякую мѣру благопристойности, г. Соловьевъ заставилъ перепечатать одинъ нумеръ «кагальнаго монитёра» и, такимъ образомъ, оказалъ нѣкоторое заступничество бойкотируемой со всѣхъ сторонъ русской газетѣ. При жизни Н. А. Неклюдова (скончавшагося, къ сожалѣнію, до выхода перваго нумера «Гласности»), это заступничество было бы, можетъ быть, еще энергичнѣе и избавило бы газету отъ тяжкихъ матеріальныхъ потерь. Но, съ уходомъ въ могилу этого честнаго и симпатичнаго дѣятеля, у Соловьева не хватало уже энергіи отстаивать правое дѣло, и въ послѣднемъ его фазисѣ, при переходѣ въ другое вѣдомство, онъ уже игралъ роль, прямо враждебную газетѣ. А сбавка подписной цѣны «Гласности» такъ-таки и не состоялась при немъ. Впрочемъ, и самъ онъ не сдѣлался persona grata, не смотря на свою уступчивость юдофильству, и цѣлыхъ четыре или пять лѣтъ пробылъ «исправляющимъ обязанности» начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, оставивъ эту службу не утвержденнымъ въ своей должности... Очевидно, отъ него требовались еще бо́льшія уступки.

Коснувшись тяжелаго матеріальнаго положенія газеты, рискнувшей на открытую борьбу съ кагальнымъ царствомъ, мы должны объяснить, что шансы этой борьбы далеко не равны у насъ для обѣихъ сторонъ. Въ то время, когда всемірный кагалъ, ради наглой фальсификаціи общественнаго мнѣнія, не ограничиваясь однимъ терроромъ, не жалѣетъ и финансовыхъ средствъ для поддержки своихъ рептильныхъ фабрикацій,—немногія уцѣлѣвшія изданія независимаго характера стоятъ одиноко и, не пользуясь взаимною поддержкою, лишены въ то же время почти всякаго кредита и въ государственномъ, и въ частныхъ банкахъ. Словомъ, одна сторона выходитъ на битву съ круповскими пушками, а другая отмахивается... сломанными зонтиками.

Жиды любятъ ссылаться на когда-то претерпѣнныя ими

«гоненія» и, съ этою цѣлью, сочиняютъ свои раздутые мартирологи; но правдивый, не прикрашенный, мартирологъ русской національной печати, дѣйствительно, заслуживаетъ внимательнаго изученія и состраданія. Всѣ изданія этого характера рано или поздно вытѣснялись кагальною бандою, и не потому, чтобы Россія оскудѣла своими собственными литературными и журнальными силами, а потому, что эти силы забивались у насъ съ какою-то систематическою жестокостью, уступая по неволѣ дорогу якобы «либеральной», а въ сущности безпросвѣтно-обскурантной и грубо-національстической жидовской прессѣ, защищающей только доблести своего племени и его права на какое-то привилегированное положеніе въ человѣчествѣ. Первый лозунгъ, который провозглашаетъ еврей, ставъ во главѣ какой нибудь газеты, это — воспѣвать небывалыя еврейскія заслуги по части культуры и цивилизаціи, и тщательно умалчивать о всѣхъ дѣйствительныхъ болячкахъ еврейскаго нашествія. Какъ нѣкогда въ Польшѣ они брали на откупъ христіанскіе храмы, такъ теперь, слѣдуя завѣту своего племеннаго вождя Мозе Монтефіоре, они откупили почти всю европейскую печать, превративъ ее въ биржевое торжище и журнальную проституцію.

Еслибы «Гласность» пожелала отречься отъ своего направленія и вступить въ дружескій союзъ со всемірнымъ кагаломъ, то она нимало не затруднилась бы выходить въ свѣтъ въ такомъ обновленномъ и усовершенствованномъ видѣ, причемъ подпись редактора являлась бы, конечно, только фальшивымъ флагомъ, прикрывающимъ талмудическій грузъ. Такого рода любезныя предложенія и дѣлались еще въ первый годъ изданія газеты. Но «Гласность» или будетъ издаваться въ прежнемъ направленіи, или прекратится совсѣмъ.

IV.

Когда, въ 1893 г., наше правительство сочло нужнымъ уничтожить послѣдніе еврейскіе кагалы въ Ригѣ и во всѣхъ городахъ курляндской губерніи, русскіе люди могли только радоваться, что въ нашемъ отечествѣ одною организованной вражеской силою стало меньше. Исполнено было, наконецъ, указаніе, давно уже (въ 1870 г.) преподанное Государственнымъ Совѣтомъ нашей администраціи: «*изыскать средства къ возможному ослабленію общественной связи евреевъ*», причемъ самое это племя, причинявшее столько хлопотъ правительству со временъ Екатерины II-ой, справедливо названо было «религіозно-политическою кастою», скрывающей, подъ

покровомъ религіи, чисто политическія, вредныя для государства, цѣли [1]).

Но радость наша была непродолжительна. Уничтоженный de jure кагалъ,—какъ всѣ прочіе «племенные парламенты» этого рода,—благополучно существуетъ de facto, откупивъ для своего употребленія мѣстную газету: «Прибалтійскій Листокъ», въ цѣляхъ систематическаго обмороченія гоимской публики остзейскаго края. И вотъ, «творя волю пославшаго», этотъ кагальный листокъ накидывается на сентябрьскую книгу «Наблюдателя» съ обычными, въ такихъ случахъ, попреками въ «человѣконенавистничествѣ» (съ больной-то головы на здоровую!), «галлюцинаціяхъ», e tutti quanti. Сыръ-боръ загорѣлся изъ-за того, что во внутреннемъ обозрѣніи нашего журнала выражена была мысль—ограничить приливъ евреевъ въ среднія и высшія учебныя заведенія, дабы оградить коренной русскій народъ отъ массы якобы интеллигентныхъ эксплуататоровъ, ищущихъ только выйти этимъ путемъ изъ «черты осѣдлости» и, пробравшись въ высшіе слои общества, сѣсть на шею обираемому народу.

«Прибалтійскій Листокъ» отнюдь не можетъ допустить, чтобы «религіозно-политическая каста»,—живущая своею обособленною отъ государства жизнью и враждебно противъ него настроенная,—натолкнулась бы на какую нибудь преграду своимъ завѣдомо вреднымъ, разрушительнымъ стремленіямъ. Отсутствіе такихъ преградъ «Прибалтійскій Листокъ» имѣетъ наивность называть «культурностью» и «правовымъ порядкомъ», т. е. въ сотый разъ повторяетъ обычную ложь іудейской прессы, такъ какъ безграничное распространеніе еврейской эксплуатаціи вело повсюду къ уничтоженію истинныхъ началъ цивилизаціи, культуры и порядка.

Много лѣтъ тому назадъ говорилось въ «Наблюдателѣ»: «Юдофилы должны отлично знать, что въ числѣ самыхъ убѣжденныхъ и опасныхъ враговъ еврейства находятся нынѣ такіе публицисты и государственные люди, къ которымъ *всего менѣе приложимы упреки въ конфессіональной исключительности и національныхъ предразсудкахъ*. Они ведутъ войну съ возрастающей жидовской эксплуатаціей совсѣмъ не на средневѣковой почвѣ, а *во имя здраво понятыхъ соціально-экономическихъ началъ, во имя искренней любви къ массѣ народа, снова обращаемой въ крѣпостное состояніе сплоченной толпой опасныхъ паразитовъ*,—этой «націей» безъ территоріи и даже безъ любви къ мѣсту жительства, этимъ особаго рода цыганствомъ, возросшимъ на экономической почвѣ; этой свое-

[1]) См. въ этой же книгѣ «Наблюдателя» записку В. Я. Фукса по еврейскому вопросу.

обычной «религіозно-политической кастой», *прикрывающей божественнымъ авторитетомъ свои чисто мірскіе корыстные инстинкты*. Люди этого толка предоставляютъ евреямъ исповѣдывать какую имъ угодно религію, приносить какія имъ нравятся жертвы (разумѣется, кромѣ человѣческихъ) Молоху, Ягве или Буддѣ; совершать, какіе требуются, конфессіональные обряды, не нарушающіе законовъ общежитія и публичной нравственности; они не питаютъ никакой антипатіи и къ національности евреевъ,—такъ какъ не вооружаются, напр., противъ *караимовъ*, принадлежащихъ къ той же семитической расѣ, *но отрицающихъ талмудъ*... Первое и послѣднее слово этого кодекса—ничѣмъ неутолимая, мстительная злоба къ *тою*, т. е. христіанину, къ его «скотскому сѣмени»... Не ясно ли, что «гонимое племя» требуетъ для себя равенства и братства отъ христіанскихъ обществъ вовсе не для того, чтобы отвѣчать имъ взаимностью, но съ нескрываемою цѣлью—скорѣе и надежнѣе обратить ихъ въ рабовъ израиля» [1]).

Вотъ съ этой-то точки зрѣнія и невозможно допустить, чтобы «вторгшіеся въ Россію хищники»—по словамъ автора внутренняго обозрѣнія — получили привилегированное положеніе въ государствѣ, оставаясь тѣми же хищниками-талмудистами. А что евреи представляютъ доселѣ именно хищническій классъ—это мнѣніе выражалось не фанатиками и ретроградами, а Петромъ Великимъ, Екатериною II-ою, Вольтеромъ, Кантомъ, Шопенгауэромъ, Момзеномъ, Шлоссеромъ, Гердеромъ, Грановскимъ, Костомаровымъ и многими другими величайшими государственными людьми и даровитѣйшими писателями.

Стало быть, о «человѣконенавистничествѣ» можно говорить только въ примѣненіи къ самимъ евреямъ и къ ихъ талмуду, составляющему отвратительный, уродливый пережитокъ варварскихъ временъ...

Князь Тенерифскій.

---

[1]) «Государство въ государствѣ», стр. 104—105.

Политическія мелодіи.

Къ войнѣ готовясь понемногу,
Твердитъ германецъ: «не боюсь»!
Газеты въ Вѣнѣ бьютъ тревогу,
Судя про «тройственный союзъ».
Ставъ отъ безсильной злости бурымъ,
Хоть отступать ему не лѣнь,
Бѣжитъ британецъ передъ буромъ,
Какъ предъ охотникомъ олень...

Султанъ, въ задумчивости, трубки
Не выпускаетъ изо рта,
Для нѣмцевъ радъ на всѣ уступки,
Лишь не была-бъ казна пуста...
Шумятъ болгары, сербы хмуры,
Тѣснятъ австрійцы галичанъ,
И изъ засадъ герои-буры
Исправно дуютъ англичанъ...

Болѣзнь постигла Салисбюри;
Уйдя въ интриги до колѣнъ,
Газетной брани чуждъ и бури,
Чернитъ себя самъ Чемберленъ
И, въ пику даннаго обѣта,
Принятьемъ «радикальныхъ» мѣръ,
«Неуловимаго» Девета
Поймать не въ силахъ Китченеръ.

Войска союзныя въ Китаѣ,
Пограбивъ лихо въ наши дни,
Добычу дѣлятъ и, считая,
Грызутся, словно псы, они.

Солдатъ германскій хуже звѣря
Для беззащитныхъ жонъ и дѣвъ...
Сталъ въ Африкѣ, себѣ не вѣря,
Смирнѣй овцы британскій левъ...

Умны отважные японцы,
Съ Китая не спуская глазъ;
Ихъ иностранные червонцы
Не возстановятъ противъ насъ.
Два года буры безъ укора
Въ неравномъ борются бою;
Мечтаетъ старый Крюгеръ скоро
Увидѣть родину свою...

Старый Капралъ.

Птичьи натуры.

I.

Въ жалкой бѣдности онъ чахъ
Въ оны дни, по волѣ рока,
Но развязенъ былъ въ рѣчахъ
И болтливъ—точь въ точь *сорока*.
Дѣлъ и службы вѣчный врагъ,
Чѣмъ и какъ онъ жилъ—не знаю,
Но болтливостью въ рѣчахъ
Былъ подобенъ *попугаю*.
Изучивъ легко пріемъ
Застилать глаза туманомъ,
Распѣвалъ онъ *соловьемъ*
Передъ вдовушкой съ приданымъ.
Но едва лишь мужемъ сталъ,
Вмигъ любезность всю утратилъ:
Прикарманивъ капиталъ,
Сталъ съ женой онъ хмуръ, какъ *дятелъ*.
Съ годъ терпѣвъ семейный гнетъ,
Умерла жена. Съ тѣхъ поръ онъ
Въ ростъ всѣ деньги раздаетъ
И глядитъ, какъ хищный *воронъ*...

II.

Свой на службѣ храня произволъ,
Гордъ и важенъ, какъ истый *орелъ*,
На своихъ подчиненныхъ онъ хмурится;
Ну, а дома, предъ грозной женой,
Онъ характеръ имѣетъ иной—
И дрожитъ, словно *мокрая курица*...

Фланеръ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

СЪ СЕНТЯБРЯ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА IV-й ГОДЪ

(съ октября 1901, по октябрь 1902)

Ежемѣсячнаго иллюстрированнаго изданія:

ИСКУССТВО

и

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ,

выходящаго безъ предварительной цензуры подъ ред. Н. П. СОБКО,

съ однотонными и многоцвѣтными снимками въ текстѣ и на особыхъ листахъ.

Съ 1901 г. журналъ печатается въ собственной типографіи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ годъ за 24 №№ съ особыми приложеніями (въ общемъ до 1000 стр. текста и около 500 снимковъ): безъ дост. 8 р.; съ дост. и перес. 10 р.; за гран. 12 р.

Разсрочка допускается на условіи взносовъ: 1) по 5 руб. въ полугодіе (въ сентябрѣ и въ февралѣ); 2) по четвертямъ года—по 3 руб. при подпискѣ и въ началѣ 2-го полугодія (въ февралѣ) и по 2 руб. черезъ три мѣсяца послѣ 1-го и послѣ 2-го взноса; 3) помѣсячно (исключительно для городскихъ подписчиковъ)—по 2 р. при подпискѣ и по 1 р. въ теченіе слѣдующихъ 6-ти или 8-ми мѣсяцевъ.

Въ отдѣльной продажѣ—по 1 р. за книгу журнала и по 25 к. за № «Хроники» безъ перес.

Пробная книжка высылается лишь по присылкѣ 1 р., съ наложеніемъ почтовыхъ расходовъ на самую отправку, причемъ рубль этотъ зачисляется впослѣдствіи при подпискѣ на журналъ.

Тисненыя коленкоровыя съ кожаными корешками покрышки обходятся по 1 руб. на каждый томъ безъ перес.

Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться преимущественно въ Главную Контору: С.-Петербургъ, Почтамтская, 13.

Книгопродавцамъ и учащимся дѣлается уступка отъ 40 до 60 коп. съ годоваго экземпляра, смотря по роду подписки.

За перемѣну адреса взимается 50 коп. деньгами или почт. марками.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры первыхъ 3-хъ лѣтъ журнала того же наименованія продаются по 10 р., съ перес. по 12 р.

ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА **АЛЕКСѢЯ ПЛЕТНЕВА.**

„НА ЧУЖБИНѢ И ДОМА“.

Предисловіе. Повѣсти: Честные люди. — Бездомовье. — **Разсказы:** Вѣчная любовь.—Сигара.—Человѣкъ-рыба.—Пляска смерти.—Піанистъ.—Безъ маски.—Ксёндзъ.—Воскресшее сердце.—Передъ закатомъ.—**Типы и картинки парижской жизни:** Гражданинъ будущаго.—Натурщица.—Кафе-де-ля-Па.—Кабакъ ночныхъ гулякъ.—Эстеты и декаденты.—**Статьи:** Упраздненіе идеаловъ.—Нашъ космополитизмъ.—Нравственный идіотизмъ.—О петербургской скукѣ.—Дамскій вопросъ.—Лженителигенція.—О реализмѣ въ литературѣ.—Жизнь и идеализмъ.—Толпа и ея жрецы.—О безсиліи слова.—**Письма издалека:** Викторъ Гюго.—На развалинахъ Казамачіолы.—Гладстонъ.—Бой быковъ въ Испаніи.—У Эмиля Золя.—**Революціонныя впечатлѣнія.**—За кружкой пива.

Въ книгѣ 371 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

Продается въ книжномъ магазинѣ «НОВАГО ВРЕМЕНИ» (Невскій просп. № 40) и во всѣхъ извѣстныхъ книжн. магазинахъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 10-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Во что бы то ни стало. (Романъ въ 2-хъ частяхъ). С. Орлицкаго 11
II. Въ отчаяніи. Стихотвореніе К. М. Фофанова 40
III. Американцы въ началѣ новаго столѣтія. В. Макъ-Гаханъ. (*Оконч.*) 41
IV. Въ Грузіи. Стихотвореніе В. Л. Величко 55
V. Милліонщикъ. (Повѣсть изъ космополитическихъ нравовъ). А. П. Плетнева. (*Оконч.*) 62
VI. Изъ забытыхъ пѣсенъ. Стихотвореніе Д. Ратгауза . . . 83
VII. Русскій народный флагъ. В. Е. Бѣлинскаго 84
VIII. Дымъ отечества. Повѣсть Маріи Бернгардтъ. (Съ нѣмецкаго). (*Оконч.*) 92
IX. Осень. Стихотвореніе А. Лопатина 110
X. По вопросу объ отношеніи правительства къ внѣшнимъ проявленіямъ религіозной жизни евреевъ. Докладъ члена комисіи по устройству быта евреевъ, 1872 года, дѣйст. стат. совѣтника В. Я. Фукса 111
XI. Призывъ. Стихотвореніе Н. Хлыстова 143
XII. Изъ записокъ сельскаго учителя. Н. Реморова 145
XIII. Послѣ многихъ лѣтъ. Стихотвореніе Григорія Арищенко. 184
XIV. Милосердіе. Романъ Перецъ Гальдоса. (Съ испанскаго). 185
XV. Радикальное средство. (Страничка изъ семейной жизни). Д. В. Ѳедорова 295

Современное Обозрѣніе.

XVI. Политическая хроника 1
XVII. Новыя книги 18
XVIII. Отголоски. (Корреспонденція «Наблюдателя»): 1) Завоеваніе жидовъ въ Донской области, и 2) Еврейская камарра (месть кагала) 26
XIX. Наши внутреннія дѣла 44
XX. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»): 1) По бѣлу свѣту. (Замѣтки и наблюденія). Князя Тенерифскаго . . . 64
2) Стихотворенія: Стараго Капрала и Фланера . . . 78
XXI. Объявленія 1

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы точно направлять книги журнала. Въ противномъ случаѣ, Редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ Петербургскимъ Почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, Редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ Газетная Экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. При жалобѣ должно быть приложено удостовѣреніе мѣстной почтовой конторы, что книга, дѣйствительно, не доставлена по адресу. Жалобы должны присылаться *непосредственно* въ Главную Контору. Утраченный не по винѣ Редакціи экземпляръ высылается вторично подписчику, заказной бандеролью, за 1 руб. 30 коп. 3) При перемѣнѣ адреса, необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ. Перемѣна адреса должна быть получена въ Главной Конторѣ *не позже 20-го числа* каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на городской, уплачивается 35 к. почтов. марками; на иногородный—2 руб.; при перемѣнѣ иногороднаго на иногородный—35 к.; иногороднаго на городской — 1 р. Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору Редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ Редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся *не болѣе полугода* и, по истеченіи этого срока,—если не будутъ потребованы обратно,—уничтожаются. *Статьи менѣе 200, кругомъ исписанныхъ, листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются.* По поводу доставляемыхъ стихотвореній, Редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей (свыше 200 листовъ) иногороднымъ отправителямъ должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія *точныхъ* условій гонорара на самой рукописи, считаются безплатными или оплачиваются по усмотрѣнію Редакціи (съ платою за всю рукопись). Рукописи должны быть присылаемы въ Редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами* и *бандеролями*. Рукописи, принятыя *безъ указанія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по назначенію Редакціи. По усмотрѣнію Редакціи, рукописи подвергаются сокращенію и измѣненію. Статьи неизвѣстныхъ Редакціи авторовъ, за которыя гонораръ не былъ потребованъ *въ теченіе полугода со времени напечатанія*, признаются безплатными. Гонораръ за статьи, раздѣленныя на нѣсколько книгъ, разсчитывается по окончаніи печатанія. 7) Контора открыта: съ 1-го ноября по 1-е мая — *отъ* 12 до 4 часовъ пополудни, въ остальное же время года—до 3 час., *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ Редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ* (черезъ недѣлю), кромѣ лѣтнихъ мѣсяцевъ, когда назначаются особые дни. 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются *съ платою*: за страницу—35 руб., за ½ стр.—18 руб., и за ¼ стр.—10 р. 9) Конторы газетъ и журналовъ, печатающихъ наши публикаціи, приглашаются доставлять свои счеты въ Редакцію *не позже полугода со дня напечатанія*. 10) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ*: 25-го числа, отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ пополудни. Если же это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго будничнаго дня. *Авдис*—

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

„ГОСУДАРСТВО ВЪ ГОСУДАРСТВѢ".

(КЪ ИСТОРІИ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА ВЪ РОССІИ И ВЪ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПѢ)

Сборникъ статей А. П. ПЯТКОВСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ:

1) Евреи въ Россіи отъ древнихъ временъ до конца царствованія Екатерины II-ой, 2) Новое оружіе противъ еврейскаго обмана, 3) Плоды «еврейской равноправности» въ Западной Европѣ, 4) Борьба русскаго правительства съ кагаломъ, 5) Расширеніе еврейской гегемоніи въ Европѣ при парламентскомъ режимѣ, 6) Наше національное самосознаніе и жидовскій маскарадъ въ разныхъ костюмахъ, 7) Коренная ошибка нашего законодательства по еврейскому вопросу, 8) Столѣтіе жидовской равноправности во Франціи, 9) Вторичное осужденіе Дрейфуса, 10) Отголоски «дрейфусіады» во Франціи и въ Россіи, 11) *Европейская* пресса, обратившаяся въ *еврейскую*, 12) Повтореніе минскаго бенефиса въ Шкловѣ, 13) Еврейскія звѣзды и еврейскій «херемъ», 14) Еврейская цензура въ прессѣ и театрѣ, 15) «Контробандисты» на сценѣ Малаго театра, 16) Сіонистское государство въ будущемъ и въ настоящемъ, 17) По Евангелію и по шулханъ-аруху, 18) Усовершенствованный видъ крѣпостнаго права, 19) Шулханъ-арухъ, какъ гражданскій и политическій кодексъ евреевъ (съ подлинными изъ него цитатами).

Отзывы: въ «Свѣтѣ», «Новомъ Времени», «Виленскомъ Вѣстникѣ», «Судебной Газетѣ», «Русскомъ Паломникѣ», «Могилевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ», «Православной Буковинѣ» (въ Австріи) и др. газетахъ.

Цѣна книги: **1 р. 50 к.**, перес. за **2 ф.** Выписывающіе изъ Главной Конторы **«Наблюдателя»** за простую пересылку не платятъ. Заказной бандеролью—1 р. 60 к.; наложен. платежемъ—1 р. 70 к. Книгопродавцы пользуются уступкою сообразно количеству затребованныхъ экземпляровъ (отъ **15** до **50** к. съ экз.).

Всѣ прежнія изданія Редакціи: **«Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія,** монографіи *А. П. Пятковскаго;* **Живые вопросы,** *Его же;* **Гансъ-Филинъ,** романъ *Ф. Шпильгагена;* **«Сераписъ»,** историч. романъ *Георга Эберса* и др. уже распроданы, и Главн. Контора проситъ не обращаться съ требованіями на нихъ.

Редакторъ-Издатель А. П. ПЯТКОВСКІЙ.

P Scav 475.65

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY JUN 5 1957

ГОДЪ ДВАДЦАТЫЙ.

№ 11. НОЯБРЬ.

Редакція и Главная Контора помѣщаются въ Ямской улицѣ, № д. 24—9
(близь Владимірской церкви).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1901.

ТИПОГРАФІЯ [illegible] ИЗДАТЕЛЬСТВА УДѢЛОВЪ, МОХОВАЯ, 40.

Въ главной конторѣ „НАБЛЮДАТЕЛЯ“ продаются:

1) **«Государство въ государствѣ».** (Къ исторіи еврейскаго вопроса въ Россіи и въ Западной Европѣ). Сборникъ статей **А. П. Пятковскаго.** Изд. Редакціи **«Наблюдателя».** Цѣна **1 р. 50 к.**, вѣс. **2 ф.** Отзывы: въ «Нов. Времени», «Свѣтѣ», «Виленскомъ Вѣстникѣ», «Судебной Газетѣ», «Русскомъ Паломникѣ», «Могилевскихъ Губ. Вѣдомостяхъ», «Православной Буковинѣ» (въ Австріи) и пр. Выписывающіе изъ Главной Конторы за простую пересылку не платятъ. Заказною бандеролью—**1 р. 60 к.**; наложеннымъ платежемъ—**1 р. 70 к.**

2) **«Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ»,** историко-литературныя характеристики *А. П. Пятковскаго,* съ приложеніемъ 2-хъ портретовъ и писемъ къ автору: *кн. Одоевскаго,* статсъ-секретаря *барона А. Г. Жомини* и статсъ-дамы *княгини М. В. Вяземской.* Изд. 3-е, Редакціи **«Наблюдателя».** Отзывы: въ «Историческ. Вѣстникѣ», въ «Правит. Вѣстникѣ» и пр. Цѣна **1 р. 50 к.**, перес. за **1 ф.** Выписывающіе изъ редакціи за простую пересылку не платятъ.

3) **Указатель статей, напечатанныхъ въ журналѣ за 12 лѣтъ (по фамиліямъ авторовъ) съ 1882 г. по 1894-й годъ.** Цѣна: безъ перес. **25 к.**; съ перес. (заказной бандеролью) **35 коп.**

4) **Двадцать одинъ годъ существованія журнала: «Народная Школа».** (Историческій очеркъ). Цѣна безъ пересылки **30 к.**; съ перес. (заказною бандеролью) **40 коп.**

5) Отдѣльные портреты **А. П. Пятковскаго** (на плотной бумагѣ). Цѣна за экз. безъ перес. **50 коп.**; съ перес. (заказною бандеролью) **60 к.**

6) Отдѣльные портреты **В. П. Безобразова, А. И. Герцена и князя В. Ѳ. Одоевскаго** продаются по той же цѣнѣ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА, НА 1902 Г., НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

ГОДЪ XXI „НАБЛЮДАТЕЛЬ“ ГОДЪ XXI

Выходитъ ежемѣсячно, безъ предварительной цензуры, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ, въ объемѣ и форматѣ самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ журналовъ, съ иллюстраціями.

Вступая **въ 21-й годъ** своего существованія, журналъ будетъ издаваться въ томъ же самомъ направленіи, съ которымъ хорошо знакома наша образованная публика. «**НАБЛЮДАТЕЛЬ**», прежде всего, стремился быть *журналомъ* въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимали это слово лучшіе дѣятели нашей журналистики, и рядъ статей, въ немъ появлявшихся, не представляетъ собою сброда разныхъ направленій, пріютившихся подъ одною обложкою, *но проникнутъ и связанъ общностью одного опредѣленнаго міросозерцанія* [1]). Общее же направленіе нашего журнала,—насколько возможно было выдержать его по всѣмъ выдающимся вопросамъ внутренней и внѣшней политики,—мы имѣемъ право назвать *прогрессивно-національнымъ*. Всегда и во всемъ, въ предѣлахъ, указанныхъ для русской свободной печати, мы стояли за *прогрессивное движеніе нашей государственной и общественной жизни*—въ сторону свѣта, правды, нравственнаго развитія и

[1]) «Указатель» статей, напечатанныхъ въ нашемъ журналѣ за двѣнадцать лѣтъ (съ 1882 по 1894 годъ), былъ приложенъ къ декабрьской книгѣ 1894 года, а затѣмъ вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ (см. на оборотѣ титульной страницы).

экономическаго благосостоянія, съ сохраненіемъ, притомъ, коренныхъ основъ нашего національнаго быта и характера. *Безъ внимательнаго изученія этого быта, безъ любви и уваженія къ своему народу немыслимъ никакой устойчивый прогрессъ*, а возможно только легкомысленное заимствованіе изчужа неприложимыхъ къ намъ политическихъ и соціальныхъ доктринъ.

При этомъ мы отходили одинаково далеко, съ одной стороны, отъ дикаго обскурантизма нашей якобы «охранительной» прессы, охраняющей едва ли не одни плоды татарскаго нашествія, а съ другой — отъ буржуазнаго «либерализма», весьма дружнаго съ еврействомъ и даже находящагося у него въ денежной кабалѣ. Изъ нашей прогрессивной программы мы навсегда и рѣшительно вычеркнули всякія жидовскія симпатіи, которыя сначала прокрались въ нашу прессу подъ флагомъ «религіозной терпимости» (благодаря нашему полному невѣжеству относительно *антигосударственнаго* и *антисоціальнаго* смысла талмудическаго ученія), а теперь поддерживаются въ ней—либо давленіемъ еврейскаго капитала, либо грубымъ политическимъ шантажемъ и застращиваніемъ. Свой взглядъ на исторію и современное положеніе еврейскаго вопроса въ различныхъ странахъ Европы редакція въ подробности высказала въ изданной ею книгѣ: **«Государство въ государствѣ»**.

Въ журналѣ за 1901 г. напечатаны: I) беллетристическія произведенія: 1) **Въ «чертѣ осѣдлости»**, романъ *В-ва*; 2) **«Въ далекомъ краю»**, повѣсть изъ туркестанской жизни, *Е. Безродной*; 3) **«Въ погонѣ за независимостью»** (изъ столичныхъ нравовъ) *З. Л.*; 4) **«Типы и картинки парижской жизни»**, *А. П. Плетнева*; 5) **«Безъ маски»**, разсказъ *Его же;* 6) **«На сценѣ и въ жизни»**, романъ *А. Мартынова*; 7) **«Вернулся»**! разсказъ *Н. Языкова*; 8) **«Канцелярская тайна»**, повѣсть *В. В. Уманова-Каплуновскаго*; 9) **«Сиротка Даша»** (изъ записокъ школьнаго учителя) *Н. Реморова*; 10) **«Вольный хлѣбопашецъ»** (очеркъ изъ южно-русской жизни) *Д. В. Ѳедорова;* 11) **«Радикальное средство»** (изъ семейной хроники) *Его же*; 12) **«Въ гостяхъ у кавказскаго горца»**, разсказъ *Н.;* 13) **«Оправданіе»**, разсказъ *В. Югова*; 14) **«Во что бы то ни стало»**, романъ *С. Орлицкаго*; 15) **«Сіамскіе близнецы»**, повѣсть *С-ва* и пр.

II) Статьи, изслѣдованія и путешествія: 1) **«Идеалисти-**

ческія теоріи искусства и отношеніе ихъ къ творческой практикѣ», *А. Миронова;* 2) «Голосъ жизни о крестьянскомъ неустройствѣ». (По вопросу объ упорядоченіи сельскихъ судовъ), *В. Ш.;* 3) «Во французской колоніи» (изъ путевыхъ замѣтокъ о Сайгонѣ) *П. Алексѣева;* 4) «Якутскъ и его окрестности», *Его же;* 5) «Константинополь», *Его же;* 6) «Трансвааль на Кавказѣ», *А. П. Литранди;* 7) «Въ нефтяной Калифорніи», *Его же;* 8) «Девятнадцатый вѣкъ» (культурно-историческій очеркъ) *Н. Н. Овсянникова;* 9) «Борьба русскаго правительства съ кабакомъ», *Д. П. Райскаго;* 10) «Централизмъ въ современной Франціи и борьба противъ него», *Ц.;* 11) «Наблюденія надъ жизнью казанскихъ татаръ», *Салимъ-Гирея-Султанова;* 12) «Наша политическая задача», *А.;* 13) «Американцы въ началѣ новаго столѣтія», *В. Макъ-Гахана;* 14) «Сибирскіе сектанты». (Этнографическій очеркъ). *М. В.;* 15) «Скитальцы-горемыки» (изъ воспоминаній о холерномъ годѣ на югѣ), *А.;* 16) «Кабакъ или школа» (мысли стараго школьнаго учителя), *Н. И. Реморова;* 17) «Наполеонъ I въ характеристикѣ англичанина», *А. А. Полотебновой;* 18) «Вольныя работы солдатъ», *И. Б-ева;* 19) «Поѣздка на кумысъ» (путевые наброски) *К. Г.;* 20) «Темныя стороны нашей сѣверной деревни», *В. Скворцова;* 21) «В. А. Манасеинъ», *А. П. Пятковскаго;* 22) «Нелегальная семья» (воспоминанія о семействѣ А. И. Герцена) *И.;* 23) «По вопросу о мѣстожительствѣ евреевъ», *В. В. Григорьева;* 24) «Русскій національный флагъ», *В. Е. Бѣлинскаго* и пр.

III) Переводные романы: 1) «Труженикъ», романъ *Поля Бурже* (съ франц.); 2) «У порога счастія», романъ *Беатрисы Гарраденъ* (съ англ.). 3) «Немезида», новелла *Анны Рихтеръ* (съ нѣм.); 4) «Жена фабриканта», повѣсть *П. Моравскаго* (съ чешскаго); 5) «Провинціальный уголокъ», романъ *Анри Гревиля* (съ франц.); 6) «На каторгѣ», повѣсть *Матильды Серао* (съ итал.); 7) «Дитя природы», повѣсть *Уидъ* (съ англ.); 8) «Милосердіе», романъ *Переца-Гальдоса* (съ испанскаго) и проч.

IV) Стихотворенія: *Л. Н. Афанасьева, Г. Г. Арищенко, А. Ганзелина, П. В. Быкова, В. Л. Величко, А. А. Коринфскаго, А. В. Круглова, А. Лопатина, А. Мельникова, А. Ф. Мейснера, Л. Н. Трефолева, К. М. Фофанова, Н. Хлыстова, В. В. Уманова-*

Каплуновскаго и др. Въ «Фонографѣ» печатались юмористическіе стихи: *Невскаго Жителя*, *Хмураго Барда*, *Ицки Соломонова*, *Энимы*, *Стараго Капрала* и др.

V) **Провинціальная жизнь.** Подъ этимъ заглавіемъ печатался рядъ статей, посвященныхъ обозрѣнію любопытнѣйшихъ событій нашей внутренней жизни, на основаніи газетнаго матеріала и собственныхъ корреспонденцій. Въ дополненіе къ этому обзору, въ каждой книгѣ журнала печатались сообщенія разныхъ корреспондентовъ подъ рубрикой: «Отголоски».

Въ текстѣ журнала за 1901 г. помѣщены портреты: *И. С. Никитина*, *В. А. Манасеина*, *К. П. Яновскаго*, *Н. Н. Блинова* и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ.	На полгода.	На три мѣс.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ другія мѣста Россіи.	12 руб.	6 руб.	3 руб.
» пересылкою за границу.	14 »	7 »	4 »

Книгопродавцамъ — 50 коп. уступки съ годоваго экземпляра журнала (гербовый сборъ не включается въ уступку). *При подпискѣ полугодовой, уступки не полагается.* Гг. служащимъ—разсрочка за поручительствомъ казначеевъ.

Подписка съ разсрочкою адресуется *исключительно* въ Главную Контору журнала.

Плата за публикаціи: за цѣлую страницу **35** р., за ½ стр. **18** р. и за ¼ стр. **10** р. При повтореніи публикацій, уступка (смотря по количеству и объему)—отъ 15 до 40 %.

Возобновленіе газеты «Гласность» *отложено впредь до особаго объявленія.*

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ **С.-Петербургѣ** — *въ Главной Конторѣ Редакціи* (Ямская ул., № д. 24/9), въ конторѣ «Новаго Времени» (Невскій пр., № 40), а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. *Редакція отвѣчаетъ только за подписку, принятую въ Главной Конторѣ журнала*, куда и просить обращаться *непосредственно*, во избѣжаніе проволочекъ въ полученіи журнала.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: **Петербургъ, Редакція «Наблюдателя». Телефонъ № 2237.**

Редакторъ-издатель **А. П. Пятковскій.**

Ежедневная литературно-политическая газета:

„ГЛАСНОСТЬ“

Программа «ГЛАСНОСТИ» обнимаетъ собой нижеслѣдующіе отдѣлы:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Политика внутренняя. Передовыя статьи по вопросамъ общественной жизни, городскаго, земскаго и сельскаго самоуправленія. Дѣятельность частныхъ обществъ. 3) Отдѣлы: литературно-художественный (беллетристика во всѣхъ ея видахъ), критическій, научный (по всѣмъ отраслямъ знанія), судебно-юридическій (съ печатаніемъ процессовъ и обсужденіемъ судебныхъ рѣшеній), военный, церковный, торгово-промышленный, финансовый, экономическій, сельско-хозяйственный, театральный; обозрѣніе искусствъ. 4) Политика внѣшняя. Передовыя статьи. Телеграммы внѣшнія, доставляемыя агентствами, и свои собственныя. 5) Хроника внутренней и заграничной жизни. Событія дня. Русскія и иностранныя корреспонденціи. Внутреннія телеграммы. Письма въ редакцію и сторонніе сообщенія. 6) Фельетоны изъ общественной и литературной жизни. Дневникъ печати и библіографія. 7) Биржа. Курсовая таблица. 8) Смѣсь. Разныя извѣстія. Справочныя свѣдѣнія. 9) Иллюстраціи. 10) Объявленія.

Кромѣ текущихъ извѣстій и передовыхъ статей по всѣмъ важнѣйшимъ вопросамъ внѣшней политики и нашей внутренней жизни, въ газетѣ, въ 1897 и 1898 г.г., печатались постоянно: «Парижскія письма», «Съ береговъ Темзы», «Петербургскіе наброски», «Московскія замѣтки», «Вопросы дня», «Замѣтки кстати», «Отголоски» и пр. Отдѣламъ: «Дневникъ печати» и «Наши внутреннія дѣла» придано было особенное развитіе, такъ что они представляли полный обзоръ всѣхъ выдающихся мнѣній прессы и всѣхъ крупнѣйшихъ событій провинціальной жизни. Въ текстѣ были помѣщены портреты: бывшаго военнаго министра гр. *Д. А. Милютина*, бывшаго министра нар.

просвѣщенія гр. *И. Д. Делянова*, ст.-секретаря *И. Н. Дурново*, и бывшаго редактора «Новороссійскаго Телеграфа» *М. П. Осмидова*.

Пріостанавливая нашу газету въ 1897 г., мы говорили:

«Считаемъ необходимымъ выяснить мотивы этой пріостановки. Отъ первыхъ и до послѣднихъ дней изданія «Гласности», редакція не переставала получать сочувственныя заявленія относительно симпатичнаго всѣмъ русскимъ людямъ направленія газеты; ее привѣтствовали за *смѣлую борьбу* противъ преобладанія у насъ въ жизни инородческаго—преимущественно іудейскаго—элемента, называя эту борьбу даже «гражданскимъ подвигомъ»; за отстаиванье національно-прогрессивныхъ тенденцій въ соціальной и политической сферахъ». Но тогда же выяснилось, что *навязанная намъ цѣна изданія высока*, что людей, могущихъ платить за симпатичную имъ газету по 14 р. въ годъ,—немного; что другіе издатели, безпрепятственно понизивъ цѣну за свои—тоже ежедневныя—изданія (юдофильскаго характера) до 8 и даже до 4 р. въ годъ, дѣлаютъ немыслимой борьбу съ ними... («Гласность» 1897 г., № 87).

Въ то же время, разсчитывая на скорое удовлетвореніе нашего ходатайства,—казалось бы, вполнѣ удоборазрѣшимаго,—мы выражали и такую надежду:

«По полученіи соотвѣтствующаго разрѣшенія, наши теперешніе читатели, наши союзники и единомышленники; наконецъ, всѣ русскіе люди, которымъ дорого *національно-прогрессивное* направленіе въ русской жизни,—одинаково чуждое и либеральнаго космополитизма на юдофильской подкладкѣ, и дикаго ретроградства, именующаго себя «консерватизмомъ»,—поддержатъ наше будущее видоизмѣненное изданіе «Гласности». Оставаясь вѣрными своимъ, разъ заявленнымъ принципамъ, относясь съ искреннимъ уваженіемъ къ вѣковымъ устоямъ народной жизни и не утративъ притомъ ни одного изъ тѣхъ солидныхъ качествъ, за которыя мы получали признательныя заявленія нашихъ читателей, — мы надѣемся, что дешевое изданіе «Гласности», если намъ удастся его осуществить, сдѣлается *общедоступнымъ*:—какъ и подобаетъ «гласности», оно должно проникать повсюду, чего теперь, при высокой цѣнѣ изданія, достигнуть было невозможно».

Но ходатайство наше о сбавкѣ подписной цѣны въ первый годъ не получило *никакого удовлетворенія* и только на *второй годъ* изданія газеты (въ 1898 г.) удовлетворено лишь *отчасти*, подъ тѣмъ вымышленнымъ предлогомъ, что просимая нами сбавка, въ полномъ ея размѣрѣ, должна будто бы вести за собою и сокращеніе программы газеты, хотя цензурный уставъ вовсе не требуетъ этого и такая же точно цѣна не влекла за собою изъятія нѣкоторыхъ отдѣловъ программы въ другихъ изданіяхъ...

Касаясь всѣхъ этихъ злосчастныхъ судебъ нашей газеты, «Наблюдатель» говорилъ уже въ свое время:

«Гласность», покусившаяся устроить диссонансъ въ этомъ стройномъ жидовскомъ хорѣ, немедленно подверглась на цѣлый мѣсяцъ запрещенію розничной продажи [1]), а эта мѣра для новаго изданія,—

[1]) Въ первый разъ, это запрещеніе послѣдовало, якобы, за передовую статью, въ которой предлагалось сдѣлать критскимъ генералъ-губернаторомъ

окруженнаго притомъ ненавистью кагала и нагло «бойкотируемаго» со всѣхъ сторонъ, — равнялась если не убійству, то, по крайней мѣрѣ, серьезному «членовредительству». Въ то время какъ «проклятые» листки свободно расходились въ Петербургѣ на всѣхъ уличныхъ перекресткахъ, наполняя кассу «Всемірнаго израильскаго союза» и сотрясая воздухъ гнусными ликованіями надъ изувѣченіемъ русскихъ солдатъ,—редакція «Гласности» должна была нести однѣ нравственныя пытки и крупныя матеріальныя потери, тѣмъ болѣе, что эта мѣра противъ нея оказывалась излюбленною и практиковалась *три* раза въ теченіе *семи* мѣсяцевъ изданія газеты!! Однимъ словомъ, *газета тщательно изолировалась отъ публики*, уже привыкшей въ Петербургѣ знакомиться съ новыми неокрѣпшими изданіями по розничной покупкѣ,—и ее приходилось выпускать, въ теченіе 3 мѣсяцевъ, для однихъ только подписчиковъ. Съ сокращеніемъ же ежедневнаго тиража газеты, не могло явиться и много платныхъ публикацій, составляющихъ значительный источникъ дохода при непрерывномъ и правильномъ развитіи этого дѣла. Еслибы «Гласность» защищала еврейскія притязанія на какую-то безшабашную гегемонію въ русскомъ царствѣ, то, конечно, ея матеріальные убытки были бы охотно покрыты щедрыми жертвователями или, по крайней мѣрѣ, ей были бы предоставлены самыя легкія условія кредита,—подъ векселя съ «благонадежными надписателями», — какъ это практикуется для всѣхъ изданій, пользующихся покровительствомъ кагала. Но мы говорили уже въ «Наблюдателѣ» (№ I, 1899 г.), какимъ *змѣинымъ кольцомъ* окружена была «Гласность», когда ей приходилось пользоваться кредитомъ даже въ тѣхъ банкахъ, гдѣ на текущемъ счету и «оникелѣ» перебывали сотни тысячъ нашихъ вкладовъ... Даже высокая подписная цѣна (14 руб.) была *навязана* «Гласности» помимо ея желанія, такъ какъ въ ея планы вовсе не входила конкурренція съ дорогими и прочно установившимися газетами, а имѣлось въ виду лишь дополнить «Наблюдатель» ежедневной неутомительной бесѣдой съ читателями по всѣмъ выдающимся вопросамъ текущей политики и нашей общественной жизни. Съ великимъ трудомъ удалось редакціи выхлопотать сбавку подписной цѣны до 10 р. (и то уже на второй годъ), а дальнѣйшее пониженіе встрѣтило неодолимыя препятствія,—какъ будто распространеніе идей «Наблюдателя» на газетныхъ листахъ могло вредить кому нибудь, кромѣ жидовской клики! Попавъ въ эти двухсторонніе тиски, лишенный возможности бороться съ врагами *равнымъ оружіемъ*, редакторъ-издатель «Гласности» вынужденъ былъ,—что и предсказывали ему жиды въ подметныхъ письмахъ,—свернуть, до перемѣны обстоятельствъ, свое знамя и уступить мѣсто кагальнымъ рептиліямъ, на сторонѣ которыхъ временно очутились неожиданные союзники... Любо-

---

греческаго королевича,—что въ скоромъ времени и осуществилось на дѣлѣ. Въ послѣдній же разъ, запрещеніе откровеннѣе мотивировалось... статьею о минскихъ жидахъ,—избившихъ воинскій патруль,—гдѣ доказывалось, что поводомъ къ избіенію послужила *племенная и религіозная вражда* евреевъ къ христіанамъ-русскимъ. Существованіе этого повода, въ другомъ однородномъ случаѣ (въ Шиловѣ), признано и уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ сената.

пытно, что въ то время какъ «Гласность» подвергалась всяческимъ преслѣдованіямъ, доводившимъ ее до двукратной *вынужденной* пріостановки, не смотря на увеличивавшееся число подписчиковъ [1]), «Наблюдатель» стоялъ внѣ всякихъ нареканій со стороны надзирающихъ властей,—а вѣдь «Гласность» и въ редакціонномъ отношеніи, и по составу сотрудниковъ составляла только филіальное отдѣленіе того же «Наблюдателя». Но наша газета, имѣвшая возможность дѣйствовать на *тотъ именно слой публики, который находился всецѣло подъ гипнотизирующимъ вліяніемъ жидовской прессы,* возбуждала особенную, жгучую ненависть кагала, а ея пріостановки встрѣчались съ величайшею радостью въ этомъ почтенномъ сонмищѣ,—радостью, прорывавшейся и въ печати, не взирая на строго соблюдаемый обѣтъ «замалчиванія». Наглость жидовъ простиралась до того, что они громили редакцію чуть не ежедневными подметными письмами (одно изъ нихъ, за подписью: «члены Новаго Израиля», было напечатано цѣликомъ въ № 4 «Гласности» за 1898 г.), гдѣ намъ угрожали и разореніемъ редакціи и вынужденной забастовкой всего дѣла»... («Наблюд.» № 11, 1899 г.).

Только въ концѣ прошлаго года, ходатайство редакціи уважено *вполнѣ* новымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и подписная цѣна на газету назначена въ слѣдующемъ размѣрѣ:

	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.	На 1 мѣс.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ перес. иногороднымъ. . .	7 р. — к.	4 р. — к.	2 р. 50 к.	1 р. — к.
Съ пересылкою за границу . . .	15 » — »	8 » — »	4 » — »	2 » — »

Возобновленіе газеты отложено впредь до особаго объявленія. Право на ея изданіе продолжено. Подписчики удовлетворены: 1) или высылкою журнала «Наблюдатель»; или 2) другою газетою соотвѣтственной цѣны; или 3) возвращеніемъ подписной суммы изъ Главной Конторы.

Редакторъ-Издатель А. П. Пятковскій.

[1]) Въ первый годъ, число подписчиковъ на газету не успѣло превысить 2000, но во второй уже годъ, со сбавкою цѣны, тиражъ ея превышалъ, вмѣстѣ съ розничною продажею, 6000 экз.

ВО ЧТО БЫ ТО НИ СТАЛО.

Романъ въ 2-хъ частяхъ.

XVI.

Цѣлый мѣсяцъ еще Залѣсовъ прожилъ въ Петербургѣ съ Настей. Воспоминанія объ этомъ времени сохранились у нея какія-то смутныя и отрывочныя. Она была и счастлива—безконечно, безмѣрно счастлива—и несчастна. Какъ онъ ее любилъ или, вѣрнѣе, какъ она его любила! Свѣтлые, радостные дни; безумныя ночи... Кстати же была весна и яркое солнце заглядывало въ ихъ нумеръ, вызывая на просторъ, на зеленые острова, въ Павловскъ, слушать музыку, любоваться на картинныя выставки. Какъ хорошо говорилъ Залѣсовъ, какъ много зналъ! Она чувствовала, слушая его, что становится умнѣе; умственные горизонты ея расширялись... О, еслибы такъ могло продолжаться всю жизнь! Но продолжалось это недолго.

Уже въ концѣ первой недѣли, она замѣтила въ немъ признаки не то утомленія, не то скуки. Съ высоты парапета Петергофскаго дворца, когда высоко билъ Самсонъ и струя воды, отъ лучей солнца, казалась одною разноцвѣтною радугою, а она, прижавшись къ нему плечомъ, восхищенная, всматривалась, чрезъ зеленую просѣку, въ далекое, синее море съ бѣлѣющими на немъ парусами, — онъ былъ совсѣмъ иначе настроенъ, угрюмъ и задумчивъ. Раза два даже спросилъ:

— Ну, скоро ты налюбуешься?

— А ты куда торопишься?—удивлялась Настасья.

— Завтракать пора. Два часа. Пойдемъ къ другому «Самсону».

— Это въ трактиръ?

— Ну, да. Я человѣкъ изъ мяса и костей, и требую питанья. И отчего ты такъ не любишь слова: трактиръ?

За обѣдомъ онъ много пилъ. Вернувшись въ Петербургъ, Залѣсовъ сослался на необходимость повидать своего товарища, служившаго въ томъ министерствѣ, отъ котораго зависѣло его опредѣленіе на службу — и ушелъ.

Онъ такъ торопился. На ходу поцѣловалъ ее и крикнулъ уже изъ-за двери:

— Ты, Настя, не скучай. Я вернусь часа черезъ два-три.

Настасья занялась учебниками, и когда, окончивъ работу, поглядѣла на часы, стрѣлка показывала уже двѣнадцать.

«Онъ сейчасъ вернется. Что ему дѣлать у этого Павлова? Владиміръ самъ говорилъ, что это человѣкъ ограниченный».

И Настя, подойдя къ окну, долго всматривалась въ ярко-блестѣвшія на небѣ далекія звѣзды; вспомнила наивныя вѣрованія давнихъ людей о вліяніи звѣздъ на человѣческую судьбу — и вздохнула.

«На человѣческую судьбу ничто не вліяетъ, кромѣ нашего собственнаго характера», — подумала она и ушла въ свою комнату.

Но спать она не могла. Сперва читала, потомъ, погасивъ лампу, лежала безъ сна, ждала и прислушивалась. Каждый отдаленный стукъ дрожекъ заставлялъ ее вздрагивать и приподниматься, думая, что это онъ.

Пробило два, три, четыре часа. Наконецъ, Владиміръ Ивановичъ пріѣхалъ. Тяжело, грузно ввалился въ комнату; раздѣваясь, ругался съ Петромъ и, повалившись на кровать, сейчасъ же захрапѣлъ. Онъ былъ совсѣмъ пьянъ. Трепещущая и взволнованная Настя не посмѣла и откликнуться.

На утро у него болѣла голова; онъ былъ сильно не въ духѣ.

— Гдѣ ты былъ вчера? Неужели до четырехъ часовъ сидѣлъ у Павлова?

— А ты слѣдишь, въ которомъ я часу возвращаюсь?— оборвалъ онъ ее и добавилъ:—я надзора за собою не люблю.

Одумавшись и желая смягчить грубость, Залѣсовъ заговорилъ, что безсонныя ночи для такого здоровяка, какъ онъ— ничего, а для его слабенькой «жонушки» — онъ сдѣлалъ на этомъ словѣ удареніе — могутъ быть вредны. Зачѣмъ она не спитъ, когда онъ запоздаетъ?

— Не горюй, однако, моя Настя, — шутилъ онъ потомъ, нѣсколько развеселившись.—Приходится иногда по необходимости и въ холостой компаніи побывать. Этотъ Павловъ вчера меня затащилъ...

— Гдѣ ты былъ?

— Чортъ знаетъ гдѣ! Лучше и не спрашивай.

XVII.

Когда Залѣсовъ разсчитался съ банкомъ и заплатилъ долгъ Порогову, у него, по его словамъ, осталось денегъ больше четырехъ тысячъ.

— Возвратить, что ли, тебѣ эти деньги? — намекнулъ онъ и послѣ ея отвѣта: «Какъ хочешь»!—спряталъ ихъ въ комодъ, промолвивъ:

— Какъ запродамъ лѣсъ, всѣ вмѣстѣ и уплачу. Однако, Настя, чьи же это деньги?

— Не могу тебѣ сказать.

— У тебя, значитъ, есть отъ меня тайны?

— Эта тайна—не моя и опасная тайна.

— Даже опасная?

Видя, что она молчитъ, онъ нахмурился и проворчалъ, что терпѣть не можетъ никакихъ *тайнъ*. Онъ человѣкъ чистый, и эти деньги, съ которыми связана тайна и даже опасная тайна—тяготятъ его.

Между Настасьей и Залѣсовымъ возникали и небольшія недоразумѣнія.

Онъ навезъ ей разныхъ нарядовъ, дорогихъ ненужныхъ бездѣлушекъ и страшно разсердился, когда она отказалась надѣть на себя все это.

— Что за глупости!—кричалъ онъ.—Не могу же я показываться съ тобою, когда твой туалетъ и порядочная горничная не рѣшится надѣть.

— Хорошо. Я буду сидѣть дома. Ты скоро уѣдешь. Мнѣ тогда никакихъ нарядовъ и не понадобится. Притомъ... не сердись только на меня, Владиміръ.

— Я не сержусь. Но что слѣдуетъ за твоимъ «притомъ»?

Настѣ слѣдовало удержаться и ничего не говорить,—такъ

лицо его было жестко и непріязненно,—но она не выдержала и сказала:

— Видишь ли: деньги, которыя я тебѣ отдала, я могла употребить для спасенья человѣка, но покупать на нихъ для себя наряды, тратить ихъ для пустаго щегольства,—право, моя совѣсть не дозволяетъ.

Этими словами онъ былъ пораженъ и униженъ,—какъ вслѣдствіи объяснялъ ей,—и не говорилъ съ нею цѣлыя сутки.

Въ первый разъ Настя заплакала.

Послѣ объясненія, она согласилась,—пока онъ въ Петербургѣ, — щеголять въ купленныхъ нарядахъ, а онъ простилъ ей свою обиду.

— О, какъ меня тяготятъ эти проклятыя деньги!—говорилъ Залѣсовъ послѣ примиренья, цѣлуя ее.—Какъ только покончу здѣсь дѣла,—на дняхъ мое опредѣленіе состоится, — уѣду въ Спасское, продамъ рощу, пустошь тамъ одну, и верну твои пятнадцать тысячъ, но ты должна тогда сказать: чьи это деньги и какая опасная тайна съ ними связана.

Настя промолчала.

Отъѣздъ свой Владиміръ Ивановичъ нѣсколько разъ откладывалъ. У нея же не хватало духа его торопить. Она полюбила его безумно, до страстнаго забытья, и съ ужасомъ думала о времени, когда опять останется одна, о томъ, какъ будетъ думать о немъ и изнывать при мысли: вернется ли онъ и когда именно вернется?

«Не лучше ли намъ теперь, сейчасъ же обвѣнчаться»?—приходило ей въ голову. Но она отклоняла эту мысль: настаивать на этомъ значило бы сомнѣваться въ его честности, подозрѣвать обманъ—и какой обманъ!..

Она была его «любовницею»; онъ жилъ съ нею.

«О Господи! развѣ онъ можетъ меня обмануть»?

Къ тому же Залѣсовъ не возобновлялъ больше ни разу своего предложенія жениться на ней, хотя въ разговорахъ продолжалъ обсуждать, гдѣ имъ лучше обвѣнчаться: въ Э—скомъ ли, когда она на вакаціи пріѣдетъ къ отцу, или ему пріѣхать въ Петербургъ.

— Послѣднее будетъ лучше,—порѣшилъ онъ.

— Почему ты думаешь? А я, Владиміръ, хотѣла бы по-

вѣнчаться въ нашей старой церкви въ селѣ; хотѣла бы, чтобы насъ вѣнчалъ старый отецъ Викторъ, а толстый дьяконъ Предстоященскій провозглашалъ многолѣтіе новобрачнымъ. Такъ бы это было хорошо.

— Сантиментальность! Ты забываешь, что когда ты пріѣдешь въ Э—ское и пока наша свадьба состоится,—ты и я будемъ мишенью всѣхъ сплетень и пересудовъ. А я вѣдь тамъ опять земскій начальникъ. Неловко!

— И тебя будетъ шокировать вѣнчаться съ дочерью твоего волостнаго писаря?

— Настя, развѣ я подалъ тебѣ поводъ говорить такъ со мною?—обидѣлся онъ.

— Прости, милый! Но мнѣ жаль разстаться съ моею мечтою вѣнчаться съ тобою въ старой, родной моему сердцу, церковкѣ и получить благословеніе отца и матери.

— Пустяки все это! А благословенья родителей, даже на письмѣ, я, пожалуй, привезу тебѣ отъ нихъ. Не смотря на твое развитіе и медицинскіе курсы, въ тебѣ, Настя, еще очень много старины и разной романической дребедени.

— Много. Но я не желала бы разставаться съ этимъ. Такъ лучше живется, теплѣе...

XVIII.

Отлучки, подъ предлогомъ разныхъ дѣлъ, случались у Залѣсова довольно часто, особливо за послѣднія двѣ недѣли его пребыванія въ столицѣ. Всякій разъ онъ возвращался пьяный и поздно за полночь. Однажды утромъ въ его отсутствіи, Настасья заглянула въ комодъ, куда онъ пряталъ свои деньги, и съ ужасомъ увидѣла, что изъ четырехъ тысячъ съ сотнями, которыя оставались у него послѣ всѣхъ уплатъ, теперь была только тысяча съ небольшимъ.

«Куда онъ дѣвалъ, менѣе чѣмъ въ три недѣли, почти три тысячи»? блѣдная и трепещущая, задалась она вопросомъ. Вмѣсто новой жизни, вмѣсто подготовки къ серьезному труду, онъ, значитъ, просто кутитъ по прежнему?

Это была горькая, мучительная мысль. Руки у нея опустились. Она сѣла на стулъ и просидѣла, какъ оглушенная

ударомъ, пока онъ не вернулся. Явившись, Владиміръ Ивановичъ казался такимъ жизнерадостнымъ. Онъ пополнѣлъ за послѣднее время; на щекахъ его игралъ румянецъ; франтовски одѣтый, онъ сдѣлалъ себѣ полный весенній костюмъ и глядѣлъ настоящимъ красавцемъ.

— Радуйся, моя маленькая жонушка, моя кроткая Настенька, — заговорилъ онъ, нѣжно цѣлуя ее.—Я ѣду черезъ три дня.

У нея не хватило духа сдѣлать ему упрекъ за промотанныя тысячи и она ограничилась только замѣчаніемъ:

— Чего же мнѣ радоваться тому, что ты уѣзжаешь?

Онъ разсмѣялся и еще разъ поцѣловалъ ее.

— Значитъ, ты меня, негоднаго кутилу, очень любишь и будешь скучать!

На ея глазахъ выступили слезы.

— Ну, ну! не хныкать. Даю тебѣ слово не засиживаться долго въ Спасскомъ: скучища вѣдь тамъ, особенно безъ тебя. Явлюсь женихомъ. Знаешь ли: проживъ съ тобою все это время, я примирился съ жизнью женатаго человѣка. А прежде узы гименея очень меня пугали. Безъ меня, чуръ, не скучать, экономіи въ расходахъ не соблюдать, ученьемъ себя не мучить. Чтобъ моя невѣста была какъ роза, когда я пріѣду, — таково мое желаніе.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ее и повезъ обѣдать въ Малоярославецъ, гдѣ обѣщалъ быть Павловъ и еще кое-кто изъ литературной братьи.

Дорогою Залѣсовъ пояснилъ:

— Имъ я хочу показать мою маленькую жонушку, мою Настеньку. Я увѣренъ: всѣ мнѣ позавидуютъ. Ты только будь умницей...

Но Настѣ трудно было быть «умницею» и вести умныя рѣчи въ незнакомомъ обществѣ. Павловъ былъ настоящій типъ петербургскаго департаментскаго чиновника: наполовину либерала, на половину—«чего изволите»? Изъ литературной братьи пришелъ писатель Курицынъ и жидокъ Падалинъ съ шапкою курчавыхъ волосъ на головѣ.

Залѣсовъ былъ съ нимъ очень предупредителенъ и любезенъ, какъ съ вліятельнымъ человѣкомъ въ редакціи вліятельной газеты.

XIX.

Залѣсовъ уѣхалъ. Она перешла въ его нумеръ. Тамъ ей казалось не такъ грустно. Все напоминало объ отсутствующемъ другѣ. Она оставила кое-что изъ его бѣлья, подъ предлогомъ починки, и вечерами, разложивъ эти тряпки, съ машинально зажатой иголкою въ рукѣ, подолгу задумывалась и вдругъ начинала плакать.

Онъ не вернется; она его больше никогда не увидитъ!

Бѣдная мечтательница! какъ бы посмѣялась надъ ней Татьяна Кравенко, заставъ ее рыдающей надъ его старой рубашкой. И съ чего она взяла, что онъ не вернется? Что она его больше никогда не увидитъ?

Настасья припомнила послѣднее прощанье въ вагонѣ. Онъ нѣсколько торопился; Павловъ и еще человѣка два провожали его. Но прощаніе было все же очень сердечное. Онъ обнялъ ее и крѣпко цѣловалъ; прижималъ къ губамъ ея руки, называлъ добрымъ геніемъ, спасительницей, своей маленькой, милой жонушкой...

Изъ вагона, когда поѣздъ тронулся, онъ высунулъ голову, очевидно отыскивая ея фигуру, затерявшуюся въ толпѣ. И когда взоры ихъ встрѣтились, его лицо озарилось радостной улыбкой; онъ замахалъ фуражкой и поднялъ вагонное стекло.

«Зачѣмъ онъ такъ скоро поднялъ стекло»?

Поѣздъ, извиваясь змѣей и переходя съ рельсовъ на рельсы, долго еще былъ виденъ. Изъ оконъ выставлялись головы, а руки махали шляпами и платками. Его только не было...

«Но это же вздоръ? Онъ не сантименталенъ—вотъ и все. Въ чемъ я могу упрекнуть его? — думала Настасья, отирая слезы.—Онъ честенъ и любитъ меня. Уѣзжая, повторялъ, что пріѣдетъ жениться, что у него нѣтъ и не можетъ быть другой женщины, кромѣ меня, такъ близкой ему сердечно и умственно. Что же меня пугаетъ»?

Но что-то ее пугало.

Подъ конецъ пребыванія въ Петербургѣ, настроеніе его измѣнилось. Пребываніе съ нею въ нумерѣ, разговоры о будущемъ, планы совмѣстной жизни очевидно надоѣли.

— А ну! увидимъ. Что толковать о томъ, что̀ на мѣстѣ мо-

жетъ измѣниться, — говорилъ онъ, прерывая ея пылкія фантазіи.

Гуляя съ нею по Петербургу, онъ все больше молчалъ; прежняя рѣчистость и желаніе учить ее, развивать, или выкладывать передъ нею свою душу—исчезли. Владиміръ Ивановичъ отдѣлывался краткими фразами. Только при случайныхъ встрѣчахъ со знакомыми изъ чиновничьяго или литературнаго міра онъ оживлялся. Тогда опять начиналъ изливаться потокъ рѣчей, гладкихъ, громкихъ, какъ будто искреннихъ и очаровавшихъ ее когда-то.

Она не вѣрила больше этимъ рѣчамъ, но еще вѣрила его чести, его сердцу. Изъ-за чего ему обмануть ее и бросить? Онъ вѣдь заставилъ ее отдаться. Развѣ это не доказываетъ серьезности его намѣреній?! О томъ, что онъ взялъ у нея пятнадцать тысячъ,—объ этомъ Настасья не хотѣла и думать. Проклятыя деньги! съ тѣхъ поръ, какъ ихъ нѣтъ въ ея чемоданѣ—ей легче живется. Владиміръ легкомысленъ, мотъ. Пусть такъ! Но когда она будетъ его женою, все это понемногу перемѣнится. Когда же, однако, это случится?

Какъ-то въ разговорѣ съ нимъ, она сказала, что черезъ два года получитъ докторскій дипломъ и тогда, сдѣлавшись его женою, она будетъ совершенно счастлива.

— Ты думаешь не выходить за меня замужъ, пока не получишь диплома? — своеобразно понялъ онъ ея слова. — Это очень долго... А, впрочемъ, что̀ такое вѣнчанье? Пустой обрядъ. Ничего онъ не прибавитъ къ нашей любви. Скорѣе убавитъ. Ты пріѣдешь лѣтомъ въ Э.; наши отношенія не могутъ перемѣниться.

Увидя, что она не отвѣчаетъ и лицо ея поблѣднѣло, Залѣсовъ спохватился и началъ увѣрять, что они непремѣнно должны повѣнчаться. Онъ для этого вернется въ Петербургъ. Пріѣздъ ея раньше въ село и ихъ отношенія возбудятъ только сплетни. А онъ, по своему положенію, какъ земскій начальникъ, долженъ избѣгать всякаго скандала.

Тогда этотъ разговоръ не произвелъ на нее особаго впечатлѣнья. Къ его неустойчивости въ сужденіяхъ она уже привыкла. Но теперь, послѣ его отъѣзда, роясь въ воспоминаніяхъ и жадно ища соломенки, за которую могла бы ухватиться, Настя съ какимъ-то страхомъ повторяла вырвавшіяся у него

слова, что «бракъ—пустой обрядъ, который ничего не прибавитъ къ ихъ любви, а скорѣе убавитъ»; что жить они могутъ и такъ. Вотъ только ему неудобно, какъ земскому начальнику...

«Только потому, что это ему неудобно, какъ земскому начальнику! Да неужели же онъ это говорилъ? Ужели таковъ былъ смыслъ его рѣчей»? восклицала она, принималась бѣгать по комнатѣ и ломать руки.

XX.

Давно, когда она собиралася уѣхать на курсы отъ своего отца, Залѣсовъ полушутя предложилъ сдѣлаться его любовницею, переѣхать къ нему на полгода, обѣщая за это подучить и приготовить ее на курсы. Тогда она оборвала его, сказавъ: «Не на курсы вы меня собираетесь устроить, а въ родильный»... и онъ цинично разсмѣялся, назвавъ ее «прозорливою дѣвицею». Къ чему же теперь все пришло? Въ его рѣчахъ, положимъ, вырвавшихся случайно, благодаря легкомыслію, проглянуло прежнее—о, гораздо хуже, чѣмъ прежнее! Онъ почти сказалъ—«ты, Настя, моя любовница и оставайся ею. Бракъ не нуженъ—онъ ничего не прибавитъ».

«Онъ не вернется! я его больше никогда не увижу»,—пришла Настасья къ страшному выводу.

«Ну, пусть не женится... пусть только не разлюбитъ,—мелькнула у нея мысль.—Да любилъ ли онъ ее? Не иллюзія ли и это»?!

И она начинала разбирать его поведеніе въ послѣдніе дни передъ отъѣздомъ. Скверно онъ велъ себя. Каждый вечеръ уходилъ подъ какимъ нибудь предлогомъ и возвращался поздно, часто пьяный; рѣдко заходилъ къ ней, а если заходилъ, то на одну минуту и торопливо цѣловалъ, увѣряя, что умираетъ отъ усталости. На ея вопросъ: гдѣ былъ? онъ отвѣчалъ:

— Не спрашивай лучше! Чортъ знаетъ, гдѣ я бываю. Это—столица. Въ деревнѣ исправлюсь. Тамъ буду только твой.

— А здѣсь?! Развѣ ты здѣсь не мой исключительно?

Онъ смѣялся, увѣряя, что ей одной принадлежитъ его сердце.

— Но знаешь ли?—добавлялъ онъ.—Отношенія въ товари-

щескомъ міръ, по службѣ, и въ литературномъ у меня такія, что нельзя мнѣ не дурачиться, когда другіе дурачатся.

Эти признанія непріятно поражали ее и тревожили.

— Ты меня ревнуешь?—спрашивалъ онъ.

— Нѣтъ!—былъ ея отвѣтъ.—Я тебѣ вѣрю...

Что̀ иное она могла сказать? Тогда, подъ вліяніемъ мысли, что онъ скоро уѣдетъ и она останется одна, — Настя не вдумывалась, не анализировала его словъ и поступковъ. И вотъ они теперь явились передъ ея встревоженнымъ воображеніемъ во всей своей страшной ясности. Чѣмъ болѣе она думала, вспоминала, сопоставляла его слова съ поступками, тѣмъ сильнѣе мракъ и ужасъ наполняли ея сердце. Бывали минуты, когда она отказывалась вѣрить и въ его честность, и въ его любовь...

Но затѣмъ наступала реакція. Она принималась бранить себя за недовѣріе къ любимому человѣку; за то, что сама передъ собою готова была оклеветать его; искренно раскаивалась въ своихъ подозрѣніяхъ, уже казавшихся ей неосновательными, и принималась любовно думать о немъ. Подъ такими противорѣчивыми впечатлѣніями Настасья однажды написала къ Залѣсову огромное письмо и въ немъ излила всѣ мученія своего наболѣвшаго сердца, смиренно обвиняя себя въ недовѣріи къ нему. Къ счастію, однако, она не отослала этого письма. На утро нервный бредъ, изложенный на листѣ почтовой бумаги, былъ уничтоженъ, и Владиміръ Ивановичъ, пріѣхавъ въ Э—ское, получилъ письмо коротенькое, сердечное, любящее, подписанное: «всегда твоя Настя Залѣсова, если только ты мнѣ позволишь такъ подписываться».

«О милая моя Настя,—думалъ Залѣсовъ, прочтя письмо и тронутый его задушевностью. — Еще бы не позволю! Я такъ многимъ ей обязанъ. Однако, не могу понять, чьи это деньги? Отецъ нищій и распился къ тому же за послѣднее время. Скверно это... Настя говоритъ про эти деньги: «тайна, опасная тайна». Неужели же она ихъ получила... Фи! что̀ мнѣ приходитъ въ голову! А что если ей кто нибудь заплатилъ за любовь до меня? Если она была уже чьей нибудь любовницею? Какая гадость»!!—И онъ съ досадою бросилъ письмо Насти на столъ, сознавая, что хуже этой догадки онъ ничего не могъ придумать.

На утро его гнѣвъ и подозрительность прошли. Устыдясь своихъ предположеній, припомнивъ скромность, почти дѣтскую стыдливость и наивность Настасьи, онъ хотѣлъ было сейчасъ же отвѣтить ей, прося всегда подписываться не иначе, какъ *Залѣсовой*—и отложилъ отвѣтъ.

«Какія же, однако, это были деньги»? упорно думалось ему.

Залѣсовъ отвѣтилъ на ея письмо уже дня черезъ три и довольно коротко. Въ письмѣ,—впрочемъ, ласковомъ,—онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ о томъ, дозволяетъ ли Настѣ подписываться въ письмахъ его фамиліей.

Въ слѣдующемъ же письмѣ къ нему Настя уже просто подписалась: «навсегда твоя Н».

XXI.

Прошли весь май и іюнь; Настя сдала экзамены и перешла на третій курсъ. Ей представлялся случай уѣхать въ деревню, отдохнуть и заработать, но она не поѣхала. *Онъ* долженъ былъ пріѣхать въ Петербургъ. Жениться или не жениться, но пріѣхать, во всякомъ случаѣ, онъ долженъ.

О, какъ она ждала его! Какъ часто видала во снѣ, то ласковаго, то суроваго, и всякій разъ горько плакала, проснувшись. Деньги у нея всѣ вышли; уроковъ не было. Къ счастію, пріѣхала ея подруга Пилецкая и помогла ей. Но все же она не могла платить за большой нумеръ, который занималъ Залѣсовъ, и перешла въ свой старый; не могла брать хорошихъ обѣдовъ и питалась въ кухмистерской.

Отъ стѣсненій и тревоги Настя очень похудѣла и боялась, что онъ останется недоволенъ, увидавъ ее такою.

О томъ, что онъ, уѣзжая, не справился даже, есть ли у нея деньги, не спросилъ объ ея средствахъ ни въ одномъ изъ своихъ писемъ,—она не хотѣла и думать. Да и писемъ отъ него за протекшіе три мѣсяца было немного, — всего четыре письма. Въ одномъ письмѣ онъ увѣдомлялъ, что ѣдетъ въ губернскій городъ представляться новому начальству. Въ этомъ письмѣ, описывая, какъ Пороговъ запустилъ домъ, какъ онъ его передѣлываетъ, Залѣсовъ обозначалъ комнаты: «угловая, съ балкономъ въ садъ, будетъ *наша* гостинная, за нею — *наша*

столовая, а за столовою—добавлялъ—устраиваю *нашу* спальню и всю ее обобью голубымъ кретономъ. О, какъ мы хорошо заживемъ»!.. Въ постскриптумѣ было, однако, непріятное извѣстіе. «Твой отецъ, — писалъ Залѣсовъ, — еще ранѣе чѣмъ я пріѣхалъ, потерялъ мѣсто. Сильно пьетъ. Я призывалъ его. Конечно, ничего не сказалъ о нашихъ отношеніяхъ. Это было бы и рановременно, и некстати. Но сообщилъ, что ты, Настя, скоро будешь докторомъ; просилъ его бросить пить и посулилъ дать мѣсто. Обѣщалъ онъ воздержаться. Очень жалкій старикъ»!

Въ другомъ письмѣ Залѣсовъ сообщалъ, что новый губернаторъ ему понравился; у новаго вице-губернатора онъ былъ принятъ радушно. У него дочь—курсистка изъ Москвы. «Недурная брюнетка, но надутая, и ей до твоей миловидности, Настя, до твоего ума далеко»! — добавлялъ Владиміръ Ивановичъ.

У Настасьи болѣзненно сжалось сердце при чтеніи строкъ о курсисткѣ, дочери вице-губернатора...

Послѣднее письмо отъ Залѣсова было помѣчено іюнемъ. Онъ все еще сидѣлъ въ губернскомъ городѣ. Дѣла задерживали, какъ онъ объяснялъ. О его пріѣздѣ въ Петербургъ не было ни слова. Письмо заканчивалось фразою: «Какъ вернусь въ Спасское, напишу тебѣ подробно о всѣхъ моихъ похожденіяхъ. Теперь скажу кратко: меня всѣ очень ласкаютъ. Обѣды, вечера безъ меня не обходятся. Я даже игралъ въ благотворительномъ спектаклѣ и дочка вице-губернатора—«мраморная» Лидія Павловна — была въ роли моей жены. При ея напыщенности, роль любящей жены совсѣмъ къ ней не шла»...

Послѣ этого письма, Настя до первыхъ чиселъ іюля не получала ни одного слова отъ любимаго человѣка. Измученная, она рискнула написать къ нему и спросила: когда онъ намѣренъ пріѣхать въ Петербургъ? Письмо было послано заказнымъ. Она стала ждать. Прошелъ іюль, начало августа, но отвѣта не было...

«Умеръ онъ или заболѣлъ? или—разлюбилъ, бросилъ»?— думала она и днемъ, и ночью.

«Умереть бы... Ахъ, какъ бы хорошо было теперь умереть!..»

Но смерть,—какъ обыкновенно бываетъ,—не шла на призывъ тѣхъ, кто ее зоветъ. Настя пострадала весь августъ и рѣшила, что ждать ей больше нечего. Онъ ее разлюбилъ...

XXII.

Въ одинъ осенній дождливый день, Настя зашла пообѣдать въ кухмистерскую—подвальное помѣщеніе, довольно темное и грязное. Въ ожиданіи, пока ей принесутъ потребованную порцію супа, она взяла газету. Но извѣстія о боэрахъ, тогда еще побѣждавшихъ англичанъ, мало ее занимали. Что ей за дѣло до всего міра! Ея міръ разрушился; ея свѣтъ угасъ. Онъ, Владиміръ, разлюбилъ ее. Ну, пусть разлюбилъ, но отчего въ немъ не нашлось къ ней хотя бы капли жалости? Что ему стоило написать два-три ласковыхъ слова...

Она опустила грустно голову и задумалась.

Проклятыя деньги — плодъ грабежа и убійства! на нихъ она вздумала основать свое счастье... и погубила себя. Вѣдь не отдай она ему эти краденыя пятнадцать тысячъ, Залѣсовъ, потерявъ Спасское, не попалъ бы снова въ земскіе начальники, не уѣхалъ изъ Петербурга—и любилъ бы ее.

Немезида-судьба отомстила.

Или это все пустяки? Никакой Немезиды нѣтъ и все ею испытанное—чистая случайность?

Послѣднее заключеніе казалось Настѣ болѣе правдоподобнымъ. Еслибы Владиміръ Ивановичъ и остался въ Петербургѣ, то, по своему податливому дурнымъ вліяніямъ характеру, онъ все таки бросилъ бы ее. Не такую женщину, какъ она, нужно, чтобы удержать человѣка подобнаго Залѣсову. Вотъ Татьяна Кравенко удержала бы его. А гдѣ она?

Настасья не имѣла отъ своей товарки никакихъ вѣстей съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ та заставила ее взять половину денегъ убитой вдовы.

«Я до нихъ не коснусь», —говорила тогда Черноземова.— А это ужь твое дѣло, — согласилась суровая Кравенко.—Что касается меня — я съ ихъ помощью постараюсь принести обществу какъ можно больше пользы. И докажу тебѣ фактически, что, заставивъ умереть злую и глупую старуху, помѣшавъ этимъ тысячамъ попасть въ руки ея жениха-кулака и эксплуататора, мы не дурное дѣло сдѣлали, не преступленіе совершили, а поступили именно такъ, какъ слѣдовало поступить.

«Какъ-то удалось ей, на свою часть проклятыхъ денегъ, сдѣлать много хорошаго»? — задалась вопросомъ Настасья и скептически улыбнулась. Ей не удалось построить свое эгоистическое счастье на плодахъ убійства и грабежа; врядъ ли и Татьянѣ, при всемъ ея практичномъ умѣ и твердомъ характерѣ, удастся сдѣлать что либо хорошее. Въ душѣ Насти жило неясное чувство, говорившее, что хорошее можетъ быть основано только на хорошемъ.

Она положила газету и взялась за ложку.

— Позвольте, мамзель, газетку, коли не нужно?—послышался за ея спиною басистый сиплый голосъ, и чья-то толстая, покрытая грубыми рыжими волосами, рука потянулась къ газетѣ.

Настя обернулась и увидѣла толстое улыбающееся лицо э—скаго дьякона Предстоященскаго.

— Не узнали, Настасья Парамоновна? А я васъ сейчасъ же узналъ, какъ только вы вошли.

— Я очень рада видѣть васъ, отецъ дьяконъ! — воскликнула Настя и еще разъ пожала руку Предстоященскому.— Какой вѣтеръ занесъ васъ въ Петербургъ?

— Вѣтеръ горя и злосчастія, вотъ какой вѣтеръ занесъ. Да что и говорить! все у насъ перемѣнилось съ той поры, какъ вы уѣхали изъ Э—скаго. Отецъ Викторъ сдалъ мѣсто зятю—отцу Панфилу, а тотъ началъ угнетать меня. Корить, что пью! Съ горя пью—вотъ что. Только мы еще поборемся. Приходъ за меня. Я закатилъ въ «святѣйшій» прошеньице, въ коемъ обличаю этого Панфила въ ереси.

— А какъ мой отецъ? здоровъ ли? — прервала Настасья дьякона, не интересуясь знать, въ чемъ состояла ересь отца Панфила.

— Вашего отца,—это Парамона Парамоновича,—какъ здоровье?—переспросилъ Предстоященскій и устремилъ на спрашивавшую недоумѣвающій взглядъ.

— Такъ вы ничего не знаете?

— Ничего не знаю. Развѣ съ отцомъ дурное что приключилось!

— Странно. А намъ сказывали, что господинъ Залѣсовъ пишетъ вамъ...

— Объ отцѣ онъ ничего не писалъ. Но говорите же, что съ отцомъ?

— Померли, вотъ что съ нимъ.

Настасья поблѣднѣла и по старой привычкѣ перекрестилась.

— А мать моя?

— Тоже померла. Но та по христіански померла. Отецъ Викторъ, по старому знакомству, пріобщилъ и напутствовалъ.

— А отецъ... развѣ онъ иначе померъ?—дрожащимъ уже голосомъ спросила Настасья.

— Иначе. Боюсь я вамъ все сказывать, не разревѣлись бы вы, Настенька!

— Говорите. Хуже смерти вѣдь ничего не бываетъ.

— Слушайте же. Парамонъ Парамоновичъ подъ конецъ сталъ попивать. Мѣста былъ лишенъ, обѣднѣлъ, уваженія никакого, а онъ привыкъ, когда служилъ писаремъ, и жить хорошо, и держать себя высоко. Вотъ идетъ онъ разъ по улицѣ пьяненькій, а навстрѣчу идетъ господинъ Залѣсовъ, нашъ земскій начальникъ. Строгій онъ такой теперь сталъ; потому—сила: на вицегубернаторской дочкѣ женился.

Настасья почувствовала ударъ въ сердце; все вокругъ нея закружилось и запрыгало. Такъ вотъ отчего онъ не отвѣчалъ на ея письма? молніей промелькнуло въ ея головѣ. Но она ничего не сказала.

Предстоященскій продолжалъ:

— И приди вдругъ пьяному затѣя въ голову. Остановился вашъ родитель посрединѣ улицы и закричалъ Залѣсову: «подлецъ ты, подлецъ!..» А кругомъ народъ. Изъ Питера слухи у насъ прошли; Пороговъ разсказывалъ...—не обидьтесь только, Настасья Парамоновна,—будто Залѣсовъ здѣсь съ вами дружбу водилъ и даже вы помогли ему добыть денегъ и выкупить имѣніе. Ну-съ, Парамонъ Парамоновичъ подбоченился фертомъ и началъ костить Залѣсова. Тотъ отвернулся и приказываетъ кучеру ѣхать скорѣе, а у того, какъ на бѣду, валекъ у пристяжной отвязался. Пользуясь этимъ, родитель вашъ подступилъ къ самому фаэтону и спрашиваетъ: «Гдѣ моя дочь? Гдѣ моя Настя, Владиміръ Ивановичъ»?—Въ Петербургѣ на доктора учится, — отвѣчаетъ тотъ.—Стыдно тебѣ, Парамонычъ, пьянствовать и буянить... «Нѣтъ, нѣтъ, не мнѣ стыдно, а тебѣ:—ты загубилъ дѣвку и меня этимъ сничтожилъ. Ты подлецъ! вотъ кто ты, господинъ земскій начальникъ». Такихъ

ругательствъ Парамона Парамоновича господинъ Залѣсовъ не вытерпѣлъ: ударилъ его по щекѣ и сбилъ съ ногъ. — Взять его въ темную до вытрезвленія!—скомандовалъ онъ—и суду его дерзкаго, предать.—Десятскіе схватили и потащили родителя-то вашего въ темную и кричатъ: «завтра тебя драть, Парамошка, будемъ». Да только драть не пришлось; приходятъ на утро, а онъ виситъ: удавился въ ночь-то на собственныхъ помочахъ. За околицею и похоронили его.

XXIII.

Настасья встала, бросила тридцать копѣекъ на столъ за обѣдъ, до котораго едва коснулась, кивнула головою Предстоященскому и ушла изъ кухмистерской. На улицѣ ей сдѣлалось дурно: тошнило. Уже не въ первый разъ случался съ нею этотъ припадокъ. По утрамъ ее тоже тошнило. Чья-то милосердная рука усадила страдалицу на извощика. Въ нумерѣ товарка Пилецкая пыталась успокоить и помочь ей.

— Знаешь, Настя, тебѣ надо быть осторожнѣе, поберегать себя,—замѣтила она, когда судорожныя рыданья прекратились и Настя нѣсколько пришла въ себя.

— Зачѣмъ мнѣ беречь себя?

— Твое положеніе этого требуетъ.

— Какое мое положеніе?

— Ты, Настя, беременна.

— Ты мнѣ это второй разъ говоришь. Ты въ этомъ увѣрена?

— Вполнѣ. Пятый мѣсяцъ беременности. Сама ты учишься медицинѣ и можешь судить.

— Да, да! я и сама подозрѣвала это...

Настасья замолчала и задумалась.

Пилецкая изъ деликатности не разспрашивала. Печаль и отчаяніе подруги она приписывала тому, что бѣдную разлюбилъ и покинулъ обольститель. Не о чемъ было и разспрашивать. Вѣчно повторяющаяся исторія: кошкѣ-соблазнителю—игрушки, а мышкѣ-соблазненной—слезки.

Пилецкая ушла. Настасья до самаго вечера просидѣла, не двигаясь и оперши голову на руку. Она творила сама надъ собою судъ.

— Да, виновна!

Таковъ былъ вердиктъ неподкупнаго присяжнаго—ея собственной совѣсти. Онъ, конечно, подлецъ — низкій, гнусный, малодушный обманщикъ. Зачѣмъ онъ увлекъ, обезчестилъ—и бросилъ ее, какъ негодную тряпку? Развѣ не могъ онъ порвать связь приличнѣе, мягче? Какъ онъ могъ ударить ея отца, когда зналъ, что старикъ говоритъ правду?

Она закрыла глаза и воображеніе нарисовало ей страшную картину: отца, висящаго въ петлѣ и удавившагося съ отчаянія. Вѣдь его, старика, угодливый старшина и волостные судьи могли, дѣйствительно, высѣчь. Ужасно! А мать? умерла съ горя...

Малодушные и самолюбивые люди ужасно жестоки. И ея Владиміръ былъ жестокъ: ни единымъ словомъ не предупредилъ онъ ее о страшномъ несчастіи. Боялся, видно, возбудить ревность Лидіи Павловны—своей супруги.

Подлецъ, подлецъ, подлецъ! вотъ кто онъ—ея кумиръ, на котораго она истратила всю нѣжность своей души. И она беременна отъ этого самаго человѣка...

О, какъ ты страшна, Немезида-мстительница!

До этого, когда беременность ея стала обнаруживаться, Настя сначала испугалась, но скоро утѣшилась, думая: «Пусть онъ разлюбилъ и бросилъ меня; я все таки буду воспитывать его ребенка, а когда нибудь, ради ребенка, онъ вспомнитъ и обо мнѣ». Но теперь, когда она узнала всю его низость, узнала о позорной смерти отца и о горестной смерти матери; о томъ, что онъ женатъ на женщинѣ, которую не могъ полюбить и о которой самъ отзывался въ письмахъ, какъ о напыщенной дурѣ,—въ ея кроткомъ сердцѣ зашевелились злыя чувства. Она его возненавидѣла; возненавидѣла и еще не родившагося отъ него ребенка. Но всѣхъ больше она возненавидѣла саму себя.

Образъ убитой вдовы поднимался грознымъ призракомъ. «Я была къ тебѣ добра, — говоритъ призракъ, — а ты меня выдала убійцѣ. Ты хотѣла на украденныя тысячи, на моей смерти, построить свое счастье—и Богъ наказалъ тебя... Ты несчастна такъ, какъ только можетъ человѣкъ быть несчастенъ».

«Да, я несчастна и главное: я виновна»,—повторяла Настя.

Въ комнатѣ было уже совершенно темно. Она зажгла свѣчу,

взяла листъ бумаги и принялась писать. Кратко, сжато, правдиво изложила она всю свою печальную исторію, разсказала, какъ и почему она съ Кравенко убили вдову и сожгли домъ. Имени Залѣсова Настасья не упоминала, но просто сообщала, что пришедшіяся на ея долю пятнадцать тысячъ рублей она сначала хотѣла возвратить наслѣдникамъ, не марая рукъ украденными деньгами; но потомъ, видя въ нуждѣ и бѣдѣ любимаго человѣка, отдала ихъ ему, а онъ обманулъ, обезчестилъ и бросилъ ее. Жить дальше ей, опозоренной преступницѣ, не слѣдуетъ. И она умретъ, признавая себя виновною.

Исповѣдь была запечатана въ пакетъ съ адресомъ: «господину прокурору с.-петербургскаго окружнаго суда»—и положена на столъ.

Настасья наскоро одѣлась и вышла изъ квартиры. Она рѣшилась умереть.

XXIV.

Наступилъ октябрь—обыкновенный петербургскій октябрь—дождливый, холодный. То лилъ дождь, то начиналъ падать мокрый снѣгъ хлопьями. Нѣсколько дней уже надъ столицею не проглядывало солнце. По небу неслись, какъ-то въ разбивку, тяжелыя тучи; вѣтеръ, усиливаясь, превратился къ вечеру въ настоящій штормъ. Надъ опустѣвшимъ Лѣтнимъ садомъ сгущалась сырая тьма и рѣдкія звѣздочки едва мерцали въ туманѣ, когда порывъ вѣтра разрывалъ облака. Подъ напоромъ бури уныло шумѣли старыя петровскія липы, обдавая холодными брызгами бѣлыя статуи боговъ и богинь, прикованныхъ къ своимъ пьедесталамъ; болѣе ихъ счастливые—послѣдніе гуляльщики и прохожіе—торопливо выбирались изъ сада. Какая-то женщина, въ легонькомъ ватерпруфѣ и намокшей шляпкѣ, почти бѣгомъ шла къ выходнымъ воротамъ, что̀ у часовни. Но, очутившись на набережной, она не повернула вдоль рѣшетки, а перешла дорогу и неподвижно остановилась у гранитнаго парапета. Не обращая вниманія на дождь и холодъ, она пристально глядѣла на бушевавшую Неву. Сильный вѣтеръ съ моря взволновалъ рѣчную поверхность и,—какъ всегда бываетъ при низовомъ вѣтрѣ,—волны выростали высокія, длинныя, съ бѣлыми гребнями. Онѣ тяжело бѣжали къ

берегу, съ грохотомъ и всплескомъ разбиваясь о камни набережной. Рѣдкіе пароходы дымили у далекихъ мостовъ; тяжелыя, низко бѣгущія облака, у закраинъ горизонта, казалось, совсѣмъ ложились на гребни волнъ. За рѣкой, на Выборгской и Петербургской сторонѣ, загорались огоньки и опять гасли въ сгущавшемся туманѣ. Часы въ крѣпости, съ унылымъ переигрываніемъ, пробили восемь. Женщина продолжала стоять и глядѣть на Неву.

И дождикъ, и брызги разбивавшихся волнъ обдавали ее поминутно холоднымъ душемъ. Проходившій мимо господинъ заглянулъ ей подъ шляпку, но она этого не замѣтила и продолжала стоять, устремивъ глаза внизъ на темную поверхность волнъ. У часовни, въ воротахъ, дежурные городовые по обыкновенію бродили, надвинувъ на головы клеенчатые башлыки своихъ, якобы непромокаемыхъ, пальто. Женщина у парапета, заглядѣвшаяся на волны, подъ дождемъ, снѣгомъ и вѣтромъ, скоро обратила на себя ихъ подозрительное вниманіе.

— Ишь ты, замерзла!—замѣтилъ одинъ блюститель порядка съ черными бакенбардами,—Часъ, почитай, торчитъ тутъ, а по саду бѣгомъ бѣжала.

— Должно, ждетъ кого,—неохотно отвѣтилъ второй городовой, ежась отъ дождя.—Даромъ стоять не будетъ на эдакомъ вѣтру. Садъ сичасъ запрутъ, вотъ и выскочила сюда; ждетъ кого ей надо.

Но черный бакенбардистъ не согласился съ этимъ мнѣніемъ.

— Видѣлъ ли ты, какъ она, твоя ожидальщица, одѣта?

— Ну, какъ! Обыкновенно...

— И вовсе не обыкновенно, а не по сезонту она одѣта. Дрогнетъ отъ холода.

— А намъ-то что? — отрѣзалъ споривший и хотѣлъ уже отойти.

— Постой: какъ что? — остановилъ его бакенбардистъ.— Знаешь ты, что она тутъ задумала подѣлать?

— Ну? постоитъ и уйдетъ.

— Топиться задумала. Не сойти съ мѣста, коли вру. Сейчасъ энто она перегнется черезъ перилы— вотъ только съ духомъ соберется — и чебурахнетъ въ рѣку. Тогда лови ее, полѣзай за нею самъ въ воду. Неохота тебѣ будетъ.

Аргументъ подѣйствовалъ сразу. Равнодушный блюститель порядка заговорилъ уже встревоженнымъ голосомъ:

— Забрать, стало быть, сичасъ ее надо.

— Правóвъ такихъ у насъ нѣтъ, чтобы, значитъ, забирать всякаго. Просто слѣдуетъ ее уговорить уйти отселева,—отъ нашего пункта, значитъ,—коли что неладное задумала надъ собою.

И приблизившись къ женщинѣ, стоявшей у парапета, городовой заговорилъ суровымъ начальническимъ тономъ:

— Сударыня! а сударыня! извольте́ проходить. Стоять подолгу здѣсь не полагается.

Громкій голосъ, неожиданно раздавшійся у самаго уха, заставилъ вздрогнуть задумавшуюся женщину. Она поглядѣла на заговорившаго съ нею, несовсѣмъ понимая, чего отъ нея требуютъ. Свѣтъ фонаря освѣтилъ молодое еще, но худое, измученное лицо. Темные, большіе добрые глаза глядѣли съ тревогою, а побѣлѣвшія губы едва могли разжаться, чтобы спросить:—Что вамъ надо?—При этомъ худенькія маленькія руки торопливо запахнули полу ватерпруфа, раздуваемаго вѣтромъ.

— Извольте проходить, сударыня! тутъ нельзя стоять,— усиливая строгость тона, продолжалъ городовой.

— Отчего же нельзя? Я всегда здѣсь гуляю...

— Ночь теперь. Садъ будутъ запирать. Какое ужь тутъ гуляньe! Неровенъ часъ: вдругъ перекинетесь черезъ перилы и чебурахнетесь въ Неву. Въ отвѣтѣ за васъ будешь... Проходите отъ грѣха подальше.

Ничего не отвѣчая городовому, Настя — это была она— повернулась и пошла отъ него прочь, по направленію перваго моста.

Несчастная думала броситься въ воду и радикально покончить разсчеты съ жизнью. Чтобы человѣкъ жилъ, жизнь должна привязывать его къ себѣ или, по крайней мѣрѣ, вдали виднѣлась бы надежда, хотя бы обманчивая, въ родѣ блуждающаго огонька на болотѣ. Но если со всѣхъ сторонъ нависла мгла—и нѣтъ ни единой путеводной звѣздочки въ этой мглѣ... какъ тутъ жить? Пусть не надо жить. Но и умереть—задача не изъ легкихъ. Мысль о самоубійствѣ рождается и зрѣетъ въ утомленномъ мозгу горемыкъ, но, чтобы она осуществилась,

нужны рѣшимость, характеръ, привыкшій переходить отъ идеи прямо къ дѣлу. Никакихъ подобныхъ задатковъ у обманутой Насти не было. Спугнутая городовымъ, она съ облегченіемъ отошла отъ манившей ее бездны. Ей захотѣлось быть подальше отъ людей, отъ допросчиковъ: сосредоточиться въ себѣ. У ближайшаго моста она снова остановилась и поглядѣла на Неву. Кругомъ полное безлюдье; даже дворника вблизи не оказывалось. «Броситься развѣ? Одно вѣдь страшное мгновеніе—и всему конецъ»,—мелькнула у нея мысль. Ни суда за убійство, поджогъ и грабежъ, ни—хуже всего этого—мысли о томъ, что онъ—подлецъ, малодушный обманщикъ, ничего этого ужь не будетъ.

И она перевѣсилась черезъ перила моста.

XXV.

Но минута рѣшимости покончить съ жизнью, недавно страшно близкая, теперь не могла уже наступить. Влажный, холодный мракъ, тамъ подъ мостомъ, оледенилъ страхомъ ея трепещущее сердце; вѣтеръ выл угрожающе, жалобно, пронизывая несчастную холодомъ. Она зажмурила глаза, задрожала и отошла прочь на средину моста. Черезъ минуту, еще невполнѣ придя въ себя, Настя пошла вдоль Гагаринской набережной и шла на этотъ разъ, не останавливаясь, точно торопясь куда. Навстрѣчу ей попался господинъ, тепло и хорошо одѣтый, въ цилиндрѣ съ зонтикомъ. Окинувъ бѣглымъ взглядомъ идущую, онъ, согнувъ руку калачикомъ, предложилъ проводить ее... Первоначально она не поняла, чего ему нужно, но, при повтореніи циничнаго предложенія, а главное: замѣтивъ нехорошую улыбку, Настя отскочила отъ него съ какою-то гнѣвною брезгливостью и сейчасъ же перебѣжала на другую сторону улицы, гдѣ у воротъ стояли дворники и горѣли фонари.

— Дура!—крикнулъ ей въ догонку цилиндръ, разсерженный неудачею и тѣмъ, что капли дождя пробрались ему за воротникъ пальто, пока онъ предлагалъ руку.

Зачѣмъ и куда она шла? этого Настя и сама не могла бы опредѣлить. Не хватало у нея духу покончить съ жизнью и не хотѣлось возвращаться въ нумера. Пакетъ съ надписью: «прокурору», вѣроятно, нашли уже. Полиція, осмотръ, а тамъ

любопытство и шопотъ праздныхъ догадокъ, многіе мѣсяцы тюрьмы и публичный позоръ на судѣ—какъ все это отвратительно! Зачѣмъ она не приняла яду? Въ аптекахъ ей, какъ «медичкѣ», могли бы и отпустить ядъ. Или еще проще: стоило только набросать въ закрытую горячую печь щепокъ, масляной бумаги, занереть поплотнѣе двери—и смерть отъ угара неизбѣжно наступитъ. Топиться страшно. Какъ она не предвидѣла, что на это у нея духу не хватитъ! Нева—такая мрачная, холодная, грязная...

Настя взошла на Литейный мостъ; скорѣе перебѣжала, чѣмъ перешла его, и направилась по какой-то темноватой боковой улицѣ Выборгской стороны. Дома непрезентабельные, — деревянные, или двухъэтажные каменные, — тянулись по обѣимъ сторонамъ. Но вотъ и они кончились. Пошли заборы высокіе и низкіе; тротуары подъ ногами исчезли; у воротъ, выходящихъ большею частью на пустынные огороды, не было дворниковъ. Прохожіе не попадались болѣе. Настя все шла и шла.

Повалилъ снѣгъ сильнѣе и гуще. Время близилось къ полуночи. Она безцѣльно пробродила много часовъ; утомленныя ноги отказывались служить. У ближайшихъ воротъ валялся деревянный обрубокъ. Она опустилась на него и погрузилась не то въ думы, не то въ оцѣпененіе.

Снѣгъ, не уставая, сыпался и сыпался. Все побѣлѣло кругомъ и въ двухъ шагахъ трудно было различить что либо изъ-за валящихся и крутящихся въ воздухѣ бѣлыхъ хлопьевъ. Но ей какъ будто стало теплѣе подъ этимъ холоднымъ снѣжнымъ покровомъ. Не хотѣлось не то что встать, а даже пошевелиться. Острая боль обиды, жгучая печаль унялись, потонули въ морѣ слабости и изнеможенія, постепенно овладѣвавшихъ ею. Она съ глубокимъ вздохомъ облегченія закрыла глаза.

Но не уснула; ей пригрезилась свѣтлая весна. Солнце радостно сіяетъ на небѣ и косыми лучами заката прорѣзываетъ листву громадныхъ липъ Павловскаго парка. Издалека доносятся звуки музыки—аккорды поющей скрипки. Она идетъ съ *нимъ* подъ руку, безъ цѣли блуждая по аллеямъ парка. О, какъ ей хорошо, какъ она счастлива!..

— Настя, ты для меня все въ жизни...—шепчетъ Владиміръ Ивановичъ и наклоняется поцѣловать ее. Она тревожно оглядывается, опасаясь и стыдясь, какъ бы кто не замѣтилъ. А что

намъ за дѣло до этого? читаютъ ея глаза въ выраженіи его лица. Пусть всѣ видятъ и знаютъ, что здѣсь идутъ двое счастливыхъ людей. Они усаживаются подъ большею липою у шумящаго потока, противъ бѣломраморнаго памятника. Липа совсѣмъ закрыла ихъ своими широкими листьями. Онъ обнялъ ея станъ рукою и притянулъ поближе. Она слышитъ, какъ бьется ея собственное сердце; какъ стучитъ, точно въ тактъ и въ отвѣтъ, его сердце... О, какое неизмѣримое счастье! Еще бы на капельку болѣе блаженства—и человѣкъ не выдержалъ бы: умеръ отъ счастія...

Вѣтеръ глухо стонетъ; снѣжные хлопья падаютъ все гуще. Настасьѣ становится тяжело подъ этимъ сырымъ покровомъ. Звуки ноющей скрипки теряются въ завываніи разыгравшейся бури. Воображеніе рисуетъ ей темныя, со старомодною мебелью, комнаты, едва освѣщенныя луною. Она пробирается, трепещущая, полная ужаса. Вотъ открытая дверь въ спальню; видна высокая кровать и на ней распростертая женщина съ посинѣлымъ отъ задушенія лицомъ.

Какое ужасное видѣніе! Зачѣмъ оно повторяется? Отчего она не можетъ его забыть? Почти теряя сознаніе, застывая, Настасья продолжаетъ, однако, думать: «Все, что случилось со мною, справедливо: злодѣйство не можетъ быть основою счастія. За что *я его* обвиняла? Онъ и виновенъ, и не виновенъ: онъ—только Немезида. Въ эти послѣднія минуты, которыя мнѣ остается жить, я его прощаю. Да развѣ онъ могъ бы найти счастіе со мною, съ убійцею? Вѣдь я бы никогда, никогда не забыла, что было въ ту страшную ночь; никогда полный миръ не вернулся бы въ мою больную душу. О! какъ страшно было бы мнѣ цѣлые годы хранить передъ любимымъ человѣкомъ ужасную тайну... Рано ли, поздно, тайна все таки раскрылась бы. А тогда»?..

«Нѣтъ ничего скрытнаго, о чемъ бы впослѣдствіи не кричали съ крышъ»! приходитъ ей на память священный стихъ.

Гнѣвъ и негодованіе въ ея сердцѣ понемногу утихаютъ; мстительное чувство смѣняется теплымъ, тихимъ сознаніемъ необходимости прощенія. Вѣдь онъ далъ ей счастія столько, сколько она даже не стоила. Большаго онъ не могъ дать. Между ними лежала страшная тайна. Разладъ и охлажденіе

сырости трудно было ихъ зажечь. Раза два она зажигала и бросала мгновенно погасавшую спичку. Наконецъ, ей удалось освѣтить лицо несчастной: блѣдное, синеватое, съ закрытыми глазами. Какое знакомое лицо!

— Да это же Настя... Бѣдная моя Настя! — вдругъ дрогнувшимъ голосомъ воскликнула Татьяна и принялась торопливо ощупывать: бьется ли сердце у бѣдняжки.

Сердце еще слабо билось. До дому огородника, гдѣ она жила, было недалеко. Она сбѣгала, разбудила хозяина, уговорила его идти и, съ его помощью, перенесла Настю въ свою каморку.

XVII.

— Зачѣмъ ты меня спасла? Зачѣмъ вернула къ жизни?— былъ первый вопросъ Насти, когда она опомнилась и узнала свою подругу.—Я хотѣла умереть и почти уже умерла.

Татьяна горько улыбнулась.

— Умереть всегда успѣемъ. Какъ ты дошла до такого положенія, чтобы рискнуть замерзнуть подъ заборомъ? Развѣ у тебя нѣтъ квартиры? Гдѣ же деньги, что я отдала тебѣ тогда?

— А твои гдѣ? Много ты на эти проклятыя тысячи, добытыя убійствомъ, надѣлала полезныхъ дѣлъ для общества? Ты такъ живешь, что, полагаю, немного сдѣлала. Я свои деньги отдала человѣку, котораго любила, но онъ обманулъ и бросилъ меня.

— Я своихъ не отдавала. Но человѣкъ, говорившій, что любитъ меня, просто обокралъ и убѣжалъ отъ меня съ деньгами...

— Титовъ?

— Да, Титовъ. Онъ овдовѣлъ; мы встрѣтились и сошлись. Шло все какъ будто по хорошему, пока онъ не узналъ, что у меня пятнадцать тысячъ. Бѣсъ надоумилъ меня сказать ему о деньгахъ. Я разсказала ему даже, какъ онѣ ко мнѣ попали... Онъ сейчасъ же перемѣнился; завладѣлъ обманомъ моими деньгами и скрылся. Но я его разыщу и заставлю вернуть взятое.

— Зачѣмъ, Татьяна? Не надо этого.

Татьяна посмотрѣла на подругу удивленными глазами.

— Какъ зачѣмъ? Какъ не надо? Да хотя бы для того нужны деньги, чтобы не умереть подъ заборомъ, какъ ты вздумала сдѣлать. Я еще не покорилась враждебной судьбѣ. Еслибы не обманъ Титова—и какъ только я могла ему повѣрить?—у меня были уже проэкты достичь богатства и стать извѣстной. Но это ничего! Я его разыщу и заставлю не только отдать деньги, но исполнять мою волю... А съ деньгами я далеко пойду.

— Нѣтъ, нѣтъ, Татьяна! не говори о будущей дѣятельности. Для насъ съ тобою все кончено.

— Малодушная!

Настя, сидѣвшая на постели, вдругъ встала и подошла къ Кравенко.

— Скажи: тебѣ никогда не грезится убитая вдова? — начала она.

— Если и вспоминаю старуху, то не придаю этому никакого значенія.

— Неправда. Ты такъ же, какъ и я, мучишься этимъ воспоминаніемъ. Хочешь ли избавиться отъ кошмара?

Видя, что Татьяна молчитъ, она шепнула:

— Я нашла средство.

— Какое?

— Собираясь умереть, я написала прокурору свою исповѣдь,—разсказала, какъ мы съ тобою убили вдову и все прочее. Завтра насъ арестуютъ. Все кончено.

Въ глазахъ Татьяны блеснулъ гнѣвъ, но только на одну минуту. Она отошла къ окну, постояла минуты двѣ въ молчаніи, а затѣмъ подошла и поцѣловала въ лобъ Настю.

— Не сердишься, что я предала тебя?

— О, нѣтъ! Видишь ли: я обдумала. Ты всегда была малодушнымъ романтикомъ. Но, знаешь ли, со всѣмъ моимъ практическимъ умомъ, я не придумала бы такъ хорошо, какъ ты: донести прокурору. Насъ осудятъ, приговорятъ, — и мы успокоимся. Вспомни Достоевскаго: что великое страданіе очищаетъ душу.

Настя начала рыдать.

— Чего плачешь? Говорю тебѣ: мы, наконецъ, успокоимся.

Тяжесть, насъ давившая, снимется съ насъ. Сошлютъ — и пусть ссылаютъ! Мы тамъ начнемъ новую жизнь и добьемся если не счастья, то нравственнаго возрожденія.

Къ вечеру слѣдующаго дня Кравенко и Черноземову арестовали...

С. Орлицкій.

Конецъ.

Изъ старой тетрадки.

Романсъ безъ словъ... Но сердцу внятно
Онъ говоритъ... Слова къ чему?
Когда безъ нихъ и такъ понятно
Все непонятное уму.

Безмолвный взглядъ—но сердцу ясно...
Къ чему слова, когда безъ нихъ
Я разгадалъ, мой другъ, прекрасно
Нѣмой языкъ очей твоихъ!

А. Кругловъ.

ИДЕИ XIX ВѢКА О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

I.

Въ нашемъ этюдѣ мы разсмотримъ, хотя въ самыхъ бѣглыхъ очеркахъ, литературное выраженіе идей XIX вѣка о первой, такъ называемой, «великой французской революціи». Мы познакомимъ нашихъ читателей съ различными перемѣнами во взглядахъ на это событіе:—съ преклоненіемъ предъ революціей, доходившимъ до фанатизма и создавшимъ изъ нея цѣлый миѳъ въ началѣ этого вѣка, и съ критикой и скептицизмомъ — въ концѣ истекшаго столѣтія.

Сотни сочиненій уже посвящены описанію этого «трагическаго спектакля, этой бури, среди которой человѣческая душа, содрогаясь отъ ужаса и гнѣва, искала истины въ океанѣ слезъ и крови; этого зрѣлища, въ которомъ на видномъ мѣстѣ — эшафотъ, насаженныя на пики головы въ рукахъ разъяренной черни, фатальная колесница съ жертвами, наваленными въ кучу безъ разбора». Что же вышло въ результатѣ, что̀ осуществилось при помощи этихъ потрясающихъ ужасныхъ картинъ? Дѣйствительно ли всѣ эти ужасы были такъ необходимы для блага и счастія людей? Справедливо ли, что принесенныя жертвы окупились новымъ, лучшимъ порядкомъ вещей, или, напротивъ, жизнь шла и во время первой французской революціи своимъ чередомъ, какъ ни старались люди ускорить ее искусственнымъ образомъ?

Мы увидимъ далѣе, какъ мало-по-малу въ концѣ XIX в. пришли, послѣ долгихъ споровъ, къ отрицательному отвѣту на предложенный вопросъ.

Еще въ самомъ началѣ первой французской революціи поднятъ былъ вопросъ: можно ли ее оправдывать? законно ли было ея беззаконіе, вправѣ ли масса народа измѣнять по произволу государственное устройство страны? и т. п. Боркъ и Фоксъ,—оба члены англійскаго парламента,—знаменитые политическіе дѣятели своего

времени, первые занялись этими вопросами и разрѣшили его различно: Боркъ говорилъ противъ революціи, Фоксъ—за нее. Не слѣдуетъ,—доказывалъ Боркъ,—разрушать политическій строй, созданный исторіей, подъ предлогомъ созданія чего-то новаго; напротивъ, слѣдуетъ стараться исправлять старое, какъ можно меньше удаляясь отъ традицій, какъ и сдѣлала Англія во время своей революціи. Фоксъ, а за нимъ и извѣстный нѣмецкій философъ Фихте, были другаго мнѣнія. Человѣкъ имѣетъ право, по ихъ мнѣнію, удалять препятствія, мѣшающія его развитію, слѣдовательно и мѣнять дурныя учрежденія на лучшія, т. е. право производить революцію. Французы въ своихъ рѣшеніяхъ, во время первой революціи, опирались на Руссо, на его идеи о соціальномъ договорѣ. Послѣдній—слабое доказательство, по мнѣнію Фихте; во всякомъ случаѣ не историческое явленіе, не настоящій договоръ, который можно видѣть на фактѣ, а одна идея. Но даже и какъ идея, какъ фикція, онъ существуетъ, поэтому и отступленіе отъ него возможно!

Другой современникъ революціи, Жозефъ де-Местръ развиваетъ далѣе мнѣніе о ней Борка. Учрежденія страны—это традиціонные факты, а не искусственное произведеніе человѣческой воли. Никакая конституція не выходила изъ однихъ преній, и права народа не могутъ быть напередъ написаны: чѣмъ болѣе они выдумываются, тѣмъ менѣе прочны сами учрежденія, на нихъ построенныя. Ошибка революціи,—по мнѣнію де-Местра, — заключалась именно въ томъ, что ея дѣятели опирались въ своихъ рѣшеніяхъ на однѣ абстрактныя идеи. Напр., вмѣсто того чтобы отыскивать права французовъ, отыскивали, почему-то, права *человѣка вообще*, но въ дѣйствительности есть французы, нѣмцы, а человѣка вообще никто еще не видѣлъ. Остроумное возраженіе о человѣкѣ насмѣшило въ свое время публику. На него отвѣчали въ такомъ же тонѣ: «какъ это никто не видалъ человѣка? вѣдь въ писаніи сказано: Богъ, создавая Адама, сотворилъ не француза, не англичанина, а *человѣка*».

С. Мартэнъ,—современникъ и единомышленникъ Ж. де-Местра,—видѣлъ въ революціи прямое божеское наказаніе за грѣхи людскіе; революція—«дѣло сатанинское». Оба писателя придавали ей какой-то мистическій, провиденціальный характеръ. Франція получила наказаніе раньше другихъ, какъ самая виновная нація передъ Богомъ. Она заслужила его за свою безбожную философію XVIII в. еще болѣе за *христіанское идолопоклонство въ католической церкви*; потому и революція всего болѣе поразила здѣсь не дворянство, а духовенство. Франція не исполнила своего прямаго назначенія—быть *настоящей христіанской націей*, старшей дочерью католической церкви, какъ называла себя; зато ей и послѣдовало

во время революціи достойное возмездіе. Разумѣется, такая точка зрѣнія на революцію не выдерживаетъ критики, но у обоихъ писателей, рядомъ съ дикими странностями, встрѣчаются и меткія замѣчанія. Ж. де-Местръ и С. Мартэнъ первые признали, напр., революцію событіемъ всемірнымъ. Имъ возражали, что революція не ошиблась, провозглашая *права человѣка*, потому что человѣкъ день ото дня долженъ болѣе приближаться къ сущности человѣчества, къ своему идеалу; но всѣ согласны съ ними, что ошибка революціи заключалась въ желаніи насильственно навязывать другимъ эти права, и притомъ при помощи желѣза и крови.

II.

Рядомъ съ этими первыми порицателями французской революціи, появляются и ея защитники, въ числѣ которыхъ видное мѣсто принадлежитъ г-жѣ Сталь. Ея книга о революціи заключаетъ въ себѣ болѣе мемуары, чѣмъ исторію; тѣмъ не менѣе общая теоретическая оцѣнка революціи сдѣлана ясно. Во Франціи свобода имѣетъ за собой вѣка: не свобода, а деспотизмъ здѣсь новъ; потому слѣдуетъ оправдать французовъ, стремившихся устроить свободныя учрежденія, въ своей глубоко-монархической странѣ. Свобода 1789 г. является здѣсь не только естественнымъ правомъ, но также историческимъ преданіемъ. Г-жа Сталь стоитъ за конституцію; она думаетъ, однако, что и лучшая конституція устраивается не вдругъ, а постепенно. Въ такомъ же духѣ писали о французской революціи Минье и Тьеръ, историческіе труды которыхъ относятся къ двадцатымъ годамъ XIX столѣтія. По ихъ мнѣнію, революція замѣнила самовластіе—закономъ, привилегіи — равенствомъ; она освободила людей отъ сословныхъ различій, отъ цеховъ, отъ феодальныхъ повинностей. Особенно имъ нравится конституція. Не нравится имъ одинъ терроръ, который они и осуждаютъ. Реакція противъ всего революціоннаго, сопровождавшая возвращеніе Бурбоновъ, въ то время еще была сильна и вызывала протестъ. Это было время торжества роялистовъ, желавшихъ вернуть «старый порядокъ», стремившихся къ тому, чтобы вычеркнуть цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ изъ французской исторіи, и считавшихъ Францію опьянѣлой во время революціи. Защита обоихъ историковъ сводится къ слѣдующимъ двумъ пунктамъ: 1) безвременное сопротивленіе и неосторожные вызовы придворной партіи были отчасти причиною революціонныхъ увлеченій и излишествъ; 2) чужеземное нашествіе сдѣлало необходимымъ, для спасенія Франціи, военную диктатуру.

Въ то время, когда появились историческіе труды Минье и Тьера, Франція сама вѣрила въ спасительную роль революціи, не дѣлала еще архивнаго разслѣдованія ея подробностей и съ юношескимъ жаромъ защищала революцію. Все это мы видимъ у Минье и Тьера и въ ихъ личномъ настроеніи, и въ ихъ научномъ воззрѣніи.

Чѣмъ далѣе революція отдалялась въ глубь прошедшаго, тѣмъ болѣе она находила себѣ защитниковъ, а между ними и такихъ, которые хватали черезъ край. Въ ихъ глазахъ всѣ ея дѣянія кажутся хорошими; самыя низкія ея орудія идутъ за жрецовъ; ея ученіе становится догматомъ; изъ ея исторіи создается цѣлый миѳъ. Теперь начинаютъ увлекаться не одною конституціей, а и самими якобинцами, въ дѣйствіяхъ которыхъ выразилась, будто бы, во всей чистотѣ истинная сущность революціи. Такой взглядъ на революцію совпадаетъ съ тридцатыми и сороковыми годами XIX стол., съ іюльской и февральской революціями во Франціи, и носитъ слѣды революціоннаго энтузіазма. Онъ проводится въ сочиненіяхъ Бюшэ и Ру, а затѣмъ Луи Блана. Въ это время французскіе демократы стали защищать *равенство* и съ ненавистью относиться къ *свободѣ*. Свободу они гнали, какъ презрѣнный индивидуализмъ, какъ знамя буржуазіи. Бюшэ и Ру, — издатели «Парламентарной исторіи» (Histoire parlementaire), состоящей изъ нѣсколькихъ десятковъ томовъ и посвященной исключительно концу XVIII в., — настоящимъ органомъ революціи считаютъ якобинцевъ и оправдываютъ сентябрьскія убійства и весь революціонный терроръ, какъ необходимое дѣло для общественнаго спасенія. Въ то же время они доказываютъ, что революція имѣла одинаковый принципъ съ христіанствомъ:—она желала достигнуть равенства посредствомъ братства, также какъ и христіанство. Называя католическую церковь во Франціи,—ту форму, въ которой здѣсь существовало христіанство,—не христіанской, а іудейской, Бюшэ и Ру не могутъ, однако, объяснить намъ: какимъ же это образомъ революція могла сдѣлаться христіанской внѣ церкви, къ которой принадлежали французы?

Болѣе ясно и систематично новый взглядъ на революцію развилъ Луи Бланъ въ своемъ сочиненіи: «Исторія французской революціи». Это сочиненіе есть уже преднамѣренный апоѳеозъ Робеспьера.

Есть три принципа соціальной организаціи: авторитетъ, свобода, братство,—говоритъ Л. Бланъ.—Принципъ авторитета царилъ въ средніе вѣка; онъ имѣлъ свое полное выраженіе въ папской власти и въ абсолютной монархіи. Свобода, или индивидуализмъ, является въ исторіи вмѣстѣ съ Лютеромъ, но торжествуетъ только

со времени первой французской революціи. Братство же есть принципъ будущаго и только вперяне показывается въ тотъ періодъ революціи, когда вступаетъ въ бой въ союзѣ съ Горой и Робеспьеромъ, или гибнетъ 9 термидора съ самимъ Робеспьеромъ. Вся исторія революціи раздѣляется Л. Бланомъ между принципами свободы, или индивидуализма, и братства. Борьба начинается въ философіи XVIII в., поддерживается «конституціантой» и жирондистами, защитниками индивидуализма; наконецъ, переходитъ къ монтаньярамъ съ Робеспьеромъ во главѣ. Принципъ свободы привелъ къ господству буржуазіи, а она-то и есть индивидуализмъ. Конституціанта,—т. е. учредительное собраніе,—для народа почти ничего не сдѣлала: отмѣна титуловъ у дворянства льстила лишь тщеславію одной буржуазіи; конфискація имѣній духовенства могла быть полезна и выгодна опять не для народа, а *лишь для тѣхъ имущихъ людей*, кто могъ ихъ покупать. Французская революція, за исключеніемъ якобинскаго періода, была произведена однимъ индивидуализмомъ и *для индивидуализма*, одной буржуазіей и для буржуазіи. Поэтому нужна новая революція, которая была бы совершена народомъ и для него по принципу братства и для братства. Демократическая теорія Л. Блана, принятая потомъ всею демократическою партіею, нашла себѣ примѣненіе въ февральской революціи и въ парижской коммунѣ 1871 г. По мнѣнію Л. Блана, террористы были единственные люди, представлявшіе собою настоящія идеи революціи, и революція пошла назадъ, какъ скоро они были побѣждены. Соціальный якобинизмъ былъ, дѣйствительно, крайнимъ предѣломъ революціонной теоріи: дальше идти ей было некуда.

Немного нужно здраваго смысла, чтобы понять, что такая борьба противъ индивидуализма была борьбой противъ свободы и ни въ чемъ не могла содѣйствовать братству людей, какъ ожидала теорія. Убивать людей во имя любви къ человѣчеству, во имя братства, есть поруганіе надъ человѣческой совѣстью; демократія все уравнивающая и деспотическая, раздающая всѣмъ хлѣбъ насущный,—это утопія, порождающая только ненависть между классами. Такая теорія, проповѣдующая апологію убійствъ, послужила началомъ паденія революціонной идеи, дискредитировала послѣднюю, возбудила отвращеніе отъ революціонизма и мало-по-малу послужила поворотомъ къ другимъ идеямъ. Съ этого времени суровый трагическій тонъ революціонера становится смѣшнымъ и самый революціонеръ, — если вѣрить словамъ А. И. Герцена, сказаннымъ въ 1862 г.—исчезнетъ и скоро будетъ рѣдкостью, «какъ бѣловѣжскій зубръ, или краснокожій индѣецъ».

III.

Критически отнеслись къ такому взгляду на революцію весьма многіе историки, и раньше другихъ—Мишлэ и Кинэ. Мишлэ не видитъ въ революціи печальной картины ссоры буржуазіи и народа, какъ видѣлъ Л. Бланъ. Никогда, по его словамъ, буржуазія не была менѣе эгоистичной; никогда она не отдѣляла менѣе свои интересы отъ интересовъ народа,—точнѣе отъ интересовъ рабочаго класса, — какъ въ первое время революціи. Великая и гуманная эпоха революціи была создана всѣмъ народомъ; эпоха же насилія и террора имѣла только небольшой кружокъ дѣятелей. Якобинцы скорѣе являются *сектой*, ставящей себя вмѣсто народа. Для одного Л. Блана жирондисты—буржуазія, а монтаньяры—народъ. «Какой вздоръ!—говоритъ Мишлэ:—якобинцы были не менѣе буржуазны, чѣмъ жирондисты, да и кто изъ нихъ вышелъ изъ народа?! Обѣ партіи получили свое вдохновеніе не отъ народа, а отъ образованныхъ людей. Рабочій вопросъ еще не существовалъ въ то время, когда началась первая революція, даже самый классъ рабочихъ тогда еще не народился: онъ возникъ не ранѣе 1815 года, послѣ того какъ въ слѣдующее мирное время развилась промышленность».

Возраженія Мишлэ вѣрны, но самъ онъ по другимъ вопросамъ остается въ своей исторіи еще вѣрующимъ въ революціонный катихизисъ.

Кинэ писалъ объ исторіи французской революціи позднѣе Мишлэ. Между появленіемъ его книги и исторіей революціи Мишлэ протекъ 1852 г.; свободѣ и человѣческому достоинству нанесенъ былъ на его глазахъ сильнѣйшій ударъ; выдающіеся люди были высланы изъ Франціи, революціонные планы и идеалы большею частью разрушены. Кинэ еще остается поклонникомъ свободы, но онъ жестоко разочарованъ въ ея успѣхахъ, мало вѣритъ революціоннымъ идеямъ и говоритъ жестокія истины. Весь народъ, по его словамъ, вскричалъ: «свобода или смерть» передъ началомъ первой революціи; почему же люди, умѣвшіе такъ славно умирать, какъ умирали тогда за свободу, не съумѣли, однако, сдѣлаться свободными? Вотъ вопросъ, который онъ старался разрѣшить. До него никто изъ историковъ не отрѣшался такъ полно отъ революціонныхъ предразсудковъ; никто изъ нихъ не содѣйствовалъ такъ сильно опроверженію парадокса, видящаго въ гражданскомъ равенствѣ послѣднее слово революціи, а въ плебейской диктатурѣ—полное осуществленіе ея. «Терроръ,—говоритъ Кинэ,—былъ сначала

однимъ случаемъ; Робеспьеръ и С. Жюстъ возвели его въ систему. Изъ временнаго головокруженія террористы создали душу и темпераментъ революціи». Первою причиною террора было презрѣніе къ личности. Признать справедливость его — значило бы утверждать, что люди могутъ быть уничтожены безъ вреда для человѣчества. Такая странная теорія приводила бы къ тому, что революція произвела бы пустоту вокругъ себя, не замѣчая, что тѣмъ самымъ она разрушаетъ себя. Другой причиной террора была филантропія. Революціонеры,—какъ воспитанники Ж. Ж. Руссо,—вѣрили, что человѣкъ и народъ отъ природы добры. Но такъ какъ зло, не смотря на то, продолжаетъ существовать, то это происходитъ отъ заговоровъ или отъ измѣны, а эти послѣдніе слѣдуетъ уничтожать: — вотъ тогдашняя логика. Пользуясь однажды терроромъ, люди бываютъ осуждены постоянно прибѣгать къ нему, чтобы самимъ не погибнуть: другаго исхода нѣтъ для нихъ. Но на жестокостяхъ нельзя основать общественной свободы, и вотъ почему: если вы предадитесь жестокостямъ, то должны будете продолжать ихъ всегда и держать для этого въ своихъ рукахъ неограниченную власть. Жестокостью вы возбудите противъ себя и своей системы непримиримую ненависть, чувство мести, скрытную, затаенную злобу,—и все это будетъ только ждать случая, чтобы разразиться.

Ни обѣлить, ни объяснить терроръ въ лучшую сторону никому больше не удастся, особенно послѣ разоблаченій, сдѣланныхъ, сравнительно недавно, Тэномъ. «Якобинцы,—говоритъ Тэнъ,—*завоевавъ Францію*, обращались съ ней, какъ побѣдители обращаются съ забитыми побѣжденными; внесли ненависть въ жизнь и аграрную, и политическую; захватывали чужое имущество, словомъ, вели себя, какъ ненормальные люди. Ихъ дѣйствія были прямо *патологическія*». Заслуга Тэна заключается въ томъ, что разоблаченіемъ террора, его полной практической несостоятельности, его ложныхъ революціонныхъ тенденцій, онъ нанесъ этой крайней революціонной идеѣ смертельный ударъ и извлекъ ее изъ умственнаго и моральнаго обихода всякаго образованнаго общества.

IV.

1852 г. слѣдуетъ считать вообще за начало новаго воззрѣнія на исторію французской революціи. Сама жизнь всего болѣе разочаровывала ея поклонниковъ. Теперь только вѣра въ революцію значительно упала и начинается настоящая *критическая* оцѣнка революціи. Уже Токвиль, въ своей книгѣ: «Старый порядокъ и

революція», доказывалъ, что революція ввела въ жизнь гораздо меньше новаго, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Революція удивила всѣхъ своимъ внезапнымъ взрывомъ; а, между тѣмъ, то, что она сдѣлала, было результатомъ длинной работы предшествовавшихъ поколѣній. Токвиль связываетъ революцію со старымъ порядкомъ: административная централизація, административная опека—не были ея созданіемъ, потому что и при старомъ порядкѣ Парижъ получалъ уже всепоглощающее значеніе. Токвиль оправдываетъ революцію отъ безсмысленныхъ нововведеній, хотя соглашается, что она старалась создать свой порядокъ на абстрактномъ началѣ. Токвиль—не другъ и не врагъ революціи: онъ только ея критикъ.

Гораздо рѣзче о значеніи французской революціи высказался историкъ Зибель. Отказывая ей во всякомъ добромъ начинаніи, онъ оставляетъ за нею одну «оригинальность зла». Онъ согласенъ, что бѣдные классы много терпѣли во Франціи отъ дурнаго соціальнаго порядка, что перемѣны въ немъ были необходимы; онъ въ восторгѣ отъ событій въ ночь 4 августа, когда была завоевана свобода труда, равенство правъ и единство государства, но строго относится къ «декларации правъ человѣка», считая ее слишкомъ абстрактной. Зибель отрицаетъ оригинальность революціи: настоящей революціей,—по его словамъ,—была реформація, а французская революція—только послѣднее слѣдствіе этого великаго событія. Революція во Франціи поставила расхищеніе собственности на мѣсто экономической свободы, правосудіе замѣнила преслѣдованіемъ, уничтожила правительственную власть, установила анархію, разрушила политическую нравственность народа, ввела духъ завоеванія и цезаризмъ:—это темныя ея стороны. Рядомъ съ ними Зибель ставитъ и свѣтлыя; но и сказаннаго достаточно, чтобы дескредитировать революцію.

И Токвиль, и Зибель,—какъ критики революціи,—пришли къ одному выводу: революція погрѣшима въ двухъ отношеніяхъ: выдвинувши на первый планъ силу, она, съ тѣмъ вмѣстѣ, преувеличила значеніе государства. Оправданіемъ ей можетъ служить лишь то обстоятельство, что зародыши того и другаго явленія, дѣйствительно, находились въ предшествовавшей исторіи Франціи.

Также критически отнесся къ революціи Ренанъ. Ему не нравится и самый принципъ равенства, за который боролась революція. «Страсть къ равенству,—говоритъ онъ,—есть грубая страсть, порожденная бѣдностью взглядовъ. Заблужденіе заключается здѣсь въ томъ, что демократія не понимаетъ іерархіи общества. Сравнительно съ прошлымъ, демократія создала себѣ жалкій идеалъ. Религія Реймса, какъ и религія Жанны д'Аркъ, ей непонятна, и для

нея королевская власть и ея священный характеръ не могутъ болѣе творить чудесъ. При новомъ демократическомъ воззрѣніи, народъ становится и грубымъ, и дурно воспитаннымъ; одна дисциплина замѣняетъ въ немъ добродѣтель. Революція вообще была неудачной попыткой. Кодексъ ея созданъ только для тѣхъ людей, которые рождаются найденышами и умираютъ холостяками. — Ренана совершенно несправедливо упрекаютъ въ утонченной идеализаціи прошедшаго; онъ писалъ, дѣйствительно, разочарованный войною 1870 г., въ то время, когда настоящее Франціи было очень печально, а ея прошедшее было лучше настоящаго...

V.

Одна изъ послѣднихъ попытокъ пролить новый свѣтъ на исторію французской революціи принадлежитъ Сорелю. Сопоставляя революцію съ современными ей европейскими событіями, онъ для многихъ ея явленій указалъ аналогію въ окружающей европейской средѣ, и еще болѣе въ предшествовавшей исторіи. «Французская революція въ своихъ слѣдствіяхъ, даже самыхъ крайнихъ и необычныхъ, объясняется предшествовавшей исторіей Европы и прецедентами стараго европейскаго порядка»,—говоритъ Сорель. Отъ столкновенія французской революціи съ Европой зависѣло дальнѣйшее развитіе ея идей, самый ходъ ея и вліяніе. Поднявшись противъ французской революціи, чтобы сокрушить ее, Европа сама по временамъ вступаетъ съ ней въ соглашеніе и тѣмъ самымъ поступается своими принципами. Также не разъ измѣняетъ своимъ принципамъ и революція. Съ своей точки зрѣнія, Сорель считаетъ самыми важными событіями французской революціи два слѣдующія: судъ надъ королемъ Людовикомъ XVI и казнь его, а затѣмъ опредѣленіе границъ республики въ 1795 году, потому что отъ этихъ событій,—заставившихъ французовъ вести войну съ цѣлой монархической Европой, вступившейся за несчастнаго короля, и прекратить войну лишь подъ условіемъ, что Европа признаетъ за республикой рейнскую границу,—зависѣлъ всего болѣе ходъ французской революціи, приведшій Францію къ необходимости вручить свою судьбу такому полководцу, который могъ бы сладить съ цѣлой Европой.

Такъ оцѣниваетъ Сорель первый фактъ — казнь короля. Царствованіе Людовика XVI было посредственное; междоусобная война сдѣлала его имя ненавистнымъ, и только эшафотъ окружилъ его ореоломъ. Король высказался теперь человѣкомъ безпримѣрно благодушнымъ, обнаружившимъ въ часъ смерти самопожертвованіе и абсолютное упованіе на вѣчную справедливость; а это составляетъ

самый трогательный источникъ добродѣтелей человѣческаго рода. Въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ сталъ царствовать, онъ оказался на высотѣ своего положенія.

Нравы и традиціи того времени во всей Европѣ были одни и тѣ же; поэтому,—говоритъ Сорель,—нельзя обвинять одну Францію въ выборѣ средствъ. Неосмотрительность въ завоеваніяхъ, излишество ихъ вызваны были необходимостью защиты Франціи противъ цѣлой Европы. Параллель между Европой и Франціей въ періодъ революціи была сдѣлана только въ области политики. Въ области же религіи Сорель могъ бы указать на особенныя характеристическія для Франціи черты, какихъ нѣтъ въ другихъ европейскихъ государствахъ; было бы справедливо сказать, что въ этой сферѣ Франція дѣйствовала и самостоятельно, и оригинально. Было, правда, нѣчто похожее на то, что̀ дѣлалось тогда во Франціи, но только въ отдаленной исторіи; вспомнимъ примѣръ Рима во время Марка Аврелія, когда императоръ пытался также замѣнить религію философіей. Въ новой исторіи такихъ примѣровъ еще не было. Башни Nôtre-Dame показывались уже, какъ обломокъ прошлаго, на далекомъ горизонтѣ, — и французы имѣли его передъ своими глазами, когда, при пѣніи не религіозныхъ, а революціонныхъ гимновъ, въ процессіи съ носилками, наполненными церковною утварью, они плясали и хоронили свой старый культъ... Это было 23 ноября 1793 г. Обычаи «стараго режима», нравы и преданія монархической Франціи, желанія, воспитывавшіяся цѣлыми предшествующими поколѣніями, смѣшеніе понятій о своей независимости съ торжествомъ республики, пріобрѣтеніе естественныхъ границъ, торжество Наполеона,—все это объясняетъ ходъ французской революціи, какъ и сдѣлалъ Сорель; но гораздо важнѣе другая основная его мысль, что революція была безплодна, отрѣшившись отъ жизни и дѣйствуя насиліемъ. Крупная заслуга Сореля, какъ историка, заключается именно въ томъ, что онъ доказалъ положительно, что въ такихъ переворотахъ, какъ французская революція, прочнымъ остается лишь то, *что̀ достигается и безъ нихъ спокойнымъ движеніемъ жизни*,— все же остальное уносится временемъ, какъ уноситъ вѣтеръ сухіе листья. Просвѣтить умы, удалить дурныя вліянія, указать, какъ слѣдуетъ вести человѣка на пути его спасенія, приготовить новыя вѣрованія человѣка — дѣло трудное. Этого не въ силахъ сдѣлать никакая революція, никакое законодательство; это — дѣло одного времени. Революція разрушала, ломала алтари, раки святыхъ, кресты, колокола, переливала серебро и мѣдь церквей на монетномъ дворѣ, но ей слѣдовало также и созидать. Но въ этомъ-то дѣлѣ созиданія она и выказала себя безсильной. И немудрено:

можно ли сдѣлать въ одно мгновеніе то, что̀ дѣлается вѣками? Кто владѣетъ тѣмъ волшебнымъ жезломъ, который совершилъ бы вдругъ такое превращеніе? Насильственное ускореніе развязки не окупаетъ тѣхъ страшныхъ жертвъ, которыя принесены революціей. Чѣмъ дольше живетъ человѣчество, тѣмъ меньше въ немъ простора и успѣха насилію. Франціи пришлось уже во время революціи считаться съ цѣлой Европой. Прочное благоденствіе, истинное могущество и разумная свобода дѣлаются долговѣчнымъ удѣломъ лишь тѣхъ, кто добылъ эти величайшія блага, къ какимъ только можетъ стремиться народъ, рядомъ настойчивыхъ усилій и жертвъ, неутомимой борьбой съ роковыми и случайными препятствіями, силой образованія и труда,—этимъ единственно надежнымъ и достойнымъ путемъ.

Намъ слѣдовало бы сказать еще о Карлейлѣ, Лепле и Функ-Брентано,—безпощадныхъ и основательныхъ критикахъ французской революціи,—но вопросъ о революціи, какъ онъ представляется въ исторической наукѣ, настолько уже выясненъ нами въ главныхъ чертахъ, что пришлось бы повторяться. Идеи XIX вѣка о французской революціи достигли опредѣленной точности и полноты, и передаются въ наслѣдство духовнымъ сынамъ нашего вѣка, какъ здравый историческій смыслъ, развитый на основаніи совершившихся событій. Какъ бы ни были велики результаты отъ французской революціи, въ матеріальномъ, юридическомъ и духовномъ отношеніяхъ,—по взгляду ея защитниковъ,—но никто не рѣшится уже одобрять ея насилій и правонарушеній, никто не будетъ повторять, что религіозное начало можетъ быть замѣнено господствомъ «человѣческаго разума», какъ проповѣдывали философы XVIII в. и какъ пыталась осуществить революція; наконецъ, всѣ согласны теперь въ томъ, что не слѣдуетъ *порывать связь со своими историческими преданіями* и перестраивать искусственно жизнь на однихъ абстрактныхъ основаніяхъ. Вотъ къ чему приводитъ насъ разсмотрѣнный нами рядъ разсужденій о французскомъ переворотѣ, или эволюція идеи объ ея значеніи и исторической величинѣ.

Н. Овсянниковъ.

Окончаніе будетъ.

Зимній день.

Бѣлой сѣткой хлопьевъ снѣжныхъ
Мутный сумракъ озаренъ;
Робко въ грезахъ безмятежныхъ
Надъ землей слетаетъ сонъ.

Застываетъ даль лѣсная
Подъ пушистой пеленой;
Въ сердцѣ чувства, угасая,
Давятъ скорбью и тоской.

Ничего не обѣщаетъ
Въ хмурой мглѣ рожденный день,
Только скука навѣваетъ
Утомительную лѣнь.

Не забыться въ грезахъ нѣжныхъ
И не выдать жизнь за сонъ!
Бѣлой сѣткой хлопьевъ снѣжныхъ
Мутный сумракъ озаренъ...

Л. Афанасьевъ.

МИЛОСЕРДІЕ.

Романъ Перецъ Гальдоса.

(Съ испанскаго).

XXVI.

На слѣдующій день Бенина, рано утромъ, отправилась въ Камбронерасскій кварталъ съ корзиной на рукѣ, размышляя съ тревогой объ экзальтаціи своего чернокожаго обожателя; по ея мнѣнію, такъ немудрено и съ ума сойти! Необходимо лаской и добротой успокоить его.

У Толедскихъ воротъ она встрѣтила Бурладу, которая просила милостыню въ обществѣ другаго нищаго, съ ребенкомъ-калѣкой. На вопросъ Бенины объ Альдумедѣ, Бурлада отвѣтила, что видѣла его за мостомъ, у фонтана, а гдѣ онъ ночуетъ, ей неизвѣстно.

Бенина направилась къ мосту, но мавра не было у фонтана. Дальше за домами тянулось пустопорожнее мѣсто, гдѣ расположился лагеремъ цыганскій таборъ: дѣвочки съ блестящими сережками, въ яркихъ лохмотьяхъ, полоскали въ лужѣ какія-то тряпки; женщины, молодыя и старыя, усѣвшись въ кружокъ, болтали и хохотали; мужчины, столпившись у своихъословъ, спорили и кричали; гамъ, шумъ и крикъ стояли невообразимые. Бенина подошла къ группѣ мужчинъ и узнала одного изъ нихъ: она случайно познакомилась съ нимъ въ больницѣ, куда ходила навѣстить пріятельницу. Онъ тотчасъ призналъ ее и, оскаливъ зубы, радостно привѣтствовалъ.

— Скажи, дружокъ, не видалъ ли ты здѣсь слѣпаго мавра, по имени Альдумедъ?

— Видѣлъ, даже говорилъ съ нимъ, — отвѣтилъ цыганъ, раздвигая толстыя губы въ улыбку:—онъ ночуетъ въ ночлеж-

номъ домѣ «Ulpiana» и разсказывалъ мнѣ, что любезная бросила его, что она, неблагодарная, живетъ въ кухаркахъ.

Въ эту минуту Бенина едва успѣла отскочить назадъ, такъ какъ заднія копыта осла чуть-чуть не задѣли ее по носу: мальчишки стегали его кнутомъ, вѣроятно, внушая ему хорошія цыганскія манеры, а упрямое животное по своему протестовало противъ этой «культуры». Бенина поблагодарила цыгана за эти свѣдѣнія и пошла въ указанный ночлежный домъ. Но тутъ никто не могъ сказать ей, куда отправился слѣпой мавръ, хотя многіе подтвердили, что онъ ночевалъ здѣсь. Напрасно ходила Бенина по пустошамъ, закоулкамъ и грязнымъ, вонючимъ задворкамъ,—нигдѣ не было Альдумеда! Рѣшившись завтра снова возобновить поиски, она вернулась домой.

Дома все было по старому; впрочемъ, произошло нѣчто такое, послѣ чего можно было повѣрить въ короля Самдая и его вмѣшательство въ людскія дѣла. У самаго порога донна Пака воскликнула:

— Нина, представь себѣ... Я ждала тебя, чтобы сообщить...

— Что случилось?

— Донъ Ромуальдо былъ у меня!

— Донъ Ромуальдо?.. Вы бредите?..

— Это почему?.. Или ужь такъ невѣроятно, что добрѣйшій священникъ захотѣлъ навѣстить меня?

— Нѣтъ, не то... но...

— Что же у васъ произошло?

— Ровно ничего, сударыня.

— Я думала, что онъ желалъ поговорить со мной о тебѣ, Нина...

— Не... думаю... О чемъ же говорить?..

— Ты не видала, что онъ уходилъ изъ дому? Не сказалъ тебѣ, куда отправляется?..

— Откуда вы взяли, что онъ станетъ сказываться мнѣ, куда и къ кому идетъ?..

— Странно, ужасно странно...

— Но разъ, что онъ былъ у васъ, такъ вѣрно самъ объяснилъ?..

— Мнѣ? Какъ могъ онъ объяснить мнѣ что нибудь, если я его не видала? Дѣло было такъ: ко мнѣ пришла по обыкно-

венію дочь башмачника — посидѣть, пока тебя нѣтъ; знаешь, старшая, Селедонія, бойкая такая дѣвочка. Безъ четверти въ двѣнадцать слышимъ въ передней звонокъ. «Иди, — говорю дѣвочкѣ, — отопри да скажи, что барыни дома нѣтъ». Ты знаешь, я безъ тебя боюсь кредиторовъ-лавочниковъ и всякихъ скандаловъ. Ну, слышу изъ передней важный, густой басъ, а словъ не разберу. Дѣвочка выпроводила посѣтителя, приходитъ и говоритъ, что былъ у насъ священникъ...

— Какой изъ себя?..

— Высокій, красивый... Среднихъ лѣтъ...

— Такъ, такъ...— Бенина совсѣмъ растерялась отъ изумленія и не знала, что́ и подумать. — А карточки онъ не оставилъ?

— Нѣтъ, съ нимъ не было карточекъ.

— Меня спрашивалъ? — даже съ нѣкоторымъ страхомъ освѣдомилась Бенина, ожидая чего нибудь сверхъестественнаго.

— Нѣтъ. Сказалъ, что ему необходимо переговорить со мной лично по важному дѣлу.

— Значитъ, придетъ еще.

— Не скоро, въ томъ-то и дѣло! Сегодня вечеромъ онъ уѣзжаетъ въ Гвадалахару. Ты, вѣрно, слышала, что онъ туда собирается?

— Кажется, слышала... Да, помнится, говорили о вокзалѣ, о чемоданѣ...

— Ты разспроси Селедонію: она опишетъ тебѣ его наружность и всѣ подробности. Онъ очень жалѣлъ, что не засталъ меня. Вернувшись изъ Гвадалахары, онъ зайдетъ опять... Какое бы это у него важное дѣло до меня? Ты, можетъ быть, знаешь да желаешь сдѣлать мнѣ сюрпризъ, Нина?

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не знаю... А Селедонія имя-то не переврала?

— Спроси ее саму. Два или три раза онъ повторилъ: «скажи барынѣ, что приходилъ донъ Ромуальдо»!

Дѣвочку позвали и еще разъ разспросили. Она подтвердила слова донны Паки и подробно описала наружность и костюмъ дона Ромуальдо. Бенина слушала, разиня ротъ, ошалѣлая и недоумѣвающая. Однако, некогда было предаваться догадкамъ и задумываться: заботъ предстояло и такъ немало.

Фраскито чувствовалъ себя настолько лучше, что всталъ; но при первыхъ шагахъ убѣдился, что правая нога его пошаливаетъ и отказывается служить ему съ прежней охотой... Но онъ надѣялся на хорошее питаніе и упражненія, чтобы привести непокорную ногу въ повиновеніе. Онъ почему-то вообразилъ, что ему предстоитъ скорая перемѣна жизни, лучшія обстоятельства, поворотъ судьбы; онъ всегда былъ оптимистомъ и никогда не унывалъ. Признательность его къ родственницѣ и къ Бенинѣ, — особенно къ послѣдней, — не имѣла границъ!

Такъ какъ Бенина обо всемъ успѣвала думать, то и теперь вспомнила, что не мѣшаетъ сходить къ монахинямъ, у которыхъ донъ Фраскито завѣдывалъ продажей свѣчей, и объяснить имъ, почему повѣренный ихъ не явился.

— Ахъ, будьте добры, передайте имъ мое почтеніе!—обрадовался старый любезникъ, тронутый новымъ доказательствомъ заботливости Бенины:—скажите имъ все, что найдете нужнымъ. Васъ не учить,—вы сущій ангелъ-хранитель!

Въ тотъ же вечеръ Бенина исполнила его просьбу, а на слѣдующее утро снова отправилась къ Толедскому мосту въ надеждѣ отыскать мавра.

XXVII.

У Оливерской часовни она повстрѣчала старика нищаго, по имени Сильверіо, который со слезами принялся разсказывать ей свою исторію, жаловаться на судьбу и призывать смерть. Дочь его недавно умерла, оставивъ двухъ внучатъ-сиротъ: одна вотъ у него на рукахъ, а другая дома, и того гляди умретъ съ голоду. Ему хочется помѣстить ихъ въ пріютъ, и была ужь надежда на это,—да, видно, особенная незадача преслѣдуетъ его.

— Не знакомы ли вы,—заключилъ старикъ:—съ благочестивымъ и добрымъ священникомъ, котораго зовутъ донъ Ромуальдо?

— Кажется, видѣла его... — пробормотала Бенина, снова охваченная суевѣрнымъ волненіемъ.

Что это, кошмаръ что ли, этотъ донъ Ромуальдо, плодъ ея фантазіи? Бредитъ она или, дѣйствительно, на каждомъ шагу слышитъ это имя?

«Высокій, красивый, хорошо одѣтый, среднихъ лѣтъ»...— какъ во снѣ повторяла Бенина, припоминая описаніе Селедоніи. — «Вотъ, вотъ, вотъ»!..

— И онъ говорилъ, что его зовутъ донъ Ромуальдо? Нѣтъ ли ужь у него и племянницы, которая коситъ глазами?

— Косить она или нѣтъ, не знаю, а племянница у него есть, это вѣрно. И хорошенькая, вдобавокъ. Но какова моя злая судьба, говорю я: онъ, слышно, уѣхалъ въ Гвадалахару! А на него-то я и надѣялся, какъ на самого Бога!

— Въ Гвадалахару?—переспросила ошеломленная Бенина, путаясь въ дебряхъ фантазіи, смежной съ дѣйствительностью:— ты слышалъ, что онъ уѣхалъ въ Гвадалахару? Но вѣдь онъ скоро вернется.

— Почемъ знать, вернется ли? А пока мы всѣ трое съ голоду помремъ.

Сердобольная Бенина пошла со старикомъ въ квартиру, гдѣ лежала его больная внучка, которая просто умирала съ голоду, также какъ и куча другихъ нищихъ, ютившихся въ одной комнатѣ. Бенина не выдержала: отправилась въ лавочку, купила трески, чесноку, хлѣба, углей, а, вернувшись, развела очагъ и сварила супъ. Старикъ съ внучками былъ накормленъ; перепало кое-что и голодной оравѣ ихъ сожителей по комнатѣ.

Какъ бы въ награду за свою доброту, Бенина тутъ же получила свѣдѣнія о своемъ жалкомъ дѣтищѣ, слѣпомъ маврѣ: одинъ изъ присутствовавшихъ нищихъ, безногій калѣка, объяснилъ ей, что Альдумедъ ночуетъ въ домѣ Ulpiana, а день проводитъ въ молитвахъ, бренча на двухструнной гитарѣ и безсмѣнно сидя на кучѣ мусора, неподалеку отъ полотна желѣзной дороги, на самомъ безлюдномъ припекѣ, какой только можно себѣ представить. Калѣка съ радостью взялся даже проводить туда благодѣтельницу, накормившую столько ртовъ. Бенина поплелась за нимъ потихоньку, такъ какъ калѣка изображалъ изъ себя одно туловище на огромной кожаной подошвѣ и двигался медленно, съ помощью рукъ, всунутыхъ въ деревянные футляры. Дорогой, этотъ человѣческій обрубокъ разсказалъ Бенинѣ, что, по его мнѣнію, слѣпой мавръ не въ полномъ разсудкѣ: настолько поведеніе его странно. По всей вѣроятности, онъ въ своей странѣ былъ жрецомъ или дерви-

шемъ, а въ настоящіе дни обязанъ справлять мусульманскій постъ.

— Должно быть, онъ со своей гитарой поетъ какіе нибудь псалмы, либо заупокойныя молитвы. Жалостно ужь очень, плакать хочется. Ну, вонъ онъ, видите, сидитъ на пригоркѣ, на коврикѣ, поджавши пятки... Вонъ хлопнулся лбомъ объ земь и такъ пролежитъ два часа, словно каменный. Идите къ нему, — мнѣ ужь туда не долѣзть!

Бенина поблагодарила калѣку и не безъ труда, скользя и спотыкаясь, начала взбираться на мусорный холмъ, на вершинѣ котораго предавался странному покаянію ея пріятель.

— Сынъ мой, это я, Бенина, пришла навѣстить тебя!— кричала она, приближаясь къ нему понемногу: — къ тебѣ не долѣзешь по этой адской лѣстницѣ. Эй, Альдумедъ! Ты заснулъ что ли?

Она кинула въ него маленькимъ камешкомъ, но онъ продолжалъ лежать ничкомъ, словно безжизненный кусокъ мяса. Наконецъ, ей удалось привлечь его вниманіе; онъ вздрогнулъ, поднялъ голову и сѣлъ на корточки.

— Это ты, Бенина? Ты?

— Я, сынъ мой, я твой старый другъ, пришла въ пустыню, куда тебя занесло не знаю зачѣмъ. Насилу нашла тебя.

— Бенина! — повторялъ слѣпой, съ дѣтской восторженностью, весь дрожа отъ волненія и обливаясь слезами: — ты пришла съ неба.

— Нѣтъ, другъ,—ласково отвѣтила Бенина, хлопая его по плечу:—не съ неба, а съ земли, прямо по мусору ползла къ тебѣ. Дикая мысль пришла тебѣ въ голову, глупый мой дикарь: что ты тутъ дѣлаешь? Родину что ль напоминаетъ тебѣ это хорошенькое мѣстечко?

Но мавръ только блаженно улыбался и ощупывалъ ее руками, наслаждаясь ея присутствіемъ.

— Я пришла накормить тебя, бѣдняга! — продолжала Бенина:—а то ты, чего добраго, съ голоду умрешь.

— Я не ѣмъ...

— Эпитимью справляешь, что ли, полоумный ты человѣкъ? Лучше мѣста-то не нашелъ?

— Мѣсто хорошее. Гора прекрасная...

— Пошелъ ты съ твоей горой! А какъ она зовется?

— Синай!.. Я на Синаѣ. Тебя ангелы принесли. Ты пришла съ огнемъ?

— Безъ огня, сынъ мой! Да и зачѣмъ тебѣ огонь? Это и такъ пёкло; ты наполовину изжарился здѣсь, дуракъ. Глядѣть страшно: высохъ, какъ треска.

— Тѣмъ лучше. Хочу высохнуть и сгорѣть, какъ полѣно. Покаяніе...

— И высохъ бы, еслибъ я не пришла. Я принесла тебѣ поѣсть и попить.

— Не хочу... хочу стать скелетомъ, поститься и молиться!

И мавръ лихорадочно шарилъ кругомъ, отыскивая брошенную гитару.

Бенина подала ему инструментъ, и слѣпой, извлекая изъ пары струнъ отрывистые звуки, началъ по арабски заунывную пѣсню. Бенина, хоть не понимала ни слова и музыки такой не слыхивала, но слушала терпѣливо, понимая, что эта пѣснь печальна отъ душевной полноты и экзальтаціи дикаря.

— Хорошо, сынъ мой, хорошо! — похвалила она, когда пѣніе кончилось: — музыка твоя хватаетъ за сердце. Но для желудка этой пищи недостаточно: онъ предпочитаетъ хорошенькій ломтикъ ветчины.

— Ты ѣшь себѣ, а я буду пѣть... Ты возлѣ меня,—и я сытъ.

— Плохая пища, дитя мое! Не лучше ли чего нибудь посущественнѣе?

— Я тебя люблю.

— Ну и люби. Но я тебѣ вмѣсто матери и должна заботиться о тебѣ.

— Ты добра, красива...

— Очень красива! Изможденная старуха въ морщинахъ.

Но Альдумедъ вдохновенно продолжалъ:

— Ты оазисъ, тѣнь благодатная. Станъ твой строенъ, какъ пальма пустыни. Губки твои—розы... Глазки—звѣзды...

— Пресвятая Дѣва! Не подозрѣвала я у себя такихъ прелестей...

— Всѣ женщины тебѣ завидуютъ. Рука божія съ любовью создала тебя; ангелы славословятъ твою красоту.

— Великій Боже! Антоній благословенный! Если желаешь, чтобы я повѣрила всему этому, то поѣшь чего нибудь. На

сытое брюхо поговоримъ,—авось ты забудешь всѣ глупости и перестанешь бредить.

Говоря такъ, она вынула изъ корзинки хлѣбъ, яичницу, холодное мясо и бутылку вина, вслухъ перечисляя свое угощеніе и надѣясь прельстить своего факира. Въ заключеніе она строго сказала:

— А не будешь ѣсть, такъ я уйду и больше не вернусь. Оставь въ покоѣ мои розовыя губки, глаза звѣздочками, а слушайся меня: ѣшь и затѣмъ возвращайся на старую квартиру въ центръ города.

— Если выдешь за меня замужъ, хорошо. Если нѣтъ,— съ мѣста не двинусь.

— Будешь ты ѣсть или не будешь? Мнѣ некогда терять время на проповѣди. Сейчасъ уйду.

— Ѣшь ты... Оба вмѣстѣ.—Останься со мной!

— Господи, какой полоумный оселъ! Я побью тебя, ей богу. Ну, милый, Альдумедушка, маврикъ мой, поѣшь. Потомъ поговоримъ и о свадьбѣ. Неужели ты полагаешь, что я соглашусь взять въ мужья высохшій пергаментъ?

Наконецъ, ей удалось уломать его и онъ принялся ѣсть,— сначала небрежно, а потомъ съ жадностью. Но это не мѣшало ему преслѣдовать все ту же мысль и, глотая куски, онъ не переставалъ повторять:

— Мы женимся и уѣдемъ ко мнѣ на родину. Свадьбу справимъ по твоей религіи, если хочешь... а то такъ по моей, если предпочитаешь. Я — Моисеева закона, но дамы-патронессы благотворительнаго кружка крестили меня и назвали: Хозе-Марія-Альдумедъ.

— Коли ты крещеный, зачѣмъ же говоришь о другой— глупой—вѣрѣ?

— Богъ одинъ, одинъ Богъ! Великъ Аллахъ!—декламировалъ слѣпой, почувствовавъ новый приливъ экстаза:—онъ утѣшаетъ страждущихъ, знаетъ счетъ звѣздамъ и имена ихъ. Адоная обожаютъ всѣ твари и онъ милуетъ ихъ... Птицы славятъ его. Аллилуйя!

— Ѣшь, ѣшь; потомъ запоешь аллилуйя.

Но мавръ разошелся и долго еще не унимался, разсказывая о величіи единаго Бога. Бенина терпѣливо слушала, а затѣмъ снова напомнила ему о дѣйствительности. Но вернуться

на прежнюю квартиру мавръ рѣшительно отказался, если она не согласна сейчасъ же обвѣнчаться съ нимъ. Въ теперешнемъ душевномъ настроеніи ему больше нравился мусорный пригорокъ на припекѣ, который онъ громко называлъ «горой покаянія». Не было ли это атавизмомъ, безсознательнымъ инстинктомъ сына дикой пустыни, гдѣ онъ прожилъ дѣтство, гдѣ жили его предки?

XXVIII.

— Не знаю, — говорила Бенина, качая головой: — какъ ухитришься ты жить на этой «горѣ покаянія»! Милостыню здѣсь просить не у кого, и если мнѣ некогда будетъ, кто накормитъ тебя? Или ты ждешь манны съ неба?

— Она посыплется,—съ убѣжденіемъ сказалъ мавръ.

— Жди. А скажи-ка мнѣ, что ты думаешь насчетъ клада? Нѣтъ ли здѣсь по близости?

— Есть, есть, и много.

— Поискалъ бы со своими заклинаніями. Дѣло-то было бы лучше. Но я не вѣрю въ твои сказки. Всѣ эти глупости сочиняютъ у тебя на родинѣ. Нѣтъ выхода бѣдняку! Всѣ эти кубышки съ золотомъ да цари съ драгоцѣнностями — пустыя басни.

— Выходи за меня,—я найду кладъ.

— Хорошо, хорошо. Ты прежде найди, тогда я и выду за тебя. А теперь пока прощай.

Альдумедъ сталъ удерживать ее, но она рѣшительно сказала:

— Не сидѣть же мнѣ тутъ, на припекѣ, словно кожа на просушкѣ. Кромѣ того, кто безъ меня накормитъ мою старую барыню?

При этихъ словахъ, Альдумедъ вспомнилъ «красавца» и сталъ было черезъ мѣру волноваться; Бенина поспѣшила увѣрить его, что, слава богу, старый кавалеръ уѣхалъ отъ ея барыни, — да еще какъ уѣхалъ-то: по свински, не заплативъ за содержаніе и не сказавъ спасибо. Мавръ простодушно повѣрилъ ея словамъ и, заставивъ ее поклясться, что завтра она опять придетъ, отпустилъ ее.

Первое, что спросила ее донна Пака, какъ только отворила дверь, было: не знаетъ ли она, когда вернется донъ Ромуальдо изъ Гвадалахары? Бенина отвѣтила, что никто изъ домашнихъ не знаетъ навѣрное о днѣ его возвращенія. Кавалеръ дель-Понте чувствовалъ себя все лучше и лучше; Обдулія пришла навѣстить его и онъ ликовалъ, разсказывая дамамъ о своихъ свѣтскихъ успѣхахъ и побѣдахъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Деньги Бенины замѣтно таяли; нельзя же было не прибавить лишняго блюда и сладкихъ пирожковъ для молодой гостьи, оставшейся обѣдать! На слѣдующее утро, когда Бенина отправилась съ закуской въ корзинкѣ — накормить слѣпаго мавра на «горѣ покаянія»—у нея въ карманѣ едва оставался одинъ дуро.

Между тѣмъ, безногій калѣка распустилъ между нищей братіей слухъ о благотворительности Бенины, и когда она появилась въ Камбронеросскомъ кварталѣ, цѣлая толпа оборванцевъ обоего пола окружила ее, протягивая руки и прося милостыни съ воплями, стонами и криками. Нѣкоторые увѣряли, что Бенина — переодѣтая филантропка, богатая благотворительница, намѣревающаяся одѣлить ихъ серебряными монетами; возраженіемъ ея не хотѣли вѣрить, а назойливо осаждали ее. Отчасти повинуясь своему доброму сердцу, отчасти, чтобы отдѣлаться отъ приставаній, Бенина купила десятка два булокъ, разломила ихъ пополамъ и раздала нищимъ. Гвалтъ поднялся невообразимый: куски просто выхватывали у нея изъ рукъ; нѣкоторые завладѣли двойною порціей; большинство же, разумѣется, ничего не получило, а въ общемъ всѣ были недовольны и послышался ропотъ.

— Какая это переодѣтая филантропка! — злобно кричала пьяная старуха въ толпѣ:—въ дырявыхъ башмакахъ.

— Отъ нея чеснокомъ воняетъ.

— Нищая, такая же, какъ и мы! Ходитъ, высматриваетъ, чего бы стащить!

— Вѣрнѣе всего, что такъ.

Видя, что дѣло принимаетъ скверный оборотъ, Бенина быстро пошла къ полотну желѣзной дороги, гдѣ, недалеко отъ будки стрѣлочника, возвышался мусорный холмъ. На томъ же самомъ мѣстѣ, въ той же позѣ мистическаго экстаза, сидѣлъ Альдумедъ, уставившись слѣпыми зрачками въ ту сторону,

откуда ждалъ свою возлюбленную Бенину. Взобравшись къ нему на холмъ, добрая женщина вынула провизію изъ корзинки и они принялись было за ѣду. Но бѣда подстерегала ихъ: толпа нищихъ, разочарованная въ своихъ ожиданіяхъ, вознамѣрилась выместить свою злобу на Бенинѣ; самые буйные нахалы подошли къ пригорку и начали пускать въ нее каменьями. Старая пьяница руководила осадой и выкрикивала площадныя ругательства по адресу Бенины и слѣпаго мавра. Камни начали попадать въ цѣль; получивъ изрядный ударъ въ плечо, Бенина поспѣшно убрала провизію, взяла слѣпаго подъ руку и сказала:

— Надо поскорѣе убираться, сынъ мой. Эти черти убьютъ насъ.

Они сошли съ пригорка съ другой стороны и, подъ градомъ камней, поспѣшно направились въ будку стрѣлочника. Бенина получила здоровенный ударъ въ затылокъ, а Альдумедъ, необдуманно обернувшись лицомъ къ преслѣдователямъ, съ намѣреніемъ усовѣстить ихъ, получилъ ударъ остраго камня прямо въ лицо. По счастью, будка была недалеко, а стрѣлочникъ съ женой оказались добрыми людьми и пріютили избитыхъ.

Окровавленное лицо Альдумеда немедленно обмыли водой съ уксусомъ и приложили къ ранѣ компрессъ; слѣпой поминутно спрашивалъ Бенину:

— А ты ранена?

— Нѣтъ, сынъ мой, влѣпили мнѣ камень въ затылокъ, но крови нѣтъ. Ничего.

— Тебѣ больно?

— Не очень.

— Это духи злобы...

— Разумѣется, сволочь, другъ мой. Хорошо, еслибъ полиція ихъ проучила!

Когда кровь унялась и компрессъ былъ плотно привязанъ на раненый глазъ мавра, радушные хозяева предложили случайнымъ гостямъ раздѣлить ихъ трапезу; Бенина, со своей стороны, вынула провизію изъ корзинки—и всѣ вмѣстѣ принялись закусывать. Жена стрѣлочника выразила мнѣніе, что хорошо бы Бенинѣ и ея товарищу поступить въ богадѣльню; но, не находя нужнымъ вдаваться въ излишнія подробности,

Бенина возразила, что это вовсе не такъ легко сдѣлать и надо имѣть протекцію. Хозяйка сказала, что стоитъ только прибѣгнуть къ добрѣйшему дону Ромуальдо,—и дѣло въ шляпѣ!

— Къ дону Ромуальдо?—повторила Бенина:—слышала я о немъ... Священникъ, высокій, красивый, хорошо одѣтый, среднихъ лѣтъ, говоритъ важнымъ басомъ?.. У него племянница, немножко коситъ, но хорошенькая?..

«Опять донъ Ромуальдо! — думала Бенина, произнося эти фразы, точно заученный урокъ: — повидимому весь міръ его знаетъ! А я выдумала его первая. Хоть бы глазкомъ взглянуть на него».

— Не знаю, коситъ ли его племянница и есть ли она у него,—продолжала жена стрѣлочника:—знаю только, что самъ онъ изъ Гвадалахары.

— Да, да,—подтвердила Бенина:—теперь онъ поѣхалъ на родину. Его скоро сдѣлаютъ епископомъ... Онъ, вѣрно, поѣхалъ за бумагами...

Собесѣдницы рѣшили, что именно за бумагами поѣхалъ будущій епископъ, а когда вернется, то Бенина обратится къ его покровительству. Въ душѣ Бенина рѣшительно отвергала богадѣльню:—развѣ это мыслимо, когда у нея столько заботъ на рукахъ? А донна Пака? Обдулія? Фраскито? Альдумедъ? Цѣлая орава голодныхъ ртовъ. Что касается до мавра, то онъ не пережилъ бы и недѣли неволи и, конечно, предпочелъ бы быть голоднымъ на свободѣ, чѣмъ сытымъ взаперти и въ подчиненіи.

Затѣмъ Бенина упросила хозяевъ пріютить у себя на время раненаго Альдумеда.

— Онъ не стѣснитъ васъ: онъ тихій, честный, поѣстъ, что дадите... Вотъ возьмите, сколько у меня есть, денегъ за хлопоты.

Отдавъ почти всѣ свои деньги, она не безъ труда уговорила Альдумеда остаться—и хозяева согласились.

— Приходи завтра!—умолялъ мавръ, когда Бенина собралась уходить:—если не придешь, я умру.

Она обѣщала въ сотый разъ и ушла. Дорогой раздумывала она о неожиданныхъ злоключеніяхъ этого дня, — о томъ, что ея деньги всѣ растаяли, что предстоятъ страшныя затрудненія: выкупъ колецъ Питузы, новая погоня за грошами. Какъ выпутаться изъ всего этого?

Убѣдившись дома, что Фраскито почти поправился, она посовѣтовала донѣ Пакѣ отпустить его, чтобы онъ занимался своей торговлей восковыми свѣчами у монахинь. Но въ то время, какъ онѣ разсуждали объ этомъ, явилась посланная отъ свекра Обдулiи, съ извѣстiемъ, что молодая женщина заболѣла и просить навѣстить ее. Бенина немедленно побѣжала въ домъ гробовщика, гдѣ нашла Обдулiю въ сильнѣйшемъ нервномъ припадкѣ. Она помогла ей по силѣ и разумѣнiю и вернулась къ своей несчастной госпожѣ. Ночь онѣ провели безъ сна, толкуя о напастяхъ, обрушившихся на нихъ и мечтая о выигрышахъ и кладахъ. На другое утро Бенина отправилась на паперть церкви св. Себастiана. Милостыня являлась все таки единственнымъ прочнымъ ресурсомъ.

Такъ прошло нѣсколько дней. Обдулiя плохо поправлялась; рана Альдумеда все еще болѣла, и Бенинѣ пришлось усиленно работать, т. е. утромъ дежурить у церкви, а вечеромъ, выискавъ предлогъ, выпрашивать подаянiе на улицахъ и поздно, въ очкахъ и темной вуали, еще разъ выходить на промыселъ, стараясь тихимъ голосомъ разжалобить прохожихъ. При этомъ она разсказывала, что она—дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, невѣроятными несчастiями доведенная до необходимости протягивать руку. Такимъ образомъ, удавалось ей кое-какъ сводить концы съ концами и нести крестъ, который какъ-то самъ собою легъ на ея плечи.

Разъ вечеромъ, она просила милостыню у епископскаго дворца и вернулась домой позже обыкновеннаго. Къ ея изумленiю, донны Паки не было дома, и привратница объяснила ей, что барыня, въ сопровожденiи дона Фраскито, пошла навѣстить свою дочь; а что въ ея отсутствiе заходилъ священникъ, не дозвонился и велѣлъ ей, привратницѣ, передать, что донъ Ромуальдо былъ у донны Хуарецъ-и-Цапата, и что ему надо переговорить съ ней.

— Да вѣдь онъ въ Гвадалахарѣ?

— Вчера вернулся. Когда ему будетъ время, зайдетъ еще.

«Видно, суждено мнѣ познакомиться съ благодѣтелемъ, котораго я выдумала»! размышляла Бенина, подымаясь по лѣстницѣ: «во всякомъ случаѣ, дай Богъ здоровья этому дону Ромуальдо, если онъ пожертвуетъ намъ что нибудь»!

Въ головѣ ея фантазiя до того перепуталась съ дѣйстви-

тельностью, что въ одной молодой дамѣ, слегка косившей, которая подала ей милостыню, она узнала племянницу дона Ромуальдо! Точь въ точь такою она представляла ее себѣ, когда описывала родственницъ священника своей любопытной барынѣ, требовавшей мельчайшихъ подробностей.

Между тѣмъ, донна Пака и Фраскито вернулись домой и сообщили радостную вѣсть, что Обдулія выздоравливаетъ.

— Послушай, Нина,—внушительно сказала барыня:—какъ хочешь, а малюткѣ нашей необходимо купить хорошаго вина. Она ужасно слаба, и безъ вина ей не обойтись. Постарайся достать въ долгъ, а если нельзя, — найди гдѣ нибудь денегъ. Это не прихоть!

Бенина только вздохнула и принялась накрывать на столъ. На душѣ у нея было такъ мрачно, что, когда обѣ онѣ улеглись спать, донна Пака разворчалась, упрекая служанку въ дутьѣ и въ скверномъ характерѣ.

Не желая разстраивать барыню противорѣчіемъ, Бенина начала болтать и забавлять ее разсказами, какъ дѣлаютъ съ дѣтьми, требующими сказокъ.

XXIX.

Мало-по-малу мавръ выздоровѣлъ и снова принялся за выпрашиваніе милостыни, такъ какъ покровительница его строго объявила ему, что теперь не время предаваться созерцанію на мусорномъ холмѣ. Альдумедъ подчинился власти Бенины, и жажда поста и покаянія понемногу спала съ него. Съ общаго совѣта, рѣшено было перенести поле дѣятельности отъ св. Себастіана въ церковь св. Андреса, потому что мавръ зналъ тамъ одного священника, оказавшаго ему какъ-то протекцію. Хотя и тамъ были свои капральши и Елисеи,—гдѣ ихъ нѣтъ на землѣ? — но тутъ они не казались такими тиранами и не такъ злобствовали. Священникъ, покровительствовавшій мавру, зналъ по арабски и по еврейски, и иногда разговаривалъ со слѣпымъ. Разъ, послѣ обѣдни, Бенина замѣтила, что изъ ризницы вышелъ этотъ священникъ съ другимъ своимъ коллегой, высокимъ, красивымъ, среднихъ лѣтъ мужчиной? Оба они, при разговорѣ, смотрѣли на мавра,—

очевидно рѣчь шла о немъ. Затѣмъ священники взглянули на Бенину; вѣроятно, они принимали ее за жену или возлюбленную мавра.

Наконецъ, красивый священникъ ушелъ, а покровитель Альдумеда подошелъ къ Бенинѣ.

— Вамъ слѣдовало бы бросить нищенское ремесло, Бенина!—сказалъ онъ ей:—въ ваши года пора отдохнуть. Что связываетъ васъ со слѣпымъ мавромъ? Не хотите ли въ богадѣльню? Я просилъ дона Ромуальдо помѣстить васъ — и онъ обѣщалъ...

Бенина была такъ изумлена, что не нашлась отвѣтить. Наконецъ, она поблагодарила дона Майораля — такъ звали ученаго священника, — и освѣдомилась, не зовутъ ли домомъ Ромуальдо того патера, который только что удалился?

— Да, это онъ самый!—пояснилъ донъ Майораль:—я сказалъ ему, что вы живете въ услуженіи у одной дамы, въ улицѣ Imperiale, и онъ хотѣлъ навести о васъ справки.

Удивительное дѣло! Создавая въ своемъ воображеніи образъ дона Ромуальдо, Бенина именно такимъ и представляла его себѣ. Ей даже хотѣлось пойти къ «настоящему» дону Ромуальдо и покаяться ему, что она его выдумала безъ всякаго злаго умысла, а чтобы скрыть отъ своей бѣдной барыни причину своихъ отлучекъ. А кстати спросить: не коситъ ли его племянница. Чего добраго? — нѣтъ ли у него сестры, донны Хозефы, и не назначенъ ли онъ епископомъ, чего вполнѣ заслуживаетъ по своимъ рѣдкимъ добродѣтелямъ?.. Однако, она не пошла къ нему и подобныхъ вопросовъ не предложила, а вернулась домой, печально раздумывая о томъ, какое жалкое созданіе человѣкъ: и солгать-то, и выдумать ничего не можетъ. Хоть частица окажется правдой!

А нужды и потребности все прибавлялись; троекратное выпрашиванье милостыни не покрывало всѣхъ расходовъ. Бенинѣ все труднѣе и труднѣе было добыть что нибудь въ кредитъ. Питуза Комадреха сердилась и грозила судомъ истребовать у Бенины одолженныя ей кольца. Энергія Бенины пошатнулась, вѣра въ Провидѣніе поколебалась; взаймы только и удалось ей достать одинъ дуро у Джуліаны, жены Антонито. Напрасно бѣгала она по знакомымъ, выпрашивала, сама не доѣдала, лишь бы накормить «своихъ» — т. е. семью донны

Паки, мавра и Фраскито; приходилось въ безсиліи сложить руки и предоставить все на волю божію...

Въ довершеніе неудачъ, съ ней случилось бѣдствіе, котораго она и не ожидала.

Они вдвоемъ съ мавромъ, по обыкновенію, просили милостыню на улицѣ; слѣпой получилъ уже десять сантимовъ, какъ вдругъ явился полицейскій и грубо крикнулъ Бенинѣ:

— Пойдемъ-ка, любезная старушка. Иди, иди, двигайся поживѣй!

— Куда вы меня тащите?

— Милостыню просить на улицахъ запрещается, матушка. Губернаторъ строго запретилъ.

— Такъ пусть губернаторъ кормитъ меня въ такомъ случаѣ.

— Безъ дерзостей! Маршъ въ С. Бернардино.

— Не толкайтесь! Я не воровка. Кормиться нужно какъ нибудь.

Бенина сопротивлялась, но это не помогло: полицейскій позвалъ на подмогу, и всѣ нищіе, которыхъ успѣли захватить по близости, также какъ и слѣпой мавръ, отправлены были въ С. Бернардино. Бѣдная женщина плакала, умоляла, кричала, но это ни къ чему не привело. Альдумедъ покорно шелъ, уцѣпившись за ея руку; она возлѣ него, чего же ему еще нужно, и не все ли равно, куда идти?

Въ это время лилъ дождь; всѣ промокли до костей; съ круглой шляпы Альдумеда, видавшей на своемъ вѣку всякіе виды, лился непрерывный фонтанъ Тритона; разорванные башмаки Бенины хлюпали по лужамъ и потеряли всякое сходство съ обувью; босикомъ легче было бы идти.

— Бенина, — сказалъ Альдумедъ, когда вымокшее стадо бѣдняковъ загнали въ загородный участокъ: — не тужи. Я съ тобой... Не плачь! Я радъ: насъ накормятъ; ты со мной.

Но Бенина въ отчаяніи молчала. Развѣ несчастный можетъ понять ея терзанія? Что скажутъ, что подумаютъ дома, когда ночью Бенина не вернется? Кто ихъ тамъ накормитъ, утѣшитъ, ободритъ? А по выходѣ отсюда, какъ объяснитъ она свое отсутствіе? Не лучше ли ужь во всемъ сознаться, сказать правду—и дѣлу конецъ? Но донна Пака можетъ не повѣрить, разсердиться на нее,—и Бенина, не вынесши разрыва

съ своей госпожей, умретъ съ горя. Гдѣ мавру понять все это? Такъ раздумывала бѣдная женщина, сидя въ тѣсной каморкѣ, съ кучей всякихъ бродягъ, числомъ до полусотни, въ сырости и вони. Но сколько ни думай, а пришлось смириться и терпѣливо ждать конца приключенія. Страшное уныніе овладѣло Бениной послѣ слезъ. «Пусть будетъ, что будетъ!—рѣшила она: — не повѣритъ барыня — пусть не вѣритъ; разсердится, выгонитъ—пусть ее... Умру, такъ умру»!

XXX.

Недоумѣніе и тревога донны Паки превзошли опасенія самой Бенины. По мѣрѣ того какъ часы шли, а служанка не являлась, вдова приходила все въ бо́льшее и бо́льшее волненіе: ужь не случилось ли чего съ вѣрной Бениной, не раздавила ли ее карета, не умерла ли она скоропостижно на улицѣ? Кавалеръ Фраскито тщетно старался успокоить ее: всѣ его доводы рушились передъ такимъ аргументомъ:

— Никогда этого не бывало, Понте, никогда! Сколько лѣтъ я ее знаю,—она всегда къ ночи возвращалась домой.

Услужливыя дочки башмачника явились помочь доннѣ Пакѣ, но это не имѣло существеннаго значенія: ужинъ составлялъ великую задачу въ отсутствіи Бенины! По счастью, какъ барыня, такъ и ея гость, лишились апетита и удовольствовались яичницей и кускомъ хлѣба. Уснуть не могъ ни одинъ изъ нихъ: вдова считала часы, прислушивалась ко всякому шуму на лѣстницѣ и буквально не смыкала глазъ до зари. Простая любезность и участіе помѣшали бы кавалеру Фраскито спать при такихъ обстоятельствахъ; и онъ бодрствовалъ, если не считать легкой дремоты, которая одолѣла его слабый организмъ, пока онъ сидѣлъ въ креслѣ въ такомъ неудобномъ положеніи, что на другой день ходилъ съ вывернутой шеей. Подъ утро, утомленная и измученная ожиданіемъ, вдова тоже задремала въ креслѣ, причемъ во снѣ бредила, нервно вздрагивала и вскакивала, увѣряя, что воръ забрался въ квартиру. Утромъ, благодаря отсутствію Бенины, все показалось доннѣ Пакѣ унылымъ и пустымъ, а на душѣ стало еще хуже, чѣмъ ночью. Подумали было они, съ кавалеромъ Фраскито, пойти къ дону Ромуальдо справиться о Бенинѣ; но адреса почтен-

наго священника они не знали. Привратникъ сжалился и предложилъ пойти поискать служанку, — но вернулся ни съ чѣмъ: ни въ лавочкахъ, ни у сосѣдей, никто не видалъ пропавшей Бенины. Къ довершенію бѣдствія, въ домѣ только и былъ вчерашній прокисшій супъ да черствыя корки хлѣба! По счастью, нѣкоторые изъ сердобольныхъ сосѣдей, узнавъ объ исчезновеніи преданной женщины, прислали кое-чего къ обѣду: супу съ чеснокомъ, жареной трески, яицъ и даже полбутылки вина. Пришлось все таки подкрѣпиться ѣдой, — желудокъ предъявлялъ свои требованія, не смотря на душевныя тревоги его хозяевъ.

Часы полали медленно; осиротѣвшая вдова и ея родственникъ невольно прислушивались ко всякому звуку, сидя другъ противъ друга на подобіе двухъ сфинксовъ. Кончилось тѣмъ, что они потеряли всякую надежду и, махнувъ рукой, положились на волю божію.

Въ полдень раздался рѣзкій звонокъ въ передней. Вдова и кавалеръ привскочили на своихъ мѣстахъ, словно резиновые мячи. Фраскито хотѣлъ было идти отворить дверь, но донна Пака резонно замѣтила ему:

— Не ходите сами. Можетъ быть, это одинъ изъ грубыхъ лавочниковъ. Селедонія, поди отвори, дитя мое! Да помни: если это кто нибудь изъ лавочниковъ — скажи, что барыни дома нѣтъ.

Дѣвчонка побѣжала и черезъ минуту вернулась:

— Сударыня, это донъ Ромуальдо!—доложила она.

Имя это произвело эффектъ, близкій къ трагизму. Понте началъ безтолково переминаться съ ноги на ногу, а вдова нѣсколько разъ привставала съ мѣста и снова падала, обезсиленная испугомъ.

— Что случилось съ Бениной? — шептала она побѣлѣвшими губами: — сейчасъ узнаемъ, Фраскито. Боже великій! Самъ донъ Ромуальдо пришелъ. Скорѣй, Селедонія, черную косынку на голову. Да я и не причесана. Господи! Какой чучелой приму его. Ну же, косынку!..

Фраскито съ дѣвчонкой помогли ей привести голову въ приличный видъ, но впопыхахъ все дѣлали навыворотъ; вдова раздражалась и ворчала на ихъ неповоротливость. Наконецъ, дѣло болѣе или менѣе уладилось и хозяйка вышла нетвердыми

шагами въ залу, гдѣ дожидался донъ Ромуальдо, занимаясь разглядываніемъ фотографическихъ портретовъ, развѣшанныхъ по стѣнѣ.

Вдова приложилась къ рукѣ священника и, такъ какъ ноги ея буквально подкашивались, въ изнеможеніи упала въ кресло.

— Извините меня! — произнесла она, тяжело дыша: — я счастлива, что могу, наконецъ, поблагодарить ваше преподобіе.

— Я исполняю свой долгъ, сударыня,—возразилъ съ легкимъ удивленіемъ священникъ: — вамъ благодарить меня не за что.

— А теперь, умоляю васъ, — со страхомъ продолжала она:—скажите мнѣ поскорѣе, что́ случилось съ моей бѣдной Ниной?!.

Священникъ подумалъ, что это, вѣроятно, имя потерявшейся комнатной собачки, и, снисходительно улыбнувшись, разсѣянно спросилъ:

— Она пропала?

— Да развѣ вы не знаете? Господи, неужели вамъ ничего не извѣстно? Или вы не хотите разомъ убить меня дурной вѣстью?

Съ этими словами вдова зарыдала, а священникъ въ совершенномъ недоумѣніи молчалъ.

— Ради бога успокойтесь! — произнесъ онъ, наконецъ:— никакой дурной вѣсти нѣтъ.

— Нина, Нина! Душа души моей...

— Эта особа—ваша родственница? Объясните мнѣ...

— Понимаю, понимаю, донъ Ромуальдо... Вы скрываете отъ меня правду... Спасибо за участіе, но лучше все сразу узнать...

— Послушайте, сударыня, — началъ священникъ съ добродушной рѣзкостью, въ надеждѣ поскорѣе объясниться:— никакихъ вѣстей объ вашей пропавшей Нинѣ я не принесъ и ничего отъ васъ не скрываю. Не знаю, почему вы вообразили...

— Извините, донъ Ромуальдо... Я думала, что моя Бенина,—она не прислуга, а другъ мнѣ, товарищъ! — у васъ... или, при выходѣ отъ васъ, ее постигло какое нибудь несчастье...

— Ничего не понимаю! Не принимаете ли вы меня за другаго? Меня зовутъ: Ромуальдо Цедронъ. Я былъ двадцать лѣтъ священникомъ въ Санта-Марія-де-Ронда и явился къ вамъ въ качествѣ душеприкащика моего покойнаго друга, Рафаэля Гарчіа де-лосъ-Антринесъ,—царство ему небесное!

Еслибъ земля разверзлась у ногъ донны Паки, и легіонъ чертей выскочилъ оттуда, она не пришла бы въ такое волненіе и замѣшательство, какъ при этомъ ошеломляющемъ извѣстіи. Духовное завѣщаніе, наслѣдство! Ужь правда ли это? Не насмѣхается ли надъ ней священникъ? Да и точно ли передъ ней находится живой донъ Ромуальдо, а не плодъ ея галлюцинаціи? Языкъ отказывался повиноваться ей и видъ у нея былъ такой растерянный, что донъ Ромуальдо нашелъ нужнымъ успокоить ее.

— Не къ чему такъ ужасаться, сударыня! Напротивъ, я съ удовольствіемъ объявляю доннѣ Франчиско Хуарецъ, что насталъ конецъ ея матеріальнымъ бѣдствіямъ. Господь, видя ваше смиреніе и покорность его волѣ, сжалился надъ вами и вознамѣрился наградить васъ.

Донна Пака обливалась слезами, но говорить не могла. Волненіе, изумленіе, радость до того овладѣли ея душой, что воспоминаніе о Бенинѣ улетучилось, точно служанка безъ вѣсти пропала уже много лѣтъ тому назадъ.

— Я понимаю,—задушевно продолжалъ донъ Ромуальдо, подвигая свой стулъ къ креслу хозяйки и дотрогиваясь до ея руки:—я понимаю, что вы взволнованы. Хладнокровно нельзя перейти отъ крайней бѣдности къ довольству: человѣкъ—не деревянная кукла. Поговоримъ объ этомъ дѣлѣ, — оставимъ на время другія заботы и тревоги. Будемъ надѣяться, что подруга ваша вернется домой и особеннаго несчастія съ ней не случилось...

Воспоминаніе о Бенинѣ снова мелькнуло въ головѣ потрясенной вдовы и она въ словахъ священника усмотрѣла успокоительную вѣсть: онъ, конечно, знаетъ, что Нина жива, и то слава богу! И, вѣрная своей натурѣ флюгера, донна Пака успокоилась насчетъ служанки, занятая мыслью о неожиданномъ наслѣдствѣ.

— Вы, вѣроятно, знаете, — продолжалъ, между тѣмъ, душеприкащикъ:—что бѣдный Рафаэль скончался 11 февраля...

— Не знала, не знала. Царство ему небесное! Жаль его...

— Святой былъ, по истинѣ. Напрасно только не женился,— сколько хорошихъ партій представлялось ему. Мы, друзья, все старались женить его. Послѣдніе годы онъ прожилъ на своей фермѣ Хигерасъ-де-Хуарецъ.

— Знаю. Она принадлежала дѣду моему.

— Да, дону Алехандро-де-Хуарецу. Ну-съ, тутъ Рафаэль заболѣлъ воспаленіемъ печени и умеръ пятьдесяти пяти лѣтъ, бѣдняга! А какой богатырь былъ: ростъ, мускулы, грудь,— со мной могъ потягаться.

— Увы!

— Охотились мы съ нимъ, бывало, на кабановъ и на оленей,—усталости человѣкъ не зналъ, честное слово. Дождь, голодъ, жажда—все ему нипочемъ. И вотъ свалился эдакій дубъ... Полежалъ нѣсколько недѣль—ребра выскочили наружу, всѣ кости пересчитать можно было. Такъ и растаялъ.

— Ахъ!

— Съ какой покорностью переносилъ онъ болѣзнь—изумительно! Къ смерти готовился, не протестовалъ... Силенъ былъ духомъ.

— Ахъ!

— Мнѣ пришлось жить въ Мадридѣ по дѣламъ во время его болѣзни; но, получивъ извѣстіе, что онъ очень плохъ, я полетѣлъ къ нему... Онъ умеръ на моихъ рукахъ.

— Боже мой! Ахъ! Это ужасно.

Донна Пака отъ души ахала, искренно сочувствуя сожалѣнію дона Ромуальдо, вспоминавшаго о своемъ другѣ.

— Да, такъ вотъ онъ и умеръ добрымъ христіаниномъ, сдѣлавъ духовное завѣщаніе по всѣмъ правиламъ...

— Ахъ, каково это!

— Треть своего громаднаго состоянія онъ оставилъ своей племянницѣ, Клеменціи Сопеляна, вы знаете ее? женѣ дона Родриго дель-Квинтанаръ. Остальныя двѣ трети—частью на благотворительныя учрежденія, частью бѣднымъ родственникамъ, впавшимъ почему либо въ нужду. Вы съ дѣтьми вашими занимаете въ числѣ ихъ первое мѣсто.

— Ахъ, Богу угодно было избавить мои послѣдніе годы отъ унизительной нищеты! Благословенно имя его, милосердаго и справедливаго вершителя судебъ нашихъ!

Вдова снова залилась слезами, сложила руки и опустилась на колѣни въ такомъ припадкѣ чувствительности, что добрый священникъ испугался и бросился къ двери, требуя стаканъ холодной воды.

XXXI.

Фраскито мигомъ явился со спасительнымъ стаканомъ воды, и донъ Ромуальдо, успокоивъ и усадивъ вдову, обратился къ нему:

— Если я не ошибаюсь, вы—донъ Фраскито Понте-Дельгадо, уроженецъ Альжезираса? Вы родственникъ въ третьемъ колѣнѣ покойнаго Рафаэля де-лосъ-Антринесъ.

— Онъ умеръ? Боже, я и не зналъ!—воскликнулъ искренно огорченный кавалеръ:—бѣдный, милый Рафаэль! Въ 56 году онъ былъ еще мальчикомъ, не выше вотъ этого... (онъ показалъ рукой). Раза три видѣлись мы съ нимъ въ Мадридѣ; онъ пріѣзжалъ иногда въ столицу осенью, на выборы... Ахъ, бѣдный, добрый, привѣтливый Рафаэль! Охоту любилъ... Мы во всемъ сходились, за исключеніемъ одного пункта: онъ—любилъ деревню, а я заклятый врагъ провинціальной жизни и никакихъ буколическихъ прелестей не признаю.

— Присядьте-ка тутъ, кавалеръ дель-Понте!—пригласилъ священникъ, энергично хлопнувъ ладонью по креслу, изъ котораго поднялся столбъ пыли.

Двѣ минуты спустя, Фраскито узналъ, что и онъ попалъ въ число наслѣдниковъ Рафаэля, и до того взволновался, что поспѣшно выпилъ всю воду, оставшуюся въ стаканѣ, боясь лишиться чувствъ.

Донъ Ромуальдо сообщилъ обоимъ наслѣдникамъ всѣ подробности касательно завѣщанія: Обдулія и Антоніо могли пользоваться доходами съ одного помѣстья, которое перейдетъ къ ихъ дѣтямъ; Доннѣ Пакѣ и кавалеру Фраскито предстояло получать весьма значительный годовой доходъ съ капитала,—также какъ и другимъ родственникамъ.

Фраскито, слушая эти объясненія, нервно приглаживалъ на уши пряди своихъ крашеныхъ волосъ; вдова невполнѣ была увѣрена, что все это происходитъ наяву и, потерявъ

всякое самообладаніе, бросилась вдругъ на кухню съ криками:

— Нина, Нина! Иди сюда. Слушай! Мы богаты!..

Но тутъ же вспомнила объ исчезновеніи служанки и опечалилась.

— Ахъ,—воскликнула она, горестно опускаясь на прежнее мѣсто: — я и забыла, что моей вѣрной, незамѣнимой подруги нѣтъ!—и заплакала.

— Она вернется, — съ убѣжденіемъ сказалъ священникъ, и Фраскито, какъ эхо, повторилъ:

— Она вернется.

— Мы займемся вашей пріятельницей, — повторилъ донъ Ромуальдо:—но прежде кончимъ все, что возложено на меня, какъ на душеприкащика Рафаэля. Я уполномоченъ, не дожидаясь окончанія формальностей...

Донна Пака и Фраскито слушали, затаивъ дыханіе.

— Которыя могутъ продлиться еще мѣсяца два... Я уполномоченъ, говорю, выдавать вамъ, въ видѣ, такъ сказать, задатка, что ли (пока не опредѣлится точная сумма вашихъ доходовъ)—по пятидесяти дуро каждый мѣсяцъ. Поняли?

— Поняли, поняли! Какъ не понять? Отлично поняли!—въ унисонъ отвѣтили наслѣдники, не помня себя отъ радости.

— Надо вамъ замѣтить, господа, что я насилу нашелъ васъ и навѣрняка половину столицы разспрашивалъ о вашемъ мѣстожительствѣ. Наконецъ, случайно напалъ на вашъ слѣдъ и нашелъ васъ въ этой берлогѣ,—простите грубый терминъ.

Донна Пака справа, донъ Фраскито слѣва—цѣловали руки священника и проливали слезы умиленія.

— Вѣдь вамъ слѣдуетъ получить пенсію за два истекшихъ мѣсяца...

Понте думалъ, что онъ летитъ на аэростатѣ, и судорожно вцѣпился въ ручки кресла, какъ воздухоплаватель—въ борта лодки.

— Мы къ вашимъ услугамъ,—пробормотала донна Пака, а въ головѣ ея мелькнула мысль: «невозможно! это сонъ»!

Однако, воспоминаніе объ исчезновеніи Бенины дѣлало ея счастье неполнымъ.

По таинственной ассоціаціи идей, Понте-Дельгадо громко сказалъ:

— Какая жалость, что Нина, этотъ ангелъ во плоти, не присутствуетъ здѣсь. Надѣюсь, что съ ней не случилось несчастія!.. Какъ вы думаете, ваше преподобіе?..

— Сердце говоритъ мнѣ, что она вернется здравой и невредимой!—пылко перебила его донна Пака:—надо полагать... ахъ, простите меня, донъ Ромуальдо! Въ головѣ моей такая путаница... Я думала, что вы тотъ самый священникъ, къ которому моя Бенина ходитъ ежедневно готовить обѣдъ. Скажите, ошиблась я или нѣтъ?

— Кажется, ошиблись.

— Впрочемъ, добродѣтельные люди охотно скрываютъ свои благодѣянія... не любятъ принимать благодарности и избѣгаютъ огласки... Сдѣлайте на этотъ разъ исключеніе, донъ Ромуальдо: не скрывайте отъ меня вашихъ добродѣтелей. За ваши рѣдкія качества васъ и назначили епископомъ!..

— Меня?.. Въ первый разъ слышу!

— Вѣдь вы уроженецъ Гвадалахары?

— Да.

— У васъ есть племянница, донна Патросъ?

— Нѣтъ, сударыня.

— Вы священникъ въ церкви св. Себастіана?

— Нѣтъ, св. Андреса.

— Однако, на дняхъ вы кушали жаренаго кролика?

— Это возможно... Да, кажется... Впрочемъ, не помню!

— И вы увѣряете, что не знаете моей Нины? Бенины??

— Не помню... Не ручаюсь, что вовсе не знаю ея. Должно быть, видѣлъ...

— Ахъ, какъ вы утѣшили меня этимъ признаніемъ!

— Не волнуйтесь такъ, успокойтесь. Кажется, у этой Бенины на лбу замѣтная родинка? Она въ черномъ платьѣ? Ей лѣтъ подъ шестьдесятъ?

— Именно, именно! Но очень моложава... Никто не даетъ ей столько.

— Дальше: она выпрашиваетъ подаяніе вмѣстѣ со слѣпымъ мавромъ, по имени Альдумедомъ?

— Господи Іисусе!—съ ужасомъ всплеснула руками вдова:—нѣтъ, этого не можетъ быть! Съ нами крестная сила! Нѣтъ, это не та... Вижу, что вы мою Бенину, дѣйствительно, не знаете!

Понте смотрѣлъ то на священника, то на донну Паку, и

не зналъ, какъ ему поступить... Наконецъ, онъ рѣшительно вмѣшался:

— Бенина — ангелъ! Проситъ ли она милостыню, или нѣтъ,—это не мѣняетъ дѣла. Она—сущій ангелъ!

— Вы съ ума сошли, Понте?.. Чтобы Бенина просила милостыню... да еще съ какимъ-то слѣпымъ бродягой?.. Господи!..

— Со слѣпымъ мавромъ, — пояснилъ священникъ.

— Я считаю долгомъ подтвердить,—сказалъ Фраскито:— что самъ видѣлъ ее разъ въ обществѣ слѣпаго нищаго, по типу южанина. Это было на площади «Прогрессъ»... Они сидѣли рядомъ у одного дома...

Донна Пака до того растерялась, что не знала, что и подумать. Ужь и вправду, не во снѣ ли все это происходитъ? Она закрыла глаза и забормотала:

— Боже мой! Пролей свѣтъ въ мои мысли. Отгони отъ мéня сомнѣніе. Уясни мнѣ—что правда, а что ложь! Наслѣдница ли я Рафаэля? Конецъ ли моимъ бѣдствіямъ? Ходитъ ли Нина по улицамъ съ какимъ-то мавромъ, проситъ ли милостыню?

И вдругъ, поддаваясь великодушному порыву, открыла глаза и воскликнула:

— Все равно! Лишь бы жива была моя вѣрная Нина. Что мнѣ за дѣло до ея слѣпыхъ мавровъ? Хоть бы она собрала ихъ цѣлый батальонъ изъ Алжира! Пусть бы только вернулась домой, хоть со своимъ мавромъ въ корзинкѣ.

XXXI.

Донъ Ромуальдо отъ души разсмѣялся и объяснилъ, гдѣ онъ видѣлъ Бенину, на которую указалъ ему коллега, священникъ церкви св. Андреса, большой знатокъ восточныхъ языковъ, любившій поговорить съ мавромъ по арабски и по еврейски.

— Если это та самая женщина, которая пропала изъ вашего дома, — то мы будемъ отыскивать мавра, и навѣрно нападемъ на слѣдъ его подруги.

Священникъ прибавилъ, что надѣется помѣстить ее въ богадѣльню, такъ какъ состоитъ директоромъ общества «Милосердія».

— Увѣряю васъ, что это не та Бенина! — возмущалась донна Пака: — моя, которая не ночевала сегодня дома, ходитъ къ вамъ ежедневно стряпать обѣдъ, получаетъ отъ васъ пособія, — черезъ нее вы и мнѣ не разъ посылали помощь... Не отпирайтесь! Вижу, что вы желаете скрывать ваши благодѣянія. Ну, такъ вотъ эту Бенину отыщетъ добродѣтельный священникъ донъ Ромуальдо, у котораго есть сестра Хозефа, и племянница — донна Патросъ. Понимаю, что вы святой человѣкъ, и правая рука ваша не должна знать, что творитъ лѣвая... Молчу, преклоняюсь... но остаюсь при моемъ мнѣніи. Обмануть меня трудно.

Священникъ подумалъ, что вдова Хуарецъ нѣсколько повреждена въ разсудкѣ, и счелъ болѣе благоразумнымъ не противорѣчить ей. Онъ распростился и сказалъ, что зайдетъ завтра съ деньгами и бумагами.

Донъ Фраскито и хозяйка провожали его въ переднюю, въ сотый разъ разсыпаясь въ благодарностяхъ и лобызая его руки. Когда чудесный посѣтитель ушелъ, донна Пака воскликнула:

— Фраскито, душа моя, наяву ли мы?

— Не знаю... не ручаюсь... не понимаю... отказываюсь судить... Бенина въ одну минуту рѣшила бы! А мы—или съ ума спятимъ, или одурѣемъ.

— Однако, уличила таки я нашего благодѣтеля. Замѣтили вы, что подъ конецъ онъ пересталъ отрекаться отъ племянницы, отъ епископства и отъ жаренаго кролика?

— Насчетъ кролика онъ и вначалѣ сказалъ: не помню навѣрное...

— Да. А вдругъ намъ все это приснилось? Ахъ, не дай Богъ!..

— Сохрани Царица небесная отъ такого разочарованія! Значитъ, въ такомъ случаѣ и обѣщанныя завтра деньги... одинъ бредъ?..

Понте не выдержалъ этого предположенія и упалъ безъ чувствъ.

XXXII.

Благодаря заботамъ донны Паки и дочерей башмачника, Фраскито пришелъ въ себя и до самаго вечера ни о чемъ

другомъ не было разговору, какъ о наслѣдствѣ. Къ ночи счастливцы пришли къ убѣжденію, что донъ Ромуальдо—не фантастическое существо, а настоящій, живой душеприкащикъ Рафаэля. Тѣмъ не менѣе, ночь прошла для нихъ несовсѣмъ спокойно, и у нихъ отлегло отъ сердца, когда на слѣдующій день снова явился священникъ, на этотъ разъ въ сопровожденіи нотаріуса съ бумагами. Послѣ неизбѣжныхъ формальностей, наслѣдники получили по крупной суммѣ денегъ, которая показалась имъ баснословной. Надо думать, что, вслѣдствіе такого неожиданнаго переворота, сопряженнаго съ нервнымъ потрясеніемъ, умственныя способности донны Паки окончательно затуманились: она стала забывать время, нужныя слова; мысли путались въ ея головѣ, какъ мухи, нелѣпо тыкающіяся въ оконныя стекла. Хотѣлось ей поговорить о Бенинѣ, — а она понесла какую-то несообразную чушь; изъ разговора трехъ мужчинъ, толковавшихъ о наслѣдствѣ, она почему-то заключила, что ея Нина вернулась и ее видѣли на рынкѣ.

Наконецъ, вдова и Фраскито проводили гостей и остались вдвоемъ. Прежде всего, они, точно сговорившись, принялись нервно ходить по квартирѣ, безцѣльно шмыгая изъ кухни въ прихожую, и обратно, обмѣниваясь при встрѣчахъ короткими, незначительными фразами. Ахъ! еслибъ вошла теперь Бенина, Донна Пака пожаловалась бы на безденежье, а затѣмъ показала бы ей пачку кредитокъ и насладилась бы ея изумленіемъ. А сколько можно теперь накупить всего! Да, видно, полнаго счастья не бываетъ на землѣ.

Наконецъ, Понте вспомнилъ о желудкѣ и предложилъ своей сонаслѣдницѣ отобѣдать въ ресторанѣ, — онъ будетъ угощать! Но донна Пака сказала, что не покажется въ публичномъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ себѣ приличнаго туалета, а рѣшила послать за обѣдомъ въ ресторанъ.

— Селедонія, дитя моя, одѣнься въ праздничное платье и ступай къ Ботэну. Я напишу, чего требуется принести.

Заказали двухъ жареныхъ цыплятъ, соусъ изъ рыбы, сочный ростбифъ, ветчины, мороженаго и пирожковъ...

Но Фраскито вдругъ сорвался съ мѣста и объявилъ, что никакъ не можетъ сидѣть дома въ бездѣйствіи. Онъ почувствовалъ потребность двигаться, ходить по улицамъ, бѣгать, летать,—развѣ у него за спиной не выросли крылья?

— Извините меня, многоуважаемая, извините... у меня есть дѣло... Необходимо бѣжать немедленно, увѣряю васъ. Да и воздухъ мнѣ нуженъ... Голова у меня кружится, честное слово. Безъ движенія я пропалъ! Кстати зайду къ портному,— посовѣтуюсь насчетъ новыхъ модъ... Я вѣдь ужасно требователенъ и разборчивъ...

— Идите, идите. Только будьте благоразумны! Я пришла къ заключенію, что порядокъ необходимъ и вести счеты вовсе не такъ глупо...

— Мы будемъ все записывать, непремѣнно!

— Будемъ выводить балансъ, и изъ бюджета ни-ни!.. Теперь я постигла, что Трухильо правъ.

— Ахъ, по правдѣ говоря, я и балансъ выводилъ усиленно,—а вѣчно выходилъ изъ бюджета.

— Ахъ, нѣтъ, не говорите! Надо быть экономнымъ. Я попрошу васъ, коли вамъ это нетрудно, купить мнѣ счетную книгу...

— Никакого труда нѣтъ. Полдюжины книгъ куплю съ восторгомъ!

Фраскито бросился на улицу, чтобы увидать людей, вздохнуть полной грудью, подѣлиться впечатлѣніями, упиться жизнью и свободой. Онъ выбиралъ кварталы полюднѣе, гулялъ безъ опредѣленной цѣли, любовался выставками въ окнахъ портныхъ, у магазиновъ бѣлья и галстуковъ... Чувствовалъ онъ себя сильнымъ, бодрымъ, здоровымъ. На проходившихъ молодыхъ женщинъ бросалъ томные покровительственные взгляды; зашелъ въ косметическій магазинъ и, не торгуясь, накупилъ всего, что̀ ему казалось нужнымъ для реставраціи своей физіономіи. Всѣ пахучія и красящія вещества приказалъ отослать въ квартиру донны Паки, а самъ пошелъ пріискивать себѣ хорошенькое помѣщеніе. Довольно съ него ночевокъ у Бернарды! Пойдетъ, заплатитъ ей свой ничтожный долгъ, наговоритъ горькихъ истинъ—и больше ни ногой!

Между тѣмъ, желудокъ предъявлялъ свои требованія. Куда бы зайти? Для моднаго ресторана онъ слишкомъ плохо одѣтъ; клочья сѣдыхъ волосъ не приведены въ должный видъ и цвѣтъ... Не лучше ли зайти по прежнему въ трактиръ Бото, уплатить долгъ и изумить всѣхъ заказомъ лучшихъ кушаній? Растрепанная, сѣдая голова и морщины на лицѣ могутъ быть

объяснены болѣзнью... Рѣшено. Онъ направился въ улицу Ave-Maria и вошелъ въ трактиръ. Сѣлъ онъ у столика въ задней комнатѣ, гдѣ меньше бывало посѣтителей. Настали уже сумерки; въ комнатѣ было всего трое обѣдающихъ.

Кавалеръ Фраскито спросилъ карточку. Лакей, знавшій его, видя, что онъ не снимаетъ съ шеи платка, съ участіемъ спросилъ:

— Не зубы ли у васъ заболѣли, сударь?

— Да, любезный! Ужасъ, какая адская боль! Подай мнѣ французскую булку и фрикасэ изъ цыплятъ...

Противъ Фраскито сидѣли два господина и ѣли рагу; подальше какой-то незнакомецъ съ апетитомъ уничтожалъ порцію улитокъ, методично извлекая ихъ изъ раковинъ зубочисткой, набивая ими ротъ и бросая злобные взгляды на Фраскито дель-Понте. Гора пустыхъ раковинъ накоплялась на его тарелкѣ; взглядъ, полный яду и ненависти по адресу кавалера, сопровождалъ каждую изъ нихъ. Наконецъ, Фраскито началъ смущаться этими взглядами и подумывалъ, не спросить ли невѣжливаго незнакомца, что̀ означаетъ его очевидная ненависть. Вѣрнѣе всего, что его запущенная наружность привлекаетъ вниманіе... Но, казалось бы, что̀ за дѣло постороннимъ до косметическихъ ухищреній перезрѣлаго кавалера? Фраскито недоумѣвалъ и негодовалъ, какъ вдругъ непріятель, истребивъ всѣ улитки на тарелкѣ, обратился къ нему.

— Донъ Фраскито Понте Дельгадо, позвольте спросить васъ...

Тонъ былъ совершенно приличный, и Фраскито понялъ, что незнакомецъ просто обладаетъ несчастной физіономіей, выражающей совсѣмъ не то, чего требуется.

— Сдѣлайте одолженіе...

— Извините меня... Мнѣ хотѣлось бы знать, правда ли, что Антоніо Цапата и его сестра получили значительное наслѣдство? Говорятъ, милліоны!..

— Ну, милліоны не милліоны. Мы еще сами въ точности не знаемъ... А вы не журналистъ?

— Нѣтъ, я живописецъ гербовъ.

— Я думалъ, вы репортеръ.

— Нѣтъ; я занимаюсь также собираніемъ объявленій... такъ сказать, агентъ. Гербы приносятъ мало дохода... Мы съ

Антоніо работаемъ вмѣстѣ, охотимся за объявленіями и рекламами. Подумалъ я, что онъ теперь богатъ, — не уступитъ ли мнѣ своихъ клієнтовъ? Я — вдовецъ, шестеро дѣтей на рукахъ.

Онъ говорилъ это просто, а лицо его выражало ярость; глаза метали молніи, словно онъ приготовлялся убить свою жертву.

— Я знаю, что вы хороши съ донной Обдуліей,—продолжалъ онъ: — ахъ, кстати: не потребуются ли гербы ей и ея матери? Богатымъ людямъ это нужно. Онѣ вѣдь испанскія грандессы. Мнѣ закажите, донъ Дельгадо, вотъ моя карточка. Исполню дешево и превосходно.

— Не съумѣю сказать вамъ, — важно отвѣтилъ Фраскито, ковыряя въ зубахъ,—нужны ли имъ будутъ гербы, или нѣтъ. Про себя скажу: мнѣ гербъ ни на что не нуженъ. Я и такъ увѣренъ въ своемъ благородномъ происхожденіи. Обдулія достойна быть герцогиней по наружности и манерамъ. Она— настоящая императрица. Но насчетъ гербовъ ничего не знаю.

Между тѣмъ, человѣкъ, наѣвшійся улитокъ, сѣлъ около Понте и бросалъ направо и налѣво убійственные взгляды, къ вящему ужасу посѣтителей.

— Кстати, это по части объявленій, — вспомнилъ Фраскито,—не знаете ли вы хорошей меблированной комнаты съ полнымъ пансіономъ?

— Въ двухъ мѣстахъ знаю... по тридцати реаловъ. Великолѣпіе... обстановка... пять блюдъ... французская кухня...

— Я хочу дешевле на половину...

— И такія есть. Завтра дамъ вамъ адреса... штукъ шесть превосходныхъ!

XXXIII.

Неожиданное появленіе Антоніо Цапата помѣшало ихъ дальнѣйшему разговору. Онъ вошелъ, шумно разговаривая съ хозяиномъ и другими посѣтителями, положилъ свой объемистый портфель на столъ и сѣлъ около Фраскито и любителя улитокъ.

— Здравствуйте, господа!—проговорилъ онъ, отдуваясь, и, обращаясь къ лакею, прибавилъ:—я ужь ѣлъ и ничего не хочу.

У `мамаши обѣдали съ женой. Цыплятъ ѣли, шампанскимъ запивали.

— Сынъ мой, ты сталъ богатъ, бросишь бѣгать за объявленіями?—ласково спросилъ живописецъ гербовъ, сопровождая эти слова злобнымъ взглядомъ:—отдай мнѣ твоихъ кліентовъ.

— Попробуй-ка отдать съ такой женой, какъ моя! Я только заикнулся, какъ насилу ноги унесъ. Думалъ, что она меня искусаетъ и глаза выцарапаетъ. Ни-ни! Все по старому: она будетъ строчить на машинкѣ, а я бѣгать по редакціямъ. Неизвѣстно еще, какое наслѣдство!.. Другъ Понте, не знаете ли вы, какъ велики доходы съ помѣстья «Альмарима»? На сколько можемъ мы разсчитывать въ годъ?

— Точно сказать не могу, — отвѣчалъ Фраскито: — знаю, что имѣніе роскошное, земля великолѣпная: сады, парки, конный заводъ, домъ-дворецъ! Райскій уголокъ, охота чудесная...

— Погостимъ тамъ!.. А пока моя Джуліана и слышать не хочетъ объ отдыхѣ. Потерпимъ, Полидоръ! Съ женой моей плохія шутки:—я боюсь ея, какъ разъяренной львицы. Скажи-ка, что ты сегодня сдѣлалъ? Да, кстати, мамаша моя желаетъ пріобрѣсти по случаю паука.

— Паука?

— Ну, да, люстру, богатую, нарядную. Нѣтъ ли въ виду?

— Какъ же, какъ же! — обрадовался Полидоръ, любитель улитокъ, комисіонеръ и геральдистъ:—въ улицѣ Кампоманесъ распродажа... чудная люстра!

— Кромѣ того, разной мебельной матеріи...

— Есть, есть: аукціонъ тканей на площади Целенке.

— Затѣмъ сестра моя хочетъ купить ландо съ пятью фонарями.

— Я совѣтовалъ Обдуліи,—важно замѣтилъ Фраскито,—не обзаводиться экипажами, а лучше нанимать помѣсячно.

— Такого треску не будетъ. Ландо съ пятью фонарями! А запречь можно ослицъ съ кумыснаго заведенія...

Полидоръ фыркнулъ; Фраскито, очевидно, не одобрялъ такихъ шутокъ; озорникъ Антоніо тотчасъ замѣтилъ это и насмѣшливо обратился къ нему.

— А, знаете, вы эдакъ лучше...

— Какъ, *эдакъ*?

— Въ природномъ видѣ... безъ краски. Настоящій старый,

почтенный рыцарь. По совѣсти говоря, косметики не молодятъ васъ: вы становитесь похожимъ на гробъ...

— Любезный Антоніо, — сказалъ Фраскито, съ трудомъ сдерживая бѣшенство и стараясь впасть въ небрежно-шутливый тонъ собесѣдника:—мы, старики, любимъ пугать уличныхъ мальчишекъ, чтобы не приставали. Вообще теперешняя молодежь невѣжественна...

Бѣдный Фраскито былъ тугъ на возраженія и остроумнѣе этого ничего не могъ придумать. Антоніо продолжалъ дразнить его.

— Старики-то не лучше. Вся разница въ количествѣ глупопроведенныхъ лѣтъ: въ этомъ отношеніи рекордъ побитъ стариками. А подъ старость и голова ужь совсѣмъ пуста. Въ восемьдесятъ лѣтъ думаютъ, право, не мозгами, а мозолями.

Фраскито съ трудомъ удерживался, чтобы не бросить въ Антоніо чѣмъ попало; Полидоръ поспѣшилъ вмѣшаться:

— Молчи, безумный! Кавалеръ Дельгадо далеко еще не старъ и твои примѣры неумѣстны. Онъ помоложавѣе насъ съ тобой.

— Совсѣмъ юноша, что̀ и толковать! Лѣтъ подъ сто будетъ. Но если это его оскорбляетъ, я молчу. Понте, другъ мой и дядя, я васъ душевно люблю и пошутилъ безъ злаго умысла. Забудьте мои слова и перемѣнимъ разговоръ!

— Шутки ваши немного дерзки, Антоніо, — сдержанно проговорилъ Фраскито:—но я смотрю на васъ, какъ на повѣсу...

— Ладно. Мы квиты. Умолкаю. Только одинъ вопросъ, уважаемый родственникъ: на что̀ думаете вы употребить первыя деньги?

— На дѣла справедливости и милосердія: куплю Бенинѣ пару ботинокъ и новое платье, только что она вернется!

— А я такъ рѣшилъ купить ей полный костюмъ одалиски, съ тѣхъ поръ какъ она избрала себѣ мавра другомъ сердца.

— Что вы говорите? Развѣ вамъ что нибудь извѣстно объ этой праведницѣ?

— Праведница сидитъ въ участкѣ съ бродягами, которыхъ ловятъ на улицѣ за выпрашиваніе милостыни. Вотъ въ какомъ раю ваша праведница!

— Это недостойная шутка, Антоніо.

— Судьба подшутила эту шутку надъ Бениной, а я тутъ

непричемъ. Я зналъ, что она кое-когда выпрашиваетъ милостыню на паперти... нужда—плохая совѣтница! Бѣдная Нина доходила до этого... Но я не подозрѣвалъ, что она живетъ со слѣпымъ мавромъ,—источникомъ всѣхъ ея несчастій.

— Увѣрены ли вы въ этомъ?

— Видѣлъ ее съ нимъ. Мамашѣ ничего не сказалъ, чтобы не огорчать ея; а самъ зналъ. Вотъ и попались они полиціи, и заперли ихъ въ С. Бернардино, а оттуда препроводили въ Пардо. Нина написала мнѣ письмо, умоляя похлопотать, чтобы ее выпустили. Завтра попытаюсь. Сегодня утромъ нанялъ велосипедъ и скаталъ въ Пардо... Только бы до жены моей не дошло, что я ѣзжу на велосипедѣ. Смотри, Полидоръ, не проболтайся: ты знаешь Джуліану! — Ну-съ, дальше. Пріѣзжаю, иду навѣстить Бенину. Въ какомъ она видѣ?! Босоногая, вся въ лохмотьяхъ. Мавръ до такой степени ревнивъ, что, когда услыхалъ нашъ разговоръ, то принялся неистовствовать: «вотъ онъ, возлюбленный,—кричитъ,—убью его»! И ринулся на меня, словно бѣшеный. Я убоялся скандала, а то бы отколотилъ его.

— Не могу повѣрить. Бенина... въ ея года...—робко произнесъ Фраскито.

— Однако, кому, какъ не намъ, понимать позднюю любовь!..

— Не довольно ли вздоръ молоть!—грозно перебилъ Полидоръ, сверкая глазами на Антоніо: — надо обратиться къ полицмейстеру...

— Да, да. Пепе д'Альканіа — полицмейстеръ? — заторопился Фраскито.

— Боже правый! Да вы въ дѣтство впали?

— Много воды утекло съ тѣхъ поръ!—засмѣялся комисіонеръ:—эхъ, куда хватили! Давненько былъ полицмейстеромъ Пепе д'Альканіа...

— Ахъ, господа, не все ли равно! Надо помочь Бенинѣ, вытащить ее.

— И мавра съ ней вмѣстѣ. Можно! Завтра похлопочу. Только ни гу-гу при женѣ. Если она пронюхаетъ, что я нанимаю стальнаго коня...

— Вы еще разъ поѣдете въ Пардо?

— Можетъ быть. А вы любите педалировать, дель-Понте?

— Никогда не пробовалъ. Верхомъ поѣду...

— Какъ вы ѣздите: по англійски или по испански?

— Ѣзжу хорошо, вотъ и все. Желаете посмотрѣть?

— Конечно. Давайте пари: если вы не свернете себѣ шеи, я плачу за лошадь...

— А если вы не переломаете реберъ на велосипедѣ, я за него плачу.

— Идетъ! А ты, Полидоръ?

— Я сяду въ омнибусъ. Въ три часа сборный пунктъ у станціи. Вы угостите насъ улитками.

— Угощу, чѣмъ хотите, только бы добраться до бѣдной Нины и ея таинственнаго мавра. А потомъ—пиръ горой.

— Какой расточительный человѣкъ!

XXXIV.

Донна Пака продолжала скучать по Бенинѣ, не смотря на присутствіе дѣтей, обрадованныхъ полученіемъ наслѣдства; но, вѣрная своей неустойчивой природѣ, вдова то улетала на седьмое небо и видѣла чудесные горизонты; то снова падала на землю и сознавала страшную пустоту отъ отсутствія Бенины.

Обдулія же безсмѣнно парила за облаками; она жила теперь у матери и дѣятельно принялась за устройство приличнаго декорума, подходящаго къ ихъ новому положенію. Она мечтала разойтись съ мужемъ, выдавъ ему хорошее содержаніе; нанять отель съ садомъ, абонироваться въ два-три театра.

— Заведемъ знакомства...

— Не заносись далеко, дитя мое!—останавливала ее мать:—мы еще не знаемъ, сколько будешь ты получать. Широкіе замыслы преждевременны.

Въ такія минуты вдова припоминала уроки практичной Нины и говорила ея словами. Однако, это не мѣшало ей самой желать накупить себѣ массу вещей и сочувствовать полету фантазіи своей сумасбродной дочки. Идея пріобрѣсти дорогую люстру (по случаю)—принадлежала ей; она до тѣхъ поръ не успокоилась, пока Полидоръ не облагодѣтельствовалъ ея чудовищныхъ размѣровъ люстрой, съ массой побрякушекъ, висюлекъ и стекляшекъ, которыя доходили почти до стола; махина эта едва пролѣзла въ парадную дверь. Но мать и

дочь утѣшались тѣмъ, что скоро квартира перемѣнится, а въ ихъ отелѣ двери будутъ больше, потолки выше, и всѣ комнаты обширнѣе. Комисіонеръ, любитель улитокъ, всучилъ имъ еще мебель «по случаю», ковры такой величины, что вполнѣ развернуть ихъ не было возможности: настолько они были больше комнатъ.

Обдулія, кромѣ того, накупила невѣроятное количество горшковъ и кадушекъ съ зеленью и цвѣтами: квартира въ теченіе двухъ дней была превращена въ оранжерею. Индійскіе фикусы, пальмы — все это покупалось въ надеждѣ на другое помѣщеніе, и молодая женщина, равно какъ и сама донна Пака, въ ребяческомъ экстазѣ расхаживали по комнатамъ, останавливались, радовались, восхищались.

— Не къ чему ѣхать въ деревню. У насъ настоящій садъ!— говорила вдова.

Обдулія съ такимъ рвеніемъ поливала ихъ, что проходы, устланные коврами, рисковали превратиться въ ручьи. Фраскито, своими преувеличенными восклицаніями и восторгами, поощрялъ ихъ легкомысленную дѣятельность. Вскорѣ появилась и пресловутая счетная книга: донна Пака съ наслажденіемъ внесла на первую страницу исторію полученія наслѣдства и первыя траты, проникшись мыслью о необходимости выводить балансъ.

Движимая любопытствомъ, донна Пака совала носъ въ покупки Фраскито.

— Посмотримъ, Понте: чего вы накупили? Развертывайте, показывайте!.. Пустыхъ тратъ избѣгайте, другъ мой. Ну-съ. Губка... это необходимо. У васъ вкусъ есть. Сапоги... Какъ изящны! Прелесть. Какая у васъ нога! Любая женщина позавидуетъ. Галстуки... разъ, два, три... Смотри, Обдулія, вотъ этотъ какъ хорошъ: зеленый съ желтыми полосками. А вотъ корсетъ... нѣтъ, набрюшникъ... поддерживаетъ животъ, чтобы не растолстѣть... А это что? Шпоры! Зачѣмъ онѣ вамъ, Фраскито?

— Верхомъ, вѣрно, будете ѣздить?—догадалась Обдулія:— мимо насъ поѣдете? Жаль, что окна наши во дворъ, и мы не увидимъ васъ.

— Мы попросимъ сосѣдку, повивальную бабку, пустить насъ посмотрѣть изъ ея окна, когда Понте поѣдетъ мимо...

Ахъ, съ какимъ бы удовольствіемъ наша бѣдная Нина посмотрѣла на него!

Фраскито объяснилъ, что ему предстоитъ поѣздка верхомъ въ Пардо, въ обществѣ избранныхъ пріятелей; но онъ одинъ поѣдетъ верхомъ, остальные же пѣшкомъ или на велосипедахъ. Тутъ начался оживленный разговоръ о разныхъ видахъ свѣтскаго спорта. Явилась Джуліана, которая начала посѣщать родныхъ мужа со времени полученія наслѣдства.

Жена Антоніо была высокая, красивая брюнетка съ властными манерами и авторитетной рѣчью. Одѣта она была изящно, въ шолковой кружевной косынкѣ на головѣ.

— Боже мой, да у васъ общественный садъ или бульваръ? Зачѣмъ столько зелени?

— Капризъ Обдуліи! — объяснила донна Пака, побаивавшаяся насмѣшливаго и рѣшительнаго тона своей властолюбивой невѣстки:—устроила садъ изъ моей квартиры. Чего это стоитъ!!!

Джуліана отвела свекровь въ сторону и сказала ей:

— Донна Пака, не будьте такой слабохарактерной! Слушайтесь меня: — вѣдь я вамъ худаго не посовѣтую и не обману васъ. Если вы дадите волю вѣтряной Обдуліи, то не успѣете оглянуться, какъ снова разоритесь. Я бы сейчасъ же уничтожила оранжерею и всякихъ звѣрей... я говорю про этого орангъ-утанга, крашенаго дармоѣда, котораго слѣдуетъ немедленно вышвырнуть за дверь.

— Бѣдный Понте и такъ переѣзжаетъ завтра въ свою комнату...

— Вы ужь только слушайтесь меня во всемъ; я знаю, какъ вести домъ!.. Дѣло не въ счетной книжкѣ: это пустяки. Въ головѣ должны быть всѣ счеты. Я вотъ малограмотна, а гроша лишняго не истрачу. Наймите недорогую квартиру и пыли въ глаза не пускайте. Нынче никого ничѣмъ не удивишь! Я вотъ буду жить по прежнему и работать. Объ отелѣ забудьте думать и Обдулію уймите. Сейчасъ же возьмите прислугу. Ресторанъ—по боку. Это слишкомъ начетисто!

Донна Пака во всемъ соглашалась съ благоразумной невѣсткой и склонна была вполнѣ слѣдовать ея практичнымъ совѣтамъ. Она только рискнула замѣтить:

— Я все было надѣялась на возвращеніе Нины. Обѣды въ ресторанѣ временные...

— Не разсчитывайте больше на Нину, даже если она вернется, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь. Она добрая, спору нѣтъ, но становится стара и безполезна. Да и пожелаетъ ли еще она сама вернуться? Вѣдь она ушла по доброй волѣ. Она любитъ улицу; дома ее трудно удержать!

Чтобы не упускать случая, Джуліана предложила свекрови взять въ услуженіе ея кузину, Иларію,—молодую, здоровую дѣвку, способную на всѣ руки... О честности и говорить нечего. Живо замѣтятъ разницу между ея счетами и безцеремонными тратами нѣкоторыхъ другихъ прислугъ.

— Ахъ, что ты, Джуліана! Бенина такъ добра,—заступилась донна Пока, возмущаясь намеками невѣстки.

— Конечно, добра, и мы поможемъ ей. Но не больше. Накормимъ... чего же еще? Но если вы не наймете мою кузину,—все пойдетъ прахомъ! Приглядитесь къ ней,—сегодня вечеромъ я пришлю ее...

— Хорошо, пришли. Увидимъ. Надоѣли ужь цыплята изъ ресторана. Сегодня остался цыпленокъ. Хочешь взять его?

— Разумѣется, возьму.

— И четыре котлетки. Понте не обѣдалъ дома.

— Все захвачу съ собой въ тарелку и въ салфетку...

— Чудеснаго пирога кусокъ...

— И его уложу. Однако, поздно, мнѣ пора. Давайте все это... А фрукты куда вы намѣрены дѣвать? Не нужны? Давайте, давайте; пригодятся!..

— Но какъ же ты нагрузишься...

— Ничего. Мнѣ не привыкать. До свиданія Завтра зайду и скажу вамъ, что дѣлать. Главное: безъ расточительности. А то я откажусь отъ васъ и больше ни ногой сюда.

— Нѣтъ, какъ можно! Я рада... Распоряжайся! Ты у меня умница. Я сознаю. Рѣзка немножко, но не мнѣ упрекать тебя: ты переродила моего Антоніо! Человѣкомъ его сдѣлала.

— Потому что не дремлю. Чуть что: хлопъ, бацъ, безъ церемоній! При всякомъ случаѣ встряхиваю его. Онъ боится меня, какъ собака палки.

— И любитъ...

— Разумѣется. Мужья любятъ энергичныхъ женъ. Богъ не обдѣлилъ меня разумомъ.

— Правда твоя!

— Однако, прощайте; мнѣ пора.

Между тѣмъ, Понте и Обдулія, усѣвшись въ гостинной, вели дружескую бесѣду. Молодая женщина повѣдала кавалеру, что Джуліана цокируетъ ее, употребляя вульгарныя выраженія...

Тѣмъ не менѣе, на прощанье, молодыя женщины обмѣнялись поцѣлуемъ; кавалеру Фраскито Джуліана пожала руку, и предложила стирать ему бѣлье и перелицовывать старые сюртуки дешевле другихъ... Она шьетъ не хуже мужскихъ портныхъ. Мужу все сама шьетъ, а развѣ онъ плохо одѣтъ? Дядѣ-своему, стекольщику, такую пару сшила, что все отдай, да и мало! Понте сдержанно поблагодарилъ, скептически относясь къ ея талантамъ. Однако, всѣ любезно проводили ее до парадныхъ дверей, и она ушла, нагруженная свертками и узелками.

XXXV.

Обдулія рѣшительно объявила, что ни подъ какимъ видомъ не обойдется безъ горничной. Кухарка—кухаркой, а горничная все же необходима. Да просто даже ради приличія. Донна Пака подчинилась и увѣровала въ необходимость второй прислуги.

Обдулія живо отыскала молодую, изящную субретку, служившую въ богатыхъ домахъ и въ данную минуту оказавшуюся безъ должности. Ее звали Даніелой.

Вечеромъ явилась Иларія и передала отъ Джуліаны совѣтъ, смахивавшій на приказаніе, — ничего не покупать безъ вѣдома ея, Джуліаны; а первымъ долгомъ выкупить всѣ вещи, заложенныя въ ломбардѣ, начиная съ тѣхъ, срокъ которымъ истекалъ, и т. д.

Донна Пака признала разумность и основательность совѣта и обѣщала слушаться. Но квитанцій такая масса! Страшно приняться за разборку. Иларія предложила свои услуги и вывела барыню изъ затрудненія.

Ужинъ, приготовленный дома, оказался по вкусу господъ.

На слѣдующій день поступила и горничная, и также привела хозяекъ въ восторгъ своей ловкостью, расторопностью и

догадливостью. И какая грація, скромность, какой безукоризненный костюмъ и привѣтливая улыбка!

Донна Пака и Обдулія ликовали. Только вотъ квартира тѣсновата... Четыремъ женщинамъ просто не повернуться!

Джуліана не одобрила найма второй прислуги; но тактично не перечила, давая себѣ мысленно слово все перевернуть по своему въ недалекомъ будущемъ. Въ остальномъ, ея распоряженія были такъ удобны и основательны, что сама Обдулія мало-по-малу смягчалась и подчинялась женѣ брата.

Джуліана пріискивала квартиру; Фраскито переѣхалъ въ меблированную комнату и казался вполнѣ счастливымъ и довольнымъ. Акуратно каждый день навѣщалъ онъ донну Паку, и разъ объявилъ, что завтра поѣдетъ верхомъ въ Пардо...

Четыре женщины съ любопытствомъ усѣлись на балконѣ сосѣдки, чтобы полюбоваться блестящей ѣздой всадника. Фраскито гарцовалъ мимо нихъ на громадной лошади, раскланивался, посылалъ поцѣлуи, заставлялъ лошадь свою плясать и горячиться; Обдулія махала платкомъ, а донна Пака крикнула:

— Ради бога, Фраскито, осторожнѣе! Не упадите!

Вмѣсто отвѣта, всадникъ молодецки пришпорилъ коня и поѣхалъ по направленію къ воротамъ С. Винцента,—пунктъ, назначенный для общаго сбора. Тамъ товарищи уже ждали его и встрѣтили рукоплесканіями и шутками. Антоніо разсказалъ, что не безъ труда добился разрѣшенія выпустить на волю Бенину и ея мавра. Затѣмъ вся компанія двинулась за городъ, и началось соревнованіе между стальными конями и живымъ гигантомъ, на которомъ ѣхалъ Фраскито; разумѣется, первые обгоняли, возвращались и снова исчезали впереди, пока Россинантъ тяжелой рысью двигался по дорогѣ.

Особеннаго ничего не случилось; въ Пардо всѣ сошлись вмѣстѣ, подоспѣлъ и Полидоръ съ друзьями, — и всѣ весело позавтракали; угощали Антоніо и дель-Понте пополамъ. Затѣмъ зашли въ рабочій домъ, показали смотрителю приказъ объ освобожденіи Бенины и мавра—и пустились въ обратный путь, вслѣдъ за выпущенными на свободу бѣдняками. Но судьбѣ не угодно было, чтобы путешествіе окончилось благополучно. Одинъ изъ велосипедистовъ, нѣкто Педро Миніо, выпивъ за завтракомъ лишнее, почувствовалъ себя черезчуръ

развязнымъ и до того кривлялся на своемъ конѣ, что треснулся объ дерево и сильно ушибся. Но это еще не все. Попалась на встрѣчу телѣга съ хворостомъ: лошадь Фраскито уперлась и отказалась посторониться; онъ ударилъ ее хлыстомъ,—она поддала задомъ и сбросила своего изящнаго сѣдока. Бѣдный Понте звонко шлепнулся со всего размаха и потерялъ сознаніе; подоспѣвшіе пріятели привели его въ чувство, поставили на ноги, и, казалось бы, дѣлу конецъ: кости цѣлы, иди съ Богомъ, такъ какъ лошадь, сломя голову, ускакала впередъ. Но не тутъ-то было! Фраскито принялся сердиться и кричать; покраснѣлъ, какъ ракъ, осыпая упреками крестьянина съ телѣгой, который, по его мнѣнію, былъ виновникомъ катастрофы.

Надо полагать, что неудачное паденіе произвело у него сотрясеніе мозга.

Тѣмъ временемъ, Бенина съ Альдумедомъ медленно ползли по дорогѣ; когда лошадь Фраскито, какъ бѣшеная, проскакала мимо нихъ, Бенина съ ужасомъ поняла, что случилось несчастье. Однако, останавливаться ей было нельзя: Альдумедъ, очевидно, расхварывался, весь горѣлъ, и надо было спѣшить въ Мадридъ. Къ вечеру подошли они къ воротамъ С. Винцента, сѣли отдохнуть и черезъ полчаса снова двинулись въ улицу Imperiale. Оба они имѣли ужасный видъ: Бенина шла босикомъ, вся въ лохмотьяхъ; товарищъ ея, съ искаженнымъ отъ страданія лицомъ, какъ-то весь постарѣлъ и осунулся.

Бенина занята была мыслью о доннѣ Пакѣ, о пріемѣ, который ее ожидаетъ... Что значили слова Антоніо о какомъ-то наслѣдствѣ? Смѣялся онъ или говорилъ правду? Донъ Ромуальдо... благодѣтель, выдуманный ею, сотворилъ чудо? Это почище короля Самдая. Да нѣтъ! Все это вздоръ. Слишкомъ невѣроятно: Антоніо по обыкновенію балагуритъ. Вѣрнѣе всего, что донна Пака по прежнему терпитъ во всемъ недостатокъ.

XXXVI.

Дрожа отъ волненія, подошла она къ дому и, приказавъ мавру ждать ее около стѣны, сказала ему, что пойдетъ узнать, нельзя ли пристроить его тутъ.

— Не бросай меня!—взмолился бѣднякъ.

— Въ умѣ ли ты? Развѣ я тебя брошу теперь, когда ты боленъ и безъ гроша денегъ? Жди меня.

— Не обманывай. Вернись.

— Сію минуту. Схожу только провѣдать свою барыню...

Она поднялась по лѣстницѣ и позвонила... Каковъ сюрпризъ! незнакомая нарядная дѣвушка въ передничкѣ отворила ей дверь. Да не сонъ ли это?

Бенина вошла молча въ переднюю, не обращая вниманія на презрительное недоумѣніе Даніелы. Часъ отъ часу не легче: садъ, аллеи, ковры... Бѣдняжка протерла глаза. Это не та квартира... Вонъ еще незнакомая личность съ надменнымъ, дерзкимъ видомъ... А тамъ, въ столовой — Царь небесный!— съ потолка спускается цѣлая гора драгоцѣнныхъ камней... Кладъ настоящій! Ужь не вызывала ли донна Пака короля Самдая? Въ эту минуту Джуліана появилась въ комнатѣ, подошла къ порогу и, слегка оттолкнувъ Бенину въ переднюю, проговорила:

— Вотъ ты, Нина, отыскалась, наконецъ? А мы думали, что ты уѣхала въ Конго. Не входи, не входи. Ты запачкаешь полы... На что ты похожа? И въ прихожей-то весь полъ изгадишь!

— Гдѣ барыня?—спросила Бенина.

— Барыня дома, но просить тебя не входить... Ты навѣрное вся въ блохахъ и вшахъ.

Въ эту минуту прибѣжала Обдулія и закричала:

— Здравствуй, Нина! Только это вѣрно: раньше чѣмъ входить, ты бы смыла съ себя кору нечистотъ. Не подходи ко мнѣ. Сколько дней провела ты среди кучи вшивыхъ бродягъ! Это ужасъ! Погляди сюда: каково мы убрали квартиру? а?

Джуліана улыбалась, но сквозь улыбку свѣтился такой настойчивый характеръ, что Бенина поняла ея власть въ этомъ домѣ. Пѣсенка старой служанки была спѣта. Однако, она рѣшилась, во что бы то ни стало, повидаться со старой барыней.

— Войди; войди, Нина! — раздался вдругъ голосъ донны Паки изъ столовой.

Но Бенина отвѣтила со своего мѣста:

— Я тутъ, сударыня; но говорятъ, что я выпачкаю полы, и я не войду. Нѣтъ, не войду... Стряслась надо мной бѣда.

Разсказывать вамъ не стану, чтобы не разстраивать васъ. Меня схватила полиція; я терпѣла голодъ, стыдъ, колотушки... А хуже всего: меня мучила мысль о васъ: какъ вы тутъ? сыты ли безъ меня?..

— Нина, съ нами случилось чудо: мы разбогатѣли! Помнишь наши разговоры и мечты съ тобой? А все донъ Ромуальдо, все онъ сотворилъ... И настолько скроменъ, что отказывается признаться въ прошлыхъ благодѣяніяхъ, умаляетъ свои добродѣтели и достоинства... Увѣряетъ, что у него нѣтъ племянницы, донны Патросъ, и что епископомъ его не назначали. А это все онъ, онъ,—кому же еще и быть? Не два же ихъ одинаковыхъ! По твоему описанію, я его съ перваго взгляда узнала.

Нина молча всхлипывала, прислонясь къ дверному косяку.

— Я бы охотно взяла тебя въ услуженіе, — продолжала неувѣреннымъ голосомъ вдова, въ то время какъ невѣстка оживленно шептала ей на ухо, диктуя свои приказанія:—но вотъ видишь ли... Намъ такъ тѣсно... повернуться негдѣ... мы ужасно стѣснены. Ты знаешь, какъ я тебя люблю и предпочитаю всѣмъ другимъ... Но видишь... завтра мы переѣдемъ на другую квартиру... и... если... гм... гм... найдется уголокъ для тебя... Ты что? Сказала что-то? Не жалуйся и не ропщи, душа моя! Вспомни, что ты сама виновата: бросила меня одну безъ хлѣба, такъ неожиданно... гадко поступила... нечего таить... Мнѣ бы слѣдовало построже обойтись съ тобой... Ко всему прочему, ты забыла мои совѣты и пустилась въ развратъ... бѣгаешь по свѣту съ какимъ-то ужаснымъ мавромъ. Чѣмъ онъ приворожилъ тебя, что ты забыла для него и долгъ, и стыдъ? Повѣдай мнѣ, покайся! Ты его бросила?..

— Нѣтъ,—твердо произнесла Бенина.

— Привела его съ собой?

— Да, сударыня, онъ ждетъ меня внизу.

— А!.. Въ такомъ случаѣ, я считаю тебя способной на все... на все! Какъ ты дошла до такого безстыдства, что привела его сюда, ко мнѣ?..

— Я не могла бросить его среди улицы. Онъ боленъ.

— Знаю, Нина, что ты добра. Но доброта не должна ослѣплять тебя. Ты забыла благопристойность!

— Благопристойности тутъ дѣлать нечего. Никакого срама

нѣтъ въ томъ, что я жалѣю Альдумеда, несчастнаго, безпомощнаго, слѣпаго. Онъ меня любитъ. А я привязана къ нему, какъ къ сыну.

Но и простота этихъ объясненій не тронула сердца донны Паки; она упрямо продолжала:

— Я знаю, что ты мастерица искажать факты и сваливать свою вину на другихъ... Свои же пороки умѣешь превращать въ добродѣтели. И, тѣмъ не менѣе, я люблю тебя, Нина! Признаю въ тебѣ достоинства и не покину тебя.

— Благодарю васъ, сударыня.

— Кровъ и пища всегда у тебя будутъ. Надѣйся на меня. Ты мнѣ служила, поддерживала меня въ несчастьѣ. Ты добра, очень добра. Но не натягивай слишкомъ струну, душа моя: не навязывай мнѣ твоего бродягу! Иначе я сочту тебя за помѣшанную.

— Я привела его къ вамъ, сударыня, изъ жалости: приняли же вы кавалера Понте? Одного пожалѣли, отчего же не пожалѣть и другаго несчастнаго? Или позволяется помогать человѣку въ сюртукѣ, а въ рубищѣ—нельзя? Я не такъ думаю. Для меня все равно. Вотъ почему я и привела его. Если вы его не пріютите,—значитъ и меня за дверь выгнали.

— Тебя? Тебя приму всегда... То есть, я не то хотѣла сказать... не всегда, а желала бы. Но свободнаго угла нѣтъ... Насъ четверо, ты видишь... Завтра заходи... А товарища твоего пристрой куда нибудь... въ хорошую гостинницу... Ахъ, что я говорю, какую глупость! Въ больницу. Обратись къ дону Ромуальдо... Скажи ему, что я прошу... какъ за своего роднаго прошу! Ахъ, богъ знаетъ, что я говорю! Какъ за роднаго... твоего... твоего, а не моего. Однимъ словомъ, какъ нибудь устрой. Можетъ быть, донъ Ромуальдо возьметъ его къ себѣ. Ты говорила, что у него помѣщеніе большое, цѣлая обитель... Знаешь, Нина, я не могу выносить оборванной вонючей бѣдности... лохмотья, грязь — противно! Что дѣлать? каюсь,—но нервы не выносятъ. Сознаюсь, что даже тебя, въ такомъ видѣ, я не въ состояніи принять... Я люблю тебя, Нина, но ты знаешь, какъ я нервна и впечатлительна! Волосъ найду въ кушаньѣ — меня сейчасъ стошнитъ и я три дня больна. Перемѣни одежду, вымойся... Джуліана дастъ тебѣ все нужное... Но что же ты молчишь? А, понимаю! Униженіе паче

гордости. Это на тебя похоже. Но я тебя прощаю! И все таки люблю тебя. Что ты говоришь?

— Ничего, сударыня, ничего не говорю. Мнѣ нечего сказать...—шептала Бенина со вздохомъ:—спаси васъ Господи!

— Не уходи съ сердцемъ противъ меня, Нина!—дрогнувшимъ голосомъ сказала донна Пака, дѣлая нѣсколько шаговъ вслѣдъ за удалявшейся Бениной.

— Нѣтъ, сударыня, вы знаете, что я не умѣю сердиться!—отозвалась та, и съ состраданіемъ взглянула на барыню.—Прощайте!

Обдулія увела мать въ столовую и произнесла сочувственно:

— Бѣдная Нина... Ушла! А я вотъ что скажу: съ удовольствіемъ взглянула бы на этого мавра и поговорила бы съ нимъ. Эта Джуліана во все вмѣшивается!

Смущенная, не зная, что̀ сказать, донна Пака принялась считать серебро, которое Джуліана только что выкупила изъ ломбарда.

Между тѣмъ, Джуліана, дружески подталкивая Бенину къ двери, ласково говорила ей на прощанье:

— Не бойся, Бенина, все у тебя будетъ. Дуро, который я тебѣ дала взаймы на прошлой недѣлѣ, можешь мнѣ не отдавать...

— Спасибо, спасибо.

— А вотъ возьми еще одинъ дуро, устрой своего больнаго... Завтра зайди и возьми свои вещи...

— Спасибо, спасибо... Сохрани васъ Пресвятая Дѣва!

— Всего лучше тебѣ въ богадѣльню,—повѣрь мнѣ. Мы съ донной Пакой попросимъ дона Ромуальдо опредѣлить тебя... хочешь? Свекровь довѣрилась мнѣ вполнѣ и всѣ деньги поручила... Я завѣдую всѣмъ домомъ, все сама покупаю. Она должна Бога благодарить, что попала въ мои руки...

— Хорошія руки!..

— Не сердись, Нина. Я скажу ей, что̀ надо сдѣлать для тебя...

— Можетъ быть, она и сама догадается? Прощайте!..

— До свиданія. До завтра!

— Слушаю-съ...

Бенина быстро сошла съ лѣстницы и приблизилась къ слѣ-

нему. Тутъ ужь она не выдержала и, ударяя себя кулаками по лицу, горько и безнадежно разрыдалась.

— Неблагодарная... Неблагодарная... Неблагодарная!..

— Не плачь!—нѣжно проговорилъ мавръ: — барыня твоя злая, а ты—ангелъ.

— Боже великій, какая неблагодарность! Ахъ, скверный свѣтъ!.. Бѣдные, жалкіе, злые люди... Послѣ всего, что я дѣлала, такой пріемъ!

— Да, да, да! Злой свѣтъ не умѣетъ цѣнить тебя.

— Богъ читаетъ въ сердцѣ человѣка... Видишь ли ты мое сердце, Господь и Богъ мой?!

XXXVII.

Съ силой произнесла она эти слова, дрожащей рукой утерла слезы и пересилила свое горе.

— Куда идти?.. Къ дону Ромуальдо?..

Выговоривъ это имя, Бенина остановилась на мгновеніе въ полномъ недоумѣніи и растерявшись.

— Ромуальдо — ложь!—съ убѣжденіемъ сказалъ слѣпой, припоминая кое-что изъ сбивчивыхъ разсказовъ Бенины.

— Да, да, это мое сочиненіе... Тотъ, который принесъ богатство моей госпожѣ,—другой донъ Ромуальдо, подложный... самозванецъ. Нѣтъ, нѣтъ, что я! Это настоящій, а мой — подложный. Сама не знаю, что говорю. Пойдемъ, сынъ мой. Ты боленъ, надо уложить тебя. Джуліана, — въ руки которой (хорошія руки!) попала моя барыня, — дала мнѣ дуро... дай Богъ ей здоровья! Найму для тебя кровать у Бернарды... Завтра увидимъ, что и какъ...

— Завтра идемъ въ Іерусалимъ.

— Куда? Въ Іерусалимъ? Это гдѣ такое? Ближній свѣтъ, что и говорить. Взяли да и пошли.

— Сейчасъ идемъ, сейчасъ! Я женюсь на тебѣ. До Марсели побираться будемъ... Тамъ сядемъ на пароходъ... Пимъ-памъ! Яффа!.. Іерусалимъ!.. Обвѣнчаемся по нашей вѣрѣ... или по твоей... Какъ хочешь... Ты къ гробу Господню сходишь... я въ синагогу...

— Молчи, другъ, дай опомниться! Ты бредишь. Уложить тебя надо прежде всего...

— Нѣтъ, я ничего, здоровъ и доволенъ. Ты теперь моя, совсѣмъ моя. Свобода, море, земля, радость!

— Все это хорошо, а пока надо поѣсть и подкрѣпиться. Зайдемъ въ трактиръ.

— Куда хочешь. Я всюду за тобой!

Они зашли и поужинали. Альдумедъ находился въ какомъ-то экстазѣ. Затѣмъ отправились къ Бернардѣ и наняли двѣ койки на ночь внизу. Всю ночь Альдумедъ волновался, бредилъ, ворочался со стороны на сторону, требовалъ, чтобы Бенина согласилась ѣхать въ Іерусалимъ, жаловался на нестерпимый зудъ во всемъ тѣлѣ. На слѣдующее утро, по всему тѣлу его высыпала красная сыпь, и несчастный продолжалъ съ остервененіемъ царапать себя ногтями. Бенина вывела его на улицу, думая, что свѣжій воздухъ принесетъ ему облегченіе.

Прося милостыню, они подошли къ дому, гдѣ жила Джуліана, обѣщавшая собрать вещи Бенины. Дѣйствительно, она завязала весь скарбъ служанки въ узелъ, отдала ей и прочла нотацію, увѣщевая бросить своего мавра и пріютиться гдѣ нибудь въ дешевомъ углу, въ ожиданіи помѣщенія въ богадѣльню. Въ заключеніе она сказала, что когда Бенина хорошенько отмоетъ съ себя всю грязь, то можетъ навѣстить донну Паку; но поселиться у своей бывшей барыни пусть и не думаетъ: дѣти запротестуютъ! Пора взяться за умъ, научиться беречь копѣйку и правильно вести свои дѣла. Бенина соглашалась съ доводами этой властолюбивой особы, понимая, что всякое противорѣчіе было бы безполезно.

Надо быть справедливымъ: Джуліана—недурная женщина, не злая. Такія натуры любятъ повелѣвать, много о себѣ думаютъ, низменно-практичны. Джуліана по своему жалѣла Бенину и, когда узнала, что мавръ ждетъ ее внизу, пожелала даже лично повидать его и поговорить съ нимъ. Увидавъ Альдумеда, она пожалѣла и его и ласково сказала:

— Я нѣсколько разъ видала этого человѣка на улицѣ; онъ просилъ милостыню. Ты очень любишь женщинъ, милый Альдумедъ?

— Одну Бенину люблю! — отвѣчалъ мавръ.

— Эхъ, Нина, неужели это ты изъ милосердія носишься съ нимъ? Плохи твои дѣла... Если такъ, то ты, дѣйствительно, праведница!

— Бѣдняга боленъ и одинокъ! Нельзя бросить его.

А мавръ въ это время съ ожесточеніемъ чесалъ себѣ ногтями грудь и плечи. Джуліана подошла поближе и пристально вглядѣлась въ его кожу.

— Эге, матушка,— вскрикнула она, отпрянувъ назадъ,—да у него начинается или чума, или проказа, или оспа! Пожалуй, никакой христіанскій госпиталь не приметъ его.

— Чешется! Охъ, какъ чешется! — стоналъ Альдумедъ, продолжая царапать себя во всю мочь.

Пересиливая свою гадливость, Джуліана сказала:

— Берегись, Нина, не заразись сама. Жертвовать собой— просто глупо!

Но Бенина рѣшительнымъ жестомъ показала, что не покинетъ слѣпаго и готова подчиниться волѣ божіей.

Въ это время подошелъ къ женѣ Антоніо Цапата и, узнавъ, въ чемъ дѣло, посовѣтовалъ Бенинѣ сводить мавра въ амбулаторную лѣчебницу для бѣдныхъ.

— Самое лучшее—препроводить его на родину!—сказала Джуліана.

— Мы уѣдемъ въ Іерусалимъ, — мечтательно подхватилъ слѣпой.

— Чудесно! «Путешествіе счастливой четы на востокъ»,— балагурилъ Антоніо. — Кстати, жонушка, порученія твоего я не могъ исполнить, потому что... Не сердись, прошу тебя!

— Потому что по трактирамъ шлялся? На бильярдѣ дулся, каналья. Иди домой! Поговоримъ... сведемъ тамъ счеты.

— Нѣкогда, душечка. Надо бѣжать къ этому чорту, перевозчику мебели...

— Что такое, шельмецъ ты эдакая?

— Онъ не хочетъ брать меньше сорока реаловъ, а ты велѣла давать не больше тридцати...

— Я и сама схожу къ нему. Мужчины ни на что не годны. Правда, Нина?

— Правда. Вы развѣ переѣзжаете?

— Да. Но, вотъ видишь, шутъ этотъ, муженекъ мой, ничего не могъ сдѣлать съ самаго утра.

— А бѣгалъ-то какъ, милочка,—ногъ не чувствую! Главная задержка—Фраскито Понте: онъ словно съ ума спятилъ и не на шутку перепугалъ насъ. Мы съ Полидоромъ насилу увели

его въ комнату... Вчерашнее паденіе повредило ему остатокъ мозга!

Бенина и Джуліана съ интересомъ выслушали подробности о злоключеніяхъ Фраскито. Во-первыхъ, при паденіи, онъ сильно ушибъ лѣвую ногу; во-вторыхъ, мысли его замѣтно путались съ тѣхъ поръ и языкъ заплетался. Вчера еще онъ устроилъ цѣлый скандалъ въ трактирѣ Бото, вызывая всѣхъ на дуэль и неестественно пѣтушась за всякое слово. Все это такъ не похоже на прежняго благовоспитаннаго дель-Понте, что внушаетъ серьезныя опасенія за его разсудокъ. Гдѣ онъ ночевалъ?—Богу одному извѣстно; вѣрнѣе всего, что на улицѣ. Одно вѣрно: только что пришли къ доннѣ Пакѣ Антоніо и Полидоръ (они принесли ей подписать новый контрактъ), какъ явился туда и Фраскито, возбужденный, съ багровымъ лицомъ и глазами, готовыми выскочить изъ орбитъ,— и понесъ такую чушь, что женщины перетрусили и не знали, что дѣлать. Насилу - насилу удалось увести его. Всего упорнѣе его преслѣдуетъ мысль, что необходимо для его чести вызвать на дуэль мавра Альдумеда, распространявшаго ложные слухи объ ухаживаніи его, Фраскито Понте-Дельгадо, за Бениной. По улицамъ онъ все искалъ слѣпаго, чтобы вручить ему свою карточку,—но нигдѣ не встрѣтилъ этого врага. Теперь онъ склоненъ думать, что мавръ перепугался и уѣхалъ на родину; но Фраскито до тѣхъ поръ не успокоится, пока не отыщетъ его хоть за тридевять земель и не принудитъ исполнить обязанность джентльмена, т. е. «дать удовлетвореніе» за клевету.

— Пусть только явится этотъ кавалеръ,—сказалъ вдругъ Альдумедъ, со вниманіемъ слушавшій разсказъ:—я ему пересчитаю палкой ребра!

Мавръ засмѣялся; ротъ его соединился съ ушами и обнаружилъ два ряда плотоядныхъ зубовъ.

— Бѣдный донъ Фраскито, бѣдное дитя божіе! — съ участіемъ воскликнула Бенина: — по всему видно, что онъ рехнулся.

— Старый дуракъ! — презрительно замѣтила Джуліана:— намъ-то что за дѣло, что эта крашеная кукла растрясла послѣдніе мозги? А знаете, отчего это съ нимъ стряслось: отъ красокъ, которыми онъ пачкалъ себѣ и волосы, и лицо! Всѣ

эти косметики ядовиты и дѣйствуютъ на мозгъ. Однако, нечего терять время. Антоніо, ступай къ мамѣ; готовьтесь перевозиться, а я схожу къ хозяину перевозчиковъ. Нина, ступай съ Богомъ, да берегись заразы! Ты такъ грязна, что всякая болѣзнь легко пристанетъ къ тебѣ. Сама навязала себѣ на шею хлопотъ. Я хотѣла было позволить тебѣ повидаться съ донной Пакой... Но, въ виду болѣзни твоего кавалера, не могу допустить тебя къ свекрови... Нѣтъ, нѣтъ! И сношенія съ тобой прекращаются... Я намѣревалась было дозволить тебѣ ежедневно являться за остатками кушанья послѣ нашего обѣда у донны Паки...

— И раздумали?..

— Нѣтъ, не то, что раздумала... Остатки будутъ твои... Только надо принять нѣкоторыя предосторожности. Ты будешь приходить и ждать внизу у привратницы въ назначенный мною часъ... Иларія будетъ относить тебѣ туда остатки кушаній, но ты къ ней не прикасайся!..

— Понимаю, понимаю!

— Не у всякаго вѣдь нервы изъ веревокъ, какъ у тебя, Нина. Тебя пулей не проймешь! Прощай...

— Прощайте. Спасибо. Пошли вамъ Господь за доброту вашу...

XXXVIII.

Всѣ бѣды свалились на Бенину. Однако, сильный духъ ея восторжествовалъ и присущее ей смиреніе помогло перенести возмутительную неблагодарность семьи, которой она служила единственной опорой въ черные дни. Ей и въ голову не пришло покинуть Альдумеда,—будь у него оспа, чума или еще что нибудь ужаснѣе. Такъ какъ прежнее помѣщеніе мавра оказалось свободнымъ, то она наняла его и поселилась тамъ вмѣстѣ со своимъ заболѣвшимъ товарищемъ. Первымъ дѣломъ она натаскала воды и тщательно вымылась съ головы до ногъ мыломъ; затѣмъ переодѣлась во все чистое и почувствовала себя точно обновленной,—мало того, что тѣлесно, но даже душевно: какой-то благодатный миръ снизошелъ въ ея наболѣвшую душу и она окончательно преклонилась передъ волей Всемогущаго, посылавшаго ей испытанія.

Устроивъ по возможности опрятно свое убогое жилище, она отправилась купить провизіи на оставшіеся гроши и приготовила поѣсть больному Альдумеду; на слѣдующій день она намѣревалась сводить его въ амбулаторную лѣчебницу—и мавръ покорно соглашался на все.

Пока онъ ѣлъ, она ласково утѣшала его, увѣряя, что они, разумѣется, уѣдутъ въ Іерусалимъ, и даже гораздо дальше; только надо совсѣмъ поправиться. Пускаться въ дорогу больнымъ—немыслимо. Теперь онъ долженъ спокойно лежать дома, она же будетъ просить милостыню и кормить его и себя. Богъ не допуститъ ихъ умереть съ голоду. Слѣпой былъ такъ счастливъ ея присутствіемъ и обѣщаніями, что принялся заунывно пѣть арабскую пѣсню и попросилъ свою благодѣтельницу покурить въ комнатѣ ладаномъ, чтобы доставить ему полное блаженство. Бенина подумала, что куреніе способствуетъ очищенію воздуха, и исполнила его просьбу.

На другой день они отправились въ больницу, но такъ какъ часъ пріема былъ еще далеко, то они пошли по улицамъ просить милостыню, осторожно выбирая мѣста, гдѣ не было полицейскихъ, чтобы вторично не попасть въ бѣду. Бенинѣ очень хотѣлось взглянуть на донну Паку или хоть узнать—переѣхала ли она на новую квартиру. Дойдя до угла улицы Imperiale, она увидала у дома, гдѣ столько лѣтъ прожили онѣ со вдовой Хуарецъ, фуры перевозчиковъ: очевидно шла нагрузка мебели. Бенина оставила Альдумеда за угломъ, сама же шмыгнула подъ ворота противоположнаго дома и съ грустью смотрѣла, какъ артельщики грубо и небрежно кидали убогую мебель на возы и перекручивали ее бичевой. Но въ особенности поразилъ ее видъ самой донны Паки, вышедшей изъ дверей въ сопровожденіи Обдуліи, Полидора и Джуліаны. Вдова шла, понуривъ голову и опустивъ глаза, точно ее вели на казнь. Обдулія безпечно смѣялась, болтая съ Полидоромъ, а Джуліана озабоченно отдавала приказанія, всѣмъ распоряжалась, понукала и торопила. Ни дать, ни взять гусятница, гнавшая свое стадо; недоставало только хворостины.

Когда онѣ скрылись изъ глазъ, Бенина утерла слезы и вернулась къ Альдумеду.

— Жалко мою бѣдную барыню! — сказала она со вздохомъ: — попала она въ ежовыя рукавицы: А грустнѣе всего,

что она съ такой неблагодарностью обошлась со мной... Да проститъ ей Богъ! Я же люблю ее, какъ сестру, и сердце мое болитъ за нее. Уйдемъ, мавринъ, уйдемъ отсюда. Пора въ больницу. Не горюй!

— Я не горюю. Ты со мной, — и мнѣ хорошо. Я люблю тебя, какъ ангела. Если ты не хочешь выходить за меня замужъ,—не надо. Будь мнѣ матерью, а я тебѣ сыномъ.

— Это всего лучше, дитя мое!—одобрила Бенина.

— Ты — дерево, дающее тѣнь...

Въ это время донна Пака, со своими, вступала въ новую квартиру въ улицѣ Orellana. Помѣщеніе было хорошее, свѣтлое, чистое; цѣна подходящая.

Сама донна Пака была такъ придавлена и обезличена властной невѣсткой, что все находила прекраснымъ, поддакивала и отказалась отъ своихъ вкусовъ и мнѣній. Она думала и чувствовала по указу Джуліаны и сдѣлалась не болѣе, какъ ея точнымъ отраженіемъ, съ примѣсью боязни, уваженія и восхищенія своей повелительницей.

Удрученная и усталая, опустилась вдова на кресло, среди безпорядочно разставленной мебели, и, чувствуя потребность подѣлиться съ кѣмъ нибудь своей грустью, позвала Джуліану.

— Что-то я не поняла, какъ устроилась Нина? Видѣла ты ея мавра?

Джуліана, въ сдержанныхъ выраженіяхъ, дала свекрови подробныя объясненія.

— Какъ ты предусмотрительна! Безъ тебя я рисковала бы заразиться какой нибудь страшной болѣзнью. Остатки непремѣнно отдавай ей. Надо бы ей опредѣлить, кромѣ того, пенсію. Какъ ты думаешь?

— Я думаю, что если мы начнемъ съ такихъ излишествъ, то живо дойдемъ до ломбарда. Кое-когда можно дать ей реалъ - другой... Вотъ мое мнѣніе... А если не хотите слушаться, я умываю руки!

— Да, да, ты права... Нина такъ экономна, что довольствуется малымъ...

Въ эту минуту вбѣжала перепуганная Даніэла съ докладомъ, что звонитъ Фраскито Понте, а Обдулія, видѣвшая его въ щелку, запрещаетъ отворять, боясь новаго скандала. Кто могъ дать ему новый адресъ? Полидоръ, больше некому! Джу-

ліана пообѣщалась надрать ему уши. Къ несчастью, пока Фраскито усиленно звонилъ, по лѣстницѣ поднималась Иларія съ ключемъ и провизіей; съ ней вмѣстѣ и проникъ въ квартиру опасный посѣтитель и предсталъ передъ глазами испуганныхъ женщинъ въ шляпѣ, помахивая тросточкой, въ испачканной и изодранной одеждѣ, съ перекошеннымъ лицомъ. Лѣвую ногу онъ съ трудомъ волочилъ по полу.

— Ради бога, Фраскито, успокойтесь! — взмолилась донна Пака:—вы больны... Ступайте, ляжте въ постель...

Обдулія съ чувствомъ продекламировала:

— Такой благовоспитанный человѣкъ знатнаго происхожденія, какъ вы, Фраскито, и вести себя съ такой несдержанностью! Опомнитесь, придите въ себя.

— Сударыня... — началъ заплетающимся языкомъ Фраскито:—я рыцарь и джентльменъ!—онъ съ трудомъ снялъ шляпу:—и горжусь тѣмъ, что умѣю говорить съ дамами. Но нелѣпые слухи пошли отсюда и я требую объясненій... Честь моя приказываетъ...

— Что намъ за дѣло до чести такого прощалыги?—сказала Джуліана:—вы невѣжа и съ женщинами обращаться не умѣете. То считаете ихъ императрицами и королевами, то, какъ теперь...

— И теперь я преклоняюсь передъ ними! — продолжалъ Понте, въ свою очередь струсивъ передъ энергичной женщиной:—но дѣло въ томъ, что дамы оклеветали меня, оскорбили, сказавъ, будто я ухаживалъ за Бениной, будто дѣлалъ ей безчестныя предложенія, склоняя ее измѣнить доблестному рыцарю Аравіи, повелителю ея сердца...

— Такой глупости мы никогда не говорили.

— Вся столица повторяетъ это! — напыщенно увѣрялъ Фраскито:—клевета вышла изъ этого салона. Смѣю ли я поднять глаза на непорочнаго ангела съ лучезарными крыльями? Будь Нина простой смертной, не говорю... я человѣкъ... мужчина... Но она — ангелъ! Бывало, я не щадилъ женщинъ: ни брюнетокъ, ни блондинокъ, ни рыжихъ... соблазнялъ всѣхъ. Но Нина—ангелъ! Существо не отъ міра сего... Ни одна смертная не устоитъ передо мной: я всегда былъ образцомъ красоты... Но Нина—это другое дѣло. Посягать на ея любовь — святотатство. Ангеловъ я не соблазняю. Такъ и знайте! Нина пере-

одѣлась нищей и, выпрашивая милостыню, кормила васъ и меня... Вотъ кто она. Святая! Моя красота—тѣлесная, земная... Ея—душевная, небесная, сотканная изъ эѳира и солнечныхъ лучей. Она — ничья, она божья. Да-съ, говорю вамъ, донна Цапата-и-Хуарецъ, вы согрѣшили черной неблагодарностью. Вы приросли къ землѣ; неблагодарность, какъ свинецъ, налилась въ ваши жилы. А я легокъ, какъ перышко, потому что благодаренъ!

Въ ужасѣ донна Пака и Обдулія не знали, что̀ дѣлать, и звали на помощь. Но Джуліана не сробѣла: потерявъ терпѣніе, она бросилась на проповѣдника благодарности и, схвативъ его за борты пальто, крикнула съ бѣшенствомъ:

— Вонъ отсюда, крашеная кукла. или я выкину васъ за окно!

Подоспѣли служанки и общими силами вытолкали его за дверь.

Привратникъ и кое-кто изъ сосѣдей появились на лѣстницѣ; служанки поясняли, что господинъ помѣшался въ разсудкѣ: грозитъ, шумитъ и несетъ всякій вздоръ.

Фраскито, ковыляя, началъ было спускаться съ лѣстницы, съ пѣной у рта повторяя:

— Неблагодарная!.. Неблагодар...—но не кончилъ слова, а полетѣлъ внизъ, головой впередъ. Апоплексическій ударъ окончательно сразилъ его и навсегда сомкнулъ уста. Съ трескомъ грохнулся онъ нѣсколькими ступеньками ниже, такъ что вся лѣстница дрогнула. Всѣ присутствующіе дружно бросились къ нему и общими силами втащили его въ квартиру, изъ которой онъ только что былъ изгнанъ.

Джуліана пощупала его и равнодушно сказала:

— Готовъ!

Эпилогъ.

Джуліана твердо взяла въ руки бразды правленія. Недѣли черезъ двѣ послѣ переѣзда свекрови на новую квартиру, она сама, съ мужемъ и дѣтьми, перебралась къ нимъ. Для этого пришлось выкинуть половину горшковъ и кадушекъ съ растеніями и отпустить Даніэлу, оказывавшуюся лишней. Впрочемъ, Джуліана сама взялась одѣвать и причесывать свекровь и зо-

ловку, такъ что въ общемъ всѣ остались довольны и не протестовали.

Но такъ какъ полнаго счастія на землѣ нѣтъ, то хроника этого дома осложнилась слѣдующимъ непредвидѣннымъ обстоятельствомъ: сама укротительница почувствовала вдругъ симптомы странной, необъяснимой болѣзни, граничащей съ истеріей. Началось это съ безсонницы. Прежде Джуліана охотно сравнивала себя съ муломъ; но куда дѣвались теперь ея сила, ровность духа, здоровье? Она нервничала, плакала, ничего не ѣла, всего стала пугаться и бояться. А главнымъ ужасомъ для нея стали дѣти: она начала бояться за ихъ здоровье и жизнь,— цвѣтущій видъ ихъ не производилъ на нее никакого дѣйствія. Постоянно мучила она ихъ и доводила до слезъ излишними предосторожностями; ночью вскакивала, какъ безумная, увѣряя, что дѣти зарѣзаны и плаваютъ въ крови; при малѣйшемъ кашлѣ думала, что они задохнутся; если они ѣли меньше обыкновеннаго, она кричала, что ихъ отравили.

Никто не зналъ, какъ къ ней и подступиться; мужа она посылала ко всѣмъ чертямъ, съ остальными обращалась непривѣтливо и рѣзко; сама измучилась и извелась до неузнаваемости.

Разъ утромъ она накинула мантилью и вышла изъ дому. Зная приблизительно мѣстожительство Бенины, она скоро нашла ее у порога жилища. Бенина была занята стиркой бѣлья; у двери, въ тѣни, сидѣлъ Альдумедъ. Его сыпная болѣзнь проходила, но по лицу виднѣлись еще черные подсыхающіе нарывы.

Джуліана сѣла на лавочку около корыта, и сказала:

— Я пришла пожурить тебя, Бенина. Я вѣдь говорила тебѣ приходить за остатками отъ обѣда... А ты ни разу носу не показала.

— Скажу вамъ по правдѣ, сударыня,—возразила Бенина:— я не приходила не изъ гордости или чего такого... а просто потому, что меня кормятъ поближе. Я получаю остатки отъ обѣда дона Ромуальдо Цедрона. Святой человѣкъ! Думала я, думала, и теперь ясно поняла, что это не тотъ священникъ, котораго я выдумала, а другой, хотя онъ и похожъ, какъ двѣ капли воды, на моего. Вотъ и я сыта, и кормлю Альдумеда. А вы отдавайте вашъ излишекъ другимъ бѣднымъ.

На воздушномъ шарѣ.

Я въ этотъ часъ блуждаю внѣ планеты...
Я въ этотъ часъ свободенъ отъ земли...
Ея лица чуть видныя примѣты
Накрылъ туманъ въ низринутой дали.

И мнится мнѣ: какъ будто я случайно
Былъ на землѣ на мигъ одинъ рожденъ,
И ждетъ меня плѣнительная тайна—
Другихъ міровъ невѣдомый законъ.

И мнится мнѣ, что, странникъ поднебесный,
Я не вернусь къ покинутымъ полямъ...
Я слышу зовъ, волшебный, безсловесный,
Въ бездонный верхъ, къ надсолнечнымъ краямъ.

И будто все: и вѣру, и искусство,
Все, что̀ любилъ, чѣмъ мыслилъ я и жилъ,—
Весь рой надеждъ, всѣ образы и чувства
Оставилъ тамъ... средь мрака и могилъ.

И что̀ во мнѣ такъ билося тревожно—
Забвеньемъ все покрыла эта твердь...
О, какъ къ землѣ привязанность ничтожна,
Какъ не страшна мнѣ въ этотъ мигъ и смерть!

А. Мейснеръ.

По вопросу объ отношеніи правительства къ внѣшнимъ проявленіямъ религіозной жизни евреевъ [1].

(Докладъ члена Комиссіи по устройству быта евреевъ, 1872 г., д. ст. совѣтника В. Я. Фукса).

Часть II.

Краеугольнымъ камнемъ официальной организаціи еврейской религіи служитъ у насъ *раввинатъ*. Раввинамъ предназначена по закону та же роль, которую первосвященники играли въ Іерусалимѣ, а духовенство прочихъ исповѣданій доселѣ исполняетъ повсюду.

Между тѣмъ, *раввины признаются духовными лицами только въ средѣ не-евреевъ*.

Извѣстный еврейскій писатель Бедарритъ,—въ сочиненіи: «Les juifs en France, en Italie etc», изданномъ въ Парижѣ въ 1801 г., вторымъ изданіемъ,—говоритъ слѣдующее: «Раввины не имѣютъ никакой власти надъ своими единовѣрцами по закону Моисея, и самое названіе ихъ, извѣстное лишь со времени разсѣянія израильскаго, есть только почетный титулъ, даваемый ученымъ (docteurs de la loi), отличившимся особыми заслугами. Они не имѣютъ никакой юрисдикціи [2]); обращаются

---

[1]) См. № 10 «Наблюдателя» за текущій годъ.

[2]) Т. е. юрисдикціи *религіозной*, но ихъ вліятельное участіе въ рѣшеніи чисто *свѣтскихъ* дѣлъ (въ родѣ дѣлежа контробанды, подкупа правительственныхъ чиновниковъ и прессы, сбора денегъ съ еврейской общины на политическую агитацію, какъ напр., на смѣщеніе Державина или на «обѣленіе» Дрейфуса и Гильзнера въ новѣйшее время) не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Они, прежде всего,—делегаты отъ «еврейскаго государства» въ *ѣмской* средѣ. Ред.

къ нимъ лишь добровольно, какъ къ опытнымъ законникамъ. Если же законы нѣкоторыхъ государствъ признаютъ извѣстную силу за юрисдикціею раввиновъ, то очевидно, что *власть послѣднихъ проистекаетъ изъ закона гражданскаго, но отнюдь не религіознаго*».

Не менѣе знаменитый французскій раввинъ Драшъ,—авторъ вышедшей въ 1844 г. книги: «Harmonie entre l'Eglise et la Synagogue»,—объясняетъ значеніе раввиновъ такимъ образомъ: «Служеніе въ синагогѣ, состоящее изъ возглашенія молитвъ и псалмовъ и въ чтеніи Пятикнижія, *заботы о раздачѣ общественныхъ пожертвованій*, о воспитаніи юношества и напутствіи умирающихъ, завѣдываніе похоронными обрядами и т. п. предоставлены у евреевъ вообще свѣтскимъ лицамъ, и если раввины принимаютъ на себя иногда эти обязательства, то лишь добровольно. Что же касается до обряда бракосочетанія, то и въ этомъ случаѣ роль раввина ограничивается благословеніемъ брачущихся, что, однако, вовсе не существенно для дѣйствительности супружескаго союза. Символическія слова произноситъ, предлагая невѣстѣ подарокъ, самъ женихъ, а невѣста, принимая, даже молча, этотъ подарокъ, становится тѣмъ самымъ законною женою. Присутствіе раввина при этомъ обрядѣ до такой степени не необходимо, что бракъ признаётся дѣйствительнымъ и въ томъ случаѣ, если означенный обрядъ былъ совершенъ въ присутствіи какихъ бы то ни было двухъ свидѣтелей изъ евреевъ».

Присутствіе раввина при принесеніи присяги тоже не считается, по талмудическому ученію, обязательнымъ, равно какъ и при обрядѣ обрѣзанія, и ученый еврей Берлинъ въ «Очеркѣ этнографіи еврейскаго народонаселенія въ Россіи» (изд. въ 1861 г.), исчисляя лицъ, принадлежащихъ къ духовной профессіи, хотя и упоминаетъ о раввинахъ, но вмѣстѣ съ ними приводитъ цѣлый рядъ другихъ болѣе непосредственныхъ исполнителей еврейскихъ духовныхъ потребностей—проповѣдниковъ, канторовъ, писцовъ Пятикнижія, рѣзниковъ скота и домашнихъ учителей (меламдовъ); а для совершенія обрѣзанія существуютъ, по его отзыву, особые спеціалисты, именуемые «могелями» (примѣч. на стр. 23). «Вѣстникъ же русскихъ евреевъ», въ № 10 за сей (1872) годъ, на стр. 36, опредѣляетъ слѣдующимъ образомъ настоящія обязанности раввиновъ въ Лондонѣ: глав-

ный надзоръ надъ общинными благотворительными заведеніями, попеченіе о бѣдныхъ, уходъ за больными и арестантами, вспомоществованіе престарѣлымъ вдовамъ и сиротамъ, образованіе юношества и т. п. Наконецъ, и наша «раввинская комисія,» — какъ будетъ объяснено ниже, — признала правильнымъ выдѣлить вопросы совѣсти изъ вѣдѣнія раввиновъ, съ оставленіемъ за послѣдними лишь духовно-административныхъ дѣлъ и наблюденія за совершеніемъ обрядовъ, имѣющихъ исключительно-гражданское значеніе.

Замѣчательно, что нравственный авторитетъ раввиновъ пріобрѣлъ характеръ духовнаго сана въ глазахъ христіанскихъ правительствъ, воспринявъ на себя значительныя свѣтскія права, и, со всѣми этими наслоеніями, получилъ офиціальное значеніе лишь около 200 лѣтъ тому назадъ. За раввинами признаны были во Франціи, королевскимъ патентомъ, права полиціи и суда по отношенію къ ихъ единовѣрцамъ только въ 1681 г. Такое распоряженіе имѣло первоначально характеръ урегулированія внутреннихъ отношеній еврейскихъ общинъ, жившихъ особнякомъ. Хотя во время революціи эта привилегія евреевъ была упразднена, и евреи, какъ полноправные граждане, были подчинены общимъ французскимъ законамъ, но великимъ синедріономъ, который былъ созванъ при Наполеонѣ I, офиціальное значеніе раввиновъ было опять выдвинуто на первый планъ, и раввинамъ было предоставлено: 1) преподаваніе правилъ этого синедріона, между прочимъ, о томъ, что французы — братья евреевъ, что евреи должны подчиняться законамъ страны [1]), не брать лихвенныхъ процентовъ и не

[1]) Грубая фальсификація талмуда этимъ синедріономъ подробно разсказана кн. Н. Н. Голицынымъ въ его «Исторіи русскаго законодательства о евреяхъ», изданной министерствомъ вн. дѣлъ въ 1888 г. Цѣль фальсификаціи состояла въ томъ, чтобы сохранить за евреями гражданское полноправіе, котораго они легко могли бы лишиться при обнаруженіи истиннаго смысла ихъ религіозно-политическаго кодекса, не допускающаго и мысли о *равенствѣ правъ* между презрѣннымъ *гоемъ* и вѣрнымъ «сыномъ израиля». Но, пустивъ эту утку для обмороченія легковѣрныхъ гоевъ, — разсматриваемыхъ въ талмудѣ, какъ существа *низшей животной породы*, — правовѣрные главари талмудистовъ тотчасъ же дали знать своимъ соплеменникамъ, чтобы они не придавали никакого серьезнаго значенія этой фальсификаціи и продолжали слѣдовать своему традиціонному человѣконенавистническому взгляду на всѣ другіе народы, кромѣ «божьяго избранника». Этому избраннику,—т. е. сынамъ израиля,—весь міръ фатально обреченъ «въ рабство». О какомъ же граждан-

чуждаться браковъ съ христіанами; 2) напоминаніе евреямъ объ обязательности военной службы, съ объясненіемъ, что во время пребыванія въ рядахъ арміи ихъ собственный законъ избавляетъ ихъ отъ исполненія несовмѣстныхъ съ военною службою обрядовъ; 3) проповѣдываніе въ синагогахъ и принесеніе молитвъ за императора и его семейство; 4) совершеніе и расторженіе браковъ. Затѣмъ, императорскимъ декретомъ 17 марта 1808 г., еврейскій культъ получилъ во Франціи *несвойственную ему церковную организацію*; въ каждомъ департаментѣ, имѣющемъ не менѣе 2 тысячъ евреевъ, учреждена консисторія, а состоящіе при консисторіальныхъ синагогахъ раввины получили титулъ великихъ раввиновъ департамента; въ Парижѣ, кромѣ того, образована была центральная консисторія, при которой назначенъ центральный раввинъ Франціи (grand rabbin de France). Вмѣстѣ съ тѣмъ, раввины были обязаны, въ силу присяги надъ библіею, доводить до свѣдѣнія властей о томъ, что̀ можетъ оказаться вреднымъ для выгодъ государя и страны. Наконецъ, іюльское правительство, декретомъ 8 февраля 1831 г., вполнѣ сравняло раввиновъ съ духовными лицами христіанскихъ исповѣданій, назначивъ имъ жалованье изъ казны.

Организованное христіанскимъ правительствомъ, церковное управленіе евреевъ представляло для нихъ немало выгодъ. Они не могли не гордиться столь торжественнымъ признаніемъ ихъ *національно-религіозной обособленности*, а въ особенности *уравненіемъ ихъ вѣроученія, ихъ учителей и синагогъ* съ ненавистнымъ и столь привилегированнымъ дотолѣ культомъ христіанъ разныхъ исповѣданій. Въ то же время, *новое церковное устройство давало имъ прочную организацію, которою они могли пользоваться при сношеніяхъ съ правительствомъ по дѣламъ, имѣвшимъ самую отдаленную связь съ вопросами религіозными.* Вотъ почему великіе раввины и консисторіи усвоили себѣ во Франціи сначала видную роль, вслѣдствіе чего *еврейскіе писатели стали требовать себѣ еще новыхъ привилегій* для своей религіи и давать своему grand rabbin de France даже прозваніе: grand pontif. Но въ теченіе послѣдняго

скомъ полноправіи тутъ можетъ идти рѣчь?! Это полноправіе должно быть только привилегіей «всемірной израильской аристократіи», для успѣшнѣйшаго достиженія цѣлей эксплуатаціи и порабощенія гоевъ... Ред.

двадцатипятилѣтія многіе еврейскіе писатели стали провозглашать, что собственно въ еврейской средѣ *эти консисторіи, и въ особенности раввины, не имѣютъ никакого значенія*; мало того, въ послѣднее время замѣчается между французскими евреями стремленіе устранить вовсе раввинскій элементъ въ консисторіальномъ управленіи.

Подобное противорѣчіе, высказываемое настойчиво въ органахъ Alliance Israélite Universelle и въ произведеніяхъ передовыхъ французскихъ евреевъ, вполнѣ понятно. Надо имѣть въ виду, что постановленія великаго синедріона, какъ и постановленія позднѣйшаго брауншвейгскаго совѣщанія, *никогда не были признаваемы талмудическимъ большинствомъ*, и присвоеніе раввинамъ духовнаго сана и свѣтской власти, въ особенности же права полиціи надъ единовѣрцами въ интересахъ иновѣрной правительственной власти, не могло никоимъ образомъ содѣйствовать ни авторитету, ни популярности раввиновъ. *Посему правилами синедріона, офиціальнымъ положеніемъ раввиновъ и консисторіями французскіе евреи пользовались для своихъ выгодъ въ сношеніяхъ не между собою, а внѣ еврейской среды. Нынѣ же, съ достиженіемъ евреями равноправія, вся эта церковная организація стала для нихъ безполезною формальностью*, о которой они теперь,—отчасти и подъ вліяніемъ реформистскаго движенія нѣмецкихъ евреевъ,—говорятъ съ бо́льшею, нежели прежде, откровенностью.

Подъ вліяніемъ французскихъ взглядовъ на духовно-полицейскую власть раввина, это званіе было признано законодательнымъ порядкомъ и у насъ. Въ положеніи 1804 года о евреяхъ, въ V главѣ, на раввина возложенъ надзоръ за дѣлами вѣры и ему предоставлено право суда по всѣмъ спорамъ, относящимся до религіи, причемъ, однако, раввинамъ подъ страхомъ уголовнаго наказанія воспрещено было налагать какія либо публичныя наказанія, а паче—проклинанія и извержения [1]). *Но въ положеніи 1835 г. о евреяхъ въ § 70 значе-*

[1]) Въ этомъ отношеніи, наше правительство давно отступило отъ своего правила и открыто позволяло раввинамъ налагать «публичныя наказанія» и «проклятія» (херемы) не только на провинившихся талмудистовъ, но даже на христіанъ. Такъ, напримѣръ, жидовскій *херемъ* былъ наложенъ въ свое время на русскаго министра Державина, о чемъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ своихъ «Запискахъ». Такого же рода херемы налагались жидовскимъ кагаломъ и позднѣе на русскихъ государственныхъ

ніе и *власть раввина далеко уже выходятъ изъ предѣловъ 1804 г.* Здѣсь должности раввина, исполняемой по договору съ обществомъ или кагаломъ, отведенъ слѣдующій кругъ дѣятельности: 1) наблюденіе за обрядами богослуженія, объясненіе и вразумленіе евреевъ въ истинномъ смыслѣ ихъ закона, съ тѣмъ, однако, чтобы при этомъ *не употреблялись никакія другія средства, кромѣ убѣжденій и увѣщаній;* 2) направленіе евреевъ къ соблюденію нравственныхъ обязанностей, къ повиновенію общимъ государственнымъ законамъ и установленнымъ властямъ; 3) совершеніе обрядовъ, причемъ, однако, допущены въ помощь раввинамъ, по избранію общества или кагала, и другіе «ученые» евреи, и 4) веденіе метрическихъ книгъ о евреяхъ. Наконецъ, въ 1840 г. начертанъ былъ общій планъ религіозно-духовнаго управленія евреевъ, на основаніи котораго, *по примѣру Франціи*, предположено было подчинить духовно-религіозную часть евреевъ двоякому управленію: мѣстному, или консисторскому, и главному, или центральному. Мысль о *центральномъ управленіи* осуществилась уже до извѣстной степени въ учрежденіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, въ 1848 г., *раввинской комиссіи*, но вопросъ о консисторіальномъ управленіи усложнился и не разрѣшенъ доселѣ, хотя въ теченіе 30 слишкомъ лѣтъ составлялъ предметъ постояннаго правительственнаго обсужденія въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

Изъ дѣлъ министерства внутреннихъ дѣлъ видно, что предположеніе о введеніи консисторіальной организаціи основано было на убѣжденіи, что консисторіальныя правленія, — долженствовавшія состоять, подъ предсѣдательствомъ губернскихъ раввиновъ, изъ двухъ помощниковъ раввина и непремѣннаго отъ короны члена изъ русскихъ, а равно имѣть въ своемъ подчиненіи особыхъ уѣздныхъ и всѣхъ мѣстныхъ раввиновъ,— будутъ служить правительству органомъ, посредствомъ котораго можно будетъ съ успѣхомъ дѣйствовать на нравственное

людей и писателей, причемъ херемъ сопровождался особымъ денежнымъ сборомъ, чтобы, путемъ подкупа подходящихъ лицъ, вредить, насколько возможно, намѣченнымъ врагамъ «избраннаго народа». А жиды все еще жалуются у насъ на «недостатокъ правъ» и на *тѣсноту* для нихъ черты еврейской осѣдлости, превышающей, по своей территоріи, всю Францію! Эта еврейская софистика блистательно разбита В. В. Григорьевымъ. (См. № 9 «Наблюдателя»). Ред.

преобразованіе евреевъ. По проэкту министерства внутреннихъ дѣлъ, на обязанность этого правленія возлагалось: 1) наблюденіе за дѣйствіями раввиновъ и ихъ помощниковъ, 2) снабженіе подлежащихъ мѣстъ и синагогъ шнуровыми книгами для записки прихода и расхода денежныхъ суммъ и принадлежащаго синагогамъ имущества, 3) ревизія и храненіе метрическихъ свидѣтельствъ, 4) наблюденіе за порядкомъ богомоленія и устраненіе всякаго вмѣшательства въ религіозныя дѣла такихъ людей, которые не утверждены правительствомъ въ духовныхъ званіяхъ [1]), представленіе объ учрежденіи или уничтоженіи синагогъ и школъ; 6) наблюденіе за правильностью совершенія и расторженія браковъ, 7) отчетность передъ начальствомъ о *выполненіи его требованій*.

Бывшій еврейскій комитетъ, по разсмотрѣніи проэкта 1840 г., согласился лишь на учрежденіе губернскихъ раввиновъ, безъ установленія духовныхъ правленій и офиціальнаго званія уѣздныхъ раввиновъ. Но Государственный Совѣтъ, обсуждая видоизмѣненный такимъ образомъ проэктъ, отклонилъ до времени учрежденіе даже и губернскихъ раввиновъ, предоставивъ еврейскому комитету сообразить: нельзя ли, въ видѣ временной или переходной мѣры, наблюденіе за точнымъ исполненіемъ раввинами своихъ обязанностей возложить на особыхъ при генералъ-губернаторахъ инспекторовъ изъ ученыхъ евреевъ, а для надзора за хозяйственною частью при синагогахъ— учредить особыхъ смотрителей. Вслѣдствіе такого *оборота дѣла*, вопросъ объ организаціи особаго управленія дѣлами вѣры евреевъ былъ не только отложенъ, но и замѣненъ гораздо болѣе скромною задачею: *объ усовершенствованіи правительственнаго надзора за синагогами и раввинами* [2]). На

[1]) Т. е. такъ называемыхъ «духовныхъ раввиновъ», которые и въ наши дни продолжаютъ оказывать свое вредное — и совсѣмъ не религіозное — вліяніе на паству, вмѣстѣ съ юридически отмѣненными (въ 1844 году) но, de facto, благополучно существующими кагалами и ихъ подручными министерствами (финансовъ, юстиціи, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ), какъ это до нельзя ясно подтверждается изъ многихъ фактовъ, обнаруженныхъ, между прочимъ, въ «Отголоскахъ», въ № 10 нашего журнала.

[2]) Государственный Совѣтъ издавна уже смотрѣлъ на религіозно-политическую обособленность евреевъ, какъ на зловредное «государство въ государствѣ», и всячески стремился къ разрушенію этой обособленности. Тою же цѣлью ассимиляціи евреевъ съ кореннымъ народонаселеніемъ задавался и

этомъ основаніи составлены были министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и разсмотрѣны въ еврейскомъ комитетѣ два новыхъ проэкта: одинъ *объ учрежденіи надзора за синагогами и еврейскими молитвенными домами*, а другой—объ учрежденіи при генералъ-губернаторахъ *инспекторовъ изъ ученыхъ евреевъ*. Въ первомъ проэктѣ, взамѣнъ прежнихъ правленій еврейскихъ молитвенныхъ обществъ и вмѣсто предложенныхъ Государственнымъ Совѣтомъ смотрителей, предположены были при синагогахъ и молитвенныхъ школахъ духовныя правленія, съ весьма подробнымъ обозначеніемъ обязанностей послѣднихъ, но безъ включенія въ составъ этихъ правленій члена отъ короны изъ русскихъ, предполагавшагося по первоначальному проэкту только въ правленіяхъ губернскихъ; а по второму проэкту слишкомъ точное опредѣленіе круга дѣятельности инспекторовъ при генералъ-губернаторахъ было признано неудобнымъ, вслѣдствіе чего министерство находило болѣе полезнымъ вполнѣ подчинить этихъ временныхъ чиновъ ихъ непосредственнымъ начальникамъ. Проэкты эти, по разсмотрѣніи въ Государственномъ Совѣтѣ, были высочайше утверждены 3 іюля 1850 г., безъ присвоенія, впрочемъ, состоящимъ при генералъ-губернаторахъ ученымъ евреямъ названія инспекторовъ.

Но опытъ доказалъ, что *эти мѣры не достигли желаемаго результата* и, спустя не болѣе 6 лѣтъ, по всеподданнѣйшему докладу предсѣдателя еврейскаго комитета, графа П. Д. Киселева, послѣдовало высочайшее повелѣніе: пересмотрѣть законодательство о евреяхъ, *въ видахъ сліянія сего народа съ коренными жителями, «поколику нравственное состояніе евреевъ можетъ сіе дозволить»*.

Комитетъ, приступивъ къ своей задачѣ, прежде всего нашелъ, что одна изъ главныхъ причинъ ненормальнаго положенія евреевъ въ имперіи заключается въ несуществованіи у нихъ духовныхъ управленій: мѣстнаго и главнаго, въ противность общему порядку, установленному по всѣмъ другимъ

еврейскій комитетъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ просвѣщеннѣйшихъ русскихъ государственныхъ людей. Но «нравственное состояніе» жидовъ, ихъ непреклонное упорство въ отстаиваніи своей привилегіи — грабить и развращать «гоимовъ», отнюдь не сливаясь съ ними,—постоянно подрывало въ самомъ корнѣ всѣ добрыя и прогрессивныя намѣренія правительства.

исповѣданіямъ, что̀ обусловливаетъ какъ отсутствіе надзора за дѣлами еврейской вѣры и за раввинами, такъ и *отсутствіе прямыхъ способовъ воздѣйствія на ослабленіе фанатизма евреевъ*. Вслѣдствіе сего, высочайше утвержденнымъ, 5 іюня 1856 г., положеніемъ предоставлено было министру внутреннихъ дѣлъ предоставить комитету (еврейскому), по пересмотрѣ раввинскою комисіею соотвѣтствующихъ узаконеній, свои соображенія по этому вопросу.

Такимъ образомъ, вопросъ объ организаціи особаго управленія дѣлами вѣры евреевъ, отсроченный въ 40-хъ годахъ Государственнымъ Совѣтомъ, вновь явился какъ бы ключемъ къ разрѣшенію еврейскаго вопроса, и раввинской комисіи, состоявшей изъ семи членовъ, избранныхъ еврейскими обществами и утвержденныхъ правительствомъ, выпала на долю почти та же роль, которую въ началѣ этого столѣтія игралъ созванный Наполеономъ I великій синедріонъ.

Раввинская комисія, исполняя возложенное на нее порученіе, приняла въ основаніе своихъ заключеній слѣдующія начала:

1) *У евреевъ нѣтъ духовенства*, нѣтъ духовной іерархіи. *Ученіе еврейской вѣры, никогда никѣмъ не догматизированное, подлежитъ свободному изслѣдованію каждаго* и потому не можетъ быть подчинено чьему бы то ни было догматическому авторитету. 2) *У евреевъ нѣтъ ни таинствъ, ни такихъ обрядовъ, которые должны быть совершаемы непремѣнно раввинами*, хотя есть и такіе обряды, совершеніе которыхъ предоставляется только *свѣдущимъ людямъ*, испытаннымъ въ дѣлахъ вѣры; посему, въ отношеніи къ обрядамъ, дѣятельность раввина можетъ состоять только въ удостовѣреніи, что къ совершенію обряда нѣтъ законныхъ препятствій, а равно въ правильной метрической отмѣткѣ, причемъ самое исполненіе обрядовъ можетъ быть поручено раввиномъ другому лицу. 3) Взамѣнъ догматики, таинствъ и обрядовъ, существуетъ между евреями другая религіозная, имъ исключительно свойственная потребность, — это такъ называемое *разрѣшеніе казуистическихъ вопросовъ* (шалотъ) [1]: о запрещенныхъ и

[1]) Жиды вообще—большіе *казуисты* по своему талмудическому воспитанію, и эту свою казуистику, основанную на буквѣ закона, въ ущербъ его духу и смыслу, они внесли уже въ свою адвокатскую практику въ нашихъ

дозволенныхъ яствахъ, о супружескихъ обязанностяхъ и пр.; но обращеніе къ раввину и по этимъ вопросамъ не составляетъ, по ученію вѣры, непремѣнной обязанности для еврея, такъ какъ онъ съ полнымъ довѣріемъ принимаетъ разрѣшеніе казуистическаго вопроса и отъ всякаго другаго единовѣрца, хотя не облеченнаго въ раввинское званіе, но вполнѣ свѣдущаго въ законѣ. 4) Участіе членовъ изъ такъ называемыхъ *ученыхъ* въ составѣ духовныхъ правленій тѣмъ менѣе нужно, что дѣла этихъ правленій касаются исключительно хозяйственной и счетной части. 5) *Раввины имѣютъ среди русскихъ евреевъ весьма мало вѣса и значенія*, во-первыхъ, по причинѣ ничтожнаго числа такихъ лицъ, которыя соединяли бы въ себѣ съ глубокимъ знаніемъ вѣры общее образованіе; во-вторыхъ, потому что, при существующемъ порядкѣ выбора раввиновъ, перевѣсъ голосовъ остается на сторонѣ необразованной массы, вслѣдствіе чего раввинами нерѣдко бываютъ лица, едва знающія грамоту; а, въ-третьихъ, вслѣдствіе незначительности предоставленныхъ раввинамъ правъ, преимуществъ и содержанія. 6) Полная организація губернскаго и уѣзднаго управленія духовными дѣлами евреевъ не можетъ быть введена немедленно, такъ какъ этой окончательной мѣрѣ должны предшествовать мѣры предварительныя, клонящіяся къ подготовленію не только соотвѣтствующаго этимъ учрежденіямъ персонала, но и самихъ еврейскихъ обществъ—для воспринятія новыхъ учрежденій. 7) Во всякомъ случаѣ, если совершеніе религіозныхъ актовъ и обрядовъ, имѣющихъ гражданское значеніе, можетъ и должно, въ видахъ общаго благоустройства, быть подчинено общему контролю правительства, то *нѣтъ никакой существенной надобности подчинять контролю и такія дѣйствія, которыя составляютъ дѣло совѣсти каждаго отдѣльнаго лица*; наконецъ, примѣненіе *начала невмѣшательства* во внутреннія религіозныя дѣла евреевъ разсѣетъ въ послѣднихъ опасенія насчетъ посягательства правительства на дѣла ихъ совѣсти.

Руководствуясь приведенными выше началами, раввинская комисія признавала, между прочимъ, полезнымъ: 1) ограни-

---

судахъ. Достойно сожалѣнія, что корпорація помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ у насъ почти исключительно наполнена жидами. Ред.

читься на первый разъ учрежденіемъ уѣздныхъ раввиновъ и правленій; 2) отдѣлить отъ раввиновъ вопросы совѣсти и религіозно-казуистическую часть, оставивъ за ними завѣдыванье духовно-административными дѣлами и тѣми только обрядами, которые имѣютъ гражданское значеніе; 3) предоставить помощникамъ раввиновъ и другимъ свѣдущимъ въ дѣлахъ вѣры евреямъ исполненіе религіозныхъ обрядовъ только подъ условіемъ письменнаго на то дозволенія раввина; 4) улучшить личный составъ раввиновъ требованіемъ отъ нихъ болѣе серьезнаго образованія, обезпеченіемъ ихъ болѣе соотвѣтственнымъ содержаніемъ и измѣненіемъ системы ихъ выборовъ; 5) подчинить уѣздныхъ раввиновъ начальникамъ губерній, при которыхъ должны состоять для дѣлъ этого рода ученые евреи, а высшее управленіе духовными дѣлами евреевъ оставить по прежнему въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, при которомъ существуетъ уже раввинская комисія. Въ связи съ предположенной организаціей духовнаго управленія, раввинская комисія находила необходимымъ: всѣ обязанности мѣстныхъ думъ и ратушъ по повѣркѣ книгъ и отчетовъ мѣстныхъ духовныхъ правленій, а равно по повѣркѣ метрическихъ книгъ, перенести на уѣздныя управленія по дѣламъ вѣры евреевъ.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, разсмотрѣвъ эти предположенія, одобрило ихъ, — имѣя, между прочимъ, въ виду, что съ учрежденіемъ уѣздныхъ раввиновъ подчинятся ихъ надзору теперешніе тайные, или, такъ называемые, духовные раввины, такъ какъ послѣдніе не будутъ болѣе имѣть повода дѣйствовать скрытно и внѣ закона, — но полагало самое учрежденіе уѣздныхъ раввиновъ и правленій вводить постепенно, по мѣрѣ избранія еврейскими обществами на эти должности людей, вполнѣ заслуживающихъ довѣрія. Составленный, въ этомъ смыслѣ, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ проэктъ былъ предварительно сообщенъ на заключеніе II Отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи, разсмотрѣнъ въ 1863 г. въ еврейскомъ комитетѣ и, съ нѣкоторыми видоизмѣненіями, внесенъ въ Государственный Совѣтъ, по высочайше утвержденному мнѣнію коего переданъ въ 1865 г. въ министерство народнаго просвѣщенія для соображенія съ одновременно производившимся въ этомъ министерствѣ дѣломъ о преобразованіи еврейскихъ училищъ.

Такимъ образомъ, *Государственнымъ Совѣтомъ былъ вторично отклоненъ вопросъ объ организаціи особаго управленія дѣлами вѣры евреевъ*, не смотря даже на то, что проэктированные въ 60-хъ годахъ размѣры этого управленія были значительно сокращены сравнительно съ предположеніями сороковыхъ годовъ.

Но въ заключеніи департамента законовъ, 5 декабря 1870 г., *мысль объ организаціи особаго управленія дѣлами вѣры евреевъ*, такъ озабочивавшая министерство внутреннихъ дѣлъ и бывшій еврейскій комитетъ, *обойденъ уже полнымъ молчаніемъ*, хотя въ означенномъ заключеніи предложена,—на основаніи указаній опыта и современнаго положенія еврейскихъ массъ, — вполнѣ законченная, въ формѣ основныхъ началъ, программа разрѣшенія еврейскаго вопроса. Очевидно, что, признавая главными средствами предстоящаго преобразованія: **ослабленіе общественной связи евреевъ**, распространеніе между ними образованности [1]) и привлеченіе ихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія, Департаментъ Законовъ, *вѣрный прежнимъ мнѣніямъ Государственнаго Совѣта*, не считалъ и теперь консисторіальнаго управленія дѣлами евреевъ ключемъ къ разрѣшенію еврейскаго вопроса.

Въ виду этого обстоятельства, въ настоящее время едва ли предстоитъ даже практическій поводъ къ новому возбужденію вопроса объ организаціи какого либо особаго управленія дѣлами вѣры евреевъ. *По связи еврейскаго вѣроученія съ еврейскою національностью, еврейскія консисторіи будутъ непремѣнно имѣть не религіозный, но преимущественно національно-политическій характеръ*, каковаго не чужды даже и существующія официальныя учрежденія по дѣламъ вѣры евреевъ, а *всякое новое обособленіе еврейской народности въ Россіи*

---

[1]) Надежда на то, что распространеніе образованія между талмудистами,—при сохраненіи обязательности человѣконенавистническихъ постановленій талмудическаго кодекса,—поведетъ къ устраненію глубокой розни между ними и христіанскимъ населеніемъ, далеко не осуществилась въ дѣйствительности, и нашему правительству пришлось ограничивать, все болѣе и болѣе стѣснительнымъ процентомъ, наплывъ евреевъ въ учебныя заведенія съ единственной цѣлью — выйти изъ «черты осѣдлости» и сѣсть на шею русскому народу, избѣгая всякаго тяжелаго производительнаго труда. Очевидно, что корень зла лежитъ *именно въ талмудѣ* и порожденной имъ *кагальной сознности*, противъ которой постоянно высказывался Государственный Совѣтъ.

уже безвозвратно осуждено въ 1870 г. Департаментомъ Законовъ.

Примѣръ французскаго консисторіальнаго управленія не долженъ насъ соблазнять. Еврейскій вопросъ разрѣшенъ во Франціи [1]), хотя и невполнѣ,—какъ видно изъ многочисленныхъ фактовъ, приводимыхъ въ книгѣ г. Гужено-де-Муссо на основаніи еврейскихъ же источниковъ, — но, конечно, почти столь же удовлетворительно, какъ напр., въ Англіи. Между тѣмъ, въ Англіи вовсе не было признанныхъ правительствомъ учрежденій по дѣламъ вѣры евреевъ. Затѣмъ, еврейскій вопросъ разрѣшенъ гораздо удовлетворительнѣе, чѣмъ у насъ, — тоже безъ содѣйствія официальныхъ консисторій. Отсюда слѣдуетъ, что не консисторіальное управленіе, имѣющее столь мало авторитета даже между французскими евреями, содѣйствовало къ ослабленію *замкнутости* и *фанатизма* этой націи. Еврейская замкнутость, а вмѣстѣ съ нею и фанатизмъ, ослабѣли на Западѣ, въ особенности же во Франціи и въ Англіи, потому что тамъ *число евреевъ слишкомъ ничтожно сравнительно съ массою коренныхъ жителей страны*, вслѣдствіе чего первые и *поглощаются* легче цивилизующимъ вліяніемъ послѣднихъ [2]).

---

[1]) Что еврейскій вопросъ далеко не разрѣшенъ, на почвѣ гражданской равноправности, ни во Франціи, ни въ Англіи,— это доказывается цѣлымъ рядомъ позднѣйшихъ фактовъ, въ родѣ пресловутой «дрейфусіады» или протеста независимыхъ англійскихъ газетъ противъ наплыва въ Лондонъ «ужасныхъ паразитовъ», которые «сѣли англичанамъ на шею и сдавили ее клещами своей адской жадности». Такіе же протесты раздавались и въ Румыніи, даже въ палатѣ депутатовъ, въ особомъ докладѣ, гдѣ говорилось, что «жиды образуютъ цѣлое *кочевое населеніе, на которое не оказываетъ никакого вліянія соціальная среда, его окружающая*». Не менѣе энергически выражался Бисмаркъ о той эксплуататорской роли по отношенію къ массѣ народа, которую жиды разыгрываютъ въ Помераніи. («Государство въ государствѣ», стр. 110—112). Въ Пруссіи до сихъ поръ, не смотря на «равноправность» de jure, жиды не допускаются ни въ офицеры, ни въ судьи, ни въ народные учителя, и для нихъ закрыты, такимъ образомъ, цѣлыя области, гдѣ присутствіе талмудизма могло бы принести наибольшій вредъ. Ред.

[2]) И все таки не «поглощаются», какъ это видно изъ недавнихъ примѣровъ! Что же будетъ у насъ, если, вмѣсто того чтобы устранить совсѣмъ или ослабить до послѣдней степени вредоносные для государства элементы, мы разбросаемъ ихъ по всей Россіи? При физіологической плодливости еврейскаго племени, картина получится, дѣйствительно, ужасная. Въ настоящее время, евреевъ наплодилось уже у насъ до 10 милліоновъ. И всѣ эти милліоны *отказываются отъ производительнаго труда*, — какъ справедливо говорилъ В. В. Григорьевъ (см. № 9 «Наблюдателя»),—оставляя его на долю

Впрочемъ, и у насъ наиболѣе дѣйствительнымъ средствомъ къ уничтоженію еврейской замкнутости правительство всегда признавало распространеніе между евреями общаго образованія, какъ самаго рѣшительнаго противоядія ихъ религіозному фанатизму [1]). Съ этою цѣлью, въ виду уклоненія евреевъ отъ предоставленнаго имъ, съ 1804 г., права поступать въ общія учебныя заведенія, образованы были, начиная съ 1844 г., особыя еврейскія училища 1-го и 2-го разряда и 2 раввинскія училища,—послѣднія для приготовленія еврейскихъ учителей и раввиновъ. *Многолѣтній опытъ не оправдалъ надеждъ правительства.* Вслѣдствіе сего, высочайшимъ указомъ, состоявшимся 16 марта 1873 г., на имя министра народнаго просвѣщенія, повелѣно: училища 1-го разряда подвергнуть преобразованію, училища 2-го разряда совершенно упразднить, а раввинскія училища обратить въ учительскія семинаріи. При этомъ религіозное преподаваніе, предоставленное въ училищахъ 1-го и 2-го разряда, еще до воспослѣдованія этого указа, заботѣ самихъ родителей, вовсе исключено изъ учительскихъ семинарій. Такимъ образомъ, *категорически отмѣнено существованіе какихъ либо спеціальныхъ учрежденій для приготовленія раввиновъ.*

Одна изъ причинъ уничтоженія раввинскихъ училищъ заключалась въ томъ, что воспитанники ихъ или вовсе уклонялись отъ званія раввина, или, поступая въ раввины, вовсе не пользовались среди своихъ единовѣрцевъ авторитетомъ, называясь «казенными». Но, соглашаясь на проэктъ преобразованія еврейскихъ училищъ и уничтоженіе раввинскихъ школъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, въ отношеніи къ министру народнаго просвѣщенія, отъ 6 февраля 1873 г. за № 347, опредѣлительно

русскихъ *илотовъ* и припасая для себя только высшія сферы интеллигентной и физической работы. Ред.

[1]) Широкое образованіе можетъ, дѣйствительно, служить «противоядіемъ» религіозному фанатизму. Но—какъ справедливо замѣчаетъ самъ г. Фуксъ—у евреевъ нѣтъ *никакой религіи и никакого духовенства* въ общепринятомъ значеніи этихъ словъ; поэтому ихъ совсѣмъ *не* религіозный, а маніакальный *племенной фанатизмъ*, не смотря на внѣшній лоскъ образованія, отлично уживается съ *кагальной сплоченностью*, преслѣдующей, въ лицѣ «Alliance israélite», свои особыя племенныя цѣли подъ фальшивымъ ярлыкомъ «религіи». Цѣли же эти (нравственное порабощеніе «гоевъ» и раздѣлъ ихъ имуществъ въ пользу «прирожденной всемірной аристократіи»), конечно, не имѣютъ ничего общаго ни съ прогрессомъ, ни съ правильно понятымъ либерализмомъ. Ред.

выразилъ мысль, что вопросъ о томъ: должны ли быть сохранены и на будущее время избираемые обществами, съ утвержденія правительства, раввины,—въ указанномъ дѣйствующими узаконеніями смыслѣ и съ опредѣленнымъ кругомъ дѣятельности,—долженъ подлежать обсужденію комисіи по устройству быта евреевъ.

Изъ вышеизложеннаго видно, что несостоятельность дѣйствующихъ нынѣ постановленій о раввинахъ уже давно признана и раввинскою комисіей, и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, и что посему настоящей комисіи объ устройствѣ быта евреевъ предстоитъ лишь разсмотрѣть окончательныя по сему предмету предположенія, внесенныя министерствомъ въ 1865 г. въ Государственный Совѣтъ. По смыслу этихъ предположеній, за отдѣленіемъ изъ вѣдѣнія раввиновъ религіозно-казуистической части и съ предоставленіемъ имъ права допускать къ совершенію обрядовъ лицъ, не имѣющихъ этого званія, за раввинами остаются слѣдующія обязанности: 1) хозяйственная и счетная части духовныхъ правленій при синагогахъ; 2) наблюденіе за правильнымъ совершеніемъ обрядовъ, имѣющихъ гражданское значеніе, и 3) веденіе метрическихъ книгъ и ревизскихъ сказокъ.

Но хозяйственная и счетная часть, по существу своему, не имѣетъ ничего общаго съ званіемъ раввина и съ проистекающими изъ этого званія обязанностями. Еслибы раввины были, дѣйствительно, необходимы собственно въ этомъ отношеніи, то въ силу того же принципа правительству слѣдовало бы утверждать особаго раввина и въ каждомъ еврейскомъ учрежденіи, въ которомъ существуетъ счетная и хозяйственная часть, а именно: при каждой больницѣ, школѣ, богадѣльнѣ, при каждомъ братствѣ, кладбищѣ, пріютѣ и т. п. Хозяйство и отчетность всѣхъ подобныхъ учрежденій вездѣ основаны на принципѣ автономіи; поэтому заинтересованное общество должно само распоряжаться дѣлами этого рода и обращаться, — если встрѣтится надобность,—къ содѣйствію полиціи и суда; отвращеніе же такихъ злоупотребленій, которыя могутъ возникать по иниціативѣ самого общества, должно составлять, подобно злоупотребленіямъ во всѣхъ не-еврейскихъ обществахъ, заботу общей государственной власти. *Раввинъ, являющійся при синагогахъ приставленнымъ отъ правительства чиновникомъ,*

не можетъ имѣть ни малѣйшаго авторитета предъ обществомъ синагоги, которое всегда можетъ его обойти; съ своей стороны, и *правительство не имѣетъ ни малѣйшаго основанія полагаться не бдительность и добросовѣстность раввина.*

Что же касается до наблюденія за правильнымъ совершеніемъ обрядовъ, имѣющихъ гражданское значеніе, т. е. обрѣзанія, бракосочетанія и погребенія, то и въ этой сферѣ раввинъ поставленъ въ ложное положеніе. По религіозному ученію евреевъ, такого наблюденія со стороны раввиновъ не требуется; слѣдовательно и здѣсь раввинъ является не въ своемъ званіи, но *въ званіи полицейскаго чиновника*, обязаннаго наблюдать: въ какой мѣрѣ совершаемые евреями обряды соотвѣтствуютъ требованіямъ не-еврейскихъ законовъ страны. Но можетъ ли, въ такомъ случаѣ, это лицо имѣть въ глазахъ евреевъ какой бы то ни было авторитетъ? Не имѣя возможности вліять въ указанномъ смыслѣ на своихъ единовѣрцевъ, раввинъ не имѣетъ интереса и настаивать на исполненіи требованій не-еврейскаго правительства, будучи самъ членомъ еврейской среды.

Помянутые обряды имѣютъ значеніе для правительства не по религіозному своему характеру, а только потому, что служатъ доказательствомъ актовъ гражданскаго состоянія нашихъ евреевъ; но *плачевное состояніе этихъ актовъ именно въ Россіи*, гдѣ ими завѣдуютъ раввины,—особенно въ сравненіи съ актами состоянія евреевъ въ привислинскихъ губерніяхъ, гдѣ эти акты ведутся гражданскими чиновниками при самомъ ничтожномъ участіи раввиновъ,—доказываетъ, что раввинатъ и на этомъ, несвойственномъ ему по талмудическому закону, поприщѣ не оправдалъ ожиданій правительства.

Такъ какъ *у евреевъ нѣтъ ни догматики, ни таинствъ, ни священства*, то ихъ религіозные обряды, очевидно, не могутъ имѣть характера той формальной легальности, которымъ отличаются обряды христіанскихъ исповѣданій, имѣющихъ опредѣленный культъ и установленную іерархію. Обряды христіанскихъ исповѣданій возникли, развились и были канонически закрѣплены на юридической почвѣ христіанскихъ народовъ. Вотъ почему эти религіозные обряды получили мѣсто въ свѣтскомъ законодательствѣ европейскихъ государствъ. Не уста-

новлять искусственно такую же связь между вовсе чуждыми канонического характера обычаями евреевъ и церковно-правовыми отношеніями европейскихъ обществъ—едва ли возможно. По крайней мѣрѣ, на Западѣ христіанскія правительства, вовсе игнорируя обязательный характеръ еврейскихъ обрядовъ, давно опредѣляютъ правовое состояніе евреевъ не вопросомъ о правильности совершонныхъ евреями религіозныхъ обрядовъ, но исключительно актами ихъ гражданскаго состоянія, *безъ всякаго участія въ веденіи этихъ актовъ какого бы то ни было представителя отъ еврейской національности.*

Если такое отношеніе правительственной власти къ значенію еврейскихъ обрядовъ нашло на Западѣ рѣшительную поддержку въ текущемъ столѣтіи со стороны общей, все болѣе и болѣе распространяющейся тамъ, теоріи о преимущественномъ значеніи актовъ состоянія передъ актами духовной власти, то въ Россіи вопросъ о подчиненіи актовъ состоянія евреевъ исключительно вѣдѣнію полиціи разрѣшается теперь даже утвердительнѣе, нежели когда либо, вслѣдствіе предстоящаго введенія системы полицейскихъ заявленій о событіяхъ рожденія, брака и смерти въ примѣненіи къ нашимъ раскольникамъ. Въ этой системѣ категорически проведена мысль, что *для правительства не имѣетъ значенія способъ совершенія обрядовъ у раскольниковъ*, поколику эти обряды не обнаруживаютъ по своему фанатизму какихъ либо закононарушеній, но что важенъ только самый фактъ заявленія установленнымъ властямъ о тѣхъ событіяхъ семейной жизни, которыя, независимо отъ религіознаго характера, имѣютъ и гражданскій.

Аналогія въ этомъ случаѣ тѣмъ умѣстнѣе, что *и евреи, и раскольники, кромѣ поповцевъ, не имѣютъ ни культа, ни священства*, а поповцы, хотя имѣютъ свои церкви и духовенство, но вовсе игнорируемыя правительствомъ. Посему, если устраненіе духовныхъ наставниковъ отъ участія въ составленіи гражданскихъ актовъ признаётся удобнымъ въ примѣненіи почти къ 10 милліонамъ раскольниковъ, то едва ли представляются затрудненія въ примѣненіи того же самаго порядка и къ 3 милліонамъ нашихъ евреевъ [1]), особенно въ виду успѣш-

[1]) Эта цифра, и въ то время, была значительно уменьшена, такъ какъ И. С. Аксаковъ насчитывалъ уже евреевъ отъ 6 до 7 милліоновъ, а въ 30 лѣтъ.

наго почина, сдѣланнаго уже въ Царствѣ Польскомъ. Что же касается участія раввиновъ въ бракоразводныхъ дѣлахъ, то и таковое вовсе для нихъ не обязательно по талмуду. Это дѣло почти вездѣ изъ сферы духовной переходитъ на Западѣ въ область гражданскаго права, и *подчиненіе бракоразводныхъ дѣлъ евреевъ судебнымъ мѣстамъ, по примѣру Царства Польскаго, было не разъ и съ настойчивостью предлагаемо въ бывшемъ еврейскомъ комитетѣ.*

Вообще, если участіе раввиновъ по дѣламъ хозяйства синагогъ, по отправленію обрядовъ и по бракоразводнымъ дѣламъ оказывается безполезнымъ, то столь удобная во всѣхъ отношеніяхъ и давно на Западѣ совершившаяся секуляризація актовъ гражданскаго состоянія евреевъ лишаетъ офиціальное значеніе раввината и послѣдней опоры.

Но офиціальный раввинатъ не только безполезенъ: онъ положительно вреденъ. Не служа правительственнымъ видамъ, *офиціальный раввинатъ всегда представлялся орудіемъ обособленія еврейскихъ общинъ и какъ бы формальнымъ выраженіемъ права на политическое представительство этой народности.* Не пользуясь нравственнымъ авторитетомъ у своихъ единовѣрцевъ, *раввинъ тѣмъ не менѣе является ихъ повѣреннымъ*, проводникомъ ихъ желаній и настояній предъ христіанскимъ правительствомъ страны, — и вотъ та причина, по которой евреи наружно окружаютъ иногда офиціальныхъ раввиновъ чисто театральнымъ почетомъ. Не уважая сами «казенныхъ раввиновъ», они стараются возбуждать къ нимъ уваженіе въ средѣ христіанскихъ властей. Раввинъ—это признанный правительствомъ защитникъ еврейскихъ интересовъ. Въ средніе вѣка, во Франціи, для защиты евреевъ противъ христіанскаго населенія были назначаемы правительствомъ особые прокуроры изъ христіанъ. *Раввины—тѣ же самые прокуроры, но изъ евреевъ.* По всѣмъ еврейскимъ ходатайствамъ въ губерніяхъ, власти встрѣчаются съ раввинами. *Такого права, такого политическаго преимущества никогда не имѣли самые безвредные русскіе раскольники.* Въ губернскихъ городахъ, въ торжественные дни, вмѣстѣ съ высшими мѣстными чинами и представителями христіанскихъ исповѣданій, являются къ гу-

это число возросло въ гораздо большей степени. Не мѣшаетъ еще замѣтить, что жиды—большіе мастера ускользать отъ офиціальной регистраціи.

бернаторамъ и раввины, хотя они и не чиновники, и не члены духовенства, и потому носятъ на себѣ лишь характеръ *выборныхъ представителей особой народности*, что, однако, не дозволяется ни польской, ни нѣмецкой, ни какой либо другой народности [1]).

Лѣтомъ 1870 г. былъ утвержденъ новый варшавскій раввинъ. Когда онъ приносилъ обычную присягу на вѣрность службы въ тамошней ратушѣ, на церемоніи этой присутствовали высшіе представители городской администраціи, а большая площадь передъ ратушей переполнена была евреями, громко привѣтствовавшими новаго раввина при его выходѣ. Между тѣмъ, этотъ раввинъ, по мѣстнымъ постановленіямъ, не несетъ даже тѣхъ обязанностей, которыя по закону остаются еще за русскими раввинами. *Конечно, ни одинъ губернаторъ, ни одинъ архіерей не вступалъ съ такою помпою въ свою должность.* Вся эта обстановка была устроена искусственно; но она имѣла свой смыслъ и достигала своей цѣли—*поставить варшавскаго раввина на надлежащую высоту*, какъ представителя особой группы мѣстнаго населенія [2]).

Еще болѣе аномаліи, чѣмъ утверждаемые правительствомъ раввины, представляютъ еврейскія духовныя правленія. Эти правленія, существующія при каждой синагогѣ и молитвенной школѣ, окончательно образованы были въ 1850 г. По дѣйствующимъ узаконеніямъ, каждое правленіе состоитъ изъ трехъ членовъ, избираемыхъ молитвеннымъ обществомъ и утверждаемыхъ губернскимъ правленіемъ: «ученаго», старосты и казначея, съ участіемъ раввина въ качествѣ непремѣннаго члена. Правительственный контроль за этими правленіями выражается

---

[1]) Этотъ *политическій* характеръ раввината,—очевидно, по недоразумѣнію терпимый у насъ,—замѣчательно вѣрно опредѣленъ г. Фуксомъ, снявшимъ съ раввиновъ фальшивый религіозный ореолъ. Не есть ли это прямая *привилегія* еврейской народности, все еще приносящей жалобы на свое «угнетенное» положеніе въ Россіи?

[2]) Немудрено, что, въ виду такихъ почестей, воздаваемыхъ политическимъ представителямъ еврейскаго «государства въ государствѣ», забитое христіанское населеніе сѣверо-западныхъ и привислинскихъ губерній, дѣйствительно, чувствуетъ себя въ угнетенномъ положеніи, а ежели еврейская «прирожденная аристократія» начинаетъ производить надъ нимъ насиліе (какъ это случилось въ Минскѣ и Шкловѣ при избіеніи военныхъ патрулей), то оно боязливо и покорно прячется, «какъ мухи въ щели», по показанію на судѣ одного изъ свидѣтелей шкловскаго буйства. Ред.

въ непосредственномъ надзорѣ офиціальнаго раввина, въ утвержденіи членовъ правленія духовною властью и въ подчиненіи денежной отчетности правленій ревизіи тѣхъ думъ, къ которымъ причислены еврейскія общества, имѣющія въ этихъ думахъ, по закону, своихъ особыхъ представителей. Званіе раввина и «ученаго» дозволено, по желанію обществъ, соединять въ одномъ лицѣ, точно также, какъ званія старосты и казначея. «Ученый» обязанъ объяснять сомнѣнія по части богомоленія и обрядовъ вѣры, староста—завѣдывать хозяйственною частью, доставлять пособія призрѣваемымъ на счетъ благотворительныхъ взносовъ и содержать шнуровую книгу членовъ молитвеннаго общества.

Но самимъ правленіямъ дѣйствующій законъ предоставляетъ весьма разнообразныя и значительныя права. «Состоящимъ при синагогахъ и молитвенныхъ школахъ правленіямъ вмѣняется въ обязанность вѣдать внутреннимъ устройствомъ и хозяйствомъ синагогъ, молитвенныхъ школъ и благотворительныхъ заведеній, гдѣ они существуютъ; къ числу сихъ заведеній относятся и учрежденныя при нѣкоторыхъ синагогахъ богадѣльни сиротъ, общества потребителей и т. п.»—постановляетъ ст. 1074 устава дух. дѣлъ иностр. исповѣданій, а по ст. 1082 правленіямъ предоставлено право, при недостаткѣ добровольныхъ вкладовъ и приношеній для удовлетворенія всѣхъ потребныхъ издержекъ въ какомъ либо молитвенномъ обществѣ, дѣлать раскладку на общества съ разрѣшенія думъ и ратушъ, въ засѣданія коихъ по дѣламъ этого рода приглашаются осѣдлые и зажиточные члены еврейскаго общества. Для дополненія сферы дѣятельности состоящихъ при молитвенныхъ обществахъ духовныхъ правленій, необходимо принять во вниманіе и указанную въ заключеніи Департамента Законовъ статью 1510 Законовъ о состояніяхъ, которою еврейскимъ обществамъ поставляется почти въ обязанность имѣть свои особыя больницы и богадѣльни, и статью 1405, которою дозволено имъ учреждать свои особыя школы, *независимо* отъ казенныхъ еврейскихъ училищъ [1]).

[1]) Существующіе законы создали такимъ образомъ цѣлую сѣть *еврейскихъ училищъ*—«министерство народнаго просвѣщенія израиля», только номинально подчиненное правительственному надзору, со своимъ особымъ жаргономъ, непонятнымъ большинству русскихъ чиновниковъ, которые и не

Если къ этому обширному кругу религіозно-общественнаго управленія евреевъ присоединить *права бет-дина и наложеніе проклятій по талмудическому ученію*,—а устранить это правительственная власть, представляемая раввинами, конечно, не имѣетъ никакой возможности,—то очевидно, что *въ учрежденныхъ въ 1850 г. духовныхъ правленіяхъ вновь, прочно и легально, воплотились уничтоженные (въ 1844 г.) кагалы.*

Иначе, впрочемъ, не могло и быть. По Положенію 1835 г., существовали, сверхъ кагаловъ, и особыя правленія молитвенныхъ обществъ, причемъ кругъ дѣятельности этихъ правленій былъ ограниченъ лишь слѣдующими обязанностями: сохраненіе въ синагогѣ или школѣ порядка и благочинія, завѣдываніе хозяйствомъ и отчетностью, назначеніе при синагогѣ или школѣ служителей, канторовъ, чтецовъ и сторожей (§ 86). Такія правленія, особенно при власти кагаловъ, не могли имѣть значенія. Но кагалы въ 1844 г. уничтожены, а вскорѣ затѣмъ, именно въ 1850 г., эти уцѣлѣвшія правленія молитвенныхъ обществъ подвергаются коренному преобразованію, причемъ получаютъ, по иниціативѣ самого правительства, *такой обширный кругъ дѣятельности и такія права общественнаго самоуправленія, которымъ позавидовали бы даже прежніе кагалы* [1]).

По свѣдѣніямъ департамента духовныхъ дѣлъ иностр. исповѣданій, въ 6 сѣверо-западныхъ, 3 юго-западныхъ, 4 новороссійскихъ, 2 малороссійскихъ и 2 прибалтійскихъ,—итого въ *17-ти губерніяхъ, за исключеніемъ привислинскихъ*, — суще-

---

могутъ слѣдить должнымъ образомъ за безнравственной талмудической пропагандой. Только въ недавнее время «Церковный Вѣстникъ», по поводу одной статьи «Наблюдателя», высказалъ справедливое требованіе, чтобы всѣ учебники въ этихъ школахъ были переведены обязательно на русскій государственный языкъ.

[1]) По замѣчанію правительственной комиссіи 70-хъ годовъ, какой-то «магическій тормозъ» постоянно задерживалъ у насъ развитіе мѣръ, направленныхъ къ разрушенію кагальной союзности, и сбивалъ правительство съ прямаго пути, подсовывая рядъ другихъ мѣръ, выгодныхъ для сохраненія еврейской обособленности. Только что уничтожены были кагалы *на бумагѣ*, какъ вслѣдъ затѣмъ *тѣ же самыя кагальныя функціи* перешли къ другимъ учрежденіямъ. Около того же времени возникъ «Всемірный израильскій союзъ», дозволявшій себѣ вмѣшиваться, для защиты своего племени, во внутреннія дѣла европейскихъ государствъ и говорить съ ними языкомъ независимой державы. («Государство въ государствѣ», стр. 14—15).

ствовало въ 1860 г.: 596 синагогъ и при нихъ 5,279 должностныхъ лицъ—раввиновъ, старшинъ и казначеевъ, тогда какъ мѣстное еврейское населеніе въ этихъ губерніяхъ не превышаетъ 1.800,000 душъ обоего пола. Въ 1870 г. считалось въ тѣхъ же губерніяхъ,—впрочемъ, по довольно сбивчивымъ даннымъ,—синагогъ 525, а должностныхъ при нихъ лицъ—5,755. *Статистика же молитвенныхъ школъ и духовныхъ правленій совершенно неизвѣстна.* Не имѣется, равнымъ образомъ, въ министерствѣ свѣдѣній ни о дѣятельности этихъ правленій, ни объ еврейскихъ братствахъ; даже свѣдѣнія о еврейскихъ благотворительныхъ учрежденіяхъ далеко не полны.

Но общій характеръ *этой религіозно-общественной, замкнутой сферы* наглядно представленъ въ отчетахъ главныхъ начальниковъ и начальниковъ губерній за послѣднее время и подробно разсмотрѣнъ въ первой части настоящаго доклада. Разбирая въ частности атрибуты духовныхъ правленій, оказывается, что они имѣютъ по закону двоякій характеръ: религіозный и общественный.

Выше было уже объяснено, что попытка ослабить еврейскій фанатизмъ, посредствомъ утвержденныхъ правительствомъ раввиновъ, не имѣла успѣха и что *даже раввинская комисія не признаётъ за раввинами соотвѣтствующаго авторитета.* Нѣтъ основаній предполагать, чтобы и прочіе члены правленій: «ученые», старосты и казначеи могли служить правительственнымъ видамъ болѣе, чѣмъ раввины; въ этомъ случаѣ «ученые», какъ лица, *наиболѣе связанныя талмудомъ*, наименѣе пригодны, а на старостъ и казначеевъ самый законъ не возлагаетъ обязанностей религіознаго надзора. Если, такимъ образомъ, ни одинъ изъ членовъ правленія не можетъ служить указанной правительствомъ цѣли, то въ еще бо̀льшей степени должно сказать то же самое о цѣлой корпораціи, представленной этими лицами. Но польза правленій въ сферѣ религіозной представляется болѣе сомнительной и съ другой стороны. Если эти правленія будутъ идти противъ талмуда, они не будутъ имѣть вѣса въ глазахъ евреевъ, которые будутъ справедливо видѣть въ такомъ поведеніи установленныхъ *не еврейскимъ правительствомъ* властей то же самое посягательство на ихъ совѣсть, которое раввинская комисія усмотрѣла въ обязательномъ завѣдываніи раввинами религіозною казуисти-

кою. Если же правленія будутъ дѣйствовать въ духѣ талмуда, то они не только будутъ противодѣйствовать правительственнымъ видамъ, но даже злоупотреблять своимъ офиціальнымъ положеніемъ для выгодъ еврейскаго вѣроученія. *Правительству, конечно, менѣе всего слѣдуетъ создавать и поддерживать въ средѣ евреевъ учрежденіе съ подобнымъ направленіемъ.*

Но еще болѣе противорѣчій представляетъ не религіозная, а *общественная обстановка* духовныхъ правленій. При синагогѣ существуютъ больницы, богадѣльни, школы, братства,— и все это подъ начальствомъ духовнаго правленія, имѣющаго свои суммы и установляющаго *особые сборы* [1]). Такимъ образомъ, духовное управленіе, сверхъ *религіознаго* характера [2]) есть уже чисто *общественная власть молитвеннаго общества по дѣламъ вовсе не молитвеннымъ.* Это — *настоящій еврейскій муниципалитетъ, номинально подчиненный контролю мѣстныхъ административныхъ властей*, и это — *муниципалитетъ олигархическій*, ибо онъ находится въ рукахъ вліятельныхъ и богатыхъ единовѣрцевъ, причемъ *все остальное мѣстное еврейское населеніе составляетъ подчиненную, покорную и безсловесную массу.*

Должно, вообще, имѣть въ виду, что кагалы, существовавшіе между евреями столько вѣковъ, хотя и были въ 1844 г. уничтожены по закону, но что они не могли вдругъ упразднниться въ дѣйствительности. **Прежніе кагалы остались, но изъ явныхъ сдѣлались тайными.** Дѣятельность ихъ въ этой новой формѣ подлежала столь же мало, какъ и въ прежней, правительственному надзору; но, обязанная скрываться, она была до извѣстной степени парализована. Она не могла болѣе прибѣгать къ авторитету закона страны и содѣйствію

[1]) Эти сборы назначались и назначаются, напримѣръ, на такіе «богоугодные» подвиги, какъ смѣщеніе Державина, подкупъ чиновниковъ и судей, имѣющихъ вліяніе на еврейскія дѣла, оправданіе Дрейфуса и Гильзнера (въ этихъ сборахъ, какъ извѣстно, принимали открытое участіе и русскіе «гонимые» жиды), на уплату адвокатамъ въ грязныхъ и гнусныхъ процессахъ въ родѣ «еврейской каморры». (См. «Отголоски» въ № 9 «Наблюдателя»).

[2]) Точнѣе: «якобы религіознаго», такъ какъ у евреевъ, по справедливому мнѣнію г. Фукса, *нѣтъ никакой религіи*, а есть только религіозная маска для прикрытія настоящихъ противо-государственныхъ и противообщественныхъ стремленій жидовскаго кагала. Ред.

полиціи; иной еврей могъ и не признавать кагала. Въ этомъ смыслѣ офиціальное уничтоженіе кагаловъ было мѣрою вполнѣ цѣлесообразною. *Нужно было затѣмъ идти далѣе по этому пути. Надо было разбивать замкнутость евреевъ во всѣхъ прочихъ проявленіяхъ ихъ общественной жизни.* Вышло, однако, наоборотъ. *Кромѣ кагаловъ, вся остальная организація еврейскихъ обществъ не только не была затронута, но даже торжественно подтверждена закономъ 1850 г.*

Конечно, можно придумать пальятивныя мѣры къ уменьшенію безконтрольности правленій и старшинъ, подчинивъ ихъ, напримѣръ, предполагавшимся духовнымъ правленіямъ или уменьшивъ число и предѣлы власти этихъ правленій; но не должно забывать, что всякое духовное правленіе, по самой идеѣ своей, *не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ орудіемъ національно-политическаго обособленія евреевъ и выраженіемъ правительственной поддержки талмудическому ученію*, а ограниченіе безконтрольности старшинъ, какъ всякая мѣра, соприкасающаяся съ внутреннимъ бытомъ евреевъ, не приметъ остаться только въ текстѣ правительственныхъ распоряженій, въ родѣ тѣхъ надеждъ, которыя законъ и доселѣ возлагаетъ на раввиновъ. При этомъ необходимо замѣтить, что существующіе при немногихъ иновѣрческихъ и православныхъ церквяхъ: богадѣльни, больницы, школы, братства и сборы не имѣютъ, по своему характеру и спеціальному предназначенію, ничего общаго съ подвѣдомыми духовнымъ правленіямъ синагогальными учрежденіями, тѣмъ болѣе, что управленіе богоугодными учрежденіями при христіанскихъ церквяхъ подчинено опредѣленнымъ правиламъ, сосредоточено въ рукахъ правильно организованной іерархіи и вполнѣ открыто не только для полицейскаго надзора, но и для публичной критики.

Средніе вѣка далеки отъ насъ. Въ настоящее время національные союзы самопомощи или группированіе благотворительныхъ, ученыхъ и учебыхъ учрежденій при религіозныхъ центрахъ не обусловливается необходимостью. *Евреи, называющіе себя русскими гражданами, не должны составлять ни особаго государства въ государствѣ, ни особаго города въ городѣ.*

Провозвѣстники еврейской эмансипаціи въ Россіи, выстав-

ляя евреевъ «безправными», умалчиваютъ, что *ихъ единоплеменники, въ формѣ духовныхъ правленій, имѣютъ такія національныя, чисто политическія привилегіи самоуправленія, какими не обладаетъ ни одно племя въ имперіи, ни одинъ русскій гражданинъ.* Современное положеніе и настроеніе евреевъ въ Россіи, изображенное въ упомянутомъ выше заключеніи Департамента Законовъ, служитъ доказательствомъ, *сколь вредны были эти привилегіи не только странѣ, но и массѣ самихъ евреевъ.* Поэтому, *въ видахъ той же самой полноправности*, которую проповѣдуютъ еврейскіе эмансипаторы, *въ видахъ уравненія евреевъ и коренныхъ гражданъ имперіи, представляется безусловно настоятельнымъ уничтожить духовныя правленія евреевъ* и подчинить всѣ еврейскія общественныя благотворительныя, ученыя и учебныя учрежденія, а равно право установленія добровольныхъ сборовъ— обязательнымъ для прочихъ гражданъ узаконеніямъ, *разорвавъ несвойственную связь этихъ учрежденій съ молитвенными центрами* [1]).

Во главѣ мѣстнаго религіознаго управленія евреевъ министерство внутреннихъ дѣлъ, по проэкту 1840 г., полагало поставить центральное учрежденіе, которое и возникло въ 1848 г. подъ именемъ «раввинской комисіи». Но такъ какъ учрежденіе губернскихъ и уѣздныхъ управленій духовными дѣлами было затѣмъ отклонено, то раввинская комисія, оставаясь внѣ самостоятельной іерархической связи съ подчиненными губернскому начальству раввинами, усвоила *характеръ собственно официальной консультаціи по дѣламъ еврейской вѣры при центральномъ правительствѣ.* Она не получила исполнительной и контрольной власти даже и надъ учрежденными въ 1850 г. духовными правленіями, такъ какъ комисія

---

[1]) Мы говорили уже выше, что въ этихъ центрахъ никакой религіи въ догматическомъ смыслѣ не имѣется, а «молитвы» возсылаются о благополучномъ провозѣ контрабанды, о повышеніи или пониженіи биржевой котировки для выгоды израиля и пр. «Добровольные» же сборы, установляемые въ этихъ якобы молитвенныхъ центрахъ, настолько добровольны, что за неучастіе въ нихъ жиды наказываются жесточайшимъ «херемомъ», т. е. средневѣковымъ лишеніемъ огня и воды. *Добровольный* сборъ обыкновенно обусловливается лишеніемъ еврея одного или двухъ блюдъ изъ обѣденнаго стола, цѣна которыхъ и вносится въ «еврейское министерство финансовъ», т. е. въ кагальную кассу.

по закону лишена права всякой инициативы и права внѣшнихъ сношеній. Состоя изъ 7 членовъ, утверждаемыхъ правительствомъ изъ числа кандидатовъ, избранныхъ высшими представителями еврейства въ провинціяхъ, — а именно купцами и почетнѣйшими членами еврейскихъ общинъ, — эта комисія собирается періодически для представленія министерству внутреннихъ дѣлъ своихъ заключеній по предлагаемымъ вопросамъ, касающимся правилъ и обрядовъ еврейской вѣры, дѣйствій раввиновъ и бракоразводныхъ дѣлъ, сомнѣній въ законахъ или жалобъ на раввиновъ. Постановленія комисіи представляются на утвержденіе министра внутреннихъ дѣлъ. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ департаментомъ духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій въ комисію по устройству быта евреевъ, видно, что въ теченіе 25 лѣтъ раввинская комисія, вѣрная указанному выше характеру, была призываема главнымъ образомъ къ разсмотрѣнію не текущихъ, но общихъ государственныхъ вопросовъ, а именно: вопроса объ организаціи религіозно-духовнаго управленія и вопроса о формѣ и обязательности еврейской присяги [1]).

Первый вопросъ былъ разсмотрѣнъ комисіею весьма многосторонне: *она подтвердила мысль о томъ, что раввины—не духовныя лица*, что «казенные» раввины не пользуются довѣріемъ, что они не могутъ быть компетентны въ дѣлахъ совѣсти, что *всякій не-раввинъ можетъ совершать обряды*, и что благотворительныя учрежденія должны быть выдѣлены изъ синагогальнаго управленія. По вопросу о присягѣ комисія, принимая во вниманіе еврейскіе тексты и обряды, пришла къ необходимости нѣкоторыхъ измѣненій въ существующихъ по этой части постановленіяхъ гражданскаго закона. Вообще комисія по тѣмъ вопросамъ, которые поручались ея разсмотрѣнію, не можетъ идти въ сравненіе съ великимъ синедріономъ при

[1]) Любопытно, что эта форма присяги, нынѣ установленная для евреевъ при участіи ученѣйшихъ раввиновъ, не имѣетъ никакого значенія, служа только предметомъ посмѣшища. Впрочемъ, и при всякой, даже правильной присягѣ, съ соблюденіемъ традиціонныхъ формальностей, еврею дана возможность, путемъ *умственнаго добавленія* къ произносимой вслухъ присягѣ, обезсиливать или даже совсѣмъ уничтожать ея обязательное значеніе. Этимъ правиломъ позаимствовались, кажется, у талмудистовъ отцы іезуиты, точно также исказившіе въ угоду папѣ евангельское ученіе, какъ талмудисты—законъ моисеевъ для наивящаго процвѣтанія израиля. Ред.

Наполеонѣ I. *Синедріонъ завѣдомо провозглашалъ ложные взгляды*, тогда какъ раввинская комисія представляла на дѣлаемые ей правительствомъ запросы весьма правдивые отвѣты. Тѣмъ не менѣе раввинская комисія не могла исполнить своей задачи: *она въ своихъ отвѣтахъ не договаривала до конца*, и это обстоятельство слѣдуетъ смѣло поставить ей въ похвалу, а не въ укоръ. Нельзя упрекать раввинскую комисію въ томъ, что, обсуждая вопросъ объ управленіи религіозными дѣлами евреевъ, она не высказала прямо мысли о безполезности и даже вредѣ духовныхъ правленій, а, обсуждая вопросъ объ усовершенствованіи формы существующей присяги, не выразила взгляда, что **всякая присяга еврея не-еврею не обязательна по талмуду**. Такое отрицаніе своихъ *племенныхъ выгодъ* вызвало бы къ членамъ комисіи чувство раздраженія среди ихъ собственныхъ избирателей и даже чувство подозрительности въ правительственныхъ сферахъ. Тѣмъ болѣе раввинская комисія имѣла поводъ руководствоваться этою сдержанностью, что она была призвана *не для возбужденія вопросовъ собственною иниціативою, но лишь для дачи отвѣтовъ на предложенные вопросы.*

Весьма понятно, что избираемые еврейскими обществами члены раввинской комисіи не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ представителями интересовъ этихъ обществъ, — **интересовъ, столь враждебныхъ, при настоящемъ настроеніи еврейскаго населенія, и правительству, и обществу.** Еслибы даже члены раввинской комисіи были не избираемы, но назначаемы непосредственно по распоряженію правительства, какъ чиновники, то и тогда они были бы поставлены въ не менѣе безъисходное положеніе. Если они — евреи только по имени, но въ дѣйствительности принадлежатъ къ группѣ *космополитовъ* [1]), то они всего менѣе могутъ быть экспертами въ религіозныхъ и національныхъ вопросахъ. Если они — евреи,

[1]) Большинство евреевъ, и называясь «космополитами», и нося на себѣ маску «показной національности» (по счастливому выраженію статута всемірнаго израильскаго кагала), въ сущности остаются *націоналистами* въ самомъ грубомъ и узкомъ смыслѣ этого слова, съ маніакальными претензіями на *порабощеніе* всѣхъ другихъ народовъ. Поэтому и въ своей рептильной прессѣ они тщательно травятъ всякій другой націонализмъ, кромѣ своего собственнаго, и всякую другую религію, кромѣ своего псевдо-религіознаго вавилонско-халдейскаго талмудизма.

но такъ называемые *реформисты*, то они — представители крайняго меньшинства, и ихъ отзывы должны быть односторонни; если же они—*ортодоксисты*, т. е. вѣрные сторонники талмуда, то имъ слѣдуетъ вѣрить еще менѣе, чѣмъ космополитамъ. Высказывать настойчиво и—главное—по собственной иниціативѣ истину эти лица могутъ только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ихъ *національно-замкнутые интересы не находятся въ столкновеніи съ интересами правительства и коренныхъ жителей страны.* Конечно, правительство часто обращается за отзывами къ духовно-религіознымъ учрежденіямъ прочихъ исповѣданій, но коренное различіе этихъ учрежденій отъ еврейскихъ уже разъяснено въ своемъ мѣстѣ.

Что̀ сказано о неестественности и безполезности раввинской комисіи,—то слѣдуетъ повторить и въ примѣненіи къ состоящимъ при генералъ-губернаторахъ «ученымъ евреямъ». Неестественность положенія раввинской комисіи и ученыхъ евреевъ подтверждается незначительностью итога ихъ совокупной дѣятельности въ теченіе почти четверти столѣтія; *они нисколько не разъяснили намъ еврейскаго быта,* между тѣмъ какъ русскій расколъ и даже скопчество, въ это самое время, безъ всякаго содѣйствія подобныхъ спеціальныхъ учрежденій, были вполнѣ разоблачены и дали, наконецъ, правительству возможность къ безпрепятственному преобразованію дѣйствующихъ по части раскола преобразованій. *Процессъ изученія раскола правительствомъ доказываетъ возможность изученія и еврейства безъ вызыванія къ жизни особыхъ еврейскихъ учрежденій, появленіе которыхъ всегда будетъ прямымъ или косвеннымъ признаніемъ еврейской обособленности,* къ уничтоженію которой должны быть, по заключенію Департамента Законовъ, направлены въ будущемъ всѣ усилія [1]). При всей ограниченности круга дѣятельности раввинской комисіи, раввины и частныя лица часто обращаются въ нее съ прошеніями и представленіями, изъ чего нельзя не заключать, что она имѣетъ для еврейства особенное значеніе. Евреи не мо-

[1]) Слѣдуетъ вспомнить, что въ Пруссіи, вскорѣ же по присоединеніи къ ней польскихъ провинцій, уничтожены всѣ слѣды кагальной обособленности. У насъ же собрались это сдѣлать: въ Польшѣ не раньше 20-хъ годовъ прошлаго столѣтія, а въ Россіи—только въ 1844 г. да и то лишь *комитально*, какъ удостовѣряетъ и г. Фуксъ, имѣвшій возможность изучать этотъ вопросъ по подлиннымъ документамъ министерства внутреннихъ дѣлъ.

гутъ смотрѣть иначе на комисію, потому что, по буквѣ дѣйствующаго закона, она есть хранительница чистоты еврейскаго ученія, а ради такого ея значенія они готовы глядѣть, какъ на простую формальность, на ту статью закона, въ силу которой постановленія комисіи получаютъ силу лишь съ утвержденія христіанскаго министра. Вообще, съ упраздненіемъ раввинской комисіи и «ученыхъ евреевъ», правительство не теряетъ возможности, въ случаѣ надобности, пригласить по своему выбору экспертовъ изъ среды евреевъ.

Во всякомъ случаѣ, съ предположенною въ принципѣ отмѣною «коробочнаго сбора», раввинская комисія и ученые евреи упраздняются уже потому, что прекращается самый источникъ ихъ содержанія.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что *наше законодательство организовало такія религіозныя еврейскія учрежденія, которыя вовсе не требуются еврейскимъ закономъ.* Таковы: офиціальный раввинатъ, духовныя правленія и раввинская комисія. Очевидно, что означенныя учрежденія созданы были христіанскимъ правительствомъ по образцу христіанскихъ религіозныхъ учрежденій: священства, приходовъ и консисторій. Но послѣднія самостоятельно возникли на христіанской почвѣ, какъ выраженіе свойственнаго христіанской церкви іерархическаго характера, и, уже какъ готовыя формулы, вошли въ свѣтскій законъ, между тѣмъ какъ наши еврейскія религіозныя учрежденія, *не имѣя исторической почвы, являются лишь искусственнымъ произведеніемъ свѣтскаго закона*, чѣмъ и объясняются указанныя выше несообразности.

Обращаясь къ частнымъ вопросамъ, по отношенію правительства къ внѣшнему проявленію еврейскаго вѣроученія, необходимо обратить вниманіе на синагоги, присягу евреевъ и еврейскія секты. *Синагогу, по ея историческому, общественному и національному значенію, нельзя и сравнивать съ христіанскими храмами.* Синагоги не замѣняютъ евреямъ храма, такъ сказать, канонически. Синагоги возникли не послѣ разрушенія храма: онѣ существовали еще одновременно съ іерусалимскимъ храмомъ. Въ храмахъ христіанскихъ, подобно храму іерусалимскому, приносятся жертвы и совершаются обряды. Въ синагогѣ же никогда не приносилось жертвъ; нѣтъ даже такихъ обрядовъ, совершеніе которыхъ канонически было

бы обязательно въ синагогахъ: обрѣзаніе, бракосочетаніе, погребальный обрядъ могутъ быть совершаемы и внѣ стѣнъ синагоги. *Синагога есть собственно мѣсто для собраній*, какъ то доказываетъ и буквальный смыслъ этого слова, заимствованнаго не изъ еврейскаго, а изъ греческаго языка. Вслѣдствіе *теократическаго характера еврейской народности* [1]), всѣ собранія евреевъ имѣли по преимуществу религіозный характеръ, почему синагоги и получили въ частности значеніе мѣста, предназначеннаго для общественной молитвы; но уже съ тѣхъ поръ, какъ она является въ исторіи, слѣдовательно еще во время земной жизни Іисуса Христа, синагога, сверхъ ограниченнаго религіознаго назначенія, имѣла характеръ и школы,— доселѣ еще сохраняемой по преимуществу въ Россіи, — а отчасти характеръ академіи, въ которой происходили диспуты. *Послѣ же разсѣянія іудеевъ, она получила въ особенности характеръ національно-общественный: почти всегда при синагогѣ существовали: кагалъ, бет-динъ и цѣлый рядъ благотворительныхъ братствъ*; касса синагоги почти всегда была кассою мѣстной еврейской общины.

Христіанскіе храмы, послѣ Константина Великаго, тоже имѣли въ своемъ вѣдомствѣ школы и благотворительныя учрежденія, а въ эпоху національной исключительности среднихъ вѣковъ составляли общественный центръ иностранныхъ колоній въ иноземныхъ государствахъ. Но, — какъ выше было

---

[1]) Этотъ «теократическій характеръ», подъ вліяніемъ цивилизаціи и развитія общественно-политическихъ формъ, не сохранился уже ни у одного изъ европейскихъ народовъ; но евреи тщательно сохраняютъ его для себя, борясь въ то же время всячески противъ такъ называемаго клерикализма въ христіанскихъ государствахъ. Андріё (бывшій префектъ парижской полиціи), въ своихъ публичныхъ лекціяхъ, справедливо говоритъ: — «Люди религіозные (во Франціи) считаютъ ихъ не безъ основанія *одними изъ главныхъ виновниковъ гоненія на христіанскую религію*; люди свободномыслящіе возмущаются *и серьезно встревожены* тѣмъ, что жиды, которыхъ не особенно много во Франціи, занимаютъ съ каждымъ годомъ все больше и больше мѣстъ въ администраціи. *За послѣднія 15 лѣтъ, во Франціи не было* ни одного министерства, въ которомъ не отводилось бы портфелей жидамъ: это обусловливается преимущественно тѣмъ, что *правительство находится почти въ полной зависимости отъ жидовъ*». («Государство въ государствѣ», стр. 176).

Извѣстно также, что, пользуясь своими правительственными связями и финансовыми средствами, жиды устраивали въ Римѣ первыя истязанія христіанскихъ мучениковъ. Ред.

объяснено, — съ развитіемъ цивилизаціи и гражданской безопасности, христіанскія церкви почти не имѣютъ уже этихъ атрибутовъ. Въ еврействѣ же, гдѣ *религіозный и племенной элементы доселѣ безусловно слиты*, синагоги сохранили вполнѣ свой религіозно-общественный и исключительно-національный характеръ. Поэтому *синагоги и не могутъ быть предметомъ столь же безразличнымъ для правительства, какъ церкви христіанскія и даже магометанскія мечети*, далеко не имѣющія, подобно синагогамъ, общественнаго авторитета.

И, однако, *законъ нашъ гораздо болѣе покровительствуетъ устройству еврейскихъ молитвенныхъ домовъ, чѣмъ храмовъ другихъ исповѣданій*. Тогда какъ одинъ православный приходъ существуетъ часто на 10 тысячъ и болѣе прихожанъ; тогда какъ магометанамъ полагается по одной мечети на 200 ревизскихъ душъ, и католикамъ одна церковь не менѣе какъ на 100 дворовъ прихожанъ; наконецъ, тогда какъ раскольникамъ даже безвредныхъ сектъ вовсе воспрещено сооруженіе молитвенныхъ зданій,—*русскимъ евреямъ, въ мѣстахъ ихъ осѣдлости, предоставлено на 80 домовъ имѣть, сверхъ молитвенной школы, одну синагогу*, а на каждые 30 дворовъ—одну молитвенную школу. Кромѣ того, съ 1868 г., даже внѣ черты осѣдлости евреевъ, но вездѣ, гдѣ успѣли уже образоваться еврейскія общества, имъ разрѣшается, съ дозволенія министра внутреннихъ дѣлъ, имѣть молельни, съ особыми для нихъ правленіями по хозяйственной части, причемъ въ законѣ не проведено никакого различія между синагогами, молитвенными домами и молельнями.

Въ виду указаннаго выше значенія еврейскихъ молитвенныхъ учрежденій и общаго характера еврейской народности, едва ли слѣдуетъ, по смыслу заключенія Департамента Законовъ, *равнодушно относиться къ подобной привилегіи русскихъ евреевъ въ сравненіи съ прочими иновѣрцами Россіи и даже коренными подданными господствующаго вѣроисповѣданія*, не говоря уже о массѣ раскольниковъ безвредныхъ сектъ. Эта привилегія, будучи вредна самимъ евреямъ, какъ орудіе томящей ихъ національной замкнутости, не только не оправдывается нравственною стороною, но и политическими обстоятельствами. Если *католицизмъ, въ началѣ шестидесятыхъ*

годовъ, служилъ орудіемъ польской пропаганды; если протестантскіе пасторы прибалтійскихъ провинцій иногда обвинялись во враждебной пропагандѣ противъ православія; если, наконецъ, нѣкоторая часть нашихъ раскольниковъ,—и то въ прежнее время,—оказывала сопротивленіе нѣкоторымъ мѣрамъ правительства, то нельзя забывать, что эти уклоненія, имѣя *мѣстный и временный характеръ*, не могли, однако, имѣть того *постояннаго и растлѣвающаго значенія, которое коренится въ нѣдрахъ талмудическаго міросозерцанія.*

Требуемая гражданскимъ закономъ присяга на вѣрноподданство, на вѣрность службы, и въ дѣлахъ судебныхъ, есть особый юридическій институтъ, возникшій въ Европѣ на почвѣ христіанской цивилизаціи, почему и гражданско-религіозная форма этого акта имѣетъ свой смыслъ тамъ, гдѣ законъ гражданскій развивался параллельно и въ связи съ закономъ каноническимъ. По мѣрѣ эмансипированія гражданскаго закона отъ каноническаго, религіозно-таинственная форма присяги не только упрощалась, но и вовсе устранялась, хотя смыслъ самаго института оставался постоянно прежній: присяга всегда и вездѣ признавалась нравственнымъ, публично заявленнымъ обязательствомъ, нарушеніе котораго преслѣдуется положительнымъ гражданскимъ закономъ. Такая именно, одинаковая для лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій, форма гражданской присяги установилась въ XIX вѣкѣ въ западныхъ государствахъ. Но у насъ присяга сохранила свой религіозно-обрядовый канонический характеръ, что̀ составляетъ естественное послѣдствіе, съ одной стороны, того государственнаго значенія, которое занимаетъ въ Россіи православная церковь, а съ другой—того преобладанія религіознаго міросозерцанія, которымъ отличается масса населенія имперіи. И не подлежитъ сомнѣнію, что если не всегда, то въ бо̀льшей части случаевъ религіозный обрядъ присяги производитъ благотворное вліяніе на умъ и волю присягающихъ. То же можно сказать и о присягѣ иновѣрныхъ христіанскихъ подданныхъ русской имперіи. Конечно, и тѣ, и другіе нерѣдко нарушаютъ свои обряды; но тогда они становятся клятво-преступниками, ка̀къ передъ гражданскимъ закономъ, такъ и предъ своими христіанскими согражданами. Совсѣмъ иное—положеніе еврея. Христіанина привлекаетъ къ присягѣ признаваемая имъ христіанская власть страны въ общихъ

интересахъ общественнаго порядка, а *еврея тянетъ къ этой присягѣ власть, которую онъ, по казуистическому толкованію талмуда, не только не признаётъ, но можетъ и обходить.* Не исполняя вынужденной присяги, онъ не компрометируетъ себя въ средѣ своихъ единовѣрцевъ и даже часто пользуется ихъ одобреніемъ. Понятно, что всѣ религіозные обряды, совершаемые евреемъ по поводу присяги, не могутъ имѣть, какъ вынужденные, того же значенія, какъ употребленіе христіанами креста и евангелія. *Для еврея религіозная присяга предъ христіанскими властями—пустая церемонія;* самыя тяжелыя заклинанія, самое щепетильное соблюденіе предписанныхъ при этой церемоніи обрядовъ, однимъ словомъ, всѣ мѣры, предпринятыя на сей предметъ членами раввинской комисіи, *не даютъ безповоротной силы присягѣ передъ тѣми, кого евреи называютъ: «гои», «нухри» и «акимъ».* Мало того: требуемая правительствомъ отъ евреевъ присята предъ христіанскими властями, *при всей ея необязательности для послѣдователей талмуда,* имѣетъ еще ту дурную сторону, что, совершаясь по извѣстному религіозному обряду, она какъ бы служитъ выраженіемъ офиціальнаго значенія талмудическаго ученія, *столь враждебнаго интересамъ правительства и коренныхъ гражданъ страны;* а съ другой—какъ бы уполномочиваетъ евреевъ на лицемѣрное употребленіе религіозныхъ обрядовъ. Вообще, если присяга на подданство, на должность, а равно въ дѣлахъ уголовныхъ и гражданскихъ, возникла на почвѣ уголовнаго и гражданскаго законодательства,—то, въ виду *непримиримаго и неизсякающаго противорѣчія между христіанско-европейской и талмудическо-семитической цивилизаціями,* всякая попытка перенести еврейскую присягу на столь несвойственную ей почву не можетъ достигать цѣли. Поэтому было бы гораздо полезнѣе религіозную присягу евреевъ замѣнить гражданскою, т. е. словеснымъ или письменнымъ, занесеннымъ въ протоколъ при свидѣтеляхъ, обѣщаніемъ, отбираемымъ подлежащими властями отъ евреевъ въ указанныхъ закономъ случаяхъ, какъ это допускается въ судебныхъ мѣстахъ относительно иновѣрцевъ, за отсутствіемъ духовныхъ лицъ ихъ исповѣданій. Что такой порядокъ, отмѣняя указанныя выше несообразности и ненужное по талмуду участіе раввина, не можетъ имѣть вредныхъ послѣдствій, — это очевидно изъ

того, что досель вовсе не было замѣчено какихъ бы то ни было неудобствъ ни отъ указанной формы судебной присяги, ни отъ того, что отъ религіознаго обряда присяги избавлены наши раскольники. Правда, и гражданская присяга евреевъ можетъ быть ими не исполняема и обходима по духу талмудическаго ученія, во лицемѣріе клятвопреступныхъ евреевъ въ этомъ случаѣ не будетъ, по крайней мѣрѣ, прикрываться религіозною личиною.

Затѣмъ остается разсмотрѣть вопросъ о сектахъ. Въ нашихъ законахъ существуютъ постановленія противъ вредныхъ сектъ, но собственно сектъ, враждебныхъ христіанству и, въ частности, православію. Понятно, что если самое отпаденіе отъ христіанства, въ особенности отъ православія, а равно переходъ въ нехристіанское исповѣданіе, считается преступленіемъ, то и появленіе указанныхъ сектъ не можетъ быть признаваемо законодательствомъ, съ легальной точки зрѣнія, явленіемъ безразличнымъ. Что же касается въ частности вредныхъ сектъ, имѣющихъ противогосударственный, противообщественный или противоестественный характеръ, то преслѣдованіе ихъ основано на общей теоріи уголовной вмѣняемости. Впрочемъ, даже въ случаяхъ отпаденія и сектаторства, преслѣдуется не индивидуальная совѣсть, но только внѣшнее ея проявленіе: пропаганда, оскорбительное отношеніе къ христіанству вообще и къ православію въ частности, членовредительство, уклоненіе отъ обязательной силы законовъ, нарушеніе благочинія и т. д. Очевидно, что мотивы этого законодательства имѣютъ въ виду прежде всего охраненіе общества отъ посягательства на его христіанскій характеръ и коренятся въ той исторической почвѣ, на которой возникли и развились европейскія государства. По мѣрѣ умственнаго и нравственнаго развитія общества, узаконенія по этой части вездѣ смягчались и, по принципу вѣротерпимости, примѣнялись на практикѣ менѣе и менѣе. Но въ такомъ государствѣ, какъ Россія,—въ государствѣ православномъ и обладающемъ многомилліонною массою неразвитыхъ гражданъ, въ государствѣ, среди котораго возникла и еще теперь существуетъ пропаганда скопчества, хлыстовщины, самосожиганія и т. п. фанатическихъ воззрѣній,—христіанскій элементъ законодательства долженъ былъ сохранить болѣе, нежели гдѣ либо, свою силу. Впрочемъ, и наше пра-

вительство, вѣрное принципу свободы совѣсти, допустило въ административной и судебной практикѣ самое льготное примѣненіе постановленій закона о совращеніи и расколѣ, преслѣдуя лишь открытую пропаганду и нарушеніе общеуголовныхъ законовъ.

Но само собой разумѣется, что секты еврейскія съ трудомъ можно подвести подъ рубрику упоминаемыхъ въ уложеніи о наказаніяхъ сектъ, враждебныхъ христіанству и православію. *Скорѣе, все еврейское ученіе можно подвести подъ понятіе Уложенія о вредныхъ сектахъ.* Если же наше законодательство не только этого не сдѣлало, но даже допустило свободу отправленія еврейскаго вѣроученія и признало за послѣдователями онаго почти совершенное съ христіанами равноправіе, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что правительство должно принять на себя, сверхъ того, и *заботу о противодѣйствіи еврейскимъ сектамъ*, нарушающимъ «чистоту» столь несочувственнаго христіанскимъ принципамъ талмудическаго ученія. Если еврейскіе сектаторы проявятъ свое существованіе какими либо внѣшними правонарушеніями, то они, конечно, должны подлежать преслѣдованію, но уже *не въ качествѣ сектаторовъ*, а на общемъ уголовномъ основаніи, подобно прочимъ евреямъ и даже не-евреямъ, когда тѣ и другіе своимъ фанатизмомъ нарушаютъ силу существующихъ постановленій. Съ другой стороны, полуторастолѣтній опытъ доказалъ, какъ трудно правительству опредѣлять ученіе сектъ, являющихся на почвѣ столь знакомаго намъ христіанства; изучить же еврейскія секты, являющіяся на почвѣ таинственнаго талмуда, нѣтъ никакой возможности.

Примѣромъ въ этомъ случаѣ можетъ служить извѣстная правительству секта *хассидовъ* съ ея *цадиками*. Принято, можетъ быть, не безъ нѣкотораго основанія, признавать ее вредною. Но источники, на основаніи которыхъ составилось это мнѣніе, невполнѣ убѣдительны. Они двухъ родовъ: отзывы христіанскихъ ученыхъ и отзывы враждебныхъ хассидамъ евреевъ. Изъ отзывовъ христіанскихъ ученыхъ извѣстно, что *эта секта имѣла первоначально характеръ протеста противъ талмудической казуистики и раввинскаго самовластія*; что хассиды покинули кагалы, но съ теченіемъ времени *создали себѣ еще болѣе деспотическихъ начальниковъ въ лицѣ*

цадиковъ, причемъ фанатизмъ и невѣжество хассидовъ значительно усилились. На эти злоупотребленія цадиковъ указываютъ съ особою запальчивостью и раввины, поддерживаемые талмудическою партіею, которая *не разъ взывала къ правительству о преслѣдованіи цадиковъ* [1]).

Съ своей стороны, возникшая у насъ недавно еврейская эмансипаціонная литература не преминула тоже поднять голосъ противъ хассидизма, *призывая противъ него уголовную кару;* но и она никакихъ обще-уголовныхъ фактовъ противъ хассидизма не приводитъ. Офиціальныя же свѣдѣнія объ этой сектѣ крайне скудны и не даютъ никакой возможности для какихъ либо практическихъ выводовъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно только, что *полицейскія преслѣдованія, которымъ подвергались цадики, оканчивались большею частію оправданіемъ заподозрѣнныхъ,* и что въ средѣ цадиковъ могутъ встрѣчаться люди, отличающіеся столько же образованностью, какъ и благотворительностью, въ родѣ извѣстнаго Шнеерсона, пользовавшагося особымъ расположеніемъ правительства [2]).

Все, *что говорится о самовластіи цадиковъ, фанатизмѣ и преступленіяхъ хассидовъ, издавна отличало, да и доселѣ отличаетъ, въ бо́льшей или меньшей мѣрѣ, и талмудистовъ;* а тонкости міросозерцанія тѣхъ и другихъ едва ли и доселѣ разъяснены подробно и безпристрастно. Очевидно только то, что *секта хассидовъ внесла раздвоеніе въ еврейскій міръ* [3]),

[1]) Этотъ любопытный фактъ представляетъ собой образчикъ той «либеральной» вѣротерпимости, которую пропагандируютъ талмудисты относительно всѣхъ другихъ исповѣданій, кромѣ своего собственнаго. «Грызитесь, дескать, вы, гои, между собою, а нашего «правовѣрія» не трогайте»!

[2]) Свѣдѣнія эти В. Я. Фуксъ почерпалъ непосредственно изъ архивовъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Стóитъ замѣтить, что, направляя правительственныя кары противъ хассидовъ и ихъ цадиковъ, талмудисты хотѣли чужими руками жаръ загребать, т. е. подталкивали христіанское государство удерживать «ваіями и заушеніями» еврейское *правовѣріе*,—какъ будто у этого государства и нѣтъ другихъ болѣе серьезныхъ и обязательныхъ задачъ. А между тѣмъ, по справедливому мнѣнію г. Фукса, «самовластіе, фанатизмъ и преступность», въ которыхъ инкриминируются хассиды, свойственны въ такой же степени и самимъ талмудистамъ, такъ что уголовныя преслѣдованія можно было бы, съ неменьшею справедливостью, обратить и противъ нихъ, даже раньше чѣмъ противъ хассидовъ. Ред.

[3]) Такому явленію христіанскія правительства, конечно, могутъ только радоваться: оно подрываетъ въ корнѣ ту *кагальную сплоченность*, зачастую прямо преступнаго характера, которая помогаетъ евреямъ бороться противъ этихъ правительствъ и народовъ.

что хассиды конкуррируютъ съ талмудистами, а цадики—съ духовными раввинами; но такое внутреннее броженіе и *разложеніе цѣлостности многовѣковаго еврейскаго міросозерцанія* едва ли можетъ быть предметомъ преслѣдованія со стороны христіанскаго правительства. Напротивъ, уклоняясь безусловно какъ отъ охраненія чистоты талмудическаго ученія, такъ и отъ поддержанія вреднаго авторитета духовныхъ раввиновъ [1]) уничтоженіемъ ненавистныхъ послѣднимъ конкурентовъ въ лицѣ цадиковъ,—*правительству остается только наблюдать, чтобы ни одна изъ враждебныхъ партій не выходила изъ предѣловъ закона*. Но это составляетъ уже задачу администраціи, а не законодательства.

Заключеніе.

Изложенныя въ двухъ докладахъ обстоятельства и соображенія приводятъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) Правительство, озабочиваясь постояннымъ *сліяніемъ евреевъ съ коренными жителями страны* и развитіемъ образованія между евреями, приняло въ періодъ 1835—1850 г. рядъ разныхъ мѣръ, въ томъ числѣ: предоставленіе разныхъ преимуществъ офиціальнымъ («казеннымъ») раввинамъ, учрежденіе духовныхъ правленій при синагогахъ и молитвенныхъ школахъ, учрежденіе раввинской комисіи и назначеніе «ученыхъ евреевъ» при генералъ-губернаторахъ, а, кромѣ того, имѣло въ виду создать для евреевъ особыя мѣстныя управленія по дѣламъ вѣры.

2) Невѣжественность и фанатизмъ большинства русскихъ евреевъ, ихъ общественная замкнутость и *почти* [2]) *враждебное настроеніе къ кореннымъ жителямъ страны* служатъ доказательствомъ, что принятыя доселѣ, въ числѣ другихъ, мѣры

---

[1]) *Духовные* раввины существуютъ у талмудистовъ помимо *казенныхъ*,—какъ болѣе удовлетворяющіе ихъ національнымъ потребностямъ, — и безъ утвержденія правительства.

[2]) Выраженіе «почти» употреблено докладчикомъ, очевидно, для смягченія рѣзкаго смысла своего отзыва, но въ другомъ мѣстѣ этого замѣчательно-безпристрастнаго доклада г. Фуксъ прямо говоритъ, что такое враждебное настроеніе нерѣдко доводитъ талмудистовъ даже до уголовной *преступности*.

по устройству религіозной жизни евреевъ *не достигли своей цѣли.*

3) Недѣйствительность означенныхъ мѣръ объясняется тѣмъ, что *всѣ онѣ, при невѣдѣніи правительствомъ истиннаго настроенія еврейскихъ массъ, впервые разоблаченнаго Государственнымъ Совѣтомъ въ 1870 г., послужили на практикѣ лишь къ укрѣпленію религіозно-національной замкнутости русскихъ евреевъ.*

На основаніи этихъ выводовъ признавалось бы полезнымъ:

1) *Отклонить весь вопросъ объ организаціи особаго управленія религіозными дѣлами евреевъ* и *исключить* изъ дѣйствующаго законодательства всѣ постановленія о раввинахъ, еврейскихъ духовныхъ правленіяхъ, раввинской комиссіи и ученыхъ евреяхъ при генералъ-губернаторахъ.

2) Отмѣнивъ существующіе обряды и тексты еврейскихъ присягъ, *установить для евреевъ свѣтскую, безъ участія раввиновъ, присягу*, примѣнительно къ существующему порядку относительно присяги раскольниковъ, а равно иновѣрцевъ, въ случаѣ отсутствія духовныхъ лицъ тѣхъ вѣроисповѣданій, къ которымъ послѣдніе принадлежатъ.

3) Признать молитвеннымъ для евреевъ зданіемъ только синагогу, *точно опредѣливъ ея значеніе исключительно, какъ мѣста общественной молитвы, и отмѣнивъ постановленія о молитвенныхъ школахъ и молельняхъ.*

4) Подчинить открытіе синагогъ на будущее время правиламъ объ открытіи новыхъ католическихъ церквей.

5) Взамѣнъ духовныхъ правленій, учредить при синагогахъ, для завѣдыванія *исключительно хозяйственными дѣлами*, должность старосты, избираемаго и контролируемаго прихожанами.

6) Существующія при синагогахъ благотворительныя и учебныя учрежденія, а равно братства и другія общества, *изъять изъ вѣдѣнія синагогъ, съ подчиненіемъ этихъ учрежденій общимъ законамъ имперіи* и спеціальнымъ уставамъ, учрежденнымъ правительствомъ.

7) *Воспретить въ синагогахъ всякіе сборы*, кромѣ лишь добровольнаго, на поддержаніе благоустройства синагогъ, и свѣчнаго сбора, обезпечивающаго существованіе преобразо-

ванныхъ еврейскихъ училищъ вѣдомства народнаго просвѣщенія.

8) *Бракоразводныя дѣла евреевъ отнести, по примѣру Царства Польскаго, къ вѣдѣнію гражданскихъ судовъ*, съ предоставленіемъ послѣднимъ—приглашать, въ случаяхъ нужды, экспертовъ изъ еврейской среды, а обязанности раввиновъ по веденію актовъ гражданскаго состоянія—отнести къ вѣдѣнію чиновъ полиціи, примѣнительно къ порядку, предположенному для раскольниковъ [1]).

В. Фусъ.

[1]) Въ концѣ второй части своего доклада авторъ указываетъ еще 8 официальныхъ источниковъ, какъ напр., дѣла бывшаго «Еврейскаго комитета», отчеты министерства внутреннихъ дѣлъ, записки департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, «соображенія» сѣдлецкаго губернатора по вопросу о евреяхъ Царства Польскаго и пр. Ред.

Встрѣча.

Мигъ случайной нашей встрѣчи
Не забыть мнѣ,—о повѣрь!—
Эти глазки, эти рѣчи
Все мнѣ чудятся теперь.
Ядомъ пылкаго желанья
Всѣ отравлены мечты;
Отуманили сознанье
Ядовитые цвѣты...
Нашей встрѣчи все значенье
Такъ мнѣ ясно:—то мечты
Вѣчно юное стремленье
Въ область вѣчной красоты.
То исканье сладкой муки,
То порывъ души родной;
Сладость счастья, скорбь разлуки,
Бурь волненья и покой.

Краткій срокъ былъ данъ судьбою
Нашей встрѣчѣ, нашимъ снамъ.
И разстался я съ тобою...
Но, повѣрь мнѣ,—все отдамъ
За блаженство тѣхъ мгновеній,
Что ушли, умчались прочь.
Безъ волшебныхъ сновидѣній
Какъ скучна была бы ночь!
Пусть же сладкій ядъ желаній
Не исчезнетъ въ свѣтѣ дня,
Жадно жду я вновь свиданья
И желаю—лишь тебя!

А. Радченко.

РОКОВАЯ ОШИБКА.

I.

Стоялъ томительно-жаркій день, — одинъ изъ тѣхъ дней, которыми такъ богатъ іюнь въ Малороссіи.

Солнце, ослѣпительно сіяя на безоблачномъ, точно застывшемъ небѣ, близилось къ зениту и жгло нестерпимо; горячій раскаленный воздухъ едва струился; и небо, и земля, казалось, изнемогли въ истомѣ отъ страшнаго зноя.

Уѣздный городъ —ской губерніи будто весь вымеръ; даже пыль,—обыкновенно стоявшая густыми облаками въ воздухѣ и забиравшаяся въ носъ, въ ротъ и въ легкія обывателя,—лежала сыпучей, сѣроватой массой по пустыннымъ улицамъ города, не тронутая колесомъ. Однѣ собаки, понуря головы и опустивъ хвосты, бродили, отыскивая тѣнь, и, нашедши ее подъ какимъ нибудь развѣсистымъ деревомъ или покосившимся заборомъ, лежали, тяжело дыша, высунувъ свои длинные красные языки.

Въ полицейскомъ управленіи, помѣщавшемся въ полутораэтажномъ домѣ, выкрашенномъ въ желтый цвѣтъ, господствовала также невозмутимая тишина.

Городовые, присѣвъ на крыльцѣ управленія, дремали; изъ арестантской, помѣщавшейся въ нижнемъ этажѣ дома, не доносились ни вопли, ни крики, ни стенанія, ни ругань заключенныхъ, подчасъ терзаемыхъ не въ мѣру усердными городовыми. Жаркій день на все положилъ свой лѣниво-дремлющій отпечатокъ.

Въ одной изъ комнатъ канцеляріи, занимаемой секретаремъ, послѣдній лѣниво распечатывалъ пакеты обыкновенной утрен-

ней почты. Проставивъ на бумагахъ число, онъ отложилъ ихъ въ сторону и отеръ градомъ струившійся потъ.

— Фу, какая жара!—сказалъ онъ, обмахиваясь платкомъ. Остынувъ слегка, онъ сталъ медленно скручивать папиросу, но въ это время глаза его, искавшіе «Губернскія Вѣдомости» увидѣли небольшой пакетъ, не замѣченный раньше подъ большими увѣсистыми пакетами. Пакетъ былъ адресованъ на имя исправника, а вверху стояла надпись: «*совершенно секретно*», подчеркнутая жирной черной чертой. Опытный глазъ секретаря сразу опредѣлилъ, что пакетъ — отъ губернатора. Взявъ въ руки пакетъ, онъ тщательно осмотрѣлъ его, попробовалъ осторожно края конверта, но они были плотно заклеены и пакетъ хранилъ невозмутимую таинственность. Повертѣвъ его еще нѣсколько разъ, секретарь, наконецъ, бросилъ его на столъ, неодобрительно покачалъ головой, произнесъ глубокомысленно:—«гмъ»! и, закуривъ папиросу, задумался.

Давно не томило его такъ любопытство.

«Какъ было хорошо, покойно,—думалъ онъ.—Дѣла, какъ на ладони, никакихъ запутанныхъ происшествій, а отъ губернатора не только секретныя, но и простыя предписанія приходили изрѣдка, а вотъ теперь: «совершенно секретно»! О чемъ, о комъ»?!. эти вопросы молотами стучали въ его головѣ.

Просидѣвъ нѣкоторое время за своимъ столомъ и придумывая, какимъ бы путемъ узнать содержаніе секретной бумаги, онъ всталъ и направился быстрыми, мелкими шажками въ кабинетъ исправника.

Исправникъ, въ длинномъ распахнутомъ парусиновомъ кителѣ, — походившемъ болѣе на халатъ, — изъ-подъ котораго виднѣлась вышитая малороссійская рубашка, открывавшая жирную, мясистую шею и такую же почти женскую грудь, стоялъ возлѣ открытаго окна и, отдуваясь отъ жары, созерцалъ голубей, которые, точно бѣлые клочки бумаги, трепетали на яркой безоблачной лазури.

— Вамъ, Аввакумъ Пименовичъ, пакетъ, — таинственно сказалъ секретарь, тихо прошмыгнувъ въ дверь кабинета и плотно затворивъ ее за собой.

— Откуда?—не оборачивая головы, спросилъ исправникъ.

— Отъ губернатора-съ! — многозначительно сказалъ секретарь.

— Отъ гу-бер-на-то-ра?!—протянулъ исправникъ, медленно поворачивая голову.

— Отъ губернатора,—машинально повторилъ онъ. — Ну, такъ что жь, что отъ губернатора? — раздражительно сказалъ онъ.—Вѣдь я вамъ далъ право распечатывать пакеты и отъ губернатора, а затѣмъ докладывать мнѣ.

— Не могъ-съ, никакъ не могъ-съ.

— Почему не могли?—прогремѣлъ уже исправникъ, вперяя въ секретаря свой сонный, задумчивый взглядъ.

Секретарь боязливо покосился на открытое окно.

— Пакетъ отъ губернатора-съ и... «совершенно-секретно»,—еле слышнымъ шопоткомъ промолвилъ онъ, наклоняясь къ исправнику и въ то же время зорко наблюдая, какое дѣйствіе произведутъ эти слова.

— А!..—протянулъ исправникъ.

Лѣниво подойдя къ письменному столу, онъ грузно опустился всѣмъ своимъ жирнымъ туловищемъ въ широкое кресло.

— Подайте сюда!.. Можете идти,—сказалъ онъ, вынимая изъ футляра большія очки въ серебряной оправѣ.

— А исполненіе по бумагѣ не потребуется? — льстивымъ голоскомъ спросилъ секретарь, пожирая глазами пакетъ.

— Я бы и вскрылъ-съ пакетъ, чтобы вы не изволили утруждать себя.

— Вы читали: «совершенно-секретно». Исполненіе я самъ сдѣлаю, можете идти... Да смотрите, не болтать! — сказалъ внушительно исправникъ, зная хорошо болтливость и любопытство секретаря.

Увы, онъ не зналъ, даже не догадывался о самомъ главномъ, и еслибы зналъ, то былъ бы еще болѣе остороженъ.

Секретарь быстро удалился.

II.

Комната его была смежная съ кабинетомъ исправника и отдѣлялась отъ него лишь тонкой стѣнкой. Въ этой стѣнкѣ секретарь перочиннымъ ножемъ прорѣзалъ щель и часто наблюдалъ въ нее за исправникомъ, что̀ спасало его отъ многихъ непріятностей. Изъ этой щели былъ виденъ почти весь кабинетъ исправника, оклеенный голубенькими обоями, на

фонѣ которыхъ были разбросаны пестрые цвѣты. Посреди комнаты стоялъ массивный письменный столъ, возлѣ него—этажерка, на которой, въ переплетахъ и безъ нихъ, лежали правительственныя распоряженія и узаконенія; за письменнымъ столомъ—кресло, обитое черной клеенкой, которая мѣстами облупилась. За кресломъ, вдоль стѣны у оконъ, были симметрично разставлены тяжелые дубовые стулья съ продавленными сидѣніями, обитые зеленымъ, отъ времени выцвѣтшимъ, трипомъ. Исправникъ сидѣлъ бо́льшею частію въ креслѣ; лицо его приходилось прямо противъ щели и секретарь могъ свободно и ясно производить надъ нимъ свои наблюденія. Онъ такъ изощрилъ свою наблюдательность, что, при первомъ же взглядѣ на лицо исправника, узнавалъ, въ какомъ настроеніи духа тотъ находился. Какъ только онъ замѣчалъ, что глубокая складка бороздила жирный лобъ исправника и щоки начинали отдуваться,—онъ чувствовалъ, что быть грозѣ и старался не показываться начальнику на глаза. Но когда складки на лбу не было, губы расплывались въ широкую улыбку и все лицо сіяло тихимъ добродушіемъ, тогда можно было смѣло войти къ исправнику съ докладомъ или съ просьбой о пособіи, объ отпускѣ и т. п.

Придя въ свою комнату, секретарь, еще сильнѣе заинтригованный таинственнымъ пакетомъ, послѣ своей неудачной попытки у исправника, бросился къ щели и приложилъ свой наблюдательный глазъ...

Исправникъ, съ очками на носу, сидѣлъ въ задумчивой позѣ, барабаня пальцами по столу. Но вотъ на лицѣ его появилась рѣшимость. Быстрымъ движеніемъ онъ разорвалъ конвертъ и углубился въ чтеніе бумаги.

По мѣрѣ того какъ онъ читалъ, лицо его блѣднѣло, руки дрожали... Наконецъ, онъ испустилъ глубокій вздохъ; бумага выпала изъ рукъ и онъ какъ-то по дѣтски, безпомощно, замеръ въ креслѣ. «Побѣднѣлъ!.. Не отставка ли»? мелькнуло у секретаря въ умѣ. Онъ находился въ нерѣшимости: броситься ли въ кабинетъ, или остаться на своемъ наблюдательномъ посту.

Исправникъ сталъ приходить въ себя. Позвонивъ дрожащей рукой, онъ приказалъ вошедшему городовому позвать пристава и зашагалъ большими шагами по кабинету, то присажи-

ваясь, то опять вставая и обнаруживая необыкновенное волненіе для своей сонной, апатичной натуры.

Вошелъ приставъ, позвякивая шпорами, привинченными къ высокимъ сапогамъ, и съ военной выправкой, спокойными твердыми шагами, подошелъ къ исправнику. Непреклонная воля чуялась въ низкомъ, крѣпкомъ, точно изъ камня высѣченномъ лбу, въ энергичномъ суровомъ очеркѣ лица, въ жосткихъ, черныхъ, коротко подстриженныхъ волосахъ и во всей этой высокой ширококостной фигурѣ, затянутой, не смотря на лѣто, въ наглухо застегнутый на всѣ пуговицы потертый сюртукъ съ серебряными, узкими, потемнѣвшими отъ времени, погонами на крутыхъ плечахъ.

— Что прикажете, г. исправникъ?—офиціально произнесъ приставъ, устремляя на начальника свои холодные, проницательные глаза.

— Я съ вами, почтеннѣйшій Аркадій Ивановичъ, потолковать хочу о большомъ дѣлѣ,—сказалъ исправникъ, протягивая черезъ столъ руку вошедшему. — Садитесь, голубчикъ; дѣло большое, секретное,—шопотомъ промолвилъ онъ,—да, кстати, закройте окно: кто нибудь невзначай услышитъ.

Приставъ позвалъ городоваго, велѣлъ закрыть окно, плотно затворилъ двери и, подойдя къ исправнику, спокойно сказалъ:

— Я васъ слушаю, г. исправникъ.

— Да вы, почтеннѣйшій, присядьте, закуривайте!.. Впрочемъ, вы не курите... Ну, такъ посидите и потолкуемъ по домашнему.

— Не безпокойтесь, г. исправникъ, я постою, — вѣжливо сказалъ приставъ, но такимъ тономъ, что исправникъ болѣе не настаивалъ.

— Вотъ что я вамъ разскажу, — сказалъ онъ, потирая лобъ и собираясь съ мыслями. — Лѣтъ десять тому назадъ,— началъ онъ,—когда я былъ въ этомъ городѣ приставомъ, появился выдающійся разбойникъ—Грицко Могила, наводившій ужасъ на весь здѣшній уѣздъ. Въ памяти многихъ еще живы его мрачныя дѣянія, грабежи, убійства, изнасилованія и т. п. Все трепетало при одномъ этомъ проклятомъ имени. Еще не было бы такъ обидно и досадно, еслибъ этотъ Грицко былъ богатырь, а то средняго роста рыжій мужичонка; плечи только широки у каналыи, да мускулы словно канаты, а гибокъ и

увертливъ былъ, какъ кошка. Много сказокъ ходило о немъ, но много было и правды. Человѣка зарѣзать онъ могъ также легко, какъ барана. Да вотъ вамъ одинъ фактикъ. Забрался онъ къ одному нашему богатому купцу въ спальню. Въ спальнѣ спали купецъ, жена его и двое дѣтей, изъ которыхъ одинъ былъ грудной. Грицко зажегъ свѣчу, взломалъ комодъ и спокойно сталъ выбирать изъ ящиковъ золотыя и серебряныя вещи. Не проснись купецъ, Грицко, можетъ быть, удовольствовался бы этимъ и ушелъ, но купецъ проснулся и, вскочивъ съ постели, бросился къ нему: Грицко, недолго думая, подскочилъ къ колыбели, выхватилъ за ножку сладко спавшаго ребенка; малютка только пискнулъ и купецъ не успѣлъ опомниться, какъ Грицко со всего размаха хватилъ головкой ребенка объ его голову. Головка, конечно, вдребезги — мозги и кровь малютки облили несчастнаго, упавшаго въ безпамятствѣ, отца. Мать проснулась отъ шума и безумными глазами смотрѣла на происходившую сцену, не въ состояніи произнести слова отъ охватившаго ее ужаса. Грицко спокойно ссыпалъ вещи въ карманы, закурилъ трубку и, погрозивъ кулакомъ обезумѣвшей женщинѣ, выпрыгнулъ въ окно и былъ таковъ. Да довольно сказать, что онъ изнасиловалъ и зарѣзалъ свою родную мать,—чтобы имѣть понятіе о человѣкѣ. Звѣрь, апокалипсическій звѣрь былъ этотъ Грицко Могила!

Исправникъ остановился, досталъ изъ кармана серебряную съ чернью табакерку, стукнулъ пальцами по крышкѣ, взялъ солидную щепотку табаку и сталъ методично втягивать то въ одну, то въ другую ноздрю. Крякнувъ отъ удовольствія, онъ высморкался въ большой красный платокъ съ черными разводами и продолжалъ.

— Большая награда была присуждена за его поимку, но всѣ усилія полиціи пропадали даромъ. Какія только мы устраивали на него облавы, какія ставили ему западни,—казалось, вотъ-вотъ онъ въ нашихъ рукахъ; оставалось только схватить, но онъ ускользалъ, какъ бѣсъ... Но все таки поймалъ я его. До сихъ поръ не могу себѣ уяснить, какъ это произошло—все дѣло случая. Возвращался я какъ-то поздно ночью съ вечеринки отъ казначея, гдѣ мы знатно хватили. Бывало, когда приходилось идти ночью, поджилки сильно дрожали; вотъ—думалось — какъ схватитъ сзади за шею желѣзная клешня

Грицки, тутъ тебѣ и капутъ.' Холодокъ по спинѣ такъ и пробѣжитъ... Въ ту ночь шелъ я совершенно спокойно да посвистывалъ; кажется, самого бы чорта не испугался. «Эхъ, думалъ я, хорошо было бы теперь захватить Грицку, я бы его, какъ щенка, приволокъ въ полицію... и городъ освободилъ бы отъ поганаго антихриста, и у начальства заслужилъ бы благоволеніе!.. Можно было бы и въ помощники исправника махнуть, а тамъ и въ исправники, а тамъ»... Замечтался я, почтеннѣйшій Аркадій Ивановичъ, такъ что и не замѣтилъ, какъ очутился за городомъ, надъ обрывомъ, какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ копаютъ глину. Ночь была звѣздная, но безлунная, тишина стояла невозмутимая, пахло черемухой. Никогда не забуду я этой ночи; вотъ и теперь стоитъ она передо мной со всѣми подробностями, а прошло немало времени съ тѣхъ поръ. Умирать буду, на смертномъ одрѣ вспомню ее. Какъ-то невольно сталъ я вслушиваться въ эту ночную тишину и только слышу, какъ стучитъ мое сердце да бьется кровь въ вискахъ. Вдругъ мнѣ почудился снизу какой-то неясный шопотъ; я подползъ къ самому краю обрыва и сталъ вслушиваться. Шопотъ сталъ яснѣе, но словъ я все таки не могъ разобрать. Въ это время послышался стукъ кресала о кремень, посыпались искры, вспыхнула трубка и сквозь вѣтви кустовъ я увидѣлъ освѣтившееся лицо Грицки. «Видно, въ добрый часъ себѣ напророчилъ», подумалъ я. Онъ сидѣлъ въ накинутой на плечи свиткѣ, опершись спиной о дерево; смушковая черная шапка была лихо заломлена на бекрень. Возлѣ него сидѣли два мужика; они также закурили трубки. Оправившись отъ неожиданности, я сталъ вслушиваться въ ихъ разговоръ. Говорилъ Грицко. Онъ объяснялъ имъ свой планъ, какъ обворовать казначейство. Въ головѣ у меня мелькнула смѣлая мысль, отъ которой я даже задрожалъ: — не теряя ни минуты, бѣжать въ городъ, взять съ собой городовыхъ и схватить Грицку вмѣстѣ съ его сообщниками. Долго не раздумывая, я тихо отползъ отъ обрыва и, вскочивъ на ноги, пустился бѣжать. Первый попавшійся городовой, не смотря на строжайшій приказъ, спалъ на скамейкѣ возлѣ воротъ; я его, каналью, встряхнулъ съ досады такъ, что онъ заоралъ на всю улицу благимъ матомъ, вѣроятно, вообразивъ, что это Грицко; на силу я его успокоилъ. Растолкавъ еще двухъ го-

родовыхъ, я сообщилъ имъ свой планъ, и мы, осмотрѣвъ револьверы, отправились. Я сильно рисковалъ,—своевольно забрать городовыхъ съ ночныхъ постовъ и вести ихъ на рискованное предпріятіе, не докладывая объ этомъ исправнику. Такое дѣйствіе,—какъ вы знаете, батенька мой,—въ случаѣ неудачи пахло очень и очень скверно, тѣмъ болѣе, что исправникъ нашъ былъ строгъ и не помиловалъ бы; но я тогда не размышлялъ, а дѣйствовалъ подъ какимъ-то напоѣмъ свыше. Мы осторожно сползли въ обрывъ и притаились за кустами. Между Грицкой и его сообщниками происходилъ жаркій споръ; сообщники не соглашались съ его планомъ и предлагали свой; съ обѣихъ сторонъ было употреблено нѣсколько энергическихъ словечекъ. Я подползъ такъ близко, что слышалъ ихъ порывистое дыханіе, трубки храпѣли и, порой вспыхивая, освѣщали ихъ разгорѣвшіяся лица. Я собрался дать знакъ городовымъ, чтобы броситься и схватить ихъ, но сразу какъ-то такъ ослабѣлъ, что съ трудомъ могъ пошевелиться. Съ чего — и самъ не понимаю; чувствую, что надо подняться, а не могу; ну, какъ иногда во снѣ снится: что вотъ бѣгутъ за тобой, настигаютъ, а ты не въ силахъ даже ногой дрыгнуть. Поднялъ я какъ-то невзначай глаза вверхъ, а темное небо такъ и сіяетъ, такъ и переливается звѣздами. Засмотрѣлся — чувствую, какъ что-то торжественное и успокоивающее снисходитъ на меня съ этой выси. Глядь, одна звѣздочка скатилась, за ней другая... гдѣ-то вдали прокричалъ коростель. Чувствую, что споръ разгорается жарче, трубки хрипятъ и поминутно вспыхиваютъ. Грицко нѣсколько разъ сплюнулъ въ мою сторону, а я прійти въ себя не могу. «Что за оказія,—думаю,—снится ли мнѣ все это, или въ самомъ дѣлѣ, въ явь»? И все кажется мнѣ, что вотъ-вотъ я сейчасъ проснусь въ своей комнатѣ. Ущипнулъ себя за носъ такъ, что чуть не закричалъ. «Нѣтъ, думаю, не сонъ; пора, пора, время уйдетъ, а когда еще такой благопріятный случай подвернется». Собрался съ силами, вскочилъ на ноги; изловчившись, бросился на Грицку и схватилъ его за глотку. Онъ въ свою очередь облапилъ меня и все жметъ да жметъ. Дышать нечѣмъ; глаза изо лба лѣзутъ, въ ушахъ такой шумъ и звонъ, точно въ колокола трезвонятъ. Еще минута—и мнѣ былъ бы капутъ. «Нѣтъ, думаю, каналья, даромъ не отдамся»; собралъ послѣднія силы, да какъ

надавилъ большими перстами какъ разъ то мѣсто, что̀ адамовымъ яблокомъ называютъ, а по моему зобомъ, да такъ сдавилъ, что онъ сразу выпустилъ меня изъ рукъ, покачнулся и упалъ на землю; я за нимъ, ослабѣлъ отъ натуги и потерялъ сознаніе. «Готово, ваше благородіе»! раздался голосъ городоваго надъ моимъ ухомъ, когда я пришелъ въ себя. «Что готово»? спросилъ я, въ первое время не понявъ, въ чемъ дѣло. «Такъ точно-съ, всѣхъ троихъ скрутили».—«А Грицко живъ»?—«Такъ точно-съ». Я подошелъ къ нему. Онъ лежалъ на спинѣ съ крѣпко связанными руками и ногами. «Ну, ваше благородіе, — сказалъ онъ, — ловко вы меня схватили, дòбре! Пойду на прогулку въ Сибирь, а оттуда,—такъ и знайте!— какъ вернусь, такъ къ вамъ первому въ гости явлюсь, да такую штуку отмочу, что ужь не забудете Грицку-Могилу». И вѣдь вижу, что лежитъ эта разбойничья морда, связанная по рукамъ и ногамъ, совершенно въ моей власти, но отъ этихъ дьявольскихъ словъ у меня морозъ подралъ по кожѣ и только тогда я сообразилъ ясно все, что̀ произошло. Невозможно разсказать, какая была всеобщая радость, когда на другой день въ городѣ узнали, что Грицко пойманъ. Служили молебны, поздравляли другъ друга, точно съ великимъ праздникомъ, а мнѣ невозможно было и показаться на улицу. Самъ губернаторъ изволилъ прибыть къ намъ по этому дѣлу, лично благодарилъ меня и, пожавъ руку обѣими руками, промолвилъ: «я васъ не забуду». Грицку и его сообщниковъ судили и сослали на каторгу. Только тогда точно гора свалилась съ моихъ плечъ и я вздохнулъ свободно. Вскорѣ я получилъ мѣсто помощника исправника, а затѣмъ и исправника. Въ первое время часто мнѣ приходили въ голову послѣднія слова Грицки, и я трепеталъ при этомъ воспоминаніи, а затѣмъ чѣмъ дальше, тѣмъ рѣже и рѣже. «Нѣтъ,—думалъ я,— съ каторги не убѣжишь, антихристъ проклятый». Даже въ веселыя минуты подсмѣивался, а затѣмъ и вовсе забылъ. И вотъ,—ужь дѣйствительно не знаешь, гдѣ бѣда тебя ждетъ!— получилъ я сегодня отъ губернатора бумагу съ извѣщеніемъ, что судившійся въ этомъ городѣ, десять лѣтъ тому назадъ, Грицко Могила, сосланный на каторгу, бѣжалъ и скрывается въ этихъ мѣстахъ. Начать розыски надо секретно, чтобы не волновать населенія.

— Вотъ прочтите, добрѣйшій Аркадій Ивановичъ,—слабымъ голосомъ сказалъ исправникъ, подавая приставу бумагу.

Въ холодныхъ глазахъ пристава сверкнулъ огонекъ, но тотчасъ же погасъ и лицо его приняло свое обычное непроницаемое выраженіе.

— Позвольте мнѣ письменное предписаніе, г. исправникъ,— спокойнымъ голосомъ сказалъ онъ, возвращая бумагу.

— Эхъ, Аркадій Ивановичъ! Оставьте хоть на время вашъ офиціальный тонъ, — съ кроткимъ упрекомъ сказалъ исправникъ.—Вы видите передъ собой не исправника, а несчастнаго человѣка, который ищетъ помощи. Я знаю, что, если Грицко здѣсь, я погибъ, но я не о себѣ хлопочу: у меня жена, дѣти... что̀ ихъ ждетъ?!... Послушайте: вы дока по этой части. Еслибъ не вашъ гордый нравъ, вы бы давно были исправникомъ. Вы считаетесь однимъ изъ лучшихъ приставовъ въ губерніи; употребите же все ваше стараніе, всю опытность, чтобы поймать Грицку, и моя благодарность къ вамъ не будетъ имѣть границъ. Я самъ лично буду просить губернатора о вашемъ повышеніи и аттестую васъ, какъ самаго лучшаго и дѣльнаго чиновника; всѣ ваши просьбы и желанія исполню съ удовольствіемъ, только, ради Бога, поймайте Грицку!—сказалъ исправникъ, смотря умоляющими глазами на пристава.

— Г. исправникъ,—холодно сказалъ приставъ,—я говорить не мастеръ, но вполнѣ понимаю ваше положеніе. Никакихъ аттестацій, никакой благодарности мнѣ не надо; я исполню все, какъ требуетъ мой служебный долгъ. Будьте любезны дать мнѣ письменное предписаніе.

Исправникъ быстро написалъ бумагу и, вручая ее приставу, сказалъ:

— Такъ я на васъ надѣюсь, какъ на каменную гору, Аркадій Ивановичъ.

Приставъ взялъ бумагу, поклонился и вышелъ.

III.

Секретарь, подслушавъ разговоръ исправника съ приставомъ, сболтнулъ объ этомъ какъ-то вечеркомъ своему куму—казначею. Идя къ куму, онъ далъ себѣ зарокъ ни слова не выпустить изо рта объ этомъ случаѣ, понимая, что дѣло серьез-

ное и отвѣтственное, хотя его очень подмывало огорошить кума этой потрясающей новостью. Но послѣ чая съ коньякомъ языкъ какъ-то сорвался съ привязи и наболталъ, чего не слѣдовало. Опомнившись, онъ сообразилъ, что дѣла уже поправить нельзя, и убѣдительно просилъ кума не выдавать его. Казначей, хотя и обѣщалъ секретарю ничего не говорить, но не утерпѣлъ и «секретно» передалъ эту вѣсть доктору, докторъ—соборному протоіерею, котораго лѣчилъ отъ ожиренія, а протоіерей—«матушкѣ».

И, точно снѣжный комъ, катящійся съ горы и все болѣе и болѣе увеличивающійся въ своемъ паденіи, по городу распространился тревожный слухъ, что сосланный нѣсколько лѣтъ тому назадъ на каторгу Грицко Могила бѣжалъ и теперь скрывается въ этихъ мѣстахъ. Все заговорило, заохало и застонало. Обывателей охватилъ смертельный ужасъ. Да и было отчего. Сколько невинной крови было пролито десять лѣтъ тому назадъ!—Сколько грабежей, убійствъ, пожаровъ, изнасилованій.. сколько горя, слезъ, мольбы и проклятій!..

Многимъ живымъ свидѣтелямъ этой драмы Грицко оставилъ по себѣ кровавую память. И вотъ опять явилось это божье наказаніе еще можетъ быть злѣе, еще преступнѣе, еще ужаснѣе...

Надъ мирнымъ и до этихъ поръ сладко дремавшимъ городкомъ нависла зловѣщая туча.

Одинъ только приставъ Аркадій Ивановичъ Куроѣдовъ былъ спокоенъ и то, что̀ для другихъ являлось предметомъ смертельнаго ужаса,—для него было живѣйшею радостью. Странный человѣкъ былъ этотъ Куроѣдовъ. Раньше онъ служилъ въ военной службѣ, но, выдя «въ запасъ» поручикомъ, поступилъ на службу по сыскной части въ полицію въ большомъ губернскомъ городѣ. Нелюдимый, поглощенный всецѣло своей службой, онъ велъ образъ жизни почти аскетическій. Женщинами онъ совсѣмъ не интересовался, друзей и пріятелей не имѣлъ, вина не пилъ, въ карты не игралъ, и со всѣми былъ холодно вѣжливъ, не допуская никакихъ близкихъ отношеній.

Разскажетъ ли ему начальникъ, между дѣломъ, какой нибудь анекдотъ или приметъ съ нимъ болѣе фамильярный тонъ и не съ цѣлью оскорбить его или унизить, а такъ,—душа просится на распашку, Куроѣдовъ слушаетъ, не перебивая; затѣмъ взгля-

нетъ своими холодными глазами и вѣжливо спроситъ: «Больше ничего не прикажете»?

— Тяжелый человѣкъ, тяжелый человѣкъ!—прошепчетъ начальникъ по уходѣ Куроѣдова.

«Странный человѣкъ»! говорили о немъ и подчиненные. «Скучный человѣкъ»! аттестовали его женщины. «Странный человѣкъ»! отзывались люди, съ которыми судьба его сталкивала.

«Странный человѣкъ»,—это прозвище такъ и осталось за нимъ. Многіе пытались узнать прошлую жизнь этого человѣка, предполагая найти въ ней причину всѣхъ странностей; но Куроѣдовъ былъ слишкомъ гордъ и неразговорчивъ. Нѣкоторыя лица, которыя чаще сталкивались съ нимъ и умѣютъ иногда богъ знаетъ какими путями докопаться до самой подноготной человѣческой жизни, говорили, что его дѣтство было ужасно. Семилѣтнимъ ребенкомъ онъ остался круглымъ сиротой; принятый одной сердобольной генеральшей и по разсѣянности забытый ею, онъ росъ на кухнѣ, какъ щенокъ, заброшенный подъ заборомъ, терпя и голодъ, и холодъ, и побои. Дворня мучила и тиранила, какъ хотѣла, это безотвѣтное, безпріютное маленькое существо. Его били и за кусокъ хлѣба, стянутый имъ съ голодухи, и за то, что онъ попадается на глаза, и за каждый лишній шагъ, даже просто, чтобы «сорвать» на комъ нибудь свою злобу. И когда его били, — добавляетъ разсказчикъ, — ребенокъ твердо, съ какимъ-то холоднымъ ожесточеніемъ, крѣпко закусивъ свою губку, переносилъ побои, стараясь ни единымъ звукомъ не выдать себя, и только его вздрагивающее тѣльце, да глазёнки, то огнемъ негодованія, то слезой, выдавали то, что происходило въ душѣ ребенка. Его ожесточенное сердечко училось упорно скрывать отъ глазъ людскихъ свои впечатлѣнія и ощущенія, все накопляя и накопляя ихъ въ себѣ. Эта-то тяжелая, суровая жизнь—надо предполагать—и выковала такой желѣзный характеръ, такое крѣпкое тѣло, способное переносить многое.

Какимъ-то чудомъ, — благодаря той же генеральшѣ, которая какъ-то замѣтила его,—онъ выдержалъ экзаменъ на вольноопредѣляющагося, а затѣмъ въ юнкерское училище, откуда вышелъ въ чинѣ прапорщика. Когда онъ служилъ въ военной службѣ, у него былъ «романъ», довольно странный. Она на

отличалась ни красотой, ни умомъ, ни образованіемъ, была капризна, взбалмошна, а онъ любилъ ее до самозабвенія и носилъ, что называется, на рукахъ. Что̀ привязывало его такъ сильно къ этой женщинѣ? никто не знаетъ. Быть можетъ, она первая заставила зазвенѣть въ его душѣ тѣ тайныя струны, которыя никто не пытался затронуть; быть можетъ, въ ея натурѣ были такія особенныя черты, которыя привлекали его къ ней,—никто не можетъ сказать ничего положительнаго. Проживъ съ нимъ нѣсколько лѣтъ,—то третируя его, какъ самое ничтожное существо, то каясь, бичуя себя и цѣлуя ему руки и ноги,—она, наконецъ, бросила его, ушла и болѣе никогда не возвращалась. Гордость удержала его отъ поисковъ за нею: разъ ушла, значитъ не хотѣла, значитъ разлюбила—она умерла для него навсегда. Но горе его было такъ сильно, что онъ чуть не сошелъ съ ума, чуть не кончилъ жизнь самоубійствомъ... Крѣпкая натура вынесла, однако, и это, но замкнулась въ себѣ и закалились еще сильнѣе. Поставивъ крестъ на своемъ личномъ счастьѣ, онъ сталъ искать такой родъ службы, который могъ бы вполнѣ увлечь его и заставить забыться; это онъ и нашелъ въ хлопотливой и рискованной дѣятельности сыскнаго отдѣленія.

Вотъ все, что̀ удалось узнать о прошлой жизни Куроѣдова.

Обладая наблюдательностью, проницательнымъ умомъ и твердымъ характеромъ, онъ могъ бы пойти далеко по службѣ; но въ немъ не было ни капли той мягкости, той гибкости, той милой, шутливой веселости—словомъ, всѣхъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается «подмазка», необходимая для быстраго движенія не только по служебной лѣстницѣ, но и для успѣха въ обществѣ. Онъ былъ молчаливъ, серьезенъ, сухъ, исполнителенъ до педантизма, какъ съ начальниками, такъ и съ подчиненными. Не умѣлъ во-время улыбнуться, во-время попросить, во-время показать себя съ выгодной стороны, развернуть во всемъ блескѣ свои природныя дарованія,—и поэтому, хотя по службѣ онъ считался однимъ изъ дѣльныхъ, трудолюбивыхъ чиновъ полиціи, но впередъ не двигался. Куроѣдовъ, впрочемъ, самъ не гнался за повышеніемъ; онъ былъ честолюбивъ въ иномъ направленіи. Онъ гордъ былъ сознаніемъ своего превосходства надъ другими; гордился, что только ему поручались самыя трудныя, запутанныя, опасныя и отвѣтственныя дѣла, и онъ

съ любовью, нитка по ниткѣ, распутывалъ сѣть какого нибудь темнаго, запутаннаго преступленія, не думая ни о наградахъ, ни о повышеніи. Ему не надо было ни похвалъ, ни поощренія начальства. Главной наградой было для него то внутреннее чувство удовлетворенія, которое онъ испытывалъ, когда, послѣ долгихъ поисковъ, сомнѣній и размышленій, нападалъ на слѣдъ преступника, шагъ за шагомъ выслѣживалъ его и ловилъ именно въ тотъ моментъ, когда преступникъ даже не подозрѣвалъ опасности. Онъ любилъ эту игру, требующую большаго опыта, хладнокровія, изворотливости и находчивости съ людьми, рѣшившимися на все и не останавливающимися ни передъ чѣмъ для спасенія своей шкуры, и часто бывалъ на волоскѣ отъ смерти; но это-то ощущеніе, это хожденіе надъ пропастью и влекло его къ себѣ, доставляя громадное удовольствіе. Онъ бы всю жизнь прожилъ на этомъ мѣстѣ, даже не замѣтивъ, какъ она промелькнула, вполнѣ довольный своей судьбой, еслибы не слѣдующій случай.

Однажды онъ былъ дежурнымъ по наружной полиціи на одной изъ главныхъ улицъ, на которой всегда происходило большое движеніе. Былъ весенній солнечный день; съ грохотомъ катились экипажи, звеня, сновали конки; шумѣла, переливаясь, разнообразная толпа людей въ весеннихъ костюмахъ. Куроѣдовъ стоялъ среди улицы и зорко наблюдалъ за движеніемъ. Мимо него проносились разнообразные экипажи: кареты, ландо, дребезжащія извощичьи пролетки, англезированные рысаки, съ грумами на козлахъ, и рысаки въ русской упряжи съ толстыми бородатыми кучерами — все это неслось, грохотало, блестѣло, сверкало въ какомъ-то веселомъ бѣгѣ, залитое потоками солнечнаго свѣта. И вотъ среди экипажей онъ увидалъ бѣшено мчавшихся противъ него вороныхъ рысаковъ. Въ это время мимо него прошмыгнула дѣвочка, перебѣгая улицу; онъ хотѣлъ схватить ее, но не успѣлъ. Дѣвочка, увидя мчавшихся на нее лошадей, отъ страха упала.

— Стой, стой, задавишь!—закричалъ Куроѣдовъ толстому кучеру. Но кучеръ, не обращая вниманія на его слова, продолжалъ гнать лошадей. Еще минута—и отъ дѣвочки осталась бы одна безформенная масса.

— Стой, мерзавецъ! — закричалъ, подбѣгая, Куроѣдовъ и, схватившись за узду, повисъ на ней.

Взмыленныя, тяжело дышавшія лошади шарахнулись въ сторону и остановились. Столпился народъ.

Изъ коляски вышелъ важный господинъ съ выхоленными золотистыми баками, въ блестящемъ цилиндрѣ и модномъ широкомъ пальто.

— Какъ вы смѣли остановить мою коляску и обругать моего кучера? — надменно спросилъ онъ.

— По долгу службы,—коротко отрѣзалъ тяжело дышавшій и поблѣднѣвшій отъ ужаснаго напряженія Куроѣдовъ.

— А вы знаете, кто я?—проронилъ свысока важный господинъ.

— Не знаю, да для меня это совершенно безразлично. Никому не дано права давить народъ, а вашъ кучеръ чуть не задавилъ ребенка. Кромѣ того, быстрая ѣзда по этой улицѣ строго запрещена и ни для кого не можетъ быть сдѣлано исключенія, — холодно сказалъ Куроѣдовъ и, отвернувшись, хотѣлъ подойти къ дѣвочкѣ, пришедшей въ себя.

— Да вы кто такой?!. Да какъ вы смѣете разговаривать со мной такимъ образомъ? — закричалъ вспылившій господинъ, потрясая тростью.

— Вамъ угодно знать, кто я?—ледянымъ тономъ спросилъ Куроѣдовъ. — Я полицейскій чиновникъ, исполняющій свои служебныя обязанности,—подчеркнулъ онъ послѣднюю фразу.

— А! — какъ-то въ носъ протянулъ господинъ. — Какъ ваша фамилія?

Куроѣдовъ сказалъ и, повернувшись спиной, подошелъ къ дѣвочкѣ.

Важный господинъ записалъ фамилію, прищурившись и поджавъ нижнюю губу, и поглядѣлъ вслѣдъ Куроѣдову съ такимъ видомъ, будто недоумѣвалъ, откуда могла взяться такая прыть у «мелкой сошки». Величественно усѣвшись въ коляску, онъ уѣхалъ.

Черезъ нѣсколько дней, Куроѣдовъ получилъ приказъ о назначеніи его приставомъ въ уѣздный городъ.

Въ буквальномъ смыслѣ, это назначеніе было скорѣй повышеніемъ, чѣмъ пониженіемъ; но Куроѣдовъ понялъ, что̀ заключалось подъ этимъ; онъ понялъ, что его *удаляютъ* подъ благовиднымъ предлогомъ, и горько усмѣхнулся, когда прочелъ, что назначается «для пользы службы». Тяжелъ былъ для него

этотъ ударъ; но онъ никому не жаловался, никуда не обращался за разъясненіемъ объ этомъ назначеніи, не ходилъ ни оправдываться, ни съ просьбой о помилованіи. Въ тотъ же день, получивъ приказъ, онъ собралъ свои небольшіе пожитки и выѣхалъ къ мѣсту своего назначенія.

Послѣ кипучей дѣятельности въ большомъ городѣ, Куроѣдовъ, лишенный любимаго дѣла, томился и смертельно скучалъ отъ бездѣйствія въ захолустномъ уѣздномъ городкѣ. Онъ сознавалъ, какъ тупѣлъ его умъ, какъ весь онъ нравственно опускался; чувствовалъ, что все его существо, жившее всегда въ напряженіи отъ горячки работы, ослабѣвало, становилась дряблымъ, расплываясь въ глупомъ покоѣ. Такая жизнь была питкой. «Лучше смерть, лучше каторга, чѣмъ такая жизнь»!—думалъ онъ въ минуты отчаянія.—Хоть бы что нибудь, пусть кровавое, ужасное, но лишь бы всколыхнуло этотъ сонный покой, это стоячее болото съ зловредными испареніями, которыя постепенно убиваютъ все живое въ человѣкѣ. Мелкія, глупыя кражи, и ни одного серьезнаго происшествія, ни одного интереснаго дѣла!

На его обыкновенно спокойное лицо легла какъ бы тѣнь и преждевременно состарила его.

Ища какого нибудь развлеченія отъ однообразія жизни, онъ пристрастился къ шахматной игрѣ; игралъ запоемъ по цѣлымъ днямъ и ночамъ съ фельдшеромъ, который жилъ рядомъ съ нимъ въ смежной комнатѣ и оказался хорошимъ игрокомъ. Эта игра нравилась Куроѣдову, потому что она своей строго обдуманной логичностью удовлетворяла его умъ и отчасти напоминала ту игру, которую онъ велъ, когда ловилъ преступника. Онъ, отдавая нѣсколько фигуръ и, казалось, проигрывая, любилъ ловкимъ ходомъ дать матъ своему торжествующему партнеру, причемъ его безстрастное, сосредоточенное выраженіе нисколько не измѣнялось и только въ холодныхъ глазахъ вспыхивалъ огонекъ отъ удовлетвореннаго чувства. Это чувство было отчасти подобно тому, когда онъ, представляясь одураченнымъ какимъ нибудь бродягой или арестантомъ-рецидивистомъ, разсказывавшимъ ему замѣчательно-толково и правдоподобно какую нибудь исторію, изъ которой ясно было, что разсказчикъ—честнѣйшій и смиреннѣйшій изъ людей, ловилъ его такъ, что тотъ, не успѣвъ опомниться, стоялъ передъ

нимъ съ разинутымъ ртомъ, недоумѣвая, какъ это такъ приключилось, что онъ самъ себя выдалъ. Затѣмъ, придя наконецъ въ себя, посматривалъ на Куроѣдова съ нѣмымъ благоговѣніемъ и восхищеніемъ, какъ на такого хитреца, который перещеголялъ и его, «прожженаго». А Куроѣдовъ смотрѣлъ на него своими холодными глазами, въ которыхъ вспыхивали и потухали искорки, и чѣмъ хитрѣе, изворотливѣе и опаснѣе былъ арестантъ, тѣмъ сильнѣе разгорались глаза Куроѣдова при его поимкѣ.

Когда исправникъ объявилъ ему о Грицкѣ Могилѣ, онъ почувствовалъ, какъ что-то, точно забытая струна, дрогнуло въ немъ, а все существо напряглось въ энергичномъ порывѣ. Это извѣстіе произвело на него такое дѣйствіе, какое производитъ на пьяницу добрая рюмка послѣ долгаго поста—онъ точно охмѣлѣлъ. По своему обыкновенію, онъ холодно выслушалъ отъ исправника это извѣстіе, ничѣмъ не обнаруживая своего чувства; но фельдшеръ, придя къ нему въ тотъ же день составить обычную партію въ шахматы, недоумѣвалъ, что произошло съ Куроѣдовымъ. «Кажется, лицо то же, а выглядитъ какъ-то моложавѣе, — думалъ онъ. — Не побрился ли, не постригся ли? Нѣтъ, ни то, ни другое. Тьфу, метаморфоза какая»!.. Энергично заключивъ свои мысли, онъ далъ Куроѣдову подъ рядъ три мата, еще болѣе удивляясь необыкновенной разсѣянности партнера.

V.

Куроѣдовъ ожилъ и энергично занялся розысками Грицки. Онъ побывалъ во всѣхъ мало-мальски подозрительныхъ мѣстахъ на нѣсколько верстъ кругомъ; изслѣдовалъ во всѣхъ направленіяхъ глубокій и широкій обрывъ,—гдѣ исправникъ поймалъ Грицку,—густо поросшій деревьями и кустами и представляющій очень удобное убѣжище, но нигдѣ не нашелъ слѣдовъ пребыванія Грицки. Каждую ночь онъ провѣрялъ посты городовыхъ и обходилъ весь городъ, прислушиваясь къ какому нибудь подозрительному шуму или шороху. Поздно ночью онъ возвращался къ себѣ съ этого обхода, но заснуть не могъ. Переодѣвшись въ простое платье и сунувъ въ карманъ ре-

вольверъ, онъ шелъ блуждать по окрестностямъ. Но все было тихо и спокойно — Грицко ничѣмъ не обнаруживалъ своего присутствія. Въ этихъ поискахъ, въ этомъ напряженномъ лихорадочномъ состояніи, прошла недѣля, другая, третья. Чѣмъ далѣе шло время въ этихъ безуспѣшныхъ поискахъ, тѣмъ сильнѣе и сильнѣе напрягалось все существо Куроѣдова; всѣ его мысли и впечатлѣнія какъ-то стягивались въ одну центральную точку — къ Грицкѣ-Могилѣ. Порой сквозь эти мысли, сквозь это лихорадочное напряженіе, ему казалось, что у него исчезло то хладнокровіе, то безпристрастіе, та обдуманность и трезвое отношеніе, которыя всегда сопутствовали ему; казалось, что имъ владѣетъ одна только горячка, одна нервность, и что онъ глупо раскидывается изъ стороны въ сторону. Онъ предполагалъ, что Грицко нарочно,—какъ и поступаютъ опытные преступники,—не показывается, чтобы усыпить подозрительность, успокоить волненіе, и съ напряженнымъ вниманіемъ ждалъ его появленія.

Обыватели, оцѣпенѣвшіе въ ужасѣ отъ разнесшагося слуха о Грицкѣ, видя, что этотъ слухъ ничѣмъ не подтверждается, стали приходить въ себя. Говорили, что это глупая шутка какого нибудь шалопая, котораго слѣдовало бы разыскать и высѣчь; что еслибы Грицко бѣжалъ, то теперь отъ города не осталось бы камня на камнѣ, что навѣрно Грицко, закованный въ кандалы, сидитъ себѣ на каторгѣ, а, можетъ быть, и косточки его давно лежатъ въ землѣ. Говорили, что хотя исправникъ получилъ какую-то секретную бумагу, но эта бумага касалась вовсе не Грицки, а какой-то иноземной вліятельной особы, о прибытіи которой извѣщалось и предписывалось соблюсти въ городѣ порядокъ. Вотъ почему были усилены посты городовыхъ и исправникъ находился въ такомъ страхѣ. Обыватели, легко повѣривъ первому слуху, также быстро увѣрили себя въ противномъ и успокоились. Тихая, безмятежная жизнь,—нарушенная страшнымъ слухомъ, подобно водяной гладкой поверхности, спокойное лоно которой возмутилъ брошенный камень,—приняла опять свой обычный сонный характеръ. Обыватели легче вздохнули и свободнѣе стали посѣщать другъ друга.

Пользуясь этимъ, какъ-то разъ на хуторѣ городскаго головы Гайдоренки собрались изъ города гости. Гайдоренко

былъ вдовъ и хозяйкой дома была его единственная дочь—двадцатилѣтняя красавица Галя.

Молчаливая и мечтательная, Галя смотрѣла на жизнь сквозь очки своей романтической фантазіи; она искала какого-то героя въ образѣ демона, какихъ-то подвиговъ необыкновенныхъ, таинственныхъ и страшныхъ. Иногда она внезапно оживлялась и становилась разговорчивой; ея звонкій смѣхъ такъ и звучалъ въ ушахъ, остроумная насмѣшка такъ и колола слишкомъ самоувѣреннаго поклонника,—она дѣлалась душой и центромъ общества. Но также внезапно это оживленіе гасло, лицо принимало скучный, усталый видъ, и она, какъ улитка, опять уходила въ свою раковину. Томной задумчивостью на лицѣ она производила сильное обаяніе на окружавшую ее молодежь. У нея было много поклонниковъ, считавшихъ за честь «предложить ей свою руку и сердце»; но она никого не дарила благосклонностью: нѣжныя записочки на розовой бумагѣ, продушенныя резедой, геліотропомъ, а иногда и пачулью, уничтожала безъ всякаго сожалѣнія и на пламенные взгляды и меланхолическіе вздохи своихъ поклонниковъ смотрѣла съ холоднымъ спокойствіемъ мраморной статуи. Всѣ ея «поклонники» казались ей слишкомъ пошлыми, слишкомъ похожими другъ на друга во всемъ, начиная съ ихъ костюмовъ и кончая объясненіями въ любви. Она мечтала о болѣе выдающемся человѣкѣ, который явился бы и сразу покорилъ ея сердце.

— Сколько хлопцевъ за тобой пріударяетъ, Галю, а ты хоть бы что!—говорилъ ей, со своей добродушной грубоватостью, отецъ. — Чѣмъ же они не хороши?.. Вотъ хоть бы Шкурко: молодецъ хоть куда, плечи—косая сажень, ростомъ гвардеецъ, богатырь Илья Муромецъ. Есть у него, положимъ, одинъ изъянецъ, да это плевое дѣло; несетъ отъ него какимъ-то душкомъ,—не то потомъ, не то болотной тиной,—Аллахъ разберетъ! А зато, вѣдь, какъ влюбленъ-то онъ въ тебя? Буркулы такъ и таращитъ, а лицо горитъ, точно мѣдный вычищенный самоваръ. Охоту забылъ, а вѣдь Немвродъ во всемъ уѣздѣ, да и состояніе у него крупное. Ну, чего головой мотаешь, какъ корова хвостомъ? не пришелся по вкусу, такъ вотъ тебѣ другой...

— Довольно, довольно, папа; я вамъ вѣрю, что они всѣ герои, но только не моего романа...

— Такъ что жь ты въ старыхъ дѣвкахъ хочешь засѣсть?! Ну, если тѣ не по вкусу пришлись, такъ Макогоненко — женихъ настоящій, комильфотный, аристократическій. И влюбленъ вѣдь тоже по уши.

— Макогоненко? Макогоненко... нѣтъ, что вы, папа?..

— Такъ какого же тебѣ бісова сына надо?!..—горячился ея отецъ.

— Мнѣ?.. мнѣ?.. Я съ вами буду жить, папа,—обвивая его шею руками и ласкаясь къ нему, говорила она.—Мое время, значитъ, не пришло; а когда настанетъ... «Онъ придетъ, и подъ плащъ къ нему кинусь я вдругъ», — прошептала она.

— Эхъ ты дурында, дурында моя! Ворчитъ на тебя твой старый батька, а какъ уйдешь, то зажурится онъ за тобой...

Въ городѣ главнымъ претендентомъ на руку Гали считался и самъ себя считалъ Георгій Ивановичъ Макогоненко. Онъ стяжалъ себѣ репутацію «женскаго сердцеѣда» и краснорѣчиваго оратора. Побывавъ въ Петербургѣ и Москвѣ, онъ привезъ оттуда безчисленное количество разнообразныхъ модныхъ галстуковъ и костюмовъ; одѣвался съ претензіей на столичный шикъ, смотрѣлъ на всѣхъ свысока, какъ на прозябающихъ провинціаловъ, и, усвоивъ полупрезрительный, полуснисходительный тонъ, считался львомъ среди молодежи. Избалованный легкими побѣдами надъ женщинами, онъ былъ настолько самоувѣренъ, что въ немъ ни разу не шевельнулось сомнѣніе, что женщина, за которой онъ ухаживаетъ, могла бы не покориться ему. «На этотъ счетъ у меня мертвая хватка,—говаривалъ онъ въ кругу своихъ пріятелей,—разъ я намѣтилъ, отъ меня ужь не уйдетъ, будь она графиня или княгиня. Эхъ, помню я въ Петербургѣ, славное было времячко!.. Чего я тамъ не выдѣлывалъ съ ними—катался, какъ сыръ въ маслѣ... Да вотъ я вамъ разскажу»...

И онъ начиналъ описывать свои, нѣсколько разъ уже разсказанные, имъ, подвиги въ Петербургѣ. Пріятели слушали съ такимъ же вниманіемъ и восхищеніемъ, какъ въ предыдущій разъ, такъ какъ Макогоненко, благодаря своей изобрѣтательности, вносилъ каждый разъ что нибудь новое въ свой разсказъ.

Онъ давно ухаживалъ за Галей, изощряя всю свою опытность, пріобрѣтенную прежними побѣдами, но шансы его на успѣхъ оставались тѣ же. Это, впрочемъ, не обезкураживало

его, такъ какъ втайнѣ онъ былъ глубоко увѣренъ, что Галя своей наружной холодностью ловко маскируетъ страсть къ къ нему. «Надо только уловить моментъ, и страсть, подобно огненной лавѣ, хлынетъ изъ-подъ этой ледяной оболочки»,— говорилъ онъ въ минуты откровенности, за дружеской бесѣдой, своимъ пріятелямъ. «Это натура романтичная, экзальтированная, стыдливая, какъ мимоза, сулящая большія наслажденія, но и муки обладателю. Она вся полна грезами о чемъ-то необыкновенномъ; на этой-то струнѣ, столь развитой у нея, и надо играть, чтобы добиться успѣха».

— Да вы великій психологъ, Георгій Ивановичъ! — замѣчали умиленные пріятели.

— Я лишь тонкій знатокъ женскаго сердца во всѣхъ его мельчайшихъ изгибахъ,—скромно говорилъ Макогоненко, хитро прищуривая свой глазъ.

Гайдоренко былъ очень радъ гостямъ. Большой хлѣбосолъ, весельчакъ, говорунъ, онъ дня не могъ прожить безъ общества, но по милости этого проклятаго Грицки къ нему столько времени никто не заглядывалъ. Въ этотъ день онъ, предварительно выкупавшись и облекшись въ свѣжую чечунчевую пару, собрался въ городъ, чтобы побывать кое у кого изъ знакомыхъ и поиграть въ карты. Но только что онъ подумалъ приказать закладывать лошадей, какъ изъ окна своего кабинета увидѣлъ съѣзжавшую въ ворота усадьбы знакомую всему городу пару нѣгихъ и широкій, вмѣстительный тарантасъ начальника почтово-телеграфной конторы. Въ тарантасѣ сидѣли: начальникъ конторы, казначей и докторъ. Гайдоренко, не смотря на солидность своего возраста и положенія, съ легкостью юноши сбѣжалъ на крыльцо и встрѣтилъ пріѣхавшихъ съ распростертыми объятіями, помышляя съ удовольствіемъ о преферансѣ. Лихо подкатилъ къ крыльцу въ щегольской пролеткѣ Макогоненко и, ловко выпрыгнувъ, съ пальто на рукѣ, попалъ въ тѣ же распростертыя объятія Гайдоренки. Пріѣхало нѣсколько молодыхъ людей, нѣсколько подругъ Гали. Домъ оживился и наполнился говоромъ, смѣхомъ, поцѣлуями и шумомъ. Гайдоренко, чтобы не терять дорогаго времени, пригласилъ своихъ партнеровъ въ кабинетъ, гдѣ ужь былъ, точно по мановенію волшебника, раскрытъ зеленый столъ и дымились стаканы съ пуншемъ.

— А почему нашъ уважаемый Аввакумъ Пименовичъ не пріѣхалъ съ вами?—обратился Гайдоренко къ казначею, тасуя карты.

— Все боится; вечеромъ никуда не выѣзжаетъ, развѣ по какой нибудь экстренной надобности, и ограничивается утренней прогулкой въ своемъ садикѣ.

— Да чего онъ боится-то? Все успокоилось, о Грицкѣ и помину нѣтъ; такъ, вѣрно, какой нибудь балбесъ сболтнулъ, а въ городѣ подняли трезвонъ, и все женщины—точно сороки...

— Нѣтъ, нѣтъ, не говорите такъ, не говорите!—поспѣшно возразилъ казначей.—Бумага, дѣйствительно, была получена; изъ вѣрнаго источника знаю.

— Нууу... — протянулъ Гайдоренко, сдавая карты.

— Могу подтвердить,—вмѣшался въ разговоръ начальникъ конторы,—что на имя исправника былъ пакетъ съ надписью: «совершенно секретно»; собственными глазами видѣлъ.

Гайдоренко присвиснулъ.—Вотъ какъ! А я думалъ, что это однѣ бабьи сплетни.—И, обратившись къ казначею, спросилъ:

— Вы въ чемъ играете?

— Пики, — отвѣтилъ казначей и продолжалъ прерванный разговоръ.

— Да, Андрей Степановичъ, еслибы вы были въ шкурѣ Аввакума Пименовича, то не такъ бы заговорили. Вы знаете, что сказалъ ему Грицко, когда тотъ поймалъ его? Онъ сказалъ, что какъ только вернется изъ Сибири, то къ нему первому явится въ гости. Вотъ что онъ сказалъ!

— Ишь вѣдь подлецъ каторжный, — машинально пробурчалъ Гайдоренко, думая, какъ бы ему обремизить казначея.

— Этотъ Грицко является патологическимъ уклоненіемъ отъ нормальнаго типа, аномаліей съ точки зрѣнія Ломброзо,— сказалъ докторъ, протирая стекла очковъ.

Молодежь расположилась на широкой открытой террасѣ за чайнымъ столомъ, уставленнымъ всевозможными яствами, и занялась болтовней.

Жаркій день догоралъ и ночь быстро спускалась на землю. Длиннѣе ложились тѣни, темнѣе становились краски, блѣднѣе пурпуръ заката. Стихали доносившіеся съ скотнаго двора: мычанье коровъ, ржанье и топотъ лошадей, блеянье овецъ и людской говоръ. Садъ темнѣлъ и деревья сливались въ одну

общую черную массу. На темнѣющей синевѣ неба сначала слабо, чуть замѣтно, а затѣмъ ярче и ярче загорались крупныя звѣзды. Крѣпче и душистѣе понесся запахъ цвѣтовъ отъ клумбъ, разбитыхъ возлѣ террасы. Потянуло свѣжестью. Въ кустахъ защелкалъ влюбленный соловей. На террасѣ постепенно стихали говоръ, смѣхъ, шутки; молодежь приноякла, погрузившись въ мечтательную дрему, навѣянную тихой и теплой украинской ночью.

— Ночь любви и наслажденій!—томно сказалъ, растягивая слова, Макогоненко, бросая взглядъ на Галю.

— Хотите, я разскажу вамъ, господа, о другой страшной ночи, которая тоже была предназначена для любви и наслажденій? Но я начну, какъ говорятъ, ab ovo, если мнѣ позволятъ мои благосклонные слушатели и мои прелестныя слушательницы,—мягко обратился онъ, обводя всѣхъ глазами и останавливая ихъ на Галѣ.

— Пожалуйста, пожалуйста, Георгій Ивановичъ! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Галя молча кивнула головкой и, облокотившись на рѣшетку террасы, задумчиво устремила глаза въ темноту сада.

— Это было давно,—началъ Макогоненко, картинно опершись на спинку стула и поигрывая золотымъ пенсне.

Онъ началъ разсказъ о кровавой эпопеѣ Гриньки Могилы. Въ этомъ повѣствованіи фигурировали и сверхъестественныя силы, и привраки, а самъ Гриньо являлся какимъ-то демономъ, которому ничего не стоило стереть съ лица земли, «какъ плѣсень» (подлинное выраженіе оратора) нашъ городишка. Вообще Макогоненко любилъ дѣйствовать на воображеніе слушателей, преимущественно женщинъ, мрачными разсказами и, надо отдать ему полную справедливость, имѣлъ большой успѣхъ.

Въ этотъ вечеръ Макогоненко разсыпалъ цвѣты своего краснорѣчія исключительно для одной Гали, лелѣя сладкую мысль, что онъ поймалъ теперь удобный моментъ, и она, очарованная его разсказомъ, выдастъ себя. Всѣ собрались въ тѣсный кружокъ и съ упоеніемъ слушали разсказъ. Дѣвицы порой вскрикивали, а въ патетическихъ мѣстахъ тѣснѣе жались другъ къ другу и шептали на ушко: «какой душка Георгій Ивановичъ»!

Молодые люди, покручивая усы, снисходительно смотрѣли

на нихъ, но взоры ихъ чаще всего были устремлены на Галю.

Галя же ни разу не подарила оратора взглядомъ своихъ прелестныхъ глазъ, ни разу не поощрила его улыбкой и, не перемѣняя позы, задумчиво устремивъ глаза въ темноту ночи, молчаливо слушала разсказъ. Въ самомъ интересномъ мѣстѣ, когда Макогоненко съ пафосомъ разсказывалъ въ стилѣ Марлинскаго: «Была ужасная ночь; разгнѣванное небо грохотало неумолкаемо, готовясь поглотить всю землю, и, казалось, горѣло пожаромъ отъ ежеминутнаго блеска молній, которыя, какъ огненныя змѣи, бороздили черныя, тяжелыя тучи. Вѣтеръ ревѣлъ. Было что-то величественное въ этой картинѣ разнузданныхъ стихій. И вотъ клейменый каторжникъ, хранящій на себѣ слѣды кандаловъ, и молодая дѣвушка,—чистый, неперочный цвѣтокъ, богъ вѣсть какимъ чудомъ расцвѣтшій въ глуши,—сошлись на днѣ обрыва»...

— Я въ такого человѣка тоже бы страстно влюбилась,— задумчиво отозвалась Галя, перебивая оратора, — онъ, какъ въ злобѣ, такъ и въ любви, долженъ быть великъ. Только напрасно они выбрали такую погоду; конечно, гроза красива, но ею лучше любоваться изъ окна. Въ обрывѣ была невылазная грязь и мокрота; они оба—мокрые, вымазанные грязью... Фи, нѣтъ, некрасиво! Я бы поступила иначе, — продолжала она подъ нашлывомъ фантазіи, — я бы выбрала теплую лунную ласкающую ночь. Мы — на высокой горѣ, съ которой открывается широкій просторъ для глазъ. Все въ лунномъ сіяніи, точно задумавшись, слушаетъ пѣснь любви. Онъ у ногъ моихъ, не отрывая своихъ молящихъ страстныхъ очей, съ томленіемъ ждетъ, когда завѣтное слово сорвется и... Впрочемъ, виновата, я васъ перебила, Георгій Ивановичъ,—продолжайте, пожалуйста...

— Я васъ слушаю, Галя Андреевна; вы такъ удивительно разсказываете, что мнѣ остается передать вамъ пальму первенства,—раздраженно сказалъ Макогоненко и оборвалъ разсказъ.

Галя молча пожала плечами и болѣе не обращалась къ нему ни съ однимъ словомъ. Какъ ни умоляла молодежь Макогоненку продолжать разсказъ, тотъ наотрѣзъ отказался. Весь вечеръ онъ былъ не въ духѣ, говорилъ сарказмы, колкости; одну, влюбленную въ него дѣвицу, довелъ до слезъ и, отказавшись отъ ужина, разсерженный уѣхалъ домой.

V.

Гости, послѣ сытнаго, обильнаго ужина, разъѣхались. Галя, проводивъ гостей, вошла въ свою комнату. Спать ей не хотѣлось; она раздѣлась, накинула легкій, широкій капотъ, взяла въ руки книгу и прилегла на оттоманкѣ.

Свѣтъ отъ лампы на мраморномъ столикѣ, у ея изголовья, изъ-подъ розоваго шолковаго абажура ярко освѣщалъ ея лицо, часть головы, пышную, темную, слегка развившуюся косу, небрежно упавшую съ плеча на высокую грудь; вся остальная часть ея обширной комнаты была погружена въ пріятный полусвѣтъ.

Въ открытыя окна струился теплый воздухъ ночи, шевеля бѣлыя ажурныя занавѣси; виднѣлась чернѣющая масса деревьевъ сада, а сквозь просвѣты этой массы сверкали звѣзды. Галя, положивъ книгу на колѣни, задумалась, перебирая мысленно впечатлѣнія вечера...

Легкій стукъ вывелъ ее изъ задумчивости; она подняла глаза и кровь остановилась въ ея жилахъ. Одинъ мигъ: ей метнулось въ глаза звѣрское лицо, сѣрая свитка; рыжія космы волосъ изъ подъ черной шапки; револьверъ, наведенный на нее. Сверкнуло что-то блестящее за поясомъ: какъ показалось ей, огромный ножъ Грицки Могилы. Что-то стукнуло въ голову; чьи-то шаги, чей-то голосъ,—и все пошлыло, и Грицко исчезъ, и она потеряла сознаніе...

Она очнулась на оттоманкѣ; возлѣ нея въ халатѣ стоялъ отецъ съ перепуганнымъ блѣднымъ лицомъ.

— Лучше, лучше тебѣ?—шепталъ онъ, наклонясь къ ней.— Слава богу, слава богу!.. Очнулась, очнулась!.. Надо послать лошадей за приставомъ, за приставомъ,—скороговоркой говорилъ онъ, отходя отъ нея и поспѣшно, суетливо закрывая окна.

— Ну, что? какъ ты себя чувствуешь? Прими валеріановыхъ капель.

— Да, да, мнѣ лучше, папа; но пойми, я его видѣла, этого демона зла. Онъ появился предо мной, какъ Мефистофель передъ Фаустомъ, я его видѣла, да, видѣла... Но, ахъ, какая я нервная! мнѣ и теперь страшно; мнѣ все кажется, что

онъ здѣсь и цѣлится изъ револьвера. Ахъ! ахъ!—и она истерично заплакала.

— Успокойся, успокойся, Галю; нѣтъ, нѣтъ его, подлеца каторжнаго; нѣтъ его, успокойся!..

— Эй, Приська, Приська!..—крикнулъ Гайдоренко, возвысивъ голосъ.

Приська не показывалась, и только ея храпъ былъ слышенъ изъ коридора.

— Приська, ледащая дѣвка!—крикнулъ во все горло Гайдоренко, выходя въ коридоръ.

Храпѣніе смолкло.

— Га?!—раздался глупо испуганный голосъ.

— Га!.. га!—передразнилъ Гайдоренко.—Иди сюда!..

О полъ стукнули босыя ноги, послышались тяжелые невѣрные шаги тѣхъ же босыхъ ногъ, и въ комнату Гали вошла растрепанная Приська, съ глупымъ сонным выраженіемъ на рябомъ блинообразномъ лицѣ, поправляя плахту и щуря отъ свѣта свои заспанные глаза.

— Приська, Приська, лошадей надо за приставомъ послать, за приставомъ послать... Скорѣй, скорѣй!.. горячился Гайдоренко.

— Га? — недоумѣвая, спросила Приська, стараясь раскрыть свои слипающіеся глаза.

— Дура!—отрѣзалъ Гайдоренко.

— Грицко Могила былъ тутъ.

— Грицко?—въ испугѣ переспросила Приська, и весь сонъ ея, какъ рукой, сняло.

— Ой Боже жь мій!.. Мое намисто, мои дукачи! — Она бросилась бѣжать изъ комнаты съ пронзительнымъ крикомъ:— Грыцько!.. Грыцько!..

Приська всполошила всю дворню. Въ какомъ-то глупомъ отупеніи отъ сна, все растерянно забѣгало, засуетилось, заволновалось. Гайдоренко, приказавъ кучеру ѣхать за приставомъ, велѣлъ освѣтить весь домъ и обыскать всѣ углы. Искали подъ кроватями, подъ диванами, въ шкафахъ, въ кладовыхъ, на чердакѣ, но нигдѣ никого не нашли. Грицко, такъ неожиданно показавшійся, канулъ, какъ въ воду. Во время этой суматохи, пріѣхалъ Куроѣдовъ. Гайдоренко встрѣтилъ его и подъ руку ввелъ въ комнату Гали.

— Вотъ здѣсь, здѣсь былъ подлецъ каторжный,—скороговоркой сказалъ онъ, жестомъ приглашая Куроѣдова сѣсть.— Я шасть въ ея комнату, думалъ разсказать ей на сонъ грядущій, какъ мнѣ везло сегодня въ карты. Смотрю и глазамъ не вѣрю. Стоитъ этотъ извергъ съ револьверомъ вотъ здѣсь, возлѣ этого самаго окна, а она, моя голубка, лежитъ, ни кровинки въ лицѣ. Огромный ножъ за поясомъ. Кончено—убилъ! «Пропадать, такъ пропадать»! думаю. Бросился къ нему, чуть было за свитку не схватилъ, а онъ поднесъ мнѣ дулю подъ носъ, повелъ эдакъ глазищами на меня, да въ окно—и былъ таковъ.

Куроѣдовъ стоялъ и хладнокровно слушалъ Гайдоренку, и только по разгорѣвшимся глазамъ да расширившимся ноздрямъ можно было судить о степени его волненія.

«Наконецъ-то, наконецъ-то, Грицко показался»! думалъ онъ.

Внимательно вслушивался онъ въ разсказъ Гайдоренки, взвѣшивая каждое слово и впиваясь въ разскащика своими проницательными глазами, точно желая прочитать что нибудь недосказанное. Сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ Галѣ, просилъ описать костюмъ, внѣшность, моментъ, когда она увидѣла разбойника, и что́ прежде всего бросилось ей въ глаза. Снялъ съ лампы абажуръ и, при такомъ освѣщеніи, внимательно осмотрѣлъ комнату, открылъ окно, вылѣзъ изъ него, осмотрѣлъ и смѣрилъ слѣды на землѣ. Покончивъ съ вопросами и изслѣдованіями, онъ вывелъ слѣдующее заключеніе.

Грицко несомнѣнно былъ, хотя испуганное воображеніе Гайдоренки и его дочери наградило его такимъ видомъ, какой имѣютъ лишь сказочные разбойники; тѣмъ болѣе, если взять во вниманіе ночь, слабо освѣщенную комнату, преувеличенные разсказы о Грицкѣ. «Львиная грива»! Волосы у Грицки рыжіе; на свободѣ они отросли, а перепуганное воображеніе создало уже и львиную гриву. Револьверъ былъ, конечно. «Огромный ножъ»! Не ножъ, а, вѣрнѣе, у него торчала за поясомъ или въ карманѣ трубка; ножъ, если и былъ, то развѣ за голенищемъ. Въ жизни, каторжники-злодѣи бываютъ гораздо проще, чѣмъ ихъ рисуютъ люди въ своемъ воображеніи. Характерная черта разбойника-нахала, — къ этому типу принадлежитъ и Грицко, — это наглое шутовство. Онъ поднесъ дулю Гайдоренкѣ, точно подзадоривая его, и выпрыгнулъ въ окно. Вы-

прыгнулъ онъ не изъ трусости, а болѣе важная причина была у него. Онъ влѣзъ въ комнату съ цѣлью грабежа, даже имѣя въ виду зарѣзать; но, какъ преступникъ-сладострастникъ, плѣнился красотой дѣвушки, хотѣлъ напугать ее револьверомъ и во время испуга овладѣть ею; но неожиданно вошедшій отецъ помѣшалъ ему. Не убилъ онъ ихъ тотчасъ, а оставилъ себѣ на будущее лакомый кусочекъ—дочь головы. У этихъ сладострастниковъ чувство беретъ верхъ надъ всѣми соображеніями...

VI.

Куроѣдовъ вышелъ изъ деревянныхъ рѣшетчатыхъ воротъ усадьбы Гайдоренки. Отказавшись отъ закуски и лошадей, предложенныхъ гостепріимнымъ Гайдоренкой, онъ рѣшилъ идти пѣшкомъ въ городъ, чтобы захватить съ собой городовыхъ и начать розыски. Хуторъ Гайдоренки находился въ двухъ верстахъ отъ города; это разстояніе можно быстро пройти, а онъ мимоходомъ надѣялся наткнуться на какіе нибудь слѣды, предполагая, что Грицко хотя скрылся, но долженъ быть недалеко.

Онъ шелъ быстро по дорогѣ, безшумно ступая по мягкой, густой пыли, осѣвшей въ ночной прохладѣ. Пронизывая глазами ночной полусумракъ, онъ точно стремился всѣмъ своимъ существомъ открыть то мѣсто, гдѣ скрывается Грицко.

Тихо и пустынно было кругомъ. Темно-синій воздушный куполъ, опрокинутый надъ землею, сверкалъ и сіялъ безчисленнымъ множествомъ звѣздъ; свѣжесть, запахъ молодыхъ хлѣбовъ и скошенной травы неслись съ полей; гдѣ-то вдали, красноватой точкой, слабо мерцалъ разложенный костеръ; издали доносился еле слышный одинокій собачій лай; на востокѣ начинала бѣлѣть полоска.

Куроѣдовъ шелъ въ возбужденно-радостномъ настроеніи. Наконецъ-то добыча, такъ долго ожидаемая, сама идетъ въ руки! Въ успѣхѣ онъ не сомнѣвался; онъ былъ увѣренъ, что если не сегодня, то завтра, а Грицко будетъ въ его рукахъ. Ему приходилось имѣть дѣло съ болѣе ловкими людьми, да и тѣ не ускользали, а этотъ беретъ только однимъ нахальствомъ.

Такъ думалъ Куроѣдовъ, вдыхая полной грудью воздухъ

и глядя на дремлющія въ безмолвіи поля, которыя тянулись, тянулись и уходили въ глубину ночной мглы. Изъ этой мглы выплыло черное, широкое, косматое, удлиненное пятно. «Это обрывъ», подумалъ Куроѣдовъ и инстинктивно ощупалъ въ карманѣ револьверъ. Онъ свернулъ съ дороги и пошелъ по самому краю обрыва. Показался ли ему подозрительный шумъ, или это было чисто внутреннее чувство, но онъ сразу остановился и замеръ. Жадно всматриваясь въ темную чащу деревьевъ,—казавшихся въ ночномъ мракѣ какимъ-то косматымъ, безобразнымъ чудовищемъ, протягивающимъ изъ недосягаемой бездны свои безчисленныя лапы, — онъ съ затаеннымъ дыханьемъ сталъ прислушиваться. Кругомъ была нѣмая тишина; только ночная птица, чѣмъ-то вспугнутая, вынырнула изъ чащи, всколебала воздухъ крыльями и, описавъ два короткихъ зигзага, нырнула опять въ чащу. Куроѣдовъ постоялъ еще нѣсколько минутъ, прислушиваясь, и пошелъ далѣе.

«Скоро будетъ то мѣсто, гдѣ копаютъ глину, а тамъ близко переходъ черезъ обрывъ; оттуда ужь до города четверть часа ходьбы,—подумалъ онъ. — Мнѣ померещилось; надо спѣшить, скоро ночь пройдетъ».

Онъ пошелъ быстрѣе, не переставая прислушиваться. Среди ночнаго безмолвія, его чуткій, напряженный слухъ теперь ясно уловилъ какое-то тихое хрипѣнье; онъ остановился... хрипѣнье продолжалось. Онъ бросился на землю и тихо, какъ змѣя, сталъ сползать на дно обрыва, держась за кустарники; но странно, чѣмъ глубже онъ опускался, тѣмъ хрипѣнье становилось тише и тише, точно удаляясь и, наконецъ, совсѣмъ смолкло. Куроѣдовъ остановился и сталъ напряженно вслушиваться.

Явственно среди ночной тишины, недалеко отъ него за густыми зарослями кустовъ, послышался грубый, сиплый голосъ.

— Доризалъ?

— Доризалъ,—былъ отвѣтъ.—Не захорчитъ, а крови богато вытекло, какъ съ вола. Здоровый, да жырный бувъ!

— Ну, теперъ гайда, къ Гершкѣ въ шинокъ отволочимъ,— прозвучалъ грубый, сиплый голосъ.

«Кого они укокошили»?—подумалъ Куроѣдовъ. Онъ быстро выползъ изъ обрыва и побѣжалъ въ городъ.

Въ головѣ его вихремъ неслись мысли. Его поражало что-то странное, точно какая-то подтасовка въ судьбѣ Грицки: казалось, что таинственная сила рока притянула Грицку опять на то мѣсто, гдѣ онъ десять лѣтъ тому назадъ былъ схваченъ; поражало то обстоятельство, что онъ, какъ тогда исправникъ, наткнулся на Грицку въ этомъ же самомъ мѣстѣ «Странно, странно»! шепталъ онъ, стараясь глубже вдуматься.

Въ неопредѣленныхъ очертаніяхъ показался передъ нимъ городъ. Заблестѣли золотыми точками рѣдкіе огни фонарей; послышался отчетливый собачій лай, запахло жильемъ.

Куроѣдовъ, приказавъ четыремъ городовымъ слѣдовать за собой, пошелъ обратно къ обрыву. Подойдя къ краю, всѣ осторожно стали спускаться на дно. Мрачное подавляющее безмолвіе царило въ этой обступившей со всѣхъ сторонъ сырой чащѣ, скрывавшей въ своемъ мракѣ какое-то страшное, только что совершившееся, злодѣяніе. Городовые, ощупывая револьверы, невольно ощущали робость, идя за Куроѣдовымъ. А Куроѣдовъ, продираясь сквозь кусты, шелъ и шелъ впередъ къ тому мѣсту, откуда онъ слышалъ голоса. Тамъ никого не было. Куроѣдовъ зажегъ спичку и всѣ, наклонившись, увидѣли траву, сильно примятую, и большую лужу крови.

VII.

Шинокъ Гершка, къ которому направился Куроѣдовъ, лежалъ между городомъ и хуторомъ головы, въ верстѣ разстоянія отъ города, въ сторонѣ отъ большой дороги, и давно считался недобрымъ мѣстомъ, гдѣ совершались разныя темныя дѣла. Куроѣдовъ давно намѣтилъ этотъ шинокъ; Гершко своимъ низкопоклонствомъ, заискиваньемъ и рысьими пронырливыми глазами былъ ему очень подозрителенъ; но, не имѣя прямыхъ уликъ, онъ откладывалъ до болѣе удобнаго случая сведеніе съ нимъ счетовъ. «Теперь накрою и Грицку, и жида», думалъ онъ, подходя къ шинку.

Свѣтало. Звѣзды поблѣднѣли; потянулъ свѣжій утренній вѣтерокъ. Входныя двери шинка были наглухо заперты; но въ окнахъ виднѣлся свѣтъ. Куроѣдовъ заглянулъ въ окно, но окно до половины было занавѣшено красной кумачевой занавѣской и внутри было тихо. Поставивъ двухъ городовыхъ,—

одного къ входнымъ, другаго—къ заднимъ дверямъ, и приказавъ остальнымъ двумъ слѣдовать за собой, онъ однимъ взмахомъ выбилъ раму и вскочилъ въ шинокъ.

Въ шинкѣ, за грязнымъ некрашеннымъ столомъ, сидѣли на скамьѣ два мужика въ накинутыхъ на плечи сѣрыхъ свиткахъ. Передъ ними стояла бутылка водки, колбаса, сало и большой кусокъ чернаго хлѣба; тутъ же лежали черныя смушковыя шапки. Съ потолка, покрытаго несмѣтнымъ роемъ мухъ, спускалась на желѣзномъ крюкѣ грязная, еле горѣвшая, лампа съ закопченнымъ стекломъ, непріятно и болѣзненно-тускло освѣщая шинокъ своимъ желтоватымъ свѣтомъ. Спиртный боченочный запахъ, смѣшанный съ запахомъ махорки и керосина, стоялъ въ воздухѣ. Гершко въ потертомъ лапсердакѣ стоялъ за стойкой, на которой горѣлъ огарокъ сальной свѣчи, и считалъ деньги.

При внезапномъ появленіи пристава, всѣ въ страхѣ встрепенулись: Гершко уронилъ деньги и онѣ, звеня, разсыпались по глиняному полу; мужики схватили шапки, намѣреваясь бѣжать.

— Ни съ мѣста!—сказалъ Куроѣдовъ, наводя револьверъ.

— Зацемъ!?. зацемъ левольвель!?. Зацемъ!?—корчась отъ страха, закричалъ Гершко.

Мужики поблѣднѣли и молча стояли, переминая шапки въ рукахъ. Одинъ изъ нихъ, рыжій, плечистый, бросалъ исподлобья недобрые взгляды на Куроѣдова; другой, бѣлобрысый, болѣе моложавый, казалось, былъ очень смущенъ.

— И зацемъ ви, гашпадинъ приставъ, изволили въ окно войти, когда двери Герски всегда открыты къ услугамъ васего высокородія? — лебезилъ Гершко.

— Молчать! Дойдетъ очередь до тебя.

— Вяжите ихъ! — крикнулъ Куроѣдовъ городовымъ, указывая на мужиковъ и оглядѣвъ ихъ быстрымъ проницательнымъ взглядомъ.

— За что, позвольте спросыть, ваше благородіе?—сказалъ рыжій мужикъ, дѣлая шагъ по направленію къ приставу.— Мы никого не заризали, никого не вбыли, за что же вязать?

— А въ обрывѣ вы кого зарѣзали? — ледянымъ тономъ спросилъ Куроѣдовъ, внимательно слѣдя за выраженіемъ ихъ лицъ.

и не рѣзалъ бы барана въ обрывѣ,—ѣдко усмѣхаясь, сказалъ Куроѣдовъ.

Рыжій мужикъ, при послѣднихъ словахъ Куроѣдова, какъ-то опѣшилъ.

— Попомните мое слово, ваше благородіе, будете сами каяться, да поздно будетъ, — сказалъ онъ.

Что-то дрогнуло внутри Куроѣдова при этихъ словахъ мужика и не отъ словъ, — онъ не былъ суевѣренъ, — а отъ того тона, какимъ были они сказаны. «Такимъ тономъ не можетъ говорить разбойникъ», что-то шепнуло ему. «Нѣтъ, опытные разбойники — опытные актеры», перерѣшилъ онъ.

«А эти насмѣшки, подмигиванье глазомъ... Что же это»?..

— Свяжите ихъ!—рѣзко приказалъ онъ городовымъ.

— Ну, Гершко, за тобой очередь?

— И цто приказете, васе высокородіе?

— Ты знаешь ихъ? — спросилъ Куроѣдовъ, указывая на мужиковъ.

— Ни, первый разъ вижу.

— Говори: плохо будетъ.

— Ей богу первый разъ вижу.

— Ты мнѣ сейчасъ будешь говорить иначе, — спокойно сказалъ Куроѣдовъ, наводя револьверъ.

— Ой... ой!.. все, все сказу... уберите только ле... ле... воль... воль...

— Ну, говори.

Гершко сталъ разсказывать ту же исторію, какую разсказывалъ и рыжій мужикъ.

— Такъ ты опять врать! — сказалъ Куроѣдовъ, направляя на него револьверъ.

— Ой, ой... ва... ше вы... вы... сооо... ко... пре... вос... хо... ди... тель... ство... ой... ой!.. Ой, ей богу ни капелецки не знаю. Ой!.. убе... ри... те... ле... ле... вольвель. Ой... зацемъ... зацемъ!.. Ой, бѣдная моя головушка!

Далѣе послѣдовалъ потокъ безсвязныхъ словъ и восклицаній.

Куроѣдовъ, видя, что отъ перепуганнаго Гершки ничего не добьется, велѣлъ связать его.

Онъ тщательно обыскалъ шинокъ, дворъ, сарай; но, не смотря на все это старанье, трупа не нашелъ.

«Успѣли закопать, мерзавцы»,—подумалъ онъ.

Приведя арестованныхъ въ городъ, онъ хотѣлъ тотчасъ доложить исправнику, но исправникъ еще спалъ. Введя мужиковъ и Гершку въ арестантскую, онъ осмотрѣлъ связывавшія ихъ веревки, самъ заперъ дверь на замокъ и, передавъ ключъ старшему городовому, велѣлъ поставить еще нѣсколькихъ городовыхъ для надзора.

Солнце взошло и ласково обогрѣвало своими лучами спящій пустынный городъ, когда Куроѣдовъ подошелъ къ своей квартирѣ. Утомленный тревогами ночи, онъ, не раздѣваясь, легъ на кровать и заснулъ, какъ убитый.

XIII.

Въ это утро исправникъ проснулся по своему обыкновенію рано и совершалъ въ своемъ садикѣ ежедневную утреннюю прогулку, наслаждаясь свѣжестью утра.

Старшій городовой, ежедневно докладывавшій исправнику о городскихъ происшествіяхъ, подошелъ къ нему, приложилъ руку къ козырьку фуражки и, вытянувшись, отрапортовалъ:

— Честь имѣю доложить, что эту ночь ихъ благородіе поймали Грыцьку и его сотоварища въ шинкѣ у Гершки.

Исправникъ даже покачнулся при этомъ извѣстіи.

— Слава Тебѣ, Господи! — прошепталъ онъ, осѣняя себя широкимъ крестомъ.

Городовой подробно доложилъ о всѣхъ происшествіяхъ этой ночи.

Исправникъ пожелалъ взглянуть на Грицку, но идти въ арестантскую побаивался.

«Какъ увижу эту рыжую морду, да какъ вспомню все, то ей богу не выдержу»! — подумалъ онъ. «Притомъ, увидя меня, Грицко, пожалуй, не задумается полоснуть чѣмъ попало, а пока эти олухи городовые сообразятъ—изъ меня и духъ вонъ. Ловокъ шельма: ни передъ чѣмъ не постоитъ! Недаромъ зарокъ давалъ, когда шелъ въ каторгу».

Онъ подошелъ къ арестантской, окна которой выходили на дворъ, и заглянулъ въ окно. Бѣлобрысый мужикъ сидѣлъ на нарахъ, пригорюнившись. Рыжій сидѣлъ рядомъ съ нимъ и бросалъ безпокойные, сердитые взгляды на дверь. Гершко съ

растрепанными пейсами и разорванным лапсердаком лежал, как пласт, на нарах.

— Где же Грицко? — спросил исправник, пристально вглядевшись в лица мужиков и обращаясь к следовавшему за ним, как тень, старшему городовому.

— А вот, ваше скродіе, рыжій, сердитый. Сам себя Грицькой называл.

— Да это не Грицко Могила!—прошептал исправник.

«Куроедов ошибся»!—молнией пробежало у него в голове.

Приказав отпереть арестантскую, он быстро вошел.

При виде исправника, мужики вскочили с нар; но, крепко связанные по рукам и ногам, свалились на пол.

— Развяжите им ноги!—приказал исправник.

— Как тебя зовут?—спросил он рыжего мужика.

— Грыцько Зозуля, — вытягиваясь в струнку, произнес тот.

— А тебя?—обратился исправник к белобрысому.

— Остап Налывайко,—робко проговорил он.

— Тебя я знаю,—кивнул исправник на Гершку.

— Вы откуда?—обратился он к мужикам.

— Из Пидлыпайловки,—сказал рыжій.

— За что вас арестовали?

— Мы и сами не знаем за что. Шлы мы с Остапом мымо бойни...—И рыжій мужик рассказал исправнику то же, что и Куроедову.

— Явыть божеску мылость, как перед Богом говорю, ослобоните нас. Теперь косовыця, время жаркое, пропустим эту пору, все сино пропадет,...—И он утер глаза рукавом.

Белобрысый мужик всхлипнул.

— А за барана ей богу заплачу!—продолжал рыжій мужик.—Чтоб ему лопнуть на том месте! Еслиб знал, что в такую биду попадем, и не взглянул бы на него

«Так, так, Куроедов ошибся; в этом нет сомнения,—подумал исправник. — Надо же было в это самое время остолопам барана резать!.. Батюшки, я погиб теперь».

Велев развязать мужиков и Гершку, исправник вернулся к себе в кабинет в большом волнении. Только что он хотел успокоить себя солидной щепоткой табаку, как дверь его кабинета с шумом распахнулась, и Макогоненко,

взволнованный и растрепанный, не вошелъ своей джентльменской походкой, а влетѣлъ, какъ бомба. Исправникъ замеръ со щепоткой въ пальцахъ при такомъ безпорядочномъ видѣ Макогоненки, котораго всегда считалъ за образецъ порядочности и благовоспитанности.

— Батенька... Георгій Ивановичъ!.. Что съ вами?! Успокойтесь, выпейте воды...

— Эй, вѣстовой! воды!.. — крикнулъ исправникъ, съ участіемъ смотря на Макогоненку.

Макогоненко отхлебнулъ нѣсколько глотковъ. Исправникъ махнулъ вѣстовому, и тотъ удалился.

— Ну, разсказывайте, что съ вами?

— Я къ вамъ... къ вамъ, Аввакумъ Пименовичъ,—прерывающимся голосомъ началъ Макогоненко,—какъ къ отцу родному...

— Да что случилось?!—съ испугомъ спросилъ исправникъ.

— Вы знаете, что сегодня ночью было у Гайдоренки?

— А что? — поспѣшно спросилъ исправникъ и насторожился.

— Вѣдь Грицко-то Могила былъ я! — выпалилъ Макогоненко.

— Вы?!—съ удивленіемъ воззрился на него исправникъ.

— Да что вы, батенька, Георгій Ивановичъ, шутить что ли вздумали!—съ сердцемъ сказалъ онъ.

— Не шутить, Аввакумъ Пименовичъ! Плохія шутки, вотъ пошутилъ и каюсь. Пошутилъ надъ Галей Андреевной, вздумалъ напугать ее; загримировался Грицкой и влѣзъ черезъ окно въ комнату. Въ мысляхъ не было, чтобы она могла такъ испугаться, тѣмъ болѣе, что она постоянно бредила чѣмъ-то необыкновеннымъ, а какъ увидалъ, что она упала въ обморокъ, то самъ перепугался; тутъ же хотѣлъ сорвать парикъ и броситься къ ней. Въ это время вошелъ ея отецъ и я до того растерялся, что не зналъ, какъ поступить: остаться въ комнатѣ—схватятъ, подымутъ весь домъ на ноги и скандалъ на весь городъ. Не войди отецъ, дѣло, можетъ быть, устроилось бы къ общему нашему благополучію; она пришла бы въ себя и мы объяснились бы. Съ досады я показалъ ему дулю и выпрыгнулъ въ окно. Я бѣжалъ такъ, что чуть парикъ не потерялъ; все думалъ, что за мной погоня. Добѣжавъ до дому, я всю ночь

не могъ сомкнуть глазъ и, чуть стало свѣтать, пошелъ опять на хуторъ. Узнавъ, что все успокоилось, что Галя Андреевна пришла въ себя и что посылали за полиціей, я отправился обратно въ городъ. Не доходя до города, я увидѣлъ пристава и городовыхъ, которые быстро вели кого-то; издали я не могъ разсмотрѣть, но моментально у меня мелькнула мысль, что полиція могла быть введена въ заблужденіе моимъ переодѣваньемъ. Эта мысль не давала мнѣ покоя; съ нетерпѣньемъ и тревогой я ожидалъ, когда вы проснетесь, Аввакумъ Пименовичъ, чтобы все разсказать вамъ.

— Хе-хе-хе! — добродушнымъ хохотомъ залился исправникъ, даже трясясь отъ смѣха своимъ грузнымъ туловищемъ.—Такъ вотъ вы какой... такъ вотъ вы какой ми-сти-фикаторъ! Хе-хе-хе!.. посмѣюсь я надъ Аркадіемъ Ивановичемъ, посмѣюсь!.. Вотъ маху-то далъ, а вѣдь вы, почтеннѣйшій, виноваты.

— Виноватъ, виноватъ; каюсь, Аввакумъ Пименовичъ, только надѣюсь, что это останется между нами. Вамъ извѣстно, какой нашъ городъ, какое общество, какія сплетни... Узнаютъ, мнѣ проходу не будетъ, а я дорожу своей репутаціей.

— Конечно, конечно, добрѣйшій, никому не скажу, а Куроѣдову долженъ сказать, понимаете, долженъ. Вотъ огорошу-то его?.. Хе-хе-хе!.. Ми-сти-фи-каторъ!—добавилъ не то укоризненно, не то поощрительно исправникъ, ткнувъ пальцемъ въ грудь Макогоненки.

Макогоненко ушелъ, вполнѣ довольный собой.

Вскорѣ явился Куроѣдовъ. Онъ вошелъ въ полной парадной формѣ, съ шашкой черезъ плечо.

— Честь имѣю доложить, г. исправникъ, что мною въ эту ночь, согласно вашему предписанію, арестованъ бѣжавшій каторжникъ Грицко Могила. — И онъ сжато разсказалъ происшедшее.

— Вы вполнѣ увѣрены, добрѣйшій Аркадій Ивановичъ, что арестовали Грицку Могилу?—спросилъ съ улыбкой исправникъ, когда Куроѣдовъ кончилъ.

— Вы изволите шутить, г. исправникъ,—холодно сказалъ Куроѣдовъ.

— Хе-хе-хе!.. почему и не пошутить, когда шутится,— добродушно замѣтилъ исправникъ.

— Маху вы дали, огромнаго маху, почтеннѣйшій! Конечно, это останется между нами,—не вы одинъ въ отвѣтѣ.

— Я васъ не понимаю, г. исправникъ?—дрогнувшимъ голосомъ спросилъ Куроѣдовъ, пронизывая исправника своими холодными глазами.

— Да такъ. Грицко Могила у головы вовсе не былъ, а былъ г. Макогоненко, нарядившійся Грицкой, чтобы напугать дочь головы. Сейчасъ онъ былъ у меня съ повинною. А рыжій мужикъ,—я его видѣлъ,—арестованный вами и принятый за Грицку Могилу, оказался, дѣйствительно, Грицкой, только Зозулей. Я васъ не виню, голубчикъ: въ горячкѣ съ каждымъ это можетъ случиться, тѣмъ болѣе, что такъ странно все сошлось... Смѣшновато немножко,—улыбнулся исправникъ,—какъ въ обрывѣ эти остолопы барана рѣзали, а вы богъ знаетъ что подумали. Ну да кто не бывалъ въ смѣшномъ положеніи!

Куроѣдовъ стоялъ, весь оледенѣлый. Мысль его съ быстротой молніи пробѣжала по всей цѣпи происшедшихъ событій, и словно повязка спала съ его глазъ: все, до жестокой очевидности, стало ясно, просто и естественно. Передъ нимъ ярко встала глупая, возмутительная сцена въ шинкѣ: «будете сами каяться, да поздно будетъ», — подобно похоронному звону, какъ-то внутри его прозвучали послѣднія слова мужика. Все существо его содрогнулось. Разыгралась какая-то балаганная комедія. Онъ увидалъ себя жалкимъ, ничтожнымъ, смѣшнымъ до пошлости и почувствовалъ, какъ подъ нимъ разверзается бездна. Еще разъ мысль его скользнула по всему происшедшему, какъ бы инстинктивно ища за что нибудь зацѣпиться. «Нѣтъ, дольше жить нельзя»!—рѣшилъ онъ и, быстро вынувъ револьверъ, приставилъ къ виску.

— Батенька мой... Аркадій Ивановичъ!.. Что вы дѣлаете?!.. Господь съ вами!.. — вскрикнулъ въ ужасѣ исправникъ, бросаясь къ Куроѣдову. Куроѣдовъ твердой рукой нажалъ гашетку револьвера. Сухой, отрывистый выстрѣлъ—и тѣло съ глухимъ стукомъ рухнуло на полъ.

Исправникъ всплеснулъ руками и безпомощно опустился въ кресло.

Черезъ нѣсколько дней исправникъ получилъ бумагу отъ губернатора, въ которой сообщалось, что бѣжавшій каторжникъ Грицко Могила пойманъ.

— Слава Тебѣ, Господи!—прошепталъ онъ, осѣняя себя широкимъ крестомъ.—Царство небесное Аркадію Ивановичу, погибъ бѣдняга, а изъ-за чего? До сихъ поръ не могу уяснить себѣ, изъ-за чего онъ застрѣлился?.. Ну, ошибся; такъ мало ли кто не ошибается: и я, и другой, и третій — каждый можетъ ошибиться; неужто изъ-за этого стрѣляться?.. Гордости, гордости много—вотъ что! Богъ съ нимъ! завтра девятый день—панихиду по покойничкѣ отслужу.

И онъ угостилъ себя двумя солидными щепотками табаку.

Н. Языковъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Провинціальная печать и строгости цензуры. — Печать—зеркало страны. — Охранная печать въ роли «сидоровой козы». — Угрозы владивостокскаго полицмейстера—выдрать редактора газеты на пожарномъ дворѣ.—Неудачныя попытки гласнаго казанской городской думы «положить предѣлъ глумленію печати надъ общественными дѣятелями». — Борьба цензора съ «хлесткими статьями».—Пользу или вредъ приносятъ газеты, печатающія отчеты о дѣлахъ съѣзда саратовскаго духовенства?—Церковная цензура.—Попытки «манджурцевъ и уссурійцевъ» заставить замолчать охранную печать. — До чего можетъ довести свѣтобоязнь и боязнь гласности?—Сословная этика.—Подвиги нижегородскаго врача Родзевича.—Какъ лѣчится деревня?—«Молитвы-заговоры».—Стремленіе нѣкоторыхъ дѣятелей къ уменьшенію расходовъ на лѣкарства и къ увеличенію болѣзненности и смертности населенія.—Публичная продажа дѣтей.—Какъ воспитываются и обучаются дѣти на Сахалинѣ?—Языческіе пережитки на русской почвѣ. — Контора для поставки чертей.—Вторичное убіеніе поэта А. С. Пушкина судоходнымъ чиновникомъ.—Подвиги волжскихъ инженеровъ и вятскихъ капитановъ. — «Поливовая вольница».—Какъ жиды дѣлаютъ «исторію» и «исторіи»? — Крокодиловы слезы русскаго публициста изъ евреевъ по поводу жидовскихъ «исторій». — «Гастроли» жидовъ-эксплуататоровъ.—Какъ и почему веселятся въ Ливнахъ?—Какъ пишутся иногда театральныя афиши?

«Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды», отъ береговъ Чернаго моря до береговъ Ледовитаго океана слышится повсюду одно и то же желаніе: «дайте свободу печати»! Печать—не врагъ страны, не врагъ государя и русскаго народа. Она—только вѣрное зеркало страны всей русской жизни, съ ея положительными и отрицательными сторонами. Недостаточно знать однѣ только свѣтлыя и положительныя стороны жизни; не менѣе важно знакомство и съ ея отрицательными явленіями. Познаніе своихъ ошибокъ и погрѣшностей—это крупный шагъ къ исправленію ихъ. Высшія правительственныя сферы не имѣютъ лучшаго, болѣе могущественнаго, болѣе свѣдущаго органа для ознакомленія съ русскимъ народомъ, съ его нуждами, съ его радостями и печалями, какъ печать. Иногда она и ошибается,—кто же не ошибался въ жизни!—можетъ быть, она иногда увлекается, но тогда воздержи ее... На то есть у насъ судъ правый и милостивый.

«Долой прессу»! «Долой ея представителей»! раздается крикъ по всей Матушкѣ-Руси. Большой и маленькій человѣкъ кричитъ и повторяетъ эту фразу. Особенно тяжело положеніе провинціальной печати. Она представляетъ изъ себя не болѣе, какъ «сидорову козу», которую каждый можетъ драть не на животъ, а на смерть. Признать себя въ положеніи «сидоровой козы» пришлось недавно редактору «Дальняго Востока», г. В. Панову.

Начальникъ жандармскаго полицейскаго управленія уссурійской желѣзной дороги, полковникъ Егуновъ,—читаемъ мы въ этой газетѣ,—предъявилъ противъ г. Панова жалобу на слѣдующее (приводимое здѣсь дословно) «Объявленіе отъ редакціи», напечатанное въ № 53 названной газеты:

«Вслѣдствіе недопуска жандармскимъ полицейскимъ управленіемъ уссурійской желѣзной дороги розничной продажи мѣстныхъ газетъ на владивостокскомъ вокзалѣ, симъ доводимъ до общаго свѣдѣнія, что, впредь до разрѣшенія вопроса начальникомъ дороги, розничная продажа нумеровъ «Дальняго Востока» будетъ производиться внѣ полосы отчужденія, на Алеутской улицѣ, при спускѣ къ вокзалу дороги, чрезъ прежняго разсыльнаго газеты».

И ни одного слова болѣе... Тѣмъ не менѣе и въ этомъ,—казалось бы, вполнѣ безразличномъ по смыслу и формѣ, — объявленіи мѣстное жандармское полицейское управленіе, въ лицѣ своего начальника, усмотрѣвъ по отношенію къ себѣ «ложное сообщеніе», одновременно усмотрѣло также и «обвиненіе» его «въ преступленіи по должности», въ смыслѣ «превышенія власти»... Обвинитель говорилъ увѣренно и вѣско, заявивъ, что поддерживаетъ свои требованія, и на запросъ судьи о прекращеніи дѣла миромъ отвѣчалъ отказомъ.

Редакторъ-отвѣтчикъ, напротивъ, былъ положительно смущенъ обвиненіемъ, въ которомъ отсутствовалъ даже... смыслъ или, юридически, «составъ преступленія»!.. Но ему пришлось смутиться еще больше, когда обвинитель, въ отвѣтъ на заявленіе о послѣднемъ существенномъ обстоятельствѣ, вручилъ судьѣ *«вырѣзку» изъ газеты «Новое Время»* и заявилъ, что *«составъ преступленія»* въ этой «вырѣзкѣ» имѣется «въ полномъ наличіи»... Вырѣзка же, оказывается, содержала въ себѣ дословную перепечатку «объявленія» изъ «Дальняго Востока», но съ прибавленіемъ подъ нею собственнаго замѣчанія «Новаго Времени», что «запрещеніемъ розничной продажи газетъ мѣстное жандармское управленіе присвоило себѣ непринадлежащую ему власть министра внутреннихъ дѣлъ». Это-то *дополнительное* замѣчаніе и дало поводъ обвинителю настаивать, что редакторъ «Дальняго Востока» «отвѣтственъ» за мнѣніе редак-

тора «Новаго Времени», ибо *они оба—«редакторы» и «по газетному дѣлу должны понимать вещи одинаково»*...

«Войдите же теперь въ положеніе редактора «Дальняго Востока»,—восклицаетъ г. Пановъ, разсказывая о своемъ злоключеніи. Дѣйствительно—есть отъ чего прійти въ недоумѣніе: «Новое Время» въ Петербургѣ пишетъ собственныя примѣчанія къ его объявленіямъ, а редактора «Дальняго Востока» во Владивостокѣ (10,000 верстъ) за эти *чужія примѣчанія* тянутъ въ судъ и грозятъ тюрьмою отъ 2 до 8 мѣсяцевъ!..

«Да Богъ съ нимъ,—думалъ на судѣ обвиняемый,—съ этимъ редакторомъ «Новаго Времени». За что же мнѣ-то въ тюрьму за него идти—да какіе же на это резоны? Что я—«сидорова коза», что ли»?!...

Но обвинитель былъ стоекъ.

Онъ снова подтвердилъ, что разъ «Новое Время» сдѣлало такой выводъ, то и онъ также къ этому выводу «присоединяется», тѣмъ болѣе... что редактору «Дальняго Востока» за подобный выводъ—«крышка»... въ предѣлахъ отъ 2 до 8 мѣсяцевъ...

Обвиняемый поясняетъ, что онъ, какъ редакторъ, дѣйствительно «отвѣтственъ» за смыслъ своей рѣчи и за «пониманіе ея другими», но за пониманіе *грамматическое и логическое*, а не за *произвольное* пониманіе или вовсе *непониманіе*. Его можно обвинять лишь за тотъ выводъ, который естественно въ рѣчи является единственнымъ изъ нея выводомъ, но отнюдь не за произвольное навязываніе ему *чужаго* вывода, какого на самомъ дѣлѣ въ его рѣчи вовсе не заключается. Въ противномъ случаѣ,—сообразно субъективнымъ «пониманіямъ» своихъ обвинителей и складу ихъ личныхъ «логическихъ» способностей,—ему пришлось бы пожалуй, не менѣе ста разъ на дню быть повѣшеннымъ.

Судъ, конечно, оправдалъ г. Панова.

Редакторъ газеты «Владивостокъ» г. Ремезовъ обвиняется владивостокскимъ полицмейстеромъ Шавринымъ въ клеветѣ. Дѣло заключается въ слѣдующемъ. Г. полицмейстеръ, лично задѣтый какою-то замѣткою газеты «Владивостокъ», «сильно взволнованный», поѣхалъ на извощикѣ «лично объясниться» въ квартиру редактора газеты, захвативъ съ собою, «на случай встрѣчнаго оскорбленія», полицейскаго надзирателя Осмоловскаго и коннаго городоваго... Прибывъ къ квартирѣ редактора Ремезова, но не заставъ его дома, онъ обратился къ бывшему тамъ квартиранту со словами: «*Скажите этому мерзавцу, что я его выпорю на пожарномъ дворѣ*»... Больше г. полицмейстеръ ничего не сдѣлалъ; въ квартиру Ремезова не ломился, а только «звонилъ»—въ испорченный притомъ звонокъ—и «слегка стучалъ въ закрытыя двери»...

Между тѣмъ, редакторъ Ремезовъ не только подалъ объ этомъ вполнѣ естественномъ и легальномъ «посѣщеніи» отдѣльныя жалобы прокурору, губернатору и генералъ-губернатору—жалобы, по которымъ произведено уже официальное дознаніе,—но и напечаталъ весь инцидентъ въ газетѣ, допустивъ при этомъ «явную клевету» въ томъ, что будто бы г. полицмейстеръ направился къ нему не «взволнованный», а «нетрезвый», и что будто бы изъ дома Ремезова вернулся «прямо въ гостинницу «Тихій океанъ», а не въ иное какое либо соотвѣтственное мѣсто»... По объясненію г. полицмейстера, столь существенныя детали «не соотвѣтствуютъ его служебному положенію» и представляютъ «обстановку поѣздки въ ложномъ видѣ»...

Г. Ремезовъ пояснилъ, что съ его стороны на незаконныя дѣйствія обвинителя поданы формальныя жалобы; жалобы эти вызвали законное дознаніе и таковое уже закончено,—а потому ему представляется совершенно ненормальною и несогласною со справедливостью та излишняя поспѣшность, съ какою, не ожидая результатовъ служебнаго дознанія, обвиняемое имъ же, Ремезовымъ, лицо — въ данномъ случаѣ полицмейстеръ — становясь по личному почину изъ положенія формально обвиняемаго въ преступленіи по должности въ положеніе «частнаго обвинителя», старается его же, жалобщика Ремезова, обвинить «въ клеветѣ въ деталяхъ», когда «самъ по себѣ оглашенный фактъ замышлявшагося насилія вѣренъ по существу»... Отвѣтчикъ просилъ поэтому приложить къ дѣлу упомянутое «дознаніе», а вмѣстѣ съ тѣмъ — отложить все дѣло до вызова необходимыхъ ему свидѣтелей, такъ какъ, помѣстивъ немало «разныхъ» замѣтокъ про мѣстную полицію, но получивъ лишь «единичный» вызовъ въ судъ, онъ былъ совершенно не освѣдомленъ объ истинномъ предметѣ предъявляемаго къ нему теперь обвиненія, почему и не запасся лично никакими свидѣтелями, тогда какъ противная сторона привлекла ихъ цѣлую кучу изъ «Тихаго океана» (кафе-шантана) и изъ полиціи...

При допросѣ свидѣтелей, полицейскій надзиратель Осмоловскій подтвердилъ, что полицмейстеръ грозилъ «выдрать Ремезова на пожарномъ дворѣ». Дѣло отложено.

Въ Казани противъ прессы выступилъ гласный думы Д. И. Образцовъ, прославившійся еще такъ недавно на всю Россію, какъ ярый противникъ средняго образованія «кухаркиныхъ дѣтей».

Поводомъ къ этому гоненію послужила небольшая репортерская замѣтка (отчетъ о думскомъ засѣданіи) въ «Казанскомъ Телеграфѣ», гдѣ указывалось на то, что ревизіонная комисія, въ которой состоитъ и г. Образцовъ, не подписала своего доклада по ревизіи

городскаго научно-промышленнаго музея. Сообщеніе это чрезъ нѣсколько дней было опровергнуто городскимъ головою. Насколько солидно и вѣско это опроверженіе, читатель можетъ заключить изъ слѣдующихъ дебатовъ, происшедшихъ на одномъ изъ засѣданій казанской городской думы. Свою знаменитую рѣчь противъ прессы г. Образцовъ началъ съ благодарности городскому головѣ.

— Мы приносимъ вамъ искреннюю благодарность,—началъ онъ.— Благодаримъ за опроверженіе той возмутительной и тендонціозной статейки въ «Каз. Тел.», которая, оставшись безъ возраженія, могла бы дискредитировать управу и подорвать авторитетъ ревизіонной комиссіи. Но такъ какъ мы, — продолжалъ г. Образцовъ возвышая свой голосъ, — ничѣмъ не гарантированы отъ того, что вновь не появится въ газетахъ такихъ же невѣрныхъ сообщеній, то просимъ васъ принять всѣ зависящія мѣры къ тому, чтобы къ мѣстной печати была примѣнена 82 ст. 14 тома устава о цензурѣ. Мы васъ просимъ, чтобы отчеты о нашихъ засѣданіяхъ печатались, если это только кому нибудь нужно (??!) лишь съ разрѣшенія и вѣдома г. губернатора. Нужно положить предѣлъ глумленію печати надъ общественными дѣятелями! Печать дошла до того, что меня (!) она изображала и продолжаетъ изображать шутомъ, гоняющимся съ дубиной за «кухаркиными дѣтьми»!..

Въ думѣ царила тишина. «Господа! — вдругъ раздался голосъ М. Л. Мандельштама. — Мы являемся избранниками города. Мы отвѣтственны передъ своими избирателями за все, что здѣсь говоримъ и дѣлаемъ. Для того, чтобы избиратели могли контролировать нашу дѣятельность; для того, чтобы они могли сознательно избирать гласныхъ, между думой и избирателями долженъ быть посредникъ, и этотъ посредникъ—печать. Она можетъ ошибаться, но противъ ея ошибокъ есть лучшее средство — сама же печать. Всякое мнѣніе будетъ выслушано, а изъ столкновенія мнѣній родится истина. Критика печати составляетъ ту здоровую атмосферу, внѣ которой нѣтъ общественнаго управленія, а есть только канцелярія. Заставьте печать замолчать, и интересъ къ общественному управленію понизится; дума потеряетъ свою популярность; между ней и жизнью создастся китайская стѣна... Въ интересахъ дѣла, въ интересахъ достоинства думы, въ интересахъ нашихъ избирателей; наконецъ, въ интересахъ самого принципа общественнаго управленія—мы должны шире, какъ можно шире, распахнуть двери этой залы. Мы и печать—представляемъ изъ себя одно начало; требованіе ограниченія печати съ нашей стороны—актъ самоубійства. Вотъ почему я думаю, что, во всякомъ случаѣ, не со стороны

общественнаго управленія долженъ раздаться въ Россіи голосъ объ ограниченіи печати!..

Къ мнѣнію г. Мандельштама присоединились В. М. Ключниковъ, В. И. Заусайловъ и Г. Ф. Шершеневичъ.

— Заявленіе г. Образцова, начинающееся: «мы васъ благодаримъ, мы васъ просимъ», слишкомъ смѣло, — замѣтилъ г. Шершеневичъ. — Никто изъ гласныхъ не уполномочивалъ г. Образцова говорить отъ лица думы.

— Позвольте, — заговорилъ В. И. Заусайловъ, — замѣтка, появившаяся въ «Каз. Тел.» и вызвавшая такое негодованіе Д. И., написана вслѣдствіе моего заявленія въ думѣ, отъ котораго я не отказываюсь и въ настоящее время. Господа, взгляните въ разложенный предъ вами докладъ ревизіонной комиссіи и вы увидите, что я правъ... Седьмая страница этого доклада, дѣйствительно, подписана, не только И. В. Годневымъ, но и Д. И. Образцовымъ; подпись третьяго члена комиссіи Н. Н. Киселева почему-то отсутствуетъ. Заключительная же 36 стр., гдѣ значится, что, «представляя настоящій докладъ, комиссія, за неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи подписанныхъ совѣтомъ музея отчетовъ, не находитъ возможнымъ предложить думѣ утвердить расходы, произведенные по музею», — осталась безъ подписи комиссіи. Это даетъ мнѣ право, не смотря на опроверженіе городскаго головы, утверждать, что докладъ комиссіи не подписанъ.

— Что жь, я могу для желающихъ слово «мы» замѣнить словомъ «я», — заявилъ г. Образцовъ, но уже безъ прежняго апломба. — Извольте, но я настаиваю, чтобы печать исполняла законы, и слова мои прошу занести въ протоколъ!..

Въ г. Харьковѣ есть небольшая, почти никому неизвѣстная «Южно-русская сельско-хозяйственная газета». Уже одно названіе ея исключаетъ всякую возможность «разрушенія основъ», а между тѣмъ и мѣстный цензоръ, и администрація серьезно думаютъ, что названный органъ «подкапывается подъ государство»... Вотъ что пишетъ, по поводу этихъ цензурныхъ подозрѣній, харьковскій корреспондентъ въ одну петербургскую газету:

«Во второй половинѣ нынѣшняго года, газетѣ разрѣшили завести «обзоръ земской дѣятельности». Разрѣшеніе, конечно, послѣдовало отъ главнаго управленія по дѣламъ печати, но до сихъ поръ цензоръ не разрѣшаетъ печатать свѣдѣній о дѣятельности мѣстныхъ земствъ. — Да вѣдь это же намъ разрѣшило правительство! — распинается редакторъ. — Намъ до этого нѣтъ никакого дѣла, — отвѣчаетъ цензоръ. И теперь послали «запросъ» въ министерство внутреннихъ дѣлъ насчетъ мѣстнаго земскаго отдѣла, а газета должна

ждать, имѣя уже офиціальное дозволеніе. Однако, «земскимъ отдѣломъ» дѣло не ограничивается. Цензоръ, вопреки 21 ст. ценз. уст., требуетъ отъ редакціи, чтобы не писалось «хлесткихъ статей». И до сихъ поръ редакція не можетъ понять, что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ «хлесткостью», а законъ тоже умалчиваетъ объ этомъ непредвидѣнномъ обстоятельствѣ. Между тѣмъ, цензоръ все вычеркиваетъ какія-то «хлесткія», по его мнѣнію, статьи. Напримѣръ, недавно онъ зачеркнулъ перепечатку изъ «Русск. Вѣдомостей» о... германскомъ торговомъ договорѣ, ссылаясь на «хлесткость». Этого, однако, мало. Игнорируя ст. 23 и 64 «устава», цензоръ, во-первыхъ, «перемѣняетъ» цѣлыя фразы въ рукописяхъ, а, во-вторыхъ задерживаетъ выходъ газеты противъ положеннаго времени дня на три-четыре. Вотъ уже второй № выходитъ, вмѣсто четверга, по субботамъ и даже воскресеньямъ! Этимъ дѣло не ограничивается. Цензоръ *требуетъ*, чтобы на его усмотрѣніе присылались не корректурные столбцы, а *непремѣнно* сверстанный №. Отъ этого происходитъ большая задержка въ выходѣ газеты: достаточно цензору г. Алмазову выбросить нѣсколько строкъ, какъ уже № надо *переверстывать*: выбрасываются не строки, а цѣлыя статьи. Редакція не знаетъ, что̀ ей дѣлать, не говоря уже о громадныхъ матеріальныхъ убыткахъ»...

Вообще, въ нашемъ обществѣ еще не рѣшили: пользу или вредъ приноситъ газета? «Когда она расточаетъ однѣ похвалы, то несомнѣнно приноситъ пользу», думаетъ большинство. Ну, а когда порицаетъ?! Тогда необходимо принять противъ нея мѣры строгости и «внушенія».

Въ ряду различныхъ вопросовъ на только что закрывшемся саратовскомъ съѣздѣ духовенства, былъ, между прочимъ, поставленъ и такой: пользу или вредъ приносятъ газеты, печатающія отчеты о дѣлахъ съѣзда? Иниціаторомъ этого вопроса явился предсѣдатель съѣзда, о. Мининъ, который въ засѣданіи съѣзда, 23 сентября, сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

«Преосвященный читаетъ газетныя сообщенія о нашемъ съѣздѣ и, довѣряя честности сотрудниковъ, сдѣлалъ невыгодныя заключенія относительно нѣкоторыхъ участниковъ съѣзда. По моему мнѣнію, невыгодныя заключенія потому приходятся дѣлать преосвященному, что газеты нѣсколько поспѣшаютъ въ своихъ сообщеніяхъ: иной вопросъ еще не выяснился на съѣздѣ; тѣ или другія лица еще не представили своихъ объясненій, а сотрудники уже пишутъ отчеты. Вслѣдствіе этого, получается неточное освѣщеніе дѣла».

Такая постановка вопроса встрѣтила себѣ должную оцѣнку на столбцахъ «Саратовскаго Дневника».

«Сотрудники только въ томъ случаѣ могутъ невѣрно освѣтить дѣло, — читаемъ мы въ этой газетѣ, — если они исказятъ факты. Поспѣшное же, но точное изложеніе преній каждаго засѣданія никакъ не можетъ повредить кому либо. Сотрудники только фотографируютъ то, что происходитъ на каждомъ засѣданіи. Сегодня на собраніи уполномоченные указываютъ на безпорядки въ томъ или иномъ учрежденіи, — сотрудники добросовѣстно передаютъ рѣчи о безпорядкахъ. Завтра другіе члены съѣзда даютъ объясненія объ этихъ безпорядкахъ, — сотрудники добросовѣстно передаютъ и эти рѣчи. О хорошей вещи сколько ни пиши, все она останется хорошей. А если, при полномъ чтеніи всѣхъ «объясненій и разъясненій», все таки выводится невыгодное заключеніе о томъ или иномъ лицѣ, то вина въ томъ — не составителя отчета. За каждую рѣчь и за каждое дѣяніе отвѣчаетъ тотъ, кто произвелъ ихъ, а не тотъ, кто описалъ. Несомнѣнно, въ жару преній, члены съѣзда бросали другъ другу въ лицо и неосновательныя обвиненія, и газеты отмѣчали эти обвиненія. Но вѣдь вслѣдъ за этимъ слѣдовало опроверженіе обвиненій, и оно тоже находило мѣсто на газетныхъ столбцахъ. Такъ, напримѣръ, кто-то пустилъ грязный слушокъ объ исчезнувшемъ студенческомъ капиталѣ въ 20 тыс. р. О. Владыкинъ представилъ съѣзду массу всевозможныхъ документовъ и книгъ, и неопровержимо доказалъ, что капитала осталось всего пять руб. Случай этотъ полностью описанъ въ газетахъ. Такъ ли благополучно кончилось бы это дѣло, еслибы на съѣздѣ и въ газетахъ вопросъ не былъ прямо поставленъ? Нѣтъ. Грязный слухъ потихоньку разростался бы, облетѣлъ бы всю епархію, и никакіе документы не помогли бы раздавить тысячеголовую гидру-сплетню. Такъ это и бывало въ прежніе годы, когда представители печати не допускались на съѣзды. Каждый участникъ съѣзда выносилъ изъ преній свое пристрастное мнѣніе и, возвратясь домой, передавалъ за достовѣрные факты разные непровѣренные слухи».

Далѣе газета замѣчаетъ, что, напротивъ, сожалѣть надо только о томъ, что по нѣкоторымъ причинамъ печать не можетъ дать полной картины всѣхъ духовныхъ дѣлъ.

«Это былъ бы необыкновенно цѣнный матеріалъ, — говоритъ «Дневникъ». — Онъ помогъ бы духовнымъ властямъ разобраться въ тѣхъ «непорядкахъ», которые въ теченіе многихъ лѣтъ накапливались въ этой средѣ. А что этихъ «непорядковъ» имѣется немало, ясно даже изъ того, что появилось на столбцахъ мѣстныхъ газетъ. Достаточно вспомнить «недоразумѣнія» въ свѣчныхъ лавкахъ, непонятную, «безнадежную», задолженность нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, внутреннее неустройство семинаріи и епархіальнаго

училища, высокія цѣны, путаницу въ сметахъ и проч. и проч. Газеты надѣются, что онѣ сослужили полезную, хорошую службу, давъ путеводную нить для выясненія «непорядковъ».

Тотъ же «Саратовскій Дневникъ» разсказываетъ, что въ Елани завелась... *цирковая* цензура и критика.

«11 іюля,—пишетъ корреспондентъ «Саратовскаго Дневника»,—я обратился въ кассу цирка Котликова, желая купить билетъ на входъ въ циркъ. «Корреспондентамъ мы билетовъ не продаемъ», былъ отвѣтъ кассира. Предчувствуя что-то недоброе, я купилъ билетъ чрезъ посредство мальчика и вошелъ въ циркъ. Послѣ третьяго звонка, вышелъ клоунъ и, поломавшись передъ публикой, началъ рыть заступомъ яму. «Что это ты дѣлаешь»? — спрашиваетъ хозяинъ. — «Корреспондента хочу зарыть, а то онъ слишкомъ уменъ».—«Напрасно, братъ: дураковъ не выведешь»,—замѣчаетъ хозяинъ. Послѣ этого начинается діалогъ, пробирающій корреспондента, въ которомъ хозяинъ и клоунъ на перебой стараются подыскивать эпитеты позвончѣе и погрубѣе. Названія «оселъ», «свинья», «скотина» и проч. сыплются градомъ. Діалогъ оканчивается фразой клоуна: «Ха, ха! Хорошо пробрали! Теперь не скоро забудетъ, какъ писать о циркѣ Котликовыхъ». Вышедшій вслѣдъ затѣмъ разсказчикъ, гримасничая, началъ пѣть о корреспондентѣ куплеты, тоже не жалѣя вышеприведенныхъ эпитетовъ. Все это очень нравилось нѣкоторой части публики, состоявшей изъ лицъ, которыя въ свое время сочли себя задѣтыми сообщеніями мѣстнаго корреспондента. Лица эти стучали ногами, бросали разсказчику деньги и вообще выходили изъ себя отъ восхищенія. Поощряемый публикой, разсказчикъ три раза выходилъ, чтобы повторить о корреспондентѣ въ такомъ, напримѣръ, родѣ:

Вотъ сидитъ корреспондентъ,
Онъ дуракъ, скажу въ моментъ!
Ему въ ухо нужно дать
Или въ рожу наплевать» и т. д.

Утверждаютъ, что за границею печать — великая держава, со взглядами и мнѣніями которой необходимо считаться... У насъ же пока печать—«сидорова коза», съ которой деруть шесть шкуръ и которая за все отвѣчаетъ. Ея, какъ чумы, избѣгаютъ всевозможные дѣльцы, работающіе на широкомъ поприщѣ общественной дѣятельности. Ее не только стараются презирать, но и стараются бить... рублемъ».

Прославленные «манджурцы и уссурійцы» очень не любятъ газету «Владивостокъ». «Когда мы спросили одного служащаго,—говоритъ эта газета,—почему онъ не даетъ намъ типографскихъ ра-

бетъ, тѣмъ болѣе, что это зависитъ только отъ него, тотъ прямо заявилъ, что, если дастъ хотя на рубль, его немедленно выгонятъ со службы. Существуетъ такое приказаніе. То же отношеніе къ намъ замѣчается и на уссурійской дорогѣ, гдѣ запрещено давать въ нашу газету объявленія, хотя и имѣется распоряженіе высшаго начальства въ Петербургѣ, чтобы объявленія печатались во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ».

Впрочемъ, идутъ изъ провинціи и утѣшительныя вѣсти, хотя бы только о нѣкоторомъ вниманіи къ прессѣ. «Костромской Листокъ», справляя, 15 октября, третью годовщину своего существованія, констатируетъ, между прочимъ, отрадный фактъ, что «мѣстное общество начинаетъ излѣчиваться отъ той свѣтобоязни, которой оно было заражено въ моментъ первыхъ шаговъ мѣстнаго органа. При дальнѣйшей его дѣятельности, въ средѣ мѣстнаго общества начинаетъ обнаруживаться все большая и большая любовь къ гласности: отдѣльныя лица уже смотрятъ на газету, какъ на друга, прибѣгая къ ея содѣйствію въ дѣлѣ раскрытія темныхъ сторонъ жизни и борьбы съ ними, раздѣляя съ нею свои радости и печали».

Дай Богъ, въ добрый часъ! Теперь можно надѣяться, что если и будутъ понапрасну таскать по судамъ редактора-издательницу «Костромскаго Листка», то все же не такъ часто, какъ это дѣлали до сихъ поръ...

Противъ печати найдено радикальное средство. Нашелъ его больной свѣтобоязнью и страхомъ гласности нѣкій властный обитатель станицы Великокняжеской. Средство это немудреное и заключается въ непосредственномъ уничтоженіи газетныхъ листовъ.

«Казнь,—читаемъ мы въ «Донскомъ Вѣстникѣ», — наступаетъ прежде всего для клубныхъ газетъ; затѣмъ, по возможности, истребляются печатные листы въ мѣстахъ, доступныхъ для самолюбиваго обывателя и его преданныхъ слугъ, сподвижниковъ и присныхъ. Эффектъ получается обратный. Непосвященные въ тонкости газетной премудрости сообыватели вдругъ проникаются ненасытной жаждой къ повременной печати; и это каждый разъ совпадаетъ съ «избіеніемъ» того или другаго нумера газеты.

«— Гдѣ № такой-то?

«— ??

«— !!

«— Изорвалъ??

«— Извощикъ! Къ Петру Ивановичу.—У него сохраняются нумера,—кричитъ одержимый жаждою къ «публицистикѣ» обыватель уже изъ пролетки своему пріятелю.

«На нумеръ—необычайный спросъ.

«— Отдѣлали!

«— Да кто бы это?

«Но нумеръ проваливается, какъ сквозь землю, и потому извѣстіе вступаетъ въ фазу изустнаго преданія. А на этой почвѣ, какъ извѣстно, у дяди Степы скоро вырастаетъ хвостъ.

«Милостивый государь! зачѣмъ вы истребляете газеты? Вѣдь бумага все терпитъ; платите вы ей тѣмъ же».

«Такъ говоритъ обывателю здравый смыслъ. Но обыватель боится гласности. Бррр!! Къ чорту его!.. Ррр—ра!.. Нѣтъ газеты. А это?? «Куроцапъ нагайскій». Къ дьяволу рр—ррра!

«— Громыхайло! приложи стараніе.

«— Р-радъ стараться! р-ра! р-ра! Пропадай, чортово сѣмя!— Клочья истерзаннаго вѣстника житейской правды и мерзости, кружась по вѣтру, разлетаются во всѣ стороны.

«— Милостивый государь! пощадите газетный листъ,—кричатъ клубисты.—До васъ намъ нѣтъ никакого дѣла, а газеты нужны, право слово! Сдѣлайте милость, голубчикъ».

На самомъ же дѣлѣ, гласность всего болѣе нужна провинціи. Вѣдь, тамъ—обширное еще поле для всякой дѣятельности. Благодаря отсутствію гласности, многое и не выходитъ за предѣлы какого нибудь медвѣжьяго угла. Всѣ знаютъ о безпорядкахъ, о хищеніяхъ, грабежахъ, вымогательствахъ,—но всѣ хранятъ упорное молчаніе и только втихомолку между пріятелями нѣкогда слышатся возгласы: «Чего же смотритъ начальство»? А начальство нерѣдко не принимаетъ мѣръ противъ этихъ самодуствъ и хищеній только потому, что оно объ нихъ ничего не знаетъ. Некому сказать, что тамъ-то творится нѣчто негодное и даже преступное. Если кое-что выходитъ наружу, если теперь только узнаемъ мы то, что слѣдовало бы знать раньше, то въ большинствѣ случаевъ отъ той же гонимой печати.

Врачъ, инженеръ, адвокатъ—вотъ три профессіи, при названіи которыхъ въ обществѣ возникаютъ немедленно разговоры объ «анекдотахъ» этихъ господъ и ихъ этикѣ. Въ любомъ обществѣ заговорите объ этихъ лицахъ,—немедленно же начнутъ передавать факты, рисующіе ихъ въ самыхъ неприглядныхъ краскахъ. Жизнь намъ даетъ чуть не каждый день подтвержденіе того недовѣрія и предубѣжденія, которое существуетъ въ русскомъ обществѣ противъ представителей этихъ «вольныхъ» профессій. Нельзя сказать, что со стороны общества тутъ дѣйствуетъ какая либо зависть къ докторскимъ и адвокатскимъ гонорарамъ. Нѣтъ. Если, напр., порт-

ной, слесарь потребуетъ за свою работу непомѣрное вознагражденіе — это не вызоветъ ни въ комъ особенно рѣзкаго возмущенія. Тутъ происходитъ купля и продажа труда и времени, и ничего болѣе; о нравственной порядочности и рѣчи не можетъ быть. Когда же дѣло коснется труда и времени врача и адвоката, дѣло принимаетъ совершенно иной оборотъ. Адвокатъ и врачъ имѣютъ дѣло съ болѣе драгоцѣннымъ матеріаломъ—человѣкомъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если корыстолюбіе этихъ лицъ вызываетъ въ обществѣ негодованіе.

О сословной этикѣ врачей, адвокатовъ и инженеровъ много писали; ихъ корыстолюбію посвящена масса матеріала. Но бываютъ такіе возмутительные факты, которые нельзя не отмѣтить лишній разъ.

Газета «Волгарь» описываетъ подвиги врача, съ которымъ не дай Богъ и встрѣтиться. Вотъ что разсказываетъ, на основаніи документовъ объ этомъ врачѣ, названная выше газета:

«Въ августѣ мѣсяцѣ, въ гор. Варнавинѣ, костромской губерніи, заболѣла г-жа Ц. Приглашенный врачъ, осмотрѣвъ больную (она была въ послѣднемъ періодѣ беременности), нашелъ положеніе ея небезопаснымъ и далъ совѣтъ—обратиться за помощью къ врачу-спеціалисту.

«Мужъ больной въ тотъ же день послалъ въ Н.-Новгородъ врачу *Г. І. Родзевичу* слѣдующую телеграмму, съ приглашеніемъ пріѣхать: «*Убѣдительно* просимъ пріѣхать въ Варнавинъ. Если не можете, сообщите другому. За дорогу и трудъ плата по вашему усмотрѣнію». Телеграмма подписана была не только мужемъ Ц., но и мѣстнымъ врачемъ. Въ тотъ же день послѣдній получилъ отъ г. Родзевича слѣдующій отвѣтъ по телеграфу: «*Переведите телеграммой триста рублей; выѣду сейчасъ по полученіи*». Далѣе слѣдовалъ адресъ—нижегородская ярмарка, доктору Родзевичу. Считая плату въ 300 р. непосильной, г. Ц. не сдѣлалъ просимаго перевода и былъ увѣренъ, что докторъ, не получивъ «300 р. по телеграфу», считаетъ поѣздку несостоявшейся. Между тѣмъ, черезъ день получается новая лаконическая телеграмма отъ доктора Родзевича, состоящая всего изъ одного слова:

«— Выѣхалъ.

«Затѣмъ, вслѣдъ за этой телеграммой, г. Родзевичъ явился въ Варнавинъ лично.

«Произошло любопытное объясненіе.

«Г. Родзевичъ, на основаніи своей телеграммы, просилъ о выдачѣ ему 300 р. вознагражденія за пріѣздъ къ больной. Паціентъ, наоборотъ, увѣрялъ, что требованіе уплаты трехсотъ рублей неправильно,—что г. Родзевичъ требовалъ перевода этой суммы по

телеграфу и тогда обѣщалъ—«сейчасъ выѣхать». Но если перевода не состоялось, то естественно, что *пацієнтъ отказался отъ помощи «дорогаго» врача*. Тѣмъ не менѣе г. Ц., желая возмѣстить расходы по проѣзду доктора, предложилъ послѣднему пятьдесятъ рублей, причемъ просилъ г. Родзевича зайти къ больной.

«Ну, а затѣмъ вотъ какія строки написалъ этотъ *врачъ* г-ну Ц.

«Извините меня, пожалуйста, но видѣть васъ я послѣ вашего *нечестнаго* во мною поступка вовсе не желаю! Князь Т., вызвавъ доктора Г. изъ Нижняго, когда тотъ пріѣхалъ уже къ *мертвому* ребенку, уплатилъ ему гонораръ. Вы же поступаете по жидовски (?!) желаете воспользоваться даровымъ трудомъ и не исполнить вашего слова. Прощайте. *Пусть васъ Богъ накажетъ смертью вашихъ близкихъ»!*

Допустимъ, что г. Ц. и виноватъ,—хотя со стороны его и нѣтъ никакой вины,—но зачѣмъ же взывать къ Богу, чтобы Онъ покаралъ смертью близкихъ г. Ц? Вотъ это ужъ чисто по жидовски...

При этомъ, и *юридически* д-ръ Родзевичъ совершенно неправъ. Онъ былъ приглашенъ по телеграфу къ больной въ Варнавинъ. Получивъ телеграмму, г. Родзевичъ по телеграфу же отвѣтилъ: «Переведите по телеграфу 300 р., выѣду сейчасъ *по полученіи*». Мужу больной эта сумма показалась слишкомъ высокой и денегъ онъ не выслалъ, тѣмъ болѣе, что и больной сдѣлалось лучше. Казалось бы, что этимъ и кончились переговоры съ г. Родзевичемъ. Но послѣдній все таки поѣхалъ въ Варнавинъ и, не увидавъ даже больной, потребовалъ 300 р. гонорара. Мужъ больной предложилъ всего 50 р., причемъ просилъ хотя бы зайти къ больной.

Къ сожалѣнію, все чаще и чаще приходится слышать о той странной эксплуатаціи, которой подвергаются больные со стороны нашихъ врачей. Каждому изъ насъ приходилось имѣть дѣло съ врачами часто страшной оказывалась не болѣзнь, которой мы страдаемъ, чемъ, а врачебная помощь, къ которой обращаемся. Въ провинціи, гдѣ врача нужно искать днемъ съ огнемъ, тамъ этотъ *докторскій* вопросъ еще острѣе, еще жгучѣе.

Впрочемъ, деревня въ громадномъ большинствѣ случаевъ продолжаетъ лѣчиться своими собственными «средствіями». По словамъ «Приазов. Края», въ нынѣшнемъ году среди казаковъ развилась болѣзнь оконечностей пальцевъ. На конечномъ суставѣ пальца образуется нагноеніе, палецъ опухаетъ, а затѣмъ опухаетъ и вся рука. Болѣзнь эта очень мучительна: она не даетъ покоя ни днемъ, ни ночью и продолжается очень долгое время.

Въ первое время болѣзни, медицинскихъ мѣръ противъ нея никакихъ не принимается и она развивается все больше и больше,

а кончается тѣмъ, что косточка конечнаго сустава отпадаетъ и палецъ уже послѣ служитъ плохую службу, дѣлаясь какимъ-то онѣмѣлымъ и неповоротливымъ. За лѣченіемъ этой и другихъ болѣзней казаки обращаются къ хуторскимъ доморощеннымъ врачамъ,—бабкамъ-знахаркамъ, которыя существуютъ въ каждомъ хуторѣ.

Различныя суевѣрія и вѣра въ заговоры, еще очень прочно держатся среди темнаго люда. Вотъ характерные, по безсмыслію, образчики нѣкоторыхъ заговоровъ-молитвъ, приводимые той же газетой.

1) Отъ сильнаго сухаго кашля, именуемаго бабушками: «дубоглотъ»: «Заря, скалистая балка, дубъ дуплистый, возьми свой дубоглотъ отъ рожденнаго крещенаго раба божія» (имя рекъ).

2) Отъ червей, заводящихся въ ранахъ животныхъ, отъ садовыхъ и отъ гусеницъ на капустѣ читаютъ слѣдующую «молитву»: «Выговариваю червяка бабока изъ 10 девять, изъ 9 восемь, изъ 8 семь (и такъ до одного), изъ 1 ни одного. Прочь черви изъ моей зеленой капусты или сада, бычка, овечки» (названіе животнаго).

3) Отъ зубной боли. Читается въ то время, когда увидишь народившійся мѣсяцъ. «Мѣсяцъ на небѣ, мѣдвѣдь въ лѣсу, а рыба въ водѣ: когда эти три брата сойдутся, тогда у раба Божія (имя рекъ) зубы заболятъ».

Въ этомъ «царствѣ мрака» существуютъ заговоры-молитвы на разные случаи. «Приазов. Край» приводитъ еще четыре «молитвы», въ чудодѣйственную силу которыхъ народъ вѣритъ, не смотря на ихъ явную безсмысленность.

1) Для дѣвушекъ, желающихъ заставить полюбить себя: «Выду я за ворота, гляну я на восходъ солнца; тамъ стоитъ святая церковь. Въ той церкви находятся два ангела: одинъ Михаилъ, а другой Гавріилъ. Полетите вы подъ небеса и отберите отъ раба божіей (имя рекъ) словеса (они полетятъ подъ небеса черезъ печную трубу): съ вѣтромъ, съ тоскою, съ печалью ночной, полуночной, дневной, полуденной, утренней, вечерней, часовой, минутной и понесите къ рабу Божію (имя рекъ) въ уста и войдите въ плоды, во всходы, въ сердце, въ жилы, подъ жилы, въ ногти, подъ ногти. Чтобъ рабъ божій (имя рекъ) ѣлъ, не заѣлъ, чтобы пилъ, не запилъ, а все бы плакалъ и рыдалъ, и рабу божію (имя рекъ) не забывалъ».

2) Отъ безсонницы и крикса. Новорожденные, будучи чѣмъ нибудь больны, сильно кричатъ и мало спятъ. Бабушки лѣчатъ это такъ: несутъ ребенка въ курятникъ въ полночь и, прочитавши

сначала три раза «Отче нашъ», читаютъ столько же разъ слѣдующее:

«Куры, мои куры, разноперыя дуры: сѣрыя, бѣлыя, красныя, черныя, рябыя, пестрыя, возьмите криксы, возьмите безсонницу. Откричите криксы ночныя, полуночныя, денныя, полуденныя, утреннія, вечернія отъ чернаго глаза, отъ сѣраго, отъ женскаго, отъ крещенаго и рожденнаго раба (или рабы) божія (имя рекъ)».

3) Отъ криксъ. Выносятъ во дворъ ребенка утромъ или вечеромъ на зарѣ и читаютъ три раза слѣдующее:

«Заря Марья, заря Дарья, заря Иванъ, заря Петръ, возьмите криксы денныя, полуденныя, ночныя, полуночныя отъ рожденнаго и крещенаго раба божія (имя рекъ)».

4) Отъ дикихъ звѣрей и собакъ, чтобы не лаяли:

«Святой Георгій Побѣдоносецъ, взойди на Сіонскія горы и затруби въ мѣдныя трубы и скуй звѣрямъ и лайкамъ губы и зубы».

Велика у насъ «власть тьмы». Свѣта больше, школъ больше! Лишь одна школа въ состояніи побѣдить ту страшную тьму, то страшное невѣжество, среди которыхъ живетъ нашъ русскій народъ!

Вѣроятно, въ разсчетѣ, на эту крестьянскую «самопомощь» и на помощь деревенскихъ знахарей и знахарокъ многіе гласные предлагаютъ принять мѣры, чтобы народъ *меньше лечился*.

Въ петровскомъ земствѣ, сарат. губ., при обсужденіи медицинскихъ дѣлъ, произошелъ интересный инцидентъ. Гласный Языковъ сказалъ такую рѣчь:

— Число больныхъ у насъ ежегодно увеличивается; мы улучшаемъ больницы, прибавляемъ жалованье фельдшерамъ, открываемъ новые врачебные пункты,—расходы растутъ и дѣлаются все тяжелѣе для земства. Было бы справедливо привлечь къ этимъ расходамъ и населеніе. Поэтому я предлагаю назначить плату за лѣченіе, хоть бы копѣйки по три съ человѣка. Эти копѣйки пошли бы въ основаніе запаснаго фонда для улучшенія медицинскаго дѣла и въ будущемъ уменьшили бы сумму обложенія.

— Это новый и сложный вопросъ, — возразилъ А. Д. Юматовъ,—его нельзя сразу рѣшить. Земство сорокъ лѣтъ шло по пути безплатнаго лѣченія.

— Конечно, это перевернетъ всю нашу систему,—подтвердилъ Н. С. Ермолаевъ,—для крестьянъ не легко будетъ платить деньги за лѣченье. Нужно вопросъ сдать въ комиссію.

— Почему для крестьянъ будетъ тяжело?—спросилъ гл. Языковъ,—вотъ у насъ есть гласные-крестьяне. Спросимъ ихъ.

Гласный отъ крестьянъ Дружининъ быстро выскакиваетъ и съ жаромъ произноситъ.

— Крестьяне и такъ платятъ всякіе сборы,—и за землю, и за все. А тутъ еще за лѣченье новый сборъ.

Предсѣдатель потрясаетъ колокольчикомъ и строго прерываетъ гласнаго:

— Нужно говорить по очереди.

— Намъ нужно изыскать средства,—горячо продолжаетъ гласный Языковъ,—а гдѣ же ихъ взять? Для крестьянъ три копѣйки—сущій пустякъ.

— У другаго и копѣйки нѣтъ, — громко замѣчаетъ гласный-крестьянинъ Оксовъ.

Предсѣдатель оглушительно звонитъ и сердито обрываетъ гласнаго:

— Нужно просить слова. Ждите своей очереди.

Крестьяне испуганно замолкаютъ и садятся на свои мѣста.

Гл. Малышевъ. Подобный проэтъ принципіально несправедливъ: земство обязано заботиться о нуждахъ населенія, которое платитъ общіе сборы и получаетъ за это больницы, школы и прочее. Почему никому не приходитъ въ голову ввести плату за обученье въ школахъ? Съ какой же стати на несчастье людей, на ихъ болѣзни накладывать особый налогъ? Это несправедливо.

Поговоривъ немного, гласные, чтобы отдѣлаться отъ неожиданнаго вопроса, сдали его на разсмотрѣніе медицинской комиссіи и управы. («Сарат. Дн.»).

Многими земствами, ранѣе вводившими у себя «пятачки» за лѣкарства, давно уже констатировано, что число больныхъ въ уѣздѣ значительно сокращается. Земство въ данномъ случаѣ выигрываетъ и на «пятачкахъ», которые нѣсколько пополняютъ земскую кассу, и на сокращеніи потребленія лѣкарствъ. Но этими же земствами замѣчено слѣдующее любопытное явленіе: со введеніемъ «пятачковъ», количество амбулаторныхъ посѣщеній значительно падаетъ, но... количество больныхъ и количество смертей сильно увеличивается сравнительно съ тѣмъ, что́ было до введенія этихъ «пятачковъ». «Пятачки» желательны, но желательны ли увеличеніе болѣзненности и смертности населенія?!

Деревня нуждается не только въ школѣ, больницѣ, но и въ такихъ общественныхъ учрежденіяхъ, гдѣ всѣ бѣдствующіе, всѣ несчастные, всѣ больные находили бы себѣ пріютъ. Такихъ учрежденій пока еще нѣтъ въ деревнѣ. Надежда на «міръ», что онъ прокормитъ и обогрѣетъ, все болѣе и болѣе съ годами начинаетъ слабѣть. «Міръ» самъ все дѣлается бѣднѣе и бѣднѣе. Ему уже не

до бѣдныхъ и сирыхъ. А насколько велика нужда въ такихъ деревенскихъ учрежденіяхъ, можно видѣть изъ слѣдующей исторіи, разсказанной «Домомъ».

«Недавно на Дѣвиченскомъ рынкѣ, въ числѣ возовъ съ разными жизненными продуктами, стоялъ *для продажи возъ... дѣтей*. Пятеро дѣтей отъ 5 до 14 лѣтъ предлагались даромъ каждому желающему стоявшимъ у воза отцомъ ихъ, липецкимъ мѣщаниномъ Ершовымъ. По его словамъ, онъ лишился жены и, не имѣя средствъ къ воспитанію этихъ дѣтей, сталъ ихъ предлагать каждому, кто бы пожелалъ взять ихъ, но такъ какъ охотниковъ не нашлось, то онъ повезъ ихъ на дальнюю сторону, направляясь къ Ростову, гдѣ разсчитывалъ найти себѣ болѣе прибыльное занятіе на какой-нибудь фабрикѣ или иномъ заведеніи. Съ нимъ ѣдетъ братъ его Иванъ. Дѣти: Евдокія—14 лѣтъ, Акулина—12, Вѣра—8, Марья—7 и Николай—5 лѣтъ. Окружившая ихъ публика надѣляла ихъ милостыней—булками, калачами и т. п.,—но изъ дѣтей только старшую дѣвочку кто-то взялъ и увелъ вмѣстѣ съ отцомъ въ полицейскую часть, чтобы оформить пріемъ ребенка».

XX вѣкъ ознаменовывается публичною продажею дѣтей!

На далекомъ Сахалинѣ, на этомъ «каторжномъ островѣ», положеніе дѣтей еще хуже.

При продажѣ дѣтей еще не потеряна надежда, что, можетъ быть, эти несчастныя существа попадутъ въ добрыя, хотя и чужія руки. Но съ сахалинскими дѣтьми дѣло обстоитъ совсѣмъ иначе. Тамъ дѣти гибнутъ и—что обиднѣе всего—нѣтъ надежды на улучшеніе судьбы этихъ несчастныхъ существъ. Вотъ что дѣлается на Сахалинѣ. Нѣкто, подписавшійся «другомъ дѣтей», разсказываетъ въ газетѣ «Владивостокъ» о тлетворной для дѣтей атмосферѣ Сахалина. Особенно губительна она для дѣвочекъ.

Нищета, голодъ, развратъ, преступленіе—вотъ роковой четыреугольникъ, въ которомъ всю жизнь мечется дочь нашего бѣдняка ссыльнаго. Спросъ на трудъ—незначителенъ; мѣстъ для прислуги—20—30, а кандидатокъ—сотни...

А въ училищахъ, гдѣ учатся дѣти обоего пола до 15-лѣтняго возраста, они, — какъ свидѣтельствуетъ «другъ дѣтей, — учатся... «сожительствовать». Это, видите ли, «общепринятая» въ сахалинскихъ училищахъ игра, въ которой дѣти свыкаются съ будущимъ своимъ положеніемъ и считаютъ, по достиженіи 15-лѣтняго возраста, такое сожительство обязательнымъ. Многіе изъ дѣвочекъ и мальчиковъ ожидаютъ этого возраста и мечтаютъ о сожительствѣ; иногда они вступаютъ и ранѣе въ эту жизнь и производятъ на свѣтъ потомство... *Въ этой игрѣ принимали участіе два учителя сель-*

ских школ; оба они изъ духовнаго званія; теперь они болѣе не играютъ, такъ какъ одинъ пріобрѣлъ уже этой игрой въ сожительство одну изъ ученицъ лѣтъ 15, а другой, такимъ же порядкомъ, сестру одного изъ своихъ учениковъ, дѣвицу лѣтъ 16-ти; обѣ готовятся быть скоро матерями.

«Свыкаются съ своимъ будущимъ положеніемъ ученики сахалинскихъ училищъ при посредствѣ и другой игры» — «*въ палача*».

Одинъ изъ мальчиковъ принимаетъ на себя роль начальника тюрьмы; другой беретъ роль палача, а третій дѣлается преступникомъ и, когда послѣдній по роду преступленія долженъ быть подвергнутъ тѣлесному наказанію, то мальчикъ-палачъ исполняетъ наказаніе, мальчикъ же въ роли начальника тюрьмы кричитъ: «Рѣже... крѣпче»! Третья игра—въ «смотрителя поселеній»: одинъ изъ мальчиковъ садится и разваливается, копируя смотрителя; а другой подходитъ съ словесной просьбой, говоря: «Ваше высокородіе, явите божескую милость, представьте меня въ крестьяне; я 6 лѣтъ поселенецъ и ни въ чемъ не замѣченъ». — «Не хочу, пошелъ вонъ»!—«Ваше высокородіе! я въ казну не должонъ...—Надзиратель, гони его по шеѣ! — Позвольте пойти къ начальнику округа»? — А, къ начальнику! Надзиратель, веди его въ карцеръ; я тебѣ, погоди, дамъ крестьянство,—кричитъ.—Написать постановленіе и обратить въ работу на 14 дней.—Проситель притворяется плачущимъ.—«Ваше высокородіе, не губите, простите, уѣду домой»! Въ это время раздается ударъ по лицу, произносится: «взять»! Виновника уводятъ.

Таковы *школьныя игры* на Сахалинѣ.

Очевидно, тамъ совершенно не знаютъ или не хотятъ знать ни евангельской заповѣди о «малыхъ сихъ», ни хоть сколько нибудь человѣческаго отношенія къ дѣтямъ. Школа, хотя бы и сахалинская, должна только просвѣщать, а не развращать.

«Царство мрака» объяло всю нашу обширную матушку-Русь. Куда ни посмотри—вездѣ тьма невѣжества. Совершаются подчасъ такія событія, происходятъ такіе факты, что невольно переносишься въ «глубь временъ и вѣковъ». Ни церковь, ни школа, ни самое время не повліяли на нашъ народъ, продолжающій пребывать въ косности и дикости. Еще до сихъ поръ у насъ сохраняются обычаи и обряды, напоминающіе нашу сѣдую старину, когда вмѣсто Христа у насъ царили Перунъ и Велесъ.

Пермскій край можетъ дать особенно обильный матеріалъ для этнографа. Въ «Пермскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» г. И. П. описываетъ слѣдующую церемонію, сопровождающую свадебный

пиръ. Дѣло было въ деревнѣ Савиной, анисимовской волости, чердынскаго уѣзда.

На другой день послѣ свадьбы, веселящіеся гости показались на улицу. Одинъ изъ участниковъ пира, видимо тысяцкій, одѣтый въ длиннополый на изнанку зипунъ и съ большимъ деревяннымъ крестомъ въ рукахъ, изображалъ изъ себя священника. Рядомъ съ нимъ шелъ «дьяконъ», а немного позади — «псаломщикъ», который, приплясывая, напѣвалъ со своими «прихожанами», числомъ человѣкъ въ 15, довольно скабрезныя пѣсни. Кривляньи же его и разныя прибаутки самаго циничнаго характера вызывали у окружающихъ всеобщій смѣхъ. Позади всѣхъ, одинъ изъ поѣзжанъ везъ на санкахъ пожилую женщину, которая изображала изъ себя бабушку и держала на рукахъ «дитё» (завернутое въ рваные лохмотья, березовое полѣно) и совала ему въ ротъ довольно объемистую тряпичную соску.

Вся эта процессія, разряженная и раскрашенная сажей, направилась къ рѣчкѣ и начала совершать обрядъ крещенія новорожденнаго, первенца новобрачныхъ.

Въ заключеніе, бабушку, вмѣстѣ съ новокрещеннымъ Иванушкой, столкнули въ воду, послѣ чего произошла уже общая свалка, и гости, къ общему для всѣхъ удовольствію, возвращались въ домъ новобрачныхъ мокрыми курами.

Перенесемся съ сѣвера на западъ. Въ предмѣстьѣ Варшавы, Прагѣ, сдѣлано небывалое открытіе. Обнаружена спеціальная контора для доставки... чертей.

Къ приставу XII участка явилось, по словамъ «Варш. Дневн.», нѣсколько жителей Шмулевизны, которые заявили, что содержательница конторы для доставки чертей, на Гродненской ул. № 43, Блима Франкель занимается мошенничествомъ. Недавно, напр., она обѣщала «наслать чертей» на судей, которые должны были судить нѣкоего Шиманскаго, за что взяла 10 руб. Черти, числомъ 6, должны были перепутать бумаги такъ, чтобы судъ оправдалъ Ш. Но, видимо, «черти заняты были въ другомъ мѣстѣ» (дословныя заявленія жалобщиковъ), почему Ф. не могла ихъ прислать въ судъ, который приговорилъ «поэтому» (!) Ш. къ тюремному заключенію. По полицейскому дознанію, Ф. давно уже распускала между окрестными жителями слухи, что она вошла въ сношенія съ дьяволомъ, который поручилъ ей открыть контору и снабдилъ «достаточнымъ количествомъ чертей». Послѣднихъ она отдавала въ наемъ, если требовалось отомстить кому нибудь, разстроить бракъ, поссорить и т. п., за что взимала соотвѣтственную плату,

смотря по важности дѣла и количеству командируемыхъ чертей. Ф. вела свои дѣла очень бойко и слава ея «конторы» все росла. Особенный спросъ былъ на чертей для судебныхъ дѣлъ, которыя они умѣли такъ «запутать», что виновный всегда выходилъ правымъ. Дознаніемъ обнаруженъ былъ цѣлый рядъ мошенничествъ Ф., и она передана въ руки судебныхъ властей.

Въ Варшавѣ,—которая отдѣляется отъ Праги рѣкой Вислой,—имѣется нѣсколько высшихъ учебныхъ заведеній: университетъ, политехникумъ, ветеринарный институтъ, до 2-хъ десятковъ среднихъ казенныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній, масса народныхъ и городскихъ школъ, а въ Прагѣ—контора для доставки чертей... По всей вѣроятности, прагская контора поставляла чертей только для такихъ кліентовъ, которые не бывали не только въ высшихъ и среднихъ, но и въ низшихъ школахъ: поступки ихъ дики и невѣжественны. Поэтому они и «не вѣдятъ, что́ творятъ».

Но вотъ на нашей матушкѣ Волгѣ безчинствуютъ уже не темные, невѣжественные люди, а прошедшіе даже высшую школу. Вотъ какія дѣла творятся на этой нашей исторической рѣкѣ, какъ разсказываетъ корреспондентъ одной петербургской газеты.

«На Волгѣ,—говоритъ корреспондентъ,—до сихъ поръ благополучно плаваетъ пароходъ, на которомъ два или три года назадъ нѣкій судоходный чинъ вторично убилъ поэта А. С. Пушкина. Этотъ анекдотическаго характера фактъ,—но фактъ дѣйствительный,—имѣлъ мѣсто въ Астрахани на большомъ пассажирскомъ пароходѣ, носящемъ имя поэта. Пароходъ стоялъ у пристани. Въ рубкѣ перваго класса, передъ портретомъ Пушкина, сидѣлъ судоходный чинъ и разговаривалъ съ поэтомъ. Бесѣда длилась довольно долго, какъ вдругъ этотъ чинъ вспомнилъ что-то, нервно всталъ со стула и взволновался.

— Ну, — сказалъ онъ, — здравствуй, Александръ Сергѣевичъ! Какъ поживаешь? Пароходы завелъ свои на Волгѣ, жалуешься, поди, на судоходные порядки, что́ на перекатахъ бакены не горятъ? Прекрасно! Жалуйся. Ты говоришь, не подавалъ ни одной жалобы, а только писалъ стихи. Неправда, у меня официальная бумага есть—«объявляется выговоръ за «Пушкина», ставшаго на мель по случаю негорѣнія бакеновъ». Это что? Вру, что ли, я? Вру? Ну, нѣтъ, братъ, довольно!...—И новый Дантесъ вынулъ заряженный револьверъ и выстрѣлилъ въ Пушкина. Разумѣется, сбѣжались люди, начался шумъ. Дѣло, однако, какъ-то замяли, и теперь, какъ воспоминаніе о немъ, осталась только одна брешь въ портретѣ, но и она заклеена. Чинъ, убившій вторично Пушкина, и сейчасъ здравствуетъ, но послѣ этого случая онъ избѣгаетъ

всѣхъ пароходовъ, носящихъ имя русскихъ писателей. Послѣ такихъ фактовъ, можно ли чѣмъ нибудь удивить судовладѣльцевъ? Недавно пассажиры, ѣхавшіе на большомъ пароходѣ «Островскій» въ Астрахань, страшно возмущались остановкой парохода среди Волги по требованію инспекторскаго парохода астраханскаго участка. Возмущались они потому, главнымъ образомъ, что «Островскій» шелъ съ большимъ запозданіемъ и каждый часъ былъ имъ дорогъ. Зачѣмъ же остановленъ былъ среди Волги «Островскій»? Когда онъ остановился и къ нему подошелъ инспекторскій пароходъ, пассажиры увидали, что съ послѣдняго вышелъ человѣкъ въ формѣ, украшенный разноцвѣтными лентами. Онъ прошелъ прямо въ буфетъ, и оттуда понесли на инспекторскій пароходъ бутылки съ виномъ. Взявъ этотъ грузъ, командиръ инспекторскаго парохода отпустилъ «Островскаго», и послѣдній благополучно отправился въ путь.

— Что это за остановка? — возмущались пассажиры. — Какое право имѣютъ задерживать частные пароходы? Покажите намъ законы: гдѣ есть такое правило?

Правилъ имъ, конечно, не показали, и пассажиры остались неудовлетворенными.

«На Волгѣ вообще что-то творится странное, — продолжаетъ корреспондентъ. — Судоходство испытываетъ огромныя затрудненія въ низовомъ плесѣ, гдѣ перекаты обмелѣли болѣе чѣмъ на средней Волгѣ, а, между тѣмъ, инспекторскіе пароходы занимаются еще остановками пассажирскихъ пароходовъ. По словамъ командировъ, такого безобразнаго и безотраднаго состоянія перекатовъ отъ Саратова до Астрахани, какъ въ этомъ году, никогда не было. Болѣе 10.000,000 пудовъ нефтяныхъ грузовъ, назначенныхъ на волжскія пристани, останутся на зиму въ Астрахани; вслѣдствіе мелководья въ низовомъ районѣ Волги ихъ не успѣли вывезти. Теперь—конецъ сентября, а на Волгѣ огромное грузовое движеніе; идутъ запоздавшіе, задержанные мелководьемъ грузы. На Лобышкинскомъ перекатѣ, недалеко отъ Казани, недавно въ теченіе 12 — 14 часовъ окончательно прекращено было движеніе судовъ, вслѣдствіе безпорядковъ, допущенныхъ на этомъ перекатѣ. Въ рыбинскомъ плесѣ было нѣсколько случаевъ, когда пароходы разбивались на перекатахъ о камни и становились на мель, потому что не были освѣщены бакены. Судоходное начальство напечатало офиціальное сообщеніе, что бакены не горѣли потому, что они были сорваны шедшими сверху плотами, но вслѣдъ за этимъ явились акты, составленные на пассажирскихъ пароходахъ,—и въ этихъ актахъ констатировано, что лоцманы ѣздили по перекату въ лодкѣ, нашли бакены

на мѣстахъ и привязали къ нимъ пароходные фонари. Несостоятельность существующаго инспекторскаго надзора констатирована самимъ управленіемъ округа, которое не разъ объявляло выговоръ инспекторамъ, но пользы отъ этихъ объявленій все таки не было».

«Едва ли гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ мыслимо то, что дѣлается на вятскихъ пароходахъ»,—говоритъ «Казанск. Телеграфъ». И, дѣйствительно, тамъ творится что-то совсѣмъ нетерпимое.

2-го сентября шедшій изъ Казани пассажирскій пароходъ Тарышкина «Павелъ», въ 7 часовъ вечера, пришелъ къ пристани на р. Вяткѣ: «Горки». Выгрузки и нагрузки товаровъ на этой пристани было немного. Пароходъ далъ два свистка и готовился уже къ отправленію, какъ, на бѣду пассажировъ, показался идущій навстрѣчу пароходъ того же владѣльца «Иванъ». «Павелъ» заставилъ отходить отъ пристани и «Иванъ» подошелъ бортъ къ борту. Командиры того и другаго парохода, какъ оказалось, большіе пріятели. Нельзя же чѣмъ нибудь не ознаменовать столь неожиданной радостной встрѣчи! И вотъ оба командира, помощникъ командира съ «Ивана», какіе-то пассажиръ и дама забираются въ каюту командира парохода «Павелъ» и начинается попойка. Пароходы стоятъ часъ, другой. Пассажиры посылаютъ узнать, скоро ли пойдетъ пароходъ. Получается отвѣтъ—«скоро». Проходитъ еще часъ, другой, а пароходы все стоятъ. Ночь холодная. Палубные пассажиры прозябли, такъ какъ бортовыя двери открыты настежъ и пассажиры очутились на сквозникѣ. Поднимается ропотъ и шумъ на палубѣ парохода, а пароходы стоятъ у пристани. Полночь. Шумъ на палубѣ принимаетъ внушительные размѣры.

Публика протестуетъ, но кто же и когда обращаетъ у насъ вниманіе на «протесты» публики?!

Кромѣ инженерныхъ и капитанскихъ безобразій, у насъ еще жива и «понизовая вольница». Правда, она рѣдко даетъ знать о себѣ, но все таки сильна еще и по временамъ жестока. Ѣхавшіе на пароходѣ «Охотникъ» въ Астрахань передаютъ слѣдующій случай, какъ нельзя лучше рисующій нравы нашей «понизовой вольницы».

Не доѣзжая до Астрахани нѣсколькихъ станцій, съ парохода увидѣли расположившуюся на берегу толпу народа въ нѣсколько сотъ человѣкъ. Оказалось, что это люди изъ Никольскаго и окрестныхъ селеній, нанятые подрядчиками на рыболовные промыслы въ Астрахань. Подойдя къ берегу, капитанъ парохода заявилъ подрядчикамъ, что принять всѣхъ людей на пароходъ онъ не можетъ, а пусть они раздѣлятся на двѣ половины, и одну половину онъ увезетъ. Едва только спустили сходни, толпа неудержимой волной

хлынула на пароходъ. Тщетно капитанъ и помощники кричали съ трапа, прося остановиться,—никто не слушалъ, и толпа все лѣзла на пароходъ. Мужики набились въ каюты 1 и 2 классовъ и такъ стѣснили бывшихъ тамъ пассажировъ, что послѣдніе стали кричать. Помощникъ капитана, пытавшійся на сходняхъ остановить толпу, ударомъ кулака былъ сшибленъ съ ногъ, и толпа съ криками и угрозами лѣзла на пароходъ уже силою. Желая спасти пароходъ отъ несчастія, капитанъ отдалъ приказъ отчаливать, — и вотъ тутъ-то началась настоящая битва. Мужики пустили въ ходъ кулаки и палки, и били всѣхъ: и матросовъ, и пассажировъ, которые показывались на глаза, а толпа съ берега кричала:

— Ломай пароходъ, бей всѣхъ! Ничаво не будетъ! —Одни мужики ухватились за канаты и чалки и не позволяли пароходу отчалить, а другіе все силой ломились, сокрушая на своемъ пути и людей, и обстановку парохода. Капитанъ приказалъ направить на осаждающую толпу тонкую струю пара черезъ резиновый шлангъ. Толпа подалась назадъ, выпустили чалки и канаты изъ рукъ; пароходъ сталъ отчаливать отъ берега, но тутъ по пароходу открылась настоящая бомбардировка. Камни, палки, полѣнья и арбузы дождемъ посыпались на пароходъ, а когда камни уже не долетали до парохода,—изъ толпы послышались ружейные выстрѣлы, къ счастью, никого не задѣвшіе. Очевидцы передаютъ, что это было настоящее нападеніе дикихъ варваровъ. О безобразной брани на словахъ и говорить, конечно, нечего. Въ результатѣ нападенія получилось нѣсколько контуженныхъ пассажировъ и матросовъ...

Какъ евреи «дѣлаютъ исторію»? Это любопытный вопросъ. Наши жиды во что бы то ни стало хотятъ выдвинуть себя впередъ, показать свои доблести и даже храбрость.

Недавно «Виленскій Вѣстникъ» сообщилъ заимствованное изъ варшавскихъ польскихъ газетъ описаніе самопожертвованія солдата, изложенное въ слѣдующемъ видѣ:

«Во время ежегодной артиллерійской стрѣльбы на военномъ полѣ при Рембертовѣ, неизвѣстно по какой причинѣ, дуло одного изъ орудій было направлено на холмикъ, занятый въ то время генераломъ и штабными офицерами, — какъ разъ на перваго. Одинъ артиллеристъ, еврей, родомъ изъ Вильны, находившійся вблизи генерала, во-время замѣтилъ грозившую опасность, но предупредить генерала было уже поздно. Еврей моментально со всѣхъ ногъ бросился къ генералу и толкнулъ его по направленію къ стоящимъ возлѣ него офицерамъ. Въ этотъ моментъ раздался выстрѣлъ и солдатъ былъ разорванъ гранатой. Похороны его были обставлены

съ рѣдкою въ Варшавѣ торжественностью. Покойному были воздана всѣ военныя почести. Военный оркестръ игралъ похоронный маршъ. Трупъ покоился на лафетѣ, за которымъ слѣдовала еврейская похоронная колесница. За нею шли солдаты и орудія. Въ процессіи принимали участіе многіе генералы и высшіе офицерскіе чины, а въ числѣ ихъ временно исполняющій постъ командующаго войсками—генералъ Пузыревскій. У могилы была произнесена генераломъ глубоко прочувствованная рѣчь».

Такъ пишется и дѣлается евреями исторія! Чрезъ 5—10 лѣтъ этотъ разсказанный фактъ будетъ приводиться еврейской и еврействующей печатью, какъ примѣръ доблести и храбрости...

Какъ же на самомъ дѣлѣ произошелъ этотъ фактъ? Соотвѣтствуетъ ли онъ дѣйствительности? «Варш. Дневникъ» разъясняетъ, что сообщеніе это *отъ начала до конца не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.*

«Дуло орудія вовсе не было направлено на холмикъ, занятый генераломъ и его штабомъ»,—говоритъ газета, — «никто изъ солдатъ, жертвуя собой, генерала не отталкивалъ; а генералъ Пузыревскій находился въ разстояніи около версты отъ мѣста происшествія и узналъ о немъ лишь по окончаніи стрѣльбы. Выстрѣломъ по подвижнымъ мишенямъ изъ шестаго орудія 22-й конно-артиллерійской батареи были, дѣйствительно, тяжело ранены нумера сосѣдняго пятаго орудія—бомбардиръ Израиль Дачковскій и бомбардиръ Николай Рубовъ. Причиной же этого несчастнаго случая былъ преждевременный разрывъ шрапнели въ каналѣ орудія и слишкомъ косое направленіе выстрѣловъ. Что же касается описанія похоронъ Израиля Дачковскаго, то, дѣйствительно, онѣ были обставлены торжественностью, но помощникъ командующаго войсками генералъ-отъ-инфантеріи А. К. Пузыревскій на похоронахъ не присутствовалъ и у могилы «глубоко прочувствованной рѣчи» не произносилъ».

Любовь къ дѣланію «исторіи» у евреевъ большая. Самый маленькій, пустячный случай они стараются раздуть, обратить въ свою пользу и наболтать при этомъ случаѣ массу *жалкихъ* словъ.

Въ «Приднѣпровскомъ Краѣ» одинъ изъ студентовъ разсказываетъ о поведеніи своего товарища изъ числа воспитанниковъ екатеринославскаго высшаго горнаго училища.

«Мой братишка, 8-лѣтній мальчикъ, — пишетъ студентъ,— явившись сегодня изъ училища, со слезами на глазахъ, вбѣжалъ въ комнату и на вопросъ, что съ нимъ, разсказалъ дрожащимъ отъ обиды и волненія голосомъ слѣдующее:

«Ѣду я на трамваѣ, на передней площадкѣ, тамъ же стоятъ нѣсколько горняковъ; вдругъ одинъ изъ нихъ довольно больно щелкнулъ меня пальцемъ по уху и грознымъ тономъ спрашиваетъ: «ты жидъ»? Не получивъ отъ меня никакого отвѣта, онъ не довольствуется и снова спрашиваетъ: «скажи, ты жидъ»? Растерявшись, я не зналъ, что отвѣтить; только чувствовалъ, какъ слезы навертываются у меня на глазахъ. Къ счастью, вагонъ остановился, и я соскочилъ. Пожалуйся на него студентамъ», — закончилъ братишка, будучи твердо увѣренъ, что всѣ студенты составляютъ одну семью, члены которой могутъ карать другъ друга за неблаговидные поступки. Къ сожалѣнію, намъ еще далеко до этого. Я не требую, конечно, отъ всѣхъ студентовъ екат. высшаго горнаго училища пониманія великаго: «нѣсть іудея, нѣсть эллина» [1])— это, очевидно, для нѣкоторыхъ изъ нихъ еще очень трудно; но неужели же они такъ малокультурны и маловоспитанны, что не въ состояніи сдерживать свои порывы даже на трамваѣ и, встрѣтивъ «жидёнка», считаютъ своимъ долгомъ травить его, пользуясь его беззащитностью? Стыдно, товарищи, очень стыдно»!

Боже, какое тяжкое преступленіе! Сколько «гевалту» изъ-за него! Студентъ, конечно, нехорошо сдѣлалъ, что ударилъ маленькаго мальчика по носу. Фактъ, несомнѣнно, грустный. Но вѣдь не такое же это преступленіе, чтобы переносить его на столбцы газетъ и взывать: «Стыдно, товарищи, очень стыдно»! Бываютъ вещи много постыднѣе, и онѣ безъ всякаго стыда продѣлываются, однако, самими жидами. Удивительный народъ эти евреи! Изъ всякаго пустяка они съумѣютъ устроить исторію и поднять бурю въ стаканѣ воды. Мало того: даже якобы-русскіе органы раздуваютъ эти мыльные пузыри и начинаютъ «втирать очки» своимъ читателямъ. Одна изъ петербургскихъ газетъ, сильно пропахнувшая чеснокомъ, говоря по поводу этого письма, дѣлаетъ любопытное заключеніе:

«Г. студенту стыдно; намъ же, старикамъ, *до слезъ больно* (!!) при мысли о надвигающихся—намъ на смѣну—силахъ, средя которыхъ попадаются подобнаго рода субъекты. Это — единицы, но эти единицы *терпимы*. Неужели и впредь будутъ терпимы, впредь, когда голосу товарищей будетъ отведено, какъ говорятъ, подобающее мѣсто»?

Еще бы публицисту «изъ насихъ» не желательно было за ребяческую выходку притянуть студента къ суду товарищей!

---

[1]) Это великое изреченіе, столь часто злоупотребляемое жидами, требуетъ, прежде всего, отъ нихъ самихъ—не возноситься своей національностью и не претендовать на порабощеніе всѣхъ другихъ народностей, въ томъ числѣ и эллинской, которую они давнымъ-давно уже пожрали на югѣ Россіи.

А сколько совсѣмъ уже не ребяческихъ каральныхъ выходокъ, въ родѣ дѣяній каменецъ-подольской «каморры», описанныхъ въ № 10 «Наблюдателя», проходитъ мимо глазъ такого публициста, не вызывая въ немъ ничуть гражданскаго негодованія, приносимаго имъ только по адресу «гоевъ»!

Любопытную исторію разсказываетъ корреспондентъ объ эксплуататорахъ темной еврейской банды — такъ называемыхъ «цадикахъ».

«У насъ уже неоднократно сообщалось о вредной дѣятельности еврейскихъ цадиковъ, чудотворцевъ, «гастролирующихъ» по городамъ и мѣстечкамъ Юго-западнаго края, но каждый разъ, когда къ намъ на «гастроли» заѣзжаетъ такой «дорогой гость»,—намъ неминуемо приходится возвращаться къ этому вопросу. Городъ нашъ, не откликнувшись на вопли и мольбы погорѣльцевъ изъ гродненской и минской губерній, зато очень гостепріимно принимаетъ въ своихъ стѣнахъ, отъ времени до времени заѣзжающихъ, цадиковъ-чудотворцевъ, успѣвающихъ своими чудесами собрать здѣсь обильную жатву. Пишущій эти строки, для характеристики, отправился къ гостящему теперь въ Гайсинѣ цадику, «реббе Нухемди», вымогающему у своихъ поклонниковъ огромныя суммы, и глазамъ его предстала слѣдующая картина:

«Цадикъ, окруженный цѣлой стаей прислужниковъ, все отборныхъ, принимаетъ поклонниковъ (исключая избранниковъ) поочередно, не въ строгомъ смыслѣ этого слова, а успѣвшихъ ранѣе хорошо задобрить его «габоимовъ». Проситель, подходя къ цадику, остается минуты двѣ незамѣчаемымъ, такъ какъ взоры «святаго мужа» обращены къ небу и можно подумать, что онъ тогда переговаривается съ ангелами; потомъ, протягивая просителю правую руку, онъ принимаетъ отъ послѣдняго записку, составленную однимъ изъ его «габоимовъ» за особое вознагражденіе, въ которой значится, что именно онъ проситъ отъ цадика; при этомъ кладутъ на столъ монету, каждый по своему состоянію, но не меньше рубля. Цадикъ, очень часто безграмотный, разбирая цѣнность монеты, а не то, что въ запискѣ значится, даетъ одинъ отвѣтъ: «Богъ поможетъ; все будетъ по твоему желанію» (цадикъ ко всякому обращается на *ты*), и если проситель хочетъ промолвить еще слово, то онъ немедленно выталкивается стоящимъ у дверей прислужникомъ съ назиданіемъ: «нельзя докучать реббе», а на его мѣсто впускается другой.

«Ходятъ и старъ, и младъ, и богатый, и бѣдный; въ обиліи такие у дверей цадика толпятся бездѣтныя женщины, приходящія просить у него потомства. Съ этими послѣдними,—въ особенности съ зажи-

точными, что небезъизвѣстно цадику,—послѣдній вступаетъ въ сдѣлку получая въ задатокъ 9—18 рублей, съ условіемъ, если просительница обогатится потомствомъ, то цадику должна быть уплачена еще остальная условленная сумма, въ три или пять разъ больше задатка—смотря по тому, какой у просительницы родится ребенокъ: мужскаго пола или женскаго, — первый сортъ, понятно, дороже. Цадики, при разсчетахъ, вообще принимаютъ число 18, такъ какъ въ древне-еврейскомъ языкѣ это число означаетъ «жизнь».

Это «гонимое» и «безправное» племя, пользующееся у насъ даже въ отправленіи своего псевдо-богослуженія, большими правами, чѣмъ православное населеніе,—какъ это доказываетъ г. Фуксъ въ этой же книгѣ «*Наблюдателя*»,—завоевываетъ себѣ все болѣе и болѣе крѣпкое положеніе въ городахъ «черты осѣдлости». Одна газета приводитъ слѣдующія цифровыя данныя, изъ которыхъ видно, что г. Люблинъ и болѣе значительные города люблинской губерніи попали окончательно въ руки жидовъ.

По даннымъ 1901 г., въ Люблинѣ находится всего 899 домовъ; въ томъ числѣ 850 составляютъ частную собственность. Изъ этихъ 850 домовъ христіанамъ принадлежитъ 410, *евреямъ—440*. На нѣкоторыхъ улицахъ, — какъ напр., Ковальской, Широкой, Замковой, Ятечной и Подзамчей,—всѣ недвижимости принадлежатъ евреямъ (!!) число которыхъ (28,517) почти равно числу христіанскихъ жителей Люблина (28,720). Въ главнѣйшихъ уѣздныхъ городахъ губерніи евреи составляютъ: въ Любартовѣ 56,1% общаго числа жителей, въ Томашовѣ 59,1%; въ Дубенкѣ 59,5%, въ Бѣлгораѣ 42,5% и т. д.

Очевидно, что въ нашихъ сѣверозападныхъ окраинахъ уже наступило то счастливое, предсказанное талмудомъ, время, когда расплодившійся израиль поработитъ совершенно гоимскій народъ...

Изъ области курьезовъ.

Говорятъ, русскій народъ не умѣетъ веселиться. Посмотрите, однако, какъ весело живутъ въ Ливнахъ орловской губ., а порождаетъ эту веселость мѣстный буфетчикъ, содержащій садъ. На одномъ изъ гуляній онъ прямо таки «морилъ» публику смѣхомъ.

— Что вамъ сыграть?—запросилъ онъ публику, появившись на эстрадѣ съ дирижерской палочкой.—Комаринскую?.. Варыню?.. Риголетто?..—Маршъ!—послышалось изъ публики. Раздались звуки марша, похожіе больше на кошачій концертъ въ мартѣ. Съ такимъ «ансамблемъ» прошли и остальныя пьесы. Публика была довольна, какъ никогда, и хлопала въ ладоши безъ умолку. Комаринскую грянули. Заходило сердечко у многихъ. Не вытерпѣлъ и З—евъ

(отецъ). Забывъ дирижировать, онъ пустился въ присядку, цѣпляясь за пюпитры и скамейки. Музыканты моментально перемѣнили тактъ—вмѣсто комаринской двинули «Барыню». З—евъ, подражая пѣснѣ, упалъ на животъ и такія «па» выдѣлывалъ: поворачиваясь на бокъ, еще на бокъ, на спину, а самъ то пятками, то носками ёрзалъ по полу... Зрители гомерически хохочутъ, музыканты тоже. Отдохнувъ немного, герой стукнулъ палочкой и проговорилъ, что надо играть «жидовскій танецъ». Опять смѣхъ, но смѣхъ превратился въ хохотъ, когда онъ сталъ плясать жидовскій танецъ. Кто-то потребовалъ сыграть вальсъ: «Ливенскую глупость». «И это можно»!—отвѣтилъ расходившійся герой. И тутъ же начался вальсъ: «Ливенская глупость». Что это былъ за вальсъ, нужно было только слышать и видѣть.

Какъ иногда пишутся афиши провинціальныхъ нашихъ театровъ,—объ этомъ можно судить по нѣкоторымъ выдержкамъ, которыя дѣлаетъ «Московскій Листокъ» изъ имѣющихся въ его распоряженіи экземпляровъ. Съ Чайковскимъ, напр., «случился такого рода казусъ:

«Nocturne» Чайковскаго былъ вычеркнутъ изъ представленной программы концерта, въ виду того, что «это — слово иностранное и неизвѣстно, что оно означаетъ».

Впрочемъ, Чайковскій былъ разрѣшенъ къ исполненію, когда концертантъ согласился замѣнить «Nocturne» словомъ «Ночникъ».

Такъ и вышла афиша: «Ночникъ» Чайковскаго.

Но это еще что! Обыватели губернскаго города Орла завлекались на «концертъ-монстръ» такого рода «соблазнительной» афишей:

Отдѣленіе I.

Изъ оперы «Фаустъ»—концертъ утокъ.

Изъ оперы «Карменъ»—концертъ кошекъ.

Изъ оперы «Жизнь за Царя» и «Птичекъ пѣвчихъ»—концертъ попугаевъ.

Концертъ гусей—изъ оперетки «Мартынъ Рудокопъ».

Концертъ собакъ—изъ новой оперы.

Отдѣленіе II.

Французскій маршъ—концертъ пѣтуховъ.

Свинья пропоетъ романсъ: «не уѣзжай, голубчикъ мой»!

Концертъ насѣкомыхъ: мухъ и пчелъ или—русскій «Соловей-разбойникъ».

Редакція «Новаго Времени» получила изъ Тавастгуса курьезную афишу, не свидѣтельствующую, однако, объ особыхъ успѣхахъ русскаго языка въ Финляндіи:

«Главный спортовый циркусъ въ Финляндіи помѣститься такъ

1,500 человѣкъ выставленъ въ лагеряхъ парола даютъ въ воскресенье 23 дня и въ понедельникъ 24 дня сего іюня большой выставъ выбранныхъ главныхъ въ занятіи человекъ, въ дѣйствій молодцы и барышни 25 человѣкъ. Начнется въ 5 час. и въ 7 час. вечера въ оба дня. Замѣч.! хорошій и много числинный программъ. Замѣч. Ребята и солдаты половина цѣны на каждые мѣста. Спочтеніемъ. О. Охлсенъ & Е. Реймерсъ».

Лиха бѣда начало. Со временемъ и финляндцы научатся правильно писать по русски. Во избѣжаніе же *подобнаю русскаю языка* на афишахъ и вывѣскахъ, не безполезно, покуда, при цензурныхъ комитетахъ и полицейскихъ управленіяхъ завести нѣсколько человѣкъ, знающихъ русскій языкъ, которые слѣдили бы не только за содержаніемъ афишъ и вывѣсокъ, но и за правильностью русскаго языка. Расходъ на это потребуется небольшой, и нужно думать, что финскій народъ охотно приметъ его на себя. Эта мѣра для него же выгодна: чѣмъ скорѣе и чѣмъ лучше онъ выучится русскому языку, тѣмъ выгоднѣе будетъ для него въ сношеніяхъ со стомилліоннымъ русскимъ народомъ.

X.

Подъ осенней мглой.

Темно-синею мглой перевиты
И обрызганы каплями слезъ—
Словно тканью вуаля закрыты
Свѣтло-желтые листья березъ.
Грустью вѣетъ отъ сада больнаго,
Отъ погибшихъ его цвѣтниковъ...
Шепчетъ жизни прощальное слово
Группа синихъ послѣднихъ цвѣтовъ.

Что жъ тоска мое сердце не гложетъ,
Не томятъ его грусть и печаль?..
Иль страдать оно больше не можетъ,
Иль ему этой жизни не жаль?
Нѣтъ!.. Цвѣты еще въ немъ не завяли,
Еще осень къ нему не пришла,
И его безграничныя дали
Не покрыла свинцовая мгла...

Н. Хлыстовъ.

Сахарная промышленность и сахаро-заводческая кабала [1]).

«Въ 1900 г. въ Москвѣ куриныя яйца цѣнились въ среднемъ по 25 р. 49 к. за тысячу, а въ Лондонѣ тѣ же «русскія» яйца—по 23 р. 59 к. Сахарный песокъ въ Москвѣ стоилъ 5 р. 19 к., а въ Лондонѣ—нашъ же песокъ всего 1 р. 66 к. за пудъ, въ Гамбургѣ 1 р. 98 к. Сахаръ-рафинадъ: въ Москвѣ—5 р. 76 к. до 5 р. 89 к., а въ Лондонѣ отъ 1 р. 94 к. до 2 р. 31 к. Хмѣль польскій въ Ригѣ стоилъ 23 р. 87 к., а въ Лондонѣ отъ 10 р. 40 к. до 18 р. 4 к. за пудъ. Керосинъ наливомъ въ Москвѣ стоилъ 1 р. 13 к. до 1 р. 18 к. за пудъ, а въ Гамбургѣ и Лондонѣ тотъ же русскій керосинъ стоилъ 81 к. Въ Москвѣ самый дешевый чай, кантонскій черный, расцѣнивался въ томъ же году по 1 р. 42 к. за фунтъ, тогда какъ въ Лондонѣ невзыскательные потребители обезпечены чаемъ Souchong по 7 р. 38 к. пудъ, т. е. по 18½ к. фунтъ. Кофе цейлонскій въ Москвѣ стоилъ отъ 22 р. 47 к. до 25 р. 68 к. и тотъ же кофе въ Лондонѣ 15 р. 39 к.—15 р. 93 к. Каменный уголь въ Москвѣ стоилъ: донецкій 22 к. и ньюкэстльскій 25½ к. пудъ, а въ Лондонѣ лучшій уголь расцѣнивался не дороже 12½ к.».

Изъ «Свода товарныхъ цѣнъ», изд. Деп. торговли и мануфактуръ.

I.

Приведенныя нами цифры являются весьма поучительными параллелями, дающими намъ возможность получить точный, опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: гдѣ жизнь дешевле—у насъ или за границей? Эти же цифры возбуждаютъ у насъ другой вопросъ:

---

[1]) Свѣдѣнія для цифровый матеріалъ почерпнуты нами изъ слѣдующихъ источниковъ:

А. А. Радцигъ. «Сахарная промышленность, всего свѣта. Производство, потребленіе, цѣны». Спб. 1899 г.

„Отчетъ Главнаго Управленія Неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей за 1896, 1897, 1898 и 1899 годы".

«Вѣстникъ Сахарной Промышленности», еженедѣльная газета Всероссійскаго общества сахарозаводчиковъ за 1900 и 1901 г.г.

Брокгаузъ и Эфронъ. «Энциклопедич. Словарь», полутомъ 57, слово «Сахаръ».

почему нѣкоторые русскіе продукты и товары продаются дешевле на заграничныхъ, чѣмъ на русскихъ рынкахъ? Эти же цифровыя параллели являются прямо таки обвинительнымъ актомъ, безпощадно осуждающимъ нашу экономическую и таможенную политику. Краснорѣчіе и неумолимая логика приведенныхъ цифръ въ данномъ случаѣ несравненно сильнѣе краснорѣчія словъ. Языкъ цифръ болѣе понятенъ нашему уму и осязательнѣе дѣйствуетъ на наше воображеніе.

Наша экономическая и таможенная политика требуетъ отъ русскаго народа, — какъ потребителя отечественныхъ и иностранныхъ продуктовъ, — громаднѣйшихъ жертвъ. На алтарь русской промышленности, во славу невѣжества, удивительной косности и громадныхъ апетитовъ нашего купечества, русскій народъ приноситъ послѣдніе свои гроши вотъ уже нѣсколько десятилѣтій. Благодаря покровительственной системѣ, русскій крестьянинъ пашетъ деревянной сохой, боронитъ деревянной бороной, ѣздитъ на телѣгѣ съ дубовой осью, живетъ въ хатѣ, покрытой легко воспламеняющейся соломой; вмѣсто гвоздя и винта употребляетъ деревянный клинъ. Благодаря этой же системѣ, вмѣсто китайскаго чая онъ пьетъ свой «россійскій», извѣстный въ простонародьѣ подъ именемъ «капорки», или «спитой» чай, извлеченный услужливыми кухарками изъ водопроводныхъ раковинъ; сахаръ онъ употребляетъ не только «въ прикуску», но частенько и въ «приглядку»; вмѣсто керосина нерѣдко пользуется лучиной, такъ что извѣстная народная «Лучинушка» не сдѣлалась еще и доселѣ *историческою* пѣснью русскаго народа: эта лучина и доселѣ еще горитъ во многихъ крестьянскихъ хатахъ нашего обширнаго отечества...

Мы не думаемъ отрицать вліянія покровительственныхъ пошлинъ на развитіе отечественнаго производства. Покровительственное воздѣйствіе государства въ пользу той или иной отрасли промышленности выражается обыкновенно разными льготами и субсидіями, а также установленіемъ таможенныхъ пошлинъ, съ цѣлью оградить извѣстное внутреннее производство отъ иностранной конкурренціи, и,—какъ выражаются протекціонисты, — дать этому производству возможность укрѣпиться и развиться.

Въ особенно привилегированномъ положеніи находится сахарная промышленность, охраняемая и оберегаемая государствомъ преимущественно передъ другими русскими отраслями промышленности. Къ услугамъ сахаро-заводчиковъ принесены въ жертву не только интересы потребителя, но и самого фиска. Наша сахарная промышленность, по отношенію къ потребителю, поставлена въ исключительное положеніе. Тутъ введены въ заблужденіе какъ правительство, такъ и нѣкоторая часть нашей прессы. Господа сахаро-заводчики провели полезную только для нихъ и гибельную для потребителя идею, что въ Россіи существуетъ «перепроизводство сахара», что Россія можетъ вліять на международный сахарный рынокъ, выбрасывая туда излишки своего сахара, котораго некуда дѣвать на родинѣ. Сахаро-заводчики съ большою энергіею отстояли въ высшихъ правительственныхъ сферахъ ту мысль, что предлагаемая ими «сахарная» экономическая политика, по отно-

шенію къ внутреннему и международному рынкамъ, находитъ себѣ оправданіе въ подобной же политикѣ Германіи, Австро-Венгріи, Франціи и пр. Если Германія и Франція продаютъ излишки сахара на международномъ рынкѣ себѣ *въ убытокъ*, но и намъ-де необходимо слѣдовать той же мудрой западно-европейской политикѣ. Русское правительство, такимъ образомъ, введено было въ ошибку относительно задачи, цѣлей и нашихъ средствъ для игры въ «сахарную» политику на международномъ рынкѣ. Повѣривъ льстивымъ доводамъ нашихъ сахаро-заводчиковъ, притомъ же подкрѣпленнымъ примѣромъ западно-европейскихъ государствъ, правительство создало для ихъ процвѣтанія и обогащенія исключительно благопріятныя условія. Оно не только оградило сахарную промышленность отъ иностранной конкурренціи, но и *нормировало внутреннюю конкурренцію*, предписавъ, чтобы каждый изъ жителей обширной россійской имперіи могъ потреблять ежегодно только извѣстное количество сахара, заранѣе опредѣленное для него; оно установило предѣльныя цѣны на сахаръ, дешевле которыхъ никто не смѣетъ продавать. Своею исключительною заботливостью объ интересахъ господъ сахаро-заводчиковъ правительство поставило какъ потребителя, такъ и нашу сахарную промышленность въ ненормальное положеніе: для потребителя оно обратило сахаръ въ предметъ роскоши, а сахарную промышленность сдѣлала тепличнымъ растеніемъ, лишеннымъ свѣжей, здоровой атмосферы, такъ необходимой для его жизни и процвѣтанія. Потребитель же былъ отданъ въ кабалу къ господамъ сахаро-заводчикамъ...

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію состоянія нашей свеклосахарной промышленности и «сахарной» экономической политики, мы считаемъ необходимымъ остановиться на обозрѣніи этой промышленности въ Западной Европѣ. Это необходимо сдѣлать, чтобы видѣть: на самомъ ли дѣлѣ наши сахаро-заводчики преслѣдуютъ ту же цѣль на международномъ сахарномъ рынкѣ, которой такъ настойчиво добиваются сахаро-заводчики Германіи, Австро-Венгріи и Франціи. Подробный анализъ состоянія сахарной промышленности въ этихъ странахъ дастъ намъ возможность уразумѣть, что въ своей политикѣ наши сахаро-заводчики преслѣдуютъ исключительно свои личныя экономическія цѣли, а вовсе не интересы русскаго народа и казны.

II.

Появленіе сахара на европейскихъ рынкахъ, — первоначально только тростниковаго, — относится къ началу XVIII столѣтія. Потребленіе его было крайне ничтожно и не превышало 3 мил. пудовъ въ годъ. Въ 1730 г. привозъ сахара въ Европу достигалъ лишь 7 милліоновъ пуд. въ годъ. Въ настоящее же время, одна Англія потребляетъ въ 10—12 разъ болѣе сахара, чѣмъ весь свѣтъ полтораста лѣтъ назадъ.

Еще въ началѣ XIX ст. сахаръ былъ доступенъ по своей дороговизнѣ только богатымъ людямъ. Средніе же и низшіе классы

тѣхъ странъ, гдѣ вырабатывается сахаръ и откуда онъ привозится въ Англію.

Общее потребленіе Великобританіи съ Ирландіей возросло съ 41 мил. пуд. въ 1871 г. на 77 мил. пуд. въ 1888 г. Потребленіе на жителя, составлявшее въ 1871 г. по 52 фунта, въ 1881 г. уже составляло по 74 фунта, а въ 1888 г. оно уже подходило близко къ 2 пудамъ.

Душевое потребленіе Соединеннаго королевства за послѣднія 10лѣтъ было слѣдующее:

Года	сахарнаго песку	сахара-рафинада	Года	сахарнаго песку	сахара-рафинада
	фунтовъ			фунтовъ	
1889	55,7	29,2	1894	44,2	43,9
1890	49,5	31,0	1895	52,8	44,1
1891	52,0	36,2	1896	48,1	45,7
1892	51,9	33,7	1897	40,7	48,3
1893	50,2	36,5	1898	44,1	48,0

Въ 1898 г. потребленіе сахара составляло 92 фунта на душу.

Франція, Германія и Россія усиленно снабжаютъ Англію дешевымъ сахаромъ. За послѣднія 5 лѣтъ, привозы сахара въ Соединенное королевство составляли:

Года	сахара рафинада въ кускахъ	сахара рафинада остальнаго	сахарнаго песку свекловичнаго	сахарнаго песку тростниковаго	сахарной патоки
	въ тысячахъ пудовъ:				
1894	8.404	34.825	24.009	20.340	2.646
1895	8.069	35.780	28.377	25.354	2.803
1896	8.201	37.607	24.998	23.807	2.407
1897	7.790	41.286	26.953	15.063	3.613
1898	7.893	43.319	29.654	15.894	4.195

Европейскія государства постепенно понижаютъ цѣны на сахаръ для англійскаго потребителя, а потому и потребленіе его постепенно возрастаетъ. При цѣнѣ 4 р. 24 к. — 4 р. 50 к. за пудъ сахарнаго песку, потребленіе въ 1845—1850 годахъ не превышало 18 фунтовъ на душу; но, по мѣрѣ пониженія цѣны, все увеличивалось, достигнувъ,—при цѣнѣ отъ 1 р. 22 к. до 1 р. 60 к. за пудъ,—92 фунтовъ.

Англія получаетъ сахаръ-рафинадъ, главнымъ образомъ, изъ Германіи; затѣмъ слѣдуютъ Голландія, Франція, Бельгія и Россія. Въ 1897—1898 г. привозы сахара рафинада въ Соединенное королевство производились изъ слѣдующихъ государствъ:

	1897 г. Тысячъ пудовъ.	1898 г.	Участіе въ снабженіи Англіи въ %. 1897 г.	1898 г.
Изъ Германіи	31,369	35,414	64,0	69,2
» Голландіи	5,391	7,124	11,0	13,9
» Франціи	9,835	7,000	20,0	13,7
» Бельгіи	2,331	1,445	4,7	2,8
» Россіи	97	141	0,3	0,4
» Остальн. госуд. . .	53	87	0,3	0,4
Итого . . .	43,076	51,212	100	100

Точно также и по доставкѣ сахарнаго песку первое мѣсто принадлежитъ Германіи, второе Франціи и послѣднее—Россіи.

Англія исключительно живетъ чужимъ сахаромъ, который доставляется ей по крайне низкой цѣнѣ. Вотъ по какой цѣнѣ Европа доставляетъ сахаръ Англіи. Въ 1897 и 1898 г.г. англичане платили въ кредитныхъ рубляхъ и копѣйкахъ:

	1897 г.	1898 г.
За рафинадъ.	За пудъ:	
Изъ Германіи	1 р. 84 к.	1 р. 84 к.
» Голландіи	2 » 02 »	1 » 96 »
» Франціи	1 » 84 »	1 » 86 »
» Бельгіи	1 » 88 »	1 » 90 »
» Россіи	1 » 68 »	1 » 70 »
За сахарный песокъ.		
Изъ Германіи	1 р. 33 к.	1 р. 39 к.
» Франціи	1 » 45 »	1 » 53 »
» Бельгіи	1 » 30 »	1 » 41 »
» Голландіи	1 » 27 »	1 » 33 »
» Австріи	1 » 23 »	1 » 38 »
» Россіи	1 » 33 »	1 » 38 »
» Перу	1 » 53 »	1 » 56 »
» Филиппинъ	1 » 16 »	1 » 36 »

Приведенныя цѣны на привозный сахаръ въ Англію—какъ на рафинадъ, такъ и на песокъ,—чрезвычайно низки; кромѣ того, въ Англіи нѣтъ налога на сахаръ, поэтому онъ и въ розницу крайне дешевъ. Рафинадъ въ кускахъ, напр., продается не дороже 6—7 к. за фунтъ, песокъ 4—5 коп. Англійскій потребитель платитъ въ $2^1/_2$ раза дешевле русскаго. И все это происходитъ отъ того, что Европѣ, въ силу какихъ-то непонятныхъ политико-экономическихъ соображеній, угодно работать не только на пользу своихъ сахарозаводчиковъ, но и косвенно—на пользу англійскаго потребителя. Результатъ подобной ненормальной политики выходитъ крайне плачевнымъ для народонаселенія странъ, вывозящихъ сахаръ, и крайне выгоденъ для англичанъ, такъ какъ она даетъ имъ возможность не только самимъ потреблять много сахара, но и откармливать привознымъ сахаромъ своихъ чудныхъ свиней...

III.

Во главѣ странъ, производящихъ свекловичный сахаръ въ Европѣ, стоитъ Германія. Шестьдесятъ лѣтъ назадъ, нѣмецкая свеклосахарная промышленность только что начала проявлять свою дѣятельность. Нѣмцы, какъ практическій народъ, сразу поняли, какое большое значеніе имѣетъ эта промышленность для сельскаго хозяйства. Они начали ей покровительствовать всевозможными способами, и сразу поставили эту промышленность на достаточную высоту. Всѣ средства были направлены къ тому, чтобы поднять свеклосахарную промышленность. Нѣмецкіе химики, ботаники усердно работали надъ изысканіемъ улучшенныхъ способовъ посѣва

свекловицы и производства изъ нея сахара. Построена цѣлая сѣть желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе чего оказалось возможнымъ съ окраинъ подвозить къ заводамъ свекловицу; введены были спеціальные тарифы для перевозки свеклы и сахара; установленъ рядъ таможенныхъ пошлинъ и вывозныхъ премій. Но если мы присмотримся къ результатамъ высокаго развитія свеклосахарной промышленности въ Германіи, то увидимъ, что нѣмцы удешевили сахаръ не для себя, а для англичанъ. *Въ Германіи сахаръ почти вдвое дороже, чѣмъ въ Англіи*, почему и потребленіе сахара нѣмцами значительно ниже потребленія Англіи, отказавшейся отъ обложенія сахара акцизомъ или пошлиной.

Развитіе сахарной промышленности въ Германіи идетъ чрезвычайно быстрыми шагами. Слѣдующія цифры даютъ наглядное понятіе объ этомъ увеличеніи.

Изъ статистическихъ данныхъ видно, что за 40-лѣтній періодъ количество переработанной свекловицы возросло съ 1,5 на 180,3 милліона пудовъ, тогда какъ въ то же время количество произведеннаго сахара увеличилось въ 180 разъ. Что касается до переработки свекловицы заводами, то на 1 заводъ въ 1836—37 г.г. приходилось лишь по 13 тысячъ пуд., тогда какъ за послѣдній періодъ 1 заводъ перерабатывалъ уже по 560 тысячъ пудовъ. Точно также, конечно, возрасла и выработка сахара заводами. Въ 1836 — 37 г. на 1 заводъ приходилось лишь 700 пудовъ сахара въ годъ, тогда какъ средняя выработка завода въ 1870 — 75 гг. составляла уже по 47,600 пудовъ. 1 пудъ сахара въ 1836—37 гг. добывался изъ 18 пуд. свекловицы, въ 1870—75 гг. для выработки 1 пуда сахара было достаточно уже 11,75 пуда свекловицы. Малый выходъ сахара объясняется несовершенствомъ заводовъ, и, лишь съ улучшенными способами извлеченія сока, выходы сахара изъ свекловицы стали постоянно возрастать.

Г. Радцигъ составилъ таблицу, въ которой показано: во-1-хъ, число заводовъ, во 2-хъ, количество переработанной свекловицы, въ 3-хъ, количество свекловицы съ заводскихъ плантацій, въ 4-хъ, пространство заводскихъ плантацій въ десятинахъ, въ-5-хъ, урожаи свекловицы съ десятины.

Отсюда мы видимъ, что число заводовъ увеличилось лишь незначительно, тогда какъ количество переработанной свекловицы *утроилось*. Изъ приведенныхъ г. Радцигомъ цифръ видно, что изъ общаго количества свекловицы, переработанной заводами въ теченіе 1875—1876 по 1880—81 гг. 65% было получено съ заводскихъ плантацій. Съ 1881—82 по 1891—92 гг. включительно, свекловицы съ заводскихъ плантацій было переработано лишь 51%, а за послѣднія 5 лѣтъ — 44%. Количество же посѣянной свекловицы возрасло съ 35% на 56%.

Размѣры посѣвовъ покупной свекловицы, а также урожаи общіе и подесятинные, за послѣднія 5 лѣтъ значительно увеличились.

Средняя цѣна свекловицы для всей Германіи была въ 1896 и 1897 гг.—13,4 коп. кред. за пудъ. Свекловичныя выжимки служатъ кормомъ для скота и обыкновенно возвращаются продавцамъ свекловицы безплатно.

Г. Радцигъ приводитъ далѣе таблицу выработки сахара въ Германіи съ 1875 — 76 по 1897 — 98 гг. Изъ приводимыхъ имъ данныхъ видно, что количество свекловицы, потребное на производство пуда сахара, падало съ каждымъ годомъ (съ 11,62 на 7,43). Производство сахара, за показанные годы, возросло съ 22 на 107 мил. пуд., т. е. *увеличилось почти въ пять разъ*.

Нельзя того же сказать про увеличеніе потребленія сахара внутри страны. Оно и понятно: нѣмцы производятъ сахаръ преимущественно для экспорта. Экономическая политика Германіи въ сахарномъ дѣлѣ направлена къ поощренію вывоза, по низшимъ цѣнамъ, а продажа сахара внутри государства производится по высокимъ цѣнамъ.

Мы уже имѣли случай говорить, что нѣмцы принимаютъ всѣ мѣры къ тому, чтобы нѣмецкій сахаръ на международныхъ рынкахъ былъ не дороже тростниковаго; съ этою цѣлью они не только улучшили техническую и химическую стороны добычи сахара изъ свекловицы, но и регулировали цѣну на песокъ таможенными пошлинами, акцизомъ и вывозными преміями. Г. Радцигъ приводитъ таблицу, въ которой показаны результаты обложенія сахара въ Германіи.

Изъ приведенной имъ таблицы видно, что общій доходъ отъ свеклосахарной промышленности въ Германіи зависитъ отъ размѣра выплачиваемыхъ заводчикамъ вывозныхъ премій. Чѣмъ значительнѣе были вывозы, тѣмъ меньше былъ доходъ, т. е. тѣмъ больше приходилось возвращать заводчикамъ взысканнаго съ нихъ налога на свекловицу.

Нѣмецкій потребитель сахара былъ крайне недоволенъ существовавшей системой непонятнаго для него покровительства сахарозаводчикамъ. Ему удалось, наконецъ, 1 авг. 1897 г., добиться отмѣны налога на свекловицу.

Но отмѣненный налогъ на свекловицу былъ немедленно же замѣненъ акцизомъ на сахаръ-рафинадъ.

Отмѣна налога на свекловицу не повліяла на удешевленіе сахара-рафинада, а сахаро-заводчикамъ продолжаютъ выплачивать премію при вывозѣ сахара.

Очевидно, что покровительственная система въ сахарномъ дѣлѣ идетъ въ ущербъ интересамъ всего нѣмецкаго населенія. Нѣмецъ платитъ за сахаръ значительно дороже англичанина, потребляющаго нѣмецкій сахаръ.

Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что нѣмцы значительно меньше потребляютъ сахара, чѣмъ англичане. О потребленіи сахара нѣмцами можетъ дать понятіе слѣдующая таблица:

Года.	Общее потребленіе, милл. пуд.	Потребленіе на душу русск. фунт.
1871—72 до 1875—76	17,0	16,3
1876—77 » 1880—81	16,9	15,6
1881—82 » 1885—86	21,7	19,0
1886—87 » 1890—91	24,8	20,5
1891—92	29,1	23,2

1892—93	30,6	24,1
1893—94	31,5	24,6
1894—95	33,7	26,1
1895—96 + 1896—97 среди.	35,8	27,1
1897—98	38,9	28,8

Меньшее потребленіе сахара нѣмцами сравнительно съ англичанами объясняется, во-1-хъ, меньшей покупательной способностью нѣмцевъ и, во-2-хъ, дороговизной сахара.

Германія усердно вывозитъ сахаръ за границу.

Въ началѣ 70-хъ годовъ, а именно въ 1870—71 по 1874—75 г.г. вывозы сахара изъ Германіи составляли по 1.610 тыс. пуд. въ годъ,—говоритъ г. Радцигъ,—тогда какъ привозы доходили лишь до 1.606 т. пуд.; за слѣдующее пятилѣтіе (1875—76 по 1879—80) вывозы составляли по 6.027 тыс. пуд., привозы же по 783 тыс. пуд., такъ что излишки вывозовъ надъ привозами составляли по 5.244 т. пуд. въ годъ.

Средніе вывозы за 1881—1890 г.г. доходили до 32.753 тыс. пуд., привозы же составляли лишь по 259 т. пуд., и, такимъ образомъ, излишки вывозовъ за показанное десятилѣтіе доходили до 32.494 т. пудовъ.

О вывозахъ за границу и привозахъ въ Германію за послѣднее время можетъ дать понятіе слѣдующая таблица:

	Вывозы		Привозы		Излишки вывозовъ надъ привозами	
Года.	тыс. пуд.	на тыс. руб.	тыс. пуд.	на тыс. руб.	тыс. пуд.	на тыс. руб.
1891	47,868	105,471	320	833	47,548	104,638
1892	37,095	83,247	320	833	36,775	82,414
1893	43,079	102,416	90	278	42,989	102,138
1894	50,626	96,860	71	232	50,555	96,628
1895	54,582	89,313	64	185	54,518	89,128
1896	60,368	109,453	71	185	60,297	109,268
1897	69,664	106,444	100	232	69,564	106,212
1898	63,035	98,341	67	185	62,968	98,156

Изъ приведенной таблицы видно, что вывозы изъ Германіи были очень значительны, составляя $^{0}/_{0}$ $^{2}/_{3}$ производства. Вывозныя цѣны сахара были: 1 р. 53 к. и 1 р. 56 к. въ 1897 и 1898 г.г. Привозы были малы, во-1-хъ, вслѣдствіе дешевизны сахара въ Германіи; во 2-хъ, вслѣдствіе высокой пошлины, составлявшей 40 марокъ за центнеръ, и 3 р. 3 к. кред. съ пуда.

IV.

Другая страна на континентѣ Европы, которая имѣетъ развитую свеклосахарную промышленность,—это Австро-Венгрія. Тамъ, какъ и въ Германіи, производство сахара поощряется запретительными пошлинами, а вывозъ—преміями. Благодаря такой политикѣ, сахаръ

въ Австро-Венгріи дорогъ и не можетъ служить предметомъ общаго потребленія.

Сахарная промышленность въ народномъ хозяйствѣ Австро-Венгріи занимаетъ весьма крупное мѣсто. Вотъ данныя о пространствахъ, занятыхъ подъ посѣвомъ свекловицы, а также общіе и подесятинные урожаи.

А в с т р і я.

Года.	Подъ посѣвами свекловицы тыс. десятинъ.	Урожаи свекловицы: общіе милл. пудовъ.	съ десятины пудовъ.
1879—83 въ среднемъ	193	249	1,290
1884—88 » »	168	208	1,240
» 1889	206	307	1,490
» 1890	224	337	1,522
» 1891	230	329	1,430
» 1892	234	337	1,440
» 1893	246	301	1,224
» 1894	262	410	1,565
» 1895	189	258	1,365
» 1896	226	362	1,600
» 1897	193	300	1,554

В е н г р і я.

Года.	Подъ посѣвами свекловицы. тыс. десятинъ.	Урожаи свекловицы: общіе милл. пудовъ.	съ десятины пудовъ.
1869—73 въ среднемъ	17	14	820
1874—78 » »	21	21	1,000
1879—83 » »	31	39	800
1884—88 » »	34	39	872
» 1889	49	68	1,380
» 1890	60	60	1,000
» 1891	63	81	1,280
» 1892	67	82	1,220
» 1893	77	95	1,230
» 1894	84	90	1,070
» 1895	69	77	1,120
» 1896	69	93	1,350
» 1897	66	87	1,320

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что площади посѣвовъ свекловицы, какъ въ Австріи, такъ и въ Венгріи, до 1894 г. постепенно увеличивались; съ этого же года замѣчается значительное сокращеніе.

Что касается до цѣны на свекловицу, то таковая для Венгріи въ 1897 г. была по 11 коп. кред. за пудъ.

Производство сахара въ Австро-Венгріи съ 1877 — 78 г. по 1888—89 г.г. включительно было слѣдующее:

пудъ, понижаясь,—какъ это было въ 1896 г.,—до 11,3 коп. Что касается подесятинныхъ урожаевъ, то они ниже, чѣмъ въ Германіи. Такъ напр., за пятилѣтіе 1892—96 г.г. урожаи въ Германіи въ среднемъ составляли по 2015 пуд. съ десятины, а во Франціи за тѣ же годы лишь по 1780 пуд. Зависитъ это не отъ качества земли во Франціи, а отъ того, то почва въ Германіи обрабатывается болѣе тщательно и лучше удобряется искусственными туками.

Производство сахара во Франціи, привозы и вывозы съ 1868—1869 по 1883—1884 г.г. видны изъ слѣдующей таблицы:

Года.	Производство. милл. пуд.	Привозы. милл. пуд.	Вывозы. милл. пуд.
1868—69	14,5	13,8	8,5
1869—70	14,8	12,9	9,7
1870—71	17,2	12,7	13,2
1871—72	20,3	10,4	13,8
1872—73	22,9	12,0	17,9
1873—74	25,4	11,7	17,6
1874—75	26,4	9,8	22,4
1875—76	28,9	14,1	23,8
1876—77	20,0	11,2	17,9
1877—78	21,1	12,3	17,4
1878—79	26,0	10,7	16,9
1879—80	19,7	10,4	13,6
1880—81	20,4	13,3	11,8
1881—82	22,0	14,2	10,7
1882—83	25,3	15.3	10,9
1883—84	28,2	12,5	11,9

Производство сахара во Франціи, колеблющееся въ зависимости отъ урожая свекловицы и цѣнъ на сахаръ, постепенно увеличивается.

Франція получаетъ большой доходъ отъ сахара.

Въ 1894 г. доходъ этотъ составлялъ 73,5 мил. руб. кред., въ 1895 г.—70,9 мил. руб., въ 1896 г.—72,3 мил. руб. кред. Сахарозаводчики, также какъ въ Германіи и Австро-Венгріи, находятся подъ особымъ покровительствомъ. Акцизъ на ввозный сахаръ во Франціи доходитъ до 3 р. 68 к. съ пуда; при вывозахъ сахара, заводчикамъ выдаются преміи, смотря по качеству сахара отъ 24,5 до 27,5 коп. кред. съ пуда. Пошлина на привозный сахарный песокъ равняется акцизу, на рафинадъ же она на 50% выше.

Вывозы сахара изъ Франціи за послѣднее время превышали привозы, но не въ той степени, какъ мы видѣли это въ Германіи и Австро-Венгріи.

Вообще Франція вывозитъ немного, и главные ея вывозы состоятъ изъ рафинада. Вывозы сахарнаго песку почти всегда меньше привозовъ.

Вывозныя цѣны сахара изъ Франціи за послѣдніе 3 года были слѣдующія:

Года.	Экспортныя цѣны. Сахара-рафинада	сахарнаго песка.
	Кредитныхъ коп. за пудъ.	
1895	208	182
1896	197	172
1897	194	159

Благодаря особому покровительству сахарной промышленности, оказываемому французскимъ правительствомъ, сахаръ во Франціи не дешевъ.

19 августа 1899 г. цѣны на сахаръ-рафинадъ значились: въ Лондонѣ за самый высокій сортъ англійскаго рафинада цѣна была 2 р. 13 к., а въ Парижѣ въ этотъ же день рафинадъ стоилъ 6 р. 54 к. *т. е. въ три раза дороже.* Конечно, при такихъ высокихъ цѣнахъ, о большомъ потребленіи сахара во Франціи не можетъ быть и рѣчи.

Потребленіе сахара во Франціи, какъ общее, такъ и душевое, видно изъ слѣдующихъ цифръ:

Года.	Потребленіе. общее милл. пуд.	на душу. русск. фунт.	Года.	Потребленіе. общее милл. пуд.	на душу. русск. фунт.
1870	14,1	14,8	1893	25,8	26,9
1880	19,4	21,0	1894	26,5	27,6
1890	28,6	29,9	1895	26,2	27,3
1891	28,1	29,3	1896	29,3	30,5
1892	28,2	29,4			

Оказывается, что и богатый французскій народъ, благодаря существующимъ высокимъ цѣнамъ на сахаръ, не можетъ употреблять его въ достаточномъ количествѣ.

V.

Обратимся къ производству сахара другими европейскими государствами.

По интенсивности культуры свекловицы и выхода изъ нея сахара, Бельгія занимаетъ первое мѣсто въ Европѣ. Урожаи свекловицы въ Бельгіи очень высоки, и лишь только въ послѣднее время Германія стала приближаться къ прекраснымъ бельгійскимъ урожаямъ.

Урожаи въ Бельгіи въ берковцахъ составляли: въ 1860 г.—175 берк. съ десятины, въ 1865 г. — 267, въ 1870 г. — 222, въ 1875 г.—271, въ 1880 г. — 227, въ 1884 г. — 222, въ 1885 г.—178, въ 1886 г. — 227, въ 1887 г. — 203, въ 1888 г. — 136. Въ 1896 г. урожай составилъ 216 берк. съ десятины, въ 1897 г. 192 берковца.

Число свеклосахарныхъ заводовъ въ Бельгіи и ихъ производство, а также производство каждаго отдѣльнаго завода, видны изъ слѣдующей таблицы:

Года.	Число завод.	Общая выработка сахара, милл. пуд.	Производительность завода, тыс. пуд.
1850	28	0,4	13
1860	65	1,0	16
1870	131	2,9	22
1880	159	3,9	25
1890	119	10,0	84
1891	120	9,2	76
1892	122	8,6	70
1893	121	11,6	96
1894	124	12,3	99
1895	123	11,1	90
1896	123	12,2	99
1987	123	13.3	108

Изъ этихъ цифръ видно, что выработка заводовъ за послѣднее время увеличилась въ очень значительныхъ размѣрахъ.

Въ Бельгіи также замѣтно увлеченіе вывозомъ сахара за границу въ ущербъ своему собственному потребителю.

Вывозы и привозы Бельгіи составляли:

Года.	Вывозы: сахара сырца	Вывозы: сахара рафинада	Привозы: сахара сырца	Привозы: сахара рафинада
	тысячи пудовъ.		тысячи пудовъ.	
1893	10,382	2,330	670	51
1894	5,851	1,702	558	36
1895	7,571	2,945	602	32
1896	7,778	3,211	571	29
1897	10,939	3,482	614	23

Г. Радцигъ опредѣляетъ годовое потребленіе бельгійцами сахара не болѣе $1^1/_2$ мил. пуд., или по 9,36 рус. фунта на душу. Цифры г. Радцига совпадаютъ съ выводами по этому вопросу г. Юрашека.

Потребленіе бельгійцевъ, — по даннымъ г. Юрашека, — составляло: въ 1870—74 г. 8,3 килограм. на душу=20,2 фунт. русскихъ, въ 1875—79 г. 7 килогр.=17,1 фунт., въ 1880—84 г. 7,1 килогр.=17,3 фунта, въ 1885—89 г. 4,2 килогр.=10,2 фунт.

Пошлина на сахарный песокъ въ Бельгіи очень высока. Въ 1890 г. она равнялась отъ 2 р. 20 к. до 3 р. 10 к. съ пуда. Пошлина на рафинадъ еще выше. Акцизъ возвращается при вывозахъ возвращается.

Цѣны, по которымъ бельгійцы вывозятъ сахаръ, были слѣдующія:

Года.	Сахаръ сырецъ кредитн. копѣекъ за пудъ.	Сахаръ рафинадъ кредитн. копѣекъ за пудъ.
1893	221	317
1894	178	264
1895	147	238
1896	160	252
1897	135	215

Въ Голландіи сахарная промышленность въ народномъ хозяйствѣ занимаетъ довольно почетное мѣсто. Подъ посѣвами свекловицы тамъ было занято:

Года.	Площади посѣвовъ свекловицы тыс. дес.	Общій сборъ свекловицы милл. пуд.	Сборъ съ десятины пудовъ.
1892	23	46	2,000
1893	26	46	1,770
1894	31	45	1,450
1895	32	63	1,970
1896	42	106	2,520

Производство сахара въ Голландіи увеличивается, число же заводовъ остается безъ измѣненій. Такъ, производительность одного завода въ 1891—92 г. составляла лишь 80 тыс. пуд., тогда какъ въ 1896—97 г. она уже доходила, въ среднемъ, до 290 тыс. пуд.

Голландія вывозитъ преимущественно сахаръ-рафинадъ, и вывозы постепенно увеличиваются.

Акцизъ на сахаръ въ Голландіи очень высокъ, составляя отъ 3 р. 45 к. до 4 р. 7 к. кред. съ пуда. При вывозахъ акцизъ возвращается сахарозаводчикамъ.

При той акцизной системѣ, которая существуетъ въ Голландіи, потребленіе сахара голландцами крайне незначительно.

Еще такъ недавно, а именно въ 80-хъ годахъ минувшаго столѣтія, производство сахара въ Швеціи было крайне незначительно, всего какихъ нибудь 200—300 тыс. пудовъ въ годъ. За послѣднее же время, производство сахара въ Швеціи быстро растетъ, а привозъ сахара быстро сокращается, и не далеко время, когда шведскій народъ будетъ потреблять *исключительно свой сахаръ*.

Акцизъ на потребляемый въ Швеціи сахаръ составлялъ около 74 к. съ пуда. Сахара Швеція не вывозитъ и только, въ незначительномъ количествѣ, вывозитъ патоку. Душевое потребленіе сахара въ Швеціи за годы 1885—89 г. (по г. Юрашекъ) 22,9 ф., а за 1893—97 г. душевое потребленіе сахара по г. Раддигу поднялось уже до 37,1 фунта.

Производство сахара въ Даніи еще менѣе значительно, чѣмъ въ Швеціи.

Данія болѣе ввозитъ сахару, чѣмъ вывозитъ. За пятилѣтіе 1887—91 г. излишки привозовъ сахара въ Данію надъ вывозами составляли по 990 тыс. пуд. въ годъ; за этотъ періодъ душевое потребленіе сахара составляло по 41,2 фунта.

Сахаръ въ Даніи, какъ и въ Англіи, благодаря своей дешевизнѣ, составляетъ предметъ общаго потребленія. Потребленіе датчанами сахара растетъ весьма быстро.

Производство сахара въ Италіи крайне ничтожно. За 1892—97 годы оно не превышаетъ 113 тыс. пуд. въ годъ.

Сахаръ въ Италіи обложенъ громадной пошлиной, доходящей до 6 р. 12 к. за пудъ рафинада и 5 р. 45 к. за сахарный песокъ. Душевое потребленіе сахара въ Италіи крайне незначительно. Оно

составляло въ 1883—86 г.г. по 7,6 ф. на душу, въ 1887—90 г.г. по 6,5 ф.; а за послѣдніе годы 1891—97 лишь по 5,7 фунта.

VI.

Съ самаго момента своего возникновенія, сахарная промышленность въ Россіи носитъ на себѣ печать государственной защиты и поддержки. Она была всегда не только любимымъ дѣтищемъ, но и капризнымъ, своенравнымъ ребенкомъ, требовавшимъ въ свою пользу крупныхъ жертвъ и большихъ подачекъ. Если въ первые годы существованія этой отрасли промышленности правительственная поддержка была направлена къ развитію и расширенію производства, то на рубежѣ XX ст. она имѣетъ, главнымъ образомъ, предупрежденіе «перепроизводства».

Прежде чѣмъ приступить къ выясненію причины и цѣли тѣхъ жертвъ, которыя русскій народъ, въ теченіе почти трехъ четвертей столѣтія, несетъ на алтарь этой отрасли народнаго труда,—мы считаемъ необходимымъ нѣсколько остановиться на ходѣ ея развитія.

Въ Россіи первый рафинадный заводъ былъ учрежденъ купцомъ Вестовымъ, въ началѣ XVIII ст., въ Москвѣ. Ему выдана была 10-лѣтняя привилегія и дозволены безпошлинный привозъ сырца (тростниковаго) и продажа рафинада въ теченіе 3 лѣтъ. Ему было также обѣщано совершенное запрещеніе привоза рафинада изъ-за границы до тѣхъ поръ, «когда заводъ умножится». Такое запрещеніе существовало недолго; оно было вскорѣ отмѣнено и установлена пошлина въ 15% съ объявленной цѣны (въ 5 р. и 8 р.), т. е. отъ 75 к. до 1 р. 20 к. Разрѣшено было открывать рафинадные заводы всѣмъ, но съ уплатою полной пошлины.

Первое законоположеніе о свекловичномъ сахаро-производствѣ относится къ 1801 г., когда московскій аптекарь Биндгеймъ представилъ правительству проэктъ выдѣлки сахара изъ бѣлой свеклы. Правительство тѣмъ охотнѣе приняло этотъ проэктъ, что Биндгеймъ изъявилъ желаніе открыть школу для обученія сахароваренію. Оно немедленно же постановило отвести ему и другимъ желающимъ земли въ южной Россіи, безъ всякаго платежа въ казну, но съ тѣмъ, чтобы земли были отбираемы, если плантаціи въ теченіе года не будутъ устроены.

Первый русскій свеклосахарный заводъ былъ открытъ генералъ-маіоромъ Бланкеннагелемъ въ концѣ XVIII столѣтія, въ селѣ Алябьевѣ чернскаго уѣзда тульской губ. Ему была выдана ссуда въ 50 тыс. руб. на 20 лѣтъ и дано право на вольную продажу 1,000 ведеръ спирта, съ уплатою лишь установленной пошлины откупщикамъ. Послѣдующія поощренія другихъ заводчиковъ состояли въ дозволеніи выкуривать изъ остатковъ спиртъ, въ размѣрѣ не болѣе 2 ведеръ на пудъ очищеннаго рафинада или 1 ведра на пудъ сахара-сырца. Съ 1811 г. эта льгота была предоставлена всѣмъ помѣщикамъ, съ тѣмъ лишь, чтобы они объявляли объ открытіи заводовъ и подчинялись откупнымъ правиламъ относительно продажи питей.

Русское правительство, ради поддержанія отечественнаго сахароваренія, установило пошлину для привознаго песку, составлявшую въ 1819 г. 75 к., въ 1821 г.—1 р., въ 1822 г.—1 р. 50 к., въ 1831 г. — до 2 р. 80 к., въ 1841 г. — до 3 р. 80 к. Въ 1856 г. пошлина была уменьшена до 3 руб. Благодаря покровительственной пошлинѣ, возрастаніе числа сахарныхъ заводовъ шло быстро. Это возрастаніе видно изъ слѣдующей таблицы:

Въ 1825 г.	заводовъ	было	7
» 1830	»	»	20
» 1836	»	»	57
» 1840	»	»	143
» 1844	»	»	206

Съ 1848 г., когда установленъ былъ акцизъ съ сахара и свекло-сахарная промышленность была подвергнута особому надзору, количество заводовъ начало расти еще болѣе. Мы уже видимъ, что

въ 1850—51	ихъ	было	358
» 1851—52	»	»	382
» 1852—53	»	»	391
» 1853—54	»	»	397

Къ 1855—56 г.г. число заводовъ возросло до 395 съ производствомъ въ 1.300 тыс. пуд. сахара. По другимъ даннымъ, выработка сахара къ 1848 г. составляла 1,195 тыс. пуд., въ 1858 г.—2,438 тыс. пуд., а въ 1868 г.—6,841 тыс. пудовъ.

По даннымъ «Историко-статистическаго обзора Россіи» (т. II), число заводовъ въ Россіи и ихъ производительность были слѣдующія:

	Дѣйствовало заводовъ:				Выработано сахара:		
	паровыхъ	огневыхъ	всего.	Обработано свекловицы.	по нормѣ	по дѣйствительнымъ выходамъ.	по частнымъ свѣдѣніямъ.
Года.				милл. пуд.	тысячъ пудовъ.		
1855—56	96	307	403	21,1	796	—	—
1859—60	165	267	432	29,1	872	—	—
1865—66	179	72	251	49,0	2,288	—	—
1869—70	191	39	230	79,1	3,471	—	—
1875—76	205	9	214	113,6	5,091	8,081	11,182
1879—80	195	4	199	142,2	4,204	11,020	13,509
1880—81	197	1	198	141,7	3,877	10,867	—

«Эта таблица,—говоритъ г. Радцигъ,—представляетъ, можно сказать, исторію свеклосахарной промышленности въ Россіи, а именно: исчезновеніе мелкихъ огневыхъ заводовъ и замѣна ихъ крупными паровыми заводами. Съ 1881 — 82 г. въ Россіи оставались лишь болѣе усовершенствованные паровые заводы. Изъ вышеприведен-

ныхъ цифръ видно, какъ трудно регулировать производство; напр., норму выхода сахара въ 1880—81 г. представляли 3,877 тыс. пуд., тогда какъ въ дѣйствительности выходъ былъ 10,867 т. пуд., т. е. почти въ 3 раза больше».

Въ 1867 г. акцизная ставка была повышена до 50 коп., а въ 1870 г. — до 70 к. Закономъ 13-го февраля 1881 г. установленъ былъ дѣйствующій нынѣ порядокъ взиманія акциза съ окончательно приготовленнаго къ продажѣ сахара, причемъ для періодовъ 1881—1883 г.г. былъ опредѣленъ акцизъ въ 50 к., а для 1883—1886 г.г.— въ 56 коп. съ пуда.

Нижеслѣдующія цифры даютъ довольно полное представленіе какъ о результатахъ свекловичнаго хозяйства, такъ и о размѣрахъ свекло-сахарнаго производства. Въ 1864 г.. въ 18 губ. Россіи, кромѣ Польши, было засѣяно при заводахъ 51.580 десят., съ которыхъ собрано 3.380,580 берк. свекловицы (по 650 пуд. съ десят.); всего же въ этомъ году поступило на заводы 6.321,490 берк., такъ что 2,940 тыс. берк. было покупной свекловицы.

Посѣвы и сборы свекловицы, за десятилѣтіе 1881—82 по 1890 91 г.г., были слѣдующіе:

Года.	Пространство земли подъ свекловицей тыс. десятинъ.	Общій сборъ свекловицы милл. пудовъ.	Сборъ съ десятины пудовъ.
1881—82	223	220,6	965
1882—83	234	233.2	988
1883—84	276	221,8	803
1884—85	292	250,0	857
1885—86	300	340,9	1,138
1886—87	271	289,0	1,067
1887—88	231	262,9	1,138
1888—89	246	285,0	1,150
1889—90	248	269,3	1,087
1890—91	279	305,4	1,094

Какъ видно изъ приведенной таблицы, наибольшій подесятинный урожай имѣлъ мѣсто въ 1888—9 г.; урожай этого года доходилъ до 1.150 п. съ десятины; средній же урожай за десятилѣтіе 1881—1890 г.г. составлялъ по 1,029 п. съ десятины. Наши урожаи свекловицы гораздо ниже урожаевъ въ Германіи и Франціи. Въ Германіи урожай съ десятины колеблется между 1,847 и 2,115 пуд.; во Франціи—между 1,500 и 2,100 пуд.

За послѣднія 7 лѣтъ площадь посѣвовъ свекловицы увеличилась на 30%, количество же урожая съ десятины нисколько не прибавилось.

Въ сахарной промышленности замѣчается, какъ и у нашихъ сельскихъ хозяевъ, стремленіе къ экстенсивной культурѣ.

Наши плантаторы совсѣмъ не заботятся о подъемѣ производительности земли и увеличеніи урожаевъ свекловицы и десятины. Они предпочитаютъ,—какъ и наши землевладѣльцы,—*увеличивать распашку*, чѣмъ *поднимать производительность почвы*. Но если

нельзя извинить нашихъ землевладѣльцевъ, — не обладающихъ въ большинствѣ случаевъ необходимыми капиталами, — за ихъ стремленіе къ экстенсивной культурѣ, то это совсѣмъ уже непростительно нашимъ сахарозаводчикамъ, обладающимъ громадными оборотными капиталами, состоящимъ подъ особымъ покровительствомъ закона и наживающимъ громадныя деньги за счетъ русскаго народа.

Если мы сравнимъ площади посѣвовъ и урожаи у насъ и въ Германіи за пятилѣтіе 1892—97 г., то это сравненіе будетъ далеко не въ пользу нашихъ сахарозаводчиковъ.

	Было подъ посѣвами.	Общій сборъ въ среднемъ за пятилѣтіе.	Сборы съ десятины.
	тыс. десят.	милл. пуд.	пудовъ.
Въ Россіи	304	321	1,056
„ Германіи	362	737	2,036

Слѣдовательно, нѣмцамъ достаточно занять сахарными плантаціями половину земельнаго пространства, чтобы получить тѣ же общіе сборы.

Годы.	Число заводовъ.	Количество переработанной свеклы.	Количество учтеннаго сахара.	Выходъ сахара изъ берковца свеклы.	
		въ милл. пуд.	въ тыс. пуд.	фунт.	%
1881—82	235	215,3	15,937	29,72	7,43
1882—83	237	229,0	17,538	30,68	7,67
1883—84	244	221,5	18,760	34,40	8,60
1884—85	245	246,3	20,958	34,32	8,58
1885—86	241	336,7	29,040	34,32	8,58
1886—87	229	287,3	25,950	36,52	9,13
1887—88	218	260,7	23,749	36,48	9,12
1888—89	220	280,5	28,393	40,08	10,02
1889—90	220	267,0	25,606	36,64	9,16
1890—91	223	302,0	28,475	38,92	9,73
1891—92	225	262,6	28,354	43,20	10,80
1892—93	224	222,5	23,753	42,68	10,67
1893—94	225	344,6	35,403	41,08	10,27
1894—95	226	332,0	34,930	42,04	10,51
1895—96	229	336,7	39,613	47,20	11,80
1896—97	234	349,7	38,717	44,28	11,07
1897—98	237	363,6	39,582	43,56	10,89

Тѣмъ не менѣе, у насъ выходъ сахара изъ свекловицы постепенно увеличивался. Этотъ фактъ свидѣтельствуетъ, что наши сахарозаводчики слѣдятъ за прогрессомъ въ сахароваренія и примѣняютъ къ этому дѣлу новыя техническія усовершенствованія. Наши

заводы, въ отношеніи выхода сахара изъ свекловицы, приближаются по своимъ разультатамъ къ заводамъ Западной Европы.

Въ 1896—97 г. въ числѣ свеклосахарныхъ заводовъ было 36 съ рафинадными отдѣленіями; кромѣ того, въ томъ же году дѣйствовало 19 самостоятельныхъ рафинадныхъ заводовъ. Производство ихъ, за послѣднія 6 лѣтъ, было слѣдующее:

Годы.	милл. пуд.
1891—92	14,9
1892—93	15,5
1893—94	17,0
1894—95	16,6
1895—96	17,0
1896—97	17,6

За послѣдніе три года, оказывается, что изъ общей площади подъ свекловицей—61% было плантаторской свекловицы и лишь 39% заводской. Наивысшій урожай съ десятины былъ въ ломжинской губ.; наименьшій въ орловской.

Теперь обратимся къ выходамъ сахара съ десятины.

Изъ нашихъ данныхъ видно, что наибольшіе выходы сахара съ десятины были за указанные годы въ привислинскихъ губерніяхъ, а наименьшіе — въ орловской, самарской и тульской. Считая стоимость сахарнаго песку въ 2 руб. съ пуда, мы видимъ, что тогда какъ десятина подъ свекловицей въ ломжинской губ. давала 315 р., валовой доходъ въ тульской губерніи составлялъ лишь 118 руб.

Отсюда понятна разница въ стоимости производства песку. Такъ напримѣръ, на одномъ изъ самарскихъ заводовъ сахарный песокъ безъ акциза обходился въ 2 р. 68 к. за пудъ, въ подольской губ. стоимость сахарнаго песку колебалась между 1 р. 59 к. 1 р. 89 к. за пудъ, въ кіевской губ. между 1 р. 73 к. и 2 р. 41 к., въ харьковской между 1 р. 76 к. и 2 р. 57 к., въ волынской губ. между 1 р. 75 к. и 2 р. 14 к.

Какъ по урожайности свекловицы на десятинѣ, такъ и по выходу изъ нея сахара, *Россія занимаетъ послѣднее мѣсто*, сравнительно съ западно-европейскими государствами. Разница эта, по Радцигу, въ среднемъ, за 1895—98 г.г. выражается слѣдующими цифрами:

	Подъ посѣвами свекловицы.	Урожаи свекловицы съ десятины.	Общее производство сахара.	Получено сахара съ одной десятины.
	тыс. дес.	пудовъ.	тыс. пуд.	пудовъ.
Германія	378	2,106	102,400	271
Австрія.	203	1,512	40,700	210
Голландія (1884—1896) .	35	2,000	6,166	176
Франція	237	1,600	39,800	168
Венгрія.	68	1,265	10,400	153
Россія	336	1,057	39,304	117

Какъ по числу заводовъ, такъ и по пространству плантацій, юго-западный районъ занимаетъ первое мѣсто: не менѣе половины заводовъ находится въ юго-западномъ краѣ; значительно болѣе половины свекловичныхъ плантацій находится тамъ же, а сахару вырабатывается болѣе $^2/_3$ всего количества, производимаго въ Россіи. Второе мѣсто занимаетъ центральный черноземный районъ, третье—польскія губерніи. Юго-западный районъ является средоточіемъ крупнѣйшихъ заводовъ, а польскій — наиболѣе мелкихъ; черноземный районъ занимаетъ въ этомъ отношеніи среднее мѣсто. Особенность польскаго района — это отсутствіе заводскихъ плантацій, которыя наиболѣе распространены въ черноземномъ районѣ. И здѣсь, однако, заводскія плантаціи не расширяются, а скорѣе даже сокращаются. Другими словами, привислинскій край работаетъ почти на одной покупной свеклѣ, черноземный районъ прикупаетъ $^1/_3$, а юго-западный—$^2/_3$ перерабатываемой свекловицы. Причина, почему заводы не стремятся расширять своихъ плантацій,—та, что сахарное производство становится все болѣе и болѣе крупнымъ. У заводовъ возникаетъ недостатокъ въ собственной землѣ, и они вынуждены или арендовать ее, или пользоваться покупной свеклой. Прибѣгать къ покупной свеклѣ принуждаетъ сахарозаводчиковъ не только недостатокъ своей земли, но,—какъ показалъ опытъ въ привислинскихъ губ.,—покупная свекла оказывается наивысшаго качества. Это объясняется тѣмъ, что покупная свекла бракуется несравненно строже, чѣмъ свекла собственныхъ плантацій.

Если мы обратимся къ сравненію средней производительности труда, выраженной въ пудахъ на одного человѣка, то увидимъ, что первое мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ юго-западный районъ, второе—черноземный и третье—привислинскій край. Наименьшая выработка на одного рабочаго въ привислинскомъ краѣ, не смотря на большіе выходы сахара изъ свекловицы, объясняется тѣмъ, что тамъ въ большомъ ходу трудъ женщинъ и подростковъ.

«Вѣстникъ сахарной промышленности» (№ 21, 1901 г.),—органъ всероссійскаго общества сахарозаводчиковъ,—составилъ любопытную таблицу, которая даетъ возможность судить о положеніи свекловодства въ Россіи. Въ этой таблицѣ содержатся сравнительныя свѣдѣнія о движеніи, въ послѣднія 15 лѣтъ, слѣдующихъ главныхъ факторовъ этой отрасли нашего сельскаго хозяйства: 1) о количествѣ земли, засѣваемой свекловицей; 2) о величинѣ урожая этого растенія въ пудахъ съ десятины и 3) о процентномъ содержаніи сахара въ свекловицѣ. Таблица эта составлена такимъ образомъ, что посѣвная площадь свекловицы (299,665 дес.) и ея урожай въ количественномъ (1.137,5 п. съ дес.) и качественномъ (12,62%) отношеніяхъ въ 1885 г. приняты за единицу, причемъ такія же данныя за всѣ остальные годы приведены въ сравненіи съ данными 1885 г.

Года.	Посѣвъ свекловицы въ десятинахъ.	Урожай свекловицы съ десят. въ пуд.	Качество свекловицы въ % сахара.
1885	1	1	1
1886	0,90	0,94	1,04

1887	0,77	1	1
1888	0,82	1,01	1,11
1889	0,83	0,95	1
1890	0,93	0,95	1,07
1891	0,93	0,83	1,19
1892	0,88	0,74	1,16
1893	1,02	1	1,13
1894	0,98	1	1,16
1895	1,05	0,93	1,27
1896	1,08	0,96	1,19
1897	1,22	0,88	1,18
1898	1,34	0,80	1,20
1899	1,48	0,90	1,19
1900	1,60	0,81	1,33

Цифры этой вѣдомости наглядно обрисовываютъ положеніе русскаго свекловодства. Такъ, цифры перваго столбца показываютъ, что площадь посѣвовъ свекловицы стала послѣдовательно и постоянно возрастать лишь къ концу 15-лѣтія, и въ общемъ возросла съ 1 дес. въ 1885 г. до 1,60 въ 1900 г. «Очевидно, въ развитіи свекловодства въ Россіи сдѣланъ большой шагъ впередъ», — такъ замѣчаетъ органъ сахарозаводчиковъ. Конечно, расширить площадь посѣва свекловицы весьма нетрудно, и въ этомъ фактѣ едва ли можно видѣть прогрессъ нашего свекловичнаго дѣла.

Если мы обратимся къ разсмотрѣнію цифръ 2-го столбца таблицы, то увидимъ, что урожай свекловицы, въ количественномъ отношеніи, за 15 лѣтъ лишь одинъ разъ поднимался выше нормы, опредѣленной для 1885 г. Четыре года онъ держался болѣе или менѣе на одномъ уровнѣ, а десять лѣтъ стоялъ ниже нормы, опускаясь даже до 0,74 въ 1892 г. «Въ общемъ, — говоритъ тотъ же органъ,—картина количественнаго урожая свекловицы съ десятины получается неважная». Не только «неважная», но и прямо грустная! Очевидно, господа сахаро-заводчики не считаютъ нужнымъ прибѣгать къ поднятію плодородія своихъ полей. Въ то время, какъ за границею урожаи свекловицы годъ отъ году поднимаются,—у насъ они падаютъ. Заграничные сахарозаводчики прилагаютъ стараніе къ улучшенію своихъ полей, вводя для нихъ удобренія искусственные туки и прибѣгая къ болѣе усовершенствованнымъ земледѣльческимъ орудіямъ. Наши же сахаро-заводчики заботятся только... о поплинѣ, преміяхъ и нормировкѣ!

Наконецъ, цифры послѣдняго столбца свидѣтельствуютъ, что качество свекловицы, послѣ нѣкотораго колебанія за первыя 5 лѣтъ, постепенно повышается; за 15 лѣтъ оно поднялось съ 1 до 1,33, или, что тоже, повысилось на 33%.

Лишь одинъ заводъ въ Россіи,—гдѣ обращено серьезное вниманіе какъ на культуру земли, такъ и на сѣмена,—даетъ сборы свекловицы, немногимъ уступающіе нѣмецкимъ. Стржелецкій заводъ въ варшавской губ. воздѣлываетъ свекловицу въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ селекціонными, такъ сказать, отборными благородными сѣменами, и вотъ какіе результаты получаются на его поляхъ.

Года.	Урожай свекловицы съ дес. въ пуд.	% сахара въ свеклов.	Урожай сахара съ дес. въ пуд.
1895	1,538	17,84	274
1896	1,475	16,52	244
1897	1,657	15,41	255
1898	1,915	15,11	289

«Очевидно,—замѣчаетъ «Вѣстникъ»,—заводъ этотъ можетъ служить образцомъ той количественной и качественной высоты, которая въ сельскомъ хозяйствѣ возможна и желательна». Урожай свекловицы въ хозяйствѣ Стржелецкаго сахарнаго завода,—какъ признаётъ и нашъ органъ сахарозаводчиковъ,—зависитъ отъ качества посѣвныхъ сѣмянъ въ томъ отношеніи, что, при употребленіи въ дѣло лучшихъ сѣмянъ, и результатъ получается самый блестящій.

Д. Райскій.

(Окончаніе будетъ).

ПОЛЬСКІЙ МАГНАТЪ XVIII СТОЛѢТІЯ.

I.

Спятъ наши дѣды и прадѣды въ забытыхъ могилахъ непробуднымъ, глубокимъ сномъ, а всесокрушающее время постепенно сглаживаетъ всякіе внѣшніе слѣды ихъ жизни и дѣятельности, такъ что одни лишь осколки, въ формѣ полузабытыхъ неясныхъ воспоминаній и легендъ, становятся достояніемъ позднѣйшихъ потомковъ. Но сквозь туманную дымку вымысла иногда рельефно вырисовывается тѣнь дѣйствительнаго образа со всѣми приглядными и неприглядными чертами, характеризующими его эпоху, вмѣстѣ съ нравами, воззрѣніями и обычаями отжившаго поколѣнія. По такимъ образамъ послѣдующія поколѣнія вырабатываютъ свои понятія о людяхъ и дѣлахъ минувшаго времени.

Люди, имѣвшіе въ жизни болѣе или менѣе выдающееся положеніе, привлекаютъ къ себѣ особенное вниманіе, какъ вѣрные, типическіе представители своей эпохи.

Объ одномъ изъ подобныхъ людей минувшаго,—знатномъ литовскомъ магнатѣ XVIII столѣтія, полоцкомъ воеводѣ Валеріанѣ Жабо,—мнѣ привелось слышать и записать изъ устъ старожиловъ много анекдотовъ и легендъ, которыми я и постараюсь подѣлиться съ читателями.

Воевода Жабо, владѣлецъ многочисленныхъ богатыхъ помѣстій въ Бѣлоруссіи и Литвѣ, имѣлъ постоянное жительство въ своемъ излюбленномъ богатомъ помѣстьѣ Городецъ-Лужки, въ 70-ти верстахъ отъ г. Полоцка, гдѣ любилъ часто устраивать роскошные пиры, на которые съѣзжались многочисленные представители старинной литовско-польской знати, чтобы вдоволь поѣсть, попить и почудачить. Въ подобныхъ случаяхъ нерѣдко бывало, что нѣкоторыя «чудачества» обходились кому либо очень дорого, но въ тѣ времена это составляло не болѣе какъ забавную шутку, и чѣмъ оригинальнѣе и своеобразнѣе была выдумка, независимо отъ ея послѣдствій, тѣмъ больше она доставляла забавы и удовольствія

для именитыхъ магнатовъ, не знавшихъ предѣла въ своихъ самодурствахъ, для которыхъ не существовало ни законовъ, ни правилъ...

II.

Одинъ разъ воеводѣ Жабо вздумалось устроить пиръ, на который было приглашено много знати и въ числѣ ея знаменитый оригиналъ и чудакъ Радзивилъ, «пане-коханку», съ которымъ воевода былъ въ особенно близкихъ дружескихъ отношеніяхъ. Съѣхавшихся гостей было такъ много, что всѣ обширныя конюшни въ помѣстьѣ воеводы не могли вмѣстить ихъ лошадей и экипажей вслѣдствіе чего весь огромный дворъ передъ палаццо магната былъ запруженъ ими. Позже всѣхъ пріѣхалъ къ воеводѣ Радзивилъ въ роскошномъ экипажѣ, запряженномъ шестеркою огромныхъ ручныхъ медвѣдей, въ сопровожденіи своей многочисленной блестящей дворни. Лишь только онъ подъѣхалъ ко двору, какъ всѣ лошади, бывшія тутъ, почуявъ близкое присутствіе звѣрей, привѣтствуемыхъ страшнымъ лаемъ и визгомъ своры собакъ, начали неистово метаться по двору, опрокидывая дорогіе экипажи и сбивая себѣ подъ ноги конюховъ, тщетно силившихся удержать ихъ, — къ немалому удовольствію «пане-коханку», который, смѣясь, и высказалъ гостепріимному хозяину, встрѣтившему его у крыльца своего палаццо во главѣ именитѣйшихъ гостей:—«Все тутъ, пане-коханку; было тихо и спокойно, пока не пріѣхалъ Радзивилъ, а какъ пріѣхалъ, то все переполошилось: люди встревожились и засуетились, лошади стали метаться, а собаки лаять! Это, пане-коханку, Радзивилъ, а не кто либо»!..

Въ другой разъ, во время похода, расположился для отдыха въ м. Лужкахъ, при помѣстьѣ воеводы, значительный отрядъ русскаго войска, предводительствуемый знаменитымъ Суворовымъ. Суворовъ, вмѣстѣ со своимъ штабомъ, былъ приглашенъ въ помѣстье Городецъ-Лужки лично самимъ воеводою, рѣшившимся угостить на славу случайныхъ гостей,—для чего имъ и было сдѣлано распоряженіе о роскошномъ обѣдѣ изъ обильныхъ яствъ, въ ожиданіи котораго гостепріимный хозяинъ велъ оживленную бесѣду съ гостями. Послѣ того, какъ приготовленный обѣдъ былъ установленъ въ обширной столовой, въ драгоцѣнной фамильной посудѣ изъ фарфора и фаянса, и принесены дорогіе напитки и старинные меды,— Жабо, любезно пригласивъ гостей къ обѣду, внезапно обращается къ Суворову: — Ну, ойцецъ свентый (обычное присловье Жабо), подражая пѣтухамъ, заяви предъ всѣми нами свое молодеческое ухарство и удаль, которыя ты подчасъ показываешь!

Суворовъ моментально вскакиваетъ на обѣденный столъ, истово размахиваетъ и хлопаетъ руками объ полы мундира и, топая ногами, изображаетъ точное подобіе пѣтуха съ его кукуреку. Разумѣется, вся посуда на столѣ, со всѣми яствами и питіями, падаетъ и обращается въ осколки. Обѣдъ заказывается новый, а гости обильно угощаются винами и медами... Суворовъ же, чтобы отплатить долгъ хозяину за продѣланную шутку, дѣлаетъ распоряженіе своимъ солдатамъ—таскать въ обѣденную залу палаццо, изъ бывшаго на дворѣ пруда, ушатами воду и лить ее на полъ, что немедленно въ точности исполняется. А когда вода въ залѣ достигла до колѣнъ, Суворовъ повелительно обращается къ охмѣлѣвшему порядкомъ хозяину: — «Ну, пане Жабо! Теперь очередь за тобою: покажи и ты предъ нами свое искусство, которое ты проявляешь въ болотѣ, въ сообществѣ своихъ подругъ-*жабъ*»! Воевода, не ожидая повторенія приказанія, мигомъ снимаетъ съ себя всю верхнюю одежду, становится на четвереньках и, погружаясь въ воду, — начинаетъ прыгать, барахтаться и квакать на подобіе лягушки...

Послѣ этого, у хлѣбосольнаго воеводы начинается новый пиръ на славу, съ продѣлками и чудачествами гостей и хозяина, и продолжается такъ до поздней ночи.

III.

Въ ненастный осенній вечеръ заѣзжаетъ въ Городецъ-Лужки странствующій монахъ одного бернардинскаго монастыря для сбора пожертвованій, въ сопровожденіи нѣсколькихъ подводъ съ подаяніями на монастырскую братію отъ магнатовъ и шляхты. Обрадованный прибытіемъ нежданнаго гостя, воевода приглашаетъ монаха къ себѣ въ палаццо для бесѣды и угощенія, распорядившись дать пріютъ его челяди. Долго и оживленно длится бесѣда знатнаго магната съ словоохотливымъ монахомъ въ кабинетѣ воеводы. Незамѣтно наступила полночь, а бесѣда все длится. Монахъ изо всѣхъ силъ старается произвести выгодное впечатлѣніе своей личностью на знатнаго собесѣдника, въ надеждѣ заполучить на утро щедрое подаяніе и солидный вкладъ въ монастырскую казну. Въ осуществленіи этой надежды онъ былъ уже почти увѣренъ и читалъ довольство въ глазахъ воеводы. Темами для занимавшихъ бесѣдъ, разумѣется, были вопросы духовной и религіозной жизни. Монахъ развертываетъ предъ воеводою картины загробной жизни праведниковъ и грѣшниковъ, изображая яркими красками положеніе и состояніе рая и ада... Но вдругъ воевода, по краткомъ раздумьѣ,

начинаетъ отъ времени до времени глубоко вздыхать и охать: «Охъ!.. грѣхи, грѣхи»!.. и наконецъ, устремивъ строгій, пристальный взглядъ въ глаза монаха, спрашиваетъ: «Скажи мнѣ, ойче свентый, ойче праведный: кто изъ людей будетъ въ небѣ, а кто въ пеклѣ»?.. Недоумѣвая, что могъ бы значить такой странный вопросъ, обращенный къ нему, монахъ, долго не думая, рѣшилъ отдѣлаться самымъ обыкновеннымъ отвѣтомъ въ родѣ того, что всякій, молъ, человѣкъ получитъ награду въ будущей жизни по своимъ дѣламъ и заслугамъ. Не успѣлъ еще и досказать всего этого несчастный монахъ, какъ раздался громовой, потрясающій голосъ воеводы, повторенный гулкимъ, могучимъ эхомъ въ стѣнахъ роскошнаго палаццо и заставившій встрепенуться и мигомъ встать на ноги всю дворовую челядь. «Вонъ, лжецъ, вонъ, мошенникъ и шарлатанъ!..—гремѣлъ голосъ воеводы.—Какой ты ойцецъ свентый, какой служитель Бога, когда ты не знаешь того, кто будетъ въ небѣ и пеклѣ»!.. Подоспѣвшая на крикъ воеводы челядь, безъ всякой церемоніи, вытолкала въ шею изъ палаццо растерявшаго и до смерти перепуганнаго монаха, прогнавъ его даже со двора, вмѣстѣ съ его челядью и возами, не смотря на темную, ненастную ночь.

Дня или три недѣли прошло съ того времени, какъ однажды монахъ-неудачникъ, путешествуя по имѣніямъ и фольваркамъ, случайно встрѣтился со своимъ товарищемъ по сбору пожертвованій, монахомъ одного и того же монастыря, также собиравшимъ пожертвованія, которому и не преминулъ передать про свой несчастный случай у воеводы. При этомъ, для характеристики вельможи, онъ не поскупился на самыя мрачныя краски. Но послѣ всего переданнаго, онъ, къ немалому своему удивленію, изъ устъ товарища услышалъ, что тотъ держитъ путь именно къ пожѣстью воеводы, у котораго намѣревается побывать и получить пожертвованіе на монастырь, такъ какъ твердо увѣренъ, что его бесѣда съ воеводою не будетъ имѣть описанныхъ товарищемъ грустныхъ послѣдствій. Не смотря на самыя энергическія убѣжденія потерпѣвшаго не ѣхать къ воеводѣ, встрѣчный монахъ отдѣлывался насмѣшками и шутками. Они разъѣхались въ разныя стороны.

Прошло нѣсколько дней послѣ описанной встрѣчи, когда,—въ подобный вышеуказанному поздній ненастный вечеръ, — пріѣхалъ и второй монахъ въ сопровожденіи подводъ съ собранными пожертвованіями въ Городецъ - Лужки, гдѣ также былъ гостепріимно принятъ и привѣтствуемъ воеводою, пожелавшимъ вести бесѣду съ гостемъ въ своемъ кабинетѣ. Бесѣда была весьма оживленная и продолжалась до глубокой полночи. Воевода, повидимому, все время находился въ самомъ отличномъ расположеніи духа. Но

вдругъ, ни съ того, ни съ сего, онъ начинаетъ позѣвывать, охать, вздыхать, сопровождая свои вздохи восклицаніями:—«Охъ, грѣхи, грѣхи»!.. Наконецъ, вперивъ пристальный, строгій взглядъ въ монаха, вопрошаетъ: «Знаешь ли ты, ойче свентый, небо и пекло? Ихъ не знаетъ одинъ дурень-монахъ, котораго я недавно прогналъ изъ своего дома».—А какъ же! знаю!—отвѣчаетъ увѣреннымъ тономъ монахъ...—Знаю! Какой же изъ меня былъ бы ксёндзъ, еслибы я не зналъ неба и пекла. Я все знаю и вѣдаю!.. Знаю даже всѣхъ лицъ, которыя будутъ въ небѣ, а которыя въ пеклѣ. Мнѣ ли не знать? Еще бы!..—«Кто же, ойцецъ свентый, будетъ въ небѣ»?..—вопросилъ воевода. — Въ небѣ, ясневельможный воевода, будетъ тотъ несчастный монахъ, котораго вы съ позоромъ въ глухую ненастную ночь прогнали изъ своего дома и удалили со двора, и всѣ нищіе, убогіе и калѣки, которые такъ ничтожны и жалки здѣсь, на землѣ, въ глазахъ сильныхъ міра!—Воевода улыбнулся и сплюнулъ. «Ну, а въ пеклѣ кто будетъ»?—Въ пеклѣ будетъ вся отборнѣйшая знать, ясневельможный воевода:—гетманы, канцлеры, воеводы и прочіе знатные вельможи!—«А я, ойцецъ свентый, гдѣ буду»?—Разумѣется, въ пеклѣ, ясневельможный воевода, — храбро отвѣчалъ монахъ. «Ну, а мой другъ и пріятель Радзивилъ гдѣ будетъ»?—Также въ пеклѣ!—присовокупилъ монахъ. «Слава богу, слава богу!—воскликнулъ вевода... Мнѣ хотя и въ пеклѣ придется быть, но съ хорошими, славными людьми, сообщество которыхъ мнѣ дорого,—а не съ какимъ нибудь паскудствомъ! Повѣрь, ойцецъ свентый, что въ тысячу разъ лучше быть въ пеклѣ, но съ хорошими друзьями и порядочными людьми, чѣмъ въ небѣ, но со всякой дрянью!.. — И тутъ же глубоко растроганный воевода крѣпко расцѣловалъ и заключилъ въ свои могучія объятья находчиваго, ловкаго монаха. На утро, щедро одаренный воеводою, монахъ выѣхалъ со двора съ нѣсколькими лишними возами цѣнныхъ пожертвованій, помимо которыхъ воевода сдѣлалъ еще значительный денежный вкладъ на монастырь, въ числѣ братій котораго состоялъ сметливый монахъ.

IV.

Весенней порой, проѣзжая около собственныхъ, свѣже-обсѣмененныхъ яровыхъ полей, воевода усмотрѣлъ мужичка съ котомкою за плечами, бродящаго по посѣву бобовъ и выкапывающаго палкою изъ земли еще не проросшія зерна, съ тѣмъ чтобы снести ихъ домой, сварить и съѣсть. Подъѣхавъ на близкое разстояніе къ му-

жичку, воевода подзываетъ его къ себѣ и спрашиваетъ: «Скажи, ойцецъ свентый, что ты тутъ дѣлаешь»? Мужичокъ, будучи изъ числа находчивыхъ и не потерявъ присутствія духа, внятно и громко отвѣчалъ:—Дождемъ, ясневельможный воевода, повымыты изъ земли посѣянные бобы и я, случайно проходя полемъ, замѣтилъ, что они могутъ не прорости; и вотъ, возвратившись домой, я взялъ котомку, которую ты видишь у меня, и пришелъ сюда, для того чтобы всѣ, вымытыя дождемъ, зерна бобовъ собрать въ котомку и затѣмъ посѣять въ другомъ мѣстѣ, а дѣлаю это потому, что твоего добра мнѣ жалко!—«Хорошо, добрый человѣкъ, отлично, ойче свентый,—отвѣтилъ воевода,—но ты вѣдь не одинъ у меня подданный; у меня много людей. Почему же никто, кромѣ тебя одного, не замѣтилъ, что можетъ произойти убытокъ моего добра; почему другіе люди не вышли для сбора этихъ бобовъ, почему мой экономъ не замѣтилъ этого?... Вотъ что, ойцецъ свентый, иди въ Городецъ-Лужки и ожидай моего возвращенія домой»!

Ни живъ, ни мертвъ, едва передвигая омертвѣвшія ноги, поплелся страшно перепуганный мужичокъ въ помѣстье грознаго воеводы, мысленно прощаясь со своими малыми дѣтьми и женою и думая, что не къ добру послалъ его воевода въ имѣніе. «Знать, попутали меня грѣхи, что я рѣшился на кражу этихъ бобовъ,—размышлялъ мужичокъ.—Не вытерпѣлъ. Жалко стало маленькихъ дѣтей; много ужь дней не видали они хлѣба... Вотъ и попался... быть бѣдѣ, но отъ нея не уйдешь»... Такія именно думы и чувства волновали мужичка, когда онъ пришелъ въ Городецъ-Лужки по приказу воеводы. Возвратившійся воевода немедленно потребовалъ къ себѣ эконома-шляхтича, которому приказалъ сейчасъ же отпустить цѣлую сотню батоговъ за недосмотръ посѣвовъ и невысылку людей для сбора вымытыхъ дождемъ бобовъ. Всѣ эти батоги, несмотря на мольбы, и были ему акуратнѣйшимъ образомъ отсчитаны на конюшнѣ, въ присутствіи самого воеводы. Мужичокъ же, щедро одаренный воеводою, былъ отпущенъ домой.—Въ первую же ночь послѣ экзекуціи, злосчастный экономъ исчезъ, захвативъ изъ конюшни воеводы одну изъ лучшихъ лошадей, къ немалому неудовольствію послѣдняго. Посланнымъ въ разныя стороны дворовымъ людямъ на поимку бѣглеца пришлось возвратиться съ пустыми руками. На случай поимки дерзкаго похитителя воевода, вѣроятно, не поскупился бы отпустить ему и тысячу батоговъ. Но экономъ точно въ воду канулъ, а на мѣсто его былъ опредѣленъ нашъ мужичокъ, который и пользовался у воеводы безусловнымъ довѣріемъ и почетомъ.

V.

Возвращаясь однажды съ охоты, въ сопровожденіи своей многочисленной дворни, на большой дорогѣ, невдалекѣ отъ помѣстья Городецъ-Лужки, воевода встрѣтилъ жида, везшаго бочку дегтя, которому приказалъ остановиться. «Что ты, ойцецъ свентый, везешь»?—спрашиваетъ воевода.—Деготь, ясневельможный пане воевода, — отвѣчаетъ еврей. «Куда ты его везешь»? — Развожу по деревнямъ для продажи! «А можешь ли ты мнѣ его продать»?—вопросилъ воевода.—Могу,—отвѣтилъ еврей. «Сколько же ты за всю эту бочку хочешь получить отъ меня денегъ»? — Сколько дастъ ваша милость, найяснѣйшій пане!—«Если такъ, то деготь мой!—говоритъ воевода. — Сбрасывай бочку съ воза на землю, выколачивай въ ней оба дна и выпускай деготь на дорогу, а самъ раздѣвайся и пролѣзай чрезъ эту самую бочку»!—Жидъ сбросилъ наземь бочку, выколотилъ въ ней оба дна, выпустилъ на дорогу весь деготь, а самъ пролѣзъ чрезъ бочку и оказался, конечно, съ головы до ногъ вымазаннымъ въ деготь. Воевода вынулъ изъ кармана полную горсть червонцевъ и, не считая, бросилъ еврею, проговоривъ: «имѣешь за деготь и за труды».—Послѣ этого, жаркій еврейчикъ разсыпался въ благодарностяхъ и въ превознесеніи достоинствъ ясневельможнаго пана воеводы. Но, отъѣхавши на значительное разстояніе, воевода возвратился обратно къ жиду, который собиралъ корчагою деготь съ дороги въ насворо исправленную бочку. «Какъ! ойцецъ свентый, ты вздумалъ воровать мой деготь?—раздался громовой голосъ воеводы.—Тебѣ мало полученныхъ отъ мени денегъ? Если такъ, то я распоряжусь славно поиотчивать тебя батогами, чтобы ты въ будущемъ поумѣрилъ свою жадность»! Обезумѣвшій еврейчикъ, съ плачемъ и воплемъ, бросился въ ноги воеводѣ, умоляя о прощеніи, но ничто не помогло. Жадному еврейчику было отпущено, по распоряженію воеводы, полсотни батоговъ.

VI.

Состоя въ большой дружбѣ со своимъ домашнимъ капелланомъ, Жабо нерѣдко и подолгу любилъ съ нимъ бесѣдовать, причемъ иногда бывали случаи, когда воевода не прочь былъ и подтрунить надъ капелланомъ. Понятно, что шутки знатнаго вельможи, не отличавшагося вообще разборчивостью въ средствахъ и сдержанностью, не всегда бывали пріятны для благочестиваго капеллана,

человѣка строгихъ нравственныхъ правилъ, — но онѣ всегда сносились терпѣливо, безъ всякаго повода къ неудовольствію воеводы. Вслѣдствіе этого, капелланъ,—человѣкъ серьезно-просвѣщенный и добрый душой,—зная до мельчайшихъ оттѣнковъ крутой характеръ и причудливыя наклонности знатнаго магната-самодура, нерѣдко успѣвалъ предотвращать его бурный гнѣвъ по отношенію къ прислугѣ и крѣпостнымъ, почему и пользовался всеобщимъ почтеніемъ и любовью. Но бывали иногда исключительные случаи, когда неукротимый гнѣвъ воеводы всей силою ярости обращался на непрошеннаго заступника, которому приходилось претерпѣвать много непріятностей и издѣвательствъ. Но, тѣмъ не менѣе, сердобольный капелланъ, въ концѣ концовъ, побѣждалъ гнѣвъ магната. Воевода, неизмѣнно оставаясь привязаннымъ къ капеллану, нерѣдко высказывался шутя въ присутствіи гостей, что онъ имѣетъ у себя двухъ одинаково преданныхъ друзей: — капеллана и собаку «Дьявола». Огромнаго роста изъ породы бульдоговъ этотъ «Дьяволъ» былъ очень золъ и свирѣпъ. И горе тому изъ посторонихъ людей, помимо самой близкой комнатной прислуги, кто не въ урочный часъ рѣшился бы зайти въ спальню, когда воевода почивалъ, или утромъ въ столовую, гдѣ онъ, вставши отъ сна, завтракалъ,— такъ какъ не одинъ разъ бывали случаи, что собака тяжко ранила неосвѣдомленныхъ посѣтителей. Будучи разъ въ особенно сильномъ озлобленіи и неудовольствіи на капеллана, воевода передъ кѣмъ то высказался, что имѣетъ сомнѣніе въ преданности къ себѣ капеллана и въ скоромъ времени намѣренъ испытать эту преданность путемъ сравненія ея съ привязанностью собаки «Дьявола». Разговоръ воеводы былъ подслушанъ нѣкоторыми изъ его прислуги. Смекнувъ, въ чемъ можетъ заключаться испытаніе преданности капеллана, въ сравненіи съ привязанностью любимой собаки, находчивый прислужникъ передалъ все по секрету капеллану, научивъ его, какъ подготовить собаку къ предстоящему испытанію дружбы и преданности. И вотъ однажды, воспользовавшись отсутствіемъ воеводы изъ дому, — собака же всегда оставалась дома,—лакей приводитъ эту собаку въ квартиру капеллана, а тотъ, прижавши ее въ полурастворенной двери комнаты,—такъ чтобы она не могла ни защищаться, ни уйти, — начинаетъ изо всей силы хлестать ее нагайкой, сопровождая каждый ударъ кашлемъ: «Кхи»! И такъ онъ хлесталъ ее до тѣхъ поръ, пока совершенно не утомился. Перепуганная и избитая собака съ жалобнымъ визгомъ, безъ оглядки, помчалась въ палаццо...

Прошло послѣ того нѣсколько дней. Воевода не приглашалъ къ себѣ капеллана. Но вотъ однажды, раннимъ утромъ, когда ка-

пелланъ былъ еще въ постели, Жабо присылаетъ за нимъ лакея, съ приказаніемъ немедленно пожаловать къ воеводѣ въ его столовую, гдѣ послѣдній ожидаетъ его, чтобы раздѣлить съ нимъ завтракъ. Капелланъ, вскоро одѣвшись, спѣшитъ въ палаццо.

Заслышавъ торопливые шаги чужаго человѣка, раздавшіеся въ коридорѣ, собака «Дьяволъ», бывшая въ столовой, чутко насторожившись, подошла къ двери, прилегла на переднихъ лапахъ, ощетинилась и приготовилась наброситься на вошедшаго. Но подошедши къ двери столовой, прежде чѣмъ отворить ее, капелланъ начинаетъ громко кашлять: «Кхи... кхи... кхи»!.. Взвизгнувъ и заметавшись по столовой, въ которую уже входилъ капелланъ, собака неистово, черезъ столъ, за которымъ сидѣлъ воевода, всею тяжестью ударилась въ окно и, опрокинувъ закуски и напитки, выбила раму—и была такова. Навстрѣчу же вошедшему капеллану встаетъ воевода и заключаетъ его въ объятія, съ восклицаніемъ: «Виватъ, ойче свентый! Твоя преданность ко мнѣ сильнѣе преданности собаки. Отъ тебя ушелъ и самъ «Дьяволъ»!.. Онъ тебя испугался! Недаромъ же ты — ойче свентый; отнынѣ ты— единственный, незмѣнный другъ въ моемъ домѣ»!.. Собаку же воевода собственноручно застрѣлилъ, а капелланъ съ тѣхъ поръ пользовался его полнѣйшимъ довѣріемъ во всю жизнь. Про этотъ способъ испытанія привязанности капеллана и собаки воевода любилъ разсказывать гостямъ, не подозрѣвая, какимъ способомъ капелланъ превзошелъ въ преданности собаку.

VII.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ помѣстья Городецъ-Лужки была расположена маленькая усадьба шляхтича Ковалевскаго, пользовавшагося почему-то особеннымъ вниманіемъ и симпатіей Жабо. Ни одинъ пиръ у именитаго воеводы, ни одна охотничья экскурсія не обходились безъ участія шляхтича Ковалевскаго, замѣчательнаго танцора, страстнаго охотника, отчаяннаго гуляки и чудака. Разъ, во время собранія гостей у воеводы, возникла бесѣда про помѣстья. Разумѣется, каждый изъ магнатовъ не преминулъ похвастаться своими богатствами и помѣстьями. Ковалевскій, бывшій въ числѣ гостей, также завелъ рѣчь о своемъ помѣстьѣ, но чуть только высказался, что и онъ имѣетъ помѣстье, какъ рѣчь его перебилъ воевода... «Врешь, ойче-свентый, ты не помѣщикъ, а бездомный шляхтичъ, мой нахлѣбникъ. У тебя никакого помѣстья не имѣлось и не имѣется! — Имѣется, ясневельможный воевода,—возразилъ Ковалевскій. «Нѣтъ, не имѣется!—

вскричалъ воевода, выходя уже изъ себя.—Имѣется по сосѣдству съ твоимъ помѣстьемъ, ясневельможный пане, — повторилъ Ковалевскій. — Жабо окончательно прогнѣвался. «Слышите ли, ойцовевенты, почтенные гости, что̀ говоритъ этотъ сумашедшій шляхтичъ,—что у него имѣется помѣстье по сосѣдству съ моимъ! Можетъ ли то быть, чтобы землевладѣніе подобной шушеры могло граничить съ землею знатнаго магната?—Но Ковалевскій продолжалъ утверждать, что у него, невдалекѣ отъ Городецъ-Лужковъ, имѣется помѣстье, а для убѣжденія въ справедливости того, что онъ не лжетъ, просилъ всѣхъ именитыхъ гостей, съ паномъ воеводой, осчастливить своимъ посѣщеніемъ его усадьбу Ковалевщизну и отвѣдать хлѣба-соли,—на что̀ всѣ гости и изъявили свое согласіе.

Пиръ у воеводы продолжался послѣ того еще нѣсколько сутокъ; а потомъ всѣ гости приняли участіе въ устроенной воеводою охотѣ на лосей въ принадлежавшемъ ему лѣсу. Послѣ охоты, которая оказалась удачной,—такъ какъ воеводѣ удалось собственноручно убить двухъ лосей,—пиръ возобновился опять. Шляхтичъ Ковалевскій также былъ участникомъ въ пиру и въ охотѣ.—Это происходило весною, когда были начаты яровые посѣвы.

Однажды, позднею ночью, когда охмѣлѣвшіе гости, въ томъ числѣ и Ковалевскій, — улеглись спать въ палаццо воеводы, послѣдній призываетъ къ себѣ управляющаго, которому велитъ немедленно собрать многочисленную дворню, окружить усадьбу Ковалевскаго, забрать и перевязать въ ней всю челядь и сейчасъ же,—на подводахъ, подъ конвоемъ жолнеровъ воеводы, — отправить въ одно изъ отдаленныхъ помѣстій воеводы; скотъ и все имущество, какое только окажется, доставить въ Городецъ-Лужки; всѣ постройки сжечь, деревья въ усадьбѣ повырубить, а землю на мѣстѣ усадьбы вспахать и обсѣменить яровыми посѣвами, такъ чтобы никакихъ слѣдовъ не осталось отъ усадьбы, о чемъ и донести ему, когда данное приказаніе будетъ въ точности выполнено...

Нѣсколько дней еще длился пиръ у воеводы, а, между тѣмъ, управляющій съ челядью исправно выполнялъ данное ему порученіе — разорить усадьбу Ковалевскаго, безотлучно находившагося у воеводы. Наконецъ, пиръ окончился. Тогда всѣ гости, во главѣ съ воеводою, отправились къ Ковалевскому, согласно данному обѣщанію посѣтить его помѣстье. Впереди всѣхъ слѣдовалъ верхомъ на лошади самъ Ковалевскій; за нимъ въ экипажѣ, запряженномъ шестеркою лошадей, воевода, а затѣмъ цѣлая кавалькада гостей воеводы. Далеко не доѣзжая до мѣста нахожденія своей усадьбы, Ковалевскій начинаетъ тревожно осматриваться по сторонамъ, какъ бы не довѣряя самому себѣ: по той-ли онъ дорогѣ

ѣдетъ къ усадьбѣ, которая по его соображеніямъ должна бы уже быть видна, а, между тѣмъ, ея все не видно.—Но онъ такъ продолжаетъ ѣхать дальше, а гости слѣдуютъ за нимъ.—Наконецъ, онъ осаживаетъ лошадь, ударяетъ себя кулакомъ въ лобъ, пристально, въ недоумѣніи, осматривается по сторонамъ и въ раздумьѣ восклицаетъ: —Іезусь-Марія! Гдѣ же это мой майонтекъ? Онъ долженъ быть здѣсь, на этомъ мѣстѣ, а его нѣтъ!.. Вотъ дубъ, разбитый громомъ... тамъ липа съ гнѣздомъ аиста... тутъ оврагъ, около котораго была изгородь... А майонтка нѣтъ! Куда-же дѣлся майонтекъ?.. Или я совершенно одурѣлъ отъ опьяненія старинными винами и медами ясневельможнаго пана-воеводы,—что не могу ни видѣть, ни соображать,—или мой майонтекъ Ковалевщизну украли дьяволы. Или же, въ самомъ дѣлѣ, я никогда не былъ обладателемъ майонтка, а если мнѣ казалось, что я его имѣю,—это было только счастливымъ сномъ?—говорилъ въ недоумѣніи Ковалевскій.—Гдѣ же, пане Ковалевскій, твой майонтекъ?.. Скорѣй бы намъ въ него пріѣхать и откушать хлѣба-соли! — выговорилъ смѣясь воевода, глядя въ упоръ на Ковалевскаго, который, совершенно растерявшись, стоялъ на мѣстѣ, не зная, что́ дѣлать и что́ предпринять.—Видите ли, ойцове-свенты!—обращается Жабо къ магнатамъ,—моя правда, что у Ковалевскаго нѣтъ никакого помѣстья!.. Можетъ ли то быть, чтобы по близости помѣстья знатнаго магната могла очутиться усадьбишка шляхтича? Того никогда не было и быть не можетъ!—Такъ всѣ гости и возвратились обратно къ воеводѣ, несолоно хлебавши.

Воевода остался весьма доволенъ удачнымъ выполненіемъ своего приказанія, за что и пожаловалъ управляющему сто червонцевъ,—а челядь и жолнеровъ приказалъ обильно угостить медомъ. Ковалевскаго же воевода съумѣлъ заставить позабыть Ковалевщизну, щедро вознаградивъ за нее нѣсколькими тысячами карбованцевъ, а помимо того,—подарилъ ему одно изъ значительныхъ по доходности помѣстій.

VIII.

Память о воеводѣ Жабо до сихъ поръ сохранилась въ Бѣлоруссіи въ массѣ преданій, въ которыхъ онъ представляется то страшнымъ деспотомъ и самодуромъ, то просто оригиналомъ. По характеристикѣ старожиловъ, воевода былъ настолько строгъ и деспотиченъ, что для него ничего не составляло, за самое пустячное дѣло, засѣчь человѣка розгами на конюшнѣ или проѣхать его на понравившуюся собаку. Но, при этомъ, онъ былъ весьма внимате-

ленъ къ нуждамъ своихъ крѣпостныхъ, такъ что уровень ихъ благосостоянія стоялъ много выше благосостоянія крѣпостныхъ у другихъ магнатовъ того времени. Если случались кражи среди крѣпостныхъ воеводы,—что было весьма рѣдко,—то виновные, во что-бы то ни стало, должны были быть обнаружены, и ихъ постигала жестокая кара—сѣченіе плетьми, зачастую до смерти. Исключеніе дѣлалось только въ случаяхъ кражи хлѣба, въ какомъ бы ни было видѣ:—въ снопахъ ли, зернѣ, или мукѣ. Уличенный въ этомъ не то что не подвергался наказанію, но даже получалъ помощь отъ воеводы хлѣбомъ и деньгами, если только обнаруживалось, что онъ—человѣкъ семейный и имѣлъ нужду въ хлѣбѣ на пропитаніе. За подобныя кражи не было наказанія и тогда, если онѣ совершались у самого воеводы, что нерѣдко и случалось. Везетъ, напримѣръ, мужичокъ возъ хлѣба, похищеннаго изъ житницы воеводы, и встрѣтится съ владѣльцемъ.—Стой, ойче свентый!—раздается зычный голосъ воеводы. Мужичокъ останавливается.—Что везешь?—спрашиваетъ воевода.—Хлѣбъ, ясневельможный, найсвѣтшій пане!—отвѣчаетъ мужичокъ.—Откуда и куда ты везешь хлѣбъ?—Изъ твоей житницы, ясневельможный пане, — везу къ себѣ, чтобы было чѣмъ кормить дѣтей.—Хорошо, ойче свентый, хорошо,—говоритъ мужичку воевода,—что ты заботишься о своихъ дѣтяхъ! Вези хлѣбъ и корми своихъ дѣтей. Они будутъ моими слугами; у меня же хлѣба много...

Но боже упаси, чтобы кто изъ встрѣтившихся—проѣзжавшихъ или проходившихъ — мужичковъ посмѣлъ осматриваться назадъ, вслѣдъ удаляющемуся воеводѣ. Его постигло бы тяжкое наказаніе, потому что воевода считалъ подобное оглядываньe хуже воровства. Проѣзжая или проходя около помѣстья грознаго воеводы, иной мужичокъ трусливо и робко начинаетъ осматриваться назадъ и по сторонамъ, боясь встрѣчи съ воеводой. Вдругъ въ ушахъ его раздается грозный голосъ воеводы: — Стой, ойче свентый. Ты не честный и нехорошій человѣкъ! Честный и хорошій человѣкъ не осматривается по сторонамъ! — Оторопѣлый мужичокъ, путаясь и заминаясь, начинаетъ оправдываться, но это оказывается безполезнымъ—и онъ получаетъ на конюшнѣ нѣсколько десятковъ розогъ.

Бо́льшая часть крѣпостныхъ воеводы принадлежала къ православной религіи, но онъ не стѣснялъ ихъ религіозной свободы, хотя самъ былъ усерднымъ католикомъ.

Воевода Жабо былъ ближайшимъ потомкомъ, по женской линіи, гетмана Сапѣги, отъ котораго и наслѣдовалъ многочисленныя и богатыя помѣстья на Литвѣ.

Семейство его состояло изъ жены, сына и дочери. Жена пе-

режила его на нѣсколько лѣтъ, сынъ же умеръ при жизни воеводы, около 20 лѣтъ отъ роду; а дочь, впослѣдствіи, вышла замужъ за знатнаго польскаго магната, имѣвшаго огромныя помѣстья въ Литвѣ и Польшѣ.

Жена и дочь воеводы отличались искренней набожностью, добротою, отзывчивостью и любовью къ крѣпостнымъ, между тѣмъ какъ сынъ унаслѣдовалъ отъ отца необузданность нрава, деспотизмъ характера, любовь къ охотѣ, верховой ѣздѣ и стрѣльбѣ въ цѣль, мишенью для которой ему нерѣдко служили распятія на придорожныхъ крестахъ. Есть преданіе, что однажды онъ вздумалъ стрѣлять въ крестъ, стоявшій на мѣстѣ разрушенной церкви, но при первомъ же выстрѣлѣ ружье разорвалось вдребезги, причемъ весь зарядъ попалъ ему въ лицо, спаливъ оба глаза... Сдѣлавшись слѣпымъ, онъ прожилъ еще нѣсколько лѣтъ и умеръ въ тяжкихъ мученіяхъ, послѣ жестокой и продолжительной болѣзни. На мѣстѣ же деревяннаго креста, ставшаго виновникомъ трагическаго происшествія, впослѣдствіи, на средства жены воеводы, былъ сооруженъ кирпичный столбъ, увѣнчанный фигурою Спасителя, несущаго крестъ.

Смерть воеводы, по преданію, была также трагической.

На обратномъ пути изъ поѣздки его въ Петербургъ, — куда онъ былъ вызванъ для объясненія по доносу своихъ крѣпостныхъ, обвинявшихъ его въ поджогѣ правительственныхъ продовольственныхъ магазиновъ, находившихся по сосѣдству съ однимъ изъ крупныхъ помѣстій воеводы, и гдѣ, послѣ личнаго представленія императрицѣ Екатеринѣ II, ему былъ пожалованъ одинъ изъ высшихъ русскихъ орденовъ,—Жабо высказалъ сопровождавшей его прислугѣ, въ количествѣ шести человѣкъ, изъ крѣпостныхъ крестьянъ, что, по пріѣздѣ домой, онъ раздѣлается съ доносчиками *по своему*, такъ какъ полагаетъ, что доносъ могъ послѣдовать ни отъ кого иного, какъ со стороны его дворни или прислуги.

Въ числѣ дворни и прислуги, находившихся въ Городецъ-Лужкахъ, были близкіе родственники людей, сопровождавшихъ воеводу въ Петербургъ и знавшихъ про доносъ. Зная нравъ Жабо и увѣренные въ томъ, что можетъ неминуемо ожидать всю дворню на случай неудачи доноса, дворовые, — чрезъ нарочнаго, посланнаго женою воеводы съ важными письмами на имя воеводы,—послали письмо къ своимъ родственникамъ, умоляя ихъ убить воеводу, чтобы избавить дворню отъ предстоящей страшной расправы. Нарочный, будучи посвященъ въ заговоръ дворни, открылъ его воеводѣ, вручивъ и самое письмо отъ родственниковъ прислуги. Но Жабо, по прочтеніи, порвалъ его на мелкіе клочки. Одинъ изъ

ключковъ этого письма, брошенныхъ воеводою въ печку на одной изъ остановокъ для ночлега и случайно сохранившійся возлѣ печки, былъ поднятъ и прочтенъ камердинеромъ воеводы, догадавшимся по этому ключку о содержаніи письма.

Воевода, при поѣздкахъ, всегда имѣлъ съ собою оружіе, съ которымъ разставался лишь только передъ сномъ и вѣшалъ его на стѣнѣ у постели.

Всякій разъ, когда воевода укладывался ко сну, камердинеръ долженъ былъ чесать ему пятки до тѣхъ поръ, пока тотъ не засыпалъ.

Спустя нѣсколько времени по полученіи воеводою письма о заговорѣ на его жизнь, камердинеръ, по всегдашнему обыкновенію чесавшій пятки воеводѣ,—какъ одинъ изъ заговорщиковъ на его жизнь,—дождавшись, что Жабо крѣпко уснулъ, снялъ со стѣны оружіе и спряталъ его, а потомъ набросился на спящаго и сталъ душить. Въ тотъ же моментъ, заблаговременно увѣдомленные, ворвались въ спальню прочіе слуги воеводы и всѣ вмѣстѣ задушили его.

Завладѣвъ бо́льшей половиною денегъ, имѣвшихся при воеводѣ, прислуга на утро заявила властямъ объ его внезапной смерти. Командированные чиновники и врачи,—для освидѣтельствованія трупа и дознанія о причинѣ смерти,—были подкуплены прислугою, вслѣдствіе чего признали, что смерть воеводы произошла отъ апоплексическаго удара, къ которому онъ былъ-де склоненъ по своей комплекціи.

Тѣло покойнаго было доставлено въ Городецъ-Лужки и, набальзамированное, похоронено въ склепѣ сооруженнаго имъ костела, въ одной верстѣ отъ Гродецъ-Лужковъ.

Чрезъ нѣсколько времени по смерти Жабо, преступленіе прислуги обнаружилось и виновные понесли жестокую кару:—по опредѣленію суда, они были засѣчены плетьми до смерти. Подкупленные же чиновники и врачи, послѣ публичнаго наказанія кнутомъ, были сосланы въ каторгу.

При сооруженномъ Жабо костелѣ существовалъ кармелитскій монастырь, закрытый послѣ 1831 г. за участіе монаховъ въ польскомъ мятежѣ.

Имя воеводы Жабо часто встрѣчается на страницахъ польской исторіи прошлаго вѣка, а также въ мемуарахъ и письмахъ знатнѣйшихъ литовско-польскихъ магнатовъ того времени, сообразно занимаемому имъ выдающемуся положенію полоцкаго воеводы и дружественнымъ связямъ съ именитѣйшими магнатами Бѣлоруссіи и Литвы.

Смерть Жабо послѣдовала въ 80-тыхъ годахъ прошлаго вѣка. Умеръ онъ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, состоя кавалеромъ многихъ орденовъ. Онъ имѣлъ высшій русскій орденъ Александра Невскаго и польскій—Бѣлаго орла.

К.

ВЫДАЮЩІЙСЯ ТАЛАНТЪ.

(Критическій очеркъ).

«Les idées ont un courant qui entraîne même les populations les plus stagnantes». *Lamartine.*

I.

Семью писателей-беллетристовъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: писателей-«сочинителей» и писателей-художниковъ. Первые пишутъ изъ тщеславія, отъ скуки, за гонораръ, или просто потому, что грамотны (и то не всегда). Вторые — гораздо малочисленнѣе — это писатели по призванію, которые не могутъ не писать, какъ птицы не могутъ не пѣть; для нихъ литература то же, что̀ полотно для художника, инструментъ для музыканта: ею они выражаютъ свои мечты, страданія и надежды.

Къ послѣдней категоріи принадлежитъ и молодой писатель, уже пріобрѣвшій литературную извѣстность подъ псевдонимомъ *Максима Горькаго*.

Мы съ тѣмъ бо̀льшимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ молодаго писателя, что самый фактъ его появленія изъ народной среды свидѣтельствуетъ о творческой силѣ русскаго духа,—въ то самое время, когда наши петербургскіе космополиты, западники и всякаго рода «культурные нытики», дающіе тонъ нашей разношерстной интеллигенціи, давно уже поставили крестъ на возможности нашего духовнаго возрожденія и національнаго роста, указывая, какъ на единственное для насъ спасеніе, на безсмысленное копированіе Запада. Въ этомъ направленіи развивалась и вся наша литература за послѣднія двадцать лѣтъ, вскормленная стараніями редакторовъ-аферистовъ на одномъ подражаніи и переводахъ Эмиля Зола и прочихъ, чуждыхъ русскому духу иностранныхъ писателей.

И вдругъ на берегахъ «многоводной Волги»,—этой щедрой кормилицы русской земли въ духовномъ и матеріальномъ смыслѣ,—

загорѣлась яркая звѣздочка самобытнаго русскаго таланта. Видно, колыбель русской мощи, уже давшая намъ Некрасовыхъ и другихъ, не вполнѣ еще разорена и обезличена разными новѣйшими «культуртрегерами».

Біографія Максима Горькаго не входитъ въ задачу настоящаго очерка. Въ общихъ чертахъ она уже извѣстна читателямъ, да и рано еще заниматься ею. Талантъ не справляется съ формуляромъ человѣка и дается ему природой внѣ всякихъ соображеній съ его свѣтскимъ, служебнымъ или финансовымъ положеніемъ. Нужно только отмѣтить въ данномъ случаѣ тѣ невѣроятно-тяжелыя обстоятельства, которыя выпали на долю дѣтства и юности М. Горькаго, не воспрепятствовавъ ему, однако, побѣдоносно выйти на широкую дорогу извѣстности.

До нѣкоторой степени эти обстоятельства не могли не оставить слѣда на его творчествѣ, лишивъ его широкой умственной перспективы; но они же, съ другой стороны, способствовали той свѣжести, той непосредственности его міровоззрѣнія, которыя ярко отпечатлѣлись на всѣхъ его произведеніяхъ и сдѣлали его столь интереснымъ для изученія. Эти произведенія представляютъ уже и теперь цѣнный вкладъ наблюденій и художественной правды, взятый прямо съ натуры.

Только въ самое послѣднее время критика удостоила М. Горькаго своимъ вниманіемъ, не только у насъ, но и за границей. И слѣдуетъ сейчасъ же отмѣтить, что заграничные критики отнеслись гораздо внимательнѣе и сочувственнѣе къ Максиму Горькому, нежели наши. Наша критика, въ лицѣ ея нынѣшнихъ представителей, такъ свыклась съ выгоднымъ и пріятнымъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее, что появленіе новаго таланта, надъ которымъ слѣдовало задуматься, изучить его и анализировать,—представилось ей фактомъ и непріятнымъ, и тревожнымъ. Господа «присяжные критики», которыхъ излишне называть—nomina sunt odiosa—порѣшили было, по удававшемуся имъ столько разъ пріему, «семейно замолчать» новоявленный талантъ: авось либо никто его и не замѣтитъ! Но на этотъ разъ уловка не удалась. Произведенія Горькаго стали появляться въ переводахъ на всѣхъ языкахъ; западная критика уже громко заговорила о немъ. Вслѣдъ за этимъ появились нѣкоторые критическіе очерки и у насъ; очерки большею частью слабые, нерѣшительные, съ большой оглядкой, какъ бы себя не скомпрометировать. Молодежь взялась за дѣло съ большимъ жаромъ: къ такимъ критическимъ попыткамъ можно отнести трудъ В. Ѳ. Боцяновскаго: критико-біографическій этюдъ о Горькомъ. Въ своемъ разборѣ произведеній Горькаго, въ «Revue des deux

Mondes», французскій критикъ Мельхіоръ де-Вогюэ приходитъ къ заключенію, что успѣхамъ своимъ, помимо таланта, Горькій обязанъ своимъ тенденціямъ, протестующимъ противъ того, что во Франціи называется «буржуазіей», а у насъ замѣняется чиновничествомъ, мѣщанствомъ и вообще канцелярскимъ и идейнымъ формализмомъ. Навряд ли, однако, такая оцѣнка правильна. Противъ чиновничества и мѣщанства писали у насъ давно геніальные писатели, и можно сказать, что тема эта до нѣкоторой степени исчерпана. Кромѣ того, нельзя по произведеніямъ Горькаго сказать, что онъ пришелъ къ какому нибудь положительному заключенію. Протестъ, безъ сомнѣнія, есть въ немъ, но протестъ гораздо болѣе широкій, относящійся не къ тому или къ другому сословію, а къ существующимъ формамъ жизни вообще. Этотъ горячій протестъ, подкрѣпленный примѣрами вольной жизни, но не направленный съ предвзятой мыслью противъ тѣхъ или другихъ лицъ, противъ тѣхъ или другихъ учрежденій,—какъ дѣлали и дѣлаютъ наши газетные и салонные «либералы», — представляетъ именно тотъ чарующій элементъ, которымъ и проникнуты его произведенія. Мнѣ кажется, что господа «марксисты» или «народники», которые желали бы во что бы то ни стало уловить Горькаго и насильно присоединить къ своему міровоззрѣнію, могутъ сильно разочароваться въ немъ и безполезно потратить время, истолковывая его въ любезномъ для нихъ смыслѣ. Онъ самъ говоритъ: «чувства объединяющаго, стройной и ясной мысли, охватывающей всѣ явленія жизни, я не нашелъ въ себѣ»...

II.

Разсмотримъ, для перваго знакомства съ интересующимъ насъ писателемъ, самое большое по объему его произведеніе: повѣсть «Ѳома Гордѣевъ». Говорятъ, что какой-то «драматическихъ дѣлъ мастеръ» собирается «окрылить» это произведеніе, т. е. извлечь изъ него театральную пьесу. Можно напередъ сказать, что изъ этой попытки ничего не выдетъ хорошаго. Названная повѣсть—этюдъ, не представляющій никакихъ данныхъ для драматическаго дѣйствія, кромѣ развѣ трактирнаго дебоша, которымъ и безъ того переполненъ нашъ театральный репертуаръ. Ѳома Гордѣевъ—такой же бытовой этюдъ, какъ «Дворянское гнѣздо», «Обломовъ» и тому подобныя литературныя произведенія. Разница въ томъ, что предметомъ наблюденія автора является бурная купеческая среда въ самомъ горячемъ мѣстѣ ея дѣятельности—на Волгѣ.

Фабула повѣсти не сложная: Игнатъ Гордѣевъ выдвинулся изъ

простыхъ людей въ милліонщики. Все его огромное состояніе, послѣ смерти, переходитъ къ единственному сыну Ѳомѣ. Ѳома, — характеръ котораго и составляетъ все содержаніе повѣсти, — представляетъ собой родъ купеческаго Гамлета, *ищущаго суть жизни* и ничѣмъ не удовлетвореннаго. Онъ то кутитъ напропалую, то ищетъ въ уединеніи душевнаго спасенія,—и въ концѣ концовъ сходитъ съ ума.

Не будь художественнаго отношенія къ этой банальной темѣ, какое проявилъ М. Горькій,—произведеніе это попало бы въ разрядъ многочисленныхъ описаній купеческаго безпутства. Но читатель съ первыхъ же страницъ подкупленъ не только выпуклостью типовъ и образовъ и своеобразностью языка,—какимъ блещутъ вообще всѣ произведенія Горькаго,—но и тѣмъ «нѣчто», которымъ, какъ легкимъ туманомъ, окутаны всѣ его герои и которое направляетъ нашу мысль въ какую-то недосягаемую даль *новаго* человѣческаго устройства. Мнѣ кажется, что этотъ даръ—уносить читателя въ даль—составляетъ характерную черту таланта Горькаго. Онъ не опредѣляетъ цѣли, къ которой стремится, не перестраиваетъ общественнаго зданія; но, обнаруживая неприглядную дѣйствительность, показывая не міровую скорбь, а міровую ложь,—невольно подкупаетъ и располагаетъ къ этой средѣ, гдѣ если не дѣла, то, по крайней мѣрѣ, слова отдаютъ правдой, мощью, надеждой на лучшее будущее.

Но вернемся къ нашей повѣсти. Съ первыхъ же строкъ Горькій яркими красками рисуетъ положительный типъ Игната Гордѣева: «богатырски-сложенный, красивый и неглупый, онъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которымъ всегда и во всемъ сопутствуетъ удача— не потому, что они талантливы и трудолюбивы, а скорѣе потому, что, обладая *огромнымъ запасомъ энергіи*, они на пути къ своимъ цѣлямъ не умѣютъ, даже не могутъ задумываться надъ выборомъ средствъ и, помимо своего желанія, не знаютъ иного закона. Во всѣхъ произведеніяхъ Горькаго мы встрѣчаемся съ такими положительными, энергичными типами, составляющими почти новинку въ русской литературѣ. Вспомните тургеневскихъ, гончаровскихъ героевъ,—всѣ эти нерѣшительные, рефлективные типы, неспособные ничего создать,—и вы съ невольной радостью отдохнете на описаніи новыхъ русскихъ типовъ, полныхъ воли, хотя бы эти типы и были взяты изъ низшихъ «не-культурныхъ» слоевъ общества.

Весь типъ Игната, этого умнаго самодура, очерченъ мастерски г. Горькимъ. Въ немъ соединяется русская сметка, искренняя религіозность, нѣжныя семейныя чувства съ самымъ плотоядным эгоизмомъ, дикимъ буйствомъ и презрѣніемъ ко всему человѣчеству.

«На людей не надѣйся... многаго отъ нихъ не жди... мы всѣ для того живемъ, чтобы взять, а не дать»... Такова житейская мораль Игната. Сцена его смерти—одна изъ самыхъ удачныхъ, какія только можно встрѣтить въ литературѣ на эту тему. Кстати замѣтимъ, что М. Горькій, довольно часто описывающій этотъ послѣдній актъ жизни, изображаетъ его замѣчательно реально, безъ всякой сантиментальности, отчего и впечатлѣніе получается сильное. Другой типъ, выведенный въ повѣсти, это крестный отецъ Ѳомы. Онъ до того реально нарисованъ съ своими передвигающимися на высокомъ лбу морщинами, съ вѣчными прибаутками и всей своей юркой фигурой, что прямо видишь его передъ собой. Авторъ достигаетъ такой рельефности въ своихъ типахъ не только художественнымъ описаніемъ ихъ внѣшности, но умѣніемъ поставить ихъ передъ читателемъ въ характерные моменты и позы. Этой чертой М. Горькій сходится съ описательной манерой Бальзака:

... «Морщины на лицѣ его играли; длинный хищный носъ вздрагивалъ, и голосъ дребезжалъ нотами какого-то азарта и умиленія.—Теперь поглядимъ на это дѣло съ другаго бока, кто больше всѣхъ въ пользу бѣдныхъ жертвуетъ на всѣ эти дома, пріюты, богадѣльни? Жертвуютъ богатые люди, купцы, купечество наше... Хорошо-съ! А кто жизнью командуетъ и устраиваетъ ее? Дворяне, чиновники и всякіе другіе *не наши* люди... Отъ нихъ и законы, и газеты, и науки — все отъ нихъ. Раньше они были помѣщиками, теперь земля изъ-подъ нихъ выдернута — они на службу пошли... Ладно! Но кто, по нынѣшнимъ днямъ, самые сильные люди? Купецъ въ государствѣ—первая сила, потому что съ нимъ — милліоны»!.. Я цитирую это мѣсто, чтобъ показать, какими сильными, ясными словами, вложенными въ уста своихъ героевъ, М. Горькій умѣетъ ихъ очертить. А вотъ другой примѣръ — журналистъ Ежовъ.

«Его снова какъ-то передернуло, точно всѣ жилы и мускулы его вдругъ напряглись, и снова онъ забѣгалъ по комнатѣ въ кипучемъ возбужденіи.

«— Самодовольный человѣкъ — это затвердѣвшая опухоль на груди общества... это мой заклятый врагъ. Онъ набиваетъ себя грошовыми истинами, обгрызенными кусочками затхлой мудрости, и существуетъ, какъ чуланъ, въ которомъ скупая хозяйка хранитъ всякій хламъ, совершенно ненужный ей, ни на что негодный... Дотронешься до такого человѣка, отворишь дверь въ него, и на тебя пахнетъ вонью разложенія, а въ воздухъ, которымъ ты дышешь, вольется струя какой-то затхлой дряни... Эти несчастные люди именуются людьми твердыми духомъ, людьми принциповъ и убѣжденій... и никто не хочетъ замѣтить, что убѣжденія для нихъ—

только штаны, которыми они прикрываютъ нищенскую наготу своихъ душъ. На узкихъ лбахъ такихъ людей всегда сіяетъ всѣмъ извѣстная надпись: спокойствіе и увѣренность—фальшивая надпись! Потри лбы ихъ твердой рукой, и ты увидишь истинную вывѣску—на ней изображено: ограниченность и туподушіе»!..

Внутренняя душевная трагедія Ѳомы Гордѣева состоитъ въ томъ, что онъ унаслѣдовалъ милліоны, не имѣя къ нимъ никакого реальнаго отношенія. Онъ совершенно не уяснилъ себѣ, какимъ трудомъ или удачей эти деньги были нажиты отцемъ, и въ этомъ привилегированномъ положеніи его поражаетъ только то, что онъ пользуется такими средствами въ то время, какъ вокругъ него люди жертвуютъ жизнью за гроши. Онъ не могъ понять, изъ-за чего это люди хлопочутъ, когда онъ, при всемъ своемъ богатствѣ, чувствуетъ тоску и скуку. Типъ Ѳомы, съ этой точки зрѣнія,—т. е. какъ богатаго купеческаго наслѣдника, лишеннаго алчнаго чувства наживы,—которымъ только и существуетъ необразованное купечество,—безъ сомнѣнія, очень интересный типъ, и мастерски разработанъ М. Горькимъ. Но, при всѣхъ своихъ стремленіяхъ къ чему-то высшему, лучшему, — Ѳома Гордѣевъ не можетъ вызвать симпатіи.

Этотъ купеческій неудачникъ, не будучи въ состояніи сдѣлать ни одного сознательнаго шага въ сторону добра, все таки успѣваетъ въ своемъ кругу выказаться полнѣйшимъ «сверхомъ». Въ общемъ, только такимъ и можетъ вылиться купеческій Гамлетъ, если снять съ него ореолъ милліоновъ. Въ этой борьбѣ съ противорѣчіями Ѳома Гордѣевъ сходитъ съ ума и этимъ примиряетъ читателя со своими безполезными исканіями «смысла жизни».

Но какая же мораль этого произведенія? быть можетъ, спроситъ читатель, прочтя повѣсть до конца.

А та, что правда жизни—не въ практичныхъ и сильныхъ Мячкиныхъ, а также и не въ сомнѣвающихся безхарактерныхъ Гордѣевыхъ. Правда—гдѣ-то въ таинственной дали, о которой мы уже говорили, и которую М. Горькій имѣетъ желаніе идеально обозначить одними легкими, поверхностными штрихами... Она уже чувствуется въ отрицаніи зла.

III.

Талантъ Горькаго особенно ярко выступаетъ въ его маленькихъ разсказахъ, стяжавшихъ ему славу «пѣвца босяковъ». По прочтеніи его произведенія, закрадывается мысль о новомъ мірѣ какихъ-то сильныхъ людей, до сихъ поръ намъ неизвѣстныхъ, но живущихъ на всемъ пространствѣ русской земли.

Наши «интеллигенты» встревожились. Покуда они продавались пустымъ словоизверженіямъ и спорамъ о преимуществахъ «марксизма», «несомарксизма», «народничества» и другихъ теорій, долженствующихъ «обновить» нашъ общественный строй—тутъ подъ боковъ у нихъ успѣло вырости цѣлое поколѣніе какого-то «четвертаго сословія»,—людей съ несомнѣнно цѣльнымъ и могучимъ міросозерцаніемъ, хотя и выброшенныхъ за бортъ или не примкнувшихъ къ существующимъ сословнымъ пластамъ, но носящимъ въ себѣ запасъ духовной силы и горячаго протеста. «Павшіе люди» во многихъ отношеніяхъ годились бы и для будущихъ людей, — настолько въ нихъ ощущается энергіи, здраваго смысла, опыта и даже жизненной правды. Единственно, чего въ нихъ нѣтъ, — это пониманія того соціальнаго строя, какимъ онъ является въ наше время; но въ этомъ непониманіи или непризнаніи его и заключается весь интересъ ихъ нравственнаго облика.

Вотъ, напримѣръ, діалогъ. Дѣло идетъ о томъ, чтобы украсть лошадь.

...«— Видишь ты,—вдругъ оживился унывающій,—не могу я не думать. Смотрю я на нее,—онъ махнулъ рукой на лошадь, — смотрю и понимаю; тоже и у меня была такая... Замухрышка она, а въ хозяйствѣ первый винтъ. У меня одно время даже пара была... Здѣрово я въ ту пору работалъ!

«— А что выработалъ? — кратко и холодно спросилъ Пляшинога.—Не люблю я этого въ тебѣ... Охаешь... *а къ чему*»?..

Такова практическая философія всѣхъ босяковъ, напоминающая «идейную философію» Раскольникова. Они руководятся однимъ лишь результатомъ, пренебрегая условной моралью.

Или возьмите слѣдующій разговоръ о пользѣ грамотности въ разсказѣ «Кирилка».

«— И вотъ мы спросимъ его: Кирилка! Скажи, какая польза въ грамотѣ и въ школахъ? — Кирилка вздохнулъ, почмокалъ губами и не сказалъ ничего.

«— Ну, вотъ ты грамотный,—строже заговорилъ земскій,—ты долженъ знать: лучше ли тебѣ жить оттого, что ты грамотный?

«— Всяко бываетъ, — сказалъ Кирилка, наклоняя голову еще ниже.

«— Да нѣтъ, все таки ты читаешь. Ну, что же: какая польза отъ этого для тебя?

«— Пользы, оно, конечно, нѣтъ, чтобы, значитъ, прямо взять ее... Но ежели разсудить, то... учатъ, стало быть, въ пользу это имъ...

«— Кому—имъ?

«— Учителямъ, стало быть, земству, значитъ, и вообще»...

И тутъ мы наталкиваемся на протестъ.

Критика обвиняетъ Горькаго въ томъ, что онъ нарочно старается въ своихъ произведеніяхъ *унизить интеллигенцію* въ тѣхъ или другихъ дѣйствующихъ лицахъ. Такъ напр., онъ поступаетъ въ повѣсти «Варенька Олесова», гдѣ выставляетъ нѣкоего приватъ-доцента въ жалкомъ и глупомъ видѣ. Но если въ этомъ и есть тенденція, расходящаяся съ практикой въ одиночныхъ случаяхъ, то въ общемъ,—въ суммѣ своихъ наблюденій и своего отрицанія,—Горькій, какъ намъ кажется, вѣрно отмѣтилъ современную роль этой интеллигенціи. Не нужно терять изъ виду, что онъ въ своихъ описаніяхъ придерживается склада нашей современной жизни въ провинціи, и нѣтъ сомнѣнія, что роль интеллигенціи въ ней или очень слаба или далеко не отвѣчаетъ своему призванію. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно просмотрѣть въ газетахъ судебную или общественную хронику нашей провинціальной жизни... Сумма всѣхъ протестовъ и ощущеній, встрѣчающихся въ произведеніяхъ Горькаго, наводитъ именно на мысль, что наша жизнь лишена объединяющей цѣли, что нѣтъ въ ней «духа зиждительнаго»... «По твоему—говоритъ Коноваловъ—выходитъ, что пока тамъ все это опредѣляется, человѣкъ все также долженъ оставаться, какъ теперь... Нѣтъ, ты его сначала перестрой... Чтобы ему было свѣтло и тѣсно на землѣ — вотъ чего добивайся для человѣка. Научи его находить свою тропу»...

Цѣль писательства,—по мнѣнію Горькаго,—та, чтобы «вызвать въ человѣкѣ спасительный стыдъ и жгучее желаніе создать *иныя формы бытія*».

IV.

Прочитывая одно за другимъ произведенія М. Горькаго, мы убѣждаемся, что этотъ писатель принадлежитъ къ стану «писателей-борцовъ», сильно чувствующихъ и щедро одаренныхъ природою. Въ немъ не замѣтно ни усталости, ни душевной слабости. Рядомъ съ описаніемъ самыхъ низменныхъ реальныхъ сценъ, встрѣчаешь высокую и такую же реальную поэзію, навѣянную созерцаніемъ природы. Поля, лѣса, море, рѣки принимаютъ, въ описаніяхъ Горькаго, рельефность осязательныхъ художественныхъ картинъ. Особенно хорошо описываетъ онъ всегда Волгу, — эту жизненную артерію русской промышленности.

«Между ними величаво простерлась широкогрудая рѣка; без-

шумно, торжественно и неторопливо текутъ ея воды въ сознаніи своей неодолимой силы; горный берегъ отражается въ нихъ черной тѣнью, а съ лѣвой стороны ее украшаютъ золотомъ и зеленымъ бархатомъ песчаныя каймы отмелей и широкіе луга. То тутъ, то тамъ, по горѣ и въ лугахъ, являются селенія; солнце сверкаетъ на стеклахъ въ окнахъ избъ и на желтыхъ соломенныхъ крышахъ; сіяютъ въ зелени деревьевъ кресты церквей, лѣниво кружатся въ воздухѣ сѣрыя крылья мельницъ, дымъ отъ трубъ завода вьется въ небо густыми черными клубами. Толпы ребятишекъ, въ синихъ, красныхъ и бѣлыхъ рубашкахъ, стоя на берегу, провожаютъ громкими криками пароходъ, разбудившій тишину на рѣкѣ, и изъ-подъ колесъ его къ ногамъ дѣтей бѣгутъ веселыя волны и плещутъ на берегъ. Вотъ цѣлая куча ребятъ усѣлась въ лодку, и они спѣшно гребутъ на середину рѣки, чтобъ покачаться на волнахъ, какъ въ зыбкѣ. Изъ воды смотрятъ вершины деревьевъ, иногда цѣлыя купы ихъ затоплены разливомъ и стоятъ среди воды, какъ острова. Откуда-то съ берега тяжелымъ вздохомъ доносится заунывная пѣсня: — О-э... о-о-о ещо-о разокъ!..—Всюду блескъ воды, всюду просторъ и свобода, весело-зелены луга и ласково-ясно голубое небо; въ спокойномъ движеніи воды чуется сдержанная сила; въ небѣ надъ нею сіяетъ щедрое солнце мая, воздухъ напоенъ сладкимъ запахомъ хвойныхъ деревьевъ и свѣжей листвы. А берега все идутъ навстрѣчу, лаская глаза и душу своей красотой, и все новыя картины открываются на нихъ».

Такимъ описаніемъ Горькій несомнѣнно устанавливаетъ свое духовное родство съ великимъ художникомъ въ изображеніи русской природы—Гоголемъ. Но, тѣмъ не менѣе, невозможно найти въ русской литературѣ того образца, къ которому вплотную подошелъ бы Горькій. И въ этомъ заключается признакъ его большаго таланта, его самобытности. Его трудъ составляетъ уже теперь «человѣческій документъ», относящійся къ цѣлому классу людей, рожденныхъ при извѣстныхъ—не только этнографическихъ, но и соціальныхъ—условіяхъ матушки-Руси. Съ такой точки зрѣнія, этотъ трудъ, эти художественные наброски представляютъ огромный интересъ для изученія психологіи русскаго народнаго организма, какимъ представляется онъ теперь.

Говорятъ, что Горькій «идеализируетъ» описываемый имъ общественный слой. Мы этого не думаемъ. Безъ сомнѣнія, и среди этихъ людей есть «главари», есть и «быдло», какъ во всякомъ обществѣ. До нѣкоторой степени выведенные типы смахиваютъ болѣе на «интеллигентный пролетаріатъ», чѣмъ на подлинныхъ «босяковъ». Но кто можетъ ручаться, что оно не такъ въ дѣйствительности,

что ученье и свѣтъ не начинаютъ постепенно проникать съ верхушекъ въ глубокій народный слой? Разсказы Горькаго осѣтили внезапнымъ лучемъ тотъ «темный народъ», на который «интеллигенты» привыкли смотрѣть, какъ на бездушную, почти скотоподобную массу. Отсюда—и огромное впечатлѣніе этого откровенія своего рода. Будемъ надѣяться, что послѣдующая дѣятельность М. Горькаго внесетъ еще много новаго свѣта въ это темное царство съ происходящимъ въ немъ соціальнымъ броженіемъ, еще не уложившимся въ твердыя, опредѣленныя рамки и только дающимъ предчувствовать свой будущій нравственный обликъ...

А. Плетневъ.

Эдуардъ Дрюмонъ.

ЭДУАРДЪ ДРЮМОНЪ.

(Съ портретомъ).

Эдуардъ Дрюмонъ представляетъ собой одну изъ выдающихся политическихъ личностей современной Франціи. Депутатъ, ораторъ, писатель, основавшій, лѣтъ 12 тому назадъ, выдающуюся газету «La Libre Parole»,—онъ обязанъ одному себѣ своимъ виднымъ положеніемъ. Поэтому, не лишнимъ будетъ ближе познакомить читателей съ этимъ интереснымъ политическимъ дѣятелемъ.

Физически, Эдуардъ Дрюмонъ производитъ пріятное впечатлѣніе. Это — человѣкъ лѣтъ 50, цвѣтущаго вида, носящій бороду à la russe, и съ зачесанными назадъ пушистыми волосами. Наружностью онъ вообще напоминаетъ русскіе типы, встрѣчающіеся въ Москвѣ и въ центральной черноземной Россіи, въ купеческой и мѣщанской средѣ—типы, которыхъ еще не коснулось физическое и нравственное вырожденіе. Такихъ типовъ въ Петербургѣ не встрѣтишь. Это *цѣльныя натуры*, развившіяся въ здоровой средѣ, съ положительною задачею въ жизни и составляющія какъ бы антиподъ всѣмъ «гамлетовскимъ сомнѣніямъ». На лицѣ у такихъ людей можно прочесть спокойную увѣренность въ себѣ и непоколебимую вѣру въ положительныя стороны жизни. Такихъ людей не подцѣпишь ни на удочку дряблаго космополитизма, ни иными парадоксами и софизмами. Въ нашъ вѣкъ—и особенно въ Парижѣ—такія личности составляютъ положительно рѣдкость. Дрюмонъ напоминаетъ собой человѣка даже не XVIII или XVII столѣтія, а прямо XIII или XIV вѣка, когда процвѣтали рыцари и крестовые походы. Вся его дѣятельность основана на томъ убѣжденіи, что онъ, *прежде всего*, *французъ*, дитя любимой имъ Франціи, со всѣми ея качествами и недостатками. И онъ

требуетъ отъ другихъ признанія этого факта, не идя ни на какіе компромиссы. *Франція для французовъ* — вотъ его лозунгъ. Но въ наше время Европа настолько разъѣдена космополитизмомъ, что такое открытое признаніе человѣкомъ своихъ національныхъ симпатій подвергаетъ его не только глумленію, но и прямо враждебнымъ нападкамъ. Онъ — самородокъ на національной почвѣ: не республиканецъ и не монархистъ; онъ— убѣжденный, хотя совсѣмъ не фанатичный католикъ. Разочарованный во всѣхъ правленіяхъ Франціи, онъ хотѣлъ бы замѣнить всякое правленіе—*идеей*, начальство—*началомъ*,—иначе сказать, людей замѣнить принципами. Это представляетъ оригинальную черту его міросозерцанія. Онъ полагаетъ, что людямъ, чтобы быть счастливыми, совершенно достаточно тѣхъ принциповъ нравственности, которые даны религіей и культурой, и задача общества заключается только въ правильномъ примѣненіи и проведеніи въ жизнь этихъ принциповъ. Какое бы ни было правленіе, принципы общежитія остаются одинаковыми, и задача правителей,—какъ бы они ни назывались,— заключается въ распространеніи этихъ принциповъ. Поэтому Дрюмонъ одинаково нападаетъ и на людей,—христіане они или нѣтъ, — и на формы жизни, которыя кажутся ему вредными для его идеала общаго довольства и счастья. Идеалъ этотъ состоитъ *въ трудѣ, справедливости и религіи.* Но въ нашъ вѣкъ, за маской этихъ трехъ идеаловъ, скрывается столько лжи и зла, что нужно много проницательности и мужества, чтобы умѣть разоблачить эту ложь и это зло. Многіе представляютъ себѣ Дрюмона какимъ-то маньякомъ-жидоѣдомъ, котораго одно слово «жидъ» можетъ привести въ неистовство. Такое мнѣніе совершенно неправильно [1]). Онъ преслѣдуетъ евреевъ,

[1]) Къ слову сказать, нѣкоторые юдофильствующіе органы печати упрекали и нашъ журналъ въ этомъ „жидоѣдствѣ“, съ тѣмъ прибавленіемъ, что мы-де *подражаемъ Дрюмону*. Не имѣя надобности формулировать лишній разъ нашъ взглядъ на еврейство и его всесвѣтную эксплуататорскую роль, мы только напомнимъ, что нашъ журналъ возникъ *много ранѣе* газеты Дрюмона, и взглядъ редакціи на этотъ вопросъ, — сложившійся подъ вліяніемъ долговременнаго изученія исторіи и современнаго положенія талмудизма, — совпадаетъ съ тѣмъ мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, на которое откликомъ служатъ напечатанныя у насъ записки В. В. Григорьева и В. Я. Фукса. Мы не гоняемся ни за какимъ brevet d'invention въ рѣшеніи этого государственнаго вопроса, но справедливость требуетъ возстановить правильную хронологію. Ред.

какъ вредную политическую секту, олицетворяющую расовый эгоизмъ, ненависть и фанатизмъ. Онъ точно такие мечетъ громы и противъ *еврействующихъ христіанъ*, какъ противъ самихъ евреевъ; здѣсь вопросъ въ принципѣ, а не въ личностяхъ. Сосредоточеніе денегъ,—самаго могучаго рычага нашего времени,—въ рукахъ жидовъ, ненавидящихъ христіанъ, представляется ему фактомъ въ высшей степени опаснымъ для всей нравственной жизни общества. Еслибы евреи, подобно христіанамъ, воспользовались своимъ благосостояніемъ, чтобы *основать свое государство на принципахъ труда и религіи*, на которыхъ зиждется христіанское общество, — эта бѣда была бы не велика. Но принципъ существованія еврейскаго элемента среди христіанскаго можетъ быть обозначенъ однимъ словомъ— **эксплуатаціей**: въ ней — и цѣль, и средство существованія. Достиженіе богатства евреями никогда не проявляется какимъ нибудь благимъ начинаніемъ въ общественномъ смыслѣ. Деньги пріобщаются къ деньгамъ—и въ этомъ весь результатъ ихъ лихорадочнаго и безплоднаго толченія воды въ ступѣ. Если они попутно способствуютъ какому нибудь благому начинанію, то только потому, что это начинаніе принесетъ имъ еще большую *матерьяльную выгоду*. Въ этикѣ жида совершенно отсутствуетъ принципъ — *дѣлать добро для добра*. Въ его умѣ, на этотъ счетъ, совершенный пробѣлъ: «яма»—какъ признаетъ даже Золя; онъ подыметъ васъ на смѣхъ, если вы заикнетесь объ этомъ. Отсюда его развращающее дѣйствіе въ правильномъ развитіи общества. Взгляните и на частную жизнь евреевъ, даже богатыхъ. Вы думаете, что они очень пользуются тѣмъ комфортомъ и наслажденіемъ, которые даются деньгами? Никогда. Масса евреевъ-милліонеровъ живутъ скаредно и бѣдно, и богатство у нихъ, большею частью, только на показъ. Еврей до самой смерти думаетъ о томъ, какъ бы еще разбогатѣть. Понятно, что ему нѣтъ ни охоты, ни времени *остановиться* и наслаждаться тѣмъ, что онъ уже пріобрѣлъ, или дать другимъ эту возможность. Этотъ принципъ гарантируетъ ихъ отъ разоренія и способствуетъ тому огромному росту ихъ финансоваго благосостоянія, которому былъ свидѣтелемъ кончившійся вѣкъ, когда такъ развилась быстрая система наживы посредствомъ банковыхъ и биржевыхъ оборотовъ. Самъ Ротшильдъ живетъ очень скаредно, и всѣ его дворцы и дома представляютъ собой холодный, без-

душный стиль какихъ-то необитаемыхъ жилищъ... *Такова обратная сторона вліянія одной денежной спекуляціи на человѣческую душу.* Деньги, возведенныя на высоту идолопоклонства (настоящій «золотой телецъ»!) — самый безчеловѣчный богъ. Быть можетъ, не было болѣе несчастнаго человѣка, какъ не такъ давно скончавшійся милліонеръ баронъ Гиршъ. Не смотря на свое феноменальное богатство, онъ совсѣмъ не имѣлъ друзей, а видѣлъ повсюду однихъ льстецовъ и эксплуататоровъ. У него былъ единственный сынъ, котораго онъ проклялъ и лишилъ наслѣдства за то, что этотъ сынъ полюбилъ *бѣдную дѣвушку*, на которой женился. Покинутый всѣми, пресыщенный матерьяльными удовольствіями, онъ думалъ найти счастье въ почестяхъ, которыя даются деньгами. Но и тутъ ошибся. Ротшильды отъ него отвернулись, считая его простымъ «выскочкой» (сами-то они не выскочки!) и онъ умеръ, испытавъ всѣ горечи жизни... Задуманное имъ переселеніе соплеменниковъ въ Аргентину породило для него только кучу непріятностей. Таково проклятіе, приносимое съ собою деньгами, когда *они не выражаютъ собою ничего иного, какъ минеральную гору золота.* И таковъ вездѣ принципъ еврейскаго элемента среди христіанъ, съ которыми талмудизмъ не позволяетъ имъ смѣшиваться въ быту и нравственныхъ убѣжденіяхъ! Понятно, что тутъ есть ненормальность, столь же тяжкая для евреевъ, какъ и для самихъ христіанъ. Указывать на нее не есть, конечно, признакъ нетерпимости или ретроградства; но— какъ и говоритъ Дрюмонъ — евреи должны бы быть ему благодарны, что *онъ предупреждаетъ ихъ о возможныхъ репрессаліяхъ.* Но, вмѣсто того чтобы прогрессировать, измѣнить принципы своего существованія, жиды желали бы *искалѣчить самый бытъ христіанъ*, ихъ нравы, и заставить преклониться предъ одною денежной силой. Для достиженія этого, евреи—по завѣту Мозе Монтефіоре—овладѣваютъ мало-по-малу прессой всего свѣта, чтобы такимъ способомъ добиться своей цѣли. Самый законный патріотизмъ они обзываютъ «ретроградствомъ» на своемъ фальсифицированномъ языкѣ, а отсутствіе всякихъ нравственныхъ принциповъ получаетъ аттестацію просвѣщеннаго «либерализма»! Близорукіе люди попадаются на эту удочку и кричатъ о «терпимости», «о правахъ человѣка» въ то самое время, когда настоящіе обскуранты и

фанатики сдираютъ съ нихъ шкуру. Выходитъ даже комично. Гдѣ же онъ, этотъ еврейскій «либерализмъ», гдѣ она, еврейская «терпимость»?! Въ избіеніи своихъ «протестантовъ», что ли, или въ ограбленіи всего трудящагося класса въ государствѣ?

Въ антагонизмѣ жидовъ и христіанъ терпимость, конечно, находится всецѣло на сторонѣ христіанъ и обвинять ихъ въ фанатизмѣ—дикая несправедливость, если не «хитрая уловка», имѣющая цѣлью предупредить заслуженное обвиненіе. Стоитъ замѣтить, что всѣ знаменитые люди изъ евреевъ,—какъ напр., Гейне и другіе,—фатально должны были отвернуться отъ своихъ единовѣрцевъ и примкнуть къ болѣе широкимъ христіанскимъ идеаламъ.

Вѣдь Гейне, говоря о силѣ и величіи Святаго Духа христіанъ, характеризовалъ его этими великолѣпными строфами:

«Онъ свершилъ большія чуда
И свершаетъ ихъ всегда,—
Разорвалъ онъ цѣпи рабства,
Сбилъ тирановъ города...

. . . . . .

Злую тьму онъ разсѣваетъ,
Духовъ темныхъ гонитъ прочь,
Что любовь и радость нашу
Отравляютъ день и ночь»!

А талмудизмъ—это древнее *фарисейство* евангелія—именно и принадлежитъ къ самымъ злымъ и «темнымъ духамъ» вавилонско-халдейскихъ временъ...

Таковы убѣжденія Эдуарда Дрюмона [1]). Нужно прибавить къ этой характеристикѣ, что, какъ стилистъ, онъ признаётся чуть ли не первымъ во Франціи. Онъ рѣзокъ,

---

[1]) Въ своемъ предисловіи къ книгѣ: «Le Juif salon le Talmud», Дрюмонъ писалъ, между прочимъ: «Талмудъ уже запечатлѣнъ въ мозгу жидовъ по закону наслѣдственности; онъ есть *умственное наслѣдіе*, завѣщанное безчисленнымъ множествомъ поколѣній, которыя сохли и блѣднѣли надъ изученіемъ этихъ правилъ и успѣли воплотить ихъ въ себѣ. *Жиды проникнуты, пресыщены своимъ талмудомъ*; они обязаны ему не только идеей *о превосходствѣ своемъ надъ всѣмъ человѣчествомъ*, — что дѣлаетъ ихъ столь сильными, — но также тѣмъ *полнѣйшимъ отсутствіемъ* всякаго *моральнаго чувства*, всякаго различія добра отъ зла, которое почти обезоруживаетъ васъ: *до такой степени оно прирожденно и непосредственно у жида*». (См. «Государство въ государствѣ», стр. 113).

но не нагъ, откровененъ, но не циниченъ; онъ пользуется шуткой, не доходя до «blague». Его «передовыя» всегда содержательны, потому что онъ ясно сознаётъ, чего хочетъ, а то, чего онъ добивается, умѣренно и разумно:—это сохраненіе *«индивидуальности» Франціи, въ лучшемъ смыслѣ слова*, и защита честнаго рабочаго класса противъ покушеній на его имущество со стороны жидовской биржевой плутократіи. Въ личной манерѣ обращаться съ людьми онъ сохранилъ лучшія традиціи французской общительности. Въ Эдуардѣ Дрюмонѣ есть еще одна черта, которая должна вызывать къ нему особенную симпатію русской публики: онъ всегда былъ и остается горячимъ сторонникомъ франко-русскаго союза, какъ политической и нравственной солидарности двухъ великихъ и достойныхъ другъ друга народовъ.

Сильна, какъ смерть.

Романъ Гюи де-Мопассана.

Часть первая.

I.

Свѣтъ падалъ въ большую мастерскую сквозь открытое окно въ потолкѣ. Оно представляло громадный четырехъугольникъ сверкающаго голубаго свѣта, — свѣтлое отверстіе, выходившее на далекую безконечность лазури, по которой мелькали стаи пролетавшихъ птицъ.

Но, едва проникнувъ въ высокую, строгую и задрапированную комнату, радостный небесный свѣтъ убавлялся, смягчался, засыпалъ на матеріяхъ, умиралъ въ портьерахъ, едва освѣщая темные углы, гдѣ однѣ золотыя рамы загорались огнями. Покой и сонъ, казалось, пріютились здѣсь, — покой дома художника, гдѣ работала человѣческая душа. Въ этихъ стѣнахъ, гдѣ обитаетъ мысль, гдѣ эта мысль волнуется, изнуряется въ страстныхъ усиліяхъ, — все кажется утомленнымъ, подавленнымъ, какъ только ея работа утихнетъ. Все кажется мертвымъ послѣ этихъ порывовъ жизни; и все отдыхаетъ:— мебель, матеріи, великіе люди, недоконченные на полотнѣ, какъ будто все жилище страдало отъ утомленія хозяина и работало съ нимъ, принимая каждый день участіе въ его, все возобновляющейся, борьбѣ. Неопредѣленный, усыпляющій запахъ табаку, масляныхъ красокъ и терпентина носился въ комнатѣ, задержанный коврами и креслами. Никакой другой шумъ не нарушалъ тяжелаго безмолвія, кромѣ короткаго и веселаго щебетанья ласточекъ, проносившихся мимо открытаго окна, и тягучаго смутнаго гула Парижа, едва долетавшаго сюда черезъ

крыши домовъ. Ничто не двигалось, кромѣ поднимавшагося отъ времени до времени маленькаго голубаго облачка, которое Оливье Бертѣнъ, растянувшись на своемъ диванѣ, медленно посылалъ къ потолку.

Устремивъ взглядъ въ далекое небо, онъ искалъ сюжета для новой картины. Что онъ напишетъ? Онъ и самъ не зналъ. Къ тому же онъ не былъ художникомъ рѣшительнымъ и увѣреннымъ въ себѣ, а былъ человѣкомъ неспокойнымъ; его нерѣшительное вдохновеніе постоянно колебалось между всѣми проявленіями искусства. Богатый, извѣстный, достигшій всѣхъ почестей, онъ, на склонѣ своей жизни, все же оставался человѣкомъ, не знающимъ навѣрно, къ какому идеалу онъ стремится. Онъ получилъ премію, былъ защитникомъ традицій и изобразителемъ великихъ сценъ исторіи; потомъ, подчиняя модѣ свои тенденціи, онъ писалъ живыхъ людей. Умный, восторженный, упорный работникъ съ богатымъ воображеніемъ, влюбленный въ свое искусство и отлично его изучившій, онъ пріобрѣлъ, благодаря тонкости своего ума, замѣчательныя достоинства въ исполненіи и большую гибкость таланта, порожденную отчасти его колебаніями и попытками во всѣхъ жанрахъ живописи. Быть можетъ, также внезапное пристрастіе свѣта къ его изящнымъ произведеніямъ повліяло на его натуру, не давъ ему сдѣлаться такимъ, какимъ онъ сталъ бы, предоставленный самому себѣ. Послѣ тріумфальнаго дебюта, желаніе постоянно нравиться безотчетно волновало его, тайно измѣняя его направленіе и убѣжденія. Это желаніе *нравиться*, къ тому же, проявлялось у него подъ всѣми видами и много содѣйствовало его славѣ. Его хорошія манеры, всѣ привычки жизни, заботы, которыми онъ окружалъ себя, его репутація сильнаго и ловкаго человѣка, искуснаго въ фехтованіи и отличнаго наѣздника—составляли выгодный аксесуаръ къ его возраставшей славѣ. Послѣ «Клеопатры», — первой прославившей его картины,—Парижъ внезапно влюбился въ него, усыновилъ его, ухаживалъ за нимъ, такъ что онъ сразу сдѣлался однимъ изъ тѣхъ блестящихъ свѣтскихъ художниковъ, которыхъ встрѣчаешь въ паркахъ и которыхъ оспариваютъ другъ у друга салоны. Онъ вошелъ въ нихъ побѣдителемъ, сопровождаемый одобреніемъ всего города. Счастье сопровождало его такимъ образомъ до приближающейся старости, лаская и балуя.

Подъ вліяніемъ прекраснаго дня, — прелесть котораго ощущалъ даже здѣсь, въ мастерской, — онъ искалъ поэтическаго сюжета. Немного усыпленный сигарой и завтракомъ, онъ мечталъ, устремивъ взоръ въ пространство, набрасывая на лазури подвижныя фигуры: — граціозныхъ женщинъ въ аллеѣ парка или на тротуарѣ улицы, влюбленныхъ на берегу ручья и тому подобные изящные образы, которые любила создавать его фантазія. Эти быстро мѣнявшіяся картины вырисовывались на лазури, смутныя и подвижныя подъ властью его устремленнаго къ небу взора; а ласточки, разсѣкавшія воздухъ непрерывнымъ полетомъ, какъ пущенныя стрѣлы, казалось, хотѣли стереть ихъ своими перьями.

Онъ не находилъ ровно ничего! Всѣ мелькавшія передъ нимъ фигуры походили на тѣ, что онъ уже писалъ когда-то; всѣ появлявшіяся женщины были дочерьми или сестрами тѣхъ, которыхъ уже подарилъ свѣту его художническій капризъ. Страхъ, еще пока смутный, преслѣдовавшій его уже около года, — что онъ истощился, что не найдетъ больше новаго сюжета, что вдохновеніе въ немъ изсякло, — этотъ страхъ дѣлался все опредѣленнѣе, при безсиліи вообразить себѣ что нибудь новое, открыть неизвѣстное.

Онъ поднялся, чтобы поискать въ своихъ папкахъ, между оставленными проэктами картинъ, что нибудь, что возбудило бы въ немъ новую идею.

Продолжая курить, онъ началъ перелистывать эскизы, наброски, рисунки, которые хранилъ въ большомъ старинномъ шкафу; потомъ, быстро соскучившись напраснымъ исканьемъ, нравственно разбитый, онъ отбросилъ свою сигару и, насвистывая модный мотивъ, нагнулся и поднялъ подъ стуломъ валявшуюся тамъ тяжелую гирю.

Приподнявъ другой рукой драпировку, закрывавшую зеркало, служившее ему для контролированія вѣрности позъ и провѣрки перспективы, онъ сталъ противъ него и, вглядываясь въ свою фигуру, началъ жонглировать. Онъ былъ извѣстенъ въ гимнастическихъ залахъ своею силою, а въ свѣтѣ — своею красотою. Лѣта теперь тяготѣли надъ нимъ, дѣлая его тяжелѣе. Большаго роста, широкоплечій, съ выпуклой грудью, онъ обладалъ уже довольно выдающимся животомъ, не смотря на то, что продолжалъ фехтовать каждый день и прилежно ѣздилъ

верхомъ. Голова его по прежнему оставалась замѣчательно красивой, хотя и она подверглась измѣненію. Бѣлые волосы, густые и короткіе, оживляли его черные глаза подъ густыми сѣдыми бровями. Его густые усы, — усы стараго солдата,— остались почти черными и придавали его лицу особенный характеръ энергіи и гордости.

Стоя передъ зеркаломъ и сдвинувъ пятки, онъ выпрямился во весь ростъ, заставляя чугунную гирю продѣлывать всевозможныя, предписанныя гимнастикой, движенія. При этомъ онъ вытягивалъ свою мускулистую руку и съ удовольствіемъ слѣдилъ за ея спокойнымъ и могучимъ усиліемъ.

Но вдругъ, въ глубинѣ зеркала, въ которомъ отражалась вся мастерская, онъ увидѣлъ, какъ заколыхалась одна изъ портьеръ, за которой появилась головка женщины,—только одна головка, смотрѣвшая на него.

— Вы здѣсь?—спросилъ женскій голосъ за его спиной.

Онъ отвѣчалъ: «здѣсь», обратившись къ ней. Потомъ, бросивъ свою гирю на коверъ, подбѣжалъ къ двери съ немного дѣланной гибкостью. Вошла женщина въ свѣтломъ туалетѣ. Они пожали другъ другу руки.

— Вы упражнялись?—сказала она.

— Да, я рисовался, и вы захватили меня врасплохъ.

Она засмѣялась.

— Комната вашего швейцара была пуста, — продолжала она,—и такъ какъ я знаю, что вы всегда одни въ этотъ часъ, то и вошла безъ доклада.

Онъ посмотрѣлъ на нее.

— Боже, какъ вы хороши! Какой шикъ!

— Да, у меня новое платье. Нравится оно вамъ?

— Прелестно, очень гармонично. Въ настоящее время можно сказать, что люди обладаютъ чувствомъ оттѣнковъ.

Онъ вертѣлся вокругъ нея, трогалъ матерію, измѣнялъ, концами пальцевъ, складки платья, съ видомъ человѣка, изучившаго женскій туалетъ, какъ портной, и употребившаго въ продолженіе всей жизни свою артистическую мысль на то, чтобы изображать тонкими волосиками своихъ кистей измѣнчивыя и нѣжныя моды, открывать женскую грацію, заключенную въ бархатныхъ и шолковыхъ доспѣхахъ или подъ снѣжными кружевами.

— Очень удачно,—наконецъ, объявилъ онъ.—Платье вамъ очень идетъ.

Она позволяла ему восхищаться собой, радуясь тому, что была такою хорошенькою и нравилась ему.

Уже не очень молодая, но свѣжая той свѣжестью, которая придаетъ сорокалѣтнему тѣлу сочность зрѣлости, она походила на одну изъ тѣхъ розъ, которыя распускаются безконечно, пока, наконецъ, достигнувъ окончательнаго расцвѣта, не опадутъ въ одинъ часъ.

Подъ своими бѣлокурыми волосами она сохраняла живую и юную грацію парижанокъ, которыя не старѣютъ и носятъ въ себѣ поразительную жизненную силу, неисчерпаемый запасъ сопротивленія, и которыя въ продолженіи двадцати лѣтъ остаются все тѣми же неразрушимыми и торжествующими, заботясь прежде всего о своемъ тѣлѣ и сберегая больше всего свое здоровье. Она подняла вуаль.

— Что же?—прошептала она,—вы не хотите меня поцѣловать?

— Я курилъ,—отвѣчалъ онъ.

Она сдѣлала презрительную гримаску. Потомъ, протягивая ему губы, прибавила:—тѣмъ хуже.

Ихъ губы встрѣтились. Онъ взялъ ея зонтикъ и снялъ съ нея весеннюю кофточку быстрымъ и ловкимъ движеніемъ, привычнымъ къ этому интимному маневру. Когда она усѣлась на диванѣ, онъ спросилъ ее съ участіемъ:

— Вашъ мужъ здоровъ?

— Совершенно. Онъ даже долженъ говорить въ палатѣ въ настоящую минуту.

— А! О чемъ же?

— Вѣроятно, о свекловицѣ или о маслѣ изъ полевой рѣпы, какъ всегда.

Ея мужъ, графъ де-Гиллеруа,—депутатъ эрскаго департамента,—избралъ своей спеціальностью земледѣльческіе вопросы. Замѣтивъ въ углу эскизъ, котораго еще не видала, она подошла къ нему.

— Что это такое? — спросила она.

— Пастель, которую я началъ, портретъ княгини де-Понтевъ.

— Знаете,—сказала она серьезно,—если вы снова начнете

рисовать женскіе портреты, я закрою вашу мастерскую. Я слишкомъ хорошо знаю, куда ведетъ эта работа.

— О!—промолвилъ онъ. — Два раза не напишешь портрета Ани.

— Надѣюсь.

Она смотрѣла на пастель съ видомъ женщины, понимающей искусство. Она удалялась, приближалась, прикладывала руку къ глазамъ, искала мѣста, откуда эскизъ освѣщался лучше всего; потомъ объявила себя удовлетворенной.

— Очень хорошо. Вамъ очень удается пастель.

— Вы находите?—пробормоталъ онъ, польщенный.

— Да, для этихъ нѣжныхъ красокъ надо имѣть много изящнаго вкуса. Онѣ не для каменьщиковъ живописи.

Вотъ уже двѣнадцать лѣтъ, какъ она настаивала на этомъ, боролась противъ возвращенія художника къ грубой реальности и нѣжно толкала его къ «идеалу граціи», немного жеманной и поддѣльной.

— Какова эта княгиня?—спросила она.

Онъ долженъ былъ разсказать ей всевозможныя подробности, тѣ мельчайшія подробности, возбуждающія ревнивое и проницательное любопытство женщинъ, переходя отъ замѣчаній относительно туалета къ разсужденіямъ объ умѣ княгини.

— Она кокетничаетъ съ вами?—спросила она вдругъ.

Онъ засмѣялся и поклялся, что нѣтъ.

Тогда, положивъ обѣ руки на плеча живописца, она пристально посмотрѣла на него. Страстность вопроса заставляла дрожать круглые зрачки ея глазъ среди синей радуги, испещренной едва видимыми точками, похожими на мелкія чернильныя брызги.

— О! это правда?—снова прошептала она.

— Впрочемъ, я спокойна,—прибавила она. Вы никого теперь не будете любить, кромѣ меня. Все кончено, кончено для другихъ! Поздно, мой бѣдный другъ.

Его сердце болѣзненно сжалось, какъ это случается съ мужчинами въ зрѣломъ возрастѣ, когда имъ напоминаютъ объ ихъ лѣтахъ.

— Сегодня, завтра, какъ и вчера, не было и не будетъ никого въ моей жизни, кромѣ васъ,—прошепталъ онъ.

Она взяла его подъ руку и, возвращаясь къ дивану, заставила сѣсть возлѣ себя.

— О чемъ вы думали?

— Я ищу сюжета для картины.

— Какого же?

— Не знаю; вѣдь я сказалъ, что ищу.

— Что вы дѣлали всѣ эти дни?

Онъ долженъ былъ разсказать о всѣхъ визитахъ, которые принималъ, обо всѣхъ обѣдахъ и вечерахъ, разговорахъ и свѣтскихъ сплетняхъ. Къ тому же они оба интересовались всѣми этими пустыми и обычными принадлежностями свѣтской жизни. Маленькія соперничества, связи, извѣстныя или подозрѣваемыя; сужденія, совсѣмъ готовыя, тысячу разъ повторенныя, тысячи разъ слышанныя о тѣхъ же личностяхъ, тѣхъ же случаяхъ и тѣхъ же мнѣніяхъ, увлекали и погружали ихъ умы въ тотъ мутный и волнующійся потокъ, который называютъ «парижской жизнью». Зная всѣ слои общества, онъ, какъ художникъ, передъ которымъ открывались всѣ двери, она, какъ элегантная жена депутата-консерватора, — оба они были опытны въ томъ спортѣ французской болтовни, тонкой, банальной, любезно-недоброжелательной, безполезно-остроумной, вульгарно-изящной, придающей особую завидную для многихъ репутацію тѣмъ, кто изощрился въ этой злословящей болтовнѣ.

— Когда вы придете ко мнѣ обѣдать? — спросила она вдругъ.

— Когда хотите. Назначьте день.

— Въ пятницу. У меня будутъ обѣдать герцогиня де-Мортеменъ, Корбели и Мюзадьѣ, въ честь возвращенія моей дѣвочки, которая пріѣдетъ сегодня вечеромъ. Но не говорите никому. Это тайна.

— О! конечно, я согласенъ. Я буду въ восхищеніи опять увидѣть Annette. Я не видалъ ея уже три года.

— Правда: уже три года!

Воспитанная сначала въ Парижѣ у своихъ родителей, Annette сдѣлалась послѣдней и страстной привязанностью своей бабушки, мадамъ Парадинъ, которая, почти слѣпая, постоянно жила въ помѣстьѣ своего зятя, замкѣ Ронсьеръ, въ эрскомъ департаментѣ. Понемногу старуха все больше и

больше задерживала ребенка при себѣ, и такъ какъ графъ и графиня де-Гиллеруа проводили почти половину своей жизни въ этомъ помѣстьѣ ради различныхъ земледѣльческихъ и избирательныхъ интересовъ, то дѣвочку стали возить въ Парижъ только отъ времени до времени, тѣмъ болѣе, что она предпочитала свободную и полную движенія жизнь въ деревнѣ замкнутой жизни въ городѣ.

Въ продолженіе трехъ лѣтъ, она совсѣмъ даже не пріѣзжала въ городъ, такъ какъ графиня предпочитала совсѣмъ удалить ее отъ Парижа, чтобы не возбудить въ ней новыхъ вкусовъ до дня ея вступленія въ свѣтъ. Графиня де-Гиллеруа дала ей двухъ очень образованныхъ гувернантокъ и участила свои поѣздки къ матери и дочери. Пребываніе Annette въ замкѣ къ тому же сдѣлалось почти необходимымъ, вслѣдствіе пребыванія тамъ старухи.

Прежде Оливье Бертинъ каждое лѣто проводилъ шесть недѣль или два мѣсяца въ замкѣ Ронсьеръ, но уже въ продолженіе трехъ лѣтъ ревматическія боли заставляли его отправляться на отдаленныя минеральныя воды, которыя съ такой силой пробуждали въ немъ любовь къ Парижу, что онъ не рѣшался опять его оставить, разъ вернувшись туда.

Молодая дѣвушка должна была собственно вернуться только осенью, но въ умѣ ея отца внезапно возникъ проэктъ замужства для нея и онъ вызывалъ дочь въ Парижъ, чтобъ она тотчасъ же встрѣтилась съ тѣмъ, кого ей назначали въ мужья, а именно съ маркизомъ де-Фарандаль. Эта комбинація, впрочемъ, держалась въ большой тайнѣ и только одному Оливье Бертину графиня довѣрила ее.

— Такъ рѣшеніе вашего мужа окончательное? — спросилъ онъ.

— Да, и я даже нахожу эту мысль счастливой.

Потомъ она заговорила о другомъ, вернулась къ живописи и хотѣла убѣдить его написать Христа. Онъ отказывался, говоря, что такихъ картинъ уже слишкомъ много разсѣяно по свѣту; но она настаивала и теряла терпѣніе.

— О! еслибъ я умѣла писать, я показала бы вамъ мою мысль; это было бы очень ново, очень смѣло. Его снимаютъ съ креста и человѣкъ, освобождавшій руки, роняетъ всю верхнюю часть тѣла. Онъ падаетъ на толпу, которая под-

нимаетъ руки, чтобы принять и поддержать его. Вы понимаете?

Да, онъ понималъ, онъ даже находилъ эту мысль оригинальной, но чувствовалъ себя въ «модномъ настроеніи», и такъ какъ его подруга прилегла на диванѣ, спустивъ одну ногу, обутую въ тонкій башмакъ и дававшую глазу ощущеніе тѣла сквозь прозрачный чулокъ, онъ внезапно воскликнулъ:

— Вотъ, вотъ, что надо писать; вотъ жизнь: женская ножка, выглядывающая изъ-подъ платья! Въ нее все можно вложить — истину, желаніе, поэзію. Ничего не можетъ быть милѣе и граціознѣе женской ножки. Какая тайна слѣдуетъ за ней: вся нога, скрытая, потерявшаяся и угадываемая подъ этой матеріей!..

Сѣвъ на полъ по турецки, онъ схватилъ башмакъ и снялъ его; нога, освобожденная изъ своего кожанаго футляра, задвигалась, какъ маленькое подвижное животное, удивленное полученной свободой.

— Какъ это тонко!—повторялъ Бертинъ, — изящно и матерьяльно, болѣе матерьяльно, чѣмъ рука. Покажите вашу руку, Ани!

На ней были длинныя перчатки, доходившія до локтя. Чтобы снять одну изъ нихъ, она взяла ее за край и быстро вывернула, какъ кожу, которую сдираютъ со змѣй. Появилась рука, бѣлая, полная, круглая, такъ быстро обнаженная, что порождала мысль о совершенной наготѣ. Она протянула руку, свѣсивъ ее съ дивана. Кольца блестѣли на ея бѣлыхъ пальцахъ, а розовые, очень тонкіе, ногти казались когтями, выросшими на этой маленькой женской лапкѣ.

Оливье Бертинъ медленно перебиралъ пальцы, любуясь ими. Онъ заставлялъ ихъ двигаться, какъ игрушки изъ живаго тѣла, приговаривая:

— Какая смѣшная вещица! Какая смѣшная вещица! Какой миленькій, маленькій членъ, умный и ловкій, умѣющій производить все, что̀ угодно — книги, кружева, дома, пирамиды, локомотивы, пирожное или ласки, которыя составляютъ лучшую часть его обязанностей.

Онъ снималъ кольца одно за другимъ; и когда наступила очередь обручальнаго кольца,—простаго золотаго обручика,— онъ прошепталъ, улыбаясь:

— Законъ... Преклонимся!

— Глупышъ!—сказала она, слегка оскорбленная.

У него всегда былъ насмѣшливый умъ,—эта французская склонность примѣшивать легкую иронію къ самымъ серьезнымъ чувствамъ, — и часто онъ огорчалъ ее нехотя, не умѣя различать тонкихъ женскихъ оттѣнковъ и границы «священныхъ тайниковъ», какъ онъ выражался. Она особенно сердилась каждый разъ, когда онъ начиналъ говорить съ оттѣнкомъ фамильярной насмѣшки объ ихъ продолжительной связи, которая,—какъ утверждалъ онъ,—могла служить лучшимъ примѣромъ любви девятнадцатаго вѣка.

— Вы повезете меня съ Annette на «vernissage»? [1])—спросила она послѣ нѣкотораго молчанія.

— Конечно.

Она начала разспрашивать его о лучшихъ картинахъ будущаго Салона, открытіе котораго должно было наступить черезъ двѣ недѣли.

Вдругъ, вспомнивъ о какомъ-то забытомъ дѣлѣ, она воскликнула:

— Ну, отдайте же мнѣ башмакъ. Я ухожу.

Онъ задумчиво игралъ легкимъ башмачкомъ, вертя его со всѣхъ сторонъ въ своихъ разсѣянныхъ рукахъ. Онъ нагнулся, поцѣловалъ ножку,—которая, казалось, витая между платьемъ и ковромъ, немного похолодѣла на воздухѣ,—и надѣлъ на нее башмакъ. Графиня де-Гиллеруа встала и подошла къ столу, на которомъ валялись разныя бумаги и письма, возлѣ чернильницы, въ которой, по обыкновенію художниковъ, уже засохли чернила. Она осматривала все любопытнымъ взглядомъ, трогала листы, поднимала ихъ, чтобы видѣть, что́ лежитъ подъ ними.

— Вы разстроите мой безпорядокъ, Ани, — сказалъ онъ, подходя къ ней.

— Кто этотъ господинъ, желающій купить вашихъ «Купальщицъ»?—спросила она, не отвѣчая ему.

— Американецъ, котораго я вовсе не знаю.

— Вы согласились уже относительно «Уличной пѣвицы»?

— Да. Десять тысячъ.

---

[1]) Первый день выставки картинъ въ Парижѣ (Салонъ).

— Хорошо сдѣлали. Она была мила, но ничего особеннаго. Прощайте, милый.

Она протянула ему щеку, которой онъ коснулся спокойнымъ поцѣлуемъ. Графиня исчезла за портьерой, проговоривъ вполголоса:

— Въ пятницу, въ восемь часовъ. Я не хочу, чтобы вы меня провожали. Вѣдь вы это знаете. Прощайте.

Когда она ушла, онъ снова закурилъ сигару; потомъ медленными шагами сталъ прохаживаться по мастерской. Все прошлое этой связи развертывалось передъ нимъ. Онъ вспоминалъ далекія исчезнувшія подробности, вызывалъ ихъ въ своей памяти, соединяя въ непрерывную цѣпь и интресуясь даже наединѣ своей погоней за воспоминаніями.

Это случилось въ тотъ моментъ, когда онъ, какъ новая планета, только что поднялся надъ горизонтомъ артистическаго Парижа; когда живописцы завладѣли всей благосклонностью публики и населяли кварталъ великолѣпными отелями, пріобрѣтенными за нѣсколько штриховъ кисти.

Бертинъ, вернувшись изъ Рима въ 1864 г., оставался нѣсколько лѣтъ безъ успѣховъ и славы; потомъ вдругъ, въ 1868 г., онъ выставилъ свою «Клеопатру»—и въ нѣсколько дней былъ вознесенъ до небесъ и критикой, и публикой.

Въ 1872 г. послѣ войны, послѣ того, какъ смерть Анри Ренью подняла всѣхъ его собратій на какой-то пьедесталъ славы, его «Іокаста»,—вещь очень смѣлая,—поставила Бертина въ ряды дерзновенныхъ, хотя его умно-оригинальное исполненіе понравилось даже академикамъ. Въ 1873 г. первая медаль поставила его внѣ конкурса съ «Еврейкой изъ Алжира», которую онъ представилъ публикѣ по возвращеніи изъ путешествія по Африкѣ; а портретъ принцессы де-Саліа въ 1874 г. доставилъ ему въ бомондѣ репутацію перваго портретиста своей эпохи. Съ этого дня онъ сдѣлался любимымъ живописцемъ парижанокъ, самымъ ловкимъ и остроумнымъ истолкователемъ ихъ граціи, фигуры и характера. Въ нѣсколько мѣсяцевъ всѣ самыя выдающіяся женщины Парижа просили о чести быть воспроизведенными его кистью. Онъ соглашался не легко и заставлялъ себѣ дорого платить.

Такъ какъ онъ былъ въ модѣ и дѣлалъ визиты, какъ и всякій обыкновенный свѣтскій человѣкъ, то увидѣлъ однажды

у герцогини де-Мортеменъ молодую женщину въ глубокомъ траурѣ, выходившую въ то время, какъ онъ входилъ. Эта встрѣча въ рамкѣ двери ослѣпила его, какъ граціозное видѣнье.

Спросивъ ея имя, онъ узналъ, что ее звали графиней де-Гиллеруа, что она была женой нормандскаго дворянина, агронома и депутата, и носила трауръ по отцѣ своего мужа. Она была умна; ею очень восхищались и добивались ея знакомства.

— А! вотъ женщина, портретъ которой я бы охотно написалъ! — воскликнулъ онъ, взволнованный этимъ видѣніемъ, обольстившимъ его артистическій глазъ. Эта фраза на другой же день была передана молодой женщинѣ и въ тотъ же вечеръ онъ получилъ надушенную записочку на голубоватой бумагѣ, исписанной правильнымъ и тонкимъ почеркомъ, немного поднимавшимся слѣва направо. Записка эта гласила слѣдующее: «Милостивый Государь. Герцогиня де-Мортеменъ только что была у меня и увѣрила, что вы расположены воспользоваться моей бѣдной особой для одного изъ вашихъ чудныхъ произведеній. Я охотно довѣрилась бы вамъ, еслибъ знала, что вы говорили серьезно и дѣйствительно видите во мнѣ нѣчто достойное быть воспроизведеннымъ и идеализированнымъ вами. Примите, милостивый государь, увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи. Анна де-Гиллеруа».

Онъ отвѣчалъ вопросомъ: когда ему будетъ позволено явиться къ графинѣ? и былъ очень просто приглашенъ завтракать въ слѣдующій же понедѣльникъ. Она жила въ бель-этажѣ на бульварѣ Малербъ, въ большомъ и роскошномъ домѣ. Пройдя черезъ гостинную, обтянутую голубымъ шолкомъ въ рамкахъ изъ бѣлаго дерева съ золотомъ, живописецъ вошелъ въ будуаръ, обитый свѣтлыми кокетливыми тканями à la Watteau, самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, съ граціозными сюжетами, которые, казалось, были задуманы и исполнены художниками, мечтавшими о любви. Онъ только что сѣлъ, какъ появилась графиня. Она шла такъ тихо, что онъ не слыхалъ, какъ она проходила сосѣднюю комнату, и былъ удивленъ, увидѣвъ ее передъ собой. Она просто протянула ему руку.

— Такъ это правда,—сказала она,—что вы хотите написать мой портретъ?

— Я сочту это за счастье, графиня.

Ея чёрное узкое платье дѣлало ее тоненькой, совсѣмъ молоденькой женщиной и придавало серьезность, которую, впрочемъ, нарушала ея улыбающаяся головка, вся освѣщенная бѣлокурыми волосами. Вошелъ и графъ, держа за руку шестилѣтнюю дѣвочку.

— Мой мужъ,—представила графиня.

Это былъ человѣкъ небольшаго роста, безъ усовъ, со впалыми щеками, на которыхъ просвѣчивала сбритая борода. Онъ немного походилъ на священника или актера, со своими длинными, откинутыми назадъ, волосами, съ вѣжливыми манерами и двумя большими складками вокругъ рта, спускавшимися отъ щекъ къ подбородку и образовавшимися какъ бы вслѣдствіе привычки говорить публично.

Онъ поблагодарилъ живописца потокомъ фразъ, изобличавшихъ оратора. Давно уже ему хотѣлось заказать портретъ своей жены и, конечно, онъ выбралъ бы его, Оливье Бертина, еслибы не боялся получить отказъ, потому что зналъ, какъ его утомляли просьбами.

Послѣ многихъ взаимныхъ любезностей согласились, что графъ на другой день привезетъ свою жену въ мастерскую. Онъ замѣтилъ только: не лучше ли подождать, пока она кончитъ носить глубокій трауръ; но живописецъ объявилъ, что хочетъ именно изобразить свое первое впечатлѣніе—этотъ поразительный контрастъ между оживленной, тонкой и свѣтлой головкой, окруженной золотистыми волосами, и строгимъ чернымъ цвѣтомъ платья.

Она явилась на другой же день со своимъ мужемъ, а въ слѣдующіе дни—со своей дочерью, которую сажали за столъ, заваленный картинками.

Оливье Бертинъ, по своему обыкновенію, держалъ себя очень сдержанно. Свѣтскія женщины смущали его не много, такъ какъ онъ совсѣмъ не зналъ ихъ. Онъ считалъ ихъ, въ одно и то же время, развратными и глупыми ипокритками, нѣсколько опасными, но ничтожными и надоѣдливыми. У него были приключенія съ женщинами полусвѣта, которыя легко отдавались ему, благодаря его славѣ, веселому уму, атлетической элегантной фигурѣ и энергичному смуглому лицу. Поэтому онъ предпочиталъ свободные поступки и свободныя вы-

раженія, привыкъ къ легкимъ, шутливымъ и веселымъ нравамъ мастерскихъ и кулисъ, которыя онъ постоянно посѣщалъ. Онъ бывалъ въ свѣтскихъ салонахъ для славы, а не для сердца; свѣтъ нравился ему изъ тщеславія; въ немъ онъ получалъ поздравленія и заказы, рисовался передъ красивыми женщинами, осыпавшими его комплиментами, но никогда за ними не «ухаживалъ». Не позволяя себѣ въ ихъ присутствіи смѣлыхъ шутокъ и словъ, приправленныхъ перцемъ, онъ считалъ ихъ дурами и слылъ за человѣка хорошаго тона. Каждый разъ, когда какая нибудь изъ нихъ являлась позировать къ нему, онъ ощущалъ, — не смотря на всѣ авансы, дѣлаемые ими, чтобы понравиться ему, — то неравенство въ расѣ, которое мѣшаетъ сліянію артистовъ со свѣтскими людьми, не смотря на постоянное общеніе. За улыбками и восхищеніемъ, которое у женщинъ всегда немного поддѣльно, онъ угадывалъ смутную нравственную сдержанность существа, считающаго себя за созданіе высшаго рода. Вслѣдствіе этого, въ немъ проявилась легкая гордость, почти высокомѣрныя манеры и, рядомъ со скрытымъ тщеславіемъ выскочки, принимаемаго князьями и княгинями, какъ равный себѣ,—гордость мужчины, обязаннаго своимъ положеніемъ только уму и дарованію. О немъ говорили съ легкимъ удивленіемъ: «Онъ очень хорошо воспитанъ»! Это удивленіе, льстившее ему, въ то же время и оскорбляло его, потому что указывало на границы, отдѣлявшія его отъ «большаго свѣта».

Преднамѣренная и церемонная серьезность живописца стѣсняла графиню де-Гиллеруа, которая не находила ничего сказать этому холодному человѣку съ репутаціей остроумія. Усадивъ свою дѣвочку, она садилась въ кресло рядомъ съ начатымъ эскизомъ и старалась, по желанію художника, придать выразительность своему лицу.

Въ срединѣ четвертаго сеанса онъ вдругъ пересталъ писать.

— Что васъ больше всего веселитъ въ жизни? — спросилъ онъ.

Она смутилась.

— Право, не знаю! Что значитъ этотъ вопросъ?

— Мнѣ нужна счастливая мысль въ этихъ глазахъ, а я еще не видалъ ея.

— Ну, такъ постарайтесь заставить меня говорить; я очень люблю болтать.

— У васъ веселый характеръ?

— Очень веселый.

— Такъ будемте болтать, графиня.

Онъ сказалъ: «будемте болтать, графиня» съ очень серьезнымъ видомъ. Принимаясь опять за работу, онъ коснулся нѣсколькихъ темъ, ища того пункта, на которомъ встрѣтились бы ихъ умы. Они начали съ того, что стали обмѣниваться своими наблюденіями надъ людьми, которыхъ знали; потомъ заговорили о себѣ, что всегда составляетъ самый пріятный и самый привлекательный изъ разговоровъ.

Встрѣтясь на другой день, они почувствовали себя свободнѣе, и Бертинъ, видя, что онъ нравится, началъ разсказывать подробности о своей артистической жизни, вызывая свои воспоминанія со свойственнымъ ему остроуміемъ.

Привыкшая къ важности салонныхъ литераторовъ, она была удивлена этою остроумной игривостью, откровенно называвшей предметы прямо по имени, освѣщая ихъ ироніей, и сразу стала возражать ему въ томъ же тонѣ, съ тонкой и смѣлой граціей. Въ недѣлю она покорила и обольстила его своимъ юморомъ, откровенностью и простотой. Онъ вполнѣ забылъ свои предразсудки относительно свѣтскихъ женщинъ и охотно подтвердилъ бы, что онѣ однѣ обладаютъ прелестью и увлекательной веселостью. Во время работы, стоя передъ полотномъ, то приближаясь къ нему, то отступая, какъ боецъ, онъ свободно излагалъ передъ ней свои любимыя мысли, какъ будто уже давно зналъ эту хорошенькую бѣлокурую женщину въ черномъ платьѣ, сотканную изъ солнца и траура, смѣявшуюся, въ разговорѣ съ нимъ, и отвѣчавшую ему такъ весело, съ такимъ оживленіемъ, что безпрестанно мѣняла свою позу.

Онъ то отходилъ отъ нея, зажмуривая одинъ глазъ, и наклонялся, чтобы лучше схватить общій видъ своей модели, то подходилъ совсѣмъ близко, чтобы замѣтить малѣйшіе оттѣнки ея лица, самое мимолетное выраженіе, и схватить то, что есть въ лицѣ женщины, кромѣ наружнаго вида,—ту идеальную красоту, тотъ отблескъ чего-то неизвѣстнаго, той внутренней обворожительной граціи, свойственной каждой изъ нихъ

и служащей предвѣстіемъ того, что такая-то женщина будетъ безумно любима *именно* тѣмъ, а не другимъ мужчиной...

Однажды дѣвочка стала передъ полотномъ и съ дѣтски-серьезнымъ видомъ спросила:

— Это maman, скажи?

Онъ взялъ ее на руки, чтобы поцѣловать, польщенный этимъ наивнымъ свидѣтельствомъ сходства своего произведенія. Въ другой разъ, когда дѣвочка казалась очень тихой, она вдругъ произнесла печальнымъ голоскомъ:

— Maman, мнѣ скучно.

И живописецъ былъ такъ тронутъ этой первой жалобой, что велѣлъ принести на другой день цѣлый магазинъ игрушекъ въ свою мастерскую. Маленькая Annette, удивленная, довольная и всегда благоразумная, заботливо привела ихъ въ порядокъ, чтобы брать одну за другой, смотря по желанію. Начиная съ этого подарка, она полюбила живописца, какъ любятъ дѣти, — той животной ласковой дружбой, дѣлающей ихъ такими милыми покорителями сердецъ.

Графинѣ де-Гиллеруа все больше и больше нравились сеансы. У нея было очень много свободнаго времени въ эту зиму, такъ какъ она была въ траурѣ, и свѣтъ съ его празднествами былъ закрытъ для нея. Она соединила всѣ заботы своей жизни въ этой мастерской. Дочь очень богатаго и гостепріимнаго парижскаго комерсанта, умершаго уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и его вѣчно больной жены, шесть мѣсяцевъ въ году проводившей въ постели—она совсѣмъ молоденькой сдѣлалась уже отличной хозяйкой дома, умѣла принимать, улыбаться, болтать, понимать людей и различать, что̀ нужно было сказать тому или другому; чувствовала себя совершенно свободной, была предусмотрительна и находчива. Когда ей представили графа де-Гиллеруа въ качествѣ жениха, она тотчасъ же поняла выгоды этого брака и сейчасъ же рѣшилась на него, какъ разсудительная дѣвушка, хорошо знающая, что всего имѣть нельзя и нужно уравновѣшивать хорошее и дурное въ каждомъ положеніи. Когда она вступила въ большой свѣтъ, ея знакомства очень добивались, такъ какъ она была умна и хороша собой; многіе мужчины ухаживали за ней, но она ни разу не потеряла спокойствія своего сердца, разсудительнаго, какъ и ея умъ. А, между тѣмъ, она была ко-

кетлива тѣмъ наступательнымъ и осторожнымъ кокетствомъ, которое никогда не заходитъ слишкомъ далеко. Комплименты нравились ей; возбуждаемыя ею желанія ласкали ее, если только она могла дѣлать видъ, что не замѣчаетъ ихъ. Послѣ того какъ она, въ продолженіе цѣлаго вечера въ какой нибудь гостинной, принимала ѳиміамъ своихъ поклонниковъ, она засыпала спокойно, какъ женщина, исполнившая свою миссію на землѣ. Это существованіе, длившееся теперь уже семь лѣтъ, не утомлявшее ее и не казавшееся монотоннымъ,— потому что она обожала это непрерывное волненіе свѣта,— все же заставляло ее иногда желать чего-то другаго. Мужчины ея общества, политики-адвокаты, финансисты или ничего не дѣлающіе члены разныхъ кружковъ, мало интересовали ее, какъ актеры; она не относилась къ нимъ серьезно, не смотря на то, что уважала ихъ званія и титулы.

Живописецъ понравился ей сначала той новизной, которая заключалась въ немъ. Она очень веселилась въ мастерской, смѣялась отъ всего сердца, чувствовала себя умной и была ему благодарна за удовольствіе, которое ей доставляли сеансы. Онъ нравился ей также потому, что былъ красивъ, силенъ и знаменитъ. Ни одна изъ женщинъ, что бы онѣ ни говорили, не остается равнодушной къ физической красотѣ и славѣ. Польщенная вниманіемъ этого выдающагося человѣка и сама отлично его понявшая, она открыла въ немъ быстрый и обработанный умъ, деликатность, фантазію, настоящую прелесть пониманія и красивую, образную рѣчь, какъ бы освѣщавшую все, что онъ говорилъ.

Скоро интимность родилась между ними, и къ рукопожатію, съ которымъ они встрѣчались при входѣ ея, съ каждымъ днемъ все больше примѣшивалось сердечное удовольствіе. Безъ всякаго разсчета, безъ преднамѣреннаго умысла, она почувствовала, какъ начало расти въ ней естественное желаніе увлечь его—и она уступила этому желанію. Ничего она не предвидѣла, не дѣлала никакихъ плановъ; она только кокетничала съ бо́льшей граціей, какъ это инстинктивно дѣлаютъ женщины относительно мужчины, который имъ нравится больше другихъ. Въ свое обращеніе съ нимъ, въ свои взгляды и улыбки она вложила ту обольстительную прелесть, разливаемую вокругъ себя женщиной, въ которой проглядываетъ потребность

быть любимой. Она говорила ему лестныя фразы, означавшія: «я нахожу, что вы очень красивы», и заставляла его много говорить, чтобы показать ему своимъ вниманіемъ, какой интересъ онъ внушаетъ ей. Онъ переставалъ писать, садился возлѣ нея и вслѣдствіе возбужденія ума, вызваннаго страстнымъ желаніемъ понравиться, у него проявлялись порывы поэзіи, юмора или философіи, смотря по настроенію дня. Ей было весело, когда онъ былъ веселъ; когда же онъ былъ очень серьезенъ, она старалась слѣдовать за развитіемъ его мысли, что̀ удавалось ей не каждый разъ, но и въ то время, когда она думала о другомъ, она, казалось, слушала его съ такимъ же пониманіемъ, и такъ наслаждалась его откровенностью, что онъ приходилъ въ восторгъ, видя, ка́къ она слушаетъ. Его трогала мысль, что онъ нашелъ тонкую, открытую душу, въ которую мысль падала, какъ доброе сѣмя на плодотворную почву.

Портретъ подвигался и выходилъ очень хорошимъ, такъ какъ живописецъ дошелъ до того душевнаго состоянія, которое необходимо, чтобъ открыть всѣ качества своей модели и выразить ихъ съ огнемъ вдохновенія, составляющимъ черту истинныхъ художниковъ. Склоняясь надъ ней, изучая всякое движеніе лица, колоритъ ея тѣла, всѣ тѣни кожи, всѣ выраженія и прозрачность ея глазъ, всѣ тайны физіономіи, — онъ пропитался ею, подобно тому, какъ губка разбухаетъ отъ воды. Перенося на свое полотно эту волнующую прелесть, воспринимаемую его взглядомъ и, какъ волна, переливавшуюся изъ его мысли въ его кисть, онъ чувствовалъ себя оглушеннымъ, опьяненнымъ, какъ будто упивался женской граціей...

Она чувствовала, что онъ влюблялся въ нее; ее занимала эта игра, эта все болѣе и болѣе вѣроятная побѣда,—и она сама оживлялась подъ ея вліяніемъ. Что-то новое придавало ея существованію новую прелесть, возбуждало въ ней таинственную радость. Когда о немъ говорили при ней, ея сердце билось немного скорѣе и ей хотѣлось сказать то, что̀ никогда не высказывается: «онъ влюбленъ въ меня». Она была довольна, когда хвалили его талантъ, и, можетъ быть, еще болѣе радовалась, когда его находили красивымъ. Когда она думала о немъ одна, безъ докучныхъ свидѣтелей, она, дѣйствительно, воображала, что пріобрѣла добраго друга, который всегда будетъ довольствоваться однимъ дружескимъ пожатіемъ руки.

Часто, во время сеанса, онъ внезапно клалъ палитру на скамейку, бралъ на руки маленькую Annette и нѣжно цѣловалъ ее въ глаза или волосы, смотря на мать и какъ бы желая сказать ей: «Это васъ, а не ребенка, я цѣлую такъ». Впрочемъ, иногда графиня де-Гиллеруа не приводила съ собой дочери, являясь одна. Въ эти дни они мало занимались работой, а больше болтали.

Однажды она опоздала. Было холодно въ концѣ февраля. Оливье вернулся рано, какъ онъ дѣлалъ это теперь каждый разъ, когда она должна была явиться, надѣясь, что и она придетъ раньше. Ожидая ее, онъ ходилъ взадъ и впередъ и курилъ, задавая себѣ, къ своему удивленію, въ сотый разъ одинъ и тотъ же вопросъ: «Неужели я влюбленъ»? Онъ самъ не понималъ этого, такъ какъ ни разу не былъ влюбленъ настоящимъ образомъ. У него были очень сильные и даже довольно продолжительные капризы, но никогда не смотрѣлъ онъ на нихъ, какъ на любовь. Теперь же онъ удивлялся тому чувству, которое овладѣло имъ.

Любилъ ли онъ ее? Конечно, онъ едва желалъ ее, не подумавъ даже о возможности обладанія. До сихъ поръ, какъ только какая нибудь женщина нравилась ему, желаніе тотчасъ же охватывало его, заставляло протягивать къ ней руки, какъ къ плоду, который хочется сорвать; но его внутреннее существо никогда не смущалось глубоко отъ ея отсутствія или присутствія. Желаніе овладѣть этой женщиной едва лишь коснулось его и казалось спрятаннымъ, заслоненнымъ за другимъ болѣе могучимъ чувствомъ, еще неяснымъ и едва пробуждавшимся. Оливье думалъ, что любовь начинается мечтами, поэтичными восторгами. То, что онъ чувствовалъ, происходило,—какъ ему казалось—отъ неопредѣлимаго ощущенія, гораздо болѣе физическаго, чѣмъ душевнаго. Онъ сдѣлался нервенъ и раздражителенъ, какъ это бываетъ во время зарождающейся въ насъ болѣзни. Ничего болѣзненнаго, впрочемъ, не примѣшивалось къ этому волненію крови, которымъ заражалась и его душа. Онъ понималъ, что это волненіе производила въ немъ графиня де-Гиллеруа, — воспоминаніе о ней и ожиданіе ея возвращенія. Онъ не рвался къ ней порывомъ всего своего существа, но чувствовалъ въ себѣ ея постоянное присутствіе, какъ будто она ни на минуту не покидала его. Уходя, она

оставляла ему частицу себя самой, что-то неуловимое и невыразимое. Что именно? любовь? Теперь онъ углублялся въ свое собственное сердце, чтобы видѣть и понять. Онъ находилъ ее прелестной, но она не подходила къ типу идеальной женщины, созданной его слѣпой надеждой. Тотъ, кто призываетъ любовь, всегда предвидитъ нравственныя и физическія качества той, которая должна обольстить его; а графиня де-Гиллеруа, хотя очень нравилась ему, но, казалось, не была этой женщиной.

Но почему же она такъ занимала его, больше чѣмъ другія, и такимъ различнымъ образомъ, такъ безконечно? Не попалъ ли онъ просто въ разставленную ловушку ея кокетства, которое онъ угадывалъ и понималъ давно; но, проведенный ея маневрами, не поддавался ли онъ вліянію того особаго очарованія, которое придаетъ женщинамъ желаніе нравиться? Онъ ходилъ, садился, снова ходилъ, закуривалъ сигару и тотчасъ же бросалъ, каждую секунду глядя на стрѣлку своихъ часовъ, медленно подвигавшуюся къ назначенному сроку. Уже нѣсколько разъ ему хотѣлось приподнять ногтемъ выпуклое стекло, закрывавшее обѣ золоченыя стрѣлки, и подвинуть большую къ той цифрѣ, къ которой она такъ лѣниво направлялась. Ему казалось, что этого было достаточно, чтобы дверь отворилась и появилась ожидаемая женщина, обманутая и призванная этой хитростью. Потомъ онъ улыбнулся своему дѣтскому, настойчивому и безразсудному желанію. Наконецъ, онъ предложилъ себѣ вопросъ: «Могу ли я сдѣлаться ея любовникомъ»? Эта мысль показалась ему странной, неосуществимой, почти нежеланной, вслѣдствіе усложненій, которыя она произвела бы въ его жизни. Между тѣмъ, эта женщина очень ему нравилась и онъ заключилъ свои мысли такими словами: «Рѣшительно, я въ странномъ положеніи»!

Пробили часы и этотъ звукъ заставилъ его вздрогнуть, взволновавъ больше его нервы, чѣмъ душу. Онъ ждалъ ее съ тѣмъ нетерпѣніемъ, которое увеличивается отъ промедленія съ секунды на секунду. Она всегда была акуратна; слѣдовательно, не пройдетъ и десяти минутъ, какъ она явится. Когда эти десять минутъ прошли, онъ почувствовалъ страданіе, какъ отъ приближающагося горя; потомъ сталъ раздражаться, что она заставляетъ его терять время, потомъ вдругъ понялъ, что если

она не придетъ, онъ будетъ очень страдать. Что онъ сдѣлаетъ? Будетъ ждать ее? Нѣтъ, онъ уйдетъ, чтобъ она,—если случайно пріѣдетъ очень поздно,—нашла мастерскую пустой.

Онъ уйдетъ, но когда? Какое широкое поле догадокъ предоставитъ онъ ей! Не лучше ли остаться и дать ей понять нѣсколькими вѣжливыми и холодными словами, что онъ не изъ тѣхъ, которыхъ заставляютъ ждать? А если она не пріѣдетъ? Тогда онъ получитъ депешу, карточку; явится лакей или разсыльный? Этотъ день былъ для него потерянъ: онъ уже не въ состояніи работать. Итакъ?.. Итакъ, онъ пойдетъ къ ней, потому что ему надо было видѣть ее.

Это была правда; ему надо было видѣть ее: это желаніе было глубоко, оно давило, преслѣдовало его. Что же это такое? Любовь? Но онъ не ощущалъ ни экзальтаціи мысли, ни увлеченія чувствъ, ни мечтательности въ душѣ, убѣдившись, что будетъ очень страдать, если она не придетъ.

II.

Раздался звонокъ у входной двери маленькаго отеля, и Оливье Бертинъ вдругъ почувствовалъ, что задыхается, а потомъ душа его наполнилась такой радостью, что онъ подпрыгнулъ, бросивъ на воздухъ свою сигару.

Она вошла одна. Имъ внезапно овладѣла большая смѣлость.

— Знаете ли, о чемъ я себя спрашивалъ, ожидая васъ?

— Нѣтъ, не знаю.

— Я спрашивалъ себя: не влюбленъ ли я въ васъ?

— Влюблены въ меня? Вы съ ума сошли!

Но она улыбалась и ея улыбка говорила: «Это мило, я очень рада»!

— Послушайте,—продолжала она, — говорите серьезно. Къ чему эта шутка?

— Напротивъ, я говорю очень серьезно,—отвѣчалъ онъ.— Я не утверждаю, что влюбленъ въ васъ, но я спрашиваю себя: не на пути ли я къ этому.

— Что же заставляетъ васъ думать такъ?

— Мое волненіе, когда васъ нѣтъ, мое счастье, когда вы являетесь.

Она сѣла.

— О! не безпокойтесь изъ-за такихъ пустяковъ. Пока вы будете хорошо спать и обѣдать съ апетитомъ,—не будетъ еще никакой опасности.

Онъ разсмѣялся.

— А если я лишусь и сна, и апетита?

— Предупредите меня.

— И тогда?

— Я дамъ вамъ спокойно вылѣчиться.

— Благодарю васъ.

И на тему этой любви они проболтали все послѣобѣденное время. То же продолжалось и въ послѣдующіе дни. Принимая все это за остроумную и не заключающую въ себѣ ничего опаснаго шутку, она весело спрашивала его, входя:

— Въ какомъ состояніи находится ваша любовь сегодня?

И онъ разсказывалъ ей слегка иронично, слегка серьезно всѣ успѣхи этой болѣзни, всю ту внутреннюю, непрерывную, глубокую работу зарождавшейся и возраставшей любви. Онъ до мельчайшихъ подробностей анализировалъ себя передъ ней часъ за часомъ, начиная со вчерашней разлуки, съ шутливымъ видомъ профессора, читающаго лекцію; а она слушала его, заинтересованная, немного взволнованная и смущенная этой исторіей, казавшейся ей романомъ, героиней котораго была она сама. Когда онъ пересчитывалъ, съ любезнымъ и свободнымъ видомъ, всѣ заботы, добычей которыхъ онъ сдѣлался, его голосъ минутами дрожалъ, выражая словомъ или только выраженіемъ лица боль его сердца. А она все спрашивала, дрожа отъ любопытства, устремивъ на него глаза и жадно ловя значеніе этихъ словъ, которыя немного смущаютъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ пріятны. Иногда, подходя къ ней, чтобы поправить ея позу, онъ бралъ ея руку и пытался поцѣловать. Быстрымъ движеніемъ она отнимала свои пальцы отъ его губъ и говорила, слегка сдвигая брови:

— Оставьте это; продолжайте лучше свою работу.

Онъ снова принимался за портретъ, но не проходило и пяти минутъ, какъ она уже предлагала ему вопросъ, который ловко возвращалъ его къ единственной, занимавшей ихъ, темѣ. Теперь она чувствовала въ своемъ сердцѣ зарождавшійся страхъ. Она была согласна, чтобъ ее любили, но не

слишкомъ. Увѣренная, что сама не увлечется, она боялась, что онъ зайдетъ слишкомъ далеко и она должна будетъ лишиться его, принужденная отнять всякую надежду, послѣ того какъ, повидимому, поощряла его. Но еслибъ ей пришлось отказаться отъ этой нѣжной и изощрявшейся въ тонкостяхъ дружбы; отъ этой болтовни, пересыпанной искрами любви, какъ ручей, песокъ котораго полонъ золота, — она ощутила бы сильное горе, такое горе, которое растерзало бы ея сердце. Когда она выходила изъ дому, чтобъ отправиться въ мастерскую живописца, ее охватывала живая и горячая радость. Когда она клала руку на звонокъ отеля, гдѣ жилъ Оливье, ея сердце билось отъ нетерпѣнія и коверъ лѣстницы казался ей мягче всѣхъ ковровъ, на которые когда либо ступала ея нога.

Между тѣмъ, Бертинъ дѣлался мраченъ и часто раздражителенъ. У него прорывалось нетерпѣніе, хотя онъ тотчасъ же старался подавить его.

Однажды, какъ только она вошла, онъ сѣлъ рядомъ съ ней, вмѣсто того чтобы начать писать, и сказалъ:

— Графиня, вы не можете не знать теперь, что это не шутка и что я безумно люблю васъ.

Смущенная этимъ началомъ и видя приближеніе кризиса, котораго боялась, она попробовала остановить его, но онъ уже не слушалъ ее. Чувство неудержимо выливалось изъ его сердца и она должна была выслушать его, блѣдная, дрожащая, испуганная. Онъ говорилъ долго, не требуя ничего, съ нѣжностью, съ грустью, съ отчаянной покорностью судьбѣ. Она позволила ему взять свои руки, которыя онъ удержалъ въ своихъ. Она и не замѣтила, какъ онъ сталъ передъ ней на колѣни и взглядомъ человѣка, одержимаго галлюцинаціей, умолялъ ее—не заставлять его страдать. Какъ страдать? Она не понимала и не пыталась понять, оглушенная жестокимъ горемъ при видѣ его страданья, и это горе было для нея почти счастьемъ. Вдругъ она увидѣла слезы на его глазахъ и это такъ тронуло ее, что она невольно воскликнула «О»! готовая цѣловать его, какъ цѣлуютъ плачущихъ дѣтей. Онъ повторялъ нѣжнымъ голосомъ: «Смотрите, смотрите, я слишкомъ страдаю», и вдругъ, увлеченная этимъ горемъ, зараженная его слезами, она зарыдала... Ея нервы упали, руки дрожали, готовыя протянуться ему навстрѣчу.

Когда она вдругъ почувствовала себя сжатой въ его объятіяхъ, ощутила его страшные поцѣлуи на своихъ губахъ, она хотѣла закричать, бороться, оттолкнуть его, но тотчасъ же поняла, что погибла, потому что сдавалась, сопротивляясь, отдавалась, отталкивая; сама прижимала его къ себѣ, крича: «нѣтъ, нѣтъ, я не хочу». Затѣмъ она нѣсколько минутъ сидѣла разстроенная, закрывъ лицо руками; потомъ вдругъ вскочила, подняла свою шляпку, упавшую на коверъ, надѣла ее и быстро выбѣжала изъ комнаты, не смотря на мольбы Оливье, удерживавшаго ее за платье. Какъ только она сошла на улицу, ей захотѣлось сѣсть на краю тротуара, — до того она чувствовала себя подавленной,—а ноги ея были совершенно разбиты. Извощикъ проѣзжалъ мимо нея, она позвала его.— Поѣзжайте потише,—тихо приказала она.—Везите меня, куда хотите.—Она бросилась въ карету, заперла дверцу и забилась въ самую глубь экипажа, чувствуя себя одной за поднятыми стеклами, одной со своими мыслями...

Нѣсколько минутъ она не слыхала ничего, кромѣ шума колесъ и толчковъ тряскаго экипажа. Она смотрѣла на дома, на пѣшеходовъ, на извощиковъ, на омнибусы, глазами, не видавшими ничего; при этомъ она ни о чемъ и не думала, какъ бы давая себѣ время и отсрочку, прежде чѣмъ осмѣлиться размышлять о томъ, что произошло. Потомъ, со свойственными ея уму живостью и смѣлостью, она сказала себѣ: «Итакъ, я погибшая женщина». И, въ продолженіе еще нѣсколькихъ минутъ, она находилась подъ гнетомъ этого чувства, — увѣренности въ непоправимомъ несчастьѣ,—испуганная, какъ человѣкъ, упавшій съ крыши и не рѣшающійся двинуться, угадывая, что у него сломаны ноги, и не желая въ этомъ убѣдиться. Но вмѣсто того, чтобъ обезумѣть отъ горя,—приближенія котораго она ожидала и боялась,—ея сердце, при выходѣ изъ этой катастрофы, оставалось спокойнымъ и яснымъ; оно билось медленно и ровно послѣ этого паденія, подавлявшаго ея душу, и—казалось, не принимало участія въ ея душевномъ ужасѣ. Она повторила громко,—какъ бы для того, чтобы самой услышать и убѣдиться,—свои же слова: «итакъ, я погибшая женщина». Никакое эхо страданія не отозвалось въ ея тѣлѣ на эту жалобу совѣсти.

Она дала себя убаюкать на нѣсколько времени колеба-

ніемъ экипажа, откладывая размышленіе объ этомъ ужасномъ положеніи. Нѣтъ, она не страдала. Она просто боялась думать, боялась знать, понять и размышлять. Напротивъ, ей казалось, что въ неизвѣстномъ и непроницаемомъ будущемъ она найдетъ какой-то непонятный покой.

Послѣ получаса этого страшнаго спокойствія, поняв наконецъ, что призываемое ею отчаяніе не является, она стряхнула съ себя это оцѣпененіе и прошептала: «Странно, я почти не огорчена». Тогда она начала упрекать себя; въ немъ поднималась злоба противъ своего ослѣпленія и своей слабости. Какъ она этого не предвидѣла, не поняла, что часъ этой борьбы долженъ былъ наступить; что этотъ человѣкъ достаточно нравился ей, чтобы заставить ее пасть, и что даже въ самыя честныя сердца желаніе врывается иногда, какъ вихрь, унося съ собой нашу волю? Но, сдѣлавъ себѣ строгій выговоръ и почти презирая себя, она съ ужасомъ спрашивала: что же будетъ послѣ?

Первымъ планомъ ея было—порвать съ живописцемъ и никогда не видать его болѣе. Но едва она приняла это рѣшеніе, какъ тысяча доводовъ разбили его. Какъ она объяснитъ эту ссору? Что скажетъ своему мужу? Не будутъ ли сначала повторять шопотомъ, а потомъ не разнесутъ ли повсюду подозрѣваемую истину? Не лучше ли было бы, чтобы спасти приличія, разыграть съ самимъ Оливье Бертинъ притворную комедію равнодушія и забвенія, и показать ему, что она вычеркнула эту минуту изъ своей памяти и жизни? Но сможетъ ли она? Достанетъ ли у нея смѣлости притвориться ничего не помнящей, посмотрѣть на него съ возмущеннымъ удивленіемъ и сказать: «чего вы хотите отъ меня»? человѣку, внезапное и грубое чувство котораго она, дѣйствительно, раздѣлила? Долго думала она и все же рѣшилась на послѣднее, какъ на единственно возможный исходъ. Она смѣло пойдетъ къ нему завтра и сейчасъ же дастъ ему понять, чего она хочетъ, чего требуетъ отъ него. Надо, чтобы никогда никакое слово, никакой намекъ, никакой взглядъ не напомнилъ ей этого позора... Перестрадавъ, — потому что онъ тоже будетъ страдать,—Оливье, конечно, примирится съ этимъ, какъ честный и благовоспитанный человѣкъ, и въ будущемъ останется тѣмъ, чѣмъ былъ до сихъ поръ.

Принявъ послѣднее рѣшеніе, она сказала извощику свой адресъ и вернулась домой въ глубокомъ изнеможеніи, со страстнымъ желаніемъ лечь въ постель, не видать никого, заснуть и забыть все. Запершись въ своей комнатѣ, она до обѣда пролежала на кушеткѣ въ какомъ-то оцѣпененіи, не желая болѣе вызывать опасныхъ мыслей о происшедшемъ. Она сошла внизъ въ назначенный часъ, удивленная своимъ спокойствіемъ и возможностью ожидать мужа съ обычнымъ выраженіемъ лица. Онъ явился, держа на рукахъ дочь; она пожала ему руку и поцѣловала ребенка безъ малѣйшаго волненія. Графъ де-Гиллеруа спросилъ, что она дѣлала. Она равнодушно отвѣчала что была на сеансѣ, какъ и всякій день.

— А. портретъ хорошъ?—спросилъ онъ.

— Да, онъ отлично выходитъ.

Въ свою очередь, онъ сталъ говорить о своихъ дѣлахъ, о которыхъ любилъ разсказывать во время обѣда, о сессіи палатъ и о преніяхъ относительно законопроэкта о фальсификаціи съѣстныхъ припасовъ. Эта болтовня, которую она обыкновенно легко переносила, заставила ее съ бо́льшимъ вниманіемъ посмотрѣть на этого вульгарнаго человѣка и фразера, интересовавшагося такими дѣлами; но она улыбалась, слушая его, отвѣчала любезно, — даже любезнѣе обыкновеннаго, — и внимательно выслушивала его банальности. Она думала, глядя на него: «Это мой мужъ... и я обманула его! Не странно ли это? Ничто уже не помѣшаетъ, ничто не сотретъ этого! Я закрыла глаза. Я согласилась въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, только нѣсколькихъ секундъ, раздѣлить поцѣлуй другаго мужчины — и я уже болѣе не честная женщина. Нѣсколько секундъ въ моей жизни,—нѣсколько лишь секундъ,— которыхъ нельзя уничтожить, породили для меня эту непоправимую ошибку, заключающую въ себѣ преступленіе самое постыдное для женщины. И я не ощущаю отчаянія. Еслибы мнѣ сказали это вчера, я бы не повѣрила. Еслибъ меня стали увѣрять въ этомъ, я бы сейчасъ подумала объ ужасныхъ угрызеніяхъ совѣсти, которыя должны были бы мучить меня сегодня. А у меня ихъ нѣтъ, почти нѣтъ»!

Графъ де-Гиллеруа ушелъ послѣ обѣда, какъ онъ это дѣлалъ почти каждый день. Тогда она посадила къ себѣ на колѣни дѣвочку и плакала, цѣлуя ее; она плакала искренними

слезами, — слезами совѣсти, но не сердца. Эту ночь она совсѣмъ не спала. Во мракѣ своей комнаты она еще больше стала мучиться, думая объ опасностяхъ, которыя могло создать ей поведеніе живописца. Она начала бояться завтрашняго свиданья, и того, что́ ей надо было сказать, глядя ему прямо въ лицо.

Вставъ рано, она все утро пролежала на кушеткѣ, пытаясь предвидѣть, чего ей слѣдуетъ бояться, что́ надо будетъ отвѣтить, какъ приготовиться ко всякимъ неожиданностямъ. Она вышла рано, чтобы еще обдумать все по пути.

Онъ не ожидалъ ея и спрашивалъ себя со вчерашняго дня: какъ ему вести себя съ ней. Послѣ ея ухода, послѣ этого бѣгства, которому не осмѣлился противиться, онъ остался одинъ, все еще прислушиваясь, — когда она была уже далеко,—къ шуму ея шаговъ, ея платья и двери, захлопнутой взволнованной рукою. Онъ стоялъ, полный жгучаго, глубокаго, страстнаго счастья. Онъ овладѣлъ ею! Возможно ли? Удивляясь своему торжеству, онъ медленно наслаждался имъ и, чтобы лучше вкусить его, сѣлъ, почти легъ на диванѣ, на которомъ только что обладалъ ею.

Долго онъ лежалъ такъ, полный той мысли, что она сдѣлалась его любовницей и что между ними въ нѣсколько минутъ завязалась таинственная связь, крѣпко соединяющая два существа. Онъ сохранялъ во всемъ своемъ, еще дрожавшемъ, тѣлѣ острое воспоминаніе того быстраго мгновенія, когда ихъ губы встрѣтились, а тѣла слились и затрепетали великимъ трепетомъ жизни... Онъ остался дома вечеромъ, чтобы наслаждаться этой мыслью, и онъ легъ рано, весь дрожа отъ прилива счастья.

Едва проснувшись на другой день, онъ предложилъ себѣ вопросъ: «Что́ же я долженъ дѣлать»? Кокоткѣ, актрисѣ онъ послалъ бы цвѣты или даже золотую вещь; но его мучило недоумѣніе передъ этимъ новымъ положеніемъ. Конечно, надо было написать. Но что?.. Онъ нацарапывалъ, перечеркивалъ, рвалъ и снова начиналъ двадцать писемъ, которыя всѣ казались ему оскорбительными, ужасными, странными... Ему хотѣлось выразить деликатными и чарующими словами благодарность своей души, порывы безумной нѣжности и предложенія безконечной преданности; но для этихъ страстныхъ и пол-

ныхъ разныхъ оттѣнковъ мыслей онъ находилъ только избитыя фразы, банальныя выраженія, грубыя и ничтожныя.

Итакъ онъ отказался отъ намѣренія написать ей и рѣшился идти къ ней лично, какъ только пройдетъ часъ сеанса, потому что былъ увѣренъ, что она не придетъ. Тогда, запершись въ мастерской, онъ въ восторгѣ остановился передъ ея портретомъ; его губы дрожали отъ желанія коснуться живописи, къ которой примѣшивалась частица ея самой; и каждую минуту онъ смотрѣлъ въ окно на улицу. Всякое женское платье, появлявшееся вдали, заставляло биться его сердце. Двадцать разъ ему казалось, что онъ узналъ ее, а потомъ, когда замѣченная издали женщина проходила, онъ садился на мгновенье, какъ бы подавленный обманутой надеждой. Вдругъ онъ увидѣлъ ее, сначала усомнился, схватилъ свой бинокль, узналъ ее и, смущенный сильнымъ волненіемъ, сѣлъ въ ожиданіи ея. Когда она вошла, онъ бросился на колѣни и хотѣлъ взять ея руки; но она рѣзко вырвала ихъ и, видя, что онъ все еще оставался у ея ногъ, поднявъ на нее взглядъ, полный страданья, гордо сказала:

— Что вы дѣлаете, милостивый государь? Я не понимаю этой позы?

— О! графиня, умоляю васъ...

Она жестко прервала его.

— Встаньте, вы смѣшны!

Онъ поднялся, испуганный.

— Что съ вами?—прошепталъ онъ.—Не обращайтесь со мной такимъ образомъ: я люблю васъ!..

Тогда въ нѣсколькихъ быстрыхъ и сухихъ словахъ она высказала ему свою волю и опредѣлила положеніе.

— Я не понимаю, что вы хотите сказать?

— Никогда не говорите мнѣ о вашей любви, или я оставлю мастерскую и никогда не возвращусь. Если вы хоть разъ забудете это условіе моего присутствія здѣсь, вы никогда больше не увидите меня.

Онъ смотрѣлъ на нее, обезумѣвъ отъ этой жестокости которой не предвидѣлъ; потомъ онъ понялъ и прошепталъ:

— Я покоряюсь, графиня.

— Очень хорошо, — отвѣчала она. — Я ждала этого отъ

васъ! Теперь работайте, потому что вы слишкомъ долго не кончаете этого портрета.

Онъ взялся за палитру и началъ писать. Но его рука дрожала; помутившіеся глаза смотрѣли, не видя ничего; онъ готовъ былъ плакать,—такъ сердце его было разбито. Онъ попробовалъ заговорить съ ней; но она едва отвѣчала. Когда онъ попытался сказать ей любезность относительно цвѣта ея лица, она остановила его такимъ уничтожающимъ тономъ, что въ немъ вдругъ проснулось бѣшенство влюбленнаго, мгновенно превращающее любовь въ ненависть. Это произвело въ его душѣ и тѣлѣ сильное нервное сотрясеніе, и онъ тотчасъ же, безъ перехода, возненавидѣлъ ее. «Да, да, таковы женщины! Она была подобна всѣмъ остальнымъ; была не лучше другихъ. Почему же и нѣтъ? Она была фальшива, измѣнчива и слаба, какъ всѣ онѣ. Она привлекала, обольщала меня хитростями, стараясь довести до безумія, чтобы ничего не дать мнѣ; раздражая, чтобы потомъ отказать въ обладаніи собой, употребляя всѣ маневры подлыхъ кокетокъ, которыя кажутся всегда готовыми отдаться, пока мужчина, котораго онѣ доводятъ до состоянія уличной собаки, не задохнется отъ страсти».

Тѣмъ хуже для нея, въ концѣ концовъ; онъ все таки обладалъ ею, она принадлежала ему. Она могла дерзко отвѣчать ему, но ничего не могла стереть; а онъ... онъ ее забудетъ! Дѣйствительно, онъ сдѣлалъ бы страшную глупость, связавъ себѣ такую любовницу, которая заѣла бы его артистическую жизнь капризными зубками хорошенькой женщины. Ему хотѣлось свистать,—какъ онъ это дѣлалъ передъ своими моделями, — но, чувствуя, что его нервное разстройство увеличивается, и боясь сдѣлать какую нибудь глупость, онъ сократилъ сеансъ подъ предлогомъ назначеннаго свиданья. Расклаиваясь другъ съ другомъ при прощаньѣ, имъ казалось, что они теперь дальше другъ отъ друга, чѣмъ въ тотъ день, когда встрѣтились у герцогини де-Мортеменъ.

Какъ только она уѣхала, онъ надѣлъ шляпу и пальто, и вышелъ. Холодное солнце на голубомъ небѣ, покрытомъ туманомъ точно ватой, бросало на городъ блѣдный, неясный фальшивый и печальный свѣтъ.

Пройдя нѣкоторое пространство быстрой и нервной поход

кой и толкая прохожихъ, чтобы не уклониться отъ прямой линіи, онъ почувствовалъ, что его злоба противъ нея раздвоилась на отчаяніе и сожалѣніе. Повторивъ себѣ всѣ упреки, которыми осыпалъ ее, онъ вспомнилъ при видѣ проходившихъ женщинъ, какъ она была мила и обольстительна. Какъ и многіе другіе, не признающіеся въ этомъ, онъ всегда ждалъ невозможной встрѣчи, рѣдкой любви,—единственной, поэтичной и страстной,—мечта о которой живетъ въ нашихъ сердцахъ. Не удалось ли ему найти все это? Не она ли могла бы дать ему это почти невозможное счастье? Почему же ничто не осуществляется? Почему нельзя ничего схватить изъ того, что мы преслѣдуемъ, а приходится достигать только обрывковъ, которые дѣлаютъ еще болѣзненнѣе эту погоню за обманутыми надеждами? Онъ не сердился больше на молодую женщину, а сердился на самую жизнь. Теперь, — когда онъ могъ разсуждать, — онъ думалъ: за что ему было сердиться на нее? Въ чемъ могъ онъ упрекнуть ее въ концѣ концовъ?—въ томъ, что она была любезна, добра и мила съ нимъ, между тѣмъ какъ она могла упрекнуть его въ томъ, что онъ поступилъ съ ней, какъ негодяй.

Онъ вернулся къ себѣ, полный грусти. Ему хотѣлось просить у нея прощенія, посвятить ей свою жизнь, заставить ее забыть, и онъ началъ придумывать, что ему слѣдовало предпринять, чтобъ она поняла, какъ съ этихъ поръ онъ готовъ до самой смерти покоряться всѣмъ ея желаніямъ.

На другой день она явилась въ сопровожденіи своей дочери, съ такой мрачной улыбкой, съ такимъ печальнымъ видомъ, что живописцу показалось, что онъ прочелъ въ ея синихъ глазахъ, до сихъ поръ такихъ веселыхъ, все страданіе, всѣ угрызенія, все отчаяніе ея женскаго сердца. Имъ овладѣло глубокое состраданіе къ ней и, чтобъ она могла забыть, онъ высказалъ ей, съ деликатной сдержанностью, самую тонкую предупредительность. Она отвѣчала на нее кротко, ласково, съ усталымъ и разбитымъ видомъ страдающей женщины. А онъ, смотря на нее, и охваченный вновь безумной мечтой любить ее и быть любимымъ, спрашивалъ себя, какъ могла она не сердиться на него больше, чѣмъ сердилась, слушать его и отвѣчать съ такимъ воспоминаніемъ между ними?! Но разъ она могла его видѣть, слышать его голосъ и переносить въ

его присутствіи единственную мысль, которая не могла покинуть ее,—значитъ, эта мысль не сдѣлалась ей отвратительно-невыносимой. Когда женщина ненавидитъ мужчину, который насиловалъ ее, она не можетъ оставаться въ его присутствіи, не давая воли своей ненависти. Но этотъ мужчина не можетъ быть ей безразличнымъ. Она должна—или ненавидѣть его, или простить. А когда она прощаетъ, то уже не далека отъ любви... Медленно работая умомъ, онъ разсуждалъ самъ съ собой, приводя точные и ясные аргументы; онъ чувствовалъ себя убѣжденнымъ, сильнымъ, и снова овладѣвалъ положеніемъ. Ему стоило только быть осторожнымъ, терпѣливымъ, преданнымъ—и онъ снова будетъ обладать ею рано или поздно.

Онъ съумѣлъ ждать. Чтобъ успокоить и снова завоевать ее, онъ въ свою очередь сталъ хитрить, выказывать скрытую нѣжность подъ видимыми угрызеніями, робкое вниманіе, а иногда—полное равнодушіе. При увѣренности въ будущемъ счастьѣ,—что̀ стоило ему достигнуть его немного раньше или немного позже. Онъ даже находилъ странное и утонченное наслажденіе—не спѣшить, подстерегать ее, приговаривая самому себѣ: «она боится и является ко мнѣ со своимъ ребенкомъ». Онъ чувствовалъ, что между ними совершалась медленная работа сближенія и что во взглядахъ графини появлялось что-то странное, принужденное, болѣзненно-кроткое; появлялся признакъ души, которая борется, воли, которая слабѣетъ и, кажется, говоритъ: «да заставь же меня, наконецъ»!

Черезъ нѣсколько времени она стала приходить одна, успокоенная его сдержанностью. Тогда онъ сталъ обращаться съ ней, какъ съ другомъ, съ товарищемъ; говорилъ о своей жизни, своихъ планахъ, своемъ искусствѣ, какъ братъ брату. Обманутая этой простотой, она съ радостью приняла на себя роль совѣтницы, польщенная тѣмъ, что онъ такъ отличаетъ ее отъ другихъ женщинъ, и убѣжденная, что его талантъ пріобрѣтетъ больше нѣжности отъ этой духовной интимности. Но по мѣрѣ того, какъ онъ просилъ ея совѣтовъ и выказывалъ свою покорность, онъ естественно заставилъ ее перейти отъ обязанностей совѣтницы къ священному служенію вдохновительницы. Она находила очаровательнымъ это расширеніе своего вліянія на великаго человѣка и согласилась отчасти, чтобъ онъ любилъ ее, какъ художникъ, такъ какъ она вдохновляла

его творчество. Однажды вечеромъ, послѣ длиннаго разговора о любовницахъ знаменитыхъ живописцевъ, она невольно склонилась въ его объятія. На этотъ разъ она замерла въ нихъ, не пытаясь бѣжать, и возвратила ему поцѣлуи. Теперь у нея уже не было угрызеній; но она ощущала смутное чувство какой-то потери и, чтобъ отвѣтить на упреки своего разсудка, повѣрила въ судьбу. Влекомая къ нему своимъ сердцемъ, оставшимся до сихъ поръ дѣвственнымъ, и своей душой, въ которой царила пустота, покоренная физически его ласками,— она понемногу привязалась къ нему, какъ привязываются нѣжныя женщины, любящія въ первый разъ.

Въ немъ же эта любовь проявлялась страстными, чувственными и поэтическими порывами. Ему казалось, что онъ вдругъ полетѣлъ, протянувъ руки, и что ему удалось захватить обѣими руками крылатую и чудную мечту, всегда витающую надъ нашими надеждами. Онъ окончилъ портретъ графини,—дѣйствительно, самый лучшій изо всѣхъ написанныхъ имъ портретовъ, потому что онъ съумѣлъ уловить и изобразить въ немъ то невыразимое *нѣчто*, которое почти никогда не умѣетъ открыть живописецъ; тотъ отблескъ, ту тайну, то отраженіе души, которое неуловимо проскальзываетъ по лицу...

Прошли мѣсяцы, а потомъ и годы, не ослабивъ связи между графиней де-Гиллеруа и живописцемъ Оливье Бертиномъ. Въ немъ уже не было восторговъ прежнихъ дней, но оставалась спокойная и глубокая привязанность, — родъ любовной дружбы, вошедшей у него въ привычку. Въ ней, напротивъ, безпрестанно росла страстная, настойчивая привязанность женщины, отдающейся мужчинѣ совсѣмъ и навсегда. Честныя и прямыя въ адюльтерѣ,—какими онѣ могли бы быть въ законномъ бракѣ, такія женщины отдаются единственной привязанности, отъ которой уже ничто не можетъ ихъ отвратить. Онѣ не только любятъ своего любовника, но хотятъ любить его, и, глядя на него неотступно, такъ занимаютъ свое сердце одной мыслью о немъ, что ничто другое уже не можетъ войти въ него. Онѣ связываютъ свою жизнь съ такою же рѣшимостью, съ какой связываютъ себѣ руки,—прежде чѣмъ броситься съ моста въ воду, — люди, умѣющіе плавать, но желающіе умереть.

Но начиная съ той минуты, когда графиня отдалась такимъ образомъ, ее началъ осаждать страхъ относительно постоянства Оливье Бертина. Ничто не удерживало его, кромѣ его воли, его каприза, его мимолетнаго увлеченія женщиной, которую онъ встрѣтилъ, какъ уже встрѣчалъ прежде столько другихъ! Она чувствовала, что онъ былъ такъ свободенъ, такъ легко поддавался искушенію, — онъ, жившій безъ обязанностей, безъ привычекъ и безъ разборчивости, какъ всѣ мужчины! Онъ былъ красивъ, знаменитъ; его знакомства добивались, его быстро возбуждаемыя желанія готовы были удовлетворить всѣ женщины большаго свѣта, стыдливость которыхъ такъ хрупка, и всѣ женщины полусвѣта или театра, щедрыя на ласки съ мужчинами, подобными ему. Одна изъ нихъ, въ одинъ прекрасный вечеръ послѣ ужина, могла послѣдовать за нимъ, овладѣть имъ и сохранить его для себя...

Она жила среди ужаса потерять его, слѣдя за его жестами и манерами, волнуясь отъ одного слова, страдая, когда онъ восхищался другой женщиной, хвалилъ прелесть другаго лица или грацію другой фигуры. Все, что̀ оставалось ей неизвѣстнымъ въ его жизни, заставляло ее дрожать, а все, что̀ она знала о ней, пугало ее. При каждой встрѣчѣ съ нимъ, она ловко выспрашивала, не давая ему этого замѣтить, и заставляла его высказывать свое мнѣніе о людяхъ, которыхъ онъ видѣлъ, о домахъ, гдѣ обѣдалъ, о самыхъ легкихъ впечатлѣніяхъ. Какъ только ей казалось, что она замѣчала чье либо возможное вліяніе на него, она боролась противъ него съ замѣчательной хитростью и всевозможными средствами. О! часто она предчувствовала тѣ короткія интриги безъ глубокихъ корней, продолжающіяся время отъ времени восемь или пятнадцать дней въ жизни всякаго выдающагося художника. Она обладала, такъ сказать, ясновидѣніемъ опасности, даже прежде чѣмъ могло бы предупредить ее о возбужденіи новаго желанія Оливье торжествующее выраженіе въ его глазахъ и лицѣ.

Тогда она начинала страдать; ея сонъ нарушали муки сомнѣнія. Чтобы застать его врасплохъ, она пріѣзжала къ нему, не предупредивъ; предлагала ему вопросы, казавшіеся наивными, щупала его сердце, прислушивалась къ его мысли, какъ щупаютъ, какъ слушаютъ, чтобъ открыть боль, скрытую въ какой нибудь части тѣла. И она плакала, остав-

щись наединѣ, увѣренная въ томъ, что теперь его отнимутъ у нея, украдутъ эту любовь, которой она такъ дорожила, вложивъ въ нее, вмѣстѣ со всей своей волей, всю силу своей любви, всѣ свои надежды и всѣ свои мечты...

Зато, когда она чувствовала, что онъ возвращался къ ней послѣ этого мимолетнаго отдаленія, то она, въ возможности снова захватить его, снова обладать имъ, испытывала нѣмое и глубокое счастье, заставлявшее ее иногда, проходя мимо церкви, заходить въ нее, чтобы благодарить Бога. Забота всегда нравиться ему больше всѣхъ другихъ и не уступать никакой другой сдѣлала ея жизнь непрерывной борьбой кокетства. Она безпрестанно боролась за него при немъ же, посредствомъ граціи, красоты и элегантности. Она хотѣла, чтобы всюду, гдѣ бы онъ ни услышалъ о ней, хвалили ея прелесть, ея вкусъ и ея туалеты. Она желала нравиться другимъ только ради него и обольстить ихъ, чтобъ онъ гордился ею и ревновалъ ее. И каждый разъ, угадавъ въ немъ ревность, заставивъ его немного страдать, она готовила ему торжество, оживлявшее его любовь, возбуждавшее его тщеславіе.

Понимая, что мужчина всегда могъ встрѣтить въ свѣтѣ женщину, физическая обольстительность которой могла быть сильнѣе, потому что была новѣе, — она прибѣгла къ другимъ средствамъ: стала льстить ему и баловать его. Осторожно, но постоянно, она осыпала его похвалами, убаюкивала его восхищеніемъ и окружала комплиментами, чтобы онъ вездѣ у другихъ находилъ дружбу и даже любовь немного уже холодными и несовершенными; чтобы онъ,—если и другія будутъ любить его, — сознавалъ, что ни одна женщина не можетъ понимать его, какъ она. Она сдѣлала изъ своего дома, изъ двухъ своихъ гостинныхъ,—которыя онъ такъ часто посѣщалъ,—мѣсто, привлекавшее столько же его тщеславіе, какъ художника, сколько и сердце, какъ мужчины. Она не только научилась узнавать всѣ его вкусы, чтобы, удовлетворяя ихъ въ своемъ домѣ, дать ему чувство довольства, котораго ничто не могло замѣнить; но съумѣла породить въ немъ новыя потребности, вызвать въ немъ разныя желанія, матеріальныя или душевныя, привычку къ ухаживанью за нимъ, къ нѣжности, обожанію и лести. Она старалась прельстить его зрѣніе изяществомъ, обоняніе—духами, слухъ—комплиментами, вкусъ—тонкими блюдами.

Но, вложивъ въ душу и тѣло эгоистическаго холостяка множество маленькихъ тиранническихъ потребностей; убѣдившись, что ни одна любовница не станетъ наблюдать и поддерживать ихъ, чтобы привязать его къ себѣ всѣми мелкими наслажденіями жизни, ей вдругъ стало страшно, когда она увидѣла, что ему опротивѣлъ его собственный домъ, когда онъ началъ постоянно жаловаться на одиночество и, не имѣя возможности ходить къ ней иначе, какъ со всей осторожностью, предписанной общественнымъ этикетомъ, началъ искать въ клубѣ и всюду средство смягчить это одиночество. Ей стало страшно, что онъ можетъ, наконецъ, подумать и о женитьбѣ. Бывали дни, когда она такъ страдала отъ этихъ тревогъ, что желала старости, чтобы покончить съ этимъ страданьемъ и успокоиться въ остывшей и спокойной привязанности.

Между тѣмъ, годы проходили, не разъединяя ихъ. Цѣпь, надѣтая ею, была прочна и она все возобновляла износившіяся звенья. Вѣчно заботливая, она наблюдала за сердцемъ живописца, какъ наблюдаютъ за ребенкомъ, переходящимъ черезъ улицу, полную экипажей, и каждый день боялась неожиданнаго случая, угроза котораго вѣчно виситъ надъ нами. Графъ, ничего не подозрѣвая и не ревнуя, находилъ совершенно естественной эту короткость между своей женой и знаменитымъ художникомъ, котораго вездѣ принимали съ большимъ уваженіемъ. Видясь постоянно, оба эти человѣка привыкли и, наконецъ, полюбили другъ друга.

III.

Войдя въ пятницу вечеромъ къ своей подругѣ, у которой долженъ былъ обѣдать, чтобы праздновать возвращеніе Annette де-Гиллеруа, Бертинъ нашелъ въ маленькой гостинной Louis XV нѣкоего Мюзадьё, только что пріѣхавшаго.

Это былъ умный старикъ, который могъ бы сдѣлаться человѣкомъ замѣчательнымъ, и не могъ утѣшиться, что не былъ тѣмъ, чѣмъ могъ бы быть. Бывши хранителемъ императорскихъ музеевъ, онъ нашелъ средство доставить себѣ званіе «инспектора академіи изящныхъ искусствъ» при республикѣ, что не мѣшало ему быть, прежде всего, другомъ принцевъ, принцессъ и герцогинь европейской аристократіи, а потомъ

ужь и присяжнымъ покровителемъ художниковъ всѣхъ родовъ. Одаренный быстрымъ умомъ, способнымъ все подмѣтить, необыкновеннымъ даромъ слова, позволявшимъ ему особенно пріятно говорить о самыхъ простыхъ вещахъ, гибкостью мысли, вслѣдствіе которой онъ чувствовалъ себя одинаково хорошо во всякомъ обществѣ, и тонкимъ чутьемъ дипломата, дававшимъ ему возможность судить вѣрно о людяхъ съ перваго взгляда, онъ переносилъ изъ гостинной въ гостинную, по цѣлымъ днямъ и вечерамъ, свою просвѣщенную дѣятельность, безполезную и болтливую.

Способный на все, онъ говорилъ обо всемъ съ видомъ компетентности и съ общедоступной ясностью, что особенно цѣнили въ немъ свѣтскія женщины, для которыхъ онъ служилъ ходячимъ базаромъ учености. Онъ, дѣйствительно, зналъ многое, никогда ничего не читая, кромѣ самыхъ необходимыхъ книгъ. Онъ находился въ отличныхъ отношеніяхъ съ пятью академіями, со всѣми учеными, писателями и спеціалистами, которыхъ слушалъ съ разборомъ. Онъ тотчасъ же забывалъ слишкомъ техническія или ненужныя для его отношеній подробности, но отлично запоминалъ все остальное и придавалъ собраннымъ такимъ образомъ знаніямъ легкій, ясный и простодушный оттѣнокъ, дѣлавшій ихъ доступными пониманію, какъ научныя сказки. Онъ производилъ впечатлѣніе складочнаго мѣста идей, гдѣ никогда не найдешь рѣдкихъ вещей, но гдѣ все находится въ изобиліи; все дешево и разнообразно.

Живописцы, съ которыми онъ по своей должности находился въ постоянныхъ сношеніяхъ, смѣялись надъ нимъ, но побаивались его. Онъ, впрочемъ, оказывалъ имъ услуги, доставлялъ возможность продавать картины, вводилъ ихъ въ общество, любилъ представлять ихъ, покровительствовать имъ и пускать въ ходъ. Казалось, онъ посвящалъ себя таинственному дѣлу сліянія свѣтскаго общества съ художниками; гордился тѣмъ, что коротко зналъ послѣднихъ, и фамильярно являлся къ первымъ; завтракалъ съ принцемъ Уэльскимъ, проѣзжавшимъ чрезъ Парижъ, и въ тотъ же вечеръ обѣдалъ съ Полемъ Адельмансомъ, Оливье Бертиномъ и Амори Мальданомъ.

Бертинъ говорилъ о немъ: «это энциклопедія Жюля Верна, переплетенная въ ослиную кожу»!

Они пожали другъ другу руки и заговорили о политическомъ положеніи; о воинственныхъ слухахъ, которые Мюзадьё считалъ «тревожными», по видимымъ причинамъ, отлично имъ излагаемымъ, доказывая, что въ интересахъ Германіи было—раздавить Францію и ускорить этотъ моментъ, ожидавшійся въ продолженіе восемнадцати лѣтъ Бисмаркомъ, между тѣмъ какъ Оливье доказывалъ неоспоримыми доводами, что эти страхи были химеричны, такъ какъ Германія не могла быть столь безумной, чтобы компрометировать себя сомнительной войной, и что канцлеръ не могъ быть настолько неосторожнымъ, чтобы сразу рисковать своимъ твореньемъ и своей славой въ послѣдніе дни своей жизни.

Мюзадьё, казалось, зналъ вещи, которыхъ не хотѣлъ высказать. Онъ видѣлся въ теченіе дня съ однимъ министромъ и встрѣтился съ русскимъ великимъ княземъ, вернувшимся изъ Кана наканунѣ вечеромъ. Художникъ оставался при своемъ мнѣніи и со спокойной ироніей оспаривалъ компетентность самыхъ посвященныхъ лицъ. За всѣмъ этимъ шумомъ только подготовлялось движеніе на биржѣ. Одинъ князь Бисмаркъ, быть можетъ, имѣлъ относительно всего этого опредѣленное мнѣніе.

Вошелъ графъ де-Гиллеруа и любезно пожалъ имъ руки, извиняясь въ умильныхъ фразахъ, что оставилъ ихъ однихъ.

— А вы, дорогой депутатъ,—спросилъ живописецъ,—что вы думаете о слухахъ относительно войны?

Графъ де-Гиллеруа сейчасъ же разразился цѣлой рѣчью. Онъ зналъ объ этомъ больше, чѣмъ кто нибудь, какъ членъ палаты, но между тѣмъ не раздѣлялъ мнѣнія большинства своихъ коллегъ. Нѣтъ, онъ не вѣрилъ въ вѣроятіе близкаго конфликта, если только онъ не будетъ вызванъ безпокойнымъ характеромъ французовъ и родомонтадами пресловутой «лиги патріотовъ». Онъ сильными штрихами набросалъ портретъ князя Бисмарка. Этого человѣка не хотѣли понять, потому что всѣ имѣютъ обыкновеніе приписывать другимъ свой собственный образъ мыслей и считаютъ, что всѣ готовы сдѣлать то, что они сами сдѣлали бы на ихъ мѣстѣ. Князь Бисмаркъ, по его словамъ, не былъ лживымъ дипломатомъ, но человѣкомъ откровеннымъ и даже грубымъ; онъ вездѣ кричалъ одну правду, объявляя о своихъ намѣреніяхъ. «Я хочу мира», говорилъ

онъ. Это правда: онъ желалъ мира; ничего, кромѣ мира, и все доказывало это убѣдительнымъ образомъ въ продолженіе восемнадцати лѣтъ,—все, начиная съ его вооруженій до его союзовъ, до цѣлаго собранія народовъ, соединившихся противъ нашей пылкости. Графъ де-Гиллеруа заключилъ глубоко убѣжденнымъ тономъ:—Это великій человѣкъ, очень великій и желающій мира; но онъ вѣрилъ, что лишь угрозами и сильными средствами можно достигнуть этого мира. Въ общемъ же, господа, онъ—великій варваръ.

— Кто желаетъ цѣли, тотъ хочетъ имѣть и средства,—возразилъ де-Мюзадьѣ.—Я охотно соглашусь съ вами, что онъ желалъ мира, если вы согласитесь со мной, что ему постоянно хотѣлось вести войну, чтобы достигнуть этого. Это, впрочемъ, неоспоримая истина: война ведется лишь для того, чтобы пользоваться миромъ!

Вошедшій лакей доложилъ: «герцогиня де Мортеменъ». Въ широко раскрытыхъ дверяхъ появилась высокая и полная женщина, съ достоинствомъ входившая въ комнату. Гиллеруа бросился къ ней и поцѣловалъ кончики ея пальцевъ.

— Какъ ваше здоровье, герцогиня?—спросилъ онъ.

Остальные мужчины поклонились ей съ легкимъ оттѣнкомъ фамильярности, потому что герцогиня отличалась прямымъ и рѣзкимъ обращеніемъ. Вдова генерала, герцога де-Мортемена, мать единственной дочери, вышедшей замужъ за принца де-Саліа, дочь маркиза де Фарандаля, знатнаго происхожденія и царски богатая, она принимала въ своемъ отелѣ, въ улицѣ Вареннъ, всѣхъ извѣстныхъ людей міра, встрѣчавшихся и привѣтствовавшихъ другъ друга у нея. Ни одно «высочество» не проѣзжало черезъ Парижъ, не пообѣдавъ за ея столомъ, и ни одинъ человѣкъ не могъ заставить говорить о себѣ, не возбудивъ въ ней тотчасъ же желанія познакомиться съ нимъ. Ей необходимо было видѣть его, заставить говорить и произнести надъ нимъ свое сужденіе. И все это очень занимало ее, возбуждало ея жизнь и питало пламя надменнаго и благосклоннаго любопытства, горѣвшаго въ ней.

Она только что сѣла, какъ тотъ же лакей доложилъ: «баронъ и баронесса де-Корбель». Оба они были молоды; баронъ плѣшивъ и толстъ, баронесса—тоненькая, изящная брюнетка. Эта пара имѣла спеціальное положеніе во французской аристо-

кратіи, которымъ была обязана единственно строгому выбору своего знакомства. Незнатнаго рода, безъ всякаго личнаго достоинства, не обладая умомъ, движимый во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ безмѣрной любовью ко всему избранному, приличному и изящному, баронъ умѣлъ, — посредствомъ посѣщенія только княжескихъ домовъ, высказыванія своихъ роялистскихъ убѣжденій и уваженія ко всему, что̀ «слѣдовало презирать», — прослыть въ глазахъ многихъ самымъ тонкимъ представителемъ high-life'a. Его мнѣніе считалось чѣмъ-то въ родѣ мѣрила приличія, а его присутствіе въ какомъ нибудь домѣ придавало ему настоящую печать «порядочности». Корбели были родственниками графа де-Гиллеруа.

— А гдѣ же ваша жена? — спросила герцогиня съ удивленіемъ.

— Секунду, только секунду, — просилъ графъ.—Это сюрпризъ; она сейчасъ выдетъ.

Когда графиня де-Гиллеруа, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, вступила въ свѣтъ, ее представили герцогинѣ де-Мортемеръ, которая тотчасъ же полюбила ее, ввела въ свой домъ и начала ей покровительствовать. Черезъ двадцать лѣтъ, эта дружба не ослабѣла и когда герцогиня говорила ей: «крошка моя»—въ ея голосѣ слышалось чувство постоянной любви къ графинѣ. Мюзадьё подошелъ къ ней.

— Вы были на выставкѣ «Неумѣренныхъ», герцогиня?— спросилъ онъ.

— Нѣтъ. Что это такое?

— Группа новыхъ художниковъ, — импрессіонисты въ состояніи опьяненія. Двое изъ нихъ очень талантливы.

— Я не люблю шутовства этихъ господъ,—пробормотала знатная дама съ презрѣніемъ.

Авторитетная, рѣзкая, не допускавшая другаго мнѣнія, кромѣ своего, которое основывала единственно на важности своего соціальнаго положенія, — она почти безсознательно смотрѣла на художниковъ и ученыхъ, какъ на наемниковъ, которымъ Богомъ поручено занимать свѣтскихъ людей или служить имъ, и соразмѣряла свои сужденія лишь съ тою степенью удивленія или безпричиннаго удовольствія, которое доставлялось ей видомъ какого либо предмета, чтеніемъ какой нибудь книги или разсказомъ о какомъ нибудь открытіи. Вы-

сокая, полная, тяжеловѣсная, всегда громко говорившая, она считалась важной дамой, потому что ничто не смущало ея и она осмѣливалась все высказывать, покровительствуя всему свѣту, всѣмъ принцамъ, лишеннымъ трона, своими пріемами въ честь ихъ, и даже самому Всемогущему Богу—пожертвованіями духовенству и церкви.

— Вы знаете, герцогиня, — продолжалъ Мюзадьё, — думаютъ, что удалось арестовать убійцу Маріи Ламбуръ?

Ея интересъ былъ тотчасъ же возбужденъ.

— Нѣтъ, разскажите,—отвѣчала она.

Онъ разсказалъ всѣ подробности. Высокій, очень худой, въ бѣломъ жилетѣ съ маленькими брилліантовыми запонками въ рубашкѣ, онъ говорилъ безъ жестовъ, съ видомъ приличія, позволявшимъ ему произносить очень рискованныя слова. Очень близорукій, онъ, не смотря на свое pince-nez, казалось, никого никогда не видалъ, а когда онъ садился, то весь его скелетъ какъ бы складывался, смотря по формѣ кресла. Его туловище дѣлалось совсѣмъ маленькимъ и складывалось такъ, какъ будто его позвоночный столбъ былъ сдѣланъ изъ каучука. Скрещенныя ноги его походили на двѣ свитыя ленты, а длинныя блѣдныя руки съ вытянутыми пальцами, поддерживаемыя ручками кресла, свисали по обѣимъ его сторонамъ. Его артистически выкрашенные волосы и усы, въ которыхъ онъ искусно оставлялъ сѣдыя пряди, часто служили поводомъ къ шуткамъ.

Въ то время какъ онъ объяснялъ герцогинѣ, что брилліанты убитой публичной женщины были подарены предполагаемымъ убійцей другой женщинѣ, тоже легкаго поведенія, — дверь гостинной снова широко распахнулась и двѣ женщины въ бѣлыхъ кружевныхъ туалетахъ, бѣлокурыя, какъ бы окутанныя облакомъ кружевъ, и похожія другъ на друга, какъ двѣ сестры различнаго возраста, — одна «немного слишкомъ» созрѣвшая, другая немного юная; одна слишкомъ полная, другая слишкомъ тонкая,—вошли въ гостинную, держа другъ друга за талію и улыбаясь.

Всѣ вскрикнули отъ восторга и начали аплодировать. Никто, кромѣ Оливье Бертина, не зналъ о возвращеніи Annette де-Гиллеруа, и появленіе молодой дѣвушки рядомъ съ матерью, которая издали казалась почти такой же свѣжей и даже болѣе

красивой, — заставило всѣхъ найти ихъ обѣихъ очаровательными. Восхищенная герцогиня аплодировала.

— Боже! — восклицала она, — какъ онѣ восхитительны и смѣшны вмѣстѣ! Посмотрите же, мосьё де Мюзадьё,—какъ онѣ похожи другъ на друга!

Начались сравненія, и тотчасъ же образовалось два мнѣнія. По мнѣнію Мюзадьё, Корбелей и графа де-Гиллеруа, графиня и ея дочь походили другъ на друга лишь цвѣтомъ лица, волосъ и особенно глазъ, которые были совершенно одинаковы у обѣихъ, одинаково испещренные черными точками, какъ маленькими каплями чернилъ, упавшими на синеву роговой оболочки. Но какъ только молодая дѣвушка развернется въ женщину, онѣ совершенно не будутъ походить другъ на друга. По мнѣнію же герцогини и Оливье Бертина, онѣ, напротивъ, были совершенно похожи другъ на друга и одна разница въ лѣтахъ позволяла различать ихъ одну отъ другой.

— Какъ она измѣнилась въ три года!—говорилъ живописецъ.—Я бы не узналъ ея; я не осмѣлюсь больше говорить ей ты.

Графиня засмѣялась.

— А! вотъ еще! Хотѣла бы я посмотрѣть, какъ вы скажете «вы» Анетѣ.

— Это я не осмѣлюсь больше говорить «ты» мосьё Бертину, — возразила молодая дѣвушка, смѣлость которой уже проглядывала сквозь застѣнчиво-плутовскія манеры.

Ея мать улыбнулась.

— Сохрани эту дурную привычку; я позволяю тебѣ это. Вы скорѣе такъ опять познакомитесь.

Но Annette качала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ! Это стѣснитъ меня.

Герцогиня поцѣловала ее, разглядывая съ видомъ знатока.

— Ну, крошка, посмотри мнѣ прямо въ лицо. Да, у тебя совершенно взглядъ твоей матери; ты будешь недурна черезъ нѣкоторое время, когда немножко пополнѣешь. Тебѣ надо потолстѣть немного, но все же надо: ты слишкомъ худенькая.

— О! не говорите ей этого,—воскликнула графиня.

— Почему же?

— Такъ пріятно быть тоненькой! Я хочу похудѣть.

Но герцогиня де-Мортеменъ разсердилась, забывая въ горячности своего гнѣва присутствіе молоденькой дѣвочки.

— А, все та же пѣснь! Вы все еще придерживаетесь моды на кости, потому что ихъ легче одѣвать, чѣмъ тѣло. Я принадлежу къ поколѣнію полныхъ женщинъ, а теперь идетъ поколѣніе худыхъ! Это заставляетъ меня думать объ египетскихъ коровахъ... Я не понимаю мужчинъ, которые, кажется, восхищаются вашими скелетами. Въ наше время они требовали лучшаго.

Она замолчала, замѣтивъ общую улыбку.

— Посмотри на свою maman, крошка,—продолжала она.— Она очень хороша, совершенно въ мѣру; подражай ей.

Перешли въ столовую. Когда всѣ сѣли, Мюзадьё вернулся къ прежнему разговору.

— Я говорю, что мужчины должны быть худы, потому что они созданы для упражненій, требующихъ ловкости и легкости, несовмѣстимыхъ съ большимъ животомъ. Дѣло женщинъ—немного иное. Не правда ли, Корбель?

Корбель былъ совершенно смущенъ, такъ какъ герцогиня была полна, а его собственная жена больше, чѣмъ тонка! Но баронесса пришла на помощь мужу и рѣшительно высказалась за стройность.

Въ прошломъ году ей пришлось бороться съ начинавшейся полнотою, которую она поборола очень скоро.

— Разскажите же, что̀ вы дѣлали для этого? — спросила графиня де-Гиллеруа.

И баронесса разсказала способъ, употребляемый всѣми элегантными женщинами настоящаго времени. Не надо пить во время ѣды, и только черезъ часъ послѣ обѣда можно себѣ позволить чашку горячаго. Этотъ способъ всѣмъ удается. Она привела нѣсколько удивительныхъ примѣровъ очень полныхъ женщинъ, сдѣлавшихся въ три мѣсяца тоньше лезвія ножа.

— Боже, какъ глупо такъ себя мучить!—воскликнула герцогиня въ отчаяніи.—Вы ничего не любите, рѣшительно ничего, даже шампанскаго. Послушайте, Бертинъ, вы художникъ, что̀ вы объ этомъ думаете?

— Боже мой, герцогиня! я — живописецъ, я драпирую,— мнѣ все равно. Еслибъ я былъ скульпторомъ, я бы жаловался.

— Но вы—мужчина; что̀ же вы предпочитаете?

— Я?.. ну... изящество, немного сытое, то, что̀ моя кухарка называетъ «хорошимъ маленькимъ цыпленкомъ», откормленнымъ зерномъ. Онъ не жиренъ, но полонъ и вкусенъ.

Это сравненіе вызвало смѣхъ; но графиня недовѣрчиво посмотрѣла на свою дочь и прошептала:

— Нѣтъ, это очень мило: быть худой:—худыя женщины не старѣютъ.

Объ этомъ предметѣ поспорили еще, и общество раздѣлилось на двѣ партіи. Но всѣ согласились въ одномъ, — что очень полная особа не должна худѣть «слишкомъ быстро». Это замѣчаніе подало поводъ къ новому обозрѣнію женщинъ, извѣстныхъ въ свѣтѣ, и къ новымъ замѣчаніямъ относительно ихъ граціи, шика и красоты. Мюзадьё находилъ, что бѣлокурая маркиза де-Локристъ очаровательна, между тѣмъ какъ Бертинъ утверждалъ, что мадамъ Мандельеръ, — брюнетка, со своимъ низкимъ лбомъ, темными глазами и нѣсколько большимъ ртомъ, въ которомъ, казалось, сверкали зубы,—не имѣла соперницъ Онъ сидѣлъ рядомъ съ молодой дѣвушкой и вдругъ, обернувшись къ ней, сказалъ:

— Слушай внимательнѣй, Nanette. Все, что мы говоримъ теперь, ты услышишь, по крайней мѣрѣ, разъ въ недѣлю, пока постарѣешь. Въ восемь дней ты будешь знать наизусть все, что думаютъ въ свѣтѣ о политикѣ, о женщинахъ, о театральныхъ пьесахъ и обо всемъ остальномъ. Тебѣ придется только изрѣдка мѣнять имена людей и названія пьесъ. Когда ты выслушаешь всѣ наши мнѣнія и то, какъ мы ихъ защищаемъ, ты спокойно изберешь свое собственное мнѣніе, а затѣмъ тебѣ ни о чемъ уже не придется думать, а только отдыхать.

Дѣвочка молча подняла на него лукавый взглядъ, въ которомъ отражался юный и острый умъ, еле сдерживаемый и готовый вырваться наружу. Но герцогиня, «игравшая въ идеи» съ Мюзадьё, какъ играютъ въ мячъ,—не замѣчая, что отсылаютъ другъ другу все однѣ и тѣ же мысли, — протестовала во имя ума и человѣческой дѣятельности. Тогда Бертинъ началъ доказывать, до какой степени умъ свѣтскихъ людей,—даже самыхъ образованныхъ,—лишенъ всякаго достоинства, всякой пищи и цѣли, какъ неосновательны всѣ ихъ вѣрованія, какъ слабо и равнодушно ихъ вниманіе ко всему, гдѣ дѣло коснется ума, какъ неустойчивы и измѣнчивы ихъ вкусы. Увлеченный порывомъ негодованія, полудѣйствительнымъ, полуискусственнымъ, вызваннымъ сначала желаніемъ быть краснорѣчивымъ, но потомъ окрѣпшимъ въ ясное сужденіе, — онъ доказывалъ,

какъ люди, единственное занятіе которыхъ состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать визиты и обѣдать въ гостяхъ, вслѣдствіе непреодолимой фатальности, дѣлаются пустыми, банальными созданіями, смутно волнуясь только поверхностными заботами, вѣрованіями и желаніями.

Онъ доказывалъ, что въ этихъ людяхъ нѣтъ ничего глубокаго, страстнаго, искренняго, что ихъ умственная культура ничтожна, а ученость — простой лоскъ, вслѣдствіе чего они не болѣе, какъ манкены, дѣлающіе механическіе жесты. Онъ доказывалъ, что слабые корни ихъ инстинктовъ, взрощенные въ условномъ, а не дѣйствительномъ мірѣ, не позволяютъ имъ ничего любить настоящимъ образомъ; что самая роскошь ихъ существованія есть лишь удовлетвореніе ихъ тщеславія, а не удовлетвореніе утонченной потребности ихъ тѣла, потому что у нихъ и ѣдятъ-то плохо, и пьютъ дурное вино, оплаченное очень дорогою цѣною.

— Они живутъ,—говорилъ онъ,—ничего не видя и ни во что не вникая; науки они не знаютъ, на природу не умѣютъ смотрѣть; не знаютъ счастья, потому что безсильны наслаждаться страстно чѣмъ бы то ни было; не понимаютъ красоты живаго міра или прелести искусства, о которой только болтаютъ. Они неспособны такъ привязаться къ одному предмету, чтобы любить только его, и интересоваться чѣмъ нибудь настолько, чтобъ ихъ озарило счастье полнаго пониманія.

Баронъ де-Корбель счелъ своей обязанностью взять на себя защиту высшаго общества. Онъ сравнилъ подъ конецъ свѣтскихъ людей со скаковыми лошадьми, которыя, по настоящему, ни къ чему не служатъ, но составляютъ, однако, славу лошадиной расы.

Бертинъ хранилъ презрительно-вѣжливое молчаніе. Но вдругъ глупость барона раздражила его и, ловко прервавъ его рѣчь, онъ разсказалъ, не пропустивъ ни малѣйшей подробности, жизнь «благовоспитаннаго человѣка», начиная съ момента вставанья до отхода ко сну. Всѣ эти тонко схваченныя подробности обрисовывали комичный силуэтъ. Бертинъ передразнилъ, какъ подобный господинъ, одѣтый своимъ камердинеромъ, высказываетъ нѣсколько общихъ фразъ куаферу, являющемуся брить его; затѣмъ вопрошаетъ своихъ конюховъ, въ минуту утренней прогулки, о здоровьѣ лошадей; потомъ

галопируетъ по аллеямъ парка съ единственной заботой — раскланяться и получить взаимные поклоны; затѣмъ завтракаетъ, сидя напротивъ своей жены, затѣмъ странствуетъ до самаго вечера изъ гостинной въ гостинную, чтобъ освѣжить свой умъ въ общеніи съ себѣ подобными; обѣдаетъ у какого нибудь принца, гдѣ обсуждается «положеніе Европы», и заканчиваетъ вечеръ въ фойе Оперы.

Портретъ былъ такъ вѣренъ, и иронія художника такъ неоскорбительна, что возбудила общій смѣхъ всѣхъ сидѣвшихъ за столомъ. Герцогиня вся тряслась отъ сдерживаемаго смѣха, какъ всѣ полныя особы.

— Нѣтъ, право, это слишкомъ смѣшно!—воскликнула она, наконецъ.—Вы уморите меня со смѣху.

— О, герцогиня! — возразилъ Бертинъ, очень возбужденный.—Въ свѣтѣ не умираютъ со смѣху. Въ немъ едва смѣются. Изъ любезности и благовоспитанности всѣ притворяются, что имъ весело. Гримасѣ смѣха подражаютъ очень хорошо, но настоящаго искренняго смѣха не слышно. Идите въ народные театры! Тамъ вы увидите, какъ смѣются. Идите къ мѣщанамъ, которые веселятся, и вы увидите, что тамъ смѣются, задыхаясь отъ смѣха. Идите въ солдатскіе театры,—и вы увидите людей, давящихся отъ смѣха, съ глазами, полными слезъ, чуть не въ корчахъ передъ кривляньями какого нибудь шута. Но въ нашихъ гостинныхъ не смѣются! У насъ дѣлаютъ изъ всего только призракъ, даже изъ смѣха.

— Позвольте,—остановилъ его Мюзадьё.—Вы очень строги. Но вы и сами, кажется, не презираете свѣтъ, который такъ хорошо осмѣиваете.

— Да, я люблю его,—улыбнулся Бертинъ.

— Но тогда?..

— Я нѣсколько презираю самого себя, какъ метиса сомнительной расы.

— Вы позируете,—сказала герцогиня.

И когда Бертинъ сталъ защищаться, она прекратила споръ, объявивъ, что всѣ художники любятъ заставлять людей принимать фикцію за дѣйствительность. Тогда разговоръ сдѣлался общимъ, всего коснувшись банально и мягко, дружески и сдержанно. Такъ какъ обѣдъ приходилъ къ концу, графиня вдругъ воскликнула, показывая на полные стаканы передъ собой

— Смотрите, я ничего не пила, ни одной капли: посмотримъ, похудѣю ли я?

Герцогиня хотѣла заставить ее выпить нѣсколько глотковъ минеральной воды, но напрасно.

— О, глупая!—закричала она.—Ея дочь вскружила ей голову. Пожалуйста, Гиллеруа, не позволяйте вашей женѣ дѣлать такую глупость.

Графъ, усердно объяснявшій Мюзадьѣ систему механической молотилки, изобрѣтенной въ Америкѣ, ничего не слыхалъ.

— Какую глупость, герцогиня?

— Глупость—желать похудѣть.

Онъ бросилъ на жену ласково-снисходительный и равнодушный взглядъ.

— Я не привыкъ противорѣчить ей.

Графиня встала, взявъ подъ руку своего сосѣда; графъ предложилъ руку герцогинѣ, и всѣ перешли въ большую гостиную, такъ какъ будуаръ служилъ для дневныхъ пріемовъ. Гостинная была очень большая и свѣтлая комната. На всѣхъ четырехъ стѣнахъ широкія и красивыя панó блѣдно-голубаго шолка, со старинными узорами въ бѣлыхъ съ золотомъ рамахъ, отливали, при освѣщеніи лампъ и люстръ, мягкимъ луннымъ свѣтомъ. Посреди ихъ портретъ графини,—писанный Оливье Бертиномъ, казалось, жилъ и оживлялъ эту комнату. Онъ былъ здѣсь совершенно на своемъ мѣстѣ, какъ бы сливая съ самымъ воздухомъ гостинной улыбку молодой женщины, прелесть ея взгляда и очарованіе ея бѣлокурыхъ волосъ. Вошло почти въ обычай, считалось за необходимую вѣжливость,—какъ крестное знаменіе при входѣ въ церковь,—говорить комплименты оригиналу, относительно произведенія живописца, каждый разъ, какъ останавливались передъ портретомъ.

Мюзадьѣ никогда этого не забывалъ.

Его мнѣніе имѣло значеніе законной экспертизы и онъ считалъ своей обязанностью часто и съ убѣжденіемъ подтверждать превосходство этого портрета.

— Право,—сказалъ онъ, — это самый лучшій изъ новѣйшихъ портретовъ, которые я когда либо видѣлъ. Въ немъ замѣчательная жизнь.

Графъ де-Гиллеруа, въ которомъ привычка выслушивать похвалы этому портрету вкоренила убѣжденіе, что онъ обла-

дает образцовымъ произведеніемъ, подошелъ, чтобы выразить и свое мнѣніе, и въ продолженіе двухъ или трехъ минутъ, повторялись всѣ принятыя техническія формулы, чтобы выхвалить видимыя и воображаемыя качества этого портрета. Глаза всѣхъ, поднятые къ стѣнѣ, казались восхищенными, а Оливье Бертинъ,—привыкшій къ этимъ похваламъ и обращавшій на нихъ столько же вниманія, сколько мы обращаемъ его на вопросъ о нашемъ здоровьѣ при встрѣчѣ на улицѣ,—тѣмъ не менѣе поправлялъ лампу съ рефлекторомъ, поставленную передъ портретомъ, чтобъ лучше освѣтить его.

Потомъ всѣ сѣли, и когда графъ подошелъ къ герцогинѣ, она сказала ему:

— Мой племянникъ, кажется, заѣдетъ за мной и попроситъ у васъ чашку чая.

Братъ герцогини де-Мортеменъ, маркизъ де-Фарандаль, совершенно проигравшійся, умеръ, упавъ съ лошади и оставивъ вдову и сына. Двадцати восьми лѣтъ отъ роду, этотъ молодой человѣкъ,—одинъ изъ лучшихъ дирижеровъ котильона во всей Европѣ, такъ что его выписывали иногда даже въ Вѣну и Лондонъ, чтобъ увѣнчать замѣчательными фигурами балы принцевъ,—сдѣлался, благодаря своему положенію, родству, имени и жидамъ, однимъ изъ самыхъ любимыхъ кавалеровъ всего Парижа, которому завидовали всѣ безъ исключенія. Надо было упрочить эту славу богатой, очень богатой женитьбой и замѣнить свѣтскіе успѣхи — политическими. Разъ сдѣлавшись депутатомъ, маркизъ, уже вслѣдствіе одного этого, сдѣлался бы однимъ изъ столповъ будущаго «трона», однимъ изъ совѣтниковъ короля, однимъ изъ вождей партіи.

Герцогиня, имѣвшая обо всемъ вѣрныя свѣдѣнія, знала громадное состояніе графа де-Гиллеруа, осторожнаго и экономнаго человѣка, занимавшаго наемную квартиру, между тѣмъ какъ могъ бы жить роскошно въ своемъ палаццо, въ одной изъ самыхъ дорогихъ улицъ Парижа. Она всегда знала счастливыя спекуляціи графа, его тонкое финансовое чутье, его участіе въ самыхъ выгодныхъ дѣлахъ въ теченіе цѣлаго десятилѣтія, и ей пришло въ голову женить своего племянника на дочери нормандскаго депутата, которому этотъ бракъ, въ свою очередь, доставилъ бы выдающееся положеніе въ аристократическомъ обществѣ. Гиллеруа, женившись на богатой дѣвушкѣ и увеличивъ своей зе-

костью прекрасное личное состояніе, питалъ теперь честолюбивые мечты.

Онъ вѣрилъ въ «возвращеніе короля» и хотѣлъ бы въ тотъ же день имѣть полную возможность воспользоваться этимъ счастіемъ.

Какъ простой депутатъ, онъ не имѣлъ большаго значенія, но какъ тесть маркиза де-Фарандаля,—предки котораго были близки къ королевскому дому Франціи, — онъ сталъ бы въ первомъ ряду.

Расположеніе герцогини къ его женѣ придавало къ тому же этому союзу характеръ очень важной интимности и, боясь, чтобы не нашлось другой молодой дѣвушки, которая внезапно могла бы понравиться маркизу, онъ вызвалъ свою дочь, чтобъ ускорить это событіе. Герцогиня де-Мортеменъ, предчувствуя и угадывая его планы, молча содѣйствовала имъ сегодня: даже не зная ничего о внезапномъ возвращеніи молодой дѣвушки, она пригласила своего племянника маркиза пріѣхать къ Гиллеруа, чтобы понемногу пріучить его чаще бывать въ ихъ домѣ. Въ первый разъ въ этотъ вечеръ, графъ и герцогиня полусловами высказали свои желанія и заключили другъ съ другомъ союзъ.

На другомъ концѣ гостинной раздавался смѣхъ. Мюзадьё разсказывалъ баронессѣ де-Корбель о представленіи негрскаго посольства, когда доложили о пріѣздѣ маркиза де-Фарандаля. Маркизъ остановился въ дверяхъ. Быстрымъ и привычнымъ жестомъ онъ вставилъ монокль въ свой правый глазъ, какъ бы для того, чтобы разглядѣть гостинную, въ которую входилъ, но вѣрнѣе для того, чтобы находящіеся въ ней успѣли увидѣть его и замѣтить, какъ онъ войдетъ. Потомъ, неуловимымъ движеніемъ щеки и брови, онъ заставилъ упасть этотъ кусочекъ стекла висѣвшій на тончайшемъ черномъ шолковомъ шнуркѣ, быстро подошелъ къ графинѣ де-Гиллеруа и, низко наклонившись, поцѣловалъ ея руку. Онъ сдѣлалъ то же относительно своей тетки; потомъ раскланялся, пожимая руки остальныхъ и переходя отъ одного къ другому съ изящной развязностью.

Онъ былъ высокій мужчина съ рыжеватыми усами, уже немного плѣшивый, съ фигурой военнаго и манерами англійскаго спортсмена. Въ немъ чувствовался человѣкъ, всѣ члены котораго были болѣе развиты, чѣмъ голова, и который любитъ лишь то, что развиваетъ силу и физическую дѣятельность. А,

между тѣмъ, онъ былъ образованъ, учился и продолжалъ учиться до сихъ поръ всему, что нужно было знать: изучалъ исторію, стараясь запомнить цифры и путая факты; изучалъ элементарныя свѣдѣнія по политической экономіи, необходимыя депутату, знакомился съ азбукой соціологіи, насколько она нужна «правящимъ классамъ». Мюзадьё уважалъ его, говоря: «это будетъ человѣкъ со значеніемъ». Бертинъ цѣнилъ его ловкость и силу. Они посѣщали одну и ту же фехтовальную залу, часто охотились вмѣстѣ и встрѣчались верхомъ въ аллеяхъ парка. Между ними, вслѣдствіе этого, зародилась симпатія общихъ вкусовъ, та инстинктивная свобода отношеній, которая доставляетъ всегда готовую и пріятную тему для разговора.

Когда маркиза представили Анетѣ де-Гиллеруа, онъ вдругъ заподозрилъ комбинацію своей тетки и, поклонившись, окинулъ ее быстрымъ взоромъ любителя. Онъ нашелъ ее очень миленькой, а—главное—много обѣщающей, потому что, дирижируя столькими котильонами, хорошо изучилъ молодыхъ дѣвушекъ и могъ почти безошибочно предсказать будущность ихъ красоты, какъ знатокъ, пробующій молодое вино. Онъ обмѣнялся съ ней только нѣсколькими незначительными фразами; потомъ подсѣлъ къ баронессѣ де-Корбель и началъ вполголоса болтать съ ней. Гости разъѣхались рано, и,—когда дѣвочка уже улеглась, лампы были потушены, а слуги удалились въ свои комнаты, — графъ де-Гиллеруа, ходя взадъ и впередъ по гостиной, освѣщенной лишь двумя свѣчами, долго еще удерживалъ графиню, дремавшую въ креслѣ, развивая передъ нею свои надежды и подробно излагая, какъ имъ слѣдовало держать себя, предвидѣть всѣ комбинаціи и какія мѣры предосторожности слѣдовало предпринять. Было уже поздно, когда онъ удалился, восхищенный своимъ вечеромъ. «Мнѣ кажется, что это дѣло рѣшеное», шепталъ графъ про себя.

(*Окончаніе будетъ*).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Первый шагъ къ практическому разрѣшенію франко-турецкаго конфликта.—Неоправдавшіяся надежды на всемогущее заступничество Германіи за Турцію. — Способна ли Турція возстановить порядокъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи? — Похищеніе миссъ Стонъ.—Смерть афганскаго эмира и толки о предполагаемой политикѣ новаго эмира. — Новый фазисъ въ вопросѣ о постройкѣ багдадской желѣзной дороги.—Двухлѣтіе англо-боэрской войны. — Мнѣнія англійскаго духовенства о концентраціонныхъ лагеряхъ, гдѣ гибнутъ боэрскія женщины и дѣти.—Отзывъ Стэда о «настоящихъ измѣнникахъ» Англіи. — Паденіе престижа Англіи въ Европѣ и Индіи.—Новыя теченія въ политикѣ С. А. Соединен. Штатовъ.—Панамериканизмъ.—Смерть Лихунчанга.—Толки иностранной прессы о договорѣ Россіи съ Китаемъ относительно Манджуріи.—Финалъ дрейфусіады.—Истощеніе кагальной казны.

Франко-турецкій конфликтъ близится къ разрѣшенію. Франція, потерявши всякую надежду получить отъ турецкаго правительства удовлетвореніе своихъ законныхъ требованій, перешла отъ словеснаго протеста къ фактическому и заняла островъ Мителену.

Такой рѣшительный образъ дѣйствій является неожиданностью, какъ для Турціи, такъ и для всей Европы. Турецкій султанъ былъ увѣренъ, что Франція не рѣшится на такой смѣлый шагъ, такъ какъ за спиною Турціи стоитъ недремлющій стражъ и другъ ея,—Германія. Послѣдняя,—какъ думали въ Стамбулѣ,—*не позволитъ* Франціи перейти отъ слова къ дѣлу. Теперь Турціи пришлось воочію убѣдиться, что Германія является другомъ только тогда, когда ей нужно вытянуть что либо, въ видѣ концессіи, изъ рукъ опекаемаго друга. Франціи ничего другого не оставалось, какъ убѣдить Порту въ томъ, что ее напрасно ввели въ заблужденіе. Можно себѣ представить то смятеніе, какое произошло во дворцѣ, когда было получено сообщеніе о томъ, что французскій флагъ развѣвается надъ Мителеной!

Но это не послѣдній шагъ Франціи къ обузданію Порты. По заявленію Делькассе въ палатѣ депутатовъ, Франція на этомъ не остановится, если

Порта не признаетъ немедленно всѣхъ ея справедливыхъ претензій. Турція получила такой урокъ, который окажется небезполезнымъ и для ея политики. Раздутому престижу Германіи въ Турціи нанесенъ сильный ударъ и съ этого момента онъ обращается въ мыльный пузырь. «Всесвѣтное господство» Германіи,—какъ усердно нашѣвали султану нѣмецкіе дипломаты,—существуетъ больше въ ихъ воображеніи, чѣмъ на дѣлѣ. Теперь, конечно, въ Константинополѣ убѣдились, что нѣмцы не управляютъ всѣмъ міромъ. Надежды на заступничество вѣрнаго друга не оправдались. Единственный выходъ изъ такого положенія—это удовлетворить всѣ законныя требованія Франціи не обѣщаніями, а на дѣлѣ.

Положеніе Турціи и безъ подобныхъ инцидентовъ крайне тяжело. Довольно для нея и внутреннихъ осложненій. Полное истощеніе финансовъ, албанскія безобразія, армянская рѣзня—вотъ вопросы, требующіе къ себѣ серьезнаго вниманія со стороны Порты. Похищеніе миссъ Стонъ турецкими разбойниками не останется, конечно, безнаказаннымъ для Турціи. Изъ Вашингтона сообщаютъ въ «Daily Telegraph», что американское правительство исчерпало всѣ средства къ освобожденію миссъ Стонъ изъ рукъ турецкихъ разбойниковъ, бѣжавшихъ въ Болгарію. На послѣднюю также падаетъ часть вины въ похищеніи миссъ Стонъ.

Сумма требуемаго разбойниками выкупа пока еще не вся собрана. Государственный департаментъ Соединенныхъ Штатовъ совѣтуетъ поспѣшить сборомъ пожертвованій.

Противъ уплаты выкупа болгарское правительство, однако, протестуетъ. Уплата всей суммы повлекла бы за собой еще бо́льшее усиленіе разбойничествъ на Балканскомъ полуостровѣ. Сумма въ 600,000 за освобожденіе одного лица, до сихъ поръ небывалая, раздразнила апетиты не однихъ разбойниковъ, но и высшихъ турецкихъ сановниковъ, которыхъ уже и теперь обвиняютъ въ укрывательствѣ разбойниковъ. Болгарскія газеты увѣряютъ, что каймакамъ (уѣздный начальникъ) Джумаіи самъ снабжаетъ разбойниковъ, похитившихъ миссъ Стонъ, съѣстными припасами. Любопытно, между прочимъ, предположеніе «Вечерней Почты», что каймакамъ дѣйствуетъ по внушенію Ильдизъ-Кіоска, желающаго отплатить Соединеннымъ Штатамъ за вынужденное вознагражденіе по дѣлу объ армянскихъ безпорядкахъ. Представитель Соединенныхъ Штатовъ, однако, далекъ отъ подобныхъ подозрѣній и продолжаетъ по прежнему настаивать на виновности болгарскаго македонскаго комитета. Вернувшійся въ Болгарію изъ Македоніи священникъ назвалъ будто бы полиціи нѣсколькихъ членовъ разыскиваемой шайки по именамъ и удостовѣрилъ фактъ, что шайка—болгаро-македонскаго происхожденія.

Роль Турціи, какъ въ Европѣ, такъ и Малой Азіи, приходитъ къ концу. Безпомощность турецкихъ властей подавить внутренніе безпорядки въ Албаніи, Арменіи и справиться съ разбойниками свидѣтельствуетъ о не-

мощи турецкаго государственнаго организма. Если Турція еще и занимаетъ на картѣ Европы опредѣленное мѣсто, то этимъ она обязана отнюдь не самой себѣ, не своей крѣпости и мощи, а взаимному соперничеству европейскихъ государствъ, боязни ихъ, что при дѣлежѣ имущества «больнаго человѣка» кто нибудь получитъ больше...

Смерть афганскаго эмира Абдуррахмана, не смотря на то, что она давно уже ожидалась, была все таки непріятнымъ извѣстіемъ для Англіи. При вѣсти о смерти эмира, всѣ лондонскіе политическіе кружки положительно растерялись, и первымъ чувствомъ ихъ было чувство страха предъ тѣмъ: что сдѣлаетъ и какъ поступитъ Россія.

«Какимъ-то дурманомъ ошеломило всѣхъ англійскихъ большихъ и малыхъ дѣятелей извѣстіе о кончинѣ эмира. Получено оно было въ Лондонѣ вечеромъ, а на другой же день, печатая телеграмму, торійскія газеты и органы финансовыхъ кружковъ, словно по уговору, разразились дикими выходками по адресу Россіи. Теперь Россіи просторъ, теперь она-де займетъ не только Гератъ, но и весь Афганистанъ, и самый Кабулъ: благо англичане заняты въ Африкѣ. Мы дескать, англичане, эту, всѣмъ извѣстную своимъ коварствомъ, злодѣйку—распотрошимъ и въ порошокъ сотремъ. Недаромъ у насъ энергичные министры,—они ей покажутъ!.. Это бряцанье несуществующимъ оружіемъ, вмѣстѣ съ сознаніемъ собственнаго безсилія и паническимъ страхомъ, объявшимъ здѣшнихъ народныхъ руководителей, производятъ траги-комическое впечатлѣніе. И смѣшно дѣлается, и жалко этихъ маньяковъ, страдающихъ маніей величія, которая теперь перешла въ манію преслѣдованія. Бульварная (полупенсовая) печать выпустила плакаты съ огромными надписями: «Займетъ ли Россія Афганистанъ»? Недѣли двѣ тому назадъ, появились такіе же плакаты съ надписями: «Займетъ ли Россія Норвегію»? Почему Россіи понадобилась Норвегія,—извѣстно только редакторамъ полупенсовыхъ газетъ Но баснѣ объ Афганистанѣ повѣрили, и на улицахъ и въ клубахъ заговорили о занятіи его, какъ о фактѣ, чуть ли уже не совершившемся; обсуждались способы и условія этого занятія, говорили о томъ, чѣмъ и какъ отвѣтитъ на него Англія.

Но среди всеобщей паники не растерялись одни только органы либеральной печати. Они указывали не на опасность нападенія ея стороны Россіи, а *на поведеніе англійской шовинистской прессы*:—какъ бы она не втянула Англію въ какую либо политическую авантюру.

«Какъ бы наши министры не захотѣли *отвлечь вниманіе толпы отъ южно-африканскихъ дѣлъ* и не затѣяли новой авантюры въ Афганистанѣ»?—говорили они. «Кстати же въ Индіи сидитъ теперь лордъ Керзонъ, извѣстный руссофобъ и сторонникъ англійской завоевательной по-

литики. Тогда, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ съ Россіей не раздѣлаешься такъ легко».

Другая часть англійской прессы,—не смотря на постоянную травлю Россіи и русскаго народа,—теперь начала увѣрять своихъ читателей въ миролюбіи Россіи. «Times»,—не стѣсняясь противорѣчіемъ съ непрестанными іереміадами на своихъ столбцахъ насчетъ невѣрности Россіи ея обязательствамъ,—объявилъ вдругъ, что «Россія до сихъ поръ выполняла свои обѣщанія, а потому нѣтъ причины думать, чтобъ она нарушила ихъ въ настоящемъ случаѣ». «Morning Post»,—другой постоянный обличитель «русскаго коварства»,—прямо заявилъ, что «Англія теперь неспособна воспротивиться какому либо предпріятію Россіи въ сторону Афганистана», выражая при этомъ увѣренность, что «Россія сама не захочетъ воспользоваться такимъ моментомъ для эгоистическаго дѣйствія».

По словамъ англійской прессы, покойный Абдуррахманъ, которому англичане давали ежегодныя субсидіи и деньгами, и пушками, былъ заклятый врагъ Россіи и вѣрный другъ Англіи. Трудно сказать, былъ ли, дѣйствительно, врагомъ Россіи афганскій эмиръ. Онъ боялся Россіи,—это правда. Онъ больше *дружилъ* съ Англіей, и это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Изъ Индіи онъ получалъ деньги, пушки, оружіе и инструкторовъ, и почерпнулъ тотъ страхъ предъ могуществомъ и коварствомъ Россіи, которымъ заражены англичане. Но былъ ли онъ вѣрнымъ другомъ Англіи? это довольно рискованный вопросъ. На него съ увѣренностью не могли бы отвѣтить даже сами англійскіе политики.

Оставимъ вопросъ, чьимъ врагомъ или другомъ былъ покойный эмиръ. Несомнѣнно только одно, что онъ любилъ свою родину и свой народъ. Если онъ и дружилъ съ Англіей, то, по всей вѣроятности, для того чтобы получать отъ нея извѣстныя матеріальныя выгоды.

Газета «Pioneer», издающаяся въ Симлѣ, сообщаетъ слѣдующее описаніе послѣднихъ минутъ жизни Абдуррахмана:

«На третьей недѣлѣ сентября, у эмира Абдуррахмана параличъ поразилъ правую сторону тѣла, но дворецъ держалъ это событіе въ тайнѣ. 28-го сентября н. ст., чувствуя приближеніе конца, эмиръ Абдуррахманъ призвалъ къ себѣ свою семью, высшихъ гражданскихъ и военныхъ начальниковъ и знатнѣйшихъ магометанскихъ и индусскихъ гражданъ Кабула. Явились всѣ сыновья Абдуррахмана, за исключеніемъ 13-лѣтняго Афзалъ-хана, который со своею матерью находился въ Балхѣ. На ихъ поклоны больной эмиръ отвѣтилъ взглядомъ и затѣмъ тихимъ, но яснымъ голосомъ сказалъ имъ слѣдующее: — Когда государь становится старъ, слабъ и близокъ къ концу своей жизни, то всегда является у него желаніе назначить себѣ преемника. И вотъ я хочу теперь рѣшить, кто наслѣдуетъ власть послѣ меня. Поищите среди себя, кого вы считаете

достойнымъ наслѣдовать мнѣ, и назовите его. Присутствовавшіе не смогли удержаться отъ рыданій. Они объявили, что желаютъ назначенія Хабибуллы, который въ теченіе 8 лѣтъ хорошо завѣдывалъ государственными дѣлами. Тогда эмиръ приказалъ Хабибуллѣ взять его саблю, поясъ, украшенный драгоцѣнными каменьями, и толстую рукопись, содержащую, по всей вѣроятности, завѣщаніе и наставленія относительно управленія государствомъ. Затѣмъ велѣлъ младшимъ сыновьямъ возложить корону на голову Хабибуллы, послѣ чего отпустилъ присутствовавшихъ. Силы эмира быстро упадали и онъ умеръ 1-го октября; но смерть его держали въ тайнѣ до утра 3-го октября, когда Хабибулла объявилъ о томъ созванному имъ дурбару».

Что же представляетъ изъ себя новый афганскій эмиръ? Встревоженная возможными послѣдствіями кончины эмира, англійская печать всѣ свои надежды возлагаетъ на его наслѣдника, Хабибуллу-хана.

Хабибулла-ханъ родился въ Самаркандѣ въ 1872 г. У него четыре брата. Изъ нихъ одинъ, Фатулла-ханъ, находится въ настоящее время на русской территоріи. Между тѣмъ, онъ-то именно и является вѣроятнымъ соперникомъ Хабибуллы. Фатулла-ханъ, и съ материнской стороны, принадлежитъ къ владѣтельному роду, между тѣмъ какъ мать новаго эмира была низкаго происхожденія.

Хабибулла—любимецъ отца, и уже давно подготовлялся имъ къ занятію престола.

«О Хабибуллѣ,—замѣчаетъ «Times»,—мы знаемъ лишь то, что сообщено о немъ въ мемуарахъ покойнаго Абдуррахмана. Еще во время войны съ Эйюбомъ, — по словамъ этихъ мемуаровъ, — Хабибулла, въ отсутствіе своего отца, тогда еще отрокъ, номинально числился главой Кабула, и по возвращеніи эмиръ хвалилъ его за то, что Хабибулла посѣщалъ солдатскія казармы и говорилъ съ ихъ начальниками въ интересахъ эмира. Въ 1888 году, во время войны съ Ишханомъ, Хабибуллѣ снова поручено было управленіе Кабуломъ, и оно оставалось въ его рукахъ во всѣ два года, пока отецъ его былъ въ Туркестанѣ. «По возвращеніи,—пишетъ Абдуррахманъ,—я нашелъ, что онъ управлялъ страной разумно и согласно моимъ желаніямъ, такъ что я далъ ему два ордена: одинъ—за заслуги по управленію страной, другой за подавленіе мятежа солдатъ». Во время этого мятежа, онъ выказалъ необыкновенную храбрость, въ одиночку, верхомъ отправившись въ лагерь мятежниковъ. Послѣ этого, Абдуррахманъ разрѣшилъ сыну замѣнять его на публичныхъ пріемахъ и заставилъ другихъ сыновей являться съ обычнымъ, по этикету, еженедѣльнымъ визитомъ не только къ самому эмиру, но и къ Хабибуллѣ. Такимъ образомъ, Абдуррахманъ всячески выдвигалъ Хабибуллу на первый планъ, но ради его же безопасности, однако, не назначалъ его наслѣдникомъ. За послѣдніе годы, Абдуррахманъ всѣ доклады правительствен-

ныхъ чиновъ принималъ черезъ Хабибуллу и черезъ него же отдавалъ всѣ приказы губернаторамъ и генераламъ.

«Въ 1897 году, на него было возложено верховное руководство финансовыми дѣлами страны, а также выполненіе функцій верховнаго судьи. Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ реорганизаціи войска. Отъ одной изъ обязанностей правителя, а именно отъ своей внѣшней политики, Абдуррахманъ держалъ Хабибуллу въ сторонѣ, какъ и всѣхъ другихъ принцевъ. Въ этой области Абдуррахманъ никому не довѣрялся. Поэтому,—замѣчаетъ «Berl. Tgbl.»,—Хабибулла вступаетъ въ водоворотъ скрещивающихся вокругъ Афганистана международныхъ политическихъ интересовъ и воздѣйствій совершенно неподготовленнымъ».

«Daily News» указываетъ, что наиболѣе вѣроятнымъ соперникомъ для новаго эмира явится Мохамедъ-Омаръ-ханъ, сынъ Бибѣ-Халимы, очень популярный въ народѣ.

Какой политики будетъ держаться новый афганскій эмиръ?—объ этомъ пока можно только гадать. Англійскіе политики увѣрены, что Хабибулла, какъ и его отецъ, будетъ на сторонѣ Англіи. «Агентство Лаффана» увѣряетъ, что покойный эмиръ на смертномъ одрѣ просилъ своихъ афганцевъ «остерегаться Россіи», и утверждаетъ, что мѣстная аристократія присягнула какъ новому эмиру Хабибуллѣ-хану, такъ и союзу (?) съ Англіей. Поживемъ—увидимъ.

Вопросъ о постройкѣ багдадской желѣзной дороги что-то плохо двигается впередъ. Дѣла этой дороги находятся все въ томъ же положеніи, и концессіи на нее, собственно говоря, еще не выдано. Г. Сименсъ, или Deutsche Bank, только въ ноябрѣ 1899 г. получили султанскій иradэ, повелѣвавшій министерству публичныхъ работъ вступить въ переговоры съ искателемъ концессіи и выработать проэктъ соглашенія. Трудно сказать, почему готовый уже проэктъ концессіи не получилъ еще утвержденія. Новый толчокъ этому проэкту далъ конфликтъ съ Франціей. Порта, нуждаясь въ деньгахъ, обратилась къ Германіи и выдвинула опять на первый планъ проэктъ багдадской дороги. Ссуда была сдѣлана германскимъ банкомъ на третій день по отъѣздѣ Констана изъ Константинополя. Но, очевидно, эта ссуда слишкомъ мала, потому что проэктъ дороги не двигается впередъ.

«Politische Correspondenz» сообщаетъ, что «недавно германское общество Анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ получило изъ Ильдизъ-Кіоска просьбу о доставленіи аванса въ 700,000 или 800,000 турецкихъ фунтовъ къ предстоящему рамазану. Общество отвѣтило, что готово дать этотъ авансъ, если Порта съ своей стороны дастъ обществу безъ промедленія, съ подписаніемъ офиціальнаго и подробнаго договора, ту концессію, которую въ принципѣ было рѣшено дать ему два года назадъ, а именно—концессію на продолженіе желѣзнодорожнаго пути на Багдадъ и Басору къ Персид-

скому заливу. Султанъ согласился съ этимъ условіемъ сейчасъ же, и желалъ даже назначить комиссію изъ многихъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ германскаго посла въ Константинополѣ, барона фонъ-Маршаля, который, однако, отклонилъ это. Переговоры ведутся теперь лишь между двумя директорами германскаго общества Анатолійскихъ желѣзныхъ дорогъ съ одной стороны и турецкимъ министромъ общественныхъ работъ съ его совѣтниками-техниками—съ другой. Въ виду того, что самъ султанъ очень желаетъ проведенія названнаго желѣзнодорожнаго пути, а также въ виду того, что къ рамазану авансъ крайне нуженъ, можно почти съ полной увѣренностью ожидать, что всѣ техническіе, административные и юридическіе вопросы, касающіеся договора о концессіи, будутъ вскорѣ разрѣшены. Нельзя лишь быть вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что главнѣйшій финансовый вопросъ,—а именно о километрической гарантіи,—будетъ тоже разрѣшенъ въ столь короткій срокъ.

Турціи нуженъ крупный авансъ, а денегъ, — благодаря страшному экономическому кризису,—въ Германіи нѣтъ. Deutsche Bank, хотя и не затронутъ крахами, но онъ слишкомъ разбросался, захвативъ въ свои руки массу предпріятій, не дающихъ ему пока хорошаго дивиденда. Директора этого банка обратились въ Лондонъ, приглашая англійскихъ капиталистовъ образовать международный синдикатъ для постройки и эксплуатаціи багдадской желѣзной дороги. Такимъ образомъ, эта дорога можетъ принять англо-германскій характеръ.

Порта продолжаетъ настойчиво требовать авансовъ, и германскіе банкиры хорошо сознаютъ, что, и заключивъ концессію, они не будутъ избавлены отъ «авансовъ» въ пользу турецкихъ сановниковъ. Безъ такихъ авансовъ, въ Турціи нельзя и шагу ступить... Турецкіе сановники сами идутъ теперь на встрѣчу требованіямъ германцевъ о немедленномъ рѣшеніи этого вопроса, понимая, что отъ этого зависитъ не только пополненіе ихъ пустой государственной казны, но и ихъ собственныхъ кошельковъ. Германія, пользуясь критическимъ положеніемъ Турціи (*настоящіе* друзья, вѣдь, всегда такъ поступаютъ!) предложила драконовскія условія, на которыя Порта опасается дать согласіе. «Агентство Гаваса» сообщаетъ изъ Константинополя:

«Планъ линіи багдадской желѣзной дороги, составленный германской комиссіей, которой поручено было изысканіе, намѣчаетъ 2,000 километровъ пути, раздѣленнаго на участки по 200 километровъ каждый. Всякій участокъ имѣетъ право пользоваться всѣми выгодами, которыя даны концессіи. Эти выгоды состоятъ изъ 13,000 франковъ ежегодной коммерческой гарантіи (на каждый километръ пути) и права эксплуатаціи мѣстности, лежащей по обѣ стороны пути, на разстояніи 20 километровъ. Будетъ данъ 8-мѣсячный срокъ на развѣдки и 3-лѣтній срокъ на постройку каждаго участка.

«Если произвести самый простой расчетъ, то окажется: 1) что если участки будутъ строиться послѣдовательно, одинъ послѣ другаго, то понадобится около 40 лѣтъ для окончанія всей линіи; 2) что своей километрической гарантіей Турція подвергаетъ себя ежегодному расходу въ 26.000.000 франковъ; 3) что она отчуждаетъ въ пользу эксплуатаціонной компаніи 40,000 километровъ своей территоріи».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что столь тяжелыя условія заставляютъ колебаться турецкое правительство.

---

29 сентября 1899 года, по истеченіи срока ультиматума, предъявленнаго Великобританіи Трансваалемъ и Оранжевой республикой, начались военныя дѣйствія, безпрерывно продолжающіяся уже два года. Лордъ Китченеръ ознаменовалъ вторую годовщину южно-африканской войны объявленіемъ военнаго положенія во всей Капской колоніи. Лондонскій «Daily Chronicle», во вторую годовщину боэрскаго ультиматума, за которымъ 11-го октября послѣдовало объявленіе войны, напечаталъ нѣчто въ родѣ памятнаго листка: октябрь 1899 г.—объявленіе войны, октябрь 1900 г.—министръ Чемберленъ говоритъ въ Конвентри: «Теперь, когда война окончена, нація едва ли еще сознаётъ, какая это была тяжелая война». Октябрь 1901 г.—лордъ Робертсъ говоритъ въ Ливерпулѣ: «Я глубоко желалъ бы, чтобы война была окончена... Я хотѣлъ бы просить націю выказать теперь терпѣніе».

Положеніе дѣлъ въ Капской колоніи болѣе чѣмъ невыгодно для англичанъ. Какове настроеніе жителей этой колоніи по отношенію англичанъ, показываютъ суды надъ капскими боэрами за поддержку, въ освободительной войнѣ, Трансвааля и Оранжевой республики. Ни казни, ни тюремныя заключенія, ни гнуснѣйшее разграбленіе и конфискація имущества, не останавливаютъ капскихъ боэровъ—идти въ ряды сражающихся за свободу своихъ братьевъ. А казни безпощадны и жестоки.

Еще на дняхъ въ Миддельбургѣ, въ Капской колоніи, произнесенъ приговоръ надъ плѣнными изъ команды Лотера: 12 человѣкъ приговорены къ пожизненному заключенію въ смирительномъ домѣ, а Даніель Геннекъ изъ Шпитцкопъ-Блой, еще кромѣ того, къ штрафу въ 1,000 фунтовъ. Всѣ обвиненные первоначально были приговорены къ смерти. На дняхъ же комендантъ Лотеръ, гражданинъ Оранжевой республики, преданъ смертной казни за то, что онъ поднялъ оружіе противъ англичанъ. Англійскій судъ называетъ «убійствомъ» его подвиги за свободу родины. Разъ Лотеръ былъ преданъ суду, можно было ожидать и результата этого суда; нельзя даже было сомнѣваться въ этомъ результатѣ, такъ какъ Китченеръ получилъ полномочіе на худшія жестокости. И все же сердце болѣзненно сжимается при каждой новой возмутительной расправѣ. Страна, допускающая такіе ужасы,—какой страшный долгъ накопляетъ

она на голову своихъ грядущихъ поколѣній? Имя же Лотера навсегда останется честнымъ и славнымъ! Телеграфъ принесъ извѣстіе еще о новомъ дѣяніи Китченера: разстрѣлянъ комендантъ Шеманъ (вѣроятно, Снимань?).

Газетѣ «Morning Leader» пришла удачная мысль поразспросить, что думаетъ англійское духовенство о «концентраціонныхъ лагеряхъ», въ которыхъ англичане морятъ спеціально женщинъ и дѣтей. Разспросы эти дали крайне любопытный матеріалъ для характеристики этой *просвѣщенной* націи. Благочестивые clergymen отвѣтили весьма различно. Меньшинство упрекало правительство въ безчеловѣчномъ отношеніи къ неповинными ни въ чемъ жертвамъ войны; остальные же или говорили, что эти лагери—необходимое зло войны, или же,—какъ это ни странно для духовенства,—находили ихъ не столь ужасными, говоря, что въ этомъ случаѣ англичане пришли на помощь бюрамъ, которые не могли содержать своихъ семей. Хороша помощь! Сначала сжигаютъ жилища бюровъ, ихъ поля опустошаютъ, а затѣмъ «приходятъ на помощь» ихъ женамъ и дѣтямъ, и насильно заключаютъ ихъ въ антигигіеническія клоаки, гдѣ они,—особенно дѣти,—мрутъ, какъ мухи, отъ инфекціонныхъ болѣзней! Дѣйствительно, если просмотрѣть таблицы смертности всѣхъ странъ, нигдѣ нельзя найти такого ужасающаго процента смертности дѣтей. Съ іюня,—по словамъ «Morning Leader»,—умерло, изъ 54,326 человѣкъ, однихъ дѣтей 5.209, что составитъ 10 проц. всего числа, и это въ четыре мѣсяца! Многіе clergymen находятъ это «необходимымъ зломъ войны». Но отчего же до сихъ поръ ни одной европейской державой не примѣнялась подобная «необходимая» мѣра? Кажется, что если собрать всѣхъ дѣтей, убитыхъ въ арменскихъ, болгарскихъ и другихъ рѣзняхъ, умершихъ во время боксерскаго возстанія,—то и тогда число ихъ не превыситъ числа жертвъ Китченера и Мильнера, которыхъ совершенно справедливо можно приравнять,—разъ уже англичане такъ любятъ сравненія изъ священной исторіи,—съ Иродомъ и его вифлеемской рѣзней. Иродъ тоже считалъ тогда эту мѣру «необходимою» для поддержанія римскаго могущества.

Въ Англіи понятія о нравственности и гуманности совершенно перепутались. Цѣлыя провинціи опустошаются, жилища бюровъ уничтожаются—«необходимая мѣра»; женщинъ и дѣтей морятъ голодомъ и содержатъ въ зараженныхъ болѣзнями лагеряхъ — тоже необходимая мѣра. Нѣтъ такой подлой жестокости, которую англичане не постарались бы объяснить этой необходимостью. Извѣстный Стедъ помѣстилъ въ «Daily Mail» большую статью подъ заглавіемъ: «Кто настоящіе измѣнники»? Со свойственной ему горячностью онъ защищаетъ бюровъ и смѣло бросаетъ въ лицо Робертсу, Булеру, Бродрику, Бальфуру, членамъ оппозиціи и издателямъ джингоистскихъ газетъ, обвиненіе въ измѣнѣ. Доказательства, приводимыя имъ, довольно вѣски и оригинальны. Онъ говоритъ, что его

безчисленное количество разъ обзывали измѣнникомъ, и, наконецъ, не зная за собой вины, онъ взялъ словарь и прочелъ тамъ, что «измѣнникомъ (traitors) называется человѣкъ, не исполняющій даннаго обѣщанія или передающій непріятелю крѣпость или городъ, довѣренный его охранѣ». Основываясь на этомъ, Стэдъ и причисляетъ къ измѣнникамъ перечисленныхъ выше лицъ. Дѣйствительно, развѣ Бродрикъ и Робертсъ не измѣнники? Китченеръ проситъ ихъ прислать солдатъ, годныхъ къ перенесенію трудностей тяжелой войны, а они набираютъ ему всякій сбродъ,—совершенно ненужный и даже вредный балластъ для арміи. Что сказали бы общество, еслибы Робертсъ съ Бродрикомъ отправили въ Африку сапоги изъ гнилой кожи или подмоченные патроны? Оно назвало бы ихъ людьми, достойными каторги. Здѣсь же, между прочимъ, Робертсъ отправляетъ въ Африку нѣчто значительно худшее, чѣмъ сапоги безъ подошвъ, и никто не думаетъ сажать въ тюрьму главнокомандующаго или военнаго министра. Далѣе Стэдъ принимается за Бальфура. Въ военныхъ тюрьмахъ Англіи сидятъ 3—4 тыс. солдатъ, посаженныхъ туда за преступленія противъ дисциплины. Есть тамъ и такіе, которые заснули на своемъ посту. Не хуже ли ихъ Бальфуръ, проспавшій надвигавшуюся на Англію грозу и даже не знавшій, что Оранжевая республика связана договоромъ съ Трансваалемъ? Оппозиція виновата въ измѣнѣ, такъ какъ, съ своей стороны, не дала знать Англіи о томъ, что ее ожидаетъ и чѣмъ ей это грозитъ. Генералъ Буллеръ,—какъ указываетъ «Times», — рекомендовалъ сдать боэрамъ Ледисмитъ. Онъ тоже измѣнникъ. Что же сказать объ органахъ джинго? Не они ли раздували эту войну, которая, по ихъ словамъ, должна была быть простой военной прогулкой изъ Дурбана въ Преторію, а теперь стоитъ Англіи десятки тысячъ людей и сотни милліоновъ? Не они ли помогли обмануть англійскую націю, до сихъ поръ не понимающую, что она была обманута, и не они ли достойны наказанія!

Да, боэры сыграли удивительную вещь съ англичанами. Ни Европа, ни тѣмъ болѣе Англія не могли и думать, чтобы борьба крошечнаго народа противъ Англіи, обладающей громадными и неистощимыми средствами вооруженія,—какъ казалось два года назадъ Европѣ,—можетъ затянуться болѣе чѣмъ на два года. Тутъ повторилась старая ошибка—ложное представленіе о силахъ, средствахъ и свойствахъ противника, хорошо характеризуемое извѣстнымъ русскимъ крылатымъ словцомъ: «Шапками закидаемъ»! Боэры нанесли жестокій ударъ Англіи не только на югѣ Африки, но и въ Европѣ, и на Дальнемъ Востокѣ, и въ Индіи. Престижъ Англіи падаетъ повсюду. Теперь уже начинаютъ понимать, что Англія — это колоссъ на «глиняныхъ ногахъ». И этотъ ударъ англійскому престижу нанесенъ крошечнымъ народомъ—боэрами.

Тяжелое положеніе англичанъ на югѣ Африки даетъ уже себя чув-

ствовать и въ Индіи. Есть основанія думать, что положеніе на сѣверо-западѣ Британской Индіи очень опасно для англичанъ. Приводимъ сообщеніе корреспондента «Daily Mail» изъ Симлы:

«Только что опубликованы новые законы, касающіеся дикой (?) сѣверо-западной пограничной области Индіи.' Эти законы сметаютъ прочь затруднительно-многосложный механизмъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства и замѣняютъ его краткой, энергической и личной (personal) системой, которую Патанская граница (къ сѣверу отъ Симлы) пойметъ гораздо лучше. Если какое либо туземное племя будетъ дурно вести себя или же если будетъ достаточное основаніе полагать, что оно собирается дурно вести себя, т. е. убивать или грабить британскихъ подданныхъ на границѣ, то пограничный британскій офицеръ можетъ, на свою личную отвѣтственность, объявить племя блокированнымъ. Это означаетъ, что всѣ проходы въ его область будутъ заперты. Бродячіе туземцы будутъ схватываемы и всякое сообщеніе съ британской территоріей прервано. Пограничному офицеру предоставляется право налагать штрафы на селенія, которыя будутъ извѣстны за дающихъ пристанище разбойникамъ. Штрафъ будетъ взыскиваться немедленно, безъ формальностей. У пограничнаго британскаго офицера туземцы должны испрашивать разрѣшеніе на сооруженіе какой-либо башни на меньшемъ 5 миль разстояніи отъ границы. Всякое зданіе, въ которомъ будетъ данъ пріютъ разбойникамъ, должно быть разрушено до основанія. Что касается отдѣльныхъ мѣстностей, то депутатъ-комисаръ можетъ наказывать виновныхъ штрафомъ, тюремнымъ заключеніемъ или сѣченіемъ розгами, и на приговоры эти нѣтъ апелляцій. Въ болѣе серьезныхъ случаяхъ онъ можетъ созвать совѣтъ старѣйшихъ въ селеніи, такъ называемую «джиргу», каковой совѣтъ будетъ дѣйствовать, какъ трибуналъ, и по указаніямъ этого совѣта могутъ быть налагаемы, безъ долгой судебной проволочки, наказанія до 14 лѣтъ тюремнаго заключенія (прежде было до 7 лѣтъ). Эта скорая система расправы, для успѣшнаго своего примѣненія, требуетъ надежныхъ людей; но на индійскихъ пограничныхъ офицеровъ можно вполнѣ положиться».

Въ заключеніе корреспондентъ привѣтствуетъ эту систему и выражаетъ пожеланіе, чтобы она была распространена еще шире.

Новый президентъ С. А. Соединенныхъ Штатовъ Рузевельтъ въ своей политической дѣятельности работаетъ самостоятельно, не сообразуясь съ настроеніями и планами той или другой политической партіи. Онъ прервалъ сношенія съ главой республиканской партіи, престарѣлымъ сенаторомъ Ганной, извѣстнымъ, между прочимъ, подъ прозвищами: «Желѣзный человѣкъ» и «Дѣлатель кредитовъ», изъ которыхъ первое прозвище указываетъ на его желѣзную волю, а второе—на громадное вліяніе на президентскихъ

избирательныхъ кампаніяхъ. Нѣкоторые утверждаютъ, что президенту Рузевельту не обойтись въ концѣ концовъ безъ помощи сенатора Ганны,—самаго искуснаго и опытнаго изъ всѣхъ лидеровъ партіи, обезпечивающаго республиканцамъ побѣду въ избирательныхъ кампаніяхъ.

Президентъ Теодоръ Рузевельтъ является ярымъ представителемъ «имперіалистской» политики Соединенныхъ Штатовъ. Съ этою цѣлью онъ намѣренъ добиться отъ конгресса субсидированія американскихъ пароходныхъ компаній, поддерживающихъ сообщеніе С. А. Соед. Штатовъ съ иностранными государствами. Онъ внесъ въ конгрессъ проектъ увеличенія морскаго бюджета на 35 мил. долларовъ, необходимыхъ, по его мнѣнію, исключительно на усиленіе военнаго флота. Такимъ образомъ, опредѣляется одна изъ главнѣйшихъ задачъ новаго американскаго президента: значительное усиленіе военнаго и торговаго флота С. А. Соединенныхъ Штатовъ.

Панамерканизмъ дѣлаетъ новыя завоеванія на территоріи Америки. На дняхъ (12 окт.) открылись въ столицѣ Мексики засѣданія втораго всеамериканскаго конгресса, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ американскія государства. Первый всеамериканскій конгрессъ засѣдалъ въ 1889 г. въ Вашингтонѣ. Уже одинъ тотъ фактъ, что этотъ конгрессъ засѣдалъ въ Вашингтонѣ, достаточно указываетъ, что починъ въ дѣлѣ установленія объединительныхъ связей между государствами обѣихъ частей Америки идетъ изъ страны, которая давно уже выставила девизъ: «Америка для американцевъ». Этотъ принципъ, провозглашенный Монроэ, является единственнымъ звеномъ, могущимъ связать воедино всѣ американскія государства и воспрепятствовать агрессивнымъ замысламъ Европы на американскую территорію. Ради охраненія своей цѣлости, слабыя государства средней и южной Америки сплачиваются вокругъ сѣвернаго колосса, который еще недавно, устами Рузевельта,—тогда еще вице-президента Соединен. Штатовъ,—на панамериканской выставкѣ въ Буфало провозгласилъ въ маѣ 1901 г.: «Соединенные Штаты и южно-американскія республики должны соединиться противъ европейскаго захвата и на защиту доктрины Монроэ. Ни одинъ, хотя бы самый крошечный, островокъ американской территоріи — южной или сѣверной — не можетъ быть проданъ ни подъ какимъ условіемъ европейской державѣ. Опасность въ этомъ случаѣ очевидна. Ее нельзя устранить громкими словами, гордымъ указаніемъ на нашу мощь и на наши средства; для этого необходимо глубоко проникающее въ наше сознаніе соглашеніе между всѣми американскими государствами на основѣ доктрины Монроэ, въ связи съ неутомимой бдительностью и готовностью къ жертвамъ на общее дѣло со стороны Соединенныхъ Штатовъ».

Нужно думать, что идея панамериканизма,—представителемъ которой является Рузевельтъ,—не замретъ, а, напротивъ, будетъ расти и разви-

ваться. Конечно, и второй всеамериканскій съѣздъ, засѣдающій въ Мексикѣ, не дастъ еще прочныхъ основаній для взаимнаго соглашенія разныхъ американскихъ государствъ и не выработаетъ опредѣленныхъ условій для этого соглашенія. Но важна идея, важенъ починъ.

Телеграфъ принесъ извѣстіе о смерти Лихунчанга, послѣдовавшей послѣ продолжительной болѣзни. Эта вѣсть поразила не одинъ Китай. Ею опечалена и Европа, потерявшая въ его лицѣ опытнаго посредника между Востокомъ и Западомъ.

«Смерть Лихунчанга представляетъ собою незамѣнимую утрату не столько для Китая,—говорятъ «Спб. Вѣд.», хорошо освѣдомленныя о восточныхъ дѣлахъ,—сколько для державъ. Въ лицѣ этого даровитѣйшаго и прозорливѣйшаго старца непримиримый, оскорбленный въ своихъ святѣйшихъ вѣрованіяхъ, Востокъ еще протягивалъ руку примиренія тому Западу, который, подъ предлогомъ христіанства и культуры, отъ времени до времени набрасывался терзать исполинское царство богдихановъ... Теперь между двумя враждебными мірами нѣтъ послѣдняго звена. Туземные реакціонеры-патріоты, внѣ всякаго сомнѣнія, возьмутъ верхъ надъ болѣе просвѣщенными и либеральными элементами, при коснѣющемъ въ политическомъ невѣдѣніи китайскомъ скитальческомъ дворѣ. Пекинъ, вотъ уже полтора года какъ утратившій всякое значеніе, грозитъ окончательно обратиться въ тѣнь когда-то властной столицы. Разъ, что тамъ безусловно не съ кѣмъ даже говорить,—смѣшно и странно держать тамъ въ чаяніи движенія воды... праздныхъ и безпечныхъ дипломатовъ. Пока живъ былъ забавлявшійся бесѣдою съ ними и ссорившій ихъ другъ съ другомъ вѣщій Лихунчангъ, можно было утѣшаться иллюзіями, что рано или поздно съ Китаемъ возможно разумное и прочное соглашеніе. Хотя надежды на это являлись болѣе чѣмъ гадательными,—нѣкоторое подобіе прогресса въ этомъ отношеніи все таки льстило иностранцамъ, все таки представляло залогъ для будущаго, заставляло вѣрить въ лучшіе дни. Въ данную минуту, послѣдняя опора для установленія стараго modus vivendi рушилась: съ отошедшимъ въ вѣчность китайскимъ государственнымъ мужемъ отъ Китая отлетаетъ его добрый геній, способный въ критическія минуты преподать своему хилому правительству единственный правильный совѣтъ, способный утишить страсти чужеземныхъ враговъ... Со сцены сходитъ типичнѣйшая фигура престарѣлаго китайца pur sang съ широкимъ политическимъ горизонтомъ, съ непогрѣшимо точнымъ пониманіемъ вещей, съ неистощимымъ арсеналомъ счастливыхъ идей въ дни кризисовъ, угрожавшихъ его родинѣ... Говорить сколько нибудь обстоятельно и подробно о государственной дѣятельности Лихунчанга значило бы—писать исторію Китая и сношеній его съ внѣшнимъ міромъ за послѣднія слишкомъ 40 лѣтъ. Недостатка въ матеріалахъ для подобнаго труда, конечно, не ощущается.

Значительная часть всѣхъ важныхъ государственныхъ актовъ, докладовъ и указовъ за послѣднее десятилѣтіе составлялась и редактировалась Лихунчангомъ. Ученики и сослуживцы покойнаго собрали, еще при жизни его, наиболѣе важные изъ его докладовъ, которые изданы въ качествѣ образчиковъ китайскаго литературно-офиціальнаго языка и представляютъ собою объемистые томы; эти изданія, а равно подробное ознакомленіе съ событіями китайской исторіи второй половины XIX вѣка, и будутъ служить цѣннымъ и обильнымъ матеріаломъ для будущаго біографа выдающагося человѣка. Въ западно-европейской литературѣ Лихунчангу еще при жизни его были посвящены обширныя статьи и даже отдѣльныя монографіи. Надо надѣяться, что, въ виду тѣхъ многочисленныхъ и важныхъ точекъ соприкосновенія, которыя должны были явиться между сферою его дѣятельности и политикою Россіи на Дальнемъ Востокѣ за послѣдніе годы, трудъ составленія безпристрастной посмертной біографіи почившаго канцлера возьметъ на себя русскій».

Лихунчангъ былъ, дѣйствительно, руководящимъ правителемъ и дипломатомъ. Безъ него не обходилось ни одно важное торговое или дипломатическое дѣло. Онъ выступалъ всегда, когда его родина нуждалась въ энергичномъ и умномъ администраторѣ или дипломатѣ. Онъ возвышался и падалъ при дворѣ. Но возвышался онъ тогда, когда его родина переживала критическій моментъ, и падалъ, когда родина жила мирно и спокойно. Предъ боксерскимъ движеніемъ онъ занималъ скромный постъ генералъ-губернатора одной изъ многочисленныхъ китайскихъ провинцій. Но въ послѣдніе дни своей жизни,—когда Китай былъ потрясенъ боксерскимъ движеніемъ, вызвавшимъ войну почти со всей Европой,—Лихунчангъ опять былъ вызванъ ко двору и поставленъ во главѣ весьма трудныхъ переговоровъ съ союзниками.

Эти переговоры, эта война съ Европой несомнѣнно надломили организмъ этого «китайскаго Бисмарка»,—какъ его называютъ нерѣдко и Европѣ. Тѣ тревожныя минуты, пережитыя имъ во время войны и переговоровъ, то разочарованіе въ европейцахъ, отличившихся на китайской почвѣ хищеніями, грабежами и казнями, доканали старика.

Имя этого государственнаго дѣятеля несомнѣнно сохранится не только въ исторіи Китая, но и на страницахъ европейской исторіи. Послѣ смерти Лихунчанга, сношенія Европы съ Китаемъ несомнѣнно вступятъ въ новую фазу. Трудно сказать, лучше ли станутъ эти сношенія, или хуже. Несомнѣнно произойдетъ заминка.

Вопросъ о Манджуріи продолжаетъ волновать иностранную печать. Всѣ газеты,—особенно англійскія и нѣмецкія,—стараются рѣшить этотъ вопросъ, волнующій ихъ. За неимѣніемъ положительныхъ данныхъ, газеты пытаются фабриковать свои данныя и выдавать ихъ за нѣчто непреложное и несомнѣнное. Корреспондентъ «Standard» изъ Шанхая со-

общаетъ о новой конвенціи Россіи съ Китаемъ относительно Манджуріи:

«По первому ея пункту, Россія соглашается вернуть Китаю три манджурскія провинціи: Ляодунъ съ главнымъ городомъ Мукденомъ, центральную провинцію Гиринъ и сѣверную Хей-Лун-Кіангъ, съ условіемъ, что, въ случаѣ необходимости защиты желѣзнодорожной линіи Шанхай-Квань-Нью-Чуанъ, Китай обязуется обращаться за помощью только къ Россіи. Второй пунктъ содержитъ условіе удаленія русскихъ войскъ въ текущемъ году съ Ляодунскаго полуострова. По третьему и четвертому пунктамъ, Россія соглашается удалить въ теченіе двухъ лѣтъ свои войска изъ провинціи Гирина и Хей-Лун-Кіанга. По четвертому, Китай обязуется пользоваться услугами русскихъ офицеровъ для обученія манджурскихъ войскъ татарскаго генерала Цен-Чи въ Мукденѣ».

Вопросъ о Манджуріи, послѣ смерти Лихунчанга, не будетъ сданъ въ архивъ и не будетъ рѣшенъ въ томъ смыслѣ, какъ это желательно Европѣ. Этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ въ интересахъ только Россіи и Китая.

Въ Парижѣ опять заговорили о Дрейфусѣ, — этомъ пресловутомъ жидѣ-измѣнникѣ. Впрочемъ, заговорили по особымъ причинамъ... Послѣ амнистіи, главари ревизіонистскаго движенія, одинъ за другимъ, вернулись къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Золя занялся литературной работой, Клемансо отдался публицистикѣ, Рейнакъ и Трарье тоже занялись своими дѣлишками. Но каждый изъ нихъ предварительно счелъ нужнымъ ликвидировать свои отношенія къ Дрейфусу съ напускною важностью и пафосомъ, резюмировавъ свои прощальные отзывы о результатахъ борьбы въ особыхъ статьяхъ, открытыхъ письмахъ и даже книгахъ. Теперь выступилъ Лабори, адвокатъ Золя и Дрейфуса. Онъ тоже «отказывается» отъ ex-капитана-измѣнника и осуждаетъ Дрейфуса за то, что онъ не захотѣлъ «продолжать добровольно исполнять роль мученика».

Вотъ что пишетъ по этому поводу г. Дмитріевъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ»:

«Лабори любезно прислалъ мнѣ корректурные листы слѣдующаго выпуска журнала «Grande Revue», со своей статьей о нынѣшнемъ политическомъ положеніи. И въ этой статьѣ онъ, между прочимъ, говоритъ: «Дѣло Дрейфуса кончено. Этотъ конецъ вызванъ не столько амнистіей и *всеобщимъ утомленіемъ*, которое было бы безполезно отрицать, сколько цѣлымъ рядомъ предшествовавшихъ дѣйствій, которыя и имѣли, прежде всего, неизбѣжнымъ продолженіемъ—амнистію. Разъ въ Реннѣ рѣшено было перенести нарушенія закона и смолчать о совершонныхъ преступленіяхъ; разъ отъ имени обвиняемаго требовали его оправданія на основаніи существующихъ сомнѣній въ его виновности; разъ *осуж-*

денный отказался отъ своей апелляціонной жалобы, чтобы добиться помилованія, — дѣло Дрейфуса, какъ дѣло, имѣющее *великое, общечеловѣческое значеніе* (?!!) стало окончательно прекращаться... Чѣмъ объяснялось волненіе, которое вызывало дѣло Дрейфуса во всемъ мірѣ? Безспорно, тѣмъ, что оно представляло эпизодъ вѣчной борьбы *между партіей человѣческой свободы* (т. е. свободы предательства?) и правъ личности, и партіей нравственнаго угнетенія (этимъ «нравственнымъ угнетеніемъ» шустрый адвокатъ считаетъ элементарныя требованія политической и гражданской честности), деспотизма и ложно (?!) понимаемыхъ государственныхъ интересовъ. Но съ того момента, какъ защита Дрейфуса перестала держаться *на высотѣ принциповъ* (какихъ?) и формулировалась и проводилась, какъ обыкновенная частная защита физической личности подсудимаго въ ущербъ *идеальнымъ интересамъ* (!!) которые онъ представлялъ, его процессъ терялъ свое міровое значеніе. Рейнскіе дни и принятіе Дрейфусомъ своего помилованія вызвали у многихъ страшное разочарованіе. Правда, отказавшись отъ жалобы на несправедливый приговоръ, Дрейфусъ нисколько не призналъ этимъ своей виновности. По личнымъ соображеніямъ, которыя моей оцѣнкѣ не подлежатъ, онъ предпочелъ немедленное освобожденіе—продолженію героической борьбы до момента полной судебной реабилитаціи. Онъ имѣлъ право такъ поступить, хотя своимъ спасеніемъ онъ былъ обязанъ группѣ людей, возставшихъ на защиту общаго для всѣхъ правосудія, *въ интересахъ соціальнаго прогресса* (!). Частный человѣкъ вправѣ стать выше суда людей,— и кто станетъ отрицать, что Дрейфусъ имѣлъ достаточно основаній не питать къ нему особаго уваженія; онъ можетъ, удовлетворяясь сужденіемъ своей собственной совѣсти, предпочитать свою личную свободу «легальной чести», хотя бы въ возстановленіи послѣдней были всѣ заинтересованы. Но тогда онъ поступаетъ, какъ отдѣльный и независимый индивидуумъ, а не какъ человѣкъ, сознающій свою солидарность со всѣмъ человѣчествомъ и чувствующій величіе общественнаго долга (!). И послѣ того, какъ на его долю выпала выдающаяся роль, онъ превращается въ ничто. Вотъ почему, съ точки зрѣнія общественныхъ интересовъ, дѣло Дрейфуса *прекращено окончательно* (и слава богу!). Оно можетъ возобновиться, какъ частное дѣло, и ничто не мѣшаетъ Альфреду Дрейфусу добиваться законными путями пересмотра своего процесса. Было бы даже непостижимо, еслибы правительство не имѣло въ виду такого пересмотра—среди другихъ проэктовъ, которые оно отложило на будущее время. Пересмотръ совершится безъ шума и безъ насилій, когда онъ пожелаетъ этого. Но даже законная реабилитація больше не будетъ имѣть значенія міроваго событія. *Альфредъ Дрейфусъ пересталъ играть роль символа* (для всемірнаго кагала?)—и дѣло Дрейфуса больше не составляетъ цѣлой программы».

Вѣрнѣе, Лабори ликвидируетъ дѣло Дрейфуса по причинамъ, гораздо болѣе простымъ: или жидовская кагальная касса,—не смотря на то, что къ ея услугамъ предоставлены были сотни милліоновъ, собранныхъ со всего міра,—истощилась, или жиды уже видятъ, что реабилитація экс-капитана немыслима, и, вслѣдствіе этого, не *находятъ болѣе нужнымъ платить деньги Лабори и К°*.

Предательскія дѣйствія Дрейфуса, — за которыя козломъ очищенія явился подкупленный проходимецъ Эстергази,—нашли себѣ вполнѣ вѣрную оцѣнку въ прекрасной рѣчи военнаго прокурора Карьера [1]) и никакому Лабори и Деманжу не обѣлить чернаго поступка жида-измѣнника!

Карьеръ неотразимо доказалъ, что Дрейфусъ съ умысломъ исказилъ свой почеркъ, *чтобъ сдѣлать его похожимъ на почеркъ Эстергази*, и что свѣдѣній, проданныхъ Дрейфусомъ за іудины сребреники, Эстергази не могъ получить никоимъ образомъ.

Недаромъ же и военный судъ *дважды* осудилъ предателя.

НОВЫЯ КНИГИ.

Проф. М. Красножент. Иновѣрцы на Руси. Томъ I. Положеніе неправославныхъ христіанъ въ Россіи. Юрьевъ, 1900 г.

Вопросъ о положеніи неправославныхъ христіанъ въ Россіи почти не разработанъ: наши историки и юристы мало имъ интересовались. Въ обществѣ же, даже среди образованнаго круга, по этому вопросу царятъ болѣе чѣмъ невѣроятныя представленія и понятія.

Русская православная церковь съ самаго начала своего существованія, храня чистоту и неприкосновенность своей вѣры, не прибѣгала къ насильственнымъ мѣрамъ по отношенію къ послѣдователямъ иныхъ исповѣданій, не посягала на свободу ихъ совѣсти. «Русское духовенство не влекло насильно иновѣрцевъ въ свою церковь,—говоритъ гр. Д. А. Толстой,—принимая въ оную обращающихся по убѣжденію, и не вооружалось, подобно католическому, вѣковою пропагандою; но зато всегда съ благоразумною и живою ревностью оберегало свою паству отъ заблужденій и совращеній».

Еще на зарѣ русской исторіи, препод. Ѳеодосій Печерскій въ посланіи къ вел. князю Изяславу говорилъ: «Ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого либо на-

[1]) «Государство въ государствѣ», статья: «Вторичное осужденіе Дрейфуса», стр. 183—197.

гимъ или голоднымъ, или подвергшимся бѣдствію, — будетъ ли то еретикъ, или латынянинъ, — всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь; и ты не погрѣшишь передъ Богомъ, который питаетъ и православныхъ христіанъ, и неправославныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется».

Ни одна изъ христіанскихъ неправославныхъ религій не можетъ похвастаться подобнымъ высоко-гуманнымъ и христіанскимъ отношеніемъ къ представителямъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій. Исторія католицизма, даже исторія протестантизма съ его развѣтвленіями, полна страшныхъ гоненій и преслѣдованій по отношенію къ другимъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Духа терпимости, свободы совѣсти эти вѣроисповѣданія не признавали. Ихъ задачею было всегда—покорить, поработить, обезсилить другія вѣроисповѣданія,—и на эту дорогу напрасно становились, въ послѣднее время, нѣкоторые, не по разуму усердные, наши миссіонеры...

Наоборотъ, въ Россіи какъ церковная, такъ и государственная власть даже совсѣмъ не вмѣшивались во внутреннія религіозныя дѣла иновѣрцевъ, какъ временно пребывавшихъ въ Россіи, такъ и перешедшихъ въ русское подданство, предоставляя имъ, въ этомъ отношеніи, полную свободу. Лучшимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго служитъ отвѣтъ, данный Іоанномъ Грознымъ іезуиту Антоніо Поссевину, пріѣхавшему къ намъ съ тайнымъ порученіемъ изъ Рима—склонить русскихъ къ католичеству: «римлянамъ, венеціанамъ и цесаревой области торговымъ людямъ въ Московское государство пріѣзжать и торговать повольно и съ ними попамъ ихъ вѣры ѣздить воля безо всякаго возбраненія, только имъ ученія своего русскимъ людямъ не плодить и костеловъ имъ въ государствѣ Московскомъ не ставить; каждый въ своей вѣрѣ да пребываетъ, и грамотой утверждать то не для чего: *въ Московскомъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и мы ни у кою воли не отнимаемъ*; живутъ, кто какъ живетъ... своимъ обыкновеніемъ, и къ русскимъ людямъ не пристаютъ; а хотя бы кто и похотѣлъ пристать,—того чинить не попускаютъ».

«Охраненіе господствующей православной вѣры и полное невмѣшательство во внутреннюю религіозную жизнь иновѣрцевъ,—говоритъ проф. Красноженъ,—вотъ тѣ начала, которыми руководилось русское церковное и свѣтское правительство въ своихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ вѣроисповѣданіямъ на всемъ пространствѣ исторіи русскаго государства».

Проф. Красноженъ, въ названномъ выше сочиненіи, поставилъ задачею представить историческій очеркъ положенія неправославныхъ христіанъ въ Россіи и разсмотрѣть положеніе своихъ по новому русскому законодательству. Содержаніе его книги распадается на три главы: глава I, въ которой излагается отношеніе православной восточной церкви къ лицамъ

неправославнымъ; глава II — историческій очеркъ отношенія русской церковной и государственной власти къ иновѣрцамъ; глава III — положеніе неправославныхъ христіанъ по дѣйствующему русскому законодательству.

Не имѣя возможности въ библіографической замѣткѣ прослѣдить за ходомъ развитія основной мысли почтеннаго автора,—о положеніи инославныхъ христіанъ въ Россіи, — мы остановимся нѣсколько на его заключеніи, гдѣ имъ сдѣлана попытка выяснить тѣ основныя начала, которыми должны руководиться въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныя вѣроисповѣданія.

«Такъ какъ истина едина сама въ себѣ и двухъ противоположныхъ истинъ быть не можетъ,—говоритъ авторъ,—то не можетъ быть и двухъ истинныхъ, но различныхъ по существу своего ученія, христіанскихъ церквей; истинная Христова Церковь есть и должна быть едина».

Изъ этого основнаго положенія авторъ дѣлаетъ слѣдующіе выводы:

1) «Ни одна церковь не можетъ имѣть внѣшней юрисдикціи надъ послѣдователями другихъ христіанскихъ исповѣданій и не можетъ принудительнымъ образомъ распространять свои уставы и обряды на лицъ, къ ней не принадлежащихъ». Цѣлымъ рядомъ историческихъ фактовъ и законоположеній проф. Красноженъ доказалъ, что это правило строго соблюдала, по отношенію къ неправославнымъ христіанамъ, русская церковная и государственная власть: самъ патріархъ всероссійскій отказался отъ суда надъ лицомъ неправославнымъ (датчаниномъ, обвиняемымъ въ двоеженствѣ), считая это дѣло неподлежащимъ его суду.

2) «Каждая церковь (тезисъ IV), признавая принадлежность къ ней необходимою для спасенія, не можетъ поэтому относиться къ другимъ вѣроисповѣданіямъ равнодушно и допускать безразличіе (индиферентизмъ) въ дѣлахъ вѣры; и тѣмъ болѣе терпѣтъ прозелитизмъ, а также обязана заботиться о распространеніи своего ученія среди лицъ, къ ней не принадлежащихъ, избѣгая, однако, при этомъ средствъ, христіанской церкви несвойственныхъ».

3) «Ни одна церковь (тезисъ V) не можетъ допустить свободнаго выхода изъ своего состава и перехода въ другое религіозное общество».

4) «*Всякое принужденіе въ дѣлѣ вѣры недопустимо*: оружіе борьбы съ заблужденіями должно быть *духовнымъ*, а не матеріальнымъ».

5) «Ни одна церковь (тезисъ VIII) *не можетъ относиться враждебно къ лицамъ, къ ней не принадлежащимъ*, и не должна забывать, что всѣ люди суть братья и ближніе. Евангеліе, которому собственно и принадлежитъ ученіе о вѣротерпимости, предписываетъ христіанамъ одинъ способъ дѣйствованія по отношенію къ людямъ, принадлежащимъ къ ложнымъ религіямъ или неправымъ христіанскимъ исповѣданіямъ: долготерпѣніе, любовное обращеніе, *убѣжденіе, просвѣщеніе*».

Названный трудъ проф. Красножена представляетъ выдающееся явленіе въ нашей ученой литературѣ. Этотъ трудъ, прекрасно обоснованный историческими и документальными данными, заключаетъ въ себѣ, кромѣ объективности и безпристрастія въ изложеніи своей основной мысли, еще одну особенность, такъ рѣдко встрѣчающуюся въ трудахъ нашихъ ученыхъ, — это ясность въ изложеніи, отъ чего книга его является доступною не только для спеціалистовъ, но и для всѣхъ интересующихся религіозными вопросами.

Однако, эта ясность изложенія нисколько не повліяла ни на научность труда, ни на его серьезность.

Появленіе въ свѣтъ подобнаго, цѣннаго въ научномъ отношеніи, труда не только желательно, но и вполнѣ своевременно. Поднятый за послѣднее время вопросъ о «вѣротерпимости» и «свободѣ совѣсти» вызвалъ въ русскомъ обществѣ много толковъ и разговоровъ за и противъ. Какъ заступники, такъ и ихъ оппоненты, въ книгѣ проф. Красножена найдутъ для себя очень много пользы и поученія: первые найдутъ въ ней достаточно историческихъ данныхъ для подкрѣпленія своей идеи, а вторые увидятъ изъ этой книги, что такъ относиться къ свободѣ совѣсти и вѣротерпимости, какъ они относятся,—противно не только евангелію, но и чуть не тысячелѣтней практикѣ русской православной церкви, всегда отличавшейся высокою вѣротерпимостью къ инославнымъ вѣроисповѣданіямъ.

«Больше свѣта». По поводу статьи «Евреи въ войскахъ». (Скугаревскій: «Очерки и замѣтки». Вып. I. 1900). *О. С.* Вильна, 1901 г.

Названная брошюра автора, скрывающагося подъ иниціалами О. С., направлена противъ статьи: «Евреи въ войскахъ», принадлежащей перу г. Анненскаго и вошедшей въ сборникъ г. Скугаревскаго. Статья г. Анненскаго очень короткая и состоитъ всего изъ нѣсколькихъ страничекъ.

Противъ этой маленькой статейки г. О. С. выступилъ съ цѣлою брошюрою, гдѣ для подкрѣпленія своихъ мыслей и для изобличенія г. Анненскаго собрана масса цитатъ изъ всевозможныхъ ученыхъ и неученыхъ книгъ. Тутъ, кромѣ жидовъ-авторовъ, встрѣчаются: Ренанъ, кн. С. Н. Трубецкой, Дреперъ, Спиноза, Чернышевскій, Максъ Мюллеръ, Хвольсонъ, Гегель, Леруа-Больё, Паскаль, Н. И. Пироговъ, Р. Іерингъ, Л. Н. Толстой, Платонъ, Б. Н. Чичеринъ, Джаншіевъ и пр., и пр. Широкою рукою авторъ беретъ изъ сочиненій названныхъ—великихъ и малыхъ—писателей цитаты для доказательства, что евреи—«ужасно храбрый народъ», что они обладаютъ кристальною *честностью*, удивительнѣйшимъ патріотизмомъ, а, главное, что деньги для нихъ—пустяки, и совсѣмъ не для денегъ они живутъ на семъ свѣтѣ...

Съ сочиненіями выше перечисленныхъ авторовъ г. О. С. обращается

болѣе чѣмъ произвольно. Но мы не будемъ останавливаться на его цитатахъ. Понадергавъ ихъ произвольно и отрывочно, можно доказать, что́ угодно. Обратимся къ доказательствамъ самого г. О. С.

«Въ ряды войскъ,—говоритъ г. Анненскій,—евреи вносятъ присущіе имъ *обманъ и торгашество*. Всѣми правдами и неправдами они стараются *уклониться отъ военной службы*; а, поступивъ въ войско, они *изворотливо уклоняются отъ строя*, попадая на нестроевыя должности, въ мастеровые, музыканты и т. п. Въ войскахъ евреи всегда сразу выдѣляются своимъ неприглядным видомъ, и часто никакими средствами не удается добиться отъ нихъ молодецкой выправки и браваго солдатскаго вида... Нѣтъ, это — нація, неспособная и несклонная къ военному дѣлу, которое въ основѣ своей имѣетъ такія нравственныя начала, какъ честь, долгъ, самоотверженіе, доблесть, храбрость и мужество».

Характеристика евреевъ, какъ солдатъ, сдѣланная г. Анненскимъ, совершенно справедлива. Всѣ знаютъ, какъ наши жидки любятъ войну, какими средствами отдѣлываются они отъ солдатчины, начиная съ членовредительства и до побѣга въ Америку. Вообще, попавъ въ военную службу, они предпочитаютъ тамъ болѣе *мирныя* занятія: музыкантовъ, сапожниковъ, столяровъ и пр. Если же кто изъ нихъ случайно и остается въ строевой службѣ, то спросите любаго офицера или фельдфебеля, какъ трудно, а иногда прямо невозможно, сдѣлать изъ нихъ хорошихъ *строевиковъ*. Конечно, попадаются бравые солдаты изъ евреевъ, но мы не говоримъ объ исключеніяхъ.

Анонимный авторъ О. С. слѣдующимъ образомъ опровергаетъ г. Анненскаго.

Что евреи могутъ быть хорошими *строевыми* солдатами—это можно-де заключить изъ того, что «во всѣхъ циркахъ достаточно акробатовъ-евреевъ (!!) и что евреи не лишены чувства музыкальнаго ритма, а потому, казалось бы, что выучить ихъ ходить въ ногу не особенно трудно». Конечно, евреевъ-акробатовъ много, но вѣдь на акробатствѣ евреи наживаютъ гельды, а въ солдатахъ, на *строевой службѣ*, много не наживешь... Не подлежитъ также сомнѣнію, что евреи обладаютъ «музыкальнымъ ритмомъ»... Не смотря на это, они все таки предпочитаютъ служить въ музыкантскихъ командахъ, а не въ строю, вѣроятно, съ цѣлью использовать въ болѣе широкихъ размѣрахъ свой музыкальный ритмъ. Насчетъ *храбрости* евреевъ-солдатъ, анонимный авторъ приводитъ статистическія данныя на основаніи вышедшей въ Берлинѣ книгѣ—«Die Juden als Soldaten».

Оказывается, что въ войнѣ 1870—71 г.г. въ германской арміи находилось 4,492 еврея; изъ нихъ 373 получили желѣзные кресты и др знаки отличія; раненыхъ и убитыхъ было 448 человѣкъ. Въ Австріи

послѣ итальянской войны, 12 евреевъ получили золотые кресты, 37—медали за храбрость, 9—похвальные отзывы. Въ 1893 г. въ австрійской арміи находилось евреевъ: 40,344 солдата и 2,179 офицеровъ. Въ настоящее время, въ Италіи, числится много офицеровъ-евреевъ, начиная отъ капитана до бригаднаго генерала.

Мы не будемъ оспаривать вышеприведенныхъ цифръ автора. Пусть онѣ даже будутъ вѣрными. Намъ любопытно только знать, не по этой ли самой причинѣ австрійская и итальянская армія всегда бываютъ биты на полѣ сраженій? Пруссаки разбили австрійцевъ, и даже абиссинцы поколотили храбрыхъ итальянцевъ. Къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ французскую армію присутствіе въ ней жидовъ-офицеровъ, лучшей иллюстраціей служитъ пресловутое дѣло Дрейфуса, окончательно примирившагося съ произнесеннымъ надъ нимъ судебнымъ приговоромъ, какъ надъ изгѣянникомъ и предателемъ, къ огорченію своихъ хорошихъ знакомыхъ.

«Mehr Licht»! «Mehr Licht»! въ заключеніе взываетъ авторъ. Дѣйствительно, это—единственныя слова въ его книжкѣ, съ которыми нельзя не согласиться. «Больше свѣта» въ еврейскомъ вопросѣ! Но не такого, конечно, *свѣта*, какой испускаетъ анонимный авторъ въ этомъ темномъ и мрачномъ еврейскомъ царствѣ. *Такой* свѣтъ только сбиваетъ съ пути, какъ болотный огонь.

Авторъ напрасно и тратилъ время на составленіе своей брошюрки и напрасно потревожилъ тѣхъ великихъ и малыхъ писателей, которыхъ онъ цитировалъ. Его *доводы* въ пользу еврейства болѣе чѣмъ неудачны, а главное — сшиты бѣлыми нитками.

Вл. Семеновъ. На Дальнемъ Востокѣ. Очерки и разсказы. Спб., 1901 г.

Дальній Востокъ, на который теперь обращены взоры всего міра, является для насъ, русскихъ, еще полнымъ загадочности и туманности. Въ нашемъ обществѣ доселѣ еще не рѣшенъ вопросъ: стоитъ ли тратить на этотъ загадочный Востокъ сотни милліоновъ руб., которые мы уже затратили, а въ недалекомъ будущемъ еще придется затратить? Одни увѣряютъ, что на Дальнемъ Востокѣ — будущее молодой Россіи, не нашедшей себѣ мѣста здѣсь, въ Европѣ; другіе скептически смотрятъ на этотъ край, утверждая, что онъ гроша мѣднаго не стоитъ; лишь зря только потратимъ на него громадныя деньги и тѣмъ обезсилимъ коренную Россію. Но одно несомнѣнно: ни тѣ, ни другіе не знаютъ Дальняго Востока и его сосѣдей. Это незнаніе страны, это незнакомство съ сосѣдями-китайцами, корейцами и японцами—привело уже къ печальнымъ результатамъ. «Въ настоящее время, перечитывая собранные здѣсь очерки,—говоритъ авторъ,—я не могъ не обратить вниманія на то, что уже 10—12 лѣтъ тому назадъ можно было наблюдать среди китайцевъ признаки того настроенія, которое вызвало бурю минувшаго лѣта; можно было предвидѣть ее и даже рѣшить, на чьей сторонѣ правда».

Въ своей книгѣ г. Семеновъ даетъ намъ рядъ живо написанныхъ очерковъ, въ которыхъ онъ рисуетъ намъ китайцевъ, ихъ бытовыя черты, отношеніе къ европейцамъ вообще и въ частности—къ русскимъ. Тамъ, гдѣ китайцы еще не «вкусили плодовъ» европейской цивилизаціи и культуры, отношенія ихъ къ западно-европейскимъ народамъ вполнѣ дружелюбны. Тамъ же, гдѣ китайцы познакомились съ европейской «культурой» и «цивилизаціей» въ видѣ пушекъ, скорострѣльныхъ ружей, гнилыхъ и линючихъ ситцевъ, въ обиліи доставляемыхъ имъ нѣмцами и англичанами, видна ненависть къ европейцамъ и своего рода презрѣніе къ нимъ, хотя молчаливое и скрытное.

Въ очеркахъ г. Семенова рисуется жизнь русскихъ моряковъ, плавающихъ въ водахъ Дальняго Востока. Ихъ радости, ихъ горе, ихъ повседневная жизнь прекрасно описаны въ книгѣ г. Семенова. Особенно любопытны его очерки и разсказы о матросахъ и ихъ жизни. Разсказъ «Морякъ за бортомъ»! особенно трогателенъ, рисуя доброту русскаго человѣка даже по отношенію къ животнымъ.

Маржъ Басанинъ. Новоселковское кладбище. Романъ. Спб., 1901 г.

«Новоселковское кладбище—не изъ богатыхъ и не изъ важныхъ»... Все говоритъ здѣсь о мирѣ, забвеніи и о тщетѣ всего земнаго. Здѣсь лежатъ все бѣдные и смиренные покойники, безвѣстные и обездоленные при жизни, безвѣстные и обездоленные по смерти. Видно, что живые люди рѣдко навѣщаютъ ихъ и никто не заботится объ убранствѣ ихъ могилокъ. Ихъ убираетъ и печется объ нихъ одна мать-природа.

Но если на самомъ кладбищѣ, среди могилъ, такъ тихо и мирно, то среди людей, живущихъ на немъ, не все тишь да гладь, да божья благодать. Тамъ есть свои невзгоды, свои радости и горе; тамъ своя жизнь, полная всевозможныхъ превратностей. На этомъ кладбищѣ живутъ маленькіе люди: священникъ, дьяконъ и др., имѣющіе отношеніе къ церкви и кладбищу. Для описанія жизни и быта этихъ маленькихъ людей авторъ беретъ матеріалъ изъ дневника дьякона Новоселковской церкви, Силы Ѳавматургова.

Центральной личностью романа является Евгенія Васильевна, дочь только что умершаго (въ началѣ романа) о. Ѳеофила. Вниманіе всѣхъ окружающихъ ее родныхъ и близкихъ, обращено на то, чтобы найти ей жениха, который занялъ бы мѣсто ея покойнаго отца.

Дѣйствующія лица, выведенныя авторомъ,—все люди маленькіе съ маленькими интересами и крошечными желаніями. Вся ихъ повседневная жизнь, всѣ помыслы и желанія вертятся около одного: какъ бы хорошенько устроиться, чтобы прожить жизнь припѣваючи. Авторъ вѣрно рисуетъ эту мелкую жизнь маленькихъ людей. Но, кромѣ вѣрности и точности описанія, у автора незамѣтно той лжи и фальши, того надутаго презрѣнія, которыя нерѣдко встрѣчаются у нашихъ писателей, бе-

рущихся за разработку подобных сюжетов. Авторъ не философствуетъ не бьетъ себя въ грудь, не выкрикиваетъ «жалкихъ» словъ. Онъ только рисуетъ жизнь такъ, какъ она есть, предоставляя читателю самому дѣлать тѣ или иные выводы.

Жизнь нашего сельскаго духовенства мало извѣстна широкому кругу читателей, и наши романисты рѣдко касаются этого сословія. Есть у насъ нѣсколько романовъ, посвященныхъ описанію жизни и быта духовенства; но эти романы въ большинствѣ случаевъ проникнуты извѣстною тенденціею, мало правдоподобною и нерѣдко крайне несправедливою.

«Новоселковское кладбище» Марка Басанина представляетъ среди этихъ романовъ пріятное исключеніе по своей простотѣ, искренности и задушевности.

ОТГОЛОСКИ.

(Корреспонденція «Наблюдателя»).

I.

Голосъ изъ провинціи.

Долгое время я не снабжалъ вашъ журналъ корреспонденціями изъ г. Кіева о еврейскихъ дѣлахъ, сознавая недостаточность борьбы съ этими врагами; но, слѣдуя пословицѣ: «капля долбитъ и камень», я вновь взялся за перо, чтобы, безпрестаннымъ «долбленіемъ» о жидовскихъ продѣлкахъ, достигнуть когда нибудь благопріятныхъ результатовъ къ улучшенію положенія «матери городовъ русскихъ»...

Въ моихъ замѣткахъ, напечатанныхъ въ вашемъ журналѣ въ прошломъ году, о нашей тяжелой и невыносимой жизни среди массы жидовскаго населенія, я указывалъ, что все наше благосостояніе и торговля погибли, перейдя въ жидовскія руки; что бѣдность, дороговизна, болѣзни, банковые крахи, домовладѣльческіе кризисы и всякія невзгоды возникли здѣсь, исключительно благодаря жидовской плутнѣ. Наконецъ, я обратилъ вниманіе, что наши, такъ называемые, «интеллигенты»-жиды, въ родѣ Бродскихъ, Морголиныхъ и К°, — долженствовавшіе, по своему положенію, выдѣляться сколько нибудь изъ общаго уровня паразитовъ,—и тѣ не брезгаютъ ничѣмъ, и, эксплуатируя все попадающееся имъ подъ руку, поступаютъ самымъ вреднымъ для насъ образомъ.

Такъ напримѣръ, въ рукахъ этихъ богачей сосредоточены самыя крупныя городскія дѣла, конножелѣзныя дороги, водоснабженіе и всѣ доходныя городскія статьи.

Не понимая ничего въ такомъ сложномъ механизмѣ, какъ электрическая тяга, они отдаютъ это дѣло въ руки людей неопытныхъ, а сами, стремясь, елико возможно, къ быстрой наживѣ, отнимаютъ и урѣзываютъ всѣ средства, необходимыя къ обезпеченію безопаснаго передвиженія публики по городскимъ рельсамъ.

Благодаря такой жидовской алчности, а, съ другой стороны,—полнѣй-

шей халатности нашей думы, обязанной имѣть свой контроль на желѣзной дорогѣ,—въ прошломъ году въ Кіевѣ произошло столкновеніе двухъ вагоновъ... съ человѣческими жертвами. Начальство наше ни слова жидамъ; городская дума, по обыкновенію, — молчокъ! Подняло только тревогу объ этомъ ужасномъ случаѣ судебное вѣдомство, дѣятельность котораго мы восхваляли; но потомъ дѣло «заглохло»—и, вѣроятно, результаты окажутся благопріятными... для жидовъ.

Описывая этотъ печальный случай, мы тогда же предвидѣли, что подобныя крушенія поѣздовъ будутъ повторяться, ибо невозможно допустить, чтобы администрація конки, состоящая исключительно изъ жидовъ, — которые, по своей натурѣ, могутъ быть только «способными» гешефтмахерами, — могла съ толкомъ управлять такимъ сложнымъ дѣломъ, какъ электро-механическая тяга, гдѣ руководителями и исполнителями обязательно должны быть спеціалисты-техники, механики и инженеры.

Мы не ошиблись. На дняхъ въ Кіевѣ послѣдовало новое столкновеніе, по крутому уклону, трехъ электрическихъ вагоновъ, переполненныхъ публикой. Картина вышла ужасная: вагоны исковерканы, публика искалѣчена, а малолѣтнія дѣти выбрасывались чрезъ окна на мостовую...

Не менѣе возмутительной показалась намъ и другая, одновременная съ этой, картина: на мѣсто, гдѣ еще лежали искалѣченные люди, гдѣ рельсы и камни мостовой не охладѣли еще отъ крови, жиды не замедлили прислать рабочихъ, которые стали посыпать пескомъ зловолучный путь. Какая насмѣшка! Вѣдь сыпать на рельсы песокъ нужно было до катастрофы, для предупрежденія ея, а по жидовскому понятію — наоборотъ: стали сыпать песокъ на рельсы уже послѣ крушенія...

А посыпаніе пескомъ рельсовъ *послѣ крушенія* придумано хитрыми жидами собственно для того, чтобы начальство видѣло, что «мѣры предосторожности» были-де приняты. Между тѣмъ, они забываютъ, какъ трудно скрыть и замять то обстоятельство, что до катастрофы рельсы вовсе не посыпались пескомъ, и что движеніе вагоновъ, въ моментъ крушенія, происходило по скользкимъ рельсамъ, на которыхъ валялась масса несмѣтныхъ мокрыхъ листьевъ, что собственно и была причиной бѣдствія.

И какъ по первому дѣлу, такъ и теперь, по второму, все это, вѣроятно, заглохнетъ и останется безнаказаннымъ для жидовъ, задача которыхъ всегда состоитъ въ томъ, чтобы на нашей погибели создавать свое благополучіе...

Но еслибы всякій вагонъ, пускаемый въ ходъ, жиды тщательно осматривали; служебный персоналъ состоялъ бы изъ опытныхъ механиковъ, инженеровъ и всякихъ техниковъ, въ рукахъ у которыхъ были бы всѣ средства для предупрежденія катастрофъ,—эти послѣднія не случались бы такъ возмутительно часто.

Не больно ли въ самомъ дѣлѣ видѣть, какъ погибло, ни за что, ни

про что, нѣсколько жизней, изъ-за того собственно, что алчные къ наживѣ жиды, администраторы конки, ради соблюденія экономіи, употребляли для посыпки рельсовъ песокъ дурнаго качества, или его вовсе не было?

Читатель, конечно, спроситъ меня: какъ велика эта преступная экономія и на какое дѣло идетъ она? Сейчасъ вамъ отвѣчу. Экономія отъ песка, отъ сокращенія служителей и отъ другихъ позорныхъ статей, въ родѣ усиленнаго передвиженія пассажировъ, собирается многотысячная.

Изъ этихъ денегъ незначительную часть даютъ жиды на благотворительныя дѣла, чтобы,—по словамъ ихъ,—«замазать глаза начальству»; остальную же сумму дѣлятъ по братски между собою. Въ числѣ этихъ дѣльцовъ, къ стыду нашему, есть и христіанинъ, на долю котораго тоже идутъ десятки тысячъ руб. ежегодно. На эту экономію онъ выстроилъ много домовъ во всѣхъ частяхъ Кіева, но чтобы онъ далъ хоть какія нибудь крохи пострадавшимъ семействамъ или на панихиду объ «упокоеніи рабовъ божіихъ»,—что-то не слыхать...

Не такъ давно въ газетахъ печатали о полезной отечеству дѣятельности генерала Н. М. Баранова, бывшаго нижегородскаго губернатора. Между прочимъ, указанъ былъ фактъ, какъ этотъ энергичный сановникъ, въ одномъ важномъ случаѣ, пригрозилъ кому-то повѣшеніемъ, если повторится какая-то мерзость... въ родѣ кіевскаго крушенія поѣздовъ... Угроза эта вполнѣ достигла своей цѣли, ибо всѣ знали, что если Барановъ сказалъ, что повѣситъ мерзавца, то обязательно исполнитъ свое слово.

Пріятно вспомнить и о другомъ подобномъ сановникѣ—Анастасьевѣ. Ему и до настоящаго времени благодарна вся черниговская губернія по своему благоустройству, по возстановленію трезвости, порядка и вообще всѣхъ полезныхъ и честныхъ началъ. А все это благополучіе и вся польза получилась исключительно благодаря уму, энергіи и справедливой строгости этого правителя.

Онъ не останавливался и предъ крутыми мѣрами относительно жидовъ въ силу предоставленной ему власти, если находилъ, что такая мѣра окажется полезной, предотвратитъ бѣдствіе и возстановитъ общественный порядокъ. Можно утвердительно сказать, что при Анастасьевѣ въ Черниговѣ, или при Барановѣ въ Нижнемъ Новгородѣ, не было бы такого крушенія поѣздовъ,—и всякіе Бродскіе и К° держали бы ухо востро.

Поэтому мы думаемъ, что еслибы строгое внушеніе было сдѣлано заправиламъ нашей конки въ прошломъ году, послѣ перваго же крушенія, то не повторилась бы и катастрофа, которую на дняхъ мы вновь увидѣли...

Жиды наши никого знать не хотятъ, дѣлаютъ, что имъ вздумается

для своей наживы, и никто ихъ не останавливаетъ, а наши думскіе гласные играютъ въ ихъ дудку.

При передвиженіи поѣздовъ, конка нарушаетъ существенные параграфы договора. Сказано, что вагонъ долженъ двигаться по уклону со скоростью 4 верстъ въ часъ; между тѣмъ, онъ мчится не курьерски. со скоростью 9 верстъ въ часъ. Слѣдуетъ, по правиламъ, чтобы вагонъ дѣлалъ по линіи къ вокзалу 20 оборотовъ, а вагоновожатымъ велятъ дѣлать 25 оборотовъ, и если они дѣлаютъ меньше, то имъ говорятъ, что они затягиваютъ движеніе и штрафуютъ ихъ, а потому вагоновожатые вынуждены мчаться, какъ сумашедшіе, стараясь какъ можно больше набивать карманы своимъ владыкамъ.

Вагоны, по своей ёмкости, могутъ вмѣстить въ себѣ 20—25 человѣкъ пассажировъ, а кондукторы, радѣя объ интересахъ начальства, напихиваютъ въ вагонъ человѣкъ 50 — 70, и неудивительно послѣ этого, что бываютъ крушенія отъ такой ненормальной ѣзды.

Сказать къ слову, и у нашихъ гласныхъ—тоже «рыльце въ пушку». По̀видимому, они солидно задобрены жидами, ибо смотрятъ на всѣ ихъ безобразія сквозь пальцы и совсѣмъ забыли о контролѣ надъ конкой. Нѣкоторые изъ нихъ не брезгаютъ мелочами, удовлетворяясь подачками въ видѣ даровыхъ билетовъ на проѣздъ по городу въ трамваѣ...

Намъ пришлось наблюдать, что когда новичокъ - кондукторъ или контролёръ спрашивали у подобныхъ лицъ билеты, тѣ,—какъ журавли, кивая головою внизъ,—отвѣчаютъ: «постоянные»; а слово постоянные на конно-желѣзномъ жаргонѣ означаетъ *безплатные*,' т. е. ѣдутъ «свои люди».

Водопроводное дѣло въ Кіевѣ тоже попало въ жидовскія руки и мы терпимъ большія стѣсненія. Мало того: у насъ какіе-то странные порядки на этотъ счетъ практикуются даже и въ судебныхъ мѣстахъ. Если, положимъ, домовладѣлецъ запретъ кранъ въ собственномъ домѣ и прекратитъ выдачу воды квартирантамъ, мировые судьи считаютъ это «самоуправствомъ» и сажаютъ домохозяина въ тюрьму, а если жидовское водопроводное общество такое же точно самоуправство проявляетъ даже въ чужой усадьбѣ—никакіе протесты и жалобы не помогаютъ...

Между тѣмъ, законы для всѣхъ одинаковы — и нигдѣ, слава богу, не сказано, что «съ сильнымъ не борись, а съ жидомъ не тяжись». И въ этомъ дѣлѣ наши думскіе гласные мирволятъ жидамъ, помогая притѣснять своихъ же избирателей.

Заглянувъ въ контрактъ съ водопроводнымъ обществомъ, мы убѣдились, что этотъ убійственный для жителей договоръ составленъ закляты̀ми врагами кіевскихъ жителей.

Тамъ написано только то, что̀ клонится къ пользѣ водопроводнаго общества, и нѣтъ ничего выгоднаго для населенія. Во всѣхъ параграфа-

фахъ читаемъ, что общество можетъ дѣлать въ свою пользу то, другое, третье, десятое, а *обязательствъ* по отношенію къ интересамъ городскихъ жителей—никакихъ не выговорено, точно въ Кіевъ пришли вновь какіе-то печенѣги и вершатъ дѣла, какъ завоеватели!

При всемъ безобразіи этого якобы «договора», отдавшаго всѣхъ домохозяевъ и жильцовъ на многіе годы въ жидовскую кабалу, мы, между прочимъ, нашли и такой параграфъ, по которому правленію общества разрѣшается закрыть кранъ и лишить воды домовладѣльца, если онъ не вдругъ уплатитъ всѣ деньги.

Жиды и ихъ покорнѣйшіе слуги,—думскіе гласные,—дали слишкомъ широкое значеніе этому параграфу, толкуя смыслъ его такъ, что правленіе общества само, своею властью и посредствомъ своихъ слугъ, можетъ закрыть водопроводъ домовладѣльца. Но съ нашей точки зрѣнія такое дѣйствіе будетъ самоуправствомъ и должно повлечь за собою уголовную кару, ибо хотя въ договорѣ есть право закрывать воду, но такое право обязательно должно осуществляться *по рѣшенію суда*, въ силу той законной логики, что договоры приводятся въ исполненіе не личными дѣйствіями участвующихъ въ немъ сторонъ, а по рѣшенію суда.

Допускать иное толкованіе невозможно, ибо въ такомъ случаѣ мы явимся судьями въ собственныхъ дѣлахъ.

Отдавъ, напримѣръ, въ наемъ квартиру и выговоривъ право выселить безъ суда изъ квартиры жильца за неплатежъ денегъ, хозяинъ поступилъ бы вполнѣ незаконно, еслибы своею властью и своими рабочими, безъ всякой санкціи суда, выбросилъ жильца на улицу. Вѣдь это было бы чистѣйшимъ самоуправствомъ, а, между тѣмъ, «прирожденная всемірная аристократія» въ Кіевѣ такъ съ нами, плебеями, и поступаетъ.

Поймите теперь, какъ намъ скверно живется среди израиля и какъ трудно съ нимъ бороться! Въ старой Польшѣ городамъ давалось право (jus de non tolerandis iudaeis) не пускать жидовъ на свою территорію [1]); почему бы этого права не даровать и «матери городовъ русскихъ», поруганной и ограбленной еврейскимъ нашествіемъ?

Кіевъ, 21 октября.

I.

Къ вопросу объ инспекторахъ еврейскихъ училищъ.

Въ газетахъ сообщалось, что въ министерствѣ народнаго просвѣщенія находится на разсмотрѣніи ходатайство начальства одесскаго учебнаго округа объ учрежденіи особыхъ инспекторскихъ должностей для еврей-

[1]) См. «Государство въ государствѣ», стр. 65. (Глава I, «Евреи въ Россіи»).

ских училищъ на счетъ сборовъ съ евреевъ. Нѣтъ сомнѣнія, такое ходатайство послѣдовало въ виду крайней затруднительности и даже полной невозможности, при наличномъ составѣ учебной инспекціи, имѣть правильное наблюденіе за училищами вообще, а въ томъ числѣ и за еврейскими.

Можетъ быть, подобное же ходатайство возбуждено и со стороны виленскаго учебнаго округа, потому что въ этомъ округѣ не меньше, чѣмъ и въ одесскомъ, имѣется жидовскихъ училищъ, и эти училища существуютъ на одинаковыхъ основаніяхъ съ училищами одесскаго округа; между тѣмъ, учебная инспекція въ виленскомъ округѣ, при ограниченномъ составѣ, менѣе обезпечена въ матеріальныхъ средствахъ сравнительно съ инспекціей въ другихъ учебныхъ округахъ.

Для завѣдыванія низшими училищами въ шести губерніяхъ, входящихъ въ составъ виленскаго учебнаго округа (виленской, гродненской, минской, ковенской, витебской и могилевской), на основаніи высочайше утвержденныхъ, 27 октября 1866 и 20 октября 1869 г., мнѣній Государственнаго Совѣта, учреждено шесть дирекцій народныхъ училищъ, по одной въ каждой губерніи, а равно учреждены должности 6-ти директоровъ и 24 инспекторовъ народныхъ училищъ. По высочайше утвержденнымъ, 27 октября 1863 г., 24 ноября 1864 г. и 10 октября 1866 г., временнымъ штатамъ названныхъ дирекцій и на основаніи высочайше утвержденныхъ, 8 октября 1872 г. и 25 января 1883 г., мнѣній Государственнаго Совѣта, директоры получаютъ содержанія, безъ подраздѣленія на жалованье и квартирныя, по 1,400 р. въ годъ каждый, безъ казенной квартиры, кромѣ директора виленской дирекціи, которому, при казенной квартирѣ, положено жалованья 1,200 въ годъ, а инспекторы получаютъ содержанія по 1,300 р. каждый, въ томъ числѣ 900 р. жалованья и 400 р. квартирныхъ. Сверхъ того, на разъѣзды для осмотра училищъ положено 10,300 р. на всѣ шесть дирекцій (въ ст. 1, § 10, расходныхъ смѣтъ министерства народнаго просвѣщенія на разъѣзды для осмотра училищъ виленскаго округа значится кредитъ въ 10,300 р.; въ томъ числѣ для губерній: виленской 1,716 р. 70 к., гродненской 2,145 р. 80 к., минской 2,145 р. 80 к., ковенской 1,287 р. 50 к., витебской 1,716 р. 70 к. и могилевской—1,287 р. 50 к.). При каждой дирекціи имѣются письмоводитель (онъ же бухгалтеръ) съ жалованьемъ по 600 р., канцелярскій служитель высшаго разряда, съ жалованьемъ по 280 р., и, кромѣ того, отпускается на канцелярскіе расходы 180 р., на содержаніе помѣщенія для канцелярій, найма прислуги, отопленіе квартиры директора и прочіе хозяйственные расходы по 200 р. и на разныя учебныхъ пособій въ училища по 200 р. въ годъ.

Въ такомъ видѣ составъ и штаты дирекціи народныхъ училищъ виленскаго округа существуютъ и по настоящее время.

Въ высочайше утвержденныхъ, 23 марта 1863 г., временныхъ пра-

вилахъ для народныхъ училищъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ «число инспекторовъ опредѣляется сообразно мѣстнымъ потребностямъ; но, по возможности, въ такомъ размѣрѣ, чтобы на каждаго приходилось *не болѣе 50-ти училищъ*». Указанная норма народныхъ училищъ, (т. е. сельскихъ народныхъ и городскихъ начальныхъ) на каждаго инспектора, безъ сомнѣнія, и имѣлась въ виду при учрежденіи въ шестидесятыхъ годахъ 24 должностей инспекторовъ; но съ того времени инспекторскія обязанности значительно возрасли и осложнились, а число училищъ на каждаго инспектора приходится *гораздо больше 50-ти*. Такъ, на основаніи высочайше утвержденнаго, 25 мая 1874 г., мнѣнія Государственнаго Совѣта, вѣдѣнію дирекцій въ вышеприведенномъ ихъ составѣ, подчинены городскія и уѣздныя училища, частныя учебныя заведенія и еврейскія училища всѣхъ наименованій; новою отраслью административнаго вѣдѣнія увеличился трудъ по дирекціямъ, съ изданіемъ закона 3 апрѣля 1892 г. «о тайномъ обученіи»; наконецъ, высочайше утвержденнымъ, 1 марта 1893 г., мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, на дирекціи, безъ увеличенія ихъ состава, возложена выдача меламдскихъ свидѣтельствъ частнымъ учителямъ іудейскаго закона и наблюденіе за «хедерами». Прибавимъ къ этому, что,—независимо отъ включенія въ сферу вѣдѣнія дирекцій, безъ измѣненія ихъ состава, новыхъ сторонъ административнаго управленія,—по требованію времени, все больше и больше расло и развивалось самое школьное дѣло, выдвигая вопросы и работы, которыхъ раньше не было или которые были прежде въ существенно меньшемъ объемѣ, напр., садоводство и огородничество при народныхъ училищахъ, ремесленные классы и ремесленныя школы, народныя библіотеки, народныя чтенія и т. п. Положеніе директоровъ, инспекторовъ и канцелярскаго состава дирекцій, при указанныхъ обстоятельствахъ, становилось все болѣе и болѣе затруднительнымъ и дошло, наконецъ, до того, что сложныя обязанности членовъ дирекцій превысили ихъ силы.

Нельзя сказать, чтобы въ посильномъ выполненіи указанныхъ обязанностей руководительство и наблюденіе за еврейскими училищами разныхъ наименованій было дѣломъ второстепеннымъ для лицъ, завѣдующихъ этими училищами. Нѣкоторое исключеніе составляютъ только хедеры и частные учителя іудейскаго закона (меламды), по отношенію къ которымъ наблюденіе ограничивается нерѣдко выдачей меламдскихъ свидѣтельствъ и разрѣшеніемъ на открытіе хедеровъ. Но и это дѣло—далеко не легкое: во-первыхъ, въ виду массы выдаваемыхъ свидѣтельствъ (до 800 ежегодно въ каждой дирекціи) и, во-вторыхъ, въ виду необходимости производить осмотръ помѣщеній, указываемыхъ меламдами подъ хедеры. Кромѣ того, по разнымъ вопросамъ и жалобамъ меламдовъ, родителей учащихся у нихъ дѣтей и другихъ лицъ, членами дирекцій производятся разслѣдованія, нерѣдко съ выѣздомъ на мѣсто и опросомъ, письменнымъ

и словеснымъ, многихъ лицъ-свидѣтелей, такъ что по разслѣдованію жалобъ создаются объемистыя «дѣла».

Но и помимо хедеровъ и меламдовъ, серія еврейскихъ учебныхъ заведеній, подлежащихъ вѣдѣнію дирекцій и инспекцій, весьма обширна. Первое мѣсто между ними занимаютъ начальныя училища, одноклассныя и двухклассныя, съ приготовительными классами и ремесленными отдѣленіями; затѣмъ идутъ народныя училища, мужскія и женскія, тоже одноклассныя и двухклассныя, и даже со смѣнами; далѣе слѣдуютъ школы русской грамотности, мужскія и женскія, потомъ ешиботы, талмудъ-торы, тоже съ ремесленными отдѣленіями, и, наконецъ, частныя училища съ самымъ разнообразнымъ числомъ классовъ и отдѣленій, и различными планами и программами. Есть и одноклассныя училища, мужскія и женскія, съ тремя отдѣленіями; есть и четырехклассныя съ приготовительными классами. Каждое училище изъ поименованныхъ разрядовъ имѣетъ либо положеніе, программы и штаты, либо планъ и программы, причемъ планъ и программы,—будучи выработаны самими содержателями и содержательницами училищъ, просмотрѣны и исправлены инспекторами и утверждены высшею властью при разрѣшеніи на открытіе училищъ,—чуть ли не ежегодно, «по требованію времени», то измѣняются и дополняются, то вновь перерабатываются, получаютъ утвержденіе и опять измѣняются. Наконецъ, одни учебныя заведенія содержатся на суммы свѣчнаго сбора, другія—на суммы коробочнаго сбора (см. ниже), иныя на тѣ и другія и, наконецъ, на частныя средства. Однимъ словомъ, еврейско-учебное дѣло для непосвященныхъ въ него—это частѣйшая tera incognita, настоящее еврейское «государство въ государствѣ». Прибавимъ къ этому свойственную евреямъ настойчивость въ сохраненіи своей національности—и значеніе этого еврейскаго «министерства народнаго просвѣщенія» будетъ вполнѣ понятно. Число еврейскихъ училищъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ быстро растетъ, а еще болѣе растетъ всякаго рода переписка по этимъ училищамъ, и безъ преувеличенія можно сказать, что еврейскими дѣлами дирекціи народныхъ училищъ *положительно завалены*. Вышеупомянутая норма, по которой на каждаго инспектора полагается не свыше 50-ти училищъ, — притомъ народныхъ, одного типа,—давно забыта, потому что, кромѣ 50 — 60 и болѣе народныхъ училищъ, каждый инспекторъ нынѣ имѣетъ до 20 и свыше училищъ другихъ наименованій, а въ томъ числѣ до 10 и болѣе еврейскихъ училищъ самыхъ разнообразныхъ типовъ, съ обширнѣйшею по всѣмъ училищамъ,—и особенно по еврейскимъ,—перепискою. Всѣ училища своего участка, числомъ до 70 и значительно больше [1]), инспекторъ долженъ

[1]) Въ 1897 г. въ виленскомъ уч. округѣ подлежало осмотру инспектора 1891 училище, слѣд., на каждаго инспектора приходилось почти по 79 училищъ. Авт.

осмотрѣть въ теченіе года обязательно по одному разу, а нѣкоторыя училища по два и по три раза, причемъ осмотръ долженъ быть производимъ самый тщательный и всесторонній; о результатахъ же осмотра,— помимо распоряженій на мѣстѣ и переписки съ лицами и учрежденіями,— инспекторъ представляетъ отчетъ либо директору, либо въ училищный совѣтъ дирекціи, дѣлаетъ исполненія по резолюціямъ директора и постановленіямъ училищнаго совѣта, а въ концѣ года представляетъ подробный отчетъ въ управленіе учебнаго округа (чрезъ директора, дѣлающаго свое заключеніе) откуда онъ отсылается въ министерство. Не будемъ говорить, насколько обременительно это дѣло; достаточно замѣтить, что инспектору приходится быть въ разъѣздахъ съ ранней осени и до поздней весны, имѣть отлучки сразу на двѣ и на три недѣли, жить на два дома и нести немалыя издержки на дорожную одежду, путевыя принадлежности, продовольствіе и пр., а промежуточное между поѣздками время ежедневно, съ 10 до 3 часовъ и позже, сидѣть въ канцеляріи дирекціи за разнаго рода дѣлами.

Выше было замѣчено, что на разъѣзды для осмотра училищъ положено 10,300 р. на всѣ шесть дирекцій. Въ этомъ размѣрѣ сумма на разъѣзды стала поступать съ 1873 г. (значитъ, остается безъ перемѣны въ теченіе 25-ти лѣтъ); до того же времени на этотъ предметъ поступало 6,000 р., по тысячѣ на каждую дирекцію. Существенной причиной, побудившей министерство ходатайствовать объ увеличеніи суммы на разъѣзды, было умноженіе въ шести дирекціяхъ числа инспекторовъ народныхъ училищъ въ 1870 г., когда, сверхъ бывшихъ 14-ти инспекторовъ, назначено было еще 10, съ отпускомъ имъ лично содержанія равнаго съ содержаніемъ прежнихъ инспекторовъ, но безъ ассигнованія дополнительнаго кредита на разъѣзды по осмотру училищъ. Заслуживаетъ вниманія заключеніе по сему предмету министерства финансовъ, съ которымъ, до представленія ходатайства въ Государственный Совѣтъ, сдѣлано было предварительное сношеніе. Принявъ во вниманіе, что 6,000 р., ассигнованные раньше на разъѣзды для осмотра *народныхъ* училищъ въ губерніяхъ Сѣверо-западнаго края, предназначались для 14-ти инспекторовъ, что составляло около 430 р. на каждаго, бывшій въ то время министръ финансовъ, статсъ-секретарь Рейтернъ, нашелъ правильнымъ увеличить въ томъ же размѣрѣ сумму на разъѣзды для 10-ти вновь назначенныхъ въ 1870 г. инспекторовъ, что и составило 4,300 р. [1]).

Изъ приведеннаго мнѣнія министра финансовъ явствуетъ, что какъ первичная сумма въ 6,000 р., такъ и добавочное ассигнованіе въ 4,300 р.,

---

[1]) Сборникъ постановленій по Министерству Народ. Просвѣщенія, т. V, стр. 1478.

назначены на разъѣзды для осмотра: а) *только народныхъ* училищъ и б) только инспекторамъ народныхъ училищъ. Между тѣмъ, — какъ уже замѣчено,—ассигнованная на разъѣзды по осмотру *народныхъ* училищъ сумма, 10,300 р., раздѣленная между шестью дирекціями, употребляется на разъѣзды по осмотру *всѣхъ* училищъ, подлежащихъ вѣдѣнію дирекцій, а не исключительно народныхъ, и въ счетъ этой суммы дѣлаются разъѣзды не только инспекторами, но и директорами, которые вмѣстѣ съ тѣмъ являются и распорядителями кредита, причемъ и инспекторы, и директоры, согласно ст. 42-й правилъ о назначеніи денежныхъ выдачъ по министерству народнаго просвѣщенія, получаютъ разъѣздныя деньги авансомъ и представляютъ отчеты и маршруты для контроля о своихъ расходахъ по ревизіи училищъ.

Уже съ 1885, а, быть можетъ, и раньше нѣкоторыми дирекціями стали возбуждаться ходатайства объ усиленіи средствъ на расходы по инспекціи училищъ, такъ какъ съ повышеніемъ правъ инспекторовъ по чинопроизводству, согласно высочайше утвержденному, 25 января 1883 г., мнѣнію Государственнаго Совѣта, нѣкоторые инспекторы были произведены въ чинъ статскаго совѣтника и, *по закону*, имѣли право, при разъѣздахъ по дѣламъ службы, пользоваться прогонами на шесть лошадей, а при такомъ условіи кредитъ на разъѣзды въ 10,300 р. оказывался далеко недостаточнымъ.

Для выхода изъ представившагося затрудненія, попечитель виленскаго округа тайн. сов. Н. А. Сергіевскій остановился на мысли—выдѣлить по каждой дирекціи изъ кредита на прогоны одну опредѣленную цифру для всѣхъ инспекторовъ, безъ отношенія къ ихъ числу, и обратить эту цифру прогоновъ въ дополнительное окладное жалованье, съ тѣмъ, однако же, чтобы, по примѣру внутреннихъ губерній, инспекторы были совершенно освобождены отъ обязанности представлять отчеты и маршруты для контроля о расходахъ по ревизіи училищъ ихъ района; для контроля же, въ лицѣ начальника дирекціи, вполнѣ достаточно отчетовъ о числѣ обревизованныхъ училищъ и о состояніи ихъ въ данномъ районѣ. Исходя изъ этой мысли, и въ видахъ болѣе равномѣрнаго опредѣленія цифры расходовъ на разъѣзды инспекторовъ каждой дирекціи, а также принявъ въ соображеніе: а) площадь губерніи и каждаго инспекторскаго района, б) число училищъ въ губерніи и въ районѣ, в) удобство или неудобство путей сообщенія и г) то обстоятельство, что директоры училищъ, по своимъ постояннымъ и сложнымъ административнымъ занятіямъ, лишены возможности часто и на продолжительное время совершать поѣздки для осмотра училищъ,—попечитель Н. А. Сергіевскій предположилъ распредѣлить кредиты на разъѣзды по осмотру народныхъ (опять таки только *народныхъ*) училищъ слѣдующимъ образомъ:

НАЗВАНІЕ ДИРЕКЦІЙ.	Сколько отпускается изъ казны денегъ на прогоны.	Число инспекторовъ въ дирекціяхъ.	Сколько положено выдѣлить на прогоны каждому инспектору.	Итого всѣмъ инспекторамъ.	Остается на разъѣзды директорамъ народныхъ училищъ.
Виленская	1,716 р. 70 к.	4	375 р.	1,500 р.	216 р. 70 к.
Ковенская	1,287 » 50 »	3	350 »	1,050 »	237 » 50 »
Гродненская . . .	2,145 » 80 »	5	375 »	1,875 »	270 » 80 »
Минская.	2,145 » 80 »	5	375 »	1,875 »	270 » 80 »
Витебская	1,716 » 70 »	4	375 »	1,500 »	216 » 70 »
Могилевская. . .	1,287 » 50 »	3	360 »	1,080 »	207 » 50 »
Итого . . .	10,300 р. — к.	24	— р.	8.880 р.	1,420 р. — к.
					10,300 р. [1]).

Изъ приведеннаго разсчета видно, что на разъѣзды каждому инспектору предполагалось назначить отъ 350 до 375 р., тогда какъ каждому директору предназначалось отъ 207 р. 50 к. до 270 р. 80 к.,—т. е. инспекторскій окладъ на сто рублей слишкомъ превышалъ директорскую разъѣздную сумму, причемъ для директоровъ предполагалось сохранить во всей силѣ дѣйствующія правила относительно представленія въ контрольныя учрежденія отчетовъ въ израсходованіи прогоновъ.

Ходатайство тайн. сов. Сергіевскаго о выдѣленіи по каждой дирекціи изъ кредита на разъѣзды по осмотру училищъ 8,880 р., для обращенія этихъ денегъ въ окладное содержаніе, въ приведенномъ размѣрѣ, на разъѣзды инспекторамъ, было всецѣло принято покойнымъ министромъ графомъ Деляновымъ, и къ внесенію по этому предмету представленія въ Государственный Совѣтъ не встрѣтилось препятствій ни со стороны министра финансовъ, ни со стороны государственнаго контролера. Но департаментъ государственной экономіи призналъ, что выдача инспекторамъ прогоновъ за дѣйствительно совершонныя поѣздки представляетъ преимущество сравнительно съ удовлетвореніемъ ихъ разъѣздными деньгами, и, — въ устраненіе усиленныхъ выдачъ прогоновъ тѣмъ инспекторамъ, которые, съ производствомъ въ статскіе совѣтники, имѣютъ право получать ихъ на шесть лошадей,—нашелъ болѣе правильнымъ постановить, что прогонныя деньги, выдаваемыя инспекторамъ на разъѣзды, не могутъ превышать размѣра, слѣдующаго имъ по чину, соотвѣтствующему классу ихъ должности. Въ такомъ видѣ и состоялось мнѣніе Государственнаго Совѣта, высочайше утвержденное 18 марта 1886 г. [2]).

Насколько, однако, оказывалась недостаточной ассигнованная на разъѣзды сумма и по ограниченіи права статскихъ совѣтниковъ на полученіе прогонныхъ денегъ соотвѣтственно чину (всѣ инспектора получаютъ про-

[1]) Тамъ же, т. X, стр. 345—348.

[2]) Тамъ же, стр. 350—352.

гоны на три лошади), можно судить по тому, что начальство виленскаго учебнаго округа принуждено было выработать особыя по этому предмету правила, которыя и разосланы были директорамъ народныхъ училищъ въ 1891 г. при циркулярномъ предложеніи. Вотъ эти правила въ точной передачѣ: 1) каждый изъ инспекторовъ предъ каждою своею поѣздкою, пользуясь указаніями директора и сообразуясь съ мѣстными условіями, составляетъ маршрутъ предполагаемой поѣздки и представляетъ таковой директору. Во времени и въ порядкѣ осмотра ревизуемыхъ училищъ инспекторъ старается выполнить предположенный маршрутъ со всею точностью. Въ случаѣ появленія непредвидимаго и непреодолимаго препятствія во время пути къ осуществленію предположеннаго маршрута инспекторъ съ мѣста ревизіи увѣдомляетъ директора какъ о причинѣ, принудившей его измѣнить маршрутъ, такъ равно и объ избранномъ новомъ пути его слѣдованія. 2) Выдача авансовыхъ денегъ инспекторамъ должна примѣняться къ времени дѣйствительной надобности въ нихъ, т. е., деньги эти должны выдаваться предъ поѣздкою инспекторовъ въ первую и вторую половину учебнаго года — приблизительно въ сентябрѣ и январѣ мѣсяцахъ. При экстренной командировкѣ во внѣ учебное время, въ случаѣ израсходованія прежде выданнаго аванса, деньги на поѣздку выдаются предъ нею въ размѣрѣ дѣйствительной надобности. Единовременный авансъ инспектора не долженъ превышать 150 р. 3) Разъѣзды директора по *начальнымъ народнымъ училищамъ* не могутъ быть вообще слишкомъ значительны. Въ этомъ отношеніи директоръ долженъ руководствоваться точнымъ смысломъ §§ 6 и 8 инструкціи училищнымъ совѣтамъ дирекцій народныхъ училищъ виленскаго учебнаго округа (утвержд. 13 янв. 1879 г.), въ которыхъ указывается, что директоръ посѣщаетъ училища «по мѣрѣ возможности и особенно такія, которыя, по обстоятельствамъ, требуютъ его личнаго осмотра», а также училища, остающіяся неосмотрѣнными вслѣдствіе продолжительнаго отсутствія или болѣзни кого либо изъ инспекторовъ. Поэтому посѣщеніе народныхъ училищъ директоромъ въ теченіе учебнаго года должно вызываться только неотложными и серьезными нуждами школъ. Частыя и продолжительныя отлучки директора для осмотра училищъ не могутъ не сопровождаться упущеніями по управленію и дѣлопроизводству ввѣренной ему дирекціи. 4) Въ виду того, что директору не назначено особаго участка, и что училища посѣщаются имъ по мѣрѣ возможности и дѣйствительной надобности, — такъ что каждая поѣздка его можетъ быть предусмотрѣна и точно опредѣлена, — директоръ имѣетъ право получать авансовыя деньги на разъѣзды предъ каждою поѣздкою въ размѣрѣ только дѣйствительной надобности, а отнюдь не общею суммою на нѣсколько поѣздокъ за одинъ разъ. Вмѣстѣ съ симъ, сообщая управленію округа о своей поѣздкѣ, директоръ долженъ каждый разъ прилагать къ своему донесенію подробный

маршрутъ предпринимаемой имъ поѣздки, съ поименованіемъ всѣхъ училищъ, которыя директоръ предполагаетъ посѣтить.

Въ приведенныхъ правилахъ опять таки говорится о разъѣздахъ *только по народнымъ училищамъ, совершаемыхъ главнымъ образомъ инспекторами.* Хотя въ данномъ случаѣ и не примѣняется всецѣло разсчетъ бывшаго министра финансовъ, статсъ-секретаря Рейтерна, — по каковому разсчету, какъ выше было указано, на каждаго инспектора разъѣздныхъ денегъ полагается около 430 р. (согласно высочайше утвержденному, 23 мая 1874 г., мнѣнію Государственнаго Совѣта о порядкѣ управленія училищами въ губерніяхъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія, на разъѣзды *каждому* инспектору положено 500 р.),—но, безъ сомнѣнія, рекомендуется раньше приведенный нами разсчетъ тайн. сов. Сергіевскаго, предполагавшаго назначить каждому инспектору на разъѣзды отъ 350 до 375 р., а директору—отъ 207 р. 50 к. до 270 р. 80 к. Между тѣмъ, въ дѣйствительности и минимальная сумма прогонныхъ денегъ, предназначавшаяся каждому инспектору, значительно уменьшается, потому что,—какъ это уже не разъ было отмѣчаемо, — деньги, назначенныя для разъѣздовъ по народнымъ училищамъ, служатъ также единственнымъ источникомъ и для поѣздокъ по осмотру городскихъ и уѣздныхъ училищъ, частныхъ учебныхъ заведеній и *еврейскихъ училищъ* равныхъ типовъ; изъ того же источника покрываются расходы и по поѣздкамъ для всякаго рода «разслѣдованій». Во всѣхъ этихъ случаяхъ поѣздки совершаются какъ инспекторами, такъ и директорами, причемъ инспекторъ получаетъ на разъѣзды по разсчету на три лошади, безъ всякихъ суточныхъ и квартирныхъ, а директору (если онъ чиномъ выше коллежскаго совѣтника) разъѣздныя деньги полагаются по разсчету на шесть лошадей и, кромѣ того, полагаются суточныя по 1 р. 20 к.

Послѣ сказаннаго, нельзя не согласиться, что директоръ долженъ быть признанъ такимъ же производительнымъ расходчикомъ разъѣздныхъ денегъ по осмотру училищъ, какъ и всякій инспекторъ, и даже болѣе того; а если такъ, то инспекторъ можетъ дѣлать свои поѣздки въ предѣлахъ не болѣе, какъ 300 р. прогонныхъ денегъ. При такихъ ограниченныхъ до крайности средствахъ (на 200 р. меньше, чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ) инспекторъ долженъ произвести ежегодный, и притомъ неоднократный, осмотръ 70—80 училищъ своего участка. Тутъ и безъ всякихъ предварительныхъ маршрутовъ инспекторъ долженъ сообразовать свои поѣздки такъ, чтобы, дѣлая возможно меньше верстъ, осмотрѣть возможно больше училищъ, и онъ для этого по необходимости воспользуется всѣми указаніями директора и другихъ свѣдущихъ лицъ, такъ что во время пути у него не появится непреодолимаго и непредвидѣннаго препятствія, допускаемаго правилами для отступленія отъ маршрута, потому что, поѣхавши, напр., въ весеннее время,—когда особенно бываютъ

опасны зимніе пути,—онъ ужь такъ или иначе переберется черезъ рѣчку или озеро и при помощи божіей преодолѣетъ предвидѣнное въ данномъ случаѣ препятствіе, хотя, быть можетъ, и не разъ подвергнетъ свою жизнь опасности, не говоря о здоровьѣ, которое въ силу такихъ поѣздокъ совершенно разстраивается...

Изъ всего предъидущаго явствуетъ, что 1) существующее въ дирекціяхъ народныхъ училищъ виленскаго учебнаго округа число инспекторовъ далеко не достигаетъ той нормы, какая требуется по количеству училищъ названнаго округа, согласно вышеприведенной выдержкѣ изъ временныхъ правилъ 23 марта 1863 г., воспроизведенной въ 3534 ст. XI т. ч. I св. зак., и 2) недостатокъ инспекторовъ не можетъ быть восполняемъ самою усиленною дѣятельностью наличныхъ инспекторовъ и возможно частыми разъѣздами ихъ по училищамъ, по той, *между прочимъ*, причинѣ, что встрѣчаются постоянныя затрудненія въ ограниченности средствъ на этотъ предметъ.

При данныхъ условіяхъ, учебная инспекція въ настоящее время не можетъ приносить той пользы *народнымъ* училищамъ Сѣверо-западнаго края, какой въ правѣ ожидать отъ нея какъ правительство, расходующее значительныя суммы на содержаніе народныхъ училищъ этого края, такъ и общества мѣстныхъ крестьянъ, которыя, надо замѣтить, весьма много и усиленно содѣйствуютъ къ поддержанію этихъ училищъ своими средствами. Дѣятельность инспекціи по наблюденію за училищами сѣверо-западныхъ губерній, въ силу необходимости, ограничивается болѣе тѣсными размѣрами, нежели тѣ, какіе она должна имѣть для поддержанія сказанныхъ училищъ на надлежащей степени учебнаго совершенства; принимая же во вниманіе особенность условій и *важное значеніе развитія народнаго образованія въ Сѣверо-западномъ краѣ*, находящемся въ этомъ отношеніи въ совершенно исключительномъ положеніи,—дѣятельность учебной инспекціи, въ видахъ *упроченія въ краѣ русской народности*, должна выходить даже изъ предѣловъ указанныхъ для нея размѣровъ, и въ этомъ отношеніи ни въ какомъ случаѣ не должна быть стѣсняема ни ограниченнымъ числомъ инспекторовъ, ни незначительными разъѣздными суммами, ни—тѣмъ болѣе—маршрутами и отчетами передъ контролемъ.

Съ вытекающей отсюда точки зрѣнія можетъ быть разсматриваемъ и поднятый начальствомъ одесскаго учебнаго округа вопросъ объ учрежденіи особыхъ инспекторскихъ должностей для еврейскихъ училищъ.

По памятной книжкѣ виленскаго учебнаго округа на 1897—98 учебный годъ (прилож. къ № 12 Цирк. по виленск. учебн. окр. за 1897 г.), въ шести губерніяхъ Сѣверо-западнаго края имѣется слѣдующее число еврейскихъ учебныхъ заведеній разныхъ наименованій: 1) начальныхъ училищъ—одноклассныхъ 21, двухклассныхъ 9, приготовительныхъ клас-

совъ при тѣхъ и другихъ 21 и ремесленныхъ отдѣленій 7; 2) народныхъ училищъ—одноклассныхъ 18, двухклассныхъ 23, женскихъ смѣнъ одноклассныхъ 9, женскихъ смѣнъ двухклассныхъ 16 и мужская смѣна двухклассная 1; 3) частныхъ училищъ со школами русской грамотности—78; 4) талмудъ-торъ, ешиботовъ и субботнихъ школъ 32 и 5) хедеровъ 3692 [1]). Очевидно, хедеры, въ виду ихъ громаднаго числа, не могутъ имѣть большаго значенія при рѣшеніи вопроса объ инспекторахъ еврейскихъ училищъ; кромѣ того, хедеры не должны быть,— какъ будетъ сказано ниже, — признаваемы за организованныя учебныя заведенія. Но и безъ хедеровъ число еврейскихъ училищъ въ Сѣверо-западномъ краѣ весьма значительно: не считая даже приготовительныхъ классовъ при начальныхъ училищахъ и ремесленныхъ отдѣленій при нихъ и при талмудъ-торахъ, еврейскихъ училищъ другихъ типовъ въ виленскомъ округѣ имѣется 208; слѣдовательно на каждую губернію, въ среднемъ выводѣ, приходится почти по 35 училищъ, а на каждаго инспектора болѣе, чѣмъ по 8 училищъ.

Положимъ, что въ каждой дирекціи учреждается особая инспекторская должность для завѣдыванія всѣми еврейскими училищами, съ хедерами и меламдами. Само собою разумѣется, что въ помощь такого рода инспектору долженъ быть назначенъ и особый въ дирекціи письмоводитель, потому что, — какъ выше было замѣчено, — по еврейскимъ училищамъ ведется обширная переписка, да и выдача меламдскихъ свидѣтельствъ требуетъ особой канцелярской силы, такъ какъ въ каждой губерніи Сѣверо-западнаго края такихъ свидѣтельствъ и въ настоящее время обращается до 800 и болѣе. Еврейскія училища, какъ извѣстно, находятся въ городахъ и мѣстечкахъ, отстоящихъ одно отъ другаго на значительномъ разстояніи. Указанное приблизительное число (35) еврейскихъ училищъ разсѣяно въ этихъ пунктахъ по цѣлой губерніи, а, слѣдовательно, инспектору для осмотра сихъ училищъ приходится дѣлать весьма обширные разъѣзды. Переѣзжая изъ мѣстечка въ мѣстечко, изъ города въ городъ, инспекторъ по пути своего слѣдованія будетъ встрѣчать сельскія народныя училища и, какъ бы ни нуждались эти училища въ инспекціи, инспекторъ не станетъ ихъ осматривать, не имѣя къ нимъ никакого отношенія, такъ какъ ему поручены только *одни* еврейскія училища. По той же причинѣ, онъ не освѣдомится о состояніи городскихъ, уѣздныхъ училищъ и всѣхъ частныхъ христіанскихъ училищъ. Такимъ образомъ, ради 35—40 еврейскихъ училищъ, инспекторъ будетъ разъѣзжать по цѣлой губерніи и будетъ останавливаться въ мѣстахъ

[1]) Перечислены только тѣ учебныя заведенія, которыя подлежатъ вѣдѣнію дирекціи народныхъ училищъ, и потому виленскій еврейскій учительскій институтъ, съ начальнымъ училищемъ и приготовительнымъ при училищѣ классомъ, не упомянутъ.

еврейской осѣдлости. Скажутъ, пожалуй что инспекторъ, по мѣрѣ возможности, будетъ осматривать также и хедеры и будетъ имѣть наблюденія за мелямдами, т. е., частными учителями закона іудейскаго. Не нужно имѣть въ виду, что хедеръ, съ однимъ и тѣмъ же мелямдомъ во главѣ, весьма рѣдко существуетъ два-три года. Еврей смотритъ на мелямдство, какъ на временное, случайное средство къ жизни, принижаемое подъ гнетомъ нужды, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Лишь только еврей-мелямдъ пріищетъ себѣ что нибудь болѣе выгодное для обезпеченія своего существованія, онъ немедленно бросаетъ хедеръ или—вѣрнѣе—хедерство, даже безъ передачи своей фирмы другому лицу, потому что, строго говоря, нечего и передавать: никакой школьной обстановки въ хедерахъ не бываетъ, за исключеніемъ, пожалуй, вывѣски, т. е., доски съ надписью: «хедеръ», хотя и такая вывѣска рѣдко кѣмъ дѣлается. Если такъ неустойчиво положеніе хедеровъ, то тѣмъ болѣе неустойчиво положеніе мелямда, не содержащаго хедеръ, а имѣющаго уроки въ частныхъ домахъ для дѣтей одного-двухъ семействъ. Вообще мелямдствомъ занимаются только «неудачники» въ жизни. Сами евреи говорятъ, что *если человѣкъ ни къ чему неспособенъ, то идетъ въ мелямды*. О матеріальномъ положеніи мелямдовъ нечего и говорить. Можно судить, насколько бѣдственно положеніе этого класса людей, если высочайше утвержденнымъ, 8 іюня 1887 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, мелямдскія свидѣтельства, а также прошенія мелямдовъ о выдачѣ имъ такихъ свидѣтельствъ, освобождены отъ гербоваго сбора. Между тѣмъ, когда возбуждено было ходатайство о сказанномъ освобожденіи отъ гербоваго сбора, за обмѣниваемое ежегодно свидѣтельство (мелямдское) установленъ былъ 50-копѣечный сборъ, а въ настоящее время за обмѣнъ свидѣтельства полагается уже трехрублевый взносъ.

Бѣдственному матеріальному положенію мелямдовъ вполнѣ соотвѣтствуетъ и ихъ умственное убожество: мелямды являются олицетвореніемъ крайняго невѣжества, прикрываемаго такимъ сильнымъ авторитетомъ въ глазахъ евреевъ, какъ талмудъ, хотя должно сказать, что мелямды имѣютъ самое плохое знакомство и съ этимъ талмудомъ...

Но если такъ невѣжественны мелямды,—эти первые учители еврейскихъ дѣтей,—то быть можетъ, и нужны особенныя мѣры со стороны правительства, чтобы разсѣять это глубокое традиціонное невѣжество. Быть можетъ, учрежденіе особыхъ инспекторскихъ должностей для еврейскихъ ученицъ и вызывается цѣлями правительства? Но не будетъ ли это равнятся забвенію болѣе существенныхъ задачъ *русскаго* министерства напр. просвѣщенія?

Учрежденіе инспекторскихъ должностей *спеціально для еврейскихъ училищъ*, конечно, во многомъ улучшитъ положеніе этихъ училищъ! въ педагогическомъ смыслѣ, но почему же въ такомъ случаѣ не дать обез-

печенія: съ одной стороны, городскимъ, уѣзднымъ и частнымъ христіанскимъ училищамъ, а съ другой — сельскимъ народнымъ и городскимъ начальнымъ училищамъ посредствомъ назначенія для той и другой группы училищъ особыхъ инспекторовъ? Нельзя забывать, что въ настоящее время всѣ евреи грамотны по еврейски, т. е. умѣютъ читать и писать на жаргонѣ, а большинство—и по древне-еврейски; знаютъ также наизустъ много молитвъ и псалмовъ, между тѣмъ какъ подавляющая масса *русскаго кореннаго населенія* не знакома со своей родной грамотой и крайне невѣжественна въ своемъ религіозномъ развитіи!! Вѣдь и теперь еще многіе крестьяне, особенно въ бѣлорусскихъ губерніяхъ, не знаютъ самыхъ краткихъ повседневныхъ молитвъ или произносятъ ихъ съ ужаснѣйшимъ исковерканіемъ словъ.

Въ семидесятыхъ годахъ,—когда вырабатывались мѣры къ образованію населяющихъ Россію инородцевъ,—бывшій въ то время попечителемъ одесскаго учебнаго округа, д. с. с. Голубцовъ, въ составленной имъ запискѣ о системѣ образованія крымскихъ татаръ, между прочимъ, говорилъ: «Въ характерѣ русскаго правительство есть одна черта, правда, прекрасная сама по себѣ, но *не всегда гармонирующая съ твердою политикой* (sic). Это—излишняя,—иногда въ ущербъ русскимъ государственнымъ интересамъ,—*деликатность въ отношеніи къ инородцамъ*; это—боязнь быть обвиненнымъ въ эгоизмѣ и нетерпимости, хотя дѣло идетъ не о преслѣдованіи той или другой религіи, не о стѣсненіи языка того или другаго племени, а, напротивъ, о возстановленіи законныхъ правъ *преслѣдуемаго русскаго языка*» [1]).

Но если—скажемъ далѣе—русское правительство возьметъ на себя заботу о просвѣщеніи разсѣяннаго въ предѣлахъ Россіи (и не на радость ей!) жидовскаго племени *преимущественно предъ просвѣщеніемъ русскаго народа*, то это значило бы идти прямо въ подрывъ насущнымъ государственнымъ интересамъ. Посему и *учрежденіе особыхъ инспекторскихъ должностей для еврейскихъ училищъ было бы сдѣлано въ интересахъ еврейскаго, но не русско-народнаго просвѣщенія.* Для чего же давать толчокъ къ сепаратизму и къ вредной для дѣла конкурренціи при неравныхъ силахъ конкурирующихъ сторонъ?!

Быть можетъ, учрежденіемъ инспекторскихъ должностей для еврейскихъ училищъ имѣется въ виду снять съ нынѣшняго состава инспекціи годами накопившееся бремя и дать возможность болѣе широкой и безпрепятственной дѣятельности инспекторовъ по руководительству христіанскими учебными заведеніями: городскими и уѣздными училищами, начальными городскими и сельскими народными училищами, и частными учебными заведеніями; но послѣдняго можно достигнуть другимъ болѣе

[1]) Сборникъ распоряженій по Министерству Нар. Просвѣщенія, т. IV, стр. 833.

цѣлесообразнымъ путемъ, именно увеличеніемъ числа инспекторовъ народныхъ училищъ, безъ раздѣленія инспекторовъ по категоріямъ.

Что касается виленскаго учебнаго округа, то нынѣшнее число (24) инспекторовъ народныхъ училищъ этого округа существуетъ,—какъ было уже говорено,—съ 1870 года и, слѣдовательно, остается безъ увеличенія почти въ теченіе *тридати* лѣтъ. Насколько недостаточно это число въ настоящее время—тоже была выяснено, и прибавить по одному инспектору на каждую дирекцію и такимъ же числомъ увеличить составъ канцеляріи каждой дирекціи—болѣе чѣмъ необходимо.

Начальство одесскаго учебнаго округа, возбуждая ходатайство объ учрежденіи особыхъ инспекторскихъ должностей для еврейскихъ училищъ (какого же вѣроисповѣданія были бы эти инспекторы?), находитъ возможнымъ обезпечить эти должности на счетъ сборовъ съ евреевъ.

Изъ особыхъ сборовъ съ евреевъ, такъ называемый *свѣчной сборъ* (первоначально сборъ со свѣчей, зажигаемыхъ еврейками при встрѣчѣ субботы) имѣетъ спеціальное и исключительное назначеніе—на устройство и содержаніе еврейскихъ училищъ, и суммы этого сбора (230,000 р. ежегодно) состоятъ въ распоряженіи министерства народнаго просвѣщенія. На тотъ же предметъ поступаетъ часть (неопредѣленная) изъ *коребочнаго сбора* (налогъ на потребленіе евреями «кошернаго» мяса, а также подоходный налогъ съ торговли и промышленности евреевъ, сборъ съ наслѣдственныхъ денежныхъ капиталовъ и за ношеніе еврейской одежды), который состоитъ въ распоряженіи министерства внутреннихъ дѣлъ. Если на указанные сборы отнести расходы по увеличенію инспекторскаго и канцелярскаго состава дирекцій виленскаго округа,—то сказанные расходы всецѣло могутъ быть возмѣщаемы сборомъ, который производится дирекціями по выдачѣ и обмѣну меламдскихъ свидѣтельствъ и тоже поступаетъ на образованіе евреевъ [1]). Даже и въ настоящее время, при невозможности имѣть надлежащее наблюденіе за обмѣномъ этихъ свидѣтельствъ меламдами,—которые, въ виду требующагося трехрублеваго взноса, несомнѣнно уклоняются часто отъ такого обмѣна,—меламдскій сборъ составляетъ весьма значительныя суммы. О размѣрахъ этихъ суммъ, приблизительно, можно судить по числу хедеровъ, такъ какъ содержатель хедера долженъ имѣть меламдское свидѣтельство, ежегодно возобновляемое, хотя,—какъ было замѣчено,—не всякій меламдъ, получивъ свидѣтельство, открываетъ хедеръ. Многіе меламды занимаются въ частныхъ домахъ, а также въ ешиботахъ и талмудъ-торахъ, а потому число меламдскихъ свидѣтельствъ должно быть гораздо больше, чѣмъ

[1]) На основаніи примѣчанія къ ст. 158 уст. о ценз. и печати, т. XIV св. зак., на содержаніе евр. училищъ поступаетъ плата съ ручныхъ типогр. станковъ и скоропечатныхъ машинъ, имѣющихся въ типографіяхъ для печатанія евр. книгъ; но насколько великъ этотъ сборъ—намъ неизвѣстно.

число хедеровъ. Въ шести губерніяхъ виленскаго округа имѣется 3,692 хедера, слѣдовательно, это и есть минимальное число меламдскихъ свидѣтельствъ, которыя ежегодно даютъ 11,076 р. Уже этой суммы почти достаточно на покрытіе расходовъ по учрежденію въ каждой дирекціи должности одного инспектора и должности одного канцелярскаго служителя, конечно, имѣя въ виду тѣ средства содержанія, которыя получаются инспекторами и канцелярскими служителями въ настоящее время и которыя не могутъ оставаться безъ увеличенія. Но съ увеличеніемъ состава дирекцій, безъ сомнѣнія, увеличилась бы и выдача меламдскихъ свидѣтельствъ, и число ихъ дошло бы до 800 въ каждой дирекціи или до 4,800 въ шести дирекціяхъ, а денежный сборъ съ свидѣтельствъ достигъ бы до 14,400 р. ежегодно

Дополнительныя должности 6-ти инспекторовъ народныхъ училищъ и такого же числа канцелярскихъ служителей вызываются,—какъ и было говорено,—настоятельною и неотложною потребностью имѣть болѣе правильное и успѣшное наблюденіе вообще за учебными заведеніями, находящимися въ вѣдѣніи дирекцій, въ томъ числѣ и за еврейскими училищами. Если найдено будетъ возможнымъ увеличить въ предполагаемомъ числѣ составъ дирекцій, то новыя должностныя лица, въ служебныхъ правахъ и въ средствахъ содержанія, должны быть прежде всего сравнены съ нынѣшними соотвѣтствующими имъ лицами; поэтому, если въ настоящее время инспекторъ народныхъ училищъ въ виленскомъ округѣ получаетъ отъ казны 1,300 р. содержанія, въ томъ числѣ 900 р. жалованья и 400 р. квартирныхъ, то столько же необходимо назначить и каждому изъ штата новыхъ инспекторовъ, тоже отъ казны. Затѣмъ, если нынѣ инспекторъ получаетъ на разъѣзды до 300 р. изъ общей суммы въ 10,300 р., назначенной на этотъ предметъ, то столько же должно быть опредѣлено на разъѣзды и каждому изъ шести новыхъ инспекторовъ. Такимъ образомъ, на содержаніе и разъѣзды шести новыхъ инспекторовъ потребовалось бы отъ казны 9,600 р. Но, имѣя въ виду, что каждый изъ 30 инспекторовъ народныхъ училищъ (въ томъ числѣ 24 прежнихъ инспектора и 6 новыхъ) сосредоточивалъ бы въ своей инспекціи, въ числѣ другихъ учебныхъ заведеній, и еврейскія училища, число которыхъ и въ настоящее время довольно значительно, а съ теченіемъ времени еще больше увеличилось бы, и принимая во вниманіе, что разъ опредѣленные штаты существуютъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ безъ всякаго измѣненія,—каждому изъ 30 инспекторовъ необходимо назначить дополнительное вознагражденіе, какъ за наблюденіе за еврейскими училищами, такъ и за разъѣзды по этимъ училищамъ, а расходы по этому предмету должно отнести на счетъ указанныхъ выше сборовъ съ евреевъ. Опредѣляя сказанное вознагражденіе по 400 р. въ годъ каждому изъ 30-ти инспекторовъ, получимъ 12,000 р. расходовъ,

подлежащихъ отнесенію на счетъ указанныхъ сборовъ. На этотъ же источникъ должно быть отнесено и содержаніе (рублей 300 въ годъ) каждаго изъ шести новыхъ канцелярскихъ служителей дирекцій, или 1,800 р. въ годъ для шести человѣкъ.

Раньше было выяснено, что хотя директоры народныхъ училищъ, въ общемъ, и меньше посвящаютъ времени на разъѣзды по осмотру учебныхъ заведеній, чѣмъ то дѣлается инспекторами; но директорскія поѣздки оплачиваются прогонами на шесть лошадей (слѣдовательно двойными прогонами сравнительно съ инспекторскими поѣздками) и, сверхъ того, суточными. Поэтому та сумма, (400—500 р.), въ предѣлахъ которой совершаются директорскія поѣздки въ настоящее время, не можетъ оставаться безъ увеличенія. Въ данномъ случаѣ директоры народныхъ училищъ виленскаго учебнаго округа, по крайней мѣрѣ, должны быть сравнены съ ихъ сотоварищами въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія и гдѣ директоры получаютъ на разъѣзды по 700 р.; т. е., спеціально на разъѣзды директоровъ въ виленскомъ учебномъ округѣ должно быть добавочное ассигнованіе въ размѣрѣ не менѣе 300—200 р. каждому, или 1,800—1,200 руб. для шести директоровъ. Эти расходы, равно и добавочное вознагражденіе директорамъ за труды по выдачѣ меламдскихъ свидѣтельствъ и за завѣдываніе еврейскими учебными заведеніями, въ размѣрѣ не менѣе 300 р. каждому директору,—или 1,800 р. для шести директоровъ,—должны быть покрыты изъ фонда на образованіе евреевъ.

Итакъ, въ интересахъ русско-народнаго просвѣщенія, *въ интересахъ возможнаго объединенія разновѣрныхъ и разноплеменныхъ элементовъ Россіи съ ея кореннымъ населеніемъ* на почвѣ просвѣщенія, должно признать неотложно необходимымъ не учрежденіе особыхъ инспекторскихъ должностей для еврейскихъ учебныхъ заведеній,—какъ то предполагается начальствомъ одесскаго учебнаго округа,—а вообще увеличеніе числа инспекторовъ народныхъ училищъ, чтобы, согласно высочайше утвержденнымъ, 23 марта 1863 г., временнымъ правиламъ для народныхъ училищъ въ Сѣверо-западномъ краѣ и 3534 ст. XI т. ч. I-й св. зак., *на каждаго инспектора приходилось не болѣе 50-ти училищъ*, считая въ этомъ числѣ всѣ учебныя заведенія, находящіяся въ вѣдѣніи дирекцій народныхъ училищъ,—т. е., городскія и уѣздныя училища, сельскія народныя и городскія начальныя училища, частныя учебныя заведенія и еврейскія училища всѣхъ типовъ (кромѣ хедеровъ). Въ частности, въ виленскомъ учебномъ округѣ указанная норма можетъ быть болѣе или менѣе соблюдена, если въ каждой дирекціи будетъ прибавлено по одному инспектору. Съ отнесеніемъ расходовъ, въ размѣрѣ 9,600 р., по сказанному увеличенію числа инспекторовъ на счетъ казны, всѣ прочіе, выше исчисленные, расходы: а) по увеличенію суммъ на разъѣзды

директоровъ и инспекторовъ, б) по добавочному вознагражденію тѣхъ и другихъ за завѣдываніе и осмотръ еврейскихъ училищъ и в) по увеличенію канцелярскихъ силъ въ каждой дирекціи, — въ общей сложности до 16,800 р. въ шести дирекціяхъ,—должны быть отнесены *на счетъ суммъ, поступающихъ на образованіе евреевъ изъ трехъ источниковъ: свѣчнаго, коробочнаго и меламдскаго сборовъ.* За свое образованіе евреи пусть и расплачиваются изъ своихъ еврейскихъ же источниковъ.

С. Д.

Одесса, *25 октября.*

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Къ вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости.—Что такое свобода совѣсти?—Какъ отнестись къ разгрому сектантами православной школы и поруганію евангелія? — Продовольственная нужда и необходимость организаціи общественныхъ работъ.—Сытые зеицы и голодные крестьяне.—Отзывы губернаторовъ о «лѣности и избалованности» голодающихъ крестьянъ. — Продолжающіеся толки о реформѣ городскаго самоуправленія.—Какъ городской голова освѣщаетъ «хозяйственнымъ» способомъ городскія улицы? — Родственный элементъ въ городскомъ самоуправленіи. — Подвиги нижегородскихъ инженеровъ. — Хозяйственный способъ постройки казенныхъ сооруженій.—Чѣмъ объясняется бездѣйствіе контроля и молчаніе печати? — Продолженіе вопроса: «Какъ наши евреи *дѣлаютъ исторію*?

Вопросъ о свободѣ совѣсти,—поднятый на орловскомъ съѣздѣ миссіонеровъ М. А. Стаховичемъ,—продолжаетъ волновать все русское общество. Этотъ вопросъ дебатируютъ не однѣ газеты, но и публика — въ своихъ «письмахъ въ редакціи». *За* и *противъ* этого вопроса наговорено очень много. Одни стоятъ за свободу совѣсти, видя въ этомъ идеалъ христіанской проповѣди, къ которому должно стремиться человѣчество; другіе утверждаютъ, что съ свободою совѣсти связана пропаганда идей, противныхъ православной церкви. Защитники свободы совѣсти указываютъ на Спасителя, на апостоловъ, на примѣры русскихъ проповѣдниковъ—Стефана Пермскаго, Трифона, просвѣтителя лопарей, Иннокентія сибирскаго, проповѣдывавшихъ слово божіе не только *словомъ*, но и *примѣромъ* своей благочестивой жизни. Нѣтъ сомнѣнія, что слово божіе должно проповѣдываться по примѣру, завѣщанному намъ Спасителемъ и лучшими русскими просвѣтителями, дѣйствовавшими среди язычниковъ. Нѣтъ сомнѣнія также, что нынѣшніе наши офиціальные миссіонеры,—нѣкоторые изъ нихъ даже въ форменныхъ фуражкахъ съ кокардами,—ведутъ свою проповѣдь далеко не по христіански...

Миссіонеры прежняго времени шли проповѣдывать христіанскую вѣру, побуждаемые единственно чувствомъ любви къ Богу и къ ближнему. Можно ли сказать это про современныхъ намъ миссіонеровъ?

Свобода совѣсти—это великій идеалъ, завѣщанный намъ Спасителемъ и апостолами. Къ этому идеалу мы и должны стремиться всѣми силами.

Предложеніе г. Стаховича—возбудить на съѣздѣ ходатайство «въ пригодномъ порядкѣ» *о полной отмѣнѣ уголовной кары за*

отпаденіе отъ православія и за принятіе и исповѣданіе иной вѣры—не встрѣтило, какъ извѣстно, сочувствія среди участниковъ миссіонерскаго съѣзда.

Противъ этого предложенія, сдѣланнаго г. Стаховичемъ 24 сент., возражалъ прежде всѣхъ преосвященный епископъ орловскій и елецкій Никаноръ:

«Совѣсть есть внутреннее душевное чувство, которое слагается изъ двухъ элементовъ. Съ одной стороны, совѣсть есть законъ, опредѣляющій дѣлать одно, какъ доброе, и не дѣлать другое, какъ злое; а съ другой стороны, совѣсть есть судія, который внутренно судитъ человѣка, не давая ему покоя за совершеніе зла и радуя его за совершеніе добра. Ни въ первомъ, ни во второмъ проявленіи совѣсти свобода не имѣетъ никакого значенія, ибо понятіе свободы—изъ другой области душевныхъ явленій, изъ области воли. Свобода, какъ стремленіе дѣйствовать независимо ни отъ кого и ни отъ чего, неприложима къ совѣсти, какъ закону и судіи, потому что этотъ законъ, это судилище, есть, такъ сказать, ограниченіе ея, противоположеніе ей, стѣсненіе ея. Христосъ Спаситель соединялъ свободу не съ совѣстью, а съ другими основами жизни, болѣе вѣрными, болѣе опредѣленными, болѣе надежными. Онъ сказалъ: «Истина свободитъ вы» (Іоан. 8, 32). Затѣмъ здравый смыслъ долженъ сказать каждому, что совѣсть всякаго человѣка есть законодатель и судія только для него лично. Моя совѣсть не есть законъ и судія для другихъ. Когда же человѣкъ станетъ распространять свою совѣсть на другихъ и подчинять ихъ ея вліянію, то тутъ иногда можетъ быть насиліе, противъ чего именно и борется гражданская власть. Не наше дѣло касаться политики, самимъ входить въ обсужденіе и обращаться къ другимъ съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ уголовныхъ и гражданскихъ законовъ по дѣламъ вѣры, тѣмъ болѣе, что въ Россіи свобода вѣры не стѣсняется, ужасы инквизиціи у насъ невозможны, и опасеніе ихъ для насъ даже непонятно».

Священникъ С. М. Потѣхинъ, кіевскій миссіонеръ, сказалъ, *что та сердечная боль, которую чувствуетъ г. Стаховичъ, не чужда и миссіонерамъ*:

«Тяжело положеніе миссіонеровъ, на которыхъ и въ обществѣ, и въ печати смотрятъ, *какъ на гонителей*. Еще больнѣе видѣть, *какъ миссіонерское дѣло гибнетъ, когда въ него вмѣшиваются урядники, становые* и т. д. Довѣріе между миссіонерами и сектантами рушится, тѣ и другіе не находятъ точекъ соприкосновенія другъ съ другомъ. *Участіе гражданской власти въ дѣлѣ возвращенія сектантовъ въ лоно православія не полезно*. Правда, бываютъ случаи возвращенія полицейскими мѣрами; но *возвращенные такимъ порядкомъ растлѣваютъ православныхъ своими сектантскими воззрѣніями*. Что же отсюда слѣдуетъ? Неужели услуги правительства не нужны намъ? *Нужно ли ставить «препоны» вожакамъ сектантства* и ихъ собраніямъ? Отвѣтимъ: «нужно». Мы смотримъ на всѣхъ властей, какъ на слугъ Божьяго Промысла въ исторіи церкви. Пока Промыслъ Божій не дастъ пастырямъ церкви спасти всѣхъ, до тѣхъ поръ необходимо содѣйствіе имъ

со стороны гражданской власти. Законы, запреты правительства— это не кара, а положеніе «препонъ» разнымъ лжеученіямъ».

Очень жаль, что св. Потѣхинъ не указалъ разумной границы между этими «препонами» и прямымъ полицейскимъ вмѣшательствомъ въ дѣла церкви...

Воронежскій миссіонеръ Т. С. Рождественскій исходитъ изъ того положенія, что «совѣсть, ложно направленная, многихъ можетъ толкнуть на ложный путь».

«Вся Россія содрогнулась, узнавъ, что фанатикъ-раскольникъ, усмотрѣвъ во всеобщей переписи признаки пришествія антихриста, въ силу религіозныхъ заблужденій, *заживо похоронилъ цѣлыя семьи*. Другой случай: 150 представителей крестьянскаго общества составили приговоръ и подали его воронежскому губернатору, прося послѣдняго *избавить ихъ отъ хлыстовъ, которые разоряютъ и развращаютъ ихъ общество*. Это вѣдь вопль тысячи православныхъ! Сектантство наше есть не только неправильное направленіе чувствъ и убѣжденій, но и жизненный фактъ, бытовое явленіе и, какъ таковое, часто переходитъ на преступную почву. Было бы преступно не оградить личность и свободу одного отъ насилій другаго».

Миссіонеръ Айвазовъ сказалъ:

«Вопросъ, затронутый Михаиломъ Александровичемъ, слишкомъ серьезенъ и животрепещущъ. Надъ разработкой этого вопроса трудились цѣлые вѣка. Мнѣ думается, что наше помѣщеніе тѣсно для рѣшенія такого вопроса, и что самый докладъ г. Стаховича можетъ быть принятъ лишь какъ воззваніе къ «чувству» миссіонеровъ. Принципъ отдѣленія церкви отъ государства, проведенный въ докладѣ М. А., равносиленъ отдѣленію дѣятельности мысли отъ дѣятельности тѣла. Такой принципъ не можетъ возбудить сочувствія съ нашей стороны. Этотъ принципъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ привелъ къ печальнымъ результатамъ. Нужно провозгласить не принципъ отдѣленія, а принципъ возможно большаго вліянія церкви на государство».

Редакторъ-издатель «Миссіонер. Обозрѣнія» г. Скворцовъ сказалъ, что «наши законы не караютъ ни свободы вѣры, ни свободы вѣроисповѣданія. Запрещается только публичное оказательство своей вѣры».

Законъ не признаётъ раскольнической іерархіи, такъ какъ раскольники хотятъ создать вторую церковь, свободную отъ той связи съ государствомъ, въ которой находится православная церковь. Возможно ли эту воюющую церковь признать равноправною съ православной? Ст. 1006 уст. угол. судопр., повелѣвающая начинать предварительныя судебныя слѣдствія о совращеніи изъ православія или объ отступленіи отъ христіанской вѣры не иначе, какъ по требованію духовнаго начальства, понимаетъ это требованіе не въ смыслѣ обвиненія, а въ смыслѣ экспертизы: какъ видно изъ разъясненій этой статьи, преслѣдовать сектаторство можно только тогда, когда надлежащая власть признаётъ, что въ извѣстномъ случаѣ есть сектаторство, а такою властью здѣсь можетъ быть только духовная власть. Для рѣшенія вопроса о томъ, наступило ли

время отмѣны всѣхъ гражданскихъ законовъ по преступленіямъ противъ вѣры, необходимо обратить вниманіе: 1) *на состояніе просвѣщенія нашего народа и 2) на характеръ нашего расколо-сектантства*. Темнота народа извѣстна; она порождаетъ расколо-сектантство и всякаго рода суевѣрія и безсмыслицы. *Говорить о свободѣ сектантства— значитъ говорить о свободѣ тьмы, невѣжества и всякихъ нелѣпостей*». Эту мысль лекторъ прекрасно иллюстрировалъ яркими картинами изувѣрства и *насилія надъ совѣстью православнаго населенія* со стороны вожаковъ сектантства, примѣрами изъ движеній послѣдняго времени среди еноховцевъ, малеванцевъ и духоборовъ. Къ сожалѣнію, наше свѣтское общество и печать знаютъ сектантство только въ его принаряженномъ, праздничномъ видѣ; немногіе знаютъ его внутреннюю жизнь, вслѣдствіе его скрытности и замкнутости.

Докладу М. А. Стаховича посвящено недавно слово, произнесенное о. Іоанномъ Кронштадтскимъ.

«Въ наше лукавое время,—говоритъ о. Іоаннъ,—появились хулители святой церкви, какъ графъ Толстой и въ недавніе дни нѣкто Стаховичъ, которые дерзнули явно поносить ученіе нашей св. вѣры и нашей церкви, требуя свободнаго перехода отъ нашей вѣры и церкви въ какія угодно вѣры. Что же это? Отреченіе отъ христіанства, возвращеніе къ язычеству, къ одичанію, къ совершенному растлѣнію нашей природы? Вотъ куда ведутъ наши самозванные проповѣдники! Нѣтъ, невозможно предоставить человѣка собственной свободѣ совѣсти потому именно, что онъ—существо падшее, растлѣнное, и у человѣка страстнаго и совѣсть грѣшная и свобода растлѣнная, а у инаго и совсѣмъ сожженная. Благодаря проповѣдуемой нынѣ Стаховичами свободѣ совѣсти, многіе, *многіе стали совсѣмъ жить безъ совѣсти*: юноши, женскій полъ, мужья и жены, торговые аферисты, *банкиры*, отсюда—жалкое разореніе многихъ. *Вообще жизнь утратила у многихъ христіанскій характеръ и стала хуже языческой*, — отсюда происходятъ убійства, самоубійства, частые поджоги; отсюда неповиновеніе дѣтей родителямъ, юныхъ — старшимъ, подданныхъ — начальству; выходитъ все наизнанку. Вотъ свобода совѣсти къ чему приводитъ!

«Итакъ, Премудрость Божія оправдана всѣми чадами ея, а невѣрными и отступниками она всегда была поругана, какъ и нынѣ отъ Льва Толстаго и Стаховича.—Аминь».

Но страшна не свобода совѣсти, а «свобода пропаганды» той или иной религіи. Въ Россіи, какъ странѣ еще малокультурной, именно пропаганда религіи и страшна. Католицизмъ, протестанство, штундизмъ, всевозможныя секты широкою волною разольются по всей Руси. Русскій народъ, необразованный, невѣжественный въ дѣлахъ вѣры, не устоитъ противъ натиска представителей другихъ вѣроисповѣданій. Пропаганда страшна еще тѣмъ, что у насъ очень много сектъ, прямо *вредныхъ съ государственной точки зрѣнія* и безнравственныхъ. Скопчество, хлыстовщина—эти безнравственныя секты также будутъ имѣть право пропагандировать свои нелѣпыя и возмутительныя идеи. Разъ установится свобода совѣсти, то она должна быть дана всѣмъ вѣро-

исповѣданіямъ и сектамъ. Какое мы имѣемъ право запрещать іерусалимскимъ монахамъ продавать «слезы Богоматери» и «тьму египетскую» въ пузырькахъ?!. Вѣдь и здѣсь мы должны допустить свободу совѣсти, свободу выбора:—«не любо—не покупай»!!.

Почти одновременно съ орловскимъ съѣздомъ миссіонеровъ. произошелъ въ харьковской губ. крайне печальный фактъ. Харьковскій корреспондентъ «Спб. Вѣд.» передаетъ, что въ селѣ Павловкахъ сектанты *разрушили церковную школу*. Началось дѣло съ того, что село посѣтилъ кіевскій сектантъ Федосенко, лично говорилъ съ сектантами и ушелъ, оставивъ своимъ замѣстителемъ Григорія Павленку, которому онъ передалъ свою силу, вливъ воду въ его ротъ изъ своего.

Цѣлую недѣлю между сектантами царило какое-то нервное оживленіе; о чемъ-то переговаривались и постоянно собирались; въ среду православныхъ стали проникать слухи, что сектанты что-то затѣваютъ; кажется, даже подозрѣвали, что готовится разгромъ церкви; но вѣрили этому далеко не всѣ; говорили и о 4 вагонахъ «братьевъ», которыхъ будто бы ожидаютъ сектанты. 15-го сентября виновники преступленія цѣлую ночь напролетъ провели въ избѣ и о чемъ-то бесѣдовали. Здѣсь Григорій Павленко. замѣститель «пророка», прежде извѣстный, какъ тихій, скромный, ничѣмъ незамѣчательный человѣкъ, вдругъ объявилъ присутствіе въ себѣ «высшей силы», которая завтра истребитъ-де кривду, а самъ онъ завтра же «возсядетъ на престолѣ». Онъ настаивалъ, что все это должно совершиться завтра, такъ какъ врата Царствія Божія закрываются быстро и надо ловить моментъ, пока они открыты. Нервное возбужденіе, усталость, безсонная ночь брали свое... Одна женщина упала въ обморокъ. «Братья, она умерла, но я ее воскрешу»! — объявилъ почувствовавшій «высшую силу». Онъ взялъ воды, подулъ на женщину и брызнулъ; та, конечно, очнулась. Такое же «чудо» совершилъ онъ и надъ мужикомъ, упавшимъ въ обморокъ. Въ 6 час. утра толпа, подъ предводительствомъ Павленки, двинулась къ церковной школѣ; шла она не съ кольями и ломами, какъ утверждаетъ г. Давыденко, а съ голыми руками; по пути одинъ новообразованный сектантъ, молодой парень, читалъ евангеліе; носитель «высшей силы» объяснялъ его; толпа пѣла «Христосъ воскресе»! Ужасная процессія шла тихо. Въ телѣгѣ ѣхала женщина, сектантская «богородица». Сельскія полицейскія власти, въ числѣ 5 человѣкъ, пробовали загородить имъ дорогу, но безуспѣшно. Толпа подошла къ школѣ, двери которой были заперты. Ихъ стали разбивать; одинъ сектантъ дернулъ замокъ, но онъ не подавался. Къ сектанту подошла его незаконная жена и поцѣловала его; онъ опять дернулъ замокъ, но безуспѣшно; второй поцѣлуй—второе безуспѣшное усиліе; третій поцѣлуй—третье усиліе,—и замокъ сломанъ. Съ крикомъ: «Царство Божіе открывается для жены во Христѣ»! сектанты бросились въ церковь и совершили кощунство. Около 9 часовъ утра, сектанты двинулись отъ церкви-школы къ каменной церкви, отстоящей за $1^1/_2$ версты.

Другой случай. Въ началѣ сентября, 12 «кронштадтскихъ богомолокъ» появляются въ одной деревнѣ, въ 3-хъ час. отъ Петер-

бурга, останавливаются среди улицы и начинаютъ пѣть духовныя пѣсни, неизвѣстно кѣмъ составленныя. Въ этой пѣснѣ они называютъ о. Іоанна Кронштадтскаго—Спасителемъ.

Пѣсни свои онѣ сопровождаютъ своеобразными поклонами и жестами. Явился священникъ и сталъ убѣждать и своихъ прихожанъ, и этихъ богомолокъ—перестать кощунствовать. Но, конечно, его никто не послушалъ. Богомолки торжествовали. Уѣзжая въ Петербургъ, онѣ захватили съ собою трехъ дѣвушекъ, съ согласія ихъ родителей.

Какъ поступить въ этихъ двухъ случаяхъ?

Принципъ «свободы совѣсти», если не поставить ей должныхъ границъ, не долженъ быть нарушенъ и здѣсь. Сектанты пусть разрушаютъ православныя церкви и школы, а богомолки — уводятъ дѣвицъ въ Кронштадтъ...

Недородъ нынѣшняго года, постигшій нѣсколько черноземныхъ и южныхъ губерній, значительно подорветъ благосостояніе крестьянъ. Это уже четвертый, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ — пятый недородъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Провинціальныя газеты ежедневно приносятъ печальныя вѣсти о бѣдственномъ положеніи крестьянъ, особенно дѣтей и женщинъ. Кое-гдѣ организуется помощь крестьянскому населенію, но какъ-то слабо и вяло. Законъ 12 іюня 1900 г. значительно сократилъ сферу дѣятельности земства по продовольственному вопросу. Чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, которымъ поручено сложное прододовольственное дѣло, по своей некомпетентности и неподготовленности въ столь новомъ для нихъ дѣлѣ, пока мало проявляютъ иниціативы и дѣятельной заботы.

Продовольственное дѣло — живое дѣло, не требующее «отлагательства» и выжиданія. Здѣсь каждый часъ дорогъ. Не во-время поданная помощь можетъ обойтись населенію въ сотни и тысячи человѣческихъ жертвъ. Интересъ въ обществѣ къ голодающему населенію ослабъ. Теперь уже нѣтъ того сочувствія, какое было проявлено въ 1892 году. О пожертвованіяхъ въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая крестьянъ почти неслышно...

Нужда же въ помощи громадная. Рядомъ съ недоѣданіемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ начинаютъ появляться цынга и голодный тифъ. Насколько нашъ крестьянинъ нуждается въ пищѣ, это можно видѣть изъ слѣдующаго поразительнаго факта, приводимаго въ «Трудовой Помощи» Е. Аничковымъ изъ его врачебной практики. Докторъ далъ совѣтъ матери больнаго ребенка улучшить его питаніе.

«—Ты, матушка, не жуй ему въ соску булки или каши,—сказалъ врачъ матери, принесшей ребенка.

— Слушаю, баринъ,—отвѣчаетъ мать,—да булки-то и нѣтъ.

— Хорошо; тогда вовсе не давай жеванаго чернаго хлѣба.

— Да нѣтъ у меня и чернаго хлѣба со святокъ... Онъ, ребеночекъ-то, на одномъ «пойлѣ» у меня.

— Такъ пои его молокомъ черезъ чистую соску или давай пить молоко изъ чистой чашки или пузырька.

— Да гдѣ же, кормилецъ? молоко бы было, я и хлѣба достала бы; да нѣтъ у меня ни молока, ни хлѣба, а у него только «пойло» есть всю зиму.

— Чѣмъ же ты поила-то его: чаемъ что-ль?

— Нѣтъ, только одной водой (!)... — хладнокровно заявляетъ женщина».

Народъ нуждается въ помощи, и не видѣть этого могутъ только люди, которые судятъ о питаніи русскаго крестьянина по меню своего собственнаго стола. Нѣкоторые провинціальные дѣятели совершенно отрицаютъ недородъ, и недоѣданіе крестьянина объясняютъ его лѣнью и любовью къ «даровому хлѣбу»; продовольственную помощь, оказываемую правительствомъ и земствомъ, называютъ «порчею» и «развращеніемъ мужика»... Подобнымъ взглядомъ на недородъ и на продовольственную помощь отличались елисаветградскіе «дѣятели». Хорошей иллюстраціей къ лживости этихъ разглагольствованій насчетъ «лѣни и избалованности» мужика можетъ служить, между прочимъ, докладъ елисаветградской земской управы уѣздному земскому собранію объ общественныхъ работахъ во время минувшей продовольственной кампаніи. Въ этомъ докладѣ приведенъ, между прочимъ, отзывъ техника, завѣдывавшаго работами въ Новоукраинкѣ.

«Наслышавшись въ городѣ о такихъ якобы свойствахъ новоукраинцевъ и опасаясь, что, при дешевой поденной платѣ, не найдется желающихъ идти на работы, онъ въ первые дни ихъ производства предложилъ поденную плату пѣшимъ рабочимъ по 40 коп. въ день. Цѣна оказалась, противъ всякихъ ожиданій техника, настолько «соблазнительной», что на работы нахлынула огромная толпа, вслѣдствіе чего *техникъ былъ поставленъ въ необходимость дѣлать тщательную сортировку рабочихъ* и принимать ихъ по удостовѣренію старосты, причемъ сами же заинтересованные въ полученіи работы крестьяне указывали на болѣе нуждающихся изъ своихъ односельчанъ. Въ виду такого огромнаго спроса на работу, техникъ разъяснилъ предлагавшимъ свой трудъ, что онъ предполагаетъ уменьшить поденную плату до 30 коп., съ цѣлью предоставить работы наибольшему числу нуждающихся. Однако, не смотря на пониженіе платы, населеніе вполнѣ поняло доводы техника, согласилось съ цѣлесообразностью уменьшенія платы,—и на слѣдующій день *количество желающихъ работать нисколько не сократилось*. По заявленіямъ самихъ крестьянъ, *трудовая помощь болѣе раціональна, чѣмъ выдача ссудъ натурой*, такъ какъ при этомъ условіи «народъ меньше балуется», и распредѣленіе помощи болѣе справедливо, ибо ненуждающійся едва ли пойдетъ на работу за 30—40 коп. въ день, а если и соблазнится, то между рабочими всегда найдутся лица, знающія его имущественное положеніе, которыя и укажутъ на это наблюдающему за работами земскому агенту.

«Въ Липняжской волости *работали даже семидесятилѣтніе старики*, причемъ,—какъ отмѣчаетъ управа въ своемъ докладѣ,—они, не взирая на свою немощность, прилагали всѣ усилія, чтобы не отстать отъ другихъ. По заявленіямъ наблюдавшихъ за

работами, всѣ крестьяне работали очень дружно и энергично, въ особенности хозяева, бывшіе прежде зажиточными и разоренные неурожаями послѣднихъ двухъ лѣтъ. Къ общественнымъ работамъ населеніе относится съ полнымъ сознаніемъ ихъ назначенія, и весьма сочувственно. Общество крестьянъ с. Липняжки, — одного изъ наиболѣе пострадавшихъ въ уѣздѣ отъ неурожая, — даже постановило особымъ приговоромъ просить елисаветградскую земскую управу передать земскому собранію благодарность за производство работъ въ Липняжкѣ».

Вопросъ о «лѣни и избалованности» мужика былъ поднятъ и въ аткарскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи, отклонившимъ проэктъ объ организаціи общественныхъ работъ, которыя уѣздною управою признаны крайне необходимыми для нуждающагося населенія. Предложеніе управы, — по словамъ саратовскихъ газетъ, — встрѣтило *общій протестъ* (!), не смотря на такія убѣжденія:

«Е. С. Сосѣдовъ (предсѣдатель управы):—Прокормъ скота возложенъ правительствомъ на нашу отвѣтственность и мы должны помочь тѣмъ селеніямъ, которыя нуждаются въ пособіи, а мы васъ увѣряемъ, что нужда есть. Вотъ свѣдѣнія, за которыя уѣздная управа вполнѣ ручается: въ сел. Лубашино и Николаевкѣ, Больше-Екатериновской волости, *градомъ выбило весь хлѣбъ*; *нынѣ неурожай и, наконецъ, крестьяне погорѣли на-чисто*; въ сел. Коракинѣ и Карамышкѣ Кологриво-Слѣпцовской волости два года подъ рядъ неурожай и сильно погорѣли; въ деревняхъ Родіоновкѣ и Николаевкѣ Голицынской волости—неурожай и пожары; населеніе истощено также въ Салтыковской волости (д. Мерлиновка, Вишневая-Гайка), въ Колокольцовской волости и т. д. Мы отвѣчаемъ за вѣрность этихъ свѣдѣній. Если окажется, что мы неправы,—отдавайте насъ (управу) подъ судъ, казните насъ! Но теперь мы просимъ: помогите населенію, дайте намъ 10,000 р.

«Предсѣдатель собранія, кн. Оболенскій: — Но къ чему *искусственно* (!) создавать работы, когда крайности нѣтъ?

«— Баловство,—слышится чей-то голосъ.

«Г. Глѣбовъ (предсѣдатель казны). Вотъ и раньше, когда нуждающимся въ аткарскомъ уѣздѣ разрѣшены были ссуды, что же они говорили? «Такъ—возьмемъ, а если съ возвратомъ—не надо»! Предлагали имъ прочищать лѣсъ, давали по шести гривенъ въ день—нейдутъ: «некогда намъ». Вотъ и создали у крестьянъ привычку просить деньги!..

«Е. С. Сосѣдовъ. Но мы увѣряемъ васъ, что нужда есть!

«Г. Глѣбовъ (горячо). Это вноситъ деморализацію. Развиваетъ нищенство»!..

Аткарскіе земцы признали, что продовольственная помощь нуждающимся крестьянамъ не болѣе, какъ «баловство», что общественныя работы «деморализуютъ» крестьянъ, и что такія работы, по ихъ мнѣнію, заводить не слѣдуетъ даже и въ пострадавшихъ отъ недорода мѣстностяхъ. Такъ думаютъ, къ сожалѣнію, земцы, къ голосу которыхъ русское общество обыкновенно довѣрчиво прислушивалось. «Новыя птицы и новыя пѣсни!»..

Но вотъ, на дняхъ, во всѣхъ газетахъ появились отзывы двухъ

губернаторовъ о *необходимости общественныхъ работъ*. Теперь аткарскимъ земцамъ приходится узнать, что одинъ изъ этихъ губернаторовъ—именно саратовскій губернаторъ А. М. Энгельгардтъ, а другой—вятскій губернаторъ, г. Клингенбергъ. Эти губернаторы держатся самаго высокаго мнѣнія о *серьезности и добросовѣстности*, съ какою крестьяне относятся къ общественнымъ работамъ. Въ Камышинскомъ уѣздѣ г. Энгельгардту пришлось встрѣтить даже примѣры рѣдкостнаго безкорыстія со стороны крестьянъ, изъ которыхъ многіе безвозмездно работали на пользу нуждающихся.

«Русскія Вѣдомости» сообщаютъ, что вятскій губернаторъ въ «объявленіи», разосланномъ по волостнымъ правленіямъ, засвидѣтельствовалъ весьма осторожное отношеніе крестьянъ къ продовольственной ссудѣ, выдаваемой правительствомъ и земствомъ.

«При объѣздѣ губерніи,—говоритъ г. Клингенбергъ, — я убѣдился, *насколько крестьяне обдуманно и осторожно относятся къ нынѣшнимъ обстоятельствамъ*, боятся брать на себя невызываемые крайнею необходимостью долги и твердо рѣшились терпѣливо ждать божіей помощи въ будущемъ году, стараясь своими силами выйти изъ затруднительнаго положенія».

Это даетъ вятскому губернатору увѣренность въ томъ, что «никакіе слухи о даровой правительственной и земской помощи и о возможности сложенія долговъ и недоимокъ, а равно о преувеличенныхъ размѣрахъ недорода, не будутъ смущать спокойное и благоразумное населеніе вятской губерніи». При этомъ, начальникъ губерніи считаетъ нужнымъ предупредить крестьянское населеніе, что если, при повѣркѣ приговоровъ, окажется, что домохозяинъ, хотя и не имѣетъ никакихъ запасовъ, но собралъ въ нынѣшнемъ году хлѣбъ въ достаточномъ количествѣ на прокормленіе семьи и на обсѣмененіе полей, но хлѣбъ этотъ продалъ и вырученныя деньги употребилъ на другія надобности, — то *онъ уже разсчитывать на полученіе ссуды не можетъ*. «Выданныя ссуды будутъ, по новому закону, взыскиваться безъ отвѣтственности круговою порукою, по тѣмъ же правиламъ, по коимъ взыскиваются окладные сборы. Поэтому домохозяинъ, просящій ссуду, долженъ понимать, что онъ одинъ и долженъ будетъ ее возвратить; что никто ему не поможетъ и взысканіе будетъ производиться строго, такъ что въ случаѣ накопленія недоимки все движимое имущество можетъ быть продано, а недвижимое отобрано».

Общественныя работы,—какъ мы говорили уже много разъ,—это и есть наилучшая форма помощи нуждающемуся населенію. Кромѣ того, онѣ являются и самой подходящей формой выполненія тѣхъ или иныхъ плановъ по оборудованію нашей бѣдной провинціи нужными ей дорогами, зданіями и сооруженіями, и т. п. Къ сожалѣнію, у насъ на эти работы давно установился взглядъ, какъ на мѣру экстраординарную, къ которой необходимо прибѣгать лишь въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда населеніе нуждается въ продовольственной помощи.

Наше «самоуправленіе» все болѣе и болѣе вырождается и мельчаетъ. Это грустный и тяжелый фактъ для каждаго, видѣвшаго въ

органахъ самоуправленія извѣстный идеалъ и возлагавшаго на него большія надежды. Къ сожалѣнію, въ земство и городское самоуправленіе проникъ такой элементъ, отъ котораго трудно ожидать чего либо хорошаго. Особенно пало наше городское самоуправленіе. Гг. купцы и домовладѣльцы, играющіе въ немъ главную роль, работаютъ совсѣмъ не въ интересахъ городскаго населенія, а только—своего кармана. Они устроились въ городскихъ думахъ «по домашнему»: распоряжаются всѣми городскими дѣлами и имуществомъ по своему личному усмотрѣнію, сообразуясь лишь съ выгодами своей мошны и домовладѣльцевъ, «почтившихъ» ихъ избраніемъ въ гласные. Принципы: — «рука руку моетъ», «своя рубашка къ тѣлу ближе» царятъ въ нашемъ городскомъ самоуправленіи въ полной силѣ. У нашихъ городскихъ гласныхъ особенно развита любовь къ *«хозяйственному* способу веденія городскихъ дѣлъ»... Архангельскій корреспондентъ «Сѣвернаго Края» жалуется на отсутствіе въ городѣ освѣщенія и, между прочимъ, приводитъ такой фактъ изъ недавняго прошлаго г. Архангельска: «Городской голова Л. самъ завѣдывалъ освѣщеніемъ; къ нему ежедневно приходили и спрашивали: «прикажете, ваше степенство, зажигать»?—«Валяй»! И городъ ликовалъ, глядя на ряды фонарей-коптилокъ. Не свѣтло, но и не темно, какъ будто бы, вѣдь фонари! Покажется головѣ Л., что сегодня вечеръ свѣтлый. «Не зажигать»!—командуетъ онъ, и городъ лишается удовольствія утѣшать себя: «хоть и темно, а все же фонари». Такъ распоряжался голова Л., повелѣвая и тьмой, и свѣтомъ. Приходятъ къ нему въ одинъ прекрасный день за приказомъ—зажигать или нѣтъ? Голова беретъ календарь (дѣло было въ сентябрѣ) открываетъ его, а очки на грѣхъ засовались куда-то; смотритъ — полнолуніе, свѣтло, значитъ, будетъ. «Не зажигать», — и идетъ спокойно спать. Фонари не горятъ, городъ тонетъ во тьмѣ непроглядной. Случился на бѣду гдѣ-то на окраинѣ пожаръ; летитъ туда полицмейстеръ. Темно; бацъ! пролетка зацѣпилась за что-то; колесо долой; начальство въ лужу. «Гдѣ фонари, чортъ бы ихъ побралъ, гдѣ»? На утро къ головѣ: почему фонари не горѣли? Тотъ искренно удивленъ; «вчера вѣдь полнолуніе по календарю, къ чему керосинъ зря жечь; я вѣдь тоже отецъ города».

«— Какое полнолуніе? — Сейчасъ за календарь, нѣтъ и тамъ полнолунія.—Вчера вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ,—тычетъ на страницу голова,—было полнолуніе, а теперь нѣтъ,—что за притча?— Ломали, ломали голову; наконецъ, распутали загадку; голова искалъ полнолунія въ календарѣ безъ очковъ и забрался со слѣпу-то вмѣсто сентября въ октябрь, гдѣ было объявлено полнолуніе, а въ сентябрѣ какъ разъ былъ ущербъ; слѣдовательно, на улицахъ предполагалась тьма кромѣшная... Милое, старое прошлое. Кто виноватъ, что темно? Очки головы. Найди онъ ихъ — свѣтло было бы. Милое, старое время, какъ ты часто и во многомъ въ нашей жизни напоминаешь о себѣ».

Оригинальную организацію городскаго самоуправленія приводитъ газета «Каспій».

«Хорошо городское управленіе въ Соликамскѣ, пермской гу-

берніи. Управленіе это тамъ устроилось на семейныхъ началахъ. Все исходитъ отъ главы сеймейства и все идетъ къ нему; безъ него—не могу! Глава семейства—это купецъ Рязанцевъ. Соликамскимъ головой состоитъ довѣренный этого купца. Членъ управы, г. Барановъ, состоитъ главнымъ довѣреннымъ купца Рязанцева. Еще одинъ членъ управы, С. С. Рязанцевъ, — въ близкомъ родствѣ съ тѣмъ же купцомъ Рязанцевымъ. Бухгалтеръ управы, г. Пудовкинъ,—юрисконсультъ купца Рязанцева.

«Однимъ словомъ, соликамская городская управа—это купецъ Рязанцевъ, въ разныхъ изображеніяхъ его интересовъ. Но это еще не все. Не только исполнительный, но и законодательный органъ соликамскаго самоуправленія какъ бы призванъ представлять возможно полнѣе и шире интересы купца Рязанцева. Одинъ гласный состоитъ управляющимъ его имѣній. Другой женатъ на его дочери. Третій находится въ родствѣ со стороны сына. Четвертый—прямотаки прикащикъ купца Рязанцева. Выходитъ, что Соликамскъ—*резиденція династіи Рязанцовыхъ*, и надо полагать, что родственное правленіе вершитъ немалыя дѣла на пользу и благоденствіе этой династіи».

Нужно надѣяться, что, съ допущеніемъ въ число гласныхъ городскихъ думъ квартиронанимателей, будетъ положенъ конецъ этому безцеремонному хозяйничанью гг. гласныхъ надъ городскимъ имуществомъ, на которое они смотрятъ, какъ на свою неотъемлемую добычу.

Волга—наша историческая рѣка. На ней въ старину пошаливали разбойники,—«понизовая вольница», ушкуйники. Все это было и «быльемъ поросло». Но мѣсто понизовой вольницы оказывается святымъ, а «святое мѣсто не будетъ пусто». Амплуа понизовой вольницы занято, но только другимъ элементомъ...

О волжскихъ безобразіяхъ и злоупотребленіяхъ ежедневно проникаютъ въ печать новыя свѣдѣнія. Тамъ царятъ свои нравы, свои обычаи, не подходящіе подъ уровень нашихъ житейскихъ воззрѣній, а прямо уже подъ уголовный кодексъ. Недавно закончившійся судъ въ Нижнемъ Новгородѣ надъ двумя инженерами путей сообщенія,—по обвиненію въ злоупотребленіяхъ при постройкѣ самарской дамбы и при землечерпаніи на Волгѣ,—раскрылъ намъ массу неприглядныхъ сторонъ этого волжскаго ушкуйничества.

Въ Нижнемъ Новгородѣ 4 октября, въ особомъ присутствіи московской судебной палаты съ участіемъ сословныхъ представителей, разсмотрѣно было громкое дѣло о злоупотребленіяхъ бывшаго помощника начальника дноуглубительныхъ работъ на рѣкѣ Волгѣ, инженера Петра Гаврилова Александрова; начальника нижегородскаго отдѣленія казанскаго округа путей сообщенія инженера Роберта Христіанова Шнакенбурга; купеческаго сына Ивана Михайлова Коровина; крестьянъ: Василія Хрисанфова Кирсанова, Прокофія Елизарова Лебединцева, Якова Саввинова Смирнова и Ивана Егорова Ловцова, и временнаго нижегородскаго купца Захара Филиппова Абалакова.

При разслѣдованіи этихъ злоупотребленій, выяснилось, что инже-

неръ Александровъ, имѣя на рукахъ казенныя деньги, при производствѣ возложенныхъ на него работъ, отсчитывался передъ казною въ этихъ деньгахъ *фиктивными счетами* разныхъ лицъ и представлялъ своему начальству *вымышленныя обстоятельства* и завѣдомо ложныя свѣдѣнія. При этомъ добыты были данныя, указывающія на неправильныя по службѣ дѣйствія начальника нижегородскаго отдѣленія казанскаго округа путей сообщенія инженера Шнакенбурга, которому былъ подчиненъ Александровъ. Такъ, 1) имъ составлялись акты освидѣтельствованія матеріаловъ, заключающіе въ себѣ завѣдомо ложныя свѣдѣнія; 2) удостовѣрялись его подписью правильность расхода и дѣйствительность поставокъ на представлявшихся инженеромъ Александровымъ завѣдомо неправильныхъ и фиктивныхъ счетахъ и 3) составлялись невѣрныя и *писанныя заднимъ числомъ* удостовѣренія въ правильности веденія инженеромъ Александровымъ рабочихъ журналовъ на землечерпательной машинѣ и землесосѣ. Вслѣдствіе этого, журнальными постановленіями совѣта министерства путей сообщенія, отъ 22 ноября, 1 и 8 декабря 1895 г. и 6 февраля 1898 г., противъ инженеровъ Александрова и Шнакенбурга возбуждено было уголовное преслѣдованіе. На возникшемъ по этому дѣлу предварительномъ слѣдствіи установлено, что инженеръ Александровъ въ 1893, 1894 и 1895 годахъ завѣдывалъ работами по устройству сормовской дамбы близъ города Нижняго Новгорода и дноуглубительными работами на рѣкѣ Волгѣ. Инженеръ Александровъ произвелъ работы, но весеннимъ разливомъ 1894 г. онѣ были размыты, и лѣтомъ того же года въ сормовскомъ затонѣ произведены были новыя работы по уравненію, расширенію и возвышенію дамбы пескомъ при помощи плетневыхъ заборовъ, а зимою 1894—95 гг. ремонтированъ былъ рѣчной откосъ фашинными тюфяками и высота дамбы доведена была до 2—3 саженъ надъ нулевымъ горизонтомъ, и укрѣпленъ былъ корень ея по полуострову, причемъ откосы дамбы и верхняя площадка ея выстилались камнемъ. Часть этихъ работъ вновь была размыта весеннимъ разливомъ 1895 г. и устройство сормовской дамбы было окончено въ 1895—1896 годахъ. Работы при устройствѣ сормовской дамбы, въ зиму 1894—1895 г., сданы были инженеромъ Александровымъ московскому купцу Коровину по договору. Заготовка же матеріаловъ: камней и хвороста и доставленіе ихъ на мѣсто работъ, хотя и оставлены были Александровымъ за собой и производились хозяйственнымъ способомъ, но до пріобрѣтенія они свидѣтельствовались въ мѣстахъ заготовки начальникомъ нижегородскаго отдѣленія казанскаго округа путей сообщенія инженеромъ Шнакенбургомъ. Произведенныя подъ вѣдѣніемъ инженера Александрова работы по устройству сормовской дамбы, 18 марта 1895 г., были освидѣтельствованы тѣмъ же Шнакенбургомъ, а 21 марта помощникъ главнаго инспектора шоссейныхъ и водяныхъ сообщеній инженеръ Орловскій призналъ ихъ произведенными согласно съ актомъ начальника нижегородскаго отдѣленія казанскаго округа путей сообщенія.

Казалось, все «обстоитъ благополучно»! Инженеры торжествовали и потихоньку «посмѣивались себѣ въ бороду» и надъ кон-

трольной палатой, проглядѣвшей ихъ «хозяйственную» рабрту, и надъ казной, щедро отпускавшей имъ презрѣнный металлъ...

Но вдругъ мѣщанинъ Мучниковъ дѣлаетъ заявленіе о злоупотребленіяхъ инженера Александрова по устройству сормовской дамбы, и въ своемъ заявленіи ссылается на свидѣтелей Лебединцева и Храмова, которымъ извѣстно, что отчетные документы въ израсходованіи имъ казенныхъ денегъ Александровъ *составлялъ подложно*. Инженеромъ Александровымъ были представлены въ судъ, вытребованные изъ казанской контрольной палаты и правленія казанскаго округа путей сообщенія, счеты на поставку матеріаловъ и рабочей силы для дноуглубительныхъ работъ на рѣкѣ Волгѣ и устройства сормовской дамбы:

а) отъ крестьянина Прокофія Елизарова и Прокофія Лебединцева (одно и то же лицо) на 21,456 р. 30 к., б) отъ крестьянина Якова Смирнова на 6,314 р. 36 к., в) отъ крестьянина Василія Кирсанова на 44,075 р. 77 к., г) отъ нижегородскаго купца Захара Филиппова Абалахова на 830 р. 50 к., д) отъ крестьянина Ивана Егорова Ловцова на 1,510 р. 18 к., е) отъ крестьянина Василія Герасимова на 891 р. 91 к. и ж) отъ московскаго купца Михаила Иванова Коровина на 209,243 р. 99 к. Относительно дѣйствительности поставокъ, означенныхъ въ этихъ счетахъ, и стоимости поименованнаго въ нихъ матеріала, предварительнымъ слѣдствіемъ добыты слѣдующія данныя: крестьянинъ Прокофій Елизаровъ Лебединцевъ показалъ, что съ мая 1894 г. по май 1895 г. онъ занимался у инженера Александрова въ канцеляріи, и за это время, по требованію Александрова, *написалъ отъ своего имени нѣсколько счетовъ* на поставку матеріаловъ для дноуглубительныхъ работъ на сумму до 21,054 р., расписался въ полученіи денегъ по этимъ счетамъ, но *поставщикомъ матеріаловъ онъ не былъ* и означенныхъ въ счетахъ денегъ не получалъ; только иногда, по порученію Александрова и на его деньги, онъ покупалъ нѣкоторые предметы у торговцевъ и доставлялъ ихъ на машины, но *въ большинствѣ случаевъ матеріалы, показанные въ его счетахъ, или вовсе не пріобрѣтались, или же пріобрѣтались самимъ Александровымъ за болѣе низкую цѣну* сравнительно съ тою, какая выставлялась въ счетахъ. По словамъ Лебединцева, дровъ имъ было куплено, въ теченіе его службы, *всего лишь 18 пятериковъ*, по 22 р. за пятерикъ, на 396 р. въ складѣ фонъ-Мекка, *счетовъ же имъ было представлено на 4,425 р.* При этомъ цѣна за каждый пятерикъ была показана въ 35 р. Въ эти счеты включенъ былъ также 21 пятерикъ дровъ, купленный самимъ Александровымъ съ баржей по 21 р. за пятерикъ. На разные матеріалы для дноуглубительнаго каравана Лебединцевымъ было подписано счетовъ на 3,404 р. 67 к., въ дѣйствительности же имъ куплено было 6 пудовъ густой смолы, 35 фунтовъ зеленаго мыла, 10 штукъ жестяныхъ лопатъ и отъ 45 до 60 пудовъ машиннаго масла. По околкѣ льда на рѣкѣ Волгѣ, Лебединцевъ представилъ счетовъ на 2,418 р. 78 к. по цѣнѣ 18 и 48 к. за каждую околотую сажень, а, между тѣмъ, околку льда производилъ крестьянинъ Дмитрій Звѣревъ. При исправленіи брандвахты, *никакого расхода не было*, такъ какъ оно

производилось тѣми рабочими, которые получали жалованье по требовательнымъ вѣдомостямъ, а употребленные при этомъ матеріалы (густая смола, пакля, гвозди и др.) *расписаны были по другимъ счетамъ*; тѣмъ не менѣе за исправленіе брандвахты, по требованію Александрова, Лебединцевымъ поданъ былъ счетъ на 170 р. При постройкѣ сруба въ Муромкѣ, Лебединцевымъ нанимались рабочіе только для копанія ямы въ теченіе двухъ дней: въ 1-й день 7 человѣкъ, а во 2-й—9, съ платою по 60 и 70 к. въ день каждому. Между тѣмъ, Александровъ поручилъ Лебединцеву составить и подписать два счета за производство этой работы на 172 р. и 170 р. 39 к. за баржу, которую купилъ Александровъ у балахнинскаго мѣщанина Выморова за 850 р. Былъ написанъ Лебединцевымъ второй счетъ на 1,500 р. Ивовый хворостъ на сормовскую дамбу въ 1895 г. Лебединцевъ не поставлялъ, но *Александровъ заставилъ его написать счетъ о поставкѣ на 8,965 р.* Жалованье за службу Лебединцевъ получалъ сначала по 15 р. въ мѣсяцъ, потомъ 20 и 30 р., но въ требовательныхъ вѣдомостяхъ онъ не значится и при полученіи жалованья *онъ расписывался вымышленнымъ именемъ* матроса или десятника, большею частью Андрея Николаева, такимъ образомъ: «За неграмотнаго Андрея Николаева расписался Прокофій Елизаровъ». Къ этому Лебединцевъ добавилъ, что счеты писались имъ или на простой бумагѣ, или же на бланкахъ, заготовленныхъ самимъ Александровымъ и хранившихся въ его канцеляріи.

Любопытныя показанія Лебединцева и Храмова были подтверждены другими свидѣтелями и нѣкоторыми изъ поставщиковъ.

На судѣ были даны и еще показанія многихъ свидѣтелей. Отмѣчаемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Становой приставъ Розинъ выдалъ Коровину удостовѣреніе въ томъ, что имъ, Коровинымъ, заготовлено для сормовскихъ работъ около 820 куб. саж. ивоваго хвороста, 342 куб. с. бутоваго камня и 100 тыс. штукъ кольевъ. Это удостовѣреніе онъ выдалъ на основаніи переданной ему неизвѣстнымъ лицомъ офиціальной бумаги инженера Александрова и приложенной къ ней выписки заготовленныхъ матеріаловъ, но лично свидѣтель матеріаловъ этихъ не видѣлъ. На вопросъ члена палаты, какъ могъ свидѣтель выдать удостовѣреніе, *не зная, кому дастъ* и вѣрныя ли свѣдѣнія удостовѣряетъ?—свидѣтель отвѣтилъ, что онъ смотрѣлъ на эту выдачу, *какъ на пустую формальность* (!!). Изъ показаній свидѣтеля Макарова, — начальника казанскаго округа путей сообщенія и свояка Александрова,—выяснилось, между прочимъ, что *нарощеніе и ремонтъ дамбы были работами «декоративными»*. Тогда ожидался *проѣздъ по Волгѣ министра путей сообщеній, и было бы некрасиво* показать ему дамбу въ томъ видѣ, въ какомъ она осталась послѣ ледохода. На вопросы защиты свидѣтель подробно объясняетъ чрезвычайно формальный и вредный для дѣла порядокъ отпуска авансовъ, который практиковался въ казанскомъ округѣ.

Любопытны также показанія инженера Шнакенбурга, производившаго *ревизію работъ* по околкѣ льда «съ помощью бинокля», слѣдующимъ образомъ: онъ стоялъ на дамбѣ, кругомъ на льду вода,

и идти по этой водѣ къ мѣсту работъ онъ не могъ, рискуя простудить ноги, каковой случай и былъ съ двумя инженерами. Планъ рѣки ему хорошо извѣстенъ; на работы онъ смотрѣлъ въ бинокль съ сильными стеклами и этого, по его словамъ, вполнѣ достаточно, чтобы подписать актъ осмотра.

Мы не будемъ останавливаться на другихъ подробностяхъ этого знаменитаго процесса.

Здѣсь открылась цѣлая масса неприглядныхъ сторонъ нашего строительства и нашихъ порядковъ. На судѣ говорилось и *о присвоеніи себѣ строителями 30 коп. съ каждаго рубля, расходуемаго казной*, о «дѣлежѣ» этихъ денегъ съ другими, о проматываніи этихъ казенныхъ денегъ и пр., и пр.

Главные виновники приговорены къ соотвѣтствующимъ наказаніямъ. Казалось бы, правосудіе исполнило свою задачу—и дѣлу конецъ. Но является вопросъ: какимъ образомъ положить предѣлъ подобнаго рода хищеніямъ при постройкѣ казенныхъ сооруженій?

Работы производились подъ наблюденіемъ контрольной палаты; она провѣряла присылаемые ей документы. А мы уже видѣли, какъ *фабриковались* эти документы г. Александровымъ. Притомъ, работы производились въ Нижнемъ Новгородѣ, а контрольная палата просматривала въ Казани присылаемые ей фиктивные отчеты. Въ бездѣятельности контрольную палату нельзя и обвинять. Она усердно просматривала эти фиктивные отчеты, не имѣя никакой возможности свѣрить ихъ съ дѣйствительностью.

Наши контрольныя учрежденія блюдутъ—но только на бумагѣ—интересы казны, даже копеечные. За иллюстраціями недалеко ходить. Недавно ярославская контрольная палата обнаружила слѣдующій неправильный расходъ казенныхъ денегъ, произведенный мологскимъ тюремнымъ комитетомъ:

Въ мологской тюрьмѣ разрѣшилась отъ бремени арестантка. И вотъ, ради малютки, комитетъ нѣсколько улучшилъ арестанткѣ скудную острожную пищу, израсходовавъ для этого изъ продовольственныхъ суммъ... *цѣлыхъ семь рублей*. Теперь на эти деньги,—какъ сообщаетъ «Сѣв. Край»,—полученъ начетъ контрольной палаты, которая, не признавая за малюткою права на тюремное довольствіе, а за его матерью — на полученіе улучшенной пищи, предписываетъ тюремному комитету сдать перерасходованную сумму въ казначейство. Рѣшили сдать, собравъ ее между членами по подпискѣ. И по дѣломъ,—замѣчаетъ ярославская газета:—не улучшайте больной пищу, морите малютку голодомъ»!

Является теперь другой вопросъ: «что же молчала волжская пресса о злоупотребленіяхъ Александрова и К°? Неужели она не видѣла этихъ злоупотребленій?

Печать несомнѣнно видѣла эти злоупотребленія, но *вынуждена* была молчать. «Сила солому ломитъ»... Поволжская печать молчала даже тогда, когда о нижегородскомъ процессѣ заговорили всѣ газеты. Въ «Казанскомъ Телеграфѣ» помѣщено слѣдующее заявленіе «отъ редакціи»:

Вся столичная и часть провинціальной печати говоритъ о характерномъ процессѣ инженера казанскаго округа путей сообщенія

Александрова и К°. Наши читатели упрекаютъ насъ за то, что *мы не только сами не касаемся этого дѣла* (судебный отчетъ въ счетъ не идетъ), но *не дѣлаемъ даже соотвѣтственныхъ цитатъ изъ другихъ газетъ*. Покорно пріемля этотъ справедливый упрекъ, мы, тѣмъ не менѣе, *вынуждены* пока ограничиться лишь указаніемъ особенно интересныхъ статей».

Газета перечисляетъ рядъ статей, которыя читатель можетъ найти... въ другихъ газетахъ. Недурно!

Для господъ Александровыхъ и К° у насъ еще открыто слишкомъ большое безконтрольное поле дѣятельности...

Маленькое, но крайне необходимое дополненіе къ отдѣлу «Провинціальная жизнь». Мой collega, говоря въ этой книгѣ журнала по вопросу: «какъ евреи дѣлаютъ исторію»?—не докончилъ приведенной имъ *исторіи* съ еврейскимъ мальчикомъ, которому горный студентъ далъ будто бы щелчокъ по носу. Очевидно, онъ не зналъ продолженія этой жидовской исторіи. А продолженіе любопытно. Жидовскія газеты бросили упрекъ по адресу всѣхъ екатеринославскихъ студентовъ и требовали отъ нихъ, чтобы они разыскали этого преступнаго субъекта, учинившаго lèse-majesté и предали его суду товарищей [1]). Дѣйствительно, студенты горнаго института въ Екатеринославѣ не отнеслись индиферентно къ взведенному на нихъ обвиненію. Они уполномочили г. Теръ-Акопова и еще 4 товарищей разслѣдовать это дѣло, и теперь г. Теръ-Акоповъ увѣряетъ, въ своемъ письмѣ въ «Приднѣпровск. Край», что *ни самъ мальчикъ, ни авторъ письма*, оказавшійся студентомъ московскаго университета *Гинзбургомъ* (изъ «насихъ»),—не могутъ съ увѣренностью сказать, что оскорбитель былъ, дѣйствительно, студентъ горнаго института. Результатъ разслѣдованія представляется,—какъ пишетъ г. Теръ-Акоповъ въ томъ же «Придн. Краѣ»,—въ такомъ видѣ:

«Мальчика оскорбилъ какой-то господинъ въ сѣромъ нѣмецкомъ костюмѣ безъ значковъ; при этомъ присутствовали какіе-то пассажиры съ металлическими пуговицами и молотками, которыхъ мальчикъ и принимаетъ за студентовъ, причемъ г. Гинзбургъ *отказывается сдѣлать очную ставку мальчика со студентами*. Такимъ образомъ, г. Гинзбургъ безъ всякаго основанія бросилъ тяжкое (?) обвиненіе въ лицо цѣлой корпораціи, и если онъ печатно не опровергнетъ ложнаго обвиненія, то дѣло будетъ обсуждаться екатеринославскими горняками и обо всемъ будетъ сообщено студентамъ харьковскаго университета. Только послѣ этого ультиматума г. Гинзбургъ сознался, что *поступилъ неосторожно*, и обѣщалъ, посовѣтовавшись со своими, напечатать опроверженіе, причемъ просилъ срока до понедѣльника, т. е. 3 сентября. Но *до сихъ поръ не послѣдовало опроверженія*, а я, занятый своими дѣлами и, въ особенности, по слу чаю тяжкой болѣзни и смерти товарища-студента, не имѣлъ времени заняться этимъ вопросомъ. Послѣ всего вышеизложеннаго, спрашивается:—

---

[1]) По талмуду, всякая обида, нанесенная жиду, есть, ни болѣе, ни менѣе, какъ «оскорбленіе величества». (См. «Матеріалы комиссіи 1872 г.», изд. министерствомъ вн. дѣлъ. «Записки сѣдлецкаго губернатора С. С. Громеки»).

имѣлъ ли право г. Гинзбургъ приписать неблаговидный поступокъ студентамъ-горнякамъ? Очевидно, нѣтъ».

«Das ist eine alte Geschichte!!! Всегда «наси» такъ дѣлали и продолжаютъ дѣлать «исторію», раздувая муху въ слона и игнорируя настоящихъ «слоновъ»... своей собственной гнусности.

Еще одна любопытная подробность. Петербургская жидовская газета, бросившая, по поводу этой исторіи, укоризненное восклицаніе: «Стыдно», не познакомила читателей съ продолженіемъ этой «исторіи», т. е. не перепечатала письма г. Теръ-Акопова... Дѣйствительно, «стыдно»... но уже кагальной газетѣ, если только она не потеряла окончательно способности стыдиться...

ФОТОГРАФЪ.

(Фельетонъ «Наблюдателя»).

По бѣлу свѣту.

(Замѣтки и наблюденія).

Еврен-талмудисты, какъ «религіозно-политическая каста».—Мнѣніе объ этомъ нашего Государственнаго Совѣта. — Политическая задача — разбить кагальную союзность.—Правительственная комисія 70-хъ годовъ.—Вѣрная постановка вопроса и колебанія въ его правильномъ разрѣшеніи. — Слухи объ учрежденіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особой комисіи по еврейскому вопросу. — Проэктируемыя мѣры.—Недостатокъ точныхъ законодательныхъ постановленій.—Бреши въ «чертѣ осѣдлости».—Походъ противъ чиновниковъ-литераторовъ. — Справедливо ли это гоненіе? — Историческая справка.—Вредна не литература и журналистика, а *зажабленная капиталомъ пресса*.—Миражъ, создаваемый ею и вводящій въ обманъ и правительство, и общество.—Усиливающееся во всѣхъ странахъ Европы антисемитическое движеніе. — Тяготѣніе жидовъ надъ экономической и финансовой жизнью народовъ.

I.

Когда Царю-Освободителю пришлось, послѣ злосчастной крымской войны, перестраивать заново весь крѣпостной укладъ дореформенной Россіи, вложивъ въ него принципы свободы, права и гуманности,—евреи-талмудисты, въ качествѣ «несправедливо гонимыхъ», не преминули сейчасъ же примкнуть къ этому движенію и, пользуясь полнымъ невѣдѣніемъ какъ правительственныхъ сферъ, такъ и всего нашего образованнаго общества относительно варварскаго смысла ихъ псевдо-религіознаго кодекса, успѣли, подъ обманнымъ корсарскимъ флагомъ, провести цѣлый грузъ самаго дикаго восточнаго деспотизма, глупѣйшаго фанатическаго невѣжества и нелѣпой національной «маніи величія», не оправдываемой ни прошлымъ, ни—тѣмъ болѣе—настоящимъ соціальнымъ значеніемъ этого жалкаго азіатскаго народца.

Пріемъ, употребленный въ данномъ случаѣ талмудистами, былъ буквальнымъ повтореніемъ того же обмана, въ который ввели они французовъ во время первой революціи, выдавая себя по виду за «вѣрныхъ гражданъ республики» и оставаясь въ сущности тѣми же дикарями вавилонско-халдейской эпохи.

Жиды добились, шагъ за шагомъ,—все прикрываясь маской «либерализма» и «гуманности»,—почти полной гражданской равноправности и наводнили матушку-Россію израильскимъ купечествомъ первой гильдіи, чиновниками - талмудистами, псевдо-ремесленниками, занимающимися подъ рукой всѣмъ, кромѣ своего показнаго ремесла; банкирами, доводящими до краха свои банки, аптекарями, дантистами, а, наконецъ, помощниками присяжныхъ повѣренныхъ, заполонившими наши судебныя сферы,—въ томъ числѣ и камеры мировыхъ судей,—мракомъ своей талмудической казуистики. Не успѣли они только прорваться въ армію для распложенія тамъ «дрейфусовъ» и въ помѣстное дворянство для процвѣтанія «шейлоковъ» и «диманговъ»-землевладѣльцевъ...

Но какъ ни было гуманно и либерально, по отношенію къ талмудистамъ, правительство Александра II-го,—къ семидесятымъ годамъ и оно уже, вразумленное горькимъ опытомъ, ударило отбой въ этомъ направленіи и разглядѣло всю фальшь односторонняго «либерализма», развязывающаго руки только хищникамъ и оставляющаго безъ должной защиты все коренное населеніе государства.

Плодомъ этого разумнаго поворота и было прекрасно мотивированное мнѣніе департамента законовъ Государственнаго Совѣта, отъ 5 декабря 1870 г., послужившее основнымъ базисомъ въ учрежденіи при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ особой правительственной комисіи для урегулированія еврейскаго вопроса съ его политической и религіозной стороны. Департаментъ законовъ, какъ извѣстно, по внимательномъ знакомствѣ съ этимъ вопросомъ, пришелъ къ правильному заключенію, что талмудизмъ представляетъ собою *не религію* въ общепринятомъ смыслѣ этого слова, а своеобразную *«религіозно-политическую касту»*, въ которой, на племенной почвѣ, слились воедино религіозныя и политическія начала, съ ясно опредѣленной цѣлью—создать для этой касты преобладающую роль между всѣми другими народами. Для достиженія этой цѣли, жидамъ весьма пригодилась тщательно охраняемая ими «обособленность» или, говоря другими словами, *кагальная сознность*, ненарушимо сохраняющаяся и понынѣ,—послѣ формальнаго уничтоженія кагала, — въ другихъ только видахъ и формахъ.

Вслѣдствіе этого, департаментъ законовъ,—своимъ, высо-

чайше утвержденнымъ, мнѣніемъ,—и предложилъ всѣмъ заинтересованнымъ въ еврейскомъ вопросѣ министерствамъ: «изыскать средства *къ возможному ослабленію общественной связи евреевъ*», т. е. къ уничтоженію той кагальной союзности, которая и создаетъ изъ нихъ «замкнутую религіозно-политическую касту»,—своего рода «государство въ государствѣ» [1]).

Итакъ, всѣ льготы, оказанныя въ теченіе многихъ лѣтъ мнимымъ «послѣдователямъ моисеева закона»,—сохранившимъ всецѣло одни лишь *фарисейскія* преданія,—само же правительство признало дарованными некстати, ибо онѣ не только не способствовали «ослабленію» кагальной союзности, но, напротивъ, подогрѣвали ее, давши евреямъ въ руки новое сильнѣйшее оружіе для борьбы съ законнымъ государствомъ и съ интересами народа...

II.

Уполномоченная правительствомъ собрать всѣ необходимые матеріалы для правильнаго рѣшенія еврейскаго вопроса и выработать необходимыя для того мѣры, комисія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, призвавъ въ свою среду делегатовъ отъ другихъ вѣдомствъ, а также запросивъ мнѣній намѣстника царства польскаго, генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ въ чертѣ еврейской осѣдлости, совершенно разъяснила этотъ темный вопросъ,—и плодомъ ея дѣятельности явились, между прочимъ, двѣ обстоятельныя записки В. В. Григорьева и В. Я. Фукса, напечатанныя, безъ всякихъ измѣненій офиціальнаго текста, въ №№ 9, 10 и 11 нашего журнала.

Первая изъ этихъ записокъ всесторонне разсматриваетъ уже возникавшее тогда гибельное предположеніе распустить евреевъ по всему лицу земли русской, а вторая, посвященная спеціальному разсмотрѣнію якобы-религіозной жизни евреевъ, приходитъ къ тому несомнѣнному выводу, что религіозной маской у евреевъ прикрываются *чисто-политическія стремленія*, зловредныя для государственнаго единства и для крѣпости національнаго организма. При чтеніи этихъ записокъ, а равно и нѣкоторыхъ другихъ, принадлежащихъ такимъ компетентнымъ лицамъ, какъ фельдмаршалъ Бергъ, генералъ-адъютантъ Дондуковъ-Корсаковъ, сенаторъ Соловьевъ, губернаторъ Громека и бывшій попечитель виленскаго учебнаго округа И. П. Корниловъ [2]), можно вполнѣ убѣдиться, что

[1]) Авторъ книги: «Государство въ государствѣ» имѣлъ возможность познакомиться съ подлиннымъ мнѣніемъ департамента законовъ, во время своихъ работъ въ архивѣ Государственнаго Совѣта.

[2]) Редакція «Наблюдателя» намѣрена воспользоваться и этими мнѣніями, чтобы устранить еврейскую хвастню, что на ихъ сторонѣ будто бы стоятъ всѣ «просвѣщенные» государственные люди.

издавна высказываемые «Наблюдателемъ» взгляды на еврейскій вопросъ не только не противорѣчатъ мнѣнію Государственнаго Совѣта, выраженному въ эпоху, наиболѣе благопріятную для удовлетворенія всѣхъ разумныхъ требованій евреевъ, но во многихъ частностяхъ лишь дополняютъ его новѣйшими данными.

Александру II-ому,—также какъ и Екатеринѣ II-ой,—по ближайшемъ ознакомленіи съ зловредною сущностью талмудизма, пришлось отказаться отъ шаблоннаго либерализма, выгоднаго только для угнетателей, прикидывающихся «угнетенными», и дать задній ходъ государственной машинѣ, уже направлявшейся къ той самой пропасти, въ которой погибла Рѣчь Посполитая, дозволившая талмудистамъ и ихъ собратіямъ vice versa—іезуитамъ—подточить весь государственный организмъ. Правительственная комисія 70-хъ годовъ, хотя и не рѣшила еврейскаго вопроса, но произнесла свое memento mori, а послѣдующее царствованіе Александра III уже отказалось отъ всякихъ дальнѣйшихъ льготъ враждебному талмудизму...

Но такъ какъ еврейскій вопросъ до сихъ поръ остался нерѣшеннымъ, благодаря «магическимъ тормозамъ» (по выраженію правительственной комисіи 70-хъ годовъ), мѣшавшимъ его правильной постановкѣ и окончательному рѣшенію, — то въ послѣднее время въ печать вновь проникли слухи о спеціальной комисіи, учрежденной ad hoc при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Подробныхъ и точныхъ извѣстій о дѣятельности этой комисіи мы не встрѣчали; личный составъ ея намъ тоже неизвѣстенъ; но, судя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, проскользнувшимъ въ провинціальныхъ и столичныхъ газетахъ, новая комисія намѣрена продолжать дѣло, начатое въ 70-хъ годахъ въ силу высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта. Такъ напр., недавно мы прочли въ «Судебной Газетѣ», что комисія проэктируетъ совершенно воспретить евреямъ доступъ въ министерство юстиціи и въ корпорацію присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ. Если слухъ вѣренъ, то комисія установитъ то правило, которое давно уже практикуется во многихъ нѣмецкихъ государствахъ, не смотря даже на признанную de jure еврейскую равноправность. Тѣмъ болѣе смысла имѣетъ это воспрещеніе въ Россіи, гдѣ евреи еще не пользуются по закону равноправіемъ. Правосудіе до такой степени несовмѣстимо съ талмудомъ, что закрытіе для евреевъ юридическихъ факультетовъ и министерства юстиціи только избавитъ страну отъ массы кляузниковъ, изощрившихся въ талмудической софистикѣ. Да и вообще притокъ евреевъ въ государственную службу признаётся опаснымъ явленіемъ во многихъ европейскихъ странахъ. Мало того: во Франціи поднимается вопросъ о лишеніи алжирскихъ жи-

довъ пресловутой «равноправности», которой они воспользовались только для ограбленія своихъ семитическихъ соплеменниковъ-арабовъ; а параллельно съ этимъ идетъ сильнѣйшее движеніе противъ ихъ захватовъ въ самой Франціи. Настрадавшаяся отъ жидовъ Галиція устраиваетъ потребительныя общества съ условіемъ ничего не брать въ еврейскихъ лавчонкахъ; изъ вѣнскаго городскаго совѣта изгнаны поголовно всѣ евреи и отнята субсидія у еврейскихъ библіотекъ; въ Венгріи поднимается горячій протестъ противъ безграничной жидовской эксплуатаціи. Даже въ Сѣверной Америкѣ, еще не вкусившей въ такой степени отъ благъ еврейскаго ига, правительство, узнавъ о намѣреніи румынскихъ жидовъ осчастливить своимъ переселеніемъ американскую территорію, и руками, и ногами отмахивается отъ этого счастія [1]). Въ Пруссіи министръ юстиціи Шенштедтъ, въ отвѣтъ на жалобы еврейскихъ депутатовъ, объявляетъ, что общество не довѣряетъ евреямъ въ судебныхъ и нотаріальныхъ дѣлахъ. А въ восточной части этой страны, насыщенной еврейскимъ нашествіемъ, народъ начинаетъ уже разрушать синагоги, видя въ нихъ не храмы для молитвъ, а скопища для незаконныхъ сдѣлокъ...

Новой комисіи приходится работать въ то время, когда лживыя жидовскія увѣренія уже перестали гипнотизировать европейскія правительства и когда всего возможнѣе, не боясь «страха іудейска», провести послѣдовательно правильную точку зрѣнія на талмудизмъ, на его государственную зловредность. При этомъ послѣдовательность требуетъ задѣлать и всѣ бреши, пробитыя на пользу жидамъ въ русскомъ законодательствѣ. Благодаря этой неполнотѣ и противорѣчивости законовъ, первый и даже кассаціонный департаменты сената то стѣсняютъ, то раздвигаютъ права евреевъ на жительство внѣ черты осѣдлости. Въ южныхъ губерніяхъ, напр., полиція не знаетъ, что дѣлать съ жидами, нарушающими ежедневно эту черту подъ разными благовидными и неблаговидными предлогами, и, уставъ провожать ихъ, какъ привилегированныхъ пассажировъ, на желѣзную дорогу, стала высылать этапнымъ порядкомъ, чтобы отбить охоту возвращаться немедленно назадъ. Но этотъ порядокъ осужденъ кассаціоннымъ сенатомъ, и теперь евреи, не боясь никакихъ препятствій, могутъ свободно кататься въ недозволенныя мѣста, закидывая все дальше и дальше свои эксплуататорскія сѣти...

III.

Давно уже говорятъ въ печати о проэктѣ новаго устава гражданской службы.

[1]) См. «Церковный Вѣстникъ», № 38.

По этому поводу работала цѣлая комиссія, состоявшая подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ Государственнаго Совѣта; и въ газетахъ стали уже появляться нѣкоторыя,—впрочемъ, довольно скудныя,—свѣдѣнія о содержаніи выработаннаго комиссіей проэкта. Такъ напр., прошелъ слухъ объ отмѣнѣ пресловутаго «третьяго пункта», по которому, безъ всякаго объясненія причинъ, а просто «для пользы службы», чиновникъ могъ быть уволенъ безъ прошенія своимъ главнымъ начальникомъ и остаться на весь вѣкъ съ «волчьимъ» паспортомъ. Пресса порадовалась этому полезному нововведенію, ограничивающему грубый произволъ «власть имущихъ» по отношенію къ мелкой чиновной сошкѣ. Но другой пунктъ предполагаемаго устава, также оглашенный въ печати, вызвалъ очень серьезныя и вѣскія возраженія. По этому пункту, всякія литературныя занятія (не исключая, значитъ, и ученыхъ трудовъ) формально запрещаются служащимъ людямъ, безъ разрѣшенія начальства.

Мы знаемъ, что въ нѣкоторыхъ офиціальныхъ вѣдомствахъ давно уже косились и косятся на чиновниковъ-литераторовъ, посвящающихъ свое внѣ-служебное время литературной работѣ; но такое огульное запрещеніе, оформленное законодательнымъ порядкомъ, притомъ даже не ограниченное никакимъ видомъ литературнаго труда, указываетъ на то, что въ офиціальныхъ сферахъ устанавливается недоброжелательный взглядъ на литературныя занятія, плохо оправдываемый и всѣмъ извѣстными историческими примѣрами, и недавнимъ учрежденіемъ, при академіи наукъ, особаго пенсіоннаго фонда для вспомоществованія заслуженнымъ труженикамъ пера.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы забыли о литераторахъ - министрахъ прежняго времени (Державинѣ и Дмитріевѣ), отлично совмѣщавшихъ съ офиціальною службою свои литературныя занятія, то достаточно вспомнить, что недавно скончавшійся государственный контролеръ Т. И. Филипповъ,—самъ литераторъ и журналистъ,—относился даже поощрительно къ серьезной литературной дѣятельности своихъ подчиненныхъ, только воздерживая ихъ (въ одномъ изъ своихъ циркуляровъ по государственному контролю) отъ скороспѣлыхъ журнальныхъ изобличеній, недостаточно провѣренныхъ самимъ изобличителемъ. Въ этомъ случаѣ онъ справедливо отличалъ строго обдуманный литературный и ученый трудъ отъ легкомысленныхъ газетныхъ замѣтокъ репортерскаго свойства.

Кромѣ Т. И. Филиппова, можно назвать и изъ числа живыхъ государственныхъ людей нѣсколько почтенныхъ именъ, пользующахся заслуженною литературною извѣстностью, отнюдь не помѣшавшею имъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, но, напротивъ, способствовавшей выясненію ихъ

взглядовъ на задачи официальной дѣятельности. Эти имена— К. П. Побѣдоносцевъ и Н. М. Муравьевъ. Между членами Государственнаго Совѣта мы встрѣчали и встрѣчаемъ донынѣ многихъ лицъ, не отрекшихся отъ своей связи съ литературою и наукою. Покойный М. И. Семевскій издавалъ все время «Русскую Старину», состоя на службѣ въ Государственной Канцеляріи. Въ одно время съ нимъ служилъ и работалъ въ архивѣ Государственнаго Совѣта редакторъ «Народной Школы» А. П. Пятковскій, и такое совмѣщеніе редакторскаго труда съ государственной службой не считали неудобнымъ ни тогдашній предсѣдатель Государственнаго Совѣта В. К. Константинъ Николаевичъ, ни бывшій государственный секретарь (нынѣ предсѣдатель департамента Государственной Экономіи) статсъ-секретарь Д. М. Сольскій. Только уже получивъ разрѣшеніе (при министрѣ внутреннихъ дѣлъ гр. Н. П. Игнатьевѣ) на изданіе «Наблюдателя», редакторъ его оставилъ свою официальную службу, находя и самъ, что она могла бы стѣснять независимость его публицистическихъ сужденій.

Но проэктируемый уставъ гражданской службы не устанавливаетъ даже никакихъ границъ между учено-литературною и чисто-публицистическою дѣятельностью, а эту границу необходимо провести, чтобы не лишить официальную службу полезныхъ, образованныхъ работниковъ. Не слѣдуетъ забывать, что серьезная литература и журналистика (конечно, не состоящія на иждивеніи у кагала) сослужили вѣрную службу русскому государству въ эпоху крестьянскаго освобожденія. Эту неоспоримую заслугу открыто признавали за нею такіе крупные государственные дѣятели, какъ князь А. М. Горчаковъ, баронъ М. А. Корфъ, Н. А. Милютинъ, В. А. Татариновъ, князь В. Ѳ. Одоевскій, баронъ А. П. Николаи, А. В. Головнинъ и многіе другіе сподвижники реформаціоннаго періода. Такого рода дѣятели всегда относились къ серьезной и честной литературѣ съ величайшимъ почтеніемъ, нерѣдко принимали въ ней непосредственное участіе (одно время Н. А. Милютинъ, гонимый своими клеветниками, даже подумывалъ перейти и самъ въ ряды нашей журналистики) и, конечно, ни въ какомъ случаѣ не пожелали бы сживать ее со свѣту тѣмъ или другимъ путемъ. «*Честная литература*, — говорилъ князь Одоевскій устами одного изъ выведенныхъ имъ лицъ—*точно брандвахта*, *авангостная служба* среди общественнаго коварства... Она смотритъ въ подзорную трубу; она говоритъ: «остерегайтесь! *здѣсь корсары; не вырите флагу*» [1]).

Большое счастье для насъ, что въ пору освобожденія крестьянъ эта честная «литературная брандвахта» самоотвер-

[1]) См. «Кн. В Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ», изд. 3, стр. 29.

женно исполняла свой государственный и общественный долгъ, неутомимо ловя «корсаровъ», прикрывавшихся, для удержанія своего живаго товара, всяческими фальшивыми флагами, начиная отъ «неприкосновенности частной собственности» и кончая политическимъ «либерализмомъ» и «парламентаризмомъ». И, дѣйствительно, еслибы фантазіи крѣпостниковъ сбылись и вопросу объ освобожденіи крестьянъ,—да притомъ еще съ землею,—пришлось бы въ то время проходить чрезъ «парламентское большинство»,—то они остались бы еще долгое время неосвобожденными окончательно, или очутились бы «вольными батраками» на земляхъ своихъ бывшихъ владѣльцевъ. Извѣстно, по крайней мѣрѣ, что этотъ вопросъ рѣшенъ утвердительно не большинствомъ, а *меньшинствомъ* Государственнаго Совѣта, мнѣніе котораго раздѣлялъ и Царь-Освободитель.

Очевидно, что такого рода честная, независимая литература—періодическая и неперіодическая—можетъ только приносить пользу самому правительству въ его наилучшихъ стремленіяхъ къ народному благу.

Бояться слѣдуетъ *не этой литературы*, твердо стоящей на почвѣ служенія своему народу и государству, а ея *грубой поддѣлки*, въ которой,—по завѣту своего вожака Мозе Монтефіоре,—уже полвѣка упражняется кагальное царство, мечтающее этимъ способомъ повергнуть «подъ ногъ» израилю всѣ гоимскіе народы и государства. Противъ этой *чумы* слѣдуетъ бороться еще энергичнѣе, чѣмъ боролся гр. Лорисъ-Меликовъ противъ ея ветлянской соименницы. Къ услугамъ и къ размноженію этихъ чумныхъ бациллъ служитъ многомилліонный рептильный фондъ «Всемірнаго израильскаго союза», среди бѣла дня морочащаго міръ и подсовывающаго ему, вмѣсто дѣйствительнаго прогресса и христіанской гуманности, замаскированное канибальство и жесточайшій деспотизмъ «Золотаго тельца».

Недаромъ же по всей Европѣ бурей разносится такъ называемое «антисемитическое движеніе», которое направлено въ сущности не противъ той или другой *расы*, не противъ *религіи*, какъ религіи, а противъ безобразнаго спутыванія въ одинъ клубокъ алчныхъ инстинктовъ, возведенныхъ на степень религіознаго культа, племенной «маніи величія» и нравственной одичалости, претендующей вернуть насъ къ допотопнымъ временамъ.

Бороться съ такою гидрою, дѣйствительно, слѣдуетъ, и борьба эта все больше и больше разгорается во Франціи. Но мы опасаемся, что, вслѣдствіе часто повторявшихся у насъ недоразумѣній,—репрессіи и «выметанію» можетъ подвергнуться именно національно-прогрессивная литература, а кагальныя рептиліи пристроются... du côté du manche.

Князь Тенерифскій.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 ГОДЪ

(33-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

на еженедѣльный иллюстрированный журналъ со многими приложеніями

„НИВА“.

Гг. подписчики «НИВЫ» получатъ въ теченіе 1902 года:

52 №№ художественно-литературнаго журнала «НИВА», заключающаго въ себѣ въ теченіе года около 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ и рисунковъ.

ПЕРВЫЕ 12 ТОМОВЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ.

Н. С. ЛѢСКОВА,

отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ, съ **портретомъ и біографическимъ очеркомъ**, составленнымъ Р. И. Сементковскимъ. Остальные томы сочиненій **Н. С. ЛѢСКОВА**, значительно дополненныхъ произведеніями, не вошедшими въ прежнія изданія или еще вовсе не напечатанными, подписчики получатъ въ 1903 году. Въ первые 12 томовъ войдутъ романы: Соборяне. — Обойденные. — Островитяне. — Некуда. Разсказы: Запечатлѣнный ангелъ.—Одиноумъ.—Кадетскій монастырь. –Русскій демократъ въ Польшѣ.—Инженеры-безсребренники.—Косой лѣвша.—Очарованный странникъ.—Шерамуръ.— На краю свѣта и много другихъ.

12 ТОМОВЪ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

В. А. ЖУКОВСКАГО,

расширеннаго формата, въ 2 столбца, отпечатанныхъ четкимъ шрифтомъ на хорошей бумагѣ, съ **портретомъ и біографическимъ очеркомъ** поэта. Въ эти 12 томовъ,—которые будутъ изданы подъ редакціею знатока *Жуковскаго*, профессора **А. С. АРХАНГЕЛЬСКАГО**,—войдутъ лирическія стихотворенія, баллады, повѣсти въ стихахъ, сказки, посланія, мелкія стихотворенія, прозаическія произведенія, дневникъ и письма: Людмила. — Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ.—Овсяный кисель.—Шильонскій узникъ.—Поликратовъ перстень.—Кубокъ.—Спящая царевна.—Война мышей и лягушекъ.—Сказка о царѣ Берендеѣ.—Ночной смотръ. — Сельское кладбище. — Орлеанская дѣва. — Ундина.—Наль и Дамаянти.—Рустемъ и Зорабъ.—Одиссея и мн. друг., равно какъ и цѣлый **рядъ еще неизданныхъ** поэтическихъ произведеній знаменитаго писателя.

12 КНИГЪ **„ЕЖЕМѢСЯЧНЫХЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ПРИЛОЖЕНІЙ“**, содержащихъ романы, повѣсти, разсказы, популярно-научныя и критическія статьи и проч. современныхъ авторовъ.

12 №№ **„Парижскихъ модъ“**, выходящихъ ежемѣсячно и содержащихъ до 300 модныхъ гравюръ по фасонамъ лучшихъ мастеровъ.

12 ЛИСТОВЪ рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ (около 300) и до 300 чертежей выкроекъ въ натуральную величину, выходящихъ ежемѣсячно.

„Стѣнной календарь“ на 1902 г., печатанный красками.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на годовое изданіе со всѣми приложеніями: Безъ доставки: 1) въ С.-Петербургѣ—**5 р. 50 к.**; 2) въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Н. Печковской (Петровскія линіи)—**6 р. 25 к.** 3) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. «Обрзованіе» (Ришельевская, № 12)—**6 р. 50 к.** Съ доставкой въ С.-Петербургѣ—**6 р. 50 к.** Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи **7 р.** За ГРАНИЦУ—**10 р.**

Требованія просятъ адресовать: въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала «НИВА» (А. Ф. МАРКСУ), Малая Морская, д. № 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1909 г. НА

„СУДЕБНУЮ ГАЗЕТУ“

еженедѣльная газета, безъ предварительной цензуры,

съ безплатнымъ приложеніемъ Сборника рѣшеній Уголовнаго и Гражданскаго Кассаціонныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Правительствующаго Сената.

ПРОГРАММА: 1) РУКОВОДЯЩІЯ СТАТЬИ: обсужденіе правит. узаконеній и распоряженій по вопросамъ, касающимся всѣхъ областей права, судопроизводства, судоустройства и тюрьмовѣдѣнія; разсмотрѣніе кассаціонныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената и пр.

2) ВНУТРЕННЯЯ ХРОНИКА: новыя узаконенія и распоряженія правительства, касающіяся всѣхъ областей права, судопроизводства, судоустройства и тюрьмовѣдѣнія; движеніе по государственной и общественной службѣ лицъ, принадлежащихъ къ судебному сословію; кассаціонныя рѣшенія Правительствующаго Сената, отчеты судебныхъ засѣданій, корреспонденціи изъ Россіи.

3) ИНОСТРАННАЯ ХРОНИКА: обзоръ текущихъ иностранныхъ законодательствъ, новости изъ юридическаго міра, выдающіеся процессы.

4) БИБЛІОГРАФІЯ: разборъ русскихъ и иностранныхъ юридическихъ книгъ и статей періодическихъ изданій.

5) ФЕЛЬЕТОНЪ: Замѣчательныя рѣчи юридическаго содержанія; біографіи выдающихся дѣятелей на юридическомъ поприщѣ.

6) СПРАВОЧНЫЙ ЛИСТОКЪ: бюллетени судебныхъ мѣстъ, засѣданія ученыхъ обществъ и т. д.

7) ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ: отвѣты редакціи научнаго характера по всѣмъ вопросамъ судопроизводства и судоустройства и тюрьмовѣдѣнія, отвѣты по вопросамъ, касающимся лично редакціи.

8) ЮРИДИЧЕСКАЯ АРЕНА: здѣсь будутъ печататься вопросы и отвѣты на оные со стороны читающей публики.

«Судебная газета» будетъ, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, давать на своихъ страницахъ критическое обсужденіе законовъ, какъ дѣйствующихъ уже, такъ и вновь публикуемыхъ, причемъ для болѣе яркаго освѣщенія достоинствъ и недостатковъ отечественнаго права—матеріальнаго и процессуальнаго—будетъ держаться сравнительнаго метода изложенія, приводя постановленія передовыхъ иностранныхъ законодательствъ.

ПРОСИМЪ ОБРАТИТЬ ОСОБЕННОЕ ВНИМАНІЕ НА СЛѢДУЮЩЕЕ:

Въ каждомъ № «Судебной газеты» подписчики получаютъ за недѣлю раньше списокъ всѣхъ дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію по всѣмъ Департаментамъ Правительствующаго Сената и Общаго Собранія и, тотчасъ по опубликованіи, всѣ свѣдѣнія объ уничтоженіи довѣренностей, объ узаконеніяхъ и о лицахъ, признанныхъ со стороны судовъ по всей Россіи несостоятельными и о подъопечныхъ лицахъ, циркуляры Министр. Юстиціи и Министр. Внутр. Дѣлъ, воспослѣдовавшіе по соглашенію съ Министр. Юстиціи,—то есть пользуются такимъ матеріаломъ, который, въ отдѣльности взятый, стоитъ въ 3—4 раза дороже самаго изданія «Судебной газеты».

СООБЩЕНІЕ СПРАВОКЪ о резолюціяхъ Кассаціонныхъ и всѣхъ другихъ Департ. Сената производится безплатно въ почтовомъ ящикѣ редакціи только для годовыхъ подписчиковъ, уплатившихъ при подпискѣ всю сумму сполна, при томъ не болѣе 3—4 раза въ годъ.

ПОДПИСЧИКАМЪ ВЪ РАЗСРОЧКУ И НА СРОКИ справки сообщаются на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЖЕЛАЮЩІЕ получить справку по почтѣ, не дожидаясь выхода газеты, прилагаютъ 2 руб. за каждую справку по каждому отдѣльному дѣлу, а желающіе получить ее по телеграфу прилагаютъ еще стоимость телеграммы.

ЮРИДИЧЕСКАЯ КОНСУЛЬТАЦІЯ: разрѣшеніе юридическихъ вопросовъ, сообщеніе совѣтовъ, указаній и т. п. производится или въ отдѣлѣ «Отвѣты редакціи» или письменно по почтѣ, въ обоихъ случаяхъ на условіяхъ особаго соглашенія съ редакціею.

ЦѢНА: на годъ 7 р., за границу 10 р. въ годъ.

За границу подписка въ разсрочку не принимается. Разсрочка въ платежѣ годовой подписной платы допускается на слѣдующихъ условіяхъ: при подпискѣ вносится 4 рубля, а остальные 3 рубля не позже 1-го мая. При просрочкѣ втораго взноса, высылка газеты съ 1-го мая прекращается.

Редакторъ-издатель Ф. В. де-Веки.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ главной конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Надеждинская улица, № 25 и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

VI годъ изданія.

„ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

(политическая, научная, литературная и торгово-промышленная газета)

ВЫХОДЯЩАЯ въ ОДЕССѢ

ВЪ ФОРМАТѢ БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВЪ ТЕКСТѢ

(рисунки событій дня, портреты общественныхъ дѣятелей, художниковъ, виды мѣстностей и т. п.).

За пять лѣтъ существованія «Южное Обозрѣніе» вполнѣ выяснило свою идейную программу и заняло опредѣленное мѣсто въ ряду русскихъ газетъ.

Ставя на первомъ планѣ интересы трудящихся классовъ, мы всегда признавали, что всѣ отдѣльныя племенныя и національныя группы, живущія въ Россіи, являются вполнѣ равноправными членами одной великой культурной семьи.

По возможности въ каждомъ № «Южнаго Обозрѣнія» помѣщается беллетристическое произведеніе (разсказъ, повѣсть, романъ) русскихъ или иностранныхъ авторовъ.

Подписная цѣна на газету „ЮЖНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“.

Въ Одессѣ съ дост. на домъ на годъ 6 р.			На города (съ пер.) на годъ 8 р.		
6 Р.	» » 6 мѣс. 3 р. 50 к.		» »	» 6 мѣс. 4 р.	8 Р.
	» » 3 » 1 » 80 »		» »	» 3 » 2 »	
	» » 1 » — » 60 »		» »	» 1 » 1 »	

Допускается разсрочка платежа.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Одессѣ, въ главной конторѣ газеты «Южное Обозрѣніе», при типографіи Исаковичъ и Бейленсонъ, Гаванная ул., соб. домъ.

Редакторъ *Н. П. Цакни.*

Издатель *І. М. Бейленсонъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1902 годъ на ДУХОВНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СТРАННИКЪ“

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

„ОБЩЕДОСТУПНОЙ БОГОСЛОВСКОЙ БИБЛІОТЕКИ“

и новой серіи богословско-апологетическихъ трактатовъ.

Духовный журналъ «Странникъ» будетъ издаваться въ 1902 году по прежней широкой программѣ, обнимающей весь кругъ движеній богословско-философской мысли и церковно-общественной жизни, интересамъ которой онъ неослабно служитъ въ теченіе болѣе сорока лѣтъ.

1) При редакціи духовнаго журнала «Странникъ» издается «Общедоступная Богословская Библіотека» въ качествѣ безплатнаго приложенія. 2) Въ нее входятъ лучшія и капитальнѣйшія произведенія русской и иностранной богословской литературы по всѣмъ отраслямъ богословскаго знанія. 3) Ежегодно издается по два тома отъ 40 до 45 и болѣе печатныхъ листовъ въ томѣ, — всего около 1,500 страницъ убористаго, но четкаго шрифта, такъ что подписчики нашего журнала, ежегодно получая по два тома лучшихъ произведеній русской и иностранной богословской литературы, безъ обремененія себя пріобрѣтутъ цѣлую библіотеку этихъ произведеній.

Въ теченіе первыхъ четырехъ лѣтъ выхода «Общедоступной Богословской Библіотеки», подписчиками получены слѣдующія цѣнныя изданія: а) «Православное Собесѣдовательное Богословіе» придворнаго протоіерея *І. В. Толмачева*. б) «Исторія Христіанской Церкви въ XIX вѣкѣ», въ двухъ томахъ (Православный востокъ и иносл. западъ) съ иллюстраціями. в) «Православная Богословская Энциклопедія» или Богословскій энциклопедическій словарь. Въ 1902 г. подписчики журнала получатъ 3-й и 4-й томы «Православной Богословской Энциклопедіи» (на буквы В, Г, Д и Е), за которыми въ свое время не замедлятъ послѣдовать и другіе.

Кромѣ того съ 1902 г. редакція приступаетъ къ новой серіи богословско-апологетическихъ трактатовъ подъ общимъ заглавіемъ: «Христіанство, Наука и Невѣріе», имѣющихъ своею цѣлью защиту христіанства противъ новѣйшаго невѣрія во всѣхъ его видахъ. Ежегодно будетъ издаваться по одному выпуску въ 10—12 печ. листовъ (около 200 страницъ) въ каждомъ. Въ 1902 г. будетъ данъ крит. разборъ извѣстныхъ лекцій *А. Гарнака* «Сущность Христіанства». Журналъ по прежнему будетъ выходить ежемѣсячно книжками въ 10 — 12 и болѣе печатныхъ листовъ (до 200 стр. въ книжкѣ).

Цѣна: а) въ Россіи за журналъ «СТРАННИКЪ» съ приложеніемъ двухъ томовъ «Общедоступной Богословской Библіотеки» и одного вып. богословско-апологетическихъ трактатовъ восемь (8) рублей съ пересылкой и доставкой, б) *за границей*: 11 рублей съ пересылкой.

Примѣчаніе: а) Въ отдѣльной продажѣ для неподписчиковъ цѣна «Общ. Богосл. Библіотеки» 2 р. 50 к. за томъ, а съ перес. 3 р. б) Желающіе имѣть выпуски «Библіотеки» въ изящномъ англійскомъ переплетѣ благоволятъ прилагать по 50 к. за выпускъ. в) *Новые подписчики*, желающіе получить уже вышедшіе восемь выпусковъ «Библіотеки» (четыре тома «Православнаго Собесѣдовательнаго Богословія», два тома «Исторіи Христіанской Церкви» и два тома «Православной Богословской Энциклопедіи»), при выпискѣ всѣхъ прилагаютъ по 1 р. за томъ, а при выпискѣ на выборъ—по 1 р. 50 к. г) Въ виду связанныхъ съ изданіемъ приложеній большихъ расходовъ, редакція вынуждена печатать ихъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, и поэтому подписчикамъ на льготныхъ условіяхъ будетъ выдавать только по 1 экземпляру. За второй и слѣдующій экземпляры подписчики платятъ по 2 р. 50 коп. за экземпляръ безъ пересылки и 3 р. съ пересылкой, въ англійскомъ переплетѣ—3 р. 50 к. съ пересылкой.

Адресоваться: Въ редакцію журнала «СТРАННИКЪ» *С.-Петербургъ, Невскій пр. д. № 182.* Городскіе СПБ. подписчики благоволятъ обращаться въ контору редакціи—Телѣжная ул., д. № 5.

За редактора, издатель проф. *А. Лопухинъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1902 Г.

(Подписной годъ считается съ 1 ноября 1901 г. по 1 ноября 1902 г.).

ГОДЪ ИЗДАНІЯ XVII-й.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ, БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ, ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

Журналъ практическаго сельскаго хозяйства и домоводства, съ рисунками и чертежами.

Подъ редакціей Члена Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества Ф. С. ГРУЗДЕВА.

Журн. «СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ» выход. еженедѣльно по пятницамъ и издается при ближайшемъ участіи выдающихся научныхъ дѣятелей и извѣстныхъ спеціалистовъ и практиковъ по различнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства, по слѣдующей программѣ:

Правительственныя распоряженія. Сельско-хозяйственная экономія. Полеводство и луговодство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ и охота. Сельско-хозяйственная технологія, архитектура и механика. Корреспонденціи. Внутренняя и иностранная хроника. Вопросы и отвѣты. Библіографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезные адресы. Объявленія.

Поставивъ главною цѣлью распространять полезныя свѣдѣнія по сельскому хозяйству, пригодныя для хозяевъ-практиковъ, редакція «Сельскаго Хозяина» обращаетъ особое вниманіе на отдѣлъ «вопросовъ и отвѣтовъ», дающій нашимъ г.г. подписчикамъ возможность не только удовлетворять своей любознательности и получать обстоятельныя свѣдѣнія по интересующимъ ихъ вопросамъ, но и разрѣшать всякія недоразумѣнія между хозяевами и торговыми фирмами. Практичность и удобопримѣнимость помѣщаемыхъ въ «Сельскомъ Хозяинѣ» статей будетъ, по прежнему, стоять у насъ на первомъ планѣ.

Всѣ подписчики получатъ въ теченіе года БЕЗПЛАТНО, безъ всякой доплаты за пересылку, слѣдующія приложенія:

Два тома Сельско-Хозяйств. Энциклоп.: Уставъ сельскаго хозяйства и положеніе о наймѣ на сельскія работы. Законы и судебная практ. о сельск. хозяйствѣ. Практич. руковод. Сост. Н. Растеряевъ. Уборка и сохраненіе кормовыхъ средствъ. — Д-ра К. Бемера. Перев. съ нѣм., подъ редакціей и съ дополненіями проф. И. О. Широкихъ. (Книга заключаетъ въ себѣ описаніе способовъ уборки, приготовленія, сохраненія и оцѣнки различныхъ видовъ сѣна, приготовленія и употребленія силосованнаго корма, уборки и сохраненія корнеплодовъ). Трудъ д-ра Бемера въ обработкѣ проф. Широкихъ является первой попыткой—собрать въ одной книгѣ все, что было сказано наукой или практикой по данному предмету.

Календарь-Альманахъ (справочная книжка для сельскихъ хозяевъ на 1902 г.).

Архитектурные проекты городскихъ и сельско-хозяйственныхъ построекъ.

Различн. сельско-хозяйственныя статьи.

Въ журналѣ «Сельскій Хозяинъ», кромѣ чертеж. и рис. разн. машинъ, растеній и пр., будутъ помѣщ. рис. домашнихъ животныхъ съ поясним. текст.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: { **5** руб. на годъ безъ дост. въ Спб. **6** руб. съ дост. въ Спб. и пер. по всей Рос. Имп. **3** руб. **50** к. на полгода.

За печатаніе объявленій взим. за строку мелк. шрифта въ одинъ столб. 10 к.

Экземпляры журнала «Сельскій Хозяинъ» за прежніе годы продаются по 5 р.

Подписка принимается въ Главн. Конторѣ Редакціи журн. «СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ»:

С.-Петербургъ, Стремянная, № 12, собств. домъ. Издатель П. П. Сойкинъ.

СОДЕРЖАНІЕ № 11-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА.

«НАБЛЮДАТЕЛЬ».

Стран.

I. Во что бы то ни стало. (Романъ въ 2-хъ частяхъ). С. Орлицкаго. (*Оконч.*) 11

II. Изъ старой тетрадки. Стихотвореніе А. В. Круглова . . 39

III. Идеи XIX вѣка о французской революціи. Н. Н. Овсянникова. 40

IV. Зимній день. Стихотвореніе Л. Н. Афанасьева 51

V. Милосердіе. Романъ Переца Гальдоса. (Съ испанскаго). (*Оконч.*). 52

VI. На воздушномъ шарѣ. Стихотвореніе А. Мейснера. . . 108

VII. По вопросу объ отношеніи правительства къ внѣшнимъ проявленіямъ религіозной жизни евреевъ. Докладъ члена комиссіи по устройству быта евреевъ, 1872 года, дѣйст. стат. совѣтника В. Я. Фукса. (*Оконч.*). 109

VIII. Встрѣча. Стихотвореніе А. Радченки. 148

IX. Роковая ошибка. Н. Языкова 149

X. Провинціальная жизнь. Х 189

XI. Подъ осеннею мглой. Стихотвореніе Н. Хлыстова. . . . 218

XII. Сахарная промышленность и сахаро-заводческая кабала. Д. П. Райскаго. 219

XIII. Польскій магнатъ XVIII столѣтія. К. 244

XIV. Выдающійся талантъ. (Критическій очеркъ). А. П. Плетнева. 259

XV. Эдуардъ Дрюмонъ. (*Съ портретомъ*) 270

XVI. Сильна, какъ смерть. Романъ Гюи де-Мопассана . . 276

Современное Обозрѣніе.

XVII. Политическая хроника 1

XVIII. Новыя книги. 17

XIX. Отголоски. (Корреспонденція «Наблюдателя»): 1) Голосъ изъ провинціи. 2) Къ вопросу объ инспекторахъ еврейскихъ училищъ 25

XX. Наши внутреннія дѣла 46

XXI. Фонографъ. (Фельетонъ «Наблюдателя»): 1) По бѣлу свѣту. (Замѣтки и наблюденія). Князя Тенерифскаго . . . 63

XXII. Объявленія. . . . . 1—5